

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2U 716.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

*Вид
1882
1-2*

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. Фургоицкѣ. (Разсказъ). Н. Наумова.	1
II. Въ семейномъ кругу. (Разсказъ Гюэ-де-Мопассана).	28
III. Сидоръ Кузнецовъ. (Портретъ). А. П. Фрон—на.	56
IV. Записки Южнорусскаго-крестьянина. А. Г.	64
V. Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка. В. И. Семеновскаго	90
VI. Въ степи. Федосѣевца.	133
VII. Чужакъ. (Повѣсть). К. Баранцевича.	164
VIII. Современному поэту. (Стихотвореніе) Н. Курочкина.	
IX. * (Стихотвореніе). Н. Бобылева.	
XI. Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи. Ю. Я—ча.	1
XII. Графъ Киселевъ. Н. Морозова.	39
XIII. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. Алкаandroва.	76
XIV. Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ. С.	
XV. Библиографія.	
XVI. Внутреннее обозрѣніе.	

*737
124.11
617*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТЕПОГРАФИЯ С. Давродева, ТРОИЦКІЙ ВЕР., Д. № 32

1882

PSlav 716.5 $\left(\frac{1882}{1-2}\right)$

MRHP

Ф У Р Г О Н Ц И К Ъ .

(Рассказъ).

Въ глубокую осень 186... года я ѣхалъ, или, вѣрнѣе, тащился на перекладныхъ въ городъ К—ъ, съ отрадной мыслью отдохнуть недѣлю-двѣ отъ непрерывныхъ разъѣздовъ по деревнямъ, по проселочнымъ дорогамъ, причпнявшимъ, особенно осенью, невыносимое мученье; до города оставалось уже менѣе тридцати верстъ, когда я получилъ извѣстiе объ убiйствѣ, случившемся въ деревнѣ Ур—ѣ. Волей-неволей пришлось протнться съ мечтой объ отдыхѣ, поворотить назадъ и ѣхать почти безостановочно двѣсти верстъ по такимъ путямъ, воспоминанiе о которыхъ и теперь еще нерѣдко вызываетъ во мнѣ дрожь. Въ глухой деревнюшкѣ, имѣвшей не болѣе пятнадцати дворовъ и заселенной на половину инородцами, я долженъ былъ выжить болѣе недѣли, не имѣя ни чаю, ни сахару, ни табаку, а, главное, писчей бумаги, запасъ которой уже истощился у меня, вслѣдствiе чего остановилось и производство слѣдствiя; послать-же за бумагой въ ближайшую волость нарочнаго было невозможно, такъ какъ рѣчки сплошь были покрыты массами льда, а наступившая оттепель не обѣщала скорого рѣкостава. Такъ шель день за днемъ. Горевалъ и я отъ бесполезной траты времени и скуки, горевали и крестьяне, желавшiе поскорѣе отдѣлаться отъ слѣдствiя, которое, по всѣмъ даннымъ, обѣщало разростись въ объемистое дѣло.

Какъ теперь помню, однажды вечеромъ я сидѣлъ въ отве-

денной мнѣ избѣ у окошка, тоскливо поглядывая на поля, засыпанные снѣгомъ и на чахлый обнаженный кустарникъ, тянувшійся неправильными линиями въ даль, подернутую густою синевой наступивших сумерекъ; въ воздухѣ порошилъ снѣжекъ, лѣниво волнуясь и падая на землю; въ деревенькѣ все было тихо, точно въ ней замерла всякая жизнь, и только однообразное карканье вороны, сидѣвшей гдѣ-нибудь на плетнѣ и собиравшейся отлетѣть на ночлегъ, нарушало навѣвающую уныніе тишину, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ избу вошелъ хозяинъ, пожилой, коренастый человекъ, на серьезномъ лицѣ котораго просвѣчивало теперь что-то въ родѣ улыбки, и объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ фургонщикъ.

— Какой фургонщикъ? съ удивленіемъ спросилъ я...

— Фургонщикъ! повторилъ онъ. Вотъ што съ товаромъ ѣздитъ: у него все, слышь, есть. Ты вотъ о бумагѣ скучашь, штоль...

— Да... да...

— И бумага есть у него, сколь хошь этой бумаги найдешь у него. Чего хошь, все есть. Позвать штоль, спросилъ онъ...

— Зови, зови! отвѣтилъ я, обрадованный этимъ извѣстіемъ, на которое въ другое время не обратилъ-бы вѣроятно вниманія. Мелочной торговецъ, разѣзжающій по деревнямъ съ своими грошовыми товарами, или „фургонщикъ“, какъ называлъ его хозяинъ отведенной мнѣ квартиры, являлся теперь для меня избавителемъ, существомъ, посланнымъ свыше. Дѣйствительно, положеніе мое было болѣе, чѣмъ печальное. За неимѣніемъ бумаги, я долженъ былъ сидѣть, сложа руки, и держать подъ арестомъ людей, на которыхъ падало подозрѣніе въ убійствѣ. Лица, призванные въ качествѣ свидѣтелей, которымъ, можетъ быть, необходимо было уѣхать куда-нибудь по дѣламъ, волей-неволей должны были отложить всякія занятія въ ожиданіи допроса. А вдругъ эта оттепель, отрѣзавшая насъ отъ всего остальнаго міра, продлится съ мѣсяць, невольно задавалъ я себѣ вопросъ. И это цѣлый мѣсяць я долженъ буду жить въ глуши, безъ всякаго дѣла, немиѣя подъ рукою никакой книги, и, главное, томить лю-

дей можетъ быть ни въ чемъ неповинныхъ. Да, фургонщикъ являлся для меня неоцѣненнымъ человѣкомъ, и я благославлялъ судьбу, занесшую его въ эту глухую деревеньку.

Не прошло и десяти минутъ, какъ хозяинъ ввелъ ко мнѣ въ комнату человѣка лѣтъ тридцати пяти на видъ, высокаго роста, съ красивыми и симпатичными чертами лица, одѣтаго въ татарскій бешметъ чернаго тонкаго сукна, подбитый и опушенный бѣлою мерлушкой, въ высокихъ смазныхъ сапогахъ, сверхъ которыхъ надѣты были глубокія резиновые галоши. Помолвившись на иконы, онъ вѣжливо раскланялся со мной и спросилъ: желаете что купить?

— Писчая бумага есть у васъ? спросилъ я, прервавъ его.

— Имѣется всякихъ даже сортовъ, отвѣтилъ онъ, — сопровождая по привычкѣ, усвоенной прикащиками, каждое свое слово легкимъ наклоненіемъ головы.

— А чай и сахаръ?

— Чаемъ, признаться, не торгуемъ-сь для себя—то, въ разѣздахъ, конечно, имѣемъ, и, въ случаѣ надобности, полфунтика можемъ пожертвовать и сахаромъ снабдить, — конечно, по малости, ужъ извините... отвѣтилъ онъ, кланяясь.

— А табакъ есть у васъ?

— Самолучшій, можно сказать, вакштафъ держимъ.

— Такъ сдѣлайте одолженіе—принесите мнѣ теперь же бумаги, табаку и, если будете такъ добры, чаю и сахару.

— Слушаю-сь, съ великимъ даже удовольствіемъ доставимъ-сь, отвѣтилъ онъ, кланяясь. А можетъ, еще чего не желаете-ли купить, спросилъ онъ.

— Больше-то мнѣ ничего не нужно.

— Чернилъ, можетъ, не потребуется-ли, превосходѣйшія есть: ализаринъ, перья и сургучъ, карандаши, резина, буде позволите взять, ножи перочинные завьяловскіе перваго качества, худыхъ не продадимъ-сь.

— Ну, хорошо, принесите, посмотрю, отвѣтилъ я.

— Сейчасъ доставимъ-сь, полотна имѣемъ голландскія, фуфайки, можетъ, не требуются-ли, перчатки пуховыя-сь.

— Не нужно, вы бумаги-то несите поскорѣе.

— Сейчас доставимъ-сь, слушаю-сь; товары у насъ господскіе, сударь, перваго качества, теперича муштучки-сь для папирось янтарные-сь, запанки перламутовыя, сапоги, буде надобность имѣете, хорошіе сапоги.

— Не нужно, не нужно!

— Мы ихъ изъ аршавскихъ магазиновъ имѣемъ-сь, цѣпочки золотыя-сь, буде и часы желаете...

— Несите мнѣ бумаги-то, чаю и табаку, снова попросить я.

— Слушаю-сь, доставимъ-сь. Табакъ у насъ господскій, будете довольны-сь, и ежели бы теперича полотна пожелали пли тулковъ шерстяныхъ, или чего касается какой надобности...

— Не нужно мнѣ больше, ничего любезнѣйшій. Слышите?

— Слышимъ-сь... Покорнѣйше благодаримъ, ежели бы потребовались, то мы бы для васъ первѣйшихъ сортовъ могли отпустить. Сколько господъ у насъ берутъ по городамъ товару и очень даже похваляютъ, а ужъ для вашей милости мы бы супротивъ другихъ очень уважили. Теперича если взять шапки, то мы-бы вамъ крымскихъ барашковъ могли шапку доставить, какъ пухъ шерсть-то на ней. Прикажите-сь.

— Я ужъ сказалъ вамъ, что мнѣ больше ничего не нужно, снова повторилъ я.

— Слушаю-сь, доставимъ-сь, будьте въ эфтомъ спокойны-сь. Такъ привести прикажете.

— Да, да, вѣдь я-же объ этомъ и прошу васъ.

— Слушаю-сь! Покорнѣйше благодаримъ-сь. Сею даже минуту доставимъ, произнесъ онъ и, поклонившись, вышелъ въ дверь, но затѣмъ снова пріотворилъ ее и, не входя въ комнату, спросилъ: а то, сударь, у меня есть халатикъ бѣличій—мнѣ-то онъ признаться по случаю попалъ,—господская вещь, и вашей милости теперича-бы даже въ самую пору, не пожелаете-ли-сь? За цѣной я бы не постоялъ-сь.

— Несите, пожалуйста, бумаги и чаю, что просилъ я; болѣе мнѣ ничего не нужно, отвѣтилъ я, начиная терять терпѣніе и

неволью припомяная при этомъ сцену съ халатами изъ повѣсти „Тараптась“ графа Соллогуба.

— Какъ угодно-сь, а что касается бумаги, сейчасъ же доставимъ! отвѣтилъ онъ, запирая дверь.

— Отъ него, братъ, не скоро отвяжешься, произнесъ хозяинъ, все время нашего разговора стоявшій молча. Ужь такъ и говоришь ему нво время: отвяжись, мошь, ты, нечпстая сила, не надоть, мошь, миѣ ничего, уходи, нѣ-ѣ-ѣтъ, наскажеть тебѣ это съ три короба и купишь, и не надоть бы вотъ тебѣ, совсѣмъ не надоть, вещь-то хотъ брось, а купишь... о-охъ ты, ѣшь тебя песь, закончилъ онъ, выходя въ слѣдъ почти за нимъ за дверь.

Черезъ полчаса, фургонщикъ снова явился ко мнѣ, и слѣдомъ за нимъ въ пѣзу вошелъ молодой парень лѣтъ шестнадцати, неся на спинѣ огромный ящикъ. Опустившись на колѣна, парень осторожно спустилъ ящикъ съ плечь на лавку и вздохнувъ всей грудью, снялъ шапку съ головы и, вынувъ изъ нея клѣтчатый платокъ, отеръ имъ вспотѣвшіе лобъ и лицо. Молча развязавъ ремни ящика, фургонщикъ открылъ крышку, и глазамъ моимъ представился самый разнообразный складъ товаровъ. Тутъ было нѣсколько стопъ писчей бумаги и коробки со стальными перьями, и сургучъ, и завьяловскіе ножи, и двѣ пары сапогъ, выписанныхъ изъ аршавскихъ магазиновъ, принесенныхъ, видимо, для моего соблазна, и полупуховыя перчатки, и только не было бѣличьяго халатика, и то по всей вѣроятности, потому, что объемъ ящика, наполненнаго всей этой мелочью, не вмѣстилъ въ себя такой крупной сравнительно съ другими вещи.

Купивъ все, что было необходимо для меня, я приобрѣлъ, благодаря уже обязательности фургонщика, полфунта чаю и два фунта сахару, обязательности впрочемъ очень чувствительной, такъ какъ за полфунта чаю онъ взялъ почти втрое, чѣмъ бы стоилъ весь фунтъ, и заручился табакомъ Мусатовской фабрики, который, хотя и считался, по словамъ фургонщика, самолучшимъ господскимъ вакштафомъ, но аромать его похожій на аромать, происходящій отъ сжженныхъ таракановъ, выдавать

самое низменное качество его. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находился я въ то время, разобрать было нечего, я быть радъ и этому табаку и чаю и скорѣе уже изъ чувства благодарности, чѣмъ по необходимости, купилъ полупуховыя перчатки и завьяловскій перочинный ножъ изъ первыхъ качествъ, сломавшійся черезъ два дня. Когда я рассчитался съ нимъ, и онъ, тщательно уложивъ товаръ, снова закрылъ ящикъ и, перевязавъ его ремнями, помогъ парню взвалить его на плечи и пройти съ нимъ въ узенькую дверь избы,—я спросилъ его, давно-ли онъ ѣздитъ по деревнямъ.

— Годовъ съ десятокъ ужъ будетъ, отвѣтилъ онъ, вынулъ изъ бокового кармана бешмета шелковый пестрый фуляръ и отеръ лобъ и лицо.

— Вы російскій уроженецъ, или сибирякъ?

— Російскіе.

— Давно выѣхали изъ Россіи?

— Годовъ съ пятнадцать, пожалуй, будетъ время, мы то собственно не по своей охотѣ выѣхали, сударь, продолжалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, изъ ссыльныхъ будемъ-съ.

— Такъ вы ссыльно-поселенецъ?

— Такъ точно-съ. А теперича приписались къ мѣщанскому сословію города Б—а. Торгуемъ-съ.

— За что же вы сосланы, полюбобытствовать я.

— За поджогъ, собственно, судились-то, вздохнувъ, отвѣчалъ онъ. Оно такъ сказать надо, сударь, што по глупости болѣе все это дѣло стряслось. Человѣкъ-то молодой былъ, неопытный, въ головѣ-то вѣтеръ свистѣлъ. Ну, при эфтакихъ качествахъ, долго-ль до грѣха, снова глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ онъ, смотря въ упоръ на меня большими сѣрыми глазами, какъ бы желая подмѣтить впечатлѣніе, производимое его словами.

— Садитесь, пожалуйста, предложилъ я, замѣтивъ, что онъ не прочь побесѣдовать.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ!... отвѣтилъ онъ, кланаясь. Хоша, признаться, и не устали, могли-бы постоять, а все же день то настанетъ—немного посидишь, говорилъ онъ, присажив-

ваясь на лавку: то туда, то сюда надоть, безъ своего глазу вѣдь ничего не сдѣлается. Счастье-то человѣка, сударь, не узнано, и самъ не знаешь, гдѣ его найдешь, гдѣ потеряешь, заговорить онъ, снова вынувъ фуляръ и обтирая имъ лицо, такъ какъ въ избѣ было довольно жарко, да и теплый бешметъ, повидимому, давалъ себя чувствовать. Когда ссылка-то намъ по рѣшенью вышла, такъ сколько это слезъ было, Господи! Отчаянности даже предавались: такъ и полагали въ тѣ поры, ну-у сгибь, молю, теперь пропадай голова, Сибирь—што могла, все одно. А теперича-то на повѣрку, сударь, вышло, что и очень даже довольны судьбой и благодаримъ Господа за всѣ его милости, набожно произнесъ онъ, взглянувъ на икону и перекрестившись. Въ Москвѣ-то коли бы мы жили, что бы было? трепались бы, можетъ, въ прикащикахъ изъ гроша въ грошь, да и то испо слава-бы Богу, а теперича—сами хозяева, живемъ безъ нужды, а такъ, даже сказать надоть, не таясь, въ избыткахъ: добрые люди честятъ насъ. Живемъ безобидно, и слава тебѣ, Господи! Не урекнемъ Создателя.

— Вы съ самаго начала, какъ пришли въ Сибирь, такъ и занялись подобной торговлей, прервалъ я потокъ его набожныхъ размышлений.

— Нѣ-ѣтъ, сударь, какъ можно. Фортуны тоже сразу не найдешь. Не она, сударь, за человѣкомъ-то ходитъ, а человѣкъ за ней! Съ самоначалу-то, по приходѣ, намъ даже вотъ какъ солоно жить-то было. Ну извѣстно, поселъщикъ, ужъ сами знаете, какое званіе,—все остерегались, не питали довѣрія, капиталовъ мы тоже не имѣли. Горя и слезъ приняли не мало, короче сказать вамъ. Пытались было и въ сидѣльцы наниматься въ кабаки. Ну, видимъ, не по насъ линія. Въ прикащики къ краснорядцамъ пытались идти, какъ дѣло стало быть знакомое, потому мы и въ Москвѣ при этомъ дѣлѣ стояли, никто не признаетъ, потому поселъщикъ. Ну, что дѣлать, а пить—ѣсть охота; и годы-то не ушли еще, да и по себѣ-то смѣкаешь, что ничѣмъ мы ровно не хуже другихъ. Какъ быть?—подумалъ, подумалъ, и пошелъ въ черную работу на приски. Ну, прохода

по деревнямъ-то, когда и примѣчать, сударь, и видѣть, гдѣ чего нѣтъ, и слишкомъ два года проробить, сударь, на прискахъ-то, и въ холодѣ, и въ голодѣ, и во всякой нуждѣ. Ну крѣпился, стро-о-ого держаль себя, другіе это въ гульбу ударятся, въ запои, бывало, а я баюство это откинуть отъ себя, ни-и-ни, и вынесъ, сказать вамъ, за два-то года ни мало, ни много, какъ восемьсотъ рублей. Съ этихъ денегъ, сударь, и пошолъ жить. Купилъ лошадку, товарцу, какой болѣ употребительнѣй мужику, и поѣхалъ, да такъ вотъ и ѣзжу до сей поры.

— И выгодна эта торговля?

— Колотимся... Большихъ выгодъ нѣтъ, сударь, да, вѣдь, курочка и по зернушку клюетъ, да сыта бываетъ... Фатеры намъ держать не требуется, куда не приѣдешь, вездѣ принимаютъ съ полнымъ даже удовольствіемъ. Теперича, мы держимъ четверку лошадей, содержаніе которыхъ намъ, по-честъ; ничего не стоитъ, и овсеца, и сѣна на каждой фатерѣ дадутъ, да и платы еще не принимаютъ, ни за наши харчи, ни за ихніе. Ну ужъ такъ, будто изъ благодарности, въ иномъ мѣстѣ пожертвуешь хозяйкѣ платъ какой-нибудь; а коли она помоложе, то перстенецъ, али сережки, изъ простенькихъ, и очень даже довольны остаются, а болѣ все лекарствомъ снабдишь.

— Лекарствомъ? съ удивленіемъ прервалъ я, какимъ же?

— Александринскаго листу даемъ, ревеню, дорогой травы шалфейцу. Ужъ это мы всегда про запасъ для мужиковъ держимъ. Поскучаетъ пной животомъ, ну и дашь ему Александринскаго листу. И очень благодарны бываютъ. Помогаетъ, ска-зываютъ.

— Такъ вы еще и лекаръ?

— Нельзя-съ, наше дѣло такое, что по малости всѣмъ промышляемъ, съ улыбкой произнесъ онъ. Въ городу-бы, сударь, торговать не въ примѣръ убыточнѣй, а здѣсь на всякомъ шагу копѣйка въ карманъ бѣжитъ: кто наперсточекъ, кто иглозочку купить, а ужъ все покупать, все копѣйка есть.

— И всегда на деньги?

— Дозволяемъ и кредитъ. Безъ кредита, сударь, торговли не бываетъ. Конечно, случается—и пропадаетъ за иными. Только малость эфтихъ случаевъ, не пожалуюсь. А главное требуется— по чести дѣло вести.

— То-есть какъ это?

— Безъ обмѣру, фальши чтобы этой не было, ну и товаръ, чтобы качествомъ бралъ.

— И вы ужь строго наблюдаете это?

— Блюде-мъ-съ!.. Можно сказать, даже въ убытокъ себѣ. Въ нашемъ ремеслѣ, сударь, первѣй всего требуется: покупателя залучить, довѣріе внушить къ себѣ. Это первѣй всего-съ. А мужикъ, сударь, такой человекъ: коли онъ вотъ узналъ, что я, Игнатъ Петровъ Луковкинъ, торгую безъ фальшу, отпускаю товаръ лицомъ, то хоть тыщи народу съ товарамъ найзжай къ нему, не смѣнитъ тебя на нихъ. Мы ихъ норовъ тоже въ тонкости постигли, ну и соблюдаемъ ужь себя, что чести нашей не коснись; вѣрьте-съ, безъ обману говорю, все болѣе и болѣе одушевляясь, говорилъ онъ. Вѣдь ужь мы, сударь, по этому дѣлу, почитай, съ измалѣтства нашихъ дней навыкли-съ. Примѣры видали всякіе-съ.

— Гдѣ же это, въ Москвѣ?

— Такъ точно-съ. Вѣдь мы, сударь, прикащикомъ были, можно сказать, возросли за прилавкомъ, такъ ужь намъ всѣ эти обычаи въ чистотѣ привиты.

— Вы къ какому же сословію принадлежали тамъ? Мѣщанинъ были?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ-съ. Мы — урожденные крестьяне.

— Какже вы за прилавокъ-то попали?

— А въ нашихъ мѣстахъ, сударь, это легчай всего бываетъ. Тятенька-то мой, покойная головушка, изъ крѣпостныхъ былъ, ну и, значить, еще до воли этой откупился отъ господъ. Человекъ былъ мастеровой, жили бы хорошо за нимъ, да виномъ загубился: какъ вышетъ это на волю и началъ первѣй всего пить,—пилъ, сударь, до того, что матушка-то покойница, бывало, за-мертво изъ кабаковъ выносила. Ну какіе при

такое радѣньи достатки въ дому? Старшій-то братъ мой также кузнечнымъ дѣломъ занялся, а мнѣ въ ту пору десятой годокъ еще шолъ. А въ эту пору и наѣдъ къ намъ въ село въ побывку братъ матушки — дядя мой; проживалъ онъ въ Москвѣ въ дворникахъ, ну и приступи это къ родителямъ: отпусти-де Игнашку со мной. Такимъ это манеромъ я и попалъ въ Москву-съ, по десятому году. Съ первоначатія-то онъ меня отдалъ въ обученье въ овощенную лавку, такъ же къ знакомому человѣку. Тамъ я, почестъ, пять годовъ выжилъ. Горя эптова, слезъ,—принялъ, сударь, и сказать даже невозможно... Только и слышишь бывало: Игнашка такой, сякой, и туды бѣги, и сюды бѣги, и въ это мѣсто поспѣй. Незнашь, бывало, куды рвануться; а не туда коли нога ступила, то что есть у хозяина въ рукахъ, такъ тебя эпитимъ и хряснетъ, бывало, по головѣ-ль, по другому-ли чему: ужъ эпто твое дѣло знать да щупать, а не его... Каторга, а не жизнь была. И диви бы, сударь, за жалованье всю эту муку терпѣлъ, а то единственно изъ-за хлѣба да обуви. Ну ужъ тутъ-то, какъ въ возрастъ сталъ входить, я и самъ вачалъ помышлять, какъ бы, значить, устроиться половчѣй. Мало-ли, много-ли время прошло, только также, чрезъ свояка, нашего же деревенскаго парня, устроился я въ прислугу, сначала при лавкѣ, къ краснорядцу, купцу Петрову. Хотя и тутъ съ первоначалу-то, пока не обвыкъ, несладко тоже было. Но ужъ побой эптихъ не видалъ, а ужъ коли и ковырнуть, бывало, порой, то ужъ все какъ будто легче сносилось. Ну здѣсь-то около молодцовъ я и грамотѣ приобвыкъ, будто; хоша оно и не такъ штобы бойко, а все-жъ читаю...

— И пишете, прервагъ я.

— Пишемъ-то болѣ для себя-съ, будто для памяти, а такъ штобы для постороннихъ людей не рѣшаемся, сударь. Ну тутъ ужъ года черезъ два, мало-по-малости, извѣстно ужъ неусыпно трудясь, попалъ я въ очень даже большую милость къ хозяину. Человѣкъ онъ былъ, сударь, сказать не тая, крутой; вѣры эптой строго держался. И добрый былъ, не похаю его, ну

только въ какую минуту угодишь... Бывало, сударь, покупатель пондравится ему, такъ, вѣдь, чего-съ дѣлывалъ старикъ? Товаръ, примѣрно, рублевъ тридцать стоитъ, а онъ говоритъ: бери за пять; только не торгуйся съ нимъ,—даромъ отдастъ, только нѣ сбивай его цѣны, а едва ты разинулъ ротъ и ска- залъ „дорого“—и бѣда... А-а, говоритъ, коли не хошь моей цѣны, такъ нѣтъ тебѣ и товару, пошолъ вонъ изъ лавки! и хошь ты ему въ три-дорога давай опосля, не уважить: поди, гово- ритъ, вонъ, одно тебѣ слово. А то ино время въ сердце впа- деть; такъ, вѣрите ли, сударь, покупатели-то валять, бывало, въ лавку—дверь не постоитъ, а онъ кричитъ: нѣтъ у меня товару, пошли вонъ; да тутъ же это порой и расхохочется самъ: ну, иди, иди, говоритъ, покупай, только допрежь кажи, сколько денегъ у тебя. Ну иные ужъ знали его, возьмутъ, да и покажутъ какую ни на есть малость. Э-э-эхъ-ты! говоритъ, покупатель—горе на мотовилѣ. Чего съ тебя и брать-то? отрѣжь ему, ребята, пушай идетъ съ Богомъ. Много народу пользовалось его этимъ норовомъ. И не то, чтобы статей- ный онъ былъ, а такъ средственной руки человекъ, а сла- ва-то про него по всей Москвѣ шла. Сдѣлалъ онъ меня первымъ прикащикомъ и даже ключи доверялъ. И жизнь мнѣ пошла, што сказать, очень бы хорошая. Ну, спуталъ грѣхъ, сударь. Приплась мнѣ ужъ очень по душѣ его дочь, Фелицата Яковлевна: дѣвица была степенная, тѣльная изъ себя, — и даже, такъ сказать, ликъ имѣла сладчайшій, и стать я, сударь, примѣчать, что и она какъ будто — не супротивна-бы нашимъ чувствамъ... А по купечеству это, доложить вамъ, дѣ- вицъ строго содержатъ, съ глазу это не спускаютъ, и хошь мы жили — въ одномъ домѣ, а только словомъ перемолвиться и помышлять было нечего. Хорошо-съ, идетъ это время въ эфта- кихъ перемежкахъ; настало лѣто-съ. Домъ-то у Петрова былъ деревянный, съ пристройками кругомъ; самъ-то онъ жилъ въ большомъ домѣ, а мы, молодцы-то, во флигелькѣ, низенькій такой былъ флигелекъ, во дворѣ стоялъ... При домѣ-то былъ садикъ, и уголь-то его, какъ разъ, почести, къ флигельку под-

ходить, но былъ — этакъ отгороженъ досчатымъ заборчикомъ. Однава это, — въ полдень дѣло, — хозяинъ-то, Яковъ Анфимычъ былъ въ лавкѣ, съ молодцами, а меня и пошли изъ лавки домой принести книги, куды вносился товаръ, принимаемый съ фабрикъ... Прибѣгъ я это домой, взялъ книги, да и заверни во флигелекъ-то къ себѣ напиться, только глянулъ черезъ заборчикъ-то, въ садъ, а тамъ Фелицата Яковлевна, одна одишенька обираетъ крыжовникъ на варенье... Ну, такъ это я въ тѣ поры дрогнулъ, какъ увидѣлъ ее; ровно, опустился весь, и не помню ужъ, какъ это выговорить „Фелицата Яковлевна“... Она это сначала тоже будто стѣснилась, но увидала это меня, утихла, оглянулась кругомъ и говорить... „Это ты, Игнаша“, а сама это такъ, ровно вотъ жаромъ подернулась...

— Я, говорю, Фелицата Яковлевна.

— Что, говорить, тебѣ надо? а сама это въ землю потунилась.

— Ахъ, говорю, Фелицата Яковлевна: ни орель я — ни соколь, а мелкая пташка, но и мелкой пташкѣ, говорю, не запрещено въ сердцѣ любовь питать, — особливо, къ экой дѣвицѣ, какъ вы.

— Полно, говорить, Игнаша: што ты это, какъ тебѣ не стыдно, а сама такъ и пылаетъ лицомъ-то и глазъ не поднимаетъ, словно вотъ врыла ихъ въ землю-то.

— Ахъ, говорю Фелицата Яковлевна: жисть, говорю, отдамъ на терзаніе, но только усчастливьте, молвите, любь ли я вамъ.

— Што ты, говорить это, Игнаша: какъ это можно, я, говорить, дѣвица честная.

— И сумѣнія, говорю, не питаемъ, только усчастливьте, а то у-убьюсь, говорю, потому никакъ не можно взирать болѣ на красоту вашу, пзынлъ; — въ неволю, говорю, пойду за васъ, въ терзанье, а самъ это — тѣмъ временемъ перемахнулъ черезъ заборчикъ-то, да къ ней. И отколь это смѣлости взялось въ тѣ поры, уму непостижно. Обнялъ это я ее. Прижалась ко мнѣ. Я и разъ поцѣловалъ, и два. А и она шеп-

четь: „любый ты мой, желанный мой!“ Ну, ужь тутъ, сударь, я и не помню, какъ изъ саду выбрался и въ лавку пришелъ. Иду это, доложить вамъ, а земли подъ собой не слышу и словно, сударь, на что ни гляну,—все-то это ухмыляется, все то это веселый видъ имѣеть... Вотъ прибѣгъ въ лавку, подай книги; ну, извѣстно, за свое дѣло принимаюсь, и словно, сударь, кипить все въ моихъ рукахъ, такъ-бы вотъ, какъ-бы, кабы подвернулось, и гору своротилъ. Вижу, и хозяинъ въ духѣ ходить это по лавкѣ, поглядываетъ на всѣхъ да посмѣивается. Взглянулъ это на меня и говорить: „Ты что, говорить, это, кобель, десны-то мнѣ у зубовъ показывашь, а?“ Ничего, говорю, Яковъ Анфимычъ, ужь больно день-то, говорю, пріятный!...

— Женю, говорить, вотъ я тебя, подлеца, такъ засмѣешься другимъ голосомъ отъ пріятства-то.

— Штожь, говорю, Яковъ Анфимычъ: ежели судьба настоящая, такъ и очень-бы даже рады...

— А-а! радъ, говорить, ну постой ужо: женю—такъ погляжу, на которую ногу запрыгашь.

Все время, значить, шутилъ онъ эфтакимъ манеромъ. Заперли лавку къ вечеру, онъ-то домой поѣхалъ на лошади, а мы-то пѣшкомъ—иду я, да и раздумываю: Фелипатѣ Яковлевиѣ я любъ, чувство всѣмъ сердцемъ ко мнѣ питають, и Яковъ Анфимычъ очень даже расположенъ и шутки шутить со мной—ровно-бы, въ нашу линію, ровно-бы намеки даетъ. А што, думаю, ежели-бы въ ноги къ нему: такъ и такъ молю, вѣкъ, молю, слуга вашъ буду и изъ почитанья не выйду. Мало-ли этихъ примѣровъ, што статейные купцы дочерей своихъ за прикащиковъ выдаютъ. Думалъ, думалъ это сударь, да пришелъ домой, одѣлся это почище, помолвился значить предъ иконой—и шастъ къ Якову Анфимычу. Прихожу, сидеть, чай пьеть. „Што, говорить, тебѣ надоть, Игнашъ?“

— Къ вашей милости, говорю, Яковъ Анфимычъ—дозвольте слово сказать...

— Какое, говорить, слово?

— Чести, говорю, вашей не въ поношенье, а единственно, говорю, какъ сердцемъ я очень преклоненъ къ вамъ, и даже такъ скажу, что душу за васъ и ваше добро готовъ положить, то снизойдите: ужъ жизнь мнѣ будетъ не въ жизнь, ежели не судьба мнѣ будетъ Фелицата Яковлевна, а самъ тое-жъ минуто на колѣни палъ и стою—ну ни живъ ни мертвъ, сударь. Ну, вижу это, насупилъ онъ брови, сидитъ, да вдругъ это и крикнетъ супругу свою: Марья, подь-ка сюда. Видѣла, говорить, жениха къ Фелицатѣ, а-а?—и указываетъ на меня. „Примай, говорить, чествуй хлѣбомъ-солью... Экой-то еще выищется-ль по Москвѣ?.. Чай всѣхъ угодниковъ объѣзди, такъ кромѣ-то его не будетъ.. А-а-ахъ, ты, говорить, крѣпостное охвостье, а-а.. Это я бы съ тобой родниться сталъ, а-а?.. Это всякій лапотникъ, стало быть, будетъ къ моей дочери въ мужья себя пригонять? Во-о-онъ, говорить, такой-сякой, штобъ и духу твоего въ домъ не было, допрежь, говорить, грязь да вшу съ себя смой, да ужъ потомъ свата-то шли.. Во-о-онъ, кричить, и въ истое бѣшенство впалъ, сударь... Не успѣлъ я въ себя прійти и подняться, а онъ налетѣлъ на меня, да какъ долбанеть въ шею, я такъ и вылетѣлъ на крыльцо... Сколько было сраму, сударь, и-и, Боже мой... Выскочилъ это онъ на крыльцо за мной, кричитъ: „Ва-а-аська, чествуй, говорить, жениха кнута-виной со двора, бей!“ Кучеръ это Васька, наши-то молодцы высыпали на дворъ: срамъ, сущій срамъ былъ, сударь... Ужъ такъ-то мнѣ было обидно въ тѣ поры, што и сказать вамъ не могу: и горе-то душишь, и стыдъ на людей глазъ не даетъ поднять, и злобы этой отколь на сердце взялось, — и сказать не могу. Ну, съ этой минуты, сударь, и потерялъ я себя...

— Какъ это потеряли?..

— Запилъ, горькую запилъ... Сосеть, сударь, горе и очнуться, што есть, не даетъ; бывало, хочу это раскъяться, забыться, а не могу-сь. Такъ вотъ ровно Фелицата Яковлевна и стоитъ предо мною: и тѣло ея бѣлое, и глаза лазоревые, и ликъ это сладчайшій, словно-бы вотъ въ явѣ, ежесекундно, можно сказать, удручаетъ меня... Горькими плакивалъ, бывало, вѣрь-

те-сь... Ну крутить пришлось не долго-сь, потому денегъ большихъ не было-сь... Тутъ-то, вотъ въ отчаянности этой мнѣ и впало въ умъ, сударь, въ этомъ-то, можно сказать, растерянномъ положеніи выместить свое сердце и обиду Якову Анфимычу... И такъ это, сударь, засѣла мнѣ въ голову эта пагуба, што и сна, и пища рѣшился... Ну, знамо, парень былъ молодой, сердце-то кипить, разсудку-то этого въ тѣ поры еще не нагулено было... А тутъ еще, сударь, и смѣшки, што, по-честь, повсюду сыпались на меня, словно поддвигали масло въ огонь... Ну, выбралаъ это ночью потемнѣй да и подпала, другой-бы, можетъ, послѣ этого убѣгъ и ница его, а я это не шелохнулся: на-де, гляди да и знай меня... Ну когда уже пошло пламя-то драть, охватило ужъ и службы, и флигель, народъ это рветъ и мечеть, спасаютъ изъ дому, что можно,—гляжу, и Яковъ Анфимычъ тутъ стоитъ, убивается; увидалъ это меня и ко мнѣ: „Это ты, ты, говорить, поджогъ, злодѣй, ты!..

— Я, говорю, Яковъ Анфимычъ—знай!... И я тебя не забуду во вѣкъ, и ты меня до гроба попомнишь... Служилъ, говорю, я тебѣ вѣрой и правдой, поношенья твоей чести не понесъ, что полюбилась мнѣ дочь твоя, а ты говорю, меня, навѣкъ обездолилъ. Хошь я и лапотникъ, говорю, и крѣпостное охвостье, а все, говорю, человекъ, и порочить такъ меня не слѣдъ было.

Ну, што, сударь, далѣ-то рассказывать? Взяли меня,—и въ острогъ — пошло слѣдствіе да судъ. Ну и попалъ въ Сибирь, а послѣ ужъ я, какъ въ разумъ-то вошелъ, и покался въ горячности своей,—да ужъ поздно: локтя-то не укусишь, закончилъ онъ.

— А что-же съ Фелисатой Яковлевной,—вы такъ и не встрѣчались съ тѣхъ поръ, какъ свидѣлись съ ней въ саду, спросилъ я.

— Встрѣтился, сударь.

— Гдѣ-же?

— А ужъ здѣсь, въ Сибири.

— Въ Сибири?... съ удивленіемъ прервалъ я его.

— Такъ точно-сь. Пословица-то въ правду говоритъ: „гора съ горою только не сходятся“, а человекъ съ человекомъ всегда-сь. Нужно сказать вамъ, что ужъ послѣ рѣшенья, почестъ, когда я еще въ острогѣ сидѣлъ, однова меня вызвали къ воротамъ острога. Подхожу и вижу это, сударь, куфарку, что въ домѣ Якова Анфимыча жила: добрѣющая была старушка. Подала она мнѣ, сударь, калачъ и три рубля денегъ. Вотъ, говорить, тебѣ, злосчастный Игнатюшка, Фелицата Яковлевна при-слала: „прими да не поминай ее зломъ—ни въ чемъ; говорить, она не повинна и сказала, што вѣкъ тебя будетъ помнить!“ И такъ мнѣ это доброе слово, сударь, въ пору пришло, што ровно даже жизнь мнѣ дало. Истинно говорю. Ну, поплакалъ я тогда въ волю, поплакалъ и зашилъ эти три рубля въ ладонку къ кресту, словно андельское благословенье, и въ Сибирь ихъ принесъ. Какъ пной разъ было горько, какой нужды не испыталъ, а не коснулся ихъ: они и по сейчасъ цѣлы даже!.. Ну, пришелъ, сударь, въ Сибирь. Нужды, ужъ какъ докладывалъ вамъ, много вынесъ. Конечно, въ предметѣ, можно сказать, завсегда мы Фелицату Яковлеву держали, да вѣдь ужъ противъ рожна не пойдешь. Отъ родины ужъ отрѣзанный ломоть: не вернешься. Скучалъ, скучалъ, да всему время. Началъ ужъ это расторговываться, и лѣта ужъ подходить... Сталъ подумывать: хорошо-бы и домкѣ свой имѣть, и хозяйской обзавестись... Невѣсты, сударь, такъ сказать, сами навязывались, потому какъ урекнуть насъ ни въ чемъ невозможно... Жизнь ведемъ трудовую, степенную, капиталовъ большихъ, конечно, не имѣемъ, но на нашъ вѣкъ при умѣ да бережи хватить, а въ это время намъ и стали присватывать дочь одного купца въ Б...ѣ. Не изъ бѣдныхъ, и одна дочь,—ну дѣло, кажись, подходящее; только нѣтъ, поглядѣлъ я поглядѣлъ: ликомъ не вышла, такъ и выкинуть это баловство изъ ума... А тѣмъ временемъ,—это въ позапрошломъ году было, сударь—понадобился мнѣ товаръ... Торговля-то моя ужъ пошире пошла. Товаровъ-то, што я въ Б...ѣ бралъ у купцовъ, не доставало, да и не всякой былъ у нихъ... семь, думаю, съѣзжу въ Т—ь. Тамъ, покрайности, изъ первыхъ рукъ возьму и коль потеряю

на провозѣ, такъ за то, можетъ, дешевле закуплю... Ну, такъ и рѣшилъ; прїѣхалъ въ Т — ъ, извѣстно, прежде всего распросилъ, гдѣ, какъ, што, прицѣнился и тутъ и тамъ: вижу, што выгоднѣй всѣхъ брать у Стифѣева: и купецъ богатый, три лавки имѣеть, и товаръ изъ первыхъ рукъ отъ Московскихъ фабрикантовъ получаетъ... Ознакомился я съ нимъ, человекъ уступчивый, ну и ударили по рукамъ... Закупилъ я у него тыщи на три... Стали ужъ это товаръ упаковывать, надоть расчесть свести... Онъ и говорить мнѣ: приходи ужо ко мнѣ на домъ для знакомства, чайку попить; тамъ, говорить, ужо и счета сведемъ... Хорошо-сь, благодаримъ покорно, говорю, прибудемъ... Приодѣлся это почище, такъ какъ хорошее платье мы завсегда про запасъ держимъ... Ну и купецъ то статейный, изъ первыхъ почестъ въ городѣ: въ бешметѣ не придешь; вижу, домъ богатѣющій, и въ дому, видать, полная чаша... Подали чаю намъ, сударь, покончили, конечно, расчесть промежь себя, все это благородно, чинно... Слово за слово, — разговорились; смотрю, и закуска появилась. Только въ это время, сударь, въ комнату, гдѣ сидѣли мы, и входитъ дама, глянуль я, и, такъ даже сказать, растерялся, обомлѣлъ совсѣмъ — Фелипата Яковлевна. И она глянула на меня, и словно вотъ холсѣ побѣлѣла. Стоитъ не шелохнется... Мужъ-то этого, видать, не примѣтилъ. Смотрю я: куды еще краше стала она, чѣмъ была... Ну, оправившись, сѣла. Сначала это помалости рѣчь повели... Я и говорю: ровно, моль, сударыня, я будто примѣчалъ васъ въ Москвѣ; не дочка-ли вы будете Якова Анфимыча Петрова.

— А вы, говорить, развѣ знали его, мужъ-то спрашиваетъ...

— Очень, говорю, даже подробно... Ну и обсказываю, что проживалъ-де въ Москвѣ, по прикащикамъ, и его видалъ, а о томъ, что промежь насъ было, ни слова, политично держу себя, потому примѣтилъ, что едва я рѣчь повелъ, такъ Фелипата Яковлевна ровно сполыхнулась...

— Дочь, дочь, — мужъ-то говорить. Ну и обсказываетъ. А я и сужу по словамъ его, что вскорѣ, почестъ, послѣ моего рѣшенья наѣхалъ онъ въ Москву, ознакомился съ Яковымъ

Анфимычемъ и высваталъ дочку-то за себя. „Померъ, говорить, старикъ-то, года два ужъ какъ померъ“...

— Жаль, говорю, добрый человекъ былъ...

— Ну, будьте знакомы, говорить, земляки вѣдь съ женой-то будете, не обходите дома, коли здѣсь придется быть,—заговорилъ онъ, когда ужъ я прощаться началъ. И она-то примолвила, Фелицата Яковлевна, и такъ, сударь, посмотрѣла на меня, что ровно дрожь по мнѣ пошла, точь въ точь какъ въ саду тогда. Не забыла, голубушка... Хотя и не судьба выпала, а видать, сударь, что въ сердце разъ запало, такъ ужъ не выронишь изъ него.

— Что-жъ вы часто видаетесь съ ней?

— Не скажу, чтобъ часто, сударь, время-то не допускаетъ. А тянеть въ Т—ъ и частенько потягиваетъ, не потаюсь... И такая тоска иное время нападаетъ, что жизни не радъ... Кабы не характеръ только,—давно бы, кажись, сызнова потерялъ себя... Ну, крѣплюсь... Супротивъ судьбы не пойдешь!.. закончилъ онъ, снова вынимая фуляръ и отирая имъ вспотѣвшіе лобъ и лицо.

Въ это время мнѣ подали самоваръ, и какъ я ни приглашалъ фургонщика напиться со мной чаю, — онъ отозвался недосугомъ и, извинившись предо мной, что заговорился, вѣжливо раскланялся и вышелъ изъ комнаты.

Спустя два дня, когда всѣ свидѣтели были спрошены и распущены по домамъ, мнѣ оставалось только произвести „повальный обыскъ“ о поведеніи лицъ, на которыхъ пало подозрѣніе въ убійствѣ. Пославъ еще съ вечера нарочнаго за священникомъ въ ближайшее село, я сидѣлъ въ ожиданіи его приѣзда. Подлежащій опросу народъ давно былъ собранъ, и часть его толкалась на дворъ, а большинство сидѣло въ избѣ, у хозяйна моей квартиры. Черезъ узенькія темныя сѣни, отдѣлявшія мою комнату отъ избы, до меня поминутно долетали дружные взрывы хохота, происходившаго, какъ объяснила мнѣ

хозяйка, растапливавшая въ это время печь въ моей комнатѣ, отъ прибаутокъ фургонщика. Поди, потѣшься, батюшка! пригласила она и вызвалась провести меня въ закутокъ, то есть въ небольшой теплой чуланъ, въ родѣ темной комнаты, отгороженной отъ пѣзбы досчатой перегородкой, откуда я могъ все видѣть и слышать, оставаясь въ тоже время незамѣченнымъ и, слѣдовательно никого не стѣсняя своимъ присутствіемъ. Услышанный мною разговоръ и рассказы фургонщика, какихъ вѣроятно мнѣ никогда не удалось бы услышать въ моемъ положеніи, вполне вознаградили меня за неудобство помѣщенія въ темномъ закуткѣ, пропитанномъ какимъ то особеннымъ затхлымъ запахомъ.

Небольшая изба была буквально набита народомъ, причемъ стоявшіе сзади, для того, чтобы лучше видѣть и слышать, тѣснились на скамьяхъ у приступокъ русской печи, а многіе забились даже на печь и на полаты, свѣсивъ внизъ головы; у стола, на которомъ были разложены иконы Суздальской живописи и различныя литографированныя картины, сидѣлъ фургонщикъ, бешметъ его былъ разстегнуть, и изъ-подъ него видѣлась красная кумачная рубаха, на шеѣ былъ повязанъ желтый шелковый платокъ; раскраснѣвшееся отъ духоты лицо его было оживлено, и пряди волосъ прилипли къ вспотѣвшему лбу.

— Вы энтого генерала покупайте-то, уговаривалъ онъ стоявшихъ передъ нимъ крестьянъ, показывая имъ литографированный и раскрашенный портретъ какого-то генерала. Это, братцы, генералъ-то, коли посказать вамъ всю подноготную про него, звѣ-ѣ-ѣрь. Ну однимъ только бралъ: къ нашему брату страсть былъ доберъ.

—А-а-а, къ мужикамъ-то—будто! раздались голоса среди окружающихъ его, и десятки рукъ потянулись за литографіей, изображавшей генерала.

— Ну, ну, негляди, братцы, што генералъ, а къ мужику даже очень былъ доступенъ; ну ежели колыми паче попадалъ ему на зубы чиновникъ,—и-и-и, Боже мой, какую острастку питалъ онъ къ нимъ.

— А-а-а-а-ха! къ чиновниками-то это? снова прервали его нѣсколько голосовъ.

— И-и-и, не доведи Господи, все болѣе и болѣе воодушевляясь, продолжалъ фургонщикъ. Ежели чиновникъ да проштрафался передъ нимъ—и не разговаривай...

— А-а-аха-ха-а, разразились въ толпѣ, при картинномъ описаніи батальныхъ подвиговъ изображеннаго на портретѣ генерала.

Отъ взрыва смѣха, мнѣ показалось даже, дрогнули стѣны.

— Ну это, братъ, видать, што форменный енараль.

— Кабы поболѣ, слышь, этихъ-то было, жить-е-е-бъ! понеслось въ толпѣ, когда смѣхъ утихъ и только изрѣдка слышался еще гдѣ—нибудь на печи или на полатахъ.

— Вотъ къ намъ-бы этого: и-и-и-и!

— Наши, братъ, чиновники всякаго енарала оплетуть: адѣсь вѣдь Сиби-и-ирь, крикнуть какой то скептикъ, слова котораго были встрѣчены не менѣе дружнымъ хохотомъ.

— Покупайте и этотъ: вѣдь Сибирскаго генерала-то графа Муравьева Амурскаго слыхали, можетъ? заговорилъ, возвышая голосъ фургонщикъ: покрайности у васъ память будетъ, хорошій былъ генераль, и всего-то я съ васъ четвертакъ буду брать за него. А этого генерала по правдѣ то сказать и за рубь-бы не грѣхъ продавать: потому мужику-то очень льстилъ.

— О-о, четвертакъ! и гривны-то много! снова прервали его.

— Гривну-то можно, и то за то будто, што до чиновниковъ былъ лютъ.

— Ну, Микита, по пятаку съ рыла на енарала спустимъ.

— Живе-е-мъ и безъ него.

— Сердешный, слышь, рассказываютъ, былъ; развязывай кошель-то.

— О-о, сердешный. Малоль чего тѣ Игнашка-то наскать, слушай. „Сердешный“... въ коемъ мѣстѣ сердце-то у него было: спроси-ка, вотъ.

— Говорю вамъ, къ мужику все сердце клать, загорячился фургонщикъ. Ужъ я, милые, всѣхъ генераловъ знаю; ужъ кто

чего стоитъ, не утаю. Ужь это былъ такой генералъ, што, коли ты чиновникъ званьемъ, то держи ухо востро, ей-Богу. Здо-о-орово пробиралъ ихняго брата. Поэтому самому ужь никакъ его за гривну-то невозможно продавать. На экого генерала ншо найдутся охотники, купять. А ужь я вамъ по знакомству, на память будто, за четвертакъ его жертвую, потому коли экого генерала, што чиновниковъ въ трепетѣ содержать, нашему брату не чтить, такъ ужь это, милые, послѣднее дѣло. Я вонъ за гривну Бебутова-то продаю, а ужь графа Амурскаго никакъ невозможно за экую цѣну.

— А это у тебя ншо какіе генералы? снова прервали его окружающіе.

— Всякіе есть, какихъ хошь, и дорогіе, и дешевые.

— Кажи.

— Вотъ, къ примѣру, Паскевичъ—князь есть, говорилъ онъ, вынимая изъ свертка литографированный портретъ его. Сколь городовъ побралъ, сколь этого народу уложилъ и крещенаго и нехристей, стра-а-асть! Ну какъ ты этого генерала дешево продашь, развѣ можно? али теперича если Кутузова взять: меньше семи гривенъ развѣ продамъ его? Онъ вотъ Росею спасъ.

— А-а-а... Кутузовъ-то? Покажь-ка, какой онъ, отъ турки штоль отбаярилъ насъ, со смѣхомъ говорили въ толпѣ, по рукамъ которой пошли портреты Паскевича и Кутузова.

— Отъ турокъ? вы слушайте, а не гогочите, што краква въ камышѣ, заговорилъ фургонщикъ. Турки што-о-о, съ туркой-то намъ воевать съ полугоря, а отъ француза. Французы-то этотъ въ двѣнадцатомъ году съ несмѣтной силой-ратью на Росею-то навалиль: въ полонъ хотѣль ее взять. Слышали—а-а?..

— Ишь, беззубый, Росею хотѣль сглотнуть, со смѣхомъ пронеслось въ толпѣ.

— Ну, ну... И хите-е-ерь это былъ. Вы послушайте-ка, чего я вамъ скажу. Это история: каковъ онъ Кутузовъ-то генералъ, да только мотрите, съ потретомъ-то повѣжливѣй, не

разорвите, продолжалъ онъ, поглядывая искоса на портреты, переходившіе изъ рукъ въ руки. Французъ-то этотъ допрежь, тѣмъ въ пушки-то по Росен палить, Кутузова-то, этого самого князя, въ гости къ себѣ звать, такъ это будто по-пріятельски въ компанію. Ну и тотъ это, сказать вамъ, Кутузовъ-то, старичекъ этакій сѣденькій, тоже себѣ на умѣ былъ, немощнымъ прикинулся.

— Ахъ, скуня, тоже видать схитрилъ.

— Ну, ну, де-е-енный тоже былъ... Ладно. Вотъ французъ-то передъ нимъ такъ и сякъ фнитить, зачалъ, извѣстно, нехристь винами, закусками всякими подчивать, ще-е-еть.

— Кутузовъ-то?

— Ну, пьеть, да похваливаетъ. А вина онъ этого страсть сколь взять могъ, утробистый былъ старичекъ, ну пьеть, дивуется только французъ, на него глядя: другаго, стало быть, давно бы съ ногъ свалило, а у него ни въ глазу, а старичекъ.

— Аха-ха, какъ бы нашъ Сафронъ къ слову, хоть ковшъ, хоть ведро поднеси, ужъ не оторвешь! прерывали слушатели.

— Ну, хорошо, только французъ и говорить ему: такъ и такъ, ваше сіятельство, много, говорить, у меня силы-рати несмѣтной, а казны и того болѣ, но теперь, говорить, какъ мнѣ очень прискорбно кровь человѣчью лить, то позвольте, говорить, съ вами разговоръ держать по-пріятельски: продайте, говорить, мнѣ Росею...

— А-а-а, воскликнули удивленные слушатели, окружившіе его густою толпой и видимо сильно заинтересованнымъ разговоромъ.

— Слушай! съ неудовольствіемъ остановилъ ихъ фургонщикъ. Ну продайте, говорить, мнѣ Росею. Извольте, говорить, ваша милость, не постою,—Кутузовъ-то отвѣтъ ему держать.

— А-а-а! Съ одного слова въ измѣнишки вдарился, снова прервали разговоръ его нѣсколько голосовъ.

— Вы слушайте, чего долѣе то будетъ, да молчите, съ серд-

цемъ остановилъ ихъ фургонщикъ: ну извольте, говорить, ваша милость, продамъ, если пожалуете мнѣ пятьдесятъ возовъ серебра, да пятьдесятъ возовъ ковannaго злата—и по рукамъ изъ поля въ полу.

— Вотъ такъ казна-а-а! прервали его, неутерпѣвши, слушатели.

— Оно, говорить, признаться сказать, и дорогонько, французъ то въ отвѣтъ ему держитъ на это, но если, говорить, теперича взять въ примѣръ, што земли подъ васъ столь отвоevano, што хошь десять лѣтъ верстой мѣрай-необмѣришь, а у меня говорить, оной въ самомъ масштабѣ, а вторительное дѣло, говорить, у васъ и народъ смрению обучень, холодъ ли, голодъ ли, все терпитъ, только въ кулакъ подуваешь, не то, што, говорить, мой все бунтуется, то я, говорить, безъ слова отсыплю эту казну—извольте. Ну и ударили по рукамъ. Только Кутузовъ теперича старичекъ и говорить ему: такъ и такъ, говорить, ваша милость, вы, говорить, теперича, стало быть, самъ себѣ господинъ, а мое, говорить, дѣло подначальное, такъ чтобъ мнѣ, говорить, въ отвѣтъ не впасть, мы учинимъ, говорить, промежь себя примѣрную баталію, такъ што бы, говорить, ваша рать всю мою рать перебила, и будто бы у меня силы не стало воевать съ вами. Хорошо: какъ сказано, такъ и сдѣлано—отвалилъ это французъ серебра и злата, какъ требовалось, и хихикаетъ, што оплель старичка, за дешево Росею—матушку купилъ со всей землей и народомъ. А Кутузовъ этотъ самый старичекъ, скажу вамъ сейчасъ, это, значить, принялъ казну всю счетомъ и предоставилъ къ Царю. „Бью, говорить, Вашему Императорскому Величеству челомъ своимъ и казной супостатской“. А Царь ему и описываетъ: „Благодарю, говорить, свѣтлѣйшій рабъ Кутузовъ“. И Кутузовъ-старичекъ сейчасъ это, значить, съ этого самаго разрѣшенія далъ знать французу: ставъ, говорить, свою рать насупротивъ моей рати, и нали, говорить, што есть силы въ моихъ солдатъ, а я, говорить, своимъ закажу не шелохнуться, будто бы, говорить, пороху нѣтъ. Поставилъ французъ по его слову рать и пошелъ жарить по русскимъ солдатамъ: и въ пушки,

и въ ружья жарить, што земля дрожить. Но только, хватъ похватъ, французы, што мухи, валятся, а у русскихъ хошъ бы одинъ упалъ, а русскіе не палятъ, стоятъ какъ пни, да въ носу поковыриваютъ.

— О-о!... вотъ диво-то...

— Ди-и-иво!... И такъ это, братцы, знта баталья французу солоно приплась, што взвыль. Попалиль, попалить, видить неустойка, валятся солдаты, што мухи, а русскіе стоятъ, да посвистываютъ, и вдарился въ бѣгъ, на уте-е-екъ, стало быть... да такъ, милые; бѣжалъ, што земля стонала; по эвтому и празднуется, изъ вѣки въ вѣковъ, изгнаніе галловъ и двенадцать азыкъ въ день Рождества Христова, слышали, можетъ...

— Темное дѣло-то, гдѣ слыхивать, отъ стариковъ-то былъ сказъ, што французъ-то Москву палиль...

— Это ужь онъ опосля, милые, жогъ-то ее, когда ужь Кутузова-то смертный часъ постигъ, потому Кутузовъ-то старичокъ слово этакое зналъ, што вражьи пули заговариваль. Французъ-то, стало быть, пальнетъ, а пуля-то отъ русскаго отскочить, да во француза и шаркнетъ. Французъ то валится, а русскій стоитъ себѣ и ухомъ не ведеть... Ну при Кутузовѣ то онъ и не могъ съ Россіей-то совладѣть.

— Ужъ гдѣ экого генерала покорить...

— Не могъ; это, братцы, такой генераль былъ, што ему изъ самоцѣннаго золота памятникъ въ Санпитебурхѣ выль...

— О-о, изъ золота...

— Изъ червоннаго... Потому Россію спасъ и казной французской снабдилъ; экого генерала милые надоть покупать, кабы не онъ, такъ мы можетъ тепера во французской-бы вѣрѣ были и все бы бунтовались... А онъ вотъ не попустиль, смиренхонько живемъ по старымъ завѣтамъ: это тоже чего нибудѣ стоитъ. Семь-то гривень не велики деньги, а у васъ все-же память объ немъ будетъ... Покупайте, всего два портета и осталось, экого-то героя и въ складчину-бы можно.

Мнѣ не довелось дослушать этой сцены до конца, такъ какъ

въ это время прїѣхать священникъ, и послѣ приведенія къ присягѣ крестьянъ я приступилъ къ опросу ихъ.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи съ фургонщикомъ, я былъ переведенъ на службу въ другой округъ, и съ той поры потерялъ его изъ виду. Года три уже спустя, мнѣ пришлось заѣхать по дѣламъ службы въ городъ Т—ъ. Я рассчитывалъ пробыть не болѣе двухъ дней, но дѣла задержали меня почти цѣлый мѣсяцъ. Въ городѣ у меня не было никого знакомыхъ, у кого бы я могъ пользоваться книгами и газетами, такъ какъ не во всѣхъ сибирскихъ городахъ существуютъ библіотеки, да и то эта роскошь начинаетъ вводиться только въ послѣднее время. Отъ скуки я уходилъ обыкновенно съ утра и обходилъ чуть не весь городъ и даже всѣ окрестности его. Однажды, какъ теперь помню, въ воскресенье, возвращаясь уже домой, усталый, я проходилъ мимо собора. Прилежавшая къ нему узенькая улица была вся запружена каретами. Соборъ былъ ярко освѣщенъ, и изъ открытыхъ дверей его до меня доносилось стройное пѣніе. Чья это свадьба, спросилъ я у одного изъ кучеровъ. „Купца Луковнина!“ отвѣчалъ онъ. Я вошелъ въ соборъ, съ трудомъ протискавшись сквозь толпу, я прошелъ къ правому клиросу, и, взглянувъ на новобрачныхъ, стоявшихъ у палоя уже въ вѣнцахъ, положительно не повѣрилъ своимъ глазамъ.

Подъ вѣнцомъ стоялъ, одѣтый во фракъ, спитый по послѣдней модѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ съ изящнымъ бантомъ, знакомый мнѣ фургонщикъ, когда-то выручившій меня изъ непріятнаго положенія. Русая бородака его была расчесана на-двое, волосы на головѣ были завиты въ мелкія кольца, онъ выглядывалъ положительно красавцемъ. Невѣста, полная, весьма красивая женщина, хотя и не первой уже молодости, блистала брилліантами и перстнями; густая толпа дамъ, въ пышныхъ нарядахъ, увѣшанныхъ драгоценностями, и мужчинъ съ медалями, а нѣкоторые и съ орденами, окружали ихъ.

— Скажите, пожалуйста, кого это вѣнчаютъ? спросилъ я стоявшаго рядомъ со мной пожилаго человѣка, съ сѣдою окладистой бородой, тоже повидимому купца. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, кто невѣста, и не конецъ ли это романа, приведшаго фургонщика въ Сибирь.

— А вы развѣ не здѣшній, спросилъ тотъ въ свою очередь, предварительно пристально осмотрѣвъ меня.

— Приѣзжій...

— Такъ-съ, приѣзжій... Это Луковнинъ купецъ женится, невѣста-то тоже купчиха, вдова Стифеева. Въ прошломъ году только еще овдовѣла-съ, ногамъ-то у мужа остыть не дала-съ, а ужъ вѣнчается. Вы откуда-жъ будете, спросилъ онъ.

Я сказалъ ему.

— Кажется, и могилки-то у мужа еще путемъ не оправила, креста-то никакъ нѣтъ на ней, а ужъ замужъ вышла, снова заговорилъ онъ. „О-охъ, дѣла, дѣла“, полушопотомъ произнесъ онъ, глубоко вздохнувъ. Муженекъ-то капиталу-то оставилъ ей, слава тебѣ Господи, есть чѣмъ помянуть, тысячь за двѣсти считаютъ наличными, домъ каменный, да три лавки съ товаромъ. А, вишь, кому все досталось кабы знать, да вѣдать покойникъ-то, въ чьи руки все его добро поидеть-съ...

— А что женихъ-то богатый?

— Изъ средственныхъ-съ, мелочной торговецъ былъ, по деревнямъ все съ товаромъ ѣздилъ, ну до-толи, говорятъ, тысячь за тридцать капиталу имѣеть, а теперь-то ужъ поиде-е-еть въ гору. Теперь-то ужъ до него и рукой не достанешь. Боготѣ-ѣ-ѣй... Вотъ наше-то купецкое дѣло сударь, копи, копи, да чорта и купи. Покойный-то муженекъ ея, стра-асть былъ скупенекъ. Въ жару стакана воды не выпросишь бывало испить. А кому копилъ, а? да и умеръ-то онъ, сказываютъ, съ грѣхомъ ровню.

— Какъ съ грѣхомъ?

— Поговаривали, что не ладно что-то. Опомли будто. Ну да Богъ его знаетъ, не узнавши дѣла, не будешь всего болтать.

— Кто его опомлъ?

— Женушка, сказываютъ, притравила. Женшоко-то, сказываютъ, старая зазнобушка, ну будто вмѣстѣ и обдѣлали это дѣльце.

— Да правда-ли это?

— Поговаривали-сь. За что купили, за то и продаемъ-сь. О-охъ, отпусти пмъ Господи, да и насъ не суди! снова вздохнувъ, произнесъ онъ. Сначала-то какъ мужъ-то только померъ, она тотчасъ же его въ прикащики взяла къ себѣ и всю торговлю довѣрила ему, а теперича вотъ и въ супружество вступили, живи да красуйся, Игнатъ Петровичъ... Стифѣевскія денежки, хе-хе-е, заключилъ онъ, обмѣривъ новобрачнаго злобнымъ взглядомъ.

Въ это время обрядъ вѣнчанія кончился, и новобрачные, принявъ поздравленія отъ окружающихъ, сопровождаемые священникомъ съ крестомъ и густою толпою зрителей, вышли изъ церкви. Пошелъ и я вслѣдъ за ними, невольно припоминая, когда то сказанные мнѣ фургонщикомъ слова: „Счастье-то человѣка не узнано, не знаешь, гдѣ его найдешь, гдѣ потеряешь“.

Н. Наумовъ.

Въ сенейномъ кругу.

(Разсказъ Гюи-де-Мопассана).

Омнибусъ, идущій отъ Парижа въ предмѣстье Нелли, перешагнулъ арку Малью и направился по большой улицѣ, ведущей къ Сенѣ. Маленькій локомотивъ, прицѣпленный къ своему единственному вагону, трубилъ для устранения препятствій и выпускалъ свой паръ и пыхтѣлъ, какъ задыхающійся отъ скорого бѣга человекъ; а поршни его стучали, какъ быстро движущіяся желѣзныя ноги. Тяжелый жаръ лѣтняго дня стоялъ надъ дорогой, съ которой, несмотря на совершенное безвѣтріе, подымалась бѣлая мѣловатая пыль, удушливая и горячая; пыль эта прилипала къ потной кожѣ, засыпала и вбиралась въ легкія.

Люди выходили къ дверямъ, ища прохлады.

Окна вагона были все спущены, и занавѣски развѣвались отъ быстрой бѣды. Внутри пассажировъ было мало; (въ эти жаркіе дни большею частью предпочитаютъ имперіаль или платформу) тамъ сидѣло нѣсколько польскихъ разряженныхъ мѣщанокъ предмѣстья, которыя недостатокъ изящества въ манерахъ замѣняли неумѣстнымъ чванствомъ; нѣсколько мужчинъ утомленныхъ канцелярскими занятіями, съ пожелтѣвшими лицами, сгорбленныхъ, съ однимъ плечомъ выше другаго отъ долгой работы, согнувшись, надъ столомъ. Ихъ безпокойныя и грустныя лица говорили о домашнихъ заботахъ, о постоянныхъ денежныхъ нуждахъ, объ окончательно разбитыхъ надеждахъ.

всѣ они принадлежали къ той семьѣ бѣдняковъ, которые экономически прозябаютъ въ жиденькихъ штукатурныхъ домишкахъ съ грядкой цвѣтовъ вмѣсто сада посреди предмѣстій, окружающихъ Парижъ.

Около самой дверцы маленькій, толстый человекъ съ одутловатымъ лицомъ и отвислымъ животомъ, весь въ черномъ съ орденской лентой въ петлицѣ, разговаривалъ съ высокимъ, худымъ малымъ, небрежно одѣтымъ въ бѣлое, очень грязное платье, и съ старымъ панамомъ на головѣ. Первый говорилъ тихо, съ запинкой, точно заикался; это былъ г. Карабанъ, чиновникъ морскаго министерства. Другой прежде былъ лекаремъ на торговомъ суднѣ, теперь же поселился въ Курбева и практиковалъ среди бѣднаго населенія этого мѣстечка съ тѣми неопредѣленными отрывками знаній, которые остались ему отъ его полной приключеній жизни. Имя его было Шене, и онъ заставлялъ звать себя „докторомъ“. Носились слухи о его несовсѣмъ хорошей нравственности. Г. Карабанъ всегда жилъ ровною жизнью чиновника. Впродолженіи тридцати лѣтъ онъ аккуратно каждое утро приходилъ въ министерство, встрѣчая въ тѣ же часы тѣ же лица, идущія по своимъ дѣламъ, и возвращался каждый вечеръ опять по той же дорогѣ, гдѣ онъ снова встрѣчалъ все тѣ же состарившіяся на его глазахъ физиономіи.

Каждый день, купивъ на углу предмѣстья Сентъ-Оноре номеръ своей газеты, стоящей одинъ су, и взявъ два маленькіе хлѣбца, онъ входилъ въ министерство, подобно преступнику, предающемуся въ руки правосудія; онъ быстро пробирался къ своему столу и садился съ замираніемъ сердца, въ вѣчномъ ожиданіи выговора за оплошность, которую онъ, можетъ быть, сдѣлалъ.

Никогда еще ничто не возмущало однообразія его существованія, ибо никакое событіе внѣ канцелярскихъ дѣлъ, повышеній и наградъ, не трогало его. Былъ ли онъ въ министерствѣ, или въ своей семьѣ (онъ взялъ за себя безъ всякаго приданаго дочь одного своего сослуживца), онъ только и говорилъ, что о службѣ. Никогда умъ его, изсущенный одуряющей еже-

дневной работой, не зная других мыслей, других надежд, других мечтаний, кроме тѣхъ, которыя касались министерства. Но чиновническое чувство его постоянно оскорбляемо было однимъ обстоятельствомъ: доступомъ флогскихъ комиссаровъ къ должности начальника или помощника. И, каждый вечеръ за обѣдомъ, онъ доказывалъ въ присутствіи жены, вполне раздѣлявшей его чувства, что во всѣхъ отношеніяхъ безсовѣстно давать мѣста въ Парижѣ людямъ, которыхъ назначеніе — мореплаваніе.

Онъ состарился, не замѣчая, какъ прошла жизнь; школьную скамью онъ замѣнилъ канцелярскимъ столомъ; учителей, передъ которыми онъ дрожалъ прежде, замѣнили начальники, которыхъ онъ страшно боялся. Двери этихъ комнатныхъ деспотовъ заставляли трепетать его; отъ этого постоянного страха онъ получилъ какую-то неловкость въ обращеніи, что-то приниженное и робкое и нѣчто вродѣ заиканья.

Онъ зналъ Парижъ не болѣе того, какъ знаетъ его слѣпой, котораго собака каждый день водить по одной дорогѣ, и если онъ читалъ въ своей грошевой газетѣ о происшествіяхъ и скандалахъ дня, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на фантастическія сказки, изобрѣтенныя для увеселенія мелкихъ чиновниковъ. Сторонникъ порядка, реакціонеръ безъ опредѣленнаго направленія, но врагъ всѣхъ „новостей“, онъ пропускалъ политическій отдѣлъ газеты, которая впрочемъ всегда искажала факты, произведенные какой-нибудь партіей. Когда онъ вечеромъ проходилъ по Елисейскимъ Полямъ, возвращаясь домой, онъ смотрѣлъ на толпу гуляющихъ, на шумный потокъ экипажей глазами путешественника, попавшаго въ далекія, чужія страны.

Въ этомъ году онъ дослужилъ свои тридцать лѣтъ обязательной службы, и ему 1-го января вручили орденъ почетнаго Легіона, которымъ обыкновенно награждаютъ въ министерствахъ долгое и тяжелое рабство (такъ называемыя „добросовѣстныя заслуги“) этихъ печальныхъ каторжниковъ, прикованныхъ къ столамъ присутственныхъ мѣстъ. Это неожиданное отличіе, внушившее ему высокое мнѣніе о его способностяхъ.

совершенно измѣнило его привычки. Съ тѣхъ поръ цѣлныя брюки и визитки онъ замѣнилъ черными штанами и длинно-полыми сюртуками, на которыхъ „лента“ была болѣе замѣтна; онъ сталъ бриться каждое утро, съ большою тщательностью чистилъ свои ногти и мѣнялъ бѣлье каждый день изъ законнаго чувства приличія и уваженія къ національному „учрежденію“, котораго онъ былъ членомъ; онъ вдругъ сдѣлался другимъ Карабаномъ, вычищеннымъ, величественнымъ и снисходительнымъ.

Дома онъ говорилъ кстати и некстати „мой другъ“; его обуяла такая гордость, что онъ не могъ терпѣть какой бы то ни было ленты въ чужой петличкѣ. Въ особенности онъ приходилъ въ отчаяніе при видѣ иностранныхъ орденовъ, — которыхъ не слѣдовало бы позволять носить во Франціи, — и особенно злился на Шене, котораго онъ каждый день встрѣчалъ въ дилжансѣ съ какойнибудь то бѣлой, то синей, то оранжевой лентой въ петлицѣ.

Впрочемъ разговоръ этихъ двухъ личностей отъ Триумфальной арки до Нельи былъ всегда одинъ тотъ же; и въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе, они обсуждали разныя мѣстныя злоупотребленія и бранили мэра въ Нельи. Потому, какъ это неизбежно случается въ обществѣ врача, Карабанъ навѣлъ разговоръ на болѣзнь, надѣясь такимъ образомъ незамѣтно попользоваться даровымъ совѣтомъ, не давая замѣтить хитрость. Къ тому же здоровье матери беспокоило его съ нѣкотораго времени. Съ ней случались обмороки, и хотя ей было уже девяносто лѣтъ, она не соглашалась лѣчиться.

Ея глубокая старость приводила въ умиленіе Карабана, который безпрестанно повторялъ доктору Шене: „Много ли вы видите людей, которые доживаютъ до такихъ лѣтъ“. И онъ радостно потиралъ себѣ руки; не то, чтобы такъ сильно желалъ долголѣтності старушки, а потому, что долгота материнской жизни служила какъ бы гарантіей его собственнаго существованія. Онъ продолжалъ: — „О! въ моемъ роду подолгу живутъ, вотъ я, напримѣръ: я увѣренъ, что если не случится ничего особен-

наго, я проживу очень долго". — Лекаръ бросилъ на него взглядъ сожалѣнія, поглядѣлъ съ минутою на красноватое лицо своего собесѣдника, на его жирную шею, отвислый животъ, на всю эту апоплектическую толщину стараго, обрюзгшаго человѣка, и приподнявъ одной рукой свой грязноватый панамъ, насмѣшливо отвѣчалъ: — „Не будьте такъ увѣрены, сударь мой! Ваша матушка вѣдь аскетъ, ну, а вы покушать любите!“ Карабанъ смутился и замолчалъ. Между тѣмъ вагонъ остановился. Оба собесѣдника слѣзли, и г. Шене предложилъ выпить рюмочку полынной въ кофейной Глобуса, куда они обыкновенно ходили. Содержатель, пріятель ихъ, протянувъ имъ два пальца, которые они пожали черезъ бутылки прилавка, затѣмъ они подошли къ тремъ любителямъ игры въ домино, которые сидѣли здѣсь съ полудня. Они обмѣнялись привѣтствіями съ неизбѣжнымъ вопросомъ: „что новаго?“ и снова погрузились въ игру. Потомъ, протянувъ руки и не поднимая головы, простились съ двумя вошедшими, которые и разошлись по домамъ обѣдать.

Карабанъ жилъ недалеко отъ Курбева въ маленькомъ двухъ-этажномъ домикѣ, низъ котораго занималъ парикмахеръ.

Двѣ комнаты, столовая и кухня, въ которыхъ старыя, починенныя стулья, смотря по надобности, блуждали изъ одной комнаты въ другую—составляли всю квартиру, гдѣ г-жа Карабанъ проводила время въ чисткѣ, а двѣнадцатилѣтняя дочь ея Марія-Луиза и девятилѣтній сынъ Филиппъ-Августъ пачкались въ уличныхъ лужахъ со всѣми мальчишками квартала.

На верху Карабанъ помѣстилъ свою старуху-мать, скупость которой была знаменита въ окрестности; она была такъ худа, что про нее говорили, что Господь Богъ приложилъ къ ней всѣ свои собственные принципы экономіи. Всегда сердитая, она каждый день ссорилась и страшно злилась. Она ругала изъ своего окошка сосѣдей у воротъ, торговоекъ и мальчишекъ, которые бѣгали за ней, когда она выходила, и дразнили ее разными прозвищами.

Молоденькая вертлявая нормандка прислуживала Кара-

банамъ и спала во второмъ этажѣ, около старухи, чтобъ съ ней чего нибудь не случилось.

Когда Карабанъ пришелъ домой, жена его, одержимая хронической болѣзнью чистки, терла кускомъ фланели стулъ красного дерева, терявшійся въ пустотѣ комнаты. Она всегда носила нитяныя перчатки и украшала свою голову чепцомъ съ лентами всѣхъ цвѣтовъ, который всегда съѣзжалъ у нея на одно ухо, и каждый разъ какъ кто-нибудь заставлялъ ее моющею, трущей, чистящей, повторяла:

— „Я не богата; у меня все просто; но чистота—это мой роскошь, которая стоитъ всякой другой“.

Одаренная неизмѣннымъ практическимъ смысломъ, она во всемъ была руководительницей мужа. Каждый вечеръ, за столомъ и потомъ въ постели, они долго разговаривали о канцелярскихъ дѣлахъ; и хотя она была на двадцать лѣтъ моложе его, онъ довѣрялся ей, какъ духовнику, и во всемъ слушался ея совѣтовъ.

Она никогда не была красива, теперь она была дурна,—маленькая и худая. Ея неумѣнье одѣваться скрадывало и тѣ незначительные атрибуты женственности, которые должны бы были выступать при большемъ искусствѣ въ одеждѣ. Юбки ея всегда были сдернуты на сторону, и она часто чесалась гдѣ попало, не обращая вниманія на присутствующихъ,—у нея это была какая-то манія или тикъ. Единственное украшеніе, которое она позволяла себѣ, заключалось въ обиліи разноцвѣтныхъ лентъ, перепутанныхъ на чепчикахъ, которые она носила дома.

Какъ только она увидѣла мужа, она встала и, поцѣловавъ его бакенбарды, спросила:

— Ты вспомнилъ о Потенѣ, другъ мой?

Это было порученіе, которое она дала ему. Она такъ и повалилась на стулъ: онъ опять забылъ, въ четвертый разъ.

— Это просто судьба, повторялъ онъ, просто судьба. Цѣлый день думаю объ этомъ, а какъ вечеръ придетъ, такъ и забуду.

Такъ какъ онъ казался очень огорченнымъ, она утѣшила его.

— Ну, ты вспомнишь завтра, вотъ и все! Ничего новаго въ министерствѣ?

— Какже, большая новость; еще одинъ жестяникъ попалъ въ помощники.

Она сдѣлалась серьезной.

— Въ какомъ отдѣленіи?

— Въ отдѣленіи внѣшней торговли,

Она разсердилась.

— На мѣсто Рамона, значить; какъ разъ то мѣсто, которое я желала для тебя! А Рамонъ, въ отставку?

Онъ пробормоталъ.

— Въ отставку!

Ее взорвало; чепецъ съѣхалъ на плечо.

— Нѣтъ, ужъ теперь конецъ! намъ больше нечего дѣлать въ этой конурѣ. А какъ его зовутъ, этого комиссара?

— Бонассо.

Она взяла Календарь Морскаго Вѣдомства, который у нея всегда былъ подъ рукой, и съяскала: „Бонассо въ Тулонѣ—родился въ 1851 г.—произведенъ въ комиссары въ 1875 г.“

— Былъ ли онъ въ плаваніи?

При этомъ вопросѣ чело Карабана прояснилось. Веселый смѣхъ потрясъ его животъ.

— Какъ и Балень, точно такъ же, какъ Балень, его начальникъ.

И онъ прибавилъ, смѣясь еще громче, старую шутку, которую все министерство находило безподобной:

— Ихъ бы нельзя было послать водой осматривать корабельную станцію Point de tous; они бы захворали на маленькихъ пароходахъ.

Но она оставалась серьезной, какъ бы не слыша; потомъ пробормотала тихонько, почесывая подбородокъ:

— Кабы только имѣть какого-нибудь депутата подъ рукой! Когда Палата узнаетъ, что тамъ происходитъ, министръ разомъ полетитъ съ мѣста...

Раздавшіеся на лѣстницѣ крики прервали ее: Марія-Луиза

и Филиппъ-Августъ, возвращавшіеся съ улицы, задавали другъ другу потасовку. Мать выбѣжала взбѣшенная, схватила каждого за руку и съ силой бросила ихъ въ комнату.

Какъ только они увидѣли отца, тотчасъ бросились къ нему, и онъ ихъ нѣжно обнялъ; потомъ сѣлъ, посадивъ ихъ къ себѣ на колѣни и сталъ болтать съ ними.

Филиппъ-Августъ былъ дрянной мальчишка, растрепанный, грязный съ головы до ногъ, съ пидіотской фізіономіей.

Марія - Луиза была вылигая мать, говорила, какъ она, повторяла ея слова и подражала ея маерамъ. Она также сирота:

— Что новаго въ министерствѣ?

Онъ отвѣчалъ ей:

— Твой другъ, Рамонъ, не будетъ больше приходить обѣдать каждый мѣсяць, онъ покидаетъ насъ, дочурка. На его мѣсто назначень другой помощникъ.

Она подвела глаза на отца и, съ соболѣзнованіемъ рано развившагося ребенка, сказала:

— Значить, еще одинъ перескочилъ черезъ тебя!

Онъ пересталъ смѣяться и не отвѣчалъ; потомъ, чтобы перемѣнить разговоръ, обратился къ женѣ, которая протираала теперь окна:

— А матушка здорова?

Г-жа Карабанъ перестала протирать, обернулась, поправила съѣхавшій на спину чепецъ и съ дрожащими губами заговорила:

— Да, ужъ матушка твоя—хороша, нечего сказать! Хорошую она со мной штуку сыграла! Представь себѣ, г-жа Лебодень, жена парикмахера, приходитъ, чтобы попросить крахмалу взаимы; меня не было дома, а матушка твоя прогнала ее и обругала нищенкой. Ну, да я ужъ съ ней расправилась по своему! Она, по обыкновенію, представилась, будто ничего не слышитъ, что она всегда дѣлаетъ, когда ей говорятъ правду; но она такъ же хорошо слышитъ, какъ и я; это все хитрости, доказательствомъ того—она ушла наверхъ, не сказавъ ни слова.

Карабанъ, сконфуженный, молчалъ, когда служанка, влетѣвъ въ комнату, объявила, что обѣдъ готовъ. Тогда, чтобы предупредить мать, онъ взялъ палку отъ половой щетки, всегда стоявшую для этой цѣли за дверью, и три раза постучалъ въ потолокъ. Потомъ всѣ перешли въ столовую, и младшая г-жа Карабанъ стала разливать супъ, въ ожиданіи старухи. Такъ какъ она не приходила, и супъ стылъ, то начали по немножку ѣсть; потомъ, когда тарелки опустѣли, подождали еще. Г-жа Карабанъ бѣсилась и нападала на мужа.

— Это она все нарочно дѣлаетъ, а ты ей всегда потакаешь.

Онъ, не зная что дѣлать, послалъ Марію-Луизу за бабушкой, а самъ, смущенный, сидѣлъ съ опущенными глазами, пока жена нетерпѣливо колотила ножомъ объ стаканъ. Вдругъ дверь растворилась, и на порогѣ показалась дѣвочка, одна, запыхавшаяся, блѣдная, и проговорила:

— Бабушка упала на полъ.

Карабанъ вскочилъ и, бросивъ салфетку на столъ, побѣжалъ по лѣстницѣ тяжелыми, торопливыми шагами, тогда какъ жена его, думая, что это опять какая нибудь хитрость злой свекрови, пошла потихоньку, презрительно пожимая плечами.

Старуха лежала, растянувшись на полу, лицомъ къ полу, и когда сынъ повернулъ ее къверху, она осталась неподвижной съ желтымъ сморщеннымъ лицомъ, съ закрытыми глазами, стиснутыми зубами; все худое тѣло ея точно одеревенѣло. Карабанъ, на колѣняхъ около нея, стоналъ:

— Бѣдная матушка! бѣдная матушка!

Но молодая г-жа Карабанъ, поглядѣвъ на нее съ минуту, сказала:

— Ну вотъ! съ ней опять обморокъ — вотъ и все! это только для того, чтобы помѣшать намъ обѣдать, повѣрь мнѣ.

Тѣло перенесли на кровать, раздѣли совершенно, и всѣ, Карабанъ, жена его и служанка, начали растирать. Но, несмотря на ихъ усилія, она не приходила въ себя. Тогда по-

стали Розалію за докторомъ Шене. Онъ жилъ на набережной, близъ Сюрени. Это было далеко, пришлось долго ждать. Наконецъ онъ пришелъ и, посмотрѣвъ, пощупавъ и постукавъ старуху, произнесъ:

— Кончено.

Карабанъ повалился на трупъ, судорожно рыдая; онъ покрывалъ поцѣлуями неподвижное лицо матери и проливалъ такія обильныя слезы, что онѣ, какъ капли воды, скатывались на покойницу. Г-жа Карабанъ показывала огорченіе изъ прилгчія и, стоя позади мужа, испускала слабые стоны, упорно потирая глаза платкомъ.

Карабанъ, съ раздувшимся лицомъ, съ растрепанными жиденькими волосами, очень некрасивый въ своей истинной скорби, вдругъ выпрямился.

— Но, вы увѣрены... докторъ, вы совершенно увѣрены?

Докторъ быстро приблизился и, съ привычною ловкостью обращенія, поворачивая трупъ, какъ купецъ, показывающій товаръ, сказалъ:

— Да, посмотрите, батюшка, на этотъ глазъ.

Онъ приподнялъ вѣко, изъ подъ котораго показался глазъ старухи, нисколько не измѣнившійся, съ нѣсколько расширеннымъ зрачкомъ. Карабана точно что кольнуло въ сердце; ужась пробѣжалъ по его тѣлу. Шене схватилъ сжатую руку и попробовалъ раздвинуть пальцы, обозлившись, какъ будто ему противорѣчили:

— Да смотрите же эту руку! Ужъ я не ошибусь, будьте спокойны.

Карабанъ опять повалился на постель и почти замычалъ; между тѣмъ какъ жена его, все еще продолжая хныкать, дѣлала необходимыя распоряженія. Она придвинула ночной столикъ, накрыла его салфеткой, поставила на него четыре зажженные свѣчи, взяла торчащую за зеркаломъ освященную вѣтку и положила между свѣчами въ тарелку, наполненную простой водой, такъ какъ у нея не было освященной; но, подумавъ немного, она бросила туда щепотку соли, воображая,

вѣроятно, что замѣняетъ этимъ освященіе. Когда она окончила всѣ эти приготовленія, то остановилась неподвижно. Тогда докторъ, который помогалъ ей, тихонько сказалъ:

— Надо увести Карабана.

Она сдѣлала знакъ согласія и, подошедши къ мужу, который все еще рыдалъ на колѣняхъ, положивъ голову на кровать, приподняла его за одну руку, между тѣмъ какъ докторъ Шене взялъ его за другую. Сначала его посадили на стулъ, и жена, поцѣловавъ его въ лобъ, начала его уговаривать; докторъ вторилъ ей, совѣтуя вооружиться мужествомъ, покорностью, твердостью, всѣми качествами, которыя невозможно сохранить при подобныхъ потрясающихъ происшествіяхъ. Потомъ оба опять схватили его подъ руки и увели. Онъ ревелъ, какъ ребенокъ, судорожно всхлипывая, и съ подкашивающимися ногами и болтающимися руками сошелъ съ лѣстницы, безсознательно, машинально передвигая ноги.

Его посадили въ кресло, которое онъ всегда занималъ за столомъ, передъ пустой почти тарелкой, въ которой лежала еще ложка, и онъ остался тутъ безъ движенія, уставивъ глаза на стаканъ. У него не было ни одной мысли въ головѣ. Г-жа Карабанъ, въ углу, разговаривала съ докторомъ, спрашивала о формальностяхъ, наводила всевозможныя практическія справки. Наконецъ Шене, который казалось чего-то ждалъ, взялся за шляпу и, объявивъ, что онъ еще не обѣдалъ, сталъ прощаться. Она вскричала: „Какъ? вы не обѣдали? Такъ оставайтесь, докторъ, оставайтесь; вамъ подадутъ, что есть, вы понимаете, что мы сами много ѣсть не будемъ“.

Онъ отказывался, извиняясь; она настаивала: — Какъ же, право оставайтесь; въ подобныя минуты надо радоваться, когда есть друзья около насъ; а потомъ, вы, можетъ быть, уговорите мужа съѣсть что нибудь: ему необходимо подрѣшнить силы“.

Докторъ поклонился и положилъ шляпу.

— Въ такомъ случаѣ, я согласенъ, сударыня, сказалъ онъ. Она отдала кое-какія приказанія одурѣвшей Розалин, по-

томъ сѣла сама за столъ: „чтобъ составить компанію доктору“, говорила она.

Принялись опять ѣсть холодный супъ. Шене попросилъ вторую тарелку. Потомъ подали рубецъ à la lyonnaise, пространявшій сильный запахъ лука, и котораго г-жа Карабанъ рѣшилась попробовать.

— „Это неподобно“ сказалъ докторъ. Она улыбнулась. — Неправда-ли? и обратилась къ мужу: — „Возьми же немножко этого, мой бѣдный Альфредъ, чтобы чѣмъ нибудь наполнить желудокъ; подумай, вѣдь ты не будешь спать ночь!“ Онъ послушно протянулъ тарелку, такъ же, какъ и легъ бы въ постель, еслибъ ему велѣли, исполняя все безъ сопротивленія и разсужденія. И онъ сталъ ѣсть. Докторъ три раза накладывалъ себѣ съ блюда, между тѣмъ какъ г-жа Карабанъ время отъ времени брала по большому куску на вилку и проглатывала ихъ съ невнимательностью.

Когда появилось полное блюдо макаронъ, докторъ пробормоталъ: — „Вотъ такъ славная штука!“ Г-жа Карабанъ это блюдо всѣмъ раздала сама. Она наполнила даже тарелочки, въ которыхъ пачкались дѣти, оставленные безъ вниманія; тѣ на свободѣ пили вино безъ воды и уже начинали колотить другъ друга ногами подъ столомъ.

Шене припомнилъ, что Россини очень любилъ это итальянское кушанье; но его никто не слушалъ. Г-жа Карабанъ думала о предполагаемыхъ послѣдствіяхъ происшествія, а мужъ ея каталъ шарики изъ хлѣба, клалъ ихъ на скатерть и бессмысленно глядѣлъ на нихъ. Такъ какъ горло у него пересыхало, то онъ поминутно пилъ вино изъ своего стакана, и разумъ его, потрясенный горестнымъ событіемъ, начиналъ теряться. Докторъ, впрочемъ, тоже пилъ ужасно много и видимо хмѣлѣлъ, и сама г-жа Карабанъ, испытывая реакцію, которая слѣдуетъ за каждымъ нервнымъ потрясеніемъ, тоже волновалась, хотя и пила одну воду, и чувствовала тяжесть въ головѣ.

Шене принялся рассказывать разные анекдоты о смертныхъ

случаяхъ, казавшіеся ему забавными. Въ парижскихъ предмѣ-
стьяхъ, населенныхъ людьми изъ провинцій, нерѣдко встрѣтить
равнодушіе къ смерти, отличающее крестьянъ, хотя бы умершіе
были отецъ или мать, то неуваженіе и безсознательную жесто-
кость, которыя составляютъ обыкновенное явленіе въ деревняхъ
и рѣдко встрѣчаются въ Парижѣ.

Онъ говоритъ: — „Да вотъ, не далѣе какъ на прошедшей
недѣлѣ, въ улицѣ Пюто, меня зовутъ, я бѣгу; но нахожу
больнаго уже мертвымъ, а около постели семья преспокойно
допиваетъ бутылку сладкой водки, купленную наканунѣ, чтобы
удовлетворить прихоть умирающаго“.

Но г-жа Карабанъ не слушала, думая о наслѣдствѣ; а
Карабанъ съ опустѣвшей головой — ничего не понималъ.

Подали кофе, приготовленный очень крѣпкимъ, чтобы под-
крѣпить духъ. Каждая чашка, подправленная коньякомъ, застав-
ляла краснѣть лица и путала послѣднія мысли и безъ того
уже блуждавшихъ умовъ.

Затѣмъ докторъ схватилъ бутылку водки и налилъ всѣмъ въ
чашки до краевъ. И не говоря ни слова, объятые сладкой
теплотой совершающагося пищеваренія и тѣмъ животнымъ
благосостояніемъ, которое производитъ алкоголь послѣ обѣда,
они тихонько пили сладкій коньякъ, образующій желтый сы-
ропъ на днѣ чашекъ.

Дѣти уснули, и Розалія уложила ихъ въ постель.

Тогда Карабанъ, машинально повинуюсь желанію забыться,
побуждающему всѣхъ несчастныхъ выпивать, наливалъ себѣ
безпрестанно; глаза его совершенно посоловѣли.

Наконецъ докторъ всталъ, чтобы уйги, и, взявъ друга подъ
руку, сказалъ: — „Пойдемте со мной, воздухъ васъ освѣжить;
когда есть какая-нибудь непріятность, не надо оставаться на
мѣстѣ“.

Тотъ повиновался, надѣлъ шляпу, взялъ палку, и оба, под-
держивая другъ друга, направилась къ Сенѣ.

Звѣзды ярко сіяли, въ тепломъ ночномъ воздухѣ носились
благоуханія отъ садовъ, наполненныхъ въ это время года цвѣ-

тами, ароматы которыхъ, какъ бы спящіе днемъ, казалось пробуждались къ вечеру и разносились легкимъ ночнымъ вѣтеркомъ. Широкая улица была пустыня и тиха, освѣщенная двумя рядами газовыхъ фонарей вплоть до Триумфальной арки; но тамъ дальше, въ красноватомъ туманѣ, шумѣлъ Парижъ. Это былъ какой-то непрерывный гулъ; изрѣдка слышался вдали, гдѣ-то въ полѣ, свистокъ поѣзда, несущагося на всѣхъ парахъ къ городу или убѣгающаго отъ него къ океану.

Воздухъ сначала ошеломилъ обоихъ мужчинъ; докторъ сталъ терять равновѣсіе, а у Карабана сильнѣе закружилась голова. Онъ шелъ точно во снѣ, умъ былъ парализованъ, онъ не чувствовалъ уже горя, имъ овладѣло какое-то нравственное оцѣпененіе, мѣшавшее ему страдать; онъ чувствовалъ даже какое-то облегченіе, увеличиваемое еще теплыми ароматами ночи. Дойдя до моста, они повернули направо, и отъ рѣки на нихъ повѣяло свѣжестью. Она текла мечтательно и спокойно мимо высокихъ тополей, и звѣзды, казалось, плавали по ней, слегка колеблемыя теченіемъ. Легкій бѣловатый туманъ носился надъ противоположнымъ берегомъ, и отъ него вѣяло сыростью. Карабанъ остановился внезапно пораженный этимъ запахомъ рѣки, пробудившемъ въ его сердцѣ старыя, забытыя воспомнанія

И онъ вдругъ увидѣлъ свое дѣтство: мать его, стоя на колѣняхъ передъ своей дверью, тамъ, въ Пикардін, полоскала въ ручейкѣ, протекающемъ черезъ садъ, бѣлье, лежащее кучей около нея. Онъ слышалъ стукъ ея валька и голосъ ея, который кричалъ: „Альфредъ, принеси мнѣ мыла“; это былъ тотъ же запахъ текущей воды, тотъ же паръ, поднимающійся отъ сырой почвы, тотъ же болотистый туманъ, ощущеніе котораго оставалось въ немъ незабвеннымъ. И все это припомнилось ему какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда умерла его мать.

И снова налетѣлъ на него порывъ страстнаго отчаянія. Какимъ яркимъ свѣтомъ мгновенно осѣтила вся громадность его горя! Онъ чувствовалъ, что сердце его разрывается отъ этой безконечной разлуки. Жизнь его перерѣзалась пополамъ;

и вся его молодость отошла куда-то съ этою смертию. Все это „прежнее“ было кончено; всѣ воспоминанія юности исчезали; никто уже никогда не будетъ говорить съ нимъ о прошломъ, о людяхъ, которыхъ онъ зналъ когда-то, о его родинѣ, о немъ самомъ, о мелочахъ его прежней жизни. Ему казалось, будто одна часть его собственного существа перестала существовать; теперь скоро и другой пора умирать. И опять началась вереница воспоминаній. Онъ снова увидалъ „мамашу“, болѣе молодую, одѣтую въ платья, износившіяся на ея тѣлѣ, которыя она носила такъ долго, что они казались какъ бы сросшимися съ ней; она вспомнилась ему въ тысячи забытыхъ случаяхъ, со всѣми жестами, голосомъ, привычками, порывами гнѣва; онъ увидалъ каждую складку ея лица, движеніе ея сухихъ пальцевъ, со всѣми ея мельчайшими отбѣнками, и—всего этого онъ больше не увидитъ!

И, цѣпляясь за доктора, онъ застоялъ. Нетвердыя ноги его дрожали; все его толстое тѣло тряслось отъ рыданій. Онъ лепеталъ: „Матушка, бѣдная, бѣдная матушка!“ Но товарищъ его, все еще пьяный и мечтавшій провести вечеръ въ мѣстѣ, которое онъ тайно посѣщалъ, потерялъ наконецъ терпѣніе при этомъ новомъ приливѣ горя; онъ посадилъ Карабана на берегу рѣки и оставилъ его подъ предлогомъ посѣщенія больного.

Карабанъ долго плакалъ; потомъ, когда слезъ больше не стало, когда съ ними вылилась, такъ сказать, вся его скорбь, онъ опять ощутилъ облегченіе и вдругъ успокоился.

Мѣсяцъ взошелъ и своимъ спокойнымъ свѣтомъ обливалъ горизонтъ. Большіе тополи отливали серебромъ, и туманъ надъ поляной казался летучимъ свѣгомъ. Рѣка, гдѣ уже не плавали звѣзды, отливала перламутромъ, подернутая легкою рябью. Воздухъ былъ тихій, вѣтерокъ душистый вѣялъ, земля покоилась въ сонной нѣгѣ, и Карабанъ впадалъ въ себя эту сладость ночи; онъ глубоко вздыхалъ, и ему казалось, что по всему его тѣлу разливается какая-то свѣжесть, спокойствіе и неземное утѣшеніе.

Но онъ все противился этому оладѣвающему имъ чувству

благосостоянія и повторялъ: „Бѣдная, бѣдная матушка!“ и возбуждать себя къ слезамъ; но онъ не могъ больше плакать и даже никакой грусти не чувствовалъ больше, при тѣхъ самыхъ мысляхъ, которыя заставили его такъ горько рыдать.

Тогда онъ всталъ и тихонько пошелъ домой, объятый тихимъ спокойнымъ равнодушіемъ природы и съ успокоеннымъ противъ его воли сердцемъ.

Около моста онъ увидѣлъ фонарь послѣдняго отъѣзжающаго омнибуса и позади его освѣщенные окна кафе Глобусъ. Тогда ему вдругъ захотѣлось рассказать кому-нибудь свое несчастье, возбудить состраданіе, сдѣлаться интереснымъ. Онъ сдѣлалъ плачевную фізіономію, толкнулъ дверь кафе и подошелъ къ конторкѣ, за которой все еще возсѣдалъ хозяинъ. Онъ рассчитывалъ на эффектъ: сейчасъ всѣ встанутъ и подойдутъ къ нему, протягивая руки: „Что съ вами?“ Однако никто не замѣтилъ горестнаго выраженія его лица. Тогда онъ облокотился на конторку и, сжимая руками голову, прошепталъ: „Боже мой, Боже мой!“ Хозяинъ посмотрѣлъ на него: „Вы нездоровы, г. Карабанъ?“ Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, другъ мой, но мать моя умерла!“ Тотъ разсѣянно сказалъ: „А!“; и такъ какъ кто-то изъ посѣтителей закричалъ: „Кружку пива, пожалуйста!“, то онъ тотчасъ же отвѣчалъ громовымъ голосомъ: „Сейчасъ, сейчасъ—буль!“ и бросился подавать, оставивъ изумленнаго Карабава.

За тѣмъ же столомъ, неподвижные и погруженные въ игру, сидѣли любители домино. Карабанъ подошелъ къ нимъ, ища соболѣзнованія. Такъ какъ они не замѣчали его, то онъ рѣшился начать: „Со мной только что случилось большое несчастье“, сказалъ онъ. Они приподняли головы всѣ трое вѣстѣ, не выпуская однако ниты изъ глазъ. „Что такое?“ — „Моя мать умерла!“ Одинъ изъ нихъ пробормоталъ: „Ахъ, ты, чортъ!“ тѣмъ фальшиво-грустнымъ тономъ, который принимаютъ равнодушные. Другой, не находя что сказать, покачалъ головой и испустилъ какой-то грустный свистъ; третій принялся опять за игру, какъ бы подумавъ про себя: „Только-то!“

Карабанъ ожидалъ одного изъ тѣхъ словъ, которыя идутъ

отъ сердца“; но, увидавъ, какъ его приняли, отошелъ, возмущенный равнодушіемъ этихъ людей передъ горемъ друга, хотя горе это такъ притупилось, что онъ его уже почти не чувствовалъ.

Онъ вышелъ.

Жена ждала его, сидя на низенькомъ стулѣ, въ ночной рубашкѣ, у открытаго окна, и все думая о наслѣдствѣ.

— Раздѣвайся, сказала она, мы поговоримъ въ постели.

Онъ поднялъ голову и, показывая глазами на потолокъ, сказалъ:

— „А тамъ... никого нѣтъ?“

— Какъ же, Розалія около нея. Ты замѣнишь ее въ три часа, а до тѣхъ поръ ты долженъ соснуть.

Онъ однако не совсѣмъ раздѣлся, чтобы быть готовымъ на всякій случай, повязалъ платокъ вокругъ головы и присоединился къ женѣ, которая была уже въ постели.

Они нѣсколько времени посидѣли рядомъ. Она размышляла. Чепчикъ ея даже и теперь былъ украшенъ розовымъ бантомъ и съѣхалъ на ухо по непреодолимой привычкѣ всѣхъ ея чепцовъ.

Вдругъ, она повернула къ нему голову: „Ты не знаешь, сдѣлала ли твоя мать завѣщаніе?“ спросила она. Онъ отвѣчалъ нерѣшительно: „Я, я не думаю, нѣтъ, навѣрное она не дѣлала“. Г-жа Карабанъ посмотрѣла мужу прямо въ глаза и тихимъ, злобнымъ голосомъ заговорила: „Это просто безсовѣстно; вѣдь мы десять лѣтъ возмся съ ней, даемъ ей помѣщеніе, кормимъ ее! Ужъ навѣрное твоя сестра не сдѣлала бы этого, да и я тоже, еслибъ знала, какая мнѣ будетъ за это награда. Да, это позоръ на ея памяти. Ты скажешь мнѣ, что она намъ платила,— правда; но заботы своихъ дѣтей не деньгами оплачиваютъ; ихъ вознаграждаютъ духовнымъ завѣщаніемъ послѣ смерти. Вотъ какъ поступаютъ порядочные люди. И такъ, я за мои труды и хлопоты останусь ни съ чѣмъ! Это прелество, нечего сказать!“ Растерявшійся Карабанъ повторялъ: „Милая, голубушка, ради Бога, умоляю тебя!“ Наконецъ она успокоилась и заговорила обыкновеннымъ тономъ: „Завтра утромъ надо

извѣстить твою сестру“. Онъ такъ и привскочилъ: „И то правда, а я и забылъ; рано утромъ пошлю депешу“. Но она, какъ предупредительная женщина, остановила его: „Нѣтъ, пошли только отъ десяти до одиннадцати, а то мы не успѣемъ и обернуться до ея приѣзда. Отъ Шарантона сюда не болѣе двухъ часовъ ѣзды. Мы скажемъ, что ты потерялъ голову, а, предупредивъ утромъ, мы все-таки не подадимъ повода къ ссорѣ. Но Карабанъ ударилъ себя по лбу и тѣмъ робкимъ голосомъ, которымъ онъ всегда говорилъ о своемъ начальникѣ, заставляющемъ его трепетать при одной мысли о немъ, сказать:

— „Надо также дать знать въ министерство“. Она отвѣчала: зачѣмъ это? Въ такихъ случаяхъ всегда прощительно бываетъ забыть. Не предупреждай, повѣрь мнѣ, начальникъ твой ничего не можетъ тебѣ сказать, а ты ему сдѣлаешь порядочную неспрiятность.

— „О да! это навѣрное, сказалъ онъ, и онъ ужасно разозлится, когда увидитъ, что я не пришелъ. Да, твоя правда, это прекрасная мысль: когда я ему скажу, что у меня мать умерла, онъ поневолѣ долженъ будетъ молчать“.

И чиновникъ, въ восхищенiи отъ этой штуки, потиралъ руки, представляя себѣ физиономiю начальника, между тѣмъ какъ надъ нимъ лежало, около спящей служанки, тѣло старухи.

Г-жа Карабанъ сдѣлалась озабоченной, точно ея преслѣдовала мысль, которую трудно высказать. Наконецъ она рѣшилась:

— „Вѣдь твоя мать подарила тебѣ часы, неправда-ли? дѣвушку съ бильбоке?“

Онъ сталъ припоминать и отвѣчать:

— Да, да, она мнѣ сказала: часы будутъ твои, но это было давно, еще когда она переѣхала сюда.

Г-жа Карабанъ успокоилась и повеселѣла:

— Такъ видишь-ли, надо за ними сходить, потому что если мы будемъ ждать сестру, она не позволитъ намъ взять ихъ.

Онъ колебался.

— Ты думаешь?

Она разсердилась:— Разумѣется, думаю! Разъ часы здѣсь,— наши—да и кончено. Также и коммодъ ея,— тотъ, у котораго мраморная доска: она мнѣ подарила его однажды, когда была въ духѣ. Мы и его снесемъ.

— Но, другъ мой, это большая отвѣтственность...

Она повернулась къ нему вѣзвѣнно:

— Ну вотъ! ты никогда не перемѣнишься. Ты своихъ дѣтей по-миру пустишь и пальцемъ не пошевелишь. Если она мнѣ подарила этотъ коммодъ — значить онъ нашъ... А если твоя сестра будетъ недовольна, то мнѣ это скажетъ, а не тебѣ — а мнѣ очень нужно! Ну встанай-же скорѣе, и принедемъ то, что мать намъ подарила.

Побѣжденный ея доводами, онъ всталъ съ постели и стать было одѣваться, но она остановила его:

— Не стойтъ, не одѣвайся, я тоже такъ пойду.

И оба въ ночныхъ костюмахъ пошли тихонько по лѣстницѣ. осторожно отворили дверь и взошли въ комнату, гдѣ четыре свѣчи, зажженные около освященной вѣтки, казалось, одни сторожили покойницу. Розалія лежала въ креслѣ, вытянувъ ноги, сложивъ руки на колѣняхъ и склонивъ голову на плечо, и спала съ открытымъ ртомъ, слегка прихрапывая.

Карабанъ взялъ часы. Это было одно изъ безвкусныхъ произведеній второй имперіи: молодая дѣвушка изъ позолоченной бронзы, со множествомъ цвѣтовъ на головѣ, держала въ рукахъ бѣльбоке, шарикъ котораго служилъ маятникомъ.

— Дай это мнѣ, сказала ему жена, а ты возьмишь мраморную доску коммода.

Онъ, пыхтя, повиновался и съ трудомъ взвалилъ себѣ доску на плечо.

Затѣмъ они вышли. Карабанъ нагнулся, чтобы пройти въ дверь, и стать осторожно спускаться съ лѣстницы, между тѣмъ какъ жена его, сходя задомъ, свѣтила ему одной рукой, а другой держала подъ мышкой часы.

Когда они вернулись къ себѣ, она глубоко вздохнула.

— Главная работа сдѣлана, сказала она, пойдемъ за остальными.

Но ящички коммода были полны вещей; ихъ надо было куда-нибудь спрятать.

Г-жа - Карабанъ придумала: — пойдн-ка, принеси еловый ящикъ изъ подъ дровъ: онъ и сорока су не стоитъ; его можно сюда поставить.

И вотъ, когда ящички были принесены, началась переборка: они брали одно за другимъ рубашки, чепчики, воротники и рукавички—все бѣдное приданое старушки, и аккуратно укладывали ихъ въ дровяной ящикъ, чтобы обмануть г-жу Бро, дочь покойной, которая должна была прїѣхать завтра. Когда это было сдѣлано, они снесли сначала ящички коммода, потомъ и самый корпусъ; и оба долго совѣщались куда бы его лучше поставить. Рѣшили помѣстить его въ спальнѣй противъ кровати, между окнами. Когда коммодъ былъ поставленъ, г-жа Карабанъ наполнила его своимъ собственнымъ бѣльемъ. Часы поставили на каминъ въ залѣ, и оба стали любоваться эффектомъ, который производили вещи. Они пришли въ восторгъ: — очень хорошо, сказала она.

— Да, очень хорошо, повторилъ онъ. — И опять легли. Она потушила свѣчу, и вскорѣ въ домѣ все заснуло.

Былъ уже день, когда Карабанъ открылъ глаза. Въ головѣ у него былъ какой-то туманъ, и онъ только спустя нѣкоторое время вспомнилъ о случившемся. Воспоминаніе это, какъ пожемъ, ударило его вдругъ; онъ вскочилъ съ постели очень взволнованный—и готовый снова заплакать.

Онъ проворно взошелъ на верхъ, въ комнату умершей, гдѣ Розалія спала еще, все въ той-же позѣ. Онъ отослалъ ее къ своимъ занятіямъ, замѣнилъ сгорѣвшія свѣчи новыми, потомъ сталъ смотрѣть на мать и голова его наполнилась тѣми мыслями, которыя кажутся глубокими, тѣми религіозными и философскими плоскостями, которыя овладѣваютъ ограниченными умами въ присутствіи смерти.

Но, такъ какъ жена звала его, онъ сошелъ внизъ, она

сдѣлала списокъ всего, что надо сдѣлать въ это утро, и передала ему этотъ переченьъ, который ужаснулъ его.

Онъ прочиталъ:

Во-1-хъ, объявить въ городскомъ правленіи.

Во-2-хъ, спросить доктора мертвыхъ.

Въ-3-хъ, заказать гробъ.

Въ-4-хъ, зайти въ церковь.

Въ-5-хъ, зайти къ факельщикамъ.

Въ-6-хъ, зайти въ типографію заказать письма.

Въ-7-хъ, зайти къ нотаріусу.

Въ-8-хъ, зайти на телеграфную станцію, чтобъ послать депешу—родственникамъ.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ.

Между тѣмъ новость распространилась, и сосѣдки стали собираться посмотрѣть покойницу.

Внизу, у парикмахера, произошла даже по этому случаю сцена между мужемъ и женой, въ то время, какъ тотъ брилъ посѣтителя.

Жена вязала чулокъ и бормотала.

— Вотъ и еще одной меньше—и скупая-же она была, какихъ мало! Хотя я ее и не любила, а все таки надо пойти посмотрѣть.

Мужъ проворчалъ, намыливая подбородокъ пациента:

Вотъ еще, глупости! На это только женщины и способны. Мало того, что надоѣдаютъ при жизни, и послѣ смерти-то еще покою не даютъ.

Но супруга его, не смущаясь, продолжала:

— Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Я должна пойти: меня это уже съ утра мучить! Мнѣ кажется, если я ее не увижу, то буду думать о ней всю жизнь. Но когда я хорошенько разсмотрю ее и запомню ея лицо, тогда буду покойна.

Мужъ пожалъ плечами и, обращаясь къ господину, которому скоблилъ щеку, сказалъ:—ну что за иден, спрашиваю я васъ, приходятъ въ голову этимъ проклятымъ бабамъ! вотъ мнѣ несколько не хочется посмотрѣть на мертвеца.

Но жена услышала это и отвѣчала совершенно спокойно:

— Ну, а мнѣ вотъ хочется. Положила вязанье и отпра-
вилась наверхъ.

Двѣ сосѣдки были уже тамъ, онѣ разговаривали о случив-
шемся съ г-жею Карабанъ, которая сообщала имъ подробности.

Затѣмъ всѣ пошли въ комнату умершей. Всѣ женщины
взошли туда на цыпочкахъ, покропили одна за другой покой-
ницу соленой водой, стали на колѣна, перекрестились, бор-
моча какую-то молитву, потомъ встали и поглядѣли широко
раскрытыми глазами, слегка разинувъ ротъ, на тѣло, между тѣмъ
какъ невѣстка покойной прикладывала платокъ ко рту и прит-
ворно рыдала. Обернувшись къ выходу, она вдругъ увидала
у дверей Марію-Луизу и Филиппа-Августа; оба они стояли въ ру-
башкахъ и любопытно смотрѣли. Тогда, забывъ свое притворное
горе, она накинулась на нихъ съ поднятой рукой и закричала:

— Убирайтесь вы вонъ, живо! озорники эдакіе.

Когда она вернулась съ новой процессіей сосѣдокъ, покро-
пила свекровь водой, поплакала, помолилась, то опять уви-
дала обонхъ дѣтей за собой. Она снова дала имъ подзатыль-
ника, а въ слѣдующій разъ уже не обращала болѣе на нихъ
вниманія, и, при каждомъ приходѣ посѣтителей, ребятишки
тоже приходили, становились на колѣна въ углу и прощали-
вали все, что дѣлала мать.

Послѣ полудня визиты прекратились. Г-жа Карабанъ от-
правилась къ себѣ и занялась приготовленіями къ похоронамъ,
а покойница осталась одна.

Окно было открыто; изъ него въ комнату вмѣстѣ съ клу-
бами пыли входилъ полуденный зной; пламя свѣчей около тѣла
дрожало, и на простынѣ, на вытянутыхъ рукахъ, на лицѣ съ
закрытыми глазами, прогуливались мухи.

Между прочимъ Марія-Луиза и Филиппъ-Августъ опять
убѣжали на улицу. Тамъ ихъ вскорѣ окружили товарищи, въ
особенности дѣвочки, всегда болѣе развитыя и скорѣе угадываю-
щія всѣ тайны жизни. И онѣ распрашивали, какъ большія:

— Твоя бабушка умерла? „Да, вчера вечеромъ“.— А какіе

бываютъ мертвые? И Марія-Луиза объясняла, рассказывала о свѣчахъ, о вѣткѣ, о лицѣ покойной. Все это возбудило въ дѣтяхъ любопытство; они просили посмотрѣть на мертвую.

Тогда Марія-Луиза организовала первую экспедицію: пять дѣвочекъ и два мальчика изъ самыхъ большихъ и самыхъ смѣлыхъ. Она заставила ихъ снять сапоги, чтобы не было слышно; компанія бросилась въ домъ и взбѣжала на лѣстницу, какъ стадо мышей.

Тамъ, въ комнатѣ умершей, дѣвочка, подражая матери, управляла церемоніей; она торжественно подвела товарищей, стала на колѣна, перекрестилась, шевеля губами; потомъ встала, покропила постель и въ то время, какъ дѣти толпой подходили, испуганные, любопытные и восхищенные, чтобы посмотрѣть на лицо и руки, она вдругъ притворно зарыдала, закрываясь платочкомъ. Потомъ, внезапно утѣшившись при мысли о тѣхъ, которые ждутъ у дверей, она увлекла за собой дѣтей и вскорѣ опять вернулась съ новой толпой, затѣмъ еще и еще.

Всѣ ребятишки отъ перваго до послѣдняго, не исключая маленькихъ нищихъ въ лохмотьяхъ—всѣ бѣжали на это новое удовольствіе, и она каждый разъ подражала всѣмъ продѣлкамъ матери съ неподражаемымъ совершенствомъ.

Наконецъ ей это надоѣло. Другая игра увлекла дѣтей, и старая бабушка осталась одна, совершенно забытая всѣми.

Темнота начала наполнять комнату, и на сухомъ и морщинистомъ лицѣ дрожащее пламя свѣчей дѣлало свѣтлыя пятна.

Около восьми часовъ Барабанъ взошелъ, закрылъ окно и возобновилъ свѣчи. Онъ входилъ теперь спокойно, привыкнувъ смотрѣть на тѣло, какъ будто оно лежало тутъ уже цѣлые мѣсяцы. Онъ замѣтилъ даже, что разложеніе не начиналось, и сказалъ объ этомъ женѣ, когда они сѣли за столъ. Она отвѣчала:

— Ахъ, Боже мой! да она деревянная,—она цѣлый годъ бы сохранилась.

Стали ѣсть супъ, не говоря слова. Дѣти, которыми цѣлый день никто не занимался, дремали на стульяхъ, изнемогая отъ усталости; всѣ молчали. Вдругъ лампа стала гаснуть; г-жа Карабанъ тотчасъ завела ея ключемъ, но она издала только какой-то пустой звукъ и совсѣмъ погасла. Масла забыли купить! Идти въ лавку—остановить обѣдъ; начали искать свѣчей; но не было ни одной, кромѣ тѣхъ, которыя были зажжены наверху.

Г-жа Карабанъ, всегда быстро рѣшающаяся, велѣла скорѣе Маріи-Луизѣ сбѣгать наверхъ и принести двѣ свѣчи; и стали дожидаться въ темнотѣ.

Ясно слышны были шаги ребенка по лѣстницѣ. Затѣмъ нѣсколько секундъ все было тихо; потомъ дѣвочка быстро сбѣжала внизъ. Она отворила дверь, и испуганная и еще болѣе взволнованная нежели наканунѣ, и прошептала, задыхаясь: папа, бабушка одѣвается!

Карабанъ вскочилъ такъ быстро, что стулъ его отлетѣлъ къ стѣнѣ. Онъ бормоталъ: что ты говоришь?.. что ты такое говоришь? Марія-Луиза сдавленнымъ отъ испуга голосомъ повторила:

— Ба... ба... бабушка... бабушка одѣвается... Она сейчасъ сойдетъ.

Онъ, какъ безумный, бросился на лѣстницу, за нимъ оторопѣвшая жена, но передъ дверью онъ остановился — ему страшно стало взойти. — Что онъ увидитъ тамъ?—Г-жа Карабанъ, болѣе смѣлая, взялась за ручку и вошла въ комнату. Комната какъ будто потемнѣла, и посерединѣ ея двигалась высокая, тощая фигура. Старуха встала; пробудившись отъ летаргическаго сна, и, прежде даже чѣмъ къ ней вернулось вполне сознание,—она повернулась на-бокъ и, поднявшись на локтѣ, потушила три свѣчи изъ горѣвшихъ у смертнаго одра. Потомъ, собравшись съ силами, встала и начала искать свои вещи. Сначала исчезновеніе коммоды смутило ее; но мало по малу она нашла свои вещи въ дробномъ ящикѣ и преспокойно одѣлась. Выливъ затѣмъ воду изъ тарелки, заткнувъ

лѣтку за зеркало и поставивъ стулья на мѣсто, она готовилась сойти внизъ, когда показались сынъ и невѣстка.

Карабанъ бросился къ ней, схватилъ ея руки и цѣловалъ ее со слезами на глазахъ; жена же сзади его лицемѣрно повторила:

— Какое счастье! ахъ, какое счастье!

Но старуху ничто не трогало; она какъ будто ничего не понимала и, холодная и сухая, какъ статуя, спросила только:— Обѣдъ скоро будетъ готовъ?

Онъ бормоталъ, совершенно потерявъ голову:

— Да, маменька, мы тебя ждали.

И съ необычною торопливостью взялъ ее подъ руку, между тѣмъ какъ молодая г-жа Карабанъ, схвативъ свѣчу, свѣтила имъ, сходя задомъ съ лѣстницы, точно такъ же какъ ночью, когда она свѣтила мужу съ мраморной доской. Посрединѣ лѣстницы она чуть не споткнулась на людѣй, которые подымались вверхъ. Это были родственники изъ Шарантона: Г-жа Бро съ супругомъ.

Г-жа Бро, огромная, толстая, съ водянкой въ животѣ и съ откинутымъ назадъ торсомъ, широко открывала испуганные глаза, готовясь бѣжать. Мужъ башмачникъ, невзрачный, маленькій, весь обросшій волосами подобно обезьянѣ, бормоталъ, не смущаясь: „Вотъ тебѣ разъ! да она никакъ воскресла.“

Какъ только г-жа Карабанъ узнала ихъ, она стала дѣлать имъ отчаянные знаки; потомъ громко сказала.

— А! это вы? вотъ и прекрасно! какой пріятный сюрпризъ! Но ошеломленная г-жа Бро не понимала; она отвѣчала вполголоса:

— Мы пріѣхали по вашей депешѣ, думали, что все кончено.

Мужъ щипалъ ее сзади, чтобы заставить ее молчать, и улыбался своей лукавой улыбкой въ густую бороду.

— Какъ любезно съ вашей стороны, что вы пригласили насъ, мы тотчасъ же пріѣхали, сказалъ онъ, намекая на враждебныя отношенія, существующія между обоими семействами.

Потомъ, когда старуха сошла съ послѣдней ступени, онъ по-

дошелъ и потеръ ея щеку объ свои щетины, крича ей въ ухо по причинѣ ея глухоты.

— Ну что, матушка, какъ здоровье? хорошо?

Г-жа Бро въ изумленіи своемъ не смѣла даже поцѣловать мать, а огромной животъ ея загромождалъ всѣмъ дорогу. Старуха не говорила ни слова, но безпокойно и подозрительно смотрѣла на весь этотъ народъ; пытливый и жесткій взглядъ ея маленькихъ сѣрыхъ глазъ останавливался то на томъ, то на другомъ, исполненный разныхъ мыслей, которыя смущали ея дѣтей. Карабанъ объяснилъ наконецъ.

— Она немного нездорова, но теперь поправилась, со-всѣмъ поправилась!—не такъ-ли, матушка?

Тогда старушка, идя впередъ, отвѣчала:

— Это былъ обморокъ. Я васъ все время слышала.

Наступило неловкое молчаніе. Пришли въ столовую и сѣли за приготовленный въ нѣсколько минутъ обѣдъ.

Одинъ Бро не растерялся. Его злая обезьянья рожа гримасничала, и двусмысленности, которыя онъ говорилъ, смущали всѣхъ.

Но каждую минуту въ передней раздавался звонокъ, и Розалія, запыхавшись, прибѣгала за Карабаномъ, который вскакивалъ, бросая салфетку. Зять спросилъ его даже, не пріемный ли его день сегодня. Онъ пробормоталъ:

— Нѣтъ, такъ, покушки.

Потомъ, когда принесли пакетъ, онъ, не подумавши, открылъ его, изъ него посыпались окаймленные черными ободками объявленія о смерти. Покраснѣвъ до ушей, онъ поспѣшно спряталъ пакетъ въ карманъ.

Мать не видала. Она упорно глядѣла на часы, стоявшіе на каминѣ. Неловкость положенія все увеличивалась среди ледянаго молчанія.

Тогда старушка, повернувъ къ дочери свое морщинистое лицо старой вѣдьмы и съ лукавой улыбкой въ глазахъ, сказала:

— Привези мнѣ свою дочку въ понедѣльникъ, я хочу видѣть ее.

Г-жа Бро съ просіявшимъ лицомъ закричала: — хорошо, маленька! тогда, какъ молодая г-жа Карабанъ поблѣднѣла и едва не упала въ обморокъ отъ волненія. Между тѣмъ мужчины мало по малу разговорились и затѣяли даже политическій споръ.

Вдругъ дверь отворилась, и докторъ Шене показался на порогѣ. Съ минуту онъ точно остолебенѣлъ, потомъ напелся, и, подойдя къ старушкѣ, сказалъ:

— Ага! ну что, матушка, лучше сегодня? О, я это знаю и сейчасъ, идя по лѣстницѣ, думалъ: пари держу, что старушка-то встала“. И, похлопывая ее по спинѣ, прибавилъ: — Экая здоровая какая! вотъ вы увидите, она насъ всѣхъ переживетъ.

Онъ сѣлъ, принявъ предложенную ему чашку кофе и вмѣшался въ разговоръ мужчинъ, поддерживая Бро.

Между тѣмъ старушка устала и пожелала уйти къ себѣ.

Карабанъ бросился было къ ней, но она посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала:

— А ты, знаешь, отнеси ко мнѣ мои часы и коммодъ опять назадъ, и пока онъ въ смущеніи бормотать: хорошо, матушка, — она взяла дочь за руку и исчезла съ ней. Оба Карабана такъ и остались на мѣстѣ, точно пораженные громомъ, тогда какъ Бро потиралъ себѣ руки, прихлебывая свой кофе.

Вдругъ г-жа Карабанъ бросилась къ нему и, заикаясь отъ злости, закричала:

— А вы—воръ, мошенникъ, каналья! Я плюю вамъ въ лицо! я васъ... я васъ... Она не находила словъ, задыхаясь; а онъ смѣялся и продолжалъ пить.

Тогда она набросилась на входившую невѣстку, и обѣ, одна толстая съ своимъ громаднымъ животомъ, другая—нервная и худая, измѣнившимися голосами, съ дрожащими руками, стали осыпать другъ друга ругательствами.

Шене и Бро принялись разнимать ихъ, и послѣдній, вытолкнувъ жену за плечи изъ комнаты, закричалъ:

— Убирайся вонъ, ослица эдакая! ужъ очень разоралась.
И слышно было, какъ они продолжали ругаться на улицѣ.
Шене простился.

Караваны остались вдвоемъ.

Тогда онъ упалъ на стулъ, обливаясь холоднымъ потомъ, и
едва могъ проговорить:

— А что я теперь скажу начальнику-то?

Сидоръ Кузнецовъ.

(Портретъ).

Росту онъ средняго, худъ и сутуловатъ; рыжая борода его вѣчно включена, а глаза глядятъ юрко; движенія его быстры и энергичны; походка—нѣчто среднее между скорымъ шагомъ и бѣгомъ. Живетъ онъ на свѣтѣ такъ порядочно—лѣтъ шестьдесятъ. Это навѣрняка, а съ небольшимъ сомнѣнiемъ,—и всѣ семьдесятъ?

— Сколько тебѣ лѣтъ, Сидоръ?

— Да какъ тебѣ сказать, чтобъ не соврать! Ты вотъ самъ разочти.... Лѣтъ энтотъ, Аладьинскій, что теперича сводятъ, знаешь?

— Знаю.

— Такъ его, я тебѣ скажу, на моей памяти уже второй разъ сводятъ...

— А великъ ты былъ, какъ первый разъ его сводили?

— Лѣтъ этакъ 14, а то и всѣ шестнадцать.

Была Святая. Вваливается въ комнату Сидоръ. Видно, что праздникъ — немножко подвышилъ и лапти обулъ новые.

— Христось Воскресе!

— Во истину!...

Подцловались.

— Ты вотъ что скажи, обращается онъ ко мнѣ, какой воньче-то праздникъ, а?

— Воскресенiе Христова, великiй праздникъ, разумѣется!

— То-то, великій!... Нѣтъ, ты не то... Ты вотъ что, — князь я, али нѣтъ?... По твоему какъ? мужикъ, а?

— Дѣло извѣстное, мужикъ!

— Анъ, врешь... Мужикъ-то я мужикъ, завсегда былъ мужикъ и мужикомъ буду, а нонче нѣтъ, врешь, нонче князь...

— Какъ такъ?

— А такъ!... ученый ты, а всего тебѣ не понять. Ты вотъ что прежде скажи, какой нонче праздникъ, а? Вотъ и не знаешь!... Мужикъ нонче праздникъ... Нонче нѣтъ никого выше мужика, нонче я, куда хошь, пойду, кого хошь, остановлю: „Христось Воскресе!“ а ты мнѣ не отвѣть, а ты меня прогони взапей, али скажи мнѣ: врешь, мужикъ сѣрый, а? Не смѣешь! вотъ что, да! нонче меня, мужика, никто прогнать не можетъ, потому я вошоль, и сейчасъ — „Христось Воскресе!“ а мнѣ отвѣть держать должны, какой мнѣ требуется: „Во истину Воскресе!“... Хошь енераль самъ, и тотъ не ломайся, а поцѣлуй меня, мужика сѣраго, неумытаго! — И выходить, что князь я нонче, да! И, утеревъ рукавомъ ротъ, продолжалъ: ну и поцѣлуемся, словно братья мы съ тобою...

Поцѣловались.

— Ну садись, гостемъ будешь!

Голь Сидоръ, какъ соколъ — рубаха у него рваная, портки рваныя, поддевка рваная, а шапка — шапку его я даже не помню: или нѣтъ у него совсѣмъ шапки, или шапка его имѣеть ужъ такой видъ, что и шапкой не кажется... Вязать, есть еще одна вещь въ его гардеробѣ — это полушубокъ рваный, но полушубокъ этотъ не принадлежитъ ему одному исключительно, а составляетъ достояніе всей его семьи, т. е. жены его, больной старухи, у которой и спину ломить, и ноги ломить, и руки ломить, такъ что и горшокъ въ печь поставить ей стоитъ большихъ хлопотъ, — и двухъ дочерей — подростокъ.

Есть у Сидора и лошаденка, старательная лошаденка...

Ты не гляди, что за нее только пять цѣлковыхъ заплачено... Лошаденка хоть куда: — и пашеть, и скородить, и навозъ возить, и повинность подводную исполняетъ, и дрова зимой въ губернію водокетъ, а околѣеть — шкура тоже три цѣлковыхъ стоитъ, такъ-то!

Опять и корова есть, славная такая была корова... Ноньче только стара стала, а то корова была хоть куда, молочная была корова, а теперь, известное дѣло, зубы то всѣ поистерла, а то корова на зависть была — вотъ какая!

Одно слово жить можно.

Еще бы не жить! ты послушай только: — Работаетъ Сидоръ (а работать онъ лють), потъ градомъ катить, усталъ, сталь часто на солнце поглядывать. — „Словно бы и обѣдать время!“ И впрямь время. — Вонъ на опушкѣ лѣса показалась его старшая дочь, а въ рукѣ у нея узелокъ, вотъ она идетъ по межѣ, все ближе и ближе... „Здравствуй, дочка! что, обѣдъ принесла?“

— Принесла!

— Ну, кажи!

Развязываетъ узелъ.

— Тутъ что?

— Похлебка изъ картошекъ?

— Дѣло! а маслица принесла?

— Нѣту-ти масла, еще вечерось дошли!

— Ну, и безъ масла живетъ, а хлѣбъ-отъ гдѣ?

— Нѣту-ти, весь хлѣбъ!

— Эко дѣло!... чтожъ вы бабы не догадались — хлѣба нѣтъ — значить, пироги пеки...

Смѣется; улыбается и дочка.

— Ты бы, тятя, муки раздобыль гдѣ, мать наказала.

— Раздобудемъ, дочка, раздобудемъ, а сегодня и такъ побудемъ...

— Знамо, побудемъ!

Поѣлъ, утеръ рукавомъ ротъ, осѣнилъ себя крестомъ: —

И слава Создателю! Ты дочка за конем погляди, а я сосну
длость*!

Спи, сѣрый, спи! Христось тебя спаси!

Пьетъ Сидорь, нечего таять. Выпить любить, да еще какъ —
выпить рюмку — сразу весель становится, выпьетъ другую —
ачается, а третью — совсѣмъ съ ногъ валится... Но и пья-
ный дѣла не забываетъ...

— Этого, чтобъ значить, что сказалъ да забылъ, никогда!
говорить Сидорь, покачиваясь; „чтобы да обмануть, нѣ-ѣ-ть!
Вотъ сказалъ вчерась, что стогъ приѣду метать и при-и-шоль,
значить, говорить онъ, хватаясь за стѣну, чтобы не упасть.

— Прийти-то, ты пришелъ, да толку-то мало, гдѣ тебѣ
стогъ метать? Еле на ногахъ держишься!

— Мало бы что!... а приполь... А стогъ, тѣфу стогъ!...
Что миѣ стогъ! это мы всѣгда... А чтобы обмануть, нѣ-ѣ-ть!
Этого никогда!

Обѣщаль Сидорь прийти крышу крыть. Жду его, нѣтъ
какъ нѣтъ! Чтобы это значило? Осѣдлалъ лошадь, сѣлъ и по-
ѣхалъ на деревню. На подорогѣ, а можетъ и меньше, ло-
шадь вдругъ заупрямилась, стала топыриться — что такое?
Гляжу, а на самомъ пути, поперегъ дороги, кучка какая-то
чернѣеть... Чтобы это было? Слѣзаю съ лошади, беру ее подъ
уздцы и иду, подхожу, гляжу, — свернувшись калачикомъ, ле-
жить Сидорь и спитъ; сладко спитъ; растолкалъ его.

— Что середь дороги улегся?

— Ты не трожь!.. сказалъ: при-ѣ-ѣду и и-ѣду!

И пришоль.

Поспалъ онъ часа 2 или 3 на сѣновалѣ и вытрезвился.
Гляжу, Сидорь по двору похаживаетъ и снасть осматриваетъ.
Подшолъ въ телегѣ съ одного боку, съ другаго; тамъ тронулъ,
туда ткнулъ...

— Эка снасть!.. А оглоблю эту безпремѣнно новую надоть!..

Взялъ оглоблю за конецъ, повернулъ направо, повернулъ налѣво и выломалъ; поставилъ къ сторонкѣ, заткнулъ топоръ за поясъ и пошелъ...

Чась этакъ спустя, смотрю, идетъ Сидоръ и березу волочетъ.—

— Это что будетъ? спрашиваю его.—

— Оглобля!—

— А березу гдѣ взялъ?—

— Знамо дѣло, срубилъ!

— Знаю, что срубилъ, а гдѣ срубилъ?

— Гдѣ срубилъ!.. Не на ржаномъ полѣ, а въ лѣсу!

— А въ чѣмъ?

— Въ Божьемъ!

— Ты меня не морочь! я спрашиваю, чьего хозяинна?

— А энтаго-то! указываетъ онъ мнѣ на небо.

— Что ты все вздоръ говоришь! Я спрашиваю, не у сосѣда ли? не помнятся мнѣ у себя въ лѣсу такія березы...

— Гдѣ же и помнить, оборачивается онъ прямо ко мнѣ и глядя въ упоръ; другое дѣло—хлѣбъ... Посѣялъ его и, значить, помнишь, когда посѣялъ, а это-то, стукнулъ онъ обухомъ топора по березѣ, сѣялъ то Онъ, когда сѣялъ, знаетъ Онъ, а намъ то и помнить тутъ нечего! Такъ-то!

Пришла весна, подавай подани!..

Приходить Сидоръ.

— Здравствуйте!..

— Здорово живешь?

— Живемъ! Что намъ дѣлается...

— Что скажешь? Аль дѣло есть?

— Какъ не быть!

— Ну сказывай.

— И сказывать то нечего... Ты вотъ что, сказалъ онъ рѣшительно, дай мнѣ семь рублей... Сказалъ и сталъ бороду ерошить, а глаза глядятъ на меня выжидательно...

— Отработаю! прозноситъ онъ.—

— Знаю!—

— То-то! ты не думай!—

— Что думать-то! Скажи ты мнѣ, зачѣмъ тебѣ такой капиталъ зандобился?—

— Поданя одолѣли, вотъ что?..

— А много ты платишь?

— Какъ тебѣ сказать... Не то двадцать, не то всѣ тридцать, либо съ чѣмъ нибудь, самъ не разберу!

— Что такъ много?

— А ты вотъ разочти:—перво—наперво, значить, подушныя за двѣ души—я за брата покойника плачу—это видишь—разъ, а тамъ оброкъ—опять за двѣ души—это два, еще пожарные—три цѣлковыхъ, да поземельныхъ, да дорожныхъ,—дорогу чтоль тамъ чинить имъ требуется, потомъ некрутскихъ, да на волость, на старосту, да мало ли тамъ еще на что требуется; всего и не упомнишь, не перечесть!..

— Ладно, на, возьми!

— Такъ-то! а то полушубокъ унесь...

— Кто унесъ?

— Староста.

— Федотъ?

— Онъ самый!.. Пришелъ въ избу—подавай, говорить, поданя! А я ему: ты, говорю, Федотъ, маненько бы пообождалъ—дай управлюсь!.. Что, говорить, тутъ ждать! Это я кажинный день слышу. Сидѣть то за васъ по три дни въ недѣлю—почитай уже и мнѣ надоѣло... Поглядѣлъ этакъ по избѣ... Видеть, взять нечего... а полушубокъ то на полатахъ лежитъ, какъ увидалъ, ровно коршунъ накинулся на него... Вотъ принесешь семь цѣлковыхъ, полушубокъ отдамъ!..

— Да полушубокъ то твой и двухъ цѣлковыхъ не стоятъ!

— Мало бы что, а ты поди новый купи... дешевле шестисте не купишь, а поданя платитъ—все одно не миновать... вотъ оно какое дѣло!

— Да...

— Ну спасибо! Прощай!.. мнѣ Богъ прибыль послать, сказать онъ, готовясь уйти.

— Что такое?

— Мать телку принесла.

— Какая мать?

— Это корова—зовемъ такъ!

— Когда-же?

— Объ масляну... славная телка, вся въ мать.

— Вотъ какъ...

— Да, это примѣта...

— Какая?

— Выкормлю... маткой будетъ!..

— Что же ты раньше не выкармливать, прежнихъ-то?

— Кормить то кормилъ, да не задавались...

— Какъ такъ не задавались, плохи чтоль были!

— Нѣтъ, какъ можно!.. а такъ не задавались.—Весну на лѣто кормишь, а осень придетъ—ужь безпремѣнно продать требуется... То лошадка околѣла, купить новую пришлось, то подая не осилишь, то хлѣбъ Господь не уродилъ, ну и продавалъ... да тѣ—что! Либо въ быка, либо въ мать и быка, либо ни въ того, ни въ другаго, а эта, какъ есть вся въ мать... ни сучка, ни задоринки!... Эту ужь какъ ни какъ, и выкормлю, безпремѣнно выкормлю!... потому примѣта...

— Ну, дай тебѣ Богъ!

— И на томъ спасибо! Прощай!

— Прощай!

Прошло два года съ лишнимъ. Была осень 1880 года; тотъ годъ, который памятенъ будетъ надолго всѣмъ Сидорамъ и Иванамъ, года хлѣбнаго жучка, гессенской мухи, дифтерита, скотнаго падежа и голода... Возвращался я домой изъ города. Подъѣзжаю къ деревнѣ и вижу—идеть мнѣ на встрѣчу Сидоръ.

— Здорово?

— Слава Богу.

— Куда идешь?

— Къ Парамону Семеновичу, Михѣевскому цѣловальнику.

— Зачѣмъ?

— Да вотъ, указаль онъ на привязанную къ телегѣ корову, продать ему и отвожу...

— А гдѣ корову то взять?

— Да это еще и не корова... Это телка, что я кормилъ.

— Эхъ-ма, братъ, знать, опять не задалась! Прииѣта то, братъ, ни съ чѣмъ значить...

— Какъ ни съ чѣмъ? Она уже и стельна; обь масляну, либо великимъ постомъ отелится—коровой будетъ.

— Коровой-то она будетъ, да не у тебя...

— Мало бы что! я выкормилъ, ты вотъ что разочти...

А. П. Фрои—нъ.

Записки Южнорусса-крестьянина.

Мнѣ сорокъ лѣтъ отъ роду. Съ дѣтства я жилъ у матери въ Х—ской губерніи, Б—аго уѣзда, въ деревнѣ Оед—вѣ принадлежащей помѣщику С—ву-Б—ну. Родитель мой, когда было рабство, взялъ мать мою и насъ, двухъ мальчиковъ, меня и брата моего, и ушелъ въ „бурлаки“. Онъ повезъ насъ въ О—скій уѣздъ, въ деревню Б—чукъ, въ село С—ку и тамъ немного пожилъ. Приставали къ нему паны С—скіе, говорили, чтобъ онъ приписался у нихъ: они видѣли, что у отца четвертый сынъ (къ тому времени родилось еще два у матери). Мой отецъ не захотѣлъ приписываться и переѣхалъ въ деревню С—ку, тамъ работалъ на пана по дню въ недѣлю за хату. Тотъ помѣщикъ началъ приставать къ отцу, чтобъ онъ работалъ по два дня въ недѣлю, а нѣтъ, — чтобъ приписался въ крѣпостную. Отецъ мой не захотѣлъ приписываться и нагрубилъ тому помѣщику. Онъ тогда взялъ громадную палку съ сучками и началъ давай бить отца и мать, да такъ сильно, что я испугался: тогда мнѣ было семь лѣтъ. Тогда отецъ и мать взяли насъ и всѣхъ четырехъ укутали въ одно рядно, такъ какъ тогда была зима, и, ограбавъ за лошадь, повезли насъ въ Г—скій уѣздъ, въ деревню С—у; тамъ мы и провели зиму. Весною отецъ нанялъ брата и меня пасти телятъ и свиней въ хуторѣ Ф—ева, въ томъ же уѣздѣ. Тамъ былъ арендаторъ М—ія, болгаринъ изъ колоніи А—на. Пасли мы стадо цѣлыя лѣто и утерали семь борововъ, — укралъ кто-то. — На другой годъ отецъ отдалъ меня въ Н—скіе хутора. къ одной шляхтичѣ.

Марин Г—ской смотрѣть за индюками. Весною, когда индючата были еще маленькіе, я чуть не пропалъ отъ плачу. Вынесутъ, было, три женщины ихъ въ рѣшетахъ, а они и разбредутся по травѣ, останется только немного малыхъ да старыхъ. А я хожу да собираю ихъ по одному; однихъ принесу, а другіе разбредутся; а я плачу, да, ищучи какъ-нибудь, и задалю въ травѣ. Сталъ я на колѣни передъ святымъ небомъ и прошу Бога: „Боже! либо умертви меня, либо покажи, какъ ихъ пасти!“ Услышалъ Господь и послалъ одну старушку. Спросила меня та старушка: „чего ты“, говоритъ, „плачешь?“—А я говорю: „не умѣю этихъ индюковъ пасти и прошу у Господа смерти!“—„Не плачь!“—говоритъ она мнѣ: „я тебѣ покажу, какъ ихъ пасти. Поди—говоритъ—и принеси мнѣ длинную палку и тряпку.“ Я сейчасъ побѣжалъ и принесъ, что она велѣла. Она взяла палку, намотала на нее тряпку да какъ завертѣла ею надъ индюками, они такъ и закукали, а маленькіе такъ и собрались въ одно мѣсто, думали, что ястребъ или орелъ. Обрадовался я такъ сильно, словно воскресъ изъ мертвыхъ, упалъ на колѣни и началъ благодарить Бога за то, что онъ научилъ меня индюковъ пасти. Бывало, разбредутся индюки, я сейчасъ палку съ тряпкою вверхъ, а они соберутся въ кучу. — Пасъ я ихъ цѣлое лѣто, а тутъ и становой сталъ бѣднѣть,—„бурлакъ“ ловить. Сильно горевалъ отецъ мой! Семья у него большая: четыре сына, самъ пятый, а мать шестая,—куда дѣваться?! Какимъ-то образомъ богатые болгаре, мѣщане и нѣмцы подмаслили становаго: дѣло было въ страдную пору. Все успокоилось, и отецъ все время жилъ въ С.—Перевозовали мы, и отецъ снова нанялъ меня и брата пасти свиней и свиней къ Ф. Было, поймъ стадо изъ колодца и тягнемъ воду „журавлемъ“. Разъ братъ В. таскалъ воду и наливалъ у корыта, вдругъ какъ пустилъ бадью, а она какъ размахнулась да какъ ударила меня въ голову, такъ я и обмеръ. Сбѣжался народъ. Что ужъ мнѣ дѣлали—не знаю.

Послѣ этого С—ская барыня стала приставать къ отцу, чтобъ онъ приписался у нея. Отецъ не захотѣлъ и ночью заб-

рагъ насъ и убѣжалъ на рѣчку Т. къ одному помѣщику; назывался онъ княземъ Т.— На тамошнемъ лиманѣ отецъ нашъ ловилъ рыбу; понесетъ, бывало, рыбу въ Б. на ярмарку, продастъ и купить хлѣба. Семья нашей еще прибавилось: за то время у матери родилось еще двое дѣтей.— Отдать насъ съ братомъ отецъ одесскимъ мѣщанамъ за дѣтей: брата — В. Ч., а меня—Ф. Б.,—чтобъ они насъ вывели въ люди, чтобъ приписали насъ, какъ дѣтей своихъ, а они обманули отца и не приписали насъ (въ мѣщане). Отецъ взялъ насъ обратно, и все жилъ у князя Т., Х. губ, Т. уѣзда.— Вотъ подросли мы съ братомъ. Тогда тотъ панъ, князь Т., сталъ приставать къ отцу, чтобы онъ записалъ дѣтей ему, а самъ оставался вольнымъ. Забралъ насъ отецъ и повезъ въ Б., въ О. уѣздъ, и тамъ нанялъ насъ до овецъ: брата къ Ивану Девдереду, а меня къ Миханлу Малому, а самъ поѣхалъ въ К. на базарь, чтобы тамъ наняться на работу, косить: дѣло было передъ „косовицею“. Не знали мы, куда дѣвался отецъ. Прошло уже много времени. Пасемъ мы съ братомъ овецъ въ степи и молимся Богу: „Господи!“—говоримъ— „помилуй насъ, маленькихъ бурлакъ!“ Молимся мы да заплачемъ. Много дней мы плакали. До того молились, что больными стали. Намъ не можется, а овецъ нужно пасть. Въ тому же еще босые и голые. Одинъ день мы плакали, плакали, а къ вечеру и заснули; братъ меня обнялъ рукою, а я его, и говоримъ себѣ: „что мы теперь будемъ дѣлать? Бурлаки мы теперь, сироты!“ Заплакали и заснули: а овцы паслись-паслись да и пошли себѣ въ село. Проснулись мы, а уже свѣтать стало. Братъ тогда и говоритъ: „что мы теперь будемъ дѣлать? Пойдемъ въ село, битъ будутъ, еще пожалуй въ острогъ посадятъ, потому что овцы пропали. Пойдемъ лучше, куда Богъ дастъ!“ Тогда пошли мы съ братомъ въ Т. уѣздъ, въ Н. хутора и нанялись тамъ пасти телятъ и свиней: тамошніе люди знали насъ, знали, чьи мы. „Должно быть“, говорили тѣ люди, „бѣдняга Иванъ-Скиртикъ попался становому въ лапы, потому что бѣдные дѣти бродятъ

безъ приюта. Дали намъ тогда рубахи и „постоы“ *) изъ свиной шкуры. Поблагодарили мы людямъ за то, что избавили насъ отъ „нужды“, и начали старательно смотрѣть за стадомъ. „Будемъ стараться“, говорили мы себѣ — „будемъ стараться! Иначе, кто насъ пожалѣетъ? Мы теперь спроты да къ тому же и бурлаки!“

Только зимою пришелъ къ намъ отецъ, нашель-таки насъ и взять съ собою въ Ф. Тамъ помѣщикъ купилъ кусокъ земли; назывался онъ Ф. Работалъ тамъ отецъ по дню въ недѣлю за хату. Увидѣлъ панъ, что у отца семья большая и началъ его уговаривать.

— Припишишь ты, Иванъ, у меня. Дѣтей у тебя много, куда ты пойдешь съ ними?

Зналъ отецъ, что панъ тотъ недобрый человекъ. Пришелъ домой и говорить матери и намъ: „Пропалъ я съ вами! Снова начали ловить бурлакъ, а Ф. хочетъ насъ закрѣпостить... Мать и говорить ему:

— Поди ты, Иване, поищи мѣста, такъ чтобы не зналъ Ф., будто ты пошелъ хлѣбъ молотить за мѣру, а какъ найдешь мѣсто, то приходи назадъ. Заберемъ ночью дѣтей и отправимся туда, гдѣ найдешь мѣсто.

Пошелъ отецъ мѣста искать и нашель въ М. хуторахъ у нѣмцевъ. Вернулся домой ночью и говорить матери:

— Теперь я хорошо сдѣлалъ: нашель мѣсто у нѣмцевъ, въ М. хуторахъ. Тамъ не будутъ принуждать, чтобы приписался.

Забралъ онъ насъ ночью и повелъ въ М. хутора. Тѣ хутора теперь стали нѣмецкою колоніей. Работалъ тамъ отецъ у нѣмцевъ, зарабатывалъ для насъ хлѣба: насъ было уже шестеро.—Недолго мы тамъ жили; работы не было для отца. Перешли мы снова—былъ тамъ хуторъ мѣщанскій, назывался онъ Р. хутора — и отецъ нанялся сѣять, а насъ нанялъ

*) Кожаные ланты.

„поганять“ и „ралить“. Пробыли мы тамъ черезъ живна до другой зимы, а зимою нанялъ насъ отецъ къ „Гарману“. На-смотрѣлся я тогда, какое горе переносить бурлаки.

У того хозяина, гдѣ мы служили, былъ одинъ паренъ, на-зывался онъ Федоромъ. Служилъ онъ вѣрно своему хозяину. Разъ пришли свиньи другаго хозяина, а онъ и ударилъ ка-бана. Отъ того хозяина, чьи были свиньи, прибѣжали и какъ начали бить его! Били его такъ сильно, что онъ и умеръ. Много я тамъ видѣлъ кой-чего! Бывало, только глянь на нѣмца, бывало, замѣтять, что какойнибудь бурлакъ поиграеть съ нѣ-мецкими дѣвушками, сейчасъ его поймають, на фургонъ, вы-везутъ за межу и убьютъ тамъ. Или замѣтять, что кто-нибудь укралъ что-нибудь, то дождутся ночи, возьмутъ на фургонъ, вывезутъ за межу и убьютъ, или камень за шею привяжутъ и бросятъ въ рѣчку. Страшно было смотрѣть, какъ губили бѣд-ныхъ крестьянъ (а то все были тѣ, что ушли отъ помѣщи-ковъ!).

Посмотрѣлъ отецъ на такую смерть и говорить:

— Горе, дѣточки мой! Широкий свѣтъ, а некуда дѣться!

А отецъ былъ очень хорошей работникъ: всѣ его любили. Только сильно водку пилъ, да въ воскресенье бывало около кабака борется, а нѣмцы все-было пристають къ нему бороться. Замѣтилъ отецъ, что они народъ лукавый, и говорить матери и намъ:

— Убьютъ меня здѣсь нѣмцы; постоянно пристають ко мнѣ.

А мать и говорить: „Ты все „горюлочку“ пьешь. Не ум-решь ты своею смертью: убьютъ тебя“.

А онъ и говорить: „Ни, стара! Надо отсюда убираться. Пойду я—говорить—стара, поищу мѣста, а ты копай карто-фель да зарабатывай на зиму“.

Пошелъ отецъ искать мѣста и нашель мѣсто въ Б. Хату намъ далъ прикащикъ, потому что помѣщика тамъ не было: онъ служилъ въ военной службѣ въ К. Тамъ мы перезимовали, и отецъ нанялъ насъ всѣхъ — семействомъ па-сти крупный скотъ и телятъ, и свиней. Тамъ-то намъ было

горе большое! Еще, чтобъ и лошади ходили межъ скотомъ. Чистое горе было тамъ! Мы чуть не померли. Придетъ вечеръ. тотъ бѣжить: нѣтъ теленка! другой: нѣтъ лошади! а третій говорить: нѣтъ коровы! Настоящій адъ! А отецъ съ досады поидеть въ кабакъ и какъ загуляетъ! Недѣли три гуляетъ, а то и больше! Мать, голая и босая, за скотомъ, а мы, голые и босые, за свиньями, за телятами, да за лошадьми, а онъ гуляетъ. Стали мы тогда всѣмъ семействомъ на колѣни передъ Богомъ и начали молиться да просить или смерти, или перемены жизни. Выпасли тамъ то лѣто святое, а на зиму—голые, босые и безъ хлѣба. Хату намъ дали землянку, живите, какъ знаете. Тутъ холодъ, зима, не во что одѣться, а тутъ и топлива нѣтъ. Хоть помирай, ложись! А умирать никто не хочетъ! Цѣлое лѣто пасли стада всего общества, а никто и не заглянетъ въ нашу землянку. Закидалъ ее снѣгъ еще сверхъ крыши сажени на три вверхъ! Тогда отецъ оставилъ насъ тамъ, а самъ пошелъ къ помѣщику Ф. и нанялся тамъ сѣно возить, чтобъ заработать что-нибудь, хоть бы съ голоду не умереть, взялъ и брата съ собою. Уходя, и говоритъ матери: „Перебивайся здѣсь какъ-нибудь, а я какъ заработаю, то принесу...“

Перезимовали мы тамъ. Весною отецъ переселился на лиманъ въ С. и въ Г. Недалеко оттуда жили нѣмцы. Тамъ отецъ съ братомъ косилъ, а мы съ матерью гребли сѣно. Проработали тамъ лѣто, а зиму прожили въ Г.

Примѣтилъ я тамъ четырехъ бурлакъ. Одного звали Иваномъ, другого Федоромъ, третьяго Никифоромъ, а четвертаго Алексѣемъ. Они тоже работали тамъ, гдѣ и мы, у арендатора, у нѣмца. Бывало, записываютъ рабочихъ, а они и называются всѣ Иванами. Потому что они были всѣ товарищами, а старшаго звали Иваномъ. Вотъ они всѣ и назывались Иванами. Такъ, бывало, ихъ и вызываютъ: Иваны!...

Работали они цѣлое лѣто и все играли съ „дѣвчатами“ и

„молодцами“. Пришла зима, а у нихъ только у старшаго остались сапоги, а у самага меньшаго „свитка“. Сошлись они тогда возлѣ Г. на берегу лимана да и говорятъ: „Что будемъ дѣлать, братья?“ А Иванъ и говоритъ (то былъ умный парень):

— А вотъ что сдѣлаемъ, братья! Построимъ вотъ здѣсь куринь (шалашъ), будемъ ловить рыбу и тутъ перезимуемъ.

А средній и говоритъ: Какъ же это такъ будетъ? Мы вѣдь голы и босы!

А старшій и говоритъ: У меня есть сапоги, а у Алексѣя есть свита. А куринь мы сдѣлаемъ теплый. Одинъ будетъ рыбу ловить, а остальные будутъ въ куринѣ сидѣть. Если онъ иззябнетъ, то придетъ въ куринь, а другой пойдетъ рыбу ловить; если и онъ иззябнетъ, то третій пойдетъ, а одинъ будетъ каше-варомъ и будетъ ходить въ Б. Рыбу продасть, а хлѣба купить. Остальные будутъ грѣться, потому что, когда онъ будетъ идти въ Б., то возьметъ сапоги и свиту. Вотъ такъ мы проведемъ зиму и будетъ ладно.

Ладно! сказали всѣ и начали строить куринь.

Когда они разбогатѣли, то купили другую свиту и другіе сапоги. Старшій принялъ еще и молодицу, которую любилъ лѣтомъ. И рубахи покупили, и та молодица приодѣлась.

Вотъ весною и говоритъ старшій братъ: А что, братья? Довольно намъ уже гулять, пора ужъ думать что-нибудь другое!

Тѣ стали въ рядъ и говорятъ: А что такое?

А онъ и говоритъ: „А вотъ что! Я вамъ найду хозяевъ, а вы и наймитесь на годъ. Будемъ денугу наживать и будемъ въ мѣщане приписываться. Я слышалъ, что можно приписаться въ Аккерманъ. То вы будете служить, а я буду за снопъ работать, хлѣбъ зарабатывать, а жена будетъ мыть и чинить бѣлье. Заработаете вы денегъ, а я пойду въ Аккерманъ и припишемся вдвоемъ, а потомъ и тѣхъ двухъ припишемъ“. — Вотъ тѣ три и нанялись, а онъ съ женою остался.

Лѣтъ черезъ десять довелось мнѣ услышать о тѣхъ братьяхъ, что они стали зажиточными хозяевами и открыли Б—оны

хутора. Всѣ четыре женились, приписались въ мѣщане, нажили по плуту воловъ и пошли къ помѣщику К. и открыли хуторъ.

Изъ Г. отецъ мой переѣхалъ на С—вскую степь; ее держалъ арендаторъ О. Тамъ отецъ, мать и братъ работали, а я пасъ телятъ и овецъ. А тотъ О. былъ полякъ, а она О. была такая красивая, табакъ нюхала. Иногда, бывало, я засну, а овцы и телята и пойдутъ въ сѣнокосъ. Тотъ арендаторъ, какъ подъѣдетъ верхомъ—а у него арапникъ (нагайка) прегромадный—да какъ ударитъ меня тѣмъ арапникомъ, а я какъ схвачусь и думаю, что земля треснула, и не чувствую, что и болитъ у меня. Коли гляну, а у меня рубаха переюрота... Я какъ побѣгу быстрѣе, а онъ еще вдогонку раза два, а то и больше отпустить.

Вотъ работалъ тамъ отецъ, а онъ ему всѣхъ денегъ не заплатилъ. Тогда отецъ и говорить: „Что дѣлать несчастному бурлаку да еще и семейному“!! Пошелъ онъ въ С., нанялъ тамъ хату—по дню работать въ недѣлю—да зимою взять и меня домой:—Пусть—говорить—онъ немного отдохнетъ. Тамъ мы пробыли и весну, а та слобода С. находится въ А. уѣздѣ, Х. губерніи.

Оттуда отецъ пошелъ весною стричь овецъ въ Д. къ генеральшѣ Б. и тамъ рассказалъ, что у него есть хлопцы, и нанялъ насъ съ братомъ къ стадамъ—чабанувать, а самъ остался тамъ: сѣно косить. Тамошній управляющій сказалъ отцу: „дамъ и хату, только пусть хлопцы будутъ возгѣ овецъ“. Отецъ остался тамъ. Назвали тамъ его Мугирь, такое прозвище дали. Говорять: „ребята Ивана-Мугира проворные, да и самъ онъ еще хорошій работникъ“!

Чабанували мы тамъ съ братомъ года два, а потомъ отецъ взять брата съ собою, сѣно косить, а меня взяли къ табуны.

Хожу я около табуна, и пришло мнѣ на мысль то время, когда я ходилъ съ матерью говѣть въ С. и слышалъ, какъ батюшка (священникъ) говорить въ церкви проповѣдь.

— Молитесь—говорилъ—Богу и угодникамъ святымъ!

И хожу я себѣ около табуна въ степи. Еслибъ я зналъ—говорю я себѣ—какъ можно освятиться или быть хоть угодникомъ. Вотъ и запала мнѣ эта мысль въ голову. И думаю себѣ: какъ бы у кого-нибудь разспросить? Ну!—думаю себѣ—въ воскресенье придетъ отецъ; я его и разспрошу. Только все-таки думаю себѣ: отецъ не расскажетъ; онъ сильно грѣшный. Должно быть, онъ не разгадаетъ этой думы. И хожу я себѣ да размышляю, чтобъ начать дѣлать, чтобы освятиться или хоть уподобиться. Долго я думать, должно быть мѣсяца три. Придетъ отецъ, то я съ радости и не спрошу его.

А на той степи было три могилы, очень высокія, а средняя самая высокая. Разъ пригналъ я къ той средней могилѣ свой табунъ. А весною, обыкновенно когда маленькіе жеребятки табунъ распасся; маленькіе жеребятки легли отдыхать, а матки—кобылы обыкновенно берегутъ своихъ дѣтокъ—жеребятъ—пасутся себѣ на одномъ мѣстѣ. Тогда я и говорю себѣ: теперь я пойду на могилу и начну что-нибудь дѣлать. И пошелъ себѣ на могилу. А могила та высокая. Какъ вышелъ я на ту могилу, а на верхушкѣ ямка такая, что меня не видно изъ нея. Тогда и пришло мнѣ въ голову: какой же я дуракъ! Съ какихъ поръ тутъ, а не зналъ, что на могилахъ ямы есть!.. Сталъ тогда я на колѣни и началъ молиться Богу. „Такъ и освящуся“, говорю себѣ.

И молился тамъ много дней. Какъ выйду на могилу: словно ближе къ Богу стану. А потомъ и пришло мнѣ на мысль: „какъ-же это я молюся? Мать меня научила, должно быть, это хорошая молитва... Вотъ и думаю себѣ: „мать лучше отца, потому что водки она не пьетъ и работаетъ больше, чѣмъ отецъ: она и дома работаетъ, еще и у людей зарабатываетъ дѣтямъ на хлѣбъ, а отецъ что заработаетъ, то и пропьетъ“: и думаю себѣ: и слышалъ я, что когда за себя одного будешь

молиться, то Богъ и не услышитъ, а нужно еще за кого-нибудь молиться“. И говорю себѣ: „За отца я не буду молиться, потому что онъ водку пьетъ, а за мать да за братьевъ буду молиться“.

И началъ я молиться, положилъ себѣ очередь: къ одной могилѣ одинъ день, къ другой—второй день, а къ третьей—третій день молиться Богу. Вотъ такъ я и дѣлалъ. Три года вотъ такъ пасъ табунъ и молился Богу, а отецъ все-таки жилъ въ Д., у генеральши Б.

Тогда та барыня и говорить отцу:

— Ты, Иванъ, припишись у меня: я люблю дѣтей твоихъ и жену твою; тебѣ будетъ хорошо у меня. Я тебѣ дамъ хату и леваду, и степной земли; дамъ тебѣ пару воловъ и корову, а то самъ будешь приобрѣтать.

А отецъ и говорить ей:

— Если бы ваша милость побезпокоились и приписали меня въ мѣщане въ Аккерманъ, то я бы съ дѣтьми весь вѣкъ за васъ Бога молилъ.

Тогда барыня какъ закричить на отца: какой мерзавецъ этотъ Иванъ Мугиръ! Выгоните его изъ моей деревни вонъ за межу!

А управляющій говорить: когда его сынъ нуженъ! Некому будетъ лошадей пасти.

— Вонъ, вонъ,—закричала барыня.—Послать въ Б. и нанять хорошаго мальчика.

Такъ насъ въ-зашей и выгнали отсюда.

Говоритъ барыня: „это скверные бурлаки“! Тогда-то я и задумался: гдѣ же я буду Богу молиться? Могилы то барскіе, а я бѣдный „бурлака“ и отецъ бурлака и вся семья бурлаки!..“

Оттуда перешли мы въ З., а З—скій помѣщикъ имѣлъ немного крѣпостныхъ. Остальные были у него мѣщане.

Тогда отецъ нанялъ меня къ одному молдаванину пасти скоть, а самъ съ матерью и братомъ работалъ у помѣщика З.

Тогда замѣтилъ я тамъ одну дѣвушку; звали ее Н. Ходила она стриженная и все плакала. Я было и спрашиваю ее: что ты плачешь?

А она и говоритъ мнѣ: барыня меня остригла да еще и била сильно на конюшнѣ.

Спрашиваю я ее: за что же она тебя била да еще и остригла?

Она мнѣ говоритъ: панъ приставалъ ко мнѣ, чтобъ я его любила, а барыня это замѣтила, да и сдѣлала за то все это.

Я себѣ и думаю: „какъ худо бѣднымъ крѣпостнымъ людямъ!“

— А ты—говорю ей—брось, иди въ бурлаки да тамъ и сыщешь какого-нибудь челоуѣка и будешь жить съ нимъ.

— Не знаю—говорить она—куда мнѣ идти.

— Иди—говорю я—въ К—вскую область.

Скоро она и пошла. Три года мы тамъ жили, а ея не было.

Вотъ пасъ я у того молдаванина скоть. Такъ мнѣ худо было. Бывало, такъ неѣвши и пропадаю; бывало, та молдаванка ругаетъ и хлѣба не даетъ, говоритъ было на меня: „мука варжерня“, ругаетъ это такъ: чтобъ тебя черви съѣли! Тогда я пошелъ къ отцу жаловаться, а отецъ какъ началъ меня бить, такъ что я цѣлыхъ четыре недѣли пролежалъ.

Выпасъ я скоть то лѣто у молдаванина, а на зиму нанялъ меня отецъ въ экономію къ З—скому помѣщику свиней кормить половою. Пробылъ я тамъ зиму; а весною отецъ нанялъ меня къ плугамъ, къ З—скому же помѣщику. Два лѣта погонялъ я воловъ въ плугѣ, а зимою все свиней кормилъ.

Въ то время становой началъ очень усердно разыскивать бурлаковъ: нельзя было удержаться на свободѣ. Тогда З—ской помѣщикъ призвалъ отца и говоритъ: „припишись, Иванъ, у меня, потому что теперь уже тебя поймають“.

Тогда пришелъ отецъ и собралъ насъ всѣхъ, и заплакали и отецъ, и мать, и мы. И говоритъ отецъ: „гдѣ намъ въ свѣтѣ

дѣться?" Мать и говоритъ отцу: „ты пойди, понци мѣста, а а скажу, что ты поѣхалъ въ Одессу покупать платье себѣ и дѣтямъ на зиму“.

Тогда отецъ пошелъ въ М. къ помѣщику М. Тотъ М. принялъ насъ и сказалъ, что онъ защититъ отъ становаго. Пришелъ отецъ ночью, и ночью-же забралъ насъ всѣхъ въ М. И перешли мы къ этому помѣщику.

М. далъ намъ хату. Пожили мы тамъ немного, и сейчасъ отецъ нанялъ меня въ садъ, теплицу топить, а брата — воловъ кормить. А отецъ жилъ въ хатѣ и работалъ за хату по дню въ недѣлю. Тамъ мы прозимовали, дождался лѣта святаго.

Тогда взялъ насъ отецъ въ черную работу, брата къ косѣ, а меня къ граблямъ, къ тому помѣщику М. (тотъ помѣщикъ жительство имѣетъ въ Х. губ., А. уѣзда, на рѣкѣ Т.). Тогда отецъ заработалъ порядочное количество денегъ „нами и собою“, потому что мы работали въ сѣнокосъ, въ жнива, свозили хлѣбъ и работали при „гарманахъ“. Получилъ отецъ расчетъ, набралъ полную шапку денегъ (тогда деньги были серебряныя, карбованцы съ крестами) да какъ зашелъ въ кабакъ и гулялъ цѣлый мѣсяць, пока пропилъ всѣ деньги до копѣйки.

Какъ прошелъ хмѣль у отца, мать плачетъ, мы плачемъ: работали все лѣто, а остались голые и босые на зиму. Побилъ тогда отецъ мать, а насъ побилъ за то, что мы говорили, что мы голы и босы, а мать простоволоса, и нанялъ насъ въ экономіи, брата къ плугамъ, а меня въ садъ къ теплицѣ.

А тотъ помѣщикъ М. полюбилъ меня и какъ идетъ куда-нибудь, то и меня беретъ съ собою, вроде лакея.

Тогда поѣхалъ панъ въ гости къ генералу Б., въ праздникъ Рождества Христова. Видѣлъ я и тамъ горе и несчастье! Бучеръ того генерала обрадовался Рождеству Христову и выпилъ водки, а генералъ и велѣлъ его положить четверемъ чело-вѣкамъ: два на голову, два на ноги, а двумъ велѣлъ бить арапниками... кровь лилась рѣкою... Потомъ взялъ его на ледъ и

посадили голымъ — извините — задомъ на льду. И сидѣтъ отъ полудня до вечера.

Посмотрѣлъ я тогда и заплакать. Смотрю на такую : и говорю: „такая и моя жизнь, потому что я бурлака! поймаетъ меня становой, да отправить къ пану“... (Отъ я слышалъ, что онъ ушелъ отъ пана).

Поѣхалъ тогда панъ мой домой, и я съ нимъ поѣхалъ не знаю, что случилось съ тѣмъ человѣкомъ. Приѣхалъ я, и снова послали въ теньцу.

Ѣхалъ панъ въ гости къ помѣщику И., и снова взялъ меня съ нашимъ паномъ. Снесъ я чемоданъ въ комнату барыня увидѣла меня и говоритъ моему пану: „хорошій слуга. Какой миленькій мальчикъ!“.

А мой панъ говоритъ: „это дитя хорошаго семейства“.

Вышелъ я за дверь въ переднюю комнату и слушаю панъ мой продолжаетъ: „Это мальчикъ не мой собственн года полтора тому назадъ пришелъ ко мнѣ бурлака, вается Иванъ Довгій. Жена у него хорошая, Е. зовутъ. шій сынъ Василій, вотъ этотъ Капитонъ, потомъ Абрамъ, стантинъ, Максимъ, Осипъ... и всѣ, всѣ прекрасные дѣв ворууютъ и слушаются“.

А та барыня, И., и говоритъ—по батюшкѣ—моему „И вы не дадите толку эдакому семейству?!“.

— А вотъ, — говоритъ мой панъ, — я начну приводи в порядокъ.

— Надо—говоритъ барыня—привести: приписать на умершихъ крестьянъ.

А я стою за дверями, слушаю и думаю: „Это уже и записать насъ съ отцомъ въ крѣпостные“.

Вотъ приѣхали мы изъ гостей домой. Панъ нашъ такъ брызгъ, а барыня гладитъ меня по головѣ, даетъ мнѣ ден

отцу дають зань (10 десят.) травы, чтобъ онъ косить, хозяйничать. Миѣ спилъ свиту и штаны, зоветъ меня Капитошкой, а брату подарилъ десять шкуръ овечьихъ на парубоцкій гудубь. Меньшимъ братьямъ подарилъ полотна на рубахи, а матери привезъ изъ Одессы очипокъ и платокъ хорошій.

Вотъ отецъ съ матерью и подумали: что это такое случилось съ паномъ?

А я былъ тогда дома, приходилъ къ отцу и къ матери въ гости, слышу ихъ разговоръ и говорю имъ: Я слышалъ, когда ѣздилъ съ паномъ въ гости къ И., какъ нашъ панъ говорилъ съ барыней, съ И., что надо привести насъ въ порядокъ.

Тогда отецъ съ матерью и говорятъ: онъ хочетъ записать насъ въ крѣпостные. А панъ насъ всѣхъ похваливаетъ да любитъ!

Нескоро уже мать говоритъ отцу: Запропастимы мы дѣтей своихъ!

А отецъ и говоритъ: какъ-же тутъ быть?

Мать говоритъ: поѣзжай сѣно продавать, да тамъ и мѣста повцещь. Надо выбратъся отъ этого пана, потому что онъ такъ тайно и запишетъ насъ въ крѣпостные.

Нанялъ отецъ у мѣщанъ волокъ и повезъ въ Одессу сѣно продавать да мѣста пскать. Услышалъ, что генералъ Ц. принимаетъ бурлакъ и защищаетъ ихъ отъ становаго пристава. Ыдули изъ Одессы, отецъ и забѣжалъ къ тому генералу распросить. Принимаетъ.

Приѣхалъ отецъ домой. Было это уже осенью. Созвалъ онъ всѣхъ насъ, всю семью, и приказалъ, чтобы въ воскресенье всѣ были дома: ночью убѣжимъ отъ этого пана. А панъ дарить насъ подарками да любитъся нами! Отца нашего зоветъ по батюшкѣ (Иванъ Аникіевичъ!).

Дождались мы воскресенья и, какъ сказалъ намъ отецъ, собралися домой. Былъ у насъ конь (купилъ отецъ за четыре

рубля), а воза не было. Связали мы свои пожитки въ два узла, положили на коня и малыхъ дѣтей на коня посадили и братъ велъ коня, а я подгонялъ сзади, а мать съ отцомъ шли сзади.

Такъ перешли мы къ генералу Ц. въ К. Тотъ генералъ былъ женатъ на К. дочкѣ и переманивалъ бурлакъ къ себѣ жить.

Тогда управитель далъ намъ хатку, чтобъ отецъ работалъ по одному дню въ недѣлю за то, что будемъ жить въ хатѣ, а топливо, чтобъ зарабатывали въ экономіи.

Стали мы тамъ жить. Сейчасъ отецъ нанялъ насъ во дворъ: меня къ конюшнѣ, а брата къ овцамъ; а самъ онъ работалъ въ экономіи.

Замѣтилъ я тамъ одного „дидуса“, стараго, сѣдаго и лысаго. Тотъ „дидусъ“ былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, изъ Веремѣвки. Познакомился онъ со мною (онъ былъ коноваль) и много кой-чего мнѣ рассказывать. Бывало, зимою я уберу конюшню, а онъ смотрѣлъ за жеребцами, да гдѣ-нибудь и сойдемся себѣ. Онъ мнѣ и рассказываетъ все, что знаетъ.

Рассказывалъ онъ мнѣ, что когда-то въ Полтавщинѣ жили козаки, назывались запорожцами. Я ему и говорю: то жъ были разбойники?

А онъ мнѣ и говоритъ: Не вѣрь, то не разбойники. Они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты. Имѣли они себѣ своего „пана гетьмана“, а онъ управляетъ войскомъ казачьимъ. Назывались они украинцами. Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали. За то и называли ихъ разбойниками и ворами. А они были добрые люди, какъ и всѣ люди.

— А я и говорю: какъ же это? Такіе люди, а ихъ называли такими.

— Потому что они были „неувага“, не давали спуска никому.

А я и говорю: какъ же это не давали спуску? Значить, они были разбойники?!

А онъ говоритъ: если кто-нибудь нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару. Это,—говорить, —была когда-то ихъ земля.

— А я думалъ, — говорю я, — что они разбойники.

Тогда „дидусь“ и говоритъ мнѣ: тогда казаки были, какъ теперь паны. Они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь. И этотъ Херсонъ, онъ не Херсономъ назывался тогда, а иначе.

И разоидешься было, потому что пора уже коней убирать. Я смотрѣлъ за лошаками, которыхъ кормили къ ярмаркѣ. Приучаемъ ихъ, бывало, къ чисткѣ, а они бьются да кусаются, такъ что и одежду, бывало, порвутъ на тебѣ и бока перебьютъ. Горенько съ тѣми лошаками! Про все забудешь! Да еще какъ посмотришь на тотъ народъ, что крѣпостнымъ называется, то даже сердце окаменѣетъ. Былъ тамъ другой генераль, тестъ нашего генерала; К. называется. Бывало, онъ приводитъ своихъ крѣпостныхъ на конюшню, наказывать ихъ за провинность. Да приведетъ было ихъ раннимъ утромъ и бьютъ ихъ до поздняго вечера! Посмотришь на тѣхъ людей, то, кажется, живой бы къ Богу полѣзъ да только дверей не найдешь: такъ ихъ катуеть!

А нашъ панъ былъ лучше, не любилъ катувать людей, потому что онъ недавно изъ военной службы пріѣхалъ.

Вотъ дождались мы лѣта святаго. Тогда надо было людей къ овцамъ. Призываетъ генераль Ц. моего отца и говоритъ: теперь надо переторговать твоего мальчика Капитона, потому что его надо отправить къ овцамъ, теперь овцы „котиться“ начали, — къ „Сакмаламъ“.

„Сакмалы“ — это маленькіе „кердочки“ овецъ, которые уже „окотились“. Пока они привыкнутъ сами смотрѣть за ягн-тами, ихъ называютъ сакмалами.

Братъ Василій давно уже былъ около овецъ.

Вотъ взяли меня къ овцамъ и поставили къ первому сак-

малу, пасти овецъ и ягнать „пзякаты“, т. е. ловить мать и кормить ягненка, чтобъ онъ немного пососать молока. Братъ Васпій былъ возлѣ крось. Кросы — это тѣ овцы, которыя еще будутъ „котиться“.

Горе мнѣ было тогда съ тѣми овцами! Та приведетъ трое, да не принимаетъ ни одного. Надо закидать ее въ кучку, оставить ей двухъ, а третьему найти мать. А какъ привыкнетъ, тогда выпускать въ маленькій сакмаль, а другихъ закидать въ кучки, чтобы привыкали къ своимъ дѣтямъ. Такое горе съ тѣми овцами весною.

Тогда я услышала отъ К—нныхъ крѣпостныхъ, что всѣ они сговорились убить пана, генерала К., за то что онъ ихъ такъ катуетъ. Былъ у него одинъ отаманъ. И его панъ катуетъ хорошо, да онъ любитъ рассказывать все пану, что услышитъ. Видитъ тогда генералъ К., что бѣда, да и выѣхалъ изъ Одессу жить и приказалъ, чтобы всѣхъ виновныхъ водить къ нему въ Одессу, чтобъ онъ тамъ ихъ наказывалъ.

Вотъ такъ и водили года два. А онъ тамъ даетъ имъ то по триста, то по пятьсотъ. Такое горе, что хоть ложись да помрай! Хоть бы кто въ некло утащилъ, лишь бы куда-нибудь отъ пана спрятаться! А онъ въ Одессѣ заведетъ въ каменную постройку, чтобъ никуда не было слышно, и бьетъ съ утра до вечера каждый день, будь это лѣтомъ, зимою или весною, — все равно!

А тамъ какая-то добрая душа, барыня, слушала два года тотъ крикъ да и давай спрашивать тѣхъ людей, что приводятъ: что это такое, что онъ каждый день наказываетъ?

— А они и говорятъ: онъ такъ постоянно мучаетъ людей бѣдныхъ, убогихъ.

— А богатыхъ, — говоритъ она, — не наказываетъ?

— Не имѣетъ ни одного, — говорятъ они, — богатаго: всѣ бѣдные нищѣ.

А та барыня и говоритъ: вы вотъ что сдѣлайте. Когда онъ

поведеть васъ наказывать на конюшню, а вы его разложите да и накажите хорошенько.

Вотъ они и согласились: что будетъ, то будетъ, а ужъ мы ему зададимъ!..

Вотъ повелъ онъ ихъ на конюшню и самъ пошелъ съ ними, чтобы наказывать, а они его разложили и были до самаго вечера. Тогда панъ тотъ поклялся имъ, что онъ не будетъ никого и никогда уже наказывать.

Послѣ этого онъ отправилъ ихъ домой, а самъ какъ уѣхалъ, такъ никто и не зналъ, куда онъ и дѣвался. Говорили, что за границу уѣхалъ. И остались люди безъ пана. Зять его не захотѣлъ ихъ. Добро! Тогда тѣ люди стали вольными!

Мы съ братомъ три года были тамъ чабанами, а отецъ съ матерью и съ малыми братьями жили на деревнѣ.

Обижали тамъ меня старшіе чабаны. Бывало, ночь ѣзжу „котыкою“ (это, видите, возъ тотъ, что за чабанами возять) да не попаду ночью, куда ѣхать за овцами: не видно. А они меня бьютъ, сильно бьютъ. Горе мнѣ было! Самъ я маленькій... Разказалъ бы отцу, такъ и отецъ бить будетъ еще больше. Довелось тогда мнѣ терпѣть горе! Какъ придетъ осень,—дождь, вѣтеръ, холодъ, а за чабанами надо ѣхать, надо варить имъ ѣсть ночью раза три или четыре...

Тогда отецъ какъ-то загулялъ и подрался въ кабакѣ. Призвалъ отца генералъ и хотѣлъ выпороть, чтобы онъ не сочинялъ дракъ возлѣ кабака, а отецъ и говорить: я не хочу жить у васъ!

Пошелъ тогда отецъ искать мѣста и нашель на К., К—ской губерніи А—вскаго уѣзда, у помѣщика Т.

Пришелъ онъ обратно, созвалъ насъ и сказалъ намъ:—теперь уже паны не заставляютъ насъ приписываться, потому что нельзя никому приписывать никого. Это мнѣ говорилъ Т., а насъ онъ принимаетъ. Говорилъ, будете жить, пока можно будетъ.—И говорить намъ отецъ:—собирайтесь въ дорогу!

Собрались мы и пошли къ Т. Когда мы шли, была весна. Говорить тогда отецъ:—Теперь ужъ будемъ лучше работать, потому что и вы уже почти взрослые.

А я и говорю отцу:—Вы бы насъ грамотѣ выучили. Учатъ же люди своихъ дѣтей.

Отецъ и говорить: нѣтъ, за что васъ учить!..

Сейчасъ наняли меня къ Т. за плугомъ ходить, а отецъ и братъ нанялись сѣять. Матери съ малыши дѣтьми дали хату въ хуторѣ. Тамъ жили молдаване и мѣщане, нанимали поле и хаты, чтобъ было гдѣ жить. Въ томъ хуторѣ была и наша хата, что далъ намъ панъ Т., между мѣщанами и молдаванами.

Вотъ я тамъ хожу за плугомъ и думаю спастись. Погоню яловъ пасти ночью, да стану и молюся Богу да плачу; молюся тѣми словами, что научила меня мать; молюся да плачу и до того домолился, что чуть-чуть съ ума не сошелъ. Думаю: какъ же еще молиться, чтобы Богъ услышалъ мои слова и мою просьбу, чего я прошу у него... Больше всего просилъ я у Бога, чтобъ научиться мнѣ читать, чтобы сумѣлъ я Бога спросить, какъ слѣдуетъ.

Ходилъ я плѣую весну за тѣмъ плугомъ. Настала косовица (сѣнокосъ). Пошелъ я тогда сѣно въ копны класть, отецъ и братъ косить, а мать грести. Здѣсь я услышалъ кое-что: тамъ были люди старые и бывалые, которые были въ Кіевѣ, въ монастыряхъ. Вотъ я и спрашиваю ихъ: какъ тамъ, въ монастыряхъ?

— Молятся Богу денно и ночью, говорятъ они. А одинъ старый человекъ и говорить мнѣ:

— Зачѣмъ ты такъ спрашиваешь?

Я и говорю ему, что я люблю слушать про „Божье дѣло“.

Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: Есть у меня книжечка, я тебѣ почитаю въ воскресенье или въ праздникъ.

Ожидаю я воскресенья того, какъ Бога святаго съ неба. Дождался. пошелъ къ тому человекъ; а онъ вынулъ изъ мѣшка маленькую книжечку и началъ читать акафистъ Божьей Матери,

а потомъ еще прочиталъ акафистъ Иисусу. Я и замѣтилъ слова, которыя онъ говорилъ: „Иисусе, освѣти меня! Иисусе, научи меня“!

Научился я тѣмъ словамъ и давай соображать, какъ бы научиться еще больше. Да зайду себѣ подальше отъ людей и молюсь. „Господи“ — говорю — „Боже, Отче нашъ! Иисусе, освѣти меня! Иисусе, научи меня“! Такъ молвился я лѣтъ пять.

Настали жнива. Отецъ и я съ братомъ зарабатывали за снопы хлѣба третій и четвертый снопы. Тогда заработали порядочно хлѣба, всякаго жита и пшеницы, ячменя и проса, а на зиму насъ съ братомъ забрала въ экономію къ скоту.

На другой годъ отецъ нанялъ у пана хату такъ, какъ нанимають мѣщане и молдаване: далъ десять рублей. Тогда мы работали уже у мѣщанъ и у болгаръ, потому что панъ не давалъ заработать за снопы, а чтобъ за деньги работали. Поэтому мы и работали на болгарскомъ хуторѣ у болгарина, турецкаго выходца, за пятый и шестой снопы, а зимою были всѣ дома, нигдѣ не служили.

Вотъ мы съ братомъ просили отца, чтобъ учили насъ читать. А отецъ говоритъ мнѣ: —хоть-бы васъ прокормить, а не то, чтобы учить.

А мы говоримъ:—насъ-же все равно поймають когда-нибудь, тогда навѣрно въ солдаты отдадутъ.

Что Богъ дастъ,—говоритъ отецъ,—то и будетъ съ нами. А учиться намъ не на что!... Горе, дѣти! Некуда намъ дѣться! Широкій свѣтъ, а некуда голову приклонить одинокимъ. Пусть васъ Богъ учить на все хорошее и благословить васъ, дѣточки, сыны мои! Только будьте честными, не ворами, не разбойниками... Заплакали всѣ мы горькими слезами.—Повыросли всѣ, да ничего не сдѣлаешь. Будемъ такъ у пана крѣпостными...

Да еще сплнѣе заплакали отецъ и матушка, и насъ шестеро возлѣ ихъ, и разошлись. Мнѣ тогда было одиннадцать лѣтъ, а брату пятнадцать.

На слѣдующее лѣто работали всѣ. Отецъ уже не пилъ водки. Какъ-то говорить онъ: пойду въ Одессу, разспрошу, нельзя-ли въ мѣщане приписаться.

Такъ и порѣшили. Дождались осени. Отецъ нанялъ двухъ мѣщанъ съ подводами, набралъ кой-какого хлѣба и поѣхалъ въ Одессу купить, что нужно, и разспросить, нельзя-ли приписаться куда-нибудь въ мѣщане.

Правда, тамъ въ Одессѣ попалъ онъ на добраго человѣка, дворянина. Человѣкъ тотъ, Иванъ Григорьевичъ, и говорить отцу:—Человиче добрый! Ты хочешь запропастить всѣхъ своихъ дѣтокъ. Теперь не припишутъ, а отошлютъ къ твоему пану. Во первыхъ, ты одной губерніи, а во вторыхъ, это только обманываютъ. Не вѣрь, это все неправда!

Приѣхалъ онъ изъ Одессы и говорить матери и намъ:—Горе! что мы будемъ дѣлать на свѣтѣ. Некуда намъ дѣваться!...

На другой годъ перешелъ отецъ въ И—вы хутора. Тамъ мы всею семьей работали у мѣщанъ, заработали хлѣба и денегъ. Тогда отецъ остался зимовать въ томъ хуторѣ, а меня навялъ на годъ къ мѣщанину В., Андрею Ивановичу, въ П—ковы хутора, а брата оставилъ дома, чтобы зимою ходилъ къ мѣщанамъ молотить.

Служилъ я тамъ. Какъ напали на меня вши,—и въ бѣльѣ, и на головѣ! Подѣлался стружья, такъ что волоса поднялись въ-тѣ со стружомъ. Пришлось и тамъ терпѣть большое горе! Длечь работаю, а ночью не могу заснуть, оттого что вши кусаютъ. На плечахъ подѣлался раны, порасчесывалъ, оттого что сильно кусаютъ... Пришла зима. У мѣщанъ въ хату нельзя войти, въ сѣняхъ подъ трубою и ѣсть варять, и рабочіе въ сѣняхъ ночуютъ. Старшіе рабочіе прогоняютъ меня, потому что отъ меня вши къ нимъ лѣзутъ. Такъ я и зналъ свое мѣсто возлѣ порога. А мать далеко отъ меня! Некому было рубахи чинить и посмотрѣть въ голову... Вотъ зимою вывезли скоту

ѣсть на гору, разбросали возлѣ пруда; а я смотрѣлъ за скотомъ, чтобы онъ никуда не шель, а чтобы ѣлъ. Былъ праздникъ. Въ тотъ день ребята изъ хутора собрались на прудъ гулять и сдѣлали тамъ „крутилку“. Я и побѣждалъ отъ скота посмотрѣть, какъ они крутятся да катаются. Смотрѣлъ сначала со стороны, а потомъ и самъ побѣждалъ покрутить. Очень я безсильный былъ... А „крутилка“ подбѣжала мнѣ подъ ногъ, да какъ ударила меня, такъ я и упалъ навзничь, такъ упалъ, что чуть не на смерть убился. Не знаю, сколько я былъ безъ признаковъ жизни, только поднялся, а скота уже нѣтъ. Скотъ уже загнали въ загонъ большіе работники, а про меня и не знаютъ, что я убитъ. Всталъ я и думаю: „гдѣ жъ это я?“ Не знаю: спалъ ли я, или что со мною? Самъ не придумаю, а ужъ солнышко зашло. Смотрю на то мѣсто, гдѣ была „крутилка“, а столбъ уже срубанъ. Тогда вспомнилъ я, что гулялъ на „крутилкѣ“, вспомнилъ, что берегъ скотъ, и думаю: „гдѣ жъ это скотъ?“ Подходить ко мнѣ человекъ изъ того хутора и говорить: хлопче! о чемъ ты думаешь? А я и говорю: не знаю, гдѣ скотъ... А онъ мнѣ и говорить: иди домой; скотъ уже рабочіе загнали въ загороду. Иди домой. — Что же со мной было? говорю я. — Тебя крутилка убила, говорить онъ.

Пошелъ я тогда къ хозяину, туда, гдѣ служилъ. А тотъ хозяинъ, Андрей Ивановичъ, призвалъ работника, положилъ меня и далъ двадцать ударовъ кнутомъ за то, что я скотъ не берегъ.

Вышелъ я на дворъ и плакалъ цѣлую ночь, смерти просилъ... Изъ головы кровь идетъ,—отъ вшей да еще и на льду разбилъ... изъ тѣла кровь идетъ,—отъ вшей да еще и кнутомъ посякъ...

Вотъ прогоревалъ я эту зиму. Пришло лѣто. Пришла мать ко мнѣ, какъ глянула да какъ заплачетъ, а я и себя заплакалъ.

Говорить мать тому хозяину: Есть ли у васъ Богъ или нѣтъ, что допустили ребенка до такой „нужки?!“

А тотъ хозяйниъ насмѣхается надъ матерью.

— Какая дворянка пришла, говорить.

Заплакала мать и говорить: пойдёмъ, сыну, домой.—Взяла меня изъ той каторги.

Пришелъ я съ матерью домой къ отцу; отдохнулъ немного, и отецъ нанялъ меня къ мѣщанамъ, погонять воловъ въ плугѣ. Тогда мать обобрала меня немного отъ нужи. Я немного поправился, а то былъ такой, какъ съ креста снятый.

Тогда отецъ и говорить матери: не будемъ уже нанимать дѣтей, а будемъ уже работать дома. Они же способны работать.

Цѣлое лѣто работали мы въ С. у помѣщика, сѣно косили и жали, въ С. и зимовали. Дождались другаго лѣта. Изъ С. перешли къ К., тамъ работали въ сѣнокосъ, а въ живна перешли въ Большую Д—овку и тамъ стали наживна. Работали тамъ, а осенью отецъ съ братомъ стали у крестьянина молотить за мѣру, чтобы заработать хлѣба на зиму, а меня нанялъ въ годъ крестьянину той же деревни Сергѣю Б. Я тамъ служилъ, а отецъ съ братомъ молотили за мѣру.

Заработалъ отецъ хлѣба на зиму и пошелъ искать себѣ мѣста, гдѣ бы найти да перезимовать, и нашелъ въ З—овкѣ! Тамъ у З—каго помѣщика взялся копать колодезь; нанялъ себѣ еще другихъ бурлаковъ и копаеть колодезь.

А я служилъ. Не дають мнѣ ни одежды, ни сапогъ, ничего, а уже и холодно стало. Я и говорю тому Б., чтобы онъ давалъ мнѣ одежду, а онъ и прогналъ меня.

Пошелъ я искать отца. Не знаю, куда идти и какъ его разспросить.—Нашелъ я ту З—овку. Тамъ мнѣ сказали, что отецъ копаеть колодезь на К. На той К. я нашелъ отца.

Тогда отецъ заставилъ и меня копать колодезь. Вотъ мы

съ братомъ копали колодезь и другіе бурлаки копали съ нами, а отецъ доставлялъ намъ харчи.

Мы себѣ копаемъ... Вотъ уже выкопали сажень восемь. Дѣло было такъ въ субботу. Вотъ отецъ и говоритъ намъ: вы проведете праздникъ здѣсь (мы копали колодезь въ степи), а я пойду въ слободу и привезу вамъ харчей.

Остались мы возлѣ колодезя, а отецъ пошелъ въ слободу.

Провели мы уже съ братомъ и съ работниками праздникъ, дождались уже и понедѣльника,—нѣтъ нашего отца!... Уже и вторникъ, уже и среда.... нѣтъ нашего отца!... Что тутъ намъ дѣлать!.. говоримъ мы съ братомъ.

— Пойди, говорю я брату, и узнай, что тамъ такое.

Онъ и пошелъ. Этакъ къ полудню приходитъ и говоритъ: что мы теперь будемъ дѣлать? Отца нашего взяли становой. А брату говоритъ: теперь что хотите, то и дѣлайте; теперь некому будетъ порядокъ давать.

— Надо,— говорю я,—чтобы ты пошелъ да разузнать... Быть можетъ, отца и пустятъ.

— Я уже разспрашивалъ,—говоритъ братъ: — какъ было дѣло. Отецъ, какъ пошелъ въ субботу отсюда, такъ домой не пошелъ, а завернулъ въ кабакъ и выпилъ... А тамъ были чабаны... Онъ началъ бороться съ чабанами. Какъ поборолъ одного, такъ сильно ударилъ его о-земь, а чабаны какъ подхватили его да начали бить... били его сильно, пустили чуть живаго. А онъ выпилъ водки да отдохнулъ черезъ ночь, а въ воскресенье снова пошелъ къ кабаку и увидѣлъ тамъ одного изъ тѣхъ чабановъ, да какъ поймалъ его, такъ чуть тепленькаго пустилъ. А тотъ чабанъ еле добрался до кошаръ¹⁾ и рассказалъ другимъ чабанамъ. Прибѣжали они въ кабакъ и какъ поймали отца да такъ избили, что не на жизнь, а на смерть и бросили его. А онъ поднялся и пошелъ жаловаться на нихъ къ становому, въ Л. А становой спросилъ отца,

¹⁾ Загоны для овецъ.

кто онъ? А отецъ сказать, что бурлакъ. Вотъ становой зако-
вать его въ желѣзо...

Когда братъ разсказалъ это мнѣ и рабочимъ, тогда рабочіе
сказали: теперь дѣло плохо! Бросили они насъ и ушли себѣ,
а мы съ братомъ говоримъ: что мы теперь дѣлать будемъ?...
Сѣли и заплакали... И что дѣлать? Зима скоро... куда дѣваться?..
Сидѣли мы цѣлый день, просидѣли и другой...

— Что же мы будемъ сидѣть да плакать?—говорить братъ:—
этимъ горю ничуть не поможешь... Пойдемъ куда-нибудь и
повщемъ себѣ пропитанія.

Вотъ мы и пошли... А холодно... осень... уже въ филип-
повку мы пришли на К. Не принимаютъ насъ. Говорятъ, гдѣ
работали лѣто, туда и отправляйтесь... А мы голодные и го-
лые... На мнѣ скверная свитка, а на братѣ скверный тулу-
шишко, и оба въ худыхъ пасталахъ *)...

— Пойдемъ, — говоритъ братъ, — да выпросимъ хоть по
куску хлѣба.

— Пойдемъ,—говорю я,—что жъ будемъ дѣлать?..

Вотъ и пришли къ одному мѣщанину въ У—ихъ хуторахъ.
А тотъ мѣщанинъ и говоритъ: а работать, сукны сыны, не
хотите, да шлетесь?... Вонъ, погань экая!...

Вышли мы и заплакали.

— Пойдемъ еще въ другую хату, говоритъ братъ.

— Лучше умру,—говорю я,—а просить уже не пойду.

— Развѣ всѣ люди такіе, какъ этотъ, — говоритъ братъ.
Не такіе люди, можетъ быть, не дадутъ намъ умереть съ го-
лodu. Пойдемъ!...

А уже дня три не ѣли, только воду пили... Ходить уже
не въ состояніи.

Говорить братъ: пойдемъ же, говорю тебѣ, а то я брошу
тебя...

— Пойдемъ, говорю я тогда.

Пошли. Заходимъ съ другаго конца хутора.... Люди небо-

*) Кожаные лопти.

гатые... Просимъ по куску хлѣба... Тамъ приняла насъ старенькая женщина, налила намъ борщу, дала намъ хлѣба, посадила насъ, распрашиваеъ брата... Братъ разсказалъ, что отца арестовали, и все, что было, забралъ становой... Одежа, какая была, отца, мать и малыхъ дѣтей, а мы съ этимъ братомъ были возлѣ колодца, который копалъ. Тамъ былъ курень возлѣ колодца, тамъ мы и ночевали въ этой самой одежѣ, а днемъ работали. А какъ отца взяли становой, то мы пошли искать или работы, или чего-нибудь другаго... Теперь вотъ никто не принимаетъ.

Вотъ та женщина и говорить брату: надо тебѣ поискать, гдѣ есть клуня, чтобы ты нацѣлся молотить. А ему теперь никакой работы не будетъ. Если бы онъ имѣлъ хоть какую-нибудь одежу, то можно было бы приткнѣть его возлѣ скота, а то онъ голый... куда его приткнешь?

Дала намъ цѣлый хлѣбъ та женщина и говорить: идите дѣтки, съ Богомъ!

А. Г.

(Продолженіе будетъ)

Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ числѣ многихъ важныхъ пробѣловъ русской исторической науки давно пора обратить вниманіе на крайне недостаточное изученіе прошлаго домашняго быта и нравовъ народа. Имѣи въ виду содѣйствовать пополненію этого пробѣла, мы составили настоящій очеркъ, за которымъ должно со временемъ послѣдовать описаніе домашняго быта купцовъ и мѣщанъ, а затѣмъ и дворянъ въ ту же эпоху. Всего менѣе оказывается матеріаловъ для характеристики домашняго быта сельскаго духовенства; то немногое, что намъ удалось собрать, сгруппировано въ очеркѣ «Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка» (Русская Старина 1877 г. № 8).

Въ настоящемъ очеркѣ мы вошли въ значительныя подробности при описаніи жилища, пищи и одежды крестьянъ въ Великороссіи и Сибири. Нѣтъ ничего легче, какъ вмѣсто подробнаго описанія, съ указаніемъ мѣстныхъ особенностей, представить общую характеристику народнаго быта въ данномъ отношеніи; но въ общихъ чертахъ домашняя жизнь народа достаточно извѣстна; напротивъ того, мѣстныя отличія слишкомъ мало послѣдованы даже относительно современной эпохи. Къ сожалѣнію, у насъ крайне рѣдки сочиненія въ родѣ почтенныхъ трудовъ гг. Ефименко («Матеріалы для этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи», въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи») и Чубинскаго (Этнографическая экспедиція въ Югозападный край); а до тѣхъ поръ, пока не будутъ такъ же обстоятельно послѣдованы и другія мѣстности, мы не будемъ имѣть научной этнографіи Россіи.—Въ настоящее время домашній бытъ и нравы народа довольно быстро измѣняются; изобра-

женіе жизни народа за сто лѣтъ тому назадъ можетъ послужить основаніемъ для сравненія и опредѣленія происшедшихъ измѣненій.

Главнымъ источникомъ при составленіи настоящаго очерка послужилъ цѣлый рядъ описаній различныхъ губерній и уѣздовъ, составленныхъ во второй половинѣ XVIII и первыхъ годахъ XIX вѣка, по большей части неизданныхъ, затѣмъ такъ называемые «экономическіе отвѣты» (на вопросы Вольнаго Экономическаго Общества), изъ которыхъ напечатаны далеко не всѣ, и нѣкоторые документы Архива Министерства Юстиціи. Кроме того, изъ печатныхъ источниковъ мы преимущественно воспользовались описаніями путешествій по Россіи нашихъ академиковъ и нѣкоторыхъ иностранцевъ.

I

И ж а.

Главную роль въ пропитаніи крестьянъ, какъ и въ настоящее время, игралъ ржаной хлѣбъ, обыкновенно изъ чистой муки въ черноземныхъ губерніяхъ и нерѣдко изъ пшѣянной или иногда даже съ различными подмѣсями въ сѣверной Россіи.—Въ архангельской губерніи ржаной хлѣбъ былъ даже явленіемъ далеко не повсемѣстнымъ; мѣстами его употребляли только по праздникамъ, а въ другихъ онъ замѣнялся хлѣбомъ изъ ячменной муки или изъ смѣси той и другой. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ архангельской губерніи вообще чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, и приходилось подмѣшивать къ ржаной или ячменной муцѣ толченую сосновую кору; въ ѡемскомъ уѣздѣ нерѣдко и совсѣмъ не ѣли хлѣба, замѣняя его грибами. Весною во многихъ мѣстахъ этого уѣзда пекли лепешки изъ травы вахты (*Trifolia fibrina*), растущей по болотамъ и по берегамъ рѣкъ. Эти корни выкапывали, сушили, толкли и смѣшивали съ ячною или ржаною мукой. Приготовленныя такимъ образомъ лепешки имѣли горькій вкусъ. Въ олонецкой губерніи въ одномъ каргопольскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне могли ѣсть чистый хлѣбъ; въ другихъ мѣстностяхъ такую роскошь дозволяли себѣ только богатые, остальные же питались чистымъ хлѣбомъ только до марта или апрѣля, а съ этого времени до новаго хлѣба съ ржаной и

ячменной мукою смѣшивали сосновую кору, которую лѣтомъ снимали съ деревьевъ, сушили на солнцѣ и, снявъ верхній черный слой. толкли. Во многихъ погостахъ повѣнецкаго уѣзда весною пекли лепешки изъ корня знакомой уже намъ травы вахты, смѣшаннаго съ мукою. Продолжительное употребленіе такой пищи производило слабость во всемъ тѣлѣ, тошноту и опухоль въ ногахъ; а между тѣмъ намъ извѣстно, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія 30 деревень Олонецкой губерніи семь лѣтъ сряду питались сосновою корой и корнемъ вахты. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ по рѣкѣ Свири ѣли по преимуществу овсяной хлѣбъ. Въ тверской губерніи, хотя и пещерноземной, но населеніе которой занималось многими промыслами, крестьяне ѣли обыкновенно чистый хлѣбъ, употребляя мѣстами несѣянный только послѣ неурожаевъ. Изъ мѣстностей костромской губерніи—въ нерехотскомъ уѣздѣ крестьяне употребляли въ пищу обыкновенно ржаной хлѣбъ, но иногда пополамъ съ ячной мукою; въ галичскомъ и солигаличскомъ уѣздахъ крестьяне ѣли хлѣбъ, приготовленный изъ овсяной или ячной муки вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ ржаной, но никакихъ суррогатовъ хлѣба не употребляли. Въ калужской провинціи въ случаѣ неурожая ѣли хлѣбъ вмѣстѣ съ мякиною. Въ нерчинскомъ округѣ, въ восточной Сибири, бѣдность была иногда такъ велика, что многіе крестьяне по нѣскольку мѣсяцевъ сряду не ѣли хлѣба и питались мясомъ убиваемыхъ лосей, козъ и двороваго скота. Вообще въ Сибири, въ половинѣ XVIII вѣка, очень дурно умѣли печь хлѣбъ. Въ пермской губерніи у зажиточныхъ можно было найти ситный хлѣбъ.—И въ центральной Россіи были мѣстности, гдѣ населеніе бѣдствовало; напр. въ каширскомъ уѣздѣ тульской губерніи крестьяне ѣли хлѣбъ несѣянный и по большей части приготовленный не изъ одной ржаной муки, а изъ смѣшанной съ ячменною и овсяною. Часто случалось, что, за неимѣніемъ ржи, крестьянинъ поѣдалъ весь овесъ и ячмень, оставленный на сѣмена. Обыкновенно же въ черноземной полосѣ ѣли чистый ржаной хлѣбъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ саратовской губерніи, также и пшеничный.

Само собою разумѣется, что употребленіе въ пищу суррогатовъ хлѣба, что бы ни говорили нѣкоторые авторы описаній губерній, составленныхъ въ XVIII вѣкѣ, очень вредно отзвизалось на здоровьѣ жителей. Къ числу мѣстностей Россіи, населеніе которыхъ

не могло постоянно питаться чистымъ хлѣбомъ, принадлежала в н сѣверная часть вятской провинціи, гдѣ жители очень часто употребляли въ пищу пихтовую кору. Вотъ какъ описываетъ приготовленіе изъ нея хлѣба Ник. Рычковъ, путешествовавшій въ 1770 г. Крестьяне соскребали кору съ поверхности деревьевъ, сушили и затѣмъ или толкли въ ступахъ, или мололи на ручныхъ жерновахъ, послѣ чего кора превращалась въ такой же мелкій порошокъ, какъ ржаная мука. Затѣмъ тѣ, у кого было нѣсколько муки или отрубей, смѣшивали ихъ съ истолченной корою, а не то готовили пиццу и изъ одной коры. Для этого ее растворяли, какъ и муку для обыкновеннаго хлѣба; черезъ сутки растворъ, положенный въ квашню, былъ готовъ, и тогда хозяйка валяла изъ него тонкія, крутыя лепешки; сдѣлать изъ коры хлѣбъ такой величины, какъ обыкновенно пекли крестьяне, было нельзя, такъ какъ подобный хлѣбъ не пропекался. «Возмужавшимъ людямъ», говоритъ Рычковъ, «пицца сія не столько вредна, но жалостно видѣть бѣдныхъ младенцевъ, опытъ же питающихся. На лицахъ ихъ написана бѣдность и безсиліе, приводящія въ жалость каждаго, смотрящаго на нихъ. Въ самыхъ возрастныхъ замѣчается сіе: когда онъ послѣ пихтовой пицци допущенъ будетъ къ ѣствію настоящаго хлѣба, то оказывается такая сильная опухоль въ его ногахъ, что онъ нѣсколько дней принужденъ бываетъ лежать неподвижно».

Если встрѣчались несчастныя провинціи, гдѣ различные суррогаты были обычною составною частью хлѣба въ нѣкоторыя времена года, то тѣмъ болѣе они были употребительны во время неурожаевъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ неурожая во второй половинѣ XVIII в.; перечислимъ только тѣ суррогаты хлѣба, которые употреблялись во время голода, съ указаніемъ на мѣстности. Пихтовая кора употреблялась въ пищу въ вятской, вологодской и архангельской губерніи, еловая кора—въ выборгской губерніи, сосновая—въ архангельской и олонецкой, сѣмена лебеды—въ нерехотскомъ уѣздѣ, въ пермской губерніи и въ провинціи переяславля рязанскаго, а въ 1787 г., во время страшнаго голода, во многихъ мѣстахъ; конопляный и льняной укуль, конопляная и льняная изболна—въ вятской губерніи, льняное сѣмя въ псковской провинціи, трава вахта или вакха въ архангельской и олонецкой губерніяхъ и въ нерехотскомъ уѣздѣ костромской; корень растенія сарана въ Сибири и пермской губерніи:

растения черемша и кырлыкъ въ пркутской, растение сосенка (*Asparagus*) въ пермской губерніи, сѣно и мохъ во многихъ мѣстахъ въ 1785—7 годахъ, наконецъ пивня вываренъ, такъ называемая дрожжа. Прибѣгали иной разъ крестьяне и къ неорганическимъ суррогатамъ хлѣба; однимъ изъ такихъ веществъ была такъ называемая горная, или самородная мука, употребленіе которой попробовали жители пермской губерніи. Во время неурожаа 1785 г. крестьяне, найдя около города Кунгура «горную муку», говоритъ Поповъ, «почли, что послана для пропитанія имъ небесная помощь»; ее «повезли вездѣ и даже, смѣшивая съ ржаной, стали быю продавать въ городѣ Кунгурѣ, что однако жъ тотчасъ запрещено было». Нѣкоторые пекли изъ нея уже и хлѣбъ; «но какъ скоро почувствовали вредъ, отъ употребленія его происходящій, то и перестали болѣе мыслить о дешевой или даровой мукѣ. Хлѣбъ, изъ нея испеченный, мало походитъ на обыкновенный, а болѣе на лепешку засохшей извести». Мука эта, какъ видно изъ донесенія въ Вольное Экономическое Общество, состояла изъ рыхлака (рыхлаго известняка въ смѣси съ глиной) и гипса; ею питались крестьяне пермской губерніи и въ 1787 г.

Крестьяне нерѣдко чувствовали также недостатокъ и въ соли. По свидѣтельству Болотова, половина крестьянъ каширскаго уѣзда тульской губерніи не имѣла ея большую часть года. Нѣкоторые крестьяне вологодской губерніи жаловались въ своихъ наказахъ, что съ трудомъ достаютъ соль вслѣдствіе большого разстоянія отъ нихъ уѣзднаго города (иногда болѣе ста верстъ); но главною причиною ея недостатка была довольно высокая цѣна. Дворяне крапивенскаго уѣзда (нынѣ тульской губерніи) просили въ своемъ наказѣ продавать соль дешевле: «въ прошлыхъ годахъ», писали они, «продажа оной была по 25 коп. пудъ, а нынѣ—по 40 коп., отчего мы нѣкоторые, такъ жъ и крестьяне наши претерпѣваютъ крайнюю нужду.... и по той дороговизнѣ есть многіе такіе, что и нищу употребляютъ безъ соли». Дворяне гороховскаго уѣзда (нынѣ владимірской губ.) также обращали вниманіе правительства на то, что народъ терпитъ нужду въ соли вслѣдствіе ея дороговизны. Въ концѣ царствованія Екатерины II соль по прежнему продавалась «по указной цѣнѣ»—40 к. за пудъ. Въ началѣ 1769 г. оказался въ Москвѣ и вообще въ Россіи такой недостатокъ соли, что ее продавали почти только фунтами, и цѣна ея под-

и на торгахъ. Въ сѣверной Россіи—архангельской и олонечкой губерніяхъ значительнымъ подспорьемъ для крестьянъ было также обиліе дичи, которая тамъ употреблялась въ пищу.

Гораздо чаще, чѣмъ мясомъ, крестьяне питались рыбой, особенно въ сѣверной Россіи, губерніяхъ озернаго бассейна и въ Псковской. Въ архангельской губерніи главную пищу народа составляла—треска, палтасина, сельди, навага и проч. Въ петербургской губерніи крестьяне употребляли въ пищу много салакушки.

Въ постъ пища была преимущественно растительная. Изъ овощей крестьяне употребляли въ пищу капусту, горохъ, бобы, рѣпу, рѣдьку, свеклу, лукъ, чеснокъ; изъ нихъ приготовлялись всевозможныя кушанья. Такъ капусту ѣли съ квасомъ, приготовляли кушанье изъ гороха вмѣстѣ съ рѣпой, рѣпу ѣли также пареную, вареную или печеную, иногда съ разсолонъ (соложенымъ квасомъ, сусломъ) и толокномъ. рѣдьку съ солью, съ хлѣбомъ и съ коноплянымъ масломъ, или тертую рѣдьку съ квасомъ. Въ тверской губерніи толченый ячмень, бобы и горохъ варили вмѣстѣ съ коноплянымъ сокомъ, а затѣмъ подбавляли масла и меду. Кушанье это называлось гущей.

Въ царствованіе Екатерины II число овощей употребляемыхъ въ пищу въ Россіи, увеличилось: стали разводить картофель. Мы не будемъ подробно разсказывать здѣсь исторіи введенія у насъ картофеля. Упомянемъ только, что въ 1765 г. Императрица, по инициативѣ новгородскаго губернатора Сиверса, приказала выписать картофель изъ Ирландіи, на что было ассигновано до 500 р.; но, не дожидаясь этого, она велѣла купить у одного иностраннаго садовника въ Петербургѣ восемь четвериковъ «земляныхъ яблокъ», которыя посланы были пополамъ въ Выборгскую и новгородскую губерніи. Опытъ очень хорошо удался, и картофель мало по малу сталъ распространяться по всей Россіи, такъ что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемъ его уже во многихъ губерніяхъ. Онъ употреблялся въ пищу въ довольно разнообразной формѣ; напр. въ пермской губерніи, въ первые годы XIX в., его ѣли печеный, вареный, въ кашахъ, дѣлали изъ него вмѣстѣ съ мукой пироги и «шаньги».

Нашъ народъ потреблялъ тоже очень много грибовъ: вареныхъ въ видѣ похлебки, соленыхъ, съ квасомъ, наконецъ, въ пирогахъ. Подспорьемъ въ пищу служили дѣсныя ягоды.

Самымъ обыкновеннымъ напиткомъ, кромѣ воды, былъ квасъ.

который впрочемъ послѣ неурожаевъ мало отличался отъ воды: въ олонецкой губерніи готовили квасъ изъ рѣпы, а въ болѣе южныхъ губерніяхъ изъ плодовъ. Къ храмовому празднику, къ святой недѣлѣ и другимъ праздникамъ варили пиво, съ значительнымъ количествомъ хмѣля; крестьяне, у которыхъ были пчелы, дѣлали также и медъ. Въ вологодскомъ уѣздѣ готовили для пива такъ называемую «заливку»; для этого брали ржаные отруби или овсяныя «отолчки», которыя, обваривъ, простуживали и, заквасивъ, пили. Въ петербургской было значительно распространено потребление сбитня, который варили изъ воды и меда, приправленныхъ инбиремъ. Въ нерчинскомъ округѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ Китаемъ, народъ привыкъ къ употребленію простаго, такъ называемаго кирпичнаго чая, который пили тамъ безпрестанно. Въ скромныя дни къ нему прибавляли прѣснаго молока и нѣсколько соли, въ постныя—подбѣливали чай толочкомъ, а иногда дѣлали изъ него такъ называемый затуранъ—изъ ржаной муки, жареной на сковородѣ съ саломъ или масломъ, густо разведенной горячимъ чаемъ. Во всѣ посты, которые впрочемъ соблюдались тамъ не очень строго, многіе не имѣли другой пищи, кромѣ хлѣба съ чаемъ, которымъ довольствовались во всѣхъ работахъ и на звѣриныхъ промыслахъ; но нужно замѣтить, что затуранъ очень питателенъ. Населеніе нерчинскаго округа такъ привыкло къ чаю, что, при недостаткѣ его, крестьяне собирали разныя травы остраго вкуса и варили ихъ вмѣсто чая, прибавивъ еще нѣсколько соли отъ жженаго гнилаго березоваго дерева. Въ Камчаткѣ росла «сладкая трава», т. е. борщовникъ (*Sphondilium foliolis pinnatifidis*), съ толстымъ и продолговатымъ корнемъ, горькимъ и прянымъ, какъ перецъ, изъ котораго дѣлали сбитень, затирали брагу, сидѣли вино (раку) и гнали водку (съ 1732 г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи у крестьянъ началъ входить въ употребленіе и обыкновенный чай; по крайней мѣрѣ въ пермской губерніи мы находимъ его у зажиточныхъ людей въ первые годы XIX вѣка; этимъ напиткомъ преимущественно угощали пріѣзжихъ изъ городовъ. Въ тоже время въ Костромской губерніи у богатыхъ крестьянъ можно было встрѣтить чай, кофе и даже иностранныя вина.

Какъ и въ настоящее время, народъ потреблялъ очень много вина и водки. Водка не только была самымъ любимымъ угощеніемъ,

но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее считали полезною и для дѣтей; такъ напр. въ тульской губерніи женщины, получивъ рюмку водки, давали отхлебнуть своимъ младенцамъ. Мѣстами въ кабакахъ, кромѣ водки, продавалось пиво, а также иногда брага и медъ (такъ было по крайней мѣрѣ въ петербургской губерніи). Цѣна вина была установлена правительствомъ въ 1757 г. по 2 р. 24 к. за ведро, а въ 1764 г. по 2 р. 54 к. при продажѣ ведрами и по 2 р. 64 к. кружками и чарками; въ 1769 г. цѣна его была вповѣ повышена до 3 р. ¹⁾). Въ верчинскомъ округѣ водка продавалась по 5 р. за ведро и поглощала не малую долю крестьянскихъ заработковъ.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, въ какое время дня крестьяне употребляли пищу. Намъ извѣстно только, что въ архангельскомъ уѣздѣ они ѣли по большей части 3 раза въ день: завтракали часовъ въ 5 утра, обыкновенно густою кашею изъ ячменной муки, которую въ скоромные дни ѣли съ молокомъ, а въ постные съ квашеною капустою или разсоломъ изъ пареной рѣпы. Въ 9 часовъ или нѣсколько позже крестьяне обѣдали, а, наконецъ, въ 5, 6 или 7 часовъ пополудни ужинали. Но лѣтомъ, во время сенокоса, ѣли еще разъ между обѣдомъ и ужиномъ; это называлось *паужинать* ²⁾). И въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ архангельской губерніи во время тяжелыхъ работъ ѣли 4 раза въ день, а въ другое время мѣстами только два раза. Въ другихъ губерніяхъ былъ совершенно иной порядокъ. Такъ напр. въ тверскомъ уѣздѣ ѣли три раза въ день, но въ совершенно другіе часы: въ десятомъ часу по утру завтракали, въ два часа по полудни обѣдали, а ужинали зимою въ десятомъ часу, лѣтомъ не ранѣе одиннадцати; въ старичкомъ уѣздѣ крестьяне ѣли 4 раза въ день: завтракали, обѣдали, полдничали и ужинали. Иной разъ распределение времени ѣды зависѣло и отъ занятій крестьянъ. Такъ напр. рыболовы остатковскаго уѣзда осенью ловили рыбу по ночамъ; поэтому они ѣли съ вечера, снаряжаясь на ловлю; возвратившись домой еще до свѣту, ѣли вторично, потомъ ложились спать, а, выспавшись, обѣ-

¹⁾ Куломзинъ, Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II. Русск. Вѣсти. 1869 г. № 11, стр. 114, 142, 1870 г. № 10, стр. 390.

²⁾ Такое же распределение времени ѣды существуетъ въ Архангельской губерніи и въ настоящее время Ефименко, 67 стр.

дали въ 12 часовъ со всей семьей. — Первое мѣсто за столомъ занималъ старшій въ семьѣ; хозяйка дома, стряпавшая кушанье, не садилась за столъ съ другими, а подавала кушанье и сама обѣдала послѣ; такъ было по крайней мѣрѣ въ всеягонскомъ у. тверской губ., гдѣ хозяйка называлась большухой.

• Относительно пищи у крестьянъ были нѣкоторые предрассудки; такъ напр. въ олонеккой губернии не ѣли пѣтуховъ, считая ихъ погаными, изъ рыбъ не ѣли угрей, безъ сомнѣнія потому, что они похожи на змѣй.

II.

Ж и л и щ е.

Г. Забѣлинъ въ своей статьѣ «Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ» говоритъ: «Въ сѣверной или вообще въ лѣсной сторонѣ начальной формою строительнаго художества, какъ необходимо полагать, была клѣтъ, то есть известной ширины и вышины четырехугольный срубъ изъ бревенъ, положенныхъ другъ на друга въ нѣсколько рядовъ, или вѣнцовъ, и связанныхъ по угламъ врубками... Клѣтъ теплая, съ печью, называлась избой, истопкою, отъ слова топить. Клѣтъ, построенная наверху другой, составлявшая верхній ярусъ, называлась горницею, отъ слова горній, верхній покой, причемъ нижняя клѣтъ именовалась уже подклѣткою... На сѣверѣ, при изобиліи лѣснаго матеріала и по свойствамъ болѣе суроваго и сыраго климата, съ давнихъ временъ, даже и у сельскихъ людей обнаружилась потребность ставить жилье въ два яруса. Такимъ образомъ всѣ поземныя клѣтки тамъ обыкновенно строились на подклѣткахъ, на омшаникахъ, на хлѣвахъ, на погребахъ и т. д., такъ что нижній ярусъ самъ вмѣщалъ въ себѣ многія собственно дворовыя постройки, что давало возможность укрывать все жилище и съ его принадлежностями одною общею кровлею. Тамъ и самые дворы и досель устриваются также въ два яруса, даже съ необходимыми мостовыми вѣздами (въ телѣгахъ) на верхній деревянный дворъ, обставленный такими же амбарами, сараями, чуланами и другими хозяйскими постройками, съ необходимою площадью посрединѣ,

которая въ существенномъ смыслѣ была только пространными сѣнями¹⁾).

Эта общая характеристика указываетъ намъ главную отличительную черту крестьянскихъ жилищъ на сѣверѣ Россіи и въ прошломъ столѣтіи.

• Въ олонекской губерніи, по свидѣтельству неизданнаго описанія этого края, составленнаго въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, изобиліе лѣсовъ давало жителямъ возможность строить высокіе и просторные дворы и избы. Весь дворъ здѣсь покрывали сплошь и дѣлали внутри помость наравнѣ съ высокими поломъ избъ, «раздѣляя дворъ, такъ сказать, въ два жила» (т. е. этажа), изъ которыхъ въ нижнемъ помѣщался скотъ въ теплыхъ и мшанныхъ хлѣвахъ, а въ верхнемъ, куда былъ наружный вѣздъ съ улицы, хранили солому, сѣно, телѣги, сани, земледѣльческія орудія и всякую крестьянскую сбрану. Всѣ крестьяне покрывали здѣсь свои жилища тесомъ и дранью.

Въ архангельской губерніи внизу избы были обыкновенно подъизбица, куда на время впускали скотъ, а также употребляли это помѣщеніе и для другихъ хозяйственныхъ надобностей. Строеніе крыли тесомъ и дранью. Въ мезенскомъ уѣздѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было много лѣсу, крестьяне строили высокія избы съ подпольями и амбарами, большею частію съ волоковыми окошечками; тамъ же, гдѣ лѣсу было недостаточно, мы встрѣчаемъ небольшія, низкія избы и тѣсные дворы²⁾.

Въ тверской губерніи избы были обыкновенно высокія, съ

¹⁾ „Древняя и Новая Россія“, 1878 г., № 3, стр. 103, 104.

²⁾ Для дополненія этого краткаго извѣстія приведу описаніе крестьянскихъ жилищъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи въ настоящее время: „Жилыя избы у крестьянъ строятся или небольшими олагеями, въ одинъ этажъ, съ одною избою и нѣкоторыми пристройками и иногда конюшнями, либо обширными зданіемъ—домомъ въ два этажа съ вышкой, которая отчасти придаетъ дому снаружи видъ трехъяруснаго, въ которомъ однакожъ заключаются не все домовыя службы. Высота стѣнъ у олагелей бываетъ до 6 и 8 аршинъ, а высота двухъэтажныхъ домовъ до 3 и 4 сажень... Въ двухъярусномъ домѣ верхнія комнаты называются верхомъ, а жилыя комнаты въ нижнемъ этажѣ одъизбицей, или подполницей. Самые этажи именуется жилами“. Есенинко. Матеріалы по этногр. русск. населен. Арханг.-бер., вып. I, стр. 16.

подпольями, куда ставили квасъ, капусту, грибы, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ также безъ подпольевъ.

Въ кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, вследствие изобилія въ лѣсѣ, избы были построены изъ хорошаго строеваго матеріала. Отъ земли до конька, т. е. послѣдняго положеннаго на крышѣ бревна, гребня кровли, изба имѣла отъ 3 до 4 сажень высоты. Подъ избами дѣлали погребки со срубамн, называемые голбцами, гдѣ прятали печеный хлѣбъ, квасъ и другіе съѣстные принасы; входъ въ нихъ былъ изъ избы отъ печки. Сверхъ того дѣлали подъ избами теплые хлѣвки для куръ и мелкаго скота — овецъ и телятъ, такъ называемое подполье, или подъизбница. Всѣ строения въ кологривскомъ (а также и въ галицкомъ) уѣздахъ крылись тесомъ или дранью и никогда соломою. — Въ перехотскомъ, одномъ изъ наименѣе лѣсистыхъ уѣздовъ Костромской губерніи, избы съ подклѣтомъ бывало мало, только у богатыхъ такая изба имѣла два жплья (этажа), изъ которыхъ въ нижнемъ были печи и другія принадлежности, необходимыя для жизни, также какъ и въ верхнемъ; нижнее употреблялось зимою болѣе для того, чтобы кормить тамъ скотъ. Съ наружной стороны избы, тамъ, гдѣ были въ ней двери, во всю ширину ея настился полъ, длиною до 5 аршинъ, который крестьяне называли помостомъ. Подлѣ него зажиточные ставили горенки съ чуланами для храненія разнаго платья и другаго имущества, а бѣдные — только чуланы, но всегда высокіе и раздѣленные на два «жилья», изъ которыхъ въ верхнемъ клали всякую домашнюю рухлядь и платье, а нижній служилъ вмѣсто погреба; верхній обыкновенно назывался сѣвникомъ, нижній ошаникомъ. Все это строеніе крыли надъ одну кровлю съ избу.

Въ пермской губерніи въ подклѣти, т. е. подъ поломъ клѣти, дѣлали сусѣки для храненія хлѣба, муки и солода, такъ что часто она замѣняла амбаръ. Сѣни, соединившія избу и клѣть, раздѣлялись у нѣкоторыхъ на верхнія и нижнія; на верхнія всходили посредствомъ маленькой лѣстницы.

Указавъ на главную отличительную черту построекъ сѣверной Россіи¹⁾, мы остановимся теперь подробнѣе на описаніи крестьян-

¹⁾ Рисунки крестьянскихъ жилищъ въ Ярославской и вологодской губерніяхъ см. у Haxthausen'a Studien über die inneren Zustände Russlands. 1847 1, 94, 162, 224, 251, 267.

скихъ жилищъ различныхъ мѣстностей Великороссiи и Сибири. Изъ всѣхъ мѣстностей сѣверной Россiи мы приведемъ самое подробное описанiе крестьянскаго жилища въ нерехотскомъ уѣздѣ костромской губерни; съ него мы поэтому и начнемъ.

Здѣсь крестьянскiе дома крылись соломой и строились длиною въ $2\frac{1}{2}$ сажени, шириною въ 2 сажени слишкомъ. На улицу прорубали въ болѣе длинной стѣнѣ 3 окошка: два меньшихъ, а третье посрединѣ побольше. Потолокъ настилали не менѣе, какъ на $3\frac{1}{2}$ или $3\frac{3}{4}$ аршина высоты отъ полу. Надѣво отъ входа ставили обрубъ, вышиною въ $\frac{1}{2}$ аршина, на которомъ настилали полъ; въ этомъ обрубѣ дѣлалась печь.

Печи въ нерехотскомъ уѣздѣ были по большей части битыя изъ глины ¹⁾ и безъ трубъ, а изъ кирпича рѣдко, только у зажиточныхъ крестьянъ. Подлѣ печи и до дверей дѣлали чуланчикъ, вдоль котораго подлѣ дверей избы дѣлали «приступки» для взгляда на печь и на полати; чуланчикъ крестьяне называли казенкою. Если полъ былъ сдѣланъ низко, то подъ казенкою въ землѣ выкапывали яму, гдѣ зимою ставили квасъ, молоко, клали хлѣбъ и другiе съѣстные припасы.

Противъ печи надъ дверями настилались изъ досокъ полати. Въ столбъ, въ который утверждали брусъ, поддерживавшiй полати, врубали подлѣ печи другой брусъ, который укрѣплялся въ противоположной стѣнѣ подъ полками, какъ для того, чтобы столбъ, который находился подлѣ печи, не могъ отходить отъ нея и вслѣдствiе того не повредилась бы печь, такъ и для того, чтобы класть на него разныя вещи при приготовленiи пищи; брусъ этотъ называ-

¹⁾ Изъ дѣлали слѣдующимъ образомъ. Брали красную глину, сивашскую съ великимъ хрящемъ, и затѣмъ разбивали ее на полу нарочно сдѣланнымъ для этого деревяннымъ молотомъ съ ручкою, одинъ конецъ котораго былъ заостренъ. Сбивши глину молотомъ, истыкивали ее остриемъ, потомъ опять были тупыми концами, и это повторяли до тѣхъ поръ, пока глина сбивалась на полу въ плотный слой вершка въ полтора вышины. Тогда ее разали на подобiе кирпичей, шириною вершковъ отъ 6 до 8, по толщинѣ стѣнъ печи, накладывали эти кирпичи ряды и сбивали одинъ съ другимъ острыми концами и тупыми молотомъ. Сводъ дѣлали такой же круглой, какъ и въ кирпичныхъ печахъ. Внутри печь была всегда выстлана кирпичемъ, а иногда къ ней придѣлывали и кирпичную трубу. Такiя печи были довольно прочны и служили не менѣе кирпичныхъ.

вался грядкою. Лавки дѣлались подлѣ всѣхъ стѣнъ; направо отъ входа, у той стѣны, въ которой была дверь, былъ завазокъ для запиранія куръ, ягнятъ и другаго мелкаго скота, гдѣ ихъ и кормили ^{*)}. Окошко для дыма прорубали въ потолокъ между печкою и полатами, а другое въ той стѣнѣ, подлѣ которой находилась печь, и оба закрывались деревянными ставнями. Въ просторныхъ сѣняхъ между избой и сѣнникомъ, составлявшимъ здѣсь, какъ мы уже знаемъ, верхній этажъ двухъяруснаго чулана, крестьяне глѣтомъ ночевали на деревянныхъ постеляхъ, на которыхъ стлали сѣно и солому; тутъ они отдыхали и днемъ послѣ работы.

Къ избѣ примыкалъ четверугольный дворъ, въ которомъ было двое воротъ: однѣ на улицу назывались передними; а противъ нихъ — заднія, которыми проходили на гумно, носили на дворъ кормъ и возили солому для подстилки скоту. — Дворъ разгораживался на разныя части; у задней стѣны, противъ избы устраивалось особое отдѣленіе для овецъ, отгороженное деревяннымъ лицевымъ заборомъ, съ дверями и потолкомъ, такъ какъ овцы не могли сносить зимой стужи: это — овчарникъ. Мѣсто, оставшееся между сѣнникомъ и овчарникомъ, загораживалось жердями и раздѣлялось на 2 отдѣленія: для рогатаго скота и для лошадей. На другой половинѣ двора ставили телѣгу, сани и дровни, а также чанъ съ водою для домашней надобности и на случай пожара. У кого были свиньи, тутъ же отгораживались для нихъ хлѣвки, также и для домашнихъ птицъ.

За дворомъ находился огорождъ, а далѣе стоялъ сарай для сѣна и соломы, въ который крестьяне убирали и свои земледѣльческія орудія. Сарай эти назывались сѣнницами. Подлѣ нихъ стояли амбары, въ которыхъ двери дѣлались изъ толстыхъ досокъ, на желѣзныхъ крѣпкахъ, съ большими внутренними замками; по обѣимъ сторонамъ отъ входа въ нихъ было по 2 или по 3 сусѣка. Иногда въ амбарахъ были потолки, и на нихъ вверху дѣлались также сусѣки. Подлѣ избы находились еще ледники, которые въ мартѣ

*) Въ кологривскомъ уездѣ востромской губерніи всякій скотъ обыкновенно кормилъ въ избахъ; въ некоторыхъ мѣстахъ въ нихъ выпускали даже и лошадей. Понятно, что это не могло содѣйствовать чистотѣ крестьянскаго жилища. Впрочемъ болѣе зажиточные мѣли на дворахъ для корма скота особыя избы.

набивали льдомъ. Бань у крестьянъ перехотскаго уѣзда было очень мало, а парились обыкновенно въ печахъ; бани встрѣчались только у зажиточныхъ крестьянъ, да и то съ печами, сдѣланными изъ битой глины и каменкою, но безъ трубъ.

Селенія въ перехотскомъ уѣздѣ строились обыкновенно въ двѣ линіи; улица бывала отъ 15 до 30 сажень ширины. Крестьянскіе дворы чаще стояли по два вмѣстѣ, а между ними оставались проулки; лишь изрѣдка можно было встрѣтить 3—4 двора подъ рядъ. За дворами шли огороды, за ними прямою линією тянулись сѣнные сараи и амбары, а позади гумна и овны. Въ селахъ церковь находилась или посрединѣ ихъ, или съ краю, на возвышенномъ мѣстѣ. Селенія, находившіяся при рѣкахъ, строились по большей части по берегу ихъ, въ одну линію; въ большихъ селеніяхъ другая линія тянулась по противоположному берегу, такъ что верѣдко рѣка протекала чрезъ селеніе и раздѣляла его. — Колодцы въ селеніяхъ, построенныхъ на низкихъ мѣстахъ, имѣли отъ 3 до 7 сажень, а на высокихъ и до 20 сажень глубины. Бадью съ водою поднимали, какъ и теперь, или воротомъ или шестомъ.

Въ архангельской губерніи деревни строились безпорядочно, съ узкими, кривыми улицами, крестьянскія избы были частью курныя, частью съ кирпичными трубами, кирпичныя печи были не вездѣ ¹⁾. Тамъ, гдѣ устроены были красныя окна, въ нихъ вставляли стекла и слюду. Въ оловяцкой губерніи самыя зажиточныя изъ крестьянъ жили въ бѣлыхъ избахъ, т. е. не курныхъ; у остальныхъ печи—глиняныя или сложенныя изъ дикаго камня—были безъ трубъ, съ прорубами въ видѣ окна въ потолокъ, которые отворялись на время топки. Изрѣдка строенія воздвигались на каменномъ фундаментѣ. У бѣдныхъ крестьянъ жилища были очень грязны; ихъ избы, дымныя, темныя, неопрятныя, изобиловали тараканами и клопами. Спали крестьяне на печкѣ и лавкѣ безъ всякой постели, подостлавъ войлокъ и покрывшись платнемъ.

Въ тверской губерніи избы были большею частію курныя, (только

¹⁾ И въ настоящее время во многихъ избахъ ивнесскаго уѣзда архангельской губерніи встрѣчаются глиняныя печи, т. е. сдѣланныя изъ битой глины. Ефименко, матер. по этногр. русск. насел. арханг. губ. въ „Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія, антропологии и этногр.“ т. XXX; выи I, стр. 18.

въ тверскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ встрѣчались печи съ трубами). Во время топки, для выхода дыма, открывали всѣ окна и въ это время кормили скотину, послѣ чего выметали избу и закрывали окошки. Въ тверскомъ уѣздѣ избы были съ красными косящетыми окошками, въ другихъ мѣстахъ обыкновенно безъ нихъ. У богатыхъ крестьянъ висѣлъ на цѣпочкѣ рукоойникъ изъ желтой мѣди или другаго металла, а у бѣдныхъ—глиняный на веревочкѣ. Подлѣ избы дѣлали сѣни, а противъ нея стояла клѣтъ, или горница, гдѣ лежало всякое платье; иногда подъ клѣтью былъ омшаникъ, гдѣ также, какъ и въ подпольѣ избы, хранились различныя припасы. Дворы были обыкновенно крытые сплошь, но лѣтомъ для свѣту въ нихъ дѣлали отверстія. Въ домѣ жили нерѣдко двѣ, иногда даже три семьи; у экономическихъ крестьянъ тверскаго уѣзда бывало по 2 и по 3 избы на одномъ дворѣ, въ нѣкоторыхъ жило 3—4 семьи.

Въ ярославской губерніи крестьяне были вообще очень зажиточны, вслѣдствіе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, и потому дома у нихъ были обыкновенно чистые, и всякой утвари въ нихъ было довольно. Въ ярославскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне имѣли по двѣ избы: одну для лѣта, бѣлую, довольно просторную, и другую, называемую зимовкою, небольшую, построенную особо отъ первой, черную. Печи были чаще изъ кирпича, чѣмъ битыя изъ глины. Дворы крылись соломой. Въ рыбнскомъ уѣздѣ въ помѣстныхъ мѣстахъ, да и вообще за рѣкой Шексой, на дворѣ дѣлали «повѣти», на которыя клали сѣно и всякій кормъ для скотины: весной же, когда селенія понижались водою, на эти «повѣти» ставили и скоть. Въ этой губерніи, въ богатыхъ помѣщичьихъ селахъ было не мало каменныхъ домовъ (напротивъ того въ селеніяхъ экономическихъ крестьянъ совсѣмъ не было каменныхъ строеній). Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во время генеральнаго межеванія, въ 11 уѣздахъ (кромѣ ярославскаго, межевое описаніе котораго не сохранилось), было 19 каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ крѣпостнымъ крестьянамъ, въ томъ числѣ въ одномъ ростовскомъ — 13. Въ первые годы XIX в. каменныхъ домовъ въ этой мѣстности стало еще болѣе. Такъ въ селѣ Великомъ, ярославскаго уѣзда, было болѣе 20 каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ крестьянамъ. Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ помѣщичьихъ селахъ: Порѣчьѣ, Угодичахъ, Воржѣ, Судости, Борисоглѣбскихъ слободахъ.

Вошажниковѣ и подгородной Спасской слободѣ, было не мало каменныхъ крестьянскихъ домовъ, даже въ два—три этажа; да и деревянные были построены очень хорошо, на манеръ городскихъ. Въ угличскомъ уѣздѣ, въ Юхотской волости Н. П. Шереметева было 7 каменныхъ домовъ. Но, на ряду съ этими признаками значительнаго благосостоянія нѣкоторыхъ крестьянъ, встрѣчаемъ указанія на то, что мѣстами плохо удовлетворялись самыя важныя жизненныя потребности; такъ, напр., въ ростовскомъ уѣздѣ было мало бань, а больше парились въ печахъ.—Селенія въ ярославской губ. были вообще расположены широкими и прямыми улицами.

Въ пермской губерніи, въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, крестьянскіе дома состояли только изъ черной избу и крытыхъ сѣней, но по большей части къ сѣнямъ пристраивалась еще и клѣтъ. На горныхъ заводахъ строили бѣлыя избу съ клѣтymi, или горницами, а послѣ открытія пермской губерніи и въ деревняхъ нѣкоторые богатые крестьяне стали дѣлать печи съ трубами и иногда вмѣсто клѣтей строятъ горницы. Для прохода дыма въ черныхъ избахъ прорубали въ стѣнѣ окно, къ которому приставляли такъ называемый дымоволокъ, т. е. трубу изъ тесу, а иногда изъ линоваго дула, которую выводили выше крыши. Къ печи, немного ниже ея, придѣлывали изъ досокъ голбець, на которомъ могли помѣститься старики и дѣти и во время топки печи; подъ нимъ была дверь и лѣстница въ подполье, гдѣ держали припасы и различную кухонную утварь ¹⁾. Зимой, когда вверху въ избѣ бывало холодно, женщины пряли и шили на полатяхъ; на нихъ же, на голбцѣ и печи держались больше и дѣти. На полатяхъ, особенно въ бѣлыхъ избахъ, дѣлали окошки для свѣту; подъ полатами вѣшали платье, называемое во крестьянски «лопотъ». На грядку клали дрова для просушки, лучину, щепки, ночовки (лотки) и сѣвильницу съ мукою, сѣчки, ухваты, сковородники и корытца. На полкахъ ставили горшки, дуплянки съ отрубями, сушили лукъ, держали «коточиги», или «костыги», которыми ковыряли ланты, и нѣкоторые другіе инструменты. Въ залавкѣ хранили разную мелкую

¹⁾ Голбець—родъ примоста, загорожи въ крестьянской избѣ, между печью и полатами; арпечье, со ступеньками для исхода на печь и на полаты, съ дверцами, полочками внутри и съ лазомъ въ подполье. (Словарь Даля).

деревянную посуду, а у кого была, то и мѣдную, а также держали тамъ иногда и вынутое изъ печи кушанье.

Въ клѣти дѣлали волоковныя окошки; потолки были тамъ только у богатыхъ крестьянъ, а у бѣдныхъ только крѣпкая крыша, такъ же, какъ и въ амбарахъ. Въ подклѣти, какъ мы уже знаемъ, дѣлали сусѣки, такъ что часто она замѣняла амбаръ. Въ окна клѣти вставляли слюдяныя, стеклянныя, холщевыя, вымазанныя древесною смолою. Иногда бумажныя, а зимою «для теплоты брющинныя оконницы». Тамъ, гдѣ сѣни, соединявшія избу и клѣть, были двухъ-этажныя, одни двери изъ нижнихъ сѣней вели на переднее крыльце, другія на заднее или на скотный дворъ. Самые богатые крестьяне имѣли до пяти амбаровъ. Только очень зажиточныя семья имѣли для себя особые овинны; по большей части 2—4 семейства общими силами строили одинъ овинъ, а въ мѣстахъ нехлѣбородныхъ, напр. въ чердынскомъ и верхотурскомъ уѣздахъ, одинъ овинъ принадлежалъ иногда и десяти семействамъ.

Крестьянинъ, задумавшій постройть себѣ домъ, дѣлалъ обыкновенно помочи, наваривъ для этого «корчажнаго» пива. Изъ собравшихся на помочи, «помочанъ», одни возили срубы, другіе мохъ, а остальные поднимали бревна, такъ что изъ готоваго сруба иногда въ одинъ день обанчивали дѣлающую избу: оставалось только отдѣлать ее внутри и сбить печь. Печи сбивали изъ глины также помочами.

Въ пермской губерніи встрѣчались отдѣльные поселки въ одинъ или два двора, которые составляли, такъ называемую, о д н о д в о р к у или о д н у. Любопытно, что, по свидѣтельству автора хозяйственнаго описанія пермской губерніи, Попова, правительство почему то пожелало уничтожить такія однодворки. Къ сожалѣнію, Поповъ упоминаетъ объ этомъ слишкомъ кратко: «Какъ однодворки бывали неоднократно причиною многихъ злоупотребленій», говоритъ онъ, «для того предписано было (неизвѣстно, въ концѣ XVIII или въ первые годы XIX вѣка) всѣ оныя перепести въ ближнія деревни или села». Если даже съ этою цѣлію были приняты какія либо мѣры, то, безъ сомнѣнія, онѣ не достигли своей цѣли, такъ какъ поселенія отдѣльными дворами и до сихъ поръ встрѣчаются на всемъ сѣверѣ Россіи.—Нѣсколько дворовъ, построенныхъ въ гдѣсистомъ мѣстѣ, назывались п о ч и н к о м ѣ. Весьма обширныя села, образовавшіяся изъ деревень, сведенныхъ еще во время Генна

и Татищева по случаю башкирскихъ волненій, и огороженныхъ деревянными стѣнами съ башнями. назывался въ сибирскихъ уѣздахъ пермской губерніи слободами, а въ мѣстности по сѣ сторону Уральскаго хребта—острожками, а нѣкоторые—городками. Дома въ селеніяхъ были расположены безъ всякаго порядка, поэтому улицы были весьма неправильны и искривлены.

Устройство крестьянскаго дома и другихъ построекъ въ Иркутской губерніи было почти совершенно такое же, какъ и въ пермской. Въ хлѣбородныхъ уѣздахъ—иркутскомъ, верхнеудинскомъ, нерчинскомъ, пажнеудинскомъ и киренскомъ, были въ первые годы XIX вѣка по большей части бѣлыя печи, а въ якутской области у станціонныхъ поселенцевъ на почтовыхъ трактахъ, черныя. Въ клѣткахъ дѣлали потолки такіе же, какъ въ избахъ. Подъ поломъ клѣтки былъ амбаръ, въ которой двери дѣлались со двора. Въ окнахъ почти вездѣ были слюдяныя оконницы и только у бѣдныхъ «изъ скотинной брѣшны». Дома крыли тесомъ и дранцами. Нѣсколько дворовъ, построенныхъ на расчищенномъ лѣсистомъ мѣстѣ, назывались займою, а селеніе съ деревянными стѣнами и башнями—острогомъ.

У крестьянъ, приписанныхъ къ нерчинскимъ заводамъ, были весьма плохія строенія; у самаго зажиточнаго мужика были только изба, сѣни, клѣтъ и баня; хлѣвовъ, сараевъ и т. п. вовсе не было, и во время самыхъ холодныхъ зимъ они держали скотъ на открытомъ воздухѣ, не защитивъ его никакою кровлею. Селенія этихъ крестьянъ были разбросаны по нѣсколькимъ дворамъ, и во многихъ мѣстахъ во всѣ времена года, кромѣ зимы, сообщеніе между ними производилось только верхомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, во время путешествія по Сибири Гмеллина, въ селеніяхъ на Ленѣ зимою въ окошки вмѣсто стеколъ вставляли ледъ; на нѣкоторыхъ станціяхъ между Якутскомъ и Олекминскомъ можно было найти лѣдины въ окнахъ еще въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Но чаще въ Сибири дѣлали окошки изъ слюды.

Въ Западной Сибири, по свидѣтельству Коцебу, избы были чище, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи: «дома имѣютъ двѣ комнаты: одна называется избой, а другая горницей; въ окнахъ слюда замѣняетъ стекла; столы покрыты салфетками, на стѣнахъ висятъ хорошіе образа; кромѣ того, множество домашней ут

вари ...стаканы, чашки и пр.). Слѣдуетъ прибавить, что даже въ городскихъ домахъ окна нерѣдко заклеивались бумагой ¹⁾).

Изъ мѣстностей центральной черноземной Россіи мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о жилищахъ крестьянъ въ тульской губерніи. Здѣсь постройки замѣтно различались, смотря по трудности полученія строеваго лѣсу: въ мѣстахъ, близкихъ къ Полѣсью, строения были обширныя, дворы обнесены бревенчатыми или досчатыми («пластинными») заборами; въ безлѣсныхъ же мѣстахъ строения были меньше и тѣснѣе, хлѣва и ограда двора—по большей части плетеные изъ прутьевъ. Тамъ, гдѣ по близости находилась плитнякъ, «семьянпчине» крестьяне даже изъ него дѣлали свои ограды, смазывая его глиною; такія стѣны были разумѣется очень прочны и въ открытыхъ мѣстахъ значительно защищали отъ вѣтру.

Отличительною чертою построекъ этой мѣстности было то, что изба обыкновенно строилась посреди двора, а если семейство было велико, а также позволяли средства и мѣсто, то ставили другую избу близъ первой, или въ углу двора, отдѣльно отъ прочихъ служебъ. Противъ избы ставили клѣтъ, или чуланъ для храненія имущества. Въ избѣ, близъ угла, гдѣ стояли образа и столъ, было красное окно (со стеклянной оконницей), а иной разъ на другой стѣнѣ было и второе такое же окно; кромѣ того, были маленькія волоковыя окна, продолговатыя и задвигаемыя доскою,двигающіяся въ наизъ; на день въ нихъ вставляли стеклянную, а иногда натанутую пузыремъ оконцину. Наконецъ, для выхода дыма въ задней стѣнѣ просѣкали круглое отверстіе, вершка четыре въ поперечникѣ, которое затыкали свернутыми ветошеями. Входя изъ стѣней чрезъ низкую дверь, приходилось нагибаться. Изба строилась квадратная, по 8—12 аршинъ въ каждой стѣнѣ, смотря по тому, какой длины бревна можно было достать, большею частію изъ еловаго, иногда березоваго или дубоваго, по нуждѣ и изъ осинового лѣсу.

Наизъво отъ двери, отъ самой ея притолоки, начинался возвышенный помостъ до печи; на немъ спали, а подъ нимъ зимою сажали

¹⁾ Въ Сибири и до сихъ поръ еще мы встречаемъ въ окнахъ крестьянскихъ избъ слоду и бумагу вмѣсто стекла. Ядринцевъ, Нуды и условія жизни рабочаго населенія Сибири. Отечества. Записки 1876 г. № 12, стр. 241.

молоденькихъ ягнать и поросятъ. Въ лѣвѣмъ углу пятую часть избы занимала печь, которая обыкновенно дѣлалась изъ глины, безъ трубы, съ широкимъ полукруглымъ устьемъ, закрываемымъ деревянною, а иногда чугуною заслонкою. Самымъ теплымъ мѣстомъ въ избѣ были полати, куда ложились отдыхать и отогрѣваться зимой, возвратившись съ работы. Грядка,—брусъ, шедшій отъ печи, на одной лпни съ ней, до стѣны избы,—служила для сушки обмокшаго платья, ошучь и лаптей. Иногда подъ этимъ брусомъ до полу избы шла перегородка, и тогда отгороженная комнатка называлась казенкой, въ которой стряпали кушанье, ставили квашню и пекли хлѣбъ. Подъ лавки, идущія по стѣнамъ избы, клали топоры, лопаты и пр., туда же ставили гвѣзда для куриць-насѣдокъ. По обѣ же стороны входныхъ дверей лавки дѣлались на подобіе сундуковъ, верхняя доска которыхъ приподнималась: такой сундукъ назывался конникомъ; въ одномъ изъ нихъ хранились яйца и горшки съ молокомъ и сметаною, въ другой клали часто употребляемое платье, лапти, веревки и т. п.

Передній уголъ, всегда направо отъ входа, назывался святымъ, или мѣстомъ 'подъ святыми. Въ немъ устроивалась полка съ открытымъ ящичкомъ, называемымъ божницею; на полкѣ стояли иконы, а въ божницѣ хранились восковыя свѣчи и ладанъ. Въ этомъ углу къ лавкамъ приставлялся столъ, на которомъ обѣдали и ужинали; въ его ящикѣ хранили солонку, ложки, ножъ, остатки хлѣба. Нѣсколько скамеекъ или простыхъ стульевъ дополняли мебельровку комнаты. Близъ угла печи стояла деревянная лохань для помоевъ, а надъ нею висѣлъ глиняный кувшинъ съ двумя носиками, съ водою для умыванія.

Въ сѣняхъ къ одной сторонѣ дѣлали лавки, и, когда начинались теплыя дни, тамъ обѣдали и ужинали. Къ другой сторонѣ дѣлали высокіе подмостки для спанья въ лѣтнее время.

Клѣть, или чуланъ, примыкавшій къ сѣнямъ, строился изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ и съ небольшими дверями. Здѣсь также дѣлали подмостки для спанья, и молодые супруги, а иногда и взрослые дѣвушки, спали въ клѣти даже зимою. Богатые крестьяне вмѣсто клѣти пристраивали иногда свѣтлицу съ краснымъ окномъ, но безъ печи, однако не жили въ ней, а только спали лѣтомъ и принимали тамъ гостей, обыкновенно же она служила вмѣсто чулана.—Кромѣ того были чуланы на дворѣ, построенные изъ тон-

нихъ бревень, досокъ, или даже сдѣланные изъ плетня, смотря по зажиточности владѣльцевъ; они назывались пуньями, и каждая брачная чета въ семействѣ имѣла такую особую пуньку, въ которой спали и хранили свои пожитки. Пожары заставили крестьянъ строить на значительномъ разстояніи отъ дома амбаръ и при немъ сарай, въ которомъ хранили сѣно, земледѣльческія орудія, запасъ инъ для лаптей, метлы, вѣнки и т. п.

Всѣ строенія крыли соломой; въ мѣстахъ, гдѣ легко было имѣть тесъ и дрань, ими крыли иногда житницы и клѣтн, но у избъ крыши были вездѣ соломенные.—Ледниковъ у крестьянъ не было, а вмѣсто нихъ—погреба, выкопанные въ землѣ, огороженные досками, съ плотнымъ потолкомъ и «твориломъ», т. е. «онадною» дверью. На такіе погреба сверху насыпалась земля, и такъ какъ ихъ строили внутри сараевъ, то они лѣтомъ были достаточно холодны, а зимою теплы для храненія молока и другихъ вещей.—Зажиточные крестьяне имѣли для себя особия бани на концѣ огородовъ или на улицѣ, вдалекѣ отъ жилья; но чаще банями служили землянки, вырытыя на склонѣ горы, около рѣки или вообще воды. Нѣсколько дворовъ вмѣстѣ строили такую баню и сообща владѣли ею.—Позади двора былъ огородъ, изрѣдка небольшой садъ, а также у нѣкоторыхъ пчельникъ; затѣмъ шли конопляникъ, гумно съ сараемъ и овинномъ, обнесенные плетнемъ, въ лѣсныхъ мѣстахъ частоколъ, а въ степныхъ—общимъ всей деревнѣ каналомъ, который каждый выкапывалъ около своихъ гуменъ и конопляниковъ. Прежде у крестьянъ было обыкновеніе строить гумна и овины почти близъ самыхъ дворовъ, но пожары научили относить ихъ подалеже за конопляники.—У нѣкоторыхъ крестьянъ въ огородѣ и позади конопляниковъ находились небольшіе хлѣвники для домашнихъ потребностей.

Крестьянскія жилища здѣсь, какъ и въ другихъ губерніяхъ, были весьма грязны. «Закопѣлая изба», говорятъ Левшинъ въ нежданномъ описаніи тульской губерніи, «висящая ипогда на паутинахъ сажа, дымъ поутру отъ топленія печи, копотъ ввечеру отъ лучины, сырость отъ полу и зловоніе отъ скотовъ, вмѣстѣ съ людьми обитающихъ,—суть предметы, встрѣчающіеся входящему въ крестьянину въ жилище». Впрочемъ, Левшинъ указываетъ на слѣдующія причины появленія этихъ «предметовъ»: 1) чтобы сдѣлать печь съ трубой, нужно имѣть кирпичи, верѣдка чинить ее,

чистить трубы, словомъ—лишнія издержки; 2) при содоменной крышѣ прямыя пролетныя трубы были бы опасны, и особенно тамъ, гдѣ, какъ въ южныхъ уѣздахъ тульской губерніи, топили не дровами, а соломой; 3) чтобы не держать скотъ въ избѣ, нужно имѣть постройку для доенія и кормленія коровъ зимою, для сбереженія молодыхъ ягнятъ, поросятъ и пр., которую къ тому же пришлось бы топить; 4) уничтожить освѣщеніе лучиною крестьянинъ также не можетъ по недостатку средствъ; 5) часто обметать зимою потолокъ и стѣны отъ сажн нельзя, такъ какъ на это время некуда было бы перебраться. Но все таки крестьяне дѣлали, что было можно: мыли лавецъ, выскребали и мели полъ, наконецъ, иногда обметали стѣны и потолокъ; зажиточные крестьяне непремѣнно строили особую избу для скота, и у нихъ въ жилой избѣ было довольно чисто и опрятно.—Что касается отсутствія дымовыхъ трубъ, то Левшинъ видитъ въ черныхъ, дымныхъ избахъ в свою хорошую сторону: воздухъ ежедневно освѣжается вслѣдствіе того, что во время топки отворяютъ всѣ окна и двери, и чрезъ открытое дымовое окно уносятся «всѣ флюгистическіе и мефитическіе пары»; «сей выгоды», говоритъ Левшинъ, «зимою не имѣютъ в дома съ двойными оконницами высшаго состоянія людей». Что же касается дыма отъ лучины, то, по его словамъ, незамѣтно было, чтобы крестьяне страдали отъ него глазами, или чтобы это было вредно груди. Съ этими взглядами Левшина едва ли согласятся современные медики, видящіе въ курныхъ избахъ причину многихъ болѣзней¹⁾, а вредное вліяніе лучины мы укажемъ ниже.

Большая часть селеній тульской губерніи были изстари расположены при рѣчкахъ, рѣчкахъ или около вершинъ, изобиловавшихъ источниками, и если деревня строилась на плоскомъ, безводномъ мѣстѣ, и жители принуждены были довольствоваться колодезною водою, то это вызывалось только какими нибудь особенными условіями: такъ напр. селились при большой дорогѣ, рассчитывая

¹⁾ По словамъ крестьянъ перской губ., черная изба долговѣстѣ бѣлой; въ ней скорѣе просыхаетъ бѣлье и обувь; для сушки льну она также необходима, какъ и черныя бани; крестьяне находили, что въ нихъ меньше угару, нежели въ бѣлыхъ избахъ и что печи безъ трубъ требуютъ меньше дровъ. Но Поповъ, авторъ описанія перской губ., указываетъ на то, что при топкѣ печей приходится часто отворять двери и терять стужу, а при томъ такія печи, по его мнѣнію, опаснѣе относительно пожара.

на выгоды отъ постоя и т. п. Большая часть деревень была построена въ одинъ рядъ, но безпорядочно—съ изгибами, иногда даже отдѣльными слободами и кучками по нѣскольку дворовъ. Только въ деревняхъ, построенныхъ на большой дорогѣ, дома тянулись по обѣимъ сторонамъ ея; тамъ, кромѣ того, и избы не скрывались, какъ обыкновенно, внутри двора, а стояли окнами на улицу, были чище. Имѣли трубы, и связь большею частію состояла изъ двухъ избъ, соединенныхъ рублеными сѣнями, съ дверью на улицу и съ крыльцомъ. Деревни же не на большихъ дорогахъ всегда строились «слободами», въ одинъ рядъ. При рѣкахъ большія деревни располагались по обѣимъ сторонамъ рѣки, также въ одинъ рядъ на каждомъ берегу, а если рѣка имѣла плоскіе берега и потому разливалась, то селеніе занимало мѣста, до которыхъ вода не доходила, внутри же селенія былъ выгонъ. Нѣкоторыя старинныя деревни возбуждали изумленіе тѣмъ, что были поселены совершенно въ лощинахъ. По мнѣнію Левшина, это дѣлалось не только для того, чтобы быть ближе къ водѣ, но также, чтобы скрыть селеніе отъ непріятельскихъ набѣговъ. Впослѣдствіи, не смотря на увеличеніе народонаселенія, привычка заставляла оставаться на томъ же мѣстѣ; пришлось строить дворы тѣснѣе другъ къ другу, потому гнѣться на косогорахъ и холмахъ, и потому селенія получили крайне безпорядочный видъ. Тѣснота въ свою очередь повела къ тому, что вся слобода была, такъ сказать, покрыта одною кровлею, такъ какъ между дворами не только не было ни малѣйшихъ переулковъ, но даже обыкновенно хозяинъ застраивалъ лишь три стѣны двора, а четвертую додѣлывалъ сосѣдъ, и такъ до конца слободы, гдѣ послѣднему домохозяину поневолѣ приходилось загородить всѣ четыре стѣны. Вспомнивъ, что сплошная крыша, покрывавшая слободу, была вся изъ соломы, мы поймемъ, что нерѣдко все селеніе сгорало до тла. Хотя помѣщики и земская полиція старались убѣдить жителей погорѣвшихъ селеній выстраивать ихъ по плану, установленному закономъ, съ промежутками между каждымъ двумя дворами, но тѣсноа усадебъ этого не позволяла. Всего болѣе такое расположеніе селеній было замѣтно въ деревняхъ оброчныхъ, однодворческихъ и казенныхъ, а также въ селеніяхъ, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ всякій дорожилъ каждою саженью усадебной земли. Нѣкоторые помѣщики силою принуждали крестьянъ расселяться слободами, по примѣру

линіямъ, съ опредѣленными законамъ промежуткамъ между двумя дворами. Левшинъ справедливо указываетъ на серьезныя препятствія для такихъ расселеній, какъ ни желательны они были для предохраненія отъ пожаровъ. Препятствія эти были слѣдующія: 1) при недостаткѣ въ мѣстѣ затруднительно было производить лишнія строенія; 2) переселеніе на новое мѣсто сопряжено было съ большими убытками, такъ какъ приходилось все заводить вновь; 3) приходилось покидать огороды и конопляники, удобренные въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и прежнія селенія по большей части превращались въ бесполезный выгонъ; 4) увеличивалось разстояніе отъ воды, и каждому семейству приходилось привозить ее на лошади. Неудачный опытъ такого расселенія сдѣланъ былъ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ двухъ волостяхъ богородицкаго уѣзда: Богородицкой-Бобринской и Левенской. Тогда приказано было перенести селенія изъ низкаго мѣста, близкаго къ водѣ, въ мѣста болѣе возвышенныя, выстроить ихъ вновь по плану и оставить внутри селенія выгонъ. Крестыане понесли большіе убытки и потеряли много пашенныхъ земель, обращенныхъ въ выгонъ, а между тѣмъ со временемъ появилась прежняя тѣснота, такъ какъ семейства, строившія новыя дворы, крайнею необходимостью принуждены были селиться въ тѣсныхъ промежуткахъ, оставленныхъ между двумя дворами. Почти повсемѣстно въ тульской губерніи дворы были обсажены ветлами. Во многихъ мѣстахъ на выгонахъ или на улицахъ видѣлись ящики на четырехъ столбахъ, аршина на два вышиною отъ земли; это были такъ называемыя разсадины: въ ящикъ насыпали вершка на три, на четыре лучшей земли и сѣяли тамъ капустную разсаду, сберегая ее такимъ образомъ отъ куръ и морозовъ.

На дворахъ у крестьянъ, особенно весной и осенью, бывала ужасная грязь, и въ теплое время отъ навоза поднималось такое зловоніе, что крестьяне принуждены были устраивать особыя задворки. Это были маленькіе дворки, пристроенные позади настоящихъ дворовъ; иногда ихъ окружали клѣти, сараи и навѣсы, въ которыхъ хранился запасный кормъ, сѣно для ежедневнаго расхода, вся упряжь и повозки. Тутъ лѣтомъ спали, исполняли ручныя работы и нерѣдко обѣдали и ужинали ¹⁾.

¹⁾ Коцебу слышалъ въ Западной Сибири отъ мѣстнаго врача, что кре-

Постройки въ тульской губерніи, вслѣдствіе недостатка лѣсу и постоянно увеличивавшейся его дороговизны, были вообще хуже, чѣмъ въ другихъ болѣе сѣверныхъ, изобильныхъ лѣсомъ мѣстностяхъ. Строенія замѣтно были тѣмъ хуже, чѣмъ далѣе стояла деревня отъ лѣсистыхъ мѣстъ. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи, смежныхъ съ степными мѣстами, недоставало даже хворосту для приготовленія плетней, и это заставляло жителей окружать огороды и конопляники земляными валами. Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи жители удобнѣе могли получать лѣсъ, такъ какъ его привозили по Окѣ ¹⁾. Въ деревняхъ тульской губерніи во время генеральнаго межеванія (въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія) у крестьянъ было 27 каменныхъ домовъ, почти исключительно въ помѣщичьихъ деревняхъ ²⁾.

Указами 1722 и 1724 г. велѣно было, чтобы въ селахъ и деревняхъ всей Россіи, какъ послѣ пожара, такъ и при новой постройкѣ, дворы ставились по два вмѣстѣ, а огороды и конопляники разводились между дворовъ на пространствѣ не менѣе 30 сажень, гумна строили бы за огородами въ немаломъ разстояніи отъ дворовъ, овинны же не менѣе, какъ на 35 сажень. Мы видѣли, что правила эти не соблюдались, да очень часто и не могли соблюдаться, вслѣдствіе многихъ причинъ, почему въ нѣкоторыхъ наказахъ депутатамъ въ комиссію уложенія крестьяне и просили дозволенія возводить постройки на болѣе близкомъ разстояніи. Въ случаѣ пожара казенные крестьяне, если у нихъ деревни не было собственнаго лѣсу, получали изъ казны по 25 деревьевъ. Помѣщики обыкновенно приказывали, чтобы ихъ крѣпостные помогали погорѣльцамъ своей вотчины въ вывозѣ строительныхъ матеріаловъ.

статье иной разъ переносили свои дома на другое мѣсто вслѣдствіе наводненія громадныхъ кучъ навоза.

¹⁾ Еще въ началѣ царствованія Екатерины II дворяне алексинскаго уѣзда жаловались, что „по недостатку лѣса крестьяне живутъ въ самыхъ бѣдныхъ хибинахъ“.

²⁾ Въ тамбовской губерніи у крестьянъ было 10 каменныхъ домовъ также почти исключительно въ помѣщичьихъ деревняхъ. Въ рязанской губерніи въ одной помѣщичьей селѣ Дѣдинокъ (егорьевскаго уѣзда) было 5 каменныхъ крестьянскихъ домовъ.

Мы уже упоминали кое-гдѣ объ утварь, которую можно было встрѣтить въ крестьянской избѣ. Посуда почти всегда была деревянная и глиняная; мѣстами, впрочемъ, напр. у зажиточныхъ крестьянъ архангельской губерніи, встрѣчаемъ чугунную и мѣдную посуду для приготовленія кушанья, мѣдную и оловянную для ѣды; послѣднюю подавали только по праздникамъ и на пирахъ. Въ оловецкой губерніи кушанье варили въ мѣдныхъ и чугунныхъ котлахъ, исключая каргопольскаго уѣзда, гдѣ готовили его въ горшкахъ. Сплошь и рядомъ убранство крестьянской избы дополнялось ручною мельницею, работа на которой отнимала не мало времени у женщинъ. Обыкновенно на гибкомъ шестѣ висѣла еще дѣтская люлька. Для сна крестьянамъ не приходилось заводить много вещей: «спать безъ постелей, особливо холостые», говоритъ Георгіи, «на полу, на скамьяхъ, подмосткахъ, залавкахъ, кутникахъ, казенкахъ, на печкахъ зимою, а лѣтомъ и на открытомъ воздухѣ, подставивъ соломы или сѣна и покрывъ оную дерюгою, а иногда на войлокѣ, съ небольшою подушкою или совсѣмъ безъ нея, подъ жидкимъ изъ дерюги одѣяломъ, а больше подъ тѣмъ же одѣяніемъ, въ которомъ днемъ ходятъ».

Для освѣщенія повсемѣстно употреблялась лучина; со свѣчою ходили только въ хлѣвъ; лишь въ архангельской губерніи жгли мѣстами также и ворваньное сало. Лепехинъ, извѣдывшій большую часть Великороссіи, въ своихъ путевыхъ запискахъ говоритъ: «Мнѣ ни въ одномъ мѣстѣ во весь мой проѣздъ видѣть не случилось, гдѣ бы въ деревняхъ употребляли другой свѣтъ, кромѣ лучины, да и въ самыхъ городахъ бѣдные жители отъ сего не исключаются. Кромѣ нездороваго и глазамъ вреднаго лучиннаго дыма, кромѣ напраснаго опустошенія березоваго лѣсу, представьте себѣ черную отъ дыма пзохшую крестьянскую хижину, дворъ и хлѣвы, покрытые соломю. Вообразите себѣ по надъизбицамъ развѣшенные кудели, пзохшіе вѣники и другіе, удобно загорѣтся могущіе припасы. Подумайте о ходящей крестьянкѣ съ пукомъ лучины по всѣмъ спмъ мѣстамъ, а особливо во дни крестьянскаго прршества, о падающихъ отъ лучины горящихъ угольяхъ, то перестанете удивляться, когда увидите часто шатающихся крестьянъ и сбпрающихъ у своихъ сосѣдей посяанный хлѣбъ во образъ мелостыни. Если бы на лучину посякаемая—прямая и въ самомъ лучшемъ соку стоящая береза могла пзобразить жалость

своего состоянія, то бы крестьяне безъ сомнѣнія давно и отъ нея научились употреблять ночники не только льняного и коноплянаго масла, но и диченхъ растущихъ травъ, а особливо стручковатыхъ, которыя втунѣ исчезаютъ. Однако, если бы дѣйствительно совершилось такое чудо, и береза заговорила, то едва ли это произвело бы надлежащее дѣйствіе: крестьяне предпочитали ѣсть льняное и конопляное масло вмѣсто того, чтобы сжигать его; для отысканія маслянистыхъ травъ нужно было знанье и умѣнье, которыхъ взять было неоткуда; свѣчки же были крестьянамъ не по средствамъ, такъ что лучина оставалась единственнымъ прибежищемъ, какъ бы ни была она предна для глазъ и хотя бы сплошь и рядомъ она была причиною пожаровъ. Между тѣмъ, при нашемъ климатѣ и образѣ жизни, крестьянамъ не мало времени приходилось работать въ избѣ при искусственномъ освѣщеніи. Мужики зимою ложились не очень поздно, но женщины сидѣли до полуночи и долѣе, не говоря уже о посидѣлкахъ, или супрядкахъ, когда заспѣивались часовъ до трехъ; вставали обыкновенно въ четвертомъ часу утра.

Какъ бы ни были дурны жилища крестьянъ, приходилось иногда жить еще въ худшей обстановкѣ. Такъ, напримѣръ, на рудникахъ вермскаго края были не всегда построены казармы, а иногда рабочіе жили въ устроенныхъ ими самими шалашахъ и землянкахъ; на Элтонскомъ озерѣ крестьяне, ловавшіе соль, жили такимъ же образомъ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ нѣсколько свидѣній о цѣнахъ строеній и некоторыхъ предметовъ изъ домашней утвари. Въ холмогорскомъ уездѣ цѣны крестьянскаго двора были весьма различны, смотря по достоинству построекъ, именно отъ 30 доходили до 500 р. Вотъ во что обходился домъ куростровскому крестьянину средней зажиточности въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. На избу нужно было изстратить 30 р., на вѣты 30, сарай для скота стоилъ также 30 р., овинъ 5, гумно крытое 25, хлѣбный амбаръ 15, баня 7, итого 142 р.; но были цѣны и выше: овинъ стоилъ иногда до 8 р., крытое гумно до 40 р., хлѣбный амбаръ до 25, баня до 10 р. Въ калужскомъ уездѣ тверской губерніи въ 1784 г. рубленая сосновая изба стоила 18—30 р., слюва 15—20 р. Изъ дневника священника Матусевича узнаемъ цѣны на строенія въ ярославской губерніи въ 1775 г. Изба, горница, дворъ и баня обошлись ему около 120 р., въ томъ числѣ половину составляетъ стоимость матеріала и половину — плата рабочимъ. Следовательно, работа

III

Одежда.

Самую обычную обувь простаго народа были, какъ и теперь, лапти изъ липовыхъ, а мѣстами и изъ березовыхъ лыкъ; ноги обертывались онучами изъ холста, а кое гдѣ и изъ войлока, которыя, также какъ и лапти, прикрѣплялись оборками, веревочками, рѣже кожаными ремнями ¹⁾. Однако же не мало распространена была и иная обувь. Въ архангельской губ. все крестьяне, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, носили кожаную обувь, всего чаще родъ сапоговъ, называемыхъ котами и бахлами, а по праздникамъ и сапоги. Въ колыскомъ у. зимою одѣвали сапоги, сшитые изъ оленьихъ лапъ (п или м): Въ олонцекой губ. также все носили кожаную обувь, и лапти изъ березовыхъ лыкъ надѣвали только во время пашни. Напротивъ того южнѣ господствующую обувь дѣлаются лапти. Въ петербургской губерніи только болѣе франтоватыя носили короткіе сапоги или коты съ чулками. Въ тверской губерніи сапоги носили, особенно по праздникамъ. лишь болѣе зажиточные; впрочемъ въ вельскомъ уѣздѣ очень распространена была кожаная обувь — коты, сапоги и «упоки» ²⁾, а въ ошанковскомъ уѣздѣ занимавшіеся

самъ, крестьянинъ могъ построить дворъ, если бы ему нужно было покупать лѣсъ, на 60 р., при томъ дворъ очень хорошій, такой, изъ какомъ жилъ священникъ; дворъ же съ простой черною избою, съ кѣтью вѣсто горницы, долженъ былъ стоить рублей 40—50. Впрочемъ, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ сами крестьяне цѣнили свои постройки дешево: такъ, въ вельскомъ уѣздѣ вологодской губ. крестьяне оцѣнили въ 1780 г. все дворовыя постройки различныхъ хозяевъ отъ 5 до 25 р. Изъ дневника Матусевича мы также узнаемъ, что въ 1774 г. въ ярославской губерніи простой столъ стоилъ 9 к. Въ тверской губерніи въ 1784 г. бочка 50 к. — 1 р., ушатъ; или ладка. — 8 к., лукошко 4—10 к.: въ ярославской губ. въ 1776 г. десятокъ деревянныхъ ложекъ стоилъ 10 к. Сани дубовыя, пошени цѣнились въ 1759 г. въ казанской губ. — 50 к.; уда тамъ же въ 1762 г. 20—30 к.

¹⁾ Болотовъ видѣлъ у одного крестьянина въ тверской губ. деревянные лапти (выдолбленные изъ осиноваго дерева); но это большая рѣдкость (III, 74)

²⁾ Въ настоящее время слово «упоки» въ конгородской, вологодской и архангельской губерніи означаетъ мужичьи сапоги съ грубыми голенищами, иногда въ родѣ котовъ, а въ петербургской губерніи тамеже, неуклюжіе рабочіе сапожища. (Словарь Даля).

рыбною ловлею носили сапоги, подбитые желѣзными скобами, которые иногда даже пришивались къ остальной одеждѣ, также сдѣланной изъ кожи. Въ московской губ., въ мѣстности ближе къ самой Москвѣ, только у немногихъ были лапти, а то почти у всѣхъ была кожанная обувь. Въ ярославской губ. кромѣ лаптей и черныхъ котовъ съ бѣлыми и сѣрыми онучами, носили сапоги и валенки съ русскими и нѣмецкими шерстяными чулками. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ костромской губ. по праздникамъ молодые одѣвали сапоги, а постарше родъ башмаковъ, бахилы, у которыхъ верхъ былъ отороченъ краснымъ сукномъ, съ шерстяными чулками или бѣлыми суконными онучами. Въ тульской губерніи по праздникамъ также по большей части обувались въ сапоги или кожаные коты. отороченные алымъ сукномъ. Въ пермской губерніи крестьяне болѣе бѣдныхъ уѣздовъ — пермскаго, соликамскаго и чердынскаго — ходили по большей части въ лаптяхъ, жители же южныхъ уѣздовъ, за исключеніемъ самыхъ убогихъ, только во время домашней работы надѣвали лапти, а въ сибирскихъ уѣздахъ этой губерніи ихъ и совсѣмъ не знали. Носившіе кожанную обувь одѣвали лѣтомъ сверхъ чулокъ домашняго пздѣлія по большей части коты съ суконными опушками — молодые съ широкими, красными, а старые съ узкими, различныхъ цвѣтовъ; зимою же большіе коты сверхъ двохъ чулокъ, вязанныхъ или шптыхъ изъ домашняго сукна, а иногда валенныхъ, подобно войлоку. Въ пркутской губ. крестьяне обувались въ «улиты» изъ кожи козуль или большіе коты; вмѣсто чулокъ обвязывали ноги домашнимъ сукномъ.

Женская обувь была вообще сходна съ мужскою, только женщины рѣже носили сапоги, замѣняя ихъ башмаками и котами. Отмѣтимъ нѣкоторыя мѣстныя особенности женской обуви. Въ холмогорскомъ уѣздѣ архангельской губ. женщины обувались обыкновенно въ кожаные черные башмаки, а по праздникамъ въ красные кожаные и суконные разныхъ цвѣтовъ. Въ старинномъ уѣздѣ тверской губерніи женщины носили по праздникамъ сапоги или новоторжскія туфли съ мѣдными и желѣзными скобами. Въ ярославской губ. женскую обувь составляли русскіе и нѣмецкіе шерстяные и касторовые чулки, башмаки, коты, а болѣею частію босовки, на подобіе туфель, съ закаблучниками, шитые по краямъ шелками и разноцвѣтными нитками, съ мѣдными скобами подъ каблуками. Въ московской губерніи нѣкоторыя женщины

всегда ходили въ башмакахъ; въ другихъ уѣздахъ, кромѣ лаптей, женскую обувь составляли боты и сапоги. Въ тульской губ. женщины изъ богатыхъ семей при праздничномъ нарядѣ обувались въ мужскіе сапоги, а у кого ихъ не было—старались какъ можно толще и глаже обвертѣть ноги овучами и приперѣляли лапти оборами изъ черныхъ ремешковъ. Въ пермской губерніи женщины носили чарки, родъ башмаковъ съ суконною опушкою, шитые изъ домашнихъ кожъ, и боты, въ Иркутской губ.—чарки и башмаки съ каблучками.

Мужская рубашка, съ косымъ воротомъ, и штаны дѣлались обыкновенно изъ холста или нестриади, пеньковой ткани съ синими полосами; рубашка выпускалась поверхъ штановъ и подпоясывалась узкимъ поясомъ.

• Въ архангельской, тверской, ярославской и костромской губ. зажиточные крестьяне носили синія и красныя рубашки, выдѣленные около воротника золотымъ позументомъ или плетешкомъ. Въ подмосковныхъ деревняхъ крестьяне побогаче носили иной разъ и шелковыя рубашки. Въ тульской губерніи крестьяне, отправлявшіеся въ зимнее путешествіе, надѣвали широкіе штаны изъ простаго сукна безъ пояса, на веревочной «вздержкѣ». Въ пермской нѣкоторые носили рубашку изъ «бахты», грубой среднеазиатской выбойки изъ хлопчатой бумаги, а въ Иркутской, кромѣ полотняныхъ и нестриадиныхъ, также и фанзовыя—изъ китайской шелковой ткани въ родѣ фуляра.

Обыкновенная мужская одежда, надѣваемая поверхъ рубашки и штановъ, состояла изъ балахоновъ домашней холстины или кафтановъ сермяжнаго сукна лѣтомъ, подпоясанныхъ шерстяными кушаками, а зимою нагольной овчинной шубы. На окраинахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, обнаруживались въ одеждѣ инородческія вліянія. Въ архангельской губ. праздничною одеждою мѣстами служили полукафтаны и кафтаны русскаго покроя изъ китайки—бумажной ткани; въ мезенскомъ уѣздѣ, крестьяне, кромѣ русской одежды, особенно въ дорогѣ, носили и самоѣдскую, дѣлаемую изъ оленьихъ шкуръ—совикъ, малицу и пшмы. (Малица—глухая нераспашная одежда въ видѣ рубашки, по колѣни, шерстью къ тѣлу, сверху надѣвается совикъ—шерстью наружу; у него верѣдко пришитыя рукавцы). Въ олонцкой губ. уходившіе на промыселъ въ другіе города одѣвались въ кафтаны изъ тон-

каго сукна. Въ петербургской губерніи извошники, рыбаки и я нѣкоторые крестьяне имѣли кафтаны изъ черной сапожной кожи; они были также и у зажиточныхъ крестьянъ, особенно же у сапожниковъ корчевскаго уѣзда тверской губерніи. Въ осташковскомъ уѣздѣ на рыбную ловлю одѣвали особенную одежду, которая вся состояла изъ кожи; это такъ-называемые кожаны, въ которыхъ были вмѣстѣ сшиты верхнее, нижнее платье и обувь. Въ кашинскомъ уѣздѣ овчинные шубы были или нагольные, или крытыя бѣлою холстиною. Ярославскіе крестьяне, которые, по отзыву современника, вообще одѣвались, сравнительно съ другими губерніями, «чисто и опрятно», носили по праздникамъ кафтаны изъ русскаго или заграничнаго сукна, подпоясанные кушаками изъ коломенки (шерстяной домотканнины) или шелковой матеріи, а зимою «овчинные шубы, полушубки и тулупы, нагольные или крытыя красной, китайкой и сукномъ». Крестьяне московской губерніи носили обыкновенные русскіе кафтаны изъ домашняго сѣраго и чернаго покрашеннаго сукна (зипуны) и холстинные балахоны, а болѣе зажиточные — кафтаны изъ иностранныхъ суконъ и китайчатые балахоны; подпоясывались шерстяными домотканными кушаками, а зажиточные шелковыми. Въ клинскомъ уѣздѣ крестьяне, кромѣ суконныхъ кафтановъ, носили и ткани изъ нитокъ съ шерстью и холщевыя понтыки, а побогаче и китайчатые азямы (долгополый армякъ) и козлиные кожаны. Тульскіе крестьяне носили кафтаны изъ сѣраго или бѣлаго сукна, ниже колѣна, выложенные на груди и по краямъ чернымъ или краснымъ суркомъ съ нѣсколькими петлями и застегиваемые на небольшія мѣдныя пуговицы; назади по обѣимъ боковымъ швамъ нашивался отъ пояса до половныя спины такой же сурокъ; воротникъ обшивался «прхою»¹⁾. Въ холодное время подъ кафтанъ надѣвали короткую нагольную овчинную шубу. По праздникамъ крестьяне тульской губерніи носили кафтанъ чернаго сукна и шубу, отороченную красною «прхою», изъ которой и назади накладывался на боковыхъ швахъ кругловатыя вставки, отороченныя шерстянымъ суркомъ, съ вышубкой и воротникомъ изъ черной овчины. Молодежь.

¹⁾ Прха — козлиная или овечья шкура, выдѣланная въ родѣ замши. (Словарь Даля).

ходившая на промыслы, въ концу XVIII в. пзмѣнила старому покрою платя, и наиболѣе щеголеватые стали носить длиннополные казацкіе чекмени (кафтаны), перенимать покрой верхняго платя у купцовъ и дѣлать его со множествомъ сборовъ, покупали черное сукно потоньше. Въ пермской губерніи жители болѣе бѣдныхъ уѣздовъ, пермскаго, соликамскаго и чердынскаго, обыкновенно не имѣли особаго праздничнаго платя: они постоянно носили простые зипуны и шубы; у жителей Чердынскаго уѣзда иногда не было и теплаго платя на зиму, такъ что въ морозы они ходили, надѣвъ только на зипунъ бѣлый балахонъ или другой зипунъ. Вообще же крестьяне пермской губерніи шили себѣ зипуны изъ собственнаго сукна; черное они предпочитали сѣрому или темному; зажиточные, имѣвшіе бѣлыхъ овецъ, отдавали приготовляемое изъ своей шерсти бѣлое сукно окрашивать въ синюю краску красильщикамъ, ежегодно прїѣзжавшимъ изъ вятской и вазанской губерній, и дѣлали изъ него кафтаны, а еще болѣе богатые покупали фабричныя сукна синяго и вишневаго цвѣта. Эти кафтаны были у молодыхъ съ частыми сборками, съ мѣдными или оловянными пуговицами; они походили на русское платя, которое носили городскіе жители, только не такъ искусно скроенное, такъ какъ деревенскіе портные (шведы) лучше дѣлать не умѣли. Многие носили армяки, особенно крестьяне, занимавшіеся торговлею, и ямщики. Зимой ходили запросто въ одной нагольной шубѣ изъ своихъ овчинъ, а въ дорогу сверхъ нея надѣвали зипунъ или старый армякъ, бѣдные же — старый зипунъ, обшитый на рукавахъ, плечахъ, спинѣ и спереди холстомъ. Болѣе зажиточное заводское населеніе пермской губерніи носило платя въ будніе дни изъ китайки, а по праздникамъ по большей части изъ хорошихъ иностранныхъ сукновъ, особенно тѣ, которые торговали или занимались какою нибудь выгоднымъ ремесломъ; зимою одѣвались въ тулупы, крытые также сукномъ, китайкою или тикомъ (полосатая ткань). Рабочіе носили зипуны изъ сермяжнаго сукна, иногда армяки, которые привозились для продажи съ оренбургской линіи и ткались тамъ изъ верблюжьей шерсти; но и у нихъ для праздниковъ было всегда если не суконное, то по крайней мѣрѣ китайчатое платя, исключая самыхъ бѣдныхъ; зимою нагольные тулупы или шубы. По одеждѣ сельское населеніе вркутской

губерніи въ очень многомъ походило на крестьянъ
фра.

Голову крестьяне покрывали лѣтомъ обыкновенно кр
волью высокою шляпою, зимою шапкою. Въ архангель
ніи зажиточные крестьяне носили зимою шапки съ к
четвероугольнымъ верхомъ изъ тонкаго сукна, а празде
шиса; запросто же крестьяне надѣвали шапки, называ
ухам, обложенныя вокругъ лисьими хвостами, очень те
щидавшія уши, щеки и затылокъ. У осташковскихъ
лѣтняя шляпа обшивалась черною тесьмою или даже
луномъ; зимою они носили шапку изъ черной овчины, и
нимъ или краснымъ сукномъ; въ краснохолмскомъ уѣздѣ
губерніи, кромѣ шляпъ, носили лѣтомъ и колпаки изъ сѣ
кверху четверугольные; въ весьегопскомъ уѣздѣ—зим
обыкновенныхъ шапокъ, были и малахай, опушенные л
юмъ. У ярославскихъ крестьянъ лѣтомъ были поярков
юторныхъ и пуховыя шляпы, зимою же «обыкновенныя
верхомъ суконнымъ и пливовымъ на четыре угла, съ з
съ узенькимъ мерлушечьимъ чернымъ околышемъ, а
рыкъ—нѣмецкія круглыя шапки, верхъ пливовый или
съ бобровыми околышами». Зимнія шапки въ московск
ской губерніи были съ овчиною опушкой. Въ пермско
и Сибіри носили зимою малахай или чебакъ (мѣховая
шаушишками и завязками), сшитый изъ своего сукна и о
купленный, съ простымъ мерлушечьимъ околышемъ.

Зимою крестьяне носили кожанныя рукавицы съ вар
краснохолмскомъ уѣздѣ тверской губерніи онѣ были д
самый локоть. Въ пермской губерніи были также «выво
овчины съ длинною шерстью сшитыя кушаницы (рукав
торыя въ морозы служили имъ вмѣсто муфты. Въ пре
берніи, кромѣ такихъ, какъ въ пермской губерніи, были
изъ «ровдуги», т. е. оленьей замши, или изъ лосиной
теплыми варегами и исподками.

Нижнюю одежду женщинъ составляла обыкновенно
шелая рубашка. Такъ какъ въ надѣваемомъ поверх
сарафанѣ вѣтъ рукавовъ, то рукава рубашки перѣд
лись различнымъ образомъ. Въ кашинскомъ уѣздѣ т
берніи женщины и дѣвушки вышивали ихъ шелкомъ и

что у нихъ называлось проймами; къ рубашкамъ пришивались холстовныя манжеты, обшитыя пштыными кружевами своего рукодѣля; въ краснохолмскомъ уѣздѣ той же губерніи дѣвушки или вышивали рукава гарусомъ (ластовки), или носили широкія рукава съ манжетами, называемыми «брижалью». Въ тульской губерніи длинныя рукава рубашки подбирались наверхъ руки сборами; рубашка подпоясывалась узкимъ поясомъ или покроемъ отъ сукна. Съ развитіемъ щегольства рубашки стали носить съ тонкими рукавами, вышивать шелками, а также украшать позументомъ. Для праздничнаго наряда тонкая рубашка расширялась по плечамъ шелками и по подолу разными строчками; на плечахъ, кромѣ того, вышивался алый кумачъ. Дѣвушки до совершеннолѣтія ходили въ однѣхъ рубашкахъ съ выстроченнымъ подоломъ и рукавами; подпоясывались узкимъ пояскомъ. Къ югу отъ Орла, по курской дорогѣ, женщины носили рубашки съ кисейными рукавами. Въ пермской губерніи, кромѣ холщевыхъ рубахъ, носили цвѣтныя бумажныя и даже шелковыя; у дѣвушекъ были бѣлыя и тонкія рубашки своего рукодѣлія съ манжетами.

Сверхъ рубашки женщины одѣвали сарафаны, обыкновенно изъ крашеного въ синій цвѣтъ холста, а по праздникамъ кумачные, китайчатые, каразейные (изъ рѣденькой и грубой шерстяной ткани) и камлотовые (изъ суровой шерстяной ткани), съ рядомъ оловянныхъ или мѣдныхъ пуговицъ впереди. Въ архангельской губерніи у богатыхъ крестьянокъ бывали и камчатные сарафаны (изъ камчатной льняной ткани, похожей узоромъ на камку, шелковую китайскую ткань). Въ каргопольскомъ уѣздѣ оловянской губерніи, вмѣсто сарафановъ, носимыхъ въ остальныхъ уѣздахъ, женщины одѣвали «сукманы», сшитыя изъ сукна разнаго цвѣта. По замѣчанію современника, «одежда эта шилась широко и нестройно». Такіе «сукманы» мы встрѣчаемъ также въ тверскомъ и ошашковскомъ уѣздахъ, какъ одежду женщинъ (но не дѣвушекъ), на ряду съ сарафанами, обложенными по краямъ выбойкою (холстомъ, по которому узоръ набить въ одну краску); эта обшивка называлась кружевомъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тверской губерніи по праздникамъ крестьянки носили не простые сарафаны, а кумачныя и китайчатые феразы—съ рукавами и окладкою изъ набойки (тоже, что выбойка). Въ ярославской губерніи у нѣкоторыхъ крестьянокъ можно было найти и шелковыя сарафаны.

Въ московской губерніи мѣстами у подгородныхъ крес- сарафаны замѣнялись даже юбками изъ коломянки (ше- домотканной матеріи). Въ бронницкомъ уѣздѣ московской губерніи рядомъ съ сарафаномъ впервые встрѣчается намъ одежда, весьма распространенная въ центральной Россіи, представлявшая переходъ къ малороссійской плахтѣ—это по- словамъ Левшина, въ его описаніи тульской губерніи, за- распанной напередѣ юбки изъ клѣтчатоѣ, черной или синей (холста) или тонкой шерстяной крестьянской ткани, отор- кумачемъ. Одна половина поневы была опущена, а другая за- за поясъ¹⁾). Для праздничнаго наряда понева дѣлалась изъ купной тонкой синей клѣтчатоѣ ткани, а по краямъ об- широкимъ позументомъ и узорами изъ полосокъ кумачу. К- кушакъ съ длинною бахромою завязывался напередѣ, и ко- свѣшивались внизъ. На плеча накидывались кумачные нап- также шитые шелкомъ или обложенные узкимъ позументомъ тор- рые почти сходились вмѣстѣ и представляли нѣчто м- короткой мантии. Взрослыя дѣвушки носили такія поневы в- замужнія женщины, а подростки ходили въ одной р- Въ пермской губерніи крестьянки запросто ходили въ с- сахъ (сарафанахъ), сшитыхъ изъ сняго холста, крашен- средствомъ сандала и купороса, а иногда пурпурою или о- кором, или въ крашенничныхъ, крашеныхъ въ кубовую краску. Для праздниковъ у нихъ были разноцвѣтные к- в- китайчатые сарафаны, а у богатыхъ даже тафтяные и гайчатой шелковой матеріи. Вмѣсто сарафановъ, въ нѣк- нѣстахъ носили душегрѣйки и шуганъ съ юбками, сшиты- китайки, бумажной набойки или холста, набитаго разными у- Жители южныхъ и сибирскихъ уѣздовъ пермской губерніи муж- чины, такъ и женщины, одѣвались вообще лучшіе крестьяне пермскаго, солкамскаго и чердынскаго уѣздовъ- женщинъ болѣе зажиточнаго населенія частныхъ заводовъ

¹⁾ Для ясности прибавимъ объясненіе Дала: „въ казужской, ор- ской и пермской губерніяхъ, понева (тоже что понява), какъ плахта, ло- об- одитъ кругомъ, кроетъ только задъ и бокъ, а спереди остается з- зиньтска, передникъ съ лифомъ и рукавами.“ Въ тульской губерніи пришла въ столѣтій зиньтска, какъ видно, замѣнялась куш- длинною бахромою.

вые годы XIX вѣка въ большой модѣ были запоны (фартуки) — ситцевые, кисейные или тафтяные, обложенные лентами. Всего лучше умѣли шить платье, вышивать шелкомъ и золотомъ, приготавливать кокошники и пр. на невьянскомъ и илжегагильскомъ заводѣ, а также и въ Екатеринбургѣ, такъ что эти селенія служили образцами вкуса и моды. Въ Иркутской губернии у крестьянокъ были сарафаны понаряднѣе изъ китайки и «дабы» (китайская бумажная ткань), а у болѣе богатыхъ — изъ шелковыхъ китайскихъ матерій.

Верхнюю одежду женщинъ зямоу, какъ и мужчинъ, всего чаще составляли нагольные овчинныя шубы и шубки, но мѣстами онѣ покрывались какою-либо матеріею, а не то замѣнялись и одеждою другой формы. Такъ напр., въ архангельскомъ уѣздѣ полушубки и шубейки иной разъ крылись атласомъ и другими недорогими шелковыми матеріями; въ холмогорскомъ уѣздѣ женскіе тулупы украшались позументами и пуговицами; въ кашинскомъ уѣздѣ тверской губернии овчинныя шубы крылись бѣлою холстиною, а въ ярославской губернии онѣ были или нагольные, или крытыя крашевною, китайкою и сукномъ. Въ ржевскомъ и остафковскомъ уѣздахъ женщины носили широкія овчинныя нагольные шубы съ большими воротниками изъ черной овчины, называемыми «бармихами». Такія же шубы были параднымъ одѣяніемъ и въ тульской губернии. Въ московскомъ уѣздѣ обыкновенныя крашевинныя шубы по праздникамъ замѣнялись у болѣе зажиточныхъ шубами на заячьемъ мѣху, крытыми китайкою. Другою верхнею женскою одеждою была душегрѣйка — короткая, сборчатая и болѣе частію безрукавная, крытая кумачемъ, китайкою, у богатыхъ даже шелкомъ. Мы находимъ ее, напр., въ петербургской губ., въ калязинскомъ уѣздѣ тверской губ., у подгороднихъ серпуховскихъ крестьянокъ, у жителей частныхъ заводовъ пермской губернии. Лѣтомъ въ ярославской губернии женщины въ ненастные и холодные дни надѣвали сверхъ сарафана кафтанъ сѣраго и чернаго домашняго или польскаго и испанскаго сукна. Въ тульской губернии, идя въ гости или въ церковь, женщины надѣвали въ накидку, въ одинъ рукавъ, а иногда и въ оба. новый мужской кафтанъ ¹⁾).

¹⁾ Сообщить нѣсколько свидѣній о цѣнахъ одежды и обуви, которыхъ.

Женскіе головные уборы отличались большимъ разнообразіемъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ Георгіи: «на головѣ имѣютъ обыкновенно пропницѣй, надѣ сороки на головѣ, надѣ кокошникъ подзатыльниками, подубрусниками и кичками; сороки и кокошники видѣ полумѣсяца, обращеннаго вверхъ рожками»; онѣ бываю иногда вышиты шелками, а праздничныя и выложены позументомъ. Сзади онѣ покрыты краснымъ кумачемъ; подѣ сорокою «родѣ повязки, простеганная, на шерсти, обернутая въ кокошникъ дабы выше сидѣла и держалася на оной сорока. Кокошникъ «родѣ круглой каски, вышитой шелками; подѣ кокошникомъ убрисникъ изъ холстины, вышитый шелками или бумагою и вышитый цвѣтовъ». Къ этому краткому описанію Георгіи современныя описанія даютъ возможность прибавить много подробностей. Замѣтитъ, во первыхъ, что въ одной и той же мѣстности видѣлись иной разѣ головные уборы разной формы; такъ, на примѣрѣ въ уѣздѣ тверской губерніи въ помещичьихъ имѣніяхъ женщины носили кокошники, а въ казенныхъ — сороки; одни и тотъ же головной уборъ значительно разнообразенъ въ значительномъ пространствѣ: въ одномъ калязинскомъ уѣздѣ кокошники имѣли три различныя формы — къ каштану они были круглыя, высокія, къ углицкому — острокошныя, къ жемчужному — высокія, къ корчевскому — низкія. Головной уборъ ж

пожалнію, мы имѣемъ весьма мало. Въ нынѣшней пермской губерніи въ 1763 г. лантанъ сермяжнаго сукна стоилъ 3 р., новая бранья въ пермской губерніи въ 1762 г.—1 р., новыя кожанныя рукавицы въ пермской губерніи въ 1763 г.—40 к. Рубашка тамъ же стоила 5 к. Аршинъ крестьянскаго сукна въ казанской губерніи въ 1771 г., въ воронежской губерніи въ 1797 г. аршинъ сермяжнаго сукна стоилъ 1 р. Аршинъ холста различнаго качества въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи стоилъ въ шестидесятыхъ по восьмидесятые годы прошлаго столѣтія отъ 2 до 7 к. Цѣна выдѣланной овчины въ казанской губерніи въ 1763 г. была 15—16 к., въ ярославской въ 1774 г.—45 к. Сапоги новыя лавочныя въ нынѣшней пермской губерніи въ 1763 г. стоили 1 р. Новые коты въ пермской губерніи въ 1763 г. стоили 25 к., коты въ ярославской въ половинѣ семидесятыхъ годовъ 77—90 к., коты тамъ же въ 1767 г.—1 р. Сапоги въ крапивинскомъ уѣздѣ въ 1767 г.—1 р. и болѣе; коты въ Витгерѣ въ 1783 г.—50 к., пара башмаковъ въ Барятинскомъ уѣздѣ въ 1771 г.—30 к. Пара лантей въ 60—70 годахъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи стоила отъ 1 до 5 к.

осташковскаго уѣзда состоялъ изъ кокошника, остовъ котораго былъ сдѣланъ изъ папки или березовой коры, а снаружи покрытъ шелковою матеріею разныхъ цвѣтовъ или выложенъ галунами. Чело кокошника выложено поддѣльнымъ жемчугомъ и бисеромъ въ нѣскольکو рядовъ. Все это покрывалось сложеннымъ въ видѣ треугольника бумажнымъ или шелковымъ платкомъ, подвязаннымъ подъ подбородкомъ. Въ тверскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ уже иной видъ головного убора, именно «родъ кокошника, весьма низкаго, называемый сорока», съ подзатыльниками, унизанными разнымъ бисеромъ и съ кистями; женщины вышивали ихъ золотомъ, шелкомъ и гарусомъ. Сверхъ сорокъ также повязывались платки. Въ ярославской губ. были употребительны низенькіе кокошники или круглые, такъ называемые кокуи и при нихъ опять платки. Въ перехотскомъ уѣздѣ костромской губерніи—небольшіе круглые кокошники, а по праздникамъ — большей величины, подъ нихъ спереди подвязывали широкія или золотыя мишурныя повязки, а нерѣдко и подниз изъ китайскаго жемчуга. Въ московской губерніи мы встрѣчаемъ и кокошники, шитые шелками и золотомъ, и сороки, и кички (головной уборъ съ рогами) парчевыя и тафтаныя съ позументомъ в прикрытыя шелковыми фатами, обшитыми позументомъ, или бѣлою бумажною матеріею, и повойники (повязка, покрывающая голову), и наконецъ просто платки. Въ тульской губерніи женщины носили невысокія кички,—только въ бѣлевскомъ уѣздѣ были очень высокія, загнѣвавшіяся впередъ и оканчивавшіяся наверху почти остриемъ. По лбу подвязывали штору золотомъ сороку, а сзади простой кумачный подзатыльникъ, съ узкимъ позументомъ, безъ кистей. Сверху накидывалась полотняная, выложенная кумачными полосками наметка и укрѣплялась пришитымъ къ ней суркомъ. Праздничный головной уборъ тульской губерніи былъ сходенъ съ обыденнымъ, только сорока, шитая золотомъ и украшенная камнями, была шире и богаче. Подзатыльникъ надевался также шитый золотомъ, и отъ него шло до самаго пояса до 15 разноцвѣтныхъ плетенокъ съ шелковыми кистями. На кичку накидывалась наметка изъ самаго тонкаго полотна съ кумачнымъ верхомъ, по которой перевязывали «нѣсколькими шелковыми платками въ одинъ рядъ, спуская концы назадъ». Пожилыя женщины вмѣсто платковъ накидывали на кичку фату изъ тонкаго полотна съ кружевомъ и, свѣсивъ ее на лобъ, перевязывали подъ кичкою

платкомъ, а концы фаты, закрутивъ, связывали подъ подбородокъ. Женщины заплетали волосы въ двѣ косы, которыя и упрятывали подъ кичку. Считалось великимъ стыдомъ для женщины имѣть не покрытую голову; поэтому, если у нихъ сваливалась кичка, онѣ прятали голову и бѣжали оправиться.—Любопытно, что крестьянки, переселенныя съ мужьями изъ тульской губерніи на Уралъ, сохраняли тамъ свой прежній головной уборъ. Въ архангельской губерніи, какъ и въ другихъ, встрѣчаемъ значительное разнообразіе головныхъ уборовъ. Въ пинежскомъ уѣздѣ женщины носили «перевязки или сорочки» изъ пестраго холста, пестро вышитыя спереди шелкомъ, бумагою или узенькими ленточками, въ шенкурскомъ — кокошники, а въ архангельскомъ—сборники ¹⁾, или повойники изъ шелковыхъ или бумажныхъ матерій; при нарядномъ же костюмѣ надѣвали кокошники изъ хорошихъ шелковыхъ матерій, выложенныя серебряными и золотыми позументами, а у богатыхъ шитые золотомъ и выпизанные жемчугомъ. Въ пермской губерніи головной уборъ женщинъ составляли кумачвыя, китайчатыя и шелковыя шатмуры (родъ плоской, неглубокой шапочки со стеганнымъ верхомъ), едва покрывающіе заплетенныя въ двѣ косы и обвитыя около головы волоса; если шатмуры были обложены позументами, то они назывались чепцами. Сверху этотъ уборъ еще покрывался бѣлымъ полотенцемъ изъ «однотростки» (простаго холста), или бумажною, а не то и шелковою фатою, концы которой подвязывали у горла. У зажиточныхъ женщинъ на частныхъ горныхъ заводахъ были кокошники съ покрывалами «коноватными» (полупарчевыми) или кисейными. Въ иркутской губ. женщины носили преимущественно платки и лишь немногія—повойники изъ тафты и китайки.

Головной уборъ дѣвушекъ отличался отъ женскаго убора. Въ оставковскомъ уѣздѣ дѣвушки надѣвали повязку, которая состояла изъ бумаги, крытой шелкомъ и убранный галунами и жемчугомъ; повязка эта прикрѣплялась на затылкѣ ленточками. Въ тверскомъ у. также носили повязки или ленты шелковыя и мишурныя; въ верехотскомъ у. костромской губ. — повязки и подпизи, и сверху нихъ повязывались платками. Въ тульской губерніи дѣвушки повязывали по лбу платокъ, оставляя весь верхъ открытымъ,

¹⁾ Въ настоящее время въ пинежскомъ уѣздѣ сборникомъ называется кокошникъ, оканчивающійся длиннымъ, торчащимъ впередъ остриемъ. Ефименко, стр. 88.

а концы спускали по ушамъ. При праздничномъ нарядѣ повязка на лбу была узкая, шитая золотомъ. Въ архангельскомъ уѣздѣ повязки или ленты были обложены позументомъ; праздничныя «чолки», или вѣнки дѣвушекъ были вышиты бисеромъ, а у богатыхъ и жемчугомъ; отъ затылка съ нихъ свѣшивались лопасти изъ шелковой матеріи, обшитыя на концахъ золотомъ или серебряною сѣткою. Въ пермской губ. дѣвушки, какъ и женщины, надѣвали фату, если нужно было куда выйти или выѣхать; ее надѣвали мѣстами и въ архангельской губерніи; въ иркутской фата дѣлалась изъ выбойки, а по праздникамъ надѣвалась и шелковая, златотканая. Коса обыкновенно заплеталась и украшалась лентами, шелковыми разноцвѣтными доскутками и бисерными кистями. Въ архангельскомъ уѣздѣ зимою женщины и дѣвушки, когда шли въ церковь или ѣхали въ гости, надѣвали на голову чебакъ, или шапку о двухъ ухахъ, обложенную кунитами или соболями; у зажиточныхъ крестьянокъ эти шапки были шиты кораблкомъ (т. е. задъ и передъ вздернуты были носами вверхъ). Запросто зимою женщины, какъ и мужчины, носили треухи, обложенные лисьими хвостами.

Шею женщины и дѣвушки украшали различными ожерельями. Въ архангельскомъ у. эти ожерелья, бисерныя, а у богатыхъ и жемчужныя, назывались наборожниками. Въ менкурскомъ уѣздѣ дѣвчиды носили на шеѣ, кромѣ ожерелья, разноцвѣтныя ленты и шелковые «гайтаны» (спурки, тесемки) съ «битью» (тонкая проволока для златотканой работы). Въ тверскомъ уѣздѣ ожерелье дѣлалось изъ простыхъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, а въ ярославской губ. надѣвали на шею янтари, бусы, бисеръ, бархатки, а зажиточныя и жемчугъ. Въ Тульской губерніи по праздникамъ шею украшало множество монистъ и всяческое ожерелье изъ бисеру и пронзокъ съ крестомъ на каждомъ; сверхъ того цѣпочки и разноцвѣтныя ленты также съ крестами.

Въ ухахъ женщины и дѣвушки носили серьги, иногда съ длинными подвѣсками; въ тульской губ. вдовы серегъ не одѣвали; быть можетъ, тоже было и въ другихъ мѣстностяхъ. Пальцы украшались мѣдными или серебряными кольцами.

Есть указанія на то, что женщины и дѣвушки (напримѣръ въ петербургской губерніи) бѣлились и румянились. Озерецковскій во время ярмарки на островѣ Валаамѣ наблюдаетъ, какъ это

дѣлалось. «Деревенскія женщины и дѣвки», пишетъ онъ, «ранѣе всѣхъ отъ сна пробуждались и, вставши, немедленно бросались къ водѣ, чтобы умываться. Дѣйствіе сіе продолжается у нихъ не мало времени, потому что онѣ во первыхъ полощутся водою, потомъ моются мыломъ, которое смывъ, натираются бѣлилами и, потершись стоять или сидятъ на судахъ безъ всякаго дѣйствія (т. е. неподвижно), давая время бѣлиламъ хорошенько вобраться въ кожу. Послѣ сего бережно смываютъ ихъ съ лица, и какъ многія изъ нихъ зеркалъ не имѣютъ, то смотрятся въ воду и помощью сего зеркала уравниваютъ на себѣ подложную бѣлизну, которую наконецъ прикрашиваютъ румянами». Въ грязовецкомъ уѣздѣ вологодской губерніи бѣлились до того, что лице свѣтилось ¹⁾). Свищовыя бѣлилы, которыя употребляли крестьянки, вредны, но такъ какъ они натирались ими только во время ярмарки, а дома лишь по большимъ праздникамъ, то бѣленіе это не портило ихъ лицъ.— Румянились онѣ, по словамъ Георги, по большей части сандаломъ, настоящимъ въ водѣ съ квасцами, мареной, а также бадягой, растущей въ водѣ, которою они терли щеки, пока тѣ не разгорятся.

В. И. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871 г., I, 296.

ВЪ СТЕПЬ.

I. Господа комерсанты.

Много лѣтъ подъ рядъ мнѣ приходилось проводить лѣто въ селѣ Круглая балка. Въ селѣ этомъ жилъ мой родственникъ, богатый сельскій торговецъ, и у него-то я жилъ, не въ качествѣ, впрочемъ, интеллигентнаго человѣка, удаляющагося на лѣто въ деревню на „лоно природы“, а въ качествѣ прикащика „по овечьей части“. Родственникъ мой въ числѣ разныхъ операций, которыми онъ „оживлялъ край“ и благотворствовалъ мужика, занимался и овцеводствомъ. Собственно говоря, онъ занимался стрижкою не овецъ, а людей; впрочемъ, такой характеръ носили всѣ его операций.

Дѣло въ томъ, что родственникъ мой принадлежалъ къ хорошему всѣмъ знакомому типу деревенскаго кулака. Но въ нашей мѣстности, на самомъ крайнемъ югѣ Россіи, деревенскій кулакъ—совсѣмъ не то, что представляетъ собою кулакъ средней или сѣверной полосы Россіи. Нашъ кулакъ и по названію не кулакъ, а комерсантъ; по существу-же своей власти, силъ и вліянія онъ является владѣтельнымъ княземъ прошлаго столѣтія, который зачастую распоряжается судьбою двадцати тысячъ человѣкъ. И притомъ его подданные не только платятъ ему всякаго рода налоги и оброки, не только отправляютъ въ его пользу всевозможныя натуральныя повинности, но и находятся постоянно въ задолжномъ состояніи, т. е. въ полномъ распоряженіи своего патрона, въ полной зависимости отъ его

воли относительно живота и смерти. Это скорѣе крѣпостные, чѣмъ подданные, или говоря народнымъ языкомъ, это — ка-бальныя.

Отличіе нашего кулака отъ великорусскаго бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на его наружность, а также на его житье-бытье. Прошло то время, когда нашъ кулакъ одѣвался если и не по-мужицки, то совершенно такъ, какъ одѣвается городская мелкота, заурядные мѣщане. Если теперь можно увидѣть сельскаго комерсанта въ длиннополомъ сюртукѣ, чуйкѣ или, поддевкѣ, то это—не болѣе, какъ анахронизмъ, явленіе отжившее свой вѣкъ и уцѣлѣвшее совершенно случайно. Большинство-же „комерсантовъ“ одѣто совершенно иначе: въ этомъ случаѣ тонъ „задаютъ“ приказчики и разные гешефтъ-махеры города Ростова, гдѣ „комерсанты“ бывають очень часто по своимъ дѣламъ. Одѣтые, такимъ образомъ, „по послѣдней модѣ“, наши комерсанты вполнѣ напоминають артистовъ гостиннаго двора, а еще чаще тѣхъ разнаго рода мазуриковъ еврейскаго происхожденія, которыми кишать наши южные портовые города и которые одѣты всегда въ сизо-буро-малиноваго цвѣта костюмъ.

Такимъ-же пзществомъ отличается и жилище „комерсанта“. Здѣсь вы не встрѣтите ни вони, ни грязи. Напротивъ, въ жилищѣ комерсанта чисто, свѣтло, просторно. Обыкновенно домъ комерсанта представляетъ собою громадное зданіе, со множествомъ комнатъ, въ которыхъ размѣщается непременно громадная семья комерсанта. Домъ этотъ напоминаетъ если не архитектурою, то величиною средневѣковые замки, въ которыхъ помѣщались, по существу дѣла, совершенно такіе-же грабители, какими являются современные рыцари—комерсанты.

Въ комнатахъ у комерсанта вы не встрѣтите ни сонниковъ, ни оракуловъ, а взамѣнъ ихъ найдете періодическія изданія. „Для семейства“ комерсантъ выписываетъ какое-нибудь изданіе „съ выкройками и модами“, а для себя ежемѣсячный журналъ и газету. Комерсантъ—ультра-либераль и потому

выписываетъ не „Русскій Вѣстникъ“ и даже не „Вѣстникъ Европы“, а „Дѣло“ или „Слово“ Изъ газетъ онъ тоже выбираетъ что-нибудь позабористѣе и выписываетъ „Русскій Курьеръ“ (можетъ быть, здѣсь играетъ роль и дешевизна газеты); а для воскресныхъ чтеній всему предпочитаетъ „Недѣлю“.

Либерализмъ комерсанта выражается не въ одномъ только выборѣ журнала и газеты, но и въ свободомыслии по поводу разнаго рода вопросовъ. Такъ, когда въ газетахъ появились извѣстія о голодѣ во многихъ мѣстахъ Россіи, да и подъ бокомъ у комерсанта стали пухнуть и умирать съ голоду калмыки, онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: „Отчего же это наше правительство не запретитъ на время голода вывоза хлѣба за границу? Вѣдь это на что же похоже: англичанъ да французовъ кормимъ, а свои мрутъ съ голоду“. И такого рода мысли онъ высказывалъ открыто, смѣло и безбоязненно. Да и чего ему было бояться? Заподозрить его въ политической неблагонадежности не можетъ никто: въ этомъ отношеніи его всегда охраняетъ самый родъ его занятій. Что же касается того, что проектируемая имъ мѣра можетъ повредить его собственнымъ интересамъ, такъ-какъ хлѣбная торговля приноситъ ему не малые барыши, то, во первыхъ, у него „колесо заведено широко“, имъ эксплуатируются всѣ отрасли народнаго труда, онъ беретъ всюду, гдѣ только можно, и потому временная пріостановка нажива на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ для него не значить ровно ничего и съ лихвою можетъ быть вознаграждена „налеганіемъ“ на другіе пункты; а, во вторыхъ, пріостановка вывоза хлѣба за границу не только не принесетъ комерсанту вреда, но прямо полезна ему: необходимость подавать хлѣбъ по прежнему будетъ висѣть надъ мужицкой головой, сбыта же хлѣба не будетъ; значить, цѣны на хлѣбъ падутъ, и его можно скупить, почему самому комерсанту заблагоразсудится, а потомъ, продержавши хлѣбъ въ амбарахъ во время пріостановки отпуска, продать его по тройной цѣнѣ. Вѣдь это какіе барыши!.. И комерсантъ громогласно либерализируется

„что же смотреть правительство? Помилуйте, у насъ голы!“...

Тоже свободомысліе обнаруживаетъ комерсантъ и по отношенію къ религіи. Въ церкви онъ бываетъ рѣдко: ходить въ нее часто начинаетъ считаться дурнымъ тономъ. Посты комерсантъ въ принципѣ отвергаетъ, но когда живетъ дома, то строго соблюдаетъ ихъ; на сторонѣ же, напримѣръ, въ Ростовѣ комерсантъ даже и не заикается о постахъ. Если, не смотря на такой либерализмъ въ религіи, въ домахъ комерсантовъ иногда по угламъ стоятъ чуть не иконостасы, то это вѣрный признакъ того, что у комерсанта живъ еще батенька, кулакъ предъидущей генераціи, обладавшій однимъ кабакомъ и своею кабацкою дѣятельностью положившій начало настоящему благосостоянію комерсанта: теперь этотъ батенька, много потрудившійся на своемъ вѣку, занимаясь „урываніемъ по грошику“, накопившій и много грѣховъ на своей кабацкой душѣ, отдыхаетъ и занимается спасеніемъ души—время отъ времени ѣздитъ къ угодникамъ, не пропускаетъ ни одной службы въ сельскомъ храмѣ и въ постные дни питается исключительно рѣдкой съ квасомъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ комерсантъ остается вѣренъ началамъ либерализма: онъ, учившійся на мѣдный грошъ, „вполнѣ сознаетъ пользу просвѣщенія“ и отдаетъ своихъ дѣтей въ гимназію, ограничивая, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, ихъ образованіе четвертымъ классомъ гимназіи. Сына комерсантъ отдаетъ въ гимназію за тѣмъ, чтобы тотъ „набойчился, наловчился, наметать руку въ счетъ“: „намъ греческій-то языкъ и даромъ не нуженъ“, основательно либеральничаетъ комерсантъ. Дочь комерсанта попадаетъ въ гимназію—каковъ прогрессъ! — для приобрѣтенія хорошихъ манеръ, „чтобы въ дѣвкахъ долго не засидѣлась“.

Чтобы кончить съ этою стороною характера комерсанта, стороною, не имѣющею прямого отношенія къ мужику, нужно еще сказать, что комерсантъ—человѣкъ мягкій, любитъ Аркадію, хотя тамъ и никогда не былъ, съ удовольствіемъ вспоми-

наеть старыя патріархальныя времена. „Прежде-то развѣ такъ жили?“ начинается свои сѣтованія комерсантъ, приступая къ шестому стакану чаю — мечтанія объ Аркадіи и сѣтованія на нынѣшнія времена обыкновенно происходятъ за чаемъ, который, къ слову сказать, „современные комерсанты“ пьютъ ничуть не меньше своихъ батенекъ:—прежде жили тихо, смирно, по-маленечку; а нынче хотятъ все сразу, чтобы тысячами. И мужики-то прежде были другіе, честные: потеряй прежде какую-нибудь вещь, ну, хоть, топоръ—иди на другой день въ сельское правленіе, непременно тамъ будетъ. Бывало, кто что гдѣ ни найдетъ, все въ правленіе принесетъ: приходи хозяинъ и получай... Ну, а нынче не то ужъ, ужъ въ правленіе не несутъ. Нынче ужъ потеряннаго не воротятъ... Нынче-то всякій наровитъ еще нарочно стянуть... Да что и говорить“...

Таковъ-то комерсантъ съ одной стороны. Но вотъ выйдите изъ дома комерсанта, гдѣ васъ такъ вкусно кормила его жена, на широкій дворъ, и предъ вами хоть отчасти откроется другая сторона характера и дѣятельности комерсанта, его отношенія къ мужику. Уже изъ одного бѣглаго осмотра двора вы чутьемъ поймете, что въ этихъ отношеніяхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ стрижка не овецъ, а людей.

Широкій, просторный дворъ. Онъ составился, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ мужицкихъ дворовъ, хозяева которыхъ „устранены“ куда-нибудь на окраину села, подальше отъ „торговой“ площади, хотя и по добровольному повидимому соглашенію съ комерсантомъ, но не безъ „содѣйствія“ сельскихъ властей. Весь дворъ заваленъ всякаго рода товарами, необходимыми въ сельскомъ быту. Вотъ груды ободьевъ, ступицъ и цѣлыхъ колесъ; вотъ цѣлая пирамида досокъ; деревянныя вилы и грабли стоятъ, упираясь другъ въ друга своими концами и образуя конусъ; вотъ ящики съ кабадкою посудою; громадная куча кирпичей; желѣзныя полосы, оси, оглобли, кули, рогожи, скорняжныя надѣлія и многое, многое другое. Все это лежитъ и ждетъ покупателя. А покупатель, т. е. мужикъ, совершенно незамѣтно для себя такъ и притягивается на этотъ

соблазнительный дворъ: вѣдь мужику нужно и то, и другое—то ось перетирается, нужна новая, то въ грабляхъ недостатокъ—ну, какъ тутъ не зайти хоть посмотрѣть на добро, сваленное на широкомъ дворѣ. А зашелъ, ужъ и не хочется уходить съ пустыми руками. И тогда разыгрываются обычныя въ нашихъ селахъ сцены, свидѣтелемъ которыхъ можетъ быть всякій, попавшій къ комерсанту въ гости. Сидите вы съ комерсантомъ на балконѣ, выходящемъ на дворъ, и бесѣдуете, наприимѣръ, о земствѣ. Подходить мужикъ, облюбовавшій на дворѣ ось или оглоблю, или желающій получить какой-нибудь товаръ изъ лавки, или, наконецъ, желающій „раздавить“ полуштофчикъ съ пріятелями, и, снимая шапку, говорить:

— Миколаичъ! а, Миколаичъ!

Но комерсантъ словно не замѣчаетъ мужика и продолжаетъ свою рѣчь:

— Теперь вотъ купить этотъ дворъ у мужиковъ мы не можемъ, потому земля пока считается государственная, а не общественная. Ну и платимъ мы обществу каждый годъ по гривеньяку за сажень. А какъ начнется земство, земцы эти самые и подобьютъ мужиковъ: „берите, скажутъ, съ нихъ по три рубля за сажень!..“ И будешь платить—ничего не подѣлаешь...

— Миколаичъ! слышь, Миколаичъ!..

— И мужикъ теперь... Зачѣмъ ему на земство лишній расходъ несть? Есть у насъ и посредникъ, и исправникъ, и становые—они до всего досмотрятся и безъ земства...

— Да Миколаичъ!...

— А, это ты, Митрій?

— Я...

— Ну, что тебѣ?

— Ды вотъ оську-бы...

— Оську! А ты знаешь, сколько тамъ за тобою записано?

— Ды ты записывай: отдадимъ...

— Много ты отдашь... Повѣрите-ли, обращается къ вамъ комерсантъ, за мужиками у насъ нѣсколько десятковъ тысячъ

ну, а если бы кто сейчас намъ отдалъ половину, даже четверть, всё дѣла тому сейчасъ же уступимъ: получай съ мужиковъ самъ, какъ знаешь... Вѣдь эти хropy—какой народъ: нѣтъ въ нихъ капли стыда, ни благодарности... Былъ у насъ пожаръ: вонъ та сторона вся сгорѣла, дворовъ триста, какъ не было. Ну, мы тогда на каждый дворъ по деревянной чашкѣ дали, да тысячи полторы деревянныхъ ложекъ роздали... И что же вы думаете: никто даже спасибо не сказалъ!... А иной разъ, какъ подопьютъ, да разхрапятся: „вы, говорятъ, на нашихъ хребтахъ хоромы-то выстроили!“...

— Такъ какъ-же, Миколаичъ? дашь ось-то? перебилъ расходившагося комерсанта мужикъ.

— А вотъ какъ: ты много-ль овецъ-то весною пригналъ?

— Три штуки.

— Ну, вотъ видишь! А прежде по десятку пригонялъ...

— Да овечка-то у насъ, Миколаичъ, зимою попадала: негдѣ взять...

— Стало быть, зимній долгъ за тобой остался почти весь, а ты еще хочешь набирать... Нѣтъ, братъ, не дамъ... Чѣмъ ты отдашь? Хлѣба ты сѣялъ мало...

— Ды какъ-нибудь, Миколаичъ, справимся...

— Не дамъ, и не заикайся... Пожалуйте въ горницу, чайку выпьемъ...

— Да, Миколаичъ, ѣздить не на чѣмъ...

— И не говори, не дамъ...

Балконъ пустѣетъ. Мужикъ плюетъ, надѣваетъ шапку и потихоньку ругается:

— Ишь, идошь! пропасти на тебя нѣтъ... Ну, теперь што-жь? Къ старшему рази?

И идетъ къ старшему брату комерсанта. Это оказывается добрѣе. Черезъ четверть часа мужикъ идетъ домой съ осью, а за прилавкомъ бакалейной лавки прикащикъ заноситъ въ долговую книгу на листѣ, посвященномъ Егору Макарову: „Ось дубовая—2 руб.“ Эта долговая книга и составляетъ центръ той „системы“, того „колеса“, посредствомъ котораго комерсантъ „выжимаетъ“ изъ мужи-

ковъ „соки“. Книга эта самая обыкновенная, „прихода-расходная“ книга, засаленная, загрязненная. Въ нее занесены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ должники комерсанта. Каждому изъ нихъ удѣлены двѣ страницы: на одной записаны долги, а на другой—уплата. На первой фигурируютъ: гвозди, хомуть, косушки, доски, полуштофы, орѣхи, ведра и проч.; на второй—овцы, шерсть, пшеница, овесъ и проч. Чтобы понять все значеніе этой засаленной книги, нужно поближе присмотрѣться къ самому „колесу“, „системѣ“ комерсанта. „Система“ эта очень нехитрая.

У комерсанта есть одинъ или нѣсколько кабаковъ, иногда даже спиртовой складъ; непременно есть бакалейная лавка, затѣмъ у него весь дворъ заваленъ товаромъ. Такимъ образомъ, у него есть все, что только покупаетъ мужикъ, все, въ чемъ мужикъ нуждается. Все это мужикъ получаетъ отъ комерсанта въ долгъ. Торговля на наличныя деньги производится комерсантомъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Само собою, что комерсантъ не забываетъ себя и кладетъ на всѣ товары, отпускаемые мужику въ долгъ, особый—и очень не малый—„процентикъ“ за „одолженіе“. Долги мужика увеличиваются еще тѣмъ, что онъ беретъ у комерсанта деньги на уплату податей, а также на плату священнику за совершеніе требъ. Уплачиваетъ долги комерсанту мужикъ не деньгами, а своими произведеніями. Весною онъ гонитъ на дворъ комерсанта овецъ; лѣтомъ туда же тащить овечью шерсть, осенью везетъ разнаго рода зерно. Просторные амбары и сараи, окружающіе со всѣхъ сторонъ дворъ комерсанта, принимаютъ въ себя все мужицкое добро. Огромные вѣсы, стоящіе предъ дверьми амбаровъ, взвѣшиваютъ все, что мужикъ доставляетъ на дворъ комерсанта. Многочисленная дворня комерсанта, „парни“, работники и прикащики, общее число которыхъ у наиболѣе видныхъ комерсантовъ достигаетъ полусотни, принимаютъ все, привезенное мужикомъ, и честно и благородно все взвѣшиваютъ и мѣряютъ. Комерсантъ не прибѣгаетъ къ мелкимъ способамъ наживы—обвѣшиванію, обмѣриванію, утайкѣ, принципѣ долга.

Да и зачѣмъ ему прибѣгать къ такимъ хлопотливымъ и небезопаснымъ способамъ когда въ его распоряженіи есть способъ вполне безопасный? Вѣдь цѣны на отпущенные мужику предметы назначаетъ онъ по своему усмотрѣнію: понятно, что онъ не перемонится увеличивать ихъ до невозможнаго. Онъ же назначаетъ цѣны и на доставленные мужикомъ продукты, причемъ цѣны падаютъ низко опять-таки до невозможнаго.

— Нельзя, братецъ, иначе, говоритъ комерсантъ какому-нибудь мужику, вздумавшему заявить неудовольствіе по поводу слишкомъ низкой цѣны, по которой комерсантъ принялъ отъ него пшеницу: вѣдь, я въ убытокъ себѣ беру. Ты, вѣдь, не знаешь, почему въ Ростовѣ-то пшеница—5 рубликовъ, а я беру за шесть... Такъ вотъ, надѣюсь, что цѣны въ Ростовѣ подымутся. А какъ не подымутся, и пропадешь... А ты толкуешь: дешево...

Почешетъ мужикъ голову, почешетъ, да и уйдетъ: шутъ его знаетъ—не то вретъ, не то правду говоритъ... Можетъ въ Ростовѣ пять рублей цѣна, а можетъ и пятнадцать. Хрянецъ ихъ разберетъ!...

А комерсантъ вечеромъ потираетъ руки отъ дешевой покупки и, соображая предстоящіе барыши, обходитъ дворъ, зорко высматривая, вездѣ ли спущены злыя, громадныя собаки, вездѣ ли въ надлежащихъ пунктахъ сидятъ работники, и бодрствуетъ ли сторожъ...

Въ послѣднее время комерсанты стали дѣлаться и землевладѣльцами и начинаютъ, кромѣ ростовщической и торговой эксплуатаціи, эксплуатировать мужика еще въ качествѣ помещиковъ, эксплуатировать мужицкій трудъ. Частнаго землевладѣнія въ нашей мѣстности никогда не было. Была земля мужицкая, казачья, кочующихъ народовъ и государственная. Но въ послѣднее время изъ массы государственныхъ земель не малое количество ихъ раздано военнымъ и чиновникамъ, служившимъ на Кавказѣ. Вотъ эту-то пожалованную землю и покупаютъ наши комерсанты. Купленную землю они частью

сдають мужикамъ, конечно, въ долгъ, а частью обрабатываютъ сами при помощи задолженнаго труда.

II. Овечья часть.

Вотъ у такого-то комерсанта я и жилъ прикащикомъ по „овечьей части“. Комерсантъ былъ изъ крупныхъ, „колесо у него было заведено широко“, онъ положительно былъ „бичемъ божимъ“ для цѣлой округи. „Овечья часть“, какъ впрочемъ и всѣ другія отрасли его дѣятельности, была у него разработана такъ обстоятельно, какъ ни у кого другаго изъ сосѣднихъ комерсантовъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ въ нашей мѣстности не было мужицкаго двора, который не имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, десятка овецъ. Теперь же мѣстные статистики вдругъ открыли удивительный фактъ, что болѣе половины крестьянскихъ дворовъ не имѣютъ даже по одной овечкѣ. Причина такого ужаснаго регресса въ народномъ благосостояніи заключается не въ эпизоотіяхъ, которыя у насъ еще никогда не были губительно-сильны, не въ недостатокѣ земли, которой у насъ видимо-невидимо, а исключительно въ дѣятельности господъ комерсантовъ.

Дѣятельность эта, поскольку она имѣетъ отношеніе къ истребленію мужицкихъ овецъ, распадается на три части: пріемка, выпасъ и сбытъ овецъ. Я собственно принималъ участіе только въ среднемъ моментѣ — выпасѣ, но мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ и начального и конечнаго момента; поэтому я постараюсь изобразить всѣ три момента.

Рано весной—если Пасха поздняя, то до Пасхи, а если ранняя, то на самую Пасху—въ лавкахъ, питейныхъ заведеніяхъ и просто на дворахъ комерсантовъ появляются мужики, всѣ съ однимъ вопросомъ:

— Когда принимать овецъ-то будете?

Узнавши назначенный день, мужики осторожно приступают къ щекотливому вопросу о цѣнѣ:

— Ну, а почему? цѣна-то какая?

— Два семьдесятъ пять.

Мужики почешутся и молчатъ. Наконецъ, одинъ, посмѣявше, говоритъ:

— А, вѣдь, цѣна-то обидная... Маловато, Миколаичъ...

— Ну, братъ, для тебя не стану перебивать цѣну: что всѣмъ, то и тебѣ... А'коли кажется дешево, не хочешь по той цѣнѣ сдать, сдѣлай милость, гони овецъ къ Васильеву: онъ, глядишь, и подороже дастъ...

Мужикъ умолкаетъ. Онъ отлично понимаетъ, что комерсантъ издѣвается надъ нимъ, совѣтуя гнать овецъ къ Васильеву, что гнать ему никуда нельзя. кромѣ какъ къ тому же комерсанту, своему кредитору. Дѣло въ томъ, что комерсанты, въ томъ случаѣ, когда ихъ въ одномъ селѣ нѣсколько, во избѣжаніе конкуренціи, мирно дѣлятъ всѣхъ мужиковъ между собою и каждый спокойно и независимо эксплуатируетъ свою парашу. Попы, когда ихъ бываетъ въ селѣ двое, для совершенія требъ и для полученія доходовъ, дѣлятъ село на парафин. Комерсанты, подражая имъ, обратили парафинъ въ парахи. Раздѣливши между собою мужиковъ, комерсанты уже не имѣютъ права продать что-либо въ долгъ мужику изъ чужой парахи или купить что-либо изъ его произведеній. Въ этомъ отношеніи они соблюдаютъ честь. Такая непрерывная стачка господъ комерсантовъ продолжается даже въ случаѣ ихъ взаимной жоры. Какъ бы они ни были сердиты другъ на друга, имѣть дѣло съ чужимъ мужикомъ они не станутъ. Мужикъ поневолѣ долженъ брать все ему необходимое у одного и того же комерсанта и ему же принужденъ продавать всѣ свои произведенія. Когда черезъ нашу мѣстность была проведена желѣзная дорога, и на ея вокзалахъ появились агенты ростовскихъ купцовъ, мужики близлежащихъ селъ и станицъ иногда осмѣливаются возить свои произведенія прямо на вокзалы и продаютъ агентамъ. Но если эти смѣлые мужики не принадле-

къ числу тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которые до сихъ поръ не попали въ кабалу, до сихъ поръ принадлежали комерсантамъ, то они принуждены свои паша, добыты кровавымъ трудомъ, везти на вокзалъ, тайкомъ, чтобъ не узнать комерсанта...

Въ назначенный день на дворъ комерсанта со всѣми овецъ стоняются овцы. Самъ комерсантъ съ своими помощниками встрѣчаютъ гостей, щупаютъ ихъ, всесторонне испытываютъ ихъ годность и затѣмъ однихъ бракуютъ, а другихъ принимаютъ. Приемка длится одни или двое сутокъ, конечно, не обходится безъ угощенія, ставимаго, впрочемъ, въ угощаемымъ. Окончивъ приемку овецъ въ своемъ комерсантъ,—если онъ изъ крупныхъ,—ѣдетъ самъ или посылаетъ приказчиковъ въ сосѣднія села, гдѣ у него такъ много должники, произвести приемку и тамъ. Вообще можно сказать, что новѣйшая генерация комерсантовъ пренебрегаетъ такимъ невзячнымъ дѣломъ, какъ щупанье овецъ, прелезя это приказчикамъ и работникамъ и ограничиваясь каньемъ на счетахъ да записываньемъ въ книгу числа принятыхъ овецъ.

Въ послѣднее время слышатся со стороны комерсантовъ жалобы на то, что мужики стали мало пригонять овецъ на приемку.

— Бывало, три-четыре отары въ своемъ селѣ соберутъ, вынче дай Богъ собрать одну...

— Куда же у мужиковъ дѣлись овцы? спрашивали комерсанты.

— Куда? пропали—вотъ куда...

Мужикъ и пьяница—эти слова, на взглядъ комерсантовъ синонимы.

Обирая мужиковъ каждую весну, комерсанты почти совершенно уничтожили мужицкое овцеводство, и теперь, по невозможности набирать по прежнему по нѣсколько отар мужицкихъ овецъ, стали заводить постоянныя отары, преимущественно мериносовъ. Обираніе мужицкихъ овецъ идетъ,

Во времени приѣмки овецъ производится и наемъ чабановъ. Чабанъ — это крайне своеобразный мужицкій типъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подальше.

Въ нашей мѣстности чабаны дѣлятся на россійскихъ и мѣстныхъ. До послѣдняго времени россійскіе считались опытнѣе мѣстныхъ и потому предпочитались послѣднимъ. Но въ настоящее время мѣстные чабаны начинаютъ брать верхъ надъ россійскими.

Россійскіе чабаны—частью Черниговской губерніи, частью Воронежской. Они частью сами приходятъ наниматься въ нашу мѣстность, частью за ними ѣздятъ нанимать ихъ на мѣстѣ приказчики богатыхъ овцеводовъ.

Плата, получаемая чабанами, не особенно высока. Есть, правда, чабаны, получающіе по 600 рублей въ годъ. Но такихъ счастливецъ немного, не болѣе десятка во всей нашей мѣстности: это замѣчательные специалисты своего дѣла, которыми крайне дорожатъ богачи-овцеводы. Большинство же чабановъ получаетъ отъ 60 до 120 рублей за 6—7 мѣсяцевъ, отъ апрѣля до октября. Но и эту плату получаютъ только такъ называемые старшіе; подручные же или поднаски, которыхъ при отарѣ (около 1,500 овецъ) полагается двое, и кашеваръ получаютъ еще менѣе—около 45 рублей. Кромѣ денежной платы, всѣ они получаютъ еще матеріальное вознагражденіе—нѣсколько овечьихъ шкуръ на поршни и зипунъ. Само собою разумѣется, что кормятся чабаны во все время работъ на хозяйскій счетъ.

Положеніе мѣстныхъ чабановъ, которые обыкновенно или выходятъ изъ большихъ семей, остальные члены которыхъ ведутъ полное полевое хозяйство, или являются безсемейными одиночками, довольно удовлетворительно. Не знаю, каково положеніе чабановъ Черниговской губерніи: по словамъ г. Червинскаго ¹⁾, оно не особенно завидно. Что касается чабановъ.

¹⁾ «Отч. Зап.» 1880, № 6 и 7, «Экономическія свѣданія».

Воронежской губерніи, то все то, что мнѣ извѣ-
рисуеть ихъ положеніе въ самыхъ мрачныхъ кра-
яхъ.

Однажды, въ началѣ декабря, мнѣ пришлось
ѣздить дорогой изъ Воронежа въ Козловъ. Сосѣд-
скому вагону оказался прикащикъ одного богатаго донскаго
помѣщика. Мы разговорились. Онъ ѣхалъ въ Нижній и по-
казалъ въ нѣкоторыя села Воронежской губерніи,
гдѣ повально всё промышляютъ чабанствомъ.
Сказовъ предо мною возникла ужасная картина не-
счастныхъ семей. Дѣло въ томъ, что чабаны, уходя на
зиму часть осени далеко отъ родины, оставляютъ во-
звѣстиво на однихъ бабъ, а чаще и совершенно
передать свою полосу болѣе зажиточному одно-
сельцу, всѣмъ запустивъ ее. Такимъ образомъ, содержаніе
вмѣстѣ съ уплатою податей, падаетъ на тотъ за-
житочный получаетъ чабанъ и который, равняясь 50
оказывается, конечно, крайне недостаточнымъ.
оказывается слѣдующее: чабанъ, получающій отъ
зимомою задатокъ, равный трети или даже полови-
ны платъ, и затѣмъ берущій деньги нѣсколько р-
убль, въ концѣ концовъ оказывается перебраннымъ
сверхъ жалованья. Излишекъ переносится на слѣ-
дующій, такимъ образомъ, чабанъ поневолѣ долженъ
тому же овцеводу. Съ каждымъ годомъ долгъ все
болѣе дѣлается, наконецъ, неоплатнымъ. Чабанъ
кабалу, будучи обязанъ каждую весну являть-
ся и тому же хозяину. Иногда такая каба-
ла даже на второе поколѣніе, дѣлаясь наследствен-
но, враждаясь, такимъ образомъ, въ настоящую крѣ-
пость...

Прикащикъ ѣздилъ по селамъ „задавать“ зада-
ныя сцены, которыя онъ видѣлъ, были такъ
жестокими о такой безысходной нищетѣ, что да-
же чье сердце, загрубѣвшее въ стремленіи къ на-
богатѣть, и онъ чуть не плакалъ, передавая мнѣ эти

наприѣръ, одна изъ нихъ. Въ избѣ за столомъ сидятъ нѣсколько дѣтей съ ложками, на столѣ стоитъ чашка съ снѣгомъ: больше ничего, одинъ снѣгъ. Дѣти черпали ложками снѣгъ и ѣли. Прикащикъ обратился къ матери, бывшей тутъ же въ избѣ, съ вопросомъ, что это значигъ. Она объяснила ему, что нѣтъ нечего, что дѣти голодны, что мужъ пошелъ раздобыться мучицей, и вотъ въ ожиданіи его она пытается хотя нѣсколько обмануть голодные желудки дѣтей, устроивъ для нихъ комедію ѣды...

Въ послѣдствіи мнѣ пришлось услышать подтвержденіе словъ прикащика отъ самихъ чабановъ. Самому мнѣ побывать въ Воронежской губерніи не удалось, но тѣмъ не менѣе я думаю, что прикащикъ сообщилъ мнѣ одну правду...

Такое бѣдственное положеніе тѣмъ ужаснѣе, что оно постигаетъ не заурядныхъ мужиковъ а знатоконъ своего дѣла, специалистовъ, хотя въ интеллигентной средѣ специалистовъ, наоборотъ, не житье, а масляница. А мы сейчасъ увидимъ, какіе замѣчательные специалисты чабаны.

Подручные — это кандидаты на старшаго. Типичными фигурами остаются старшой и кашеваръ.

Старшой—это мужикъ ученый, это представитель деревенской интеллигенціи. Онъ знаетъ такъ много, сколько не знаетъ ни одинъ ученый овцеводъ, ни одинъ ветеринаръ. На отвѣтственности старшаго лежитъ цѣлость отары; онъ долженъ уиѣть выпастъ ее, такъ чтобы каждая овца обросла жиромъ. Сообразно съ этимъ, старшой облакается диктаторской властью какъ надъ отарой, такъ и надъ подручными и кашеваромъ. Онъ дѣлаетъ все, что хочетъ и какъ хочетъ, и никто, даже самъ хозяинъ, не имѣетъ права вмѣшиваться въ его распоряженія.

Старшой долженъ знать, какія травы особенно любить овца, какія особенно ей полезны, отъ какихъ она особенно жирѣетъ. Есть трава молочай: когда оторвешь отъ нея листъ или переломимъ стволъ, изъ ранки выступаетъ густое молоко. Вкусъ этой травы—отвратительно-горькій; а между тѣмъ эта трава—

любимое овечье кушанье. Есть и много других трав: пырей и т. п. Все это старшой овцамъ знать. Особенно много знаній и умѣнья нужно овецъ и кормленію ихъ солью. Если напоить отару вѣтромъ, то всѣ овцы могутъ переколѣть. Иногда случается, что старшой дня три не даетъ воды овцамъ, кормя ихъ вѣтромъ. Это изобильно солью: казалось-бы, это незлѣпо, а между тѣмъ старшой такимъ способомъ старшой охраняетъ отару отъ эпизоотіи. Соль составляетъ важную часть ухода за овцами и содѣйствуетъ ослѣпленію овецъ и кромѣ того спасаетъ ихъ отъ болѣзней. Во время эпизоотіи опытный старшой незамѣтно приноситъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ ветеринарный врачъ. Мнѣ приходилось наблюдать фактъ такого рода: въ то время какъ въ одной отарѣ, при которой старшимъ былъ мажорантъ чабанъ, падало во время эпизоотіи около пяти овецъ въ день; въ другой, пасшейся рядомъ отарѣ, благодаря опытности старшого, уронъ не превышалъ пяти овецъ. Отъ эпизоотическихъ болѣзней, старшой успѣшно борется противъ обыкновенныхъ овечьихъ немочей. Немочи эти, впрочемъ, крайне просты: червь заведется, кружится овца начнетъ, болеть и т. д. Лекарства отъ этихъ болѣзней тоже очень просты: обыкновенно скипидаръ, иногда селитра и сѣра. Скипидаръ намазываютъ больныя части тѣла, селитру и сѣру примѣшиваютъ къ соли и даютъ внутрь. Есть и еще напасты, отъ которыхъ старшой долженъ уметь спасти отару: укусы, напр., отъ овецъ онъ приложитъ какую то травку—и овца выздоровѣетъ. Если поидетъ дождь—у неопытнаго старшого у овецъ загниютъ попы, опытный ухитряется какимъ-то образомъ избѣгать этого. Да, много и очень много знаютъ старшіе: они, напримеръ, умѣютъ узнавать погоду на три дня впередъ...

Кашевары—тоже знатоки своего дѣла. Сфера ихъ дѣятельности ограничивается арбою, быками, собаками и конями. Арба—крытая повозка, специально приспособленная для перевозки овецъ. Особенность ея составляютъ многочисленные шпички, торчащие на всѣхъ ея стѣнкахъ, да колышки, торчащие в

рышею. Какъ въ самой арбѣ, такъ и въ мѣшечкахъ, хранится ровизія—мука, сахаръ, пшено, свиное сало. Въ арбѣ же хранится одежда чабановъ, соль для овецъ, вещества, служащія лекарстами для овецъ и т. п. Въ мѣшечкахъ торчатъ разнообразные ножи, служащіе какъ для обыкновенныхъ цѣлей—рѣзки хлѣба и мяса, такъ и для спеціальныхъ—сдиранія кожъ въ павшихъ и съѣденныхъ чабанами овецъ и отдѣлки этихъ кожъ. Последнимъ дѣломъ обязательно долженъ заниматься кашеваръ, который развѣшиваетъ для просушки содранныя кожи на колышки, торчащіе надъ арбой. Надъ арбой же кашеваръ выставляетъ на длинныхъ пестахъ, на всѣхъ четырехъ углахъ арбы, пучки ковыля, который служитъ своего рода эмблемой чабанства. По этимъ бѣлымъ пучкамъ еще издали можно узнать чабанскую арбу.

Для возки арбы за отарою, а также воды для питья чабанамъ и на вареню, кашевару дается пара быковъ. Быки выбируются слабые, нигуда негодные. Кашеваръ обязанъ выхолить ихъ за лѣто. И въ этомъ отношеніи кашевары дѣлаютъ просто чудеса: полудохлыя животныя, едва волочившія ноги, дѣлаются въ концу лѣта сильными, мускулистыми, стоящими втрое сильнѣе противъ своей прежней цѣны.

Но главная обязанность кашевара состоитъ въ продовольствованіи чабановъ и собакъ, охраняющихъ отару отъ волковъ. Собаки, конечно, питаются облѣдками. Что касается пищи чабановъ, то приготовленіе ея разработано кашеварами очень тщательно. Изъ самыхъ простыхъ матеріаловъ кашеваръ приготовливаетъ такія вкусныя кушанія, о которыхъ въ городѣ и мечтать нельзя. Кушанья эти очень просты и неразборчивы; собственно чабанскихъ кушаньевъ существуютъ два—коржи и каша. Коржи—это маленькіе хлѣбы, замѣшанные и поджаренные на сѣтѣ. Каша чабанская—полужидкая, густая; въ нее кладутся и въ ней варятся куски баранины... Кроме того, въ нее же крошатся сухари. Вечеромъ, около костра, въ степи, при полной тишинѣ, эти незатѣйливыя ча-

банскія кушанья кажутся несравненно вкуснѣе всего того, что придумало городское кулинарное искусство...

Чабаны питаются не только вкусно, но и сытно. Главная составная часть ихъ пищи—баранина. Они и мѣютъ право рѣзать столько ягнятъ, сколько имъ понадобится для пищи, и, надо правду сказать, чабаны широко пользуются этимъ правомъ. Они такъ отгѣдаются къ осени, что ихъ трудно бываетъ узнать.

Жизнь чабановъ вообще болѣе или менѣе спокойная. Идти тихимъ шагомъ за отарой да помахивать ярлыго й (палка съ крючкомъ)—совсѣмъ не то, что пахать или косить. Но вотъ бѣда, когда идутъ дожди, которые въ нашей мѣстности часто продолжаются по нѣскольку сутокъ подъ рядъ: промокшіе до костей, иззябшіе, чабаны должны еще всячески хлопотать около овецъ... Другая бѣда—безводіе нашихъ степей: иногда приходится рыть очень глубокіе колодцы и доставать изъ нихъ воду для цѣлой отары... Въ общемъ, впрочемъ, трудъ чабановъ несравненно легче труда земледѣльцевъ...

Живя нѣсколько лѣтъ съ чабанами, я старался, по мѣрѣ возможности, заглянуть въ ихъ души. Проводя половину жизни въ степи, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ людей, они не могли не поддаться вліянію природы. Они привыкли къ степямъ, къ уединенной жизни, вдали отъ всѣхъ дразгъ, ссоръ, хлопотъ и заботъ—семейныхъ и мірскихъ; пользуясь значительнымъ досугомъ, они спокойно, философски взирали на все, совершающееся въ оставленныхъ ими селахъ и семьяхъ. Въ хорошую погоду вокругъ костра они дебатировали всякіе вопросы общественной и семейной жизни в рѣшали ихъ безпристрастно, хладнокровно. Но еще чаще затрогивались вопросы, относящіеся къ внѣшней природѣ. Съ большимъ удовольствіемъ слушали чабанамон рассказы изъ астрономіи, физиологіи растений, анатоміи и физиологіи человѣка и т. п. Вообще чабаны очень любознательны и любятъ задавать массу разнообразныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, желая сами вычитать все изъ книгъ, стать к и в г о ч е т а м и, учатся въ степи, при отарѣ, грамотѣ

у грамотныхъ товарищей. Бывали случаи, что чабаны выучивались читать по пѣсеннику. Когда я однимъ лѣтомъ привезъ нѣсколько экземпляровъ „азбук-копѣйки“, чабаны расхватили ихъ у меня — почти всѣ, бывшіе безграмотными, засѣли за „учебу“.

Живя 6 — 7 мѣсяцевъ почти безотлучно въ степи, бывая дома не болѣе двухъ, трехъ разъ за это время, и то на короткій срокъ, чабанъ совершенно отвыкаетъ отъ исполненія религиозныхъ обрядовъ и формальностей и дѣлается крайне равнодушнымъ къ религіи. Постовъ чабаны никакихъ не соблюдаютъ, шутливо называя баранину „святой рыбкой“. Въ церковь чабанъ не ходитъ даже и тогда, когда живетъ дома, т. е. зимою. Если же иногда и можно увидѣть чабана въ церкви, то на вопросъ, что это значитъ, онъ отвѣтитъ: „жена пригнала: что съ ней подѣлаешь“?

Разобщенность съ семьею, причемъ чабану случается „баловать“ съ чужими бабами, дѣлаетъ чабановъ довольно равнодушными къ семейной жизни и ея радостямъ. Зимніе мѣсяцы, которые чабанъ принужденъ проживать въ семьѣ, кажутся ему скучными и тянутся для него слишкомъ долго: его душа рвется на широкій просторъ степей, въ кругъ сродныхъ ему по душѣ товарищей...

Также равнодушно относится чабанъ и къ „мірскимъ“ дѣламъ. Никакой связи съ „мірскими“ дѣлами у него нѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ не занимается земледѣіемъ. И не удивительно, что чабана никогда не увидишь на сходѣ.

Но за то въ чабанахъ сильно развито чувство товарищества. Небольшая группа въ четыре человекъ — число чабановъ при отарѣ никогда не бываетъ больше четырехъ, — если она не сложилась искусственно, по настоянію хозяина и противъ воли самихъ чабановъ, составляетъ между собою тѣсный союзъ, представляющій внушительную для хозяина силу. Мнѣ приходилось видѣть, какъ чабаны, обиженные несправедливостью хозяина къ одному изъ нихъ, мстили ему тѣмъ, что продавали овецъ жителямъ тѣхъ селъ и хуторовъ, мимо которыхъ проходила отара.

Въ иныхъ мѣстахъ они продавали одно мясо, представляя хозяину шкуры, будто бы снятыя съ павшихъ овецъ; въ другихъ—продавали прямо живыхъ овецъ, а хозяину говорили, что они зарыли трупы вмѣстѣ съ кожами, такъ какъ овцы будто бы пали отъ заразной болѣзни. Хозяинъ подозрѣвалъ, что дѣло не чисто, но не имѣя ясныхъ уликъ, не рѣшался предпринять что-либо рѣшительное. Желая узнать что-нибудь, онъ по очереди искушалъ всѣхъ чабановъ разными соблазнительными предложеніями, требуя отъ нихъ открытія истины. Но всѣ четверо чабановъ стойко стояли на томъ, что овцы падаютъ, и продолжали продавать ихъ. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не загладилъ своей несправедливости по отношенію къ обиженному чабану: тотчасъ-же падежъ прекратился.

Чтобы покончить съ характеристикой чабановъ, укажу еще на одну интересную черту: при отарѣ чабаны почти никогда не пьютъ, случая, когда чабанъ напивается пьянъ при отарѣ, являются рѣдкимъ исключеніемъ и строго порицаются самими чабанами. Только когда къ отарѣ пріѣзжаетъ хозяинъ, онъ привозитъ съ собою водку, причемъ, однако, на долю каждаго чабана приходится не болѣе двухъ—трехъ рюмокъ. Но совсѣмъ другое дѣло, когда чабаны живутъ дома: тутъ они пьютъ, здорово пьютъ, а нѣкоторые дѣлаются прямо горькими пьяницами на все время пребыванія дома....

Вотъ съ такими-то людьми мнѣ и приходилось прожить нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ.

Обязанности мои состояли въ томъ, чтобы „покупать траву“. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже сказалъ, до послѣдняго времени въ нашей мѣстности частнаго землевладѣнія не было, да и явившееся въ настоящее время частное землевладѣніе еще пока крайне ничтожно, сравнительно съ землевладѣніемъ мужицкимъ, общиннымъ. Поэтому господа комерсанты принуждены для выпаса своихъ отаръ нанять мужицкіе луга и атабу, а въ концѣ лѣта и осенью—жнивья. Наемъ этотъ производится при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ. Обыкновенно

дается взятка сельскому старостѣ, или ставичному атаману, писарю и нѣсколькимъ старикамъ; кромѣ денежнаго вознагражденія, всё упомянутыя лица требуютъ еще угощенія — „самоваръ“ и водки. Затѣмъ фабрикуется приговоръ сельскаго или станичнаго общества объ отдачѣ такому-то комерсанту за ничтожную плату гром дныхъ степныхъ пространствъ подъ выпасъ овецъ....

Такъ-какъ овцы быстро съѣдаютъ траву, то мнѣ приходилось почти еженедѣльно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, отъ села къ селу, снимая все новые участки травы или жнивья. Въ этихъ поѣздкахъ, сталкиваясь съ самыми разнообразными представителями деревни, я увидѣлъ много крайне интересныхъ вещей... Но объ этомъ—въ слѣдующей главѣ, а теперь кончу объ „овечьей части“.

Составленные, такимъ образомъ, изъ мужицкихъ овецъ, выпасенныя на мужицкой землѣ, отары, состоящія къ концу „овечьаго сезона“ изъ страшно ожирѣвшихъ овецъ, отправляются комерсантами на убой въ Ростовъ, а иногда убиваются и на мѣстѣ. Мясо овецъ солится и продается въ этомъ видѣ очень дешево. Но за то сало и кожа съ лихою вознаграждаютъ комерсантовъ.

Подводя итогъ „овечьей части“, нужно сказать, что она разорительна для края не только потому, что уничтожаетъ мужицкое овцеводство, но также и потому, что этимъ путемъ мужицкія поля лишаются питательныхъ веществъ. Послѣднее присуще, впрочемъ, и всей дѣятельности комерсантовъ, которая въ концѣ концовъ сводится къ вывозу изъ нашей мѣстности громаднаго количества сырыхъ продуктовъ — зерна разнаго рода, скота, шерсти, кожъ, сала и т. п. Взаимнѣ питательныхъ веществъ, вывезенныхъ въ видѣ сырыхъ продуктовъ, почвѣ не возвращается ничего, такъ какъ у насъ совершенно неизвѣстно удобреніе полей. Отсюда неурожай и хлѣба, и травъ, еще большее обѣдненіе населенія, еще большее закабаленіе его господамъ комерсантамъ...

III. Деревня.

Первые годы, прожитые мною въ деревнѣ, я только и дѣлалъ, что восхищался. Восхищался какъ всѣмъ строемъ деревенской жизни, такъ и его частностями. Причинъ такого моего отношенія къ деревенской жизни было много. Во первыхъ я родился и выросъ въ городѣ, и притомъ въ средѣ, гдѣ всего больше преобладаютъ принципы—„процентъ“, „не обманешь—съ голоду помрешь“ и т. п., словомъ въ коммерческой средѣ. Въ деревнѣ-же можно было, напримѣръ, будучи въ полѣ, рвать гдѣ хочешь арбузы, дыни, огурцы—и никто за то слова не говорилъ. Въ деревнѣ совершенно не понимали слова „процентъ“, да и самое понятіе, соотвѣтствующее этому слову, какъ-то отсутствовало, хотя въ городскихъ умахъ оно было ясно до излишества. Въ деревнѣ, въ противоположность городу, говорили: „обманомъ не проживешь“, „совѣсть“—не порогъ, чрезъ нее не переступишь“, „на міру съ голоду не помрешь“ и т. п. Словомъ, контрастъ, между городомъ и деревней, контрастъ, въ которомъ всѣ преимущества были на сторонѣ деревни (по крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ тогда), поразилъ меня и невольно заставилъ полюбить деревню. Второю причиною моихъ восхищеній была моя молодость, моя неопытность. Я многого не замѣчалъ, многое пренебрегалъ, наконецъ, былъ склоненъ видѣть вездѣ хорошее и не замѣчать дурнаго. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что на первое время, пока всѣ совершенно не обзнакомились со мною, меня стѣснялись, многое отъ меня скрывали. Отъ этого, напримѣръ, произошло то, что я долго не понималъ сути отношеній господъ коммерсантовъ къ мужикамъ, представлялъ ихъ въ очень розовомъ свѣтѣ. Наконецъ, и въ самой деревнѣ тогда еще сохранялось многое такое, что теперь или совсѣмъ уже исчезло, или малопомалу исчезаетъ, и что не могло не привлечь всѣ мои симпатіи къ деревнѣ. Дѣло въ томъ, что наша жѣлчность до очень

недавняго времени была очень „небезопасна“: это былъ театръ борьбы съ калмыками — съ одной стороны и съ кавказскими горцами—съ другой. Капиталь, какъ извѣстно, любящій боже всего „тишину, спокойствіе и порядокъ“, совершенно не показывался въ нашъ край, гдѣ ежедневно совершались невозможные безпорядки: у насъ не было ни торговли, ни промышленности. Мужикъ, лишенный благодѣтельнаго покровительства и помощи капиталиста, волею-неволею долженъ заботиться самъ о себѣ: самъ строилъ себѣ хаты, самъ шилъ одежду и обувь, самъ дѣлалъ себѣ хомуты, повозки и все остальное. Въстѣ съ тѣмъ, не уплачивая капиталисту „законнаго процента за услуги“, нашъ мужикъ накопилъ хлѣба видимо-невидимо, развелъ многочисленныя стада всякой скотины и, потребляя самъ всѣ свои „сельскія произведенія“, разжирѣлъ. Въ этому присоединилось еще то обстоятельство, что мѣстное начальство, вѣчно занятое военными дѣлами, совершенно оставило мужика безъ вниманія. И вотъ разжирѣвшій и свободный мужикъ началъ устраивать свою жизнь самъ такъ, какъ ему самому казалось лучше, и завелъ множество разнообразнѣйшихъ „обычаевъ“. Обычаи эти были такъ хороши, построены на такихъ справедливыхъ началахъ, что наблюденіе ихъ не могло не вызвать съ моей стороны восхищенія. Для примѣра расскажу одинъ случай, глубоко врѣзавшійся въ моей памяти.

Мы ѣхали вчетверомъ на одной лошади. Лошаденка была плохенькая, а сѣдоки, за исключеніемъ меня, были всѣ молодцы на подборъ — по меньшей мѣрѣ, по пяти пудовъ вѣсу. Ѣхали мы по дорогѣ, незнакомой никому изъ насъ, въ надеждѣ, что авось какъ-нибудь дойдемъ.

Дѣло было въ концѣ мая. День былъ теплый, и мы весело ѣхали, оглашая степи пѣніемъ разныхъ „стихирь“. Спутники мои были „богомазы“, ѣхавшіе работать иконостасъ для одной сельской церкви, стало быть люди прикосновенные къ „духовнымъ дѣламъ“, и потому любители церковнаго пѣнія. Пѣніе, впрочемъ, мало чѣмъ отличалось отъ простаго „оранья“ и одинъ изъ „пѣвцовъ“ съострился: „какъ бы намъ своимъ

ораньемъ не накликаеть дождя"? Къ удивленію, оказалось вполне основательнымъ. Наша мѣстность похожа на тропическія страны: черезъ полчаса какъ солнце пекло и небо было совершенно безоблачно, такъ тучи и разразились страшнымъ проливнымъ дождемъ и на этотъ разъ. Не успѣли мы одуматься, какъ заволокли все небо, ударилъ громъ, и полился густой дождь. Не ожидая такого сюрприза, мы не запаслись одеждою, и въ дождь мы ѣхали на-легкѣ, въ однихъ рубахахъ. А тут какъ случилось ужасно холодно, дождь былъ ледяной, и за четверть часа, мы, промокшіе до костей и страшные дрожали и „не сводили зубъ на зубъ“. Измученная отказывалась везти не только насъ, но даже и оную, на которой мы ѣхали: намъ приходилось помогать везти телѣгу на себѣ. Почва напиталась водою, и нога погружалась въ нее до щиколки, а колесо въ довершенію неприятностей, хуторъ, на которомъ вали переночевать и который, по нашимъ соображеніямъ, былъ бы давно предъ нами, не показывался. Мы ѣхали чуть-ли не вдвое большее время, чѣмъ какъ намъ говорили, требуется для того, чтобы добраться до хутора. Ясно было, что мы заблудились.

Измученные, озлобленные, шли мы, едва переставая проклиная и свою оплошность, и дождь. „Боже, этому присоединяли еще проклятыя своему хозяину, и шему имъ знающаго дорогу проводника. Всѣ были старались сорвать злость другъ на другѣ. Помогали пались крики: „ты что-жъ не везешь? баринъ, что вы наконецъ, уныніе такъ овладѣло нами, что всѣмъ изъ насъ каждый про себя думаетъ невеселую думу.“

Наступила темная бездуинная ночь. Напрасно мы шли во всѣ стороны—не видать-ли огонька; напрасно мы пытались слухъ—не залаетъ-ли гдѣ собака,—никакой помощи жила не оказывалось. Нѣсколько разъ, конечно, очень сильно утомлялись везти телѣгу по невылазнымъ

мы останавливались и обсуждали свое положеніе. Остановиться почевать въ степи—имѣло смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы мы могли развести костеръ. Спички у насъ были; но какъ развести огонь, когда кругомъ не было сухой былинки? Опытные старожилы степей могли это сдѣлать, но намъ нечего было объ этомъ и думать. Еслибъ намъ попался стогъ сѣна или солома, тогда намъ и горевать нечего было-бы. Но сколько мы ни напрягали зрѣніе, ничего кромѣ ровной, голой степи, намъ не представлялось.

Насъ брало отчаяніе, меня била лихорадка... Вдругъ, спустившись съ одного пригорка, мы увидали огоньки. Лай собакъ, почувавшихъ наше приближеніе, показался намъ приятною музыкою. Мы попали въ какое-то село. Подъѣхавъ къ первой избѣ, мы постучались. Изъ избы послышался женскій голосъ:

— Кто тамъ?

— Проѣзжіе. Пустите обогрѣться: измокли, иззябли!...

— Ахъ, головушка моя бѣдная! какъ же васъ пустить? Я одна, мужики на полѣ. а Христось васъ знаетъ, кто вы такіе...

— Не опасайся, тетушка, мы сами едва на ногахъ стоимъ: какой ужъ отъ насъ можетъ быть вредъ?!

— Ну, инъ будь по вашему: на все воля Господня...

Убравши кое-какъ лошадь подъ сарай и отвѣтивши хозяйкѣ на ея вопросы о томъ, кто мы и куда ѣдемъ, мы тотчасъ же раздѣлись и улеглись спать на лавкахъ. Теплога, царившая въ комнатѣ, быстро пагнула на насъ сонъ...

На другой день я обращаюсь къ хозяйкѣ съ вопросомъ:

— Сколько тебѣ, тетушка, за ночевку?

— Что ты, Христось съ тобой!... Что вѣдь выдумаешь!...

— Да какже, тетушка, нужно же тебѣ за беспокойство заплатить?

— Какое беспокойство: что ты лавку пролежалъ, штоли?...

— А то возьми, тетушка?

— Ну вотъ, стану я такой грѣхъ на душу брать! И што

вы за люди такіе, што не знаете этихъ порядковъ? Да рази со странныхъ людей за ночевку берутъ?

— А у насъ въ городѣ такъ берутъ...

— Ишь-ты, поди-жь, чудное дѣло...

— Ну и отлично, тетушка, отозвался одинъ изъ „богомазовъ“, мы эти деньги, что ты намъ отказываешь, повернемъ въ кабакъ—все согрѣйся.

— Тамъ куда хочешь, дѣвай ихъ, только мнѣ-то ихъ и нужно...

— Ну, а хлѣбъ у тебя, тетушка, есть?

— Нѣту, родименькіе, хлѣба-то, нѣту: вчера весь на поле снесла... Нынче печь только буду...

— Вотъ бѣда-то!... Гдѣжь-бы намъ его взять?

— Побѣгите къ сосѣдямъ: можетъ, у кого и есть...

Я и одинъ „богомазъ“ отправилисъ къ сосѣдямъ. Дома оказалась одна женщина да ветхій старикъ.

— Не продадите-ли хлѣба? спрашиваемъ: мы хорошую цѣну дадимъ.

— Мы хлѣбъ не продаемъ, а коли нужно, возьмите такъ, отвѣтилъ намъ старикъ.

— Намъ, дѣдушка, говорю я, стыдно брать даромъ. Мы не нищіе, у насъ есть чѣмъ заплатить: возьмите деньги...

— Ну, а намъ грѣшно брать деньги со странныхъ людей... Да и што это былъ-бы за порядокъ: значить, еслибъ и мнѣ гдѣ пришлось побывать, такъ и съ меня брали бы деньги? Нѣтъ, такъ не годится...

— Да вѣдь вы же убытокъ понесете, если каждому будете даромъ хлѣбъ давать...

— Ничего, не разорисся... Да и то сказать, рази наши ребята нигдѣ не бываютъ? Вотъ оно тожь на тожь и выходитъ..

Дѣлать было нечего: мы взяли хлѣбъ даромъ. Старикъ, подавая намъ почти цѣлый хлѣбъ, проговорилъ:

— Примите, Христа ради...

Случай этотъ былъ въ началѣ моего знакомства съ деревней и пронавелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Типич-

ныя фигуры хозяйки и старика глубоко вѣзались въ мою память и часто вспоминаются мнѣ...

Впослѣдствіи, кляся по нашему краю во всѣхъ направленіяхъ, я убѣдился въ распространенности обычая не брать денегъ за ночевку и хлѣбъ. Къ сожалѣнію, теченіе времени вызвало такія печальныя явленія, какъ разореніе и закабаленіе населенія, и заставило это населеніе дорожить каждою копѣйкою, заставило искать всяческихъ путей жизни. Понятно, что подобное положеніе вещей далеко несовѣстимо съ существованіемъ обычая въ родѣ вышеприведенныхъ. На моихъ глазахъ шелъ процессъ исчезновенія этихъ обычаевъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, близкихъ къ городу или расположенныхъ параллельно желѣзной дорогѣ, а также по большимъ торговымъ трактамъ, эти обычай исчезли совершенно, въ другихъ видоизмѣнились и находятся наканунѣ исчезновенія. Но сверните немного въ глушь—и вы найдете приведенные обычай въ цѣлости. Иногда даже не бываетъ нужды забираться въ глушь: обычай эти существуютъ и въ подгородныхъ селахъ.

Мѣсяць тому назадъ мнѣ довелось, за позднимъ временемъ и дурною погодою, переночевать въ первѣй попавшейся избѣ въ селѣ, отстоящемъ всего въ двѣнадцать верстахъ отъ губернскаго города. На утро мнѣ вздумалось провѣрить, на сколько въ этомъ селѣ сохранились старые обычай. Я, не говоря ни слова хозяйкамъ, отправился въ первый сосѣдскій дворъ и попросилъ продать мнѣ хлѣба. Продать отказались, но дать такъ, ради Христова имени, согласились. Другой разговоръ вышелъ у меня съ хозяевами. Когда я спросилъ, сколько слѣдуетъ съ меня за ночлегъ, хозяйка отвѣтила:

— Пятачекъ беремъ.

— Неужели? что же такъ мало?

— Да по настоящему-то, отвѣтилъ хозяинъ, и это-то грѣхъ; по настоящему ничего не нужно-бы брать... Это ужъ бабы наряды себѣ выбираютъ.

— Какой же грѣхъ? вѣдь вы же вчера безпокоились, раз-

будилья я васъ, кровать мнѣ уступили, одежду брали на печь сушить: не даромъ вѣдь берете деньги.

— Да рази это ты отъ себѣ запозднился вечеръ: это ужъ Божье произволеніе, штобъ дождь пошелъ, да грязь по колѣно... Ну, и не грѣхъ съ чужой бѣды деньги брать?..

— А почему вы именно пятакъ берете, а не гривенникъ. не три копейки?

— Это ужъ по городскому, улыбнувшись, отвѣтилъ мужикъ: тамъ съ нашего брата, когда случается ночевать на постояльяхъ. берутъ по пятаку... Ну, и мы тоже...

Печальная участь изуродованія или полнѣйшаго исчезновенія постигла и многіе другіе обычаи, имѣвшіе въ деревнѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ приведенные выше. Расскажу, какъ на моихъ глазахъ исчезъ въ одномъ селѣ обычай „помочей“.

Въ селѣ, о которомъ я говорю, помочи справлялись двухъ родовъ: въ пользу бѣдныхъ и въ пользу „поповъ“. Такъ какъ село это громадное—имѣеть болѣе тысячи дворовъ, то помочи справлялись не всѣмъ селомъ, а или по „концамъ“, на которые естественно распадалось село, или просто тѣмъ, кто пожелаетъ принять участіе въ помочи. Самый механизмъ помочей достаточно уже извѣстенъ, такъ-какъ о немъ говорилось уже не разъ въ нашей литературѣ, и потому я не буду останавливаться на немъ. Замѣчу только, что бѣднымъ, сиротамъ, вдовамъ и т. п., помочами справлялись всякія полевныя работы—пахота, покось, жниво и т. п., а попамъ только работы, такъ сказать, спеціальныя—напряжь, возка топлива, огородныя работы и т. п. и только иногда покось.

Такъ много лѣтъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока мировымъ посредникомъ того участка, въ которомъ было расположено наше село, не былъ сдѣланъ молодой человекъ съ стремленіями приносить пользу народу. Не зная народа, не имѣя никакого понятія объ условіяхъ его жизни, смотря на народъ, какъ на толпу невѣжественныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей, которыхъ ему, господину мировому посреднику, предстоитъ просвѣтить, нисколько не уважая, поэтому, тѣхъ формъ жизни и обще-

ственно-экономическихъ отношеній, которыя выработалъ народъ вѣковымъ опытомъ, молодой дѣятель много зла надѣлалъ несчастнымъ мужикамъ, попавшимъ подъ его начальство. Между прочимъ, благодаря ему, исчезли въ упомянутомъ селѣ помочи.

Стремясь „произвести разумныя“ реформы въ деревенской жизни“, молодой посредникъ надумался замѣнить помочи такими общественными запашками, продукты которыхъ должны были идти бѣднымъ и попамъ. Попы, конечно, одобрили задуманную посредникомъ мѣру, такъ-какъ доселѣ имъ помочи не доставляли хлѣба, а теперь, ни съ того ни съ сего, они получали-бы значительное количество зерна всякаго рода.

Съ самаго начала введенія общественныхъ запашекъ, мужики отнеслись къ нимъ, какъ къ крайне непріятной и тяжелой натуральной повинности. На каждый дворъ была возложена обязанность представлять извѣстное количество пшеницы, ржи, ячменя, овса и проса; затѣмъ каждый-же дворъ обязанъ былъ выставлять въ извѣстные праздничные дни, въ которые прежде происходили помочи, по рабочему, по парѣ воловъ и по извѣстному количеству сельско-хозяйственныхъ орудій. Съ самаго же начала пошли непріятности. Не у всѣхъ имѣлись всѣ упомянутые сорта хлѣба, такъ-что то ничтожное количество, на-примѣръ, проса, которое требовалось представить со двора, приходилось покупать; чаще-же недостающій хлѣбъ вовсе не представлялся немущимъ, что вызывало сильный ропотъ со стороны представившихъ сполна все требуемое. Тоже самое было и съ рабочими волами, которые опять-таки имѣлись далеко не во всѣхъ дворахъ. На работы обыкновенно очень много не выѣзжали, несмотря на всѣ усилія сельскихъ властей. Понятно, что засѣвалось далеко не все предназначавшееся къ тому пространство; урожай былъ плохъ, или, вѣрнѣе, не было никакихъ. Изъ всего дѣла вышла одна непріятная церемонія, нужная только посреднику, одно „болтаніе“ земли.

Когда, черезъ три года послѣ введенія общественныхъ запашекъ, я попалъ въ упомянутое село, то оказалось, что это

мертво рожденное дѣтище чиновничьяго усердія потерпѣ
нѣйшее фіаско. Предшествовавшій годъ былъ послѣднимъ
домъ существованія общественныхъ запасекъ: теперь с
общество твердо рѣшилось не заниматься болѣе этимъ
ствомъ ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ за эти три года мужики с
отъ „Щомочей“ и теперь не думали объ ихъ возобновлен
терпѣли, впрочемъ, только одни бѣдные, сироты да
„Попы“ же нашлись: они отдали приказъ по селу, что
вушки, наѣбревающіяся выйдти въ теченіе предстояща
замужъ, обязаны проработать по три дня въ ихъ ого
а парни, думающіе жениться, обязаны также явиться
дня съ лошадьми; послушникамъ-же грозили тѣмъ, что н
вѣчаютъ ихъ. Эта „мѣра“, вполнѣ удалась...

Такимъ-то образомъ, то подъ вліяніемъ посредни
подъ еще болѣе сильнымъ вліяніемъ господъ комерсант
только раззорявшихъ деревню, но и развращавшихъ ее,
на моихъ глазахъ старый строй деревенской жизни.

съ этимъ исчезало и мое восхищеніе деревней. Печальнѣ
было то, что утрата деревнею чело вѣческихъ, гум
обычаевъ и привычекъ не вознаграждалась ровно
Правда, рядомъ съ нуждою и зарожденіемъ среди муз
крайне-эгоистическихъ вистинтковъ, въ деревню стала
катъ критическая мысль, возникло желаніе устроить ж
лучшихъ основаніяхъ, начались поиски этого лучшаго.
ревенская жизнь къ этому времени была уже такъ безо
что разъ начавшаяся критика мысли, направляемая
жизнью, приводила къ самымъ отвратительнымъ резуль

Ведостевец

(Продолженіе будетъ).

ЧУЖИИЪ

(Повѣсть).

I.

Встрѣча.

— Боже мой, Александръ Ильичъ! Какими судьбами?

— Здравствуйте, Вѣра Григорьевна! Какъ поживаете?

Этими словами обмѣнялись: молодая дѣвушка въ изящномъ лѣтнемъ дорожномъ нарядѣ и мужчина лѣтъ 30-ти, средняго роста, блѣлокурый, худощавый, съ рѣдкими блѣсоватыми усами и такой же бородкой.

Оба они, и мужчина, и дѣвушка, столкнулись на палубѣ парохода, плавно бѣжавшаго по одной изъ широкихъ, многоводныхъ рѣкъ сѣверо-западной полосы Россіи. Огромныя колеса парохода мѣрно и громко хлопали своими широкими лопастями по водѣ, образуя каскады брызгъ, брилліантами разсыпавшихся подъ лѣтнимъ солнцемъ. Кругомъ шель говоръ пассажировъ, возня пароходныхъ служителей, шмыганье буфетныхъ слугъ, и оба встрѣтившіеся стояли другъ передъ другомъ, словно въ какомъ смущеніи, и кромѣ заданныхъ вопросовъ какъ бы не находили темы для дальнѣйшаго разговора. Дѣвушка стояла у самаго борта парохода, нѣсколько въ полооборота, и ея выразительное, молодое лицо съ вьющимися, тонкими прядками русыхъ волосъ рельефно вырисовывалось на золотисто-голубомъ фонѣ лѣтняго полдня. Это было лицо настоящей русской дѣ-

вухи: смѣющіяся, полныя, розовыя щеки съ ямочками, нѣсколько вздернутый и какъ бы крошечку припухлый носъ, сочныя, красныя губы съ оттѣнкомъ чувственности, тонкія, словно кисточкой выведенныя, дугообразныя брови, и большіе, сѣрые глаза, оттѣненные длинными, слегка загнутыми кверху рѣсницами.

Дѣвушка было какъ то не по себѣ: она постоянно опускала глаза и, опустивъ, быстро, украдкой, и съ любопытствомъ по-сматривала на собесѣдника. Большія, красивыя руки, съ легкой нервной дрожью въ пальцахъ, крутили и безжалостно мяли одинъ изъ безчисленныхъ голубыхъ бантиковъ, украшавшихъ ея платье.

Мушнѣ тоже какъ будто было не ловко: онъ то брался за выглядывавшій изъ подъ сюртука воротъ малороссійской рубашки, то кусалъ и подергивалъ свою бородку.

Дѣвушка заговорила первая.

— Гдѣ вы это изволили пропадать? спросила она тономъ дѣланной фамильярности.

— Нигдѣ. Я все время былъ въ Петербургѣ.

— Вотъ какъ. И ни разу не зашли? Какой же вы нехорошій... А мы...

— Извините, торопливо перебилъ онъ, — помнится, какъ то я заходилъ къ вамъ, и мнѣ сказали, что вы уѣхали за границу.

— „Какъ то я заходилъ“... Мило, нечего сказать! Должно быть это было очень давно, если вы не помните даже, когда именно. Правда, въ прошломъ году маман ѣздила въ Монтре лечиться...

Онъ молчалъ, упорно смотря на воду.

— Мы совсѣмъ потеряли васъ изъ виду, — заговорила она, совсѣмъ опустивъ глаза, — маман нуждалась въ вашемъ совѣтѣ... по одному дѣлу... Пробовали васъ разыскать, и напрасно... Товарищи ваши всѣ разѣхались, объ васъ никто ничего не могъ сообщить.

— Я уѣзжалъ на время въ деревню... Потомъ были за-

нятія, уроки... Кажется, ваша мамаша? Какъ она поправилась, пополнила, съ трудомъ узнаешь!

Къ нимъ подходила, или точнѣе, подплывала чрезвычайно толстая дама, лѣтъ подь 50, съ двойнымъ подбородкомъ, съ мясистыми, испещренными красными жилками щеками, также одѣтая по дорожному, съ сумкою черезъ плечо.

— Съ кѣмъ ты это, Вѣра? Господи, Александръ Ильичъ! Вотъ ужъ не ожидала! Какая встрѣча! (Она протянула ему свою пухлую, бѣлую руку). Ну, здравствуйте-же; все такой же, вислоко не перемѣнился!

— А вы перемѣнились, Анна Петровна.

— Поправилась, да! Миѣ всѣ говорить.

— Матап вѣрить тому, что другіе говорить.

— Нѣтъ, Вѣрочка, и себѣ вѣрю. Dieu, какая жара! Просто задыхаешься! Да Александръ-то Ильичъ—хорошъ, нечего сказать. Я ужъ думала васъ въ поминанье!.. Пропаль, совсѣмъ пропаль человекъ!

Тотъ усмѣхнулся, пожавъ плечами.

— Ну, да ужъ нечего о прошломъ! А теперь вы куда?

— Что „куда?“

— Куда ѣдете-то? Онъ все такой же разсѣянный! На кондиціи, что-ль?

— Да... на кондиціи.

— Куда же это, ужъ не по близости-ли.

— Ахъ, матап, какая ты право, точно допрашиваешь. Можетъ быть, м-г Радунцевъ не хочетъ сказать.

— Не хочетъ? Это почему? Вотъ еще что выдумала! Если ужъ будетъ близко отъ насъ, можно возобновить знакомство... Будете иногда заѣзжать, Александръ Ильичъ?

— Наврядъ, Анна Петровна. Я поселюсь въ другомъ уѣздѣ.

— Позвольте, да это ужъ не у Бабиловыхъ-ли?

Онъ чуть замѣтно передернулъ плечами.

— Но, послушайте, Александръ Ильичъ, хоть иногда-то вы танете навѣщать насъ? Ахъ, постойте, я сейчасъ придумала отличный планъ: увѣрена, Вѣра, что ты его одобришь. Алек

сандру Ильичу, навѣрно, торопиться не зачѣмъ, такъ мы вотъ что сдѣлаемъ: затащимъ его въ Нисковицы! Позвольте васъ просить, Александръ Ильичъ!

Дочь съ благодарностью подняла глаза на мать, а Радунцевъ вдругъ вспыхнулъ.

— Извините, Анна Петровна, заговорилъ онъ почти грубо, — я не могу... я тороплюсь.

— А, ну это другое дѣло, конечно!'

Въ эту минуту изъ каюты появилась горничная, съ широчайшей кожанной подушкой для барыни.

— Не надо, неси назадъ! сердито махнула ей рукой Анна Петровна и, обернувшись къ Радунцеву, поджала губы, процѣдила.

— Прощайте, Александръ Ильичъ!

Тотъ раскланялся, и барыня медленно, съ сознаниемъ собственного достоинства, поплыла въ каюту.

Радунцевъ изглянулъ на Вѣрочку.

Она стояла по прежнему, не поднимая головы. Выраженіе обиды и недоумѣнія застыло на ея лицѣ.

— Прощайте, Вѣра Григорьевна!

Она молча протянула ему руку. Рука была холодна, какъ ледъ, и слегка дрожала.

«...Я хочу вамъ рассказать, рассказать...»

донеслась до нихъ съ носа парохода извѣстная пѣсня подъ аккомпаниментъ гармоніи.

Радунцевъ постоялъ минуту, потомъ повернулся и, спустившись по лѣсенкѣ, мимо толпы рабочихъ и кочегаровъ, среди которыхъ выдѣлялся бѣлый колпакъ повара, очутился въ группѣ пассажировъ третьяго класса.

Издали группа эта должна была казаться живописной. Бабы съ грудными, плачущими ребятами, мужики съ перекинутыми черезъ плечи вилунами, солдаты—неистощимые балагуры и остряки, двѣ—три монашенки... Все это мирно бесѣдовало, жуя и смакуя одервенѣлые пироги съ начинкой изъ

порченой рыбы, въ великомъ изобиліи продающіеся на пристаняхъ.

Подъ лѣсенкой, ведшей на верхнюю палубу, расположились игроки въ стуколку: еврей, съ крючковатымъ носомъ и хищнымъ взглядомъ, мужикъ въ „пальтѣ“ и деревенскій, прилично одѣтый кулакъ, съ бойкими, хитрыми глазками, зорко выглядывавшими изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей.

Отсюда постоянно засылались требованія за пивомъ.

Пиво приносила ловкая, разбитная дѣвушка. При каждомъ ея появленіи кулакъ говорилъ ей какую нибудь любезность, причемъ позволялъ себѣ и дотрогиваться. Дѣвушка наотмашь била его по рукамъ, иногда замѣчая:

— Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай.

— Не такъ, не такъ говорите, барышня, поправлять кулакъ, впиваясь въ нее масляными, пьяными глазами, — руками болтай — языку воли не давай. Потому и въ Писаніи сказано: языкъ мой — врагъ мой.

Дѣвушка, смѣясь, убѣжала.

Немного въ сторонѣ отъ игроковъ сидѣли два парня. Изъ нихъ одинъ играть на гармоніи и только что окончилъ „Стрѣлочка“ какой то необычайной фіоритурой.

Оба они съ одинаковыми, толстыми, скуластыми лицами, усѣянными веснушками, чрезвычайно походили другъ на друга и, очевидно, были братья. Игравшій на гармоніи былъ одѣтъ щеголемъ. На немъ была пунцовая, шерстяная рубаха, расшитая галуномъ, жилетъ въ полоску, „съ искрой“, сапоги бураками съ неимоვნю высокими и узкими каблучками; на шеѣ туго повязанный фуляръ, на сильно напояженной головѣ красовался зализватски надѣтый картузь.

Радунцевъ подошелъ къ нимъ; парни были подъ хмѣлькомъ и вели душевный разговоръ.

— Желеты то эти, Васька, ау! говорилъ щеголеватый парень.

— Извѣстно! Какъ пріѣдешь, — сейчасъ прочь! И сапоги на печку!

— Нешто косьба въ жилетѣ?

— Какая ужь косьба! А и зудять, Гришуха, руки! Эхъ, вальну!

— Вы наниматься ѣдете? ввязался въ ихъ бесѣду Радунцевъ.

— Мы-то? презрительно прищурился Гришуха, и погладилъ себя по жилету,—наниматься! Мы и своего-то не станемъ дѣлать!

— Какъ же вы сейчасъ говорили...

— Мало-ли что говорится. Наша косьба извѣстная,—усмѣхнулся Васька,—выйти-то выйдемъ, а тамъ только насъ и видали.

— Мало-ли бабъ да дѣвокъ сѣно воропнать, ввернулъ Гришуха, какъ бы въ поясненіе и прибавилъ: вы прикащикъ? Нанимать что-ль хотите? Такъ вонъ косарь,—настоящій!

Онъ указалъ на фигуру мужика съ коричневой отъ загара шеей, сидѣвшаго поодоль въ какой то пришибленной позѣ.

— „Питерщики“, подумалъ Радунцевъ,—по всему видно. Вотъ сейчасъ засядутъ въ стуюлку.

Онъ взялся по направленію къ верхней палубѣ и вдругъ вспомнилъ о своей недавней встрѣчѣ.

— Чортъ возьми, пробормоталъ онъ;—нужно же было встрѣтиться! И чего имъ надо отъ меня, чего я не видаю въ ихъ Невковпдахъ? Млядальничать пустились!

Онъ снялъ шапку и, словно слясъ отогнать посѣтившія его думы, провелъ рукой по бѣлокурымъ, волнистымъ волосамъ, но впечатлѣніе внезапной встрѣчи было настолько сильно, что невольно вызвало воспоминаніе о „барыняхъ“.

Анна Петровна Рамазаева была вдовою какого-то генерала „не у дѣлъ“ и владѣлицей двухъ, трехъ тысячъ десятинъ въ Н—ской губерніи. Дочь небогатаго помѣщика, она всю жизнь провела въ провинціи, гдѣ и вышла за мужъ за старика Рамазаева, сосѣда по имѣнію ея отца.

Отъ этого брака родилась дочь Вѣрочка. Первоначальное образованіе Вѣрочка получила въ домѣ отца подъ руководствомъ различныхъ наставниковъ и наставницъ, не отличавшихся обширностью своихъ познаній. Но генераль и слушать не хотѣлъ, чтобы свезти дочь въ какой-нибудь пансіонъ или гимназію, считая это несоумѣстнымъ съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ своемъ муравейникѣ, и только постѣ смерти его, Анна Петровна, подавшись духу времени, выразившемуся въ поднятіи такъ называемаго женскаго вопроса, а главнымъ образомъ соскучась въ деревнѣ, — пріѣхала въ Петербургъ съ дѣлю хлопотать объ опредѣленіи дочери въ гимназію.

Оказалось, однако, къ величайшему удивленію и огорченію мамыни, что познанія ея дочери, 14-ти-лѣтней дѣвушки, были настолько ничтожны, что не превышали познаній гимназистки втораго класса, а между тѣмъ, черезъ годъ или два, Вѣрочку уже нужно было вывозить въ свѣтъ.

По совѣту знакомыхъ, Анна Петровна принялась разыскивать учителя.

Учитель вскорѣ нашелся. Это былъ студентъ Радунцевъ. Съ перваго раза генеральнѣ учитель не понравился. Его нельзя было назвать „бель-омомъ“; онъ плохо одѣвался, дичился и отличался отсутствіемъ хорошихъ манеръ. Но выбирать было не изъ чего, — большинство были такіе же бѣдняки студенты, — и генеральша примирилась, а мѣсяца черезъ два стала даже находить его интереснымъ молодымъ человѣкомъ.

Причина заключалась въ томъ, что учитель успѣлъ освоиться съ генеральшей, пересталъ дичиться и чаще оставался по вечерамъ пить чай, за которымъ иногда велись долгія бесѣды, и даже завязывались горячіе споры.

Предлоговъ же для споровъ на каждомъ шагу было множество.

То время (шестидесятыхъ годовъ) было временемъ нашего обновленія, ломки отжившихъ общественныхъ традицій и зарожденія новыхъ. На ряду съ безчисленными обвиненіями, сы-

павшимися на „наше сонливое общество“, какъ противовѣсь всему пошлону и рутинному, выступало стихійное поклоненіе народу, охватившее лучшую часть интеллигенціи. Все громче и громче раздавались голоса, превозносившіе „черноземную силу“; въ литературѣ заговорилъ разночинецъ, и учащаяся молодежь, первая примкнувъ къ движенію, образовала среди себя многочисленную партію народниковъ, превратившуюся много лѣтъ спустя въ другую съ болѣе опредѣленной программой...

Радунцевъ принадлежалъ къ этой партіи и, понятно почему, споры его съ бывшей помѣщицей, при этомъ еще нѣсколько обиженной реформами, доходили иногда чуть ли не до ссоры.

Трудно вообразить болѣе враждебное другъ другу этихъ двухъ элементовъ: пылкій энтузіастъ—студентъ, весь переполненный благими стремленіями приносить пользу народу, мечтавшая о переустройствѣ соціального порядка вещей, иначе не говорившій, какъ съ біеніемъ себя кулаками въ грудь,—и выжившая весь вѣкъ въ помѣщицкѣй средѣ барыня-генеральша, любившая пожить, какъ приличествуетъ дворянкѣ, не заботившаяся никогда ни о чьемъ благосостояніи, кромѣ своего собственнаго.

Естественно, что барыня такого сорта, прозрѣвъ въ учитель „поклонника овчиннаго полушубка“, не усомнилась бы удалить его, но, во первыхъ, учитель былъ дешевый и знающій свое дѣло, во вторыхъ, будучи либералкой, она по тогдашнему времени ужасно боялась, чтобы кто-нибудь не повѣрилъ ея либерализму; наконецъ, въ глубинѣ души, ей нравился его пылъ, его юношескій задоръ, съ которымъ онъ спорилъ.

Минутами, когда онъ увлекался, пропадала его обычная застѣнчивость; восторженный, сыщавшій смѣлую рѣчь, онъ весь какъ бы преображался, дѣлался неузнаваемъ.

И Анна Петровна невольно заинтересовалась молодымъ человекомъ. Все-таки онъ вносилъ свѣжую струю въ ихъ замурованную, стяннутую скукой и приличіями жизнь, все-таки онъ,

хотя человекъ другого лагера, былъ человекъ, а не кукла, не манекенъ!

Вѣрочка присутствовала при этихъ спорахъ, сперва не понимая, о чемъ говорится, и даже не давая себѣ труда вникнуть въ смыслъ слышаннаго, но потомъ и ее стали интересовать горячія рѣчи учителя, она приняла участіе въ ихъ спорахъ, становясь, впрочемъ, всегда на сторону матери.

Это бѣсило Радунцева.

— Ну та, вѣкъ выжила, ее не обломаешь, — думалось ему, — а эта-то, дѣвчонка еще, а туда же, по мамашинѣ дорожкѣ! Нѣтъ, погоди, я примусь за тебя, а то и безъ того кисейными барышнями хоть прудъ пруди!

И онъ дѣйствительно принялся, да такъ горячо, съ такимъ юношескимъ увлеченіемъ, что къ концу года Анна Петровна и всѣ ея знакомые были удивлены переменою въ Вѣрочкѣ. Насколько она была прежде равнодушна къ своимъ занятіямъ, настолько она теперь ихъ полюбила, и по цѣлымъ днямъ, серьезная и задумчивая, она просиживала въ своей комнатѣ за книгами.

Жизнь свѣтской дѣвушки, только-что начавшей выѣзжать, перестала удовлетворять ее, она стала рѣже ѣздить въ театры и на балы. И въ физическомъ отношеніи она много пережилась: какъ-то выросла, похудѣла, черты лица обострились, на нихъ легла печать какой-то затаенной думы...

Анна Петровна встревожилась, стала совѣтоваться съ докторами. Тѣ приписали перемену вліянію роста, извѣстнаго перехода къ возмужалости, и обнадежили генеральшу, что серьезнаго ничего не предвидится. Но дѣло было вовсе не такъ просто, какъ всѣмъ казалось. Вѣрочка вмѣстѣ съ физическимъ перерожденіемъ испытывала и нравственное.

Подъ вліяніемъ рѣчей учителя, рассказовъ его про другихъ людей и другую жизнь, такъ сильно непоходившую на ту, которую она проводила, наконецъ, подъ вліяніемъ тѣхъ книгъ, которые Радунцевъ давалъ ей читать, новыя, неизвѣданныя дотолѣ думы посѣтили ее. новый, неизвѣстный ей, но привле-

жавшій ея молодую душу, мїръ открылся передъ ея глазами. Одно обстоятельство усилило ея симпатїи къ учителю, сдѣлавъ его въ ея глазахъ мученикомъ. Радунцевъ былъ замѣшанъ въ одну студенческую исторїю, и ему грозила высылка. Объ этомъ какимъ-то путемъ провѣдала Анна Петровна и приняла горячее участіе въ молодомъ человѣкѣ. Пользуясь связями, она стала хлопотать у разныхъ власть имущихъ, изъявляла желаніе взять учителя на поруки, обѣщалась даже торжественно исправить его, сдѣлать вполнѣ благонамѣреннымъ, надоѣла всѣмъ, и добилась, наконецъ, того, что отъ Радунцева отступились.

Ничего объ этомъ онъ не знаетъ, и когда все было кончено и сдѣлалось ему извѣстнымъ, то вспылить и наговорить „барынь“ дерзостей. Аннѣ Петровнѣ ничего не оставалось, какъ только удостовѣриться въ людской неблагодарности, но Вѣрочка взглянула на дѣло иначе.

— Какой онъ благородный, думалось ей,—не задумываясь, онъ готовъ жертвовать собою, презирая опасности, идти за товарищами, раздѣлать ихъ судьбу. Не могла бы, развѣ, и я тоже раздѣлать ихъ судьбу?

И она часто останавливала на немъ взглядъ, полный какого-то тревожнаго смущенія и безповоротной рѣшимости, словно все собиралась ему сказать: „бери меня, и пойдемъ туда вмѣстѣ! Скажи только слово!..“ И она ждала, страстно, съ нетерпѣніемъ ждала этого слова,—но Радунцевъ не сказалъ его. Всегда серьезно-холодный въ обращеніи съ нею, никогда ни на юту не измѣнявшій принятому относительно ея тону учителя, онъ вдругъ какъ бы отшатнулся отъ Рамазаевыхъ, рѣже сталъ ходить, пересталъ спорить съ генеральшей и, наконецъ, провалъ совершенно, не предупредивъ о прекращеніи занятій, не получивъ слѣдовавшихъ денегъ, даже не оставивъ адреса.

....Да и хорошо сдѣлалъ, что даже адреса не оставилъ,—раздумывалъ Радунцевъ, вспоминая о томъ времени,—потому,

къ чему бы это послужило? Стали бы еще разьискивать!.. Зачѣмъ? Щекотать барскіе нервы. тянуть канитель! Очень нужно! Да и тогда это глупо было. А ну ихъ право!

Онъ махнулъ, оглянулся, и чуть не воскликнулъ: „вотъ благодать-то!“

Дѣйствительно, раскинувшись передъ нимъ картина была прелестна. Наступила ночь, одна изъ тѣхъ, какія бываюгъ только на сѣверѣ. Все вокругъ какъ будто гасло и замирало въ какой-то лѣнивой истомѣ. Яркое дотолѣ на западѣ полымя заката блекло постепенно, принимая нѣжно-фіолетовый оттѣнокъ. Тамъ, гдѣ-то далеко, далеко, прощальные, богъ вѣсть откуда вырвавшіеся лучи солнца заревомъ пожара золотили окно убогой хаты. Тепловатыя испаренія носились надъ рѣкой и окаймлявшими ее волнистыми берегами. Изъ высокой, густой травы доносились то криканье утки, то рѣзкій, нахальный скрипъ коростеля. Вѣялъ легкій вѣтерокъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ и травъ тихая волна, мѣрно и монотонно, словно убаюкивая, плескалась о бортъ парохода. А крутомъ было такъ тихо! И вотъ, на свѣтло-голубомъ небѣ чуть затеплились немногія звѣзды, а на дальнемъ востокѣ ужъ зардѣлась узенькая черточка утренней зари.

Радунцевъ все смотрѣлъ, какъ постепенно ширилась эта черточка, а непрощенныя думы, опять по поводу недавней встрѣчи, снова посѣтили его.

— Странно, думалось ему, — и чего это я смутился давеча, точно школьникъ, право! Ну, давалъ уроки, разьѣхались, чего тутъ! А нѣтъ вотъ! Экая натура такая разсыпчатая! Вотъ ужъ именно—нѣтъ ничего сквернѣе этихъ встрѣчъ со старыми знакомыми! Порвалъ человекъ со всѣмъ прошлымъ, поставилъ себѣ опредѣленныя цѣли и задачи, а тутъ лѣзутъ тебѣ въ голову совсѣмъ ненужныя воспоминанія, и о комъ? о какой-то совсѣмъ посторонней барышнѣ... „Нисковицы!“ Кажется это недалеко, версть пять всего отъ Прядихи... Да что-жъ это такое? Да пропади онѣ совсѣмъ“!

Думы его перешли на ту бѣдную деревеньку Прядиху, въ

которую онъ ѣхалъ. Среди этихъ думъ незамѣтно наступилъ сонъ.

II.

Гришуха.

Черточка утренней зари разрослась въ широкую полосу розоватаго свѣта. Изъ центра этой полосы тихо выходило яркое солнце, разгоняя своими длинными, косыми лучами широкія волны тумана. Мало-по-малу, по обѣимъ сторонамъ рѣки обозначились контуры береговъ. Гдѣ-то вдали сверкалъ и переливался на солнцѣ новый крестъ деревенской колокольни.

И вдругъ въ общей „для червяго народа“ каютѣ, куда съ вечера забрались бесѣдовавшіе о жилетахъ Гришуха съ Васькой и нѣсколько любителей выпивки, поднялись крики, и прозвучала невообразимая суматоха. Самая безцеремонная ругань, вырываясь оттуда, оглашала воздухъ.

Переположенные пассажиры, тараща заспанные глаза, вытѣзали изъ каютъ и спрашивали другъ друга о случившемся. Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ пароходной прислуги выволокли на палубу барахтавшихся Гришуху съ Васькой.

— Гришуха, не сдавай! реветъ Васька, отбиваясь отъ могучихъ объятій кочегара.

Гришуха ударилъ „подъ ножку“ того, съ кѣмъ схватился, но, потерявъ равновѣсіе, вмѣстѣ съ нимъ покотился по палубѣ.

— А, такъ ты такъ! Драться еще! Ахъ ты!.. заревѣли столпившіеся зрители и кинулись на Гришуху.

Завязалась отчаянная свалка. Радунцевъ проснулся, оглядѣлся и подбѣжалъ къ кучкѣ барахтавшихся.

— Что вы дѣлаете! Оставьте! закричалъ онъ, видя какъ множество рукъ и ногъ нещадно тупятъ Гришуху по чемъ волею.

Но голосъ его не былъ услышанъ. за то съ верхней палубы

раздался пронзительный фальцетъ какого-то господина въ форменной фуражкѣ.

— Вереvками, канатами связать ихъ бестій! Что вы ихъ кушаками вяжете! Этакое безобразіе! Гдѣ капитанъ?

— Поди-ка ты сюда, поди, поди сюда! кричалъ Гришуха.

— Гриша, голубчикъ! молишь связанный Васька, — оставь, Гришуть! Наша сдача!

— Лодку! Въ стань мерзавцевъ! бѣсновалась форменная фуражка, продолжая, однако, топтаться на одномъ мѣстѣ.

— Рубашку-то, рубашку зачѣмъ рвешь! кричалъ Гришуха упавшимъ голосомъ — и вдругъ умоль.

Толпа разступилась, и обоихъ связанныхъ парней повели куда-то. Волосы ихъ были всклокочены, лица въ ссадинахъ, рубахи изорваны такъ, что мѣстами виднѣлось голое тѣло.

Принимавшій дѣятельное участіе въ усмирении буяновъ, давшій кулакъ все время былъ въ какомъ-то радостно-возбужденномъ состояніи, подзадоривалъ и подмигивалъ рабочимъ, дескать: лупи ихъ хорошенько. Когда же парней увезли, онъ вдругъ очутился подлѣ Радунцева. Пофыркивая, слегка потрясая своей рыжей бородкой и бойко поглядывая на Радунцева хитрыми глазками, онъ какъ бы вызывалъ его на бесѣду.

— Скажите, за что это ихъ? обратился къ нему тотъ.

— За хорошія дѣла-сь! словоохотливо отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же это такъ?

— Извѣстное дѣло, — безобразники! Въ карты играли-сь, перепились, да къ одной бабѣ стали подбираться. Мужъ то и вступись. Они его въ ухо-сь, разъ да два!.. Ну и возгорѣлось. Это ужъ у нихъ завсегда такая музыка-сь.

— Да вы ихъ знаете?

— Я то? Господи помилуй! Да я всѣхъ то здѣсь на перечесть! Эти-то Куколевскіе будутъ... Братья! Страхъ озорные ребята-сь! Давеча и ко мнѣ приставать было начали, да отъ меня отскочать, потому я ихъ тутъ во всей округѣ (онъ пригнулъ къ ладони пальцы правой руки) вотъ держу! Начальство меня тутъ очень уважаетъ. Чуть что... Да что и говорить, въ ба-

раній рогъ! А вотъ мы и дома! заключилъ онъ и принялся собирать поклажу.

Пароходъ приближался къ пристани. Изъ-за ряда не высокихъ холмовъ показалась колокольня, и вскорѣ развернулось большое село Кочкино съ ветхой деревянной церковью по срединѣ базарной площади и съ двухъэтажными деревянными домами мѣстныхъ тузовъ, служившими нѣкоторымъ украшеніемъ грязной набережной.

Крутая, изломанная во многихъ мѣстахъ лѣстница соединяла пристань съ набережной, на которой теперь торчала толпа зѣвакъ и, щелкая подсолнухи, переругивалась съ бойкими торговками. Тутъ же стояло нѣсколько телѣгъ, купеческая бричка и какой то старомодный тарантасъ, запряженный парю худыхъ, косматыхъ лошаденокъ. На козлахъ, въ порыжѣлой и прорванной во многихъ мѣстахъ шляпѣ, но за то въ безукориченно-бѣлыхъ перчаткахъ сидѣлъ старый сморчкообразный кучеръ и съ презрительной важностью, какъ-то сбоку посматривалъ на толпившійся около народъ.

Пыхтя и вздрагивая всѣмъ корпусомъ, пароходъ медленно дошелъ до пристани и зачалить. Пассажиры стали сходить. Гришуха съ Васькой какъ ни въ чемъ не бывало шли въ толпѣ; Гришуха даже слегка перебирать клапаны гармоніи.

Радунцевъ выбрался на площадь и оглянулся.

У борта парохода стояла Вѣра, и пристально всматривалась въ пассажировъ.

Радунцевъ быстро повернулъ въ другую сторону и сталъ нанимать подводу. Но подводы оказались какъ-то всѣ вдругъ разобранными, а за оставшіяся мужики ломили самую несообразную цѣну. Къ тому же они почуяли самыхъ подходящихъ свидоковъ: на площади показались Гришуха съ Васькой.

Мужики окружили парней.

— Григорію Евлампову, Василю Евлампову! Здорово! привѣтствовали они ихъ.

Парни здоровались, протягивая нѣкоторымъ руки.

— Косить, косить. братцы, пріѣхали! сообщали они.

— Ну, ужь и косить! усмѣхнулся мужикъ, котораго звали Митріемъ; наймете-сь, поди-кось! Въ Питерѣ нажили!

— А ты считать? презрительно скосился на него Гришуха.

— Чего мнѣ считать въ чужомъ карманѣ, почесался Митрій,—а только... знамо... ѣдете, что-ль?

— Ёдемъ!

— Меня и наймите! У меня пара.

— А колокольцы есть? Намъ безпрѣмѣнно чтобъ съ колокольцами!

— Подвяжемъ! Ужъ какая ѣзда безъ колокольцевъ. Тоже, поди-кось, встрѣчать кто выйдетъ, на дорогу-то? подмигнулъ Митрій.

— А это ужъ намъ знать, съ пренебрежительной улыбкой замѣтилъ Гришуха,—ну, чего тутъ стоять?—пойдемъ въ трактиръ.

Митрій съ парнями направились къ трактиру, на которомъ рядомъ съ русской надписью красовалась и иностранная: „traiteur,“ а мужики пустились въ пересуды.

— Непутевые парни, замѣтилъ длинный, сухой мужикъ съ подстриженными по раскольничьи волосами.

— Ништо! лѣниво подтвердилъ другой.

— А не живеть что-то Гришуха въ Питерѣ; обь вескѣ прѣзжать,—и теперича.

— Сударку, сказываютъ, завель.

— То-то Митрій говорить: встрѣчать выйдетъ!

— Хо, хо, хо! такъ и покатылся маленькій, разбитной мужиченко, въ заломленной на бекрень шляпѣ, — стричать! Ахъ шуть те дерн!

Компанія посмѣялась еще надъ Гришухой и стала расходиться. Набережная опустѣла.

Отчаявшись найти подводу, Радунцевъ рѣшилъ идти пѣшкомъ, рассчитывая, если устанетъ, на дорогѣ присѣсть къ какомунибудь проѣзжему.

Далеко позади осталось Кочкино, а впереди, необозримой, широкой лентой тянулась дорога, обрамленная по обѣимъ сторонамъ сосновымъ лѣсомъ. Смолистый запахъ лѣса виѣсть съ

запахом скошенной травы наполнял воздух. С базара мужики то и дѣло обгоняли Радунцева, дѣльными облаками пыли. Перегнали его и Куколевъ съ лѣснями, гикомъ и раскатистымъ, пьянымъ смѣхомъ поднялъ голову и успѣлъ только замѣтить стоявшаго и нахлестывавшаго изъ всѣхъ силъ лошадей Гриванъ шапки, всклокоченный, онъ кричалъ что то долготельно. Затѣмъ мгновеніе,—и телѣга, люди, лошади съ лошадьми въ одну безраздѣльную массу и потонуло въ сѣдой пыли.

Радунцевъ шелъ и думалъ... Впечатлѣнія знакомыя, открывавшихся передъ нимъ картинъ природы, тѣшительная и уютная, существовавшая вокругъ, и то хорошее, отрадное чувство испытываетъ человекъ, вырвавшійся изъ души какъ то невольно расположило его къ размышлению. Вдругъ что то попало ему подъ ноги. Онъ нагнулся и поднять въ пыли маленькую железную подкову.

— Народъ говорить—счастье, — подумалъ онъ и пошелъ дальше.

Онъ пошелъ тихе. Подкова и соединенное съ нимъ "счастье" послужили темой къ дѣльной массѣ размышленій.

Почему то вдругъ вспоминается ему маленькая земля, арендованную его отцомъ, нѣсколько сотенъ шаговъ съ вишнями и колодами пчель, деревня, пришедшая на другомъ берегу. Вотъ онъ бродитъ по саду, жары... По нѣбамъ ни души,—всѣ на работѣ. Птицы, воробьи стаями перелетаютъ съ одной крышѣ на другую, куры, распутивъ крылья вѣтромъ, купаются въ пыли... Сама бѣгаетъ по задворкамъ, залѣзаетъ на крыши, прячется въ пустыхъ гумнахъ, гдѣ вѣтеръ гудитъ и гудитъ въ безчисленныхъ щеляхъ. А за нѣмъ...

как вѣрный оруженосецъ, слѣдуетъ черноглазая дѣвочка-однолѣтокъ, въ крашенномъ, сползающемъ съ плечъ худомъ сарафанишкѣ, съ косичками, усѣянными пучками желтыхъ, полевыхъ цвѣтовъ.

Эта дѣвочка,—единственная дочь одного бѣднаго мужа,—лучшій другъ Саши. Отъ природы тихая и пугливая, она не рѣшалась участвовать въ шумныхъ играхъ деревенскихъ ребятишекъ и ходила въ господскій домъ играть съ Сашей. Дѣти сошлись въ своемъ одиночествѣ и стали неразлучны.

Вотъ они оба въ полѣ. Совсѣмъ и не видать ихъ въ густой травѣ. А надъ ихъ головами поднялся жаворонокъ, весь трепещется въ жаркихъ, солнечныхъ лучахъ, и, поднимаясь все выше и выше, сыплетъ съ безоблачно голубаго неба своей громкой пѣснью... А тамъ, дальше, въ дымкѣ полдненнаго зноя, совершенно коричневая отъ загара баба, нагнувшись, что то быстро шевелитъ руками.

— Таня, а Таня, что баба дѣлаетъ?

— Жнетъ, серьезно отвѣчаетъ дѣвочка.

— А что она жнетъ?

— Жито.

— А что это: жито?

— Хлѣбъ! У, дуракъ!

... Опять вспоминается жаркій, лѣтній день. Огородъ, Таня сидитъ между грядъ и полетъ. На головѣ у ней маленькій, бѣленькій платочекъ, который она низко надвинула на лобъ.

Онъ смотритъ черезъ плетень, смотритъ долго, и въ его 13 лѣтней пылкой головѣ мелькаютъ какія то хорошія мысли, а сердце то вдругъ замретъ, то шибко забьется

— „Ахъ, во лугахъ, во лугахъ!“ запѣваетъ Таня тонкимъ голосомъ и вдругъ обрываетъ:—ха, ха, ха,—заливается-хохотеть она, увидѣвъ, какъ онъ, раздвинувъ плетень, съ расцарапанной щекой, смущенный, пролѣзаетъ въ огородъ,

— У, ты! Что пришелъ? Помочь, что-ли?

— Давай, помогу, шепчетъ онъ, не смѣя почему-то взглянуть на нее.

— Ну, ступай, вонъ, на ту грядку!

Но онъ не двигается съ мѣста, не слушаетъ, что она ему говоритъ, и только смотритъ, какъ проворно работаютъ ея выпачканные въ землѣ пальцы. Смѣшно стало Танѣ. Она вырвала пучекъ травы съ землею и бросила въ него.

Онъ вдругъ, не отдавая себѣ отчета, почти бессознательно, взять ея руку и поцѣловать.

Таня страшно смутилась. Что то не дѣтское, пугливое, промелькнуло въ лицѣ. Порывисто отдернула она руку, встала и молча отошла.

Сѣмя любви глубоко запало въ дѣтское сердце, чистой, святой любви, которую человѣкъ испытываетъ только разъ въ жизни. Они уже стали чуждаться другъ друга, избѣгать встрѣчь, прекратили свои игры, и нуженъ былъ только толчекъ, чтобы это чувство развилось въ настоящую любовь.

Толчекъ явился.

Въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ отецъ потерпѣлъ большіе убытки, бросилъ аренду и переселился въ Петербургъ. Отъ всего остался только небольшой участокъ лѣса, и въ немъ изба, въ которой, въ качествѣ надсмотрщика, поселился дядя Саши, выжившій изъ ума старикъ.

Кончилась для Саши вольная жизнь, началось однообразно-скучное прозябанье въ мрачной квартирѣ пятого этажа. Три года прошло такой жизни. Гимназія, уроки, дома вѣчно обозленный отецъ и ни сверстниковъ—товарищей, ни знакомыхъ дѣвочекъ, ничего такого, что скрашивало бы жизнь, давало исходъ молодому, рвавшемуся на волю чувству.

Въ концу третьяго года, во время рождественскихъ каникулъ, отецъ далъ порученіе сыну съѣздить къ дядѣ въ деревню.

Дядя встрѣтить племянника радушно, но тому мало было дѣла до этого. Его тянуло на деревню, въ избу Николая Васильича, посмотреть на Таню... На второй вечеръ его пріѣзда

въ деревнѣ оказались посидѣлки и именно у Николая. Радун-
цевъ не вытерпѣлъ и пошелъ.

И вотъ эти посидѣлки, какъ одинъ изъ рѣшающихъ мо-
ментовъ его жизни, всѣ, до мельчайшихъ подробностей, возникли
теперь въ его памяти.

Веселье было въ разгарѣ. Таня вела хороводъ. Пѣли ка-
кую-то „Розу“. Голоса были все больше пискливые, но Та-
нинъ голосъ выдѣлялся своей пѣвучестью. Онъ не сводилъ съ
нея глазъ. Господи, какъ она была мила въ своемъ цвѣтномъ
сарафанѣ съ голубыми лентами въ волосахъ. Парни, должно
быть, были безъ ума отъ нея, и у него, вѣроятно, были со-
перники!.. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца хоровода, хотѣлъ
поговорить съ ней, узнать, спросить. Все время сердце его
тревожно билось.

Хороводъ кончился. Онъ вышелъ въ темныя, холодныя
сѣни, и сталъ ждать. „Она должна выйти! Не можетъ быть,
чтобы она забыла дѣтство, проведенное вмѣстѣ, забыла все,
все рѣшительно!

А холодъ такъ спленъ, и намерзшій на половицахъ снѣгъ
знобилъ ноги. Кругомъ тишина, только гдѣ-то близко слышится
мѣрное дыханье коровы. Сквозь худую крышу глядитъ ноч-
ное, зимнее небо съ далекими звѣздами.

И вдругъ дверь распахнулась, въ слабомъ проблескѣ свѣта
на минуту мелькнуло разгорѣвшееся милое лицо, затѣя тем-
нота, и въ этой темнотѣ близкое присутствіе любимой дѣвушки.

— Таня, Таня! шепчетъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и про-
тягиваетъ впередъ руки. Руки его встрѣчаютъ двѣ горячія,
дрожащія руки, крѣпко сжимаютъ ихъ, и онъ привлекаетъ
Таню къ себѣ. Вотъ ужъ они близки другъ къ другу, онъ
ощущаетъ теплоту ея тѣла, обвиваетъ его и слышитъ, какъ
порывисто-быстро бьется ея сердце.

— Таня, голубка! Ты помнишь меня, любишь?

— Пусти!.. Нехорошо! Войдутъ!

— Скажи: любишь?

Таня тихо смѣется, хорошимъ, счастливымъ смѣхомъ, обнимаетъ его и скрывается...

III.

Къ новой жизни.

Солнце склонялось къ западу. Мягкіе тоны полусвѣта мало по малу облекли окружающіе предметы. Охваченный воспоминаніями прошлаго, Радунцевъ шель нога за ногу...

Послѣдній годъ въ гимназіи былъ особенно тяжелъ: съ одной стороны возникшее вдругъ товарищество и шумные толки о цѣляхъ и задачахъ жизни, о народѣ и сляніи съ нимъ, съ другой—отецъ, настанвавшій на необходимости видной службы, хорошей карьеры. Вѣчный антагонизмъ, вѣчная борьба, мелкая, будничная, но тѣмъ не менѣе требовавшая большаго запаса внутреннихъ силъ. И онъ черпалъ эти силы то въ рѣдкихъ наѣздахъ въ деревню, въ минутныхъ встрѣчахъ съ Таней, то въ общеніи съ товарищами, въ участіи на сходкахъ, гдѣ молодая жизнь была ключемъ и неудержимо рвалась на волю. Вотъ Рѣзцовъ, Толычевъ и другіе,—сколько ихъ, дорогихъ лицъ, гремѣвшихъ тогда своими неподкупными рѣчами? Богъ знаетъ, гдѣ они теперь, что дѣлаютъ, какъ проводятъ въ жизнь свои убѣжденія, да и проводятъ ли? А все-таки ихъ рѣчи глубоко запали въ душу Радунцева и прочные корни пустили въ ней... Сколько томительно-безсонныхъ ночей проводить онъ, и въ тиши полуночи, когда всѣ кругомъ спятъ, и только маятникъ однообразно отчеканивается, слышится ему горячій призывъ туда, и этотъ призывъ неумолчно звучить въ ушахъ, какъ бы подымаетъ и толкаетъ впередъ. Конечно, онъ пойдетъ туда, къ этимъ закорюзлымъ Петрамъ и Иванамъ, онъ сольется съ ними, полюбитъ ихъ братской любовью, раздѣлитъ ихъ горекручину, но онъ пойдетъ не одинъ, а съ нею, съ той, которая олицетворяетъ въ себѣ этотъ народъ.

А старикъ отецъ какъ бы догадывается о происходящемъ въ

душѣ сына, все больше и больше брюзжить и жалуется на „глупыхъ мальчишекъ съ ихъ завиральными фантазіями и бреднями“, все больше и больше становится на дорогѣ сына. Что-же, у него хватитъ мужества побороть жалость къ этому больному старику съ его отжившими понятіями, и если нужно будетъ порвать кровныя узы,—онъ порветъ, онъ принесетъ эту жертву.

Онъ тогда рвалъ вообще всякія связи, стоявшія почему либо на его дорогѣ, рвалъ, не задумываясь, съ какими то даже злѣбными наслажденіемъ.

Вспоминается ему вѣнчаніе съ Таней и то жгучее ощущеніе досады, которое онъ испытывалъ, чувствуя на себѣ нахально—любопытные взгляды присутствовавшихъ, вспоминаются слезы жены, когда они ѣхали въ каретѣ, и, какъ живая, рисуется ему фигура Рѣзцова на свадебной вечеринкѣ.

Вотъ онъ протискивается черезъ толпу, въ сизыхъ клубахъ табачнаго дыма мелькнуло его молодое, возбужденное лицо, обрамленное космами густѣйшихъ, черныхъ волосъ, онъ обводитъ взглядомъ окружающихъ и начинаетъ:

— „Братцы! Нашъ національный поэтъ...

— На стулъ, на стулъ! раздается изъ толпы.

— Некрасовъ двумя строками охарактеризовалъ наше время, назвавъ его „подлымъ“. Мѣтче названія не придумаешь.

Оглянемся, что мы видимъ? Эксплоататорство, травли, доносы, подлоги и кражи, кражи безъ конца. И все-таки и въ эти подлые времена бываютъ факты, заставляющіе думать, что не все еще потеряно, что есть люди..

Тяжелое состояніе испытываетъ Радунцевъ, словно какое-то предчувствіе закрадывается ему въ душу, предчувствіе того, что и Рѣзцовъ, и всѣ другіе товарищи—единомышленники, есть также праздная толпа любопытныхъ, удивляющаяся факту его женитбы на крестьянкѣ!

Онъ хочетъ остановить Рѣзцова, но тотъ уже дошелъ до того извѣстнаго напряженія нервовъ, которое зовется вдохновеніемъ, и съ сверкающими глазами продолжаетъ:—есть люди, чіе въ себѣ признаки наступленія лучшихъ временъ. Эти

люди поставили себѣ цѣлью практическое слиянѣе съ народомъ и идутъ къ этой цѣли твердо и неуклонно.

— Довольно, довольно! порывается Радунцевъ, но его оттираютъ.

— Да, твердо и неуклонно, почти кричить Рѣзцовъ,— фактъ на лицо! Это не худосочно—платоническое любованье пейзажомъ Маниловыхъ 40-хъ годовъ, это и не снисходительно—брезгливое либеральничанье съ меньшимъ братомъ, это не гражданская скорбь о мужикѣ, оплачиваемая пяточками розничной продажи, нѣтъ, братцы, это признакъ наступленія торжественнаго времени, эры обновленія ветхаго интеллигентнаго человѣка и похоронъ отжившаго, дряблага барства. Крестьянская дѣвушка...

Онъ быстро подошелъ къ Танѣ, взялъ ее за руку, но та вдругъ выдернула свою руку и отвернулась.

— Оставьте, баринь, сказала она,—что это вы!..

Это маленькое недоразумѣнѣе не могло, конечно, нарушить хорошее настроеніе гостей. Всѣ разошлись очень довольными. Проводивъ гостей, Радунцевъ прошелъ вту комнату, гдѣ была жена. Таня въ бѣломъ, подвѣчномъ платьѣ сидѣла передъ маленькимъ столикомъ.

Онъ подошелъ и взялъ ее за руку.

— Слава Богу, всѣ разошлись. Наконецъ то мы одни.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее. Губы ея были холодны.

— Что съ тобой, Таня? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, отвѣчала она, вздохнувъ.

— Тебѣ нездоровится? Ты устала?

— Нѣтъ, ничего. Я здорова.

— Можетъ быть тебѣ не понравилось, что болтаетъ Рѣзцовъ. не понравился его поступокъ? Правда, это было глупо, но ему можно извинить...

— Онъ насмѣшникъ!

„Насмѣшникъ“!

Онъ пустился разъяснять, доказывать. Неужели она могла допустить, что Рѣзцовъ насмѣхался надъ нею. Онъ такой умный

хорошій человекъ, а она назвала его баринномъ. Если-бы кто другой такъ называть его, онъ бы ужасно обидѣлся. И развѣ онъ дурачился? Нисколько! У него и думы этой не было, онъ говоритъ искренно, говоритъ по душѣ, все то, что у нихъ у всѣхъ лежитъ на сердцѣ. Конечно теперь все это ей непонятно, но потомъ, со временемъ, когда она станетъ учиться, будетъ читать и пойметъ многое, пойметъ его стремленія и, они славно заживутъ въ ихъ маленькомъ гнѣздышкѣ. Она будетъ помогать ему, они пойдутъ вмѣстѣ... Ни отецъ ни мать не пріѣхали на свадьбу, не хотѣли помѣшать барину, и считаютъ ее по всей вѣроятности отрѣзаннымъ ломтемъ, но все это ложно: онъ совсѣмъ этого не хочетъ, онъ хочетъ слиться съ ними, жить ихъ жизнью, принимать участіе въ ихъ радостяхъ и горѣ, потому что онъ вовсе не баринъ, онъ презираетъ, ненавидитъ барь.

Онъ остановился на минуту, блѣдный, взволнованный и вдругъ, какъ бы забывъ совсѣмъ о присутствіи Тани, забывъ, что она можетъ вовсе не понять его,—словно покатился въ глубокую, глубокую бездну:

— О, какъ я ненавижу это лживое барство. Мужикъ не можетъ такъ ненавидѣть, потому что онъ не сознаетъ то зло, которое ему сдѣлали и дѣлаютъ баре. Я отрекшися, проклинаю барство и буду бороться съ нимъ всю жизнь, насколько ея хватитъ. Но теперь у меня нѣтъ необходимыхъ силъ, я изломанный, интеллигентный человекъ, и мнѣ нужно влить въ себя свѣжія, нетронутыя силы, таящіяся въ душѣ простаго русскаго человека.

И онъ сталъ развивать передъ нею картину ихъ будущей счастливой жизни. Трудно было предположить, что Таниа его понимаетъ, но остановиться онъ уже не могъ, ему необходимо было высказать все, что накопилось у него въ душѣ. И у него такъ и лилось. Планы смѣнялись планами одинъ другаго грандіознѣе. О, конечно, они будутъ счастливы, какъ никто. Но куда нужно работать, трудиться, нужно расчистить почву. И когда это совершится, и ихъ союзъ освятится дѣтьми, они будутъ ихъ воспитывать не такъ, какъ воспитываютъ всѣ, они

сдѣлають ихъ честными, трудолюбивыми, готовыми къ какой угодно борьбѣ. Пусть это будетъ ихъ назначеніе, они посвящать себя этой великой задачѣ, ихъ ничто не смутитъ, они должны идти своей дорогой.

— И пойдемъ, Таня, вскричалъ онъ, весь дрожа отъ волненія, пойдемъ вмѣстѣ, голубка, милая моя, до конца, не труся, не возвращаясь назадъ, да, да, дай же мнѣ твою руку, дай твою руку!

Онъ схватилъ ее руку и сталъ дѣловать.

Таня была какъ бы поражена и испугана. Непонятная, горячая рѣчь мужа взволновала ее. Она готова была плакать.

Въ жизни, какъ и въ природѣ, все выходящее изъ ряда обыденнаго теченія, всякіе аффекты и напряженія не длятся по-долгу: скоро наступаетъ нормальное состояніе, и жизнь тихо и монотонно начинаетъ течь по своему руслу.

Такой же однообразной, сѣрой вереницей потянулись въ воспоминаніи Радунцева дни и мѣсяцы его новой жизни. „Расчистка почвы“ оказалась дѣломъ гораздо труднѣйшимъ, чѣмъ онъ думалъ, и требовала массы такого упорнаго, мелкаго труда, на который онъ не былъ способенъ. Перевоспитаніе Тани подвигалось черепашинымъ шагомъ, въ своихъ отношеніяхъ къ мужу она все еще считала его баринномъ, да и самый характеръ ея перемѣнился. Это уже не была та бойкая, веселая дѣвушка, съ безпечной улыбкой, всегда довольная и собой, и всѣмъ окружающимъ. Со дня свадьбы словно какая черная полоса прошла сквозь ея жизнь. Она заскучала, стала сѣтовать и брюзжать и жаловаться иногда по цѣлымъ днямъ. И все это безъ всякаго повода, такъ, придравшись къ какойнибудь мелочи, къ какомунибудь непонятому слову. То ей вдругъ покажется, что онъ ее разлюбилъ, нарочно пропадаетъ по цѣлымъ днямъ, а тутъ приходится сидѣть одной, слова не съ кѣмъ перемолвить, потому что земляки даже ходить не стали, всѣхъ разогнавъ своимъ видомъ. И тянется, тянется длинный рядъ жалобъ...

Никто къ нимъ не ходитъ. Товарищи его придутъ, наку-

рять, накричатъ; споры у нихъ какіе то непонятныя, вьются больше: надоѣдятъ даже. Люди надъ ней смѣются: „за барина вышла!“ Вонъ хозяйка квартирная и та ее за дуру считаетъ. Да, правда! Конечно, она дура. Его то только она связала. Ничего не дѣлаетъ, не работаетъ. Да и что тутъ дѣлать! Въ деревнѣ первая жница была, всѣ хвалили, да въ деревнѣ и работать способнѣе: наработаешься, поѣшь до сыта, выпьешься, на утро такая здоровая да сильная встанешь. А тутъ куда и здоровье дѣлосъ: все голова болить, а отъ книгъ этакъ только спится. Да ужъ и книги! Нѣтъ чтобы принести получше, позанятнѣе; то носилъ какія то ребячьи, а то, вонъ, принеси про князей да слоновъ, да про господъ, какъ они чудачили. Холодомъ и тоскою наполняли душу Радунцева эти жалобы. Иногда, словно сквозь разсѣявшіяся на минуту тучи, выглядывало солнышко,—чѣмъ-то прежнимъ, начинавшимъ уже забываться, вѣяло на Радунцева,—а потомъ опять начиналось все то же, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло и ширилось въ немъ тяжелое чувство разочарованія. А причины были все такія мелочныя: то Таня бросить совсѣмъ учиться и чуть не со слезами начнетъ увѣрять, что ей и глядѣть то на книги тошно, то вмѣсто „стеариновая свѣча“ скажетъ „стерлиновая“,—онъ поправитъ ее, а она не шутя обидится: „ну и пускай, пускай, и всегда такъ буду говорить, дура я, пускай дурой останусь, было раньше думать!“ То вдругъ накинеть платокъ, выбѣжитъ за ворота и сидитъ тамъ съ какой нибудь бабой, и съ увлеченіемъ бесѣдуетъ. А нѣтъ, придуть къ ней земляки и землячки, и Радунцевъ слышитъ изъ своей комнаты, какъ гости говорятъ не наговораются... Грубая рѣчи, непринужденный хохоть, а иногда какой нибудь землякъ окажется подъ хмѣлькомъ и покажетъ во всей неприкосновенности свою мужичью натуру.

Радунцева коробило но онъ насиловать себя, вооружался всѣмъ своимъ хладнокровіемъ, всей своей логикой, выходилъ къ гостямъ, заводилъ съ ними разговоръ, шутить, поддѣлывался подъ ихъ тонъ, но съ его появленіемъ все измѣнялось. Гости тягивались, отдѣлывались молчаніемъ, отиѣчали вѣжливо и

односложно, какъ бы показывая, что напрасно онъ преподла-
валъ, что онъ только стѣсняегь ихъ, что онъ между ними
лишній.

И онъ самъ это чувствовалъ, не смѣя сознаться и обманы-
вая себя разными несбыточными надеждами. Онъ уходилъ къ
себѣ, садился за работу, стараясь развлечься, но работа не
спорила и отбрасывалась съ отвращеніемъ, а онъ сидѣлъ по
долгу, мрачный, убитый, обхвативъ голову руками и муча себя
вопросами: „что же будетъ дальше, чѣмъ все это кончится?“.

Боицилось это тѣмъ, что онъ предоставилъ женѣ полную
свободу дѣйствовать, какъ она захочетъ. Таня захотѣла съѣздить
въ деревню на мѣсяцъ,—онъ безпрекословно согласился.

Она прожила тамъ всю зиму и весну. За все время отъ нея
пришло только два письма.. Онъ радовался, что она отдыхаетъ.
но потомъ соскучился и поѣхалъ за нею.

И вотъ здѣсь, по дорогѣ въ деревню, подъ тихій шумъ лѣса
и дыханіе лѣтнаго вечера, Радунцевъ почувствовалъ, будто въ
сердцѣ у него что-то растаяло, будто со всѣмъ прежнимъ покон-
чено теперь навсегда, словно онъ отъ тисковъ какихъ избавился,
и прежній, полузабытый юношескій порывъ охватить его.

Въ этомъ порывѣ не было ничего самонадѣяннаго,—нѣтъ,
онъ начиналъ снова любить все окружающее такъ, какъ оно ему
представлялось, и тѣ самые мужики, которыхъ онъ не выносилъ
у себя, въ Петербургѣ, здѣсь, въ другой обстановкѣ, снова при-
обрѣтали его симпатіи. Всѣ расчеты съ прошлымъ были кон-
чены, воспоминанія о немъ промелькнули и забылись, и Радун-
цеву казалось, что новый путь, новая жизнь лежала передъ
нимъ.

IV

Кузавъ.

Грохотъ нагонявшей телеги заставилъ его остановиться. Онъ
отошелъ въ сторону и ждалъ, когда она пройдетъ. Телега —

ровналась съ нимъ, и въ сидѣвшемъ въ немъ человѣкѣ онъ узналъ того самаго кулака съ хитрыми глазками и рыжеватой бородкой, котораго видѣлъ на пароходѣ.

Онъ ѣхалъ тихо, опустивъ возжи, въ красивой и крѣпкой купеческой телѣгѣ, и, поравнявшись съ Радунцевымъ, вѣжливо приподнялъ картузь.

— Кажись, знакомые? спросилъ онъ, прищурившись, — на пароходѣ изволили ѣхать?

— Да, ѣхалъ.

— А теперь далече идти изволите?

— Въ Прядиху.

— Въ Прядиху? Да помиуйте-сь, по одной дорогѣ. Что-жъ вы это замѣсто прогулки-сь?

— Да, за прогулку.

— Садитесь, подвезу-сь!

— Благодарю васъ. Не обезпокойте бы васъ?

— Помиуйте, что вы! Я вотъ подвинусъ маленько, обонимъ мѣста хватить.

Радунцевъ сѣлъ, лошадь побѣжала трусцою.

— И любехонько дойдемъ. А то идти... какъ же можно. Здѣсь народъ-то не очень чтобы очень смирный-сь. Рабочій съ гонки, другой какой человѣкъ, оно и опасновато; того и гляди! Тыфу! И выговорить-то страшно!

Онъ сердито оглянулся по сторонамъ и замолчалъ.

Они уже миновали двѣ или три деревни, какъ при проѣздѣ черезъ одну, изъ крайней избы, почти полуразрушенной съ развѣвающимися остатками соломы на крышѣ, выскочилъ мужикъ безъ шапки и замахалъ навстрѣчу проѣзжимъ. Слизневъ придержалъ лошадь. Мужикъ подбѣжалъ къ тележкѣ и зачастилъ поклоны.

— Что, Евлоха? спросилъ кулакъ, пуская лошадь шагомъ.

— Да все насчетъ того, Спиридонъ Игнатьичъ, ужъ явите божескую милость!

— Да что явить-то... Не могу, братъ, никакъ не могу.

— Помилуйте, Спиридонъ Игнатьичъ, что-жь это будетъ? съ какинъ-то отчаяніемъ выкрикнулъ мужикъ.

Радунцевъ посмотрѣлъ на него. Своей тощей и блѣдной фигурой мужикъ производилъ впечатлѣніе чего-то страдальческаго, безпомощнаго. Слизневъ невозмутимо поглядывалъ впередъ.

— Судите по человѣчески, заговорилъ мужикъ какинъ-то неровнымъ, надтреснутымъ голосомъ, (онъ былъ очень взволнованъ, даже словно какъ бы дрожалъ, и все шелъ около телѣжки)—вѣдь я не то что!.. Вы меня знаете, Спиридонъ Игнатьичъ... Я... у меня и скотина есть, какая никакая, а все денегъ стоитъ... Изба, скарбишко кое-какой!..

Слизневъ усмѣхнулся.

— Не могу, Евлоха, сказано не могу! Знаешь, ноне времена какія, самому, милый, деньги нужны. Прощай!

Слизневъ чмокнулъ; лошадь побѣжала.

— Спиридонъ Игнатьичъ! Явите!.. раздался сзади прерывистый голосъ мужика. Онъ бѣжалъ за телѣжкой, спотыкаясь и съ трудомъ перевода духъ.

Слизневъ дернулъ возжами.

— Спиридонъ Игнатьичъ! Отецъ родной! Благодѣтель! умолялъ мужикъ, продолжая бѣжать за телѣжкой.

Лошадь побѣжала шибче.

Какой-то сдавленный выкрикъ раздался еще сзади, и затѣмъ уже ничего не стало слышно.

Радунцевъ обернулся: мужикъ стоялъ посреди дороги въ растерянной позѣ, безпомощно свѣсивъ руки и опустивъ голову.

— Бѣда вотъ съ такими, заговорилъ Слизневъ, когда они отъѣхали далеко отъ деревни,—привяжется, хоть ты что хочешь съ нимъ.

Радунцевъ молчалъ, подавленный впечатлѣніемъ разыгравшейся сцены.

— И жалко-то его, а ничего не подѣлаешь.

— Сколько онъ у васъ просилъ?

— Пять рублей.

— Господи, только-то?

— Только! Эхъ, господинь! Оно, конечно, пять рублей деньги не большія, да вѣдь и мужиковъ-то такихъ не мало-сь. Одному дай, и другому нужно-сь. Зачѣмъ-же другаго обижать. А получка-то съ нихъ, охъ, тутъ-сь. Эхъ, господинь, дѣловъ-то нашихъ вы не знаете-сь. По вашему, пять рублей ровно какъ-бы и не деньги, а у насъ, въ деревнѣ-сь большую ролю играютъ-сь. Да вотъ хоть-бы къ примѣру взять этого самаго Евлоху. Мужикъ онъ такой-сь, что ничего худаго не скажешь, мужикъ работающій, трезвый. Одно,—неудачливый, вся бѣда его въ томъ состоитъ-сь. У людей, къ примѣру, рожь уродится густая, высокая, колосомъ полная, любо глядѣть-сь,—у Евлохи и рожь низка, и колосъ тощъ; у людей трава-во! у него чуть отъ земли. И все такъ-сь! Люди на работу выйдутъ въ свое время, все у нихъ спорится, глядь убрались ко времени,—Евлоха подыметъ ни свѣтъ ни заря, бабъ своихъ нагонитъ, мучаются сердечные, а глядишь ничего путнаго не вышло. Такой ужъ человѣкъ незадачливый уродился!

— Вотъ такому-то, я думаю, и помочь.

— Не слѣдуетъ.

— Какъ не слѣдуетъ? Помилуйте, что вы говорите?

— Правду говорю-сь: не слѣдуетъ! Потому не въ коня кормъ! Помогай не помогай, а толку все равно не будетъ, потому это отъ Бога-сь! Такъ какой-же интересъ.

— Да онъ то чѣмъ виновать? Вѣдь вы сами говорите, что жалѣете его!

— Жалѣю.

— И не хотите дать пяти рублей?

— Не стоитъ-сь.

— Да вѣдь вотъ онъ вамъ говорилъ: у него изба, скотина...

— Такъ что-же съ нею-сь? Изъ избы его не выгонишь, жить нужно человѣку, корову не продашь,—у него, шутка сказать, пять человѣкъ дѣтей! Такъ какой-же, интересъ подумайте!

— Странно, вы все о какомъ-то интересѣ... Если вы жалѣете мужика, такъ при чемъ-же тутъ интересъ!

— А какъ-же? Мы себя должны соблюдать. И у меня тоже жена, дѣти...

— Вы торгуете?

— Торгуемъ помаленьку. Я телятами занимаюсь, скупаю, значить, по деревнямъ.

— И хорошо идетъ торговля?

— Нечего Бога гнѣвить, плетется себѣ помаленьку... Нѣтъ, я вижу, вы совсѣмъ нашихъ дѣловъ не знаете, господинъ.

— Можетъ быть.

— Вы, вѣрно, все въ городѣ живете-сь?

— Живать и въ деревнѣ.

— Такъ-сь.

Слизневъ какъ-то особенно пристально посмотрѣлъ на собесѣдника.

— А теперь вы по дѣлу сюда?

— Не совсѣмъ. Я ѣду къ женѣ.

— Къ женѣ? Что-жъ онѣ тутъ на дачѣ стоятъ?

— Нѣтъ она въ своемъ домѣ, родительскомъ.

— Въ ро-ди-тель-скомъ?

Недоумѣніе отразилось на его лицѣ. Онъ даже повернулся весь къ Радунцеву и смотрѣлъ на него, тараща свои подслѣповатыя глазки.

— Да вы въ Прядихѣ всѣхъ знаете? спросилъ Радунцевъ.

— Слава тебѣ, Господи, ребятешекъ, кажись, всѣхъ на перечь.

— Ну, значить, и жену мою Татьяну знаете.

— Татьяну... Николаевну. (Его, словно, передернуло. Онъ повелъ плечами, какъ-бы ощущая холодъ и, отвернувшись, сталъ пристально смотрѣть на дорогу). Знаю... знаю. Такъ вы мужъ, выходить,—какимъ-то безвучнымъ, словно деревяннымъ голосомъ добавилъ онъ.

Наступило молчаніе. По дорогѣ стало темнѣть; словно дымчатая завѣса, съ неба до земли, опустилась передъ путниками.

— Отецъ-то Татьяны... Николаевны—тестъ, выходить, вапъ— у меня прошлую зиму въ работникахъ жилъ, началъ Слизневъ

съ оттѣнкомъ какой то веселости въ голосѣ, — да человекъ то больно не суразный, рассчиталъ я его. Зашибаетъ шибко, а ужъ хорошаго тутъ мало.

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны послѣднія слова, прозвучала значительная доля фамильярности, это ужъ не былъ тотъ тонъ уваженія къ „господину“, который слышался въ прежнихъ обращеніяхъ кулака.

Радунцевъ почувствовалъ къ нему что-то родѣ ненависти. Не нравились ему его нахальные взгляды, которые тотъ кидалъ на него изподтишка, его самодовольно-спокойная фигура, не нравилось и это пренебрежительное отношеніе къ тестю.

— Ну, а вы не зашибаете? спросилъ Радунцевъ.

Кулакъ сперва какъ бы обидѣлся, но тотчасъ же спохватился.

— Сохрани и помилуй Господи! перекрестился онъ, — наше дѣло торговое, достатки кое какіе есть, этимъ дѣломъ заниматься не приходится.

— А на пароходѣ вы, все таки, изрядно выпили.

— На пароходѣ то? Хе, хе, хе! Намъ и нельзя иногда не царшнуть. За графинчикомъ иной разъ такое дѣльце обтяпашь!.. А только, чтобы до безчувствія—ни-ни. Потому меня начальство знаетъ, уваженіе оказываетъ... Сохрани Богъ, поидеть слухъ въ общество, чтѣ-жъ это, конфузъ одинъ, больше ничего. А Николай? Чтѣ у него? Ни кола, ни двора! Землю бросилъ, корову съ лошадыю продалъ; чтѣ заработать на сапогахъ, тѣмъ и сытъ. Беречь и заботиться ему не о чемъ—день прошелъ, и слава Богу!

— Ну, конечно, гдѣ ему съ вами равняться! Вы вонъ выпьете здрово на сытый желудокъ, въ картишки перекинетесь, мимоходомъ дѣльце обдѣлаете, отдохнете, выспитесь въволю. А Николай у васъ работаетъ недѣлю, рукъ не покладая, въ воскресенье придетъ въ деревню отпроситься, а вы ему: „шашлишь, братъ, я изъ города пріѣхалъ, самъ погулять хочу!“ Глядишь, Николай за водкой бѣжить версть за пять и лошадь закладываетъ—за вашимъ пріателемъ ѣдетъ. Ну, извѣстно, побь-

бывають челоуѣкъ въ кабацѣ, возвращается, уставшій, съ водкой, и лѣтка не вяжетъ. И выпить то онъ, можетъ быть, всего стаканчикъ, да съ голодухи развезло.

— Ха, ха, ха! такъ и покотился Слизневъ и хохоталъ долго, такъ что слезы показались на глазахъ, и кончикъ носа покраснѣлъ,—какъ по писанному. Ха, ха, ха! Ахъ вы, баринь! (Это было сказано уже совсѣмъ презрительно). Ну и распотѣшили же, домой приѣду—не забуду. Главнаго-то вотъ только вы и не сказали.

— Это что работникъ загуляетъ на пару дней? Такъ вы съ него за это прогулъ сдерете.

— Это, ужъ безпремѣнно! Чего имъ мирволить. А только напрасно вы меня къ работнику приравняли. Не та статья. Господь Богъ вонъ и лѣса не сравниаь, а выходить, что я загуляю, — мнѣ ничего не сдѣлается, а онъ загуляетъ, такъ дома жрать нечего будетъ. А тамъ, глядишь, подать заплатитъ не чѣмъ, избенка развалилась, сгношить нѣ на что, ну и ступай по-миру.

— Скажите, много у васъ рабочихъ?

Слизневъ искосо взглянулъ на него.

— Ничего себѣ, есть! У меня и жена ваша въ рабочихъ жила.

— Вотъ какъ! Когда же это?

— А годовъ шесть тому. Молоденькая была, такъ лѣтъ 15-ти. А шустрая, веселая была дѣвка; на бесѣдахъ ли, на гуляньяхъ—вездѣ, бывало, первая! Парни-то такъ вкругъ нея и вьются, такъ и вьются!

И онъ вдругъ прямо, и какъ-то дерзко посмотрѣлъ на Радунцева. Маленькіе глаза такъ и бѣгали подъ нависшими бровями, ротъ искривился въ улыбку, клинообразная борода тряслась.

А Радунцевъ, въ это время, напряженно вглядывался въ темноту. Тамъ, прямо по дорогѣ, сквозь ночной сумракъ начинали вырисовываться силуэты деревенскихъ построекъ. Чѣмъ короче становилось разстояние до Прадихи, тѣмъ сильнѣе

сильнѣе начинало биться сердце Радунцева... Показались гунна. Лошадь зафыркала, чуя жилье. Пѣтухъ звонко запѣлъ, и въ этомъ пѣніи Радунцеву показалось что-то, привѣтствовавшее его прїездъ.

Слизневъ остановилъ лошадь.

— Съ прїездомъ поздравляю!

Было совсѣмъ темно, Радунцевъ не могъ разглядѣть его лица.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, слѣзая съ телѣги.

— Не на чѣмъ-съ, сухо отвѣтилъ тотъ, не натягивая возжей.

Радунцевъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, Слизневъ поровнялся и повѣхалъ шагомъ.

— Счастливаго пути! послышался съ телѣги задыхающійся, злобный голосъ, — дорогой-то не ошибитесь!

— Не ошибусь!

Радунцевъ шелъ, телѣга продолжала ѣхать рядомъ.

— Хорошо вы давеча рассказывали, — послышалось опять съ телѣги, — видно, чужія-то дѣла лучше вамъ вѣдомы, нежели свои?

— Какъ свои?

— Такъ, свои, семейственные, значить. Женушка то ваша...

— Жена!

Радунцевъ бросился впередъ. Одновременно послышался сильный ударъ кнута, лошадь рванула, и телѣжка, грохоча по бревенчатому мостику, очутилась за нѣсколько саженьей.

— Гуляеть! Вотъ что! раздался изъ мрака какой-то надорванный, радостно-визгливый крикъ.

У Радунцева въ глазахъ потемнѣло. Точно внезапно налетѣвшій вихрь закрутилъ его, и земля ушла изъ-подъ ногъ. Какъ подрубленное дерево, онъ медленно и грузно опустился на траву и приложилъ руку къ виску. Тамъ словно стучала какой-то невидимый молотъ.

V

У ж е н ы.

Онъ долго такъ сидѣлъ, а молотъ все продолжалъ стучать, сильнѣе и сильнѣе. Голова горѣла; какой-то смутный хаосъ, какіе-то обрывки мыслей мелькали въ ней.

Онъ сидѣлъ скорчившись, безсильный, неподвижный, какъ бы сраженный громомъ. Время шло.

А надъ нимъ, въ неизмѣримой вышней голубаго, ночнаго неба, вспыхивая и какъ бы тихо дрожа по временамъ горѣла большая звѣзда. На землѣ царила спокойная, деревенская ночь. Собаки, переполошенные грохотомъ промчавшейся телѣги, разбрелись по своимъ конурамъ. Гдѣ-то, по близости, журчалъ ручей.

Радунцевъ поднялся съ мокрой травы и, машинально сойдя къ ручью, прогекавшему у его ногъ подъ бревенчатымъ мостикомъ, также машинально, пригоршнями сталъ пить воду. Вода освѣжила его, онъ въ состояніи былъ связать нѣсколько мыслей. Измѣрить бѣду, внезапно свалившуюся на голову.

Ударъ былъ страшный, ошеломляющій.

Уничтоженный, разбитый, онъ вдругъ почувствовать себя здѣсь лишнимъ. Зачѣмъ онъ здѣсь?

Вонъ, кругомъ, мать-природа спитъ, и всѣ они спать тоже и набираются свѣжихъ силъ, чтобы съ первымъ лучомъ зари начать свою тяжелую, трудовую жизнь. Зачѣмъ же пришелъ онъ сюда съ своими безотрадными думами и чувствами, весь исполненный злобы и ревности? Вѣдь не судьей же пришелъ онъ въ эту глухую деревеньку, онъ, такъ честно относившійся къ чужой совѣсти, вѣдь не пришелъ же онъ разбить ихъ счастье, испортить ихъ жизнь и только потому, что его жизнь испорчена, его сердце разбито. Какое же дѣло всему этому міру до чуждаго ему человѣка? Развѣ его жизнь, сложившаяся изъ мелочей, недоступныхъ и непонятныхъ этимъ людямъ, имѣ

съ ихъ жизнью чтонибудь общее? Вѣдь то, что терзаетъ его душу, для нихъ сущій пустякъ.

— Такъ, все такъ, утѣшай себя, стучалъ неутомонный молотъ,—а все-таки громъ разразился, безжалостно, безпощадно пришибъ, а все-таки жену-то ты упустилъ!

И сколько горечи было заключено въ этой фразѣ, горечи и презрительнаго смѣха надъ собой.

„Парни такъ и вьются, такъ и вьются“... припомнились ему слова кулака. Ну что-жъ, все это должно было случиться, нужно было угадать только, угадать раньше, а онъ ничего этого не угадалъ и пришелъ сюда разыгрывать роль обманутого мужа. Смѣшная и пошлая роль! Онъ взглянуть на часы. Стрѣлки показывали три. Въ десять шель пароходъ, онъ бы успѣлъ еще.

Но вдругъ, почти безсознательно, взгляды его приковался къ сплошному ряду избъ, темными окнами глядѣвшихъ на улицу; онъ увидѣлъ ея домъ съ покосившимися воротами, съ широкой заваленкой, и воспоминаніе провизга охватило его всего.

Когда-то на этой завалникѣ они сидѣли влюбленные, счастливые. И дорога, и малевъкая, ветхая часопенька напротивъ, и огородный плетень—все было залито ровнымъ матовымъ свѣтомъ луны и словно млѣло въ какой-то сладкой истомѣ. Они сидѣли долго, обнявшись, прижавшись крѣпко другъ къ другу, словно слившись въ одно цѣлое. Время летѣло, они не замѣчали.

— Господи, что-жъ это такое! Съ ума я схожу, что-ли! чуть не вслухъ вырвалось у Радунцева,—чего я мучаю себя! А если ничего этого нѣтъ, если все это вздоръ, слово обо-звеннаго человѣка, пущенное на вѣтеръ, такъ себѣ, чтобы отмыстить? Чепуха! И какъ могъ я повѣрить такому подлому вадору!

Онъ круто повернулъ къ дому жены.

Въ избѣ всѣ спали. Онъ постуцалъ. Отвѣта не было. Онъ постуцалъ еще; нервическая дрожь охватила его. Превнія сомнѣнія вихремъ проносились въ головѣ, мысли одна другой тяжелѣе, одна другой нелѣпѣе чередовались въ ней. А между тѣмъ, тамъ, гдѣ-то въ отдаленномъ уголкѣ сердца, жила прежняя любовь къ Танѣ. Масса противоположныхъ стремленій и чувствъ боролись въ немъ, но стремленіе быть тамъ, около жены, взглянуть (только взглянуть) на нее, услышать звуки ея голоса сильнѣе и сильнѣе овладѣвало имъ.

Онъ постуцалъ громче. Въ снѣгахъ скрипнула дверь, и кто-то подошелъ къ калиткѣ.

— Кто тамъ?

Радунцевъ узналъ голосъ тестя и назвалъ себя. Калитка распахнулась, и въ темнотѣ двѣ мозолистыя руки схватили его руки.

— Господи, Александръ Ильичъ, да что-жъ ты это такъ поздно? Ночью-то? Ахъ ты Господи! Да еще пѣшій никакъ? И въ правду пѣшій! Да что-жъ это...

— Брали дорого на пристани... А тутъ меня подвезъ... отрывками бросалъ Радунцевъ и вдругъ остановился:—а Таня? Здорова?

— Здорова, здорова! Ахъ ты, голубчикъ мой, да какъ же это... Ужъ и народъ тамъ, на рѣкѣ, ловкій, ловкій, нечего сказать, шкуру содрать готовы. Ну, съ прїѣздомъ Александръ Ильичъ, съ прїѣздомъ!

Они обнялись и поцѣловались среди двора.

Въ снѣгахъ встрѣтила ихъ теща, Пелагея Спиридоновна и ввела въ избу, въ которой слабо мерцалъ ночникъ.

Радунцевъ осмотрѣлся. Въ избѣ больше никого не было.

— А гдѣ-же Таня? спросилъ онъ.

— Въ пологу, батюшка, спать,—отвѣчала теща,—жарко тутъ, ну и мухи, а тамъ вольготнѣе.

— Да; ужъ мухи! махнулъ рукой Николай Васильичъ.

Пелагея Спиридоновна вышла въ снѣги.

Тамъ она постояла немного, какъ бы что обдумывая, потомъ тихонько вошла въ небольшую пристройку.

Пристройка эта, расположенная надъ той частью двора, гдѣ стоитъ скотъ, была застлана поломъ только до половинны, черезъ остальную часть видѣнь былъ пустой дворъ, съ котораго даже солома была свезена. Въ первой половинѣ, подъ низкой крышей, съ которой мѣстами спускалась солома, закрытая вплотную грубымъ холщевымъ подоломъ, стояла кровать.

Старуха подошла къ кровати и отдернула пологъ. Таня, раскидавшись, спала крѣпкимъ сномъ. Сбившееся въ комокъ одѣяло лежало въ ногахъ. Изъ-подъ открытаго ворота рубахи краемъ виднѣлась полная грудь; черныя косы, какъ ужи, сползали съ подушки.

— Таня!.. Татьяна!...

— А?.. Что? проснулась Таня.

— Мужъ... Александръ Ильичъ пріѣхалъ.

— Ну-у!..

Голосъ Тани оборвался. Протирая глаза, она сѣла на кровать.

— Врешь ты, мамка!

Она зѣвнула и размѣялась.

— Ну вотъ, дура, стану я врать! Правда, пріѣхалъ.

Старуха присѣла бокомъ на кровать что-то быстро зашептала...

Радунцевъ тѣмъ временемъ разговаривалъ съ тестемъ. Разговоръ шелъ вяло, отрывочно, какъ это бываетъ у людей, только что вставшихъ съ постели. Наконецъ, Николай Васильевичъ всталъ, снялъ съ сундука самоваръ и вышелъ въ сѣни.

Радунцевъ остался одинъ и погрузился въ созерцаніе предметовъ, бывшихъ въ избѣ. Онъ находился въ томъ періодѣ нравственнаго утомленія, когда голова отказывается работать, мысли мельчаютъ, и наступаетъ полнѣйшая апатія ко всему.

Въ избѣ было все старое, давно знакомое. Маленькое, полъ-аршина въ квадратъ, зеркало, сильно потускнѣвшее, запыленное мухами и обладавшее способностью уродовать лицо

смотрящагося; старый, обитый и покоробленный комодъ и надъ нимъ съ десятокъ модныхъ, засаленныхъ картинокъ; въ углу икона Тихвинской Божьей Матери, а подъ ней пучекъ взохшей вербы и почернѣвшее сахарное яйцо. Признакомъ цивилизаціи, помимо модныхъ картинокъ, была керосиновая лампа, подаренная нѣкогда тещѣ Радунцевымъ и стоявшая на комодѣ въ почетномъ одиночествѣ.

Эта лампа напоминала Радунцеву долгіе, тяжелые, зимніе вечера, проведенные за нею.

Онъ закрылъ на минуту лицо руками, потомъ отнял ихъ и туло уставился въ уголъ.

Дверь тихонько скрипнула. Вошла Таня.

Радунцевъ порывисто вскочилъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Ноги его дрожали, колѣни подгибались. Передъ нимъ стояла вполне разцвѣтшая деревенская красавица. Высокая, полная грудь, округленная, могучія формы, загорѣлое, дышащее здоровьемъ и силой лицо и, подъ рѣзко очерченными, закругленными бровями, черные глаза, полные огня и жизни.

— Здравствуй, Саша, протянула она своимъ пѣвучимъ голосомъ и подошла поцѣловать его.

Онъ со страстью прижалъ ее къ груди, сталъ покрывать поцѣлуями; она холодно отвѣчала. Онъ ничего не замѣчалъ; онъ забылъ все, что съ такой болью думалось ему раньше, свои тревоги, муки, забыть самого себя.

— Закусить не хочешь-ли, батюшка? спросила появившаяся въ дверяхъ теща.

Онъ не слышалъ; теща повторила приглашеніе.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, чайку, съ дороги-то.

Старуха принялась собирать посуду. Радунцевъ сѣлъ около жены.

— Весело было тебѣ? спросилъ онъ.

— Ничего, весело.

— А я, вотъ, соскучился (онъ улыбнулся, но улыбка вышла какая-то дѣланная). Не могъ больше и прѣхаль.

Какая-то тревожная тѣнь пробѣжала по лицу Тани.

— Что, рѣзвѣ не хочется домой? спросилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

Таня отвернулась немного къ окошку.

— Отчего не хочется, отвѣчала она, —будетъ, пожила, пора и домой.

Но голосъ выдавалъ ее. Въ немъ была слышна дрожь.

— Скажи правду: не хочется?

Таня молчала.

— Ужъ и безъ того спасибо тебѣ, Александръ Ильичъ, — заговорила теща, выступая впередъ, кланяясь и придерживая у живота большую „аппетитную чашку“, которую она намѣревалась поставить на столъ, — спасибо, что отпустилъ Танюшу. Богъ вѣсть, приведется-ли еще свидѣться, можетъ и помру, не увижу больше.

— Скажите, вы знаете Слизнева? спросилъ вдругъ Радунцевъ.

— Слизнева? Знаемъ, знаемъ, батюшка, отвѣчала старуха, — онъ тутъ неподалеку живетъ. Въ прежніе годы телятъ у насъ покупалъ; нонѣ въ силу вошелъ. Люди говорятъ, тысячъ пятьдесятъ капиталу-то у него.

— Ты у него въ работникахъ жила? спросилъ Радунцевъ жену.

— Жила. Недолго.

— Немного, немного жила, затарантила теща, — да у него долго не наживешь. Работы — задавиться въ пору, а расчетомъ притѣсняеть — ничего, что богатъ. И озарникъ тоже, нечего грѣхъ таить.

— Какъ озарникъ?

Старуха усмѣхнулась.

— За то у него теперь молодухъ то ужъ нѣтъ, никто нейдетъ; все мужики больше.

Николай Васильичъ внесъ пузатый, зеленоватый самоваръ.

Теща стала заваривать чай. Радунцевъ присѣлъ къ окну и сквозь тусклыя, запыленные стекла сталъ смотрѣть на дорогу.

Становилось свѣтло. Надъ рѣчкой, окружавшей деревню, волнами носился бѣловатый туманъ. На дорогу слетались голуби. Громкое чириканье воробьевъ стояло въ воздухѣ. Деревня просыпалась. Откуда-то доносились фырканье лошади и сильный, мужицкій голосъ.

— Свѣтать стало, замѣтила Пелагея Спиридоновна, допивая чай и отодвигая чашку,—пора и на работу.

— Пойдемъ, отвѣчала Таня.

— На какую работу? спросилъ Радунцевъ.

— Да покосишко тутъ у брата Максима. Пустяки! отвѣчалъ тестъ.

— Пустяки! Ишь ты какой. Максимъ, небось, по полтинѣ за день платить! вскинулась на него старуха.

— Да что... возразилъ было тотъ, но махнулъ рукой и замолчалъ.

— И ты, Таня, ходишь на работу? спросилъ Радунцевъ.

— Хожу. Отчего-же не ходить?

— Гм... Что-же за необходимость? Письмо вы получили? обратился онъ къ старухѣ.

— Получили, получили, спасибо, батюшка. Такъ вѣдь мы тѣ деньги, что прислали, приберегли. А отчего-жъ бы не работать, батюшка? Платять-то они хорошо, а дома все равно дѣлать нечего.

— По крайности, барыней звать перестали, засмѣялась Таня,—а то все: „барыня да барыня“, хоть ты улицу на выходи!

— У насъ, батюшка, коли приѣхала въ деревню, работать нужно. Особенно теперь время такое,—покось. Просять, такъ нужно, батюшка, идти, а то обидятся, да ославять, что гордичка да лѣнивая.

— Пустяки болтаешь, замѣтилъ Николай Васильичъ,—сегодня ужъ нечего, коли мужъ приѣхалъ.

— Ань сегодня то и нужно! перебила Таня,—сегодня безпремѣнно кончить нужно. Максимовскіе и то спрашивали...

— Ну что жъ съ того, сурово отозвался отецъ,

— Да немного и поработать-то, не до вечера.

— Ретивая она у меня, батюшка, работать-то! подхватила теща.

Николай Васильичъ сердито покосился на обѣихъ.

— Ретивыя вы! пробормоталъ онъ, вставая.

— Что-же, Сапа, идти, что-ли? спросила Таня.

Не сразу отвѣтилъ Радунцевъ.

Вся эта сцена произвела на него какое-то давящее впечатлѣніе. Онъ снова почувствовалъ себя ничѣмъ не связаннымъ съ ними человѣкомъ. И жена, которую онъ такъ сильно любилъ, показалась ему теперь совершенно чужой. Вотъ онъ пріѣхалъ послѣ долгой разлуки, съ радостнымъ чувствомъ встрѣтилъ ее, всѣ муки и тревоги, которыя онъ испытывалъ раньше, улеглись, почти забылись, и легко ему уже начинало становиться, въ сердцѣ вѣра зарождалась: чуточку-бы больше ласки, какою-нибудь пару незначительныхъ, но милыхъ словъ— и онъ бы ожилъ снова, сбросилъ-бы съ себя невыносимый гнетъ сомнѣній. Нѣтъ, она безучастно-холодна, какъ чужая, преспокойно уходитъ, оставляя его одного.

— Пустяки, рефлексія, глупая чувствительность, думалось ему снова,—у насъ тамъ еще умѣстны подобныя требованія ласокъ, здѣсь-же все просто, все на практическихъ жизненныхъ основавіяхъ. Нѣтъ шумныхъ проявленій, и тѣмъ лучше; за то больше правды.

Онъ обманывалъ себя, въ ту-же минуту сознавалъ это и все-таки хотѣлъ обманывать себя до конца. Такъ человѣкъ, котораго постигла бѣда, не хочетъ еще въ нее повѣрить, не хочетъ смѣло взглянуть ей въ лицо, а все ходитъ кругомъ да около, все ищетъ чуда, которое-бы его спасло.

— Если нужно идти,—ступай! отвѣтилъ онъ.

— Кончить только, кончить, батюшка! заговорила теща.

Таня выглянула въ окно.

— Смотри-ка, мама, никакъ Дунька косая... Она и есть!...
А вонъ и Максимовскіе.

— Богачи, а на работу первые выходятъ, суровымъ тономъ замѣтилъ Николай Васильчъ.

Мать и дочь накинули на головы платки и вышли.

Радунцевъ посмотрѣлъ въ окно. Было совершенно свѣтло. За рѣкою поднималось лучистое солнце, разгоняя остатки предразсвѣтнаго тумана. Деревня уже зажила своей будничной жизнью: проходившіе мимо часовни мужики съ косами и бабы съ граблями приостанавливались и крестились; потянулось деревенское стадо; проѣхалъ мужикъ, другой, третій... Таня съ матерью скрылись за мостикомъ.

— Я тебѣ на дворѣ постлалъ,—раздался сзади Радунцева звучавшій необыкновенной мягкостью голосъ тестя,—покойнѣе будетъ. Въ избѣ то жарко, да и мухъ этихъ проклятыхъ не оберешься!

— Спасибо! Да ужъ не знаю, ложиться ли?

— Ложись, ложись, Съ дороги то, поди, разломило... Шутка-ли, пѣшимъ!... Ложись! А спать тебѣ будетъ хорошо, на снѣгъ-то. Снѣгъ нынѣшнее, свѣжее. Пойдемъ-ко-съ!

Онъ провелъ его на дворъ и, указавъ въ углу охапку сѣна, прикрытую чистой простыней и съ подушкой въ головахъ, прибавилъ въ видѣ рекомендаціи:

— Тутъ спать хорошо, я всегда сплю. Подуваешь маленько, таково важно! Ну, ложись съ Богомъ. Такъ-то! А я пойду сапоги дошивать.

Онъ постоялъ еще немного, поправилъ зачѣмъ-то подушку, обдернулъ простыню и ушелъ.

Радунцевъ легъ. Мягкое, душистое сѣно пріятно облекло уставшее тѣло. Утомленіе взяло свое: онъ заснулъ, какъ убитый.

VI.

С о м н ѣ н і я .

Но черезъ часъ онъ проснулся, словно разбуженный какимъ то толчкомъ. Онъ не сразу пришелъ къ ясному сознанію, гдѣ находится, всталъ, осмотрѣлся кругомъ, но потомъ тотчасъ же легъ снова и закрылъ глаза.

Такъ, съ закрытыми глазами, онъ сталъ вспоминать, и вся горечь его настоящаго положенія предстала передъ нимъ во всей своей грубой реальности.

Жена не любитъ его,—это ясно. Фактъ измѣны не узнать, не подтвержденъ, но нетрудно понять, что онъ существуетъ, особенно, если дать вѣру словамъ Слизнева.

— Господи, да неужели же все это правда? съ тоскою думалось ему, и онъ гналъ отъ себя эти, какъ онъ ихъ внутренно называлъ, „дурныя мысли“, нарочно старался думать о другомъ, принуждалъ себя заснуть. Все было напрасно! „Дурныя мысли“ разрастались, сонъ бѣжалъ отъ глазъ, нервы все болѣе и болѣе напрягались.

Какъ то неволью явилось воспоминаніе приѣзда его въ деревню въ первый годъ женитьбы (Таня уѣхала весною, онъ приѣхалъ за нею въ половинѣ лѣта), и живая картина встрѣчи нарисовалась передъ нимъ. Онъ видѣлъ жену, бросающуюся къ нему въ порывѣ радости, повисшую у него на шею и цѣлующую его безчисленное число разъ въ губы, въ лобъ, въ щеки. Вспомнился ему и отъѣзд Тани въ деревню. Она рыдала, прощаясь точно навсегда, не могла оторваться отъ него.

Да, то была любовь!

А теперь?

И всѣ мельчайшія подробности настоящей встрѣчи вдругъ припомнились ему. То, чему онъ, подъ вліяніемъ радостнаго чувства, охватившаго его при встрѣчѣ съ женой, не придавалъ никакого значенія, теперь, когда чувство уступило мѣсто раз-

мышлению, получило особенное значеніе. Онъ припомнилъ этотъ скучающій взглядъ, брошенный на него женою, это спокойное: „здравствуй Сапа“, какъ бы вынужденные поцѣлун, смущенное молчаніе, холодный тонъ.

Подозрительной показалась ему чувствительность Николая Васильича. Старикъ какъ будто хотѣлъ любезнымъ обращеніемъ сдѣлать менѣе чувствительнымъ ударъ, готовящійся ему; суровое же обхожденіе его со старухой и дочерью заставляло предполагать, что ему все извѣстно. А старуха! Несомнѣнно, она прикрываетъ дочь. Наконецъ, Слизнаевъ. Она смутилась при его имени. Неужели онъ замѣшанъ?.. Нѣтъ, скорѣе его отвергли, поэтому онъ обозленъ, ревнуетъ, и вотъ причива, что онъ открылъ тайну. Ну, тогда ктонибудь другой. Но что же изъ этого... Конечно, это какойнибудь круглолицый, кудрявый паренъ, косая сажень въ плечахъ. Чѣмъ же онъ привлекъ ее, какими чарами опуталъ, что заставилъ забыть мужа, забыть клятву передъ алтаремъ? Рѣчью ли, понятливой ей, пѣсню-ли залихватской, или беззавѣтной молодецкой удалью? Встрѣтились они, можетъ быть, на работѣ, ну хоть на этомъ самомъ „Максимовскомъ покосѣ“. Она подивилась, можетъ быть, какъ подъ богатырскимъ взмахомъ его косы красивыми грядами ложилась высокая трава, а онъ ласково ухмыльнулся, потряхнул кудрями, да запѣлъ пѣсню, также во всю богатырскую грудь. За первой встрѣчею послѣдовала вторая, еще и еще, и что же мудренаго, что они сошлись, полюбили другъ друга!

Конечно, мудренаго тутъ ничего быть не могло, однако сердце его болѣзненно заняло, и нехорошее, злобное чувство шевельнулось въ груди.

Потомъ все это прошло. Онъ сталъ мечтать... Ему бы эту молодецкую удаль, да косую сажень въ плечахъ, да беззаботныя пѣсни, да хоть и незавидную долю этого парня. О, тогда бы, конечно, ничего подобнаго не случилось, тогда бы не пришлось потерять свою Таню...

За заборомъ слышались веселые, крикливые голоса деревенскихъ ребятшекъ, собиравшихся играть въ „лунку“. Эти

голоса вывели его из задумчивости и напомнили ему дѣйствительность, страшную дѣйствительность, отъ которой никуда не убѣжишь. нигдѣ не скроешься.

Оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, предоставивъ все на разрѣшеніе времени или случая— было сверхъ его силы; онъ понялъ, что всѣ разсужденія и предположенія сами по себѣ ничего уяснить не въ состояніи, ему казалось, что если бы онъ узналъ навѣрно, что у жены есть любовникъ,—ему было бы легче.

И у него вдругъ мелькнула мысль поговорить съ женой, поговорить откровенно, высказать ей все, что онъ перечувствовалъ, и, узнавъ истину, уйдти, скрыться. О, конечно, уйдти! Безъ сценъ, безъ упрековъ, словомъ безо всего, чѣмъ обыкновенно оканчиваются подобныя объясненія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что начини онъ говорить съ женой, наврядъ ли бы онъ могъ удержаться, чтобы какъ нибудь не оскорбить, не обидѣть ее въ ея чувствахъ. А онъ думалъ только о томъ, какъ бы ступеваться такъ, чтобы не быть причиной горя и слезъ любимой женщины, чтобы хоть нечаянно не разбить ихъ счастье, не влить въ ихъ будущую жизнь каплю яда.

И онъ бросилъ мысль переговорить съ женой.

— Какъ — думалось ему—идти къ ней и заговорить такъ, чтобы она сама, эта простая душа, высказала ему все, что лежитъ у ней въ глубинѣ сердца, все, что ей теперь такъ дорого, такъ свято? И зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы стать на пьедесталъ передъ нею, чтобы показать свое благородство и, какъ подачку, бросить ей возможность пользоваться счастьемъ? Да это возмутительно, безчестно! Нѣтъ, не къ ней пойдетъ онъ за правдой. Но тогда къ кому же?

Онъ вспомнилъ о Николаѣ Васильчѣ. Тотъ, очевидно, знаетъ все и расскажетъ ему. Пусть это будетъ тяжело имъ обоимъ, но за то кончится разомъ. А потомъ? А потомъ на пароходъ— и дальше, дальше отсюда!

Онъ поднялся съ сѣна. Отъ наплыва ли тяжелыхъ думъ

и нравственнаго потрясенія, или отъ непривычки къ ходьбѣ, все тѣло у него было какъ бы избито, голова болѣла.

Онъ вошелъ въ избу, — тамъ никого не было.

На столѣ, прикрытомъ съ одного края полотенцемъ, стояла большая сковорода съ остывшей яичницей; тутъ же лежали хлѣбъ и кургузый сапожный ножъ. Мухи жужжали во всѣхъ углахъ избы и бился въ оконныхъ рамахъ. Днемъ здѣсь казалось еще неприглядиѣе: кое-гдѣ на стѣнахъ висѣли обрывки обоевъ разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, потолокъ былъ закопченъ и во многихъ мѣстахъ растрескался; на окнѣ лежали въ беспорядкѣ принадлежности сапожнаго мастерства; на лавкѣ въ углу валялся холщевый мѣшокъ съ колодками.

Очевидно, тестъ кончилъ работу и ушелъ. Но куда? Можетъ быть, за нѣсколько верстъ, въ другую деревню. Тогда конечно трудно было ожидать его раньше вечера, а могло случиться, что, доставъ работу, онъ остался на нѣсколько дней.

Радунцевъ видѣлъ, что ему волей-неволей приходится ждать разрѣшенія мучившаго его вопроса, ждать, Богъ знаетъ сколько, когда сердце и безъ того пострадалось и наболѣло, когда такъ страшно хочется покончить разомъ и навсегда. Нетерпѣніе мучило его. Онъ стоялъ у стола и, кусая губы, смотрѣлъ въ окно.

Лѣтній день былъ на половинѣ. Солнце такъ и жгло своими палящими лучами и деревню, и ветхую часовенку, и рожь за рѣкой, и далекое, цвѣтистое поле, по которому легкой зыбью игралъ вѣтерокъ.

Ребятишки, наигравшись на задворкахъ, высыпали изъ за угла. Улица оживилась множествомъ русыхъ и бѣлыхъ, какъ лень, кудлатыхъ головенокъ и огласилась веселыми криками. Эти крики вывели Радунцева изъ задумчивости. Онъ надѣлъ шапку и вышелъ. Юное населеніе деревни тотчасъ окружило его.

— Дядя Александръ, дядя Александръ! Здравствуй! Буде

идешь? Пойдемъ въ лѣсъ! привѣтствовали они его, теребя за полы сюртука.

— Здравствуйте, здравствуйте! А, Федюшка, старый знакомый, и ты тутъ?

— Здравствуй! солидно привѣтствовать его Федюшка, — семилѣтній чумазый, толстый мальчуганъ, — подаль ему руку и, отойдя, самодовольно обдернулъ рубашонку.

— Что-же, ловишь рыбу?

— Ловлю.

— Ну, захвати удочку, пойдемъ на рѣку.

— Теперь дѣдъ на рѣкѣ, нельзя! хоромъ отвѣчали ребятишки.

— Отчего нельзя?

— Гонять! Не любить, какъ мы балуемся.

Радунцевъ вспомнилъ этого дѣда. Это былъ бывший ополченецъ, считавшійся давнымъ-давно убитымъ и внезапно появившійся въ деревнѣ. За время отсутствія, примерли всѣ его родные, примерли многіе изъ односельчанъ, а ихъ смѣнило новое поколѣніе, бывшее во время отправленія дѣда на службу въ очень юномъ еще возрастѣ. Никаноръ Петровъ свалился, какъ снѣгъ на голову. Никто даже не зналъ хорошенько, какъ его зовутъ. Но онъ предъявилъ свои права, и ему принуждены были дать паекъ отъ міра. Явился вопросъ о жильѣ, такъ какъ отъ избы служиваго не осталось ни слѣдовъ, ни памяти. Но старикъ не сталъ много затрудняться, а отправился въ лѣсъ, выбралъ деревецъ понегодящѣе (хорошихъ мѣръ дать не согласился), сколотилъ изъ нихъ плотки и, одинъ за другимъ, по рѣчкѣ сплавилъ ихъ до деревни. А тамъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, выросла на краю деревни небольшая хибарка, а въ хибаркѣ явилась и печь, сложенная изъ кирпичей самимъ дѣдомъ. И зажилъ отлично бывший воляка.

Покуда изба не была еще выстроена, дѣдъ жилъ у Николая Васильча, и тутъ-же Радунцевъ его видѣлъ.

При воспоминаніи о дѣдѣ ему вдругъ пришла въ голову мысль идти къ нему и насколько можно разспросить о дере-

венскихъ толкахъ. Ему казалось, что онъ нашель, наконецъ исходъ, и самый лучший. Тестъ могъ бы, по весьма простымъ причинѣ, и не разказать всего, но суровый, правдивый старикъ не сталъ бы ни утаивать, ни лгать. Разспросивъ у ребятъ тишекъ, гдѣ дѣдъ, Радунцевъ вышелъ въ поле и пошелъ по берегу прихотливо извивавшейся рѣчки. Навстрѣчу ему попадались мужики и бабы съ возами сѣна. Знакомые мужики снимали шапки и молча проходили, но потомъ оборачивались и долго смотрѣли ему въ слѣдъ; бабы этимъ не ограничивались и судачили между собою, сокрушенно покачивая головой.

Радунцевъ ничего не замѣчалъ и шелъ, понуривъ голову весь ушедшій въ свои безотрадныя думы.

VII.

Дѣдъ.

Дѣдъ только что вытащилъ, какъ онъ выражался, цѣлукъ уйма рыбы. Правда, рыба была все мелкая, да вѣдь ловилась она не на продажу, а для своей потребности. Впрочемъ, въ числѣ окуньковъ, плотвицъ и подъязыковъ, попалась пара порядочныхъ щукъ.

Дѣдъ сталъ сортировать рыбу. Самые мелкихъ онъ осторожно бросалъ въ рѣчку, а крупнѣе—на дно челна, въ особо устроенный ящикъ, съ искусно прилаженной на днѣ деревянной втулкой.

Окончивъ работу, дѣдъ собралъ сѣть на бортъ лодки, снялъ шапку, встопоривъ перекрестилъ, провелъ мозолистой, черной рукой по лысинѣ и посмотрѣлъ черезъ руку на солнце. Затѣмъ, собразивъ что-то, онъ хотѣлъ сѣсть въ челнъ, какъ зоркіе глаза его примѣтили Радунцева, блуждавшаго по прибрежнымъ курстарникамъ.

— Здорово баринъ! крикнулъ дѣдъ совсѣмъ еще свѣжимъ голосомъ, вовсе не гармонировавшимъ съ его сѣдой бородой и согбенной фигурой семидесятилѣтняго старика.

Радунцевъ быстро подошелъ къ нему.

— Здорово, дѣдь! какъ то весело привѣтствовалъ онъ его.

— Грибовъ, что-ль, на пескѣ ищешь?

Радунцевъ подошелъ къ самому берегу.

— Тебя, дѣдь!

Тотъ разсмѣялся, выказавъ при этомъ рядъ прекрасныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Вотъ оно что! Ну-ко ты, чего ротъ разинулъ! Гроби къ берегу!

Тутъ только Радунцевъ увидѣлъ, что дѣдь былъ не одинъ: у кормы челна, почти въ уровень съ ящикомъ, едва выглядывала совершенно бѣлая кудрявая голова мальчугана лѣтъ 8-ми.

Мальчуганъ схватился за весло и, натужась сталъ грести.

— Куда гребешь-то! Не видишь, чай, камень! командовалъ дѣдь.

— Вижу, да не сладить! отвѣчалъ маленькій гребецъ, весь красный отъ напряженія.

Кудри нависли ему на глаза и мѣшали видѣть; онъ то и дѣло, крутымъ поворотомъ головы, откидывалъ ихъ назадъ, но онѣ снова лѣзли на глаза.

— Не сладить, такъ не брался бы! ворчалъ дѣдь,—пусти! Онъ выхватилъ весло изъ рукъ мальчугана и сильнымъ ударомъ пригналъ челнъ вплотную къ берегу. Только песокъ зашуршалъ, да осока, шума, раздвинулась.

— Вдургорядъ не суйся, коли не можешь, ворчалъ дѣдь, въ тоже время лукаво подсмѣиваясь изъ подъ длинныхъ усовъ и подмигивая Радунцеву.

Мальчикъ сидѣлъ въ челнѣ, понуривъ голову, и обрывалъ цвѣтокъ кувшинки; бѣлые лепестки сыпались на воду и медленно плыли по теченію... Но вдругъ онъ бойко встряхнулъ головой и выпрыгнулъ изъ челна.

— Дѣдка, а дѣдка?

— Ну!

— Можно по ягоды?

— Ступай, озорникъ! Да не долго! Солнышко скоро сядетъ!

Мальчуганъ пустился въ прыжку по крутому берегу и вскорѣ скрылся въ кустахъ.

— Откуда у тебя такой? спросилъ Радунцевъ.

Старикъ, не торопясь, вытѣзъ изъ челна.

— Федосѣя сынишка. Неужто не узналъ? Ну, еще здравствуй!

Сядемъ-ка! Усталъ, поди!

— Пожалуй, сядемъ.

Оба опустились на траву. Дѣдъ провелъ рукою по лицу.

— Ишь парить! Надо быть грозѣ, замѣтилъ онъ.

Радунцевъ молчалъ.

Воздухъ сдѣлался удушливъ. Темно-фіолетовыя тучи заволакивали солнце, которое уже не жгло больше. Отъ тучъ вода въ рѣчкѣ по-временамъ казалась совершенно черною. Мелкія, полевыя птицы тревожно перепархивали съ куста на кустъ; оглашая воздухъ отрывочными, пискливыми криками, проворные песочники бѣгали по отмелямъ. Всѣ звуки какъ-то постепенно замирали, даже листья на деревьяхъ оставались недвижны. Все чуюло грозу и готовилось къ ней, и это ожиданіе неволью отражалось на Радунцевѣ.

Онъ сидѣлъ, опустивъ внизъ голову и безцѣльно сбивая траву пловымъ прутомъ. Дѣдъ смотрѣлъ на рѣку.

— Надолго пріѣхать? спросилъ онъ. Радунцевъ встрепенулся.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать.

И онъ опять опустилъ голову, какъ бы не смѣя взглянуть на дѣда. Онъ испытывалъ какое то странное чувство: нарочно идя сюда, чтобы покончить все разомъ, онъ теперь боялся говорить слово.

Что жъ ко мнѣ не зашелъ? Аль заспѣсивился?

— Какъ заспѣсивился?

— Не зашелъ-то, говорю?

— Я и шелъ къ тебѣ.

Наступило молчаніе.

— Жену-то видѣлъ? спросилъ дѣдъ.

— Конечно! видѣлъ, отвѣчалъ Радунцевъ почти съ злостью.

Дѣдъ усмѣхнулся.

— Ну что-жь, какъ она тебя встрѣтила?

— Какъ встрѣтила? Обыкновенно.

— Такъ, такъ! „Слухомъ услышите и не уразумѣете, и глазами смотрѣть будете и не увидите! какъ-то торжественно произнесъ дѣдъ!—Э, хе, хе! прибавилъ онъ, медленно подымаясь.

— Погоди, дѣдъ, останься! Я хочу... понимаешь, хочу узнать... спросить... съ волненіемъ заговорилъ Радунцевъ и даже придержалъ старика за полу.

Онъ вдругъ преполнился страстнымъ желаніемъ заговорить непременно, сейчасъ о томъ, что мучило, грызло его, узнать, наконецъ правду. Онъ боялся потерять моментъ.

Дѣдъ сѣлъ и какъ-то самоуглубился.

— Я хочу знать,—прерывающимся отъ волненія голосомъ заговорилъ Радунцевъ,—что все это значить... намеки эти!.. Я хочу, чтобы ты мнѣ сказалъ правду!

Лицо дѣда сдѣлалось строгимъ, почти суровымъ.

— Вотъ что, Александръ Ильичъ, — началъ онъ, — какъ передъ Богомъ, такъ передъ тобой,—не потаю!

И вдругъ Радунцеву представилось почему-то, что дѣдъ заговорить о какомъ нибудь пустякѣ, что и весь сыр-боръ загорѣлся изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія. Поговорила замушняя бабенка лишнихъ пять минутъ съ молодымъ на улицѣ, деревенская молва уже разнесла объ ней худую славу, и такіе вотъ старики, какъ дѣдъ отвесились уже къ ней какъ, къ преступницѣ. А „страшнаго“, того, чего онъ боялся услышать, ничего не окажется, и онъ посмѣется только надъ этимъ вздоромъ и вернется съ облегченнымъ сердцемъ.

Но лицо дѣда дѣлалось все суровѣе да суровѣе.

— Про жену твою,—началъ онъ,—не только я одинъ, а вся деревня скажетъ, потому—это ужъ всѣмъ вѣдь стало...

— Гуляеть! оборвалъ Радунцевъ.

Дѣдъ утвердительно качнулъ головой.

Радунцевъ опустилъ голову. Словно какая тѣнь легла на его лицо, рѣзкая черточка обозначалась между бровями. Надежды, которою онъ утѣшалъ себя за минуту,—не существовало болѣе.

Онъ вытянулъ обѣ руки, обнялъ ими котѣна, да такъ и остался, словно замеръ.

— Вышелъ, вышелъ грѣхъ, шепталъ дѣдъ, разглаживая бороду, — аль не повинилась еще?

— Да неужели же все это правда? съ какимъ-то воплемъ вырвалось, наконецъ, у Радунцева и въ звукѣ его голоса послышалось такое отчаяніе, такая боль сердца, что дѣдъ живо обернулся къ нему и заговорилъ мягкимъ, задушевнымъ тономъ:

— Эхъ, другъ! Пошѣ убиваешься-то? Полно тебѣ!

И онъ прикоснулся къ его плечу.

Радунцевъ плакать. И больно, и досадно ему было, что онъ не выдержалъ, но онъ не могъ отвѣчать за себя. То, что накапливалось понемногу, одно за другимъ, что капля по каплѣ ядомъ вливалось ему въ душу, — вырвалось теперь наружу. Эти слезы случились совершенно неожиданно, нечаянно, и хлынули какъ потокъ, прорвавшій плотину.

— Глупо, глупо все это! говорилъ себѣ Радунцевъ, глотая слезы, сдерживая дыханіе, кусая губы до крови. Но все было напрасно: слезы лились, лились неудержимо!

Дѣдъ сидѣлъ, насупившись, повернувшись спиною къ Радунцеву, и только ворчалъ: „изъ-за бабы—эко сокровище!“ Но вотъ онъ услышалъ, что рыданія становятся рѣже и переходятъ въ тихія всхлипыванія. Онъ обернулся къ Радунцеву.

— Чудной ты, право! Дивья бы... А то...

Онъ махнулъ рукой.

Радунцевъ только теперь вспомнилъ о дѣдѣ, и ему стало стыдно старика. Онъ сдѣлалъ неимоверное усиліе и дрожащимъ еще голосомъ заговорилъ:

— Ну, теперь довольно, дѣдъ, довольно! Плакать больше не стану, увидишь! Оплакалъ—и будетъ. Теперь, дѣдъ, я закаменѣлъ, охъ какъ закаменѣлъ! Слезинки не вырону! А ты мнѣ расскажи, какъ это случилось.

— Да какъ, угрюмо отвѣтилъ дѣдъ, — обыкновенно, какъ съ вами бываетъ. Вѣрь не вѣрь, а я тебѣ истинно скажу, что въ каменной бабѣ чортъ сидитъ. Прокаженные онѣ, будь имъ не

ладно! Перво она жила честно, хорошо! Заѣзжать къ нимъ тутъ одинъ мужикъ, да такъ ни съ чѣмъ и отъѣхалъ. Мужикъ богатый, телятами торгуешь.

— Слизневъ? перебилъ Радунцевъ.

— Онъ самый. А ты почему знаешь?

— Знаю ужъ. Говори!

— Ну, такъ вотъ этотъ Слизневъ-то, ужъ чего, чего не дѣлалъ, чтобы, значить, склонить... и съ подарками подѣзжать... однако, какъ я и сказалъ, ничего изъ этого не вышло. Мужикъ-то онъ въ лѣтахъ, вотъ она и держалась, а потомъ и вступи ей въ голову блажь-то эта самая. Извѣстно, онъ смутить.

— Кто онъ?

— Онъ, врагъ. Ты думаешь,—не смущаетъ? Всякое зло не иначе, какъ отъ него идетъ. А дѣло-то вышло вотъ какое. Повадился съ весны ходить къ намъ изъ Куколей парень одинъ,—Гришкой звать. Что ты это?

Радунцевъ вдругъ приподнялся и вперилъ въ дѣда горящіе глаза.

„Гришка изъ Куколей!“ промелькнуло у него въ головѣ,— „да не тотъ-ли это щеголь, игрокъ на гармоніи?“

— Постой-ко, дѣдъ, есть у него братъ Василій?

— Есть, есть! Ты и это знаешь?

— Ну, ладно, говори дальше.

— Такъ видишь-ли. Парень-то этотъ, Гришка, непутевый совсѣмъ, одно слово: порядочный пьяница, да лихъ пѣсни пѣть, да на гармоніи играть. А нашимъ дурамъ того и надо! У насъ, на деревнѣ, почитай, совсѣмъ настоящихъ парней нѣтъ: хорошихъ въ солдаты утнали, а остались такіе, что кто хромой, кто глазами недоволенъ. А тутъ, какъ проявился такой хитрикъ, такъ и перебунтовалъ у насъ всѣхъ дѣвокъ. Бывало, что вечеръ, такъ и пойдетъ у нихъ за околицей это самое згреще: смѣхъ да пѣсни, да возня, зазорно даже. Пыталъ я ихъ стое-росовой дубинкой отваживать; выйду, бывало, на гульбище, да и начну, кого ни попадаю. Сталъ обижаться. Домовымъ про-

звали, да, слышь, старшинѣ хотѣли жалиться.— „А ну васъ, думаю, къ яду! Пойте, пляшите на свою голову, на потѣху дьявола; моя изба въ сторонѣ, спать не мѣшаютъ, а я объ ихъ душенькахъ не печальникъ“!.. Ну вотъ, на-пгрища то на эти самыя, вижу, повадилась и твоя Татьяна. День ходитъ, другой... И еще веселѣе у нихъ стало. „Ой, смекаю, не ладно что-то это: мужняя жена да къ дѣвкамъ въ компанію... совсѣмъ не ладно“! Сказаль, этта, я отцу, Николаю... Овъ слышь, самъ знаешъ, однако пощунялъ ее, а проку изъ этого не вышло никакого: не боится она его. Начали тутъ и сосѣди примѣчать: „чтой-то“, говорятъ, „Татьяна-то все на пгрища ходитъ?“—Э, думаю, дѣло совсѣмъ табакъ! „Сталь я дурѣ-то этой, Пелагеѣ, говорить. Затарантила баба, застрекотала... У нихъ это первое дѣло: чуть вину за собою почуветь, такъ и давай словами закидывать. Вижу я, что у матки съ дочкой вздору нѣтъ, прикрываетъ мать Татьяну, —плюнуль и отошелъ! Миѣ что, не мое дѣло! А баба все на пгрища ходитъ, не перестаетъ. А тамъ вдругъ, смекнула она, что-ли что, али поостерегъ ее кто, ужъ не знаю, только бросила Татьяна на пгрища ходитъ. „Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, остепенилась“. Анъ не тутъ-то было. На другой день, какъ подумаль я это, встрѣль я ихъ... Да что это съ тобой? Неможется, что-ль?

— Ничего, ничего!.. Усталъ, должно быть, съ дороги. Да ты говори, не смотри на меня... Гдѣ же ты ихъ встрѣтилъ?

— А встрѣль я ихъ, братецъ ты мой, въ роцѣ, вотъ что за деревней. Сидятъ, что голубки! Гришка, этта... Ну, опять, чего вскочилъ? Чего ты?

— Довольно, дѣдъ, не рассказывай больше. Слюбились, вѣдь!..

— Ужъ этого, братъ, не знаю! Не думается миѣ. Какое слубились! Такъ блажь, дурь одна!

— Дурь?..

— Вѣрное слово, дурь! А ты вотъ что: пристрасти ее, какъ ни на есть пощуняй, вотъ съ нея это и соскочитъ, баба опять въ свой разумъ войдетъ. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ.

— Нѣтъ, дѣдъ, этого я не могу.

— Чего не могу! Кому и учить жену, какъ не мужу? Говорю тебѣ—поучи! Дурь-то эта съ нея соскочитъ. А, вѣстимо, дай имъ тольکو потачку... У бабы какой разумъ? Все равно, что у ребенка.

— Не стану я ее учить, не трону ихъ.

Дѣдъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Не ста-нешь? Такъ вонъ ты какой! протянулъ онъ, — плохой же ты мужъ, коли бабѣ уступаешь! Вотъ ужъ это не по нашему! По нашему, бабу учить нужно, мало ли что она по глупости натворитъ. Сама потомъ спасибо скажетъ... А слова не послушаетъ,—руками можно, не то, чтобы очень, а такъ, маленько!

— Нѣтъ, дѣдъ. Кто же палкой любовь вколачиваетъ?

— Палкой!.. Зачѣмъ палкой!.. А жаль бабу!..

Радунцевъ схватилъ его за руку.

— Ты жалѣешь, вскричалъ онъ, и совѣтуешь бить?

Онъ вздрогнулъ, уронилъ руку дѣда и опустилъ голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, шепталъ онъ, — по вашему я не могу, рука не поднимется. Пусть будетъ, что будетъ. Она сошлась со мной по любви, и если полюбила другаго, значитъ—тотъ лучше!

— Это Гришка-то?

— Да, Гришка. Если она полюбила...

— Да что ты все: полюбила, полюбила! вскричалъ дѣдъ въ раздраженіи, —какая такая любовь еще тамъ! Говорю тебѣ: дурь одна!

— Нѣтъ, дѣдъ, не дурь! Не такая она! Поди-ко, на деревнѣ всѣ пальцами на нее показываютъ. Вѣдъ и ей не легко.

Дѣдъ задумчиво провелъ рукой по бородѣ.

— Богъ васъ знаетъ, какіе вы такіе! проанесъ онъ,—живете вы въ Питерѣ не по божески, вотъ что! Ну, да ладно! Что-жь ты дѣлать заведешь? Вѣдъ какая-никакая жена, а жить-то съ ней нужно.

— Никогда! вырвалось у Радунцева.

И такая откровенная, нисколько нескрываемая злоба зазвучала въ этомъ словѣ, что дѣдъ даже какъ будто смутился, пристально посмотрѣлъ на него и укоризненно покачать головой.

— А и злой же ты! замѣтилъ онъ.

Радунцевъ невольно опустилъ глаза.

— Дѣдъ правъ, думалось ему, — злой я! Злой, себялюбивый, дрянной! Даже чувствъ настоящихъ во мнѣ нѣтъ, а просто какія-то болѣзненные чувствованьяца. Казалось мнѣ, что я люблю жену, а любилъ-то я не ее, а самого себя, свою любовь къ ней. Жалко мнѣ себя стало, я слезы проливалъ, а не заплакалъ, небось, оттого, что ей теперь хуже всего, хуже, чѣмъ мнѣ, а въ будущемъ, можетъ быть, будетъ еще хуже, потому что учить я ее хоть не стану, но вѣдь не даромъ же мы умѣемъ говорить. А нinya слова, — большѣе палки!

— Нѣтъ, дѣдъ! громко и увѣренно заговорилъ онъ черезъ минуту, — жить съ женой я не стану, обманывать себя и людей не хочу. Я уйду отъ васъ, отъ нея, отъ тебя, отъ всѣхъ уйду! Мнѣ здѣсь не мѣсто!

— Въ Питерь? спросилъ дѣдъ.

— Да, въ Питерь! усмѣхнулся Радунцевъ, — въ свое болото, квакать. Прощай!

— Прощай! Пора и мнѣ. Скажи, когда поѣдешь. А не то приходи ужинать: уловъ знатный вышелъ!

Онъ пошелъ было къ челну, но вдругъ вернулся, взявъ Радунцева за руку и ласково, дѣтски-простодушно заглянулъ ему въ лицо.

— Не серчай, Александръ Ильичъ, не хорошо. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ... Поѣзжай съ женой лучше! Устройтесь тамъ по-малости, заживете тихонько, смирененько въ добромъ согласіи.

Радунцевъ крѣпко стиснулъ его руку. Лицо его озарилось отблескомъ какого-то хорошаго чувства.

Пронесся сильный вѣтеръ. Лучъ солнца скользнулъ изъ-за тучъ. По рѣкѣ пробѣжала зыбь. Осока зашумѣла.

— Дѣдъ!..

Голосъ Радунцева оборвался.

... «Не подмигивай меня,
— На работу иду а!».

прозвучала надъ рѣкой пѣсня подъ аккомпаниментъ гармоники.

Радунцевъ вздрогнулъ. Голосъ, пѣвшій пѣсни, словно былъ знакомый.

— Это Гришка? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.
Дѣдъ молчалъ.

... «Подмигни-ко вечеромъ,
Напою тебя чайкомъ!»

заливался Гришка, выдѣлывая тремоло на гармоніи.

Радунцевъ рванулъ на встрѣчу пѣснѣ.

Что-то странное происходило съ нимъ.

Сердце сжалось и билось порывисто, въ головѣ вдругъ за-
вертѣлась какая-то сумятица: безучастный взглядъ жены, злоб-
ный крикъ кулака и передъ нимъ какъ живая нахальная фи-
гура парня-соперника. „Бить!“ Нѣтъ, ее зачѣмъ? А вотъ, когда
можно убить! Вѣдь это право!... И хъ-же право, по ихнему
выйдетъ! мелькало у него въ головѣ въ какомъ-то безобразномъ
хаосѣ,—и разомъ все кончится. Разомъ и навсегда?“

— Куда ты! крикнулъ ему дѣдъ.

Онъ не слышалъ и шелъ впередъ.

— Вернись, говорю! снова крикнулъ дѣдъ.

Радунцевъ, не останавливая шага, не обертываясь, только
махнулъ рукой.

Въ смутномъ безпокойствѣ дѣдъ почесалъ затылокъ.

— Чудной! прошепталъ онъ,—ишь пустился! Грѣха-бы не-
вышло...

Онъ постоялъ еще немного, въ раздумьи прислушиваясь къ
удалявшимся шагамъ, и наконецъ, мотнулъ—головой какъ-бы
стараясь стряхнуть съ себя что-тяжелое.

...Степ-ка-а, ау! крикнулъ онъ.

— Си-часъ! раздался изъ за кустовъ звонкій голосъ Степки

VIII.

С о н е р и ж к ъ .

А Радунцевъ, между тѣмъ, спѣшно шолъ впередъ, раздвигая сучья кустовъ, спотыкаясь о камни и кочки. Словно опасаясь ухода Гришки, онъ стремился къ нему навстрѣчу, весь трепеща отъ волненія, задыхаясь отъ злобы и ревности.

Въ кустахъ вдругъ мелькнула розовая ситцевая рубаха и красная, нѣсколько опухшая, физиономія Гришухи.

Радунцевъ отшатнулся.

— Такъ вотъ онъ! пронеслось у него въ головѣ.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что сильное душевное напряженіе, двигавшее его впередъ, покинуло его. Онъ словно окаменѣлъ на мѣстѣ. Въ головѣ не было мыслей, не было опредѣленной цѣли. Носились какіе-то обрывки чего-то смутнаго, неопредѣленнаго, и среди этого, все болѣе и болѣе возставалъ одинъ, вполне опредѣленный вопросъ: „чего мнѣ надо, зачѣмъ я пришелъ“?

Гришуха сдѣлалъ шагъ впередъ, ухмыльнулся и ловкимъ движеніемъ перебросилъ гармонію подъ мышку лѣвой руки. Радунцевъ взглянулъ на него: той щеголеватости, которою онъ обращалъ на себя вниманіе на пароходѣ, не было и слѣда. Рубаха была на немъ старая и довольно грязная, прежніе сапоги съ высокими каблуками замѣнили плохіе, стоптанные сапожонки; даже картузь былъ другой, значительно хуже.

— Мое вамъ почтеніе-съ! привѣтствовалъ онъ Радунцева.

— Здравствуйте! совершенно машинально отвѣтилъ тотъ.

— Сблаговолите папирочку, господинъ!

Радунцевъ также машинально протянулъ портсигаръ.

— Покорнѣйше благодаримъ!

Парень взялъ папироску по господски, между указательнымъ и среднимъ пальцами и, отыскавъ въ карманѣ налѣтаго поперхъ рубахи жилета спичку, не безъ граціи закурилъ.

А Радунцеву все стучалъ въ голову неотвязный вопросъ: „зачѣмъ, что мнѣ надо?“ Онъ стоялъ растерянный и недоумѣвающий, мало-по-малу начиная сознавать всю неловкость своего положенія.

Гришуха сѣлъ на траву и, вытянувъ ноги, съ наслажденіемъ сталъ дымить папироской. Радунцевъ тоже, Богъ знаетъ, зачѣмъ, сѣлъ. Вообще, всѣ его движенія носили совершенно автоматическій характеръ, точно онъ былъ лишень всякой воли.

— Хорошо, этта, какъ изъ Питера да въ деревню приѣдешь, заговорилъ Гришуха,—примѣрно, воздухъ легкой какой! (Онъ повелъ носомъ) Хорошо! А благодать-то какая? Умирать не надо!

Только теперь Радунцевъ словно пришелъ въ себя. Онъ хотѣлъ встать и уйдти, но какое-то заманивающее, болѣзненное чувство, непохожее на пустое любопытство, а скорѣе желаніе терпѣть до конца, удержало его, и онъ продолжалъ сидѣть и упорно смотрѣть на Гришуху.

А тотъ, повидимому, былъ въ благодушнѣйшемъ настроеніи духа и очень не прочь побесѣдовать съ господиномъ.

— А что, господинъ, спросилъ онъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ оглядѣвъ Радунцева,—не васъ-ли я на пароходѣ видѣлъ? Вотъ еще какъ трепали-то насъ съ братомъ?

— Да, я былъ тогда.

— Попало, таки, намъ! Ну, да и насъ помнить будутъ! А вотъ я васъ, господинъ, сразу призналъ, потому памятливъ. Разъ увижу человѣка, хоть-бы невзначай, ужъ и помню! Ну и то сказать: въ день-то всякаго народу нагляднисься. Тоже бѣгаешь по городу,—нида ноги вспухнуть. Я, господинъ, торговецъ. Т. е. не то, чтобы какъ есть торговецъ, а такъ, кое-чѣмъ, мелочишкой торгую: когда зеленью, когда яблоками, мороженымъ тоже. Шарикки тоже продаю у Гостиннаго. Да все это дѣло; одно—только что кормишься.

— Странно, зачѣмъ-же тогда въ Петербургъ ѣхать.

— Какъ вамъ сказать? Въ Петербургѣ лучше! Нашему брату тутъ не съ руки. (Онъ сталъ перебирать клавиши гармоики)

Походи-ка день за сохой, съ непривычки всѣ косточки разломить! Вонъ у меня батька здоровъ работать, пусть и занимается! А я на подати въ Питерѣ соберу безъ сумлѣнія. Такъ за то въ столицѣ живу; чего оно стоитъ!

— Да что-же тамъ особеннаго?

Гришуха искоса посмотрѣлъ на него, какъ-бы изумляясь, что онъ не хочетъ видѣть въ немъ не простаго, неотесаннаго мужика.

— Супротивъ деревни? Шутить изволите! Что тутъ хорошаго? Лѣсъ, да поле, да мужики... Сѣрость эта, одно необразование! А въ Петербургѣ, то-ли дѣло! Идешь, примѣрно, по улицѣ, чистота вездѣ: коль одѣтъ чисто, благородно, всякій къ тебѣ съ почтениемъ, даже и господинъ городской тобой не гнушается. А тутъ, вонъ, старшина, такой-же мужикъ, какъ и ты, а тоже начальство изображаетъ, покрикиваетъ на тебя, что любо два, а ты стой да слушай, да не перечь, а не то и въ холодной насидишься. Или вотъ тоже насчетъ женскаго сословія, вы какой сюжетъ имѣете?

— Какъ? Что такое?

— На счетъ женскаго сословія, говорю. Въ Петербургѣ не въ примѣръ лучше, съ здѣшними-то сарафанищами и сравнить нельзя! Эхъ, другая, глядишь, идетъ расфуфыренная, фюты, ну-ты, и подступится пнда страшно: мѣхи, да бархаты, одно слово—барыня! А поглядишь, барыня то-эта съ нашимъ же братомъ мужичкомъ, который почище, значить, да не поскупишься на спянькую, на извожикѣ на квартиру валяетъ. Эхъ, что и говорить, одно слово, какъ въ пѣснѣ поется: „что за славная столица, распрекрасный Петербургъ!“

Онъ взялъ гармонку, и стать было наигрывать, но вдругъ какъ бы что вспомнилъ, всталъ и не безъ достоинства протянулъ руку Радунцеву.

— До свиданія-съ!

— Прощайте.

Парень, насвистывая, пошелъ по тому направленію, по которому пришелъ Радунцевъ; а этотъ инстинктивно повернулъ

въ другую сторону, но, не пройдя и нѣсколькихъ сажень, бросился на траву, закрыть лицо руками и весь погрузился въ думы.

Невеселыя были эти думы...

— Боже мой, думалось ему, какъ все это гадко, тяжело, невыносимо!

Онъ отнять руки отъ лица, уставился глазами въ одну точку, и только судорожное подергиванье личныхъ мускуловъ показывало, какъ онъ сильно страдалъ.

Въ ухахъ его еще звучать голосъ Гришухи.

— Ну вотъ онъ, вотъ мой соперникъ!

Онъ вдругъ точно оторвался отъ чего, мутнымъ, блуждающимъ взглядомъ оглядѣлся вокругъ, и губы его исказились злобой улыбкой.

— Ну, а я то? Я хорошъ? Какъ съ большимъ зубомъ, ношусь съ своимъ горемъ, лѣзу ко всякому на глаза, и нѣтъ рѣшимости вырвать боль съ корнемъ. Душа ноетъ, жаль самого себя становится!.. Вотъ это-то главное! Себялюбие проклятое! Какъ, моль, такой хорошій человекъ огорчиться долженъ. Хорошій! Да полно, такъ ли, хорошій ли? Хорошихъ людей любить, уважаютъ, съ ними не расстаются, а тебя жена бросила, разлюбила! А, что ты на это скажешь? Ты и тутъ, по обыкновенію, найдешь оправданіе? Ну, конечно! Неразвитость, сырой матеріалъ, вліяніе среды. Такъ, такъ, но вѣдь это тебя же самого бьетъ, и какъ больно бьетъ! Потому что, кто тебѣ мѣшалъ устранить это вредное вліяніе, заняться этимъ матеріаломъ, обработать его по своему. Что-же, опять оправданія? Не хотѣлъ мѣшать жить по своему, хотѣлъ предоставить свободу. Ну, такъ вотъ же и результаты, полюбуйся!

Онъ разсмѣялся, но смѣхъ этотъ звучалъ какъ-то болѣзненно-истерически и походилъ скорѣе на рыданія.

Сильный вѣтеръ гнать по небу разрозненные тучи. Черезъ нѣжно-голубые просвѣты неба выглядывало, словно украдкой, яркое солнце и скрывалось, чтобы черезъ минуту выглянуть снова. Разнообразныя, причудливыя тѣни набѣгали на поля и

уносились, какъ дымъ. Осока на рѣкѣ шумѣла; бѣлая, точно мыльная, пѣна лизала песчаный берегъ рѣки и таяла подь солнечными лучами. Птицы съ веселымъ щебетаньемъ перепаркивали съ дерева на дерево, въ травѣ потрескивали и жужжали насекомыя. Казалось, все живое спѣшило насладиться жизнью, предвидя скорый закатъ солнца и наступленіе ночи.

Радунцевъ словно просвѣтлѣлъ; настроеніе души его мало по малу начинало гармонировать съ окружающимъ.

Онъ поднялся съ травы и пошелъ впередъ, самъ не зная куда, полной грудью вдыхая свѣжій воздухъ.

— Все мимолетно въ жизни, думалось ему, — радость и горе, смѣхъ и слезы идутъ вмѣстѣ, мѣняясь безпрестанно. Ударила гроза, молнія расщепила столѣтній дубъ, смыло ливнемъ десятковъ, — другой ласточкиныхъ гнѣздъ, а, глядишь, черезъ нѣскольکو минутъ солнце весело сверкаетъ въ мокрой травѣ, птицы щебечуть, все спѣшитъ насладиться жизнью, и забыть расщепленный дубъ, выются новыя гнѣзда!.. А мы-то, люди? О, мы не забываемъ, никогда, никогда не можемъ забыть!..

Онъ остановился и обвелъ взглядомъ разстилавшуюся передъ нимъ и ярко освѣщенную лучами заходящаго солнца громадную площадь волнистаго поля, оканчивавшагося на горизонтѣ холмомъ, посреди котораго махала крыльями вѣтрениная мельница.

— Пойду туда! рѣшилъ Радунцевъ, — поболтаю съ мельникомъ. Нужно разсѣяться!

Онъ не хотѣлъ сознаться, что ему тяжело было идти въ деревню, тяжело видѣть жену, онъ инстинктивно старался отдалить минуту неизбежнаго свиданія съ нею.

К. Баранцевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Современному поэту.

Какъ жизни ни горька отрава,
До дна свой кубокъ бодро пей!
Не дай унынію лукаво
Душою овладѣть твоей.
Терпи, безъ скорби неумѣстной,
Съумѣй и въ злѣ добро найти
И твердо вѣрь: для мысли честной
Не всѣ заказаны пути.
Пусть хмурый день влачится блѣдно—
Тебя не долженъ онъ страшить,
Знай: въ мірѣ силы нѣтъ, — безслѣдно
Поэта голосъ заглушить!
Не гибнетъ онъ, какъ стонъ бесплодный,
Но, въ злыхъ вселяя тайный страхъ,
Находитъ откликъ благородный
Во всѣхъ измученныхъ сердцахъ!
Всего-жъ, посѣяннаго словомъ,
Ни градъ, ни бури не забьютъ,
И всходы мысли — въ блескѣ новомъ
На нивѣ жизненной взойдутъ.
Пусть ты истерзанъ и измученъ,
Терпи, мужайся до конца:
Удѣлъ страданій — неразлученъ
Съ святымъ призваніемъ пѣвца...

* * *

Злая сомнѣнья намъ жизнь отравили —
 Страждутъ и разумъ и чувство...
 Служить наука успѣху и силѣ,
 Роскоши служить искусство.
 Что намъ, что область безстрастной науки
 Всѣмъ открываетъ объятья?
 Тяжкихъ лишеній и узы, и муки
 Чувствуютъ меньшіе братья.
 Нѣтъ, бѣдняку невозможна дорога
 Къ чистымъ источникамъ знанья,—
 Учатъ его неустанно и строго
 Только нужда да страданья.
 Ихъ уничтожить — вотъ наша задача,
 Мы же и слабы, и хилы,
 Плывъ черезъ море народнаго плача
 Нѣтъ ни умѣнья, ни силы.

Н. Бобылевъ.

Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи.

„Народъ, обладающій лучшими школами, можно считать первымъ народомъ, и если онъ не пользуется первенствомъ теперь, то оно принадлежитъ ему въ будущемъ.

„Умственное богатство послѣ добродѣтели самое первое благо и источникъ всѣхъ благъ“.

Jules Simon, „L'Ecole“.

Вездѣ уже признается теперь громадное значеніе умственнаго и нравственнаго развитія народа, какъ съ экономической, такъ и политической точекъ зрѣнія. Странной показалась бы попытка опровергать это значеніе. А между тѣмъ далеко не вездѣ съ должной быстротой и энергіей стремятся осуществить эту неоспоримую истину, провести ее въ жизнь, и до сихъ поръ еще рядомъ съ признаніемъ важности просвѣщенія, приходится встрѣчать споконно уживающееся невѣжество. Правда, есть страны, гдѣ потребность возможно скорѣе и возможно выше поднять уровень народнаго образованія, дать возможно полное и всестороннее развитіе всѣмъ гражданамъ, стала насущной, неотложной потребностью, гдѣ затраты на это дѣло считаются самыми производительными затратами и составляютъ самую крупную цифру въ государственномъ бюджетѣ. Такое счастливое распредѣленіе суммъ встрѣчаемъ въ Швейцаріи. Расходы, напримѣръ, Женевского кантона въ 79 году равнялись 4.953,719 франкъ. Изъ этой суммы на народное образованіе затрачено 1.111,767 фр., на военное же министерство, которое въ другихъ мѣстахъ поглощаетъ особенно

много, всего 154,076 фр. ¹⁾ Бернскій кантонъ въ томъ же 79 году затратилъ 10.071,094 фр., изъ которыхъ на народное образованіе пошло 1.814,681 фр., на военное министерство 523,843 фр. ²⁾

Въ Америкѣ расходы на народное образованіе превышаютъ всѣ остальные государственные расходы. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ такого удачнаго распредѣленія суммъ въ другихъ государствахъ: затраты военного министерства всегда въ большей или меньшей степени превышаютъ затраты министерства народного просвѣщенія. Эта разниа выходитъ особенно рѣзкой у насъ. По смѣтнымъ росписямъ Россійской имперіи на 1881 г. общая сумма расходовъ равняется 713,5 милліонамъ руб.; на военныя и морскія силы опредѣлено 237,7 мил., на вѣдомство министерства народного просвѣщенія 17,4 мил. рублей.

Впрочемъ бюджетъ послѣдняго во всѣхъ европейскихъ государствахъ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ бы это было желательно, какихъ требуетъ важность дѣла.

Наиболѣе сильное движеніе въ пользу просвѣщенія массъ замѣтно теперь во Франціи и Бельгіи, государствахъ, въ силу нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, значительно отставшихъ въ этомъ дѣлѣ отъ Швейцаріи, напимѣръ, Германіи, Швеціи, Норвегіи. Здѣсь католическое духовенство сумѣло захватить и до послѣдняго времени держать народное образованіе главнымъ образомъ въ своихъ рукахъ, что сильно тормозило правильную постановку школьнаго дѣла. Въ обоихъ государствахъ, послѣ ожесточенной борьбы, преграда эта теперь устранена, школа признана государственною, освобождена отъ власти духовенства. Франція и Бельгія стараются исправить ошибки стараго, наверстать потерянное. Вопросы народного образованія являются важнѣйшими проблемами, волнующими правительство, общество, литературу, и проникаютъ въ отдаленные уголки. Повсюду изыскиваются средства возможно быстро, успѣшнаго поднятія умственного и нравственнаго уровня націи. Кромѣ дневныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ,

¹⁾ Rapport du Conseil d'Etat sur les comptes du Canton de Genève pour l'année 79.

²⁾ Rapport du Conseil d'Etat sur les comptes du Canton de Berne pour l'année 1879.

начальныхъ школъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, профессиональныхъ школъ, устраиваются вечерніе курсы для взрослыхъ, читается масса публичныхъ, популярныхъ лекцій, основываются народныя бібліотеки, энергично идетъ перекладка старыхъ и устройство, сообразно съ требованіями гигиены, новыхъ школьныхъ зданій, снабженіе ихъ удобной, гигиеничною мебелью, учебными пособиями.

Въ бюджетѣ Брюсселя на 81 годъ ¹⁾ собственно для этого предмета (для устройства школьныхъ помѣщеній) опредѣлено 800,000 франковъ, а въ 73 году бельгійскимъ королевствомъ отпущено 20 милліоновъ. Парижъ въ 76—7 учебномъ году сверхъ обыкновеннаго бюджета затратилъ еще 43.000,000 на постройку школьныхъ домовъ. Въ 78 г. французской республикой было отпущено 60 милліоновъ на субсидіи общинамъ для постройки школьныхъ зданій, школьной мебели, сверхъ того еще 60 мил. для выдачи общинамъ на это же дѣло ссудъ на льготныхъ условіяхъ. Затраты общинъ на этотъ предметъ также велики: въ томъ же 78 г. онѣ опредѣлили 48 милліоновъ. Дѣло идетъ очень быстро. Въ полтора года устроено и приспособлено до 5,000 школьныхъ домовъ. Въ одномъ 79 году на это затрачено 57 мил. франковъ.

Съ неменѣе серьезнымъ вниманіемъ относятся и къ достаточной подготовкѣ учителей. Въ Бельгій въ первый же годъ послѣ изданія закона о новой государственной школѣ въ 79—80 учебномъ году количество правительственныхъ учительскихъ семинарій удвоилось.

Во Франціи мужскихъ учительскихъ семинарій—79 съ 3,692 воспитанниками, женскихъ—22 съ 696 воспитанницами. Устраиваются педагогическія бібліотеки, которыхъ уже теперь 926, музеи, организуются учительскіе съѣзды ²⁾. Учащему сословию стараются дать возможно болѣе широкое самоуправленіе, въ возвышеніи учителя видятъ могущественное средство поднятія народнаго образованія.

Школьныя бібліотеки, какъ необходимую принадлежность, пред-

¹⁾ Budget de la ville de Bruxelles pour l'exercice 1881.

²⁾ Extrait des rapports d'inspection generale et resumé des états de situation de l'enseignement primaire. Année scolaire 78—79.

положено устроить при каждомъ училищѣ, теперь же ихъ только 20,761 на 73,110 школѣ.

Улучшеніе методовъ преподаванія составляетъ серьезную заботу не только педагоговъ по профессіи, но и многихъ мыслящихъ людей, не имѣющихъ прямого отношенія къ школѣ. Съ цѣлью выработки лучшихъ методовъ преподаванія въ сентябрѣ прошлаго года, въ Брюсселѣ, лигой обученія устроенъ былъ педагогическій конгрессъ. Въ маѣ текущаго года, въ Парижѣ, рядомъ съ конгрессомъ мѣстной лиги обученія, о которомъ скажемъ ниже, былъ и педагогическій конгрессъ. Въ будущемъ году проектируется педагогическій конгрессъ въ Лозаннѣ.

Утвержденное во Франціи, въ концѣ 80 г., положеніе о новой организаціи народнаго образованія ставитъ тамъ это дѣло на твердую почву и обѣщаетъ ему быстрое развитіе. Обученіе становится обязательнымъ отъ 6 до 13 лѣтъ, даровымъ, свѣтскимъ. Устраняются новыя школы, учительскія семинаріи. Каждый департаментъ обязанъ имѣть двѣ учительскія семинаріи — одну мужскую и одну женскую; каждая община въ 500 человѣкъ населенія — двѣ школы — одну для мальчиковъ и одну для дѣвочекъ.

Улучшается и возвышается положеніе учителя, дается просторъ самоуправленію учащихся. На обязательныхъ кантональных учительскихъ сѣздахъ, устраиваемыхъ подъ предсѣдательствомъ инспекторовъ, обсуждаются и рѣшаются различные педагогическіе вопросы. Инспекторамъ и инспектрисамъ назначаются личности, подготовленныя къ дѣлу какъ теоретически, такъ и практически. Эта должность дается только послѣ серьезнаго экзамена и предварительнаго преподаванія въ школѣ. Такимъ образомъ дѣло понадеетъ въ дѣйствительно умѣлыя руки. Для наблюденія надъ учебными заведеніями въ государствѣ, рядомъ съ министерствами, является и другая выборная, коллегіальная система.

Раньше уже было указано на общее повышеніе въ послѣднее время бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Это повышеніе особенно значительно во Франціи. Такъ изъ сравнительной статистики начальнаго образованія видно, что съ 71 — 77 г. затраты государства на это дѣло увеличились почти на 34%. Государственная субсидія въ 71 году равнялась 8.620,000 фр., въ 78 г. 15.647,000, а въ 80 году дошла уже до 20.000,000 фр. Затраты общинъ съ 71 — 77 г. увеличились на 44%, а затраты департа-

ментовъ на 47° °). Расходы на народное образованіе собственно Парижа при имперіи доходили до 6 милліоновъ; въ 75 г. кромя экстренныхъ расходовъ, затрачено на это дѣло 9.861,677 фр., а школьный бюджетъ на 81 г. возросъ уже до 17 мил. франковъ. Прибавки эти пошли какъ на улучшеніе матеріальнаго положенія школъ, такъ и на увеличеніе ихъ количества. Въ 72 г. всѣхъ школъ во Франціи было 70,179, а въ 79 уже 73,110.

Рядомъ съ серьезнымъ отношеніемъ къ вопросу народнаго образованія правительства, замѣтно энергичное участіе въ этомъ дѣлѣ общества, отдѣльныхъ личностей.

Присматриваясь къ постановкѣ школъ въ Парижѣ, я была особенно пріятно поражена дѣятельностью интеллигентнаго общества въ пользу развитія народнаго образованія,—тѣми значительными вкладами, какіе вносятъ въ это дѣло личная инициатива гражданъ. Здѣсь существуетъ много частныхъ, организованныхъ обществъ, имѣющихъ въ виду единственную цѣль—просвѣщеніе народа, работающихъ на этомъ пути съ энергіей, воодушевленіемъ.

Я хочу изложить организацію, характеръ и результаты дѣятельности наиболѣе выдающихся изъ этихъ учрежденій.

Однимъ изъ первыхъ обществъ, задавшихся просвѣтительными цѣлями, было политехническое общество, основанное еще въ 30 году, сейчасъ послѣ революціи, учениками политехнической школы. 12 декабря 1880 года это общество праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей въ Сорбоннѣ. Громадная аудиторія, въ которой стекались массы слушать Гизо, Кузена и многихъ другихъ французскихъ ученыхъ, далеко не могла вмѣстятъ на этотъ разъ всѣхъ желающихъ присутствовать на празднествѣ. За полчаса до открытія засѣданія невозможно было войти, ближайшіе корридоры были заняты, народъ толпился во дворѣ Сорбонны и на улицѣ.

Что-же это за общество, юбилей котораго привлекъ такую массу сочувствующей публики? Какая его организація, какія цѣли и средства, какіе результаты его пятидесятилѣтней дѣятельности?

Основателями этого общества, какъ уже сказано, были ученики политехнической школы; они задались цѣлью распространенія

*) Greard. L'enseignement primaire à Paris et dans le département de la Seine de 1867 à 1877.

положительныхъ знаній среди рабочаго класса. «Мы получили образование, говорили политехники рабочимъ, вы желаете его получить. Соединимся-же потѣснѣ навсегда, знающіе будутъ дѣлиться своими познаніями съ нуждающимися въ нихъ».

Таково было соглашеніе въ 30 году.

А вотъ уставъ общества.

Я позволю себѣ передать этотъ уставъ цѣликомъ, онъ можетъ служить образцомъ; другія общества имѣютъ подобную же организацію съ незначительными условіями.

I. Цѣль общества.

1) Политехническое общество имѣетъ цѣлью распространеніе народнаго образованія. Для этого оно организуетъ публичные бесплатные курсы, основываетъ библіотеки.

2) Каждый годъ оно выдаетъ награды наиболѣе выдающимся ученикамъ.

3) Мѣстопребываніе общества въ Парижѣ.

II. Составъ общества.

4) Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Дѣлами руководитъ совѣтъ съ президентомъ во главѣ.

5) Дѣйствительные члены: президентъ, члены совѣта и дѣйствительные преподаватели.

6) Званіе дѣйствительныхъ преподавателей дается только послѣ года чтеній.

7) Послѣ 10 лѣтъ занятій преподаватели получаютъ по праву званіе почетныхъ членовъ. Лица, оказавшія какимъ-нибудь образомъ услугу обществу, могутъ быть названы почетными членами.

8) Званія члена общества можетъ лишитъ только общее собраніе.

9) Общество находится подъ покровительствомъ комитета, который называется попечительнымъ комитетомъ.

10) Члены попечительнаго комитета выбираются изъ лицъ, могущихъ способствовать процвѣтанію дѣла.

11) Почетные члены общества носятъ слѣдующія названія: лица, внесшія 200 фр. — постоянные члены, 100 фр. — пожизненные и 10 фр. — обыкновенные. Званіе благодѣтелей общества (bienfaiteurs) получаютъ лица, внесшія не менѣе 500 франковъ.

III. Организанія Общества.

12) Общество раздѣляется на отдѣленія, секціи.

школы. Въ 48 г. въ обществѣ происходитъ раздѣленіе—выдѣляется часть его подъ названіемъ Филотехническаго союза, о которомъ скажемъ ниже. Въ 64 году сильный пожаръ уничтожилъ книги и пособія. Но скоро потеря была пополнена, дѣло пошло хорошо. Въ 78 г. общество приняло участіе во всемірной Парижской выставкѣ. Представлены были работы учениковъ, учителей, изложеніе методовъ преподаванія; работы на столько удачныя, что за нихъ присуждена была золотая медаль. И теперь, съ каждымъ годомъ, дѣятельность общества принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Въ этомъ году, какъ видно изъ доклада секретаря, представленнаго юбилейному собранію, чтенія происходятъ въ 22 секціяхъ, до 400 человекъ посвящаютъ дѣлу народнаго просвѣщенія свои свободные часы, учениковъ можно считать десятками тысячъ. Кромѣ постоянныхъ опредѣленныхъ курсовъ, въ этомъ году введены были еще и публичныя лекціи. Лекціи эти разумѣется не отличаются послѣдовательностью чтеній на курсахъ; онѣ имѣютъ отрывочный характеръ; сюжетомъ для нихъ обыкновенно выбираются вопросы, которые могли бы заинтересовать каждого. Такъ, напримѣръ, говорили о новыхъ изобрѣтеніяхъ Эдиссона— телефонѣ, микрофонѣ, фонографѣ; читали о воздухоплаваніи, объ электричествѣ. Изложеніе, обыкновенно популярное, отличается ясностью, опредѣленностью и привлекаетъ массы народа. Здѣсь можно встрѣтить людей различныхъ общественныхъ положеній, различныхъ половъ и возрастовъ. Степень вниманія публики зависитъ разумѣется отъ интереса предмета и изложенія. Случается, что кто нибудь встаетъ и уходитъ на срединѣ лекціи, если она покажется неинтересной,—въ этомъ отношеніи не стѣсняются. Но въ большинствѣ случаевъ лекторъ вполне овладѣваетъ вниманіемъ аудиторіи. Тогда тишина прерывается только по временамъ болѣе или менѣе дружными аплодисментами. Лекціи эти даютъ рабочему люду возможность послѣ трудового дня имѣть прекрасный отдыхъ, или, лучше сказать, физическій трудъ смѣнить умственнымъ, сообщаютъ ему знанія, распрягаютъ его кругозоръ, предотвращаютъ ту крайнюю односторонность, до которой можетъ довести чловѣка исключительно физическій трудъ.

Младшей сестрой политехническаго общества является фило-техническій союзъ, основанный 19 марта 48 года группой отдѣлившихся членовъ политехническаго общества. Въ уставѣ такъ

опредѣляется назначеніе этого учрежденія: § 1. «Филотехническій союзъ имѣеть цѣлью распространеніе образованія среди взрослого населенія обонхъ половъ и главнымъ образомъ распространеніе знаній, относящихся къ ихъ спеціальности. Для этого въ различныхъ мѣстахъ Парижа устраниваются курсы, относящіеся къ коммерціи и ремесламъ, искусству, а также и общеобразовательные. Запрещено касаться политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Общество каждый годъ раздаетъ награды, аттестаты наиболѣе выдающимся ученикамъ. Оно способствуетъ развитію подобныхъ себѣ, но самостоятельныхъ, независимыхъ отъ него обществъ въ сенскомъ и другихъ департаментахъ».

Составъ этого общества такой же, какъ и перваго: учителя, дѣйствительные и почетные члены. Опредѣленъ извѣстный мѣсящъ взносовъ какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Во главѣ общества стоитъ административный совѣтъ съ комитетомъ. Члены административнаго совѣта и комитета избираются при закрытой баллотировкѣ общимъ собраніемъ, которое бываетъ непремѣнно два раза въ годъ. Это же собраніе получаетъ отъ совѣта отчетъ за прошлый и утверждаетъ бюджетъ будущаго года. Вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Административный совѣтъ собирается непремѣнно разъ въ мѣсяцъ, можетъ быть созванъ и экстренно по заявленію 5 членовъ. Комитетъ также собирается разъ въ мѣсяцъ передъ засѣданіемъ совѣта. Средства общества составляются изъ членскихъ взносовъ и различныхъ субсидій.

Такова въ общихъ чертахъ организація филотехническаго союза.

Посмотримъ далѣе, какъ организованы курсы.

Въ различныхъ мѣстахъ Парижа общество имѣеть свои отдѣленія, или секціи, гдѣ читается по нѣскольку курсовъ. Во главѣ каждой секціи стоитъ директоръ или директриса, наблюдающіе за ходомъ дѣла. Обо всемъ, происходящемъ на курсахъ, они даютъ отчетъ административному совѣту, высшей инстанціи, дающей направление дѣлу, назначающей учителей, или профессоровъ, какъ ихъ тамъ называютъ, опредѣляющей дни и часы чтеній. Никакое измѣненіе въ дѣлѣ курсовъ не можетъ быть произведено безъ согласія совѣта. Лекціи начинаются обыкновенно около 15 октября и продолжаются по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ. «Курсъ нашихъ занятій, говорилъ Жюль Симонъ, предсѣдательствуя на собраніи 20

января 78 года, долженъ сообразоваться съ степенью подготовки слушателей и можетъ стать курсомъ высшаго образованія». Теперешняя программа довольно обширна: кромѣ роднаго языка и литературы, читается арифметика, геометрія, алгебра, тригонометрія, механика, физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія, гигиена, географія, исторія, право, иностранные языки—нѣмецкій и англійскій. Женщины учатъ еще кроить и шить. Параллельно существуютъ чтенія для болѣе и менѣе подготовленныхъ, и второй курсъ является продолженіемъ перваго. Занятія происходятъ отъ 8 до 10 часовъ вечера ежедневно. Курсы по большей части смѣшанные, но есть и отдѣльные для женщинъ. Преподаваніе ведется толково, серьезно, научно. Занятія по физикѣ, химіи сопровождаются опытами. Отношеніе къ дѣлу какъ преподавателей, такъ и слушателей въ высшей степени серьезно. Запоздываній, пропусковъ лекцій почти не встрѣчается. Въ случаѣ болѣзни профессоръ увѣдомляетъ объ этомъ директора секціи, и тотъ приглашаетъ другаго лектора. Цѣнять вниманіе и время слушателей.

Чтенія по большей части устриваются въ свободныхъ вечерахъ школьныхъ помѣщеніяхъ. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать на этихъ вечернихъ курсахъ. Прежде всего бросается въ глаза разнообразіе слушателей. Рядомъ, на одной скамьѣ, можно встрѣтить и солиднаго, взрелаго рабочаго, даже старика, и мальчика—подростка, проводящаго однако день уже въ мастерской или магазинѣ, и молодую дѣвушку, рядомъ съ женщиной лѣтъ 30-ти и болѣе. Въ прошломъ году на одномъ изъ курсовъ отецъ и сынъ одновременно получили первыя награды. Вообще въ Парижѣ не только на всѣхъ публичныхъ лекціяхъ, но и въ Сарбоннѣ и Collège de France можно встрѣтить массу стариковъ. Далекое не всѣ лекціи филотехническаго союза посѣщаются одинаково; количество слушателей зависитъ отъ умѣнья профессора. Курсовъ, лекторовъ здѣсь много, а парижанинъ разстояніями не стѣсняется. Нѣкоторыя аудиторіи едва вмѣщаютъ количество слушателей.

Еще до прихода профессора васъ поражаетъ глубокая тишина среди этой разнообразной публички, обыкновенно шумной, игривой въ домашней жизни, на улицѣ. Большинство читаетъ учебники или просматриваетъ замѣтки по предыдущей лекціи. Иногда гдѣ нибудь въ сторонѣ слышенъ сдержанный шепотъ. Появленіе про-

фессора встрѣчается болѣе или менѣе дружными аплодисментами (обыкновенный приемъ лекторовъ и въ Сарбоннѣ, Collège de France и проч.). Начинается чтеніе въ большинствѣ случаевъ очень интересное, оживленное. Французы умѣютъ говорить прекрасно, живо, излагаютъ ясно и наглядно самые серьезные и сложные вопросы. Чтеніе иногда также прерывается аплодисментами. Лица слушателей выражаютъ самое серьезное, глубокое вниманіе; многіе дѣлаютъ замѣтки въ тетрадкахъ. Да и странно было бы встрѣтить здѣсь иное. Вѣдь сюда собрало людей искреннее желаніе поучиться: на этихъ скамьяхъ почти все сидятъ работники и работницы, сокращающіе изъ любви къ знаніямъ свой отдыхъ послѣ трудового дня. По окончаніи чтенія нерѣдко кто нибудь изъ слушателей обращается къ профессору съ вопросами, проситъ разъясненій непонятаго. Отношенія между лекторомъ и слушателями самыя простыя, непринужденныя; въ основѣ ихъ лежитъ взаимное уваженіе и пониманіе. Одни стараются уяснить, передать возможно больше и лучше, другіе—усвоить все слышанное.

Желающіе получить свидѣтельство держать экзаменъ, такъ же, какъ и ученики государственныхъ школъ, при экзаменаціонной комиссіи въ Тюльери.

Такой же характеръ имѣютъ вечерніе курсы политехническаго и другихъ частныхъ обществъ.

Понятно громадное значеніе подобныхъ учрежденій, распространяющихъ знанія среди тысячъ рабочаго населенія.

«Будущее Франціи будетъ обеспечено, восклицаетъ на одномъ изъ собраній секретарь общества, когда образованіе станетъ всеобщимъ достояніемъ, не будетъ больше сосредоточиваться только въ одномъ привилегированномъ классѣ».

Будемъ продолжать о филотехническомъ союзѣ; посмотримъ, какъ широка его дѣятельность.

Въ первый годъ своего существованія, т. е. въ ноябрѣ 48 г. общество имѣло только 13 курсовъ. Но, постепенно все болѣе и болѣе расширяясь, дѣло это устояло среди различныхъ переворотовъ Франціи и стоитъ теперь очень прочно, широко раскинувъ свои просвѣтительныя сѣти. «Вездѣ, говорятъ одинъ изъ членовъ филотехническаго союза, устроены мильціи для славнаго завоеванія знаній».

Теперь отъ этого общества читаетъ 300 профессоровъ на 230

курсахъ. Число слушателей превышаетъ 12,000. Издается свой журналъ «Bulletin de l'Association Philotechnique», главная задача котораго—возможно обстоятельное знакомство публики съ дѣломъ союза, что должно способствовать его развитію. Дѣйствительно, симпатіи гражданъ къ этому обществу, какъ видно изъ отчетовъ, все болѣе и болѣе усиливаются, количество членовъ возрастаетъ. Публичныя его засѣданія для раздачи наградъ привлекаютъ массы народа. Получаемая отъ министерства народнаго просвѣщенія субсидія съ 3000 увеличилась до 4500 франковъ.

Въ этомъ году вновь открыты 3 секціи; открыты курсы для приготовленія сдѣлокъ, или сестеръ милосердія, школа часовыхъ издѣлій, курсы кройки и шитья для женщинъ. Важный вопросъ о необходимости профессиональнаго образованія также не оставленъ безъ вниманія.

Но филотехническій союзъ не ограничиваетъ своей дѣятельности Парижемъ, — подъ его покровительствомъ образовалось 12 секцій въ окрестностяхъ города—Монмартръ, Сень-Дени, Бюгоръ и др. Какъ видно изъ отчетовъ, помѣщаемыхъ въ «Bulletin de l'Association Philotechnique», дѣло и тамъ идетъ успѣшно, количество слушателей на курсахъ также очень велико.

Провинціальныя города въ дѣлѣ просвѣщенія стремятся не отстать отъ всегда и во всемъ бывшаго руководителемъ «міроваго города». Такъ въ Лилѣ, въ сентябрѣ 80 г., организовался сѣверный филотехническій союзъ. Его программа и характеръ дѣятельности ничѣмъ не отличаются отъ парижскаго союза. Къ нему еще примыкаютъ многія общества, открытыя въ различныхъ сѣверныхъ городахъ. Каждое изъ этихъ обществъ впрочемъ существуетъ самостоятельно, имѣетъ свое управленіе, свой совѣтъ. Изъ чиновъ же мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ составляется центральный совѣтъ, который заботится объ открытіи новыхъ мѣстныхъ обществъ, даетъ свои мнѣнія относительно различныхъ педагогическихъ вопросовъ, относительно хода дѣла вообще. Единство, существующее между различными мѣстными обществами, понятво, имѣетъ благотворное вліяніе на успѣшный ходъ дѣла. «Единство даетъ намъ силы Геркулеса»—воскликаетъ секретарь одного изъ провинціальныхъ обществъ. Краткій очеркъ филотехническаго союза закончу отрывкомъ изъ письма Жюля Ферри къ одному изъ членовъ этого общества, полковнику Ланглуа. «Лучшей одѣжкой

Филотехническаго союза можетъ служить то, что вездѣ, гдѣ только онъ появляется, исчезаетъ невѣжество. Здѣсь дѣлають добро скромно, не величаясь, имѣя въ виду только исполненіе долга, имѣя стимуломъ любовь къ человѣчеству. Это дѣло развиваясь, утверждаясь, существуетъ на пользу гражданъ уже болѣе 30 лѣтъ».

Посмотримъ далѣе характеръ, степень дѣятельности и другихъ подобныхъ учрежденій, чтобы имѣть возможность оцѣнить немаловажное значеніе здѣсь частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

Въ Парижѣ существуетъ между прочимъ одно общество, по характеру дѣятельности сходное съ вышеизложенными, но оригинальное по названію—«Французскій союзъ молодежи». Основанъ онъ только въ 75 году и на всемирной выставкѣ 78 г. получилъ бронзовую медаль. Въ одномъ изъ бюллетеней—«Bulletin de l'Union française de la Jeunesse»—такъ опредѣляется его цѣль: «французскій союзъ молодежи—общество молодыхъ людей, соединившихся для работы безъ различія классовъ. Одни, настоящіе или бывшіе ученики нашихъ лицеевъ и школъ, распространяють пріобрѣтенныя знанія, другіе, рабочіе, ученики мастерскихъ, соединяются съ первыми посѣщеніемъ ихъ лекцій, курсовъ».

Общество стремится распространять знанія въ народъ путемъ организаціи постоянныхъ опредѣленныхъ вечернихъ курсовъ, подобныхъ курсамъ Филотехническаго союза, отдѣльныхъ публичныхъ лекцій, содѣйствуетъ открытію народныхъ библиотекъ, школъ, облегчаетъ возможность продолженія образованія выдающимися ученикамъ.

Это общество, какъ и разсмотрѣнныя уже, устраняетъ вопросы политическіе и религіозные, заботясь объ одномъ—распространеніи просвѣщенія, независимо отъ всякихъ партій и различія политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Оно взываетъ ко всѣмъ располагающимъ хотя однимъ свободнымъ вечеромъ въ недѣлю, приглашаетъ придти на помощь ихъ доброму дѣлу. Уставъ этого общества мало чѣмъ отличается отъ другихъ. Законодательная власть принадлежитъ общему собранію, которое изъ среды дѣйствительныхъ чиновъ выбираетъ комитетъ для завѣдыванія текущими дѣлами. Есть впрочемъ одинъ оригинальный параграфъ. «Дѣйствительными членами могутъ быть только лица моложе 30 лѣтъ».

Шестой годъ всего, какъ существуетъ этотъ союзъ, но дѣятель-

ность его нельзя назвать незначительной. Какъ видно изъ доклада главнаго секретаря общему собранію, организовано уже 11 секцій съ 80 курсами. Въ программу чтеній входятъ—отечественный языкъ и литература, арифметика, геометрія, алгебра, исторія, географія, физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія, гигиена. политическая экономія, право. Нѣкоторые изъ лекторовъ имѣютъ до 80 постоянныхъ слушателей.

Кромѣ курсовъ съ опредѣленной программой въ прошломъ году читалось много публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ. Напримеръ: «Спектральный анализъ», «Исторія великихъ новѣйшихъ открытій въ астрономіи», «Нравы арабовъ», «Данте, Петрарка, Боккаччо» и т. д. Въ этомъ году, кромѣ того, двумя профессорами общества предположено дѣлать геологическія и топографическія экскурсіи. Нѣсколько предварительно прочитанныхъ лекцій имѣли большой успѣхъ. Устроены также курсы гимнастики и пѣнія.

Дѣятельность французскаго союза молодежи переходитъ за черту Парижа — разсылаются профессора для чтенія публичныхъ лекцій и въ провинцію.

Получая все большую и большую извѣстность, общество пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ членовъ, число которыхъ теперь доходитъ до 1000. Матеріальныя средства его также довольно значительны. Кромѣ членскихъ взносовъ и частныхъ пожертвованій, оно получаетъ до 4000 субсидій деньгами отъ министерства народнаго просвѣщенія и города; значительное количество учебныхъ пособій и книгъ для народа. Весь доходъ за 79 годъ, какъ видно изъ отчета, равнялся 12,684 фр. 60 сант., расходы — 12,567 фр. 75 сант., въ остаткѣ 116 фр. 75 сант. На эти суммы содержалось 80 курсовъ. Выходитъ 157 франк. на каждое курси. Очень немного, особенно если взять во вниманіе затраты на публичныя лекціи въ Парижѣ и провинціи, субсидіи библіотекамъ, немущимъ ученикамъ. Этотъ примѣръ ясно доказываетъ, что и съ небольшими средствами, при искреннемъ желаніи служить дѣлу, можно достигнуть значительныхъ результатовъ.

На свою теперешнюю дѣятельность общество смотритъ, какъ на удачное только начало. «Пусть эти 11 секцій, восклицаетъ секретарь въ концѣ своего доклада общему собранію, послужатъ прочнымъ основаніемъ для будущей болѣе обширной организаціи, и мы воздвигнемъ настоящій французскій союзъ молодежи—общее»

ство единенія между гражданами родной страны для взаимнаго пониманія».

Подобно этому парижскому обществу, 13 марта 77 года въ провинціи устроенся лотарингскій союзъ молодежи, имѣющій свой центръ въ Нанси.

Это общество заботится о распространеніи образованія главнымъ образомъ въ деревняхъ и устраниваетъ съ этой цѣлью публичныя лекціи въ деревенскихъ центрахъ. Оно успѣло уже прочесть 91 публичную лекцію, дѣлаетъ со своими слушателями экскурсіи въ музеи, на заводы, устраиваетъ что-то въ родѣ предметныхъ уроковъ для взрослыхъ; основало одну сельскую бібліотеку, основываетъ теперь еще двѣ, даетъ субсидіи уже существующимъ; наконецъ устроило три книжныя торговли въ деревняхъ.

Удачное начало и немаловажное, значеніе подобнаго рода дѣятельности ругаются за дальнѣйшее развитіе этого союза.

Перейдемъ теперь къ обзору очень обширнаго общества, распространяющаго свою дѣятельность на всю Францію. Общество это извѣстно подъ именемъ Лиги Обученія. Существуетъ оно, какъ общество, съ 67 года, пропаганда же его началась съ 66. Цѣль этого учрежденія таже, что и у вышеразсмотрѣнныхъ—распространеніе образованія,—впрочемъ, главнымъ образомъ среди сельскаго населенія. Но пути дѣятельности нѣсколько иные: оно не устраиваетъ само ни школъ, ни курсовъ, а только способствуетъ устройству и развитію ихъ, матеріально поддерживая личностей, берущихся за это дѣло, снабжая учебными пособиями вновь открываемыя заведенія, помогая учрежденію народныхъ и педагогическихъ бібліотекъ и читалень. «Лига Обученія, какъ заявляетъ уставъ, не есть дѣло какой нибудь партіи, она не касается ни политическихъ, ни религіозныхъ вопросовъ, она призываетъ ко всѣмъ, сознающимъ необходимость распространенія образованія».

Средства общества составляются изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій. Общее членское собраніе избираетъ на годъ президента и комитетъ, который заправляетъ дѣлами общества и даетъ отчетъ общему собранію. Третъ членовъ комитета возобновляется ежегодно.

Основателемъ Лиги Обученія былъ Жанъ Массе. Онъ въ 66 г. разослалъ по Франціи слѣдующее воззваніе. «Нижеподписавшіеся,

желая лично способствовать распространенію образованія въ странѣ, присоединяются къ проекту устройства во Франціи Лиги Обученія, которая не будетъ служить частнымъ интересамъ никакой политической и религіозной партіи. Они предлагаютъ себя въ члены этого общества и обѣщаютъ дѣлать извѣстные денежные взносы».

Къ 1 ноября 67 г. подъ этимъ воззваніемъ было уже 4,792 подписи, собранныя въ 77 департаментахъ. Изъ нихъ Парижу принадлежитъ 1,087. Развитіе общества пошло очень быстро. Къ 15 февраля 70 г. оно имѣло уже 9 округовъ (sectes), число членовъ возрасло до 17,856 человекъ, вносящихъ 78,455 франковъ. Несчастная война 70—71 г., когда всѣ силы направлены были на борьбу съ внѣшними врагами, разумѣется, помѣшала правильному развитію этого дѣла. Но въ 72 г. оно возобновилось съ новой энергіей. Нужно замѣтить, что вообще съ этого времени, т. е., послѣ войны, во Франціи начинается сильное движеніе въ пользу образованія, затраты на это дѣло правительства и общества какъ мы видѣли значительно увеличиваются.

«Послѣ этого паденія, которое повидимому было смертельнымъ, говоритъ Гамбетта, вспоминая тяжелое время 70 и 71 гг., на конгрессѣ Лиги Обученія, въ апрѣлѣ 81 г., одинъ только возгласъ слышался среди націи: пужно научить, развить эту страну! нужно дать ей силы интеллектуальныя и моральныя, нужно покрыть ее школами, нужно образовать учителей, измѣнить программы и методы!»

Среди такого всеобщаго движенія въ пользу просвѣщенія, Лига еще болѣе усиливаетъ свою дѣятельность. Въ 72 году секретаремъ парижскаго округа Эмануиломъ Воше подымается новый вопросъ — о необходимости обязательнаго, дароваго и свѣтскаго обученія. Для распространенія этого вопроса снова по всей Франціи разсылаются слѣдующее воззваніе, покрывшееся затѣмъ 1.260,000 отдѣльныхъ подписей и 2,300 подписей муниципальныхъ совѣтовъ, за которыми стоитъ до половины всего населенія Франціи: «Принимая во вниманіе, что умъ также нуждается въ просвѣщеніи, какъ тѣло въ пищѣ, зная по опыту, что нравственный уровень народа подымается вмѣстѣ съ образованіемъ, что въ республикѣ, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ, всѣ граждане должны быть въ состояніи понимать свои права и обязанности, мы ежегодписавшіеся требуемъ для обонхъ половъ во всѣхъ школахъ, полу-

чающихъ субсидій отъ общинъ, департаментовъ и государства, начального образованія обязательнаго, дароваго и свѣтскаго. Обязательнаго въ обоюдныхъ интересахъ индивидуума и общества. во имя ихъ солидарности. Дароваго—во имя равенства и чтобы лишить всякой отговорки не желающихъ давать образованія своимъ дѣтямъ. Свободнаго, ибо одинъ только принципъ—именно, что научное образованіе есть дѣло школы, а религіозное — дѣло церкви—достаточно защищаетъ свободу совѣсти».

Воззваніе это встрѣчено было общественнымъ сочувствіемъ, какъ доказываетъ количество подписей. Безспорно, дѣятельность лиги обученія имѣла значительное вліяніе на положительное рѣшеніе этого важнаго вопроса, на утвержденіе закономъ обязательнаго, дароваго и свѣтскаго обученія.

Въ настоящее время лига обученія имѣетъ 400 отдѣльныхъ обществъ; парижскій округъ составляетъ только часть этого обширнаго цѣлаго, безъ всякаго руководящаго значенія.

Взглянемъ на ходъ развитія этого отдѣльнаго, наиболѣе значительнаго округа.

Въ первый годъ существованія парижскаго отдѣленія, въ 67 г., бюджетъ его доходилъ только до 449 фр. 50 сантимовъ. Въ 74 г. онъ возросъ до 5,900 фр. Оборотный капиталъ общества, какъ видно изъ отчета, представленнаго обществу собранію парижскаго округа лиги обученія 31 января 80 г., теперь значительно увеличился. Доходъ за этотъ годъ равнялся 138,848 фр. 39 сант., расходъ—118,781 фр. 78 сант., въ остаткѣ—20,066 фр. 61 сант. Этому же собранію представленъ былъ отчетъ о финансахъ общества за вѣсколько лѣтъ. Съ 67—69 г. израсходовано 578,327 фр. на субсидіи деньгами; кромѣ того, роздано народнымъ, военнымъ и школьнымъ библіотекамъ 69,665 экземпляровъ различныхъ книгъ, разослано въ школы сотни глобусовъ, географическихъ атласовъ, естественно-историческихъ картинъ.

Дѣятельность этого Парижскаго Общества очень значительна. Оно помогло устройству 34 педагогическихъ библіотекъ; подъ его вліяніемъ и благодаря его субсидіямъ открылось 180 военныхъ библіотекъ и курсовъ для солдатъ; оно же способствовало организаціи лиги обученія съ 40,000 чл. въ различныхъ мѣстахъ другихъ округовъ. Честь пропаганды относительно необходимости обязательнаго, дароваго, свѣтскаго обученія принадлежитъ также на-

рижскому округу. Общество это много сверхъ того помогло развитію и утвержденію сознанія крайней потребности въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній среди деревенскаго населенія. Вопросъ этотъ, поднятый еще Генрихомъ IV и его министромъ Сюли, поднимавшіяся потомъ учебными программами 89. и 48 гт., снова всплылъ и рѣшенъ теперь положительно. Законъ 16 іюня 1879 г. требуетъ непремѣнно преподаванія агрономіи въ учительскихъ семинаріяхъ. Вышедшіе изъ этихъ семинарій учителя будутъ способствовать распространенію агрономическихъ свѣдѣній въ деревняхъ. Съ 83 г. преподаваніе элементарной агрономіи въ сельскихъ школахъ станетъ обязательнымъ.

Дѣятельность частныхъ просвѣтительныхъ обществъ не ограничивается Европой: въ Алжирѣ также существуетъ отдѣленіе Лиги Обученія. Оно состоитъ изъ 240 членовъ, вносящихъ 6,000 фр.

До сихъ поръ различныя мѣстные округа Лиги существовали совершенно отдѣльно, безъ всякой связи между собой. Но въ этомъ году во время пасхальныхъ каникулъ Парижскій округъ лиги обученія устроилъ конгрессъ, цѣлю котораго было обсужденіе вопроса о необходимости соединенія, для пользы дѣла, въ обширную федерацію различныхъ мѣстныхъ округовъ, мѣстныхъ обществъ, имѣющихъ въ виду распространеніе всевозможными средствами образованія въ народѣ. Предложили, чтобы парижскій комитетъ сталъ центральнымъ комитетомъ, направляющимъ дѣятельность мѣстныхъ обществъ, не стѣсняя однако нисколько ихъ свободн и самостоятельности.

Отъ Лиги Обученія перейдемъ къ не менѣе значительному Франклиновскому обществу, основанному въ 1863 году.

Это одно изъ обширнѣйшихъ обществъ, которое распространяетъ свою дѣятельность и за предѣлы Франціи. Центръ его—въ Парижѣ. Цѣль свою оно коротко опредѣляетъ такъ: «хочетъ быть служителемъ служителей просвѣщенія». Это, правда, довольно неопредѣленно. Главныя его заботы—развитіе, распространеніе народныхъ бібліотекъ, читаленъ, какъ могущественнаго средства просвѣщенія.

Народная школа безъ народной бібліотеки далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. По окончаніи курса ученикъ или ученица, не имѣя подъ руками подходящихъ книгъ, не только не можетъ продолжать своего развитія, но мало по малу, не возобнов-

дѣла, забывается и прежде усвоенное. Важно, впрочемъ, не чтеніе вообще, а чтеніе развивающее, обогащающее новыми познаніями; важно, устранивая бібліотеку, снабдить ее необходимыми сочиненіями. Съ этой цѣлью Франклиновское общество издало очень полные каталоги для городской, сельской и военной бібліотекъ. Далѣе оно завѣдусть возможно быстрой доставкой книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ. Кромѣ того, разсылаетъ въ бѣднѣйшіе бібліотеки и даромъ массу книгъ, географическихъ картъ, глобусовъ.

Помогая матеріально, оно еще имѣетъ значеніе, какъ центръ, въ которомъ каждый, интересующійся дѣломъ народн. просвѣщенія, можетъ получить необходимыя свѣдѣнія, разъясненія, практическіе совѣты при устройствѣ, напримѣръ, бібліотекъ. Общество это, какъ заявляетъ уставъ, дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ отечества в прогресса и не касается ни религіозныхъ, ни политическихъ вопросовъ. Въ организаціи его нѣтъ ничего оригинальнаго. Свое названіе — Франклиновское — оно носитъ въ честь знаменитаго Франклина, основавшаго въ 1730 г. въ Америкѣ первую народную бібліотеку, которая является, такъ сказать, родоначальницей многочисленныхъ американскихъ народныхъ бібліотекъ.

Я позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ мемуаровъ Франклина о началѣ этой первой бібліотеки.

«Въ это время (въ 1730 г.) я составилъ первый проектъ полезнаго общественнаго дѣла, проектъ бібліотеки по подпискѣ. Начертанный мною планъ былъ формулированъ нашимъ извѣстнымъ нотаріусомъ Брокденомъ. Каждый членъ обязывался внести извѣстную сумму для перваго обзаведенія и дѣлать ежегодные взносы для увеличенія количества книгъ. Въ то время было такъ много читателей въ Филадельфій и большинство изъ насъ было такъ бѣдно, что, не смотря на всѣ мои старанія, невозможно было найти болѣе 50 чел., почти исключительно изъ среды молодыхъ негоціантовъ, которые согласились сразу дать по 40 шиллинговъ для начала и потомъ ежегодно вносить по 10 шиллинговъ. И вотъ съ этимъ-то маленькимъ капиталомъ мы начали наше дѣло. Выписали книги. Бібліотека открывалась разъ въ недѣлю для выдачи книгъ подъ условіемъ двойной платы за всякое испорченное сочиненіе. Скоро польза этого учрежденія была оцѣнена и оно нашло себѣ подражателей въ другихъ городахъ и другихъ провинціяхъ. Бібліотеки стали размножаться, благодаря частнымъ взносамъ и чтеніе вошло

въ употребленіе. Наша бібліотека по подпискѣ была, можно сказать, матерью всѣхъ многочисленныхъ бібліотекъ, существующихъ въ Америкѣ. Теперь это уже обширное учрежденіе, которое все болѣе и болѣе расширяется. Благодаря бібліотекамъ, бесѣды стали болѣе разумными, между купцами и фермерами распространились такіа знанія, какія въ другихъ странахъ встрѣчаются только среди высшего класса».

Парижское Франклиновское общество является какъ бы продолжателемъ этого важнаго, полезнаго дѣла. Кругъ его дѣятельности очень обширенъ, теперь оно находится въ связи съ 4,000 бібліотекъ. Въ 73 г., когда послѣ несчастной войны обращено было особенное вниманіе на поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня арміи, общество собрало и затратило 100,000 франковъ на устройство 300 военныхъ бібліотекъ. Съ 68—77 г. оно разослало въ различныя бібліотеки книгъ на 460,004 фр. Приведу еще нѣсколько цифръ, которыя могутъ указать на количество дѣятельности этого общества. Въ 72 г. оно выслало книгъ въ различныя бібліотеки на 32,873 фр., въ 73 г. на 110,944 фр., 74 г. на 51,613 фр., въ 75 на 56,027 фр. (за 76 г. цифри мы не могли получить), въ 77 г. на 67,672 фр., въ 78 на 96,025 фр., 79 на 105,553 фр. и въ 3 первые мѣсяцы 80 года на 40,000 фр. На такую сумму высланы были книги по удешевленнымъ цѣнамъ, но много разсылается и даромъ. Всѣ вышеприведенныя цифры заимствованы изъ годичныхъ отчетовъ общества. По послѣднему отчету, представленному общему собранію 3 апрѣля 80 г., капиталъ общества въ 78 г. равнялся 26,265 фр., въ 79 г.—27,460 фр.

Франклиновское общество пользуется большою популярностью во Франціи. Своими бібліотеками оно какъ бы дополняетъ дѣятельность Политехническаго и Филотехническаго обществъ и Французскаго союза молодежи. На всемірной парижской выставкѣ имъ получена золотая медаль.

Какъ же организованы здѣшнія народныя бібліотеки? Приведу уставъ одной изъ нихъ, именно муниципальной бібліотеки въ Сень-Клодѣ, онъ можетъ служить типомъ; если и бываютъ варіанты, то очень незначительныя.

Книгами бібліотеки члены общины могутъ пользоваться бесплатно. Только въ томъ случаѣ, если сочиненіе держится больше двухъ недѣль, полагается извѣстный взносъ. Жители же сосѣднихъ общинъ

должны платить по крайней мѣрѣ 25 сант. въ мѣсяцъ. Дѣлами библиотеки завѣдуетъ комитетъ, избираемый на три года изъ мѣстныхъ жителей подписчиковъ. Онъ даетъ отчетъ общему собранію, которое собирается разъ въ году въ январѣ мѣсяцѣ и состоитъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ подписчиковъ. Президентъ, библиотечарь и кассиръ избираются изъ членовъ комитета. Библиотечарь имѣетъ каталогъ, выдаетъ книги. Обмѣнъ книгъ производится по воскресеньямъ. Въ одинъ разъ не можетъ быть выдано болѣе одной большой и двухъ малыхъ книгъ. Самый болѣе длинный срокъ 15 дней. Получившій книгу обязанъ хранить ее въ чистотѣ. За порчу или потерю сочиненія взыскивается его стоимость. Средства библиотеки составляются изъ пожертвованій деньгами и книгами, пособій отъ муниципальнаго совѣта, министерства народнаго просвѣщенія, различныхъ частныхъ обществъ и наконецъ штрафовъ за просрочку книгъ и выносовъ за право чтенія жителей другихъ общинъ.

Таково вообще устройство народныхъ библиотекъ во Франціи.

Считаю возможнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, чтобы изложить интересный проектъ устройства кантональных библиотекъ. Одинъ изъ энергичныхъ общественныхъ дѣятелей, мѣсто Жюрасъ, признавая громадную важность народныхъ библиотекъ и видя невозможность, по недостатку средствъ, хорошо устроить ихъ въ каждой общинѣ, предложилъ муниципалитетамъ Нижнихъ Пиринеевъ слѣдующій проектъ.

Одинъ или нѣсколько инициаторовъ предлагаютъ съ своей стороны на покупку книгъ для кантональной библиотеки сумму, равную той, которая бы получилась отъ сбора по 10 сантимовъ со всего населенія кантона, подъ условіемъ, чтобы главный кантональный городъ (*chef-lieu*), въ которомъ предполагается библиотека, дѣйствительно внесъ на это дѣло субсидію, равную десятисантимному сбору со всего его населенія. Устроенной на эти деньги библиотекой всѣ жители города пользуются бесплатно, также бесплатно пользуется ею каждая община, давшая по 10 сантимовъ съ жителя. Обитатели же другихъ общинъ, не дѣлавшихъ вкладовъ, могутъ пользоваться книгами только съ платой по 2 фр., въ годъ. Если въ главномъ кантональномъ городѣ уже существуетъ библиотека, то новую можно устроить въ какойнибудь общинѣ, занимающей наиболѣе выгодное географическое положеніе по отно-

шенію къ другимъ. Такимъ образомъ можетъ устроиться дѣйстви- тельно хорошая полная библіотека. Въ пользованіи же книгами затрудненія не должно быть, деревни всегда имѣютъ сообщеніе съ городомъ. Наконецъ, если бы такое затрудненіе и представилось, то можно въ различныхъ общинахъ устроить отдѣленія библіотеки, гдѣ книги по мѣрѣ прочтенія должны перемѣняться.

Этотъ проектъ очень удобенъ, выгоденъ для населенія. На- примѣръ, городокъ Монтане, въ которомъ 788 человекъ населенія, долженъ дать только 78 фр. 80 сантимовъ, чтобы получить книгъ на 506 фр. 40 сант., такъ какъ число жителей всего кантона 50,640 человекъ. Только этимъ путемъ и считаетъ Турась воз- можнымъ въ самомъ непродолжительномъ времени распространить по всей Франціи болѣе или менѣе порядочныя библіотеки, кото- рыя теперь являются уже, можно сказать, потребностью населе- нія. Запросъ на книги какъ среди горожанъ, такъ и среди поселянъ значителенъ. Дѣла въ существующихъ библіотекахъ идутъ ожив- ленно. Такъ, на примѣръ, народная библіотека Сентъ-Кентона въ два года раздала болѣе 40,000 экземпляровъ книгъ. Иногда въ день въ ней перебивается до 100 посѣтителей. Версальская библіо- тека, владѣющая 11,000 экземпляровъ, имѣетъ до 900 подписчи- ковъ. Количество раздаваемыхъ книгъ доходитъ до 12 и 13 ты- сячъ въ годъ и замѣтно съ каждымъ годомъ прогрессируетъ. Такъ въ 68 г. роздано было только 5,000, въ 73 г. эта цифра возросла до 8,000, а въ 76 до 12,000.

Существуютъ библіотеки даже въ общинахъ, имѣющихъ не болѣе 600 человекъ населенія; и у нихъ дѣла идутъ очень ожив- ленно. Въ сельскихъ библіотекахъ, какъ видно изъ отчетовъ, очень охотно читаются книги, относящіяся къ сельскому хозяй- ству и статьи по естествознанію. Учрежденія эти безъ сомнѣнія имѣютъ громадное культурное значеніе. Во 1) они являются раз- садникомъ знаній. Благодаря чтенію небольшія свѣдѣнія, полу- ченныя въ школахъ, могутъ все болѣе и болѣе расширяться. Во 2) даютъ рабочему люду возможность разумнаго, здороваго отдыха среди семьи за совмѣстнымъ чтеніемъ. Обращаясь къ своимъ со- гражданамъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Горасъ Маннъ сказалъ: «Если бы я имѣлъ возможность, я бы разсыялъ книги по всей землѣ, какъ сѣютъ хлѣбъ. Я такъ убѣжденъ въ благѣ, которое могутъ принести хорошія книги, что рѣшилъ посвятить большую

часть своего времени и средствъ на устройство и возможно болѣе широкое развитіе народныхъ библиотекъ въ нашемъ департаментѣ.

Количество народныхъ библиотекъ во Франціи довольно значительно, хотя конечно остается желать въ этомъ отношеніи еще многого. Въ 77 году всѣхъ библиотекъ на 35,989 общинъ или 36.905,788 чловѣкъ населенія было 19,368, но изъ нихъ 15,422 были библиотеки школьныя (книгами изъ которыхъ, впрочемъ, могутъ бесплатно пользоваться не только ученики, но и все населеніе общины) и 3,946 собственно народныхъ библиотекъ для взрослыхъ ¹⁾. Количество это разумѣется съ каждымъ годомъ увеличивается: такъ въ 72 г. ихъ было 2,384, въ 74 уже 3,229, а въ 77 г. 3,946 или 1 библиотека на 9,352 чловѣка населенія ²⁾.

Сколько же изъ этихъ библиотекъ обязаны своимъ существованіемъ частной инициативѣ? Въ 74 г. частныхъ библиотекъ было 457, въ 76 г. 576, а въ 77 г. уже 764 изъ 3,946 всѣхъ народныхъ библиотекъ для взрослыхъ. Цифра довольно значительная. Но ею не исчерпывается все количество дѣятельности въ этомъ направленіи; къ ней нужно еще прибавить тѣ 4,000 общественныхъ, школьныхъ и педагогическихъ библиотекъ, въ связи съ которыми находится и матеріально помогаетъ Франклиновское общество.

Если возьмемъ во вниманіе количество книгъ, раздаваемыхъ этими библиотечками, количество свѣдѣній, распространяемыхъ такимъ образомъ среди массы, дагѣе количество удовольствія, приносимаго этими книгами, то смѣло можемъ сказать, что труды членовъ Франклиновскаго общества не пропади безслѣдно для родной страны. Остался значительный слѣдъ на умственномъ и нравственномъ развитіи націи; нельзя только его точно измѣрить и выразить опредѣленной цифрой, но онъ ясно чувствуется и признается людьми, живущими среди массы, слѣдящими за ходомъ

¹⁾ Journal des bibliothèques populaires publié par la société Franklin.

²⁾ По статистикѣ 77 года одна библиотека приходится въ Бельгіи на 21,026 члов. населенія, въ Швейцаріи же, въ:

Женевскомъ кантонѣ	1,503
Невшательскомъ	1,430
Вадскомъ	1,141
Фрибургскомъ	6,519

ея развитія. Это сознание поддерживает борцовъ за народное просвѣщеніе, побуждаетъ и новыя силы направляться тѣмъ же путемъ.

Въ Парижѣ существуетъ, между прочимъ, и чисто женское общество—такъ называемое общество развитія профессиональнаго образованія женщинъ, основанное въ 62 году. Внутренняя организація этого общества такая же, какъ и другихъ, дѣлами его руководитъ административный совѣтъ, состоящій изъ 18 человекъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ, треть его возобновляется ежегодно. Этотъ совѣтъ избираетъ изъ своей среды президента, двухъ вице-президентовъ, секретаря и кассира; обязанности свои онъ раздѣляетъ между нѣсколькими специальными комитетами. Какъ членами административнаго совѣта, такъ и комитетовъ могутъ быть только женщины.

Общество это имѣетъ въ виду, рядомъ съ довольно серьезнымъ общимъ образованіемъ, научить молодыхъ дѣвушекъ и какому нибудь ремеслу, которое бы дало имъ возможность жить честно, своимъ трудомъ и избавило бы отъ развращающаго вліянія мастерскихъ различныхъ эксплуататоровъ. Съ этой цѣлью оно устраиваетъ профессиональныя женскія школы. Такихъ школъ, принадлежащихъ обществу, въ Парижѣ теперь уже четыре. Я имѣла возможность посѣтить эти учебныя заведенія, присутствовала на урокахъ, видѣла работы ученицъ и вынесла самое хорошее впечатлѣніе.

Считаю умѣстнымъ передать здѣсь вкратцѣ организацію этихъ школъ, особенно въ виду необходимости подобныхъ заведеній для Россіи.

Курсъ ученія трехгодичный. Ученицы принимаются только послѣ извѣстнаго экзамена, не моложе 12 лѣтъ и исключительно приходящія. Отъ поступающей требуется сознательное чтеніе, болѣе или менѣе правильное письмо и знакомство съ первыми правилами ариметики. Заведеніе открыто отъ 8 лѣтомъ и 8¹/₂ часовъ утра зимой до 6 вечера. Занятія раздѣляются на общеобразовательныя и спеціальныя. Общеобразовательнымъ предметамъ посвящается 3 часа въ день отъ 8 до 11, спеціальнымъ 6 отъ 12 до 6. На весь учебный день полагается только 1¹/₂ часа отдыха—одна рекреація часовая, другая получасовая. (Нужно замѣтить, что во Франціи во всѣхъ школахъ ученики сплнскомъ во

долгу сидятъ въ классахъ безвыходно). Общеобразовательный курсъ довольно обширенъ: грамматическое изученіе языка, упражненіе въ письменномъ изложеніи, знакомство съ литературой, вся арифметика, краткій курсъ геометріи, древняя исторія востока, Греціи и Рима коротко, подробно же исторія Франціи до позднѣйшихъ временъ и въ связи съ ней исторія Европы, географія Франціи, Европы и другихъ частей свѣта, химія, физика и ихъ примѣненія (существуетъ маленькая химическая лабораторія и физическій кабинетъ), зоологія, ботаника, минералогія, краткая анатомія, физиологія человѣка и гигиена. Ученицы раздѣляются на три класса; въ концѣ cadaго года производится экзаменъ. Занятіе общеобразовательными предметами обязательно. Кромѣ того, каждая ученица избираетъ спеціальность, которую и изучаетъ. Спеціальныхъ курсовъ 8: бухгалтерія (при этомъ обязательно англійскій или нѣмецкій языкъ), гравировка на деревѣ, отдѣльно курсы рисованія на бумагѣ и матеріяхъ, на фарфорѣ и на стеклѣ, дѣланіе искусственныхъ цвѣтовъ, кройка и шитье платьевъ и потомъ отдѣльно бѣлошвейное дѣло.

Каждое отдѣленіе имѣетъ свою мастерскую. Результаты профессиональныхъ занятій очень хороши: встрѣчаются работы ученицъ, которыя можно назвать артистическими. На всемірной выставкѣ 78 г. эти школы получили золотую медаль. Ученическія работы, кромѣ того, обращали на себя вниманіе и на мелкихъ художественныхъ парижскихъ выставкахъ. Одна изъ ученицъ, послѣ публичнаго, серьезнаго испытанія, получила свидѣтельство учительницы рисованія въ народныхъ школахъ Парижа. Въ четырехъ заведеніяхъ общества развитія профессиональнаго женскаго образованія теперь учится 613 дѣвушекъ. Взносъ за обученіе полагается въ размѣрѣ 15 франковъ въ мѣсяцъ. Но существуетъ половинная плата и полное освобожденіе отъ нея бѣдныхъ. Для этого имѣется 92 стипендіи. Кромѣ того, парижскій муниципальный совѣтъ въ этомъ году отъ себя назначилъ по 12 стипендій при каждой школѣ—всего 48, «чтобы поощрить полезное дѣло и способствовать расширенію и усовершенствованію его». Всѣми дѣлами школъ завѣдуетъ административный совѣтъ. Онъ же назначаетъ учащихся и слѣдитъ за ходомъ дѣла.

Дѣятельность общества не ограничивается только обученіемъ дѣвушекъ; оно не оставляетъ ихъ безъ вниманія и по окончаніи

курса. Существует особый комитетъ, на которомъ лежитъ обязанность заботиться объ окончившихъ ученицахъ, стараться поставить ихъ въ возможно лучшія матеріальныя и нравственныя условія, подыскать мѣсто, подать въ случаѣ надобности совѣтъ и матеріальную помощь, вообще по возможности облегчать могущія встрѣтиться жизненныя невзгоды. Кромѣ того еще съ 66 года существуетъ общество самопомощи, устроенное бывшими воспитанницами. Такимъ образомъ, какъ видимъ, и по выходѣ изъ заведенія нравственная связь не прерывается какъ въ средѣ ученицъ, такъ и между учащими и учащимися,—обстоятельство въ высшей степени отрадное и важное по своимъ послѣдствіямъ.

Парижское населеніе относится очень сочувственно къ этимъ учебнымъ заведеніямъ. Доказательствомъ съ одной стороны можетъ служить количество ученицъ (изъ 4 школъ въ двухъ вакансій совсѣмъ нѣтъ, въ остальныхъ чрезвычайно мало), съ другой—тѣ многочисленныя пожертванія въ пользу учрежденія, которыя постоянно получаютъ съ различныхъ сторонъ. Въ теченіи 79—80 учебнаго года муниципальный совѣтъ, какъ уже упоминалось, назначилъ 48 стипендій; министерство земледѣлія и коммерціи опредѣлило обществу субсидію въ 5000 фр. и коллекція моделей и рисунковъ. Министръ народнаго просвѣщенія также прислалъ моделей и книгъ. Кромѣ того, много взносовъ поступаетъ отъ частныхъ лицъ. Распродажа различныхъ предметовъ въ пользу общества дала 55,000 фр. Интересный фактъ—для этой распродажи многія бывшія ученицы пожертвовали свои работы, работы, которыя доставляютъ имъ средства къ жизни. Матеріальное положеніе общества очень хорошо. Въ 70 г. капиталъ его равнялся 152,000 фр. Теперь оно имѣетъ даже недвижимую собственность—куплено прекрасное мѣсто и устроенъ съ соблюденіемъ правилъ гигиены и съ необходимыми приспособленіями къ дѣлу, школьный домъ. Все это стоило 360,000 фр. По случаю покупки сдѣланъ былъ заемъ въ 150,000 съ погашеніемъ въ теченіи 60 лѣтъ. Какъ видно изъ отчета, представленнаго общему собранію за 78—79 г., годичный доходъ общества равнялся 426,021 фр. 40 с. (сюда включенъ и заемъ), расходъ 423,264 фр. 70 с. Затрата въ этомъ году такъ велика, благодаря устройству новаго школьнаго дома. На содержаніе же собственно 4 училищъ затрачено 120,260 фр., а дохода они дали 60,114 фр. 40 с., потребовалось прибавки со

стороны общества 69,145 фр. 60 сант. Всѣхъ членовъ общества теперь 557.

Какъ обезпеченное матеріальное положеніе, такъ и сочувственное отношеніе населенія и особенно насущная экономическая потребность въ серьезной профессиональной подготовкѣ женщинъ вполне гарантируютъ широкое, плодотворное развитіе дѣятельности общества профессиональнаго образованія женщинъ.

Чтобы показать какое громадное общественное значеніе можетъ имѣть дѣятельность отдѣльной личности, проникнутой опредѣленными убѣжденіями и стремленіями, съ энергіей взявшей за извѣстное дѣло, за проведеніе убѣжденій въ жизнь, я позволю себѣ кратко изложить исторію возникновенія и развитія общества профессиональнаго образованія женщинъ, въ связи съ дѣятельностью его основательницы Элизы Лемонье ¹⁾.

Элиза Лемонье—это одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, на которой съ удовольствіемъ отдыхаетъ взоръ, утомленный созерцаніемъ той массы эгоизма и пошлости, которая встрѣчается среди общества. Серьезно образованная, развитая съ ранней юности, выработала она идеалъ правды, добра, идеалъ жизни трудовой, жизни на пользу окружающаго ее бѣднаго люда, и этотъ идеалъ всегда служилъ ей путеводною звѣздой. Еще до замужества, молодой дѣвушкой, писала она своему другу: «Надѣюсь, что я не умру, не прибавивши хотя одного камня къ тому общественному зданію, которое должно соединить народы въ одну семью». Ее поражало то невѣжество и грубость, которыя существуютъ среди массы, то тяжелое положеніе, въ которомъ находится женщина вслѣдствіи своего невѣжества и матеріальной зависимости. И она рѣшается посвятить свою жизнь освобожденію женщины, поднятію ея умственнаго и нравственнаго уровня.

Революція 48 года оставила въ Парижѣ массу рабочихъ рукъ безъ работы, а слѣдовательно и въ крайней нуждѣ. Чтобы сколько нибудь помочь горю, г. Лемонье съ помощью нѣсколькихъ друзей устраиваетъ швейную мастерскую, гдѣ около 200 женщинъ полу-

¹⁾ Elisa Lemonnier fondatrice de la société pour l'enseignement professionnel des femmes.

Deuxième édition, Paris.

часть работу. Она сама принимает во всем самое деятельное участие, старается достать заказы, покупает материалы, рождает работы, слѣдитъ за ходомъ дѣла. Урѣзывая часы отдыха, она дѣлитъ время между семьей своей, къ которой относилась самымъ серьезнымъ образомъ, и мастерской. Нѣсколько позже она находитъ еще время заботиться объ устройствѣ «яслей»—заведенія, гдѣ бы матери, принужденныя работать внѣ дома, на фабрикахъ, могли помѣщать на день своихъ грудныхъ дѣтей.

Сталкиваясь въ мастерской съ массой рабочихъ женщинъ, она все болѣе и болѣе видитъ недостатки среди нихъ какъ умственнаго, нравственнаго, такъ и профессиональнаго образованія, и рядомъ съ этимъ сознаетъ невозможность собственными небольшими средствами оказать сколько нибудь значительную помощь. Надо поискать сочувствующихъ людей, надо составить общество, которое-бы заботилось о развитіи женщинъ и улучшеніи ихъ положенія.

Поиски не были тщетными; 2 мая 56 года организовалось небольшое общество материнскаго покровительства, съ цѣлью дать возможно большому количеству дѣвушекъ общее образованіе и научить какому-нибудь ремеслу, которое-бы дало имъ средства къ жизни. Общество это въ началѣ было очень небольшое и дѣятельность его очень ограничена. Нѣсколько дѣвушекъ помѣщены были въ учебныя заведенія Парижа, другія отосланы съ этой цѣлью въ Германію. Но, не находя ни во Франціи, ни за-границей ни одного заведенія, которое бы вполне соответствовало цѣли, въ 62 году общество подъ предсѣдательствомъ Элизы Лемонье рѣшило устроить собственную профессиональную школу и приняло названіе Общества Профессиональнаго Образованія Женщинъ. Это была первая женская профессиональная школа въ Парижѣ. При открытіи ея явилось всего 6 ученицъ, къ концу перваго года 40, къ началу втораго, въ октябрѣ 63 г., число ихъ возрасло до 80, а къ концу этого года дошло уже до 150 и необходимо было перенести школу въ другое, болѣе обширное помѣщеніе.

Ясно, что въ подобномъ заведеніи чувствовалась насущная потребность. Въ виду удачнаго начала, 25 октября 64 года совершенно съ той-же программой, на тѣхъ же началахъ открывается новая школа въ другой части города. Дѣло все болѣе и болѣе расширяется.

Такимъ образомъ многолѣтнія усилія г-жи Лемонье увѣнчались успѣхомъ. Она имѣла счастье видѣть результаты своей дѣятельности, видѣть сотни дѣвушекъ, получающихъ серьезное общее и профессиональное образованіе. Посѣщеніе школъ, чтеніе, бесѣды съ ученицами были ея любимымъ препровожденіемъ времени. Она сама слѣдила за ходомъ дѣла, изыскивала средства улучшить, расширить его. Разстроенное здоровье заставляло ее нерѣдко покидать Парижъ, отправляться на югъ, къ берегу моря; но и оттуда она не переставала слѣдить за своими излюбленными дѣтницами, постоянно переписывалась съ директрисами школъ, съ наиболѣе дѣятельными членами общества. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г. Гуссеню, теперешнему секретарю общества, говоря о необходимости расширенія дѣла, устройства еще нѣсколькихъ мастерскихъ, она восклицаетъ: «Ахъ, почему мнѣ не 30 лѣтъ, почему у меня нѣтъ прежняго здоровья!» Однако слабость не могла до послѣднихъ дней жизни устранить ее отъ участія въ школьныхъ дѣлахъ. 20 мая 65 года, предсѣдательствуя на празднествѣ раздачи наградъ, она обратилась къ ученицамъ съ рѣчью, въ высшей степени теплой, задушевной и разумной. Это была ея послѣдняя бесѣда съ ними; 27 и 28 она готовилась еще къ засѣданію административнаго совѣта, много писала; а 29 слегла уже въ постель. 6 іюня сотни дѣвушекъ оплакивали женщину, умѣвшую своими теплыми, сердечными отношеніями нерѣдко замѣнять имъ родныхъ матерей.

Элиза Лемонье умерла, но дѣло ея осталось жить и развиваться. Уже послѣ ея смерти въ 68 и 70 гг. открылись еще двѣ новыя школы. Хорошее, умѣлой рукой начатое дѣло нашло себѣ достойныхъ продолжателей и теперь, какъ мы видѣли, стоитъ на вполне опредѣленномъ надежномъ пути.

Мы рассмотрѣли наиболѣе выдающіяся частныя просвѣдительныя общества. Бросимъ еще бѣглый взглядъ на нѣкоторыя подобныя-же, но менѣе значительныя учрежденія. Таково, напримѣръ, «Общество Друзей Просвѣщенія», основанное въ 61 году. О началѣ этого общества одинъ изъ его основателей Деламаршъ рассказываетъ такъ: Въ 60 г. рабочіе, посѣщавшіе курсы фило-техническаго союза, очень стѣснялись трудностью доставать необходимыя книги. Желая помочь дѣлу, нѣкто Жираръ обращается къ обычному во Франціи въ этихъ затруднительныхъ случаяхъ

способу—къ взаимопомощи гражданъ. Подъяскиваетъ сочувствующихъ людей, объединяетъ ихъ и составляетъ общество для устройства библиотекъ, необходимыхъ рабочему классу. Въ 78 г. въ Парижѣ отъ этого общества было уже 10 библиотекъ. Хотя въ нихъ и установлена плата за чтеніе, но она такъ не велика, что не можетъ стѣснить никого—40 сантимовъ въ мѣсяцъ для мужчинъ и 20 для женщинъ.

Впрочемъ, общество друзей просвѣщенія не ограничилось устройствомъ однихъ библиотекъ, а прибавило къ нимъ и общеобразовательные курсы. Кромѣ того, организуютъ по праздникамъ съ учениками различныя экскурсіи — ботаническія, геологическія, археологическія.

Другое также небольшое общество носитъ названіе Семейнаго дѣла. Оно возникло въ трудное для Франціи время, въ 71 году, когда явилось сознаніе, что каждый гражданинъ долженъ употребить всѣ усилія для возвышенія своего отечества. Меръ IV округа Жереттъ собралъ вокругъ себя группу людей, желающихъ работать на пользу просвѣщенія и такимъ образомъ составилось это общество. Оно прибѣгаетъ къ различнымъ средствамъ, имѣя въ виду одну цѣль — распространеніе просвѣщенія. Раздастъ учебныя книги бѣднѣйшимъ ученикамъ; устраиваетъ курсы гимнастики для лучшаго физическаго развитія дѣтей, окончившихъ курсъ учениковъ опредѣляетъ въ мастерскія, способнѣйшимъ даетъ возможность продолжать образованіе. Заботясь о дѣтяхъ и подросткахъ, оно не оставляетъ безъ вниманія и взрослыхъ — устраиваетъ курсы, публичныя лекціи, бесплатныя библиотеки. Дѣятельность этого общества, какъ видите, разнообразна, но не очень обширна, капиталъ его въ послѣдніе годы равнялся 65,000 франковъ.

Количество подобныхъ обществъ все болѣе и болѣе увеличивается во Франціи.

Въ 75 году 15 февраля основано было среди членовъ Филотехническаго союза такъ называемое Дружеское общество, имѣющее въ виду исключительно матеріальную поддержку учащихся и учащихся. «Мы хотимъ, говоритъ одинъ изъ членовъ, чтобы наше общество имѣло значеніе семьи для учениковъ. У него есть способности, желаніе учиться, энергія, нѣтъ только средствъ и мы ихъ ему дадимъ».

Какъ учителя, такъ и ихъ семьи въ случаѣ несчастія, болѣе-

ни, потери мѣста могутъ также найти здѣсь матеріальную поддержку. Кромѣ денежныхъ субсудій, члены стараются подыскивать нуждающимся мѣста, занятія.

Средства этого общества пока очень не велики: оно раздало 2000 фр. 4 семействамъ учителей, помѣстило 3 способнѣйшихъ учениковъ изъ рабочихъ въ среднія учебныя заведенія и готовитъ 8 человекъ къ окончательному лицейскому экзамену, такъ какъ для поступленія въ учебныя заведенія они уже переросли. Результаты дѣятельности, какъ видите, весьма скромны; но вѣдь общество еще очень молодо, существуетъ всего два года. Какъ пресса, такъ и отдѣльныя лица отнеслись къ нему сочувственно. Въ «Notice sur la Société Amicale des membres de Associations Philotechniques» приведено очень много писемъ, адресованныхъ съ различныхъ сторонъ къ предсѣдателю съ выраженіемъ сочувствія новому учрежденію.

Во Франціи, гдѣ исторически выработалось громадное значеніе столицы, ея нравственное преобладаніе надъ страной, большинство подобныхъ обществъ зарождаясь и развиваясь въ центрѣ, Парижѣ, находятъ себѣ послѣдователей и въ провинціи. Такъ, напримѣръ, лотарингскій союзъ молодежи организовался по примѣру французскаго союза молодежи, сѣверный филотехническій союзъ по примѣру парижскаго филотехническаго союза.

Но въ послѣднее время начинаютъ появляться въ провинціи и совершенно самостоятельныя организаціи. Таково общество народнаго обученія, сформировавшееся въ 80 году въ Реймсѣ. Самое названіе ясно опредѣляетъ его цѣль, въ программѣ же дѣятельности и средствахъ нѣтъ ничего оригинальнаго.

Далѣе еще два года тому назадъ организовалось общество, обѣщающее широкое развитіе: это такъ называемое республиканское общество обученія. Теперь уже въ 14 департаментахъ существуетъ 30 его отдѣленій.

Вглядываясь въ французскія просвѣтительныя общества, замѣчаемъ въ нихъ рѣзко выступающую общую черту — устраненіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, единственное стремленіе — всевозможными средствами распространять просвѣщеніе среди народа. Наблюдая далѣе ходъ ихъ развитія, видимъ, что всѣ они начинаются очень небольшимъ, но потомъ, постепенно расширяясь, достигаютъ обширныхъ размѣровъ.

Для лучшей наглядности при оцѣнкѣ значенія частныхъ обществъ въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи, припомнимъ и сведемъ вмѣстѣ наиболѣе крупныя цифры изъ ихъ послѣднихъ отчетовъ.

Отъ политехническаго общества, филотехническаго союза и французскаго союза молодежи въ одномъ Парижѣ существуетъ теперь 525 постоянныхъ вечернихъ курсовъ съ опредѣленной программой. Рядомъ съ этимъ читается масса публичныхъ лекцій, устраиваются научныя экскурсіи какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Лига обученія и Франклинновское общество открыли 34 педагогическихъ и 480 военныхъ библіотекъ; кромѣ того, они находятся въ связи съ 5600 общественныхъ, народныхъ и школьныхъ библіотекъ, способствуя ихъ открытію, помогая имъ матеріально, снабжая книгами. Нельзя не вспомнить громаднago вліянія лиги обученія на благопріятное рѣшеніе вопроса объ обязательномъ, бесплатномъ и свѣтскомъ обученіи. Но за этими наиболѣе выдающимися обществами стоитъ немало второстепенныхъ, вносящихъ тоже, какъ мы видѣли, довольно значительную долю въ общее дѣло народнаго просвѣщенія, и третьестепенныхъ, каковы, напримѣръ, общество элементарнаго обученія, имѣющее курсы для приготовленія учительницъ, и второе общество профессиональнаго образованія женщинъ, содержащее одну женскую профессиональную школу.

Кромѣ множества учебныхъ заведеній, библіотекъ, устроенныхъ частными обществами, во всей Франціи и особенно въ Парижѣ масса школъ принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ. По отчету 78 года, всѣхъ школъ во Франціи 71,860, изъ которыхъ общественныхъ 60,346, частныхъ 11,514. Въ Сенскомъ же департаментѣ всѣхъ школъ 1660, изъ нихъ общественныхъ 494, частныхъ 1166. Послѣднія раздѣляются такъ: духовныхъ 174, свѣтскихъ 992¹⁾.

Всѣ эти цифры громко говорятъ объ энергіи частныхъ обществъ, о количествѣ честныхъ усилій и безкорыстнаго труда на пользу народнаго просвѣщенія. Сотни учителей урываютъ вечерніе часы своего отдыха, чтобы подѣлиться знаніями съ нуждающими

¹⁾ La situation de l'enseignement primaire à Paris et dans le département de la Seine au 1-er mars 1879. Note par M. Gréard.

мися въ нихъ. Другіе удѣляютъ болѣе или менѣе значительную долю своихъ средствъ, и изъ небольшихъ взносовъ составляются очень большіе капиталы, дающіе возможность широкаго развитія дѣла. Третьи приносятъ часть своего времени и административныхъ способностей въ качествѣ членовъ административныхъ совѣтовъ, завѣдующихъ бібліотеками и проч. Соединенныя, такимъ образомъ, успія даютъ жизнь обширнымъ организаціямъ.

Значительное большинство изъ этихъ обществъ существуетъ совершенно отдѣльно, хотя и работаетъ въ одномъ направленіи. Впрочемъ, уже встрѣчаются заявленія въ пользу организаціи, которая бы дала единство отдѣльнымъ учрежденіямъ. Такъ, въ средѣ флотехническаго союза слышится мнѣніе о необходимости для болѣе успѣшнаго веденія дѣла соединенія въ обширную федерацію всѣхъ частныхъ обществъ, имѣющихъ одну цѣль, устройства общаго административнаго совѣта, состоящаго изъ представителей отдѣльныхъ обществъ. Подобная же мысль проводилась и на парижскомъ конгрессѣ лиги обученія.

Гдѣ же причина такого широкаго развитія частной и общественной инициативы? Одно изъ главныхъ условій, способствующихъ этому развитію, безспорно отсутствіе внѣшнихъ стѣсненій, свобода личности. Какъ только выработалось сознаніе необходимости извѣстныхъ учрежденій, явилось желаніе поработать для развитія ихъ, у всякаго здороваго человѣка отъ подобнаго желанія и сознанія естествененъ прямой переходъ къ дѣятельности, а не бесплодное нытье о невозможности осуществленія своей идеи, проведенія ея въ жизнь, влѣдствіе непреодолимыхъ, независящихъ отъ насъ обстоятельствъ.

Какая масса силъ и энергій должна разбиваться объ эти независимыя обстоятельства! При отсутствіи же подобныхъ преградъ, только незрѣлость идеи можетъ помѣшать ея развитію, все же, вытекающее изъ потребностей даннаго времени, даннаго общества найдетъ себѣ сочувствіе и поддержку.

Второе условіе широкаго развитія частной инициативы — это отзывчивость гражданъ на общественныя нужды. Но это второе условіе находится въ тѣсной связи съ первымъ, является, можно сказать, его результатомъ.

Рѣдко говорятъ «моя хата с краю, нічого не знаю» — люди, сознающіе себя не отдѣльными, оторванными единицами, извннваю-

щими среди разрозненности, или заботящимися только о собственномъ благополучіи, какими бы средствами оно ни добывалось, а сознающіе себя частями великаго дѣлага. Несчастія, потребности этого дѣлага являются ихъ собственными несчастіями, собственными потребностями и не допускаютъ возможности полнаго индифферентизма. Здѣсь не встрѣтить той мертвечины, той гнетущей общественной спячки, какая является при другихъ условіяхъ. Каждый, сознавая себя гражданиномъ, считаетъ своею обязанностью и находить возможнымъ такъ или иначе работать для своего отечества. Здѣсь невозможно появленіе массы личностей, сознающихъ свои способности и изнывающихъ въ бездѣйствіи, здѣсь всякая энергія, всякая сила можетъ найти себѣ исходъ и приложеніе. А извѣстенъ законъ, что упражненіемъ развивается всякая способность и наоборотъ бездѣйствіемъ атрофируется.

Частныхъ просвѣтительныхъ обществъ не мало также въ Германіи, Бельгіи, Англии, Швейцаріи.

Если во Франціи и другихъ государствахъ, гдѣ сравнительно значительны затраты на народное образованіе, частная общественная инициатива въ этомъ дѣлѣ имѣетъ такое большое значеніе, то тѣмъ болѣе она была бы желательна у насъ, гдѣ на народное образованіе расходуется такъ мало. По отчету министерства народнаго просвѣщенія, въ 77 году на народныя училища затрачено всего 7,229,589 руб.; выходитъ только по 9 коп. на жителя, если принять населеніе губерній и областей, входящихъ въ число 10 учебныхъ округовъ и управленій западной и восточной Сибири, въ 77 милліоновъ. Гдѣ 1 учащійся приходится на 77 жителей и 1 школа на 3098 человекъ населенія ¹⁾? Гдѣ изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, т. е. отъ 7 до 14 лѣтъ, если принять 15 проц. населенія на этотъ возрастъ, только 9,2 или почти ¹/₁₀ часть посѣщаетъ школы? Эта ничтожная цифра будетъ еще ничтожнѣе, если принять во вниманіе массу дѣтей, оставляющихъ школу послѣ перваго или втораго учебнаго года. Такъ изъ 955,499 дѣтей, обучавшихся въ 75 г., окончило курсъ только 49,412, вѣскольکو болѣе 5 проц.

Не безынтересно будетъ сравнить количество учащихъ и ко-

¹⁾ Начальныхъ училищъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія въ 77 году было 24,853 съ 1,065,889 учащихъ обоюго пола

личество затратъ на народное образованіе въ Россіи съ нѣкоторыми другими государствами ¹⁾.

Одна школа приходится во Франціи на 517 чел. населенія.

Въ Бельгій	на 929 чел. населенія.
› Швейцаріи (Невшат. кант.)	› 280 › ›
› Верхней Канадѣ	› 308 › ›
› Нижней Канадѣ	› 295 › ›
› Австраліи въ Викторіи	› 579 › ›
› Тасманіи	› 649 › ›
› Новой Зеландіи	› 434 › ›
› Японіи	› 1404 › ›
› Россіи	› 3098 › ›

Одинъ учащійся приходится во Франціи на 9 жителей.

Въ Швейцаріи (Бернѣ)	5.
› Испаніи	11.
› Бельгій	8,4.
› Россіи	77

Наша отсталость въ дѣлѣ народнаго образованія будетъ еще поразительнѣе, если взглянемъ на нѣкоторыя цифры другихъ наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ.

Въ Швеціи, по статистикѣ 74 года, изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста посѣщаютъ школу 97,6 проц.

Въ Норвегій	98,3.
› Гамбургѣ	96,3.
› Пруссіи	91,5.
› Россіи	9,2.

Изъ всего населенія неграмотныхъ оказывается

Въ Саксоніи	2,21 проц.
› Гессенѣ	2,15 ›
› Гогенцолернѣ	1,31 ›

¹⁾ La statistique comparée de l'enseignement primaire (1829—1877), présentée par la commission de statistique de l'enseignement primaire, à M. le Ministre de l'instruction publique et des beaux-arts. 1880. Paris.

А вотъ нѣкоторыя сравнительныя цифры расходовъ: на народное образованіе затрачивается

Въ Бельгіи 2 фр. 60 сант., съ жителя.

› Швейцаріи средняя цифра 2 фр. 56 с., въ нѣкоторыхъ кантонахъ, напр. Цюрихѣ 5 фр. 20 сант.

Въ Шафгаузенѣ 5 фр.

› великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ 5 фр. 40 сант.

› Бременѣ 6 фр. 12 сант.

› Россіи 9 коп. (по теперешнему курсу около 22 сантимовъ).

Но цифрами опредѣляются далеко не все успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія. Цифра покажетъ число школъ, число учащихся и учащихся, количество затратъ; но есть еще очень важная сторона, не поддающаяся этого рода вычисленіямъ — это результаты обученія, степенъ умственнаго и нравственнаго развитія окончившихъ курсъ. И въ этомъ отношеніи Россія слишкомъ отстала; вездѣ программа обученія несравненно шире. Кромѣ отечественнаго языка, упражненія въ письменномъ изложеніи и арифметики, вездѣ непремѣнно преподается геометрія, отечественная исторія въ связи съ исторіей Европы, географія, черченіе, даются свѣдѣнія по естествознанію, пѣніе, гимнастика. Наши же начальныя школы сводятся къ обученію грамотѣ и счисленію. Да и эта грамота, при отсутствіи народныхъ библиотекъ, курсовъ для взрослыхъ, имѣетъ слишкомъ мало значенія; кое-какія свѣдѣнія, приобретенныя въ школѣ, не возобновляясь, мало по малу забываются. Если окончившій курсъ не поступаетъ въ писаря или приказчика, то за немѣнѣемъ подъ руками книгъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ разучивается читать и писать или ограничивается чтеніемъ псалтыря, житій святыхъ, которыя можно достать въ церкви, у священника, а то и купить у разнощика. Послѣдній, впрочемъ, можетъ снабдить желающаго почитать еще и безобразными изданіями Манухина и компаніи.

Итакъ, если взять во вниманіе, что изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста у насъ учится только $\frac{1}{11}$, изъ которыхъ окончиваетъ курсъ, научается грамотѣ только около 5 проц., да еще и изъ этой доли многіе впоследствии забываютъ даже читать и писать, то наша родная картина выходитъ весьма мрачной и безотрадной. Требуется громадныя труды, громадныя усилія, чтобы хотя сколько нибудь ее скрасить, сдѣлать хотя сколько нибудь свѣтліе.

Только при самомъ энергичномъ участіи общества и возможно у насъ широко и быстро подвинуть важное дѣло народнаго образованія.

„Сѣйте, разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“

Но для возможности посѣва и удачныхъ всходовъ недостаточно хорошей почвы, хорошаго сѣмени и добраго желанія сѣятеля: необходима благоприятная погода, необходимы благоприятныя внѣшнія условія. *)

Ю. Я—чь.

дл.

*) *Прим. редакціи.* Признавая известное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія за частною инициативой, мы полагаемъ, что частная дѣятельность особенно успѣшно можетъ идти лишь тогда, когда рядомъ съ ней мы будемъ видѣть и правительственную дѣятельность, важное значеніе которой мы укажемъ читателю впоследствии.

Графъ Киселевъ.

(Графъ П. Д. Киселевъ и сію время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. А. П. Заблоцкаго-Деслятовскаго. Въ 4 томахъ. СПБ. 1882).

I.

Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, графъ Панинъ, по одному спеціальному поводу, замѣтилъ, что «время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ очевидно проходитъ въ Россіи». Въ то время оно дѣйствительно могло казаться такъ, да оно, если хстите, въ извѣстномъ смыслѣ и справедливо: время «чина» и чиновочитанія, время уваженія не къ заслугѣ, а выслугѣ, время видонзмѣненнаго и усовершенствованнаго мѣстничества прошло у насъ навсегда и безповоротно. Но это не значитъ однакоже, что прошло время чиновника. Какъ прежде, такъ и теперь его благородіе кладетъ свою печать рѣшительно на всѣ сферы общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи графу Панину печалиться было совсѣмъ не о чемъ. По слову поэта— «дѣло вѣковъ поправлять не легко» — не легко и эмансипироваться отъ тѣхъ свойствъ, которыя привиты къ намъ нашими историческимъ воспитаніемъ. Всѣмъ извѣстно, съ какою быстротою чисто, повидимому, общественныя учрежденія превращаются у насъ въ обыкновенныя «присутственныя мѣста» со всѣми ихъ характеристическими особенностями. Это обыкновенно ставится на счетъ самому обществу, объясняется отсутствіемъ въ немъ инициативы—какъ будто это отсутствіе причина, а не логическое послѣдствіе именно преобладанія въ нашей жизни чиновника! Зачѣмъ мнѣ инициатива, если имѣется нѣкто, взявшійся за меня и

дѣйствовать, и говорить, и даже мыслить и чувствовать? Когда Молчаливъ заявилъ Глумову, что «нужно, голубчикъ, погодить» — Глумовъ посвятилъ себя набиванію паппросъ и поступилъ послѣдовательно. А когда тотъ же Глумовъ, при встрѣчѣ съ какииъ нибудь жизненнымъ вопросомъ, совѣтуетъ, не утруждая себя самостоятельнымъ размышленіемъ, «ожидать дальнѣйшихъ разъясненій» — онъ даетъ благой совѣтъ, потому что размышлять ради процесса мышленія даже еще болѣе скучно и менѣе полезно, нежели набивать паппроси.

Такъ стояло дѣло прежде, такъ стоитъ оно и теперь. Въ виду этого, четырехтомное сочиненіе Заблоцкаго-Десятовскаго, имѣющее предметомъ личность и дѣятельность одного изъ крупнѣйшихъ представителей бюрократическаго міра, имѣетъ вполне современное и общее значеніе. Бюрократизмъ имѣетъ свою исторію, своихъ великихъ людей, даже своихъ мучениковъ, по крайней мѣрѣ, своихъ жертвъ, и въ крупной личности графа Киселева въ высшей степени рельефно выразилось и это величіе, и это мученичество. Правда, біографъ Киселева какъ бы заранѣе, лишаетъ насъ права судить о его героѣ, заявляя по поводу нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ мнѣній о немъ, что «для того, чтобы вѣрно понимать характеръ людей, мало того, чтобы обращаться въ ихъ сферѣ; для этого нужно еще нѣчто другое: быть еще хитрымъ, какъ змیا, и чистымъ, какъ голубь» (IV, 154). Сидѣмъ думать, однакоже, что это не болѣе, какъ неосторожно оброненная полемическая фраза, противъ которой и спорить не стоитъ.

Вообще увлеченіе Заблоцкаго-Десятовскаго личностью Киселева настолько очевидно и до такой степени односторонне, что къ мнѣніямъ автора необходимо относиться очень осторожно и даже болѣе того: ихъ можно вовсе не принимать въ расчетъ. Заблоцкій-Десятовскій находитъ, напр., что къ Киселеву можно «по справедливости примѣнить слова, сказанныя древнимъ ораторомъ при погребеніи одного знаменитаго римлянина: мы должны благодарить боговъ безсмертныхъ за то, что этотъ мужъ родился именно въ нашемъ государствѣ» (I, IX). Можно ли тутъ спорить? Это не сужденіе, а патетическое восклицаніе; не исторія, а панегирикъ; не анализъ безпристрастный, а изліяніе пылкаго благодарнаго чувства, которое, можетъ быть, дѣлаетъ честь біографу, но до котораго намъ дѣла нѣтъ. А такъ почти всегда посту-

наетъ Заблоцкій-Десятовскій, когда ему приходится прерывать свое документальное, объективное, правдивое изложеніе и выразить мнѣніе непосредственно отъ своего лица. Въ руководители читателю онъ рѣшительно не годится, потому что имъ самимъ руководить сдѣлая любовь и обожаніе.

Онъ рассказываетъ намъ какъ бы о великомъ человѣкѣ, а мы, при всемъ стараніи, усматриваемъ только великаго чиновника; онъ сообщаетъ факты и дѣлаетъ изъ нихъ выводы, а мы не находимъ никакого логическаго соотношенія между тѣми и другими; онъ восхищается тамъ, гдѣ мы можемъ только пожмать плечами, и горячо предпринимаетъ въ такихъ случаяхъ, когда, казалось бы, оставалось лишь встать и молча поклониться, какъ сдѣлалъ когда то одинъ французскій адвокатъ.

«Графъ П. Д. Киселевъ былъ изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, опустѣвшее мѣсто которыхъ въ обществѣ не замѣщается скоро, и воспоминаніе о которыхъ не изглаживается никогда. Жизнь такихъ людей не есть скопленіе безцѣльныхъ случайностей; въ ней проходитъ постоянное стремленіе къ достиженію нравственныхъ идеаловъ. У графа Киселева такой идеалъ состоялъ въ водвореніи законности и правды въ тѣхъ сферахъ жизни, въ которыхъ приходилось ему дѣйствовать. Исторія не забудетъ, что Павелъ Дмитриевичъ первый изъ государственныхъ людей Россіи сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей. Одного этого уже достаточно для того, чтобы имя графа Киселева сохранило почетное мѣсто въ русской исторіи. Поставленный во главѣ вѣдомства, учрежденнаго для управленія государственными крестьянами и имуществами, графъ Киселевъ, съ самаго приступа къ дѣлу, поставилъ первую свою обязанностію не извлеченіе изъ крестьянъ денежныхъ выгодъ, а покровительство крестьянамъ. огражденіе ихъ отъ гнета всякихъ злоупотребленій и раскрытіе способовъ къ упроченію ихъ благосостоянія. Въ управленіи государственными имуществами, землями, оброчными статьями и дѣсами, онъ, прежде всего, заботился объ охраненіи государственнаго достоянія отъ расхищенія, о которомъ при немъ не было и помину. Время расхищенія наступило послѣ него, и, къ несчастію, пригнѣръ подали къ тому сами власти» (I, IX).

Этимъ резюмируется весь взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго на графа Киселева; этимъ же исчерпывается и вся мотивировка этого взгляда. Да, конечно, если не «расхищать» и не потакать хищникамъ значить совершать историческую заслугу, тогда «почетное мѣсто въ русской исторіи» обезпечено за графомъ Киселевымъ. Но, признаемся, о такихъ критеріяхъ мы еще не слыхивали, а примѣненія ихъ въ исторіи до сихъ поръ не видывали. Относительно нравственного идеала «водворенія законности и правды» необходимо замѣтить, что Аракчеевъ, создавая военныя поселенія, руководился какъ разъ тѣмъ же самымъ идеаломъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ томъ все и дѣло—какъ понимать «законность», что разумѣть подъ «правдою». Какъ понималъ эти вещи графъ Киселевъ—это мы увидимъ дальше, а пока отмѣчаемъ, что сказать «законность и правда» значить, въ сущности, ничего не сказать. Антикрѣпостническія, освободительныя идеи Киселева безъ сомнѣнія дѣлаютъ ему большую, но во все не исключительную честь. Ее раздѣляютъ съ нимъ достаточное число просвѣщенныхъ людей, даже изъ административной среды, нисколько, однакоже, не претендующихъ на «почетное мѣсто въ исторіи». Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, можемъ указать на самого Заблоцкаго-Десятовскаго, который еще въ 41 году, въ официальной запискѣ, высказался противъ крѣпостнаго права самымъ рѣшительнымъ образомъ. Наконецъ, «покровительство крестьянамъ» тѣмъ менѣе можетъ считаться привилегіей Киселева, что вообще всякое покровительство, попечительство и опекательство составляетъ самую сущность бюрократическаго режима. А что не всякое покровительство приводитъ къ добру—это очень хорошо долженъ былъ знать графъ Киселевъ, во время управленія котораго именно и происходили печальной памяти «картофельные бунты». Ясно, стало быть, что взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго на личность и общественную роль графа Киселева не можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ ровно никакой цѣны. Заблоцкій, по свидѣтельству г. Кавелина («Порядокъ» № отъ 27 декабря), «былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ графу Киселеву, повѣреннымъ его задушевнымъ думъ и плановъ и остался съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ по самую его смерть»—обстоятельство очень выгодное для біографа-поклонника, но не удобное для историка.

За всѣмъ тѣмъ, повторяемъ, нравственная и умственная личность графа Киселева очень интересна и замѣчательна, а его судьба, точнѣе говоря — судьба его идей, проектовъ и реформъ въ высокой степени поучительна. Книга Заблоцкаго богата фактами и всякаго рода документами, обрисовывающими личность и дѣятельность графа Киселева съ достаточною выразительностью.

По своимъ умственнымъ силамъ графъ Киселевъ несколько не уступалъ другому бюрократическому свѣтлу того времени — Сперанскому, а по настойчивости и энергiи даже значительно превосходилъ его. Онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что всѣми своими успѣхами онъ обязанъ только себѣ и что все, что онъ имѣеть, взято имъ съ бою. Дѣйствительно, это была натура боевая по преимуществу. Борьба была его стихiею, которой онъ жилъ и къ которой былъ «приспособленъ» наилучшимъ образомъ. Слащаваго славянскаго добродушия и беззаботности въ немъ не было и тѣни. Люди въ его глазахъ были только средствами, только ступенями, которыя онъ поспиралъ на своемъ пути съ полнѣйшимъ спокойствiемъ. Это не было только простымъ убѣжденiемъ, теоретическимъ взглядомъ, — это было органическимъ свойствомъ его нравственной природы, и отсюда именно происходила послѣдовательность его дѣйствiй, цѣльность его личности. Плохо образованный (онъ получилъ такъ называемое «домашнее воспитанiе»), Киселевъ, 19-ти-лѣтнiй юноша, безъ протекцiи и безъ средствъ, поступаетъ въ кавалергардскiй полкъ, и первою заботою его является «твердо стать въ средѣ товарищей, изъ которыхъ большинство не знало счета деньгамъ и не разсчитывало на связи». Холодный и разсчетливый, не поддающiйся ни страстямъ, ни увлеченiямъ, вѣчно на чеку и на сторожѣ, Киселевъ даже «свѣтскими обязанностями занимался настолько, на сколько это было необходимо въ его положенiи; пытливыи умъ его проходилъ въ это время практическiй курсъ труднѣйшей науки изученiя людей» (I, 16). Науку эту Киселевъ постигъ въ совершенствѣ. Онъ очень хорошо боналъ, что обычными рутинными способами вниманiя на себя обратить нельзя, и изобрѣлъ свои оригинальные пути. Царедворецъ, онъ никогда не былъ льстецомъ, потому что на голую лестъ всякаго швейцара хватить: онъ прижалъ ампула челоуѣка, рѣжущаго правду-матку въ глаза. Успѣхъ даже превзошелъ его надежды: императоръ Александръ I почтилъ его своимъ довѣрiемъ, именно въ силу его гла-

chise et loyauté toute particulière. Насчетъ этой «необычной откровенности» имѣются многочисленныя данныя въ біографіи. Когда, напримѣръ, императоръ спросилъ однажды Киселева, почему онъ, будучи небогатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ? Киселевъ отвѣчалъ: «я знаю, что Вы охотно даете, Государь, но не уважаете тѣхъ, которые принимаютъ отъ Васъ. Мнѣ же уваженіе ваше дороже денегъ» (I, 189). Такая откровенность можетъ нравиться лучше всякой лести, конечно. Вообще Киселевъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которое называется житейскимъ тактомъ, качествомъ, съ точки зрѣнія чистой нравственности, очень малоцѣннымъ, но для карьериста совершенно необходимымъ. Когда пужно, онъ умѣлъ быть гордымъ до дерзости и умѣлъ быть уклончивымъ почти до двоедушія. Заблоцкій передаетъ изъ записокъ графа Корфа, напримѣръ, слѣдующій любопытный случай изъ жизни Киселева, бывшего уже въ то время министромъ государственныхъ имуществъ. «23-го января было у Государя засѣданіе секретнаго комитета объ увеличеніи по нѣкоторымъ статьямъ государственныхъ доходовъ. Въ приведенной по этому случаю запискѣ, Канкринъ коснулся, между прочимъ, несообразности умноженія доходовъ отъ государственныхъ имуществъ сравнительно съ тѣмъ, чего стоитъ по повымъ штатамъ (уже при Киселевѣ введенныхъ) ихъ администрація. Это взорвало Киселева. Начавъ свой отвѣтъ съ того, что Государь вѣрно отдастъ ему справедливость въ томъ, что онъ никогда не скрывалъ предъ Его Величествомъ истиннаго положенія государственныхъ имуществъ и особенно въ ту эпоху, когда они поступили изъ министерства финансовъ въ его, Киселева, управленіе, онъ потомъ, въ блестящей рѣчи, съ порывами вспышекъ, не мѣшавшими ея плавности, изобразилъ это положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и, наконецъ, указывая на то, что непосредственное начальство департамента государственныхъ имуществъ (сенаторъ Дубенскій) уже привлечено, за беззаботливость и злоупотребленія свои, къ законной отвѣтственности, старался дать уразумѣть, что тому же слѣдовало бы подвергнуть и высшаго начальника, который въ 18-ти-лѣтнее управленіе такъ отодвинулъ эту часть назадъ и такъ мало пекся о благѣ ввѣренныхъ ему 8 мил. душъ (т. е. Канкринъ, тогдашняго министра финансовъ). «На меня, заключилъ Киселевъ свою рѣчь, долгъ русскаго и вѣрнопопданнаго налагаетъ другія обязанности. Я

принялъ государственныхъ крестьянъ не съ тѣмъ, чтобы выслужиться внезапнымъ возвышеніемъ съ нихъ доходовъ казны, а съ тѣмъ, чтобы сначала исправить ихъ состояніе, и думаю, что такимъ образомъ болѣе усердствую моему отечеству, нежели тѣ, которые во всѣхъ своихъ начинаніяхъ имѣютъ всегда въ виду одну только личную свою пользу». Отвѣтъ Канкринъ вышелъ чрезвычайно слабъ и никого не могъ ни убѣдить, ни переувѣрить. За то и Государь, отпуская членовъ, сказалъ имъ: «благодарю васъ господа, что меня просвѣщаете». (II, 158).

Все это, замѣтите, рассказываетъ горячій противникъ и даже ненавистникъ Киселева—графъ Корфъ. Неправда ли — Киселевъ является въ этомъ случаѣ въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ? Какая смѣлость и страстность изобличенія, какое искреннее негодованіе, какая сила убѣжденія, какое гражданское мужество! Подождемъ, однакожь, восхвѣщаться и аплодировать: при другихъ обстоятельствахъ Киселевъ умѣлъ держаться и другой политикъ. Будучи посланъ во 2-ю армію для изслѣдованія различныхъ злоупотребленій со стороны начальствующихъ лицъ, онъ составилъ о результатахъ своей командировки докладъ, который можно назвать шедевромъ того дипломатическаго искусства, которое и волковъ накормитъ, и овецъ сбережетъ. Киселевъ, между прочимъ, доноситъ, «что жалобы генералъ-интенданта на военныхъ начальниковъ, къ несчастію, отчасти справедливы, и что надо принять въ уваженіе оправданія, представленныя начальниками и подчиненными; что генералъ Беннигсенъ не имѣлъ должнаго понятія о постановленіяхъ и принятыхъ формальностяхъ въ подобныхъ случаяхъ и, приказавъ или принявъ мѣры ложныя или незаконныя, онъ одинъ и долженъ былъ нести отвѣтственность; но что, съ другой стороны, занимаемый имъ постъ, его долгая служба и преклонныя лѣта не позволяютъ строго поступать съ нимъ. Что же касается до генералъ-интенданта, то въ виду того, что онъ нападалъ на начальниковъ съ такой силой и относился къ нимъ такъ неуважительно, можно было бы заключить, что его честность не могла подвергнуться сомнѣнію, и что онъ весь преданъ общему благу. Но, съ другой стороны, между бумагами, приложенными къ слѣдствію, нашлось болѣе одной, заставившей подозрѣвать, что усердіе, выказанное имъ при защитѣ интересовъ Его Величества, имѣло цѣлью лишь удаленіе всѣхъ постороннихъ вліяній въ слѣд-

вахъ, которыя онъ имѣлъ съ подрядчиками; вражда, существующая между нимъ и начальникомъ штаба, можетъ дать способъ удостовериться, насколько это подозрѣніе основательно. Человѣкъ этотъ можетъ оставаться на своемъ посту, но надо присматривать за нимъ близко. О генералѣ Рудзевичѣ мнѣ оставалось сказать, что, пользуясь военною репутациею, весьма извѣстною, онъ, быть можетъ, не придавалъ этому дѣлу особой важности и что, по существующимъ установленіямъ, его вліяніе на хозяйственныя дѣла арміи весьма косвенно». (I, 47). Не правда ли, хорошо? Точно отрывокъ изъ передовой статьи либеральной газеты, у которой за плечами два предостереженія: съ одной стороны должно признаться, но съ другой стороны надо сознаться. Откуда этотъ уклончивый, такъ сказать, извивающійся тонъ у Киселева? Заблоцкій, хотя въ обычномъ своемъ хвалебномъ тонѣ, даетъ этому несомнѣнно справедливое объясненіе: «выказанное Киселевымъ, при командировкѣ во 2-ю армію, умѣнье такъ распутать узелъ самыхъ тонкихъ интригъ, чтобы все осталось цѣлымъ, не смотря на то, что на каждомъ шагу можно было возбудить скандальную исторію, не могло не нравиться Государю, искавшему правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ желавшему щадить самолюбіе своихъ недавнихъ сподвижниковъ, во главѣ которыхъ онъ прошелъ Европу» (I, 53). Ларчикъ, какъ видите, просто открывался! Столь же просто объясняется и поведение Киселева въ секретномъ комитетѣ: онъ, по вѣрному замѣчанію Заблоцкаго, зналъ, какъ и что сказать, и, безъ сомнѣнія, не рискнулъ бы на свою рѣзкую выходку, если бы не былъ увѣренъ въ прочности своего положенія. Настоящій карьеристъ, говоря охотничьимъ терминомъ, всегда идетъ верхнимъ чутьемъ—это его талантъ, его шестое чувство.

Конечно, Киселевъ не былъ только карьеристомъ, такъ что, напримѣръ, о матерьяльныхъ выгодахъ, составляющихъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ блестящей карьеры, заботился мало и дѣйствительно никогда не просилъ и не кланчалъ. Но это понятно. Для людей крупныхъ — корыстолюбіе слишкомъ мелкая страсть. Для людей самолюбивыхъ пріятна не та власть, которую доставляютъ деньги, а та, которая заключается въ ресурсахъ ихъ собственной личности. Для людей умныхъ, наконецъ, обладающихъ самостоятельными идеями, судьба этихъ идей, борьба за нихъ, несравненно дороже и важнѣе, нежели даже самые жирные куски

казеннаго пирога. Киселевъ не хотѣлъ и не могъ быть синекуристомъ: онъ жаждалъ дѣятельности, и существовать безъ нея было для него невыносимо. Когда, напр., въ бытность его начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи, состоявшей изъ двухъ корпусовъ, одинъ изъ этихъ корпусовъ былъ отправленъ для военныхъ дѣйствій, Киселевъ перетревожился и немедленно написалъ князю Волконскому (военному министру): «позвольте сказать нѣсколько словъ о двусмысленномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Вся армія состоитъ только изъ одного 6-го корпуса, штабъ котораго организованъ прекрасно и для котораго поэтому главный штабъ арміи бесполезенъ. Для меня не остается обязанностей; но я желаю служить государю и прежде всего быть полезнымъ. Ради Бога, освободите меня изъ этого ложнаго положенія» (I, 142). Къ другу своему, Закревскому, Киселевъ по тому же поводу писалъ несравненно рѣзче: «я сошелъ бы съ ума отъ сдѣланнаго распоряженія (т. е. объ отдѣленіи корпуса), я предпочитаю полкъ болѣе, чѣмъ пустое мое штабъ тво; подожду и осмотрюсь, а потомъ не только просить, а требовать буду, чтобы употребили на дѣло» (141). Безполезно прибавлять, что когда князь Волконскій отвѣтилъ на письмо, что «Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы оставались совершенно покойны, потому что на занимаемомъ мѣстѣ вы болѣе полезны, нежели въ дивизіи», Киселевъ немедленно измѣнилъ позицію и такъ и писалъ тому же Закревскому: «командовать 6 корпусомъ подъ названіемъ 2 арміи неприятно, но не безчестно, и потому командовать можно впередъ до благопріятнаго измѣненія обстоятельствъ» (I, 145). Тутъ невольно вспомнишь изреченіе Талейрана, что слово дано человѣку (надо бы сказать умному или ловкому человѣку) для того, чтобы скрывать свои мысли.

Въ общемъ, нравственная личность Киселева представляетъ собою довольно любопытное, но и не особенно рѣдкое соединеніе свойствъ почти противоположныхъ, высокихъ достоинствъ съ жалкими, чтобы не сказать болѣе, недостатками; а въ этомъ соединеніи трудно отдѣлнить то, что принадлежитъ Киселеву органически, отъ того, что привито къ нему средою. Страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ холодный и сдержанный; осторожный, но и безстрашный; съ желѣзною волей, подчиняющей себѣ почти все и почти всѣхъ, но прежде всего и больше всего неблагоприятныя порывы

собственныхъ чувствъ и желаній; любившій только себя и тѣхъ, кто непосредственно, кровно былъ связанъ съ нимъ, и видѣвшій въ своихъ «друзьяхъ» только помощниковъ и союзниковъ себѣ въ обычной борьбѣ служебныхъ и придворныхъ честолюбій и самолюбій—знакомый, почти шаблонный и, по правдѣ сказать, не симпатичный, не русскій типъ! Киселевъ былъ запальчивый солдатъ, способный (какъ напр. въ турецкую войну 1828 г.), какъ какой нибудь юный прапорщикъ, впереди всѣхъ броситься на редутъ, на батарею и т. п., и онъ же былъ осторожный дипломатъ меттерниховскаго пошиба, очень искусно и ловко управлявшійся даже съ тогдашнимъ «сфинксомъ» — Наполеономъ III и прекрасно ладившій съ императрицей Евгеніей, съ которой ладить было мудро. Онъ умѣлъ выйдти сухимъ изъ самой глубокой воды, въ которой другіе захлебывались и тонули ¹⁾. Въ немъ былъ большой запасъ самаго горькаго презрѣнія къ людямъ, и онъ не просто устранялъ, а пинкомъ ноги сбрасывалъ съ своего пути всѣ тѣ препятствія, которыя были ему по силамъ, и почтительно обходилъ стороной тѣ, до которыхъ ему было нельзя достать. По его характеру, ему всего свойственнѣе было бы идти къ цѣли прямо на проломъ, а по положенію онъ долженъ былъ удовлетворяться компромиссами и дѣйствительно удовлетворялся ими. Ему, какъ счастливому вопреку восточныхъ сказокъ, все удавалось и ничто не удалось въ дѣйствительности. Обладая всѣми внѣшними данными для самаго полнаго счастья, онъ былъ, въ сущности, глубоко и искренно несчастливъ. Онъ многимъ внушалъ уваженіе, еще большому числу—ненависть, а еще большому—боязнь, но врядъ-ли кого привязалъ къ себѣ довѣрчивой, безразсчетной, истинной привязанностью. Онъ былъ всегда одинокъ, но тяжесть этого одиночества чувствовалась имъ только въ тяжелыя минуты жизни, когда размягчаются даже закаленные сердца и требуютъ

¹⁾ Нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить исторія извѣстныхъ декабристовъ. Большинство ихъ, между прочимъ и самъ Пестель, дарованія и мѣстна котораго Киселевъ уважалъ, принадлежали къ офицерамъ 2-й арміи, начальникомъ штаба которой состоялъ Киселевъ. Сильно скомпрометированный, Киселевъ счужалъ однако же обалты себя и отдѣлялся нѣсколькими косыми взглядами да двумя-тремя холодными приемами. Но за то лично его, послѣ событій 14 декабря, трудно читать равнодушно.

себѣ сочувствія и утѣшенія. Это была сила, конечно, и сила крупная, на которую можно было положиться, но лишь до тѣхъ поръ, пока вы сами ей были нужны. Исчезла эта надобность—кончились и ваши отношенія, и послѣшите поскорѣе принять свои мѣры, иначе вамъ не одобровать.

Съ несравненно большей симпатіей и съ величественнѣйшимъ уваженіемъ можемъ мы остановиться на другой сторонѣ личности графа Киселева, на сторонѣ его идей и умственныхъ силъ вообще. Для того, чтобы пріобрѣсти серьезное историческое значеніе, одного ума, даже первостепеннаго, человѣку недостаточно—необходима также свобода для этого ума, но его совершенно достаточно, чтобы выдвинуть человѣка изъ безконечныхъ рядовъ длинныхъ людей. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что графъ Киселевъ далеко опередилъ свое время. Проницательнѣйшимъ и вдумчивымъ взоромъ смотрѣлъ онъ впередъ—всегда впередъ, въ будущее, и предвосхищалъ въ немъ идеи, которыя только долго спустя могли открыто выйдти на арену общественной борьбы, въ качествѣ признаннаго и активнаго элемента. Нѣкоторыя изъ указаній Киселева рѣшительно можно назвать пророческими, а въ остальныхъ читатель найдетъ свои собственные идеи, съ которыми ему даже въ наше просвѣщеннѣйшее время такъ еще неудобно, сиротливо, боязно живется. Мы приведемъ читателю обращеніе мнѣній Киселева почти по всѣмъ крупнымъ вопросамъ европейской и специально-русской жизни, по возможности удерживаясь отъ комментарій. Мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи, говоритъ Заблоцкій, занимала П. Д. Киселева еще въ ранней его молодости. Въ бумагахъ его сохранилась собственноручная черновая записка, поданная имъ Императору Александру Павловичу въ 1816 году, когда онъ былъ флигель-адъютантомъ при немъ. Записка носитъ заглавіе: «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи», и на ней пометка Киселева: «Представлена Государю въ Москвѣ, 1816 г. 27 августа». Записка начинается такъ: «Гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь уже мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ почитаю объяснять здѣсь, сколько желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной». (II, 203). Безъ сомнѣнія, въ этомъ очевидно

вліяніе либеральнихъ идей XVIII вѣка, но дѣло въ томъ, что Киселевъ остался вѣренъ этимъ идеямъ до конца своей жизни и, въ сферѣ теоріи, на пядь не уступилъ изъ нихъ. Къ своимъ многочисленнымъ противникамъ — крѣпостникамъ — онъ относился почти какъ къ личнымъ врагамъ и иногда осмѣивалъ ихъ съ прелестною ироніею того глубоко умнаго человѣка, который смотритъ черезъ головы своихъ противниковъ, отъ души презираетъ ихъ и не скрываетъ своего презрѣнія. Когда въ 1857 г. Киселеву доставлена была копія съ журнала секретнаго комитета, въ которомъ (т. е. въ журналѣ) разбирались законы о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ и говорилось въ заключеніе, что «эти два закона до сихъ поръ имѣли весьма незначительное практическое примѣненіе, какъ по множеству разнаго рода затрудненій, формальностей и подробностей, ими предписываемыхъ, такъ отчасти, можетъ быть, и потому еще, что въ основаніе ихъ приняты начала, не всегда примѣнимыя къ дѣлу», графъ Киселевъ на это замѣтилъ: «Рецензія слабая и доказываетъ лишь одну истину, что помѣщики не приступаютъ ни къ чему безъ принужденія. Законъ 1842 года не имѣлъ послѣдствій не только по замѣчаемымъ недостаткамъ, но и потому, что исполненіе затруднено было именно тою властію, на которую возложено было исполненіе сего закона. Пусть министръ внутреннихъ дѣлъ прикажетъ изъ архива взять заведенныя дѣла объ увольненіи въ обязанности крестьяне, и онъ тогда убѣдится, что всѣ предположенія помѣщиковъ были отвергаемы административною властію подъ единственнымъ предлогомъ, что не подходятъ подъ разумъ закона 1842 года. Законъ этотъ имѣетъ, конечно, многіе недостатки; они были видны при его изданіи; но, по истинѣ, кто въ томъ виновенъ? Тѣ, которые не желали никакаго закона о прекращеніи рабства, а еще менѣе появленія закона удобоисполнимаго». (П, 291). А черезъ годъ послѣ того, когда крестьянская реформа получила надлежащее движеніе, Киселевъ писалъ Милютину: «отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу, и молю Бога даровать твердость тѣмъ, которые призваны работать въ вертоградѣ. Я такъ старъ и дряхлъ, что не увижу плодовъ этого великаго и прекраснаго дѣла, но желаю, чтобы постоянно надъ нимъ трудились и чтобы оно шло къ цѣли, которая рано или поздно должна была достигнута, несмотря на

желанія тѣхъ, которые рассчитываютъ на утомленіе работниковъ» (II, 343). Тѣмъ же просвѣщеннымъ духомъ и вѣрнымъ смысломъ пропикнуты взгляды Киселева и на государственное хозяйство вообще. «Въ Россіи нельзя, говоритъ онъ, и, скажу болѣе, не должно въ настоящемъ ребяческомъ ея положеніи стремиться къ возвышенію до послѣдней возможности государственныхъ доходовъ; государственная жизнь развивается и должна развиваться медленно, и съ нею только умножаются капиталы, безъ которыхъ промышленности быть не можетъ; мы на этой стезѣ находимся едва десятии лѣтъ и должны бороться не только со всѣми недостатками нашей юности, но и съ географическимъ положеніемъ нашего обширнаго государства, съ климатомъ суровымъ и со всѣми лишеніями отъ того простирающимися. Успивать подати и сборы можно, но отбирать у бѣднаго послѣднее—значитъ произносить приговоръ всякому будущему преуспѣванію, и я дозволяю себѣ думать и скажу, что каждый, сверхъ мѣры восторгнутый отъ плательщиковъ рубль, удаляетъ на годъ развитіе экономическихъ силъ государства. Умноженіе доходовъ должно зависѣть не отъ внезапнаго и произвольнаго возвышенія налоговъ, но отъ средствъ, коими плательщики обладаютъ; до улучшенія ихъ быта всякое новое требованіе возвышенныхъ платежей увеличитъ недоборы и уничтожитъ въ самомъ началѣ развитіе самостоятельности плательщиковъ. Увеличеніе доходовъ должно и можетъ быть, но, при настоящихъ условіяхъ, все зависѣтъ отъ времени: переселите 800 тыс. душъ, употребите капиталы на устройство оброчныхъ статей и устройство лѣсовъ, откройте широкіе пути торговли, дайте народу денежныя способы, и тогда ожидайте увеличенія доходовъ. Развитіе промышленности необходимо, но оно также требуетъ затраты денегъ и умственныхъ способностей; денегъ у насъ мало, а просвѣщенія еще менѣе» (II, 178). Съ такою же трезвостью и проникательностью относился Киселевъ и къ другимъ явленіямъ нашей народной, общественной и государственной жизни. Въ расколѣ онъ видѣлъ напр. стремленіе «сохранить строгую нравственность и связь, основанную на взаимныхъ пособіяхъ», и единственнымъ средствомъ противъ него считалъ «водвореніе порядка и благоустройства въ сельскихъ обществахъ». Онъ съ «величайшимъ удовольствіемъ» привѣтствуетъ законъ объ уничтоженіи въ арміи тѣлесныхъ наказаній, видитъ въ немъ «великое собы-

тіе, дѣлающее честь законодателью», и называется «ошибкой» недостаточную широту и рѣшительность закона, допустившаго исключенія (Ш, 346). Съ тою же радостью, но не безъ нѣкотораго скептицизма, прислушивается къ толкамъ о судебной реформѣ и записываетъ въ свой дневникъ: «это дѣло великой важности— дай Богъ, чтобы оно исполнилось какъ можно скорѣе; я не очень на это надѣюсь, но призываю его всѣмъ моимъ сердцемъ» (Ш, 327). Онъ требовалъ гласности и сожалѣлъ, что «у насъ еще не понимаютъ, что въ настоящее время гласность есть необходимость, которую нельзя обойти безнаказанно» (Ш, 345), и съ пылкостью молодости (а ему было въ то время 76 лѣтъ) совѣтовалъ торопиться съ реформами: «теперь все движется какъ на парахъ; непозволительно уже откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня», и призывалъ образованный классъ на помощь правительству, которое «не возможетъ одно привести къ цѣли, существенной для Россіи» (Ш, 359). Въ заключеніе укажемъ на мнѣніе Киселева о печати, мнѣніе, принадлежащее собственно Тьеру, но вполне раздѣляемое и Киселевымъ, даже до того, что онъ старался—безуспѣшно, конечно—о распространеніи его въ нашихъ высшихъ сферахъ: «Уничтоженіе свободы печати имѣетъ слѣдствіемъ множество злоупотребленій въ администраціи, которыя были прежде невозможны. Свобода печати неприятна и неудобна министрамъ и вообще администраторамъ; часто она употребляетъ оружіемъ своимъ клевету, но въ конечномъ результатѣ всегда приноситъ пользу, далеко превышающую сопряженныя съ нею неудобства. Англійскіе государственные люди говорили Тьеру неоднократно, что Англія обязана свободѣ печати тѣмъ, что ея правительство ясно видитъ потребности края и что въ администраціи Англій менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ другихъ государствахъ, хотя англичане такіе же люди, какъ и всѣ другіе. Безпрерывный контроль прессы, который сильнѣе всякаго правительственнаго наблюденія, производитъ это дѣйствіе» (IV, 259). Мнѣніе, какъ видитъ читатель, прямо еретическое.

Таковы были основныя воззрѣнія и тенденціи графа Киселева. Ихъ гуманный, либеральный, освободительный характеръ до того не выжета съ властною и холодною личностью Киселева, что съ перваго раза можно придти въ положительное недоумѣніе, можно заподозрить даже самую искренность ихъ. Помѣщикъ, настаиваю-

щій на освободженіи крестьянъ; министръ, хлопчущій о свободѣ печати и въ то же время отлично понимающій «неудобства» свободной печати именно для администраціи; офицеръ, возстающій противъ сѣченія солдатъ; дипломатъ—русскій дипломатъ—указывающій на пользу гласности; деспотъ, стремящійся умѣрить произволь и водворить царство легальности; наконецъ, дряхлый старикъ, совѣтующій ускорить ходъ либеральныхъ реформъ—согласитесь, что это явленіе настолько необыкновенное, что присмотрѣться къ нему поближе очень и очень стоить. Противорѣчіе, несоотвѣтствіе между положеніемъ и идеями, интересами и идеалами настолько рѣзко, что нѣтъ ничего легче предположить въ этомъ случаѣ лицемеріе и фальшь. Но вѣдь наши убѣжденія опредѣляются не матерьяльными только, а и умственными и нравственными интересами. Если я человекъ по природѣ добрый и сострадательный, для меня будетъ невыносимо причинять людямъ страданіе, хотя бы эти страданія и доставляли мнѣ выгоду. Если я человекъ не глупый, я безъ труда пойму, что мое благосостояніе, купленное цѣною чужаго труда, чужой свободы, чужаго счастья, постоянно будетъ находиться въ состояніи неустойчиваго равновѣсія и рано или поздно кувыркомъ полетитъ. Всякое нравобѣсіе происходитъ или отъ дурнаго сердца, или отъ дурнаго ума. Киселевъ былъ достаточно равнодушенъ къ людямъ чтобы много не беспокоиться о ихъ благополучіи, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что плетью обуха не перешибешь, прогресса не остановишь и что, стало быть, единственно плодотворная, не безрезультатная дѣятельность есть дѣятельность освободительная. Онъ имѣлъ полную возможность, а при этой возможности и совершенную склонность относиться къ жизни объективно и безстрастно. Его либеральныя убѣжденія были плодомъ «ума холодныхъ наблюденій» и отнюдь не «горестными сердца завѣтами». Въ «дневникѣ», который Киселевъ велъ исключительно для себя, стало быть съ полною откровенностью, онъ постоянно является умнымъ, проникательнымъ, зоркимъ наблюдателемъ, но наблюдателемъ безучастнымъ и равнодушнымъ. Убѣжденія Киселева были въ строгомъ смыслѣ не убѣжденіями, а только мнѣніями. Истинное убѣжденіе охватываетъ собою и умственными и нравственными стороны человека, обуславливается не логическими выкладками только, но и нравственными мотивами.

вами; оттого оно такъ притязательно и властно, оттого оно господствуетъ надъ волею человѣка, а не воля надъ нимъ. Въ своемъ высшемъ развитіи, на крайней ступени фанатизма, оно превращается въ импульсъ совершенно непобѣдимый, вполне деспотическій, передъ которымъ умолкають не только всякія соображенія, но и самыя чувства и страсти. А мнѣше не обязываетъ или почти не обязываетъ. Дважды-два—четыре, это мое мнѣше, мое знаніе, но мнѣ пѣть дѣла до него. При случаѣ, я въ какой-нибудь докладной запискѣ изложу его, но если эту мою записку положить подъ сукно, сдадутъ въ архивъ, примутъ «къ свѣдѣнію», я посмотрю на это не безъ досады, конечно, но и безъ особенной сердечной боли: я свое дѣло сдѣлалъ—высказался, а тамъ хоть трава не расти. Киселеву выпалъ однажды случай откровенно поговорить съ покойной императрицей Маріей Александровной, и онъ высказалъ ей рядъ важныхъ и вѣрныхъ мыслей о томъ, что, «разъ вступивши на путь прогресса, нельзя возвращаться назадъ и ронять власть колебаніями», что «пережитое пригнетеніе всякаго прогресса должно служить намъ урокомъ» и т. д. и затѣмъ, записавши этотъ разговоръ въ своемъ дневникѣ, прибавлялъ: «не знаю, былъ ли я понятъ въ основаніяхъ и намѣреніяхъ, которыя побудили меня высказаться такъ, но я это сдѣлалъ въ интересахъ своего отечества, а слѣдовательно и въ интересахъ императорской фамиліи; быть можетъ что нибудь запомнится—и то будетъ выигрышъ» (III, 33) «Сказалъ, и душа облегчилась», какъ говорили древніе, или «подписано и сълечъ долой», какъ говорилъ Фамусовъ. Индифферентизмъ Киселева не походилъ на безнадежность взвѣрившагося человѣка, это—было именно равнодушіе человѣка, которому «все равно» и «какъ угодно». Киселевъ до послѣднихъ минутъ своей жизни не утратилъ живости и пыливости своего ума, тщательно слѣдилъ за событіями, прекрасно понималъ ихъ, но оставался неизмѣнно все тѣмъ же дилетантомъ либерализма. Узнавши, напримѣръ, въ 1871 г., о безпорядкахъ въ Одессѣ между греками и евреями, онъ пишетъ въ дневникѣ: «les journaux russes rendent compte d'un désordre grave survenu entre juifs et grecs; répression brutale et illégale». (III, 437). И только. Такими платоническими протестами Киселевъ ограничивался во всѣхъ случаяхъ, когда многоуважаемая легальность хотя и сильно страдала, но ни самолюбіе, ни честолюбіе нашего поклонника легальности не затрогива-

лись. Безъ всякаго горькаго чувства, а напротивъ, съ нѣкоторой даже веселостью, предрекаетъ онъ и общее паденіе тѣхъ принциповъ, которымъ всю жизнь свою служилъ. «Я убѣжденъ, писалъ онъ въ дневникѣ, что наступятъ большіе перевороты въ свѣтѣ и что социальное возрожденіе измѣнитъ, въ теченіи ХХ вѣка, настоящее положеніе дѣлъ. Мудрая, осторожная и либеральная Англія, на свободные принципы которой безпрестанно ссылаются, находится на пути къ социальной и политической революціи, не смотря на утвержденіе одного изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей (Каннингъ), который говорилъ, что пока кучеръ королевы сохранитъ на головѣ своей напудренный парикъ, англійская конституція сохранится и будетъ управлять Англіею. Утвержденіе этого государственнаго человѣка живописно, но не положительно. Надо бы знать, сколько времени парикъ будетъ держаться на головѣ кучера». (III, 395). Жизнь представлялась Киселеву, очевидно, какимъ-то запятымъ зрѣлищемъ, отчасти комедіей, авторъ которой неизвѣстенъ, а актеры почти всѣ бездарны и смѣшны. «Блескъ на минуту, писалъ Киселевъ, потомъ дымъ и затѣмъ ничто—неизбѣжный результатъ всего, что имѣетъ начало. Безсмертно только то, что не имѣетъ начала: Богъ или природа». (III, 448).

II.

Въ началѣ этой замѣтки, оспаривая увѣренія Заблоцкаго, что Киселеву должно быть отведено въ нашей исторіи почетное мѣсто, мы намекнули, что пониманіе Киселевымъ «законности» и «справды» было довольно узко. Отъ этого своего мнѣнія мы не отказываемся и теперь, когда читатель уже ознакомился съ широкими и просвѣщенными воззрѣніями графа Киселева. Дѣло въ томъ, что всѣ эти воззрѣнія относились къ вопросамъ, безъ сомнѣнія, важнымъ и существеннымъ, но вопросамъ всетаки частнымъ. Даже главнѣйшій изъ этихъ вопросовъ—крестьянскій—являлся только одною изъ сторонъ или одною изъ формулъ начала—такъ выразился—вотчиннаго владѣнія. Вооружаясь противъ этого начала въ однихъ его проявленіяхъ, Киселевъ энергично защищалъ его въ другихъ, и не только защищалъ, а усиливалъ и раз-

вивалъ его. Киселевъ былъ поборникомъ свободы; тотъ же Киселевъ былъ противникомъ народной или общественной самостоятельности. Пусть личность будетъ свободна, но пусть она будетъ подъ зоркимъ надзоромъ. Ея свобода должна оберегаться, обезпечиваться. Кѣмъ? Чиновникомъ. Какимъ путемъ? Путемъ административной опеки, всевидящей, всеслышающей, всезнающей.

Въ этомъ главная, коренная ошибка Киселева, которая, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои объясненія и даже оправданія, но въ которой именно и заключается причина того, что многолѣтняя кипучая дѣятельность Киселева не принесла абсолютно никакихъ результатовъ. Эта ошибка, помимо другихъ неблагоприятныхъ условій, именно и заставляла Киселева одной рукой дѣлать, а другой рукой раздѣлывать. Онъ снималъ одну узду и надѣвалъ другую, усовершенствованную. Въ письмѣ къ государю о вѣроятныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣтитъ учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, Киселевъ говоритъ: «въ самомъ словіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ не выгодно: привынувъ къ необузданной свободѣ и скушая пороки и безнравіе пожертвованіемъ своего избытка, люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Сдѣлавшись равнодушными къ улучшенію своего быта, погруженные въ грубое невѣжество, они предпочитаютъ удовлетвореніе привычныхъ страстей всѣмъ обѣщаніямъ лучшаго состоянія» (II, 62). Положимъ, это языкъ оффиціальныи, эти слишкомъ сильные выраженія не могутъ быть поставлены Киселеву на счетъ. Но намѣренія Киселева въ нихъ выражены всетаки вѣрно: посредствомъ «попечительной власти» дать крестьянамъ «лучшее состояніе». Обращаясь къ Сперанскому, передъ которымъ ему не было надобности маскироваться, Киселевъ выражаетъ все ту же основную свою мысль: «оскудѣніе крестьянъ не происходитъ единственно отъ неразмежеванія земель. Причина сему есть отсутствіе, во-первыхъ, покровительства и, во-вторыхъ, наблюденія. Отъ недостатка покровительства крестьяне обременены незаконными поборами и личными повинностями. Отъ недостатка наблюденія развратъ и пьянство уничтожаютъ въ самомъ источникѣ основаніе сельскаго благосостоянія» (II, 18).

Таковъ былъ конечный идеалъ графа Киселева. Нелогичность, невозможность, абсурдность его совершенно очевидна. Въ немъ

былъ бы извѣстный смыслъ, по крайней мѣрѣ, извѣстная логика если бы его формула была такова: матерьяльное благосостояніе посредствомъ «покровительства» и «наблюденія». О свободѣ тутъ не должно быть и рѣчи. Гдѣ покровительство, наблюденіе, опека, тамъ, при условіи разумности, умѣлости этой опеки, возможно матерьяльное довольство, но только оно одно и возможно. Графъ Аракчеевъ, не въ укоръ будь сказано памяти графа Киселева, былъ безъ всякаго сравненія послѣдовательнѣе. Идея бюрократической дисциплины, которой такъ сочувствовалъ Киселевъ, нашла себѣ самое яркое и полное выраженіе въ военныхъ поселеніяхъ, которыя были такъ антипатичны Киселеву. Крестьяне военныхъ поселеній были застрахованы отъ «оскудѣнія», «покровительство» имъ было доведено до того, что каждый шагъ, каждое движеніе ихъ было предписано, размѣрено, рассчитано, а «наблюденіе» было неослабное. Что можетъ быть лучше? Когда какой бы то ни было идеаль осуществлялся полнѣе? И мы понимаемъ, что съ точки зрѣнія «порядка» объ Аракчеевѣ можно вспомнить съ усладою, подобно «старикамъ» Гл. Успенскаго. «Ужъ точно, говорить одинъ изъ нихъ, пуще огня боялись... Ужъ ежели бы ему на глаза попалъ поселенецъ, у котораго въ обоихъ карманахъ водка, такъ ужъ онъ бы далъ бы ему понятіе... Во вѣкъ бы помнилъ, что такое значить вино, и дѣтямъ бы заказалъ... Такъ вотъ какой былъ человекъ!.. Бывало только крикнетъ кто-нибудь: «графъ идетъ»,—такъ пной такъ и грохнется объ земь безъ дыханія... Ну, а былъ порядокъ, ужъ этого отнять нельзя. У—ухъ какой былъ порядокъ—во всемъ! За что ни возмись: что скотина, пашня—все первой сортъ... То-есть, бывало, до такой степени, напримѣръ, вникалъ, что ужъ на что кажется бабы или бабы дѣла какія, а и то чувствовали графскій глазъ... Бывало иная хлѣбъ не домѣсла, пли худо просѣяла,—ужъ это не пройдетъ ей даромъ... Ужъ онъ ее, покойникъ, внучать, какъ хлѣбъ печь...» Что могъ имѣть Киселевъ противъ такого идеальнаго порядка? Его либерализмъ оскорблялся «палкой», которой дѣйствовалъ Аракчеевъ; это опять таки свидѣтельствуешь только о его нелогичности. Палка—только послѣднее слово «покровительства» и «наблюденія». Живую человѣческую личность можно заключить въ извѣстныя рамки только насиліемъ. Если я желаю регулировать даже бабы дѣла, если я контролирую печеніе хлѣбовъ, заглядываю въ

квашню, попраю и подавляю малѣйшее проявленіе личной воли и самостоятельности, мнѣ необходимы какія нибудь, внѣшнія или внутреннія, средства для поддержанія своего авторитета. Если это подчиненіе моей волѣ добровольно и сознательно; если опекаемые мною люди искренно убѣждены, что безъ моего благословенія они не въ состояніи даже хлѣба испечь—тѣмъ лучше. Но въ противномъ случаѣ? Въ противномъ случаѣ мнѣ остается одно изъ двухъ: или прибѣгнуть къ палкѣ, какъ Аракчеевъ, или представить людямъ устраниваться по ихъ собственному хотѣнью и разумѣнью, отказавшись отъ претензіи на непогрѣшимость. И то и другое будетъ логично. Но возводить «покровительство» и «наблюденіе» въ принципъ и въ тоже время толковать о свободѣ, заглядывать въ квашни и защищать свободу мысли—это ужъ ровно ни съ чѣмъ несообразно. Если я не въ правѣ замѣсить по своему вкусу квашню, то тѣмъ болѣе не въ правѣ ни по своему думать, ни по своему вѣрить.

Это основное противорѣчіе себѣ графа Киселева было не случайное и освободиться отъ него онъ былъ не въ сплахъ. Оно обуславливалось его взглядомъ на толпу, какъ на стадо, его презрѣніемъ къ людямъ, усиленнымъ сверхъ того традиціоннымъ бюрократическимъ высокоуміемъ, самоуміемъ и доктринерствомъ. Идеаль его, горячаго противника крѣпостнаго права, былъ, въ сущности, совершенно крѣпостническимъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ власть помѣщиковъ была не «попечительною властью»? Развѣ крѣпостные крестьяне не наслаждались благами барскаго или прикащичьяго «покровительства» и «наблюденія»? Киселеву было бы къ лицу возставать противъ злоупотребленій помѣщичьей властью, но отнюдь не затрогивать самый принципъ. Что могъ бы онъ сказать противъ отличнаго хозяина Собакевича или отличной хозяйки Коробочки? Крестьяне ихъ благоденствовали: «разврата и пьянства» между ними не было—помѣщикъ не допускалъ, а «поборы и повинности» были соразмѣрные. Они, правда, не пользовались личной свободой, но рыцарю «покровительства» горевать о томъ не приходилось. Императоръ Павелъ I не даромъ видѣлъ въ помѣщикахъ даровыхъ полицмейстеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ чиновникъ не могъ бы лучше помѣщика заботиться о сохраненіи порядка и даже извѣстной справедливости въ своихъ владѣніяхъ, потому что не могъ имѣть въ этомъ дѣлѣ та-

кого непосредственнаго интереса. Такимъ образомъ, попеченія о народномъ стадѣ—разъ оно признано стадомъ—должны были бы заключаться въ регулированіи поведенія его пастуховъ—помѣщиковъ, въ уменьшеніи между ними злоупотребленій и т. д. Сдѣлать власть помѣщиковъ властью дѣйствительно «патріархальною», такъ чтобы помѣщики были «отцы», а крестьяне ихъ «дѣти» — вотъ, съ точки зрѣнія графа Киселева, если логично развивать ее, каковъ былъ идеалъ нашей жизни. Но графъ Киселевъ не вѣрнулъ въ этотъ путь. Онъ зналъ, что всѣ мы люди, всѣ человѣки и что тамъ, гдѣ всѣ гарантіи справедливости заключаются въ личныхъ свойствахъ Собакевича, — тамъ невозможно прочное благосостояніе и неизбѣжны злоупотребленія. Хорошо, какъ Собакевичъ, а если Ноздревъ, который людей на борзихъ щенковъ вымѣниваетъ? Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, совершенныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ; несовершененъ и самъ хозяинственный Собакевичъ. Мало ли, что случиться можетъ? Онъ можетъ поссориться съ своей Θεодуліей Ивановной, можетъ плохо выспаться, можетъ разстроиться печальными размышленіями на счетъ того, что у него даже чирья ни разу не сѣло и что это «не къ добру», все это очень возможно и все это всенепремѣнно отразится или на мужицкихъ спинахъ или на мужицкихъ карманахъ. Какъ же тутъ быть? Съ одной стороны «попечительство» необходимо, а съ другой стороны «попечительство» невозможно. Графъ Киселевъ нашелъ изъ этого заколдованнаго круга такой выходъ: обязанности «попечительства» должны быть возложены на просвѣщенную и дѣятельную администрацію. Такъ какъ въ его время серьезной рѣчи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ еще не заходило, то графъ Киселевъ рѣшился показать примѣръ такого попечительства на государственныхъ крестьянахъ, съ каковою цѣлью и было основано имъ министерство государственныхъ имуществъ.

Графъ Киселевъ много разъ, и въ письмахъ, и въ докладныхъ запискахъ, и въ своемъ дневникѣ, пытался доказывать, какъ много выиграли крестьяне отъ учрежденія министерства, какъ улучшилось ихъ положеніе за время управленія графа, какъ часто они благодарили его и т. д. Пусть такъ. Согласимся забыть даже «картофельные бунты» и повѣримъ графу Киселеву на слово. Что же изъ завѣреній графа слѣдуетъ? Доказываютъ ли

они вѣрность системы? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Они говорятъ лишь въ пользу личности самого Киселева, доказываютъ его умъ, энергію, умѣлость и ничего больше. Киселевъ окружилъ себя такими людьми, какъ Заблоцкій-Десятовскій, одушевленными тѣми же гуманными стремленіями, какія питалъ и онъ самъ, и очень естественно, что ему въ извѣстной мѣрѣ удалось возвысить матеріальное благостояніе крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола низшихъ административныхъ агентовъ и т. д. Не отдѣляя своей личности отъ своей системы, Киселевъ праздновалъ свой успѣхъ, но судьба приготовила ему тяжелый урокъ, который, впрочемъ, пропалъ для него. Неожиданно для себя, Киселевъ, по окончаніи крымской войны, былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, и вотъ что по поводу этого назначенія писалъ онъ, между прочимъ, своему брату: «но мое бѣдное министерство, которое я оставляю на произволъ всѣхъ вѣтровъ безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которме, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны! Грустно, но наконецъ.....» (Ш, 7). Кормчій, разумѣется, немедленно нашелся въ лицѣ М. Н. Муравьева, который повелъ киселевскій корабль совсѣмъ въ другую сторону. Въ дневникѣ записанъ любопытный рассказъ о посѣщеніи Киселева въ Парижѣ Муравьевымъ: «Муравьевъ началъ съ того, что щедрою рукою разсыпалъ цвѣты на мое управленіе и кончилъ тѣмъ, что признавалъ полезнымъ и хорошимъ только то, что сдѣлано имъ. Я оставилъ его говорить и спокойно слушалъ его хвастовство. Мнѣ хотѣлось бы ему сказать, какъ Тиберій: *Vagus*, отдай мнѣ 16 м. р., которме я оставилъ въ мірскихъ кассахъ и котормыхъ тамъ, какъ мнѣ говорятъ, уже болѣе нѣтъ. Онъ мнѣ далъ понять, что онъ очистилъ личный составъ министерства и что это ему совершенно удалось» (Ш, 312). Двадцатилѣтніе труды Киселева были дѣйствительно потеряны. За всѣмъ тѣмъ «грусть» Киселева раздѣлить нельзя. Кто же виноватъ? Не виновата ли система опеки, при которой одинаково возможна дѣятельность и Киселева и Муравьева. Графъ Киселевъ дѣйствовалъ по своему, графъ Муравьевъ — по своему, это дѣло ихъ личныхъ убѣжденій или «усмотрѣній». Но каково однако было крестьянамъ, котормымъ вчера предписывалось смотрѣть на право, а сегодня на лѣво, и не имѣютъ ли они право сказать словами купца Гл. Успенскаго: «однѣ говорятъ у меня бумага, и другой говоритъ»

у меня бумага, и у третьяго то же.... Да позвольте, господа! У васъ бумаги, а вѣдь у меня собственная шкура... Бумаги то я сколько хочешь на три копѣйки въ лавочкѣ куплю, а вѣдь шкури то, братцы вы мои, я себѣ нигдѣ не куплю».

Да, вино молодое не вливаютъ въ мѣхи старне! Киселеву, такъ трезво смотрѣвшему на отдѣльныя стороны и явленія жизни, не доставало синтетическаго пониманія. Какъ завязтому бюрократу, ему казалось достаточнымъ построже предписать да повнимательнѣе наблюсти, чтобы дѣло сдѣлалось. Вліянія общественной атмосферы онъ не принималъ въ расчетъ. Его попечительныя стремленія, чистоту которыхъ мы охотно готовы признать, привели прежде всего къ тому, что приблизили низшую администрацію къ народу, дали ей больше поводовъ и средствъ къ вмѣшательству въ народную жизнь, а, стало быть, и ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Заблоцкій признаетъ эти злоупотребленія; но оправдываетъ Киселева: «источникъ этихъ злоупотребленій, говоритъ онъ, заключался не въ учрежденіяхъ, а въ нравахъ и во всемъ общественномъ строѣ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на полнѣйшее отсутствіе тогда гласности, на крѣпостное право и на откупа, растлѣвающее вліяніе которыхъ на всю администрацію могло прекратиться только съ ихъ уничтоженіемъ». Точнѣе говоря, вся жизнь нуждалась въ обновленіи, въ перестройкѣ, и Киселевъ надѣялся въ своемъ уголку исполнить частицу этого дѣла съ помощью какъ разъ тѣхъ самыхъ орудій, которыя больше всего требовали передѣлки. Свою администрацію онъ исправлялъ строгими внушеніями, крестьянъ назидалъ разными «Полицейскими Уставами» и путемъ безконтрольнаго произвола стремился водворить въ своемъ министерствѣ царство законности. Онъ хотѣлъ какъ будто сыграть роль маленькаго Гаруна, въ чемъ можетъ быть и успѣлъ бы, если бы государственные крестьяне и министерство государственныхъ имуществъ, съ гр. Киселевымъ во главѣ, были перенесены волшебною силою на какой нибудь необитаемый островъ, да если бы у Киселева была безграничная власть, да если бы всѣ подчиненные походили на Заблоцкаго-Десятовскаго; а его подданные — 20 м. государственныхъ крестьянъ представляли собою чистую бѣлую доску, на которой можно вырисовывать какіе угодно узоры, а не живыхъ людей, съ своими вѣрованіями, понятіями, обычаями, взглядами, которыми они ради только однихъ прекрас-

ныхъ глазъ Киселева да его добрыхъ намѣреній, разумѣется, не поступялись бы. «Не въ учрежденіяхъ заключался источникъ злоупотребленій», — трудно даже понять, что хотѣлъ этимъ сказать Заблоцкій и еще труднѣе принять эти слова за защиту. Откупа растлѣвали администрацію, значить, не администрація, а откупа виноваты — что это за логика? Мы не сомнѣваемся въ личныхъ достоинствахъ Заблоцкаго и не умаляемъ ихъ, но такъ рассуждать — просто безнравственно. Какая, въ самомъ дѣлѣ, чиновничья идиллія, подумаешь! Хитрый змій — откупъ лукаво соблазняетъ невинную Евву — администрацію, которая совершенно не въ силахъ противиться его оболъщеніямъ. И рада бы она свою невинность сохранить, да ужъ слишкомъ велико искушеніе. Такъ изображать дѣло, повторяемъ, нельзя, такъ защищаться непозволительно. Отъ такой защиты меньше шага и до такихъ оправданій: какъ же мнѣ было не украсть, коли плохо лежало и чѣмъ же я тутъ виноватъ? Что киселевскія «учрежденія» не были и точникомъ злоупотребленій — это вѣрно; но что они вполне слились съ этимъ источникомъ, цѣлкомъ вошли въ его русло — это тоже несомнѣнно. Источникъ злоупотребленій не заключался также ни въ откупахъ, ни въ отсутствіи гласности, ни даже въ крѣпостномъ правѣ: всѣ эти явленія были только естественнымъ выраженіемъ, логическимъ слѣдствіемъ того общаго принципа, который мы назвали выше езоповскимъ терминомъ вотчиннаго владѣнія и который проникалъ собою и семью, и деревню, и городъ, и всяческія «учрежденія» и т. д. Затронуть нѣкоторыя изъ этихъ послѣдствій, оставляя въ неприкосновенности остальные, значило произвести не реформу, а путаницу и кавардакъ. Отсутствие системы — хуже нежели даже самая ложная система, и Тришкина политика къ прочнымъ результатамъ вести не можетъ.

III.

Обращаясь къ фактамъ многосторонней служебной дѣятельности графа Киселева, мы, разумѣется, не намѣрены слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, потому что цѣль наша не въ томъ, чтобы рассказать — рассказъ читатель найдетъ у Заблоцкаго — а въ

томъ, чтобы, по слѣд-возможности, характеризировать и комментировать.

Такихъ характерныхъ фактовъ, болшею частью даже не нуждающихся въ комментаріяхъ, собрано въ біографіи очень много, но внутренней смыслъ ихъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, и личность Киселева, какъ общественнаго дѣятеля, обрисовывается ими съ неуклонною послѣдовательностью, можно даже сказать съ художественною законченностью и стройностью. Читатель знаетъ принципы и программу Киселева, онъ можетъ догадываться и о результатахъ. Программа эта была программой того, что нынѣ называется у насъ оппортунизмомъ или поспиблизмомъ, сущность котораго, какъ извѣстно, весьма не хитрая: вѣчно хочется и вѣчно колетса. Съ одной стороны, хорошо бы построить такой высокій бельведеръ, съ котораго видно было бы даже Москву, а съ другой стороны — такое ужъ горе наше — все никакъ не можемъ собраться подсвѣчникъ новый купить и кресла въ гостиной обить. Нѣтъ надобности отдѣлать то, что въ этомъ случаѣ должно быть отнесено непосредственно къ личности Киселева отъ того, что обусловливалось его положеніемъ: мы о результатахъ судимъ. А результаты эти таковы, что если исторія скажетъ что нибудь о Киселевѣ, то—мы увѣрены—скажетъ только одно: этотъ человѣкъ хорошо хотѣлъ, но, исколовши себѣ пальцы, махнулъ рукою и уединился на рѣкахъ Вавилонскихъ. Предоставимъ говорить фактамъ.

Состоя въ званіи начальника штаба 2-й арміи, Киселевъ задался мыслью учредить «центральную школу» для офицеровъ арміи, въ виду того, что, какъ писалъ онъ кн. Волконскому, «невѣжество этихъ господъ ужасно, особенно, когда подумаешь, что рано или поздно они будутъ командовать тысячами человѣкъ». Для перваго раза, Киселевъ рѣшилъ устроить школу для юнкеровъ. Съ этой цѣлью, въ 1821 году, при учебномъ батальонѣ было собрано до 80 юнкеровъ, порученныхъ, относительно обученія, вѣдѣнію квартирмейстерской части, а по хозяйственной части командиру учебнаго баталіона. Курсъ обученія въ этой школѣ состоялъ исключительно изъ предметовъ, необходимыхъ для военнаго. Затѣмъ составлено было предположеніе объ учрежденіи болѣе обширнаго заведенія при главной квартирѣ, о чемъ въ 1821 году была подана Государю докладная записка; но какъ на это представленіе никакого рѣшенія не послѣдовало, то первоначаль-

ная школа оставалась въ прежнемъ размѣрѣ. Юнкера, въ свободное отъ занятій время, упражнялись въ строевой службѣ и тѣмъ волюнѣ pripravлялись быть полезными офицерами. Съ окончаніемъ втораго года, существованіе школы не представлялось возможнымъ, такъ какъ на донесеніе объ исходатайствованіи ежегоднаго отпуска до 10 т. рублей, поданное кн. Волконскому, разрѣшенія не послѣдовало, а потому школа была закрыта, впредь до новаго распоряженія. Между тѣмъ, по окончаніи Высочайшаго смотра армій въ 1823 году, Киселевъ вторично представилъ о пользѣ этого учрежденія и просилъ Дибича исходатайствовать Высочайшее соизволеніе. Это дѣло также не имѣло дальнѣйшаго развитія. По поводу своихъ просвѣтительныхъ стремленій, Киселевъ получилъ отъ князя Волконскаго письмо такого содержанія: „Я очень радъ сообщить вамъ, любезный Киселевъ, что Государь очень доволенъ вашимъ представленіемъ объ учрежденіи учебныхъ заведеній въ корпусахъ, дивизіяхъ, полкахъ и баталіонахъ, и все одобрилъ; но въ то же время Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, относительно лица, что подобное учрежденіе, нѣтъ сомнѣнія, принесетъ пользу, если цѣль его будетъ точно выполнена и исключительно для военной службы, если не будутъ примѣшивать въ преподаваніи молодымъ людямъ политику и разныя конституціонныя идеи, которыя теперь въ большой модѣ. Отдавая полную справедливость вашему уму, Государь предоставляетъ дѣло собственно вашему сужденію, волюнѣ увѣренный, что вы не только изъ чувства долга, но и изъ преданности къ особѣ Его Величества постараетесь, чтобы образованіе молодыхъ людей ограничивалось лишь тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ знаніямъ, необходимымъ военному, не вдаваясь въ политику. Въ особенности, надо имѣть наблюденіе за преподаваніемъ исторіи и географіи, чтобы учитель не слишкомъ входилъ въ подробности о разнаго рода направленіяхъ“. Киселевъ, разумѣется, усердно оправдывался и, между прочимъ, писалъ Волконскому: „что касается до принциповъ, на которыхъ школа учреждена, то могу васъ увѣрить, что нѣтъ ничего невиннѣе, и все обученіе ограничивается лишь необходимымъ для субалтернъ-офицера. Учитель языковъ, и географіи и исторіи, извѣстный полковникъ Кюдеръ.— старикъ 65 лѣтъ, знающій только требуемое для перваго класса; офицеръ генеральнаго штаба преподаетъ математику, а корпусный вагенмейстеръ— рус-

скій языкъ. Вотъ все, чему учать и что знаютъ весьма несовершенно. Начальникъ корпуснаго штаба, наблюдающій за порядкомъ и поведеніемъ, достойный офицеръ и человекъ положительнаго характера. Въ продолженіе года, я видѣлъ школу три раза, и по учебникамъ, находящимся теперь въ учебномъ баталіонѣ, знаю въ подробности ихъ образованіе. Вообще, могу васъ увѣрить, что духъ времени не проникъ въ армію, политика не имѣетъ на нее никакого вліянія. Смѣю надѣяться, что такъ будетъ и продолжаться, и что клевета, сдѣлавшая мнѣ много зла, не осмѣлится заткнуть истину, которую я вамъ высказываю" (II, 220 и слѣд). Болѣе фальшивое положеніе трудно себѣ представить. Киселевъ оправдывался тѣмъ, за что, въ глубинѣ своей совѣсти, долженъ былъ упрекать себя. Если учитель зналъ свой предметъ только «для перваго класса», если вообще и учителя, и ученики «знаютъ весьма несовершенно» и т. д. — либераль Киселевъ долженъ былъ только скорбѣть объ этомъ. Но POSSIBILITY покладивъ. Заблудчій и въ этомъ случаѣ превозноситъ «практическій тактъ» Киселева и мы охотно присоединяемся къ этимъ похваламъ: такта много. Но должно замѣтить, что это качество, драгоцѣнное для самаго счастливаго обладателя имъ, въ глазахъ исторіи не имѣетъ ровно никакой цѣны. Настоящіе историческіе дѣятели обыкновенно пребестактные люди: они смотрятъ только впередъ, не озираясь поминутно по сторонамъ, идутъ на проломъ, а не стороночкой и, если часто при этомъ разбиваютъ себѣ лобъ, за то нерѣдко прокладываютъ и новыя пути для насъ. Они обыкновенно хотятъ именно «невозможнаго», которое, однакоже, къ удивленію всѣхъ благоразумныхъ людей, вдругъ оказывается возможнымъ.

Киселеву, съ его POSSIBILITY, зачастую приходилось хвастаться тѣмъ, чего въ душѣ онъ стыдился, и отрекаться вслѣдствіи отъ того, чему онъ сочувствовалъ, можно даже сказать, что только одно это ему и приходилось дѣлать. Въ то время (двадцатые года), какъ онъ состоялъ начальникомъ штаба, военная формалистика, подъ вліяніемъ Аракчеева, достигла до послѣднихъ предѣловъ. Одинъ изъ корпусныхъ командировъ 2-й арміи, генералъ Сабанѣевъ—повидимому, одна изъ тѣхъ честныхъ, прямодушныхъ натуръ, безъ малѣйшаго «такта», у которыхъ, что на умѣ, то и на языкѣ,—писалъ по этому поводу Киселеву: «Учебный шагъ, хорошая стойка, быстрый взоръ, скобка противъ рта,

параллельность шеренгъ, неподвижность плечъ и всё тому подобныя, ничтожныя для истинной цѣли, предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что нѣтъ минуты заняться полезнѣйшимъ. Какое мученіе несчастному солдату и все для того только, чтобы изготовить его къ смотру! Вотъ гдѣ тиранство! — Вотъ въ чемъ достоинство Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и имъ подобныхъ! Какимъ достоинствъ ищутъ нынѣ въ полковомъ командирѣ?—Достоинство фронтоваго механика, будь онъ хоть настоящее дерево. Отъ сихъ правилъ даже фронтовая служба сдѣлалась труднѣе, а тиранство стало необходимостью. Нельзя безъ сердечнаго сокрушенія видѣть ужасное уныніе измученныхъ ученъемъ и передѣлкою аммуниціи солдатъ... Нигдѣ не слышно другаго звука, кромѣ ружейныхъ приемовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другаго разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало, вездѣ пѣсни, вездѣ весело. Теперь нигдѣ ихъ не услышишь. — Вездѣ дыцъ-гаузы и цѣлая армія учебныхъ командъ. — Чему учать? Учебному шагу! Не совѣстно ли, старика, ноги котораго исходили 10 т. верстъ, тѣло котораго покрыто ранами, учить наравнѣ съ рекрутомъ, который, конечно, въ короткое время сдѣлается его учителемъ? Необходимо ли это? Какое же честолюбіе поселимъ мы въ войскахъ, если служба и раны не будутъ уважены?.. Тиранство есть необходимое слѣдствіе фронтоваго педантизма, а уныніе войскъ, отъ того происходящее, предвѣстникъ большихъ несчастій. Ужели въ цѣлой Имперіи не найдется человѣка, который хотѣлъ бы и могъ открыть передъ государемъ истину, которую рабы и льстецы передъ нимъ закливаютъ» (II, 86—87).

Киселевъ, разумѣется, все это понималъ лучше Сабанѣва, о чемъ свидѣлствуетъ его переписка съ Закревскимъ, но, какъ замѣчаетъ его біографъ, «онъ видѣлъ необходимость не показывать равнодушія, а тѣмъ болѣе пренебреженія къ фронтовой службѣ» и простеръ это «непоказываніе равнодушія» до того, что князь Волконскій написалъ ему: «Государь находитъ, что вы сдѣлались страшнымъ пуристомъ въ фронтовой службѣ» (II, 125). Это невозможное положеніе—дѣйствовать постоянно вопреки своимъ заветнымъ взглядамъ—естественно тяготило Киселева. «Я продолжалъ жить въ Тульчинѣ, писалъ онъ Закревскому, и часъ отъ часу скучнѣе, занимаюсь много—по привычкѣ, но признаюсь, что душа

охладила, потому что, кажется, принято обезоличивать людей усерднѣйшихъ». Иногда это недовольство шло дальше и отъ простой досады на немнѣніе случаевъ проявить свое усердіе возмъшалось до принципиальныхъ сомнѣній въ истинности избраннаго пути. «Дѣятельность моя ускромнилась или, лучше сказать, притупилась бездѣйствіемъ начальства, пишетъ Киселевъ въ другомъ письмѣ. Убѣжденіе въ бесполезности заставить сложить ярмо, которое 6 лѣтъ ношу; остается ожидать приговора судьбы, который кончитъ суетную жизнь, химерѣ посвященную, для начатія другой, менѣе блистательной, но болѣе полезной» (I, 237). Эти проблески сознанія такъ и остались только проблесками, не перейдя въ дѣло. Неизвѣстно, о какой «болѣе полезной» жизни мечталъ Киселевъ, но во всякомъ случаѣ весь переломъ, который произошелъ въ его положеніи, ограничился переходомъ изъ военной службы въ гражданскую. Въ этой новой сферѣ созданіе новаго министерства было крупнѣйшимъ дѣломъ Киселева. На министерство Киселева смотрѣли, какъ на первый шагъ къ осуществленію крестьянской реформы — такъ смотрѣлъ на него и самъ Киселевъ. Въ видахъ постепенности и осторожности предполагалось устроить прежде всего бытъ государственныхъ крестьянъ, затѣмъ перейти къ таковому же устройенію быта дворовыхъ людей и только послѣ этого заняться помѣщичьими крестьянами. Къ задачѣ своей Киселевъ приступилъ съ своею обыкновенною, т. е. по истинѣ изумительною энергіею. Подъ перомъ Киселева и его помощниковъ быстро возникла цѣлая литература всякихъ «Уставовъ», инструкцій и т. д., въ которыхъ народъ поучался всякаго рода «обязанностямъ», между прочимъ «обязанностямъ въ отношеніи вѣры», «обязанностямъ въ отношеніи нравственности» и т. и. Киселевъ находилъ, что народъ нашъ «младенецъ», но такой младенецъ, котораго «безнравственность достигла высшей степени» (II, 19) и, въ виду этого, онъ рѣшился приложить свои понеченія не только на матеріальную, но и на духовную жизнь крестьянина. Опутанный по рукамъ и по ногамъ, оглушенный и ослѣпленный цѣлою бурею всевозможныхъ приказовъ и наказовъ, нужныхъ, разумѣется, взвылъ волкомъ. Палаты государственныхъ имуществъ и окружные начальники, созданные Киселевымъ, оказались педагогами не весьма удовлетворительными, чего Киселевъ никакъ не ожидалъ, но чего ожидать даже очень было можно.

Какъ всегда, цѣли Киселева были прекрасныя, планы превосходныя, намѣренія самыя добрыя. Онъ хлопоталъ объ учрежденіи школъ, объ организаціи переселеній, объ уменьшеніи пьянства посредствомъ уничтоженія откуповъ, о переложеніи оброка съ «души» на землю, объ учрежденіи вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ для народа и т. д. — все, какъ видитъ читатель, о предметахъ насущныхъ, въ которыхъ даже до сихъ поръ не могутъ разобраться наши свѣдущіе и не свѣдущіе люди. Но это живое дѣло онъ думалъ устроить мертвымъ канцелярскимъ порядкомъ. Онъ не понималъ рокового безспія «бумаги». Нѣтъ ничего легче конечно, какъ смастерить циркуляръ, въ которомъ будетъ изображено: «окружный начальникъ долженъ выслушивать терпѣливо и съ особою внимательностію всѣ жалобы, приносимыя ему государственными крестьянами, не затруднять имъ къ себѣ доступъ, не отсылать обиженныхъ къ другимъ мѣстамъ» и т. д. и т. д. Но какой изъ этого можетъ выйдти прокъ? Мало ли кто что долженъ дѣлать да не дѣлаетъ,—не дѣлаетъ, во первыхъ, потому что въ дѣлѣ лично ничѣмъ не заинтересованъ, во вторыхъ потому, что не знаетъ надъ собою ни контроля, ни серьезной отвѣтственности. «Жгуча крапива да уварится» съ полнѣйшимъ спокойствіемъ подумалъ, вѣроятно, какой нибудь травленный канцелярскій волкъ, прочитавши громовой циркуляръ Киселева. Очень мнѣ нужно возваться съ сиволопами! А что касается до отчетности—объ этомъ, Ваше Сіятельство, не извольте беспокоиться, отчетъ будетъ доставленъ своевременно.—Киселевъ усматривалъ зло въ дурныхъ чиновникахъ а не въ чиновничествѣ. Не измѣняя системы, онъ перемѣнялъ людей. Водворить законность — по его мнѣнію (по крайней мѣрѣ по его дѣйствіямъ) значило разослать чиновникамъ циркуляры о крестьянахъ, уставы, какъ можно больше циркуляровъ и уставовъ, строжайшихъ и подробнѣйшихъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, «желалъ бы всѣхъ своихъ сослуживцевъ одушевить собственнымъ душевнымъ усердіемъ и служить болѣе честно при отправленіи обязанностей своихъ»—желаніе совершенно недостижимое. «Усердіе» Киселева происходило изъ его преданности своей идеѣ, а чиновники служатъ не ради идеи, но ради чиновъ и жалованья. Естественно, что, въ концѣ концовъ, ему пришлось возложить надежду на время, которое «цѣлитель всего, исцѣлитъ и эту заразу, въ нравы большинство

нашихъ чиновниковъ вкравшуюся» (86). «Нравы» тутъ разумѣтся, не при чемъ,—чиновники были не хуже и не лучше всего остальнаго общества,—но любопытно, что, констатируя фактъ «заразы», Киселевъ все таки надѣялся посредствомъ этихъ зараженныхъ людей оздоровить нравственную атмосферу народной жизни.

Прямѣе всѣхъ оцѣнилъ и краснорѣчивѣе всѣхъ заявилъ свое мнѣніе о реформахъ Киселева самъ народъ, облагодѣтельствованные имъ государственные крестьяне: они отвѣтили на нихъ возстаніемъ, котораго пришлось усмирить бооруженной силой. «Картофель», введеніе обязательнаго посѣва его, былъ поводомъ, конечно, а не причиною этихъ бунтовъ, что, впрочемъ, признаетъ и Заблоцкій, который говоритъ, что бунтовавшіе крестьяне жаловались на «стѣснительныя для нихъ дѣйствія окружныхъ и волостныхъ начальствъ, которые отнимали у крестьянъ подъ общественныя запашки лучшую обработанную землю и дѣлали для обработки ея несвоевременныя и неуравнительныя наряды». Были указанія и кромѣ того на несправедливыя поборы; между крестьянами—какъ это всегда бываетъ въ тяжелыя времена—ходили разные тревожныя слухи о закрѣпощеніи ихъ какому то Кульневу и пр. и пр. Таковъ то былъ отвѣтъ жизни, такова то иронія судьбы! Киселевъ орломъ влетѣлъ въ мужицкую избу, съ цѣлю по своему вкусу облагодѣлать его, вымыть, вычистить самого «младенца», а этотъ младенецъ доказалъ ему, что мудрить надъ собою онъ не позволитъ и что ему одинаково не по душѣ, ломающая его жизнь опека. Киселевъ явился освободителемъ, а народъ заговорилъ о «Кульневѣ»; къ арміи созданныхъ Киселевымъ чиновниковъ потребовалось въ помощь армія солдатъ; понадобилось нѣсколько десятковъ человекъ перестрѣлять да нѣсколько сотъ перепоротъ. Это ли еще не иронія, это ли не урокъ? Но Киселева онъ не разумилъ.

По поводу этихъ «недоразумѣній» біографъ Киселева предается нѣкоторымъ меланхолическимъ размышленіямъ относительно вѣдѣтельности государства и спрашиваетъ: можетъ же правительство всегда и вездѣ играть роль только отрицательную? Слѣдуетъ ли ему, даже въ чисто экономическихъ видахъ, держаться строгаго правила: *laissez faire—laissez passer*? «Очевидно, нѣтъ: правительство есть не только щипъ, но и рычагъ; но степень вѣдѣтельности правительства въ жизнь народную не вездѣ и не всегда можетъ

быть одна и таже: она должна соразмѣряться съ характеромъ и возрастомъ народа» (II, 166).

Послѣднее замѣчаніе ясно указываетъ въ чемъ дѣло. Такъ какъ, по мнѣнію Киселева и Заблоцкаго, «характеръ и возрастъ» нашего народа «младенческій», то его необходимо опекать съ усиленною бдительностью. Ахъ, это канцелярская логика! Нельзя-ли, господа, нѣсколько побольше уважать своего кормильца и поильца, не пора-ли понять, что не человекъ для субботы, а суббота для человека, что бороться съ предрасудками, невѣжествомъ, косностью народа можно и должно, но дѣлать это надо не набѣгами и не приказами. «Предрасудки» — пусть такъ, но, дѣйствуя противъ нихъ, остерегитесь затрогивать внутренней міръ человека, не забывайте, что эти предрасудки не менѣе, а по всей вѣроятности гораздо больше дороги тысячелѣтнему «младенцу» нежели бамъ ваши убѣжденія. Дѣйствуйте на сознание а не заглядывайте по квашнямъ, не обучайте земледѣлію ружейными залпами. «Правительство есть не только щитъ но и рычагъ»; «нельзя держаться строго правила *laissez faire, laissez passer*», — это справедливо, но нельзя же вмѣнять государству въ обязанность вмѣшательство въ личную жизнь. Регулируйте мои дѣйствія какъ купца, чиновника, солдата, производителя, потребителя, рабочаго, но мой очагъ предоставьте мнѣ и учить меня жить — оставьте претензію».

Въ конечномъ результатѣ, изъ учрежденія Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ получилось только министерство государственныхъ имуществъ. Было до того шесть или семь министерствъ, благодаря Киселеву стало восемь. Организуя, въ качествѣ министра, попечительство надъ государственными крестьянами Киселевъ, не упускалъ изъ виду и вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ. Онъ участвовалъ и едва-ли даже не господствовалъ во всѣхъ тѣхъ «секретныхъ комитетахъ», которые открывались въ то время для обсужденія крестьянскаго вопроса, такъ что всѣ мѣропріятія, исшедшія изъ этихъ комитетовъ, по справедливости, могутъ быть связаны съ именемъ Киселева. Первымъ изъ такихъ мѣропріятіи былъ указъ 1844 г. о дворовыхъ людяхъ. Въ этомъ дѣлѣ участіе Киселева было, впрочемъ, второстепенное, такъ какъ онъ долженъ былъ соображаться съ собственноручной

инструкціей государя, которую мы считаемъ нужнымъ привести дословно.

Вотъ эта инструкция:

„Классъ дворовыхъ людей подраздѣляется на четыре главные рода:

„1) Дворовыхъ, составляющихъ домашнюю внутреннюю и надворную прислугу при домахъ въ городахъ.

„2) Таковыхъ въ помѣстьяхъ.

„3) Дворовыхъ ремесленниковъ.

„4) Заводскихъ и фабрикантовъ.

„Послѣдній разрядъ, живя въ своихъ домахъ, по крайней мѣрѣ болшею частію, и даже имѣя частію свое хлѣбопашество, составляетъ подраздѣленіе, имѣющее нѣчто общее съ крестьянскимъ бытомъ; потому можетъ быть отчисляемъ къ сему разряду крѣпостнаго состоянія.

„Первые-же три разряда должно дѣлить еще на непосредственно составляющихъ господскую дворню и на ходящихъ по паспортамъ.

„Ходящихъ по паспортамъ, въ какой бы должности ни находились, слѣдуетъ принимать въ цѣхъ, т. е. въ служебный цѣхъ учрежденный, или въ ремесленный, ежели кто изъ нихъ какимъ ремесломъ промышляетъ.

„Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четверными подушными, дабы побудить помѣщиковъ отпускать ихъ на волю.

„Съ сихъ мѣръ начать, сдѣлавъ самую вѣрную перепись“ (II, 234).

Въ виду этого, проектъ Киселева по этому вопросу сводился въ слѣдующему: «1) приуготовленіе или образованіе цѣха слугъ; 2) преподаваніе владѣльцамъ облегчительныхъ способовъ къ уменьшенію дворовыхъ людей; 3) мѣры понудительныя для достиженія сего уменьшенія» (236). Послѣ неоднократныхъ засѣданій и долгихъ дебатовъ, въ которыхъ, какъ всегда, Киселевъ принималъ дѣятельное участіе, и изданъ былъ указъ, по поводу котораго Заблоцкій-Десятовскій высказываетъ такія мысли: «сущность указа состояла въ дозволеніи владѣльцамъ, желающимъ отпустить дворовыхъ своихъ людей на волю безъ земли, заключать съ ними по обоюдному согласію договоры о платежѣ сими послѣдними осо-

быхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка по смерти владѣльца, или на опредѣленное число лѣтъ. Указъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій и тѣмъ еще разъ доказалъ, что законодатели ошибались, думая, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права могъ разрѣшиться постепенно и мѣрами пальятивными. Читая теперь этотъ указъ, который остается только историческимъ документомъ, нельзя не удивляться и тому, до какой степени тогда (1844 г.) мало еще были развиты юридическія начала между государственными людьми. Увольнительные акты, о коихъ шла рѣчь, въ самомъ указѣ называются договорами, по обоюдному согласію заключаемыми. И что же? въ случаѣ неисполненія такого договора отпускаемому на волю, онъ подвергается не только гражданскому, но и уголовному взысканію; въ случаѣ несправности въ платежѣ такимъ вольноотпущеннымъ слѣдующихъ по договору суммъ (пункты 4 и 5 указа), предоставляется владѣльцу взыскивать оныя чрезъ посредство мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно предъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями; при несостоятельности же его къ немедленному платежу, брать его въ рекруты. Если подобные люди окажутся совершенно неспособными къ военной службѣ, то поступать съ ними по силѣ примѣчанія къ 74 статьѣ Свода Угол. Зак., а именно: отдавать въ заработки частнымъ лицамъ, или отправлять въ крѣпостныя работы (т. е. въ каторгу) (II, 241).

Въ дневникѣ Киселева не имѣется никакихъ замѣчаній относительно этого эпизода, а любопытно бы было послушать вкѣ! Сибѣемъ думать, Заблоцкій совершенно напрасно распространяется на счетъ малаго развитія юридическихъ понятій у тогдашнихъ государственныхъ людей. Это значитъ большой вещи давать слишкомъ маленькое объясненіе. Всякій не юристъ пойметъ безъ труда, что ссылать людей на каторгу за неисполненіе денежнаго условія; — немного черезчуръ, называть такое условіе добровольнымъ договоромъ — еще болѣе черезчуръ; а усматривать въ указѣ, установившемъ такія обязательства, шагъ къ освобожденію — окончательно странно. Причины, очевидно, лежали гораздо глубже.

Относительно помѣщичьихъ крестьянъ въ секретномъ коми-

тетѣ была выработана другая жѣра. Въ 1842 г. былъ изданъ указъ, которымъ помѣщикамъ, изъявившимъ на то свое согласіе, предоставлялось право заключать съ своими крѣпостными договорами, въ силу которыхъ помѣщики сохранили бы право собственности на всю землю и крестьяне получили отъ нихъ участки въ пользованіе за условленныя повинности. Указъ ни къ чему не обязывалъ помѣщиковъ, предоставляя «все единственно доброй волѣ и влеченію собственнаго сердца» помѣщиковъ, какъ сказано въ журналѣ засѣданія Государственнаго Совѣта. Такихъ помѣщиковъ съ сердцемъ и доброй волей нашлось не особенно много, счетомъ ровно два: кн. Воронцовъ и кн. Витгенштейнъ. Между тѣмъ указъ возбудилъ въ обществѣ огромную тревогу и еще большую въ администраціи, которая сдѣлала все, чтобы парализовать его дѣйствіе. Въ письмахъ кн. Воронцова къ Киселеву изложена цѣлая эпопея тѣхъ «волокинь», какимъ подвергался сначала онъ самъ, а затѣмъ его управляющій по дѣлу о договорѣ съ крестьянами села Мурина, принадлежавшаго Воронцову. «Этого бѣднаго человѣка (управляющаго), писалъ Воронцовъ, допрашиваютъ, ему предлагаютъ кучу вопросовъ, какъ будто онъ участникъ въ какомъ нибудь очень подозрительномъ дѣлѣ» (269). Понятное дѣло, что указъ не возымѣлъ никакого практическаго дѣйствія: все осталось по старому. При дебатахъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предшествовавшихъ изданію указа, Киселевъ считалъ болѣе удобнымъ занять пассивное положеніе: «графъ Киселевъ всталъ только однажды, чтобы сказать коротко, что согласился на заключеніе комитета и теперь не спорить противъ нихъ единственно въ той надеждѣ, что это будетъ предисловіемъ или вступленіемъ къ чему нибудь лучшему и обширнѣйшему, впоследствии времени» (II, 259). Положивши, такимъ образомъ, свои освободительныя тенденціи подъ сукно, графъ Киселевъ и его единомышленникъ кн. Воронцовъ остановились на томъ, что «какъ бы для поддержанія въ себѣ искры священнаго огня, продолжали обмѣниваться мыслями о великомъ вопросѣ въ истинной перепискѣ, которую ни тотъ, ни другой, не смотря на свое высокое положеніе, не рѣшилась ввѣрять обыкновенной почтѣ» (324).

Великія дѣла не дѣлаются вдругъ—это мы очень хорошо знаемъ. Но великія дѣла, прочныя историческія заслуги рав-

нимъ образомъ и не путемъ компромиссовъ совершаются. Мы не Киселева обвиняемъ; мы только историческую справедливость защищаемъ. Мы подводимъ итоги результатамъ и усматриваемъ въ нихъ дефицитъ. Мы оцѣняемъ переданное намъ наслѣдіе и улыбаемся «улыбкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ». На медали, выбитой въ память управленія Киселевымъ государственными пмуществами, выбиты прекрасныя евангельскія слова: «аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому снхъ братьей монхъ меньшихъ, мнѣ сотвористе». Согласимся допустить, что при бережливомъ и зоркомъ управленіи Киселева, матерьяльное благосостояніе государственныхъ крестьянъ дѣйствительно улучшилось, что мірскія кассы были съ деньгами, запасныя магазины съ хлѣбомъ и т. д. Но вѣдь тоже евангеліе говорить, что не елинытъ хлѣбомъ живетъ человекъ. Вѣдь «неудовольствія крестьянъ, пмѣвшія предметомъ умноженія числа должностныхъ лицъ», были фактомъ, который мпистерство Киселева оспаривало но не оспорило (II, 82). А крестьяне въ этомъ случаѣ лучше судьи. Въ томъ-то и дѣло, что никакое матерьяльное благосостояніе не возмѣститъ утраты хотя бы самой маленькой возможности жить въ своемъ скромномъ углу по своему, а не по чужому уму. Хоть щей горшокъ да самъ большой, говорить наша славная пословица. Голодный человекъ можетъ позавидовать сытой коровѣ, но превратиться, ради сытости, въ корову онъ все-таки не пожелаетъ. «Но Киселевъ именно стремился къ уничтоженію произвола и къ водворенію законности». Лучше оставимъ этотъ разговоръ. Если понимать законность въ смыслѣ легальности, т. е. въ смыслѣ соответствія съ писаннымъ закономъ, тогда, безъ сомнѣнія, Киселевъ былъ водворителемъ законности. Но такое толкованіе понятія «законности» прилично только однимъ буквоѣдамъ.

Киселевъ страдалъ болѣзнью своей эпохи—невѣріемъ въ коллективныя общественныя силы и недовѣріемъ къ нимъ. Крестьянину—дѣтя неразумное, своей собственной пользы не понимающее, разсуждать съ нимъ нельзя, ему необходимо категорически приказывать и наблюдать за исполненіемъ приказаній—вотъ основаніе всей политической мудрости Киселева, являющееся въ тоже время и славнымъ догматомъ бюрократизма. Тогда и вообще только и дѣлали, что приказывали: становой въ своемъ станѣ, исправникъ—въ уѣздѣ

предсѣдатель, въ палатѣ, отецъ, въ своей семьѣ, помощникъ, въ своемъ имѣніи. Принципъ «вотчиннаго владѣнія» былъ въ полномъ своемъ развитіи. Киселевъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе этому принципу и самъ постоянно практиковалъ его въ своей сферѣ дѣятельности—вотъ наше послѣднее о немъ слово.

Н. Морозовъ.

ЖИЗНЬ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖИЗНИ.

(Письма къ читателямъ).

I.

Благосклонные читатели, я намѣренъ время отъ времени писать къ вамъ открытыя письма о томъ, что творится въ нашей текущей литературѣ. Но простите великодушно, если волею неволею мои письма подчасъ будутъ далеко выходить изъ рамокъ литературныхъ обозрѣній. Давно прошли тѣ блаженныя времена, когда все умственное движеніе нашего отечества сосредоточивалось исключительно въ одной литературѣ, а въ жизни была такая тишь, гладь и божія благодать, что можно было судить и ридить о ней, несколько не заботясь заглядывать въ нее псмию того, какъ она отражается въ литературѣ. Выйдутъ бывало въ свѣтъ «Мертвыя души», и всѣмъ и каждому было извѣстно, что куда ни кинь свой взоръ, въ Тамбовъ, Рязань, Пензу, Смоленскъ,—вездѣ обрѣтешь однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ Чичикова, Поздрева, Манилова, Коробочку и пр. безъ малѣйшихъ вариантовъ и видоизмѣненій. Вы помните, я полагаю, когда появился романъ Гончарова «Обломовъ», критика именно такъ и отнеслась къ нему, что повсюду на Руси, въ каждомъ градѣ и веси, спитъ Обломовъ что и въ прошломъ мы видимъ рядъ Обломовыхъ, такъ что и Евгений Онегинъ, и Печоринъ, и Рудинъ, и Бельтовъ,—все это Обломовы, и въ настоящемъ—каждый дышащій смертный есть Обломовъ, и вся Русь есть ничто иное, какъ спящій Обломовъ, безмятежно-раскинувшійся на широкомъ ложѣ, занимающемъ чуть что

не половину земнаго шара. И критика въ то время была, совершенно права.

Теперь совсѣмъ не то. Жизнь наша до такой степени осложнилась, перепуталась, а главное дѣло вышла изъ своего колена, что разобраться въ этомъ хаосѣ не въ состояніи была бы никакая литература, хотя бы она состояла сплошь изъ однихъ Шекспировъ. Мы видимъ передъ собою пеструю и безформенную картину броженія, въ которой все кружится и мечется въ вихрѣ кипѣнія; едва вы обратили вниманіе на какую нибудь фигуру въ этомъ kaleidoscopѣ, какъ ужъ ея нѣтъ въ вашихъ глазахъ, и вы не можете себѣ отдать отчета, куда она дѣвалась, погрузилась ли въ кипящую массу или лопнула пузыремъ. Золѣ съ пола-гора проповѣдывать свой протокольный романъ и создавать своихъ Макаровъ и Ругоновъ, имѣя дѣло съ такимъ густымъ и неподвижнымъ устоемъ, какъ современная французская буржуазія, а у насъ... Я чувствую, какъ ко мнѣ протягивается редакторская рука, чтобъ схватить меня за фалду или зажать ротъ, въ опасеніи, что я произведу немалый скандалъ: въ первомъ же номерѣ журнала, называющагося «Устоями», начну вдругъ доказывать, что никакихъ устоевъ у насъ не имѣется. Спѣшу поэтому оговориться, что я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія какъ бы то ни было скомпрометировать noctенный журналъ, удѣлившій мѣсто для моихъ бесѣдъ съ его читателями. Я, не отрицаю существованія у насъ очень твердыхъ и незыбличныхъ устоевъ, не надо и говорить о томъ, что устои эти слѣдуетъ искать въ народѣ, т. е. не въ томъ абстрактномъ народѣ, который только и существуетъ на страницахъ «Руси», но въ реальномъ народѣ въ смыслѣ массы крестьянъ земледѣльцевъ, которыми все держится на Руси, и на которыхъ, какъ на столбахъ гранитныхъ, держится и сама Русь. Но нельзя въ тоже время упускать изъ вниманія, что и въ народѣ замѣчается въ свою очередь хаотическое броженіе, исхода котораго никто не можетъ предвидѣть? Не доказываютъ ли намъ всѣ наши лучшіе изслѣдователи народнаго быта, что патриархальной общинѣ грозитъ распаденіе. новая община на рациональныхъ началахъ находится въ состояніи совершенно еще не опредѣлившемся; семейный бытъ распадается; религіозныя вѣрованія представляютъ новое и сложное явленіе цѣлаго ряда сектаторскихъ движеній; одна часть народа бросаетъ землю и бѣжитъ въ города, наполняя ихъ массами

голоднаго пролетаріата, другая часть готова сейчас же забрать весь свой скарбъ и, покинувъ родныя пепелища, идти за тридевять земель искать благодатныхъ странъ съ медовыми рѣками и кисельными берегами. Если-же этотъ единственно прочный устой, основаніе всей земли, обнаруживаетъ въ настоящее время всѣ признаки переходнаго состоянія, и соединеннаго съ нимъ хаотическаго броженія, то гдѣ же кромѣ него искать устоевъ? Не въ дворянствѣ-ли? Но не доказывала ли намъ московская пресса въ лицѣ своихъ столповъ — «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», впродолженіи 20-ти лѣтъ, и доказывала, по моему мнѣнію, вполне основательно и правильно что дворянство, чтобы быть не однимъ пустымъ звукомъ, а дѣйствительнымъ устоемъ, должно основываться, если не на крѣпостномъ правѣ, то на крупномъ землевладѣніи по примѣру Англіи? Но такъ какъ наше дворянство съ однимъ своимъ основаніемъ, именно крѣпостнымъ правомъ, распространилось на вѣки, что же касается другаго основанія, т. е. крупнаго землевладѣнія, то всѣ мечты его объ этомъ предметѣ до сихъ поръ! разбивались прахомъ и попытки къ осуществленію ихъ ничего не оставляли послѣ себя, кромѣ крупныхъ скандаловъ, въ общемъ же этотъ устой представлялъ собою въ послѣдніе двадцать лѣтъ одну сплошную картину раззорѣнія и запустѣнія,— извольте послѣ того положиться на него! Затѣмъ остается буржуазія... Но стоитъ только подумать о томъ, что послѣ двухсотлѣтнихъ усилій создать у насъ буржуазію, въ настоящее время возможно появленіе вполне компетентныхъ публицистовъ, которые на основаніи весьма вѣскихъ данныхъ доказываютъ, что крупное капиталистическое производство у насъ немислямо, что все оно поддерживается искусственными подпорками въ видѣ субсидій, гарантій, концесій, монополій; что стоитъ только отнять эти подпорки, и все зданіе, построенное на пескѣ, неминуемо рухнетъ и разсыпется прахомъ. Хорошъ устой, о которомъ до сихъ поръ идетъ споръ, существуетъ онъ или нѣтъ, и есть ли какіе нибудь шансы для его развитія!

При такихъ условіяхъ литература теряется точно также, какъ потерялись въ послѣднее время и всѣ русскіе люди. Она не въ силахъ услѣдить за всѣмъ круговращеніемъ совершающагося броженія. Передъ нею ежедневно совершаются такіа непредвидимыя событія, поднимаются такіе неожиданне вопросы, что она то

застигается въ распахъ и становится въ тупикъ, то принуждена бываетъ отражать въ себѣ эти событія и вопросы въ видѣ слабаго эха или совсѣмъ упускать изъ вниманія многое такое, что должно было бы составлять главный и существенный предметъ ея обсужденій. Даже и тѣ вещи, которыя не ускользаютъ отъ ея взоровъ, представляются ей крайне преходящими, ефмерными, призрачными. Она не видитъ вокругъ себя ни одного явленія, на которое могла бы положиться, какъ на нѣчто прочное, установившееся, составившее обыденную норму жизни. Если только можно примѣнить въ нашей современной литературѣ научный терминъ статики и динамики, то современная наша литература исключительно динамическая, чѣмъ она и отличается отъ литературы предшествовавшихъ періодовъ 40-хъ и 60-хъ годовъ, т. е. она разсматриваетъ не столько самыя явленія жизни въ ихъ сути, сколько непрестанныя измѣненія и всяческія пертурбаціи ихъ въ современномъ строѣ жизни. Но такъ какъ всѣ эти измѣненія представляются крайне хаотичными, неизученными, непредвѣдѣнными, не представляющими часто никакой возможности прослѣдить за ихъ началами и концами,—это отражается и въ литературѣ крайнею шаткостью, неопредѣленностью, подъ часъ какою-то богѣненной двойственностью взглядовъ, отрывочностью картинъ, недосказанностью, или же голословіемъ и бѣдностью аргументовъ при всѣхъ признакахъ глубокой убѣжденности. Вы обратите вниманіе, что въ одномъ и томъ же лагерѣ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ вы встрѣтите самыя разнорѣчивыя мнѣнія и толки, и о какихъ еще существенныхъ предметахъ: о томъ, что такое деревня, сельская община, интеллигенція, отношеніе ея къ народу и пр. Люди вполне солидарные очень часто расходятся во взглядахъ на эти предметы до полного взаимнаго антогонизма; но замѣчательнѣе всего то, что, вглядываясь въ этотъ антогонизмъ, вы не можете себѣ отдать отчета, въ чемъ же именно эти люди не согласны между собою, гдѣ таится главный корень ихъ разлада? Вместе съ этимъ мы видимъ и еще одно явленіе, обусловливаемое тѣми же причинами, явленіе, на которое успѣла уже обратить вниманіе критика: именно, перевѣсъ въ современныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ публицическаго элемента надъ художественнымъ, разсужденій и размышленій надъ образами. И вы обратите вниманіе, что эта особенность замѣчается у наиболѣе выдающихся

и руководящихъ талантовъ, каковы — гр. Л. Толстой, Салтыковъ, Гл. Успенскій и Златовратскій. И это очень понятно: беллетристамъ прежнихъ эпохъ ничего не стоило оставаться въ предѣлахъ художественнаго творчества, исключая изъ своихъ произведеній всякій анализъ изображаемыхъ предметовъ и предоставляя этотъ анализъ критикамъ и публицистамъ; они постоянно имѣли дѣло съ явленіями установившимся, хорошо всѣмъ извѣстными издавна успѣвшими намозолить глаза; имъ достаточно было сдѣлать иногда легкій намекъ, маленькій штришокъ, чтобы всѣ сейчасъ же догадались, о чемъ идетъ рѣчь и чтобы читатели сами сейчасъ же безъ труда дополнили недоговоренное. Совершенно въ иномъ положеніи современный беллетристъ: онъ постоянно имѣетъ дѣло съ такими новыми и невѣдомыми явленіями, которыя не только читателямъ неизвѣстны, но и для самаго его представляютъ рядъ загадокъ. Величіе этого онъ пребываетъ въ непрестанномъ страхѣ, что его не поймутъ или не повѣрятъ ему; для него недостаточно лишь показывать, а необходимо кромѣ того разъяснять, разговивать. Въ тоже время онъ не только изображаетъ, — а изучаетъ предметы, о которыхъ пишетъ, и замѣйте при этомъ, что не столько сами предметы, сколько ихъ измѣненія и различныя движенія въ современномъ строѣ жизни, — и это не одно объективно спокойное олимпийское изученіе со стороны, а при непосредственномъ личномъ участіи въ изучаемомъ, участіи и умомъ, и сердцемъ, и нервами, и всѣмъ существомъ. Читая любое изъ выдающихся беллетрическихъ произведеній, вы видите передъ собою весь этотъ скорбный и мучительный процессъ изученія и непрестаннаго питанія; иной разъ все произведеніе, вмѣсто того, чтобы давать вамъ какія-либо положительныя отвѣты, является наполненнымъ одними вопросительными знаками, и Боже, сколько душевной муки слышится вамъ въ этихъ вопросительныхъ крючкахъ, какъ леденѣтъ въ васъ все и сердце обливается кровью, когда вы читаете подобное произведеніе.

Понятно, что и литературный обозрѣватель въ свою очередь является сбитымъ со всѣхъ прежнихъ прочныхъ позицій и точно также растерявшимся, какъ растерялись всѣ русскіе люди. Что ему дѣлать и какъ ему быть въ безформенномъ хаосѣ, который его окружаетъ? Слѣдовать примѣру прежнихъ обозрѣвателей, т. е. отмѣчать наиболѣе выдающіяся литературныя произведенія и ана-

лизировать изображаемую въ нихъ жизнь? Ну, а если обозрѣватель замѣчаетъ, что въ литературѣ и въ десятой доли не отражается того, что всѣхъ тревожитъ и волнуешь, чѣмъ и опъ, обозрѣватель, скорбитъ и болѣетъ до нестерпимой боли; а что и отражается порою въ видѣ отдѣльныхъ намековъ и темныхъ экивоковъ, то не представляется никакой возможности притрогиваться къ этому, хоть слегка. А затѣмъ, принимая въ расчетъ, что въ наиболѣе выдающихся произведеніяхъ передъ вами не столько образы, сколько разсужденія и размышленія, опять задача: какъ вы станете въ качествѣ критика анализировать анализъ; будетъ ли какой смыслъ въ томъ, что вы, подхватывая разсужденія беллетриста, начнете имъ поддакивать или оспаривать ихъ, если для васъ также мало ясенъ результатъ всѣхъ этихъ разсужденій, какъ и для самого беллетриста. Прочтя въ много произведеній рядъ мучительныхъ вопросовъ, что вы будете дѣлать съ ними, если вы убѣждены, что вы не въ состояніи ничѣмъ утѣшить ни беллетриста, ни его читателей, такъ какъ рѣшить эти проклятые вопросы не въ силахъ все ваше поколѣніе въ лицѣ лучшихъ его представителей, а отвѣтить на нихъ вся русская жизнь въ своемъ неизбѣжномъ теченіи, Богъ вѣсть, когда и какъ...

Въ силу всего этого я принужденъ напередъ заявить, что находясь, въ качествѣ литературнаго обозрѣвателя, и самъ въ такомъ-же недоумѣніи, въ какомъ въ настоящее время пребываетъ все на Руси, я не могу опредѣлить никакихъ рамокъ для своихъ писемъ къ читателямъ. Я могу сказать лишь одно: будемъ, читатель бесѣдовать о томъ, чѣмъ у насъ наиболѣе болить душа, и тогда, когда у насъ накопится эта боль до невозможности молчаливо сносить ея. Но придется ли намъ разсуждать по поводу того или другаго новаго беллетристическаго произведенія, ученаго трактата, передовой газетной статьи или литературнаго скандала, — это какъ Богъ на душу положитъ. Я по крайней мѣрѣ до такой степени не могу поручиться ни за форму, ни за содержаніе своихъ писемъ, что напередъ попрошу читателей не удивиться. если въ одинъ прекрасный день, вмѣсто ожидаемаго письма, появится вдругъ поэма въ стихахъ, или трагедія, хотя ничего подобнаго у меня въ виду не имѣется.

Такъ, напримѣръ, и на этотъ разъ, казалось бы, чего естественнѣе начать свои литературныя обозрѣнія съ подведенія

итоговъ если не всей нашей современной литературы, то хоть за прошлый годъ. И это было бы такъ просто и легко: составить списокъ всего, что вышло въ прошломъ году наиболѣе выдающагося, затѣмъ разсорттировать всѣ эти произведенія по степени ихъ талантливости или сообразно предметамъ, о которыхъ они трактуютъ, о каждомъ произведеніи сказать нѣсколько одобрительныхъ или неодобрительныхъ словъ, затѣмъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о процвѣтаніи или паденіи беллетристики, — и дѣло было бы въ шляпѣ. Но былъ ли бы какой толкъ въ подобномъ инспекторскомъ смотрѣ беллетристовъ, когда въ послѣднее время передъ нами грознымъ призракомъ всталъ радикальный вопросъ не о какихъ либо достоинствахъ, направленіи или процвѣтаніи беллетристики, а о самомъ ея существованіи, ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, слѣдуетъ ли ей продолжать свое развитіе, или гораздо будетъ правильнѣе, если мы совсѣмъ вычеркнемъ ее изъ русской жизни, истребимъ ее всю до тла, такъ чтобъ и слѣда отъ нея никакого не осталось, — было бы только немножко мокренько. Ни у кого, правда, не хватило благородной смѣлости прямо поставить вопросъ объ уничтоженіи въ русской жизни Тургеневыхъ, Гончаровыхъ, Салтыковыхъ и гр. Толстыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ конечно ужъ за одно о разрытіи священныя могилъ и развѣянніи по воздуху праховъ великихъ мучениковъ и сподвижниковъ русской мысли, начиная съ Пушкина и Лермонтова и кончая Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ. Главная особенность фанатическаго мракобѣсія, равно какъ пресмыкающагося передъ нимъ, поддакивающаго угодничества, заключается въ томъ, что они словно стыдятся договариваться до конца, и ограничиваются тѣмъ, что высказываются на одну четверть, предоставляя вамъ объ остальныхъ трехъ четвертяхъ самимъ догадываться. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: ни у кого, конечно, не хватило на столько честной прямоты, чтобы прямо заявить: долой Тургенева, Гончарова, гр. Толстаго, Салтыкова, — мы обойдемся и безъ нихъ; но это не мѣшаетъ массѣ людей, которые продолжаютъ восхищаться всѣми этими свѣтляками русской беллетристики и прославлять ихъ, въ тоже время глумиться надъ русской интеллигенціей и кричать объ ея уничтоженіи, въ видахъ отстраненія всякаго вреднаго средостѣнія. Но что же такое всѣ эти писатели, равно какъ и вообще вся наша литература, какъ

не исключительный продукт интеллигенции? И изъ отрицанія послѣдней не вытекаетъ ли логически отрицаніе чуть что не всего, что только есть на Руси печатнаго, кромѣ развѣ одного полнаго собранія Свода Законовъ?

Въ виду подобнаго роковаго вопроса, поставленнаго, я и самъ не могу повяты чѣмъ, временемъ или сошедшими съ ума съ одной стороны и исподличавшимися съ другой — публицистами, конечно, не до инспекторскихъ смотровъ беллетристики. До того ли тутъ, чтобы разсматривать, хороши или дурны обои въ вашей квартирѣ, когда передъ вами поставленъ вопросъ о смиртіи до основанія всего того дома, въ которомъ вы живете? Очевидно, что оставляя въ сторонѣ все остальное, приходится прежде всего вѣдаться съ вопросомъ о судьбахъ и значеніи интеллигенціи въ нашей жизни. Вопросъ этотъ въ продолженіи всего прошлаго года стоялъ впереди и наиболѣе занималъ и волновалъ всѣ умы. Изъ-за него въ журналистикѣ нашей не мало было споровъ и всяческихъ пререканій. Поставимъ и мы его впереди и посвятимъ ему первую нашу бесѣду. Я не буду входить здѣсь въ разборъ всѣхъ тѣхъ мнѣній и сужденій, какія были высказаны въ прошломъ году по этому поводу; я намѣренъ ограничиться тѣмъ, что подамъ свое отдѣльное мнѣніе и предоставлю читателямъ самимъ рѣшить, на сколько это мнѣніе подвинетъ рѣшеніе спора и выяснитъ предметъ его. Но мнѣ сдается, что вопросъ въ значительной мѣрѣ перестанетъ быть вопросомъ, разъ мы его поставимъ на почву исторіи, что я тотчасъ же и сдѣлаю. И такъ, какъ видите, въ первомъ своемъ письмѣ вмѣсто того, чтобы трактовать о тѣхъ или другихъ современныхъ намъ писателяхъ, мнѣ приходится имѣть дѣло съ исторіею. Но что же вы будете дѣлать, если мы ее или не знаемъ, или забыли?

Въ послѣдніе четыреста лѣтъ европейской жизни, мы видимъ два колоссальныя умственныя движенія, весьма богатныя своими результатами не только въ смыслѣ развитія просвѣщенія въ привилегированныхъ, культурныхъ классахъ европейскихъ обществъ, но и улучшенія быта народныхъ массъ. Таковы—эпохи *renaissance* и энциклопедистовъ. И та и другая имѣютъ совершенно различныя точки исхода и результаты, совершаются въ совершенно различныхъ областяхъ жизни, именно одна въ духовно-религіозной сферѣ, другая въ свѣтско-политической; тѣмъ не менѣе обѣ эти

эпохи имѣютъ чрезвычайно много общихъ чертъ въ характерѣ и ходѣ движенія. Вотъ на эти-то черты мы и обратимъ наше вниманіе, потому что они служатъ характеристическими признаками всякаго стихійнаго и массоваго умственнаго движенія; эти самыя черты мы найдемъ и въ нашей современной жизни за послѣдніе 20 лѣтъ.

Первый существенный признакъ обоихъ движеній заключается въ томъ, что оба они начались сверху, въ высшихъ правящихъ и культурныхъ классахъ, которые въ обоихъ случаяхъ представляли изъ себя одну и ту же картину одряхлѣнія, отсутствія всякихъ высшихъ общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ и цѣлей, празднаго тунеядства при громадномъ скопленіи богатствъ и крайняго разложенія правовъ, напоминавшаго времена паденія римской имперіи. И вдругъ эта праздная, извращенная, растлѣнная до мозга костей среда, сосущая соки изъ всѣхъ классовъ общества, внезапно озарилась яркими лучами новыхъ идей, раскрывавшими всю ея мерзость заустѣнія. Откуда-же являлись эти лучи? Не въ этой-же средѣ могли они возникнуть и, съ другой стороны, не изъ задавленныхъ, обобранныхъ и одичалыхъ народныхъ массъ, едва выжившихъ свое существованіе. А дѣло заключалось въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ подъ высшимъ культурнымъ слоемъ и по самой землѣ струился совершенно особеннаго рода источникъ живой воды въ видѣ умственнаго движенія вѣка, развитія наукъ, искусствъ и всякаго рода идеаловъ религіозныхъ, общественныхъ и нравственныхъ. Источникъ этотъ находился порою въ полномъ пренебреженіи, забрасывался всякимъ мусоромъ и зарывался повидному совсѣмъ подъ землю. Но въ самыя мрачныя эпохи всеобщаго одичанія и вполнаго равнодушія къ умственнымъ и духовнымъ интересамъ, онъ не иссякалъ и продолжалъ журчать въ тиши хоть по капелькѣ. Вы спросите, къ какому слою общества принадлежала эта струйка? Въ томъ-то и дѣло, что рѣшительно ни къ какому, или лучше сказать, это былъ свой особенный слой, но отнюдь не такой традиціонный, какъ всѣ прочіе сословія. Сюда попадали и члены знатнаго рода, и дворянинъ средней руки, и монахи, и купеческій первенецъ, и сынъ какого-нибудь ремесленника, а иногда и земледѣльца. Но главная особенность этого ручья заключалась въ томъ, что если человѣкъ не ограничивался тѣмъ, что мочилъ въ него только пальчики, а погружался въ него съ головою, онъ сейчасъ-

же былъ неудержимо увлекаемъ силою теченія,—и тогда онъ переставалъ уже быть дворяниномъ, монахомъ, купцомъ и пр., а дѣлался лишь членомъ этого особеннаго слоя. То есть, если хотите, по метрику онъ продолжалъ числиться приписаннымъ къ тому сословію, изъ котораго вышелъ, но никто объ этомъ не думалъ, это совсѣмъ забывалось, понимали только, что онъ былъ ученый, химикъ или медикъ, профессоръ, драматургъ, скульпторъ, композиторъ и пр. Обратите вниманіе, что въ біографіяхъ большинства подобныхъ людей мы встрѣчаемъ такую особенность, что родители, видя въ своемъ сынѣ склонность къ той или другой умственной профессіи, возставали обыкновенно противъ этой склонности, старались всячески подавить ее, а если это не удавалось, они проклинали своего сына, лишали его наслѣдства, смотрѣли на него, какъ на отщепенца и погибшаго человѣка. И это было естественно: дѣйствительно, человѣкъ, погружившійся въ источникъ, о которомъ мы говоримъ, дѣлался отщепенцемъ отъ своего сословія. Въ качествѣ дворянина онъ былъ обязанъ воевать, блистать и добиваться высшихъ почестей для поддержанія чести своего рода; какъ купецъ, онъ долженъ былъ торговать и увеличивать отцовскіе капиталы; какъ монахъ, онъ всего себя долженъ былъ отдать на служеніе куріи; будучи сыномъ ремесленника, онъ принадлежалъ къ извѣстному цеху и наследовалъ ремесло отца. Но разъ онъ погружался въ источникъ живой воды, онъ не хотѣлъ ни воевать, ни торговать, ни дѣлать чашовъ, онъ весь отдавался наукѣ или искусству, а порою жертвовалъ какой-нибудь идеѣ всѣми интересами того сословія, изъ котораго выходилъ.

Вотъ этотъ-то совершенно особенный, отдѣльный, междусословный слой людей, исключительно работающихъ мозгомъ, и составляетъ то, что мы можемъ назвать въ истинномъ и точномъ смыслѣ слова интеллигенціей страны.

Я уже говорилъ выше, что этотъ интеллигентный слой доходитъ порою до едва пробирающагося среди всякаго мусора по капелькѣ ручейка, но за то порою онъ вдругъ превращается въ необъятное море, затопляющее собою цѣлые страны, и мчитъ бурными и бѣшенными волнами, увлекаая все встрѣчаемое на пути въ свои пѣмящіяся пучины. Такъ это и было въ эпохи тѣхъ двухъ умственныхъ движеній, о которыхъ мы говоримъ. Тотъ свѣтъ, во-

торый внезапно озарил мерзость всеобщаго общественнаго запустѣнія, просіялъ изъ интеллигентнаго слоя: въ первомъ случаѣ въ видѣ возрожденія классической образованности, во второмъ—въ видѣ философскаго движенія 18-го вѣка. Мы не станемъ распространяться о томъ, какимъ путемъ и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ въ нѣдрахъ интеллигентнаго слоя возникло то и другое движеніе; это завело-бы насъ очень далеко, да и не въ этомъ наше дѣло. Для насъ важно то, что въ обоихъ случаяхъ тотъ могучій энтузіазмъ, который скопился въ нѣдрахъ интеллигентнаго слоя, первымъ дѣломъ увлекалъ за собою тѣ самыя разложившіяся культурныя слои, которые грозили смертью всему европейскому міру. Конечно, это происходило потому, что вслѣдствіе безодержательной пустоты жизни этихъ слоевъ и крайней нервной тряпичности и дряблости, они представляли собою самый удобоподвижной матеріалъ для увлеченія куда угодно. По крайней мѣрѣ, въ обоихъ движеніяхъ мы видимъ одно и тоже явленіе: въ эпоху renaissance наиболѣе ревностными поборниками классицизма были папы, кардиналы, прелаты, аббаты; въ эпоху 18-го вѣка первыми поклонниками энциклопедистовъ были придворные версальскаго двора и вообще парижская знать.—Въ обоихъ случаяхъ люди умственныхъ профессій, до того времени находившіяся въ крайнемъ пренебреженіи, входили вдругъ въ моду, ихъ начинали сажать всюду на первое мѣсто, знакомства съ ними добивались, какъ высочайшей чести; деньги сыпались рѣкою на поощреніе наукъ и искусствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ среда интеллигентнаго слоя начинала быстро расширяться. Это уже были теперь не одни междусословные отщепенцы, а, можно сказать, культурное общество всею своею массою вливалось въ берега интеллигентнаго источника, и послѣдній наводнялъ собою всю Европу. Каждый плюгавенькій аббатикъ, въ XV вѣкѣ, каждый истасканный петиетрихъ въ XVIII в., мнили себя новыми людьми, поощряли, покровительствовали, ораторствовали, философствовали, кошунствовали и мечтали о близкомъ наступленіи золотаго вѣка. Правда, это всеобщее наводненіе очень вредно чистотѣ струй интеллигентнаго источника; очень понятно, что онъ увлекалъ за собою всякую грязь, и весь уносимый имъ навозъ мнилъ себя передовою интеллигенціею, но это не мѣшало среди мутнаго и пѣнящагося потока оставаться прежнему фарватеру, наполняемому все тѣми-же чистыми

и прозрачными струями, изъ которыхъ всякій могъ пить живительную влагу безъ малѣйшаго вреда для здоровья.

Къ тому же увлеченіе новыми идеями не обходилось дешево разложившимся слоямъ общества: они не только никого не обманывали своею мнимою интеллигентностью, но напротивъ того сразу обнаруживали все вопиющее противорѣчіе склада своей жизни съ новыми идеями и всю свою несостоятельность примѣниться къ новымъ требованіямъ. Такъ, напримѣръ, никого не поражало, когда профессора разныхъ итальянскихъ университетовъ, художники или поэты увлекались произведеніями древнихъ классиковъ и въ діалогахъ Платона искали разрѣшенія всѣхъ своихъ философскихъ вопросовъ; но когда папы, прелаты и вообще все католическое духовенство ударилось въ классицизмъ, это произвело впечатлѣніе скандала. Когда въ устахъ священнослужителей имена древнихъ боговъ начали преобладать надъ именами христіанскихъ святыхъ, когда нѣкоторые изъ нихъ открыто заявляли, что для нихъ авторитеты Цицерона или Аристотеля гораздо важнѣе, чѣмъ авторитеты не только отцовъ церкви, но и самаго Евангелія, когда на святѣйшемъ престолѣ появился папа, тщеславившіеся атеизмомъ, въ это время, естественно, современникамъ могло казаться, что не только католичество, но и самое христіанство близко къ концу, и что происходитъ возвращеніе къ древнему язычеству.

Совершенно въ такой же степени были нечѣны всѣ эти изношенные и раздушенные маркизы и герцоги XVIII вѣка, когда они, зачитываясь энциклопедистовъ и Ж. Ж. Руссо, ораторствовали о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, мечтали объ идиллической сельской жизни подъ соломенной крышей на лонѣ природы и среди всего своего безумнаго мотовства, кутежей и оргій проливали въ своихъ раззолоченныхъ чертогахъ сентиментальныя слезы о несчастномъ голодающемъ народѣ. Гг. Суворину, Вагнеру и кн. Демидову Сель-Донато представляется, можетъ быть, что они открыли и нивѣсть какую Америку — въ видѣ сердобольнаго плача о несчастныхъ обитателяхъ дома Вяземскаго и воззваній къ пожертвованіямъ для облегченія ихъ участи. Но, между тѣмъ, куда какъ превосходили ихъ въ этомъ отношеніи развратные парижскіе селадоны XVIII вѣка. У г. Суворина оказывается такъ мало воображенія, что онъ, проживя въ Петербургѣ не одинъ уже десятокъ лѣтъ и отличво

зная, что на Сѣнной есть домъ Вяземскаго и что такое этотъ домъ Вяземскаго (да и одинъ ли, полно, у насъ такой домъ въ Петербургѣ!), до сихъ поръ не могъ себѣ представить, какъ живутъ обитатели этого дома, ни на минуту не задумывался объ этомъ предметѣ и впредь, конечно, не позаботился бы остановиться на подобныхъ размышленіяхъ, если бы случайно не подвернулась статистика городского населенія, и ему не пришлось бы во-очію увидѣть, что творится въ домѣ Вяземскаго; тутъ только онъ ужаснулся и расплакался. А въ Парижѣ, въ XVIII столѣтіи, не одни газетные публицисты случайно, а маркизы, герцоги, придворныя дамы самостоятельно и нарочно лазили по чердакамъ, подваламъ и всякимъ вертепамъ нищеты и проливали тамъ не такія еще горькія слезы. Князь Демидовъ Сенъ-Донато, пожертвовавши 5000 рублей, обѣщавъ ежегодно жертвовать такую же сумму, и редакция «Новаго времени» тотчасъ же капитализировала это обѣщаніе и оцѣнила его во 100,000. Во Франціи же въ концѣ прошлаго столѣтія дѣло ограничивалось не однимъ капитализаціями обѣщаній, а на провинціальныя собранія и въ парижскихъ салонахъ собирались дѣйствительные капиталы въ сотни тысячъ и миліоны, чтобы хоть сколько нибудь облегчить участь той страшной нищеты, до какой въ то время дошли низшіе классы страны. И при всемъ томъ, не только потомкамъ, но и современникамъ этихъ маркизовъ и герцоговъ во всѣхъ ихъ сентиментальныхъ возгласахъ и благотворительной щедрости чувствовалась бездна лицемерія и лжи.

Далѣе затѣмъ мы видимъ, что оба разсматриваемыя нами движенія вдругъ словно переломляются. Первымъ дѣломъ, высшіе культурные классы быстро охладѣваютъ отъ того увлеченія, которому они первые поддались, и сторонятся отъ движенія, но за то оно все болѣе и болѣе развивается въ среднихъ классахъ и, наконецъ, въ народѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ оно совершенно измѣняетъ свой характеръ. Въ первый періодъ, въ обоихъ случаяхъ оно имѣло обще-философскій, абстрактный характеръ. Дѣло шло о перерѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни и религіозныхъ, и нравственныхъ, и политическихъ, и художественныхъ, и культурныхъ; все перевертывалось наизнанку съ цѣлю не оставить на прежнемъ мѣстѣ ни одного камушка въ общественномъ строѣ; но все это производилось а priori, и дѣло ограничивалось однимъ раз-

сужденіями, или же предпринимались повидимому широкія и радикальныя реформы, но сводились къ нулю, и все шло по старому. Такъ, въ 15-мъ вѣкѣ передъ реформаціею сколько и говорилось, и писалось о необходимости перестроить церковь на совершенно новыхъ основаніяхъ, объ отрѣшеніи отъ всѣхъ прежнихъ злоупотребленій и заблужденій; издавались съ этою цѣлью буллы за буллами, собирались соборы. Но все оставалось по старому, и тѣ самые просвѣщенные папы, въ родѣ Льва X, которые зачитывались Цицеронами и Демосфенами и украшали свой Ватиканъ произведеніями классической древности, оставались все тѣми же вавилонскими блудницами, стягивавшими въ свой всемогущій Римъ лучшіе соки со всей Европы. Также точно и всѣ реформы 18-го вѣка во Франціи, несмотря на широкія философскія идеи, на которыхъ они основывались, и при всемъ искреннемъ желаніи спасти разлагающееся общество, ни на югу не подвигали дѣла: оставались все тѣ же разстроенные финансы, тотъ же своевластный бюрократизмъ, тѣ же феодальныя поборы безъ конца. Во второмъ періодѣ движенія мы видимъ совсѣмъ иной порядокъ вещей: правда, золотой вѣкъ литературы и философіи кончается. Эразмъ и Рейклинъ, Вольтеръ и Руссо сходятъ одинъ за другимъ со сцены. Въ литературѣ и въ мірѣ искусствъ наблюдается замѣтный упадокъ. Прежній широкій полетъ мысли значительно суживается. Но за то мысль изъ метафизическихъ высотъ спускается на землю, на реальную почву насущныхъ вопросовъ жизни.

Вмѣстѣ съ этимъ переходомъ умственнаго движенія на практическую почву, тѣ культурные классы, которые прежде стояли во главѣ движенія, привѣтствовали его и поощряли, теперь напротивъ того становятся къ нему въ самыя враждебныя отношенія. И это очень понятно: дѣло теперь заключается не въ какихъ-либо отвлеченныхъ умствованіяхъ, а приходится платиться кое-чѣмъ реальнымъ; такъ въ XV вѣкѣ папы видѣли, какъ ускользало изъ ихъ рукъ всемірное владычество надъ народами и королями; такъ французскому дворянству XVIII вѣка предстояло разстаться съ феодальными привилегіями. Тогда приверженцы старины и *statu-quo* начинаютъ приписывать опасность подобныхъ жертвъ не какимъ-либо реальнымъ причинамъ, политическимъ и экономическимъ, а исключительно тому умственному движенію, которое яко-бы смутило умы вредными теоріями. Исключительными винов-

никаки движениа являются тѣ самые философы, публицисты и поэты, которымъ такъ недавно еще чуть что не воздвигали алтари. Оказывается, что они по совершенно произвольному злоумышленію разорвали всѣ связи съ спасительными традиціями и заварили всю кашу. И вотъ борьба выходитъ изъ своей спеціальной сферы.— религиозной въ первомъ случаѣ, политической во второмъ; она дѣлается чисто культурною борьбою цивилизаціи съ варварствомъ, просвѣщенія съ невѣжествомъ. Такъ, мы видимъ, въ XVI и XVII вѣкахъ инквизиція жгла на своихъ кострахъ не однихъ еретиковъ и всякаго рода церковныхъ отщепенцевъ, но и ученыхъ, философовъ, вообще всѣхъ интеллигентныхъ людей, державшихъ мысли свободно и самостоятельно, не сообразуясь съ католическими традиціями, въ которыхъ снова начали полагать все спасеніе. Точно также и Вандея,—если бы восторжествовала, она конечно не ограничилась-бы одними своими политическими врагами, а набросилась бы на всю интеллигенцію страны, увлеченную умственнымъ движеніемъ вѣка. Объ этомъ мы можемъ судить по ужасамъ бѣлаго террора въ эпоху реставраціи и по тенденціямъ такихъ реакціонеровъ-изувѣровъ, какъ Де-Местръ или Меттернихъ, которые возставали не противъ однихъ только политическихъ враговъ, а вообще противъ свободнаго и самостоятельнаго движенія идей въ интеллигентныхъ сферахъ; въ своихъ крестовыхъ походахъ противъ интеллигенціи они точно также опирались на здоровые инстинкты народныхъ массъ, которымъ яко-бы врождены ихъ излюбленные традиціонные принципы, какъ вѣкогда и инквизиція въ своихъ гоненіяхъ, воздвигаемыхъ противъ Галилеевъ или Бруно, льстила себя убѣжденіемъ, что она дѣйствуетъ за одно съ народомъ, который яко-бы по самому своему существу является строгимъ приверженцемъ католической ортодоксін и ненавидитъ всякія еретическія умствованія.

Если мы теперь обратимся къ нашему отечеству, то и у насъ вы найдете такое же умственное движеніе, совершающееся по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и тѣ два колоссальныя европейскія движенія, которыя мы только что рассмотрѣли. Толчкомъ къ нашему движенію послужило все то же развитіе философскихъ и гуманныхъ идей XVIII-го вѣка, которое не замедлило оказать свое вліяніе и на культурные слои нашего отечества. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что до императрицы Екат-

тернии въ обществѣ нашемъ было полное отсутствіе всякой умственной жизни, не замѣчалось ни малѣйшей самостоятельной мысли или какой-бы то нибыло самодѣтельности. Вся интеллигенція сосредоточивалась въ правительствѣ до такой степени, что интеллигенція и правительство совершенно отождествлялись. Если являлся въ то время человекъ, выдѣлявшійся изъ темной полуграмотной массы и увлекался какими-нибудь высшими умственными интересами (Ломоносовъ, Тредьяковскій), онъ сейчасъ же вступалъ въ ряды правительства, дѣлался чиновникомъ. Совершенно не то мы видимъ въ концѣ XVIII вѣка. Къ этому времени и у насъ является самостоятельный интеллигентный слой людей, выдѣлившихся изъ общественной, пнертной массы и посвятившихъ всю свою жизнь служенію чисто умственнымъ и нравственнымъ интересамъ. Правда, весь этотъ интеллигентный слой принадлежалъ къ дворянскому сословію; но ни Новиковъ, Радищевъ или Фонвизинъ, ни литературные кружки 20-хъ и 30-хъ годовъ, ни такъ называемые люди 40-хъ годовъ, — не имѣли ничего общаго съ тѣмъ сословіемъ, къ которому они принадлежали. Напротивъ того, мы видимъ, по своимъ стремленіямъ, всѣ тѣ идеи, которыя они проповѣдывали, и дѣли, къ которымъ стремились, шли совершенно въ разрѣзъ съ узко-дворянскими принципами и интересами. Въ той общественной средѣ, въ которой они вращались, они постоянно играли роль отщепенцовъ, людей лишннихъ и беспокойныхъ. Извѣстно, чѣмъ кончилась дѣятельность Новикова. Фамусовъ говорилъ про Чацкаго, что такихъ людей не слѣдуетъ и на выстрѣлъ подпускать къ столицамъ. Пушкинъ и Лермонтовъ всю жизнь влчили въ изгнаніе и умерли преждевременно насильственной смертью, которой они искали, разочарованные, оскорбленные, ожесточенные окружающею ихъ пошлостью. Рудинъ и Вельтовъ бѣжали изъ отечества въ надеждѣ на чужбинѣ найти дѣло, котораго тщетно искали они на родинѣ...

Наконецъ, въ 60-е годы мы видимъ, что движеніе, которое до того времени струилось въ тѣсныхъ скалистыхъ берегахъ, едва пробиваясь среди мусора и навоза нашей жизни, вдругъ овладѣло цѣлыми массами людей изъ всѣхъ классовъ общества, а главное дѣло изъ дворянскихъ слоевъ спустилось въ средніе и мѣщанскіе классы. И у насъ мы видимъ тоже философское броже-

не, тоже стремление перерѣшить всѣ вопросы жизни, и религиозные, и нравственные, и литературные, и общественные; и точно также подобное перерѣшеніе вращалось болѣе въ отвлеченныхъ, умозрительныхъ сферахъ, а на практикѣ хотя предпринимался рядъ широкихъ реформъ, но жизнь продолжала поконяться все на тѣхъ же старыхъ, рутинныхъ основаніяхъ.

Конецъ 60-хъ и 70-е годы представляются у насъ началомъ того перелома движенія, о которомъ была рѣчь выше. И у насъ мы видимъ, что тѣ культурные слон, которые въ 60-не годы увлекались движеніемъ, не только охлаждаются къ нему, но и становятся такъ или иначе во враждебныя отношенія. Въ тоже время кончается золотой вѣкъ литературы. Дѣятели 40-хъ и 60-хъ годовъ или совсѣмъ сходятъ со сцены, или доживаютъ свои годы, успѣвши совершить всю свою кипучую дѣятельность и ограничиваются теперь повтореніемъ стараго; но это старое никого не увлекаетъ такъ, какъ прежде, не удовлетворяетъ, не имѣетъ и тѣни прежняго обаянія. По своему содержанію движеніе значительно суживается: вы не видите уже прежнихъ полетовъ мысли, стремившейся перерѣшить всѣ вопросы жизни, не опустивши изъ виду ни одной ея стороны, общественной или индивидуально-нравственной. Теперь все поглощается однимъ вопросомъ—народнымъ, вопросомъ вполне практическимъ; оказывается, что ранѣе разрѣшенія этого роковаго вопроса жизни о всѣхъ прочихъ вопросахъ нечего и думать въ серьезъ; они сами собою рѣшатся, какъ только будетъ покончено съ основнымъ вопросомъ жизни.

Въ тоже время прежніе философы, публицисты-теоретики, критики и художники-созерцатели смѣняются практическими дѣятелями. Это мы видимъ даже и на беллетристикѣ. Въ послѣднее время не мало было толковъ о томъ, отчего нынѣ является такъ мало художественныхъ талантовъ изъ молодежи, отчего и тѣ, которые появились въ 60-не годы (Гл. Успенскій, Н. Златовратскій, Н. Наумовъ и пр.) ограничиваются мелкими очерками и рассказами полубеллетристическаго, полупублицистическаго характера, а не создаютъ ничего такого увѣсстаго, высокохудожественнаго, какое создавались въ 40-не и 60-не годы. Это вполне объясняется вышеприведенною причиною. Не говоря уже о томъ, что очень многіе талантливые люди, вмѣсто того, чтобы подвизаться на ли-

тературномъ поприщѣ, увлекаются практическою дѣятельностью, но и тѣ, которые предпочитаютъ литературную арену, являются на ней все тѣми же борцами. Не такое теперь время, чтобы воссѣдать на Олимпѣ и съ облачной высоты созерцать жизнь съ олимпийскимъ безпристрастіемъ. Каждое являющееся нынѣ художественное произведеніе, къ какому бы лагерю оно ни принадлежало, носить характеръ борьбы, преслѣдуетъ непосредственныя, практическія цѣли, и это дѣлается вовсе не вслѣдствіе какихъ нибудь предвзятыхъ эстетическихъ теорій, требующихъ непремѣнно тенденціозной беллетристики. Тенденціозная беллетристика принадлежала къ философскимъ 60-мъ годамъ и отжила вмѣстѣ съ ними. Тенденціозная беллетристика поучала, развивала идеи, обличала. Современная же беллетристика — или задаетъ вопросы для практическаго рѣшенія ихъ, или непосредственно дѣйствуетъ, увлекая людей въ ту или другую сторону.

Наконецъ, какъ послѣдній и яркій признакъ времени, мы видимъ и возникшіе въ настоящее время толки объ устраненіи интеллигенціи, интересы которой яко-бы расходятся съ интересами народа, которая прервала будто-бы съ народомъ всякія живыя связи и стоитъ поперекъ правильнаго рѣшенія народнаго вопроса. Но вопросъ, господа, что вы разумѣете подъ интеллигенціею? Если тѣ культурные слои, которые нѣкогда увлечены были энтузіазмомъ движенія, но теперь все болѣе и болѣе отстаютъ отъ него, устраниваются и выказываютъ всю свою дряблость, всѣ элементы полнаго разложенія и вырожденія, наконецъ все свое лицемеріе скрываютъ подъ громкими фразами стремленій самаго узко-эгоистическаго и низменнаго характера, въ такомъ случаѣ намъ ничего не остается, какъ протянуть вамъ руку полной съ вами солидарности относительно этого предмета. Но если вы сами такіе же лицемеры, если вы сами играете громкими словами слитія съ народомъ и служенія его интересамъ, прикрывая подъ этими фразами побужденія самаго антинароднаго свойства, если въ лицѣ интеллигенціи вы мечтаете уничтожить то самое умственное движеніе, которое съ самаго начала своего, со временъ Новикова и Радищева и до сего дня, не только ни разу не измѣняло народныхъ интересовъ, а все болѣе и болѣе проникается ими... Въ такомъ случаѣ — милостивые государи, не слишкомъ ли ужъ вы опоздали

въ своемъ благородномъ стремленіи? Легко было отстранить сразу всѣхъ людей 30-хъ и 40-хъ годовъ и спасти Русь отъ Пушкина и Лермонтова, Бѣлинскаго и Гоголя, но теперь это довольно уже трудно, господа.

Алкандровъ.

Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ.

Трудно найти въ русской жизни предметъ, который заслуживалъ бы такого общаго вниманія, изученіе котораго въ настоящее время было бы такъ настоятельно необходимо, какъ экономическое, умственное и нравственное состояніе крестьянства. И не потому только, что вопросъ этотъ касается семидесяти-милліонной массы рабочаго населенія, условія существованія которой требуютъ многихъ измѣненій, но и потому еще, что вся наша общественная жизнь находится въ тѣсной зависимости отъ жизненной обстановки и настроенія этой массы. Достаточно припомнить, что во владѣніи и пользованіи крестьянъ сосредоточены обширныя пространства земли, обрабатываемой по собственному «загаду» и на свои средства, и что слѣдовательно прогрессъ земледѣльческой производительности Россіи зависитъ исключительно отъ увеличенія экономическаго благосостоянія и умственнаго развитія массы, что промышленность и отчасти торговля ведутся тѣми же крестьянами и также на свои средства, что они же—и опять таки безъ какой либо помощи со стороны—были и остаются единственными колонизаторами незанятыхъ окраинъ и что на нихъ, наконецъ, лежитъ все бремя налоговъ и повинностей. Но этого мало: было бы величайшей ошибкой, къ сожалѣнію, свойственной всему образованному обществу, думать, что вліяніе массы не выходитъ за предѣлы экономической сферы. Намъ кажется, напротивъ, что нѣтъ ни одного явленія ни въ политической, ни въ социальной жизни цѣлой страны и всѣхъ классовъ ея населенія, которое можно было бы понять, не принимая во вниманіе

состояніе массы. Одинъ писатель *) сравнилъ недавно крестьянство съ планетой, невидимой астроному, но производящей сильныя пертурбаціи въ движеніи видимыхъ тѣлъ. Сравненіе это, какъ оно ни остроумно, не вполне, однакожъ, выражаетъ сущность дѣла. Вліяніе невидимой планеты ограничивается лишь сферой внѣшнихъ отношеній небесныхъ тѣлъ, внутренняя жизнь которыхъ развивается самостоятельно, между тѣмъ какъ метафорическая планета — крестьянство, захватываетъ въ сферу своихъ вліяній не только взаимное положеніе общественныхъ группъ, но гораздо въ большей степени отношенія составляющихъ ихъ единицъ: политическое устройство, религіозный бытъ, семейныя отношенія и т. подобныя стороны нашей жизни держатся и экономическимъ строемъ и мировозрѣніемъ крестьянства.

Надо удивляться, что этотъ очевидный фактъ, гораздо болѣе ясный, чѣмъ зависимость планетъ, до сихъ поръ такъ мало вошелъ въ сознаніе образованнаго общества. Толки объ интеллигенціи, какъ о чемъ-то живущемъ независимой отъ народа жизнью, получили бы иное направленіе, а вѣра въ могущественное значеніе личности значительно уменьшилась бы, еслибы существующія соціальныя отношенія наблюдались съ большимъ вниманіемъ.

Однимъ изъ доказательствъ невниманія образованнаго люда къ народной жизни, доказательствъ, часто приводимыхъ и до сихъ поръ игнорируемыхъ, можетъ служить недостаточность изслѣдованій по этому предмету и, еще болѣе, полное равнодушіе къ выводамъ, добытымъ тѣми немногими работами, какія были предприняты. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, по различнымъ, болѣею частью, фискальнымъ соображеніемъ, еще производится, по крайней мѣрѣ, собраніе фактовъ о разныхъ сторонахъ крестьянскаго быта, но въ губерніяхъ неземскихъ мы не встрѣчаемъ и зачатковъ какихъ либо изслѣдованій.

Казалось бы, напримѣръ, что своеобразныя историческія и особенныя условія Бѣлоруссін и Литвы, въ которыхъ крестьяне сѣверозападнаго края были освобождены отъ крѣпостной зависимости, должны были возбудить вниманіе къ результатамъ, какіе были достигнуты здѣсь реформами 1861 и 1863 годовъ. Но, за

*) Казелль, Крестьянскій вопросъ. «Вѣстникъ Европы» 1881, № 11.

исключеніемъ завѣдомо живыхъ статей «Вѣсти» ¹⁾, съ замѣчательнымъ безстыдствомъ объяснявшей бѣдность западнорусскихъ крестьянъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и вызванныхъ этими статьями отповѣдей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», представлявшихъ положеніе Бѣлорусса чуть не земнымъ раемъ, за исключеніемъ противорѣчивыхъ свѣдѣній, собранныхъ въ извѣстномъ „Докладѣ Высочайше учрежденной комисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства“, и, наконецъ, газетныхъ корреспонденцій, по многимъ губерніямъ совсѣмъ нѣтъ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, а по другимъ приходится довольствоваться тѣми немногими свѣдѣніями, какія опубликованы въ «Трудахъ податной комисіи». Много цѣннаго матеріала даетъ любопытная статья Туна, ²⁾ объ экономическомъ бытѣ Бѣлоруссовъ, но наблюденія, на основаніи которыхъ статья эта составлена, относятся только къ двумъ волостямъ Виленской губерніи.

Но даже и пмѣющіяся отрывочныя данныя, если свести ихъ въ одно цѣлое,—что составляетъ задачу предлагаемаго очерка,—рисуютъ намъ положеніе западныхъ крестьянъ съ достаточной ясностью далеко не въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ его обыкновенно представляютъ.

Освобожденіе крестьянъ въ сѣверозападномъ краю было, какъ извѣстно, совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ Великороссіи и Малороссіи. Мѣстное положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года укрѣпило за крестьянами тѣ усадебныя и полевныя земли и угодья, которыми они пользовались до этого года; при этомъ подворные участки крестьянскаго надѣла оставлены были за опредѣленныя повинности въ потомственномъ пользованіи семействъ, которыя ими пользовались раньше. Можно навѣрное сказать, что если бы эти начала были проведены во всей полнотѣ, положеніе освобожденныхъ крестьянъ мало бы отличалось отъ прежняго. Сѣверозападные помѣщики, напуганные еще раньше слухами о введеніи инвентарей, подобныхъ тѣмъ, какіе были установлены въ 1848 г. для югозападныхъ губерній, и, вообще,

¹⁾ См. напр. статью въ 55 № этой газеты за 1867: „Ужасное положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ“ и много другихъ о западныхъ губерніяхъ.

²⁾ Thun, Alfons. Finanzielle und volkswirthsch aftliche Zustände W. und G. unds. Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte 79. Bd. III.

предчувствуя въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ уничтоженіе крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе, что и крестьяне начинали волноваться ¹⁾, отняли у многихъ хозяевъ родовые участки и роздали ихъ своимъ крестьянамъ въ аренду; въ случаѣ регулirованія поземельныхъ отношеній, это давало бы имъ право показать отданную въ аренду землю помѣщичьей. Вслѣдствіе такихъ «скассованій», классъ домохозяевъ, пользовавшихся землей, значительно уменьшился, между тѣмъ какъ число безземельныхъ, которыхъ было много и раньше, возросло съ каждымъ годомъ отъ естественнаго прироста и новыхъ скассованій. Положеніе 19 февраля обезпечивало надѣлами лишь крестьянъ перваго разряда, всѣхъ же остальныхъ оставляло безъ земли. При томъ же оцѣнка надѣловъ была повсюду гораздо выше дѣйствительной ихъ цѣнности, и платежъ выкупной ссуды неизбѣжно повелъ бы къ такому же общему разстройству крестьянскихъ хозяйствъ, къ какому онъ привелъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ Вѣлкороссіи. Но, подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, въ 1863 году былъ предпринятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и пониженію выкупной оцѣнки надѣловъ. Указами 1 марта и 2 ноября 1863 г. и 28 апрѣля 1865 г. введенъ былъ обязательный выкупъ, съ пониженіемъ выкупныхъ платежей на 20% противъ оброковъ; въ особенныхъ случаяхъ допускалось пониженіе оброка болѣе чѣмъ на 15% противъ опредѣленнаго положеніемъ 19 февраля (указъ 2 сентября 1864 г.). Особныя повѣрочныя комиссіи должны были провѣрить, дѣйствительно ли крестьянамъ отведена вся земля, находившаяся въ ихъ пользованіи, пересмотрѣть оцѣнку надѣловъ и исправить неправильно составленные выкупные договоры прежняго времени, которыхъ было, впрочемъ, очень немного (до 1863 г. въ Витебской губерніи приступило къ выкупу 5% общаго числа крѣпостныхъ, въ Могилевской 29%, въ Ковенской 0,003). Эти мѣры были распространены на всѣ шесть сѣверозападныхъ губерній: Витебскую, Виленскую, Могилевскую, Минскую, Гродненскую и Ковенскую. Кромѣ того, «мятежъ 1862—63 годовъ, замѣчаетъ Ковенское присутствіе, обнаружилъ, что крестьяне, не имѣвшіе прочной осѣдлости

¹⁾ Памятная книжка Витебской губерніи на 1866 г. Слуцкій. Возмненіе помѣщичьихъ крестьянъ въ Витебской губерніи въ 1847 г. by Google

и не надѣленные землей, были весьма часто увлекаемы къ участию въ беспорядкахъ, тогда какъ крестьяне, пользовавшіеся поземельными участками, не поддавались вліянію возмущавшихъ ихъ мятежниковъ. Это побудило бывшаго въ то время главнымъ начальникомъ края графа Муравьева принять мѣры къ уменьшенію числа безземельныхъ крестьянъ. Для достиженія этой цѣли было предоставлено право на трехдесятиныя участки тѣмъ крестьянскимъ семействамъ, которыя были обезземелены помѣщиками до 1857 года; семьи же обезземеленныя послѣ этого года получили право возврата отобранныхъ у нихъ участковъ¹⁾.

Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было увеличеніе пространства крестьянскихъ надѣловъ отъ 25 до 70% и уменьшеніе повинностей отъ 2 до 16%²⁾. По какой-то счастливой случайности, въ составъ повѣрочныхъ комиссій попало не мало людей, преданныхъ крестьянскимъ интересамъ, независимо отъ какихъ либо политическихъ соображеній: во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда крестьяне, вопреки увѣренію помѣщика, утверждали, что тотъ или другой участокъ принадлежалъ издавна имъ, комиссіи рѣшали дѣло въ ихъ пользу. Самый отводъ надѣловъ онѣ обставляли большою торжественностью, объясняя крестьянамъ, что отведенныхъ земель никто отнять отъ нихъ не можетъ. При оцѣнкѣ надѣловъ земли приняты были во вниманіе существовавшія арендные дѣны и условія почвы. Минская губернія была раздѣлена, напримѣръ, на 10 частей, хотя въ концѣ концовъ оцѣнки оказались не низкими³⁾. Не трудно объяснить, въ виду такихъ мѣръ, происхожденіе общераспространнаго мнѣнія, что экономическое положеніе крестьянъ западныхъ губерній гораздо лучше положенія крестьянъ въ остальныхъ губерніяхъ и даже такъ удовлетворительно, что не представляется надобности въ какихъ либо новыхъ мѣрахъ къ его улучшенію. Какъ сильно это убѣжденіе въ настоящее время, доказываетъ послѣдній законъ 28 декабря 1881 года о пониженіи выкупныхъ платежей. За исключеніемъ крестьянъ тѣхъ мѣстъ Могилевской и восточныхъ уѣздовъ Витебской губерній, которые

¹⁾ Труды Податной комиссіи. Сводъ отзывовъ губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, стр. 69.

²⁾ Янсонъ, О надѣлахъ и платежахъ, 2-е изданіе стр. 111.

³⁾ Низка ли оцѣнка надѣловъ въ Минской губерніи? Народное Богатство, №№ 82 и 83, 1864 г.

перешли на выкупъ по выкупнымъ договорамъ и объявленіямъ, состоявшимся до указа 2 ноября 1863, если притомъ условія этихъ договоровъ не были облегчены,—на всю остальную массу крестьянъ сѣверозападнаго края не распространяется общее пониженіе выкупныхъ платежей. Между тѣмъ, не смотря на льготныя условія выкупа, по зажиточности, крестьяне западной Россіи въ общемъ нисколько не отличаются отъ крестьянъ нечерноземной полосы Великороссіи, а нѣкоторая часть ихъ находится въ такомъ не-обезпеченномъ состояніи, подобнаго которому нѣтъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

Предубѣжденному читателю эти слова могутъ показаться неправдоподобными.

Чтобы избѣжать упрековъ въ преувеличеніи и подборѣ фактовъ, мы обратимся за доказательствами къ правительственнымъ источникамъ и изслѣдованію Туна, котораго одинъ русскій рецензентъ, разбиравшій его сочиненіе о средней Россіи (*Landwirthschaft und Gewerbe in Mittelrussland*), упрекнулъ даже въ пристрастіи къ помѣщичьимъ интересамъ¹⁾, хотя поводомъ къ такому упреку послужили выраженія совершенно несущественныя, при томъ же не вытекающія изъ основныхъ положеній нѣмецкаго автора.

Крестьянское населеніе Бѣлороссіи и Литвы рѣзко раздѣляется на три разряда: во 1-хъ, безземельныхъ, въ составъ которыхъ вошли батраки, бывшіе дворовые люди, бывшіе «вольные люди» и разныя лица, приписанныя къ волостямъ, во 2-хъ, мало-земельные, огородники и кутники, и въ 3-хъ, домохозяева, владѣющіе полными надѣлами. Прежде, чѣмъ приводить цифры о ихъ численности и взаимномъ отношеніи, для болѣе яснаго пониманія значенія этихъ цифръ очертимъ экономическое положеніе каждаго изъ перечисленныхъ разрядовъ. Безземельные батраки какъ были, такъ и остались, послѣ реформы, безъ земли и собственныхъ домовъ. Проживаютъ они обыкновенно или въ наемныхъ домахъ хозяевъ или, заарендовавши клочекъ, строятъ себѣ что-то подобное человѣческому жилью, отбывая, вмѣсто платы за землю, въ пользу ея владѣльца нѣсколько дней въ году различныя сельскохозяйственныя работы. «Самый видъ этихъ жилищъ, читаемъ мы въ журнальномъ постановленіи ковенскихъ

¹⁾ Русская мысль 1881, № 9, ст. г. Каблукова.

соединенныхъ присутствій,—особаго о земскихъ повинностяхъ и по крестьянскимъ дѣламъ,—вызываетъ величайшее состраданіе); повинность же за право пользованія этими убожнцами называется «весьма тяжелой»¹⁾. Не имѣя собственнаго хозяйства, батраки принуждены добывать себѣ средства къ существованію подневной работойъ, такъ плохо вознаграждаемой, что для покрытія неотложныхъ потребностей въ пищу и одежду на работу должны выходить всѣ члены семьи, не исключая и дѣтей. Вотъ расчетъ бюджета батрака въ Манковичской волости Вилейскаго уѣзда и Луцкой Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи.

За вычетомъ воскресеній (52), праздниковъ (30 дней) и заказныхъ дней (10), когда работать не принято по обычаю, батракъ работаетъ въ году не менѣе 273 дней, жена — около 90 дней, такъ какъ женщины выходятъ на наемную работу преимущественно во время навозницы и жнитва.

Рабочая плата въ день въ 1876 году достигала для

	М у ж ч и н ы .				Ж е н щ и н ы .	
	Манковичи .		Луцкѣ		Манк.	Луцкѣ.
	съ харч.	отъ хоз.	съ харч.	отъ харч.	безъ харчей.	
Весною . . .	15	25	17	25	15	15
Лѣтомъ . . .	25	35	28	40	35	25—30
Осенью . . .	15	20	—	—	15—20	15
Зимой . . .	15	20	—	—	15—20	10

Эти цифры добыты Туномъ путемъ тщательныхъ распросовъ на мѣстахъ и заслуживаютъ полнаго довѣрія. При такихъ цѣнахъ на трудъ, подешивекъ, если онъ будетъ постоянно имѣть работу, можетъ заработать въ годъ при собственномъ содержаніи 70—72 руб., его жена — около 22 руб.; цѣлая семья, слѣдовательно, отъ 92 до 95 руб. Это максимумъ заработка. При содержаніи отъ хозяина годовой заработокъ семьи въ Манковичахъ понижается до 75 р., а въ Луцкѣ и до 65. Холостой батракъ получаетъ меньше

¹⁾ Сводъ отанововъ губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, стр. 73.

на всю ту сумму, какая нужна на наемъ помѣщенія, отопленіе его и содержаніе жены и дѣтей въ теченіе нерабочаго времени: обыкновенная плата одинокому батраку въ годъ при хозяйской пищѣ, одеждѣ и жильѣ — 30 рублей, на 30—40 р. меньше противъ семейнаго. Въ двухъ названныхъ волостяхъ безземельные платятъ только подушныя подати и то не всегда, но, напримѣръ, въ Ковенской губерніи съ нихъ взыскивается въ разныхъ волостяхъ отъ 2 р. 75 к. до 11 р. 66 к. въ годъ¹⁾.

Въ случаяхъ безработицы положеніе батрака можно сравнить только съ положеніемъ нищаго. Такихъ пролетаріевъ въ Манковичской волости въ 1876 г. изъ 6,238 душъ об. пола считалось 231 душа, въ Луцкой изъ 5,057 — 290 душъ. Это отношеніе еще не самое худшее. Въ Ковенской губ. въ 1870 г. батраковъ было 110,800, или 34 проц. всей массы крестьянскаго населенія²⁾.

Малоземельные крестьяне, съ участками отъ $\frac{1}{2}$ до 3 десятинъ, отличаются отъ батраковъ тѣмъ, что владѣютъ собственнымъ клочкомъ земли и домомъ. Но участки ихъ такъ малы, что безъ работы по найму или существовать владѣльцы не могутъ: «они вынуждены все свободное отъ воздѣлыванія своихъ участковъ время посвящать поленному труду при обработкѣ чужихъ полей, ибо въ противномъ случаѣ имъ нечѣмъ будетъ не только уплатить податей, но и прокормиться³⁾». Въ 1875 г. въ Ковенск. г. 3-хъ десятинными надѣлами существовало 32,178 душъ (16,561 семья); огородниковъ и кутниковъ, участки которыхъ еще меньше, было 20,120 д. Въ Манковичской волости, Виленской губ., малоземельныхъ въ 1876 г. было 128 семей, изъ которыхъ 53 надѣлены участками отъ 1 до 5 дес. изъ казенныхъ земель, а 75—трекдесятиными надѣ-

¹⁾ Сводъ отзмовъ, стр. 76.

²⁾ Тамъ же, стр. 70. Въ Памятной книгѣ Ковенской губерніи на 1881 годъ помѣщены свѣдѣнія о численности разныхъ разрядовъ класса безземельныхъ въ 1875 году:

Крестьянъ и бывшихъ дворов. было	65,209	душъ.
Бывшихъ вольныхъ людей . . .	14,311	»
» арендовавшихъ земли . . .	10,161	»
Причисленныхъ къ волостямъ . . .	11,126	»
Старообрядцевъ, арендующихъ земли	2,579	»
» безземельныхъ. . .	1,869	» (стр. 303).

³⁾ Сводъ отзмовъ, стр. 73.

лами пзъ земель частныхъ владѣльцевъ. Принимая стоимость средняго урожая съ десятины въ 10 р., найдемъ, что валовой доходъ малоземельной семьи отъ собственнаго хозяйства и заработковъ будетъ 125—130 р. въ годъ.

Гораздо труднѣе вычислить средній доходъ дворовъ, получающихъ полные надѣлы, вслѣдствіе большаго разнообразія въ численномъ составѣ самихъ дворовъ и въ количествѣ владѣемой ими земли. Нормальная величина подворнаго участка — уволока — въ Ковенской губерніи—20 десятинъ,—въ тѣхъ же мѣстностяхъ губерніи, гдѣ крестьяне живутъ не деревнями, а односельями, участки достигаютъ 100 и болѣе десятинъ; напротивъ, въ деревняхъ вмѣстѣ съ уволочными участками, встрѣчаются полууволочные, въ 10 десятинъ. Въ Маньковичской и Луцкой волостяхъ Виленской губ. размѣры подворныхъ участковъ колеблются отъ 11 до 25 десятинъ на дворъ; число семей, составляющихъ дворы, также не одинаково: есть дворы въ одно, два и даже шесть семействъ. Кромѣ того, подворные участки въ однихъ случаяхъ обрабатываются сообща всѣми членами двора, въ другихъ — подѣлены между братьями.

Въ Бѣлоруссіи въ прежнее время, все равно какъ и въ Вѣлкороссіи, подворный участокъ принадлежалъ всей совокупности членовъ, составляющихъ дворъ, но въ то время, какъ въ великорусскихъ деревняхъ, благодаря существованію общинной формы землевладѣнія, обеспечивающей каждому равное право на землю, обычай равнаго раздѣла земли между членами дворовъ не могъ привести къ неравномѣрному распредѣленію собственности, въ Бѣлоруссіи, гдѣ общинное землевладѣніе давно вытѣснено подворнымъ, семейные раздѣлы, при неравномъ составѣ семей, неизбежно должны были повлечь образование неравныхъ участковъ. Въ многочисленныхъ дворахъ при дѣлѣжѣ доставались такія клочки, обработкой которыхъ существовать оказывалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что клочки эти составлялись изъ полосъ, разбросанныхъ узкими шнурами въ различныхъ поляхъ. (Усвоивши подворное землевладѣніе, Бѣлоруссы однакожъ продолжаютъ владѣть землею временно: земля каждаго поселка раздѣлена на извѣстное число полосъ, соотвѣтственно числу дворовъ, которые пользуются ими наслѣдственно). Упадокъ выдѣляющихся хозяйствъ, дѣлившихъ между собою также скоть и инвентарь, вызвалъ опасеніе властей насчетъ правильной уплаты выкупныхъ и другихъ налоговъ, и раз-

дѣлм были запрещены. Старшій братъ, на имя котораго записанъ дворъ, признается теперь единственнымъ собственникомъ участка; онъ долженъ вестн всѣ обязанности: платить подати, отбывать натуральныя повинности, поддерживать родственниковъ въ случаяхъ крайности; ему дано также право удерживать дома всѣхъ членовъ двора для исполненія хозяйственныхъ работъ. Въ дѣйствительности, отношенія сложились совершенно иначе: дворы продолжаютъ дѣлиться по прежнему, и запрещеніе раздѣловъ послужило лишь причиной множества неудобствъ и споровъ, устранить которые нельзя никакими законами. Въ случаѣ хорошихъ урожаевъ, раздѣлившіеся братья живутъ мирно: выдѣлившійся братъ довольствуется своими доходами отъ земли, исправно отбываетъ свою долю налоговъ и избѣгаетъ всѣми способами занятій поденной работы. Въ неурожайные же годы только при крайнихъ лишеніяхъ онъ можетъ прокормиться и отбить платежи съ своего клочка; стараясь какъ нибудь извернуться своими средствами, онъ продаетъ сначала одну скотину за другой въ надеждѣ приобрести ее съ улучшеніемъ обстоятельствъ вновь, но надежда по тѣмъ или другимъ причинамъ не оправдывается: мало по малу идетъ въ продажу инвентарь и остальное имущество, и на слѣдующій годъ не оказывается средствъ даже на покупку сѣмянъ. Голодъ напоминаетъ о правахъ, и онъ идетъ къ старшему брату, настойчиво требуя помощи. «Какой споръ, говорить Тунъ, поднимается между братьями, какая брань между снохами, особенно, если раздѣлившіеся семьи живутъ на одномъ дворѣ. Старшій братъ подѣлилъ съ младшимъ все: далъ ему землю, скоть, орудія и все-таки долженъ помогать ему, между тѣмъ какъ тотъ никогда не являлся прежде по его зову на работу». Но важнѣйшая причина озлобленія старшаго брата заключается въ необходимости платить одному всѣ налоги. Онъ отправляется къ судьямъ, къ чиновникамъ, съ усиленными просьбами разобрать дѣло по справедливости; но всѣ его униженія и мольбы не приводятъ ни къ чему: никто не можетъ помочь его горю, такъ какъ «онъ подѣлилъ дворъ вопреки закону», запрещающему всякіе раздѣлы. Не малымъ препятствіемъ къ точному опредѣленію различныхъ статей бюджета двора служитъ несообщительность бѣлорусса: забитый рабствомъ, запуганный властями, онъ всего менѣе расположенъ откровенно отвѣчать на распросы о его хозяйственныхъ дѣ-

дахъ. Кромѣ того, по непривычкѣ къ денежнымъ расчетамъ, крестьяне вообще не могутъ оцѣнить на деньги своихъ доходовъ, и то поднимаютъ цифру ихъ стоимости до несообразной высоты, то совершенно наоборотъ. Послѣ долгихъ распросовъ, Туну удалось, однакожь, собрать нѣкоторые данныя о доходахъ и расходахъ дворовъ, дающія довольно полное представление объ ихъ экономическомъ положеніи. Возьмемъ три примѣра. Прежде всего дворъ, условія котораго наиболее выгодны: его составляютъ двѣ семьи, изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей каждая, а дворовый участокъ состоитъ изъ 25 десятинъ (пахатная земля, сѣнокосъ и выгонъ). Обѣ семьи заняты исключительно земледѣіемъ, поглощающимъ всѣ ихъ рабочія силы, такъ что онѣ не имѣютъ ни возможности, ни повода уходить на какіе-либо сторонніе заработки. За вычетомъ сѣмянъ, ржаное поле даетъ имъ въ годъ 115—162 рубля, а яровое — 50—60 р., самодѣльная одежда и бѣлье могутъ быть оцѣнены въ 40 р., помещеніе въ собственномъ домѣ въ 15—20 р.; все вмѣстѣ въ годъ составляетъ 340—440 руб.

Въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ находится дворъ въ пять семействъ съ 12 десятинами надѣла. Очевидно, что каждая семья получаетъ съ своихъ $2\frac{1}{2}$ десятинъ, даже если принять всѣ выгоды семейнаго труда, меньше, чѣмъ бобыль, сидящій на трехдесятинномъ надѣлѣ. Такіе дворы не могутъ существовать земледѣіемъ и значительную часть времени принуждены употреблять на поденщину.

Средину занимаетъ дворъ въ 3 семьи съ надѣломъ въ 21 десятину. Двѣ семьи обрабатываютъ землю, а третья отправляется на сторону, возвращаясь домой лишь на время страды. Такіе дворы получаютъ дохода немного меньше дворовъ первой группы, отъ 390 до 445 руб. на три семьи. Вообще, въ дворахъ первой группы на каждую семью валоваго дохода отъ всѣхъ работъ приходится 175—225 р., въ среднихъ дворахъ—130—150 и въ дворахъ третьяго разряда—110—125 р.

Но экономическое положеніе самостоятельнаго земледѣльца характеризуется количествомъ не валоваго дохода, а величиной того остатка, какой получается за вычетомъ доли продукта, идущаго на покрытие налоговъ, на уплату аренды и другихъ подобныхъ расходовъ. Какова же эта доля?

Списокъ налоговъ, лежащихъ на дворѣ западнорусскаго крестья-

нина, еще длиннѣе такого же списка въ восточной Россіи. Здѣсь, напримѣръ, существуютъ сборы на тысяцкихъ, въ пользу духовенства и на училища (у государственныхъ крестьянъ неизвѣстные въ восточныхъ губерніяхъ). На первомъ мѣстѣ по величинѣ суммы стоятъ: 1) выкупные платежи; затѣмъ, 2) подушная подать; 3) общественный сборъ; 4) губернской земской сборъ; 5) сборъ на мировыя учрежденія; 6) на содержаніе врачей и фельдшеровъ; 7) сборы на школы; 8) на духовенство; 9) на тысяцкихъ; 10) рекрутскіе сборы; 11) мірскіе волостные и сельскіе сборы; 12) страховые платежи и, наконецъ, различныя натуральныя повинности, которыя здѣсь всею тяжестью лежатъ исключительно на крестьянствѣ: подводная, дорожная, воинскій постоя, полицейская служба, охраненіе церквей, школъ, запасныхъ магазиновъ и проч. Отдавая извѣстный процентъ дохода на духовенство, крестьянинъ платитъ, какъ и вездѣ, за исправленіе требъ особо. Не нужно забывать также, что косвенные налоги, паспортный и акцизъ, берутся, главнымъ образомъ, съ крестьянъ. Въ виленской губерніи всѣхъ платежей съ десятины, за исключеніемъ страховыхъ и денежной стоимости повинностей, падаетъ 1 р. 36 к. ¹⁾ Въ Манковичахъ ежегодный взносъ однихъ выкупныхъ платежей съ двора въ среднемъ достигаетъ 19 р. 95 к. (8 р. 80 к.—30 р.), въ Луцкѣ—18 р. (отъ 9 р. до 39 р. 25 к.). Средніе размѣры подворнаго участка въ обѣихъ волостяхъ—21 десятина, при колебаніяхъ въ первой между 11 и 25 дес., во второй— между 14 и 28 (Тунъ). Въ Мстиславскомъ уѣздѣ моголевской губерніи, крестьянинъ платитъ съ надѣла выкупныхъ, земскихъ, подушныхъ, волостныхъ, страховыхъ по 9 р. 16^{1/4} к., а доходъ однонадѣльнаго двора въ самомъ лучшемъ случаѣ при продажѣ приплода отъ скота и при занятіяхъ извозомъ достигаетъ 30—40 к. «Если же случится надобность построить избу, гумно, отъ времени развалившіяся, или купить лошадь на мѣсто погибшей, а притомъ посѣтить градъ и недородъ, какъ было въ 1871 г., тогда уже дохода нѣтъ, а, напротивъ, слѣдуетъ долгосрочный долгъ и вступленіе крестьянина въ бобыли ²⁾. Но могутъ возразить, что нельзя слѣ-

¹⁾ «Сводъ отзывовъ губернскихъ присутствій», стр. 43—44.

²⁾ Докладъ комисіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства, I, отд. III, стр. 157.

вать въ одну сумму налога, различающіеся другъ отъ друга по существу. Выкупные платежи, напримѣръ, совсѣмъ не то же, что подушная подать: они представляютъ разсроченную цѣну земли, вносимую ежегодно съ пзвѣстными процентами на ссуду и процентомъ погашенія въ продолженіе 49 лѣтъ, по прошествіи которыхъ крестьянинъ будетъ отъ нихъ свободенъ. Но мы и не говоримъ о будущемъ положеніи крестьянина, а для современнаго крестьянина то соображеніе, что пзвѣстный платежъ черезъ 30 лѣтъ прекратится, очевидно, не можетъ доставить ни облегченія, ни утѣшенія. Сами крестьяне не дѣлаютъ никакого различія между налогами, сливая ихъ всегда въ одну сумму; значенія же выкупныхъ платежей они совсѣмъ не понимаютъ, и трудно ихъ увѣрить, что они выкупаютъ землю, которая находилась въ ихъ пользованіи съ давнихъ поръ; по ихъ взглядамъ, вышшіе платежи представляютъ замѣну барщины, и взносъ ихъ едва ли когда прекратится. Очевидно, для характеристики экономического положенія бѣлорусса нѣтъ надобности разбирать налоги по ихъ назначенію: важно знать лишь общую ихъ сумму.

Эта общая сумма, какъ мы видѣли, велика: уплатить 9 и 10 руб. съ надѣла или 1 р. 36 к. съ десятины земли, какъ удобной, такъ и неудобной, можно только при хорошо устроенномъ хозяйствѣ и отсутствіи какихъ-либо несчастій.

Но среднія цифры еще могутъ дать понятіе о дѣйствительномъ распредѣленіи налоговъ при общинномъ землевладѣніи, гдѣ на земли, отведенныя дворамъ, равны количественно и качественно, и гдѣ раскладка налоговъ производится съ соблюденіемъ возможнаго равенства между плательщиками; но и въ Великороссіи они имѣютъ такое значеніе лишь для одной деревни; среднія же цифры на волость, состоящую изъ деревень съ [надѣломъ различныхъ размѣровъ, а тѣмъ болѣе на уѣздъ не болѣе какъ пустяка слова, которыми можно наполнить цѣлыя томы, но которыя не могутъ дать никакого понятія о дѣлѣ. Въ Бѣлоруссіи же по среднимъ цифрамъ нельзя заключить даже о дѣйствительномъ распредѣленіи налоговъ между жителями одного поселка. Процентъ дохода, поглощаемый налогами, примемъ ли мы за единицу десятины или всю сумму доходности двора, въ высшей степени различенъ, хотя бы сравниваемые дворы находились рядомъ. Но общее правило таково, что чѣмъ невыгоднѣе экономическія условія двора,

чѣмъ менѣе онъ имѣеть средствъ и, вообще, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ большій процентъ его дохода берется въ видѣ налога. Въ Манковичской волости дворъ, находящійся въ наименѣе благоприятныхъ условіяхъ (при 12 десятинахъ и 5 семьяхъ), платитъ съ десятины 5 р. 64 к., а со всей совокупности доходовъ хозяйства—30 проц.; средній дворъ (3 семьи и 21 десятина) вноситъ 2 р. 99 к. съ десятины, а дворъ, обставленный наиболѣе выгодно, только 2 р. 43 к. Въ Луцкой волости первые дворы платятъ съ десятины 5 р. 51 к., вторые—2 р. 79, а третьи—2 р. 22 к. или 16 проц. всѣхъ доходовъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Тунъ, налогъ въ Бѣлоруссіи несомнѣнно прогрессивный. Но прогрессія идетъ здѣсь въ порядкѣ, какъ разъ противоположномъ тому, каковаго добиваются приверженцы системы прогрессивнаго обложенія: сумма налога возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшаются средства къ его уплатѣ; богатый дворъ, владѣющій 25 десятинами надѣла, при двухъ взрослыхъ братьяхъ, съ хорошо устроеннымъ хозяйствомъ, платитъ почти столько же, сколько и бѣдный, въ которомъ на 12 десятинахъ влчатъ жалкое существованіе пять семействъ, отдавая большую часть своего труда поденщинѣ; съ десятины одинаковаго качества послѣдній дворъ платитъ вдвое больше, чѣмъ богатый. Какъ извѣстно, такая, рѣзущая глаза, противорѣчащая самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости, неравномѣрность произошла отъ коренной ошибки въ основаніяхъ раскладки выкупной суммы, принятой Положеніемъ 19 февраля. Выкупная стоимость усадебъ и первой десятины, не имѣющей для крестьянина безъ полевой земли особеннаго значенія, опредѣлена была выше остальныхъ, вторая оцѣнена въ $\frac{2}{3}$ первой, третья—въ $\frac{1}{3}$, а послѣдняя $\frac{1}{4}$ платежей должна покрываться со всѣхъ остальныхъ десятины, сколько бы ихъ ни было. При такой системѣ, чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ больше налоговъ берется съ каждой десятины. Но и другіе разряды налоговъ въ Бѣлоруссіи, какъ и во всей Россіи, раскладываются на землю, слѣдствіемъ чего, опять-таки, является большая разниця въ платежахъ малоземельныхъ и многоземельныхъ дворовъ. Въ великорусскихъ деревняхъ коррективомъ такого ненормальнаго обложенія является общинная разверстка всѣхъ платежей по средствамъ и силамъ хозяйствъ, но въ Бѣлоруссіи общины нѣтъ, и бѣдный дворъ долженъ платить столько, сколько положено по закону.

Онъ долженъ столько платить, но въ дѣйствительности, благодаря отсутствію общины, онъ платитъ несравненно больше, чѣмъ обязанъ. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію такого явленія, подобнаго которому, по безобразію, едва ли можно найти въ деревняхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Казенныя палаты, какъ извѣстно, распредѣляютъ сумму налоговъ лишь между сельскими обществами, соотвѣтственно численности ревизскихъ душъ въ нихъ и количеству надѣльной земли; разверстка же этой суммы между домохозяевами предоставлена сельскому сходу. Въ западныхъ губерніяхъ сельскій сходъ, на основаніи 47 ст. Общаго Положенія 19-го февраля, составляется не изъ всѣхъ домохозяевъ, какъ въ Великороссіи, а только изъ крестьянъ-хозяевъ; безземельные же батраки, бобыли и кутники не пользуются на сходѣ правомъ голоса. Уже а ргіогі можно допустить, что справедливости отъ такихъ сходовъ ждать трудно; но въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ такимъ разнузданнымъ эгоизмомъ, съ такимъ беззащитнымъ и единодушнымъ стремленіемъ членовъ схода свалить съ себя всѣ платежи на односельчанъ, не участвующихъ въ сходѣ, подобнаго которому, сколько мы знаемъ, невозможно найти въ Великороссіи. Явленіе это имѣетъ, по нашему мнѣнію, такую важность не только въ экономическомъ, но и социальномъ отношеніи, что будетъ не лишнимъ для его характеристики привести возможно больше фактовъ. «До какой степени, пишутъ въ своемъ «отзывѣ» ковенскія соединенныя присутствія, сельскіе сходы злоупотребляютъ дарованнымъ имъ закономъ, неограниченнымъ и безконтрольнымъ правомъ разверстки, убѣдительно доказываютъ данныя, собранныя ковенскимъ губернаторомъ во время обревизованія имъ въ 1869—70 годахъ нѣкоторыхъ волостныхъ правленій Ковенской губерніи. Такъ, напримѣръ, Слободскій и Заборскій сельскіе сходы, Слободской волости Новоалександровскаго уѣзда, приговорами 12 марта 1870 года, для пополненія подушныхъ сборовъ, обложили каждую душу, владѣющую землею—2 р. 50 к., а каждую безземельную—2 р. 75 к., Войцунскій сельскій сходъ обложилъ хозяйскую душу 2 р. 60 к., а безземельную—3 р. Изъ общаго итога подушныхъ сборовъ, подлежавшихъ взысканію въ 1870 г. съ крестьянъ Валкійской волости Ковенскаго уѣзда, 4,772 р. 42 к. были разложены на

1,136 душъ крестьянъ, владѣющихъ землею, а 3,523 р. 25 коп. на 723 души крестьянъ безземельныхъ, слѣдовательно каждая ревизская душа была обложена сборомъ въ 4 р. 20 к., а безземельная—въ 4 р. 87 к. Въ Ясвоинской волости въ 1870 г. было положено подушныхъ сборовъ, оклада и недоимки на каждую хозяйскую душу 3 р. 64 к., а на каждую безземельную—4 р. 11 к.; въ Андреевской волости Россіенскаго уѣзда въ томъ же году первая платила 3 р. 9 к., вторая—3 р. 73 к.; въ Понемуйской волости Новоалександровскаго уѣзда, въ 1870 г., каждая владѣющая землею душа была обложена сборомъ оклада и недоимокъ подушныхъ податей въ 4 р. 15 к., а безземельная—11 р. 66 к.; въ Бахматской волости того же уѣзда ежегодный сборъ съ хозяевъ достигаетъ 7 р. 7 к. съ души, а съ безземельныхъ—10 р. 37 к. и т. д.) Вообще, «около половины всѣхъ подушныхъ сборовъ, подлежащихъ взысканію съ крестьянъ Ковенской губерніи взимается съ той части населенія, которая оставлена безъ земельного надѣла, изыскиваетъ себѣ средства къ пропитанію единственно батрачествомъ и обречена на безвыходную нужду, даже во времена, благопріятствующія успѣшному веденію хозяйства *)». Нечего и прибавлять, что «естественнымъ послѣдствіемъ такой неправильной раскладки является затруднительность успѣшнаго взысканія подушныхъ сборовъ и накопленіе значительныхъ недоимокъ», а такое послѣдствіе, какъ извѣстно, влечетъ другія послѣдствія: порку, аресты, продажу имущества батраковъ-недоимщиковъ. Вообще, трудно найти въ крестьянскомъ сословіи другой примѣръ такой деморализаціи, такой полной потери чувства справедливости, какою отличаются западно-русскіе «хозяева»; сваливая съ себя налоги на бѣднѣйшихъ: они, пользуясь своимъ вліяніемъ въ волостномъ управленіи, отнимаютъ въ тоже время у нихъ всякую возможность уплачивать эти налоги. «Изъ свѣдѣній, собранныхъ ковенскимъ губернаторомъ, видно, что сельскіе сходы, разверстывая подушные сборы между батраками, берутъ въ основаніе годовой окладъ жалованья, получаемого батраками, подраздѣляя сихъ послѣднихъ на разряды. При чемъ батраки 1-го разряда, или, такъ называемые, полные батраки, получающіе по 25—30 р. и выше въ годъ жалованья, облагаются

*) Сводъ отзывовъ, стр. 76.

окладами отъ 5 до 8 рублей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе, на пополненіе однихъ подушныхъ податей, не считая денежныхъ сборовъ на рекрутскія и мірскія надобности; батраки же послѣдняго разряда (число разрядовъ не вездѣ одинаково), такъ называемые, полу-пастухи (мальчишн 10—12 лѣтъ), получающіе въ годъ жалованья отъ 5 и рѣдко до 10 руб. облагаются окладомъ до 2 руб.). Чѣмъ объяснить эту ничтожную и при томъ постоянную, успѣвшую уже разбиться на устойчивые разряды заработную плату? Нѣтъ сомнѣнія, что главной причиною здѣсь слѣдуетъ считать чрезмѣрное предложеніе труда со стороны безземельныхъ, конкуренцію малоземельныхъ но не менѣе сильна должна быть и другая причина: единодушіе хозяевъ при назначеніи наемныхъ цѣнъ. Этими, однако же, не исчерпываются дѣянія или, вѣрнѣе, злодѣянія деревенскихъ кулаковъ. Батраки нанимаются здѣсь, какъ и вездѣ, зимою, когда они изъ-за нужды соглашаются на всякія условія. Договоры заключаются въ волостномъ правленіи и, казалось бы, должны быть обязательны для обѣихъ сторонъ. Батраками они, разумѣется, и исполняются съ пунктуальной точностью, но для хозяина обязательны лишь въ годы урожайные: если хлѣбъ не выросъ, хозяинъ безъ малѣйшаго колебанія освобождаетъ себя отъ всякихъ обязательствъ. «При обзорѣ губерніи въ 1868 г., ковенскій губернаторъ, просматривая книги рѣшеній волостныхъ судовъ, обратилъ вниманіе на массу рѣшеній, которыми нарушались договоры, заключенные нанимателями съ батраками, на томъ лишь основаніи, что неурожайный годъ побуждалъ домохозяевъ сократить расходы на воздѣлываніе ихъ участковъ»¹⁾. Какъ вы, читатель, назовете поступокъ человѣка, который отнялъ бы у хромаго палку и вдобавокъ избилъ бы его за то, что тотъ пересталъ идти? Какіе бы бранные эпитеты вы ни придумали, смѣло можете отнести всѣ ихъ цѣликомъ и, если можно въ усиленной степени, къ ковенскому хозяину, потому что поступокъ того и другаго по нравственному содержанію одинаковъ, или нѣтъ: дѣйствія перваго могутъ еще быть объяснены какимъ-нибудь случайнымъ ненормальнымъ состояніемъ, ковенскіе-же кулаки поступаютъ такъ много лѣтъ и на основаніи строго обдуманнаго себялюбиваго расчета.

¹⁾ Тамъ же, стр. 76.

Гдѣ-же основная причина, въ чемъ заклю чаются усло-
вія развитія такого разнузданнаго эгоизма? Обратимся опять-
къ отзыву, соединенныхъ присутствій. По ихъ мнѣнію, причи-
ной «разительной» неравномѣрности въ раскладкѣ налоговъ и,
слѣдовательно, всѣхъ ея послѣдствій «служитъ существующее
въ губерніи подворное участковое землевладѣніе, которое при
крайнемъ неразвитіи и грубости крестьянскаго населенія не со-
отвѣтствуетъ первобытному способу взиманія податей подуш-
ной системы. Западные окраины Россіи не могутъ быть срав-
нимаемы въ этомъ отношеніи съ тѣми губерніями, гдѣ сохрани-
лось въ настоящее время общинное землевладѣніе и гдѣ, слѣдо-
вательно, каждая душа въ равной степени пользуется правами
на надѣлъ и усадебную осѣдность. Подушная подать при общин-
номъ способѣ пользованія землею въ сущности есть подать съ
земли 1)». Простое перечисленіе подати съ души на десятину
устраняетъ всѣ недостатки системы, не разбирающей ни бога-
тыхъ, ни бѣдныхъ, ни взрослыхъ, ни дѣтей, ни имѣющихъ воз-
можность вести земледѣльческія хозяйства, ни безхозяйственныхъ.

До сихъ поръ шла рѣчь исключительно о подушныхъ пода-
тяхъ, но трудно предполагать, чтобы, въ виду сильнаго искуше-
нія, хозяева не притянули безземельныхъ и къ участію въ нало-
гахъ на землю, хотя тѣ не пользуются ни одною пядью ея. Факты
дѣйствительно позволяютъ обобщить мнѣніе ковенскихъ присут-
ствій: подворное землевладѣніе «не соотвѣтствуетъ» не только
первобытному, но и всякому способу справедливаго взисканія нало-
говъ. Въ Манковичской и Луцкой волостяхъ Виленской губерніи,
гдѣ въ другихъ отношеніяхъ раскладка нѣсколько правильнѣе.
по словамъ Туна, батраки кромѣ уплаты личныхъ податей, прив-
лекаются къ платежу и поземельныхъ сборовъ.

На сходѣ домохозяевъ прежде всего выдѣляютъ стариковъ,
увѣчныхъ и т. п., а также совершенно бѣдныхъ поденщиковъ, съ
которыхъ нечего взять, освобождая ихъ отъ всякихъ сборовъ,
затѣмъ производится раскладка. Въ Манковичской волости какъ
безземельные, такъ и хозяева платятъ подушную подать поровну
(2 р. 12 к.), поземельные же сборы взискиваются только съ по-

1) Стр. 78.

сдѣланныхъ. Остальная податная сумма распределяется на равныя доли между дворами: въ противоположность великорусскимъ порядкамъ плательщикомъ въ Бѣлоруссіи является не работникъ, вообще не лицо, а дворъ, и при раскладѣ не обращается вниманія ни на число лицъ и семействъ, составляющихъ дворъ, ни на возрастъ и состояніе здоровья его членовъ, ни на случайныя несчастія, въ родѣ падежа скота, пожаровъ и т. п. Такіе странныя взгляды надо цѣликомъ отнестн на счетъ продолжительнаго вліянія подворнаго землевладѣнія. Мірскіе сборы въ названной волости раскладываются по числу десятинъ, безземельные же платятъ около 20 к. съ души. Въ Луцкой волости безземельные обременены налогами еще сильнѣе: въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ нихъ берется около 5 р., въ другихъ 2 р. 22 к.; сверхъ того, они платятъ по 1 р. съ ревизской души на волостное управленіе, примѣры справедливаго отношенія котораго къ безземельнымъ мы привели выше. Бобыли, владѣющіе землей, платятъ волостныхъ 1 руб. 15 коп. и по 34 к. съ души на мірскіе сборы, какъ бы ни были различны по размѣрамъ и качеству ихъ земельные участки.

Нѣсколько справедливейше распределяются натуральныя повинности: безземельные обыкновенно освобождаются отъ нихъ, и было бы дѣйствительно въ высшей степени странно заставлять батрака чинить дороги, по которымъ ему не зачѣмъ и не на чѣмъ ѣздить, или сторожить запасныя магазны, изъ которыхъ ему не выдаютъ ни зерна. Но хозяйскіе дворы, независимо отъ различія въ размѣрахъ ихъ землевладѣнія, отбываютъ эти повинности по очереди. Тяжелѣйшая изъ натуральныхъ повинностей—подводная—въ Манковичской волости обходится въ 1,045 р. при переводѣ на деньги; налогъ этотъ распределяется между дворами поровну. Дорожная повинность въ Манковичской волости отбывается въ 1,200 р., въ Луцкой—въ 100 р. Она особенно тяжела потому, что на починку дорогъ приходится отправляться верстъ за 25 и даже за 40, такъ что на одну ѣзду туда и сюда требуется не менѣе дня. Что касается до полицейской службн (сотники, десятники), то эта повинность распределяется между волостями еще неравномернѣе: въ Манковичской волости ее можно отбывать всего въ 17 р. 10 к., между тѣмъ въ Луцкой, благодаря

тому обстоятельству, что здѣсь находится станова квартира, стоимость полицейской службы не менѣе 280 р. въ годъ.

Мірскія натуральныя повинности и сборы: отбываніе должностей старостъ, волостныхъ судей, сторожей, жалованье волостному писарю и фельдшеру (въ Манковичахъ 400 р., въ Луцкѣ—300 р.) починка мірскихъ строеній, школъ, деревенскихъ дорогъ и мостовъ, межевыхъ знаковъ и т. п., также не легки, но вслѣдствіе ихъ измѣнчивости изъ году въ годъ, трудно вычислить въ точности, но можно положить, что ежегодно на всѣ эти расходы идетъ не менѣе 100—200 р. Къ отбыванію нѣкоторыхъ повинностей малоземельные и бобыли привлекаются рѣже многоземельныхъ дворовъ.

Что касается до косвенныхъ налоговъ, то налогъ на передвиженіе, паспортный, въ западномъ краѣ далеко не достигаетъ такой суммы, какъ въ Вѣлкороссіи. Бѣлоруссь, какъ бы ему плохо ни жилось, въ высшей степени усидчивъ, и только крайняя нужда можетъ заставитьъ его уйти на сторону. Ужъ если въ родной деревнѣ плохо, то тамъ, по его соображеніямъ, въ чужихъ людяхъ будетъ еще хуже. Въ цѣлой Манковичской волости въ 1876 г. взято было паспортовъ на 14 р. 50 к. Налогъ на потребление гораздо значительнѣе, особенно на водку; въ годъ можно опредѣлить его въ 8¹/₂—17 р. съ человѣка.

«Г-мъ, г-мъ», промчытъ нной трезвмй радетель народннкъ интересовъ — «вотъ она, причина-то бѣдности» и жестоко ошибется. Пьянства, какъ порока, въ Бѣлоруссіи совсѣмъ не существуетъ: здѣсь нють столько, сколько нужно, такъ что приведенная цифра объясняется высокимъ акцизомъ. Всякое увеличеніе акциза, потому, не уменьшитъ потребления водки, а только увеличитъ тяжесть налога.

При изнурительномъ физическомъ трудѣ, недостаточномъ питаніи, при холодномъ климатѣ и постоянныхъ перемѣнахъ температуры, при утомительной ѣздѣ по отвратительнымъ дорогамъ—количество двухъ-трехъ ведеръ на семью составляетъ потребность. Нужно принять также во вниманіе, что водка представляетъ единственный источникъ удовольствія, и, пока не придумано другихъ, никакими репрессивными мѣрами нельзя достигъ усиленія трезвости. Если существуютъ неблагоприятныя экономическія условія, надо считаться съ ихъ послѣдствіями: пока для поддержанія физической дѣятельности истощенный организмъ требуетъ

въ большинствѣ случаевъ сильныхъ возбуждательныхъ средствъ, пока состояніе земледѣльца, таково, что онъ находитъ успокоеніе только въ снѣ или опьяненіи, было бы несправедливо лишать его послѣдняго средства, при помощи котораго онъ можетъ хотя на время забыть нужду, униженія и все горе своего будничнаго существованія. Эти слова—не апологія пьянства, а лишь отвѣтъ тѣмъ, кто думаетъ устранить послѣдствія, не касаясь ихъ причинъ. А каковы эти причины, было уже говорено выше.

Но мы еще сказали не все, что необходимо для полнаго и вѣрнаго представленія объ экономическомъ положеніи массы западнорусскаго крестьянства. Встрѣчая слова: «богатый» дворъ, «дворы хозяевъ, владѣющихъ полнымъ надѣломъ», читатель могъ подумать, что бѣдность на западѣ Россіи есть удѣлъ однихъ безземельныхъ. Въ дѣйствительности это далеко не такъ: выраженія «богатый», «средній» имѣютъ лишь относительное значеніе. За немногими исключеніями дѣйствительно—зажиточныхъ дворовъ, преимущественно въ Ковенской губ., гдѣ земля имѣетъ большую цѣнность и земледѣліе болѣе выгодно, западнорусскіе крестьяне вообще очень бѣдны: самый богатый дворъ такъ мало получаетъ и такъ много платитъ, что у него едва хватаетъ средствъ для покрытія самыхъ первыхъ потребностей. Наиболѣе требовательный финансистъ считаетъ 10% съ дохода предѣломъ, дальше котораго безъ большаго вреда налогъ не можетъ быть поднять, а мы видѣли, что въ лучшемъ случаѣ бѣлоруссы платятъ 16%, а въ худшемъ 30%. «Земли Могилевской губ., читаемъ въ отзывѣ могилевскихъ губернскихъ присутствій; истощены и мало-плодородны, между тѣмъ выкупные крестьянскіе платежи, а также губернскіе земскіе сборы лежатъ исключительно на землѣ. Это обремененіе мало-производительной почвы значительными платежами имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не разъ уже заявленное желаніе отказаться отъ поступившихъ имъ (крестьянамъ) въ надѣлъ земель и переселиться въ другія губерніи»¹⁾. Гродненскія присутствія заявляютъ, что податныя сословія «до крайности обременены налогами, которые притомъ, вслѣдствіе постепенно увеличи-

¹⁾ Сводъ отзывовъ, стр. 158.

вающихся потребностей обширнаго нашего государства, время от времени возрастають¹⁾).

Въ этихъ ненормальныхъ условіяхъ можно найти если не смягчающія обстоятельства, то, по крайней мѣрѣ, объясненіе тѣхъ проявленій эгоизма хозяевъ по отношенію къ батракамъ, о которыхъ было говорено по поводу раскладки налоговъ. Нужны сильныя общинныя наклонности, чтобы принять на себя долю общей тяжести, когда есть возможность свалить ее на другого, и когда этого требуетъ почти инстинктъ самосохраненія; но этихъ общинныхъ наклонностей, воспитанныхъ въ великороссѣ исторіей, не могло развиться у бѣлоруссовъ и литовцевъ, прожившихъ цѣлыя вѣка въ одиночку и въ рабствѣ у польскихъ помѣщиковъ, видѣвшихъ въ нихъ лишь «быдло». Въ сельскохозяйственныхъ расчетахъ они расселилиполовину крестьянъ односельями, обезземелили остальныхъ, а своимъ вліаніемъ, своимъ образомъ жизни деморализовали всѣ классы, доведя въ то же время безпрестаннымъ тяжелымъ изнурительнымъ трудомъ все крестьянское населеніе до крайняго отупѣнія.

Признаки бѣдности бѣлоруссовъ и латышей и неразлучно соединенныхъ съ ней припиченности и неразвитости такъ многочисленны и такъ ясны, что для доказательства ея нѣтъ нужды въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Избы, разбросанныя въ одиночку или небольшими поселками, до такой степени бѣдны и лишены всякихъ удобствъ и украшеній, что даже дома русскихъ крестьянъ лучше: онѣ похожи скорѣе на тѣ зпмовки, которыя строятся въ сѣверныхъ лѣсахъ; какъ въ ирландскихъ хижинахъ, внутри избы вмѣстѣ съ людьми помѣщаются и свиньи. — Отдача дѣтей изъ-за одного хлѣба шляхтѣ или въ богатые дворы—обыкновенное явленіе. Такія условія, само собою разумѣется, не могутъ оставаться безъ вліанія на здоровье. Изнуряемые трудомъ и нищетой, ослабляемые сверхъ того климатомъ, бѣлоруссы и латыши постоянно подвергаются заболѣваніямъ. Пропорція дряхлыхъ особенно значительна: здѣсь старѣють раньше времени. — Нравственныя и умственныя качества находятся въ зависимости отъ условій физическаго существованія. Въ бѣлоруссѣ не могло выработаться той энергіи, предприимчивости или постоянства, какими отличаются велико-

¹⁾ Тамъ же, стр. 108.

россы или малороссы. Вѣчно одержимый безконечнымъ страхомъ, бѣлорусъ бьется на минуту отступить отъ стараго порядка жизни. Крѣпостное право уничтожено, но при видѣ этихъ людей, падающихъ на колѣни предъ каждымъ паномъ, а тѣмъ болѣе предъ властями, даже своими сельскими, цѣлующихъ руки шинкаря-еврея, можно подумать, что оно продолжаетъ существовать во всей силѣ. Въ образѣ жизни, въ приемахъ земледѣльческаго труда бѣлорусъ таковъ же, какими были его предки. Его пѣсни, поговорки выражаютъ, какъ нельзя лучше, неподвижность ума, покорность судьбѣ и равнодушіе ко всякимъ переѣвннл въ жизни. Въ то время, какъ великоросъ легко бросаетъ земледѣліе, если находитъ выгодный заработокъ, бѣлорусъ предпочтетъ голодать, но не оставить сохи. Почва даетъ не болѣе самъ 3, но, хотя бы пришлось не доѣдать, онъ бережетъ сѣмена до слѣдующаго посѣва, утѣшая себя пословицей, смыслъ которой таковъ: хотъ ложись умнрать, а хлѣбъ сѣи. Съ его лица рѣдко сходитъ выраженіе грусти. Бѣлорусскіе праздники, проводимые старшими въ разговорахъ, а младшими въ танцахъ подъ скрипку, совсѣмъ не отличаются тѣмъ разгуломъ, какой бываетъ въ великорусскихъ деревняхъ; въ виду всеобщей бѣдности, понятна также скупость и недостатокъ гостепримства между бѣлоруссами.

Но общая приниженность привела къ одному хорошему послѣдствію: она не дала развиться семейному деспотизму отцовъ и мужей. Ни въ одной бѣлорусской пѣснѣ, вообще, изобилующихъ выраженіями нѣжности, невѣста не представляется въ состояніи великорусской дѣвнцы, «отдаваемой родными батюшкой и родной матушкой за чужанина, о которомъ она ни думала, ни гадала», и когда произносятся старинныя формулы о плеткѣ, передаваемой изъ рукъ отца въ руки мужа, хоръ отвѣча етъ иронической пѣсней. Замѣтно, что свободный выборъ довольно обыкновенное явленіе среди бѣлорусовъ, а приданому, приносимому невѣстой, не придается особаго значенія: «не бери одѣтую въ золото, поеть хоръ, а богатую умомъ».

Впрочемъ, какъ ни придавленъ бѣлорусскій народъ, но в сему не чужды стремленія къ свободѣ: въ пѣсняхъ попадаются крѣпкая брань противъ пановъ, а существо, наиболѣе возбуждающее удивленіе и зависть бѣлорусса—вольный казакъ¹⁾.

¹⁾ Пособичъ, Народныя пѣсни Бѣлоруссовъ. Этнографическій сборникъ,

Что касается до литовцевъ и латышей, то несообщительность и вѣчно флегматическое, мрачное настроеніе ихъ вошло въ пословицу; еще болѣе своихъ сосѣдей, бѣлоруссовъ, они склонны примиряться съ превратностями судьбы. Польша прислала къ нимъ ксендзовъ и помѣщиковъ, и они становились католиками и рабами, хотя новую вѣру принимали не безъ сопротивленія. Еще во второй половинѣ XVI вѣка литовцы, осужденные на смерть, вѣшали себя собственными руками. И теперь, многіе изъ литовскихъ крестьянъ, достигши сорока или пятидесяти лѣтъ, уступаютъ добровольно власть въ домѣ сыну или зятю, превращаясь, такимъ образомъ, изъ хозяевъ въ подчиненныхъ.

Умственное развитіе тѣхъ и другихъ одинаково низко. Слѣды культа воды до сихъ поръ весьма многочисленны во всемъ краѣ; къ нѣкоторымъ источникамъ и теперь, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, стекаются толпы посѣтителей, въ надеждѣ получить излѣченіе отъ болѣзней, для чего стоитъ лишь бросить монету на дно чудотворнаго источника. Деревья, особенно сосны и березы, всегда были почитаемы, и въ честь ихъ дѣвушками до сихъ поръ устраиваются праздники. Куски, оторванные отъ деревьевъ громомъ, тщательно сохраняются, какъ талисманы, а когда приходится переходить изъ одного дома въ другой, хозяева переносятъ головни изъ прежней печи въ новую. Забывать мертвыхъ, т. е. не приносить имъ пищу на могилы, считается грѣхомъ. — Какъ земледѣлецъ, бѣлоруссъ особенно боится мороза и, пытаясь умиловить грознаго врага, онъ приноситъ ему жертвы съ убѣдительною просьбою «съѣсть ее, но не трогать хлѣба».

Какими же средствами можно измѣнить печальное положеніе этого народа? Прежде всего средства эти должны быть направлены, конечно, къ улучшенію экономическаго быта. Въ послѣднее время для достиженія этой цѣли такъ много предлагается мѣръ и каждой изъ нихъ приписываются такіа цѣлительныя свойства, что самый вопросъ о нихъ, какъ уже достаточно исчерпанный, можетъ по-

казаться празднымъ. Попробуемъ, однакожъ, отнестись критически къ этимъ панацеямъ.

Прежде всего рекомендуется запрещеніе семейныхъ раздѣловъ. Но въ западной Россіи такое запрещеніе существуетъ и, ни къ какимъ хорошимъ послѣдствіямъ не привело и не можетъ привести, потому что оно идетъ въ разрѣзъ съ потребностью человѣка въ личной независимости. Затѣмъ, уменьшеніе пьянства. Но мы видѣли, что въ западныхъ губерніяхъ пьянства нѣтъ, а бѣдность, несмотря на то, общая. Далѣе, переселеніе. Читая пространныя разсужденія о необходимости переселеній изъ Россіи, можно подумать, что дѣло идетъ о странѣ, гдѣ плотность населенія достигла такого предѣла, что производительность почвы оказывается недостаточной для его прокормленія, и не остается другого средства для спасенія отъ голода, какъ изгнаніе излишка населенія въ глубь Азіи. Между тѣмъ въ наиболѣе густонаселенныхъ губерніяхъ, въ дѣйствительности, производится хлѣба гораздо больше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей производителей. Въ приѣженіи же къ такимъ мѣстностямъ, какъ сѣверозападный край, изобилующимъ огромными пространствами невоздѣланной земли, вопросъ о переселеніи можно признать не имѣющимъ важнаго значенія уже а priori, не представляя особыхъ доказательствъ. Есть, впрочемъ, одна точка зрѣнія, на которую мы особенно охотно становимся, когда дѣло идетъ о рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ народной жизни. Это — взглядъ самого народа на жизненные его интересы, на сколько о немъ можно заключать изъ наблюденій надъ народнымъ бытомъ, такъ какъ другого способа узнавать думы и желанія народа пока не существуетъ. Наблюденія эти показали, что сѣверозападные крестьяне не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности не только къ выселенію изъ родныхъ деревень, но даже къ отхожимъ промысламъ, получившимъ такое развитіе въ нечерноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Изъ виленской губерніи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мѣстной администраціей, втеченіе 8 лѣтъ, съ 1872 по 1879 г., выселилось 1859 человѣкъ, но что причина эмиграціи лежитъ не въ избыткѣ населенія, доказываетъ тотъ фактъ, что въ тѣ же годы въ виленскую губернію переселилось 1907 человѣкъ. Къ тому же эти цифры относятся не къ однимъ только земледѣльцамъ, такъ какъ значительную часть переселяющихся въ западномъ край со-

ставляютъ евреи. Изъ ковенской губерніи въ 1879 г. было перечислено 299 человекъ, а причислено 93. Изъ витебской губерніи въ послѣдніе 10 лѣтъ выселилось, преимущественно въ исковскую губернію, до 500 человекъ, которые съ избыткомъ были замѣщены 1000 переселенцевъ изъ прибалтійскихъ губерній. Изъ могилевской губерніи выселились въ 1874 году 64 крестьянина въ ставропольскую губернію; въ слѣдующіе пять лѣтъ переселилось изъ губерніи 986 человекъ (вмѣстѣ съ евреями), въ губернію же 343, такъ что въ среднемъ ежегодно изъ губерніи выселяется 199 ч., а прибываетъ 70. Въ свѣдѣніяхъ о минской губерніи совсѣмъ не говорится о переселеніяхъ, но въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ эту губернію перешло изъ Курляндіи 171 человекъ.

Цифры эти, вѣроятно, не вполне точны, но что «роль бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній въ переселеніяхъ совершенно ничтожна», можно убѣдиться другимъ способомъ. Переселенцы, направляющіеся въ Сибирь, устриваются по преимуществу въ томской губерніи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Ядринцевымъ, оказалось, что изъ виленской губерніи въ послѣднее десятилѣтіе переселилось въ томскую всего 6 человекъ, изъ ковенской — 2 (въ 1879 г.), изъ гродненской — 8, изъ витебской — 1, изъ могилевской — 12, изъ минской — 3, между тѣмъ какъ изъ рязанской губ. въ то же десятилѣтіе переселилось туда 351 чел., изъ тамбовской — 2,177, изъ курской — 383 ч., и т. д.

Для характеристики склонности бѣлоруссовъ и литовцевъ къ переселеніямъ нужно еще принять во вниманіе, что въ западныхъ губерніяхъ выходъ изъ общества не обставленъ такими затрудненіями, какъ въ мѣстностяхъ съ круговой порукой, нѣкоторые же классы крестьянскаго населенія, именно безземельные — свободны отъ всякихъ стѣсненій и, по положенію 28 января 1876 г., имѣютъ даже право на надѣлъ изъ казенныхъ оброчныхъ статей въ оренбургской и уфимской губерніяхъ.

Принимая затѣмъ во вниманіе, что и отхожіе промыслы почти совсѣмъ не развиты между бѣлоруссами, изрѣдка отправляющимися лишь на землекопныя работы, можно съ увѣренностью утверждать, что если всѣ мѣры къ улучшенію экономическаго быта крестьянъ ограничатся одной организаціей переселенія, крестьяне сѣверо-западныхъ губерній останутся въ томъ же положеніи, какъ и теперь. Какъ общая мѣра, переселеніе не встрѣтитъ

здѣсь сочувствія, потому что оно противорѣчитъ народному характеру; имъ могутъ воспользоваться лишь немногія лица, быть можетъ, наиболѣе зажиточныя. Въ чемъ же исходъ? Прислушаемся къ голосу самаго народа.

«Меньше налоговъ и больше земли» и именно на роднѣхъ, а не въ далекихъ степяхъ, этими словами можно характеризовать первыя и главнѣйшія мѣры, какія, по мнѣнію народа, необходимы для измѣненія его положенія къ лучшему. Нельзя не признать справедливости обѣихъ требованій. Существующая система налоговъ нуждается не въ реформѣ, а въ полной замѣнѣ другой. Пора перевернуть эту удивительную прогрессію, при которой безземельный платитъ больше надѣленной землей, малоземельный дворъ больше средняго, средній больше полного хозяина, и этотъ послѣдній больше богатѣйшаго землевладѣльца изъ другихъ классовъ (землевладѣльцы платятъ въ Бѣлоруссіи всѣхъ налоговъ по 19 коп. съ пахатной десятины и по 6 коп. съ десятины лѣса, между тѣмъ какъ крестьянская десятина обложена 1 р. 10 копейками).

Пониженіе общей суммы налоговъ хотя бы до 10% доходности, что составляетъ, по мнѣнію финансистовъ, максимумъ обложенія, уравненіе при раскладкѣ налоговъ и денежной стоимости натуральныхъ повинностей всѣхъ видовъ имущества, оцѣниваемыхъ на основаніи общаго для всѣхъ владѣльцевъ начала, уменьшеніе косвенныхъ налоговъ, падающихъ почти исключительно на бѣднѣйшіе классы, передача опредѣленія суммы налоговъ и ихъ раскладки самому народу, вотъ первыя цѣли, какія должна преслѣдовать сколько-нибудь правильная податная система.

Еще болѣе необходимо удовлетвореніе втораго желанія народа, успѣвшаго уже проявиться въ глухомъ броженіи по всему краю. Основная мысль положенія 19 февраля создать изъ крестьянъ самостоятельныхъ хозяевъ, бытъ которыхъ обезпечивается достаточнымъ количествомъ надѣла, какъ мы видѣли, остается несущественной не только по отношенію къ безземельнымъ, но и къ большей части надѣленныхъ землей: 15—20 десятинъ на дворъ можно считать минимумомъ надѣла, обработка котораго способна поглотить рабочіе силы двора и дать достаточное количество продукта для прокормленія его членовъ, а такимъ надѣломъ пользуются немногіе.

Но и надѣломъ землей, если останется подворная система

землевладѣнія, не предупредить въ будущемъ, судя по имѣющимся фактамъ, ни неравномѣрности въ распредѣленіи надѣловъ, если будетъ допущена свобода раздѣловъ, ни образованія класса безземельныхъ, если запрещеніе семейныхъ раздѣловъ будетъ оставлено въ силѣ, а очень можетъ быть, не устранить скопленія земли въ богатыхъ дворахъ и независимо отъ раздѣловъ. Организація землевладѣнія по общинному типу при условіи добровольнаго принятія такой перемѣны большинствомъ членовъ общины представляется, по нашему мнѣнію, единственнымъ средствомъ избѣгнуть такой неутѣшительной будущности.

Въ докладѣ комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной производительности приведены такіе краснорѣчивые доводы въ пользу страстной и общей привязанности западнорусскихъ крестьянъ къ участковому землевладѣнію и въ доказательство ихъ молчаго отвращенія къ общинѣ, что, повидимому, не можетъ быть и рѣчи о добровольномъ, непринужденномъ усвоеніи ими общинной формы землевладѣнія. «Страсть народа къ участковому владѣнію, сообщаетъ минскій губернскій предводитель дворянства, такъ велика, что никакая сила не принудила бы его къ общинному пользованію землею по образцу великорусскихъ крестьянъ; таковъ характеръ бѣлоруссовъ: понятіе ихъ о собственности заключаетъ понятіе о бесспорномъ владѣніи и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ распоряженіе хотя бы клочкомъ земли¹⁾». «Участковое владѣніе у крестьянъ, пишетъ землевладѣлецъ мстиславльскаго уѣзда могилевской губерніи, предпочтается по любви къ собственности положительной, а не мнимой; общинную они сравниваютъ съ бывшею при крѣпостномъ состояніи». Землевладѣлецъ борисовскаго уѣзда минской губерніи пытается объяснить причины такой непоколебимой привязанности крестьянъ къ подворнымъ участкамъ: «съ незапамятныхъ временъ установившейся здѣсь порядокъ участковаго пользованія землею заставляеть крестьянъ предпочитать таковой общинно-подушному, не только по привычкѣ, но и по причинѣ большихъ хозяйственныхъ выгодъ, а именно: земля здѣсь необходимо нуждается въ удобреніи навозомъ, поэтому хозяинъ

¹⁾ Докладъ комиссіи, I, 1, стр. 191.

тогда только может стараться унавоживать земли, если онъ надѣленъ постояннымъ участкомъ; если же чрезъ годъ, или чрезъ вѣсколько лѣтъ удобренная имъ земля можетъ перейти къ другому хозяину, то онъ не станетъ унавоживать ее, и, наконецъ, она дойдетъ до совершеннаго истощенія». Очевидно, почтенный землевладѣлецъ забылъ, что вся нечерноземная полога Велико-россiи, заключающая болѣе 20 губерній съ населенiемъ въ 20 милiоновъ, находится въ общинномъ землевладѣнiи, и, тѣмъ не менѣе, ни одного зерна не бросается здѣсь на неунавоженную почву.—Хорошо и удобрение, могутъ замѣтить.—Да, оно плохо, но не община тому виной: объясненiя надо искать въ недостаткѣ скота и вообще хозяйственныхъ средствъ, однаково присущемъ и подворному землевладѣнiю въ Бѣлоруссiи, а также въ томъ что всѣ земледѣльческiя работы въ сѣверныхъ губернiяхъ Велико-россiи, за отходомъ мушницъ, исполняются женщинами.

Въ Докладѣ приводится также одинъ крупный фактъ, повидимому, вполне подтверждающiй приведенные выше отзывы. Въ 1861 году на молдавскую губернiю, гдѣ до того времени крестьяне пользовались землею подворно, безъ передѣловъ, было распространено великорусское положенiе, и введено подушное надѣленiе земель съ круговой порукой въ отбыванiи повинностей и платежей. «Обязательное введенiе общиннаго подушнаго надѣленiя, сообщаютъ три лица, не могло, однако, измѣнить установившагося временемъ порядка пользованiя, и фактически крестьяне продолжаютъ владѣть землею подворно безъ периодическихъ передѣловъ». Но, во первыхъ, никто и не говоритъ объ обязательномъ введенiи общины, а во вторыхъ, положенiе не запрещаетъ перехода отъ общиннаго землевладѣнiя къ подворному, если большинство общины считаетъ такую замѣну нужной. И трудно объяснить, особенно въ виду освобожденiя отъ круговой поруки, почему во всей губернiи до 1873 года только 26 общинъ нашли нужнымъ совершенно освободиться отъ навязанной имъ формы землевладѣнiя, представивши приговоры о раздѣлѣ общинной земли на наследственные участки.

Мы, впрочемъ, не сомнѣваемся въ справедливости и искренности отзывомъ землевладѣльцевъ, но полагаемъ, что ихъ слова выражаютъ лишь мнѣнiя самой незначительной, наиболѣе обезпеченной части крестьянъ. Нѣкоторые намеки на это встрѣчаются въ самомъ докладѣ: «вообще, въ понятiяхъ всѣхъ, преимущественно

же людей семейныхъ и зажиточныхъ, подворное владѣніе предпочитается подушнымъ надѣламъ въ деревнѣ, потому что живущій особнякомъ болѣе свободенъ во всѣхъ отношеніяхъ». Да и съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, ковенскій домохозяинъ, «свободный» теперь даже отъ налоговъ, которые онъ сваливаетъ на безземельныхъ, будетъ дружелюбно относиться къ общинѣ, смыслъ которой состоитъ въ обузданіи эгоизма подобныхъ ему людей?

Но если бы комиссія обратилась съ вопросами о формахъ землевладѣнія не къ землевладѣльцамъ и богатымъ крестьянамъ, а къ батратамъ, путникамъ, огородникамъ, младшимъ братьямъ дворохозяевъ, то она убѣдилась бы, что «душевный надѣлъ», какъ здѣсь называютъ общинное земледѣніе, составляетъ завѣтную мечту громаднаго большинства населенія.

Впрочемъ, организація землевладѣнія, при всемъ ея громадномъ значеніи, одна, безъ организаціи земледѣльческаго труда, не можетъ привести къ особенному благосостоянію. Распространеніе идеи общественнаго труда, хотя бы въ видѣ общественныхъ запашекъ, представляется, поэтому, столько же необходимымъ, какъ и ознакомленіе крестьянъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Наконецъ, лучшее устройство крестьянскаго самоуправления, превратившагося теперь въ олигархическое управленіе нѣсколькихъ дворовъ подъ опекой администраціи, такъ какъ громадная часть крестьянъ не имѣетъ представителей на сходѣ, расширеніе общественнаго контроля въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, который бы сдѣлалъ невозможнымъ появленіе героев произвола, въ родѣ гг. Токарева и Капгера, введеніе земскихъ учрежденій при условіи свободнаго доступа къ выборамъ для всѣхъ жителей на равныхъ правахъ, дѣятельное распространеніе образованія и т. под. мѣры не мало могли бы способствовать умственному и экономическому развитію крестьянъ сѣверо-западнаго края.

Мы, впрочемъ, не имѣли намѣренія писать прозектъ улучшенія быта крестьянъ,—наша дѣль была доказать лишь, что такое улучшеніе необходимо, что настоящее положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ далеко не такъ удовлетворительно, какимъ обыкновенно его представляютъ.

С.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпускъ третій. Спб. 1881 г.

Департаментъ земледѣлія издаетъ уже третій годъ свои «сборники», въ которыхъ помѣщаются такія свѣдѣнія, получаемыя департаментомъ изъ официальныхъ и неофициальныхъ источниковъ, которыя, выражаясь словами предисловія къ первому выпуску „Сборника“, „независимо отъ своего административнаго значенія, могутъ представлять и общій интересъ, особенно для лицъ, слѣдящихъ за успѣхами и развитіемъ сельскаго хозяйства въ Россіи“. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ предпріятію департамента земледѣлія и не пожалѣть о полномъ невниманіи, съ которымъ отнеслась повременная литература къ „Сборнику“. Правда, въ „Сборникѣ“ есть много свѣдѣній, не имѣющихъ рѣшительно никакого общаго интереса, какъ напримѣръ „списокъ лицъ, получившихъ личное почетное гражданство, изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ московской земледѣльческой школѣ и въ горного-рѣдкомъ училищѣ“ (вып. III, ч. II, стр. 86—88); правда также, что многія, приводимыя въ «Сборникѣ», цифры представляютъ собою ни что иное, какъ плодъ фантазіи волостныхъ писарей, обязательно фантазирующихъ на разныя сельско-хозяйственныя темы и представляющихъ свои измышленія «на начальственное усмотрѣніе». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ «Сборникѣ» есть много цѣнныхъ свѣдѣній, полученныхъ департаментомъ земледѣлія не чрезъ начальниковъ губерній и волостныхъ писарей, а путемъ командировки спеціалстовъ для изученія того или другого сельско-хозяйственнаго вопроса на мѣстѣ или путемъ частныхъ сношеній

департамента съ лицами, такъ или иначе прикосновенными къ сельско-хозяйственному дѣлу. Особенно удачнымъ оказывается послѣдній путь: такъ, въ отвѣтъ на разосланную департаментомъ разнымъ лицамъ программу вопросовъ о современномъ состояніи въ Россіи овцеводства получено болѣе 1,000 отвѣтовъ, «заключающихъ въ себѣ весьма обстоятельныя описанія такого-же и даже большаго числа отдѣльныхъ хозяйствъ» (стр. 101). Свѣдѣнія, добытыя такимъ путемъ, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, чрезвычайно интересны.

Собственно разбираемый (третій) выпускъ «Сборника» посвященъ, главнымъ образомъ, обзору дѣятельности департамента земледѣлія и подвѣдомственныхъ ему учреждений въ 1880 году. Въ обзоръ этотъ вошли: сообщеніе о мѣрахъ, принятыхъ департаментомъ для собиранія свѣдѣній о положеніи сельско-хозяйства вообще и различныхъ его отраслей, отчетъ о дѣятельности окружныхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ и сельскаго хозяйственныхъ обществъ, свѣдѣнія о сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, общихъ и спеціальныхъ — по садоводству, молочному хозяйству и шелководству, объ образцовыхъ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ, объ осушеніи болотъ и орошеніи земель, объ опытахъ искусственнаго разведенія рыбъ и т. п. При такомъ крайне разнообразномъ содержаніи третьяго выпуска «Сборника», мы не можемъ дать читателю въ краткой замѣткѣ полного отчета о немъ и по-неволѣ должны ограничиться указаніемъ только на нѣкоторыя данныя, приводимыя въ «Сборникѣ», чтобы читатель могъ видѣть, какія интересныя свѣдѣнія онъ можетъ найти въ изданіи департамента земледѣлія.

Какъ извѣстно, вопросъ о судьбахъ русскаго капитализма служилъ предметомъ горячаго обсужденія въ нашей литературѣ послѣднихъ годовъ. Одни говорили, что судьба русскаго капитализма такова-же, какова судьба капитала на западѣ, что онъ пожретъ и уже пожираетъ мелкую промышленность какъ обрабатывающую, такъ и земледѣльческую. Другіе, напротивъ, утверждали, что видимый разцвѣтъ нашего капитализма зависитъ исключительно отъ той искусственной поддержки, которую оказываетъ ему государство, что въ сферѣ обрабатывающей промышленности капитализмъ только разоряетъ кустарей, а не вырываетъ изъ ихъ рукъ производства, и что въ области земледѣлія капиталъ

(промышленный, а не торговый или ростовщический) пасуетъ предъ мелкимъ хозяиномъ, крестьяниномъ. Въ «Сборникѣ департамента земледѣлія» мы находимъ новыя интересныя свѣдѣнія, касающіяся даннаго вопроса. Дѣло идетъ объ овцеводствѣ. Какъ извѣстно, тонкорунное овцеводство, составляющее исключительную принадлежность крупныхъ хозяйствъ, издавна пользовалось особеннымъ вниманіемъ государства и получало всевозможныя поощренія и пособія. Между тѣмъ, грубошерстное овцеводство, сосредоточенное главнымъ образомъ въ рукахъ крестьянъ, не только не пользовалось никакими поощреніями, но, напротивъ, встрѣчало со всѣхъ сторонъ стѣсненія; къ такимъ стѣсненіямъ относятся, главнымъ образомъ, во-первыхъ, недостатокъ земли, заставляющій крестьянъ уменьшать даже запашки и несомнѣнно дѣйствующій губельно на развитіе овцеводства, и во-вторыхъ, продажа крестьянскихъ овецъ за недопман: по свидѣтельству «Сборника», «при такихъ продажахъ обыкновенно прежде всего приступаютъ къ продажѣ овецъ, которыхъ и продаютъ до послѣдней, устранивая тѣмъ всякую возможность поддержанія породы» (стр. 110). И тѣмъ не менѣе крестьянское овцеводство не только не уступаетъ мѣста овцеводству крупныхъ хозяйствъ, но даже побѣждаетъ его: «Сборникъ» говоритъ, что «по сравненіи съ шестидесятью годами овцеводство тонкорунное сократилось весьма значительно, между тѣмъ какъ овцеводство грубошерстное, по преимуществу сосредоточенное въ рукахъ крестьянъ, сколько нибудь замѣтнаго измѣненія въ численности не претерпѣло и даже увеличилось тамъ, гдѣ крестьянство въ сравнительно лучшемъ положеніи» (102 — 103). При этомъ крупный хозяинъ оказывается на столько плохимъ конкурентомъ, что его побиваетъ даже далекій австралиецъ и не гдѣ нибудь на заграничномъ рынкѣ, а въ самой Россіи: оказывается, что въ Россіи появилась австраійская шерсть, продающаяся притомъ по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ можетъ продавать свою шерсть нашъ крупный овцеводъ. Обстоятельство это настолько серьезно, что «Сборникъ» категорически заявляетъ: «усливающимся ввозъ въ Россію заграничной шерсти и въ особенности появленіе у насъ дешевой австраійской шерсти угрожаетъ будущности русскаго (т. е. тонкоруннаго) овцеводства» (стр. 104). Крупный предприниматель оказывается настолько плохимъ ко-

заяномъ, что, несмотря на всякія поощренія и „награды за заслуги по сельскому хозяйству“ (стр. 367), ухитрился совершенно перепортить чистую породу овецъ, выписанныхъ изъ Испаніи, Саксоніи и Силезіи, такъ что въ настоящее время наше тонкорунное овцеводство представляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, „смѣсь языковъ и націй“ и идетъ къ полному вырожденію породы“ (стр. 104 и 105). Неудивительно, поэтому, что нашей тонкой шерсти нѣтъ ходу за границу (стр. 111 — 112). Испортивъ породу овецъ, наши овцеводы не нашли другихъ средствъ поправить свое положеніе, какъ прибѣгнуть къ чисто шулерскимъ продѣлкамъ: по свидѣтельству „Сборника“, они „недобросовѣстно приготавливаютъ шерсть къ продажѣ: овцы, подверженныя коростѣ, передъ стрижкою искусственно подвергаются усиленному погу, пасутся на пыльных пастбищахъ, или пастбищахъ, изобилующихъ репейникомъ, состриженная шерсть не считается отъ сору и грязи и въ такомъ видѣ упаковывается“ (стр. 90). Никакой организаціи овцеводнаго дѣла наши крупные предприниматели разработать не сумѣли; у насъ нѣтъ даже маломальски знающихъ бонитеровъ, которые могли бы давать указанія овцеводамъ при выборѣ породы, при уходѣ за овцами и при случкѣ (стр. 108). Въ то время, какъ въ западноевропейскихъ странахъ немислимо овцеводное хозяйство безъ бонитера (стр. 116), у насъ бонитеры существуютъ только въ крестьянской средѣ: это — сельскіе коновалы и чабаны. Для поднятія печальнаго положенія дѣлъ крупныхъ овцеводовъ «Сборникъ» рекомендуетъ учрежденіе государственныхъ овчаренъ, государственныхъ бонитеровъ и т. п. (стр. 106 и 107); но изъ того, что доставляетъ «Сборникъ» о положеніи крупнаго овцеводства, ясно видно, что этому мертворожденному дѣтишу нашего капитала никакія учрежденія не помогутъ, когда оказывается возможнымъ угрожать ему даже изъ Австраліи...

Интересенъ «Сборникъ» не только своимъ содержаніемъ, но и, такъ сказать, своею отрицательною стороною. Есть въ немъ глава, озаглавленная: «мѣры по улучшенію крестьянскаго хозяйства». Глава эта занимаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ полторы страницы. Такимъ образомъ, въ то время, какъ отчетъ о разныхъ другихъ «мѣропріятіяхъ» департамента земледѣлія, имѣющихъ значеніе почти исключительно только для крупныхъ хозяйствъ, занялъ цѣ-

ный томъ, «мѣры по улучшенію крестьянскаго хозяйства» умѣстились на 1^ю страницѣхъ.

Медико-топографія и санитарное состояніе губернскаго города Ставрополя. Диссертация на степень доктора медицины Константина Бахутова. Спб. 1881 г.

До послѣдняго времени русская медицинская наука изображала собою гейневскаго доктора, который, будучи приглашенъ для освѣдѣтельствванія труповъ умершихъ отъ голода и холода, категорически заявилъ, что въ холодную зимнюю погоду нужно тепло одѣваться, хорошенько нагрѣвать жилища и ѣсть мясо и жирныя кушанья. Господа медики не хотѣли знать условій жизни и производили свои опыты надъ какимъ-то отвлеченнымъ человѣкомъ, пользующимся всевозможными гигиеническими удобствами, и, сообразно съ результатами этихъ экспериментовъ, предписывали тѣ или другія мѣры, нисколько не принимая въ расчетъ того, примѣнны ли непримѣнны эти мѣры. Согласно съ такимъ направленіемъ медицинской науки и практикѣ, и докторскія диссертации писались по вопросамъ, не имѣющимъ ровно никакого отношенія къ жизни и ея требованіямъ. Такъ, на примѣръ, еще недавно, года два тому назадъ, г. Боргманъ получилъ степень доктора медицины за диссертацию, имѣющую предметомъ анатомію сверчка!

Но такое заоблачное направленіе медицинской науки начинаетъ замѣняться другимъ, болѣе жизненнымъ, практичнымъ: медики додумались до постановки на первый планъ гигиенической стороны вопроса. Сообразно съ этимъ, происходитъ перемена и въ содержаніи докторскихъ диссертаций: все чаще и чаще начинаютъ появляться труды, предметомъ которыхъ служитъ изученіе гигиеническихъ условій жизни. Прекраснымъ примѣромъ такихъ диссертаций можетъ служить извѣстный трудъ доктора Грязнова: «Опытъ сравнительнаго изученія гигиеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповскаго уѣзда». Въ то время, какъ диссертации, имѣющія предметомъ анатомію сверчка и подобныя, не менѣе важные вопросы, не идутъ за предѣлы медицинской академіи или того медицинскаго факультета, въ который диссертация представлена, диссертации втораго рода охотно раскупаются обществомъ и не менѣе охотно читаются. И общество не можетъ не читать такихъ работъ, такъ какъ онѣ являются неподкупными свидѣтелями, обвиняющими общество въ полномъ раз-

нодушій къ ненормальности существующихъ условій жизни и угрожающими ему ужасными бѣдами за это равнодушіе. Эти неподкупные свидѣтели невольно заставляютъ общественную мысль работать надъ вопросами, доселѣ остававшимися въ пренебреженіи, и своими угрозами, подкрѣпленными вѣскими, фактическими данными, будятъ общественную совѣсть.

Но есть, конечно, свидѣтели и свидѣтели. Если трудъ г. Грязнова всецѣло принадлежитъ къ числу свидѣтелей, будящихъ общественную мысль, то этого никакъ нельзя сказать о работѣ г. Бахутова. Самъ г. Бахутовъ говоритъ, что онъ наблюдалъ г. Ставрополь въ теченіи трехъ лѣтъ и при томъ отправлялъ обязанности городского врача (введеніе, стр. IV); значить, онъ имѣлъ полную возможность изучить избранный имъ вопросъ съ полной обстоятельностью. А между тѣмъ диссертация г. Бахутова представляетъ собою просто жалкую компіляцію появившихся ранѣе работъ о Ставрополѣ, при чемъ г. Бахутовъ съ дѣтскою наивностью считаетъ равноцѣнными источники самого разнообразнаго достоинства и, «ничто же сумняшеса», нерѣдко черпаетъ изъ нихъ самыя недѣльныя свѣдѣнія. Появленіе работъ, подобныхъ диссертации г. Бахутова, показываетъ, какъ легко у насъ провозить подъ хорошимъ флагомъ всякую дрянъ: стали цѣниться «санитарныя изслѣдованія» — и вотъ смѣльчаки, въ родѣ г. Бахутова, предъявляютъ годъ этимъ пнемъ кучу всевозможнаго хлама — и ничего себѣ, дѣло выгораетъ, степень доктора получается...

Этимъ, собственно, и можно бы закончить нашу рецензію на книгу г. Бахутова; но, чтобы не показаться голословнымъ въ нашемъ рѣзкомъ отзывѣ, мы вынуждены остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ разбираемой диссертации.

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Бахутовымъ, видно, что число умершихъ въ городѣ Ставрополѣ составляло: въ 1872 г. — 684 (1 умершій на 38,5), въ 1873 — 716 (1 на 37,4), въ 1874 — 769 (1 на 35,5), въ 1875 — 749 (1 на 36,3), въ 1876 — 957 (1 на 29,5), въ 1877 — 846 (1 на 33,9), въ 1878 — 1257 (1 на 22,5), и въ 1879 — 1296 (1 на 22,9). Такимъ образомъ, къ концу 70-хъ годовъ смертность увеличилась почти вдвое противъ смертности начала этого десятилѣтія; дѣло дошло до того, что въ 1879 г. число смертей превысило число рожденій, и, такимъ образомъ, началось вырожденіе населенія (стр. 91 и 93). Отъ какихъ же причинъ зависитъ это страш-

ное возвышеніе смертности? Казалось бы, рѣшеніе этого вопроса должно быть главною цѣлью санитарнаго изслѣдованія, посвященнаго городу Ставрополю. Между тѣмъ, г. Бахутовъ ровно ничего не сдѣлалъ для того или другого рѣшенія этого вопроса и ограничился нѣсколькими общими фразами и упоминаніемъ о своемъ знакомствѣ съ такими авторитетами, каковы Эшерихъ, Эстерленъ, Буденъ, Виллерме, Кетле и др. (стр. 94). Самый вопросъ кажется г. Бахутову на столько неважнымъ, что онъ посвящаетъ ему ровно одну страничку. А между тѣмъ, даже не живя въ Ставрополѣ и пользуясь только тѣми свѣдѣніями о немъ, которыя проникли въ печать, можно составить себѣ ясное представленіе о причинахъ сильнаго увеличенія смертности въ немъ за послѣдніе годы. Дѣло въ томъ, что въ Ставрополѣ, за введеніе Городоваго Положенія, произошелъ страшный экономическій кризисъ. Большая часть населенія Ставрополя живетъ, подобно крестьянамъ, исключительно земледѣльческимъ трудомъ, главнымъ образомъ, на культуру картофеля, капусты и другихъ огородныхъ растений. Поэтому вопросъ о землѣ для массы ставропольцевъ является вопросомъ о жизни и смерти. До послѣдняго времени ставропольцы пользовались городскими угодьями—пахотною землею, покосами, лѣсомъ, камышами и проч. — безъ всякой платы, на общинныхъ правахъ. Между тѣмъ въ послѣднее время, когда, по введеніи Городоваго Положенія, управленіе городскими дѣлами попало въ руки чиновниковъ, учителей и купцовъ, т. е. лицъ, нѣсколько не заинтересованныхъ въ поддержаніи благосостоянія массы населенія, бесплатное пользованіе городскими угодьями было прекращено, и они стали сдаваться въ аренду; при этомъ, благодаря нераспорядительности думы и управы, городскія земли попали въ руки немногихъ скупщиковъ, которые начали, въ свою очередь, отдавать землю въ аренду уже по возвышеннымъ цѣнамъ. Большинству населенія земля стала недоступна, многіа сократили свои земледѣльческія занятія, а многіе и совсѣмъ оставили ихъ. Недостатокъ сѣна заставилъ большинство продать имѣвшіеся лошадей и коровъ, и, такимъ образомъ, большинство лишилось съ одной стороны побочнаго заработка—извоза, а съ другой—молочной пищи. Произошло общее обѣднѣніе, ухудшилось питаніе, особенно питаніе малолѣтнихъ дѣтей, принужденныхъ теперь, за отсутствіемъ молочной пищи, питаться всякою дрянью наравнѣ

со взрослыми—и вотъ разгадка увеличенія общей смертности и страшной смертности дѣтей. Ничего этого не знаетъ г. Бахутовъ и ни о чемъ подобномъ онъ не говоритъ.

Вообще г. Бахутовъ обнаруживаетъ необыкновенное невѣжество относительно избраннаго имъ предмета. Несомнѣнно, что при санитарномъ изслѣдованіи той или другой мѣстности вопросъ о занятіяхъ жителей и о томъ, на сколько населеніе обезпечено этими занятіями, долженъ занимать одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Между тѣмъ г. Бахутовъ посвящаетъ главному занятію ставропольцевъ, огородничеству, всего на всего 8 строкъ (стр. 108).

Что же представляетъ собою книга г. Бахутова? нѣсколько цифръ, въ которыя онъ самъ не вѣрнѣтъ, да нѣсколько общихъ мѣстъ, которыя имѣютъ такое же отношеніе къ Ставрополю, какъ и къ Саратову, Елабугѣ, Архангельску или Вязьмѣ...

Ф. Ф. Эрисманъ. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Часть 1-я. Изданіе московскаго губернскаго земства. М. 1882.

Настоятельная необходимость введенія у насъ фабричныхъ законовъ сдѣлалась въ послѣднее время достояніемъ общественнаго сознанія. Необходимость эту признаютъ и представители власти, и литературные органы самыхъ разнообразныхъ направленій, и общество, насколько голосъ его выражается въ мнѣніяхъ и постановленіяхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Лица, которымъ введеніе фабричнаго законодательства не по сердцу, волею-неволею должны молчать въ виду этого полнаго согласія по данному вопросу власти и лучшей части общества. Вопросъ теперь только въ томъ, какииъ образомъ будутъ составлены фабричныя законы: будутъ ли они просто сочинены въ какой-нибудь канцеляріи, или прямо заимствованы изъ законодательствъ другихъ странъ, которыя ранѣе нашего познакомились съ прелестями капитализма и уже обратили надлежащее вниманіе на регулированіе нѣкоторыхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, или, наконецъ, фабричныя законы у насъ будутъ составлены на основаніи тщательнаго и всесторонняго изученія нашего фабричнаго быта, во всѣхъ его деталяхъ. Несостоятельность канцелярскихъ «сочиненій» нѣтъ нужды доказывать. Но неменѣе несостоятельно нужно признать мысль о возможности созданія для Россіи фабричныхъ законовъ путемъ заимствованія ихъ изъ законодательствъ дру-

гихъ странъ: не говоря уже о томъ, что условія русской промышленности далеко не тѣ, въ какія поставлена промышленность западно-европейскихъ странъ, самыя европейскіе законы далеко не отличаются идеальнымъ совершенствомъ такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ встрѣчали при выработкѣ сопротивление со стороны буржуазіи часто не имѣютъ никакого пракческаго примѣненія, вслѣдствіе изобрѣтенія фабрикантами и заводчиками всевозможныхъ обходовъ и уловокъ для игнорирования предписаній закона, и совершенно не удовлетворяютъ лучшую часть европейскаго общества, требующую развитія и полной реорганизации фабричнаго законодательства. Западно-европейскія страны должны служить намъ примѣромъ, но безусловнымъ; мы можемъ научиться у нихъ многому, но не всему; мы можемъ и должны заимствовать многія частныя мѣры изъ фабричныхъ законовъ другихъ странъ, но полный кодексъ фабричныхъ законовъ у насъ возможенъ только тогда, когда онъ будетъ основанъ на тщательномъ изученіи условій и нуждъ нашей промышленности: только тогда наши фабричныя законы получатъ жизненность и будутъ имѣть практическое примѣненіе, а не останутся только на бумагѣ; только тогда они принесутъ всю ту пользу, которая ожидается отъ нихъ, только тогда они оправдаютъ надежды, возлагаемыя на нихъ.

Вотъ почему мы чувствуемъ глубокое уваженіе къ московскому губернскому земству, предпринявшему изслѣдованіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ московской губерніи. Программа, по которой производятся эти изслѣдованія, составлена очень полно, и въ нее включено не только собственно санитарное изслѣдованіе фабрикъ, но также собраніе свѣдѣній объ экономическомъ положеніи рабочихъ, объ ихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ, заработной платѣ и т. д. Дѣло изслѣдованія поручено извѣстному гигиенисту, г. Эрмману, и д-ру Погожеву. Работа этихъ изслѣдователей идетъ уже третій годъ, и, по мѣрѣ накопленія матеріала, московское земство издаетъ результаты изслѣдованій своихъ агентовъ отдѣльными выпусками. Доселѣ такихъ выпусковъ вышло четыре, содержащіе изслѣдованія фабрикъ и заводовъ Клинскаго, Верейскаго, Рузскаго и Московскаго уѣздовъ. Собственно, разбираемая нами теперь книга представляетъ собою первую часть «изслѣдованія фабрикъ Московскаго уѣзда», которое будетъ состоять изъ нѣсколькихъ выпусковъ.

Какъ первые три выпуска, такъ и разбираемый нынѣ, заглавіе

котораго поставлено въ заголовкѣ, рисуютъ предъ читателемъ полную всестороннюю картину быта нашего фабричнаго и заводскаго рабочаго. Неприглядень этотъ бытъ, тяжела нарисованная добросовѣстными изслѣдованіями картина! Ужь на что, кажется, лучше Московскій уѣздъ: близость такого громаднаго населеннаго пункта, какъ Москва, должна бы, кажется, давать хорошіе заработки населенію уѣзда и такимъ образомъ дѣлать его болѣе самостоятельнымъ въ экономической борьбѣ съ фабрикантамъ; близость всякаго начальства въ Москвѣ должна бы хоть отчасти заставлять фабрикантовъ воздерживаться отъ излишней эксплуатаціи рабочей силы и проявлять хоть нѣкоторыя заботы о положеніи рабочихъ. А между тѣмъ, посмотрите, что дѣлается въ дѣйствительности.

Изъ 351 фабрики и заводовъ Московской губерніи только на одномъ кожевенномъ заводѣ рабочій день продолжается менѣе 12 часовъ (именно 11^{1/2}); на всѣхъ же остальныхъ заводахъ и фабрикахъ рабочіе заняты 12 или болѣе часовъ въ сутки. Забудьте, что въ число рабочихъ часовъ входитъ только время, дѣйствительно употребляемое на работу; время же обѣда, завтрака и, вообще, всякій перерывъ въ работѣ исключаются изъ продолжительности рабочаго дня. Оцѣните же теперь по достоинству слѣдующія цифры: въ шести производствахъ рабочій день равенъ 12 часамъ, въ пяти—отъ 12 до 13, въ девяти—13—14, въ четырехъ—14—15, въ двухъ—15—16 и въ одномъ—18 и болѣе! На тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ рабочій день равенъ 12—13 часамъ, онъ продолжается такой, сравнительно меньшей срокъ не потому, чтобы владѣльцы этихъ фабрикъ были гуманнѣе другихъ, а просто потому, что, въ большинствѣ случаевъ, на нихъ работа идетъ безпрерывно, день и ночь, и рабочіе работаютъ по смѣнамъ, чередуясь по полусуткамъ (стр. 224—225).

Отдавать болѣе полусутокъ, а иногда ровно 7^{1/4} сутокъ тяжело, изнурительному труду — это несомнѣнно выше силъ человѣка, подтачиваетъ его здоровье и ведетъ къ ранней смерти. Но если такъ отзывается слишкомъ продолжительный трудъ на взрослыхъ рабочихъ, то какое губительное вліяніе онъ долженъ производить на здоровье женщинъ и дѣтей, принужденныхъ работать столько же, сколько и взрослые работники! Женскій и дѣтскій трудъ эксплуатируется на фабрикахъ Московскаго уѣзда въ очень широкихъ размѣрахъ, именно: женщины составляютъ

34,87 проц. общаго числа рабочихъ, а дѣти вмѣстѣ съ подростками (до 18 лѣтъ)—27,11 проц. (стр. 30 и 141). Между дѣтми попадаются совершенныя малютки—8, 7 и даже менѣе (т. е. 6 или 5) лѣтъ (стр. 192—194). При этомъ малолѣтнія дѣти заняты преимущественно на наиболѣе вредныхъ производствахъ, при которыхъ отдѣляется громадное количество пыли, причиняющей дѣтямъ раннюю чахотку: такъ, изъ общаго числа дѣтей моложе 10 лѣтъ 31,17 проц. работаютъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ и 35,06 проц. на рогожныхъ заведеніяхъ (стр. 204). При этомъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго: рабочій день дѣтей на нашихъ фабрикахъ равняется рабочему дню взрослыхъ, въ ночныхъ смѣнахъ дѣти участвуютъ также наравнѣ со взрослыми между тѣмъ, на бумагопрядильныхъ фабрикахъ работа продолжается день и ночь, а на рогожныхъ заведеніяхъ рабочій день равенъ 18 часамъ. Такимъ образомъ, 66 проц. дѣтей моложе 10 лѣтъ несутъ въ высшей степени каторжный трудъ: они работаютъ или 18 часовъ въ сутки, или 12, но съ участіемъ въ ночныхъ смѣнахъ.

Посмотримъ теперь, какими удобствами обставлена жизнь рабочихъ. Кубическій размѣръ мастерскихъ, въ которыхъ производится работа, нерѣдко крайне недостаточенъ; случается, что на рабочаго приходится менѣе 1 куб. сажени пространства и иногда только— $\frac{1}{2}$ куб. саж. (стр. 181—182). Относительно жилыхъ помѣщеній рабочихъ—дѣло поставлено еще хуже: по словамъ г. Эрисмана, «на фабрикахъ Московскаго уѣзда, въ общемъ, рабочіе помѣщаются въ спальняхъ непозволительно тѣсно» (стр. 184). 1 куб. саж. и болѣе пространства спаленъ на cadaго рабочаго встрѣчается крайне рѣдко, только на шерстопрядильныхъ, химическихъ и кожевенныхъ заведеніяхъ; на всѣхъ же остальныхъ фабрикахъ и заводахъ въ спальняхъ приходится менѣе 1 куб. саж. на рабочаго, причѣмъ минимумъ доходить до 0,3 куб. саж. А между тѣмъ, «1 куб. саж. воздуха въ жиломъ помѣщеніи представляетъ такой минимумъ, который допускается гигиеной только въ виду исключительныхъ условій и, слѣдовательно, вовсе не можетъ считаться удовлетворяющей санитарнымъ требованіямъ нормой» (стр. 184). Что же за возмутительное явленіе представляютъ собой жилища помѣщенія, въ которыхъ приходится едва по $\frac{1}{2}$ саж. на человѣка!

Относительно температуры и влажности воздуха мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній г. Эрисманъ замѣчаетъ, что «на большинствѣ

фабрикъ сравнительно рѣдко можно найти помѣщеніе, въ которомъ поддерживалась бы температура, соответствующая требованіямъ гигиены», и что «на одной и той же фабрикѣ рабочій то находится въ воздухѣ, совершенно насыщенномъ водяными парами, то—въ атмосферѣ, лишенной всякой влаги» (стр. 189). А между тѣмъ, «качество воздуха въ мастерскихъ, по отношенію къ температурѣ и влажности, а, въ особенности, сильныя и быстрыя колебанія температуры (напр., при выбѣганіи изъ мастерской, нагрѣтой до 50° тепла, на 20-градусный морозъ, для освѣженія) и влажности воздуха... имѣютъ, несомнѣнно, большое санитарное значеніе, въ смыслѣ благопріятствованія простуднымъ заболѣваніямъ» (стр. 190).

Г. Эрисманъ ничего не говоритъ о пыли, которую рабочимъ приходится вдыхать, о парахъ и газахъ, которыми они отравляются, о ихъ питаніи и т. д.; всѣ подобныя свѣдѣнія войдутъ въ сдѣлующіе выпуски работы г. Эрисмана. Въ настоящій же выпускъ вошли только тѣ данныя, которыя могутъ быть выражены въ цифрахъ и укладываются въ таблицы.

Всѣ условія фабричной работы и жизни въ тѣсныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ сильно способствуютъ загрязненію платья и тѣла рабочихъ. Между тѣмъ, поддерживать чистоту своего тѣла они, въ большинствѣ случаевъ, лишены всякой возможности. Изъ общаго числа фабрикъ и заводовъ бани имѣются только на 23 проц.; при этомъ только на 17 фабрикахъ рабочіе пользуются бесплатно, а на остальныхъ 28 съ рабочихъ дѣлается вычетъ изъ жалованья за баню (стр. 136 и 139). «Плата, взимаемая хозяевами съ рабочихъ за пользованіе баней, нисколько не уступаетъ установленной въ городскихъ торговыхъ баняхъ платѣ (5 коп.) и во многихъ случаяхъ даже превышаетъ послѣднюю, и такъ какъ торговныя бани суть промышленныя заведенія, владѣльцы которыхъ рассчитываютъ на доходъ, то, очевидно, что хозяева фабрикъ, назначая вышеупомянутую плату за пользованіе баней, собираютъ съ рабочихъ такую сумму, которая не только покрываетъ всѣ расходы на устройство бани, на топливо, на наемъ прислуги, на ремонтъ и проч., но, сверхъ того, доставляетъ имъ извѣстный чистый доходъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что сборъ съ рабочихъ за баню вносится послѣдними не добровольно, а является принужденнымъ, такъ какъ установленная плата

просто вычитается фабричными конторами из мѣсячнаго заработка рабочих» (стр. 140).

Тяжелый трудъ при вредныхъ условіяхъ и безобразная житейская обстановка вызываютъ сильную болѣзненность среди рабочихъ. А между тѣмъ, они почти совершенно лишены медицинской помощи. Изъ 204 фабричныхъ заведеній, осмотрѣнныхъ г. Эрисманомъ, только на 28 фабрикахъ «отведены особыя помѣщенія, куда, въ случаѣ надобности, могутъ быть положены заболѣвшіе рабочіе. Но далеко не всѣ эти помѣщенія заслуживаютъ названіе больницъ; многія изъ нихъ, представляя лишь каморку, отгороженную отъ спаленъ рабочихъ и содержащую одну или двѣ койки, безъ всякаго врачебнаго персонала, безъ больничной прислуги и безъ аптеки, существуютъ только для вида, такъ какъ никогда никто изъ рабочихъ ими не пользуется и, при только что упомянутыхъ условіяхъ, пользоваться не можетъ. Къ этой же категоріи относятся и нѣкоторыя «больницы», хотя и занимающія отдѣльную избу, но также лишенная всякаго больничнаго персонала». «Вполнѣ организованная медицинская помощь существуетъ лишь на Раутовской мануфактурѣ» (142).

Школы существуютъ только на 6 фабрикахъ, да и эти немногія школы посѣщаютъ, главнымъ образомъ, сторонніе крестьянскія дѣти; собственно же дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, изъ 1486 посѣщаетъ школу всего 60 чел. (стр. 145).

Какія же блага привлекаютъ рабочихъ на фабрику? что они получаютъ за свой тяжкій трудъ и за всевозможныя лишеныя, которыя имъ приходится выносить здѣсь? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ таблица, приводимая на 227 страницѣ книги г. Эрисмана. Изъ нея мы узнаемъ, что заработная мѣсячная плата колеблется, обыкновенно, для мужчинъ отъ 6 до 12, для женщинъ отъ 4 до 8 и для малолѣтнихъ отъ 3 до 7 рублей. Это на своихъ харчахъ; на хозяйскихъ харчахъ плата на 3—6 р. ниже. Затѣмъ изъ сравненія этой же таблицы съ таблицей, показывающею долготу рабочаго дня, слѣдуетъ, что высота платы обратно пропорціональна длинѣ дня, т. е. чѣмъ больше работаетъ рабочій, тѣмъ онъ меньше получаетъ...

Уже изъ немногихъ приведенныхъ выдержекъ читатель видитъ, какой громадный интересъ представляетъ содержаніе книги г. Эрисмана, и какъ важны подобныя работы для выработки рациональ-

наго кодекса фабричныхъ законовъ. Остается только пожелать, чтобы земства промышленныхъ губерній послѣдовали примѣру новосковскаго земства и произвели такое же изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ, находящихся въ районѣ ихъ вѣдѣнія. Вместе съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы труды гг. Эрисмана и Погожева были приняты во вниманіе правительственными коммисіями, работающими надъ проектами фабричныхъ законовъ...

Внутреннее обозрѣніе.

1882 годъ для насъ знаменателенъ прежде всего тѣмъ, что въ этомъ году мы народились на свѣтъ (собственно не мы, а наши «Устон»). Хорошо было бы, разужьется, если-бы это новорожденное дитя, съ именемъ страннымъ, въ родѣ Соспатра, стало впоследствии на столько знатенито, чтобы и 1882 годъ, въ свою очередь, и хотя бы только между прочимъ, отмѣчался въ календаряхъ появленіемъ его на свѣтъ; но это, конечно, только честолюбивая мечта одна... Положимъ, есть поговорка, гласящая, что плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, но въ дѣйствительности изъ солдатъ мало восходитъ генераловъ. а потому, вѣроятно, и изъ «Устоевъ» не выйдетъ генерала отъ пифантеріи, или чего нибудь подобнаго, а останутся они простымъ литературнымъ солдатомъ. Не дурно, конечно, и это, за отсутствіемъ лучшаго: генералы не обходятся безъ солдатъ, да и то сказать наконецъ—вѣдь и простой солдатъ можетъ храбро сражаться, если не на поляхъ Бородина, то надъ знаменами добра и правды, чего одного, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы служить цѣлью въ жизни для литературнаго органа. Но выросъ-ли мы еще до солдатской правоспособности? Предзнаменій, положимъ, никакихъ особенныхъ не было: собаки похъ окномъ не выли, домовне не шутили, но все-таки...

Прежде всего судьба насъ немного переносила: вмѣсто прошлаго года, мы появились на свѣтъ только въ нынѣшнемъ. Особенной потери въ этомъ, конечно, еще вѣтъ: другой, прожившій прошлый годъ, чего добраго, даже позавидуетъ намъ и покажетъ, что не могъ на добрую половину года забыться и заснуть, заснуть даже не тѣмъ поэтическимъ сномъ, когда сладкій голосъ

поеть про любовь и въ груди дрожать жизни силы, а просто заснуть такъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать, чтобы тебя, значить, какъ бы и не было вовсе. Другое обстоятельство нѣсколько серьезнѣе: родились мы все-таки въ очень трудное время, въ особенности трудное для новорожденныхъ. И при обыкновенныхъ то условіяхъ, до 5-ти-лѣтняго возраста умираетъ почти половина дѣтей, при чемъ самый большоой % смертности приходится на возрастъ до одного года; а теперь, какъ извѣстно, ходятъ еще разныя болѣзни, въ родѣ дифтерита, скарлатины, кори, оспы и т. п., которыя уносятъ гораздо больше жертвъ, чѣмъ обыкновенно полагается, при данныхъ условіяхъ людской неосмотрительности, уровнѣ благосостоянія и слабости человѣческаго естества. Того и гляди заразиться какою-нибудь болѣзнью и откатъ Богу душу. Это—нынче очень просто. Самый лучший противъ этого презервативъ разумѣется—сидѣть больше дома, не шляться по улицамъ, базарамъ и деревнямъ и быть скромнымъ и послушнымъ относительно стариковъ. О! какъ мы всего этого будемъ держаться, потому что хотимъ жить. Мы будемъ тихи, скромны и почтительны, не будемъ выскакивать на улицу, чтобы не простудиться, и будемъ слушаться: и добраго папеньку и милую маменьку, и любезнаго дяденьку, и драгоценную тетеньку, и добрыхъ наставниковъ нашихъ, и добрѣйшихъ наставницъ, и вообще всѣхъ, кто насъ блюсти будетъ; постараемся даже не плакать и не кричать, хотя это такъ свойственно дѣтскому возрасту и развиваетъ легкія, а мать, говорятъ, только тогда и разумѣетъ, когда дитя плачетъ... Няня матери, говорятъ, бьютъ и кормятъ крикливыхъ дѣтей разными усыпляющими снадобьями, но медицина доказываетъ, что это—очень вредно, а потому надобно и этого избѣгать. Словомъ, при послушаніи, можетъ быть изъ насъ что-нибудь и выйдетъ...

Изстари заведенъ въ литературѣ обычай—прощаться съ старымъ годомъ и представляться малютѣ—новому, представляться въ родѣ какъ съ визитомъ, въ парадной формѣ, съ краткими рѣчами и пожеланіями: «старый хрѣнь, молю, свалился въ могилу—туда ему и дорога, а вотъ вы, милостивый государь, для насъ сдѣлаете то-то и то-то, на васъ, молю, вполне надѣмся». Многие думаютъ, что изъ этого что-то выходитъ, а всего вѣроятнѣе это есть небольшое какъ остатокъ язычества. Что касается до насъ,

то бранить старый годъ и, привѣтствовать новый намъ какъ то веловко, по малому возрасту нашему, а потому не лучше-ли будетъ прислушаться къ тому, что говорили по этому поводу старшіе собратья наши, представляясь повому году... Присутствуя при этой аудіенціи, мы насмотрѣлись всякаго народа, и, хотя, признаться, много и не поняли, изъ того, что говорилось, но кое что усвоили и удержали.

Г-нъ Аксаковъ говорилъ совершенно основательно слѣдующее: «Не съ честью проводили мы роковой 1881 годъ!.. Отрадно было переступить даже самую грань, условную, вѣшнюю, отдѣлившую насъ хоть бы только лѣтосчисленіемъ отъ этой годины кроваваго позора... Но не забвенію долженъ быть преданъ годъ омерзительнаго преступленія, покрывшій срамомъ Русскую землю; не вѣтриться долженъ его слѣдъ, не легкомысліемъ должны мы отдѣлаться отъ тягостныхъ воспоминаній, отъ грозныхъ внушеній минувшаго, не къ свѣжему былому всѣять, не на прежнее близкое возвращаться, а напротивъ, вдумавшись въ смыслъ событій, усвоивъ себѣ сознаніемъ и сердцемъ разумъ испытанной нами божьей кары, признавъ и осудивъ собственныя вины — вины тяжкія — и обновясь духомъ, мужественно принятыя за подвигъ жизни» («Русь», № 1). Дальше слѣдовало уже менѣе понятнѣе обновленіе необходимо, но должно быть лишь туго и медленно: «Въ наше время, когда историческое сознаніе не только идетъ по пятамъ событій, но чуть ли не опережаетъ ихъ, когда сознаваемое привыкло превозноситься надъ творимымъ и въ своемъ нетерпѣннн, не уважая свойствъ организма, готово торопить его ростъ всяческими искусственными мѣрамп, — такая постепенность обновленія должна, разумѣется, быть не по праву всѣмъ тѣмъ, которые, пренебрегая упорнымъ трудомъ созиданія, вѣдаютъ только два вида дѣятельности: въ сферѣ мысли — отвлеченность, обстрактный ридикализмъ доктринъ и теорій, въ мірѣ практическомъ — логику. На сочинять и подѣлать (?), особенно съ помощью принудительной власти, новыхъ формъ для жизни не особенно мудро, но вдохнуть въ нихъ духъ жизни, это — дѣло нное и не поддается никакой земной власти въ мірѣ» (?). Наша отечественная почва, можно сказать, и безъ того «загромождена такими пустоорожними формами, числящимися за жизнь (?), надѣленными чѣсьми атрибутами гражданства»... Не отрицая зрѣлости «у

такъ называемыхъ образованныхъ общественныхъ классовъ», господствъ Аксаковъ, однако, добавилъ но—«но если они дѣйствительно созрѣли (на что умъ такъ давно предъявляютъ притязаніе) така эта зрѣлость должна именно выразиться въ признаніи правъ органическаго процесса жизни, въ уравновѣшеніи своихъ стремленій и вожделѣній съ законами историческаго развитія, съ медленнымъ ростомъ народныхъ массъ». «Власть въ существѣ своемъ такъ же тверда и крѣпка, какъ и прежде, ибо живъ Русскій народъ и непреложно его политическое вѣроисповѣданіе, о немъ же стоитъ и движется Россія. Но орудія власти, но ея снарядъ, весь гражданскій строй, весь государственный механизмъ, все чѣмъ пробавлялась наша страна, чѣмъ жила и держалась, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, въ теченіи XVIII и XIX вѣка, — все это проржавѣло, обветшало, или, вѣрнѣе сказать, обличилось наконецъ въ своей несостоятельности. Никто не сознаетъ этого лучше сатаго правительства. Чиновникъ въ наши дни—шутка сказать—дрогнулъ, побавилъ своей бюрократической спѣси, утратилъ или рачинаетъ утрачивать вѣру въ себя!» «Но въ то же время и исправлять дѣла некъмъ, да и какъ исправлять — еще нерѣшенный вопросъ! Положеніе по истинѣ трагическое». «Кто въ наши дни не прохаживается съ своими перунами по администраціи? Только развѣ лѣнливый; у большей части весь умъ, вся духовная пища только въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ власти и состоитъ, такъ что они стали бы въ совершенный тупикъ и мгновенно бы поблекли и испарились, еслибъ вдругъ взялъ поводъ къ такому грошовому либерализму: ничего другаго, кромѣ отрицанія и глумленія, за душою у нихъ и нѣтъ». Выгораживать общество «при нападкахъ на правительство» (?), нечего, потому что контингентъ государственныхъ мужей и дѣятелей поставляется тѣмъ же обществомъ, потому что «развѣ бюрократія не интеллигенція? Будемъ же подобросовѣстнѣе; оглянемъ себя самихъ». Людей нѣтъ: правительство жалуется на недостатокъ людей, общество также жалуется на безлюдье. Но «люди все-таки могли бы найтись: ихъ надо искать, но, говоря по правдѣ, едва-ли въ тѣхъ рядахъ, которые стоятъ ближе къ правительству, величая себя «консервативными», — едва-ли дажи и въ рядахъ той «либеральной интеллигенціи», которая печатно отрицаетъ у русскаго народа „всякую самобытность въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіоз-

ныхъ идей“, и презирая его духовную личность, ограничиваетъ свое сочувствіе къ нему одною лишь стороною его бытія—экономической, съ позволенія извѣстныхъ иностранныхъ экономическихъ теорій“ (?). „Всѣ мы вавно виноваты—вотъ что намъ необходимо признать“! Нельзя, безъ сомнѣнія, не таготиться всѣми принимаемыми правительствомъ стѣснительными для честныхъ людей полицейскими мѣрами охранн: ояѣ оскорбительны для нашего чувства. Но не оскорбительнѣ ли въ тысячу разъ самый поводъ къ этимъ мѣрамъ? Въ эту, а не въ другую сторону должно бы быть по преимуществу направлено общественное негодованіе! Было бы лицемеріемъ утверждать, что въ вопросѣ о такъ называемомъ „крахолѣ“—дѣло идетъ лишь о какой-то малочисленной шайкѣ изверговъ и злодѣевъ, которую достаточно переловить, что-де потребна искусная полиція, каковой у насъ нѣтъ, и т. д. Развѣ мы не знаемъ, что контингентъ этихъ, по выраженію древнихъ грамотъ, «воровъ и измѣнниковъ Русской земли», къ несчастію, не уменьшается, а подновляется новыми лицами; что самая относительная сила этой «шайки» (достаточная однако для содержанія цѣлой страны въ постоянномъ униженномъ страхѣ опасности) кроется въ пассивномъ сочувствіи не малаго числа юныхъ по преимуществу головъ, начинаемыхъ самыми извращенными понятіями. Вотъ противъ этого то извращенія понятій, къ спасенію множества юношей, еще не перешедшихъ отъ пассивнаго сочувствія къ дѣятельному участію, и должны бы быть направлены всѣ усилія общества, журнальной печати и литературы. А направлены ли они? Какое дѣтское недомысліе нужно предположить въ тѣхъ, которые воображаютъ, что превознося ученія Чернышевскаго, проповѣдуя матеріализмъ, внушая юношамъ, что нѣтъ ни абсолютно нравственной правды, ни обязательнаго нравственнаго закона, они тѣмъ самымъ не двигаютъ ихъ на тотъ путь, который вполне логически приводитъ къ событіямъ въ родѣ 1 марта!

Общество не выдвинуло ни одного положительнаго мнѣнія, на которое могло бы положиться правительство.

Переходъ отъ людей радикальной, нигилистической окраски къ такъ называемой либеральной партіи, также нельзя найти разрѣшенія мучающихъ насъ вопросовъ: «именемъ либерализма прикрывается у насъ теперь сочетаніе разныхъ, другъ другу повидному (?) противурѣчающихъ другъ друга исключашихъ на-

правленій. «Но каково же знамя этой будто бы партіи? Это — знамя «отрицанія народной духовной самобытности, отрицаніе всего, что народу святѣй и дороже хлѣба, — хлѣба, о которомъ по мнѣнію «либераловъ», только и живъ долженъ быть Русскій народъ и о которомъ поэтому они, либералы, считаютъ долгомъ заботиться очень усиленно». Стремленія ихъ, какъ и у западно-европейской буржуазіи, властвовать, при посредствѣ яко бы либеральныхъ внѣшнихъ порядковъ, надъ народомъ во имя народа. Хотя людей этого направленія «большинство въ нашей, по преимуществу городской публикѣ, можетъ быть даже и въ земскихъ собраніяхъ; но публика — не народъ, и кромѣ принадлежащихъ къ той же либеральной публикѣ земцевъ, есть люди истинно земскіе (?), которые народу близки, хотя можетъ быть и не претендуютъ на народное представительство, чѣмъ мнить себя быть наша либеральная интеллигенція!». Но опасность «не въ одномъ либерально-безнародномъ направленіи, а сколько же, если не болѣе, въ консервативно-противонародномъ, представители котораго принадлежатъ къ такъ называемому высшему обществу (преимущественно въ Петербургѣ), которому, къ несчастью, придаетъ не малую силу опасеніе, впрочемъ, вполне естественное и законное, замысловъ и козней крамоли».

Кого же слушать, спрашиваетъ «Русь», и въ какую сторону направиться? И отвѣчаетъ: «въ Россіи истинный центръ тяжести только въ народѣ. Нашъ устой только въ немъ; только народность должна и можетъ служить правительству путеводнымъ компасомъ въ бушующей около него теперь, затѣпляющей очи, мятельнѣй идей и понятій».

Верховная власть въ Россіи получила первоначально свое уполномочіе отъ народа. Она отвѣтственна, не юридически конечно, а нравственно, по самой природѣ своей, за его судьбы, отвѣтственна предъ исторіей. Она не можетъ, не должна имѣть въ виду только сегодняшній день, но и завтрашній и дни непосредственно за нимъ грядущіе. Если бы, уступая напяримѣръ нѣкоторымъ требованіямъ «интеллигенціи», она попыталась надѣлать Россію какнигъ либо западно-европейскимъ «правовымъ порядкомъ» на англійской консервативно-аристократической основѣ или на французской минимодемократичной, въ сущности буржуазной, или на какой-либо подобной, — она была бы повинна въ нзмѣнѣ своему народу. Она

не можетъ допустить иной основы кромѣ русской. народной... Но, къ несчастію, самый вопросъ о народномъ, послѣ двухсотлѣтняго коллобродства русской мысли и отчужденности отъ народной жизни, при затемненномъ сознаниі русскаго общества, подлежитъ еще точнѣйшему разъясненію». (?) «Народныя основы—еще искомое для нашего собственнаго сознанія, но за то задача «много облегчаемая уже тѣмъ, что наше новое, котораго всѣ мы такъ страстно желаемъ, (?) не есть что либо чуждое нашей землѣ, ... а наше старое, вѣковѣчное, родное (въ смыслѣ принципа, а не формы, разумѣется); у насъ дома и подъ рукою. Важно уже то, что мы начали или начинаемъ это сознать, уразумѣли—гдѣ его искать... Пойщемъ же—и обрящемъ!

Важно опознать путь и руководящее начало. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать нѣкоторыхъ первыхъ шаговъ новаго царствованія, нельзя не пожелать всею душою, чтобъ оно продолжало твердо и безбоязненно шествовать въ томъ же направленіи. Нельзя не придавать значенія уже тому, что въ ряду государственныхъ дѣятелей самое видное мѣсто предоставлено теперь нашей Верховною властью человѣку, имя котораго, столь популярное въ Россіи и столь несимпатичное ея врагамъ, всегда служило знаменемъ національнаго русскаго направленія.... Къ сожалѣнію, такія имена у насъ рѣдкость....

Мы съ благодарностью относимся и къ первымъ опытамъ правительственнаго совѣщанія съ не-чиновниками, съ людьми независимыми, земскими въ широкомъ смыслѣ этого слова, желая только чтобы эти совѣщанія, какое бы дальнѣйшее развитіе они ни получили остались чужды лживой, нерусской окраски западно-европейскаго парламентаризма.

Другая московская газета—«Соврем. Извѣстія», смотря столь же мрачно на прошлое, смотрять и на настоящее нѣсколько мрачнѣе: «проклятый годъ, говорятъ они, какое же другое дать ему названіе?.. Первое марта застало всѣ впечатлѣнія;... какъ бы отшибло память, потемнило разумъ. Все, что было до него, отдалилось какъ будто на десятилѣтія; все что совершилось и начинается послѣ него, не въ силахъ приковать того вниманія, каковаго иногда заслуживать бы предметъ по существу. И какъ все блѣдно, какъ мало интересно, какъ вообще упалъ общественный пульсъ? проходили передъ нами и періодическіе раз-

громы извѣстной части населенія по разнымъ городамъ и въ уменьшеніе выкупныхъ платежей, въ прекращеніе обязательныхъ отношеній, въ переселенческіѣ вопросы, и вопросъ, заразъ касавшійся какъ существеннаго пункта народной нравственности, такъ и главнѣйшей отрасли государственнаго дохода, и внѣ границъ нагло протягивавшаяся рука, намѣревавшаяся безъ нихъ лишитъ Россію того, что ей принадлежитъ по праву тысячелѣтняго призванія... «И ничто не трогаетъ, ничто не радуется, ничто не оскорбляетъ». «Ахалтекинское завосваніе, договоръ съ Китаемъ, то и другое прошло, не задѣвъ... да что это, въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ ли дѣйствительно году это было, ужъ не ранѣе ли? Такъ мимолетны впечатлѣнія, такъ они скользятъ, не оставляя слѣда!»

Нужно время или особенно сильныя мѣры, говоритъ газета, «но было бы ужасно, если бы остановиться на первомъ изъ этихъ положеній. Нужно время! Но сколько времени нужно, чтобы прійти въ себя отъ ужасной неожиданности, въ Россіи неслыханной да и нигдѣ небывалой, такой неожиданности, которая, какъ громомъ поразила не одну Россію, но весь міръ! А между тѣмъ чувства не только притуплены, но они и взволнованы; у народа, какъ выразились мы недавно, нервы разстроены; не палліативами, не полумѣрами, не длительными лѣкарствами нужно бы поднять упавшій духъ, но чѣмъ нибудь если не крупнымъ, то громкимъ, на столько громкимъ, чтобы пробудить притупившееся вниманіе, ободрить и освѣжить духъ. Нельзя достойно оплакать того, что въ минувшіе девять мѣсяцевъ не придумано ничего блестящаго, скажемъ прямо — ничего эффектнаго, надъ чѣмъ бы общественная и народная мысль нашла себѣ работу, и полезную и оживляющую. А нѣкоторые вопросы и давались на это, хотя бы на примѣръ питейный и выкупный. То умѣренное и осторожное рѣшеніе, какое дано выкупному и предположено питейному вопросу, исполнѣ годное можетъ быть для другаго времени, настоящей тяжелой годинѣ не по плечу. Что, если и съ тою и съ другою реформою случится то же, что съ отиѣною солянаго акциза, которой большинство и не почувствовало? Если та и другая, давъ незначительное, едва ошутимое и потому мало цѣнимое облегченіе, лишь ляжетъ бременемъ на финансы? Можно и болѣе значительное бремя принять на финансы, но лишь впечатлѣніе произвести сильное, чтобы новое царствованіе въ своей особенностяхъ дало себя

ощутительно слышать до послѣдняго угла. чтобы мѣры, къ которымъ оно приступаетъ, были не только существенны, не только крупны, но повторимъ — и громки, эффектны.

«Московскія Вѣдомости» смотрятъ на настоящее и будущее не столь мрачно: Годъ тяжкаго испытанія, говорятъ онѣ, миновалъ. Наступаетъ новый годъ. Да будетъ благословенно его начало и теченіе, да исчезнутъ всѣ призраки, и да сіяетъ въ спокойномъ величіи новое солнце надъ русской землей. Недуги, которыми мы страдаемъ, переходящаго свойства. Они на поверхности и легко излѣчимы, но пора же коснуться ихъ и наконецъ отъ нихъ освободиться. Намъ нужны прежде всего вѣра въ свою правду, твердость и рѣшимость въ должномъ, прямой взглядъ на вещи, свобода отъ отвлеченностей и вѣрность заповѣди: не сотвори себѣ кумира, не поклоняйся раболѣпно ни пздѣлю евоихъ рукъ, ни созданію своего ума и воли, исправляя ихъ въ высшемъ интересѣ, согласно ихъ назначенія для общаго блага».

«С.-Пет. Вѣдом.» смотрятъ на настоящее и будущее еще веселѣе: можно подумать, что все, о чемъ говорятъ «Москов. Вѣд.», въ видѣ desiderata, уже осуществилось, но за то газета бросаетъ самый мрачный взглядъ на наше недавнее прошлое. «Новая струя жизни, читаемъ мы, на столько уже установилось, что предшествующій ей періодъ обособляется рѣзкой страницей нашей исторической хотя и недавней, лѣтописи. И что за тяжелое время повѣстуетъ этою страницей! То было время торжества мѣщанской ненасытности; ненасытности узкоопившей, подъ мягкимъ выраженіемъ наживы, безсовѣстное расхищеніе русскаго добра — плода усилій труженческаго народа. То было время наложившее на освобожденный народъ мѣщанское иго, неизмѣримо болѣе тяжелое, чѣмъ крѣпостное. То было время, съютившее степенное мѣщанство съ безкорыстнымъ чиновничествомъ, для образованія буржуазной бюрократіи, оформливавшей концессионное взянокрадство и хищеніе чернилами и бумагой! Народъ — труженникъ, безлошадный, — отъ тяги и голодовки пропивающій послѣдній грошъ, — служилъ базисомъ, на которомъ выдвигались инструменты хищенія: желѣзныя дороги съ подвижнымъ составомъ, фабрики и заводы, основанные на податныхъ средствахъ, банки, стягивающіе народныя капиталы въ сферу спекуляціи, а надъ всѣмъ этимъ

тайна мелкихъ и крупныхъ эксплуататоровъ; представлявшихъ во главѣ мѣщанъ, всѣхъ племенъ и нарѣчій. Вотъ конечный апогей изъ буржуазнаго періода, отъ котораго не могла уберечься Россія!.. Дворянская Россія, чтобы стать желѣзкою народною должна была испытать фазисъ буржуазнаго давленія! И теперь мы можемъ, перекрестясь, благодарить Бога, что этотъ фазисъ былъ сравнительно скоротечный, тѣмъ не менѣе успѣвшій довести русскій народъ до такого изнеможенія, что еще вѣскольکو лѣтъ буржуазной эксплуатаціи русскаго добра и наше почвенное населеніе обратилось бы въ бродячія толпы, саморасправляющіяся въ духъ тѣхъ событій, которыми южане и варшавяне расчистывались съ мелкими эксплуататорами ихъ достоянія...»

«Новое Время» несполнено столь рѣшительными надеждами на завтрашній день и указываетъ на несоотвѣтствіе нашей законодательной дѣятельности съ пережитыми обстоятельствами хотя также привѣтствуетъ новую эру внутренней политики... «Видны остатки прошлаго говоритъ оно, показываются кое-какіе ростки будущаго, но все это еще очень мало отражается въ законодательствѣ». «Общества много пережило въ минувшемъ году, много переживствовало, не разъ мѣняло настроеніе, и въ настоящее время кипитъ невидимая еще законодательная работа,—работа, составляющая, быть можетъ, приготовительную школу къ болѣе широкой роли для тѣхъ людей изъ общества, которыя въ ней принимаютъ участіе; но осязательныхъ результатовъ... видно пока немного и не въ нихъ сила при характеристикѣ пережитаго года». Роковое событіе 1 Марта создало этому году «особую зловѣщую физиономію» и, разумѣется, поставлю главною задачею—«излеченіе страны отъ зла, развившагося до ужасныхъ размѣровъ». Понимаемая глубже, задача эта подразумѣваетъ «не однѣ только внѣшнія мѣры, бесплодность которыхъ доказала событіями, но и прочныя органическія реформы». Отсюда возникло и два ряда мѣръ, два пути—путь усиленной охраны и другой «основанный на поднятій благосостоянія коренныхъ, платящихъ классовъ населенія». Хотя подготовительныя работы и не отнимаютъ всѣхъ сторонъ народнаго уладка, но все таки показываютъ программу—дѣйствовать путемъ реформъ сн пзу. «Вообще, говоритъ газета, крестьянскій вопросъ въ минувшемъ году двинутъ впередъ сильно, хотя все еще въ видѣ предварительныхъ мѣръ», и, перечисляя все начатое въ

этомъ направлеиіи, добавляетъ: «вообще 1881 годъ оставилъ своимъ преемникамъ (не преемнику даже, а преемникамъ) крайне много дѣла...» Роковое событіе 1 марта не могло не отразиться глубокими переѣнами въ русской жизни, не могло не внести новыхъ теченій въ нашъ государственный бытъ: «1 марта застигло Россію со всѣмъ врасплохъ. Общество, и безъ того недостаточно твердое въ оцѣнкѣ задачъ, поставленныхъ временемъ и обстоятельствами, недостаточно согласное въ опредѣленіи потребностей страны, было потрясено неожиданною и столь грозною бѣдою. Сбитая съ толку мысль общественная въ болѣзненномъ возбужденіи напрасно старалась остановиться на чемъ нибудь, приискать какой-нибудь успокоительный *modus vivendi*: все стало казаться шаткимъ, ненадежнымъ. Но въ это время появился манифестъ 29 апрѣля и началась переѣна министерства, что и было началомъ новой эры. Для печати, впрочемъ, истекшій годъ былъ одинъ изъ наиболѣе трудныхъ. Объ этомъ можно судить по количеству послѣдовавшихъ административныхъ взысканій по дѣламъ печати. Въ общей сложности въ послѣдніе 10 мѣсяцевъ такихъ взысканій было до 20, при чемъ 6 изданій были временно приостановлены».

«Русскія вѣдомости высказали слѣдующее: «Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что русское общество встрѣчаетъ новый годъ полное томительныхъ ожиданій и, въ то же время, удручающихъ сомнѣній. Тяжелъ былъ для него истекшій годъ; тяжелыя испытанія достались на долю русской земли». Не изобиловалъ онъ, «и не могъ изобиловать и важными законодательными актами, вносящими въ народную жизнь бодрость и обновленіе».

Останавливаясь прежде всего на экономическомъ положеніи страны, «Рус. Вѣд.» говорятъ: Въ прошломъ году судьба къ намъ была благопріятна; урожай въ большей части Россіи въ среднемъ выводѣ былъ довольно удовлетворительный. Тѣмъ не менѣе, едва ли онъ въ какой-либо мѣстности, существенно улучшилъ положеніе народа, такъ что едва ли можно быть увѣреннымъ даже въ продовольствіи, если не выручитъ слѣдующій годъ.

Увеличеніе благосостоянія народной массы неизбежно должно отражаться на развитіи промышленности и оживленіи торговли; а между тѣмъ, ни того, ни другаго не замѣчается. Напротивъ того, есть признаки, указывающіе скорѣе на застои и упадокъ...

Въ теченіе истекшаго года сдѣланы были, правда, нѣкоторые попытки къ улучшенію нашихъ экономическихъ недуговъ; но онѣ еще или не осуществились или не успѣли еще оказать замѣтнаго вліянія. Впрочемъ, результаты ихъ и не могутъ быть значительны, такъ какъ онѣ не касаются самой коренной основы, именно дѣйствующей у насъ системы податнаго обложенія. Коренная реформа въ этомъ отношеніи, равно какъ проведеніе мѣръ, способныхъ оказать существенное содѣйствіе народу въ стремленіи его къ достаточному обезпеченію себя землей—вотъ, по общему мнѣнію, первыя и самыя главныя потребности многомиліонной массы русскаго населенія». Обходя эти потребности, нельзя надѣяться на достиженіе существенныхъ результатовъ въ смыслѣ поднятія народнаго благосостоянія». Непосредственно за этимъ должно быть «поставлено стремленіе къ водворенію порядка и законности, къ искорененію неправды и хищенія. Расширеніе сферы суда и гласности, предоставленіе обществу большей доли участія въ мѣстномъ хозяйствѣ и управленіи, равно какъ и въ дѣлѣ обсужденія общихъ предначертаній,—вотъ тѣ главныя основы, на которыхъ могутъ быть утверждаемы прочный порядокъ и законность, только опираясь на которыя можно вести успѣшную борьбу съ неправдой и хищеніемъ. Истекшій годъ представилъ много доказательствъ тому, что наши земства начинаютъ все болѣе и болѣе сознавать потребность въ общеніи, въ расширеніи своихъ полномочій, въ дружной работѣ для разрѣшенія мѣстныхъ вопросовъ. Неоднократно высказывалась мысль, что однимъ изъ условій, необходимыхъ для здоровой жизни нашего государственнаго организма, является лучшая организація земства, которое должно быть *de facto* тѣмъ, чѣмъ оно рисуется въ идеѣ, освобожденнымъ отъ тормозящихъ его дѣятельность ограниченій, приближеннымъ къ тому идеалу, зачатки котораго завѣщаны намъ нашей древностью». Останавливаясь на стремленіи къ сокращенію расходовъ, газета говоритъ, что «значительная экономія возможна только при условіи коренныхъ измѣненій въ системѣ нашего бюрократическаго режима. Только съ расширеніемъ функций земскихъ учрежденій могутъ быть значительно сокращены штаты административныхъ вѣдомствъ, только съ поднятіемъ значенія мѣстныхъ областныхъ учрежденій можетъ сдѣлаться излишнею многочисленная армія петербургской бюрократіи». Но говоря о

сокращеніяхъ, нельзя не замѣтить, что есть «сферы, въ которыхъ они невозможны безъ вреда для успѣховъ государства», напр. въ дѣлѣ просвѣщенія. «Тутъ, напротивъ, требуются усиленные мѣропріятія, широкая помощь, болѣе энергическая, живая дѣятельность. Нужны совокупныя и дружныя усилія земства и государства для того, чтобы поставить дѣло народнаго образованія на твердую почву. Необходимо увеличеніе школъ, основаніе народныхъ библіотекъ, распространеніе народныхъ чтеній, необходимо приступить къ серьезнымъ улучшениямъ въ дѣлѣ средняго образованія, къ реформѣ реальныхъ училищъ, неудовлетворительность которыхъ всѣмъ сознается. Наконецъ, надо же приступить когда нибудь къ распространенію профессиональнаго образованія».

Въ связи съ просвѣщеніемъ, газета останавливается и на нашей печати, высказывая пожеланіе, которыхъ у нея вообще гораздо больше чѣмъ надежда, «чтобы въ наступающемъ году были, по крайней мѣрѣ облегчены тѣ пути, которыя тормозятъ нашу дѣятельность, чтобы были пересмотрѣны тѣ массы циркуляровъ, которыми заслоняются наши законы о печати, чтобы въ сферу этой послѣдней была внесена та же строгая законность, которая признается необходимою по отношенію къ имущественнымъ правамъ гражданъ».

Приблизительно тѣ же самыя пожеланія высказываетъ и «Земство», надѣющеся, что скоро наступятъ ясные дни. Немногіе годы, говоритъ оно, начинались при такихъ благопріятныхъ для нашего отечества условіяхъ, какъ только что отошедшій въ вѣчность 1881 годъ. Встрѣчая его, русское общество было одушевлено свѣтлыми надеждами, осуществленіе которыхъ казалось возможнымъ и близкимъ. Смута... казалась улеглась, политика борьбы — уступила мѣсто другой — политикѣ умиротворенія, стремившейся къ возстановленію законности; подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній оставалась общественная дѣятельность; тѣ же вѣянія вызвали оживленія печати, которая, фактически освободившись отъ тяготѣвшихъ ее путей, со дня на день не дали окончанія законодательной работы, имѣвшей цѣлью дать прочное обезпеченіе русскому славу; — въ правительственныхъ сферахъ были поставлены на очередь многіе вопросы (за отиѣною солянаго налога должны были послѣдовать — пониженіе выкупныхъ платежей, организація переселеній, устройство кредита для расширенія крестьянскаго

землевладѣнія, приведеніе въ порядокъ государственныхъ финансовъ, и т. д.); недостатки мѣстнаго управленія вызвали нынѣшній декабрьскій циркуляръ (о пересмотрѣ его земствами и присутствія ея по крест. дѣламъ), наконецъ «въ самомъ способѣ разрѣшенія государственныхъ вопросовъ предполагалась крупная пере мѣна: ходилъ слухъ, что для обсужденія нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣшено созвать земскихъ представителей». Словомъ, «всюду вѣяло духомъ реформъ», но настало 1 марта и опять мы очутились на распутьи, опять возвысилъ свой голосъ, пользуясь общимъ смущеніемъ, «друзья реакціи, передававшіе возвратъ къ недавнему прошлому, проповѣдывавшіе репрессивныя мѣры, какъ единственное средство спасенія, настаивавшіе на приостановкѣ реформаторскаго движенія, охватившаго Россію». Проповѣдь эта «встрѣтила отпоръ со стороны большей части органовъ печати» и нѣкоторыхъ общественныхъ собраній, указывавшихъ на путь «дальнѣйшаго развитія тѣхъ началъ, которыя воспрепятствовали въ концѣ прошлаго царствованія». Газета увѣрена, что начала эти восторжествуютъ, и говорятъ устами своего внутренняго обозрѣвателя слѣдующее:

Въ одномъ венгерскомъ романѣ сообщается слѣдующее наблюденіе, сдѣланное надъ медвѣдями, живущими въ лѣсахъ Венгріи. На зиму медвѣди тамъ, по обыкновенію, предаются спячкѣ, въ которой и пребываютъ безпробудно вплоть до 10 февраля. Въ этотъ же день, побуждаемый какимъ-то вистиникомъ, медвѣдь выходитъ изъ своей берлоги и, если находитъ, что въ природѣ все напоминаетъ какъ бы близкій конецъ зимы: снѣгъ таетъ, повсюду замѣчается оттепель, солнце ярко сіяетъ и даже птицы, обманутыя такимъ состояніемъ погоды, весело чиркаютъ и щебечать, то медвѣдь снова возвращается въ берлогу и засыпаетъ опять на 40 дней — развѣ, по его соображеніямъ, зима не кончится. Если же, напротивъ, въ этотъ день все свидѣтельствуетъ о самой суровой зимѣ, вьюга злится и воеетъ, и крѣпкій морозъ трещитъ во всѣхъ сторонахъ глухаго лѣса, то медвѣдь съ удовольствіемъ совершаетъ прогулку по лѣсу — зимѣ настаетъ близкій конецъ; она развертываетъ свои послѣднія силы, чтобы скоро уступить мѣсто инымъ вѣяніямъ, болѣе теплomu дыханію настоящей весны... Итѣмъ мы наблюдательность венгерскаго медвѣдя, мы бы, конечно, не приняли оттепель, бывшую въ началѣ истекшаго года, за при-

знакъ близкаго окончанія зпмы, и не предавались бы такъ беззаботно чприканью на всѣ лады. Недолгая оттепель смѣнилась долговременною и суровой зимой, которая въ настоящее время развертывается, будемъ надѣяться, свои послѣднія силы. Мы разумѣемъ подъ этой суровой зимой тотъ духъ крѣпостнаго права, который со времени освобожденія крестьянъ кажется нѣкогда еще не проявлялъ себя съ такою силою, какъ въ настоящее время. Мы говоримъ именно о внѣшнемъ лишь проявленіи его, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ не умиралъ въ теченіи всего истекшаго двадцатилѣтія. Но въ послѣднее время его проявленія сильнѣе, ярче, чаще съ одной стороны, а съ другой стороны и протестъ противъ него проявляется среди извѣстной части общества и печати сильнѣе. Вотъ эта-то наибольшая сила проявленія духа крѣпостнаго права, подымавшая со дна общественной жизни всѣ темныя силы, и даетъ основаніе разсчитывать, что зима справляетъ свой послѣдній праздникъ.

«Московскій Телеграфъ», служа павихиду прошлому году, говоритъ: «1881 г. наконецъ отошелъ въ вѣчность...». Долго будетъ помнить его русскій народъ и онъ впишется въ скрижали исторіи темными чертами. Для народа это былъ — голодный годъ, для русскаго общества — непосильныхъ, безмѣрныхъ страданій, годъ ударовъ и неожиданностей, темной неопредѣленности и броженія, наконецъ — охранительной травли, разнузданной реакціи, въ жертву которой приносились всѣ самыя дорогія упованія, всѣ самыя святыя человѣческія чувства. «..Говоря далѣе о необходимости обновленія, газета вспоминаетъ, что она встрѣчала в прошлый годъ съ упованіями: «*Ex oriete lux* — говорили намъ тогда. И мы вѣрили этому, и этотъ свѣтъ дѣйствительно какъ будто занимался надъ русской землей болѣе новой жизни. Мы побѣдили реакцію и бодро шли впередъ... ждали полноо побѣды свободы и новой жизни надъ отжившими традиціями гражданскаго рабства и безправія, и уже поднята была Царственная рука, чтобы подписать великую хартію», но пронесся «страшный жизненный ураганъ» «освободителя русскаго народа» «не стало и нихъ» безшабашный разгулъ охраненія, дикая травль противъ ни въ чемъ неповиннаго, измученнаго общества, которое задыхалось въ этой неравной борьбѣ; однако видно милостивъ Богъ, правительстве скоро озоботилось объ успокоеніи общества (Слѣдуетъ указаніе на манифестъ 29 апрѣля, царку

ляръ министра вн. д. отъ 6 мая и другіе акты и мѣры которые мы уже видѣли). Газета не знаетъ чего ждать отъ новаго года, ибо «трудно проникнуть въ тайны историческаго творчества», но что, однако, не мѣшаетъ «ждать и надѣяться». Пожеланія же ея сводятся ко всему хорошему, а главнымъ образомъ къ важнѣйшимъ вопросамъ обезпеченія личныхъ правъ, установленія вообще легальныхъ правовыхъ, условій государственной жизни, «свободы жизни, слова и духа», которая до сихъ поръ была только иллюзіей.

Подобныя же пожеланія высказали «Русская Мысль», «Вѣсти Европы», «Южный край», «Порядокъ» (который въ особенности остановился на необходимости подъема общественной жизни и общественныхъ силъ въ провинціи), «Трудъ» и разныя другіе журналы и газеты, но перечислять всѣхъ этихъ вариаций на одну и ту же, хотя и прекрасную, тему мы не станемъ. Желаніе большинства органовъ печати, какъ видитъ читатель, сводятся къ довольно опредѣленному знаменателю, а если и есть какая разница, то небольшая. Если, напр. «Москов. Тел.» желаетъ свободы мысли, слова и духа, а Кіевская газета «Трудъ» говоритъ: «пусть въ новомъ году подвигнутся къ разрѣшенію нагрѣвшіе и стоящіе на очереди экономическіе вопросы, и пусть спадутъ тѣ путы, которыя тяготѣютъ до сихъ поръ надъ мыслями, словами и дѣлами нашей интеллигенціи и отстраняютъ ее отъ массы народа», что въ этомъ, разумѣется, мало разницы. Новогоднія мнѣнія тѣмъ въ особенности цѣнны, что высказываются они въ одинъ день, слѣдовательно выражаютъ думу какъ Петербуржца, такъ Москвича и Кіевлянина. Особенныя мнѣнія высказали только весьма немногія органы. Толковать значить и толковываться можно. Но что въ особенности пріятно намъ, такъ это то, что почти всѣ акты говорили и огворяютъ о народѣ и народническомъ направленіи у вѣкоторыхъ, какъ напр. «С.-Пет. Вѣд.», не научились еще даже по настоящему говорить о народѣ. а говорятъ), слѣдовательно мы не одни. Смотрите же, господа, будемъ послѣдовательно держаться этого направленія, не будемъ вилать и редегатствовать, не будемъ дѣлать изъ него моднаго фасона де парле, а будемъ смотрѣть на него какъ на самое дорогое дѣло.

Въ № 19 «Совр. Изв.» появилось письмо гр. Л. Н. Толстого о переездѣ въ Москвѣ (однимъ изъ распорядителей которой онъ

состоит). Въ виду интереса представляемаго этимъ описаніемъ, мы и даемъ его читателю.

О переписи въ Москвѣ.

Цѣль переписи научная. Перепись есть социологическое изслѣдованіе. Цѣль же науки социологій—счастіе людей. Наука эта и ея приемы рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ наукъ.

Особенность въ томъ, что социологическія изслѣдованія не производятся не производятся учеными по своимъ кабинетамъ, обсерваторіямъ и лабораторіямъ, а двумя тысячами людей изъ общества. Другая особенность та, что изслѣдованія другихъ наукъ производятся не надъ живыми людьми, а здѣсь надъ живыми людьми. Третья особенность та, что цѣль всякой другой науки есть только знаніе, а здѣсь благо людей. Туманныя пятна можно изслѣдовать одному, а для изслѣдованія Москвы нужно 2,000 людей. Цѣль изслѣдованія туманныхъ пятенъ только та, чтобы узнать все про туманныя пятна; цѣль изслѣдованія жителей та, чтобы вывести законы социологій и на основаніи этихъ законовъ учредить лучше жизнь людей. Туманнымъ пятнамъ все равно, изслѣдуетъ ихъ или нѣтъ, и они ждали и еще долго готовы ждать, но жителямъ Москвы не все равно, особенно тѣмъ несчастнымъ, которые составляютъ самый интересный предметъ науки социологій.

Счетчикъ приходитъ въ ночлежный домъ, въ подвалѣ, находитъ умирающаго отъ безкормуцы человѣка и учтиво спрашиваетъ: званіе, пмя, отчество, родъ занятія; и послѣ небольшого колебанія о томъ, внести-ли его въ списокъ какъ живаго, записываетъ и проходитъ дальше.

И такъ будутъ ходить 2,000 молодыхъ людей. Это нехорошо.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, и обществу, призванному въ лицѣ 2,000 молодыхъ людей содѣйствовать наукѣ, надо дѣлать свое. Статистикъ, дѣлающій выводъ изъ цифръ, можетъ быть равнодушенъ къ людямъ, но мы, счетчики, видящіе этихъ людей и не имѣющіе никакихъ научныхъ увлеченій, не можемъ относиться къ нимъ не почеловѣчески. Наука дѣлаетъ свое дѣло, и для своихъ

дѣлей въ далекомъ будущемъ дѣлаетъ дѣло полезное и нужное для насъ. Для людей науки возможно спокойной сказать, что въ 1882 году столько то нищихъ, столько то проститокъ, столько то дѣтей безъ призору. Она можетъ это сказать спокойной и съ гордостью, потому что знаетъ что утверждение этого факта ведетъ къ тому, что уясняются законы социологiи, а уясненiе законовъ ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше. Но что же, если мы, люди не науки, скажемъ: вы погибаете въ развратѣ, вы умираете съ голоду, вы чахнете и убиваете другъ друга; такъ вы этимъ не огорчайтесь; когда вы всѣ погибнете и еще сотни тысячъ такихъ же какъ вы, тогда можетъ быть наука устроить все прекрасно. Для людей науки перепись имѣетъ свой интересъ; для насъ она имѣетъ свое, совсѣмъ другое значенiе. Для общества интересъ и значенiе переписи въ томъ, что она даетъ ему зеркало, въ которое хочешь не хочешь посмотрится все общество и каждый изъ насъ.

Цифры и выводы будутъ зеркало. Можно не чичать ихъ, какъ можно отвернуться отъ зеркала. Можно мелькомъ взглянуть въ цифры и въ зеркало, можно поглядѣться и близко. Походить по переписи, какъ дѣлаютъ теперь тысячъ людей, это близко поглядѣться въ зеркало.

Что такое для насъ, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это двѣ вещи. Во первыхъ, то, что мы навѣрно узнаемъ, что среди насъ, среди десятковъ тысячъ людей, проживающихъ десятки тысячъ, живутъ десятки тысячъ людей безъ хлѣба, одежды и приюта; во-вторыхъ, то, что наши братья, сыновья будутъ ходитъ смотрѣть это и спокойно заносить по графамъ, сколько умирающихъ съ голода и холода.

И то и другое очень дурно.

Всѣ кричатъ о шаткости нашего общественнаго строя, объ исключительномъ положенiи, о революціонномъ настроенiи. Гдѣ корень всего? На что указываютъ революціонеры? На нищету, неравномѣрность распредѣленiя богатствъ. На что указываютъ консерваторы? На упадокъ нравственныхъ основъ. Если справедливо мнѣнiе революціонеровъ, что же надо сдѣлать? Уменьшить нищету и неравномѣрность богатствъ. Какъ это сдѣлать? Богатымъ подѣлиться съ бѣдными, Если справедливо мнѣнiе консерваторовъ, что все зло отъ упадка нравственныхъ основъ, то что можетъ

быть безнравственнѣе и развратительнѣе. какъ сознательно равнодушное соверпаніе людскихъ несчастій съ одною цѣлью записывать ихъ? Чтожь надо сдѣлать? Надо жъ переписи присоединить дѣло любовнаго общенія богатыхъ досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, давайте и мы сдѣлаемъ свое. Сдѣлаемъ вотъ что. Во первыхъ, мы все заняты переписью, руководители, счетчики, уяснимъ себѣ хорошенько то, надъ чѣмъ и для чего мы дѣлаемъ изслѣдованія. Надъ людьми, и для того, чтобы люди были счастливы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на жизнь, всякій согласенъ, что важнѣе ничего нѣтъ человѣческой жизни, и дѣла нѣтъ болѣе важнаго, какъ устранить препятствія для развитія этой жизни, помочь ей.

Въ евангеліи съ поразительной грубостью, но за то съ опредѣленностью и ясностью для всехъ выражена та мысль, что отношенія людей къ нищете, страданіямъ людскимъ есть корень. основа всего.

Кто одѣлъ голого, накормилъ голоднаго, посѣтилъ заключеннаго. тотъ Меня одѣлъ, Меня накормилъ, Меня посѣтилъ, т. е. сдѣлалъ дѣло для того. что важнѣе всего въ мірѣ.

Какъ ни смотри человекъ на вещи, всякій знаетъ, что это важнѣе всего въ мірѣ.

И это надо не забывать и не позволять никакимъ другимъ соображеніямъ заслонять отъ насъ важнѣйшее дѣло нашей жизни. Будемъ записывать, считать, но не будемъ забывать, что если намъ встрѣтится человекъ раздѣтый и голодный, то помочь ему важнѣе всехъ возможныхъ изслѣдованій, открытій всехъ возможныхъ изслѣдованій, открытій всехъ возможныхъ наукъ. Что, если бы былъ вопросъ въ томъ. заняться ли старухой, которая второй день не ѣла, или погубить всю работу переписи? Пропадай вся перепись, только бы накормить старуху. Длиннѣе, труднѣе будетъ перепись, но въ бѣдныхъ кварталахъ мы не можемъ проходить людей, только переписывая ихъ, не заботясь о нихъ и не пытаясь по мѣрѣ силъ и нравственной чуткости нашей помочь имъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ вотъ что надо сдѣлать: мы все, не принимающіе участія въ переписи, давайте не сердиться на то, что насъ тревожить; поймите, что эта перепись очень полезна для насъ; что если это не лѣчснѣе, то это по крайней мѣрѣ попытка

ислѣдованія болѣзни, за которую намъ надо быть благодарными, и по случаю которой намъ надо хоть немножко постараться оздоровить себя. Давайте мы всѣ, переписываемые, постараемся воспользоваться тѣмъ единственнымъ случаемъ, въ 10 лѣтъ немножко пообчиститься, давайте не противодѣйствовать, а помогать переписи и помогать ей именно въ томъ смыслѣ, чтобы она не имѣла одинъ жестокий характеръ обслѣдованія безнадежнаго больнаго, а имѣла характеръ лѣченія и выздоровленія. Вѣдь случай единственный: 80 человѣкъ энергичныхъ, образованныхъ людей, имѣя подъ рукой 2,000 человѣкъ такихъ же молодыхъ людей, обходятъ всю Москву, и не оставляютъ ни одного человѣка въ Москвѣ, не войдя съ нимъ въ личныя сношенія. Всѣ язвы общества, язвы нищеты, разврата, невѣжества — всѣ будутъ обнажены: Что-жъ, веужели успокоиться на этомъ? Счетчики пройдутъ по Москвѣ, безразлично занесутъ въ списки съ жиру бѣсящихся, довольныхъ и спокойныхъ, погибающихъ и погибшихъ, и завѣса закроется. Счетчики — наши братья, сыновья-юноши увидятъ все это. Скажутъ: «да, очень безобразна наша жизнь и неизлѣчима», и съ этимъ сознаниемъ будутъ вмѣстѣ съ нами продолжать жить, ожидая исправленія зла отъ той или другой вишней силы. А погибшіе будутъ продолжать умирать въ погребѣ, а погибающіе будутъ продолжать погибать. Нѣтъ, давайте лучше поймемъ, что у науки свое дѣло, а у насъ, по случаю переписи, свое дѣло, и не дадимъ закрыться поднятой завѣсѣ, а воспользуемся случаемъ, чтобы устранить величайшее зло разобщенія между нами и вищими и установить общеніе и дѣло исправленія зла несчастій, нищеты и невѣжества и еще большаго нашего несчастія, — равнодушія и бездѣльности нашей жизни.

Я слышу уже привычное замѣчаніе: «все это очень хорошо, все это громкія фразы; но вы скажите, что и какъ дѣлать? Прежде чѣмъ сказать, что дѣлать, необходимо еще сказать, чего не дѣлать. Прежде всего для того, чтобы изъ этой дѣятельности общества вышло дѣло, необходимо по моему, чтобы не составлялось никакого общества, чтобы не было никакой гласности, не было собиранія денегъ балами, базарами и театрами, чтобы не было публикацій: князь А. пожертвовалъ 1,000 р., а почетный гражданинъ Б. 3,000; не было бы никакого собранія, никакой отчетности, и никакого писанія, — главное никакого писанія, чтобы

не было и тѣмъ какого нибудь учрежденія. не правительственнаго, ни филантропическаго.

Дѣлать же по моему теперь сейчасъ вотъ что: Первое: всѣмъ тѣмъ, которые согласны со мной, пойти къ руководителямъ, спросить у нихъ въ участкѣ бѣднѣйшіе кварталы, бѣднѣйшія помѣщенія и вмѣстѣ съ счетчиками 23, 24 и 25 числа ходить по этимъ кварталамъ, хотя въ сношенія съ живущими въ нихъ и держать эти сношенія съ людьми, нуждающимися въ помощи, и работать для нихъ:

Второе: руководителямъ и счетчикамъ обращать вниманіе на жителей, требующихъ помощи и работать для нихъ самимъ, и указывать ихъ тѣмъ, которые захотятъ работать на нихъ. Но у меня спросятъ: что значить работать на людей? Отвѣчу: дѣлать добро людямъ. Не давать деньги, но дѣлать добро людямъ. Подъ словомъ дѣлать добро понимается обыкновенно — давать деньги. Но по моему понятію дѣлать добро и давать деньги, есть не только не одно и то же, но двѣ вещи совсѣмъ разныя и большей частью противоположныя. Деньги сами по себѣ зло. И потому, кто даетъ деньги—тотъ даетъ зло. Зablужденіе это, что давать деньги значить дѣлать добро, произошло отъ того, что большей частью. когда человекъ дѣлаетъ добро, то онъ освобождается отъ зла и въ томъ числѣ и отъ денегъ. И потому давать деньги есть только признакъ того, что человекъ начинаетъ избавляться отъ зла. Дѣлать добро — значить дѣлать то, что хорошо для человека. А чтобы узнать, что хорошо для человека, надо стать съ нимъ въ человѣческія, т. е. дружескія отношенія. И потому, чтобы дѣлать добро — не деньги нужны, а нужно прежде всего способность хоть на время отречься отъ условности нашей жизни, нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клоповъ и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы; нужно быть въ состояніи сѣсть на койку къ оборванцу и разговаривать съ нимъ по душѣ такъ, чтобы онъ чувствовалъ, что говорящій съ нимъ уважаетъ и любитъ его, а не ломается, любуясь на самого себя. А чтобы это было, нужно чтобы человекъ находилъ бы смыслъ жизни внѣ себя. Вотъ что нужно, чтобы было добро, и вотъ что трудно найти.

Когда мнѣ пришла мысль о помощи при переписи, я погово-
вилъ кое съ кѣмъ изъ богатыхъ объ этомъ, и я видѣлъ, какъ

рады были богатые случаю такъ прилично избавиться отъ своихъ денегъ, этихъ чужихъ грѣховъ, которые они берегутъ у себя на сердцахъ. Возьмите пожалуйста, говорили мнѣ, 300 рублей, 500 р. но я самъ или сама не могу идти въ эти трущобы. Не въ деньгахъ недостатокъ. Вспомните евангельскаго Закхея, начальника мытарей. Вспомните, какъ онъ отъ того, что былъ малъ ростомъ. влѣзъ на дерево смотрѣть Христа, и когда Христосъ объявилъ, что идетъ къ нему, какъ онъ, понявъ только одно, что учитель не хвалитъ богатство, кубаремъ соскочилъ съ дерева. побѣжалъ домой и устроилъ угощеніе. И какъ только вошелъ Христосъ, такъ первымъ дѣломъ Закхей объявилъ, что половину имѣнія дастъ нищимъ, а кого обидѣлъ. тому вчетверо отдастъ. И вспомните, какъ мы всѣ, читая Евангеніе. низко цѣнимъ этого Закхея, невольно съ презрѣніемъ смотримъ на эту половину имѣнія и четверное вознагражденіе. И чувство наше право. Закхей, по разсужденію казалось бы, сдѣлалъ огромное дѣло. Но чувство наше право. Онъ еще не начиналъ дѣлать добро. Онъ только началъ немного очищаться отъ зла. Такъ и сказалъ ему Христосъ. Онъ сказалъ ему только: нынѣ пришло спасеніе дому сему.

Что, если бы московскіе Закхеи сдѣлали бы то же, что онъ? Вѣдь собрался бы не одинъ миллиардъ. Ну, и что же бы было? Ничего. Еще бы больше грѣха, если бы вздумали раздавать эти деньги бѣднымъ. Денегъ не нужно. Нужна дѣятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотѣли бы дѣлать добро, отдавая не чужіе грѣхи—деньги, а свой трудъ, себя, свою жизнь. Гдѣ жъ эти люди? А вотъ они, по Москвѣ ходятъ. Это—самые счетники студенты. Я видѣлъ, какъ они записываютъ свои карточки. Онъ пишетъ въ ночлежномъ домѣ на парахъ у большого «Чѣмъ боленъ?»—«Военной». И студентъ не морщится и пишетъ. И это онъ дѣлаетъ для какой-то сомнительной науки. Что же бы онъ сдѣлалъ; если бы онъ сдѣлалъ если бы онъ дѣлалъ это для несомнѣннаго своего личного добра и добра всѣхъ людей?

Какъ дѣтямъ въ веселомъ духѣ хочется хохотать, они не умѣютъ придумать чему бы хохотать, и дохочутъ безъ всякаго предлога, потому что имъ весело, такъ эта милая молодежь жертвуетъ собой. Она еще не успѣла придумать, за что бы имъ жертвовать собой, а жертвуетъ своимъ вниманіемъ, трудомъ жизнью, затѣмъ чтобы записать карточку, изъ которой еще вый-

дѣть или не выйдеть что нибудь. Что же бы было, если бы было такое дѣло, которое того стоило? Есть и было и всегда будетъ это дѣло, и одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, крѣкая есть въ человѣкѣ. Дѣло это есть любовное общеніе людей съ людьми и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой, для того чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотпнившихся людей и столами безпомощнаго гонооа, холода и болѣзней.

Перепись вывонить передъ глазами, насъ достаточныхъ и такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, всю ту нищету и давленность, которая таится во всѣхъ углахъ Москвы. 2.000 людей изъ нашего брата, стоящихъ на высшей ступени лѣстницы, стануть лицомъ къ лицу съ тысячами людей, стаящихъ на низшей ступени общества. Не упустимъ случая этого общенія. Черезъ этихъ 2,000 людей сохраняемъ это общеніе и употребимъ его на то, чтобы избавиться самимъ отъ безцѣльности и безобразія нашей жизни и избавить обдѣленныхъ отъ тѣхъ бѣдъ и несчастій, которые чужимъ людямъ изъ насъ не дають спокойно радоваться нашимъ радостямъ.

Я предлагаю вотъ что: 1) всѣмъ, намъ руководителямъ и счетчикамъ, къ дѣлу переписи присоединить дѣло помощи—работы для добра тѣхъ людей: по нашему понятію, требующихъ помощи, которые встрѣтятся намъ; 2) всѣмъ намъ, руководителямъ и счетчикамъ не по назначенію комитета думы, а по назначенію своего сердца, остаться на своихъ мѣстахъ т. е. въ отношеніяхъ къ жителямъ нуждающимся въ помощь, и по окончаніи дѣла переписи продолжать дѣло помощи. Если я сумелъ высказать хоть немного то, что я чувствую, то я увѣренъ, что только заставитъ руководителей и счетчиковъ бросить это дѣло и что на мѣсто отставшихъ отъ этого дѣла явятся другіе; 3) всѣмъ тѣмъ жителямъ Москвы, чувствующихъ себя способными работать для нуждающихся, присоединиться къ участкамъ и по указаніямъ счетчиковъ и руководителей начать дѣятельность теперь же и потомъ продолжать ее; 4) всѣмъ тѣмъ, которые по старости, слабости или другимъ причинамъ, не могутъ сами работать среди нуждающихся, поручать работу своимъ близкимъ, молодымъ, сильнымъ, охочимъ. (Добро не есть даваніе денегъ, оно есть любовное отношеніе людей. Оно одно нужно).

Что бы ни вышло изъ этого, все будетъ лучше того, что теперь.

Пусть будетъ самое послѣднее дѣло, что мы, счетчики и руководители, раздадимъ сотню двугривенныхъ тѣмъ, которые не ѣли, и это будетъ не мало не столько потому, что не ѣвшіе поѣдятъ, сколько потому что счетчики и руководители отнесутся по человѣчески къ сотнѣ бѣдныхъ людей. Какъ счастье, какія послѣдствія произойдутъ въ общеправственномъ балансѣ отъ того, что вмѣсто чувства досады, злобы, зависти, которыя мы возбудимъ, пересчитывая голодныхъ, мы возбудимъ сто разъ доброе чувство, которое отразится на другомъ, на третьемъ и безконечной волной пойдетъ разливаясь между людьми. И это много. Пусть будетъ только то, что тѣ изъ 2,000 счетчиковъ, которые не понимали этого прежде, поймутъ, что ходя среди нищеты нельзя говорить: это очень интересно; что человѣку несчастье другаго человѣка должно отзываться не однимъ интересомъ; и это будетъ хорошо. Пусть будетъ то, что будетъ подана помощь всѣмъ тѣмъ несчастнымъ, которыхъ не такъ много, какъ я думаю прежде, въ Москвѣ, которымъ можно помочь легко почти однимъ деньгами. Пусть будетъ то, что тѣ рабочіе, заведшіе въ Москву и проѣвшіе съ себя одежду и не могущіе вернуться въ деревню, будутъ отправлены домой, что спроты заброшенные будутъ призрѣны, что ослабѣвшіе старики и старухи нищія, живущіе на милосердіи товарищей нищихъ, будутъ избавлены отъ полуголодной смерти. (А это очень возможно. Такихъ не очень много). И это будетъ уже очень, очень много. Но почему не думать и не надѣяться, что будетъ сдѣлано и еще и еще больше? Почему не надѣяться, что будетъ отчасти сдѣлано или начато то настоящее дѣло, которое дѣлается уже не деньгами, а работой, что будутъ спасены ослабѣвшіе пьяницы, непопавшіеся воры, проститутки, для которыхъ возможенъ возвратъ? Пусть не исправится все зло, но будетъ сознаніе его, и борьба съ нимъ не полицейскими мѣрами, а внутренними,—братскимъ общеніемъ людей, выдающихъ зло, съ людьми не выдающими его потому, что они находятся въ немъ.

Что бы ни сдѣлано было, все будетъ много. Но почему же не надѣяться, что мы сдѣлаемъ то, что въ Москвѣ не будетъ ни одного раздѣтаго, ни одного голоднаго, ни одного проданнаго за деньги человѣческаго существа, ни одного несчастнаго, задавлен-

наго судьбой человѣка, который бы не зналъ, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядомъ съ нашимъ излишкомъ досуга и богатствъ, и что мы можемъ жить спокойно, зная что это есть. Забудемте про то, что въ большихъ городахъ и въ Лондонѣ есть пролетаріатъ, и не будемъ говорить, что это такъ надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу, и не можетъ быть, если мы живые люди. Почему не надѣяться, что мы поймемъ, что нѣтъ у насъ ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнѣе этой? Почему же не думать, что мы наконецъ поймемъ это? Развѣ только потому, что дѣлать это было бы слишкомъ большое счастье. Почему не думать, что когда да нибудь люди проснутся и поймутъ, что все остальное есть соблазнъ, а это одно дѣло жизни. И почему же это «когда-то» не будетъ теперь, и не будетъ теперь и въ Москвѣ? Почему не надѣяться, что съ обществомъ, съ человѣчествомъ не будетъ то же, что бываетъ съ большимъ организмомъ, когда вдругъ наступаетъ моментъ выздоровленія? Организмъ боленъ, это значить, что кѣлочки перестаютъ производить свою таинственную работу: одни умираютъ, другія поражаются, третья остаются безразличными, работаютъ для себя. Но вдругъ наступаетъ моментъ, когда каждая живая кѣлочка начинаетъ самостоятельную жизненную работу: она вытѣсняетъ мертвые, запираетъ живой преградой зараженія, сообщаетъ жизнь отжившимъ и тѣло воскресаетъ и живетъ полной жизнью.

Отчего же не думать и не надѣяться, что кѣлочки нашего общества оживутъ и оживятъ организмъ. Мы не знаемъ въ чьей власти жизнь кѣлочки, но мы знаемъ что наша жизнь въ нашей власти. Мы можемъ проявить свѣтъ, который есть въ насъ, или загасить его.

Приди одинъ человѣкъ въ сумерки къ Ляцинскому ночлежному дому, когда 1000 человѣкъ, раздѣтыхъ и голодныхъ ждутъ на порогѣ впуска въ оомъ, и постарайся этотъ одинъ человѣкъ помочь имъ, и у него сердце обольется кровью, и онъ съ отчаяніемъ и злобой на людей убѣжитъ отсюда, а придите на эти тысячу человѣкъ еще тысяча человѣкъ съ желаніемъ помочь, и дѣло окажется легкимъ

и радостнымъ. Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ—это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы подурачки, помужички, покрестьянски, похристіански налягнемъ народомъ не поднимемъ ли. Дружѣй, братцы, разомъ!

У С Т О Я

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. Чужакъ (Повѣсть) Окончаніе). К. Баранцевичъ	1
II. Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка. (Продолженіе). В. И. Семеновскій	63
III. Обездоленный (Очеркъ). Н. Наумовъ	100
IV. Стихотвореніе. А. Плещеевъ	129
V. Записки южнорусскаго крестьянина. (Окончаніе). А. Г.	140
VI. Стихотвореніе. Н. Минскій	173
VII. Жизненное путешествіе *	176
VIII. Кризисъ Смитовской школы въ Политической Экономіи. (Англійская свободная торговля соч. проф. Янжула). И. Ивановичъ	1
IX. Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. (Письма къ читателямъ) (Продолженіе). Александровъ	41
X. О крестьянскомъ самоуправленіи. С.	72
XI. Библиографія	100
XII. Внутреннее обозрѣніе	148
Приложеніе. Романъ Джузеппе Ровани. Книга 1. Глава I—IX. Книга 2. Глава I—II. Объясненія.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ С. Давыдова, ТРОИЦКІЙ ПЕР., Д. № 22

1882

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ

ЖУРНАЛА
„УСТОИ“.

Литературный, научный и политический журнал „Устой“ будетъ выходить въ 1882 г. сжемысячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

- 1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) Научный отдѣлъ: статьи по всемы отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.
- 5) Политическій отдѣлъ: обзорніе жизни иностранныхъ государствъ.
- 6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.
- 7) Театръ и музыка.
- 8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.
- 9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, С. А. Венгеровъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. В., проф. Алексѣй Ник. Все-

ловскій, Н. Н. Златовратскій, проф. И. И. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, проф. В. А. Лебедевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. И. Орловъ, П. Лафаргъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семейскій, проф. Н. И. Сторожевко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. И. И. Янжуль, Я. Б. Оедосавецъ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлима*, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ посылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою *на полгода*: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору „*Устоювъ*“.

Лица желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовыя марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала „*Устоювъ*“ по личному ихъ востребованію; пересылаются-же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи-же, не вытребованныя въ теченіи годоваго срока съ ихъ присылки, уничтожаются. *Мелкія статьи и стихотворенія* не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ

ГОДЪ I

1882.

ФЕВРАЛЬ

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. Чужааъ (Повѣсть) Окончаніе). К. Баранцевичъ	1
II. Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка. (Продолженіе). В. И. Семеновскій	63
III. Обездоленный (Очеркъ). Н. Наумовъ	109
IV. Стихотвореніе. А. Плещеевъ	129
V. Записки южнорусскаго крестьянина. (Окончаніе). А. Г.	140
VI. Стихотвореніе. Н. Минскій	173
VII. Жизненное путешествіе * *	176
VIII. Кризисъ Смитовской школы въ Политической Экономіи. (Англійская свободная торговля соч. проф. Янжула). И. Иванюковъ	1
IX. Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. (Письма къ читателямъ) (Продолженіе). Александровъ	41
X. О крестьянскомъ самоуправленіи. С.	72
XI. Библиографія	100
1. Внутреннее обозрѣніе	148
Приложеніе. Романъ Джузеппе Ровани. Книга 1. Глава I—IX. Книга 2. Глава I—II. Объясненія.	

THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES THE FIRST

Чужакъ.

(Повѣсть).

(Окончаніе *).

IX.

На мельницѣ.

Сѣрый корпусъ мельницы, побурѣвшій отъ вѣтхости и непогодъ, одиноко высился въ полѣ; ея громадныя крылья, махавшія въ воздухѣ, издали казались крыльями какого-то баснословнаго ветопыря, силывшагося подняться съ земли и улетѣть подъ облака. Но когда Радунцевъ подошелъ ближе, картина измѣнилась и приняла даже нѣсколько идиллическій характеръ.

Около мельницы былъ огородъ съ пучками свѣтлой зелени; неподалеку колодезь, около котораго бродили куры, на порогѣ небольшой пристройки сидѣла дѣвочка, съ грудой цвѣтовъ на колѣняхъ, и плела вѣнокъ.

Самъ мельникъ, безъ шапки, въ чистой, бѣлой рубахѣ, упрямясь грудью въ конецъ бревна, заводилъ кругъ.

Радунцевъ подошелъ было къ нему съ обычнымъ: „Богъ въ помощь!“ Но вдругъ остановился, какъ вкопанный: въ эту минуту мельникъ шелъ къ нему лицомъ, и въ этомъ лицѣ, заросшемъ длинной черной бородой, худомъ и изборожденномъ морщинами, но съ глазами, блестящими огнемъ силы и молодости, — Радунцевъ узналъ лицо Рѣзцова.

*) См. № 1.

Мельникъ, точнѣе—Рѣзцовъ приостановился тоже, отеръ со лба потъ рукавомъ и всмотрѣлся въ того.

Вдругъ что-то дрогнуло въ его лицѣ; онъ бросилъ бревно и въ одну минуту очутился подлѣ Радунцева.

— Радунцевъ!

— Рѣзцовъ! Ты ли это?

Оба стояли другъ противъ друга и крѣпко жали руки. Оба были взволнованы и не находили словъ.

Брошенное на произволь бревно, скрипя, продолжало, по инерціи, совершать свое движеніе; находившійся по близости пѣтухъ захлопалъ крыльями, вытянулъ шею, собираясь запѣть, но раздумалъ и не запѣлъ; дѣвочка вся погрузилась въ свою работу.

— Господи, вотъ встрѣча! началъ было Радунцевъ.

— Ну, что тамъ!.. махнулъ рукой Рѣзцовъ,—а мы вотъ лучше, по обычаю, обнимемся да поцѣлуемся!

Они поцѣловались.

— Давненько, давненько не видались! Ну, какъ живешь, что подѣлываешь? спрашивалъ Рѣзцовъ, въ то же время укрѣпляя конецъ каната за одинъ изъ столбовъ, врытыхъ въ землю.— Погоди, впрочемъ, рассказывать, это мы лучше на досугѣ. Я сейчасъ!

Радунцевъ стоялъ молча, словно все еще не довѣряя глазамъ. Мнутами ему казалось, что не сонъ ли все это: такъ необычайна была встрѣча съ прежнимъ студентомъ Рѣзцовымъ.

Между тѣмъ Рѣзцовъ окончилъ работу и, доставъ кисеть и трубку, сталъ растирать табакъ.

— Пробу дѣлаю, заговорилъ онъ сквозь чубукъ трубки, кивнувъ въ сторону мельницы,—механизмъ что-то расклеился. Помоль-то не великъ: въ кон вѣки мужикъ заглянетъ, а то больше на водяную. Ну, теперь пойдемъ въ хату.

Они вошли въ пристройку. Это просто былъ небольшой дощаникъ, кое какъ сколоченный „для лѣта“, безъ печи даже, съ крошечнымъ оконцемъ, выходящимъ на огородъ. Въ переднемъ углу стоялъ грубо сколоченный столъ, тутъ же неболь-

шой шкафчикъ для посуды, у входа койка съ ворохомъ соломы, прикрытой кускомъ рясны; съ потолка повсюду спускались сухіе пучки мяты, висѣвшей на тонкихъ жердочкахъ. И столъ, и лавки, и оконное стекло, и даже мята, все было въ изобиліи покрыто густыми слоями бѣлой пыли.

— Вотъ пыль шибко допмаеть, сказать Рѣзцовъ, — а то клѣтушка хоть куда! Ну, чѣмъ же мнѣ тебя подчивать? Варева, братъ, нѣтъ, и не водится, а вотъ молока не хочешь ли? Кстати время ужинать.

Онъ вышелъ и вернулся съ горшкомъ молока, досталъ изъ шкафчика хлѣбъ, ножъ, деревянные ложки и, наръзавъ хлѣбъ, сѣлъ за столъ.

Вошедшая вслѣдъ за нимъ дѣвочка стояла у порога, не рѣшаясь войти и неприязненно поглядывая на Радунцева.

— Садись, братъ, бери ложку! Ну, а ты что-же, Анюта? Дѣвочка въ нерѣшительности сдѣлала нѣсколько шаговъ къ столу, все также поглядывая на гостя.

— Э, да ты ее мѣсто занялъ, этого мы не любимъ, обратился къ нему Рѣзцовъ, — подвинься-ка немного.

Анюта сѣла за столъ, все еще косясь на Радунцева, затѣмъ взяла ложку и стала ѣсть, какъ большая. Ужинъ прошелъ въ молчаніи; Радунцевъ пробовалъ заговорить, но Рѣзцовъ отмалчивался.

Пуживавъ, пріятели вышли изъ пристройки. Уходя, Радунцевъ замѣтилъ, какъ Анюта, съ видомъ хозяйки, принялась проворно прибирать посуду.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Въ надвигавшемся повсюду сыромъ туманѣ высился громадный, черный силуэтъ мельницы, еще болѣе похожій на нетопыря, съ поднятыми къ темному небу недвижными крыльями. Кругомъ стояла мертвая тишина, вѣтеръ стихъ, и каждый кустъ, каждая вѣтка на немъ стояли словно заговоренные. Гигантскій поясомъ чернѣлъ вдаль лѣсъ. На небѣ появилось нѣсколько одинокихъ звѣздочекъ. Жужжа, словно басовая нота віолончели, плавно пронесся въ воздухъ какой-то, должно быть очень большой, жукъ.

Пріятели сѣли на заваленку. Рѣзцовъ поныкивалъ изъ

трубки. Лица его не было видно; только въ моментъ затяжки огонекъ изъ трубки слабо освѣщаль черные усы, кончикъ носа и густыя, надвинувшіяся на глаза, брови.

— Какъ все это случилось, Рѣзцовъ? началъ Радунцевъ.

— Не стоитъ рассказывать, не интересно.

— Какъ не интересно, помилуй! Я былъ просто пораженъ.

— Съ чего? Помнишь, чай, наши бесѣды о народѣ?

— О, еще бы. Это было лучшее время! Какъ жилось тогда, Господи!

— Къ слявию стремились! (Въ голосѣ Рѣзцова прозвучала насмѣшливая нотка). Ну, и я пошелъ за другими. Сперва пыталъ на почвѣ любованья пейзажомъ слиться, потомъ увидѣлъ, что ерунда,—что коли сливаться, такъ ужъ нужно по настоящему. Сперва тяжело было, старую шкуру трудно мѣнять, а потомъ привыкъ и втянулся.

— А назадъ?

— Чтѣ назадъ?

— Не тянеть? Не жалѣешь о томъ, что осталось, отъ чего отрѣшился!

— Да что жъ тамъ осталось? Задоры, мальчишество.

— Слѣдовательно, у тебя есть какое-нибудь нравственное самоудовлетвореніе?

— Гм! Есть. Какъ ему не быть... Знаешь (голосъ его вдругъ зазвенѣлъ съ какой-то особенной горячностью и силой), я тебѣ скажу...

Радунцевъ не видѣлъ, какъ внезапно загорѣлись его глаза, и съ какимъ испытующимъ выраженіемъ устремился онъ на него, но за то онъ почувствовалъ, какъ мощная рука пріятеля, почти до боли, сжала его руку.

— Нѣтъ, лучше не говорить! Самоудовлетвореніе—слишкомъ большое слово. Всего не сдѣлаешь, да что всего—милліонной доли не сдѣлаешь! Но сѣмя падаетъ на хорошую почву.

Онъ замолчалъ. Радунцевъ начиналъ понимать его и мало-по-малу пренсполняться къ нему уваженіемъ.

Въ воздухѣ стояла таже тишина. Каждое слово отчетливо раздавалось въ немъ.

— Много работы, много усилій нужно, почти шепотомъ заговорилъ Рѣзцовъ, — а работниковъ мало! Лучшія силы погибли! заключилъ онъ еще тише.

— Расскажи, началъ Радунцевъ, ужасно хочется знать, что ты дѣлалъ, какъ жилъ это время, что испытать вообще.

— Пожалуй. Выдающагося не было ничего, предупреждаю: самая сѣренькая эпопея плаванія по необъятной матушкѣ Руси. Перепробовалъ я за это время всего: былъ пастухомъ, извозничкомъ, ходилъ въ плотницкой артели, былъ рабочимъ на фарфоровомъ заводѣ и самъ не замѣтилъ, какъ слился, какъ мало по малу произошла во мнѣ перемѣна. Вѣришь-ли, теперь мнѣ ужъ просто стыдно становится пустые разговоры заводить, развѣ ужъ какъ-нибудь между прочимъ ввернешь, да и то съ подходцемъ. Да, братъ, поживи съ народомъ, онъ тебя непременно по своему передѣлаетъ, а нѣтъ, устранить тебя вовсе, выдѣлнить, какъ чужака, изъ своей среды. Авторитетности тутъ не признаютъ. Мнѣ въ глаза смѣялись, когда я пробовалъ поучать. „Колп хочешь, говорили, жить съ нами, у насъ сперва поучись, нашу науку произойди, а потомъ ужъ учи. Скажешь что дѣльное,—послушаемъ!“ Ну и нужно было проиходить ихъ науку; трудно было, не разъ ужъ помышлялъ бросить все и бѣжать, да къ счастью бѣжать было некуда; тамъ у васъ, въ Питерѣ, слышалъ я, было труднѣе. Ломка, вообще, была порядочная, но благотворно отразилась: ветхаго человѣка сбросить удалось, а это, какъ хочешь, вещь не мало-важная.

— Ну, а дальше что? спросилъ Радунцевъ.

— А дальше — очутился я въ здѣшнихъ краяхъ, облюбовалъ эту мельницу и узналъ, что она принадлежит нѣкоей генеральшѣ Рамазаевой.

— Рамазаевой?

— Ты ее знаешь?

— Нѣсколько.

— Кажись, ничего баба. Глуповата малость. Вотъ дочь у ней славная дѣвушка... жаль съ порывами только.

— Какъ съ порывами?

— Въ облака стремится. И, по всей вѣроятности, низко сядетъ, это почти всегда такъ бываетъ у такихъ барышень. Теперь-то ничего! Кое какую пользу приносить: школу въ деревнѣ устроила, замужъ не торопится. Что ты усмѣхаешься? Знаю, знаю вашу манеру, петербургскіе мефистофел! Ну да ладно, а вамъ пока хоть какую-никакую школу подайте! Такъ вотъ явился я къ генеральшѣ: „такъ и такъ, молю, желаю снять въ аренду вашу мельницу“. Та почему-то сочла нужнымъ удивиться, но мельницу все-таки сдала. Ну, я и живу. Съ исправникомъ лажу, съ становымъ тоже; чего, — съ волостнымъ покумился. По зимамъ хожу ребятишекъ учить; школь тутъ, за исключеніемъ Рамазаевской, верстъ на сто нѣтъ... Научился сапоги шить, по кузнечеству занимаюсь, замки чиню, пзловчился даже часы исправлять, — ну, и прокармливаюсь.

— А эта дѣвочка? спросилъ Радунцевъ — и вдругъ спохватился, покраснѣлъ и растерялся.

— Дѣвочка эта — сирота. Отца на войнѣ убили, мать умерла. Онъ пыхнулъ трубкой въ послѣдній разъ, выколотилъ ее о каблукъ и устоялся на Радунцева.

— Ну, а ты? спросилъ онъ, — что-то ты, братъ, мраченъ.

— Чтò я, отвѣчалъ тотъ уныло, — обо мнѣ ничего.

— Какъ ничего? Нѣтъ, позволъ: во-первыхъ, какъ ты сюда попалъ?

Радунцевъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, братъ, не отвливай! Отвѣчай по пунктамъ.

— Ахъ, Рѣзцовъ, по пунктамъ! какъ-то безнадежно проговорилъ тотъ, — какіе тутъ пункты! Все скверно отъ начала до конца!

Онъ всталъ, Рѣзцовъ тоже: Оба стояли молча съ минуту другъ передъ другомъ. Все та-же нѣмая тишина ночи была кругомъ.

— Да, вѣдь ты женатъ? вспомнилъ вдругъ Рѣзцовъ, — ну, что она? Радунцевъ глухо засмѣялся.

— Пройдемся немного, сказалъ онъ.

Они пошли по дорогѣ, рельефно выдѣлявшейся своей густой, бѣлой пылью на темномъ фонѣ окружавшаго ея поля. Издали, за поворотомъ дороги слышалось монотонное журчанье ручья, скрывавшагося въ бѣлой пеленѣ тумана.

— Да что, наконецъ, у васъ такое? спросилъ Рѣзцовъ.

Радунцевъ рассказалъ все: всѣ свои муки, подозрѣнія и, наконецъ, то, что онъ узналъ отъ дѣда. Онъ говорилъ скоро, безсвязно, сильно волнуясь, постоянно обрывая нить разсказа, возвращаясь назадъ и повторяясь.

Рѣзцовъ все время упорно молчалъ.

— Ну что-же ты намѣренъ дѣлать? спросилъ онъ, когда тотъ кончилъ.

— А что-бы ты мнѣ посовѣтовалъ? въ свою очередь спросилъ Радунцевъ.

— Всякіе совѣты тутъ излишни, но мнѣ кажется, что дѣдъ правъ.

— Ъхать съ ней назадъ? Да... (онъ пріостановился въ сильномъ раздумьи) знаешь-ли... былъ моментъ, когда я почти рѣшилъ, но нѣтъ, нѣтъ... Рѣзцовъ! (Онъ схватилъ того за руку) я не могу! Послѣ того, послѣ встрѣчи съ этимъ парнемъ, пойми, голубчикъ, это невозможно: возврата нѣтъ, прошлое немислимо. Я не могу любить ее, а жить такъ... вѣдь это ка-торга!

— Послушай, заговорилъ Рѣзцовъ, — ты взволнованъ, разстроены, тебѣ нужно успокоиться, удостовѣриться, наконецъ. Но даже допустимъ, что все это правда, — такъ почему-же ты не хочешь простить ей увлеченія?

— Простить! И потомъ каждую минуту думать, что она любила того, терзаться этой мыслью.

— Что-же это, — ревность?

— Да, ревность, если хочешь! Ты видишь, я даже въ этомъ готовъ сознаться.

— Но вѣдь ты сейчасъ сказать, что не любишь ее больше. Радунцевъ молча заломилъ руки, такъ что пальцы даже хрустнули.

— Это, братъ, результаты нашего нелѣпаго воспитанія, началъ Рѣзцовъ, — вѣдь ухитряется-же человекъ и ненавидѣть любя, и любить ненавидя.

— Ахъ, Рѣзцовъ, хорошо тебѣ разсуждать! тѣмъ болѣе, что я сомнѣваюсь, любилъ-ли ты когда нибудь. Думаю, что нѣтъ.

— Прежде, — нѣтъ.

— И прежде, и теперь.

— А вотъ и ошибся!

— Какъ, ты любишь?

— Люблю, вырвалось у Рѣзцова, но онъ тотчасъ-же овладѣлъ собой и разсмѣялся дѣланнымъ, сухимъ смѣхомъ, — Господи, мы точно институтки изливаемся.

— Дѣйствительно, институтки! разсмѣялся и Радунцевъ такимъ же дѣланнымъ смѣхомъ. — А скажи, пожалуйста, куда эта дорога?

— Въ усадьбу.

— Въ чью усадьбу?

— Рамазаевскую. Однако, мы далеко зашли, вернемся. Да и спать пора.

Они повернули назадъ, и молча дошли до мельницы.

Около пристройки былъ небольшой навѣсъ, очевидно, предназначенный для склада зерна въ дурную погоду.

— Вотъ тутъ и поляжемъ, рѣшилъ Рѣзцовъ, — ты не боишься на воздухѣ?

— Нѣтъ, не боюсь.

— Ну, и отлично!

Онъ сѣлъ на солому, покрывавшую землю, снялъ сапоги и зарылся гдѣ-то въ углу. Радунцевъ легъ тоже. Но ему не спалось; нѣкоторое время онъ слышалъ шуршанье изъ того угла, гдѣ лежалъ Рѣзцовъ, затѣмъ и этого не стало слышно, только мѣрное дыханье показывало, что пріятель уснулъ.

Радунцевъ лежалъ на спинѣ, всматриваясь въ темноту, но

ночной сумрак мѣшаль разглядѣть что-либо, только въ продолговатой щели крыши навѣса свѣтилась съ яснаго неба далекая, одинокая звѣздочка.

Эта звѣздочка, худая крыша навѣса и нѣкоторое ощущение холода, которое онъ испытывалъ, почему-то напомнили ему то время, когда онъ въ сѣняхъ избы Николая Васпльича, поджидая Таню, смотрѣлъ на зимнее небо.

Незамѣтно для самого себя онъ поддался иллюзіи: ему показалось, что все, что произошло, былъ сонъ, тяжелый сонъ и только; что онъ любитъ жену и любимъ взаимно, какъ это было тогда.

Но это былъ одинъ моментъ, затѣмъ онъ вспомнилъ все, и, словно змѣя, тихо и постепенно стало заползать къ нему въ душу чувство злобы и ревности.

А изъ темнаго угла раздавался внушительный храпъ спавшаго богатырскимъ сномъ пріятеля.

— Счастливыи челоуѣкъ, думалось Радунцеву,—можетъ спать спокойно, не мучается, не терзается, не мечется изъ стороны въ сторону, а дѣло дѣлаетъ, и доволенъ своимъ дѣломъ, хоть оно и маленькое!

Онъ долго не могъ заснуть, все ворочался и думалъ о Рѣзцовѣ, о словахъ дѣда, о Вѣрѣ и женѣ—и только къ утру забылся.

Сонъ ему приснился какой-то странныи, лихорадочный. То онъ бродилъ по какой-то пустынѣ, увязая въ глубокомъ пескѣ и томясь жаждой, то онъ шелъ по улицамъ Петербурга. Мимо него безпрестанно сновали измученныя, блѣдныя лица пѣшеходовъ, подымая пыль и немилосердно дребезжа, тащились извозничья дрожки, громыхали ломовики, хлопали, визжа на блокахъ, двери кабаковъ... Невыносимая тоска сжала его сердце. Онъ нѣсколько разъ просыпался, тотчасъ же засыпалъ и опять, видѣлъ одинъ и тотъ же сонъ. Къ безчисленному множеству лицъ, окружавшихъ его, присоединялись иногда лица жены, Рѣзцова, Вѣры; одинъ разъ даже мелькнули хитрыя глазки Слизнева превратившагося вдругъ въ рослаго разбойника.

„Грабить, так грабить!“ рывкнулъ Слизневъ—разбойникъ и кинулся на него. Страхъ напалъ на Радунцева, и онъ пустился бѣжать, но сколько не торопился, а все какъ будто былъ на одномъ мѣстѣ. Сзади, съ страшнымъ грохотомъ сапоговъ, догоняли его. Онъ оглянулся. Мракъ окружалъ его (онъ не могъ отдать себѣ отчета: проснулся ли онъ въ дѣйствительности) и въ этомъ мракѣ онъ слышалъ тотъ же, постоянно приближающійся грохотъ. Онъ опять побѣжалъ шибко, шибко!.. Слизневъ гнался за нимъ по пятамъ.

Тогда онъ сѣлъ на землю, обхватилъ голову руками и ждалъ. Какія-то страшныя рожи окружили его. Онѣ хототали, хлопали въ ладоши, дергали его за платье и подняли страшный шумъ... Радунцевъ вдругъ проснулся.

Когда онъ снова открылъ глаза, на этотъ разъ, въ дѣйствительности, яркій свѣтъ чуть не ослѣпилъ его.

Было прелестное утро. Лучи солнца, освѣщая крышу навѣса, сквозь щели проникали во внутрь безчисленными золотыми полосками. Необыкновенно чистый, укрѣпляющій нервы, свѣжій воздухъ врывался волнами съ поля.

А на дворѣ уже шла безпорядочная суতোлка рабочаго дня: визжали мельничныя колеса, стучали жернова, раздавались возгласы мужиковъ, пріѣхавшихъ на помоль, фыркали и топотали лошади, звонко и задорно кричалъ пѣтухъ.

Радунцевъ прошелъ на мельницу и сталъ прощаться съ Рѣзцовымъ.

— Прощай, заходи пожалуйста, говорилъ тотъ, стоя весь въ мучной пыли, и смахивая ее даже съ бороды, — ты вѣдь не скоро въ Питерь?

— Гм! Не знаю... Посмотрю, что будетъ.

— А что будетъ, вскричалъ Рѣзцовъ, крѣпко сжимая руку пріятеля, — перемелется, мука будетъ, вотъ что.

X.

Признаніе.

А утро было, дѣйствительно, прелестное. Едва Радунцевъ вошелъ въ лѣсъ, какъ его охватило то отрадное, свѣжее, чувство, какое всегда возникаетъ въ человѣкѣ при видѣ пробуждающейся природы.

Огромный, сосновый лѣсъ, еще окутанный по краямъ сырмъ туманомъ, стоялъ во всемъ своемъ торжественномъ, величавомъ спокойствіи. Только тамъ, высоко, между позлащенными первыми лучами солнца верхушкамъ, тихо, словно робко, начиналась птичья возня, а внизу, у стволовъ, все еще носило на себѣ отпечатокъ сна и мрака, и на взмокшемъ отъ росы, красномъ какъ кровь, придорожномъ пескѣ, ясно отпечатывались слѣды лошадиныхъ копытъ. Стрѣльчатая листва папоротника густой, темно-зеленой зарослью покрывали скользкую отъ хвои, черную землю. Бѣлые колокольчики ландышей, съ ихъ красивыми, овальными листьями, перемеживались съ длинными метелками лѣсной фіалки. Мѣстами, густая, тонкая и острая, какъ бритва, трава разстилалась пышными ковромъ. И все это стояло не шелохнувшись; ни одинъ листокъ не трепеталъ на вѣткѣ, и, храня сонное молчаніе, все точно ждало чего-то.

Радунцевъ пошелъ по дорогѣ. Лѣсъ словно сталъ раздвигаться съ обѣихъ сторонъ, дорога становилась шире. И вдругъ своиъ яркихъ лучей мгновенно охватить и лѣсъ, и дорогу, и мриадами брилліантовыхъ точекъ заигралъ на капляхъ росы, какъ-бы застывшихъ съ ночи на каждомъ листочкѣ, въ чашкѣ cadaго цвѣтка. Легкій, голубоватый туманъ, таившійся въ ямахъ, по низинамъ, цѣпляясь, потянулся вверхъ, словно пытаясь бороться съ солнцемъ, но растаялъ и исчезъ въ воздухѣ.

Все вдругъ оживилось: защебетали птицы, въ травѣ закопошились и затрещали жучки и кузнечики, красивымъ оже-

рельем потянулись по ярко-голубому небу утки съ сосѣдняго болота.

Радунцевъ шель тихо, оглядываясь по сторонамъ, весь отдавшись охватившему его поэтическому чувству...

Вскорѣ за нимъ послышался отдаленный, глухой топотъ лошади по мягкой почвѣ. Радунцевъ приостановился, прислушался: топотъ перешель въ ясно различаемый галопъ, и, наконецъ, изъ-за толстыхъ, красныхъ стволовъ сосенъ, на великолѣпномъ ворономъ конѣ показалась молодая дѣвушка.

Радунцевъ узналъ Вѣру Рамазаеву.

На ней была черная амазонка, красивымъ трѣномъ виспавшая по бедрамъ разгоряченной лошади. На головѣ красовалась легкая черная шляпа, изъ подъ которой, по волѣ вѣтра, выбивалось нѣсколько прядокъ русыхъ волосъ. Ее красивое, загорѣлое, пышущее здоровьемъ и силой лицо выражало смѣсь какой-то дѣвической удалы съ легкимъ утомленіемъ отъ прогулки.

Проскакавъ мимо Радунцева, Вѣра вдругъ обернулась и осадила лошадь.

Радунцевъ медленными шагами подошелъ къ ней и поднялъ шапку.

— Здравствуйте, сказала она просто и, перегнувшись черезъ сѣдло, протянула ему руку.

Онъ подалъ свою и взглянулъ ей въ лицо. Глаза ихъ встрѣтились, но на этотъ разъ Вѣра не смутилась, какъ тогда на парходѣ, а, удержавъ его руку въ своей, произнесла:

— Помогите мнѣ!

Въ одну минуту она была уже на землѣ. Держа въ лѣвой рукѣ поводья, правой она трепала по выгнутой шеѣ лошади, приговаривая:

— Молодецъ, молодецъ Нептунъ, голубчикъ Нептунушка!

— За что это вы его хвалите? спросилъ Радунцевъ,

— За прыжокъ! Да еще какой! Знаете, тамъ есть ручей, — (она обратила къ нему свое разгорѣвшееся, оживленное лицо) онъ довольно широкъ, и берега не совсѣмъ удобны; однако

мой Нептунъ (она снова обратилась къ лошади, нетерпѣливо бившей копытомъ въ землю) блистательно перескочилъ. И за это онъ получить достойное вознагражденіе!

Она опустила руку въ карманъ и, доставъ кусокъ сахару, поднесла его на ладони къ мордѣ лошади. Лошадь вытянула тонкую, дрожащую губу и сняла сахаръ.

Радунцевъ досадливо глядѣлъ на молодую дѣвушку, нахмуривъ брови, жалѣя, что остановился разговаривать съ барышней.

Какъ-бы угадавъ его мысль, Вѣра подобрала амазонку и, взявъ поводья, сказала:

— Пойдемте!

Радунцевъ, все еще хмурясь, искоса взглянулъ на нее. Прѣжнее оживленіе исчезло, улыбки не было тоже. Сжавъ губы, Вѣра глядѣла впередъ серьезно и сосредоточенно.

Нѣсколько минутъ они шли молча, но вдругъ Вѣра остановилась и вся обернулась къ нему.

— Послушайте, мы не въ вашу сторону идемъ?

— Что значить: въ мою сторону? спросилъ удивленный Радунцевъ.

— О, вы отлично должны это знать. Къ чему это удивленіе? Вы такъ ревниво оберегаете тѣ палестины, въ которыхъ имѣете удовольствіе пребывать.

— Извините, Вѣра Григорьевна, я васъ не понимаю.

— Не понимаете? Ну, не думаю! Не хитрите. Помните нашу встрѣчу на пароходѣ?

Краска какого-то глупаго, ложнаго стыда бросилась въ лицо Радунцеву.

— А, вы покраснѣли! Тѣмъ лучше. Значить сознаетесь. Ну, (глаза ея мягкіе, кроткіе, сѣрые глаза вдругъ загорѣлись, и поблѣвшія губы дрогнули)—успокойтесь, я туда не пойду.

Она круто повернула обратно. Радунцевъ, растерянный, остался стоять.

— Глупо, о какъ все это глупо! мысленно твердилъ онъ, глядя вслѣдъ удалявшейся дѣвушки.

— Проводите-же меня немного! донесся до него ея раздраженный голосъ.

Онъ сорвался съ мѣста и, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ это дѣлаетъ, пошелъ за ней.

— Позвольте мнѣ лошадь.

Она, не оборачиваясь, молча, бросила ему поводья. Походка ея была неровная: она то ускоряла, то замедляла шагъ. Ему показалось даже, что она какъ будто поднесла платокъ къ лицу.

Они вошли въ лѣсъ. Дорога съузилась и пошла извилинами. То и дѣло, что попадали подъ ноги далеко распротранившіяся, словно громадныя змѣи, корни деревь. Идти было крайне неудобно. Нѣсколько разъ конецъ спускавшася трена амазонки задѣвалъ за сучья.

— Сядемте здѣсь, я устала! сказала Вѣра, указывая хлыстомъ, всторону отъ дороги, на громадную, поваленную вѣтромъ березу. Затѣмъ, не ожидая своего спутника, пробралась очень искусно черезъ хворость и кусты черники и удобно расположилась на широкомъ стволѣ дерева.

Радунцевъ привязалъ лошадь къ дереву и сѣлъ рядомъ съ ней.

Вѣра сняла шляпу. Масса роскошныхъ, шелковистыхъ кудрей, стянутыхъ только одной узенькой, бархатной ленточкой высыпала на ея бѣлый лобъ, на ея розовую шею. Прислонясь спиной къ корявому, высохшему уже суку березы, кончикомъ вязащаго хлыста съ перламутровой ручкой она била по листьямъ папоротника.

Радунцевъ, какъ сѣлъ, такъ тотчасъ-же опустилъ голову и упорно сталъ смотрѣть себѣ подъ ноги. Это была его обыкновенная манера, когда онъ чувствовалъ себя не-вдохъ.

— Скажите пожалуйста, прервала молчаніе Вѣра,—мнѣ все хотѣлось васъ спросить... Да вы слушаете меня?

— Слушаю, встрепенулся тотъ.

— Ну, такъ вотъ, я хотѣла... спросить... Нѣтъ, впрочемъ, не нужно, не хоту!..

— Что такое?

— Такъ, ничего, пустяки... Миѣ сегодня разныя пустяки въ голову лѣзутъ!..

Она вынула платокъ, и хотя вовсе не было жарко, даже корѣ свѣжо, принялась обмахивать лицо, на которомъ выступилъ густой румянецъ.

— А впрочемъ, отчего же не спросить, начала она черезъ минуту,—такъ вотъ скажите-ко миѣ, отчего это въ жизни бываетъ часто, что человѣкъ пмѣеть, положимъ, друга... чуть ли не товарища дѣтства... сошлись оба такъ, что кажется, слышались разлука, умерь бы съ тоски! А между тѣмъ... Но, раз-лоп, вопросъ мой слишкомъ отвлеченъ, даже неумѣстенъ. Я умолкаю. Будемте о чемъ нибудь другомъ... Давайте вос-оргаться природой! Смотрите!.. Она протянула руку съ хлы-омъ, и тотчасъ же опустила ее: Радунцевъ пристально, сосредото-ченно смотрѣлъ прямо ей въ лицо.

— Позвольте, заговорилъ онъ глухимъ, нѣсколько дрожа-щимъ голосомъ,—я хочу знать, на что вы намекаете. Вы не ончили.

Вѣра вздохнула. Вся ея фигура словно потускинѣла, точно бнъ какая набѣжала на нее.

— А слѣдитъ имъ разстаться, продолжала она опустивъ го-ову,—и все забыто, и чуждыми они стали другъ другу.

Голосъ ея дрогнулъ. Она вдругъ быстро отвернулась.

Но Радунцевъ все равно не могъ бы видѣть ея лица; онъ нова принялъ свое прежнее положеніе.

— Миѣ кажется, заговорилъ онъ,—это случилось оттого, то у нихъ не было общихъ интересовъ.

— Общихъ интересовъ! воскликнула она,—не было общихъ интересовъ? Неправда, они были, они существуютъ и теперь. Итъ, не то, совсѣмъ, совсѣмъ не то, Александръ Ильичъ, вы ами знаете это, и вы нарочно! Вѣдь вы же знаете, что одинъ зъ этихъ друзей не былъ истиннымъ другомъ. И скоро же вы абыли наши споры, наши бесѣды, эти милыя, безконечныя, лившіяся за полночь бесѣды! Я и теперь осталась такою же,

какою была тогда, но вы... впрочемъ, и вы вѣроятно не измѣнились; но зачѣмъ же вы тогда такъ умѣли казаться другомъ, не будучи имъ въ дѣйствительности? Зачѣмъ вы такъ красно такъ убѣдительно говорили о совмѣстномъ трудѣ на пользу общую, о борьбѣ за убѣжденія и проч. и проч.? Вѣдь вы должны были знать, что ваши рѣчи казались мнѣ, глупой дѣвчонкѣ, какимъ-то пророчествомъ, голосомъ свыше. Ни отъ кого ничего подобнаго не слыша, я была какъ въ чадѣ, я рвалась слѣдовать вашему ученію, я видѣла въ васъ руководителя, друга... И я хотѣла идти... Но тутъ что-то случилось, чего я по глупости и легкомыслію не могла предвидѣть. случилось...

Голосъ ея дрожалъ и прерывался. Она вдругъ высоко подняла руки и прикрыла глаза.

— Случилось, что другъ ушелъ! Ха, ха, ха! Ушелъ, даже не бросивъ изъ милости слова прощанія, позорно ушелъ! Ха, ха, ха!

Съ нею чуть ли не начинался истерическій припадокъ.

Радунцевъ всталъ.

— Послушайте, Вѣра Григорьевна...

Вѣра тоже вдругъ встала и, выпрямившись во весь ростъ, стояла передъ нимъ въ гнѣвной позѣ, съ глазами, полными слезъ.

— Молчите, сказала она,—вы ушли, почти бѣжали! Чего вы испугались? Что я брошусь вамъ на шею? Но развѣ вы не могли этого предвидѣть раньше, вы, такой проникательный человекъ? Конечно, вы должны были видѣть, и тогда, я васъ спрашиваю, имѣли ли вы право уйти?

— Я не понимаю васъ, Вѣра Григорьевна: чтѣ я долженъ былъ видѣть?

— Но я васъ любила, г. Радунцевъ!

Радунцева словно чѣмъ-то ударило. Совершенно растерявшись, онъ опустил голову и задумался.

Такъ вотъ оно что! Любила! Да, да, это правда, только

ты, слѣпой, не видѣлъ того, что рѣзко бросалось въ глаза, что было ясно какъ день.

И ему вдругъ живо представилась эта высокая, худенькая дѣвочка-подростокъ, съ глазами, загорающимися какимъ-то страннымъ, лихорадочнымъ огнемъ, съ нервическою дрожью въ неустановившемся, полудѣтскомъ голосѣ. И она, эта дѣвочка, любила его? Могъ ли онъ это знать, могъ ли онъ догадываться тогда, въ то время въ особенности, когда его собственное сердце билось любовью къ другой!

— Боже мой, какъ я васъ любила! прошептала она, протянувъ къ нему обѣ руки, — какимъ хорошимъ, какимъ добрымъ, возвышеннымъ человѣкомъ казался вы мнѣ тогда. Да что тогда... и теперь, въ эту минуту... я хочу вамъ сказать...

О, онъ теперь отлично зналъ, что она хотѣла ему сказать. Вся ея фигура, трепещущая нервной дрожью страсти, ея розоватыя, то суживавшіяся, то расширившіяся ноздри, влажные отъ истомы глаза—все ясно указывало на волновавшее ее чувство.

Радунцевъ какъ-то бессильно опустился на свое мѣсто и, принявъ прежнее положеніе, закрылъ лицо руками.

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно ему ея признанія, неужели слово любви, готовое вырваться изъ ея усть, будетъ послѣдней каплей, которая переполнитъ чашу?

— ...Я тебѣ скажу, слышался ему сквозь плотно сомкнутые пальцы рукъ шепотъ экзальтированной дѣвушки, — я должна сказать, что я тебя люблю! Развѣ я могу скрыть тотъ восторгъ, то счастье, что ты тутъ, подлѣ меня? Я все, все давно тебѣ простила и ждала только, Боже мой, какъ ждала встрѣтиться съ тобой. Но вотъ ты тутъ, со мною, милый, дорогой мой!...

Мягкія, эластичныя руки крѣпко обхватили его шею. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вы съ ума сошли, крикнулъ онъ, — я женатъ!

Она сдѣлала было шагъ къ нему и вдругъ отступила. Руки ея бессильно повисли, глаза сдѣлались большіе, большіе. Въ нихъ можно было прочесть и удивленіе, и испугъ, и негодованіе.

— Же... женатъ! Что-же... что-же... это!.. помимо желанія шептали ей побѣлѣвшія, дрожащія губы, тогда какъ она сама медленно отступала отъ Радунцева: Но вдругъ она вся встрепенулась, выпрямилась и, гордо повернувшись спиной къ нему, пошла къ тому мѣсту, гдѣ была привязана лошадь.

Онъ безсознательно смотрѣлъ ей вслѣдъ... Вотъ она скрылась за толстымъ стволомъ сосны, только конецъ трѣна зацѣпился за сучекъ и задержалъ ее на секунду, вотъ ужъ она на лошади; на минуту мелькнулъ между сучьями силуэтъ молодой дѣвушки, раздался топотъ лошади, и затѣмъ все исчезло.

А онъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ, и вереница самыхъ странныхъ и неопредѣленныхъ мыслей осаждала его голову. Ему было жаль ее, до боли жаль; одну минуту онъ даже думалъ крикнуть ей, вернуть, но онъ тотчасъ же опомнился, что этого не слѣдовало дѣлать. Что онъ могъ сказать ей? Ужъ конечно не слова утѣшенія. „Время, думалъ онъ“, цѣлитель нравственныхъ недуговъ, излечить и ее“.

XI.

Ночью на балконѣ.

Догадывалась ли она хоть сколько нибудь объ этомъ? Нѣтъ. Она неслась теперь по полю, полная самыхъ тяжелыхъ, самыхъ безотрадныхъ думъ. То, что случилось нѣсколько минутъ назадъ, похоже было на ударъ грома въ ясную погоду: человекъ, котораго она любила, которому посвятила свои завѣтныя мечты, свои одинокія думы,—этотъ человекъ не былъ свободенъ—любилъ другую.

Стыдъ, огорченіе, злость чередовались въ ея шибко бившемся сердцѣ. Она вспомнила фразу, сказанную Радунцеву: „успокойтесь, я туда не пойду“. Эта фраза была сказана не спроста, она вылилась какъ результатъ тѣхъ микроскопическихъ наблюденій надъ любимымъ человекомъ, которымъ она подвер-

гнула его еще при первой встрѣчѣ на пароходѣ, наблюдений, на которыя способны только одиѣ женщины. Къ нимъ примѣшивалось и то предчувствіе любящаго сердца, которое, рѣдко обманывается и почти всегда оправдывается. И, говоря, что она не пойдетъ туда, она какъ бы всѣмъ своимъ существомъ чувствовала, что тамъ, исключительно тамъ, должна находиться истинная причина такого оскорбительнаго равнодушія къ ней.

„Кто же эта женщина?“ настойчиво произнесла она. Брови ея нахмурились, она крѣпко затянула поводья. Лошадь вдругъ остановилась и попробовала встать на дыбы, но рука тотчасъ ослабѣла, поводья сами собой упали на шею лошади.

„Не все ли равно, кто она! Онъ любить ее, любимъ взаимно... Ну и пусть, пусть ихъ любятъ другъ друга! Счастливые голубки!“

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ она унизила до признанія, зачѣмъ она наговорила такихъ словъ, одно воспоминаніе о которыхъ разлило краску стыда по ея щекамъ?

Теперь она не могла даже отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло въ лѣсу. Произошло что — то странное, туманное, словно это все было въ припадкѣ сомнабулизма. Это былъ какой то сумасшедшій порывъ, можетъ быть, первый и послѣдній въ жизни.

— Да, да, послѣдній въ жизни, шептали ея плотно стиснутыя губы, — о, какъ я наказана, какъ жестоко наказана.

Вскорѣ, изъ-за небольшой сосновой рощи, показалась купа красныхъ крышъ усадьбы. Лошадь, чуя близость конюшни, поскакала шибче. Усадьба обрисовалась вполнѣ. Господскій домъ стоялъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ и былъ окруженъ большимъ, очевидно давно разведеннымъ и густо разросшимся садомъ, на покатыхъ, заново раздѣланныхъ дорожкахъ котораго видно было нѣсколько бабъ, сновавшихъ съ лейками. Передъ самымъ домомъ находилась площадка, замощенная булыжникомъ и примыкавшая къ широкому, каменному крыльцу съ красовавшимися на фронтонѣ двумя летящими ангелами, изъ которыхъ, впрочемъ, у одного не доставало ноги.

Полнымъ галопомъ подъѣхала Вѣра къ крыльцу, и не у-

пѣлъ еще старый слуга Еремѣичъ подбѣжать на своихъ слабыхъ логахъ на помощь къ барышнѣ, какъ барышня была уже на землѣ и, кинувъ ему поводья, побѣжала по каменнымъ ступенькамъ крыльца.

Еремѣичъ взявъ поводья, посмотрѣлъ вслѣдъ барышнѣ, пощупалъ зачѣмъ-то пахъ у лошади, сокрушенно покачалъ головой, вынюхалъ не спѣша свою понюшку, причемъ, вытянувъ шею, приготовился чихнуть, да такъ и не чихнулъ, и, медленно заплетая ногами, повелъ лошадь вокругъ двора.

А Вѣра, между тѣмъ, прямо пробѣжала въ свою комнату, сбросивъ шляпу, кинулась на кровать и, уткнувъ лицо въ подушку, зарыдала.

Вечеромъ она не сошла внизъ къ чаю, приказавъ горничной сказать, что у ней голова болитъ и она легла спать, а сама, переодѣвшись, накинула на плечи платокъ и вышла на небольшой балкончикъ. Балкончикъ былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ густой листвою росшихъ въ саду вишенъ. Одурающій запахъ стоялъ отъ бѣлыхъ цвѣтовъ, склонявшихся отвсюду и осыпавшихъ полъ своими лепестками.

Вѣра сѣла въ мягкое кресло и задумалась.

Неуспѣвшіе обсохнуть отъ недавнихъ слезъ, — глаза смотрѣли теперь грустно — спокойно.

Наступалъ вечеръ. Заходящее солнце золотило своими лучами то пространство зелени, которое находилось передъ глазами молодой дѣвушки. Птицы, изрѣдка перепархивая съ вѣтви на вѣтвь, уже не пѣли, а только однозвучно чирикали и прятались на покой. Здѣсь, въ этомъ крошечномъ мірѣ пернатыхъ, зелени и цвѣтовъ, становилось все тише и тише, все засыпало до перваго луча утренняго солнца.

Но тамъ, внизу, на землѣ, продолжалась еще жизнь, не утренняя, дѣятельная жизнь, когда, послѣ ночнаго отдыха, силы свѣжи и мышцы расправляются, но та медленная, затихающая жизнь вечера, когда и люди, и животныя утомились и вяло додѣлываютъ свое дѣло. Едва тащилась телѣга съ поля, а въ ней сидѣлъ, въ усталой позѣ, съ хмурымъ лицомъ зап-

ленный и опаленный солнцем мужикъ. За мужикомъ показалась баба съ ведрами воды. Баба шла тихо, нога за ногу, обхвативъ худыми жилистыми руками концы коромысла и расшлескивая воду.

Вотъ, въ какой-то изъ „службъ“, изъ трубы показался голубоватый дымокъ и, цѣпляясь за сучья деревьевъ, лѣниво потянулся кверху. Знать ужинъ готовить стали! А тамъ поужинаетъ людъ православный, помолится Богу и заляжетъ: кто въ душной и переполненной мухами избѣ на лавки, кто въ прохладной и пахнущей душистою мятою кѣлти, кто на сѣновалѣ, а кто въ сѣняхъ, въ пологѣ, въ которомъ и сны-то хорошіе все снятся, и домовою по ночамъ не душитъ...

А Вѣра все сидитъ да сидитъ, и нѣтъ ей дѣла ни до мужика, что ѣдетъ въ телѣгѣ, ни до бабы, ни до тѣхъ, кто собирается теперь на покой, потому что самой ей нѣтъ покоя. Молодая жизнь бьется въ здоровомъ организмѣ, хочется свѣта, любви, простору, хочется наслаждаться, упиться наслажденіями, захлебнуться въ водоворотѣ страсти, а кругомъ—тишина, покой, прозябанье...

И сидитъ она, окруженная зеленью и цвѣтами, съ поднятымъ кверху блѣднымъ лицомъ, думаетъ свою глубокую, дѣвичью думу и прислушивается, жадно прислушивается чуткимъ ухомъ къ каждому шороху, къ каждому отдаленному, замирающему въ пространствѣ, звуку.

— Барышня, барышня!

Вѣра встрепенулась.

Въ полуотворенной двери балкона показалось молодое, смѣющееся лицо горничной Саши. Изъ-подъ вздернутыхъ, сочныхъ и красныхъ губъ ея, выглядывалъ рядъ мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ; круглыя, румяныя щеки дрожали отъ прилива веселости; каждая черта, каждая жилка на ея лицѣ, казалось, была преисполнена смѣхомъ.

— Что тебѣ, Саша?

— Хи, хи!.. Тамъ-съ...

— Ну, что такое?

— Да Николай Петровичъ... хи, хи!..

И, не могли долѣе удерживаться, она прыснула въ передникъ, которымъ закрыла лицо.

— Чему же ты смѣешься, скажи пожалуйста?

Но Саша никогда не могла объяснить, чему она безпрестанно смѣялась.

— Что же нужно Николаю Петровичу? Проводи его къ маман.

— Они васъ спрашиваютъ.

— Ты ему говорила, что я пошла спать?

— Говорила-сь. Хи, хи!.. Они не вѣрятъ. „Полно“, говорятъ, „вратъ. Я ее на балконѣ видѣлъ“.

— Ну видѣлъ, такъ проводи его сюда.

Саша скрылась, а черезъ нѣсколько минутъ на балконѣ показалась фигура Рѣзцова.

Онъ былъ въ кафтанѣ изъ сѣро-нѣмецкаго сукна и высокихъ сапогахъ. Въ рукахъ у него былъ хлыстъ съ перламутровой ручкой.

— Извините, Вѣра Григорьевна, заговорилъ онъ, — я васъ обезпокоилъ.

— Здравствуйте, протянула она ему руку, — чѣмъ это?

— Моимъ вторженіемъ.

— Какіе пустяки! Будто это впервые... Да что это съ вами?

— Что такое?

— Странный какой-то!.. Блѣдный, взглядъ блуждающій.

— Не боятесь ли вы, что я васъ укушу?

— Пожалуй, чего добраго. Откуда это вы?

— Изъ дому. Гулялъ, вижу васъ на балконѣ и зашелъ.

Если не ошибаюсь, это вашъ хлыстъ?

— Ахъ да, да. (Браска разлилась по ея лицу). Я каталась и потеряла его. Благодарю васъ.

Смущеніе, овладѣвшее ею, не укрылось отъ глазъ Рѣзцова. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Вы сами его нашли? спросила Вѣра.

— Нѣтъ, полѣсовщикъ привнесъ.

Онъ положилъ хлысть на перила балкона, сѣлъ и, облокотившись на перила, сталъ смотрѣть въ садъ.

Надвигались сумерки. Сучья деревьевъ становились все темнѣе и темнѣе. Въ глубинѣ сада почернѣвшіе стволы рельефно обрисовывались на красномъ пескѣ дорожекъ. Оттуда несло сыроватой прѣлюю вечерняго воздуха, смѣшавшейся съ рѣзкимъ запахомъ бѣлыхъ цвѣтовъ, окружавшихъ балконъ. Но вотъ садъ весь потемнѣлъ, контуры отдѣльныхъ предметовъ слились такъ, что ничего нельзя было уже различить и казалось, что бездонная пропасть была внизу и балконъ висѣлъ надъ нею. На голубомъ небѣ, съ вырѣзавшимися на немъ недвижными сучьями и листочками, замелькали звѣзды.

— Николай Петровичъ! тихо произнесла Вѣра.

Онъ молчалъ.

— Вы спите?

— Нѣтъ.

— Неправда ли, какая прелесть? Мнѣ вспомнился Пушкинъ:

„Прійди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной!“

— Ну, положимъ, ни лимономъ, ни лавромъ здѣсь не пахнетъ, а пахнетъ просто сыростью, угрожающей насморкомъ.

— Фи, материалистъ! Отчего это вы такой, Николай Петровичъ?

— Оттого, что такой. А вотъ, скажите-ка, не пріѣзжалъ ли къ вамъ Слизневъ?

— Что? Что такое?

— Слизневъ не пріѣзжалъ?

— Какой это Слизневъ?

— Да вотъ, который у васъ въ прошломъ году яблоки скупить. У меня дѣло есть до него.

— Нѣтъ, не знаю, не пріѣзжалъ, кажется.

Они замолчали. Вдругъ Вѣра повернула къ нему свое блѣдное лицо и, вздохнувъ, скорѣе прошептала, чѣмъ сказала:

— Скучно, Николай Петрович!

Онъ пожалъ плечами.

— А ваша школа? спросилъ онъ.

— Что школа? Все одно и то же, одно и то же, — согласитесь, это ужъ очень узко.

— Гм! — тонкая усмѣшка скользнула по его губамъ, — расширьте вашу дѣятельность, устройте другую. Вотъ пожаровцы давно хотятъ имѣть школу; помещеніе выстроить съ удовольствіемъ, да еще какъ благодарны будутъ.

— А! Объ этомъ стоитъ подумать. Но все таки скучно!

— Тогда (онъ старался придать голосу насмѣшливый тонъ, но не сьумѣлъ) выходите замужъ.

— И объ этомъ стоитъ подумать. Въ самомъ дѣлѣ, что это мнѣ не приходило въ голову до сихъ поръ. Жениховъ пропасть, а я... Что вы, напримѣръ, думаете объ Уразовѣ?

— Это молодой человѣкъ изъ лицействъ, что любить выражаться по французски?

— Да, да, онъ самый! Неправда ли, онъ очень милъ? И какъ танцуетъ!

— Что-же, вы съ нимъ хотите плясать всю жизнь?

— Ахъ, какой вы!

— Да вѣдь онъ ни на что больше не способенъ. Пустозвонъ.

— Ну ужъ вы черезъ-чуръ строго судите. А впрочемъ, онъ меня не интересуеть; меня никто не интересуеть!

— Никто?

— Никто! Я только загадываю о томъ, кого бы я захотѣла женить на себѣ, когда сдѣлаюсь старой дѣвой.

— Объ этомъ загадывать нечего, да я и сомнѣваюсь, дѣйствительно ли это такъ. Не думаю, чтобы вы стали ждать, а преспокойно возьмете и выйдете замужъ.

Лицо ея вдругъ сдѣлалось чрезвычайно серьезнымъ. Шутливый тонъ, съ которымъ она вела разговоръ, — исчезъ безъ слѣда.

— Нѣтъ, теперь ни за что. Я это все въ шутку... Не отвѣчаю за будущее, за далекое будущее, но теперь!.. Знаете

ли, Николай Петровичъ, я очень своенравна, избалована любовью шапан, дѣлаю—что хочу, пользуюсь свободой. И вѣдь все это должно исчезнуть тогда, исчезнуть безъ возврата. Прощай свобода! Я ужъ тогда не могу дѣлать, что захочу, а что захотимъ мы, вмѣстѣ. Можетъ быть, не придется уже сидѣть на этомъ балконѣ, ни говорить съ вами вотъ такъ, какъ мы теперь говоримъ, ночью: вѣдь теперь совсѣмъ ночь. А г. Уразовъ этого ни за что не позволить. Да и не только г. Уразовъ!.. Нѣтъ, пусть ужъ лучше будетъ по прежнему.

Во все время ея рѣчи, онъ стоялъ, взволнованный, смотря прямо ей въ лицо. Теперь онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и, взявъ за руку, крѣпко сжалъ.

— Да, пусть будетъ попрежнему! Миѣ было бы тяжело.. растаться съ вами. Если вы выберете человѣка, съ которымъ... котораго... съ которымъ захотите соединить судьбу вашу, прошу васъ, какъ хорошій знакомый,—вспомните, мы знакомы три года,—прошу васъ, скажите миѣ, посоветуйтесь со мною; я не буду браниться, какъ сегодня, и худаго не посоветую, потому что... потому что миѣ дорого ваше счастье.

Она вскинула на него взглядъ, полный какого-то тревожнаго недоумѣнія. Она хотѣла что-то сказать, но онъ еще разъ крѣпко пожалъ ее руку и скорыми шагами вышелъ.

Она сѣла опять въ кресло и замерла въ прежнемъ положеніи. Сердце ея учащенно-громко билось, широко открытые глаза вглядывались въ темноту, ухо чутко прислушивалось. Жить хотѣлось ей, жить во чтобы то ни стало!

Очувившись на дворѣ, Рѣзцовъ почему-то снялъ шапку и нѣсколько разъ провелъ рукою по головѣ, разсѣянно смотря впередъ и не двигаясь съ мѣста. Темнота ночи была кругомъ. Садъ, съ его громадными деревьями, казался какой-то безформенной, расплывшейся массой, словно застывшей въ одномъ положеніи. Ни единого звука не было оттуда, только въ неуловимо легкихъ струяхъ воздуха неслись ароматы цвѣтовъ.

Ему стало душно. Запахъ цвѣтовъ непривычно раздражалъ его нервы, сердце учащенно билось, голова горѣла, словно было что-то такое кругомъ, въ воздухѣ, на землѣ, что дѣйствовало на него парализующимъ образомъ, какъ бы приковывало къ мѣсту, лишало силы воли, самообладанія.

Онъ уже сдѣлалъ было шагъ назадъ, но вдругъ раздумалъ и скорыми шагами пошелъ домой.

Но только что вдали показался темный силуэтъ мельницы, какъ онъ уменьшилъ шагъ. Ему тяжело было возвращаться. Чувство недовольства возникло въ немъ. Ему вдругъ показалось скучной и эта мѣстность, гдѣ онъ, довольный, прожилъ три года, и эта мельница, къ которой онъ привыкъ... Душа рвалась къ другому, жаждала неизвѣданныхъ наслажденій, здоровый организмъ тоже требовалъ жизни, любви.

Онъ вошелъ въ пристройку, тихонько пріотворивъ дверь. Въ переднемъ углу, у иконы, теплилась лампадка, слабо озаряя своимъ дрожащимъ свѣтомъ конецъ лавки, на которомъ спала Аня. Она лежала на спинѣ, закинувъ за голову свои пухленькія, дѣтскія ручки. Масса спутанныхъ, роскошныхъ, черныхъ волосъ обрамляла ея маленькій лобъ и спускалась на шею, сквозь прозрачную кожу которой видно было, какъ мѣрно билась вена. Дѣтская, наивная улыбка не сходила съ ея лица. Вѣроятно, ей грезились цвѣты, которыхъ такъ много было вокругъ мельницы, изъ которыхъ она плела вѣнки, а можетъ быть—и тотъ ручей, по холоднымъ струямъ котораго она спускала одну за другой сдѣланныя ей „дядей“ маленькія, бу-мажныя лодочки. Кто угадаетъ дѣтскіе сны!

Рѣзцовъ долго стоялъ надъ ребенкомъ, и его хмурое лицо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, складки на лбу разглаживались и на губахъ даже мелькнула улыбка. Онъ провелъ рукою по лицу, какъ бы сгоняя остатокъ тяжелой думы.

— Глупости! пробормоталъ онъ,—блажь! Завтра все вылетитъ изъ головы!

Онъ вышелъ изъ пристройки и пробрался къ навѣсу, гдѣ бухнулся въ солому прямо въ чѣмъ былъ.

XII.

Свиданіе.

Разставшись съ Вѣрой, Радунцевъ безъ опредѣленной цѣли пошелъ впередъ. Лѣсъ сталъ рѣдѣть, начались кустарники, и вскорѣ онъ вышелъ на широкую поляну, поросшую высокою травой и цвѣтущую цвѣтами. Стоявшее въ зенитѣ солнце жгло своими палящими лучами.

Онъ снялъ шапку и повалился въ траву, скрывающую его совершенно. Лежа на спинѣ, онъ безцѣльно слѣдилъ за облаками, пробѣгавшими надъ нимъ, смотрѣлъ на высокіе стебли травы, узкими стрѣлками вырисовывавшимися на голубоватодымчатомъ фонѣ неба, и обрывки какихъ-то смутныхъ мыслей и воспоминаній копошились въ его головѣ.

Подъ впечатлѣніемъ ли недавней сцены, или почему либо иному, но образъ Вѣры игралъ первенствующую роль, и въ ухахъ его еще звучала ея страстная рѣчь. „Любить! любить его!“

Теперь только онъ понялъ, какъ безпредѣльно любила она его и, сопоставляя эту любовь съ любовью его жены, онъ невольно пришелъ къ убѣжденію, что чувства Тани къ нему имѣли какой-то непостоянный, преходящій характеръ.

Но что же влекло его къ этой женщинѣ, что заставляло его такъ страдать и мучиться, можетъ быть, совсѣмъ неосновательными подозрѣніями? Какая-то фатальная сила влекла его къ ней, и ему страшно хотѣлось быть тамъ, позлѣ нея, быть во что бы то ни стало, можетъ быть—на позоръ, на муку...

Онъ вдругъ словно сорвался съ мѣста и спѣшно зашагалъ по направленію къ Прядихѣ.

— Такъ невозможно, — бормоталъ онъ, тонуть—еще куда ни шло, но тонуть съ связанными руками—страшная штука. Нѣтъ, нужно узнать, узнать все сейчасъ же, не медля ни минуты

Вдали, сквозь кустарникъ, обрамлявшій берега рѣчки, вырисовывались деревенскія постройки.

Вдругъ ему почудились звуки человѣческаго голоса.

„Не дѣдъ ли?“ подумалъ онъ и, свернувъ всторону, сквозь чащу лозняка, вышелъ на открытый берегъ рѣки.

Тяжелая криква шумно вылетѣла изъ осоки и потянула на сосѣднее болото.

На рѣкѣ никого не было. Далеко, далеко, чуть замѣтною дымкою падалъ туманъ.

Радунцевъ вернулся и остановился на одномъ мѣстѣ, прислушиваясь къ малѣйшему звуку.

Все было тихо.

Но только что онъ хотѣлъ уже идти, какъ вдругъ опять услышалъ, довольно явственно, разговоръ двухъ голосовъ. Трудно было только опредѣлить: шли ли разговаривавшіе къ нему навстрѣчу, удалялись ли отъ него, или находились на одномъ мѣстѣ. Нѣсколько минутъ Радунцевъ простоялъ, не шевелясь.

Что-то странное происходило съ нимъ. Одна мысль, повидимому, совершенно незлѣпая, невозможная, запала ему въ голову, росла и ширилась и вскорѣ забрала его всего. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него росла купа плакучихъ, развѣсистыхъ березъ. Оттуда, казалось ему, слышны были голоса. Подъ невыносимымъ гнетомъ все одной и той же мысли, онъ направился туда, осторожно ступая, чуть слышно раздвигая сучья кустарника. Голоса слышались явственнѣе. Радунцевъ могъ даже узнать разговаривавшихъ.

Да, онъ узналъ ихъ! Изъ-за толстаго ствола березы на минуту мелькнула знакомая ему розовая рубаха. Онъ вдругъ остановился, обвелъ вокругъ мутнымъ взглядомъ и безсознательно провелъ рукою по лбу. Лобъ былъ покрытъ холоднымъ потомъ. Руки его дрожали и были мокры-холодны, какъ у человѣка, котораго треплетъ лихорадка. Осунувшееся, страшно блѣдное лицо нервно подергивалось. Онъ глядѣлъ впередъ разширенными зрачками, и безумный вихрь мыслей закрутился

въ его головѣ. Онъ все забылъ. Забылъ даже, что ему слѣдовало уйти, и стоялъ какъ оцѣпенѣлый.

Не какъ обманутый мужъ стоялъ онъ тутъ, и, подслушивая, старался уловить малѣйшій оттѣнокъ ихъ рѣчей, малѣйшую интонацію ихъ голосовъ, подмѣтить ихъ малѣйшее движеніе, игру лицъ,—нѣтъ, мужа тутъ не было. Тутъ былъ человѣкъ, навсегда хоронившій свою идею, взлелѣянную и оберегаемую съ давнихъ поръ, свои надежды, свои самыя лучшія, самыя возвышенныя стремленія...

Гришуха полулежалъ на травѣ, подъ низко свѣсившимися вѣтвями березы, закинувъ назадъ голову и шурясь на небо, по которому, подобно обрывкамъ золотистаго газа, плыли легкія облачка.

Таня стояла подлѣ, прислонясь къ бѣлому стволу березы и крутя между пальцами концы надѣтаго на голову платка.

— Ночевать не пришелъ, сообщила она сдавленнымъ, обрывавшимся голосомъ,—боюсь, не надумалъ бы чего... Топни-хонько мнѣ, Гришенька!

— Полно врать-то! перебилъ тотъ совершенно равнодушнымъ тономъ,—чего ему придумывать? Его-то, надо быть, я и встрѣлъ вчера.

— Гдѣ это, Гришенька? обезпокоилась та.

— А вонъ тамъ, въ кустахъ. Я, этта, вышелъ, думалъ—тебя встрѣчу, анъ на мужа нарвался... Гуляетъ себѣ, легкимъ воздухомъ пользуется, съ легкой усмѣшкой закончилъ онъ.

— Ну! ну, что же, Гришенька?

— Да ничего. Покалякали съ нимъ малость. Папироской угостилъ.

— Что же говорили-то, Гришенька?

— Да разное... Сапоги, вотъ, у него важные: должно, воды не боятся. Вотъ бы мнѣ такіе, мой-то, вишь, износилась.

И онъ весь углубился въковырянье своихъ изодранныхъ подошвъ.

— Гришенька, голубчикъ, что же я-то буду дѣлать? заго-

ворила она какъ-то плаксиво и вмѣстѣ нѣжно, не сводя глазъ съ фигуры любовника.

— А что дѣлать? Ничего не дѣлать, возразилъ онъ, все еще занятый своими сапогами.

— Да какъ же, Гришенька, вѣдь онъ за мной пріѣхалъ... Вѣдь мужъ, Гришенька!

Онъ оторвалъ порядочной кусокъ подошвы, и съ досадою отбросилъ его всторону.

— Мужъ! Что же съ того, что мужъ? Ну и пускай себѣ.

— Не могу я, Гришенька, желанный мой не могу! Отвратило меня отъ него, вотъ какъ отвратило!

Она опустила голову на грудь и развела руками.

— Мало-ль что отвратило, а ты смиришь!

— Да какъ смириться-то, Гришенька, коли и глаза-то бы мои на него не глядѣли, а не токмо что. А онъ цѣловаться... Постылый онъ мнѣ сталъ, Гришенька, только и думушки, только и заботушки, что объ тебѣ, соколъ ты мой ясный!

Она сдѣлала шагъ впередъ, бросилась на траву, рядомъ съ парнемъ, подняла его голову и, положивъ ее къ себѣ на колѣни и теребя волосы, заговорила быстро, быстро, прерываясь отъ волненія, глотая слезы, удерживая готовыя вырваться рыданія.

— Хорошій ты мой, дорогой мой, желанненькій! Пролетѣли, видно, наши красные деньки. Не бывать тому, что прошло; отошло, видно, наше времячко! Голубчикъ ты мой, соколъ ты мой ненаглядный!

И, теребя его за воротъ рубахи, она буквально душила поцѣлуями, покрывая ими его лобъ и щеки.

Онъ терпѣливо выносилъ всѣ эти ласки, ухмыляясь по временамъ и любясь ея роскошнымъ станомъ, который онъ обвилъ своей сильной рукой...

— Покаражь меня Господь, Гришенька, истинно покаражь! Жить бы мнѣ въ деревнѣ, теперь мы бы съ тобой были мужъ и жена, не корили бы насъ люди, не было бы въ любви нашей порока!

— То-то вот и есть, зѣвнулъ Гришуха.

— Ужъ и какъ же бы я тебя, голубчика, соблюдала, берегла бы, желаннаго моего! Любовь да согласіе, людей бы завидки брали. А теперь что?..

Руки ея безсильно повисли, голова склонилась на грудь. Крупныя слезы такъ и катились изъ глазъ.

Послѣдній солнечный лучъ золотистыми блесками затрепетать на багровыхъ верхушкахъ березъ и погасъ. Надвигались сумерки. Затихло щебетанье птицъ, смолкли звуки въ травѣ, и, выростая все выше и выше, поднималась сырая пелена тумана. Слѣва, изъ-за верхушекъ частаго кустарника выплыла круглая, яркая луна, и лучи ея, падая на росистую траву, разсыпались брилліантами.

— Убѣгу я, Гришенька, ей-Богу убѣгу! рѣшительнымъ голосомъ заговорила вдругъ Таня. Вся она какъ-то преобразилась, рѣчь ея звучала энергіей, глаза искрились.

— Ей-Богу, убѣгу, не могу я такъ больше, не хочу жить съ нимъ, съ постылымъ! Гришенька, голубчикъ мой, родной мой, убѣжимъ вмѣстѣ!

На его пухлыхъ, красныхъ губахъ появилась усмѣшка.

— Ишь ты, что выдумала!

Въ одну минуту вся ея энергія пропала, она словно даже какъ бы потемнѣла вся и медленно и растерянно оглядѣлась по сторонамъ, какъ бы ища исхода.

— Не куда бѣжать-то... бѣжать некуда! вздохнула она, — охъ, Гришенька, чувствуетъ мнѣ: не быть добру, руки я на себя наложу, вотъ что!

Онъ приподнялся на локтяхъ и сѣлъ. На лицѣ его изобразился какой-то глупый испугъ.

— Что ты, что ты, Господь съ тобою! Нешто можно такія слова... Знаешь, врагъ силень!

— Да что же мнѣ дѣлать-то, Гришенька, желанный ты мой, научи ты меня, глупую!

— Что дѣлать? (Онъ почесалъ въ затылкѣ, сдвинувъ брови, и вдругъ махнулъ рукой). Будемъ по старому любиться—и ша-

башь! Что мужь, такъ экая бѣда. Какъ другія живутъ,—тоже, чай, дружковъ имѣють... Нечего и думать; отъ думы, говорятъ, хуже. Не вѣкъ онъ тутъ сидѣть будетъ, поживетъ малость и уйдетъ. А ты съ нимъ не поѣзжай, тутъ останься, будетъ съ собой звать,—не поѣзжай! Придумай что ни на есть, больна моль, или что, вѣдь вы на это горазды... Ну, приглубь его, что ли, сдѣлаешь по твоему.

— А потомъ-то что, Гришенька: къ нему опять идти?

— Ну что тамъ напредки загадывать, Таня. Мы хоть это-то времячко поживемъ въ свое, значить, удовольствіе. Во какъ поживемъ!

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать.

— Желанный ты мой, сладкій, лепетала она словно въ забытій, и плача, и смѣясь въ тоже время,—нѣтъ тебя дороже золото ты мое, драгоценный, неоцѣненный ты мой!

Радунцевъ сдѣлалъ шагъ впередъ. На минуту въ головѣ мелькнула мысль: броситься къ нимъ, но тотчасъ же явилось сознанье: зачѣмъ къ чему все это? Развѣ это нужно, развѣ это вернуло бы жену. Конечно, нѣтъ! Вѣдь ужъ онъ давно знаетъ, что все кончено. И развѣ, въ теченіе этихъ двухъ дней онъ не успѣлъ сжиться съ этой мыслью? Что же такъ взволновало его? Эта сцена свиданія? Но вѣдь въ душѣ онъ давно ждалъ, хотѣлъ ее, потому что именно она-то и должна вырыть ту пропасть, которая отнынь, разъ навсегда, отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга. И къ чорту ревность! Все, все должно уничтожиться, забыться, умереть. Странно ему казалось только одно: что, порѣшивъ съ главнымъ отдѣливъ себя въ общемъ отъ жены, признавъ ее въ настоящее время совсѣмъ чужой для себя женщиной, онъ никакъ не могъ примириться съ словомъ „постылый“. Постылый—значить противоположній. И результатъ трехлѣтней совместной жизни, въ продолженіе которой было потрачено столько беззаветной любви, силы, энергій, вылился въ словѣ „постылый!“—Но за то пропасть вырыта.... вырыта навсегда! шепталъ онъ, обезсиленный волненіемъ, путаясь въ кустахъ и стараясь уйдти незамѣченнымъ.

Но трудно было уйдти, не произведя шума, шелеста.

Тогда инстинктъ подсказалъ ему осторожность.

Чуть слышно ступая, осторожно отодвигая мѣшавшія ему вѣтви, ежеминутно останавливаясь и прислушиваясь къ шуму собственныхъ шаговъ, онъ выбрался на берегъ рѣки и, понуривъ голову, какъ потерянный, пошелъ по направленію къ деревнѣ.

ХІІІ.

Пропасть вырыта.

Въ избѣ у тестя все было, по возможности, прибрано и, выглядѣло какъ-то по праздничному. На столѣ, накрытомъ чистой скатертью съ красными разводами, помимо посуды, собранной для ужина, горѣла керосиновая лампа.

Николай Васильчъ, совершенно пьяный, сидѣлъ на лавкѣ, упершись ладонями въ колѣни и покачивая изъ стороны въ сторону опущенной внизъ головой. Пелагея Спиридоновна ходила по избѣ, переставляя, безъ всякой надобности, съ мѣста на мѣсто разную рухлядь и искоса злобно поглядывая на мужа.

При появленіи Радунцева, тесть сдѣлалъ было движеніе встать и идти къ нему на встрѣчу, но покачался только и остался на мѣстѣ.

— А ужъ мы-то ждали. ждали, и придумать не можешь, куда это ты, батюшка, запропастился, затрепала теща, — засидѣлся ли гдѣ на деревнѣ да заночевалъ... Ужъ я и къ Ефрему пытала бѣгать. „Нѣту-ти, говорить, не видалъ...“ Пойти, поглядѣть самоварь-то!..

Она вышла въ сѣни.

— Николай Васильчъ, обратился Радунцевъ къ тестю, — я уѣзжаю.

— Знаю, угрюмо пробормоталъ тотъ.

— Какъ знаешь?

— Такъ, знаю... Все знаю.

— Ты дѣда видѣлъ?

— Видѣлъ.

Николай Васильичъ нѣсколько разъ покрутилъ головой. Видимо онъ собирався съ духомъ, съ мыслями, хотѣлъ сказать что-то и не находилъ предлога, съ чего начать. Изрѣдка онъ посматривалъ на зятя своими воспаленными глазами, горѣвшими недобрымъ огнемъ, и каждый разъ опускалъ ихъ.

Но нельзя сказать, чтобы онъ молчалъ совершенно: онъ бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, но такъ неслышно, что Радунцевъ могъ уловить только отдѣльныя слова.

— Пре-крас-но!.. Очн-но хорошо! хор-ро-шо, неч-чего ска-зать... Вотъ такъ дѣ-ла! Ну ужъ дѣ-ла!

Онъ снова сдѣлалъ попытку заговорить съ Радунцевымъ и снова не могъ, только еще энергичнѣе покрутилъ головой.

— Вдругъ дверь распахнулась, и Пелагея Спирдоновна вошла бокомъ съ шумящимъ и брызжущимъ самоваромъ.

— Чего сидишь да головой крутишь? Заваривай чай-то! скомандовала она мужу, ставя самоваръ на столѣ и брякая посудой.

Николай Васильичъ тяжело поднялся съ лавки, сдѣлалъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ и, покачиваясь, остановился передъ женой.

— Гдѣ Танька? спросилъ онъ необычайно громкимъ, грознымъ голосомъ.

Та, въ недоумѣнн, вытаращила глаза.

— Танька гдѣ? заревѣлъ онъ, такъ что старуха даже присѣла.

— По... почему я знаю... Ник... Николай Васильичъ... къ су... къ сусѣдамъ надо быть... залепетала она, совершенно растерявшись.

— Не къ сусѣду ли?

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ; та попыталась и инстинктивно прикрылась рукой.

— Не знаешь? А кто ее съ любовникомъ сводилъ?

— Ахъ ты, Боже милос...

— Молчать! Не знаю я вашихъ дѣловъ, что ли? Вы тамъ промежь собой: „шу, шу, шу!“—думали, не вижу. Пьяница, дескать, гдѣ ему знать! Врете, проклятыя, я все вижу! Что вы—остраптъ на всю деревню захотѣли? Мало мнѣ горя, этого не доставало? Вы напакостили, а тутъ отвѣчай! Я отвѣчу! Отвѣчу я! Я пзъ тебя всю душонку вытрясу! Удушу тебя, подлую!

Онъ съ сжатыми кулаками кинулся къ помертвѣвшей отъ страха старухѣ, но Радунцевъ схватилъ его за руку и оттащилъ.

— Не нужно, Николай Васильчъ, оставь, уговаривать онъ его, стараясь усадить на лавку,—ради Бога, успокойся, оставь. Ну что тамъ, брось, пожалуйста брось! Дѣла не поправишь, все равно!

Старикъ пробовалъ сопротивляться, но, наконецъ, уступилъ и затихъ. Какъ часто бываетъ съ пьяными, съ нимъ произошелъ переходъ отъ ярости въ минорный тонъ.

— Не съ нихъ, не съ нихъ, милый, спросится, заговорилъ онъ какимъ-то нюнящимъ тономъ,—а съ насъ, съ меня, вѣдь! Чего глядѣлъ, гдѣ глаза были? А чего я глядѣлъ? Нешто углядишь за ними? Чужая душа потемки.

— Ничего-то я, Господи, не знаю! пробовала было заикнуться старуха.

Но онъ опять впалъ въ бѣшенство.

— Что? Не знаешь? заревѣлъ онъ, подступая къ ней съ кулаками,—ты не знаешь? Врешь, ты все знаешь, ты ихъ сводила, подлая. А? говори, сводила!?

— Разрази меня...

— Молчи, вѣдьма! Не вводи въ грѣхъ! Разнесу, въ куски разнесу, подлую!

— Оставь, Николай Васильчъ, вступился Радунцевъ,—ты этимъ ничего не подѣлаешь! Сядемъ, поговоримъ лучше.

Онъ снова усадилъ его и самъ сѣлъ рядомъ.

— Слушай, Николай Васильчъ! Съ женой я жить ни за что не стану. Я ѣду теперь въ Петербургъ и оттуда вышлю ей паспортъ. Содержаніе я ей буду присылать...

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Не нужно, ничего не нужно!.. И не говори!.. Голубчикъ ты мой, заговорилъ онъ расстроганнымъ голосомъ, взявъ его руку, да такъ и не выпускалъ ее, — Господи, какъ мнѣ жаль-то тебя, Александра. Душа болитъ... вотъ! Обиженъ ты, совсѣмъ какъ есть обиженъ! А только... Эхъ, Александра лучше бы ты по моему: взять бы ее за косы да въ поволоку да въ поволоку! Вѣрь мнѣ: соскочила бы съ нея эта дурь, тебѣ бы потомъ въ ножки поклонилась.

Радунцевъ въ свою очередь отрицательно покачалъ головой.

— Не хочешь? Александра, послушай меня, не губи бабу! Молода еще она, поучить только нужно... И въ законѣ сказано... Александра, послушъ-бо...

— Лучше не говори, Николай Васильичъ! Учить я ее не стану, да этому и не учать... Ну, да нечего,—ѣду!

— Ѣдешь?

— Ѣду. Не могу больше, тяжело! Поскорѣй бы ужъ!

Онъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу, поднялся тотъ съ лавки,—быть по твоему! Не хочу тебѣ перечить, поѣзжай. По нашему, подеревенски не хочешь, ну, твое дѣло! Пойду къ сусѣду лошадь спросать. Эхъ, куда я шапку-то засунулъ?

Отыскавъ шапку, онъ нахлобучилъ ее и слегка покачиваясь пошелъ къ двери. Но только что онъ хотѣлъ взяться за скобу, какъ дверь отворилась, и вошла Таня.

Лицо ея горѣло, грудь колыхалась, она съ трудомъ переводила дыханіе.

Радунцева точно что-то ударило. Онъ не взглянулъ на жену и опустилъ голову. Пелагея Спиридоновна сидѣла, насупившись, въ углу и усиленно сморкалась, стараясь показать, что плачетъ. Таня сдѣлала шагъ впередъ и съ одного взгляда догадалась о происшедшемъ. Она неособенно смутилась, только легкая блѣдность покрыла ея лицо, и зрачки слегка расширились. Николай Васильичъ отступилъ было на шагъ, потомъ вдругъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко. Лицо его какъ-то перекосилось и побагровѣло.

— Ты гдѣ была? кинулся онъ на дочь и, схвативши за плечи такъ, что та даже вскрикнула, съ силой потрясъ.

— У Максима... деньги получала... прошептала она дрожащимъ голосомъ.

— Врѣшь, подлая! закричала онъ вѣ себя и схватилъ ея косы,—говори! У любовника была, у любовника? Ну!

Радунцевъ бросился между ними.

— Оставь ее, крикнулъ онъ,—ты съ ума сошелъ.

И онъ съ силой оттолкнулъ старика.

Злая усмѣшка перекосила губы Николая Васильича.

— Что, видно не по-вашему, не по-господски? Ну, какъ наешь! Я свое дѣло сдѣлать хотѣлъ... Не хочешь,—не надо. Мужъ, должнъ понимать!

И онъ вышелъ, громко хлопнувъ дверью. По лѣстницѣ еще долго слышались его тяжелые, неровные шаги.

Въ пѣзѣ стало тихо. Слышно было даже, какъ въ дальнемъ углу назойливо и жалобно жужжала попавшаяся въ паутину муха, да сверчокъ, словно карманные часы, отчеканивалъ за пещкой.

Радунцевъ сидѣлъ молча въ тяжеломъ раздумьи.

Быстрымъ взглядомъ окинула Таня фигуру мужа. Въ этомъ взглядѣ отразилось какое-то лукавое себѣ-на-умѣ, какая-то увѣренность, что дѣло вовсе еще не такъ плохо, что нелюбимаго мужа можно и обмануть и разжалобить, стоитъ только половчѣе прикинуться.

Моментально у ней создался планъ... Она сѣла на лавку близко къ нему.

Старуха вышла, обмѣнявшись быстрымъ взглядомъ съ дочерью.

— Что жъ это, Саша, ты и взаправду уѣзжаешь? заговорила Таня своимъ пѣвучимъ голосомъ и вдругъ положила ему руку на плечо.

Онъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, и, все не глядя на нее, снялъ руку.

„Зачѣмъ, зачѣмъ только она такъ говоритъ ему, къ чему хитритъ, изворачивается? Прежде она не была такая!“

— Уѣзжаю.

Но она сочла нужнымъ продолжать притворяться.

— Что же такъ, Саша?.. Только что приѣхалъ...

Теперь ужъ онъ окончательно обозлился.

„Что это? Насмѣшка? Мало ей, что ли?“

— Къ чему этотъ вопросъ? заговорилъ онъ почти грубо, — зачѣмъ ты лжешь и притворяешься?

Но она все еще думала, что мужъ ничего не знаетъ. Отецъ съ пьяна попрекнулъ любовникомъ, узналъ что-нибудь на деревнѣ, — ну вотъ и сердится, хочетъ уѣхать...

Во всякомъ случаѣ она поняла, что притворяться теперь — дѣло лишнее.

— За что же ты разсердился, Саша? Кажись, я тебѣ ни въ чемъ не согрѣшила. Я знаю, ты думаешь... Вонъ отецъ какое слово сказалъ. Онъ, когда пьяный, всегда такой... Онъ и мать прежде корилъ: злые люди наговариваютъ, онъ и корить. Мало ли что въ людяхъ говорятъ: говорить всяко не закажешь. За что такъ они на меня? ничего худаго я имъ не сдѣлала...

Она пробовала всплакнуть. Онъ взглянулъ ей прямо въ глаза сверкающимъ взглядомъ.

— Оставь, пожалуйста, въ покоѣ людей! Ничего никто про тебя не говорилъ. Я уѣзжаю, потому что...

Онъ еще разъ взглянулъ на нее. Она сидѣла все такая же красивая, съ роскошно развитыми формами. Легкая блѣдность, отражавшая слѣды душевнаго волненія, придавала ей особенную прелесть.

И онъ лишился ее, лишился навсегда, почему что его мѣсто занять другой.

— ...Оттого, что видѣлъ... видѣлъ васъ обоихъ, какъ вы цѣловались, какъ ты лѣзла къ нему, слышалъ, какъ ты жаловалась ему на меня. Ну, довольно съ тебя!

Словно косою срѣзало ее, такъ она вся поникла, опустилась.

„Видѣлъ обоихъ! Значитъ, онъ былъ тамъ, на рѣкѣ, слышалъ, и знаетъ все, все!“

Она бросилась ему въ ноги и, обхвативъ ихъ своими сильными руками и не давая ему встать, залепетала:

— Прости! Прости, родной мой, прости меня, непутевую! Охъ, прости! Невѣдомо, неожиданно грѣхъ приключился. Не хотѣла я, видѣть Бога, не хотѣла... Врагъ попуталъ, попуталъ меня, окаянную.

Онъ съ трудомъ вырвался изъ этихъ цѣпкихъ рукъ и заходилъ по избѣ.

— Ахъ, Таня, Таня, еслибы ты могла понять, что надѣлала. Еслибы ты знала, какъ я тебя любилъ, сколько тяжелыхъ, тоскливыхъ дней провелъ я безъ тебя, въ то время, когда ты... Ну, довольно...

— Грѣхъ-то, грѣхъ какой приключился! причитывала она, закрывъ лицо руками.

— Нѣтъ, Таня! Что же, это такъ слѣдовало, такъ нужно было... нужно было ожидать, потому что я для тебя... что я для тебя?

— Врагъ попуталъ, искусилъ меня, слабую, не совладать было съ собой.

— Да, да, все это такъ... все такъ должно быть... я не хочу вамъ мѣшать... счастьемъ вашему мѣшать... Я уйду, мнѣ все-таки легче будетъ... забуду скорѣй... Только, Таня, вѣдь онъ не любитъ тебя... онъ совсѣмъ, совсѣмъ тебя не любитъ! Нѣтъ, не можетъ быть!

Она совсѣмъ не слушала его.

— Законъ преступила, мужа обманула, острамила... Голубчикъ мой, нешто такъ... нешто такъ можно! Подлая я, подлая!

И, бросившись ему въ ноги, она опять обвила ихъ руками, касаясь головой концовъ его сапогъ и не позволяя ни высвободиться, ни сдѣлать шагу.

— Бей меня, обманщицу, притворщицу, бей, лучше будетъ, легче будетъ... Убей меня! Все то я тебя обманывала,

все то обманывала, а ты вѣрилъ, голубчикъ мой, всему-то вѣрилъ.

— Пусти меня, пусти, ради Бога! вырвался Радунцевъ.

— Не пущу! Бей, говорю, бей! Зачѣмъ отъ отца отпмать? Пушай бы убилъ! Помереть лучше! Не жалѣй меня, подлюю, бей! Не хочешь, не хочешь бить?

И она стала стучать головой въ полъ.

Вся кровь бросилась въ лицо Радунцеву. Съ искажившимися чертами, блѣдный, онъ схватилъ Тавю, приподнял на воздухъ и стремительно посадилъ на лавку.

— Не смѣй! прохрипѣлъ онъ.

Она такъ и осталась, какъ онъ ее посадилъ. Растрепавшаяся коса черной волной сбѣгала съ ея округлыхъ плечъ и каскадомъ черныхъ, блестящихъ нитей падала на край лавки. Лицо подергивалось судорогой заглушаемыхъ рыданій, опухшія, красныя отъ слезъ, глаза были упорно устремлены на одну точку, грудь высоко и бурно вздымалась, и висѣвшія, какъ плети, руки нервно подергивались.

„Мужъ пріѣхалъ, дома сидитъ, ждетъ, а я къ любовнику побѣгла цѣловаться да мпловаться. Рехнулась я, подлая, ни совѣсти, ни стыдобушки! Охъ, попустилъ Господь, охъ, тошнехонько!.. Ой, ой!..“

И она, рыдая, въ истерикѣ, бросилась на лавку, закрывъ голову руками и такъ и осталась въ этомъ положеніи.

Радунцевъ остановился въ недоумѣніи. Что-то, похожее на надежду, шевельнулось въ груди. „Что, если она дѣйствительно раскаялась, если эта любовь къ другому была „дурь“, блажь, если все можетъ опять пойти по старому? Но гдѣ же тогда это великое чувство всепрощенія? Отчего оно не просыпается въ груди, не заявляетъ о себѣ, отчего тамъ, внутри, не перестаетъ расти и клокотать только чувство недоувѣрія и ревности? Да и нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобы она раскаялась, вернулась къ нему. Развѣ онъ не видѣлъ, не убѣдился во-очію, какъ она любитъ того? Такія натуры любятъ страстно, до самозабвенія, забываютъ, любя, и себя, и окружающихъ. Пусть

то чувство въ нихъ непрочно, но, тѣмъ не менѣе, оно сильно. Эти рыданія, — сознание проступка, минутное раскаяніе, ошибка, все это не имѣетъ значенія; все-таки она никогда не вернется къ нему, не полюбитъ его снова. Но еслибы даже это случилось, то онъ самъ не захочетъ этого, онъ первый оттолкнетъ ее... Конечно! Все, все кончено. Тамъ, у рѣки, на похоронахъ, рѣшилась его судьба,—отнынѣ онъ одинокъ и хочетъ, жаждетъ быть одинокимъ. Нужно дать ей выплакаться, успокоиться, слезы облегчаютъ; но необходимо убраться, и убраться какъ можно скорѣй. Да, нужно, нужно!“

Онъ подошелъ къ двери, взялся за скобу, но выпустилъ ее изъ рукъ и остался.

Зачѣмъ онъ остался, онъ не могъ отдать себѣ отчета, не могъ объяснить причину. А причина была простая: помимо собственной воли, инстинктъ понуждалъ его побыть еще немного подлѣ горячо любимой женщины. Но онъ думалъ другое.

„Ну, вотъ и конецъ... Еще нѣсколько минутъ и затѣмъ мы чужіе другъ для друга. Что я хотѣлъ? Уйти? Да... Уйти... А вѣдь чѣмъ сильнѣе сознание проступка, тѣмъ сильнѣе любовь къ нему...“

Онъ сѣлъ на лавку и, положивъ руки на столъ, скрылъ въ нихъ лицо. Самоваръ пересталъ шумѣть, слышны только какъ-то глухо звенѣлъ, переходя всю гамму звуковъ. Въ избѣ темно; слабый свѣтъ отъ оконъ боролся съ сгущавшимся сумракомъ. Сонныя мухи сидѣли группами на потолокѣ. Бѣлыми квадратными пятнами вырисовывались надъ комодомъ модныя картинки.

XIV.

Везъ пристани.

А рыданія Тани, мало по малу, перешли въ тихія всхлипыванія. Она уже не лежала, какъ прежде, а сидѣла, облокотившись на подоконникъ, и смотрѣла распухшими отъ слезъ

глазами на разстлавшуюся передъ ней картину лѣтней, лунной ночи.

„Мужа обманула, законъ преступила, экой грѣхъ-то, грѣхъ какой, Господи помилуй!“ тѣснилось у ней въ головѣ.

Она жалѣла мужа. Онъ былъ такой хорошій, смирный. слова никогда худого не сказалъ, не то что бить, какъ многіе другіе. Но врагъ былъ силенъ. врагъ опуталъ ее, затмилъ разсудокъ, и даже теперь, въ эти горькіе минуты сознанія, ей все-таки хотѣлось, чтобы мужъ уѣхалъ. И странно даже было ей, отчего онъ не уѣзжаетъ? Скорѣе бы уже, а тамъ уже все само собой устроится. Что устроится и какъ, она объ этомъ не думала. Тяжесть этой минуты была черезъ чуръ невыносима, ей хотѣлось просто вздохнуть свободнѣе, придти въ себя.

Радунцевъ вдругъ всталъ и заходилъ по избѣ.

„Что если подойти, и сказать ей просто: „Таня, я тебѣ прощаю, ѣдемъ вмѣстѣ!“ И вырвать ее отсюда, увезти, а тамъ окружить ее другой обстановкой, другими, людьми заняться ея передѣлкой. Да, но для этого нужно простить, а этого то онъ и не сьумѣетъ сдѣлать, никогда не простить! „А и злой-же ты!“ вспомнились ему вдругъ слова дѣда.—Ну да, злой. И пусть злой! Вѣдь никто-же больше меня отъ этого не страдаетъ. Только вонъ, вонъ отсюда, скорѣе!“

Въ избу вошелъ Николай Васильевичъ.

— Насилу добылъ, объявилъ онъ, кидая шапку на лавку, — Пелагея!

Старуха явилась на зовъ.

— Давай ужинать! Садись, Александра, закуси на дорожку.

Радунцевъ какъ-то совершенно автоматически присѣлъ къ столу. Онъ дѣйствовалъ, какъ во снѣ. Если-бы кто-нибудь спросилъ его въ эту минуту, что онъ думаетъ, наврядъ-ли-бы онъ сьумѣлъ отвѣтить опредѣленно. Какой-то чадъ былъ въ его головѣ.

Старуха молча подала ужинъ.

Таня не тронулась съ мѣста. Она продолжала сидѣть по

прежнему, не отрывая глазъ отъ окна, сплелась сообразить и объяснить себѣ все, сейчасъ происшедшее. Мало по малу стало вырисовываться передъ нею то положеніе свободной женщины, въ какое она теперь встала. И не то горько и больно, не то весело становилось ей, и она вздохнула съ облегченіемъ, какъ-бы освобождаясь отъ какой-то тяжести, гнетомъ лежавшей на ней. Ее еще грызло и мучило сознание совершеннаго преступленія; но идея этого сознанія была чисто абстрактная. Къ самому факту пзмѣны мужу она стала относиться съ точки зрѣнія деревенской морали, считая этотъ фактъ вообщемъ противозаконнымъ, преступнымъ; она со страхомъ думала о своемъ новомъ положеніи, рисуя въ воображеніи тѣ взгляды, намеки и меткія, острыя словца, которыя отнынѣ будутъ всегда встрѣчать и провожать ее на деревнѣ, и отъ которыхъ нѣтъ защиты, нѣтъ спасенія. И рядомъ съ этимъ представленіемъ ожидаемыхъ насмѣшекъ и оскорбленій сплелось и шло вровень другое, — представленіе о тѣхъ сладкихъ мнутахъ любви, которыя однѣ могутъ заставить забыть все, презрѣть всякія бѣды и ужасы, заставить идти смѣло на встрѣчу опасности.

Робко и понемногу стало вызывать это представленіе изъ глубины лунной ночи образъ дорогаго сердцу. Изъ-за далекаго плетня, опоясывавшаго облитую серебрянымъ свѣтомъ розь, все яснѣе и яснѣе стала вырисовываться фигура любимаго человека, и изъ туманной мглы вдругъ явился образъ Гриши, съ его лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ, красныхъ губахъ, съ его большими, заволакивающимися страстью и нѣгой глазами. Этотъ образъ такъ внезапно и рельефно выдвинулся изъ глубины ночи, такъ конкретно обозначился передъ Таней, что та чуть не вскрикнула и отшатнулась отъ окна... А сердце скоро-радостно билось, и замрало, и сладко, сладко млѣло...

Любовь, всесильная и всемогущая, изгнанная изъ сердца и позабытая на время, снова вошла туда самовластной хозяйкой, заявила свои права и покоряла...

Въ избѣ было тихо, словно покойникъ лежалъ на столѣ.

И тесть и зять, уживая, словно старались не стучать ложками. Что-то томительно - тяжелое носилось въ воздухѣ.

Съ улицы послышался стукъ подѣхавшей телѣги.

Николай Васильчъ выглянулъ въ окно.

— Это ты Ефремъ? спросилъ онъ.

— Я, послышался голосъ изъ мрака, — выходишь, что ли лошадь не стоитъ. Тпру!

Слышно было, какъ лошадь перемпнулась, роя ногами землю.

— Войди въ избу-то! позовалъ Николай Васильчъ.

— Какъ ее, чорта, оставишь! Выходите ужъ! Аль не справились? послышался голосъ съ улицы.

Николай Васильчъ заторопился: одѣлъ армякъ, подпоясался за пазуху сунуть краюху хлѣба, побренчалъ въ карманѣ шагановъ мѣдяками и, справившись совсѣмъ, сталъ усердно молиться на икону. Не смотря на то, что онъ отрезвился, руки его тряслись, и крестъ выходилъ не совсѣмъ правильный.

Радунцевъ взялся за шапку и оглядѣлся: ни жены, ни тещи въ пѣбѣ не было. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ: прощанья съ женой не обошлось бы безъ тяжелой сцены, и, какъ знать выдержалъ ли бы онъ.

Николай Васильчъ тоже оглядѣлся.

— А гдѣ же Татьяна? спросилъ онъ и махнулъ рукой. Они вышли на улицу.

Молодой, статный мужикъ, босой, въ одной рубахѣ, съ накинутымъ на плечи полшубкомъ, держалъ подъ уздцы лошадь.

— Садись, Николай, да забирай возжи! Садись, Александръ Ильичъ!

— Здравствуй, Ефремъ.

— Здорово. Чтожъ скоро собрался? Дѣло, что ли, какое.

— Да, дѣло, буркнулъ за Радунцева тесть.

— Такъ. А я хотѣлъ было зайти... Письмецо надоть бы написать.

Николай Васильчъ усѣлся и забралъ возжи. Сѣлъ и Радунцевъ.

— Смотри, Николай, съ Веретьевской кручи легче. Д

переднюю правую ногу перековать бы надоть! Заѣдешь, что-ль, кузницу?

— Заѣду. Посторонись!

Ефремъ отскочилъ всторону. Молодая, горячая лошадь попробовала встать на дыбы, но, осаженная спльной рукой, выгнулась всѣмъ тѣломъ и рванулась впередъ.

Радунцевъ инстинктивно обернулся. За угломъ пѣбы стояла Таня. Бѣлый, съ розовыми цвѣтами головной платокъ, низко надвинутый на лобъ, закрывалъ глаза.

— Придержи-ко, Николай Васильичъ, сказалъ Радунцевъ. Тестъ остановилъ лошадь.

— Забылъ что? спросилъ онъ.

— Да.

Радунцевъ соскочилъ съ телѣги и подошелъ къ женѣ.

Если бы она сдѣлала движеніе къ нему, онъ не выдержалъ бы и увезъ ее,—если бы онъ протянулъ ей руку, она бы пошла за нимъ.

Ни того, ни другаго не случилось. Оба стояли молча на какомъ-то разстояніи одинъ отъ другаго и не дѣлали перваго шага.

— Прощай, чуть слышно прошептала она, глядя въ землю.

— Прощай!

Они беззвучно и холодно поцѣловались. Онъ отошелъ отъ ней на нѣсколько шаговъ, остановился, постоялъ минуту въ нерѣшительности, махнулъ рукой и пошелъ дальше.

— Танька выходила? спросилъ тестъ, не оборачиваясь.

— Да, жена, отвѣтилъ тотъ.

— Подлая! скрипнулъ онъ зубами.

Таня все стояла на прежнемъ мѣстѣ, неподвижная, какъ статуя, съ опущенной головой.

„Значитъ, конецъ“, думалось ей,—какъ все скоро сдѣлалось! Не увидѣлъ мужъ, и не стало его, уѣзжаетъ, не вернется больше, и за то остается милый!..“

Она вдругъ взглянула по тому направленію, откуда, издали, чуть обрисовывались крыши Куколевскихъ избъ, и сердце

ея вдругъ широко и радостно забилося. Такъ выпущенная изъ душной и тѣсной клѣтки птица, широко распутивъ немѣвшія раньше движенія крылья, вся трепеща отъ восторга добытой свободы, стремится навстрѣчу волн, навстрѣчу солнечнымъ лучамъ и голубому, безоблачному небу. И Таня поспѣшно, не оглядываясь, пошла къ Вуколямъ.

А въ это время колеса телеги, увозившей мужа, стучали по бревенчатому мостику.

Радунцевъ припомнилъ ночь приѣзда въ деревню.

Здѣсь, на этомъ мостикѣ, онъ получилъ первый ударъ, потрясшій въ немъ вѣру въ свою любовь, въ своей идеаль. Здѣсь грубой рукой Слизнева была нанесена неизлечимая рана его сердцу, и въ мукахъ сомнѣнія онъ пережилъ здѣсь минуты. способныя на десятокъ лѣтъ состарить человѣка. И вотъ и теперь, какъ тогда, стояла такая же тихая, чудная, лѣтняя ночь, и теперь, какъ тогда, деревенскій міръ спалъ безмятежнымъ. здоровымъ рабочимъ сномъ, выбросивъ изъ своей среды чуждаго и ненужнаго ему прищлеца на скитанія по бѣлу свѣту.

Застрянетъ ли гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ этотъ скиталецъ, облюбуетъ ли себѣ какой-нибудь тихій уголокъ, и мирно потечетъ жизнь, покуда смерть не сожметъ его въ своихъ объятіяхъ, или по прежнему будетъ онъ метаться изъ угла въ уголокъ, лихорадочно гоняясь за призраками своего воображенія. отыскивая свой идеаль, свою мечту?

Какое дѣло этому міру до него? У него свои заботы, свои страданія, мечты и надежды.

Съ первымъ проблескомъ зарп кипитъ трудовая крестьянская жизнь, вся проходящая въ вѣчной борьбѣ съ непокрытой нуждою, и трудно добываются права жизни. Некогда тутъ думать объ отвлеченностяхъ, некогда развивать въ себѣ тонкія чувства. Вотъ Николлай Васильичъ, который такъ мрачно-глубокомысленно молчитъ, что онъ думаетъ? А думаетъ онъ, можетъ быть, на сколько хватить ему полученныхъ за починку сапогъ денегъ и гдѣ бы еще раздобыться работишкой, чтобы купить муки, и хоть на время отсрочить неизбежную голодовку.

XV.

Подъ вліяніемъ хмѣля.

А ночь, таинственная и безмолвная, все ползетъ и разро-
зается. Ни звука, ни шороха, но въ этой торжественной ти-
шинѣ слышится дыханье, тихое, сонное дыханье природы. Ма-
ловымъ отблескомъ луны озарены широко расплывшіяся поля
и на нихъ фантастическія группы кустарниковъ. По обѣимъ
сторонамъ дороги вырастаетъ безмолвный, какъ спящій ска-
чочный богатырь, дремучій боръ. А вверху, надъ нимъ, убѣгая
къ неизмѣримую глубину, темносинимъ шатромъ нависло ноч-
ное небо, и мпріадою сверкающихъ звѣздъ глядѣтъ на уснув-
шую землю.

Когда-то Радунцевъ весело оглядывался на боръ и мыс-
ленно здоровался съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ, — теперь
оно перестало быть имъ, и онъ измѣнилъ, какъ все вокругъ
измѣнилось.

Прошло! Все, все прошло! Эхъ!..

— ...А что, Александра, не заѣхать ли къ Амелишнѣ?
Хорошо бы выпить? предложилъ тесть, когда они, спустив-
шись съ Веретневской кручи, ѣхали по спящей, деревенской
улицѣ.

„Выпить!“

Странно, что все время ему не приходило это въ голову.
А между тѣмъ это было бы самымъ логическимъ финаломъ
всей исторіи. Конечно, можно выпить, и не только можно, даже
должно, потому что только хмѣль дастъ забвеніе, а оно ему
было такъ необходимо.

Старикъ, очевидно, это понялъ, потому что, не получивъ
отвѣта, круто поворотилъ лошадь, и они подѣхали къ большой,
хотя довольно ветхой избѣ, вальяжно расположившейся на краю
деревни.

Николай Васильичъ слѣзъ съ телѣги и, подойдя къ окну, по-

стучала въ стекло. Окно тотчасъ раскрылось, и въ него выглянула голова въ платкѣ.

Начались переговоры, которые велись шепотомъ. Наконецъ тесть привязалъ лошадь къ столбу и вошелъ въ пѣбу. За нимъ послѣдовалъ Радунцевъ.

Изда была просторная, темная и совершенно пустая. На грязномъ, большомъ столѣ стоялъ ночникъ и немилосердно чадилъ. По угламъ валялись какіе-то хомуты, шлеп, веревки.

Сморщенная, подслѣповатая старуха встрѣтила гостей и увидѣвъ Радунцева, какъ-то боязливо изумилась.

— Ничего, ничего, Амелишна, это зятекъ мой, успокой ея Николай Васильичъ.

— То-то, смотри, батюшка, не вышло бы чего, опасно замѣтила старуха, и повела ихъ въ небольшую коморку, гдѣ изъ подъ разной рухляди достала бутылъ и налила изъ нея водки въ зеленый, толстаго стекла стаканъ.

Николай Васильичъ залпомъ осушилъ стаканъ и, крикнувъ, закусилъ имѣвшимся за пазухой хлѣбомъ.

Старуха налила Радунцеву. Онъ выпилъ тоже залпомъ.

— Еще!

У него вдругъ явилось страстное желаніе пить, пить какъ можно больше.

Словно по уговору, тесть и зять сѣли за столъ. Николай Васильичъ мигнулъ старухѣ, и на столѣ появился бутылъ.

Черезъ полчаса Радунцевъ почувствовалъ, что у него закружилась голова, на сердцѣ сдѣлалось какъ будто легче, языкъ сталъ развязываться. По прежнему ночникъ тускло чадилъ. старуха стояла спиной къ печи, дрожащій свѣтъ ночника прыгать по ея морщинистому лицу, и Радунцеву казалось, что она подмигиваетъ. Зачѣмъ она подмигиваетъ? Сметается надъ нимъ, что ли?

... Снова добрый конь стрѣлой мчитъ нашихъ путниковъ. Мелькаютъ мимо кусты и деревья, поля, изгороди, гумна и избы. Половину дороги успѣли уже проѣхать, и на пути не преминули побывать еще у одной старушки. Хмѣль,—

великое дѣло! Если онъ не въ состояніи совсѣмъ заглушить тоску и горе въ человѣкѣ, то за то онъ развяжетъ ему языкъ, заставитъ самаго молчаливаго, самаго сосредоточеннаго чело-вѣка разговориться.

И живая бесѣда завязалась у путниковъ; къ тому-же и ночь, темная, таинственная, такъ располагаетъ поговорить по душѣ.

О лошади никто не думаетъ. Николай Васильевичъ броситъ возжи, и умное животное бѣжитъ по знакомой дорогѣ, пофыркивая, прядая ушами и пугливо поглядывая по сторонамъ. Собесѣдники сидятъ уже не бокомъ, а лицомъ къ лицу, и говорить, говорить безъ умолка, перебивая и даже, подчасъ, не понимая другъ друга. Что имъ до этого? Каждый себя понимаетъ, чувствуетъ себя на распашку и говорить то, чего не сказали-бы при другихъ обстоятельствахъ, но что давно накопилось и свинцовымъ гнетомъ лежитъ на душѣ. Нужды нѣтъ, что Радунцеву немного дурно, что у него голова горитъ, какъ въ огнѣ, и глаза какъ-то рѣжетъ,—онъ не обращаетъ на это вниманія, и, говоря какъ-то непривычно несвязно и размахивая руками, исповѣдуетъ тестю свои чувства, свой сн и волю въ ры.

А Николай Васильичъ, не слушая разсужденій зятя, тянетъ свою іереміаду, постоянно переходя изъ слезливаго тона въ угрожающій, и обратно.

— Обидно мнѣ!... Во какъ обидно! кричитъ онъ, энергически стуча кулакомъ въ грудь,—нешто я имъ врагъ? Врагъ я имъ? Женѣ-то да дѣтищу? Никогда врагомъ имъ не былъ, всегда старался... ужъ вотъ какъ старался!... Я Таньку-то какъ берегъ! А? Знаешь-ли ты, какъ я... берегъ? То то вотъ и есть! Теперь, примѣрно, сколько не сработалъ,—нате, получайте, получайте все, мнѣ ничего не надо! Извѣстно, я слабъ, хилымъ занимаюсь, а тоже по закону какъ слѣдуетъ быть. А онѣ нешто по закону? По закону, я тебя спрашиваю? Поллюбовника завела! Что-жъ это? Теперь одно дѣло: камень на шею да въ воду! Камень, право слово! Оно, конечно, не въ укоръ тебѣ, милый ты мой, поцѣлуемся! Не въ укоръ, говорю. Ты не ду-

май что-нибудь такое... Ты человекъ хорошій, отличный человекъ, что говорить! Только ты на меня не сердись, а я тебѣ правду скажу: чужакъ ты!

— Какъ чужакъ?

— Такъ: чужакъ! Чужой человекъ, значитъ! Ты насъ не понимаешь, а мы тебя подавно! Мы что? Мы народъ глупый, темный, одно слово: мужики! А ты человекъ ученый, къ нашему житію не свыченъ, обихода нашего не знаешь. Вотъ даве я говорилъ: за косы! За косы, подлюю, и шабашъ, потому это дурь одна бабья. Не захотѣлъ, ну, стало быть, чужакъ. Да... Ну а я своего не упусти!... Отвезу вотъ тебя, приѣду домой и поучу бабъ, вотъ какъ поучу, будутъ помнить! И ему, подлецу, скулы выворочу, да еще въ волость стащу, пусть ему сотенку всыпать!

Радунцевъ какъ-то смутно сознаетъ, что ни одну изъ этихъ угрозъ тестя, по мягкости характера, не исполнить, а все таки ему хочется и слушать и вѣрить ему, чтобы хоть въ его словахъ почерпнуть нужную себѣ силу, не дать себѣ совсѣмъ упасть духомъ.

Въ обоюдныхъ изліяніяхъ они не замѣтили, какъ доѣхали до пристани и очутились у воротъ трактира. По всему трактиру гасили огни, и рабочій собирался уже затворять ворота.

Радунцевъ спросилъ номеръ. Сонный слуга повелъ ихъ по лѣстницѣ наверхъ и, широко распахнувъ двери какой-то кѣтки, пробурчалъ; „пожалуйте!“

Они вошли.

XVI.

Пришла!

... Свѣча, поставленная на столъ противъ окна, плыветъ, и струи желтаго сала уродливыми фигурами застываютъ на подножій подсвѣчника. Желтый, то вытягивающійся вверхъ, то тянущійся всторону свѣтъ свѣчи слабо освѣщаетъ номеръ.

Номеръ грязень и малъ. Щелеватый, нерозный полъ, разорванный, продавленный диванъ, въ углу нѣчто вродѣ койки, покрытой грубой простыней съ двумя блинообразными, ситцевыми подушками... Грязныя, съ пзорванными, разнокалиберными обоями, стѣны украшены лубочными картинками. На одной картинкѣ, надъ диваномъ, рядомъ съ запыленнымъ и заспуженнымъ мухами зеркаломъ, пзображена была рыжая дѣвица, сильно декольтированная съ подписью: „Анна“. Дѣвица держала въ рукѣ цвѣтокъ, пзъ котораго обожженной спичкой кто-то неумѣлой рукой сдѣлалъ стаканъ, а другой, уже бойкой наторѣвшей рукой, нарисовалъ на краю стакана бѣсенка. Меблировка дополнялась парюю топорной работы стульевъ да занавѣской въ видѣ грязной тряпки, висѣвшей на окнѣ и прикрывавшей два горшка герани.

Собесѣдникамъ до всего этого очень мало дѣла. Они сидятъ за столомъ, на которомъ красуется графинъ водки, окруженный закускою въ видѣ яицъ въ крутую и ветчины; пьютъ рюмку за рюмкой и бесѣдуютъ.

И вдругъ, въ серединѣ бесѣды, Радунцевъ чувствуетъ, что личность его, его собственное я, начинаетъ какъ-то странно раздваиваться. Происходитъ это какъ-то такъ, что является какой-то другой Радунцевъ, довольно смѣшливый, веселый человекъ, постоянно порывающійся сдѣлать какую-нибудь несообразность, глупость, и Радунцевъ настоящій, такъ-же постоянно удерживающій того. Двойнику, напримѣръ, ужасно хочется что-нибудь разбить (и Николай Васильевичъ даже совершенно съ нимъ согласенъ, что р а з б и т ь слѣдуетъ), настоящій его удерживаетъ. Или двойнику хочется запѣть во все горло какую-нибудь хватающую за душу пѣсню и залиться слезами,— настоящій не позволяетъ и этого сдѣлать. У настоящего одно слово на языкѣ, одинъ аргументъ: „удерживайся!“ Да, легко ему такъ говорить: онъ мраченъ, онъ ушелъ въ себя, ему Божій свѣтъ не милъ; двойникъ-же хотя тоже мраченъ, но мраченъ общительно, и, кромѣ того, самая мрачность переходитъ

по временамъ въ непозволительную браваду, въ насмѣлку надъ собой, надъ своимъ горемъ.

Въ одномъ только настоящій Радунцевъ не въ силахъ былъ воспрепятствовать своему двойнику: это при прощаньи начать нескончаемая лобзанія съ Николаемъ Васильичемъ. Но когда наступила торжественно-смѣшная минута, долженствовавшая превратить эти лобзанія въ обоюдное хныканье, настоящій восторжествовалъ надъ своимъ двойникомъ, посадилъ его на стулъ и заставилъ смотрѣть въ окно...

На дворѣ происходило что-то необыкновенное.

Должно быть, былъ страшный ливень съ громомъ и молніей. По всей вѣроятности, это была заправская гроза. Стекла дрожали и въ нихъ точно кто что кидалъ. На дворѣ вѣтеръ вилъ и ревѣлъ; хлопали ставни и двери, мычаль скоть, бились лошади... Радунцевъ слышалъ только какой-то отдаленный, непрерывный шумъ и грохотъ, и что-то ослѣпительно яркое, время отъ времени, кидалось ему въ глаза.

Сколько времени такъ прошло? Радунцевъ опредѣлить не могъ; можетъ быть, мало, можетъ быть, много,—онъ былъ внѣ времени и пространства. Ему казалось, что онъ носится по бурному морю въ какомъ-то суденышкѣ, душномъ и тѣсномъ, а дѣвица со стѣны все ему подмигиваетъ и приглашаетъ выпить...

И онъ пилъ. Пилъ совершенно автоматически, какъ бы повинуюсь чьему-то приказанію. Все кружилось и металось передъ его глазами, всѣ предметы, находившіеся въ номерѣ, принимали какія-то неестественныя положенія: столъ вдругъ переворачивался вверхъ ногами, графинъ плясать, словомъ, происходилъ какой-то хаосъ, вполне гармонизировавшій съ тѣмъ хаосомъ, который былъ у него въ головѣ. Тамъ мелькали неясныя воспоминанія прошлаго, неясныя слугеты знакомыхъ лицъ, перемеживаясь съ уродливыми призраками разстроеннаго воображенія. Онъ былъ боленъ, онъ чувствовалъ это сквозь всю сумятицу, происходившую съ нимъ, и все-таки рука его инстинктивно тянулась къ графину, и онъ пилъ.

Дверь тихонько скрипнула, подалась, и на порогѣ, въ мутномъ свѣтѣ догоравшей свѣчи, появилась женщина. Она была вся вымокши, съ нея такъ и лило. Вода струйками скатывалась съ бахромы большого платка, накинутого на плечи, съ подола облякшаго и прилипшаго къ тѣлу платья. Мокрая прядь волосъ выбилась изъ подъ головного, бѣлаго съ красненькими цвѣточками, платка и лежали на лбу и щекахъ.

Все сидя на диванѣ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону и придерживаясь за край сидѣнья, Радунцевъ поднялъ голову.
Жена!

Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть, чтобы это была она! Не можетъ быть, чтобы она пришла, потому что все кончено между ними, кончено навсегда. Нѣтъ, это не реальное существо, это видѣніе, галлюцинація. И все продолжая сидѣть на диванѣ, качаясь всѣмъ тѣломъ и боясь, чтобы не упасть, онъ вперилъ мутный, вопрошающій взглядъ въ эту туманную фигуру и заговорилъ:

— Зачѣмъ, о, зачѣмъ ты пришла меня мучить? Зачѣмъ ты ни на минуту не даешь мнѣ остаться съ самимъ собой, преслѣдуешь меня въ моихъ мысляхъ? Зачѣмъ ты не даешь мнѣ забыться, забыть тебя, отрѣшиться отъ всего на свѣтѣ? Зачѣмъ ты зовешь меня съ собой и обманываешь и насмѣхаешься? Я не пойду туда, я не могу, не хочу идти, потому что я тамъ лишній, ненужный человѣкъ. Да, да, ненужный, лишній человѣкъ!

Полный безнадежной тоски и отчаянія, онъ опустилъ голову на грудь, руки скользнули по клеенкѣ дивана и безсильно повисли.

— Саша, раздался изъ темнаго угла робкій, приниженный шепотъ:—я пришла къ тебѣ... Саша, голубчикъ, забудь все, возьми меня съ собой!...

Онъ прислушался къ этому шепоту, и словно электрическій токъ потрясъ весь его организмъ. Такъ это не было видѣніе, такъ это правда?

Онъ стоялъ теперь, вытянувшись во весь ростъ и трясаясь, какъ въ лихорадкѣ. Цѣлая буря поднялась въ его душѣ. Что-то

тамъ, внутри, рвалось и просилось наружу. Одна мысль, ужасная мысль, которая еще тамъ, въ деревнѣ, промелькнула у него и которую онъ тогда успѣлъ затушить, явилась теперь неожиданно и настойчиво взывала къ исполненію.

Онъ все стоялъ съ вызывающимъ выраженіемъ на искажившемся лицѣ, правая рука инстинктивно-судорожно шарилась по столу.

— ...Саша, голубчикъ, дѣлай, что хочешь.—Я останусь я не могу... онъ прогналъ меня.

— Прогналъ? Любовникъ прогналъ? Пошутить! Ха, ха ха!... И ты пришла ко мнѣ? Тебѣ мало? Мало?... Такъ я... такъ я... вотъ!...

Въ одно мгновеніе ножъ очутился въ его рукѣ. Онъ бросился къ ней, схватилъ за грудь, высоко занесъ ножъ и вдругъ бросилъ его на полъ.

Она стояла, не шевелясь, готовая безтрепетно принять ударъ. Ножъ, звеня, упалъ къ ея ногамъ.

Онъ схватилъ себя за голову и замеръ на мѣстѣ.

Съ нимъ произошла реакція. Онъ отрезвѣлъ въ минуту, и трезваго его схватилъ ужасъ. Убійство! Онъ способенъ былъ на убійство, готовъ былъ обогреть руки невинной кровью, готовъ былъ зарѣзать жену!

Въ безсиліи, онъ рухнулъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Ему страшно было глядѣть на жену, какъ будто преступленіе уже было совершено.

— Простишь, Саша, ты простишь меня?

Онъ рѣшился отнять руки, взглянулъ въ ея блѣдное лицо съ прилипшими къ нему волосами, съ мольбой и благодарностью обращенное къ нему, поднялъ руку и, повинуясь охватившему его чувству, сталъ гладить ее по головѣ.

— Да, я прощаю тебѣ, прощаю, какъ передъ Богомъ Бѣдная моя!

Вотъ, вотъ оно великое чувство всепрощенія, оно пришло наконецъ, влилось къ нему въ душу, вытѣснивъ оттуда чувство злобы и ревности и примиривъ его съ его несчастіемъ.

Она схватила его руку и прильнула къ ней, омочивъ слезами. Онъ все продолжалъ гладить ее по головѣ. О, какъ ему было хорошо! Онъ никогда еще не испытывалъ ничего подобнаго. Что-то милое, дорогое, что онъ смутно помнилъ издавна, съ дней дѣтства, снова воскресло въ его душѣ и словно свѣтомъ какимъ озарило ее.

— Саша, возьмишь меня съ собой, не оставишь?

— Нѣтъ, Таня, я не возьму тебя.

— Не возьмишь? Господи, что же я...

— Такъ нужно, Таня, обоимъ намъ нужно.

— Голубчикъ мой, дорогой...

Онъ дѣлалъ надъ собой невозможныя усилія.

— Нѣтъ, нѣтъ, Таня, милая моя, не говори, ничего не говори; выслушай меня, пойми, что я тебѣ хочу сказать. Отнынѣ мы не мужъ и жена, мы не можемъ, не должны быть ими. Подумай только, чтобы это была за жизнь...

— Ты просишь же, Саша...

— Да, теперь, но кто можетъ поручиться за будущее. Еслибы я еще былъ другой человѣкъ, совсѣмъ другой, не такой дрянной... Но я не могу себя переменить, пойми это, Таня, мы бы мучились только съ тобою.

— Голубчикъ, я все тебѣ буду дѣлать. Ну, я не буду тебѣ женой, не надо, не надо!. Я слугой буду.. я...

— Нѣтъ, Таня, я рѣшилъ. Живи тутъ, веди себя честно, никто, никто не посмѣетъ указать на тебя пальцемъ. Но туда въ наше болото тебѣ не нужно. Зачѣмъ тебѣ: ты молода еще, полюбишь, можешь быть счастлива, а тамъ счастья нѣтъ, потому что тамъ только такіе, какъ я, черствые, себялюбивые люди. Мнѣ съ ними ничего, я родился среди нихъ, среди нихъ изломанъ, но тебѣ будетъ тяжело, и со мною будетъ тяжело, въ тысячу, тысячу разъ тяжелѣе, чѣмъ прежде, потому что, видишь, Таня, я говорю откровенно: для этой раны не придумано еще лекарствъ. И выходитъ, что я не такой человѣкъ, съ кѣмъ бы ты была счастлива, ты, простая, чистая душа! Правду сказалъ отецъ: чужака я; я и самъ теперь это чув-

ствую, самъ знаю, что я только могу мутить вашу тихую жизнь. Разойдемся, прощай!

— Желанный мой, милый...

Онъ поднялъ ее съ пола.

— Нѣтъ, нѣтъ, Таня, прощай! Развѣ ты не видишь, какъ мнѣ тяжело, о, еслибы ты знала, какъ мнѣ тяжело!..

Глаза ея широко-широко раскрылись. Казалось, что она поняла.

Не говоря болѣе ни слова, закрывъ лицо руками, она тихо пошла къ двери.

Когда она скрылась, онъ всталъ, бросился на койку и уткнувъ лицо въ подушку, зарыдалъ.

XVII.

Старый знакомый.

Тонкая переборка отдѣляла номеръ Радунцева отъ другаго. Слуга отперъ его и, впустивъ проѣзжаго, зажегъ свѣчу и сталъ у двери въ выжидательной позѣ.

Пріѣзжій снялъ мокрую поддевку, стряхнулъ ее и аккуратно, не торопясь, повѣспилъ на гвоздь. Затѣмъ снялъ картузь и встряхнулъ и его, провелъ рукою по лысинѣ и принялся креститься въ передній уголъ.

— Соснуть не желаете ли, Спиридонъ Игнатьичъ? спросилъ слуга, въ видѣ вящаго почтенія наклонивъ голову.

— Соснуть-то соснуть бы, отвѣчалъ Слизневъ, зѣвая и тихонько крестя ротъ, — да не проспять бы. Бѣда эта дорога. Растрясеть тебя всего, раскачаетъ.. Лежать бы теперь дома на постели.

— Ужь чего лучше-съ, чуть замѣтно зѣвнулъ и слуга, — въ своемъ, значить, удовольствіи. Перинка то у васъ, надо быть, мягкая-съ.

— Что? Перина?

— Да-сь. Перника, говорю, мягкая-сь.

— Гм... А ты Степка, прокурать, посмотрю я!

Польщенный слуга бойко встряхнул волосами и улыбнулся одной изъ лукаво-тонкихъ ярославскихъ улыбочекъ.

— Прокурать, прокурать! Да ты видѣль, что-ли?

— Имѣль это удовольствіе-сь. И даже очень близко-сь, можно сказать въ упорь-сь.

— Гм... Гдѣ-же это?

— Третьяго дня-сь, какъ онѣ позволили съ парохода спустить-сь. Еще я имъ лошадей навималъ.

— Что-жь, понравилась?

— Т. е. ужъ такъ.. Говорить не остается. Барыня хорошая, великостная-сь.

— Бархатная баба.

— Хн, хн, совершенно вѣрно-сь.

— То то: „совершенно вѣрно“. А ты вотъ, чѣмъ ласы топчть, сваргань-ка чайку!

— Съ лимончикомъ-сь?

— Самъ знаешь!

Степка скрылся. Слизневъ всталъ, обдернулъ пиджакъ, надѣтый поверхъ русской рубахи, прошелся раза два по комнатѣ и заглянулъ въ окно.

— Дождить, пробормоталъ онъ и, порывшись въ саквояжѣ, досталъ оттуда полъ-бутылки коньяку и поставилъ на столъ.

Степка принесъ подносъ съ чайниками и стаканомъ и ловко сунувъ его на столъ, отошелъ на прежнее мѣсто.

Слизневъ принялся за чай. Онъ пилъ въ прикуску, обильно орошая коньякомъ, шуря глаза, причмокивая и присасывая.

— Ну, что, Степка, орудуешь? подмигнувъ Слизневъ, оканчивая пятый стаканъ и вытирая платкомъ красное, потное лицо.

— Это безъ сумнѣнія-сь. Т. е. вотъ какъ я вамъ, Спиридонъ Игнатьичъ, доложу: свисни только!

— Ой-ли?

— Право слово, съ мѣста не сойдти! Здѣсь баба слаба!

— Слаба?

— И-ихъ какъ слаба! Тамъ платочекъ, сережки копѣе въ тридцать, или колечко сердоликовое,—и готово дѣло. Потому —необразование, дикость!... Да чего! Со мной разъ бы случай, такъ я и по сей поры понять не могу-сь: что оказія?

— Ну, ну, поощрительно замычалъ Слизневъ и даже ступилъ кань огь себя отодвинулъ, приготовляясь слушать. Подслѣпватые глазки его такъ и искрились, такъ и бѣгали, ротъ и кривился въ плотоядную улыбку.

Степка уже безъ всякаго стѣсненія подошелъ къ столу, и клонился и принялся рассказывать. Слизневъ все время слѣдилъ за нимъ чрезвычайно внимательно, поощряя время отъ времени или хлопаяемъ по плечу или возгласамъ, вродѣ: „ай молодець!“ „ну, Степка“, „вотъ такъ прокурать!“ Подъ конецъ прокурать, какъ это всегда бываетъ, заврался, но это нисколько не мѣшало Слизневу слушать его. Повидному, пошленькая исторія и сальныя сценки были его страстью. Онъ весь какъ то ерзалъ на своемъ мѣстѣ, вскаккивалъ, плотоядно хихикалъ и, захлебываясь въ смѣхъ, потиралъ руки...

Въ сосѣднемъ номерѣ Радунцевъ зашевелился и проговорилъ что-то со сна.

Слизневъ насторожился.

— Есть тамъ кто? спросилъ онъ.

— Есть-сь, отвѣчалъ Степка.

— Кто такой?

— Должно быть, изъ господъ какой-то. Съ мужикомъ приѣхалъ.

— Волосатый?

— Что-сь?

— Волосатый, я тебя спрашиваю?

— Какъ это: волосатый-сь? недоумѣвалъ Степка.

— Дуракъ! Ну, съ длинными волосами, понимаешь—во какъ студенты ходятъ!

— Точно такъ-сь.

— Очки есть?

— Никакъ нѣтъ-съ. Отковъ нѣтъ.

Слизневъ задумался.

„Охъ, ужь эти волосатые“, — думалось ему, — „надѣлаютъ они дѣла! Опасные люди! Ходятъ по деревнямъ, мутятъ мужиковъ!... Да, штука!... Нужно разузнать“.

— Требовать онъ чего?

— Какъ-же-съ. Водку требовать, закуску.

— Одинъ пилъ или съ мужикомъ?

— Съ мужикомъ-съ.

— А о чемъ говорили? вперилъ онъ въ Степку свои про-
ницательные глазки.

— Не могу знать-съ, Разное говорили.

— Врешь?

— Что мнѣ врать-съ, отвѣчалъ струхнувшій Степка.

— Постой-ка я на него погляжу: какой-такой человекъ.

Гдѣ тутъ дыра?

— Какая дыра-съ?

— Ну, ну, чего дурака-то корчишь, показывай! Не знаемъ,
что-ли?

Степка нехотя подошелъ къ переборкѣ и, отыскавъ про-
верченную нарочно дырочку, приложился къ ней глазомъ.

— Заснуть. Спять-съ! сообщилъ онъ.

— Постой-ко-съ!

Слизневъ отстранилъ его, приникъ къ дырочкѣ, и тотчасъ-
же отошелъ. Въ спящемъ онъ узналъ Радунцева.

„Ага, голубчикъ“, подумалъ онъ, — такъ вотъ ты кто, —
старый знакомый! Что, видно женка-то прогнала, или смутян-
ствомъ заняться вздумалъ? Ну, мы тебѣ крылышки подрѣ-
жемъ, подрѣжемъ, миленькій! Вотъ только къ Анемподисту Са-
вичу заглянуть, да по пріятельски, за ромкомъ, поговорить!“

И въ восторгѣ отъ осѣнившей его голову мысли, онъ сълъ
слова за чай, въ который влилъ двойную порцію коньяку, и
сталъ придумывать, чтобы такое наговорить исправнику, что-
бы стереть съ лица земли ненавистнаго человекъ.

...Къ отходу парохода слуга разбудилъ Радунцева. Тотъ

всталъ съ головной болью. Какъ смутный и тяжелый сонъ припомнилось ему все происшедшее.

Въ влажномъ воздухѣ стоялъ сѣрый разсвѣтъ пасмурнаго утра. Свинцовыя тучи плыли по небу. На рѣкѣ пыхтѣлъ пароходъ, выпуская изъ огромной трубы клубы чернаго дыма. По улицѣ, съ котомками и узлами двигались заспанные, недовольныя фигуры отъѣзжавшихъ.

На пароходѣ онъ встрѣтился съ Слизневымъ. Послѣдній сдѣлать видъ, что не замѣтилъ его, а самъ наблюдать за нимъ.

Радунцевъ окинулъ его какимъ-то тусклымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ.

Теперь ему было все равно.

Онъ забрался въ самое отдаленное мѣсто на палубѣ и какъ-то самоуглубился. Одно желаніе было въ немъ: уѣхать, какъ можно скорѣе уѣхать отсюда.

Слизневъ все время, изподтишка, наблюдалъ за нимъ...

XVIII.

Въ родномъ болотѣ.

Къ дебаркадеру петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги подошелъ поѣздъ. Было жаркое, лѣтнее утро. Удушливый, раскаленный воздухъ спираль дыханіе. Въ лѣтливомъ востомѣ извожники дремали на дрожжахъ, поджидая сѣдоковъ. На площадкѣ двора, съ пробивавшейся черезъ булыжникъ чахлой травкой, сидѣли няньки съ разряженными въ лѣтніе костюмы дѣтьми и, зѣвая, апатично поглядывали на вагоны, изъ которыхъ стали выходить пассажиры. Ихъ было очень немного, такъ что не прошло и пяти минутъ послѣ прихода поѣзда, какъ всѣ уже распозались по душнымъ, петербургскимъ улицамъ, и на дебаркадерѣ остался только сторожъ, который,

доставившись, что никого нѣтъ и „внушать“ некому, медленно пошелся во-свося.

Въ числѣ прибывшихъ были Радунцевъ и Слизневъ. Потѣднѣй, какъ вышелъ изъ вагона, такъ тотчасъ-же преобразился, словно-принизился. И понятно: здѣсь онъ былъ полнѣйшее ничтожество.

Въ досадѣ, что птичка улетѣла, и стереть не предстояло же никакой возможности, онъ только скрипнулъ зубами и шелъ.

Радунцевъ также вмѣстѣ съ другими вышелъ на крыльцо декара и какимъ-то тусклымъ взглядомъ окинулъ разстилающуюся передъ нимъ Знаменскую площадь. На площади было все старое, все давно знакомое: тянулись ломовики отъ Гонимарной улицы, женщины—папиросницы, съ кофейнками подъ офточками, спѣшили на фабрику, и саячникъ у мостика раскладывалъ на стойку дымящіяся рубцы, возбуждая яростный шепетъ бродячихъ псовъ, стоявшихъ полукругомъ на почти-ельномъ разстояніи; неизбѣжный городской стоялъ на своемъ посту, зорко поглядывая по сторонамъ.

— Желаете ѣхать, господинъ? Вотъ на шведочкѣ! подскользился къ Радунцеву мальчишка-извощикъ.

— На Петербургскую!

— Рублякъ-съ!

Радунцевъ сторговался, сѣлъ въ пролетку и потрусилъ по знакомымъ улицамъ. Замелькали вывѣски, фонарные столбы, портерныя, кабаки и трактиры, дворники у воротъ и дворники, обливашіе прохожихъ. И надъ всѣмъ этимъ вышло яркое-лубое, безоблачное небо, стоялъ зной роскошнаго лѣтняго утра; только здѣсь этотъ зной накладывалъ какой-то тяжелый печатокъ на человѣка, какъ-то пригибалъ его, дѣлалъ изъ него одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пылинокъ, которыя насыщали столичный воздухъ.

Въ душѣ Радунцева не было ни тоски, ни довольства. Ничего не было! Это было состояніе петербуржца. Того червяка, который таится тамъ, глубоко-глубоко на сердцѣ и который

иногда пытается заявить о своемъ присутствіи, — можно развлечь видомъ городской суетоки, этой лихорадочной погоней за правомъ существованія. И Радунцевъ развлекалъ себя; это ему удавалось, и онъ чувствуетъ себя, какъ чувствуетъ вся эта масса мечущагося по улицамъ городского люда.

Это былъ истинный сынъ Петербурга, и Петербургъ любовно принялъ его въ свои каменные объятія.

Годъ спустя, онъ получилъ письмо отъ Рѣзцова, какимъ-то путемъ разыскавшаго его адресъ.

Рѣзцовъ писалъ:

...„вообрази, я чуть было не женился! И можешь себѣ представить—на барышнѣ Рамазаевой. Да къ счастью прозрѣлъ во время, а, прозрѣвши, увидѣлъ, что барышня—есть дѣйствительно барышня, и всѣ ея порыванія были просто „силъ избытокъ“! А чтобы ужъ никогда и не встрѣчаться съ нею, задумалъ я, братецъ, плыть. Куда? спросишь ты. А куда глаза глядятъ. Участь людей моего сорта—вѣчныя странствованія. Оно и лучше, мохомъ не обростешь. И знаешь-ли, какъ надумалъ я'это плыть, откуда прыть взялась, такую отвагу въ себѣ чувствую,—бѣда! Словно помолодѣлъ даже!“

— „Господи“! оторвался Радунцевъ отъ письма,—отчего я не могу быть такимъ, отчего я не плыву, а ползаю? Гдѣ черпать силу этотъ человекъ, гдѣ выковать онъ въ себѣ эту желѣзную волю?

Онъ снова взялся за письмо, довольно длинное, быстро пробежалъ все, натолкнулся на фразу: „отвѣть, пожалуйста, откликнись, гдѣ ты, что дѣлаешь?“ прочелъ подпись, перечелъ опять и, скомкавъ, бросилъ письмо на полъ.

Онъ искалъ какого-нибудь сообщенія о женѣ, но о ней не было ни слова, и, понятно—почему: Таня, годъ назадъ, ушла на богомолье и съ тѣхъ поръ не возвращалась.

Радунцевъ на письмо не отвѣчалъ.

Н. Баранцевичъ.

Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

(Продолженіе).

IV.

Санитарное состояніе народа.

Въ первой главѣ мы видѣли уже нѣсколько примѣровъ, какъ дурное питаніе народа вело къ различнымъ заболѣваніямъ; жилище, одежда и другія экономическія условія народнаго быта были также важными факторами, дѣйствовавшими такъ или иначе на здоровье крестьянъ на ряду съ климатическими вліяніями. Желая сказать нѣсколько словъ о санитарномъ состояніи народа, мы должны заранѣе оговориться, что въ источникахъ прошлаго столѣтія нельзя найти подробныхъ свѣдѣній по этому предмету, да это и вполне естественно, такъ какъ даже въ настоящее время весьма немногія мѣстности Россіи хорошо изслѣдованы въ медико-статистическомъ отношеніи.

Самыми распространенными болѣзнями среди простаго народа были лихорадка и горячка; какъ эти болѣзни, такъ и сильный кашель, которымъ очень многіе страдали зимою, въ значительной степени обуславливались жизнью въ курныхъ избахъ, гдѣ вечеромъ и ночью было чрезвычайно жарко, а утромъ холодно, гдѣ во время топки печи часто приходилось отворять дверь. Дурное питаніе вело къ желудочнымъ болѣзнямъ. Такъ, напр., имъ подвергались очень многіе жители въ мезенскомъ и пинежскомъ уѣздахъ архангельской губерніи, вслѣдствіе употребленія въ пищу поврежденнаго морозомъ и несочиненнаго хлѣба. Въ тверской губерніи очень много дѣтей умирало отъ расстройства желудка. Въ

этой мѣстности очень обыкновенною болѣзнію былъ и кровавый поносъ, которымъ страдали также работники въ рудникахъ и на соляныхъ промыслахъ пермской губерніи, и жители енисейскаго края. Весьма распространенною болѣзнію была цинга. Въ олонекской губерніи она свирѣпствовала болѣе всѣхъ другихъ недуговъ: «рѣдко кто ею не зараженъ», сказано въ современномъ описаніи этого края. Она была очень обыкновеннымъ явленіемъ также въ архангельской и пермской губерніяхъ, въ осташковскомъ уѣздѣ тверской губерніи, во многихъ мѣстностяхъ Сибири.

Сифилисъ, занесенный въ Россію въ XVI в., былъ уже очень распространенъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Это засвидѣтельствовано, между прочимъ, и Наказомъ императрицы Екатерины (ст. 267). Мы имѣемъ указанія на большее или меньшее распространеніе сифилиса въ архангельской губерніи, въ осташковскомъ уѣздѣ тверской губерніи среди крестьянъ, отправлявшихся въ отхожіе промыслы, въ солнгалчскомъ уѣздѣ костромской губерніи, въ пермской губерніи, въ Астрахани, и особенно сильно свирѣпствовала эта ужасная болѣзнь въ Сибири; она была тамъ на столько распространена, что въ Иркутскѣ пришлось завести особый госпиталь для зараженныхъ ею. Въ нерчинскомъ краѣ дѣти родились даже съ наследственнымъ сифилисомъ. Во всей южной Сибири отъ Урала до китайской границы, особенно же на Иртышѣ и его притокахъ, не малая опустошенія среди людей производила и сибирская язва.

Среди дѣтей всего болѣе свирѣпствовали оспа и корь. Оспа, какъ и сифилисъ, была всего болѣе распространена въ Сибири; въ 1767—68 гг. она особенно свирѣпствовала въ Камчаткѣ. Въ одномъ селѣ близъ города Тюменя, Лепехинъ говоритъ, жители «лишились въ одну весну всѣхъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ оспа заблаговременно и въ короткое время отослала на тотъ свѣтъ: она съ такою жестокостію свирѣпствовала, что на погостѣ каждый день ребенокъ по десяти пряталъ въ могилу».

Въ 1771 г. пострадала отъ чумы не только самая Москва, но и многія мѣстности центральной Россіи. Среди однихъ только экономическихъ крестьянъ (бывшихъ духовныхъ вотчинъ) умерло въ одинъ годъ отъ этой болѣзни—въ провинціяхъ: московской—6,317 человекъ, владимірской—590, суздальской—45, ярославской—206, Переяславля-Залѣскаго—966, рязанской—23, углиц-

кой—190, костромской—29, казанской—87, свиѣжской—4, нижегородской—77, всего 8,534 человекъ, что составляло около 2% всѣхъ экономическихъ крестьянъ этой мѣстности; если же взять экономическія вотчины одной московской провинціи, то смертность въ нихъ дошла до 5% всего ихъ населенія. Чума заходила и въ тверскую губернію: намъ извѣстно, что въ одномъ калязинскомъ уѣздѣ отъ нея умерло 214 человекъ; она проникла также въ губерніи: смоленскую, воронежскую и бѣлгородскую.

Упомянемъ о другихъ, менѣе распространенныхъ, болѣзняхъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ архангельской губерніи женщины страдали разными истерическими припадками (тутъ являлось не мало такъ-называемыхъ *к л п к у ш ъ*). Въ чердынскомъ уѣздѣ и около нѣкоторыхъ уральскихъ заводовъ у жителей, впрочемъ очень немногихъ, были зобы; они выростали также и у нѣкоторыхъ крестьянъ муромскаго уѣзда. Въ Сибири, на верхнемъ теченіи Лены и впадающихъ въ нее рѣкахъ, оба пола были подвержены этой болѣзни, такъ что оттуда лишь немногіе парни годились въ рекруты; между тѣмъ никто изъ тамошнихъ жителей не родился съ этими наростами, а они развивались потомъ, какъ полагали, отъ вреднаго вліянія мѣстной воды. Слѣдуетъ упомянуть еще о чесоткѣ и лишаяхъ, что обуславливалось грязною обстановкою; одинъ докторъ замѣчалъ эти болѣзни въ осташковскомъ уѣздѣ даже на новорожденныхъ дѣтяхъ. Рѣже другихъ упоминаются въ современныхъ источникахъ «пострѣлъ кровавый», т. е. апоплексическій ударъ, падучая болѣзнь, грижа, глисты.

Какъ мы уже замѣтили, многія болѣзни, кромѣ климатическихъ условій, вызывались дурною пищею и свойствомъ работъ, которыя приходилось исполнять крестьянамъ. Такъ, по словамъ Георги, отъ работъ на горныхъ заводахъ происходили глазныя болѣзни, чахотка, воспаленіе легкихъ, горячка, ревматизмъ. Цинга и падучая болѣзнь были также весьма обыкновенны между горнозаводскими рабочими восточной Сибири; и на уральскихъ заводахъ горнорабочіе страдали отъ цинги, вслѣдствіе недостатка свѣжей говядины и овощей и питанія солониною, сушеною рыбою и питья рудниковой воды. Многіе изъ приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ, исполнивъ обязательную работу, возвращались домой совершенно больные, а многіе и умирали отъ цинги. Къ тому же рудники были вообще отвратительно устроены. Вотъ что разска-

зываетъ, напр., Озерецковскій о работахъ на Вонцкомъ рудникѣ (въ олонейскомъ краѣ) въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Тамъ, кромѣ одной шахты, шедшей до глубины рудника, побочныхъ шахтъ не было, поэтому въ сырую и туманную погоду очень часто «воздухъ въ шахтѣ спирался и, удерживая въ ней пороховой дымъ, отъ паленія выбуренныхъ въ камнѣ скважинъ происходящій, захватывалъ у рудокоповъ дыханіе», и ихъ вытаскивали оттуда еле живыхъ, такъ что они не могли заниматься сряду 2—3 дня буравильною работою. Въ другихъ мѣстахъ земля въ шахтахъ, не укрѣпленная деревянными стѣнами, обваливалась и часто калѣчила рабочихъ. |

Крестьяне нерѣдко умирали не только отъ серьезныхъ болѣзней, но иногда и отъ ничтожныхъ причинъ, вслѣдствіе отсутствія своевременной медицинской помощи. Въ комиссіи для составленія новаго уложенія нѣкоторые депутаты обращали вниманіе правительства на безпомощность народа во время болѣзней. «Хотя во многихъ городахъ и есть лекари», сказалъ между прочимъ депутатъ отъ казаковъ оренбургской линіи, «но не было еще примѣра, чтобы одинъ изъ нихъ когда нибудь зашелъ къ страждущему крестьянину и подалъ ему какую нибудь помощь». Даже высшія правительственныя учрежденія недостаточно сознавали необходимость и производительность затратъ на организацію медицинской помощи народу. Такъ, напр., сенатъ не нашелъ нужнымъ имѣть на казенныхъ винокуренныхъ заводахъ аптекъ и лекаря, такъ какъ тамъ работали все вольнонаемные, и приказалъ отпускать больныхъ, а на ихъ мѣсто нанимать здоровыхъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ были госпитали, аптеки и доктора, но далеко не повсемѣстно; поэтому дворяне козельскаго, мещовскаго и алексинскаго уѣздовъ просили въ своихъ наказахъ объ учрежденіи аптеки во всякомъ уѣздномъ городѣ и о назначеніи на уѣздъ по одному лекарю; въ свои же уѣзды они просили назначить по два лекаря, съ тѣмъ, чтобы одному изъ нихъ шло жалованье отъ дворянъ. При учрежденіи намѣстничества потребовалось 308 докторовъ медицины, а на лицо во всѣхъ родахъ службы ихъ оказалось только 47. Правительство принуждено было пополнять недостатокъ въ русскихъ докторахъ приглашеніемъ иностранцевъ, которые выговаривали себѣ весьма значительное по тому времени жалованье. Въ шестидесятыхъ годахъ многіе губернаторы жаловались, что въ

ихъ губерніяхъ нѣтъ аптекъ; такъ какъ охотниковъ заводить ихъ оказывалось недостаточно, то мѣстамъ пришлось устропвать аптеки на казенный счетъ.

Важнымъ нововведеніемъ въ царствованіе императрицы Екатерины II было оспопрививаніе, начавшееся, какъ извѣстно, по прихѣру самой государыни. Прежде всего оно было введено въ столицахъ, затѣмъ въ 1771 г. въ Казани, для чего устроенъ былъ тамошнимъ губернаторомъ оспенный домъ; въ слѣдующемъ году такой же домъ былъ учрежденъ въ Иркутскѣ для распространенія оспопрививанія въ Сибири, гдѣ оно и принесло особенную пользу. Число оспопрививательныхъ пунктовъ все увеличивалось въ царствованіе императрицы Екатерины: они были учреждены не только въ городахъ, но даже во многихъ казенныхъ селеніяхъ и помѣщичьихъ вотчинахъ. Но, конечно, и оспопрививаніемъ крестьяне все-таки далеко не вездѣ могли воспользоваться, въ другихъ же отношеніяхъ они оставались почти по прежнему безпомощными.

За неимѣніемъ подъ рукой докторовъ и лекарей, крестьянамъ приходилось прибѣгать къ своимъ домашнимъ средствамъ; нѣкоторыя изъ нихъ быть можетъ и могли принести извѣстную пользу, но очень часто простой народъ лечился самымъ нелѣпнымъ образомъ. Не входя въ излишнія подробности, упомянемъ о нѣкоторыхъ средствахъ, бывшихъ въ ходу въ деревняхъ. Въ архангельской губерніи крестьяне лечились отъ сифлиса отваромъ травы багульника (*Ledum palustre*), но успѣхъ такого леченія былъ невеликъ. Въ тверской губерніи пили отъ лихорадки, вмѣсто рвотнаго, разболтанный въ водѣ табакъ или употребляли рѣдечный и поливный сокъ, отъ кашля—сокъ изъ лука, отъ простуды—ходили въ баню и натпирались тамъ рѣдкой; въ извѣстныхъ случаяхъ ставили банки на животѣ, «выгоняя воздухъ изъ употреблявшихся для этого горшковъ посредствомъ огня», сжигали шарикъ изъ кудели на больномъ мѣстѣ, употребляли отъ болѣзней и разныя «суевѣрныя средства». Въ галицкой провинціи въ шестидесятыхъ годахъ, если вѣрять мѣстному прокурору, крестьяне не знали никакихъ домашнихъ средствъ; къ началу XIX вѣка они обогатились нѣкоторыми свѣдѣніями, но не особенно удачно. Такъ, напр., въ кологривскомъ уѣздѣ, въ случаѣ укушенія змѣєю, ее убивали и прикладывали къ ранѣ, или лечились кровью и жиромъ дикихъ голубей; въ галицкомъ уѣздѣ дѣтей, заболѣвшихъ оспою, носили ва-

рять въ баню и разумѣется только простуживали ихъ; въ солигаличскомъ лечились отъ каменной болѣзни такимъ образомъ: накладывали въ глиняный горшокъ, до половины его, живыхъ таракановъ, доливали водой, потомъ замазавъ ставили на ночь въ печь и, процѣдивъ воду, пили ее. Въ каширскомъ уѣздѣ свѣжія раны засыпали одни толченымъ углемъ, другіе сахаромъ, третьи даже солью. Около Тюменя во время оспы крестьяне также парили дѣтей въ банѣ и, чтобы усыпить ихъ, пили вино; такое лечение, конечно, кончалось смертью. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне умѣли употреблять, какъ лекарства, многія травы; извѣстны были иногда и средства для произведенія выкидышей. Леченіемъ занимались деревенскія старухи.

IV.

Семейная жизнь.

Обыкновенно полагаютъ, что въ старину семьи крестьянъ были гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, когда такъ много семей раздается о вредѣ семейныхъ раздѣловъ. Мнѣніе это, конечно, подтверждается тѣмъ, что само правительство въ прошломъ столѣтіи считало среднюю цифру 4 д. м. п. на одну семью. Однако же изученіе результатовъ генеральнаго межеванія, такъ называемыхъ «экономическихъ примѣчаній», гдѣ обозначается въ каждой населенной дачѣ на ряду съ количествомъ душъ и число дворовъ, убѣдило насъ въ томъ, что для избранной нами эпохи 4 души м. п. никакъ нельзя считать среднюю цифру, и что, напротивъ, это максимумъ, котораго достигали лишь немногія губерніи. Тѣ 16 губерній Великороссіи, относительно которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія о числѣ душъ и дворовъ, можно раздѣлить на 3 класса по среднему размѣру крестьянской семьи: къ первому классу мы относимъ тѣ губерніи, въ которыхъ было среднимъ числомъ въ семьѣ до 3 душъ, ко второму — до 3,5 и къ третьему до 4 д. м. п. включительно. Къ первому классу относятся губерніи: костромская — (2,6 д.), новгородская (2,7), ярославская (2,8). вологодская, тверская и нижегородская (въ каждой по 3 д.); ко второму классу: олонечкая (въ шести уѣздахъ 3,2), воронеж-

(кая (3,3) и пензенская (3,5); къ третьему — курская (3,6), рязанская и орловская (по 3,7), тамбовская (въ 8 уѣздахъ 3,8), калужская (3,9), псковская и тульская (по 4 д.). Изъ этого видно, что, говоря вообще, въ черноземной полосѣ семьи были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ нечерноземной; объясненія этого явленія слѣдуетъ, по нашему мнѣнiю, искать въ значительномъ развитiи въ нечерноземныхъ губерніяхъ отхожихъ промысловъ: здѣсь въ средѣ холодежи значительно болѣе развивалось стремленіе къ личной самостоятельности, къ тому же заработки уходящихъ на промысли членовъ семьи и остающихся дома были на столько различны, что это неравенство вкладовъ отдѣльныхъ членовъ въ общую семейную казну должно было вызывать споры и пререканія. Въ помѣщичьихъ вотчинахъ этой полосы Россіи большинство крестьянъ было на оброкѣ, слѣдовательно жило почти совершенно независимо отъ барскаго произвола, и потому нисколько неудивительно, что здѣсь у помѣщичьихъ крестьянъ семьи были, вообще говоря, не многочисленнѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ ¹⁾). Въ черноземной полосѣ семьи были вообще крупнѣе, но не у однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а и у крестьянъ государственныхъ, такъ что и здѣсь вліяніе помѣщиковъ на семейные раздѣлы было, по-видимому, менѣе значительно, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Что касается крестьянъ некрѣпостныхъ, то выводы, полученные нами на основанiи экономическихъ примѣчанiй, съ полною очевидностію убѣждаютъ насъ въ томъ, что у дворцовыхъ крестьянъ семьи были обыкновенно крупнѣе чѣмъ у экономическихъ; нужно думать, что администрація дворцовыхъ вотчинъ строже преслѣдовала семейные раздѣлы, чѣмъ монастырскія власти и затѣмъ коллегія экономiи ²⁾). Что касается крестьянъ черноземной полосы то въ вологодской губерніи, единственной, относительно которой мы можемъ срав-

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ нашей книгѣ «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II», т. I, 286—287.

²⁾ Въ доказательство того, что семьи дворцовыхъ крестьянъ были крупнѣе, чѣмъ у экономическихъ той же мѣстности, приведемъ нѣсколько цифръ: въ псковской губерніи у первыхъ средній разиѣръ семьи 4, 2, у вторыхъ 3, 5; въ новгородской — у первыхъ 2, 6, у вторыхъ 2, 3; въ тверской 3, 1 и 3; въ вологодской 3, 3 и 2, 8; въ московской 3, 3 и 3; въ курской 4 и 3, 7; въ нижегородской семьи дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ были одинаковы 2, 8, и только во владимірской мы замѣчаемъ отступленіе отъ

нить средній размѣръ ихъ семей съ семьями въ другихъ разрядахъ сельскаго селенія, семейства этихъ крестьянъ были крупнѣе. Чѣмъ у дворцовыхъ и экономическихъ (а именно у первыхъ 3,5, у вторыхъ 3, 3, у третьихъ 2, 8). Въ источникахъ прошлаго столѣтія есть указанія на сильное стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ у однодворцевъ¹⁾; это могло отчасти объясняться отсутствіемъ у нихъ общиннаго землевладѣнія. Мы не рѣшаемся сдѣлать опредѣленнаго вывода по этому вопросу, такъ какъ на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія однодворцевъ рѣдко можно выдѣлать изъ другихъ разрядовъ крестьянъ (они обыкновенно жили въ одной дачѣ вмѣстѣ съ крѣпостными); но въ тѣхъ однодворческихъ селеніяхъ, гдѣ мы могли опредѣлить средній размѣръ семьи, онъ не оказывался ничтожнымъ. Такъ въ воронежской губерніи у однодворцевъ было около 3,1 д. на семью, при общей средней цифрѣ въ губерніи 3, 3 (у дворцовыхъ крестьянъ 3, 8), въ курской у однодворцевъ—3, 7 (у всѣхъ крестьянъ губерніи 3, 6), въ тамбовской—3, 8 (таже цифра и средняя для всей губерніи). Но, повторяемъ, эти указанія еще не рѣшаютъ вопроса, такъ какъ они основаны на свѣдѣніяхъ объ относительно небольшомъ числѣ однодворческихъ дачъ.

Хотя, какъ оказалось, крестьянскія семьи во второй половинѣ XVIII в. были въ среднемъ выводѣ менѣе значительны, чѣмъ это можно было ожидать, но все таки онѣ были нѣсколько крупнѣе нынѣшнихъ²⁾.

общаго правила: 28 д. м. п., на семью дворцовыхъ крестьянъ и 3, 6 на семью экономическую.

¹⁾ Такъ напр. прокуроръ слеской провинціи въ «экономическихъ отвѣтахъ» писалъ, что «однодворцы по большей части малосемейные люди» въ противоположность крѣпостнымъ крестьянамъ.

²⁾ Для наглядности сдѣлаемъ сопоставленіе относительно нѣсколькихъ губерній:

	средній размѣръ семьи въ прошломъ столѣтіи.	въ настоящее время, по «статистикѣ помещельной собственности».
Орловская	3, 7.	3, 6.
Рязанская	3, 7.	3, 3.
Пензенская	3, 5.	3, 3.
Тамбовская	3, 8.	3, 4.
Курская	3, 6.	3, 4.

Не смотря на неособенно значительный размѣръ средней крестьянской семьи, отдѣльныя семьи были иной разъ очень велики. Въ «экономическихъ отвѣтахъ» о саратовскомъ уѣздѣ было сказано: «семьянистыхъ людей довольно, такъ что въ одной семьѣ душъ по 15 и до 20, а у прочихъ мало семьянистыхъ душъ по 5, по 6 и по 3». Болотовъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ одной семьѣ, которую онъ встрѣтилъ во время путешествія въ южной части нынѣшней тульской губерніи: у старика - хозяина было два сына «такихъ же стариковъ, какъ онъ самъ, болѣе десяти внуковъ и множество правнучатъ. Словомъ, одного мужскаго полу душъ слишкомъ двадцать, а женскаго почти столько-жъ. Онъ былъ, какъ Авраамъ, почитаемъ и любимъ всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ и держалъ оное въ должномъ подобострастіи. Я не могъ, продолжаетъ Болотовъ, «чтобы не похвалить старика за то, что онъ дѣтей своихъ не допускаеть дѣлиться, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что благоразумный сей старикъ самъ тѣмъ веселился, и равно какъ въ славу себѣ то ставилъ, что у него столько дѣтей, внучатъ и правнучатъ. При вопросѣ, не бываетъ ли въ семьѣ его какихъ несогласій и раздоровъ, какъ то многочисленнымъ семействамъ бываетъ свойственно,—показалъ онъ мнѣ свой нарочито-толстый посошокъ, и сказалъ только: «а это что?» Сіе увеличило еще болѣе мое о семьѣ старикѣ хорошее мнѣніе». (IV, 963—964).

Поводомъ къ семейнымъ раздѣламъ служили, какъ и нынѣ, ссоры между женщинами: «склонность къ зависти, злословію, брабчivosti и враждамъ замѣтна болѣе въ женскомъ полѣ», говоритъ Левшинъ, «отчего нерѣдко разстраиваются лучшія семейства и подаются случаи къ разорительнымъ раздѣламъ братьевъ». Но, разумѣется, были и болѣе серьезныя причины семейныхъ раздѣловъ: или хозяинъ и хозяйка слишкомъ натягивали бразды правленія и

Калужская	3, 9.	3, 2.
Тверская	3.	2, 9.
Ярославская	2, 8.	2, 7.
Нижегородская	3.	2, 7.

Въ востромской губерніи число душъ на одинъ дворъ осталось то же (2, 6) и только въ воронежской губерніи оно увеличилось: въ прошломъ столѣтіи 3, 3 д., въ нынѣшнемъ 3, 5 д. и н. на дворъ.

желали видѣть въ остальныхъ членахъ семьи безответныхъ исполнителей своихъ приказаній; или ссорили отцовъ и дѣтей попользованія стариковъ вступить въ пятимыя отношенія со своими снохами (невѣстками). Наконецъ, весьма серьезною причиною семейныхъ раздѣловъ была и рекрутская повинность, вызывавшая въ членахъ многочисленной семьи опасеніе легче попасть въ рекруты.

Отношенія между родителями и дѣтьми были еще все таки довольно патриархальныя. «Въ крестьянствѣ здѣшнемъ», говоритъ Левшинъ въ описаніи тульской губерніи, «родители очень чадолюбивы, а дѣти послушны и почтительны. Не видно еще примѣровъ, чтобы дѣти оставляли въ пренебреженіи отца или мать устарѣвшихъ. Къ сему находится основаніе въ самомъ родѣ ихъ жизни: отецъ и мать видятъ въ дѣтяхъ своихъ будущихъ работниковъ семейства и слѣдственно подпоры своего благосостоянія; дѣти же по образу жизни своей видятъ пользу имѣть въ домѣ своемъ стариковъ, кои сберегаютъ ихъ труды и порядокъ во время ихъ отлучки на работы» (въ отхожіе промыслы).

Мы увидимъ впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ промышленныхъ губерніяхъ, напр. ярославской, авторитетъ стариковъ уже значительно упалъ. Мужья держали женъ въ должномъ повиновеніи. «Поступки мужей съ женами», говоритъ Георгіи, «вообще нѣсколько жестокаты (т. е. жестки, грубы), женщины весьма много работаютъ, привораживаются къ мужьямъ своимъ, часто и развращеннаго нраву, во всемъ стараются угождать имъ, и никогда почти явно жалобъ и ропоту противъ мучительствъ мужей своихъ не имѣютъ». Однако, нравы постепенно смягчались, и уже въ самомъ началѣ XIX вѣка Левшинъ писалъ, что хотя «жены вообще мужьямъ послушны, но непримѣтно особливаго надъ ними господствованія отъ супруговъ. Если жена трудолюбива и добрая хозяйка, — въ особливомъ состоитъ у мужа почтеніи».

Въ основѣ крестьянскаго брака сплошь и рядомъ лежала не столько привязанность, сколько экономическій расчетъ; о брѣвпостныхъ крестьянахъ, по крайней мѣрѣ въ вотчиннахъ, состоявшихъ на барщинѣ, и говоритъ нечего: тутъ очень часто все зависѣло отъ хозяйственныхъ расчетовъ господина; но и свободные крестьяне вообще смотрѣли на бракъ весьма прозаически, хотя конечно не могло не быть браковъ по любви. «Крестьянинъ женится не по страсти», говоритъ Левшинъ, «но по необходимости, ибо безъ

жены прожить ему невозможно: она хозяйка дому, она его поварь, ткач и портной, одѣвающій все семейство, портомоя и вѣрный сотрудникъ, раздѣляющій всѣ его заботы. Утрата жены рѣдко влечетъ за собою печаль сердечную; обыкновенно крестьянинъ скорбитъ объ разстройствѣ хозяйства, о потерѣ весьма нужнаго работника, а потому, только что «успѣлъ предать землѣ тѣло женно, старается опять жениться».

Не могло быть особенно нѣжной любви между супругами и потому, что очень часто малолѣтнихъ ребятъ женили на взрослыхъ дѣвушкахъ. Объ этомъ обычаѣ съ негодованіемъ говорилъ еще Ломоносовъ въ извѣстномъ письмѣ къ Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа (1761 г.): «въ обычай вошло во многихъ россійскихъ предѣлахъ, а особливо по деревнямъ, что малыхъ ребятъ, къ супружеской должности неспособныхъ, женить на дѣвкахъ взрослыхъ, и часто жена могла бы по лѣтамъ быть матерью своего мужа. Сему съ натурою спорному поведенію слѣдуютъ худшія обстоятельства: слезныя приключенія и рода человѣческаго приращенію вредныя душегубства»... (см. Русск. Стар. 1873 г., VIII т., стр. 566—567). Обычай этотъ упорно держался. Объ немъ упоминаетъ Рычковъ въ своемъ «наказѣ для прикащика» (1770 г.); примѣры его наблюдалъ и Георгіи во время своего путешествія въ нынѣшней Пермской губерніи: онъ видѣлъ тамъ двухъ мальчиковъ, 11 и 12 лѣтъ, изъ которыхъ одинъ женился только что, а другой годъ тому назадъ; женѣ перваго было 21 годъ, а втораго 18 лѣтъ. Такіе браки устроивались родителями для того, чтобы поскорѣе приобрести лишнія рабочія руки. Слѣдствіемъ этого обыкновенія было такъ называемое снохачество, на которое обратили вниманіе даже иностранцы, путешествовавшіе по Россіи: на столько оно было распространено. «Въ русскихъ деревняхъ мнѣ самому случалось видѣть не мало примѣровъ крайней дикости нравовъ», говоритъ англичанинъ Коуль, путешествовавшій по Россіи въ 1778 г. «Такъ напр. во многихъ семьяхъ отецъ женить своего восьми или девятилѣтняго сына на дѣвушкѣ гораздо старше его, съ цѣлю, какъ они говорятъ, имѣть въ домѣ лишнюю работницу; между тѣмъ самъ сожителствуетъ со своей снохой и нерѣдко имѣетъ отъ нея дѣтей». Такимъ образомъ, въ иныхъ домахъ оказывался двѣ хозяйки: одна — законная жена хозяина, которая по годамъ могла быть его матерью.

и другая, выдаваемая за жену сына, но въ сущности сожительница отца. «Жоксъ и самъ наблюдалъ подобныя факты, и слышалъ объ нихъ отъ лицъ, занимавшихъ различное общественное положеніе; онъ добавляетъ впрочемъ, очевидно со словъ русскихъ, желавшихъ нѣсколько скрасить неприглядное явленіе нашей жизни, что подобныя случаи далеко не такъ часты, какъ были прежде. Другой путешественникъ, Савва Текелн, бывшій въ Россіи въ 1787—88 г., рассказываетъ слѣдующее. Перемѣнивъ въ Курскѣ лошадей, онъ получилъ въ извозники парнишку лѣтъ 12-ти. За городомъ они догнали телѣгу, въ которой сидѣла молодая женщина лѣтъ 19, а лошадьми правилъ 10 или 11 лѣтній мальчикъ. Савва шутя сказалъ своему проводнику: отнимемъ молодуху у парнишки; но проводникъ возразилъ: да вѣдь это его жена. Когда Савва удивился этому, извозникъ не только подтвердилъ сказанное, но еще прибавилъ: развѣ вы не видали мою жену, что принесла въ котомкѣ хлѣба? Савва припомнилъ, что та была женщина лѣтъ подъ 40 и не повѣрилъ было рассказамъ извозника; но тотъ такъ просто передалъ ему объ отношеніяхъ своего отца къ снохѣ, о двухъ дѣтяхъ, записанныхъ на его имя, о томъ, что и онъ дождется своей очереди, когда женить своего парнишку, что Савва пришелъ въ ужасъ¹⁾. Радищевъ также свидѣтельствуемъ о существованіи въ его время такихъ неровныхъ браковъ, а Болтинъ прямо говоритъ: почти во всей Россіи существуетъ обыкновеніе, что жена нѣсколькими годами старѣе мужа.

Правительство не могло не обратить вниманіе на такое распространенное зло. Изъ одного указа мы узнаемъ, что въ бѣлгородской и воронежской епархіяхъ однодворцы женили 8—12 лѣтнихъ дѣтей на дѣвушкахъ 20 лѣтъ и болѣе, съ которыми свекри и впадали въ кровосмѣшеніе, за что нѣсколько человекъ было приговорено къ смерти (безъ сомнѣнія, приговоръ не былъ исполненъ). Ранніе браки оканчивались иногда и не однимъ снохачествомъ: въ костромской губерніи одна женщина удавила своего

¹⁾ Возвратившись въ Венгрію, Савва узналъ, что у тамошнихъ русскихъ существовалъ обратный обычай: тамъ выдавали замужъ дѣвочекъ лѣтъ 7 или 8 и принимали къ нимъ въ домъ взрослыхъ парней, права надъ которыми принадлежали тещамъ.

12-лѣтняго мужа. Вслѣдствіе этого синодъ въ 1774 г. напомнилъ архіереямъ, что, по правиламъ Кормчей, не дозволялось вступать въ бракъ мужчинамъ ранѣе 15, дѣвушкамъ ранѣе 13 лѣтъ и запретилъ вѣнчать «малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками», подѣ страхомъ лишенія сана священника и расторгенія самаго брака¹⁾; а такъ какъ оказалось, что священниковъ принуждали вѣнчать такіе браки помѣщики и ихъ прикащики, то синодъ потребовалъ у сената, чтобы онъ приказалъ свѣтскимъ властямъ преслѣдовать виновныхъ въ этомъ. Синодскимъ указомъ 1779 г. велѣно немедленно расторгать браки между людьми малолѣтними; черезъ два года пришлось подтвердить указъ 1774 г. Все это однако не дѣйствовало, и снохачество продолжало существовать. Въ началѣ XIX вѣка Левшинъ говоритъ по этому поводу: «Къ приобрѣтенію въ семейство работника отцы стараются сыновей своихъ женить еще несовершеннолѣтнихъ; молодыя жены» (такихъ мальчиковъ) «не строго наблюдаютъ седьмую заповѣдь и нерѣдко можно увидѣть у отца 25-ти лѣтняго — сына лѣтъ 15; но это, какъ уже сказано выше, не вмѣняется ни въ безчестіе, ни въ порокъ супруговъ».

Молодыя женщины очень часто не по собственному желанію вступали въ близкія сношенія со свекромъ, а лишь уступая нравственному, а иногда и физическому насилию. Изрѣдка несчастныя женщины рѣшались даже жаловаться, но правительственные суды постановляли иной разъ такіе нелѣпые приговоры въ подобныхъ дѣлахъ, что должны были отбивать охоту у другихъ искать защиты закона. Вотъ одно изъ подобныхъ дѣлъ. Въ тверской губерніи сноха крестьянина Ядрова, Соломонида, подала жалобу директору экономіи на то, что свекоръ дважды изнасиловалъ ее. На допросѣ въ нижней расправѣ, куда было передано дѣло, крестьянинъ Ядровъ показалъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ сношенія со своей снохой, но только съ ея согласія. Соломонида же сослалась на то, что она уже заявляла объ изнасилованіи священнику, дьячку и одной крестьянкѣ, которые дѣйствительно это подтвердили. Дѣло было прислано въ тверскую консисторію, и та, на основаніи Номоканона, приговорила крестьянина Ядрова къ

¹⁾ Въ пунктахъ къ наказу, данному своему депутату въ комиссію узаконенія, синодъ предлагалъ не вѣнчать жениха моложе 17, а невесту 15 лѣтъ.

двухлѣтней церковной эпитиміи. Но такъ какъ въ 1772 г., именнымъ указомъ на довлѣдъ синода, императрица приказала дѣла о блудномъ насиліи и о кровосмѣшеніи разсматривать въ свѣтскихъ судахъ и только «о важности грѣха съ согласіемъ синода», то синодъ, принимая во вниманіе, что дѣло о крестьянинѣ Ядровѣ не было рѣшено въ нижней расправѣ, приказалъ отослать его туда обратно. Въ концѣ 1779 г. палата тверскаго уголовного суда рѣшила крестьянина Ядрова высѣчь нещадно плетьюми, а сноху его Соломониду, «не уважая, что она показывала, яко бы свекромъ своимъ была наслована, точю о первомъ паденіи мужу и свекрови не объявила и симъ обличилась къ грѣхопадению въ согласіи» — наказать батогами. Сверхъ того, духовная власть приговорила подвергнуть Ядрова двухлѣтнему духовному покаянію въ монастырѣ, зачтя тринадцатимѣсячное содержаніе въ тюрьмѣ; на сноху же наложить эпитимію за то, что она не заявила мужу о случившемся. Такимъ образомъ, несчастная изнасилованная женщина была еще, по рѣшенію свѣтскаго суда, наказана батогами.

Если крестьянинъ одного помѣщика хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, принадлежавшей другому господину, ему приходилось платить, такъ называемыя, выводныя деньги; тоже было и при женитьбѣ экономическаго крестьянина на дѣвушкѣ изъ дворцовой вотчины или обратно. Манифестомъ 1775 г. были отмѣнены сборы за дозволеніе вступать въ бракъ; но такъ какъ выводныя деньги не были тутъ точно названы, то мѣстами этотъ сборъ продолжалъ существовать; такъ напр., въ тверской и смоленской губерніяхъ за дѣвушекъ экономическаго вѣдомства, выдаваемыхъ въ замужество въ помѣщичьи имѣнья, продолжали брать по 10 р. а въ дворцовыхъ вотчинахъ по 5 р. Узнавъ объ этомъ, сенатъ, по волѣ государыни, напомнилъ, чтобы, на основаніи манифеста 1775 г., браки совершались безъ всякихъ сборовъ. Распоряженія эти не нарушили однако права помѣщиковъ: они попрежнему брали выводныя деньги, и не только назначали такой поборъ за дѣвушекъ, выходившихъ въ замужество въ другія вотчины, но нѣкоторые требовали платы и со своихъ крестьянъ, вступающихъ въ бракъ; дворцовое же вѣдомство, повидимому, придерживалось системы обмѣна до тѣхъ поръ, пока въ 1817 г. было категорич-

ески предписано выпускать дѣвушекъ изъ казенныхъ селеній и помѣщичьихъ людей безъ взыскапія выводныхъ денегъ.

Мѣстами и сами крестьяне, даже не крѣпостные, при бракахъ между собою, требовали вывода за своихъ дочерей; такъ напр. въ одной конюшенной волости отцы взыскивали съ жениха за свою дочь отъ 15 до 150 р.

Иногда крестьянинъ не выдавалъ дочери замужъ въ другой домъ, а напротивъ, принималъ зятя къ себѣ; это, вѣроятно, бывало тогда, если родители невѣсты имѣли значительныя средства. По словамъ Радичева, въ этомъ случаѣ родители мужа, терявшіе въ него лицѣ рабочую силу, требовали за него выкупа. Бывало также, что вдовы, выходя замужъ вторично, принимали въ свой домъ мужа.

Любопытно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ священники своею властію расторгали браки, если мужъ съ женой жили несогласно. Такъ, въ архивѣ одной слободы челябинскаго уѣзда сохранился указъ тобольской дикастеріи, чтобы священники отнюдь сами по себѣ, по желанію супруговъ, не расторгали браковъ, выдавая имъ отъ себя, за своею подписью, разводные листы.

V.

Характеръ крестьянъ.

Въ «экономическихъ отвѣтахъ», присланныхъ провінціальными прокурорами и нѣкоторыми помѣщиками въ Вольное Экономическое Общество, а также въ обширной коллекціи описаній губерній, составленныхъ во второй половинѣ XVIII и первыхъ годахъ XIX столѣтій, мы находимъ небольшія характеристики крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе или менѣе вѣрно подмѣчени различныя черты народнаго характера, другія же можно привести лишь ради курьеза: въ прошломъ столѣтій у насъ были еще не мастера дѣлать характеристики. Такъ напр., въ шуйскомъ уѣздѣ, по мнѣнію тамошняго прокурора, крестьяне «хотя трудолюбивы и прилежность имѣютъ, но и праздность не покидаютъ»; любовь къ праздности выражалась въ томъ, что они нерѣдко ѣздили по

базарамъ и теряли бесплодно этотъ день. Отзывъ «экономическихъ отвѣтовъ» о населеніи юрвево-польскаго уѣзда выраженъ не менѣе курьезно: «жители здѣшніе», говорилъ мѣстный прокуроръ, «какъ воспитаны въ грубіанствѣ, такъ и нравы оныхъ съ тѣмъ сходственны»; жители бирючнскаго уѣзда, воронежской губерніи: «о нравственности всѣ вообще очень мало свѣдуши; о честолюбіи хотя и имѣютъ нѣкое понятіе, но самое слабое». Слишкомъ мрачныя характеристики, сдѣланныя нѣкоторыми помѣщиками, находятъ противовѣсъ въ отзывахъ другихъ лицъ о той же мѣстности. Такъ напр., по словамъ В. Приклонскаго, жители кашинскаго уѣзда, тверской губерніи, «по большей части лукавы, упрямы, въ старинныхъ обычаяхъ закоренѣлы, неблагодарны, не предпримчивы, о будущемъ своемъ состояніи безпечны, къ поправленію дурныхъ своихъ обстоятельствъ не старательны, какъ въ хорошемъ состояніи о подкрѣпленіи онаго, а въ дурномъ о поправленіи не заботящіяся; не глупы, но разумъ ихъ затменъ премножествомъ суевѣрій и закоренѣлыхъ вракъ; трудолюбивы, но въ избираниі трудовъ неразумительны, между собою живутъ въ несогласіи и очень часто дѣятельны; мстительны, ни къ чему такъ не жадны, какъ ко множеству земли, которую получа, бросаютъ по-пусту и ее не удабриваютъ, но хотятъ, чтобы земля сама безъ всего имъ плодъ приносила; впрочемъ, веселы, съ посторонними обходительны, не трусы; ласка и собственная ихъ воля не столько къ послушанію приводятъ, какъ гроза и страхъ». Напротивъ, авторъ превосходнаго описанія тверской губерніи, составленнаго въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, говорить, что кашинскіе крестьяне «не глупы, трудолюбивы, веселы, съ посторонними обходительны, смѣлы, перемчивы, проворны, къ пьянству не всѣ склонны». И такъ, въ отзывахъ современниковъ мы должны, разумѣется, относиться критически, но, тѣмъ не менѣе, они представляютъ не мало справедливыхъ замѣчаній о характерѣ крестьянъ, и потому мы нѣсколько остановимся на нихъ.

Жители холмогорскаго уѣзда архангельской губерніи, по словамъ Пошмана, «остроумны, ласковы, склонны къ бесѣдамъ, между тѣмъ нѣсколько пронырливы»; въ ипнежскомъ уѣздѣ, по мнѣнію Молчанова, «нѣсколько корыстолюбивы, грубы и необходительны». Относительно же крестьянъ олонецкой губерніи, авторъ современнаго (неизданнаго) описанія ея, упомянувъ о томъ,

то тамошніе крестьяне ходять на промыслы въ разныя города Россіи и даже за границу, продолжаетъ далѣе: «Такое, почти непрерывное съ сосѣдами и съ иностранными мѣстами, сообщеніе доставило имъ много свѣдѣній къ изощренію разума служащихъ, но повредило, какъ кажется, нравы: склонность къ обидѣ, клеветѣ, обманамъ и вѣроломству суть предосудительныя свойства обитателей сей страны. Впрочемъ, они натурально не глупы, трудолюбивы, смѣлы и склонны болѣе къ промысламъ, нежели къ земледѣльству». Профессоръ Лаксманъ нашель, что «олончане упрямы и сварливы»; Крестьяне тверской губерніи, по словамъ составителя ея описанія, «вообще трудолюбивы, перемчивы и съ посторонними обходительны. Живущіе близъ городовъ и по Волгѣ празднотлюбивѣе отдаленныхъ и, находяся чаще въ городахъ, приобжили болѣе къ излишеству». Въ тверской губерніи также чувствовалось вліяніе отхожихъ промысловъ на характеръ народа; авторъ того же описанія говоритъ, что отхожіи промыслы сапожниковъ доставляетъ значительную выгоду, но такъ какъ эти ремесленники должны отлучаться въ Москву на долгое время, то они отвыкають отъ земледѣлія и «приобжидаютъ къ излишествамъ и развѣсѣ, вводящему ихъ въ разныя преступленія».

Какъ образецъ діатрибъ противъ нравственной испорченности, причиняемой отхожими промыслами, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ неизданнаго «Статистическаго описанія ярославской губерніи», составленнаго въ началѣ нынѣшняго вѣка. «Крестьянинъ, живущій въ Петербургѣ, дѣлается нѣсколько роскошнымъ, прихотливымъ, извѣженнымъ и избалованнымъ. Привыкнуши къ праздности, сельская работа кажется ему и тягостною, и слишкомъ черною, а потому-то между 20 молодыхъ людей едва-ли найдется 10, орающихъ и пахующихъ. Пришедши въ деревню на сѣнокосъ, какъ на работу пріятнѣйшую и легкую, осенью спѣшить опять въ городъ. Городъ научаешь его свободно мыслить и слишкомъ легко судить о вещахъ; вотъ какъ онъ философствуетъ: жить гдѣ нибудь—все равно, лишь бы было хорошо; бракъ есть дѣло условное: измѣнить женѣ считаетъ онъ грѣхомъ, но грѣхомъ извинительнымъ челоуѣку, живущему въ отдаленности; по одному только названію и лѣтамъ считаетъ онъ должнымъ уважать родителей, а, впрочемъ, не за что: сперва они его кормили, а теперь онъ ихъ питаетъ. Можетъ быть, сказалъ бы онъ что нибудь и на счетъ религіи, если бы имѣлъ

довольно мозгу разсуждать о ней. Городъ погубляетъ въ немъ лучшія добрыя свойства человѣческія; свойственная ему сельская простота и откровенность замѣняется хитростію и коварствомъ. Тонкаго сукна сивій кафтанъ, званіе петербуржца и полная книжка денегъ, если молодой крестьянинъ умѣлъ жить хорошо, дѣлаютъ его почтительнымъ (т. е. заслуживающимъ уваженія) въ глазахъ стариковъ и самихъ родителей, которые не смѣютъ ему тогда слово сказать; онъ клянется тѣмъ, не хочетъ уважать власти, надъ нимъ поставленной, бываетъ даже невѣжливъ къ высшимъ себѣ, словомъ, дѣлается негодяемъ, какихъ видѣть можно очень много; иной же поселянинъ, живучи въ городѣ, предается всѣмъ распутствамъ, пьянству и дурному поведенію и возвращается домой безъ денегъ и безъ добраго имени». Несмотря на все стараніе автора, образъ питерщика вовсе не выходитъ особенно мрачнымъ: онъ выросъ уже изъ традиціоннаго подчиненія родительской плеткѣ, знаетъ цѣну себѣ, въ немъ развились потребности выше тѣхъ, которыми, къ несчастію, удовлетворялось большинство крестьянъ; онъ начинаетъ уже критически относиться къ явленіямъ общественнымъ—и слава Богу! Правда, эти новыя черты характера сопровождаются иногда распутствомъ, нравственною испорченностію, но и цитруемый нами авторъ признаетъ, что многіе парни умѣютъ жить въ столицѣ хорошо и сберегаютъ заработанныя деньги; если же иногда долгая разлука и заставляетъ нарушать долгъ вѣрности по отношенію къ оставленной дома женѣ, то, во-первыхъ, такія явленія не могли быть постояннымъ слѣдствіемъ отхожихъ промысловъ, благодаря сознанію грѣха внѣбрачныхъ отношеній. На что указываетъ и нашъ авторъ, а во-вторыхъ, если они и повторялись нерѣдко, то повинно, конечно, въ томъ прежде всего ненормальное устройство общества, которое, для зарабатыванія податей и средствъ къ жизни, заставляетъ бросить семью и отправляться за тысячу верстъ на чужбину.

Въ характеристикѣ всѣхъ крестьянъ ярославской губерніи тотъ же авторъ, такъ недолюбливающій питерщиковъ, оказался не столь суровымъ судьей. «Поселяне и до сего времени» пишетъ онъ, «имѣютъ еще вѣру и уваженіе къ честному слову: всѣ расчеты ихъ, даже и денежныя, дѣлаются безъ росписокъ и свидѣтелей; клятва, произнесенная предъ образомъ, единственнымъ посредникомъ ихъ, имѣетъ всю силу и важность для самаго

даже живаго человѣка; на ней основываютъ они безопасность свою въ самыхъ важныхъ для нихъ случаяхъ, какъ-то въ происшествіяхъ, которыя, кромѣ присяги, ничѣмъ рѣшить нельзя: отдачи въ долгъ денегъ, покупки или продажи чего нибудь значительнаго. Невозможно, чтобы во множествѣ не нашлось людей съ дурными свойствами, готовыхъ каждую минуту нарушить обѣтъ свой, но они болѣею частію извѣстны въ околосѣ. Есть и такіе крестьяне, которые могутъ служить примѣромъ строгой честности; обманъ почитаютъ они грѣхомъ, вопіющимъ на небо. Можно сказать вообще, что тамъ, гдѣ поселяне еще въ невѣжествѣ, они лучше, добрѣе, честнѣе и справедливѣе; религія имѣетъ надъ ними всю власть и силу свою».

Относительно крестьянъ к о с т р о м с к о й губерніи есть отзывы въ неожиданныхъ описаніяхъ нѣсколькихъ ея уѣздовъ. Авторъ описанія нерехотскаго уѣзда, указавъ на трудолюбіе крестьянъ, затѣмъ продолжаетъ: «нравственность здѣшнихъ сельскихъ жителей есть извѣстная русскаго народа простота въ нравахъ и обхожденіи, и вездѣ есть общая, съ нѣкоторою однако же коварностью; народъ здѣсь довольно разуменъ и остръ, однако же при своихъ обычаяхъ почти непремѣненъ, чѣмъ много придаетъ себѣ грубости и даже въ разсужденіи сего послѣдняго не знающему ихъ можетъ показаться несноснымъ, однако-жъ ласковы и сострадательны къ ближнимъ». Въ солигаличскомъ уѣздѣ народъ вообще властямъ послушный, терпѣливый, добросердечный, гостепріимный, болѣе склонный къ добру, нежели ко злу. «Но при семъ признаться надобно», говоритъ авторъ описанія этой мѣстности, «что жители здѣшніе весьма склонны къ роскоши, которая время отъ времени умножается отъ частаго сообщенія съ столицами... Многие крестьяне изъ зажиточныхъ почитаютъ уже необходимою запасаться сахаромъ, чаемъ, кофеемъ, иностранными винами».

Въ елецкой провинціи, по словамъ «экономическихъ отвѣтовъ», «жители, кои издревле селенія свои имѣютъ и по болѣшей части однодворцы, обычай и обрядъ составляютъ весьма грубый, а въ трудолюбіе и прилежность весьма мало входятъ, а по болѣшей части изъ нихъ лѣнны и нерадивы; что же слѣдуетъ до вновь переселившихся изъ разныхъ городовъ помѣщичьихъ крестьянъ, то они, подъ присмотромъ своихъ помѣщиковъ, гораздо прилежны въ работѣ и трудолюбивы».

А. Т. Болотовъ далъ о крестьянахъ каширскаго уѣзда (тульской губерніи) слишкомъ желчный отзывъ, въ которомъ такъ и сквозить помѣщикъ, раздраженный столкновениями со своими крѣпостными. «Здѣшніе жители», говоритъ онъ, «по большей части имѣютъ нѣсколько грубый нравъ, а особливо въ большихъ волостяхъ и на волѣ живущихъ деревняхъ, притомъ также они упрямы, своенравны, завидливы и мстительны; живутъ между собою болѣе въ несогласіи, нежели въ согласіи, и другъ друга нерѣдко повредить стараются; притомъ народъ такой, изъ котораго все не столько ласкою, сколько принужденіемъ сдѣлать можно. Къ послушанію они склонны и притомъ любятъ грозу; при малой же волѣ поднимаютъ голову и ни на кого не смотрятъ. При всемъ томъ болѣе къ трудолюбію, нежели къ лѣности и празднолюбію склонны; однако есть много и такихъ, которые болѣе лѣнивы и любятъ больше ходить и ѣздить по сторонамъ, гдѣ они натурально лучшее довольствіе имѣютъ, нежели въ домахъ своихъ». Односторонность этого отзыва понятна сама собою; но еще болѣе она ясна изъ безпристрастнаго отзыва о крестьянахъ всей тульской губерніи другаго извѣстнаго агронома того времени, В. Левшина, въ его неизданномъ описаніи этой мѣстности.

Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что между жителями сѣверныхъ и южныхъ уѣздовъ тульской губерніи замѣтна нѣкоторая разница. «Первые, бывъ, такъ сказать, подмосковными и старинными сихъ русскіихъ мѣстъ обитателями, нѣсколько просвѣщеннѣе, расторопнѣе и замысловатѣе жителей округъ южныхъ или степныхъ»; впрочемъ, и среди послѣднихъ различались между собою крестьяне помѣщичьи, казенные и однодворцы. Жители сѣверныхъ уѣздовъ, вслѣдствіе дурнаго качества земли, по необходимости должны были заниматься различными отхожими промыслами; естественно, что вслѣдствіе этого они были гораздо развитѣе. У жителей южныхъ уѣздовъ, напротивъ того, единственнымъ промысломъ было земледѣіе, и «во всю зиму, по словамъ Левшина, они только ѣдятъ, пьютъ и валяются на печакѣ. Лѣность нѣкоторыхъ крестьянъ простирается до того, что ныне, въ отягощеніе себѣ, вмѣняють сойдти съ печи для показанія хлѣба пріѣзжающимъ къ нимъ оный покупать, заставляютъ самихъ купцовъ осматривать свои скирды, молотить и договариваются въ цѣнѣ, не сходявъ съ печи, поелку степные жители на мѣстѣ выручаютъ денегъ больше,

нежели сколько требуют ихъ нужды». Впрочемъ, къ концу XVIII вѣка и жители южныхъ уѣздовъ сдѣлались дѣятельнѣе и стали отвозить свои земледѣльческіе продукты въ Тулу и даже Москву.

Левшинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ характеръ тульскихъ крестьянъ: «Они, какъ и всѣ россияне, набожны, слѣпо повинуются начальству, отважны, впрочемъ, храбры до дерзости, честолюбивы, однако ласковы въ обхожденіи, склонны къ веселостямъ, пьянству и въ особенности страннопріимцы. Можно однако замѣтить, сколько просвѣщеніе дѣйствуетъ на чистоту прежнихъ нравовъ и что съ приобрѣтеніемъ познаній рождаются новыя страсти, а паче любостыжаніе и ячество» (т. е. эгоизмъ). «Между тѣмъ, какъ въ отдаленныхъ отъ городовъ и большихъ дорогъ деревняхъ каждому проѣзжему и странствующему, просящему ночлега, хозяинъ усердно отворяетъ ворота дому своего, раздѣляетъ съ нимъ свою трапезу, старается успокоить, помочествовать и снабдить тѣмъ токмо въ сплахъ, просвѣтившіеся подгородніе и при большихъ дорогахъ обыватели безъ заплати не дадутъ ночлега и куска хлѣба; вмѣсто пособія стараются притѣснить и взять за вещь вчетверо, когда только видятъ, что въ ней проѣзжающему необходимая нужда. Подобнымъ образомъ и цѣломудріе женщинъ деревенскихъ съ каждымъ шагомъ къ просвѣщенію жестоко тратитъ свою чистоту. Хотя здѣшніе крестьяне вообще ненаклонны къ страсти ревности, даже по нѣскольکو-лѣтней отлучкѣ, возвращаясь, когда встрѣчаютъ ихъ жена съ младенцемъ на рукахъ, не токмо не дѣлаетъ ей ни малаго упрека, но воспитываетъ младенца, безъ различія, съ настоящими своими дѣтьми; однако-жъ меньше просвѣтившіеся — прелестными жены, невѣстокъ или дочерей своихъ торговать не согласятся, какъ видно въ селеніяхъ, больше участвующихъ въ просвѣщеніи... Ничѣмъ такъ крестьянина раздражить не можно, какъ назвавъ глупцомъ, а всего больше бездѣльникомъ: каждый горячо за это вступается, даже и заслуживающій такое званіе. Однако въ похвалу ихъ должно сказать, что болѣею частію данное слово и обѣщаніе свое сохраняютъ свято и не соблюдающихъ того презираютъ... Черный народъ негруженъ еще въ великомъ невѣжествѣ, хотя, впрочемъ, одаренъ врожденными способностями... По характеру національному поселене здѣшніе болѣе добронравны, нежели злы, болѣе дружелюбны и ласковы, нежели грубы и суровы, впрочемъ, не освобод-

дней отъ всѣхъ свойственныхъ человѣчеству пороковъ, а потому между ними много добрыхъ людей, много и бездѣльниковъ, склонныхъ къ распрямъ, дракамъ, враждамъ и мщенію... Въ особенности склонность къ зависти, злословію, бранчивости и враждамъ замѣтна больше въ женскомъ полѣ... Хотя и видны примѣры, что крестьяне здѣшніе далеко уклоняются иногда отъ челоуѣколюбія, множественнѣе однако примѣровъ безпристрастнаго состраданія и великодушія: крестьянинъ безъ размышленія пренебрегаетъ жизнь свою на спасеніе жизни ближняго, бросается въ огонь и въ воду, не раздражается злословіемъ и даже ударами пьянаго, но старается отойти или помогаетъ ему дойти до своего дому. Никогда не отказывается, если имѣетъ что дать просящему милостыню и съ веселымъ лицомъ идетъ для пособія призывающему его въ помощь».

Въ заключеніе приведемъ характеристику крестьянъ еще одной губерніи черноземной полосы. «Свойства и нравы обитателей саратовской губерніи», читаемъ въ неизданномъ описаніи этой мѣстности, «даже между великороссіянами по Волгѣ и въ отдаленіи отъ нея живущими—различны. По Волгѣ живущіе вообще не столь трудолюбивы и прилежны къ хлѣбопашеству, склонны болѣе къ разнымъ промышленностямъ; удобность пропитанія по Волгѣ подаетъ имъ поводъ къ лѣности... Женщины напаче очень праздны внутри губерніи, по здѣшнему—въ Руси живущія. Особенно въ западной сторонѣ губерніи народъ не такъ склоненъ къ торговлѣ, сколько трудолюбивъ въ земледѣльствѣ, но подходитъ чистотой и опрятностію къ первымъ. Въ житіи скромнѣе, скупѣе, интереснѣе къ деньгамъ».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе постоянныхъ притѣсненій со стороны разныхъ чиновниковъ, крестьяне были очень запуганы. Вотъ напр. какой фактъ отмѣтилъ Озерецковскій во время своего путешествія, въ 1772 г., по берегамъ Бѣлаго моря: «При устьѣ большой Инцы жилъ одинъ только крестьянинъ, который, испугавшись ночнаго моего приѣзда, въ кѣтн своей, за одною только отъ меня перегородкою, въ слухъ совѣтуется съ женою своею, чѣмъ меня подарить. По окончаніи совѣта, который весь я слышалъ, приносятъ онъ мнѣ рублевикъ съ боязнію, со страхомъ, чтобы я малымъ его подаркомъ не отгорчился. На вопросъ мой, за что даетъ онъ мнѣ рубль, отвѣчалъ онъ, чтобы а

его не обидѣлъ. Поди съ твоимъ рублемъ, сказалъ я, мнѣ обидѣть тебя не за что. Когда мужикъ вышелъ отъ меня въ сѣнцы къ женѣ своей и отдалъ ей рубль, то она сказала: другому офицеру пригодится. Тоже замѣчали иной разъ путешественники и въ совершенно другихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, Палласъ рассказываетъ о жителяхъ одной слободы въ округѣ сысертскаго уѣзда, на Уралѣ: «Лишь только завидѣли нашу коляску, какъ всѣ разбѣжались; причиною этого былъ наказаніе, которымъ недавно подверглись жители этой деревни» (вѣроятно, за участіе въ какомъ либо волненіи). «Я нашелъ лишь нѣсколько больныхъ и долженъ былъ ждать болѣе трехъ часовъ, прежде чѣмъ бѣжавшіе успокоились отъ своего неосновательнаго страха и собрались со свѣжими лошадьми».

Весьма дурное вліяніе на нравственность крестьянъ оказывало учрежденіе фабрикъ и заводовъ. Вотъ какое впечатлѣніе производили фабричныя ярославской губерніи: «О рабочихъ людяхъ при мануфактурѣ», говоритъ авторъ описанія этого края, «нельзя ничего сказать съ выгодной стороны; большая часть изъ нихъ самаго дурнаго и развратнаго поведенія; совершенная свобода и недостатокъ въ прсмотрѣ дѣлаютъ ихъ дерзкими и распутными. Очень перѣдко случаются драки, грабежи, покражи, и всегда почти фабричныя замѣшаны тутъ. Во время пожаровъ они первые спѣшатъ подать помощь и первые обокрадутъ». Особенно же дурно дѣйствовало на нравственное состояніе, а въ мѣстахъ нехлѣбородныхъ и на экономическое положеніе народа устройство винокуренныхъ заводовъ. Въ томъ же описаніи ярославской губерніи мы читаемъ: «Вообще можно сказать: гдѣ находятся винокурения, тамъ крестьяне въ самомъ бѣдномъ положеніи; терпятъ даже и вокругъ лежащія деревни. Поселяне, будучи охотники до горячихъ напитковъ, дѣлаютъ дружбу съ людьми на заводахъ и послѣдніе угащиваютъ ихъ по пріязни не виномъ, но ракомъ и брагою. Нравственность портится и праздность заступаетъ мѣсто трудолюбія. Крестьянинъ иногда бросаетъ косулю и соху свою подъ какимъ нибудь предлогомъ и бѣжитъ на заводъ». На нѣкоторыхъ уральскихъ горныхъ заводахъ пьянство было такъ развито, что мужчины и женщины пили водку, какъ чай, изъ чайниковъ и чашекъ.

Нравственность женщинъ всего сильнѣе портилась тамъ, гдѣ

стояли войска или гдѣ пролежала большая почтовая дорога, гдѣ было много проѣзжихъ. На дорогѣ между Петербургомъ и Москвой громкую извѣстность развратностью своихъ дѣвухекъ приобрѣлъ городъ Валдай (это свидѣлствуютъ и академикъ Гильденштедтъ, и Радищевъ). Напротивъ того, въ другихъ мѣстахъ господствовали весьма строгіе нравы: «рѣдко можно слышать о крестьянской дѣвкѣ распутнаго поведенія», говоритъ Левшинъ въ своемъ описаніи тульской губерніи.

Если подвести итогъ всѣмъ приведеннымъ отзывамъ и фактамъ относительно характера и нравственности крестьянъ, то хорошія ихъ качества несомнѣнно перевѣсятъ дурныя. Выдающимися ихъ недостатками была любовь къ спиртнымъ напиткамъ, объясняющаяся впрочемъ суровымъ, холоднымъ климатомъ, и не малая грубость нравовъ, всего болѣе зависѣвшая отъ полного недостатка самаго элементарнаго образованія. Отвратительною чертою семейныхъ нравовъ было снохачество; вообще же нравственность крестьянъ, особенно вдали отъ заводовъ и большихъ дорогъ, была самая безукорызненная. Несомнѣнными достоинствами русскихъ крестьянъ были трудолюбіе *), вѣрность данному слову, гостепріимство и готовность помочь ближнему даже съ опасностью для собственной жизни. Левшинъ прекрасно выразилъ эту черту русскаго народнаго характера: «крестьянинъ безъ размышленія пребрегаетъ жизнь свою на спасеніе жизни ближняго, бросается въ огонь и въ воду... Никто не отказываетъ, если имѣеть что дать, просящему милостыню, и съ веселымъ лицомъ идетъ для пособія призывающему его въ помощь».

Мы встрѣчали уже указанія на гостепріимство русскаго простонародья; къ сказанному прибавимъ еще отзывъ иностранца, принужденнаго по волѣ императора Павла прогуляться въ западную Сибирь. «Я не могу не отдать должной похвалы гостепріим-

*) Отдыхъ зимою былъ естественною потребностію послѣ страшнаго напряженія во время лѣтнихъ работъ; къ тому же если въ черноземныхъ губерніяхъ самостоятельность крестьянъ мало развивалась вследствие достаточности хлѣба для собственнаго продовольствія и затруднительности его сбыта, то въ нечерноземной полосѣ крестьяне и зимою занимались различными промыслами. Справедливыя возраженія на увреки крестьянъ въ лѣности см. у Б о л т и н а, Примѣчанія на Деклерка II, 170—181.

ству русских крестьянъ, которое обнаруживается всё сильнѣе по мѣрѣ того, какъ углубляешься во внутрь страны», говоритъ Коцебу. «Они всё спѣшаютъ предложить вамъ пристанище, вы дѣлаете имъ честь и одолженіе, останавливаясь у нихъ; они даютъ вамъ все, что имѣютъ, съ величайшею радостью и чрезвычайно довольны, когда вы у нихъ что либо берете. Я не могу забыть крестьянку, которая при нашемъ приѣздѣ очутилась въ большомъ затрудненіи: она все суетилась и твердила: «вотъ приѣхали хорошіе гости, а мнѣ нечего имъ подать». Иногда крестьяне ничего отъ васъ не требуютъ: они не хотятъ никакой платы за взятый у нихъ хлѣбъ, квасъ и тому подобныя предметы; если же вы берете у нихъ курпу, сливки, яйцо, то отъ васъ вѣрнѣе назначить за это цѣну; они всёмъ довольны, какъ мало имъ вы дадите».

Однимъ изъ выраженій готовности русскаго крестьянина помочь ближнему служить обычай устранивать такъ называемыя помочи. Мы имѣемъ указанія на существованіе помочей въ казанской, пермской, оренбургской и иркутской губерніяхъ; безъ всякаго сомнѣнія, онѣ были въ обычаѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Относительно оренбургской губерніи Рычковъ говоритъ: «Помочь обыкновенно дѣлается... во время жнитва.... Крестьянинъ, изготовив пиво и всякаго съѣстнаго, зазываетъ на свои десятины сосѣдей, которые во весь день на него работаютъ, помогая ему въ жнитвѣ. Случаются здѣсь такія помочи, что человѣкъ до 50 и больше на одной бываетъ. Обѣдомъ кормятъ хозяева всѣхъ на жнитвѣ до сыта, а поятъ столько, чтобъ не очень опьянелись. Но подъ вечеръ, обыкновенно по захожденіи солнца, пришедъ со жнитва къ хозяину на дворъ, сперва ужинаютъ, а потомъ пьютъ пиво, кто сколько хочетъ, пляшутъ и веселятся по желанію. Можно признать, что такія помочи въ крестьянствѣ, а особливо малосемейнымъ заживнымъ людямъ, весьма полезны, ибо тѣмъ образомъ одинъ другому помогаютъ». Могутъ замѣтить, что на такія помочи крестьянинъ идетъ не изъ желанія помочь ближнему, а привлекаемый предстоящимъ угощеніемъ. Странно было бы и требовать, чтобы за тяжелый трудъ (на помочахъ работаютъ съ особеннымъ усердіемъ) крестьянинъ не былъ бы по крайней мѣрѣ сытно накормленъ; но что угощеніе не было для него главнымъ побужденіемъ въ этомъ случаѣ, — доказываетъ существованіе скротскихъ и вдовьихъ помочей. Лепехинъ, замѣтившій этотъ обычай въ пре-

вожскомъ краѣ, къ югу отъ Симбирска, говорятъ, что для устройства такой помочи — вдовѣ или сиротамъ не нужно было дѣлать никакихъ затратъ: всѣ необходимые припасы приносили даромъ, оставалось только приготовить изъ нихъ ужины и сварить пиво. Посредствомъ такихъ помочей имъ помогали не только сжать хлѣбъ, но и запасти дровъ и лучины на цѣлый годъ. Правда, Лепехинъ замѣтилъ этотъ обычай въ мордовской деревнѣ, но вѣроятно онъ существовалъ и у русскихъ крестьянъ ¹⁾.

Замѣчательная мягкость сердца, свойственная русскому народу, сказывалась даже во время волненій, когда, возбужденные долгимъ насиліемъ крестьяне рѣшались на открытое сопротивленіе. Такъ изученіе волненій горнозаводскихъ крестьянъ ²⁾ показало, что они не любили бесполезнаго кровопролитія и нерѣдко, сорвавъ сердце на какомъ нибудь горномъ чиновникѣ, всегда давали ему возможность спастись; вообще, они больше грозили, чѣмъ приводили свои угрозы въ исполненіе. Тоже самое мы замѣтили и въ волненіяхъ крестьянъ экономическихъ и крѣпостныхъ. Значительное избіеніе дворянъ во время пугачевщины не противорѣчитъ нашему замѣчанію: Оно производилось или полчищемъ Пугачева, для котораго это было дѣломъ политической системы, или крестьянами, но вслѣдствіе прямого предписанія по этому предмету, даннаго въ пугачевскихъ манифестахъ, которые народъ принималъ за распоряженія истиннаго государя ³⁾.—А сколько гуманности въ томъ, что крестьянинъ, возвратившійся изъ отхожихъ промысловъ и нашедшій въ своей семьѣ ребенка, безъ него прижитаго женою,

¹⁾ Администрація нѣкоторыхъ уѣздовъ казанской губерніи считала всякія помочи вредными для крестьянъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, привлекаясь угощеніемъ, оставляли неубраннымъ свой собственный хлѣбъ, и предлагала (въ пунктахъ, присланныхъ въ скатерчинскую законодательную комиссію) или совѣтъ запретить этотъ обычай, или по крайней мѣрѣ не допускать помочей ранѣе окончанія посѣва и уборки хлѣба и сѣна, что почти равносильно. Само собою разумѣется, что отдѣльные случаи непредусмотрительности крестьянъ въ своемъ хозяйствѣ никакъ не могли бы оправдать такой регламентаціи народной жизни.

²⁾ См. нашу статью „Волненіе горнозаводскихъ крестьянъ въ 1760 г.—64 гг.“ Вѣст. Европы 1876 г. № 1.

³⁾ См. подробности объ участіи крѣпостныхъ въ пугачевщинѣ въ нашей книгѣ „Крестьяне при Екатеринѣ II“, т. I, стр. 376—387.

не только не бьетъ ее за невѣрность, но даже и не упрекаетъ ее, и воспитываетъ младенца наравнѣ со своими собственными дѣтьми.

Любовь между членами одной семьи выражалась иногда самымъ трогательнымъ образомъ. Въ новгородской губерніи мы встрѣчаемъ такой случай: было доказано, что одинъ изъ двухъ братьевъ совершилъ убійство, неизвѣстно только который именно; каждый изъ нихъ принималъ вину на себя и горячо старался выгородить другаго. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ, тронутый такою братскою любовью, донесъ объ этомъ случаѣ императрицѣ, и виновный былъ помилованъ.

Отличительною чертою характера русскихъ крестьянъ была также замѣчательная справедливость. При передѣлѣ пахотной земли и луговъ они принимали всевозможныя мѣры для уравнительнаго раздѣла; различныя повсюду они старались строго уравнивать между собою даже въ томъ случаѣ, когда сдѣлать это было нелегко: такъ, напримѣръ, крестьянинъ, взятый въ постоянныя работники на олопецкіе горные заводы изъ среды приписнаго населенія, получалъ въ вознагражденіе отъ товарищей значительную денежную сумму; крѣпостной, отправленный помѣщикомъ съ разными барскими запасами въ городъ или отдаленную деревню, также получалъ пособіе, для чего оставшіеся дома дѣлали складчину. Однимъ словомъ, мы встрѣчаемъ множество симпатичныхъ чертъ въ этихъ грубыхъ невѣжественныхъ людяхъ. Къ какому нравственному совершенствованію были бы способны они, если бы могли воспользоваться истиннымъ образованіемъ,—не тѣмъ «просвѣщеніемъ», которое приносятъ съ собою устройство фабрикъ и заводовъ, только развращавшихъ, какъ мы видѣли, крестьянъ, а истиннымъ развитіемъ, которое даетъ правильно устроенная народная школа. Но отъ XVIII вѣка нечего и требовать того, чего не даю еще народу и XIX столѣтіе.

VI.

Праздники.

Трудовая жизнь крестьянъ отъ времени до времени разнообразилась праздниками, во время которыхъ они могли нѣсколько от-

дохнуть и развлечься. Къ сожалѣнiю, наши источники не особенно обильны свѣдѣнiями объ этой сторонѣ народной жизни; сгруппируемъ то, что намъ удалось найти, начиная съ Рождества, зимаго праздника солнца, съ котораго, по народному выраженiю «солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ»; кстати, тутъ же упомянемъ и о нѣкоторыхъ обычаяхъ, связанныхъ съ опредѣленными днями года ¹⁾.

Наканувѣ Рождества въ сочельникъ или сочевникъ, 24 декабря, къ вечеру собиралось нѣсколько дѣвушекъ и, приходя подъ окно къ каждому дому, пѣли пѣсню въ честь коляды, въ которой восхваляли хозяина, его жену и дѣтей. Одна изъ такихъ пѣсней оканчивалась словами:

«Полари, государь, колядовщикъ,
Наша колада ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына».

Пѣвцовъ надѣляли за это деньгами, пирогами и пр. Во всѣ «святые вечера, начиная отъ Рождества до Крещенiя пѣли подблюдныя пѣсни, устраивали игрища, наряжались въ «хари», т. е. маски, переодѣвались и гадали, лили олово и свинець въ воду и свѣтъ». Во время пѣнiя подблюдныхъ пѣсень, ставили на столъ красное деревянное блюдо, покрывали его большимъ платкомъ и клали на платокъ кусокъ хлѣба и холоднаго угля; потомъ каждая изъ дѣвушекъ загадывала на перстнѣ, на кольцѣ, на наперсткѣ, запонкѣ и т. п. и, перекрестя блюдо этою вещью, клала подъ платокъ на блюдо. Прежде всего пѣли пѣсню хлѣбу, по окончанiи которой ломали его и уголь на кусочки и, раздѣливъ между собою, заворачивали въ рукавъ рубашки (вмѣстѣ съ этими кусочками и спали, чтобы увидѣть во снѣ то, что было нужно). Наконецъ, припѣвая къ каждой пѣснѣ: «кому вынется, тому сбудется», вынимали свои вещи и по содержанiю пѣсни отгадывали свою участь. Были еще слѣдующiя гаданiя: смотрѣлись въ зеркало, лили олово, свинець и воскъ въ воду, слушали подъ окнами, входили за ворота съ первымъ кускомъ во рту и спрашивали у

¹⁾ Считается необходимымъ замѣтить, что мы пользовались при составленiи этого очерка народныхъ праздниковъ исключительно источниками второй половины XVIII или самыхъ первыхъ годовъ XIX вѣка. by Google

проходящаго объ пшени, слушали, сидя у окна, когда всё лягутъ, и загадавъ: «суженный, ряженый, поѣзжай мимо окна», слушали у церкви, житницы, бани или подъ вереею, бросали башмаки черезъ ворота на улицу (въ какой сторонѣ ляжетъ носкомъ, тамъ быть за мужемъ), пололи снѣгъ, брали полѣно (если оно гладко, то мужъ будетъ хорошій и на оборотъ), заставляли курницу клевать зерна, вывѣшивали за окно полотенцо (если оно будетъ скоро намочено, то выйти замужъ въ тотъ же годъ), смотрѣли на перекресткѣ въ зеркало и т. п.). Въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи женщины, а особенно дѣвушки, собирались въ одинъ домъ, предварительно испросивъ разрѣшеніе хозяевъ, пили тамъ, играли въ разныя игры, угощали приходящихъ мужчинъ пивомъ, свареннымъ на общій счетъ. Въ ниневскомъ уѣздѣ той же губерніи на святкахъ бывали у крестьянъ игрища не только вечеромъ, но и днемъ, однако въ «харн» на нихъ не наряжались. — Въ тульской губерніи на святкахъ играли въ карты, бирюльки, хоронили золото и проч. въ нанятой съ этою цѣлю избѣ. Замѣчательно, что тутъ представлялись и народныя комедіи. Между прочимъ, на сцену являлся воевода; онъ, какъ и всѣ актеры, былъ одѣтъ въ шубу на выворотъ съ огромнымъ набитымъ брюхомъ и сидѣлъ надувшись. Вотъ пріѣзжаетъ «куррьеръ» разслѣдовать его дѣла; воевода откупается подарками, собирая ихъ со зрителей; это изображалось такимъ образомъ, что каждый изъ зрителей получалъ отъ воеводскихъ приставовъ ударъ «лаптою» (палкою). Къ сожалѣнію, Левшинъ, которому мы обязаны приведенными указаніями, не сообщаетъ дальнѣйшихъ подробностей объ этихъ любопытныхъ зачаткахъ народнаго театра, выродившихся изъ простыхъ святочныхъ переодѣваній, и прибавляетъ только, что «сего рода и другія ихъ драмы сопровождаютъ разнаго рода шутками и острыми крестьянскими словами». Слѣдовательно, репертуаръ народныхъ представленій въ тульской губерніи не ограничивался одною пьесой.

*) Въ эти гаданія описаны въ книгѣ Чулкова «Доберега русскихъ суевѣрій», 1786 г., стр. 148—154. Полный текстъ вышеупомянутой колядки см. тамъ же, стр. 224. Другія святочные пѣсни напечатаны въ «Новомъ и полномъ собраніи російскихъ пѣсень» М. 1780 г. (4 части) и книгѣ Преча «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень», 1806 г. 2 части.

На масляницѣ крестьяне катались на лошадяхъ и съ горъ на салазкахъ и лубкахъ, пировали съ утра до вечера, угощаясь блинами, оладьями, пряженцами и проч., ходили ко всѣмъ прощаться, а кумовьямъ и кумахъ носили большіе пряники и куски мѣла; катались съ горъ въ различной смѣхотворной одеждѣ, въ «харяхъ», а также пѣли хоромъ пѣсни и плясали.

Въ день Благовѣщенія (25 марта) крестьяне въ оставковскомъ уѣздѣ покупали просвиры и хранили ихъ до яроваго посѣва, чтобы вмѣстѣ съ ними засѣять пшеницу; вѣроятно, это дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Егорьевъ день (23 апрѣля) крестьяне въ первый разъ выгоняли въ поле скотъ вербами, сохранными съ вербнаго воскресенья. Въ тверской губерніи при этомъ объѣзжали на лошади вокругъ всего стада, подчивали пастуховъ пирогами, кашею и яйцами и, кромѣ того, бросали яйца черезъ коровъ, приговаривая, чтобы скотъ былъ такъ же круглъ и полонъ. Въ новоторжскомъ уѣздѣ предъ выгономъ скотныи хозяинъ бралъ въ руки образъ, а хозяйка горшечекъ и, положи въ него горячіе уголья и ладанъ, три раза обходили на своемъ дворѣ всю скотину.

Въ великій четвергъ въ всегонскомъ уѣздѣ тверской губерніи крестьяне вставали очень рано, обкуривались можжевельникомъ; затѣмъ мужчины вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми женщинами шли въ лѣсъ и аукались другъ съ другомъ, рубили тамъ мutowки (палочки для паханья) изъ сосновыхъ сучьевъ и дѣлали помела; нѣкоторые же въ этотъ день купались въ рѣкѣ.

На пасхѣ, какъ и теперь, христовались, дарили другъ другу яйца; священникъ съ причтомъ ходилъ славить Христа по домамъ. Въ тверской губерніи, кромѣ того, служили общій молебенъ въ ржаномъ полѣ, — въ описаніи вышневолоцкаго уѣзда еще прибавлено: «отправляя сверхъ того и суевѣрные обряды». Тутъ вѣроятно сдѣланъ намекъ на обливаніе и купаніе молодыхъ парней и дѣвицъ. Въ синодскомъ указѣ 17 апр. 1721 г., на ряду съ другими народными суевѣріями и остатками язычества, строго запрещается и этотъ обычай: «въ російскомъ государствѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно во всю святую седмицу Пасхи, кто не бывасть на утрени, такого, яко бы штрафуя, обливають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ. И хотя простой на-

родъ дѣлаетъ себѣ будто забаву праздничную, однако отъ этой суетной забавы дѣлается не только здравію, но и животу человѣческому несчастье; ибо онѣмъ отъ невѣждъ купаньемъ въ глубокихъ рѣкахъ иногда людей потопляютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезапно обливающе, ума лишаютъ». Запрещеніе, разумѣется, не подѣйствовало: не только, по свидѣтельству Ломоносова, въ его время обливали водою въ наказанье за небытіе на заутрени, а иногда просыпавшихъ ее бросали въ воду; но извѣстно, что обрядъ обливанія на Пасху и до сихъ поръ держится еще во многихъ мѣстахъ¹⁾. — Въ тульской губерніи на Пасхѣ крестьяне варили брагу и пиво, и люди среднихъ лѣтъ и старики ходили другъ къ другу въ гости. Въ каждомъ домѣ накрывался столъ, ставили на него пироги и ведро пива, и, по словамъ Левшина, каждому пришедшему были искренно рады; чарка пива считалась великимъ угощеніемъ. Молодые же парни катали яйца и проводили время съ дѣвушками и молодыми женщинами, которыя каждый день собирались на выгонѣ или на улицѣ у воротъ, пѣли пѣсни и плясали, а иногда водили хороводы, играли въ горѣлки, веревку и другія народныя игры. Тоже, безъ сомнѣнія, было и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Къ числу увеселеній слѣдуетъ прибавить еще качаніе на качеляхъ.

Въ третье воскресенье послѣ Пасхи, въ недѣлю мученицъ, въ тульской губерніи пожилыя женщины, сжаривъ курь, ходили другъ къ другу въ гости; молодыя же женщины и дѣвушки, запаслись яичницами «въ черепняхъ» и пирогами, шли толпою съ пѣніемъ въ рощу и исполняли тамъ особенный обрядъ, который назывался: «кукушку крестить». Это дѣлалось такимъ образомъ. Въ рощѣ прискливали траву «кукушкины слезы» (*ogshis mascula*). Затѣмъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было всѣмъ усясться, втыкали въ землю два прута крестообразно надъ этою травою. На эти прутья каждая вѣшала свой крестъ, садились въ кружокъ, пѣли пѣсни, ходили попарно, цѣловались съ избранною подругою черезъ гайтанъ креста, потомъ объѣивались крестами, послѣ чего въ теченіи цѣлой недѣли каждая была особенно дружна со своею избранницею и называли другъ друга кумой. Исполнивъ эти об-

¹⁾ Калитскій. Церковнонародный вѣсцесловъ на Руси. Сборникъ Географич. Общества по отдаленію этнографіи, т. VII, стр. 376. oogle

ряды, ѣли принесенные съ собою припасы и съ пѣніемъ возвращались домой¹⁾. Въ слѣдующее воскресенье повторялся тотъ же обрядъ, такъ же цѣловались, но при этомъ разбѣивались крестами: это означало «раскумливанье»; а всю недѣлю между этими воскресеньями проводили въ пѣніи и пляскѣ.

Въ день Вознесенья въ кашинскомъ уѣздѣ тверской губерніи крестьянки и молодне парни собирались въ ржаное поле, и тамъ, каждый на своей полосѣ, при пляскѣ и пѣсняхъ, втыкали березки, выражая при этомъ желаніе, чтобы розь такъ же высоко росла, какъ воткнутая березка.

Въ Семикъ (четвергъ передъ Троицею) Палласъ видѣлъ въ городѣ Челябинскѣ (пермской губерніи), какъ «крестьянскія дѣвушки пѣснями и завиваніемъ вѣнковъ поэтически величали древнеславянскую богиню любви Ладу и ея сына Дида»²⁾.

Передъ Троицнымъ днемъ и въ самый этотъ день парни и дѣвушки сходились на лугахъ и высокихъ холмахъ, пѣли тамъ пѣсни, плясали, «играли» хороводы. Въ самый Троицный день собирались въ рощи, завивали вѣнки и потомъ, положивъ ихъ на голову, выносили на берега рѣкъ и ручьевъ и бросали въ воду; нетонувшіе вѣнки предвѣщали (въ тверской губерніи) долгую жизнь. Обрядъ сопровождался пѣніемъ и плясками и завершался подникомъ изъ пироговъ и яичницъ, принесеннымъ каждымъ изъ дому.

Въ арзамасской провинціи, кромѣ обыкновенныхъ праздниковъ, крестьяне праздновали 9, 10 и 11 пятницу послѣ Пасхи. Десятая пятница праздновалась также и въ кашинскомъ уѣздѣ тульской губерніи, гдѣ впрочемъ и во всякую пятницу женщины считали грѣхомъ пряхъ.

Въ праздникъ обновленія Царя града (11 мая) опасались работать, такъ какъ существовало повѣрье, что хлѣбъ, посеянный въ этотъ день, а особенно конопли, побивается градомъ.

Черезъ недѣлю послѣ Троицна дня, въ день заговенья Петрова поста (въ тульской губерніи) развивали вѣнки, завитыя въ Троицу. Въ тверской губерніи въ этотъ день собира-

¹⁾ О томъ же обычаѣ въ началѣ XIX вѣка см. у Снегирева. Русск. простонарод. праздники, 1838 г., III, 96—97.

²⁾ Сравн. Снегиревъ III, 101—103.

лись на улицахъ или въ рощахъ и дугахъ, или и плясали подъ звуки рожковъ и дудокъ, «играли» хороводы; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ той же губерніи вечеромъ въ этотъ день парни и дѣвушки выходили на улицу съ крапивой въ рукѣ и гонялись другъ за другомъ; кромѣ того, у колодца обливали другъ друга водой. Въ Петровъ постъ водили хороводы; въ то время, въ центральной Россіи молодежь проводила каждую ночь до Петрова дня въ пѣніи и пляскѣ¹⁾).

Въ Ивановъ день (24 іюня) крестьяне торопецкаго уѣзда стерегли восхожденіе солнца, такъ какъ пѣрили въ то, что оно въ этотъ день «хорошо играетъ», скакали черезъ огонь и крапиву, приходя къ церквамъ, слушали у церковнаго замка, искали кладовъ и упоминали «въ пѣсняхъ имена древнихъ боговъ». Въ всегонскомъ уѣздѣ тверской губерніи въ этотъ день молодые люди обоюга пола собиравсь ночью въ яровня поля; тамъ на своихъ полосахъ, засѣянныхъ льномъ, втыкали рябиновыя сучья, съ пожеланіями, чтобы ленъ выросъ такой же высокій, какъ воткнутыя рябины, и въ то же время, плясали, пѣли пѣсни и «играли» хороводы до самой зари. Въ Твери въ этотъ день праздновалась память Ярила, о которомъ сохранились свѣдѣнія въ одномъ недавномъ описаніи этого города, составленномъ на вѣмецкомъ языкѣ въ 1798 г. Нѣкоторые объясненія автора очень наивны, но они совершенно соотвѣтствуютъ взглядамъ людей XVIII вѣка на остатки языческой мифологій, и потому считаемъ необходимымъ передать это мѣсто цѣликомъ. «Говорятъ, что Ярила былъ въ старину хитрый и злой обманщикъ, который до того привлекъ народное расположеніе, что ему воздвигли статую и стали воздавать божескія почести». (Авторъ прибавляетъ: «еще до сего времени показывали мѣсто, гдѣ стояли статуи»). «Онъ былъ, говорятъ, убитъ за нищѣшнымъ архіепископскимъ садомъ... Почитателя Ярила ходятъ туда каждый годъ въ Ивановъ день, 24 іюня, праздновать его память, и согласно съ народнымъ преданіемъ, хоронить его. Часть народа соблюдаетъ это ежегодно даже до сего дня и проводитъ день въ пѣніи и танцахъ... Мѣсто этого увеселенія называется «Разгулянье»... Духовенство часто возставало противъ этого народ-

¹⁾ Много хороводныхъ пѣсней напечатано въ двухъ названныхъ выше сборникахъ.

наго праздника, но совершенно безуспѣшно»¹⁾.—«Между тѣмъ какъ въ одной части города происходитъ праздникъ Ярлы, за Твердой молодежь обоого пола пользуется другаго рода удовольствіемъ. На концѣ этой части города есть площадь, прилегающая къ маленькому ручью. Туда отправляется молодежь, каждый полъ отдѣльно, но на площади сходятся вмѣстѣ и поютъ и танцуютъ по своему. Увеселеніе завершается тѣмъ, что они срываютъ растеніе, называемое ими «богатствомъ-травой», которое, однако, не что иное, какъ *Scabiosa suscisa*. Они берутъ ее съ собою и возвращаются назадъ тѣмъ же порядкомъ, т. е. каждый полъ отдѣльно. Если она распустится, то считаютъ это предзнаменованіемъ, что они будутъ счастливы и богаты, если нѣтъ, то случится совершенно противоположное».

Празднество въ честь Ярлы въ Твери совершалось въ Ивановъ день, а въ Воронежѣ подобное народное игрище происходило (до 1763 г.) предъ заговѣньемъ Петрова поста; оно начиналось въ среду или пятницу послѣ Духова дня и оканчивалось въ первый понедѣльникъ. Съ разсвѣтомъ толпа двигалась за городъ на большую площадь. Молодые дѣвушки наряжались одна лучше другой: въ красные чоботы, разноцвѣтную запарку съ широкими рукавами, бѣлую рубашку и украшали себя пучкомъ разноцвѣтныхъ лентъ, вплетенныхъ въ косу. Молодцы также не упустили случая выказать свои щегольскія одежды. Люди пожилые и старые не отказывались отъ участія въ увеселеніи. Торговцы заблаговременно разбивали на выгонѣ палатки и раскладывали на столахъ лакомства, игрушки и мелочные товары. Пѣсни, пляска и музыка сопро-

¹⁾ Въ нынѣшнемъ столѣтіи праздникъ Ярлы начинался въ Твери въ первое воскресенье послѣ Петра дня, въ Тресвятскомъ саду. Молодые дѣвушки и парни собирались сюда плясать бланжу, подъ базалайку или торбанъ. Бланжа особый танецъ, похожій на кадрили, и тутъ было раздолье любящимъ. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярлыно гулянье, какъ они говорили, по невѣстѣ и тѣся. Женхи всматривали невѣсты, а невѣсты жениховъ, но дѣло не обходилось безъ дурныхъ послѣдствій, такъ какъ во время этого разгула дозволялись обнинанія и цѣлованія подъ вѣтвистыми деревьями... Противъ этого сильно возставали мѣстные архіерейскіе, и по ихъ настоянію празднованіе памяти Ярлы прекратилось въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. „Литературныя прибавленія къ Иллюстр.“. 1838. № 35; Снегиревъ Русскіе простонародные праздники 1837 г. т. I, 183—186, 234, IV, 57—59, Терещенко. Бытъ русскаго народа V, 102.

вождали общій разгуль. Среди этихъ забавъ наряжали одного мужчину въ пестрое платье, убирали двѣтами и навѣшивали на него ленты и бубенчики; на голову ему надѣвали высокій бумажный, съ пѣтушинымъ султаномъ, колпакъ, который раскрашивали фантастическими изображеніями; лице его чернили или румянили, въ руки давали побрякушки и колотушку. Дети барабаннымъ боемъ возвѣщали шествіе Ярилы. Онъ расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его пряниками, маковниками, пирогами, однимъ словомъ всѣмъ, что приносили съ собою. Тутъ происходили различныя игры, отъ нихъ переходили къ кулачнымъ боямъ, которыя не разъ кончались смертоубійствомъ. Епископъ Тихонъ громилъ эти забавы въ своихъ проповѣдяхъ, пазывая ихъ бѣсовскими и наконецъ искоренилъ этотъ обычай¹⁾.

Начиная съ Петрова дня (29 іюня) въ теченіи трехъ дней качались на качеляхъ (круглыхъ или на веревкахъ), а толпившіеся вокругъ народъ пѣлъ и плясалъ; послѣ же этого прекращались деревенскія увеселенія и начиналось самое тяжелое рабочее время: сѣнокосъ и жатва. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ тульской губерніи; въ воронежской же епархіи Тихонъ Задонскій запретагъ всѣ увеселенія, даже такія невинныя, какъ качаніе на качеляхъ.

Объ увеселеніяхъ послѣ Петрова дня въ Твери мы имѣемъ извѣстіе въ томъ же неизданномъ описаніи этого города (1796 г.), изъ котораго мы уже привели извѣстіе о праздникѣ Ярилы. «Отъ Петрова дня до поста», говоритъ авторъ, «водять хороводы. Молодежь обоого пола собирается ночью около 9 или 10 часовъ на улицѣ (чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ лучше для нихъ), поютъ и водять хороводы за полночь... Дѣвушки поютъ своею особою манерою и свойственнымъ имъ кричащимъ голосомъ. Во время этихъ хороводовъ, молодежь знакомится между собою и женихъ можетъ видѣть свою невѣсту. Хороводы наиболѣе распущенные (die unsinnigsten) биваютъ въ Ямской слободѣ; если случится, что въ это время столкнутся два возлюбленныхъ одной дѣвушки, то дѣло часто доходитъ до драки».

Очень веселились крестьяне во время храмовыхъ праздниковъ: варили пиво и брагу, заготавливали вино и разю

¹⁾ Снегиревъ IV, 57—59; Терещенко V, 102—103. Digitized by Google

угощеніе и принимали гостей, прїѣзжавшихъ изъ окрестныхъ деревень, для чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столъ оставался накрытымъ цѣлый день; праздники продолжаются обыкновенно нѣсколько дней, а иногда и цѣлую недѣлю провали, пѣли пѣсни и плясали: мѣстами въ тверской губерніи гости привозили съ собою пироги. Въ эти дни въ селеніе, гдѣ былъ храмовый праздникъ, окружающіе крестьяне съѣзжались продавать свои припасы,—такъ что составлялось нѣчто вродѣ ярмарки. Въ тульской губерніи въ такой день домъ cadaго былъ открытъ для всѣхъ приходящихъ.

Обычное развлеченіе молодежи составляли поспидѣлки. Въ современномъ описаніи торопецкаго уѣзда мы находимъ объ этомъ, слѣдующія свѣдѣнія. «На другой день послѣ Рождества Христова начинаются здѣсь ночныя поспидѣлки, с у б б о т к а м и называемыя, на которыхъ дѣвцы одна выше другой садятся въ избахъ на подмосткахъ съ возженными предъ собою свѣчами и, расположась такимъ образомъ, поютъ пѣсни, древнимъ славянскимъ богамъ приличныя». Въ тверской губерніи поспидѣлки назывались супрядками; дѣвушки и женщины нерѣдко засиживались на нихъ до 4-хъ часовъ ночи. Любопытно, что въ одномъ селѣ бѣжецкаго уѣзда и мужчины, дѣлавшіе берда, собирались по вечерамъ въ одну избу и тамъ строгаи зубье на берда, просиживая до полуночи и долѣе.

Вообще народныя увеселенія состояли въ пѣніи ¹⁾, хороводахъ, танцахъ, катаніи, рассказываніи сказокъ, качаніи на качеляхъ, качаніи на доскѣ, положенной на какойнибудь чурбанъ или бревно, у мужчинъ въ кулачныхъ бояхъ, игрѣ въ кости и карты²⁾. Кулачные бои были запрещены еще въ концѣ XVII ст.; но указы противъ нихъ пришлось повторять не только въ теченіи первой половины XVIII в., но даже и въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ³⁾. Въ оставшковскомъ уѣздѣ катали большой

¹⁾ Англійскій путешественникъ Боксъ считаетъ склонность къ пѣнію однимъ изъ отличительныхъ свойствъ русскаго народа. «Ящички, говорятъ онъ, поютъ не переставая отъ начала станціи до конца; солдаты поютъ, выступая въ походъ; крестьяне поютъ чуть ли не за всякими дѣлами; кабаки оглашаются пѣснями... (Рус. Стар. 1877, т. XIX, стр. 26).

²⁾ Играть на деньги было запрещено. П. С. З. V, 3127, п. 3, IX 6313, XV, 11282.

³⁾ П. С. З. II, 1094, п. 3, 1181, п. 4, 5, VII, 4939; XI, 8754, 8759, XXXVIII, 29637.

деревянный шаръ съ наклонной доски въ цѣль или въ шары, поставленные на извѣстномъ разстояніи; тамъ же бросали въ цѣль палку, сидя на спинѣ одинъ у другаго, а потомъ разбѣгались и ловили другъ друга. Авторъ описанія торопецкаго уѣзда говоритъ между прочимъ объ увеселеніи крестьянскихъ дѣвушекъ: «въ воскресные и праздничные дни собираются онны лѣтомъ на дворѣ, а зимою предъ воротами, и поютъ пѣсни, закрывъ покрываломъ лице, куда приходитъ довольно молодыхъ людей, и разговариваютъ съ ними безъ всякаго зазору. Сіе сборище называютъ здѣсь танцамп». Что касается настоящихъ народныхъ танцевъ, то мы къ сожалѣнію не нашли современнаго подробнаго описанія ихъ и можемъ указать только на краткія замѣтки объ этомъ предметѣ въ извѣстномъ сочиненіи Георги. Онъ описываетъ, во первыхъ, «русскую пляску», которую танцовали совершенно такъ же, какъ и въ настоящее время. «Въ другой пляскѣ», продолжаетъ онъ, «плясуны и плясуньи какъ будто отвращеніе показываютъ одинъ къ другому, отворачиваютъ лице одинъ отъ другаго и за спиною дружка надъ дружкой дѣлаютъ яко бы насмѣшливыя кривлянья... Въ пляскѣ, называемой голубецъ, изображаютъ тѣлодвиженіями ласканье голубей... Большою частію, когда изъ пляшущей пары (да русскія пляски и пляшутся или по одиночкѣ, или въ парѣ, а не больше) женщина стоитъ тихо на мѣстѣ, мужчина между тѣмъ дѣлаетъ около нея сильныя прыжки, потомъ плясунья съ нѣжными поглядываніями пляшетъ тихо вокругъ него».

Музыкальными инструментами русскаго народа были гудокъ, балалайка, гусли, свирѣль, дудка, рогъ: первые два были наиболѣе употребительными. Гудокъ—это скрипка о трехъ струнахъ; свирѣль, по объясненію Болтина, «видъ флейты о шести ладахъ, дудка—маленькая флейта о четырехъ ладахъ»; рогъ—деревянная выгнутая труба о шести ладахъ; гусли—родъ ручной арфы съ мѣдными струнами.

Какъ архіерей иногда съ благочестивою цѣлію преслѣдовали народныя увеселенія, такъ и нѣкоторые дворяне просили комиссію для составленія новаго уложенія о томъ, чтобы было какъ можно болѣе сокращено число праздничныхъ дней и «лѣность столько безчестною сдѣлана; была, сколько она дѣйствительно

вредительна». Но правительство не нашло нужнымъ исполнять подобныя просьбы.

VII.

Семейные обряды.

Когда женщины наставало время родить, то часъ рожденія старались скрывать, вѣря, что отъ этого женщина родить легко, а въ противномъ случаѣ будутъ тяжелые роды. Отца новорожденнаго ребенка кума и другія женщины кормили особенною кашею: его высылали вонъ изъ избы; потомъ, взявъ столовую ложку, клали въ нее горчицы, перцу, хрѣву, соли, уксусу, сорочинскаго варенаго ишена и, посылавъ все это сахаромъ, принуждали хозяина съѣсть для того, чтобы и онъ испыталъ по случаю родовъ что-нибудь неприятное, а не одна роженица. Если деревня находилась далеко отъ церкви, то священникъ нерѣдко не ѣхалъ туда давать родильницѣ молитву, а проносилъ ее надъ шапкою, которую, принеся въ избу, вытряхали. Въ тульской губерніи пожилыя женщины разрѣшившейся отъ бремени приносили кашу. Послѣ крестинъ въ той же мѣстности кума и куму, а также попа съ попадшей, причетниковъ, родныхъ и пріятелей угощали обѣдомъ. Въ этихъ случаяхъ подавали мясо, каравай и молочную кашу, а затѣмъ повивальная бабка подносила вино и получала отъ cadaго деньги.

Со свадьбой было связано особенно много обрядовъ. Наканунѣ вѣнчанія приглашали въ домъ жениха семи или шестилѣтняго мальчика для укладки въ ларчикъ вещей, купленныхъ для невѣсты, и вечеромъ женихъ отвозилъ ей подарокъ, который состоялъ изъ башмаковъ, серегъ, пражки, бѣлнцъ, румянъ, иглокъ, внтокъ, ножницъ и пр. Въ тотъ же день готовили баню для жениха и невѣсты: каждый приходилъ туда со своимъ знакомымъ; отъ этого составлялась поговорка: «по рукамъ да въ баню». При празднованіи дѣвичника женихъ садился съ невѣстою на мохнатой шубѣ для того, чтобы отвратить злыя чары и порчу. На другой день, предъ поѣздомъ въ церковь, тотъ же мальчикъ или братъ съ невѣстиной стороны, обувалъ невѣсту въ башмаки и продавалъ ея косу за гривну, за рубль, однимъ словомъ, что

дадутъ; чѣмъ дороже она продавалась, тѣмъ болѣе было чести для невѣсты. Предъ поѣздомъ въ церковь женихъ садился съ невѣстою рядомъ на какой либо мѣхъ и свахи чесали имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или вино, которое держали въ ковшѣ. Потомъ осыпали ихъ деньгами, хлѣбомъ и зерновымъ хлѣбомъ. Брачныя свѣчи, иногда очень тяжелыя, зажигали богоявленской свѣчей. Въ церковь возили съ собою вино, которое священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ; послѣ третьяго раза женихъ разбивалъ сосудъ объ полъ и топталъ его ногою. Во время вѣнчанія подстилали молодымъ подъ ноги камку или коверъ, а поверхъ ихъ какой либо мѣхъ. Послѣ вѣнчанія молодой долженъ былъ взять за руки молодую и вести ее къ иконамъ, не опуская ея руки, иначе между ними будетъ вѣчное несогласіе. Если при вѣнчаніи головной уборъ невѣсты мѣшалъ надѣть ей на голову вѣнецъ и кто либо изъ другихъ только держалъ его надъ головою, то считали, что этотъ бракъ будетъ несчастливъ и что жена будетъ непременно имѣть любовниковъ, такъ какъ вѣнчались трое вмѣсто двухъ. Каждый изъ молодыхъ старался стать первымъ на коверъ, подстилаемый подъ ноги, такъ какъ вѣрили, что тотъ изъ нихъ, кому это удастся сдѣлать, будетъ имѣть власть въ домѣ.— При входѣ невѣсты въ домъ жениха, ее встрѣчали тестъ и теща съ благословеніемъ и хлѣбомъ-солью. Молодые кланялись имъ въ ноги три раза; ихъ каждый разъ поднимали, потомъ сажали на почетное мѣсто подъ образами за столомъ, покрытымъ браными (украшенными искусною работою) скатертями и подчивали ихъ медомъ и перепечью. Гости пѣли свадебныя пѣсни, величали ихъ княземъ и княгинею; когда всѣ развеселились, раздавались иногда и нескромныя пѣсни. Дружка и сваха угощали гостей. На обѣденномъ столѣ, между разными хлѣбами, калачами, перепечью, медовыми и слоеными пирогами, ставили каравай. Когда подавали на столъ жаркое, то дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою верхней скатертью, относилъ въ сѣнникъ и ставилъ на столъ у постели. При разрѣзываніи каравая, первый кусокъ съ чаркою вина подносили молодымъ и потомъ вводили ихъ въ холодный сѣнникъ или холодную избу. Новобрачныхъ всегда клали спать не въ жилой избѣ, а въ пустой и нетопленной, какъ бы ни было холодно; нѣкоторые строили даже для этого особое помѣщеніе, не кладя на потолокъ земли. Гости оставались

пѣть и плясать до самаго разсвѣта. — Въ головахъ постели ставили брачныя свѣчи, воткнувъ ихъ въ кадъ съ пшеницею, которую не снимали въ продолженіе всего года. Сѣнникъ приготовлялся съ особыми обрядами; по всѣмъ четыремъ стѣнамъ сѣнника вѣшали образа, а въ головахъ постели, надъ окнами и дверьми, ставили «воздвизальные» кресты; въ четыре стѣны втыкали по стрѣлѣ, на ней у богатыхъ висѣло по соболу или кунцѣ; бѣдные же вѣшали простые мѣха и втыкали балачи; на лавкахъ разставляли въ углахъ оловянные сосуды съ медомъ. — Посаженный отецъ сдавалъ новобрачную въ дверяхъ сѣнника ея нареченному мужу и говорилъ: «иди на дѣло благословенное». Молодой садился на постель и молодая должна была въ первый разъ разуть его, въ знакъ покорности; онъ клалъ въ первый сапогъ деньги, а въ лѣвый плеть, и если молодая примется сперва за лѣвую ногу, то мужъ, вынувъ плеть, ударялъ жену, если же за правую, то отдавалъ ей деньги. По другимъ свѣдѣніямъ, мужъ во всякомъ случаѣ при разуваніи ударялъ плетью жену три раза. — «Тысяцкая», надѣвъ на себя двѣ шубы, одну, какъ обыкновенно, а другую на выворотъ, осыпала молодыхъ деньгами, хлѣбомъ и зерновымъ хлѣбомъ и кормила ихъ на постели жаркимъ. Дружка всю ночь ѣздилъ на конѣ около сѣнника съ обнаженною саблею. По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ, и поднимали одѣяло стрѣлою. Въ случаѣ нецѣломудрія невесты, матери подносили стаканъ съ дырою, наполненный пивомъ или медомъ; когда она брала стаканъ въ руки, питье текло черезъ отверстіе, которое прежде было зажато пальцемъ дружки или свахи, подносившихъ стаканъ. Если все оказывалось въ порядкѣ, молодыхъ водили въ баню; потомъ ихъ кормили въ постели кашею, а молодая дарила своихъ гостей платочками, лентами, полотенцами и плодами. Когда молодой находился съ женою въ банѣ, теща присылала ему въ подарокъ новое платье. Родные новобрачныхъ дѣлали отъ ихъ имени обѣдъ для знакомыхъ, тѣ тоже отвѣчали угощеніемъ, и такимъ образомъ «на радостяхъ» проходила вся недѣля. Первый мѣсяцъ брачной жизни назывался медовымъ, такъ какъ молодыхъ подчивали медомъ, угощали и веселили ихъ¹⁾).

¹⁾ Ч у л о в ъ. Абевага русскихъ суевѣрій, 1786 г., стр. 8—10, 62—64. Авторъ высчиталъ, что свадьба обходилась обыкновенно жениху и невестѣ

Это общее описаніе разумѣется не обнимаетъ всѣхъ особенностей брачныхъ обрядовъ различныхъ мѣстностей Россіи. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ привести подробное описаніе свадебныхъ обычаевъ крестьянъ въ тульской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія изъ неспзданнаго ея описанія, составленнаго Левшиннымъ.

Крестьянинъ приглашалъ для сватовства кого нибудь изъ молодыхъ родственниковъ или друзей и, запасшись штофомъ вина, безъ всякаго предувѣдомленія шелъ въ домъ родителей невѣсты. Если тѣ изъявляли согласіе, то распивали вино, послѣ чего считалось уже невозможнымъ нарушить данное обѣщаніе; не желая же выдать дочь, родители никогда не соглашались пить вино. Затѣмъ, начинались приготовленія къ свадьбѣ; кромѣ посаженныхъ отца и матери, приискивали еще дружку. Имъ былъ обменовенно «такъ называемый колдунъ или дока», который долженъ смотрѣть, чтобы молодыхъ не испортили какимъ нибудь волшебствомъ. Крестьяне вѣрили, что злые люди могутъ, особенно на свадьбѣ, устроить разныя пакости, а именно «лишить новобрачнаго мужества», учинить нѣчто подобное и съ невѣстою или даже сдѣлать оборотнями весь брачный поѣздъ¹⁾. Дружка, приѣхавъ наканунѣ свадьбы, не отходилъ уже отъ жениха и провожалъ его даже на дѣвичникѣ. Въ день брака жениха одѣвали въ взрядное платье; на плечи напидывали ему строченую ширинку (бѣлый платокъ, узорчато простеганный по краямъ красною бумагою), сложенную вдвое такъ, какъ женщины носятъ косынки; на голову надѣвали ему шапку, до которой онъ самъ не долженъ былъ дотрогиваться, а въ случаѣ надобности ее снималъ и вновь надѣвалъ на жениха дружка. У послѣдняго было повязано черезъ плечо бѣлое полотенце. Всѣ мужчины — женихъ, дружка, посаженный отецъ и другіе поѣзжане, т. е. родня, приглашенная на свадьбу, ѣхали за невѣстою и въ церковь верхами, а сваха или посаженная мать

болше 30 рублей. Т е р е щ е н к о. Быть русскаго народа II, 111—115., Много свадебныхъ пѣсенъ см. въ названныхъ выше сборникахъ П р а ч а и Н о в и к о в а.

¹⁾ Въ пермской губерніи нѣкоторые крестьяне также обращались во время свадьбы къ своимъ „вѣшлицамъ“ (колдунамъ). И въ настоящее время въ пинежскомъ уѣздѣ архангельской губерніи колдуны называются „вѣшлицами“ (отъ слова вѣдать). Е о и м е н н о, 76.

женха — въ телѣгѣ, запряженной тройкой. Въ ней везли въ церковь пиво, вино, жареное мясо и пироги. Впереди сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 10 или 12, изъ родни женха, съ пикою въ рукахъ; его называли почему то вечерній.

Между тѣмъ въ домѣ невѣсты дѣвушки и молодыя женщины, собравшия еще съ дѣвчичка, пѣли свадебныя пѣсни. Невѣсту сажали на квашню, т. е. на кадку, въ которой мѣсятъ хлѣбъ, и одѣвали ее въ дѣвичій нарядъ, который только головнымъ уборомъ отличался отъ наряда женщины. Но въ то же время сваха или посаженная мать невѣсты завязывала въ платокъ нарядный женскій головной уборъ и вмѣстѣ съ коробкою, въ которой лежало приданое, выносила на телѣгу, уже запряженную тройкой. На покрытый столъ ставили пироги, хлѣбъ и соль; ворота были отворены. Вотъ подъѣхалъ женихъ со своимъ поѣздомъ и остановился у воротъ; одинъ только дружка въѣзжаетъ во дворъ, привязываетъ коня и осматриваетъ, нѣтъ ли «лишняго» человѣка, т. е. колдуна, который можетъ испортить свадьбу. Войдя въ избу съ кнутомъ въ рукѣ, онъ въ впитиватой рѣчи объясняетъ причину своего прїѣзда и проситъ дозволенія войти. Получивъ согласіе и готовясь уже покннуть избу, онъ какъ будто нечаянно замѣчалъ мальчика, который держалъ невѣсту за руку: это обыкновенно былъ ся братъ или близкій родственникъ. Дружко, грозя плетью, съ сердцемъ приказывалъ ему отойти. Но мальчикъ не слушался и отвѣчалъ: «выкупъ». Дружко, «похрабровавъ», началъ торговаться, нѣсколько разъ выходилъ изъ избы, опять вскакивалъ, угрожалъ плетью и наконецъ соглашался внести выкупъ, копѣекъ въ десять. Когда дружка выходилъ изъ избы, сваха сажала невѣсту за столъ, садилась сама по лѣвую сторону, а мальчикъ, требовавшій выкупа, по правую. Дружка, посаженный отецъ и поѣзжане вводили женха, снимали съ него шапку и отдавали ее посаженному отцу. Замѣтивъ мальчика на жениховомъ мѣстѣ, дружка вновь начиналъ ему грозить, старался запугать его, но могъ согнать съ мѣста только заплативъ условленную цѣну. Тогда женха, вновь надѣвъ на него шапку, сажали къ невѣстѣ, всѣ сѣли за столъ и гостямъ подносили вино. Между тѣмъ сваха невѣсты брала медовую сыту и гребень, снимала съ жениха шапку, а съ невѣсты покрывало, смачивала имъ головы сытою и, расчесавъ гребнемъ, опять покрывала имъ головы. Игрици, т. е.

собравшіяся дѣвушки и молодія женщины, величали пѣснями жениха и поѣзанъ, каждого порознь, за что тѣ дарили ихъ деньгами. Затѣмъ отецъ и мать осыпали жениха и невѣсту пшеничными зернами. Теперь нужно было ѣхать въ вѣнцу. Дружка, вставъ изъ-за стола съ плетью въ рукѣ, осматривался, потому три раза обходилъ вокругъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, осматривалъ повсюду и на дворѣ, затѣмъ громко предупреждалъ, чтобы никто не переходилъ пути и, возвратившись, кричалъ: «добрый часъ». Женихъ выводилъ невѣсту изъ-за стола и сажалъ ее въ телѣгу; съ нею садилась ея посаженная мать; поѣзжане ѣхали верхами, а сваха жениха въ своей телѣгѣ. Дружка опять объѣзжалъ вокругъ всѣхъ, и наконецъ отправлялись въ церковь самою скорою рысью. Женихъ, окруженный поѣзжанами, съ дружкой по правую руку, ѣхалъ впередъ, а затѣмъ телѣга съ невѣстой. Игрицы провожали пѣніемъ свадебныхъ пѣсень, а когда поѣздъ трогался съ мѣста, пѣли шутивую пѣсню: «Ахъ, сучьи вы дѣти, лапотники, увезли вы нашу башмачницу» и пр. Если кто на пути останавливалъ поѣздъ, дружка льстиво просилъ его сойти съ дороги, бралъ за руку и подчивалъ виномъ и пирогомъ. Встрѣчный уходилъ въ сторону, со словами: «добрый путь». Дружка съ торжествующимъ видомъ поправлялъ на головѣ шапку, и свадебный поѣздъ вновь трогался.

По окончаніи обряда бракосочетанія, выводили невѣсту и жениха въ трапезу, сажали за столъ и угощали священника и причетника привезенными кушаньями и напитками. Между тѣмъ сваха отводила невѣсту въ уголь, заплетала ей волосы на двѣ косы, надѣвала кичку и, накинувъ покрывало, сажала рядомъ съ женихомъ. Когда все было съѣдено и выпито, свадебный поѣздъ отправлялся въ домъ къ жениху, и всѣ прямо садились за накрытый столъ. Отецъ и мать новобрачнаго не принимали участія въ пиршествѣ, но потчивали всѣхъ и угощали напитками. Послѣ третьей «подачи» свать и сваха жениха молча вставали изъ-за стола и шли осмотрѣть брачное ложе. Возвратившись, свать сажался на свое мѣсто, а сваха шептала нѣсколько словъ посаженнымъ матерямъ невѣсты и жениха. Тѣ вставали, отводили невѣсту въ подклѣтъ, раздѣвали ее тамъ и клали въ постель. Когда они, возвратившись, вновь садились за столъ, посаженный отецъ и дружка отводили новобрачнаго въ подклѣтъ, раздѣвали его и, пожелавъ доброй ночи, уда-

лялись. Чрезвычайно любопытно, что въ тульской губерніи, въ концѣ XVIII вѣка, въ противоположность другимъ мѣстностямъ, не невѣста разувала жениха, а, наоборотъ, женихъ разувалъ невѣсту въ первый день брака. Это совпадаетъ съ значительнымъ смягченіемъ семейныхъ правовъ вообще въ этомъ краю, на что было указано выше. Пиршество, между тѣмъ, продолжалось и дѣлалось особенно оживленнымъ, когда сваха приносила матери новобрачнаго доказательство цѣломудрія молодой. Въ тотъ же день, когда молодыхъ поднимали съ постели, былъ княжій пиръ (у купцовъ онъ совершался на другой день). На него приходили игрицы и величали cadaго изъ гостей. По окончаніи пѣсни въ честь кого-либо изъ присутствующихъ, ему подносили стаканъ пива и онъ, выпивъ его, клалъ туда деньги. Вотъ двѣ величальныя пѣсни, приводимыя Левшиннымъ изъ числа тѣхъ, которыя пѣли тогда на крестьянскихъ свадьбахъ тульской губерніи.

„Иванъ-государь сѣдаетъ своего ворона коня,
Сѣзжасть съ широкова двора,
А Наталья у воротъ давно стоитъ.
Пріѣзжасть онъ позднехонько домой.
Свѣтъ мой (имя жены) прими, прими коня.
„Не примаю за нагубу за твою,
Что ты поздно изъ гостей всегда домой.
Ужъ постелюшка унывна безъ тебя,
Изголовье все опало, какъ доска,
Одѣялице простыло безъ тебя“.

„Селезень мой косатый,
Сизый, кудреватый!
Не селезня хвалимъ—
Ивана величаемъ.
Онъ хорошо ходитъ,
Умилно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулочъ не мараетъ“.

Каждая такая пѣсня сопровождалась одинаковымъ веселымъ приѣвомъ:

„Иванъ-государь,
Подари, подари!“

Буде ставешъ дарить,
 Тебя станемъ хвалить,
 А не станешъ дарить,
 Мы умѣемъ корить!"

Въ приданое за дочерью родители давали полный нарядъ, нѣсколько холстовъ, разный скоть, пчель, а иногда и деньги.

Послѣ похоронъ въ тульской и тверской губерніяхъ женщинами приходили голосить надъ могилами каждое воскресенье и праздникъ до истеченія 40 дней по смерти родственника или мужа; въ тверской губерніи при этомъ приносили туда блины и пироги. Въ московской губерніи былъ обычай при погребеніяхъ и поминаніяхъ раздавать подаянія. Въ такъ-называемыя родительскія субботы совершалось поминаніе покойниковъ. Для этого приходили на могилы съ блинами и пирогами, служили панихиду, плакали и причитали «всѣ свои бѣды и несчастія». При этомъ, по свидѣтельству одного современника, «глухой пощъ для своего важитку, снимая съ себя ризы, постпляетъ ихъ на могилу на время проговоренія литіи, или и потрахилъ (sic), получая за то договорную плату, и послѣ въ церковной трапезѣ все, принесенное на могилы, съѣдаютъ пощъ съ причетомъ и принесшіе вмѣстѣ». Въ тульской губерніи родительскія субботы просто составляли большой праздникъ. Еще съ полуночи въ каждомъ домѣ пекли блины, и съ того времени начинались посѣщенія гостей, причемъ не жалѣли пива и вина. Только старушки ходили въ этотъ день въ церковь и на могилы, покликать покойниковъ. Остальные же предавались самому задушевному веселью.

В. И. Семевскій.

Обездоленный.

(Очеркъ).

Какую фамилію имѣлъ Павелъ Петровичъ и даже имѣли ли какую, этого не знали ни крестьяне, ни помѣщики Н... уѣзда, проживавшіе въ своихъ усадьбахъ. Крестьянъ вопросъ о фамиліи Павла Петровича повидимому нисколько не интересовалъ, по крайней мѣрѣ, кого изъ нихъ я не спрашивалъ объ этомъ, то отъ всѣхъ получилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „А Богъ его знаетъ, намъ-то быдто безъ надобности это“... Помѣщиковъ можетъ быть и интересовало знать, подь какою фамиліею онъ числится въ оффиціальныхъ документахъ, удостоверяющихъ его личность, но спросить объ этомъ Павла Петровича они не рѣшались, не рѣшались по той причинѣ, что если Павелъ Петровичъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, то, услышавъ подобный вопросъ, становился угрюмъ и какъ-то особенно ловко умѣлъ оставлять его безъ отвѣта, если же онъ былъ не въ духѣ, то вопросъ о фамиліи приводилъ его въ ярость: глаза его наливались кровью, губы судорожно подергивались и хриплымъ, перехваченнымъ спазмами голосомъ онъ отвѣчалъ: „Что-о-ось... фамилію... мою фамилію-сь?.. Собака... пе-е-есть... вотъ моя фамилія!“ и, сплюнувъ съ сердцемъ на сторону, онъ бѣжалъ отъ любопытнаго, какъ отъ врага. Люди, хорошо знавшіе его, говорили, что вопросъ этотъ производилъ на него до того болѣзненное впечатлѣніе, что онъ два-три дня ходилъ послѣ того, какъ разбитый, и чаще всего

убѣгалъ въ лѣсъ и тамъ, вдали отъ зоркихъ глазъ, горько оплакивалъ свою несчастную долю.

Павла Петровича я узналъ вскорѣ по прїѣздѣ въ усадьбу Ю..., куда приглашенъ былъ провести мнувшее лѣто. Онъ завѣдывалъ молочнымъ хозяйствомъ у одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ и ежедневно, несмотря ни на какую погоду, одинаково и въ будни, и въ праздники разносилъ по сосѣднимъ усадьбамъ, занимаемымъ наѣзжавшими изъ Петербурга дачникамъ, въ одинъ и тѣ же часы и утромъ и вечеромъ молоко, сливки, масло и прочіе молочные продукты. Легкой, торопливой походкой вбѣгалъ онъ обыкновенно въ переднюю комнату, скороговоркой произнося: „Не угодно ли принять молочко, сливочки, свѣженькаго маслица не прикажете-ли отвѣсить, опробуйте-съ, только-что сбѣитое!“ Въ лицѣ его въ это время отражалось всегда такое теплое, привѣтливое выраженіе, что я любовался имъ. Болѣе симпатичнаго лица я не встрѣчалъ. Большіе каріе глаза его имѣли какой-то особенный мягкій отблескъ, свойственный скорѣе глазамъ женщины, нежели мужчины, и въ тоже время въ нихъ просвѣчивала глубоко-затаенная грусть, которая не исчезала даже тогда, когда онъ смѣялся. Видно было, что душу его рано посѣтило горе, преждевременно надломившее его. Въ самой улыбкѣ его, доброй и привѣтливой, просвѣчивала, какъ и въ глазахъ, та же глубоко-затаенная грусть, придававшая лицу его женственное или, вѣрнѣе, дѣтское выраженіе, а между тѣмъ это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти на видъ, высокаго роста и могучаго сложенія и, не смотря на такіе далеко еще не старыя годы, голова его была совершенно обнажена и только на вискахъ и толстомъ, мясистомъ затылкѣ вились пряди темныхъ, какъ смоль, волосъ. Но что особенно поражало меня въ Павлѣ Петровичѣ, такъ это порядочность, если можно такъ выразиться, проглядывавшая во всей фигурѣ его, въ манерахъ и въ костюмѣ, хотя онъ одѣвался, какъ вообще одѣваются простолюдины. Ситцевая рубашка на немъ и надѣтый сверхъ ея фартукъ всегда отличались безукоризненной чистотой, сапоги были

ярко вычищены, сильныя мускулистыя руки тщательно вымыты и, случайно взглянувъ разъ на кисть его руки, мнѣ невольно пришла мысль, что онъ сынъ какого-нибудь аристократа: длинныя, прямыя и до того красивыя пальцы, какіе увидѣлъ я, могли перейти по наслѣдству только отъ людей, которые въ теченіи вѣковъ не знали никакого упорнаго физическаго труда. Держалъ онъ себя и съ господами, и съ крестьянами всегда одинаково вѣжливо, и въ сношеніяхъ съ первыми я никогда не примѣчалъ за нимъ приниженности, какая, къ сожалѣнію, свойственна простолюдину въ силу вѣчной зависимости и печальныхъ условій жизни его. По всему замѣтно было, что Павелъ Петровичъ по уму и кое-какому развитію стоялъ далеко выше той среды, въ какую втокнула его судьба, и, сознавая во многомъ свое превосходство надъ окружающимъ его простолюдемъ, онъ все-таки не смотрѣлъ на него свысока, какъ это свойственно вообще лакеямъ и т. п. люду, хотя въ то же время не подчинялся и уровню ихъ понятій.

Не смотря на трудолюбіе и честность, которая особенно цѣнились въ немъ помѣщиками, у которыхъ онъ нанимался завѣдывать молочнымъ хозяйствомъ, какъ знатокъ этого дѣла и отчасти ветеринаръ, Павелъ Петровичъ ни у кого изъ нихъ не уживался по долгу. Онъ пмѣлъ слабость пить и пилъ запоемъ до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ весь скопленный имъ заработокъ, платье, бѣлье и золотой, довольно массивный крестъ, съ вставленными въ него четырьмя брилліантками. Крестъ этотъ былъ единственною завѣтною для него вещью. Пропивъ полученныя за крестъ деньги, Павелъ Петровичъ, по обыкновенію, тотчасъ же приходилъ въ себя, отрезвлялся и шелъ наниматься въ работу, чтобъ только получить скорѣе задатокъ и выкупить завѣтный для него крестъ.

— Что, Павелъ Петровичъ, вѣрно до креста допилъ, а? не безъ вроніи спрашивалъ его иной изъ помѣщиковъ, когда растрепанный, съ опухшею фізіономією, одѣтый въ жалкую рвань, онъ являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ.

— До креста-съ! законически отвѣчалъ онъ.

— Ай, ай, ай! и не грѣхъ тебѣ это, а? укоризненно качая головой говорилъ тотъ.

— Не согрѣшишь и праведникомъ не будешь! также законически отвѣчалъ Павглъ Петровичъ. Я къ вашей милости, не примите-ли въ услуженіе-сь?

— Отчего же не принять, можно, съ перваго же слова соглашался обыкновенно помѣщикъ, только я вѣдь того... много-то не могу тебѣ дать, самъ знаешь, теперь ужъ не прежняя пора.

— Я и не прошу-сь. Чго пожалуете, всѣмъ буду доволенъ, только дайте мнѣ теперь же денегъ крестъ выкупить, Христа ради, дайте, кланаясь, просилъ онъ, потому коли нѣтъ на мнѣ креста, стало быть, нѣтъ и послѣдняго счастья.

— Зачѣмъ ты пьешь-то, Павелъ Петровичъ, а, а? Не пей ты, вѣдь ты бы золото былъ, а не человѣкъ, говорилъ иной изъ нихъ не столько изъ сочувствія къ его положенію, сколько изъ желанія прочесть отъ скуки нравоучительную рѣчь, какія также охотно расточаются людьми, какъ и врачебные совѣты.

— Гм... не пить... пропносилъ Павелъ Петровичъ,—Это сударь легко только сказать, не пей... а въ чемъ же прикажете мнѣ истому топить...

— Какую истому?..

— Что сосеть меня...

— Не понимаю... какая такая истомѣ сосеть тебя... удивленно говорилъ тотъ.

— И слава тебѣ Господи, што понятія не имѣете объ ней, молитесь за это Бога, сударь, а насъ предоставьте своей линіи... отвѣчалъ обыкновенно Павелъ Петровичъ на расточаемыя ему нравоучительныя совѣты.

Получивъ задатокъ и выкупивъ крестъ, Павелъ Петровичъ немедленно переселялся къ своему новому хозяину и прежде всего поднимать отчаянную войну съ скотницами и кухарками, водворяя порядокъ и чистоту въ области ввѣреннаго ему хозяйства. Каждый горшокъ, каждую чашку и подойникъ онъ перемывалъ по нѣскольку разъ въ день, парилъ ихъ въ печи, окуривалъ душистыми травами. Коровъ онъ любилъ и холилъ,

какъ дѣтей и пользовался взаимною отъ нихъ привязанностію. Бывало, по возвращеніи стада съ поля, слышавъ голосъ Павла Петровича, коровы бѣгомъ бросались къ нему, лизали его руки и окруженный гурьбою ихъ, онъ входилъ на скотный дворъ. Про него ходила даже молва среди суевѣрнаго люда, что онъ знаетъ какое-то особенное „слово“, которымъ привязываетъ къ себѣ скотину. Прежде чѣмъ приступить къ удою коровъ, Павелъ Петровичъ одѣлялъ ихъ ломтями хлѣба, густо посыпаннаго солью. Затѣмъ поилъ ихъ и принимался мыть и окуривать душистыми травами. Въ чемъ заключался секретъ ухода его за скотомъ, этого никто не зналъ, но всѣхъ поражало то явленіе, что не проходило недѣли, какъ каждая корова начинала давать вдвое больше молока, и самое качество молока измѣнялось къ лучшему. „Золото, а не человѣкъ!“ отзывался объ немъ помѣщикъ и съ опасеніемъ слѣдилъ не задумывается ли Павелъ Петровичъ, не начинаетъ ли сосать его роковая истомы, кончавшаяся обыкновенно запоемъ. Съ какою-то особенною мрачною торжественностію приступалъ обыкновенно Павелъ Петровичъ къ приношенію своихъ періодическихъ жертвъ Бахусу. Люди хорошо изучившіе его замѣчали, что за недѣлю, иногда за двѣ до этого времени, онъ становился молчаливъ, начиналъ тосковать и часто гдѣ нибудь въ глухомъ лѣсу его встрѣчали горько, горько плачущимъ. Наконецъ, одѣвшись въ свой лучшей костюмъ, онъ являлся къ хозяину съ просьбой позволить ему отлучиться со двора.

— Куда ты Павелъ Петровичъ идешь?.. зачѣмъ?.. останься лучше дома, съ тоскою въ голосѣ упрасивалъ его хозяинъ, чувствуя уже роковую развязку его истомы.

— Разсѣяться... иду-съ!..

— Останься, послушай меня, уговаривалъ хозяинъ.

— Не могу-съ... Чувствую, сударь, нужно разсѣяться...

Сосеть!..

— Запешь вѣдь... а?..

— Статься можетъ и запьемъ-съ, соглашался онъ. Что я, сударь, позвольте васъ спросить... какъ вы меня понимаете,

человѣкъ я или песь?.. сурово нахмуривъ брови неожиданно спрашивалъ Павелъ Петровичъ своего смущеннаго хозяина, переминная въ рукахъ синій суконный каргузь, украшенный шелковой кистью.

— Помилуй, Павелъ Петровичъ, съ чего ты подобныя вопросы задаешь?.. удивленно спрашивалъ его въ свою очередь хозяинъ...

— Отвѣтите-съ... человѣкъ или песь?..

— Чудакъ!.. отвѣчалъ хозяинъ, пожимая плечами, — конечно, человѣкъ, съ чего ты себя псомъ-то величаешь...

— Ошиблисъ, сударь, я песь... песь безъ роду и имени, пе-е-съ!.. вотъ я кто... О, Боже мой, и за что, за что все это... трагически восклицалъ онъ ударяя себя въ грудь кулакомъ и поднимая глаза къ небу.—Прощенья просимъ сударь! неожиданно заключалъ онъ, и, не дождавшись отвѣта, убѣгалъ изъ усадьбы. А вечеромъ гдѣ нибудь въ кабацѣ, сидя у застойки, около штофа, онъ кричалъ, ударяя себя въ грудь:—На, душа, пей, пей, моя душенька, пе-ей, поколъ не захлебнешься. И душа его пила, пила до тѣхъ поръ, пока драгоценный для владѣльца ея крестъ не переходилъ въ руки цѣловальника, а самъ владѣлецъ снова нанимался въ услуженіе за самую ничтожную плату.

Мнѣ сильно хотѣлось сойтись и разговориться съ Павломъ Петровичемъ, заинтересовавшимъ меня, послѣ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, какія передавали мнѣ о немъ; но мнѣ никакъ не удавалось это. „Время-то не досужное, сударь“, обыкновенно отвѣчалъ онъ всякій разъ, на приглашеніе мое выпить чаю, „никакъ не можно-съ, а то бы за великое удовольствіе сочель!“ и, вѣжливо откланявшись, онъ такъ же быстро исчезалъ изъ передней, какъ и появлялся въ ней. Но однажды, какъ теперь помню, въ праздничный день, вечеромъ, сидя въ кабинетѣ у растворенной двери на балконъ, я услышалъ на дворѣ усадьбы голосъ Павла Петровича; я вышелъ на балконъ и, стоя за колонной, сдѣлался незримымъ свидѣтелемъ крайне оригинальной сцены, обрисовавшей предо мною совершенно въ

новомъ свѣтѣ личность Павла Петровича. Нужно сказать, что въ этотъ день одна изъ коровъ владѣтельница усадьбы, гдѣ жилъ я, довольно пожилой и крайне скупой женщины, возвратилась съ поля больною. Испуганная хозяйка немедленно послала за Павломъ Петровичемъ, чтобъ воспользоваться помощью его, какъ человѣка знакомаго нѣсколько съ ветеринарнымъ искусствомъ. Но прежде, чѣмъ Павелъ Петровичъ пришелъ, корова уже околѣла и разсвирѣпѣвшая хозяйка заливала свой гнѣвъ, ругая ни въ чемъ неповиннаго пастуха и еще менѣе виновную работницу, которая, не замѣтивъ заболѣванія коровы, отпустила ее утромъ въ поле.

— Сейчасъ долой со двора моего, грязная баба, чтобъ духу твоего не было здѣсь! кричала она на работницу, пожилую женщину, плакавшую передъ ней, уткнувъ свое лицо въ синій холщевый передникъ.—Лучше бы ты подохла, чѣмъ буренка; за тебя то гроша никто не дастъ, а мнѣ за корову-то полтарасто рублей давали, да я не продала! кричала она на всю усадьбу.

— Сударыня!.. вступился вдругъ Павелъ Петровичъ возвысивъ свой голосъ, который, какъ показалось мнѣ, дрожалъ.

— Лучше бы у мужика пала корова или лошадь, такъ нѣтъ, за мужичьей-то вы во всѣ глаза глядите, а барская скотина хоть вся вывались, вы еще рады будете, подлые. Я уже проучу васъ... проучу-у-у!.. грозила она.

— Бога-то вы, сударыня, не боитесь, не боитесь вы Бога-то, крикнулъ вдругъ Павелъ Петровичъ, прерывая потокъ ея сѣтованій.—Ахъ, ахъ, ахъ!.. прости васъ Господи, что вы это говорите, воскликнулъ онъ.

— Помилуй, Павелъ Петровичъ, развѣ тебѣ не было бы обидно, еслибъ у тебя пала корова, а? обратилась она къ нему съ какимъ-то визгомъ въ голосъ.

— Обидно-съ, согласенъ съ этимъ.

— Вѣдь ты зналъ, какая это корова-то у меня была, полтарасто рублей стояла, прервала она.

— Зналъ-съ! А все же это Божье произволеніе, сударыня.

Но желать, чтобъ лучше у мужика пала корова—грѣ-ѣ-ѣхъ, и Господь васъ найдетъ за сіе слово! У мужика-то корова, сударыня, одна кормилица на всю семью, а у васъ-то развѣ одна она? у васъ ихъ пятнадцать головъ осталось еще и вы такъ убиваетесь, что говорите, лучше бы человѣкъ подохъ, чѣмъ ваша корова, а?.. Неужели сударыня пристаю такъ говорить-то къ вашему образованію, а?..

— Ну, ты, Павелъ Петровичъ, того, произнесла заикаясь хозяйка, лицо которой покрылось яркимъ румянцемъ.

— Что-о-съ? прергаль онъ.

— Заговорился кажется.

— Никогда-съ! Павелъ Петровичъ, сударыня, всегда въ полномъ разумѣ, съ достоинствомъ прервалъ онъ ее.—Это вы ошиблись! Павелъ Петровичъ помнить, что говоритъ онъ, никогда не скажатъ, сударыня, чтобъ Богъ убилъ лучше человѣка, чѣмъ скотину, все болѣе и болѣе оживляясь говорилъ онъ.— Павелъ Петровичъ, сударыня, никогда не допуститъ мысли къ себѣ, крикнулъ онъ колотя себя въ грудь, чтобъ лучше у бѣдняка пала корова, чѣмъ у васъ, при двустахъ тысячахъ вашего капитала въ банкѣ. Никогда-съ!.. А за симъ прощенья просимъ, сударыня, не прогнѣвайтесь на простомъ словѣ необразованнаго человѣка! произнесъ онъ, приподнявъ картузь и элегантно поклонившись растерявшейся и побагровѣвшей отъ волненія барынѣ, и вышелъ своей торопливой походкой изъ воротъ усадьбы.

Ошеломленная неожиданнымъ отпоромъ, полученнымъ въ виду почти всей прислуги, хозяйка поспѣшно удалилась въ свой домъ и только, какъ мелькомъ услышалъ я въ тотъ же вечеръ, посылая за урядникомъ и заставила его составить протоколъ о павшей коровѣ. На другой день утромъ Павелъ Петровичъ неожиданно измѣнилъ своему обыкновенію и принесъ молоко и сливки въ нашу усадьбу далеко ранѣе урочнаго часа.

— Напейтесь-ка чайку со мной, пригласилъ я его; тѣмъ болѣе, что въ это время только что подали на столъ самоваръ.

— Недосужно, сударь, время то дорого-съ, отозвался было

онъ,—а впрочемъ, если милость ваша будетъ, извольте-съ, стаканчикъ изопью-съ! произнесъ онъ присаживаясь на стулъ и отирая съ лысой головы своей крупныя капли пота, чистымъ клѣтчатымъ платкомъ, который постоянно носилъ на груди за фартукомъ.—Извольли поди слышать, сударь, какъ хозяйка-то ваша отличилась! неожиданно спросилъ онъ, принимая отъ меня стаканъ съ чаемъ.

— Это на счетъ коровы-то?

— Да-съ! За урядникомъ послала, протоколъ составила-съ, ха, ха, ха... Это образованная барыня, сударь, на трехъ диалектахъ разговариваетъ и протоколъ о смерти коровы составляетъ, двѣсти тысячъ въ банкѣ лежитъ и хочетъ обвинить пастуха и работницу въ смерти ея, чтобъ не отдать имъ, изволите видѣть, заработанныхъ ими денегъ и заставить ихъ еще годъ два даромъ работать на себя... а?.. Что это за люди, сударь, произнесъ онъ всплеснувъ руками.—Ну, я ее дожду!

— Вы?... не безъ удивленія спросилъ я... да чѣмъ-же вы ее дождете?

— Дожду-съ!... рѣшительно подтвердилъ онъ. Я, сударь, простой человекъ, мужикъ, въ работникахъ живу—съ нервной дрожью въ голосѣ продолжалъ онъ—но я ее дожду.

— Да чѣмъ, скажите вы мнѣ...

— Словесно-съ.

— Ну... едва-ли вы на подобную личность подѣйствуете какимъ-нибудь словомъ! отвѣтилъ я, хорошо уже ознакомившись съ нравственными качествами хозяйки занимаемой мною усадьбы.

— Попроверу-съ!... Я, сударь, смиренъ, но если колыми паче задѣтъ меня, я очень много могу наговорить... Пушай меня къ мировому ташуть... пушай судать и въ тюрьму садать, но я ее оплюю-съ!... Помилуйте... господинъ... выкиньте, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ онъ: это образованные люди называются, а?... Нѣтъ, если ты считаешь себя выше мужика по образованію, такъ ты будь честенъ, благороденъ... Коли видишь, что мужикъ ошибся... проступокъ сдѣлалъ предъ тобой, то на-

учи его уму разуму добромъ, кроткимъ словомъ... такъ-ли я понимаю-сь?... спросилъ онъ.

— Совершенно вѣрно.

— А то за урядникомъ посылать, составлять протоколъ для того, чтобъ запутать безотвѣтныхъ людей... нѣтъ, это ужь послѣднее дѣло-сь... Это ужь того-сь... Прощенья просилъ, пропизнесъ вдругъ онъ, вскакивая со стула и хватаясь за картузь.

— Что вы... куда-же вы, Павелъ Петровичъ, спѣшите, допейте хоть стаканъ-то чая, остановилъ я.

— Не могу-сь... извините... пойду-сь.

— Да куда-же вы спѣшите?

— Къ вашей барынѣ-сь! говорилъ онъ, весь разгорѣвшись, не могу сударь. Не могу-сь... душа не выносить этакого поступка.... Я ей сейчасъ скажу... такъ и такъ молъ сударыня... хоша вы и дворянка... а это подлость... изменныхъ людей обижать.... Прощайте-сь!... И, точно обваренный кипяткомъ, Павелъ Петровичъ выскочилъ изъ передней и, перебѣжавъ черезъ дворъ усадьбы съ непокрытою головою, скрылся въ домъ моей хозяйки. Првзнаюсь, я никакъ не ожидалъ отъ этаго добродушнаго и крайне застѣнчиваго человѣка подобной горячности; но видно было, что честная натура его была возмущена до глубины души безнравственнымъ поступкомъ „образованной барыни, говорившей на трехъ діалектахъ“, какъ выражался Павелъ Петровичъ, и желавшей обвинить свою неповинную прислугу въ смерти коровы, съ цѣлью удержать причитающуюся имъ заработную плату. Выйдя на балконъ, я нарочно поджидать появленія Павла Петровича, чтобъ узнать, привелъ-ли къ какимъ результатамъ протестъ его, но какъ я ни кричалъ Павлу Петровичу, когда онъ вышелъ изъ дома хозяйкиной усадьбы, прося его зайти ко мнѣ, онъ махнулъ мнѣ только рукой и почти бѣгомъ изчезъ изъ усадьбы.

Вечеромъ, принеся по обыкновенію молоко и сливки, Павелъ Петровичъ показался мнѣ необычайно сдержаннымъ: на лицѣ его не видно было пріятливо-добродушной улыбки, онъ былъ скорѣе

угрюмъ и ни разу не поднять на меня глазъ, точно ему было стыдно чего-то.

— Ну что, Павелъ Петровичъ... что новаго?... спросилъ я.

— Ничего-съ!... сухо отвѣтилъ онъ.

— А говорили утромъ съ барыней.

— Нѣтъ-съ.

— Почему-же?

— Подлая... чего-же больше... и до себя даже не допустила, больва, говорить, пускай зайдетъ въ другое время, рюмку водки выслала мнѣ, кабы значить... въ награду за то, что потревожила меня вчера, скороговоркой и не глядя на меня отвѣтилъ онъ.

— Вотъ какъ.

— Да-а-а-съ!... протянулъ онъ... Хамы вѣдь мы-съ... холопы; душу-то нашу, изволите видѣть... за рюмку можно купить, съ горечью въ голосѣ произнесъ онъ. Ну, нѣ-ѣтъ... врешь барыня! вскрикнулъ онъ краснѣя. Принялъ я эту рюмку, сударь, выплеснулъ ее за окно, да и говорю горнишной: поди скажи своей барынѣ, что я эту рюмку за окно выплеснулъ... пускай свинья, что ходитъ вонъ по двору, за ея здоровье пьетъ... а не я.

— Неужели... такъ и сказали?... прервалъ я.

— А что-же-съ?... Полагаете, я боюсь ее, сударь... Нѣ-ѣ-ѣтъ-съ!... не очень-то я робокъ, хоша и податнаго сословія человекъ. Я и съ генералами такія суспиціи имѣлъ-съ... что ихъ превосходительства изволили язычки прикусывать... Не робокъ я, сударь. По нашимъ мѣстамъ, сударь, живя... если еще робѣть станешь, то лучше умирай... и дыху... чтобъ твоего не было. Булакомъ да горломъ только и возьмешь, а теперича прощенья просимъ у васъ, что заболтался! произнесъ онъ, забирая свои горшки и формы съ масломъ, всегда завязанныя въ чистую скатерть.

Послѣ этаго случая, Павелъ Петровичъ, точно какъ будто устыдившись своей откровенности, сталъ окончательно чуждаться меня. Принеся молоко и сливки, онъ спѣшить поскорѣе уйдти и на вопросъ: что новаго? всегда отвѣчалъ почти одну и

ту же фразу. „Что по нашимъ мѣстамъ можетъ быть новаго, сударь?“ и затѣмъ, откланявшись, уходилъ. Наконецъ однажды утромъ, съ молокомъ и сливками пришла вмѣсто него какая-то женщина, и когда я спросилъ: „А гдѣ же Павелъ Петровичъ, здоровъ-ли?“ она отвѣтила: „Запилъ, видать, со вчерашняго дня, какъ ушолъ, такъ и не появился! Совсѣмъ блажной мужикъ! ужъ у нашихъ-ли господъ не житье ему было, только и слышишь бывало: голубчикъ, Павлю Петровичъ, да батюшко—Павло Петровичъ! всѣ въ глаза-то ему словно иконѣ какой глядѣли. Ну, вотъ и доглядѣли. Ихъ-же обругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ, да и былъ таковъ, ницъ теперь его!... пояснила она тономъ, въ которомъ высказывалась глубоко-затаенная вражда къ Павлу Петровичу.

— За что-же обругалъ онъ ихъ? спросилъ я, удивленный подобною новостью.

— Всячески, всяческой бранью выругалъ! гнѣвно прозви-сла она,—легко-ли сказать: а? Ужъ у нашихъ-ли господъ не житье ему было, другой и померь-бы на этомъ мѣстѣ, говорю, словно иконѣ, всѣ въ глаза ему глядѣли, только вотъ не моллись на него, прости Господи!

— Да за что-жъ онъ обругалъ-то ихъ, скажи мнѣ? прервалъ я ее.

— А, вишь, все вотъ не по его дѣлаютъ, укащикъ господамъ-то выискался, учить ихъ сталъ, уменъ вишь больно, умнѣй господъ захотѣлъ быть: пошто говорить прислугу утѣсняете, положенаго чего слѣдъ не даете, пошто, говорить, мужикамъ кубачей стали не додавать.

— Какихъ кубачей?

— Ну, а того, оно, какъ тебѣ сказать-то: рожаная солома это, когда вишь землю съ десятины господа мужикамъ на распашку сдаютъ, такъ стало быть мужики-то засѣваютъ и хозайскимъ зерномъ; ну зерно-то опосля, какъ снимутъ посѣвъ, сполна господамъ отдають, сколько стало быть высѣено его было, а прирость-то ужъ пополамъ дѣлуютъ, а солону-то, когда хлѣбъ-то смолотять, такъ снопьями вяжутъ, въ пудъ такъ снопъ-

то будетъ, мужики-то и зовутъ экой снопъ кубачемъ. Такъ допрежь вишь господа-то изъ трехъ кубачей два-то мужикамъ отпускали, а нонѣ-то по одному кубачу стали давать, значить, такъ и поряжаютъ: солому отдавать изъ третьяго кубача, потому, вишь, корма-то дорогіе стали, солома-то самимъ господамъ за-надобилась, а Павелъ-то Петровичъ и взбѣлся, словно его это дѣло. Мужику-то, вишь, говорить, пшено болѣ корму-то скотниѣ надоть, чѣмъ вашей. Вы, говорить, и мякни себѣ берете и отваромъ мякны зимой скоть-то поите, а у иного мужика, говорить, и сѣна-то нѣтъ, такъ покрайности, говорить, хошь соло-мой-то не обидьте его... да вѣдь какъ на барина-то окрысился, такъ съ нимъ слово за слово въ щеть и лѣзеть! жестикулируя, поясняя она.

— Ну, а баринъ-то что-же? прервалъ я.

— А чего, плюнуль это и ушолъ, чего съ дуракомъ-то разговаривать, хошь по себѣ посуди! Иной-бы можетъ и плюхъ ему накидалъ, ну, а нашъ-то смиренный, рука вишь не вздымается. Вѣдь коли-бы умъ-то у него былъ, у Павла-то, такъ неужь-бы онъ этакъ жилъ, какъ теперь. Ну, а коли ума-то нѣтъ, такъ чего-жъ тутъ господь-то винить, тоже и господско-то дѣло возьми развѣ любо, что онъ всякому грубить, да въ носъ тычетъ чѣмъ ни попадо.

— Какъ въ носъ тычетъ: бьетъ что-ли?

— Да хуже чѣмъ бьетъ, родимый... нно дѣло, полѣномъ то такъ не ушибешь, какъ словомъ... И тотъ у него мошенникъ, и другой-то мошенникъ, гляди-ко: онъ вотъ одинъ нашолся честной человекъ, а ужъ кто-бы и указываль-то, а то прости Господи штановъ-то на ногахъ нѣтъ, одну рубаху стираетъ, другая на плечахъ сохнетъ, а тоже въ укащики лезетъ, господъ учить какъ жить... а... а да што тутъ и говорить, батюшка, блаженной мужикъ, произнесла она махнувъ рукой. Прости, родимый, што заболталась-то: гдѣ бы вотъ идти надать, а я вишь бабій-то языкъ... Чать господа-то хватятся, будетъ грѣха-то, говорила она, поспѣшно завязывая въ скатерть горшки съ молокомъ, кувшины со сливками и формы съ масломъ, и уходя

отъ меня по направленію въ сосѣднюю усадьбу, гдѣ также, вѣроятно, подѣлилась не безъ злорадства свѣжею новостью о Павлѣ Петровичѣ, обругавшемъ своего благодѣтеля барина.

Прошло болѣе мѣсяца, а о Павлѣ Петровичѣ, какъ говорится, не было ни слуху ни духу. Я думалъ, что мнѣ уже не доведется встрѣтиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что кого я ни спрашивалъ о немъ, всѣ говорили: „теперь ужъ ѣтъ вѣрно въ городъ ушелъ, здѣсь и наняться-то болѣе не къ кому, у всѣхъ пережилъ!“ Но разъ, вечеромъ, какъ теперь помню, въ праздникъ я собрался идти въ село Ш., гдѣ въ тотъ день крестьяне дѣлили покось. Мнѣ крайне хотѣлось быть очевидцемъ соблюденія тѣхъ формальностей, съ какими обыкновенно производится процедура общинныхъ раздѣловъ, какъ вдругъ дверь въ мою комнату отворилась и на порогъ показался Павелъ Петровичъ или вѣрнѣе тѣнь всегда щеголевато бывало одѣтаго и деликатнаго Павла Петровича. Лицо его впало и было блѣдно, каріе глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ и что-то безпокойное, болѣзненное отражалось въ нихъ. Онъ былъ босикомъ, на тѣлѣ его болталось только подобіе рубахи, грязной до послѣдней степени, портки едва доходили до колѣнъ и даже не прикрывали его наготы, фуражки у него не было, а на голову былъ намотанъ въ родѣ чалмы грязный клѣтчатый платокъ и на лбу было замѣтно огромное черное пятно отъ запекшейся крови.

Войдя въ комнату, онъ молча посмотрѣлъ на меня, точно желая уловить впечатлѣніе, произведенное на меня его приходомъ, и затѣмъ, быстро опустившись на колѣни, вскрикнулъ охрипшимъ голосомъ: „Сударь, простите, простите несчастнаго“.

— Павелъ Петровичъ встаньте... что съ вами? говорилъ я, стараясь поднять его.

— Не встану-съ, простите, простите великодушно.

— Въ чемъ-же мнѣ прощать васъ, въ чемъ вы провинились-то предо мной, говорилъ я, поднимая его.

— Въ безобразіи.

— Я не вижу его.

— Воззрите духовными очами, и вы увидите, но не осуждайте... Не осуждай и не осужденъ будешь, помни! строго крикнулъ онъ.

— Встаньте-же вы!.. уговаривалъ я.

-- Не встану-съ!.. И не старайтесь поднимать меня, меня никто уже не подниметь, сударь, никто!.. Я пать, давно пать и мнѣ не встать. Я пропащій человекъ, говорилъ онъ, колотя себя кулакомъ въ обнаженную грудь: „я обездоленный человекъ“... и онъ заплакалъ.

— Успокойтесь, Павелъ Петровичъ, говорилъ я, пойдите, сядемте, не хорошо стоять на колѣняхъ.

— Я хамъ, а для хама все хорошо!.. съ трагическимъ отгвѣнкомъ въ голосѣ отвѣтилъ онъ и закашлялся тяжелымъ, протяжнымъ, удушливымъ кашлемъ, и, схватившись рукою за грудь, замоталъ головой отъ удушья. О-охъ, Господи! произнесъ наконецъ онъ и поднявшись съ колѣвъ молча опустился на ближній стулъ, обхвативъ голову руками.

— Не дать-ли вамъ воды!.. Спросилъ я.

— Рюмочку-бы!.. почти шепотомъ отвѣтилъ онъ... душитъ сосеть.

Вынувъ изъ шкафа графинъ и рюмку, я налилъ въ нее вина и подаль ему; дрожащей рукою взялъ онъ рюмку, съ трудомъ донесъ ее и почти опрокинулъ въ ротъ. „Про-о-оклятая!“ сквозь зубы процѣдилъ онъ, ставя рюмку на столъ.

— Зачѣмъ вы пьете, Павелъ Петровичъ!.. спросилъ я.

— Пью-юсь!.. пью, поколъ не запьюсь, шепотомъ отвѣтилъ онъ.

— Неужели вамъ жизнь надоѣла?

— Жи-и-изнь!.. повторилъ онъ и замоталъ головой: да развѣ я живу, а?.. Про-о-озябаю... аки злакъ негодный!“ произнесъ онъ, обведя глазами по комнатѣ, и остановивъ ихъ на графинѣ, задумался. „Вотъ она жизнь-то сударь!“ сказалъ онъ, ткнувъ пальцемъ въ графинъ. „Пей, душа, поколъ не захлебнешся, пе-е-ей!“ крикнулъ онъ и, наливъ рюмку уже

болѣ твердой рукой, залпомъ опорожнилъ ее. Видѣли сударь?.. спросилъ онъ ставя ее на столъ.

— Видѣть!..

— Развѣ, это жизнь, а?.. Что жизнь? Муха, комарь, и тѣ живутъ, да радуются, имъ милъ Божій свѣтъ, а я, что я?.. Въ недоброй часъ зачала меня мать, и въ недоброй часъ родила... говорилъ онъ качая, головой... Ну, она, въ могилѣ, теперь, спи, спи, родная, не клянущи тебя, не клянущи, покойся! точно въ полузабытѣи говорилъ онъ, обхвативъ голову правой рукой, а лѣвой махая въ воздухъ, какъ бы отгоняя отъ себя какую-то тѣнь. Простите меня, сударь, простите великодушно! снова произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— За что-же мнѣ прощать васъ, вы ни въ чемъ передо мною не виноваты.

— Въ безобразіи, что осмѣлился явиться къ вамъ въ такомъ видѣ.

— Ну полноте, успокойтесь.

— О-охъ, еслибъ вы знали, сколь въ моей душѣ небогѣло, а? Ну вы-бы сказали мнѣ, Павелъ Петровъ, несчастный ты человекъ, умри лучше.

— Чѣмъ-же вы несчастны, Павелъ Петровичъ, прервалъ его.

Обхвативъ голову руками, онъ съ минуту сидѣлъ молча, покачиваясь, и мнѣ показалось онъ плакать.

— А-а-ахъ! вздохнувъ, произнесъ онъ и махнулъ рукой. „Будьте великодушны, дайте мнѣ еще рюмочку“, жалкимъ умоляющимъ тономъ спросилъ онъ, и, выпивъ поданную ему рюмку, посмотрѣлъ на меня слезящимися глазами, потомъ набожно поглядѣлъ въ передній уголъ на икону и началъ креститься. „Не вѣдаютъ бо что творять, не вѣдаютъ!“ снова заговорилъ онъ. „Поглядите, сударь, что это?“ спросилъ онъ вынувъ изъ за рубахи и показывая мнѣ весьма массивный золотой крестъ, на концахъ котораго было вѣдѣано по небольшому брилліанту. Признаюсь, какъ-то странно было видѣть по-

добный крестъ, висѣвшимъ на черномъ грязномъ гайтанѣ, среди рубища, въ какое бытъ облечень его обладатель.

— Крестъ! отвѣтилъ я.

— Распятый за ны!.. торжественно пропзнесь онъ и перекрестившись, поцѣловалъ крестъ. „Вотъ все сударь, что досталось въ наслѣдство потомуку когда-то владѣтельныхъ Хановъ!“ пропзнесь онъ, обводя меня глазами и показавъ мнѣ крестъ. Знаете-ли вы, сударь, кто Я, а? спросилъ онъ, нѣсколько хвастливо покачиваясь на стулѣ.

— Нѣтъ!..

— Князь! гордо вскинувъ на меня глазами, отвѣтилъ онъ.

— Вы, князь? спросилъ я, съ трудомъ подавивъ улыбку, появившуюся при послѣднемъ словѣ его, показавшемся мнѣ скорѣ бредомъ пьянаго человѣка, чѣмъ истиной.

— Предки мои на престолѣ сидѣли-сь, владѣтельные Ханы были, милліоны народовъ покорялись имъ, а потомокъ ихъ, ха! ха! ха! неестественно смѣясь, продолжалъ онъ, скотскіе хлѣвы чистить, сливочное масло сбиваетъ, чужое молоко на продажу по усадьбамъ разносить. Что, сударь, и теперь скажете, что мнѣ не слѣдуетъ пить, а? спросилъ, онъ.

— Не слѣдуетъ, скажу и теперь.

— Бодрись-же! Павлуха, крикнулъ онъ ударивъ себя кулакомъ въ грудь. Бодрись. Наплюй на всѣхъ своихъ владѣтельныхъ предковъ, кровь которыхъ течетъ въ тебѣ, и оставайся хамомъ. Сударь, вы не смотрите, что я пьянъ, нѣ-ѣ-ѣтъ, я не пьянъ, а я пьянъ да умень, да-а. Скажите мнѣ, по совѣсти: чѣмъ лучше быть, подлымъ-ли Ханомъ, или честнымъ Хамомъ, а?

-- Конечно честнымъ Хамомъ.

— Благодарю, душевно васъ благодарю, пропзнесь онъ, поднеся правую ладонь къ губамъ и посылая мнѣ воздушный поцѣлуй. „Вѣрно-сь! Мало образованный я человѣкъ, но я понимаю, умомъ понимаю, пропзнесь онъ, приложивъ палецъ ко лбу: честнымъ Хамомъ быть лучше, лучше! крикнулъ онъ, ударивъ въ столъ кулакомъ. Кто я, Хамъ, песь, котораго

всякій можетъ ногой пнуть, но я честно сударь живу. Совѣсть моя чиста, и когда призоветъ меня Господь къ себѣ, я скажу: Господи, не суди меня, не дѣлалъ я людямъ зла, и не желалъ никому зла, всѣхъ, всѣхъ простилъ и мать, и отца пустившихъ меня въ жизнь безыменнымъ кобелемъ, и братьевъ по крови братьевъ, что обездолили меня. Прости имъ Господи, прости!.. говорилъ онъ глядя на икону и крестясь.

— Кто-же ваши братья, Павелъ Петровичъ!.. спросилъ я, прервавъ его.

— Князья, сіяющія особы!.. насмѣшливо отвѣтилъ онъ, десятки тысячъ десятинъ одной земли имѣютъ, сударь, заводы винокуренные, паровыя мельницы-сь, а, я, единокровный по отцу братъ ихъ, продолжалъ онъ ударяя себя кулакомъ въ грудь, ни-и-щъ, за пять рублей въ мѣсяць и за пудъ тридцать фунтовъ двороваго пайка, чужихъ коровъ дою да холю, въ хлѣвахъ чистоту блюду, ха-ха-ха, о-о доля, доля! Ну, прости ихъ Господи, не вѣдаютъ бо что творять! произнесъ онъ, снова набоживо глядя на икону и крестясь. Не насмѣшка-ли судьбы сударь! вскрикнулъ онъ. Вѣдь когда я сталъ помнить себя, такъ балованнымъ дѣтищемъ отца былъ стараго то князя. Прислугѣ было строго на строго наказано звать меня „Ваше Сіятельство“, и ни Боже мой не запнуться, что я не законнаго происхожденія. Старикъ-то отецъ души во мнѣ не чаялъ. Какой-бы именитый гость ни пріѣхалъ въ домъ, всѣмъ говорилъ, вотъ это мой сынъ, единственная моя надежда. Вѣдь только чуть закашляю бывало, сударь, такъ старикъ-то самъ не свой станеть, весь домъ на ноги подниметь, ночей не спитъ бывало, а сидитъ надо мной. Милѣй меня никого для него не было, въ церковь-ли бывало поѣдетъ или въ гости куда, всегда это четверней въ каретѣ или коляскѣ, и я вѣчно съ нимъ, ни на шагъ не отпускалъ отъ себя. Гувернеръ былъ приставленъ ко мнѣ, сударь, танцамъ обучалъ и иностраннымъ діалектамъ, и не чуялъ старикъ, потомокъ хановъ, что любимому сыну доведется хлѣвы чистить, да чужое молоко на продажу разносить.

— Какъ-же это случилось, Павель Петровичъ, что онъ не хотѣлъ усыновить насъ, что-ли, прервать я.

— Желалъ-съ, спать и видѣлъ—признать меня сыномъ.

— Что-же помѣшало ему?

— Померъ! Скоропостижно-съ, померъ. Какъ теперь помню, этотъ день, сударь, 17 юля. Вѣдь ужъ десятый годокъ мнѣ въ то время шоль. Весь день старикъ-то былъ, какъ говорится, самъ не свой, рвалъ и металъ. Письмо онъ получилъ въ тотъ день, сударь, отъ старшаго-то сынка, что тотъ пустошь какую-то проигралъ, и хорошую пустошь, въ конно-гренерахъ онъ служилъ, такъ старикъ-то это въ клочки, письмо-то изорвалъ, и заскрежеталъ зубами, да обхватилъ это мою голову, прижалъ меня къ груди, крѣпко, крѣпко, даже больно мнѣ стало, и заплакалъ. Ну, Павель, ты одна говорить у меня надежда, ты не въ нихъ будешь!.. и весь день сударь не отпускаялъ меня ни на шагъ отъ себя, словно сердце его чуяло. Съли ужъ пить вечерній чай, отпилъ онъ такъ полстакана, да отвалился вдругъ на спинку кресла и захрипѣлъ, только и видѣли-съ, ударъ сразилъ!

— А матушка ваша жива была, въ это время?

— Жива-съ!.. Любилъ онъ покойницу. Мѣщанка она родомъ то, сударь, была, Т...я мѣщанка. Въ домъ-то она взята была еще княгиней, такъ какъ, матушка-то моя, изволите видѣть, мастерица была, модистка, въ Петербургѣ обученая, княгиня-то и взяла ее значить къ себѣ на особое жалованье, что-бы она обучала, къ примѣру, шитью и кройкѣ дворовыхъ дѣвушекъ. Еще при жизни княгини, князь-то посягалъ было на матушку, потому красавица была она изъ себя, какъ слазываютъ. Ну только не такого качества была женщина покойница. Это тоже исторія, сударь, какъ опосля ужъ мнѣ по смерти ужъ матушки дворовые рассказывали, которые все вѣдь видѣли, что въ дому-то дѣлалось, пропзнесъ онъ покачивая головой. Какъ княгиня-то умерла, матушка-то сейчасъ было въ отходъ изъ дому и потребовала расчету, а князь-то, сударь, не даетъ ей ни подводу, ни расчету, склонять началъ жить съ нимъ,

да и заперъ матушку-то, сказываютъ, какъ-бы въ заточенье, да силой, сударь, чести-то лишитъ... Хорошо ли поступлено, спросилъ онъ. Ну што тутъ дѣлать было покойницѣ, побилась, побилась сердешная, заступниковъ нѣтъ, опозорена, почувала што и за-тяжелѣла мной, куда кинуться? гдѣ преклонить голову, а князь одно—што любитъ ее да уговариваетъ: живи, поплакалась, поплакалась бѣдная, да и осталась должно полагать ужъ ради меня, въ экономкахъ осталась въ домѣ-то хозяйствомъ вѣдъ управляла она сударь, всѣ капиталы на ея рукахъ были, и хотя бы копѣчкой одной-бы, вотъ копѣчкой покорыстовалась. Сколько бывало отъ князя-то выносила она непріятностей, ему желательно было, сударь, чтобъ она все въ шелкахъ да въ бархатѣ прогуливалась, а покойница терпѣть этого не могла, все какъ-бы проще наровила, не любила этаго. Вѣрите-ль, сударь, пзъ за стола бывало выгонитъ ее, поди браслетовъ на себя надѣвай, да каменье цѣнныхъ. Сколько она плакивала родимая отъ его прихотей да характеру. Бывало проклинать своихъ дѣтокъ князей-то примется. Такъ покойница-то матушка на колѣняхъ, вѣрите-ли, умаливала его, не кляни, не примай на душу грѣха. Бывалъ ее не разъ.

— За что-же?

— За князей, за своихъ ненавистныхъ дѣтокъ!.. Напишутъ бывало ему, поплачутся, пришли денегъ. Мотоватые были-сь, ну и родъ-то ихъ княжескій, древній по сану, тоже жить хотѣлось; а покойный-то князь ненавидѣлъ ихъ, не своимъ все сыновьями звалъ. И начнетъ ихъ бывало проклинать, кричить: не увидать ни гроша пзъ моего добра, Павелъ одинъ мой наследникъ; а мать-то моя заступится за нихъ, что и они де дѣти, онъ и вскинется на нее и подниметъ баталь. Такъ что покойница - то дѣлала, сударь, возьметъ да тайкомъ отъ князя-то и пошлетъ имъ чего тѣ попросить, а онъ снова и провѣдай про это, такъ вѣдъ какъ билъ, какъ билъ ее, сударь, въ постель уложить. Много покойница вынесла отъ него. Вѣдь когда князь-то живъ былъ, сударь, такъ строго на строго наказалъ дѣтямъ, чтобъ и нога ихъ въ домѣ его не была. Однимъ

прислали они ему свои портреты, такъ, вѣрите-ль, побагровѣлъ весь старикъ-то, изломалъ своими руками рамки-то въ щепы, а портреты-то изорвалъ въ клочки, да и выкинулъ за окно. О-о, грѣха было много, снова помянулъ онъ, покачавъ головой, крутой былъ старикъ; для меня-то онъ все-бы сдѣлать, сударь. Ну матушка покойница повинна въ долѣ моей, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ... Но не сужу ее въ могилѣ, спи... спи...

— Она-то чѣмъ-же?.. спросилъ я.

— Жениться вѣдь князь-то хотѣлъ на ней, съ ножомъ къ горлу приступалъ, примемъ вѣнецъ, не хотѣла идти за него, устояла на своемъ...

— Почему-же, не любила его развѣ...

— Господь ее знаетъ, сударь, не могу судить... Одно говорила покойница, какая я княгиня, для чего, говорить, пойду, для того развѣ, чтобы люди, говорить, смѣялись, да пальцами указывали на меня, и князю, говорить, это пятномъ будетъ, а я, говорить, энтаго не снесу, чтобы изъ-за меня надъ нимъ смѣялись... А прими, говорить, мы вѣнецъ, онъ и дѣтей своихъ по міру пустить; тогда, говорить, что-жъ вся слава на меня надегъ, что я всему причиной, такъ и не пошла-сь, а о родномъ дѣтищѣ не подумала, сударь; вотъ сколь умна, а?.. Ну, да Божья, знать, воля, покачивая головою, говорилъ онъ. Можетъ покойница полагала, что братья, памятуя заступничество ея за нихъ и добро къ нимъ, не кинуть меня, а оно вонъ какъ вышло!.. Когда послѣ смерти тятеньки наѣхали они пѣнья дѣлать, такъ што было сраму-то, и-и-и, Боже мой... языкъ-то сказать не пошевелится... до нага, сударь, обобрали и мать и меня. Чего князь не нажертвовалъ маменькѣ, она сама имъ, какъ только пріѣхали они, своими руками отдала: бразьянты, золотыя вещи, все... Получите, говорить, это ваше все, номимо воли мнѣ отецъ вашъ жертвовалъ, ну не полагайте, что я пользовалась его слабостью... благо-одно все это дѣло повела, а они что-сь... за мѣсто благодарности-то къ ней... подай, говорятъ, серебро, въ серебрѣ недохватъ,

подай то, другое, всякую щепу стали спрашивать, всякую-то тряпку перетряхли у нее, сударь; до нага, какъ есть до нага, при всей дворнѣ, раздѣлг ее, да обыскивали, не утапала-ли она куда въ тѣло денегъ, аль банковыхъ билетовъ... о... о... Господи—сколько слезъ, сколько сраму приняла отъ нихъ покойница, за то, что объ нихъ-же радѣла, за нихъ-же заступалась... Игрушки-то, сударь, какія мнѣ тятенька дарилъ, бѣлье какое было нашито по его наказу, платье... все отобрали... Босыми пзъ усадьбы-то выгнали, вѣрьте Господу, босыми вышли...

— Много вамъ лѣтъ въ то время было?

— Десятый годъ шоль, сударь... Гувернеру-то, што родитель приставилъ ко мнѣ для обученія, даже жалованья не отдали и выгнали въ тотъ-же день, какъ пріѣхали; не срамъ-ли-сь... онъ-то чѣмъ повиненъ тутъ; такъ тотъ, сказывали, предводителю дворянства жаловался, ужъ чѣмъ дѣло порѣшили тогда, не знаю-сь!.. Много, много грѣха было... такъ мы и пошли съ покойницей по миру... Люди-ли, сударь, судите... съ дрожью въ голосѣ, спросилъ онъ. Крестъ этотъ сорвали съ меня, такъ мать-то покойница въ ноги кинулась мнѣ; что, говорить, стоитъ этотъ крестъ я заслужу вамъ, въ скотницы пойду, но заслужу; только оставьте его ребенку, вѣдъ этимъ крестомъ его отецъ благословилъ... Богъ васъ убьетъ, говорить, если вы отнимете у ребенка благословеніе отца его. Дрогнули-сь, крикнулъ онъ. Не коснулась рука, сударь, только цѣпь одну взяли...

— Какую-же цѣпь-то?..

— Цѣпь при немъ золотая была. Какъ теперь помню-сь, въ день Петра и Павла, и отца и моего ангела, пришелъ я къ нему утромъ поздравить его и поздороваться. Вынулъ онъ покойникъ изъ шкатулки крестъ этотъ, на золотой цѣпи, тяжелая была цѣпь; поцѣловалъ меня, трижды перекрестилъ этимъ крестомъ, надѣлъ на меня и сказалъ: „Благословляю тебя, Павелъ, этимъ крестомъ, какъ отецъ мой благословилъ меня мнѣ, не снимай его съ груди своей и храни его и онъ

охранить тебя отъ всякаго зла!..“ и этотъ-то завѣтъ отца хотѣли отнять у меня... о-о... Боже мой... Ну проснулась со-льѣсть, оставили его мнѣ, только цѣпь отобрали; вотъ они, сударь, каковы образованные-то, выспихъ-то понятіевъ люди!.. а?.. Вѣрите-ли-сь, дворовые люди тайкомъ ужъ дали намъ чѣмъ прикрыться... Любили они матушку-то, потому всегдашняя была заступница и молитвенница за нихъ. Бывало, это драть кого князь-то соберется, пѣна вѣдь у рта, себя не помнить, крутой быть, того и гляди задеретъ на смерть; такъ маменька-то на што бывало дерзала, сударь: ляжетъ это на несчастнаго и говорить: дери меня, а не бей его. Опомнится князь и отойдетъ сердцемъ-то, только ругаетъ ее бывало, што людей распустила, потачить. Много она его отъ зла охраняла. Ну, крестьяне-то, сударь, и не чаяли въ ней души; ужъ какое бывало дѣло, завсегда къ ней идутъ, а она выберетъ это минутку, когда стало быть князь-то весель, не встревоженъ ничѣмъ, ну и поплачется ему, и сдѣлаетъ онъ чего попросить она, ужъ всегда бывало сдѣлаетъ по ее. Любилъ онъ ее. Какъ выгнали это насъ, сударь, продолжалъ онъ послѣ минутной паузы:—куда-бы мы пошли, и нагіе и босые и денегъ-то ни копѣйки, штобы хлѣба-то купить; какіе и заслуженные у матери рубли-то были, и тѣ што псы отобрали у нея; такъ крестьяне-то стороной, за четыре версты усадьбу-то объѣхали, да одежи привезли намъ, денегъ собрали, кто сколько могъ, хлѣба завезли, яичекъ и въ городъ доставили насъ и въ городу-то, сударь, куда мы къ фатеръ-то пристали, такъ и тутъ бывало не оставляли: кто ни приѣдетъ въ городъ, завсегда зайдутъ навѣдаться, бывало, да помочь окажутъ; а хамы, простые хамы, сударь, необразованные, заключилъ онъ махнувъ рукой. А-а-ахъ!.. пережито, сударь; не мало накупѣло, накупѣ-ѣ-ѣло!.. Придетъ день судный... о-о-охъ придетъ, взмолятся и за свои, и за отцовскіе грѣхи, да ужъ поздно будетъ. Позвольте мнѣ рюмочку, одну, послѣднюю, сударь, простите только въ безобразіи, не судите строго,—всѣ мы люди, всѣ мы человѣки...

— Куда-же вы приютились потомъ, Павелъ Петровичъ, спросилъ я, когда онъ выпилъ поданную, мною рюмку.

— Гдѣ день, гдѣ ночь, лишь бы сутки прочь, такъ и жилъ съ! Горе-то скоро сломило покойницу! Она и за послѣдніе-то годы жизни при князѣ все, сударь, скучала, грудью, а тутъ ужъ, горе-то и въ конецъ подорвало ее, и году не выжила, въ больницѣ померла, въ чахоткѣ, а я-то по людямъ мыкался въ услуженіи жилъ. Когда мнѣ пришлѣ сказать, что мать-то помраеть, зоветь меня, пришелъ я къ ней, вижу—лежить покойница бѣлей воску, только глаза горять, словно вотъ искрятся; припалъ я къ ней, хотѣла она руку-то положить на голову мнѣ, а ужъ силы-то нѣту, и только шепчетъ: прости, говоришь, меня, не проклинай, не проклинай и отпа, Богъ, говоритъ не кинеть тебя, а у самой ужъ и языкъ, отказывается, э, эхъ!... обхвативъ голову рукою, пропнешь онъ: „пережито, мно-ого, ужъ, пережито, ну, знать, еще, не все, не все-е-е. Павлуха, бодрись!... говорилъ, онъ, качая головой. Ну а потомъ, вскорости почестъ послѣ смерти матушки-то тетка одовѣла, сестра ея, ну и призрѣла меня. При мужѣ то она не смѣла и закатъся объ насъ, потому родъ ихъ тоже хорошій былъ, степенный, мать-то мою они всѣ порицали, за жизнь ея, а какъ мужъ-то померъ, она и призрѣла меня. Скота у нея было много, все хозяйство; вотъ тутъ-то я, сударь, и навыкъ къ молошному-то хозяйству, ну, а тетушка-то какъ померла, я ужъ отрѣзанный ломоть въ семьѣ-то сталъ и пошолъ съ изнова по людямъ мыкаться, да и посейчасъ мыкаюсь.

— А съ братьями вы такъ и не видались болѣе, полюбоствовалъ я, прервавъ его.

— Не стерпѣлъ сударь, свидѣлся—было это дѣло.

— Раскажите, это любопытно, какъ они васъ встрѣтили.

— Хе, по княжески-съ, насмѣшливо отвѣтилъ онъ,—встрѣтили, какъ и слѣдовало отъ князей ожидать. Лѣтъ ужъ двадцать этому дѣлу, сударь, время прошло, пачалъ онъ: ужъ послѣ волн это было, когда стало быть крестьяне отъ нихъ

отошли... Горко мнѣ, сударь, снова стало. Что-жъ, думаю, Господи, у всѣхъ хоть клочекъ какойнибудь есть, что своимъ зовутъ, за что-же я на свѣтѣ обездоленъ. Вѣдь знаютъ же братья, что я подлинный сынъ отца ихъ, вылитый портретъ его. Неужели, думаю, душа-то въ нихъ не пошевелится? у нихъ десятки тысячъ десятинъ земли, сколько усадебъ однихъ и всякаго добра, неужели, думаю, хотя десяти-то десятинъ земли не отрѣжутъ мнѣ, а десять-бы десятинъ для меня, о-о-о!... живи да красуйся; завель-бы скотинки со временемъ, домокъ, и скороталь бы вѣкъ. Вскипѣло это, сударь, во мнѣ. Пошолъ!.. Въ тѣ поры у меня еще сюртукъ водился, послѣ ужъ пропиль его. Одѣлся прилично, какъ слѣдуетъ? Старшій-то князь, надоть сказать вамъ, за границей все живетъ, болѣе мозгами не ладно, потому, еще въ бытность его на службѣ, его лошадь сшибла, такъ затмѣніе ума стали примѣчать за нимъ съ тѣхъ поръ; дѣлами-то всѣми младшій орудуетъ. Хорошо-сь, прихожу, а живетъ онъ, доложу вамъ въ той-же усадьбѣ, гдѣ родился я, и гдѣ померъ старикъ князь. Это лучшая у нихъ усадьба, и любимая покойной княгини. Пришелъ, прошу доложить; доложили, провели меня въ залъ, просятъ подождать его сіятельство. Какъ вошелъ я, сударь, въ залъ, то такъ и дрогнулъ. Прямо-то противъ меня, въ простенкѣ, виситъ портретъ моего отца во весь ростъ въ генеральскомъ мундирѣ. Прежде-то онъ все въ кабинетѣ старика князя висѣлъ. Взглянулъ я на него, стоитъ старикъ какъ живой и прямо смотритъ на меня, и точно камень подкатился у меня къ сердцу-то: сжало, его, сжало какъ клещами, а слезы такъ вотъ и застилаютъ глаза, и все-то мнѣ дѣтство припомнилось, сударь, словно вчера только изъ этаго дому вышелъ — какъ я и въ комнатѣ въ этой самой бѣгать, и по стульямъ лазаль и стулья, все тѣ-же, только обиты всѣмъ новымъ. И помню это однажды, залѣзъ я на спину къ отцу, и обхватилъ его за шею руками, а онъ къ прыжку побѣжалъ со мной, точно будто лошадь галопомъ, да споткнулся за уголь ковра, упалъ и меня уронилъ, такъ старикъ всю ночь тогда проходилъ за мной, все думать, что

не сломалъ-ли мнѣ руку, и коверъ этотъ онъ тогда-же приказалъ выбросить, чтобъ на глазахъ его не былъ, доктора изъ города выпсать для меня, и вотъ стою я и думаю, сударь. „Отецъ, отецъ, погляди на твоего Павла, погляди, думалъ-ли ты, холя и лелея его, что когда-то бездомнымъ нищимъ онъ придетъ въ твои хоромы просить милостыни у твоихъ дѣтокъ!“ и вдругъ это слышу, сударь, шаги князя: идетъ, ободрился, я, оберъ, глаза, стою. Вышелъ онъ, гляжу, ужъ съ просѣдью человекъ, стройный такой, лицо это гордое, только не отцовское лицо, никакого сходства съ покойникомъ. Вѣрно правъ былъ старпкъ, не любя ихъ да называя не своими дѣтьми. Поклонился я ему, и онъ мнѣ вѣжливо такъ откланялся, и спрашиваетъ: что вамъ угодно?...

— Имѣю счастье, говорю, предстать предъ Ваше Сіятельство, мѣщанинъ Павелъ Петровичъ Салмаковъ.

— Что вамъ угодно отъ меня?... снова спрашиваетъ онъ.

— Возрите, говорю, Ваше Сіятельство, на меня, не подскажетъ-ли вамъ что-нибудь ваше благородное сердце...

Измѣрилъ онъ это меня глазами, такъ кабы съ удивленіемъ, пожалъ плечами, и говоритъ: „Я васъ не понимаю, что вамъ угодно отъ меня, говорите яснѣе“.

— Неужели, говорю, Ваше Сіятельство, вы не признаете меня...

— Извините, говоритъ, но если не ошибаюсь, то въ первый разъ вижу васъ.

— Взгляните, говорю, на портретъ вашего родителя и на меня, и можетъ, говорю въ васъ проснется чувство...

Онъ быстро, знаете, такъ обернулся назадъ взглянулъ на портретъ отца, потомъ на меня, и вдругъ, это вижу, вспыхнулъ весь и словно-бы смѣшался... „вы... вы... говоритъ, не сынъ-ли той мѣщанки, что въ экономкахъ у отца моего жилъ.“

— Такъ точно, говорю, Ваше Сіятельство, я самый...

— Что-жъ вамъ угодно отъ меня, спрашиваетъ.

— Ваше Сіятельство, говорю, неужели такъ-то ни одного теплаго слова, вѣдь я братъ вашъ...

— Послушайте, милый, тихо началъ онъ, строго такъ нахмурившись... Помните, я вамъ разъ и навсегда скажу, у меня ёсть одинъ только братъ, онъ живеть за границей, другихъ я не знаю и знать не хочу, и съ рашей стороны, болѣе чѣмъ дерзость, называть себя моимъ братомъ... Поняли?...

— Понялъ, говорю, Ваше Сіятельство...

— Теперь, говорить, объясните мнѣ цѣль вашего посѣщенія, что вамъ угодно отъ меня...

— Ничего-съ!.. отвѣчаю...

— Значить вы, говорить, заявили ко мнѣ только изъ желанія представится, въ качествѣ брата?.. спросилъ онъ, и зло такъ засмѣялся.

— Извольте видѣть, Ваше Сіятельство, началъ я, а самого такъ и затрясло всего, такъ это и бьетъ, такъ и душитъ, не то зло какое, не то Богъ его знаетъ что... Не много, говорю, для меня чести называться братомъ такой сіяющей бездушнѣею особы...

— Осторожниѣе, говорить, милый, не забывайте, помните— гдѣ вы и съ кѣмъ говорите, остановилъ онъ...

— Я всегда говорю въ твердой памяти, Ваше Сіятельство, и не позволю себѣ забыться. Вы знаете, что я сынъ вашего отца, достаточно взглянуть, говорю, на портретъ его и на меня, чтобъ увидѣть, отъ какого корня я отростокъ.

— Безъ околичностей вы скажите мнѣ, что вамъ нужно отъ меня, снова это съ сердцемъ прервалъ онъ...

— Теперь ничего, Ваше Сіятельство, мнѣ не нужно отъ васъ...

— Такъ зачѣмъ-же вы шли ко мнѣ, или вы желали излить предъ мною ваши родственныя чувства, такъ что-ли понимаю я васъ, да или нѣтъ?.. насмѣшливо спросилъ онъ...

— Желать-бы-съ!.. отвѣчаю...

— Къ вашимъ услугамъ, говорить, слушаю-съ!.. и насмѣшливо это шаркнулъ предъ мной ногами, но такъ это деликатно, вѣжливо...

— Извольте видѣть, Ваше Сіятельство, говорю, а голосъ

такъ это и дрожить, такъ и обрывается, словно кто горло перехватываетъ у меня:—Шоль я къ вамъ, не утаю, говорю, съ намѣреніемъ попросить у васъ, какъ у благороднаго чело-вѣка, ради памяти вашего родителя, который также и мой родитель, снисходить къ моей несчастной долѣ и удѣлить мнѣ отъ вашихъ десятковъ тысячь десятиныхъ хоть-бы десять деся-тиныхъ земли, гдѣ-бы я могъ приютиться и снискивать себѣ хлѣбъ свой Вашему Сіятельству хорошо, говорю, извѣстно, какъ любилъ и лелеялъ меня отецъ вашъ; вся губернія, го-ворю, знаетъ, что я сынъ его, онъ самъ всѣмъ и каждому говорилъ это, и говорилъ, что я одна его надежда. Вся гу-бернія знаетъ, Ваше Сіятельство, и вы, говорю, хорошо знаете, что если-бы родительница моя была другихъ качествъ жен-щина, такъ она не умерла-бы нищей въ больницѣ, а была-бы княгиня. Я не скитался-бы по міру, какъ песь, безъ роду, и имени, а былъ-бы князь, и владѣлъ-бы всѣми вашими бо-гатствами.

— Вы такъ думаете, прервалъ онъ, а глаза такъ и свер-каютъ, какъ у звѣря кажись вотъ, вотъ, растерзать-бы...

— Навѣрное полагаю-сь!... отвѣчаю ему:—десяти годовъ ужъ я былъ, Ваше Сіятельство, и многое понимать, хотя отъ меня и таплось все... Моя мать мѣщанка на колѣняхъ заступалась за васъ и вашего брата предъ родителемъ вашимъ тайкомъ отъ него вамъ деньги послала, не приняла вѣнца съ вашихъ отцомъ, чтобъ избѣжать нарековъ на себя, не положить пята на вашего отца, не обездолить васъ, и вы, Ваше Сіятельство припрожденный, говорю, князь, образованный чело-вѣкъ, въ замѣнъ чувства благодарности, когда она сама своими руками отдала вамъ все, чего не надарилъ ей отецъ, искупая ея по-зоръ и свое насиліе надъ ней, посыкнулись еще попрекать ее воровствомъ, при всей дворнѣ наругались надъ ней, раздѣли ее до нага и обыскивали. Ваше Сіятельство, я мѣщанинъ, я нищій, я песь, выкинутый на улицу, безъ роду и имени, но я за стыдъ почту для себя назваться вашимъ братомъ, за стыдъ почту принять отъ васъ теперь хоть вершокъ земли, хоть ко-

пѣйку денегъ—помните это, и будьте вы прокляты. Говоря послѣднія слова Павелъ Петровичъ точно преобразился весь, голосъ его звучалъ, глаза горѣли, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, закончивъ, зарыдалъ какъ ребенокъ, обхвативъ свою голову руками... О, да будьте вы прокляты, прокляты, прокляты... снова крикнулъ онъ и вскочивъ, какъ безумный, бросился изъ комнаты, и я не успѣлъ еще прійти въ себя, какъ онъ уже пробѣжалъ мимо оконъ и скрылся за густой листвою газона изгородью обносившаго усадьбу.

Недѣли черезъ три послѣ этаго посѣщенія, ко мнѣ снова появился Павелъ Петровичъ, одѣтый въ поношенный, но довольно чистенькій пиджакъ, въ тщательно вычпщенныхъ сапогахъ, и вообще, во всей наружности его и фигурѣ проглядывала прежняя чистота и благообразіе. Войдя въ комнату, онъ сильно покраснѣлъ, смутился и разсыпался въ извиненія за „безобразія“, совершенныя имъ въ нетрезвомъ видѣ.

— Несчастный я человекъ, сударь, конфузливо говорилъ онъ „другіе выпьютъ и спятъ... а у меня это... все, что танилъ въ себѣ въ трезвомъ-то видѣ... все равно поднимется и забурлитъ... ну и колобродишь...“

— Гдѣ-жъ вы живете теперь?.. спросилъ я, усаживая его.

— Безъ мѣста-съ!.. Хочу ѣхать въ Петербургъ. Не будете-ли такъ милостивы порекомендовать меня, если имѣете кого знакомыхъ, говорилъ онъ вставая и кланяясь. Я готовъ идти въ дворники, могу и прикащикомъ быть, и вообще работа не станеть за мной. Богъ убилъ меня слабостью; но я не воръ, сударь! можете положиться на мое слово.

Какъ ни тяжело мнѣ было, но я долженъ былъ отвязать въ просьбѣ Павла Петровича, не имѣя никого знакомыхъ, которые могли-бы принять участіе въ его положеніи.

— Жаль!.. произнесъ онъ, выслушавъ меня, и по лицу его пробѣжала грусть: „пойду-съ!“ произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія... Со временемъ пригляжусь и устроюсь—а работать мнѣ не привыкать... Прощенья просимъ сказалъ онъ вставая...

— Павелъ Петровичъ, остановилъ я его, позвольте вамъ сдѣлать предложеніе.

— Какое-съ?.. торопливо прервалъ онъ.

— Вѣдь, вы не богатый человѣкъ.

— Такъ точно-съ.

— Возьмите у меня денегъ на дорогу, поправитесь отдадите.

— Благодарю васъ, нижающе благодарю-съ, заговорилъ онъ песь вспыхнувъ:—но не могу-съ, увольте-съ.

— Запнообразно, вѣдь.

— Не могу-съ, не въ моихъ это правилахъ, сударь, я бѣдный человѣкъ, это вѣрно-съ, но я не нищій, я здоровъ и могу заработать. я примаю деньги, только когда заработаю ихъ, или могу заработать, а такъ чтобы-съ, увольте, нижающе васъ благодарю, дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорилъ онъ. „Прощенья просимъ, сударь“, пропзнесъ онъ, и торопливо откланявшись, почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Я глубоко раскаялся въ своемъ неумѣстномъ предложеніи и чувствовалъ, что оскорбилъ его и оскорбилъ глубоко; я искалъ случая встрѣтиться съ нимъ еще разъ и извиниться въ своемъ невольномъ прегрѣшеніи передъ нимъ, но Павелъ Петровичъ, исчезъ уже, и гдѣ теперь этотъ обездоленный потомокъ владѣтельныхъ хановъ—я не знаю.

Н. Наумовъ.

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей размыкать наше горе,
Разсѣять русскую печаль!

НЕКРАСОВЪ.

Не небесамъ чужой отчизны —
Я пѣсни родинѣ слагалъ.

НЕКРАСОВЪ.

Подъ небомъ южной стороны
Онъ вспоминалъ свой сѣверъ дальній.
И яркій блескъ ея весны
Души не радовалъ печальной.

Въ тотъ часъ, какъ лучъ вечерній гасъ
Въ волнахъ лазурнаго залива,
Бродилъ, быть можетъ, онъ не разъ,
Однѣн, угрюмый, молчаливый.

Онъ слушать, въ думу погружень,
Густыхъ и томныхъ миртовъ шопоть,
Вечерній колокола звонъ,
Волны сверкавшей плескъ и ропоть.

И край иной предъ нимъ вставать,
Съ его просторомъ и снѣгами;
Тамъ буйный вѣтеръ тучи гнать,
Надъ безконечнымъ степямъ..

И средь пустыни снѣговой,
 Лачужки темныя мелькали,
 Гдѣ трудъ боролся съ нищетою,
 Гдѣ люди радостей не знали...

Тогда странѣ своеѣ родной,
 Тоски исполненъ безысходной,
 Слагалъ онъ пѣснь, и въ пѣснѣ той
 Поэтъ о скорби пѣлъ народной.

Пѣлъ о желанныхъ, лучшихъ дняхъ,
 Народа прозрѣвая силы...
 И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ,
 Къ неправдѣ ненависть будила...

Онъ смолкъ... его не слышать намъ...
 Но въ пѣсняхъ полныхъ вдохновенья,
 Онъ юнымъ завѣщалъ пѣвцамъ
 Народу честное служенье!

А. Плещеевъ.

Записки южнорусскаго крестьянина.

(Окончаніе *).

Вотъ мы и пошли въ М. хутора; тамъ нѣтъ никакой работы для насъ. А мы уже научились хлѣба просить: много и не просимъ, а столько, чтобы намъ можно было дальше идти. Пришли мы въ Ф. хутора и тамъ намъ говорятъ: „если бы вы пришли весною, мы бы васъ и наняли!“ Поблагодарили мы Бога за то, что хоть научились хлѣба просить, а то померли бы съ голоду. Такъ уже и знали, куда идти просить и кто дастъ: къ бѣдняку идти, то выпросишь хлѣба, а къ богачу не ходи—не дастъ.

Ходили мы по тому хутору, никто не принимаетъ насъ. Братъ и говоритъ мнѣ: пойдемъ. Пошли мы въ Н., и тамъ насъ не нужно; а тутъ уже и Рождество не за горами. А холодъ, горе да бѣда!.. Тамъ насъ знали люди, говорятъ: „Это Ивановы ребята. Да чтожь? Теперь ихъ держать опасно: неравно становой набѣжитъ... Если бы лѣто, тогда еще было бы какъ-нибудь, а теперь постоянно ѣздитъ становой... Еще бѣда будетъ черезъ нихъ!.. Идите себѣ съ Богомъ!“ говорятъ.

Пошли мы оттуда въ В. Тамъ братъ поработалъ — ледъ билъ, а я сидѣлъ тамъ у одного человѣка, да не долго, недѣли двѣ, а потомъ снова нѣтъ для насъ мѣста. И тамъ го-

*) См. № 1.

ворять: что же они такъ шлятся? А набѣжить исправникъ, или становой, то еще хлопотъ надѣлаютъ!

— Чтожъ, говоритъ сотскій,—хоще мы знаемъ вашего отца и мать, но теперь не такое время, чтобы держать. Да еще и дѣлать-то вамъ нечего. Ни у кого на хуторѣ нѣтъ для васъ работы. Идите себѣ съ Богомъ.

Вотъ мы съ братомъ пошли въ Ч. хуторъ. Да что же! Тамъ насъ никто не знаетъ. Зашли да попросили хлѣба и пошли дальше.

Шли мы три дня и пришли въ Д., въ А. уѣздъ, а тамъ и говорятъ люди, что отецъ изъ острога писалъ становому, что становой пріѣхалъ и продалъ тотъ хлѣбъ, что отецъ заработалъ и оставилъ въ Д.; продалъ да еще попалъ на того мужика, который бурлацкій хлѣбъ принять.

— Убравитесь скорѣе отсюда, говорятъ намъ, а то мы васъ отправимъ къ становому.

Пошли мы оттуда въ С. (а с—ій панъ передерживалъ отца, потому что тамъ его спрашивали, гдѣ онъ бывалъ, и онъ показалъ, что жилъ нѣсколько лѣтъ въ С.). Тамъ насъ хотѣли поймать и отправить въ станъ.

Пошли мы оттуда въ Е., гдѣ я три года лошадей пасъ. Говоримъ мы съ братомъ: можетъ быть хоть за харчи примутъ, лишь бы намъ какъ ни будь перезимовать, не умереть съ голоду.

Пришли мы въ ту Е., доложили барынѣ, а она какъ закричитъ:—выгоните! говоритъ,—я сказала, что Иванъ попался... еще возня съ ними будетъ! выгоните ихъ!

Вотъ человекъ тотъ, что докладывалъ барынѣ, вышелъ и говоритъ:—идите себѣ съ Богомъ! Тамъ надѣлала панна крику и сказала, чтобъ васъ выгнать. Она сердита на вашего отца.

Думаемъ мы съ братомъ, что намъ дѣлать на свѣтѣ Божьемъ?

куда повернуться: Горе!.. Заплакали мы и вышли за леваду той барыни.

Братъ и говорить мнѣ:—убью я себя!.. А я и говорю: помолись, братъ, Богу! Господь съ тобою! Онъ и говорить:—Такъ что же мы будемъ дѣлать?..

Разсердился братъ, строго замахнулся на меня... Такъ я тебя убью! говорить.

Испугался я, прошу его: Богъ съ тобою!

— Если бы я самъ былъ, говорить онъ, то я гдѣ-нибудь работалъ бы, а то черезъ тебя и меня не принимаютъ.

— Ну, говорю я,—ищи себѣ работы, а я ужъ буду какъ Богъ дастъ, такъ и буду жить.

Братъ какъ заплакалъ, такъ сильно заплакалъ, что у меня словно сердце перевернулось. Я думалъ, что онъ, не дай Господи, съ ума сошелъ.

Это было въ а—мъ уѣздѣ, въ деревнѣ Е., у генеральши Б.

Вотъ я и говорю брату: молись Богу, какънибудь Господь помилуетъ насъ, бѣдныхъ спроть!

Посидѣли мы въ канавѣ, да посовѣтывались... А тутъ идетъ какой-то человѣкъ и спрашиваетъ: чаго вы сидите тутъ?

— Мы прохожіе, говоримъ мы, негдѣ намъ переночевать. А солнце уже клонилось къ вечеру.

Вотъ тотъ человѣкъ и говорить намъ:—Идите ко мнѣ, да и переночуете.

Забралъ онъ насъ, спасибо ему, къ себѣ въ хату и началъ спрашивать, откуда мы, а мы и не знаемъ, откуда. Братъ ему и говорить, что мы не знаемъ, откуда мы. Вотъ тотъ человѣкъ и говорить:—Кто же былъ вашъ отецъ?

— Называли отца нашего, говорить братъ, Иваномъ Сливакою, называли Иваномъ Скиртникомъ, Иваномъ Мугаремъ, Иваномъ Довгимъ называли... Какъ-то братъ еще говорилъ, да я забылъ.

Вотъ тотъ человѣкъ и говорить:—Слыхалъ я про вашего отца. А вы, дѣти, вотъ какъ сдѣлайте: ты, говорить брату, поищи для себя работы, молотбы, что-ли, а этому малышу

привши гдѣ нѣбудь зарчи, хотя за деньги, а то черезъ него да и ты не въ состояніи работать. Такъ вы и перебьетесь какъ нѣбудь до весны.

Спасибо тому человѣку, посовѣтоваль онъ брату, какъ поступить со мной, а я былъ еще совсѣмъ малышъ.

Жилъ тотъ человѣкъ въ З. Были мы у него дня четыре, отдохнули. Вотъ тотъ человѣкъ и говоритъ брату:—поди-ка да пощи работы, а мальчикъ пусть тутъ останется, пока ты найдешь работу.

А я перемерзъ да заболѣлъ, да и голодать долго. „Постолы“ были дрянныя, въ дырахъ, да еще и онучь не было, вотъ и заболѣлъ!

Вотъ братъ Василій и пошелъ искать работы, а меня бросилъ въ З. у того человѣка, что посовѣтываль брату искать работы. Заболѣлъ я крѣпко. Явился братъ уже черезъ три недѣли. Нашелъ молотьбу, молотилъ тамъ да и пришелъ навѣстить меня. А я боленъ, крѣпко боленъ.

Пришелъ онъ да какъ глянулъ на меня, такъ слезы изъ глазъ и полилися.—Не умирай, говоритъ, свѣтъ просторный, есть гдѣ жить! Чужой ямы не заляжешь! Упалъ онъ на меня и говоритъ,—что мнѣ съ тобою дѣлать? Теперь зима; куда я съ тобою дѣнусь?

А тотъ человѣкъ и говоритъ:—У васъ нѣтъ ни какой бумаги, ничего. А какъ умереть этотъ мальчикъ, хлопотъ мнѣ нѣдѣляетъ. Берн его, говоритъ брату, да идите себѣ съ Богомъ!

Взялъ меня братъ и говоритъ: пойдемъ хоть по тихоньку...

Вотъ пошли мы изъ той З. А братъ нашелъ себѣ молотьбу въ И. хуторѣ. Нужно было дойти туда мнѣ, больному да слабому. Четыре дня мы шли, насилу дошли.

Увидѣла меня хозяйка, у которой братъ молотилъ, и говоритъ брату:—приведи ты его въ хату.

Повелъ меня братъ къ хозяйкѣ. Она мнѣ голову вымыла, рубашку чистую дала, положила меня на печку, чтобъ я обогрѣлся, и дала мнѣ ѣсть пирога съ тыквой, а я и не ѣлъ: какъ легъ животомъ на горячую печь, такъ и заснулъ. А хозяйка и говоритъ брату: онъ выздоровѣть!

Побылъ я тамъ недѣлку, потомъ братъ отвелъ меня на К., къ одному бурлаку, Левкомъ его звали. Тотъ бурлакъ принялъ къ себѣ женщину, тоже бурлачку, и жили себѣ. Отвелъ меня братъ къ нему (тотъ Левко взялъ съ брата по три рубля въ мѣсяцъ за то, что я буду тамъ лежать). Вотъ Левко и началъ меня лечить; сталъ меня парить въ тертомъ сѣнѣ: возьметъ въ кадку насыпетъ тертаго сѣна и горсть соли, нальетъ воды горячей и посадитъ меня... Парилъ онъ такъ меня и стало мнѣ лучше, послѣ трехъ разъ мнѣ лучше стало. Пришелъ братъ, а Левко и говоритъ: уже твоему брату немного лучше.

Поблагодарилъ его братъ и даетъ три рубля. А онъ говоритъ: еще мѣсяца нѣтъ. Впрочемъ, если тебѣ не надо денегъ, то я возьму; а если нужно, то я еще подожду.

— Я теперь работаю,—говоритъ братъ—то мнѣ денегъ не нужно. Спасибо вамъ, что мальчика приняли: онъ у васъ поздоровѣлъ немного. Возьмите деньги.

Пошелъ братъ снова къ хозяину на работу, а я остался еще у того Левки.

Вотъ передъ постомъ я выздоровѣлъ, а у брата не стало работы. Приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ: что теперь дѣлать? Работы нѣтъ, жить намъ не на что!... А я и говорю брату: у насъ есть дядя, въ С. живетъ.

— А какъ-же мы дойдемъ туда? говоритъ братъ. А далеко: верстъ полтораста будетъ.

— Какъ Богъ дастъ! говорю я.

— А я не могу васъ больше передерживать, говоритъ Левко.—хлѣба и у меня мало. Знаю я, что вы ребята че-

стные, и отца вашего знаю, да нечѣмъ помочь вамъ: силы нѣтъ у меня.

Взялъ меня братъ и пошли мы. А въ то время вода стала идти: снѣгъ началъ таять. Горе!... просто идти невозможно: вездѣ по балкамъ вода идетъ, а мы обуты плохо, а одѣты и того хуже. Пришли мы къ рѣкѣ Т., а тамъ половодье. У насъ же ни гроша въ карманѣ, а хлѣбъ тотъ, что далъ намъ Левко, давно съѣли.

Вотъ пошли мы въ С. къ одному человѣку—хлѣба попросить, а онъ насъ и началъ спрашивать: кто мы да откуда. Братъ и говоритъ: мы и сами не знаемъ, откуда мы.

— Какъ-же это вы не знаете? говоритъ онъ.

Вотъ братъ ему и началъ рассказывать, что у насъ былъ отецъ, да его взялъ—арестовалъ, видите—становой. Тотъ человѣкъ и говоритъ: вы, ребята, такъ не говорите, что вы не знаете, откуда вы: неравно попадетесь. А говорите, что вы идете въ С., къ дядѣ погостить; если-же васъ спросятъ, откуда вы, то говорите, что вы изъ С. Если спросятъ, какъ зовутъ вашего барина, то вы говорите: Аполлонъ Павловичъ, а если спросятъ, какъ барыню зовутъ, говорите: Марья Ануфриевна... А такъ не говорите, что вы бурлаки: заберутъ васъ!

Научилъ насъ тотъ человѣкъ, далъ намъ цѣлый хлѣбъ... „Такъ—говорить—и поступайте, какъ я вамъ говорилъ, потому что иначе васъ арестуютъ. А такъ можетъ быть и отецъ вашъ вырвется изъ тюрьмы и дастъ вамъ пріютъ“.

Вотъ и пошли мы изъ С. на Б. Идемъ себѣ да плачемъ...

— Придется погибнуть,—говоритъ братъ,—за эту зиму!... А я уже ничего и не говорю: маленькій былъ да еще и боялся, чтобы братъ меня не бросилъ.

Вотъ идемъ мы, а на-встрѣчу намъ человѣкъ... около 3. Такой, словно солдатъ или баринъ, только плохо одѣтъ. Вотъ тотъ человѣкъ и спрашиваетъ насъ: откуда вы? А мы и гово-

рми: изъ С.—Посмотрѣлъ онъ на насъ и говорить: врите вы! Должно быть вы бурлаки.

А мы ужъ и перепугались. Онъ и говорить намъ: не бойтесь, я человекъ добрый. Вы мнѣ все расскажите.

Братъ и говорить, что мы бурлаки, а говоримъ мы такъ, чтобы насъ никто не арестоваль.

— Такъ и говорите,—говорить тотъ человекъ.

А тамъ, гдѣ мы встрѣтились, была могила. Вотъ тотъ человекъ и говорить: пойдите-ка на могилу да отдохнемъ немного. Я иду въ С.

Пошли мы всѣ трое на могилу, сѣли тамъ, а тотъ человекъ и говорить: „вотъ теперь и познакомимся“.

Братъ говорить: я Василій, а человекъ тотъ говорить, что онъ Константинъ Ивановичъ. Вотъ тотъ Константинъ и началъ рассказывать про себя. „Быль я когда-то—говорить—помѣщикомъ, да горе большое приключилося со мной. Была у меня своя земля, свое имѣнье; была у меня жена—барыня... Зачастилъ ко мнѣ другой помѣщикъ, въ гости все ѣздилъ. Ѣздилъ онъ ко мнѣ, въ карты играли, чай распивали вмѣстѣ да разговоры вели про хозяйство. И такъ года три все онъ ѣздилъ, потомъ и завелъ шуры-муры съ моей женой—барыней, а я и замѣтилъ. Что тутъ дѣлать? Вотъ и приѣзжаетъ тотъ помѣщикъ—хуже горькой рѣдки мнѣ этотъ гость былъ. Давалъ я ему нѣкоторые намеки, а онъ словно и не примѣчаетъ. Приглашаетъ барыню мою къ себѣ въ гости... (рассказываетъ Константинъ Ивановичъ да божится, а мы слушаемъ. Вотъ онъ и говорить). Я говорю: нѣтъ, барыня въ гости не поѣдетъ. А моя барыня говорить: нѣтъ, поѣду! Что мнѣ тутъ дѣлать?—Поѣзжай—говорю—только смотри: вижу я вашу ѣду. Поѣхала она, а меня это сильно раздосадовало! Пошелъ я, выпилъ (у меня и дома было что выпить, да сдѣлалъ я это, что дать знакъ женѣ), такъ порядкомъ выпилъ да и приѣхалъ домой. Какъ на грѣхъ, застаю того помѣщика съ моею женою въ моемъ домѣ—сраму имъ не было—прямо на дѣлѣ. Не знаю, что со мною тогда сдѣлалось: схватилъ я ружье и выстрѣ-

длѣть... сгоряча и не попалъ; за то какъ начали меня судить!... Двѣнадцать лѣтъ судили!... Жена отъ меня сбѣжала, все имѣнье просудилъ... въ тюрьму посадили да еще три года судили и дали мнѣ волчій билетъ на пятнадцать лѣтъ.... Вотъ видите, ребята, и я бурлакъ, не бойтесь меня: я знаю, какова правда на этомъ свѣтѣ!...“.

Вынули мы изъ сумочки хлѣба и соли, сѣли на могилѣ втроемъ. Пошли, потомъ помолились Богу и уже не разставались съ тѣмъ человѣкомъ: шли до самой С. Только въ С. разошлись: мы пошли въ С. хуторъ къ дядѣ.

Приходимъ мы къ дядѣ Тарасу, а онъ побитый отъ головы до ногъ... стоять, лечь не можетъ. Спрашиваемъ мы его: чѣмъ вы больны?

— Баринъ побилъ—говоритъ дядя:—сильно побилъ... пятьсотъ розогъ далъ мнѣ.

— За что? спросили мы.

— Купилъ я у чабана двухъ барановъ. Чабанъ говорилъ, что его бараны, а они барскіе. Вотъ за это баринъ и далъ мнѣ пятьсотъ розогъ.

(Дядя нашъ приписался въ С. въ крѣпостные, потому тотъ помѣщикъ и имѣлъ право наказывать его).

Разсказали мы ему, что отца нашего арестовали. Занякали дядя съ женою, посмотрѣли на насъ и говорятъ: горе, горе, дѣточки! У насъ и своихъ достаточно, а теперь... посмотрите!... Мальчика, говоритъ дядя Тарасъ, я возьму къ себѣ, а ты—говоритъ брату—ищи себѣ работы.

Погостили мы у дяди дня три, потомъ братъ пошелъ на Н. хутора молотить, а я остался жить у дяди Тараса.

Прожилъ я недѣли три у дяди, потомъ братъ нашелъ мнѣ мѣсто у Ф. скоть пасты: тогда уже была весна. И пошелъ я къ Ф. скоть пасты... да, извѣстно, мальчикъ маленький... позову, бывало, собакъ съ собою, чтобъ веселѣй было ходить возлѣ стада... Вотъ одна собака и сбѣжала... кто ее

знаеть, можетъ быть она сбѣсилась. А скоть пась я уже около мѣсяца. Тотъ помѣщикъ Ф. сказалъ, что я продалъ собаку и за это велѣлъ меня побить и выгнать вонъ со двора.

Пошелъ я искать брата, дней восемь ходилъ да все искалъ, людей спрашивалъ. Нашелъ его въ С.: братъ тамъ молотилъ у нѣмца просо. Увидѣлъ меня братъ и говорить: а ты уже и бросилъ службу? и давай меня палкой поворачивать.

— Подожди—говорю—не бей, я расскажу тебѣ, что со мною случилось.

Остановился онъ, я ему и рассказываю, что сказали, что я продалъ собаку, побили и выгнали вонъ. Тогда братъ и говорить: какъ-же дѣло было? Я ему и рассказалъ, что звалъ я съ собою собакъ въ поле, а не продавалъ, а одной почему-то не стало, куда-то сбѣжала, а панъ Ф. сказалъ, что я ее продалъ. Сѣлъ тогда братъ возлѣ меня да заплакалъ... посмотрѣлъ на мое тѣло, и безъ него побитое, да еще сильнѣе заплакалъ. „Горе,—говорить—намъ бѣднымъ сиротамъ! Трудно жить на свѣтѣ: некуда дѣваться!“

Побылъ я съ братомъ дня три и нашелъ братъ мнѣ хозяина, старичка крестьянина той-же деревни, Осипомъ звали. Поступилъ я къ тому старику на годъ въ услуженіе. А тотъ старикъ былъ кумъ моего отца...

Работать я за него на барщинѣ! Тамъ мнѣ стало немного лучше. Обмыли тамъ меня, вычесали; тамъ я увидѣлъ, что есть солнце на небѣ. Тамъ я благодарилъ Бога, когда увидѣлъ, что меня пожалѣли.

А тамъ, въ С., знали моего отца и мать, оттого и пожалѣли насъ.

Сижу я себѣ да благодарю Бога за то, что нашелъ хорошихъ хозяевъ, которые желаютъ мнѣ добра. Живу я да Богу молюсь, хожу вмѣсто старика въ барскій садъ копать ямки, чтобъ садить деревья. Ходилъ еще къ плугамъ вмѣсто Осипа... А то уже весною приказали Осипу письмо нести казенное. Я

и понесъ это письмо изъ С. въ Р. и легъ немного отдохнуть возлѣ дороги. Какъ вдругъ идетъ моя мать съ двумя мужчинами: С. Б—ннѣ послалъ двухъ сыщиковъ (съ письмомъ отъ Б. уѣзднаго суда), чтобъ насъ съ братомъ изловить, и если мы не захотимъ повиноваться, то представить бумагу, въ которой уѣздный судъ проситъ то начальство, гдѣ насъ найдутъ, оказать сыщикамъ помощь.

Спалъ это я возлѣ дороги, а мать какъ увидѣла, что я сплю, такъ и упала на меня, ухватила меня и держитъ; думала, что я удрать захочу отъ нихъ. И тѣ два человѣка прибѣжали. Я и говорю: Богъ съ вами! Зачѣмъ вы меня давите?

Заплатила мать и спрашиваетъ. Гдѣ же Василій?

— Скажите, зачѣмъ онъ вамъ? спросилъ я.

— Я васъ домой возьму — говоритъ мать? къ своему барину.

— Къ какому барину? спросилъ я.

— Да къ нашему! отвѣтила мать.

— А бумаги эти, что я несу, онѣ казенные, сказалъ я.

Тогда одинъ сыщикъ, Иванъ, и говоритъ. Отвеземъ бумаги туда, куда онъ ихъ несъ, а потомъ и пойдѣмъ туда, гдѣ другой паренъ живетъ.

Отвезли мы бумаги, всѣ четверо поѣхали: два сыщика, мать и я, отдали ихъ и поѣхали къ брату. А братъ въ то время заболѣлъ; боролся съ другимъ парнемъ, оттого и заболѣлъ. Въ то самое время и мать за нами пріѣхала, чтобъ забрать насъ къ помѣщику С. — Б—нну. Пріѣхала мы туда, гдѣ братъ лежалъ больной. Собралися тогда мужики стойновскіе, чтобъ побить сыщиковъ, но братъ просилъ, чтобъ не трогали ихъ. Мнѣ, говорятъ, все равно: если не умру, то въ солдаты пойду. Хоть здѣсь буду, то пойду; хоть и они возьмутъ, то все равно придется идти. Прошу васъ, люди добрые, не трогайте этихъ людей: они не виноваты.

Купили сыщики мужикамъ водки, а насъ забрали и повезли къ С. — Б—нну.

Вотъ прїѣхали мы въ деревню К., а тѣ люди такъ смотрятъ, словно звѣрей привезли, бродягъ, а на меня говорятъ: Вишь, какой шустрый, песій сынъ! А какъ узнали насъ, такъ всѣ заговорили... Повели насъ къ барину на крыльцо.

Вышелъ баринъ изъ покоевъ, а мать и говоритъ: Кланяйтесь въ ноги барину и барынѣ. Вотъ это наши родные помѣщики.

И братъ большой кланяется, а баринъ даже усмѣхается: радъ, что хорошій рекрутъ будетъ. Замѣтилъ я, что онъ усмѣхается, да наединѣ и говорю брату, что баринъ смѣялся; замѣтилъ, говорю, что изъ тебя выйдетъ хорошій солдатъ.

И повели насъ ужинать къ тому сыщику, что ѣздилъ съ матерью за нами въ Б.

Пожили мы тамъ дня четыре.

Зоветъ баринъ нашу мать и насъ на барскій дворъ. Пришли мы, а баринъ и говоритъ матери: „Вотъ я тебѣ хату дамъ, старшій твой сынъ останется съ тобой, а этого — я его найму куда нибудь“.

И нанялъ меня баринъ въ деревню Ф—у въ услуженье, я, значить, буду служить, а баринъ деньги получать, когда я заслужу. Даль онъ матери съ старшимъ братомъ хату, маленькаго Максима отдалъ въ Федосѣевскій дворъ, Аврама (немного моложе меня былъ) отдалъ другому помѣщику З—у въ лакеи, а отца судебнымъ порядкомъ отправилъ въ тѣ мѣста, гдѣ мы проживали, чтобъ онъ забралъ метрики для малыхъ дѣтей. Рассассировали насъ поодиночкѣ повсюду.

Отвезли меня въ Ф—у. Служу я у М—ова, а за что служу, не знаю. Баринъ самъ договаривался и тотъ Михайловъ долженъ былъ привести деньги барину.

Работаю я и думаю: Что тутъ мнѣ дѣлать? Братъ нездоровъ, съ матерью остался, и далеко... посоветоваться не съ кѣмъ. Мальчиковъ вездѣ порастыкалъ, а отца въ острогъ отослалъ, горе!... И надумалъ я себѣ: кину я службу свою и пойду къ мамѣ, что она мнѣ скажетъ, а тутъ жить не въ

моготу: харчами морять, бѣлья не даютъ, хотъ сквозь землю провались! Некому и пожаловаться!

Бросилъ я службу и пошелъ къ матери. Прихожу я къ нимъ, а мать взяла и отвела меня къ барину.

— Какъ дастъ вотъ тебѣ баринъ „добраго часу“ (высѣчетъ), тогда ты будешь служить! говоритъ она.

Вотъ пришли мы къ барину, а онъ и говоритъ, что ты, шваль такая, служить не хочешь? Вотъ я тебѣ задамъ!... Возьмите-ка его на конюшню!...

И дали мнѣ пятьдесятъ розогъ, да такъ дали, что я не выдержалъ и „умарался“. Никогда еще меня розгами не наказывали. Одно, испугался, а другое, больно было.

Тогда я и говорю барину: „хотъ убейте меня, а служить я не буду“!

— Возьми его домой! сказалъ онъ матери.

Пошли мы домой.

Пожилъ я дома дня два, а на третій велѣтъ мнѣ идти на барщину къ плугамъ съ кнутомъ.

— Нѣтъ у меня кнута! говорю я.

— Плуги во дворѣ. тамъ тебѣ и кнутъ дадутъ, говоритъ мнѣ „атаманъ“.

Пошелъ ранехонько во дворъ, поставили меня къ первому плугатарю Фемку Р—ку, человѣку доброму, разумному. Вотъ тотъ Фемка и говоритъ: а гдѣ твой кнутъ!

— У меня кнута нѣтъ, говорю я.

— Что-жь, я самъ тебѣ кнутъ дѣлать долженъ? крикнулъ онъ на меня. Да какъ выхватилъ „занізъ“ изъ ярма, повалилъ меня и началъ бить тѣмъ занозомъ, долго билъ.

Ходить тамъ и баринъ, и атаманъ, а никто ни слова! не говоритъ: бьютъ бродягу за то, что кнута не имѣеть... Ой, гереенью!

И остался я во дворѣ. Побилъ онъ мнѣ и голову, и руки, и ноги, сильно побилъ. Лежу я и думаю, что смерть уже ко мнѣ приходитъ. Какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ баринъ. Обратился ко мнѣ такъ ласково, словно ничего не знаетъ.

— Что это у тебя такое? спрашиваетъ.

А я весь избитъ. — Не знаю, говорю, что такое со мною.

— Покажи-ка языкъ, говорить баринъ.

А я и рта разинуть не могу: весь избитый!

Приказалъ баринъ отвести меня къ матери.

Отвезли меня къ матери. Братъ тамъ лежитъ и меня привезли. Посмотрѣлъ братъ на меня и говоритъ матери. „Смотрите! Всѣмъ вашимъ такая жизнь, какъ этому“.

Заплакали мать съ братомъ....

Пролежалъ я больной цѣлое лѣто, потому, что кнутъ украсть не сумѣлъ, потому что отецъ и мать приказывали, чтобы я не красть: грѣхъ это великій. Осенью я выздоровѣлъ, а братъ выздоровѣлъ раньше и уже зарабатывалъ на барскомъ лану хлѣбъ за снопъ въ свои дни, а три дня работалъ на барщинѣ. Выздоровѣлъ я и пошелъ на работу: три дня на барщинѣ, а три дня дома.

Дождали мы Кузьмы и Даміана (1-го ноября). Взяли брата, отвезли въ Александріевъ и отдали въ солдаты, Да еще какъ отдали!... Братъ былъ пропущенъ въ ревизіи, а баринъ нашелъ гдѣ-то въ А. уѣздѣ въ деревнѣ М. Б—кѣ такого Василія, какъ и нашъ однихъ лѣтъ. Только тотъ Василій уже померъ, а С. — Б—ивъ отдалъ вмѣсто него нашего Василія, несмотря на то, что нашъ Василій Б. уѣзда, деревни Θ—ки.

Вотъ отдалъ баринъ Василія въ солдаты. Остался я, да мать съ груднымъ ребенкомъ.

Плачетъ мать, видитъ, что горе: тѣхъ дѣтей роздалъ другимъ помѣщикамъ, мужа въ острогъ, этого брата въ солдаты, а я остался хозяиномъ у матери, чтобы кормить ее хлѣбомъ... Плачетъ мать, день и ночь плачетъ!...

Забыла мать немного брата, плакать перестала и начали мы хозяйничать. Тогда мнѣ было четырнадцать лѣтъ отъ роду.

Говоритъ мнѣ мать: будемъ, сыну, хозяйничать!.. Батъки

нѣтъ... Коси, сыну, сѣно: можетъ быть купишь какую-нибудь телку, да дожденся коровы, чтобы намъ людямъ у ложку не заглядывать.

И началъ я косить учиться (коса братова осталась). Ни „выхлопать“ (лезвіе отпустить), ни наточить не умѣю, да и показать некому, какъ его дѣлать. Началъ я косить... А сѣнокосъ нашъ былъ рядомъ съ „толокою“ (пастбищемъ). Кошу я, а трава за мной стоймя стоитъ... А тамъ „гайдаи“ купецкія овцы пасли. Смотритъ одинъ гайдай на мою работу и говоритъ: Хлопче! Должно быть у тебя отца нѣтъ?

— Есть, — говорю я, — да баринъ куда-то загналъ. Уже четвертый годъ, какъ отца въ острогъ послалъ баринъ, и нѣтъ его до сихъ поръ, а я самъ съ матерью да съ малымъ ребенкомъ живу, хлѣбомъ ихъ кормлю!

Вотъ тотъ гайдай и говоритъ: Дай-ка мнѣ косу, я посмотрю на нее. Посмотрѣлъ и говоритъ: А есть у тебя бабка и молотокъ?—Есть, говорю я. „Выклепаль“ тотъ гайдай косу, наточилъ ее, показалъ мнѣ, какъ ее клепать и точить и какъ косить ею и махать, чтобы траву рубила, не пропускала. Поблагодарилъ я того гайдая: косить научился.

Вотъ и кошу я три дня, а три дня на барщинѣ работаю. И такъ накопилъ копенъ сорокъ сѣна. Мать гребла да толкъ ему давала. Скидали мы это сѣно въ стогъ.

Въ жниво зарабатывалъ я хлѣбъ на барскомъ лану, съ четвертой копы. И такъ кормились всей семьей.

Черезъ четыре года отца привели.

Вотъ баринъ призываетъ мать и говоритъ: А что, какъ ты думаешь, будетъ изъ твоего мужа хозяинъ? Вотъ я его приведу.

— А какъ-же! говоритъ мать.—Кормилъ-же онъ дѣтей сѣзмала, работающимъ былъ. Надѣюсь, что изъ него будетъ хозяинъ.

Сказалъ это баринъ, а потомъ черезъ годъ привели отца.

Вотъ на другое лѣто началъ я косить сѣно и заболѣть отъ той косы: не умѣю ее какъ слѣдуетъ выправить и навести! Лежалъ я больной двѣ недѣли, потомъ стать немного выздоравливать... Боленъ былъ и захотѣлось мнѣ поѣсть чего-нибудь вкуснаго. Вотъ я и пошелъ... садокъ тамъ былъ одного человѣка, Петромъ звали... Баринъ выгнать его оттуда, а садокъ взять себѣ... Пошелъ я въ воскресенье... захотѣлось поѣсть чего-нибудь послѣ болѣзни, да нѣтъ ничего. Я себѣ и подумалъ: пойду-ка я въ Петровъ садъ. Быть можетъ, вѣтеръ сорвалъ яблочко, то я возьму... Только что я подошелъ къ саду, а тамъ управляющій Михаилъ Окатый (глазастый, такъ его звали. Былъ изъ крѣпостныхъ) какъ началъ меня, да какъ началъ бить „выступцами“. (сапоги у него были нѣмецкіе, съ твердыми каблуками)!.. Насадилъ мнѣ шишекъ и на головѣ, и на бокахъ... Слегъ я снова и полгода пролежалъ, а мать занимала себѣ косарей, выкосила траву и склала ее въ стогъ.

Вотъ выздоровѣлъ я. Собралось у насъ за два года сѣна. Мать мнѣ и говорить: продадимъ, сыну, сѣно да купимъ телокъ. Можетъ быть Богъ дастъ, что мы дождемся своей коровы, чтобъ не заглядывать людямъ въ ложку.

Пошелъ я и нашелъ барышниковъ, которые сѣномъ барышевали, привелъ ихъ, а мать и продала имъ два стога сѣна за тридцать пять рублей ассигнаціямъ, и купили мы три телки. Обрадовался я, благодарю Бога, что скоро буду хозяиномъ.

А тутъ привели къ намъ отца изъ острога и, Богъ далъ, умеръ помѣщикъ и отдали намъ меньшаго брата Аврама, а мать какъ начала просить С.—Б.—а, то онъ, спасибо ему, отдалъ намъ и маленькаго брата Максима. Собрались мы всею семьей, отецъ, мать и мы всѣ (только брата Василя не было: тотъ былъ въ солдатахъ), помолились Богу и начали хозяйничать всѣ вмѣстѣ.

Тогда баринъ приказалъ намъ строить себѣ хату. Цѣлое

лѣто строили мы хату, а отецъ хотѣлъ, чтобъ распродать скоть, который приобрѣли мы съ матерью, и снова идти въ бурлаки. Приказала мнѣ мать, чтобы я не позволялъ отцу продавать скоть... Бьетъ, бывало, отецъ и меня за это, и мать, чтобы мы согласились, чтобъ продала скоть и снова шли въ бурлаки.

Подумали мы съ матерью: Досозлилъ онъ уже и такъ намъ своимъ пьянствомъ. Тутъ, быть можетъ, онъ барина будетъ бояться и не будетъ пить!.. А онъ насъ за это бьетъ!.. Горе! Тамъ паны нападаютъ, а дома отецъ творить горе великое!..

Выстроили мы ту хату, удержали отца отъ приведенія его мысли въ исполненіе. Остепенился онъ, началъ хозяйничать. Въ теченіе трехъ лѣтъ нажили мы штукъ двѣнадцать скота. Загонять меня къ барскимъ овцамъ на семь дней, а отецъ, что хочеть, то и продаетъ. Накосимъ, бывало, копенъ двадцать сѣна въ ту недѣлю, когда я дома, а какъ я пойду на другую недѣлю къ овцамъ, а меньшей братъ вернется домой (мы съ братомъ чередовались, такъ какъ отъ насъ „чабанъ“ полагался), а я снова приду домой, — нѣтъ уже ни одной копы: все продать! Чистое наказанье! Хоть работай, хоть и не работай, все равно, ничего имѣть не будешь. Скажу это я матери, а она скажетъ отцу, а онъ и подыметъ драку. Просто не жизнь, а горе!...

А тутъ начали рассказывать, что будетъ воля.

Молю я день и ночь, чтобъ Господь даровалъ волю. Стану, бывало, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ходитъ, и молюся Богу цѣлую ночь, чтобы Онъ волю намъ далъ. „Буду я вольный,—думаю себѣ,—тогда пойду себѣ въ монахи“. А потомъ и пришло мнѣ въ голову, что всѣ монахи читаютъ святое писаніе, а я и не умѣю читать: все такъ молюся Богу ночью.

Вотъ какъ-то разъ видится мнѣ сонъ,—будто я нашелъ книжечку. Проснулся я, и говорю отцу и матери про то, что мнѣ снилось, а отецъ и говоритъ матери: „надо ему купить книжечку, азбуку; можетъ быть онъ читать выучится“. Я и

началъ просить, чтобъ купили мнѣ азбуку. Поѣхали какъ-то мы съ отцемъ въ городъ, а онъ и купилъ мнѣ азбуку за десять копѣекъ. Думаю я себѣ: кто же мнѣ покажетъ какъ читать?

Быль у насъ одинъ человекъ, Осипъ, который самъ себѣ читать выучился. Приѣхалъ я изъ города и сейчасъ-же побѣжалъ къ тому Осипу Терентьевичу, прошу его, чтобъ онъ мнѣ показывалъ, какъ читать. Онъ мнѣ и пообѣщаль показать. „Прииди, — говоритъ, — когда у меня время будетъ; я тебѣ тогда и покажу“.

Узналъ я, когда у него было свободное время, и пошелъ къ нему. Онъ мнѣ и началъ показывать святое письмо: азъ, буки, вѣдн, глаголь, добро, есть, живѣте, зѣло, земля и пр. Выучилъ я азбуку, тогда онъ мнѣ показалъ, какъ склады читать.

Учился я себѣ и все Бога молилъ, чтобъ помогъ мнѣ читать научиться, хоть-бы немного Богу молиться умѣлъ, какъ слѣдуетъ... Куплю я себѣ свѣчу да ночью и учусь, а днемъ положу свою книжку въ шапку, чтобы не забыть того, что выучилъ... Такъ всегда и носилъ книжечку въ шапкѣ.

Пойду, бывало, на барщину молотить, а тамъ такъ и стерегутъ, чтобъ шапку снять съ меня... Снимутъ они шапку, а книжка выпадетъ и упадетъ на темлю. Тогда они и надсмѣхаются, прозвища разныя выдумываютъ. Одинъ говоритъ: монахъ! Другой говоритъ: писарекъ! А третьи спрячутъ книжку да и смѣются, издѣваются надо мною. Хожу я да прошу ихъ, чтобъ книжку мнѣ отдали. Тогда одни говорятъ: швырни ее подальше! Другіе говорятъ: отдай, отдай! А отаманъ: еще и ему учиться, бродягѣ паскудному!.. А нѣкоторые и кричатъ: это и хорошо! Выучится бродяга и сдѣлаетъ себѣ бумагу (паспортъ).

Возьму и у нихъ книжку и началъ уже прятать ее за пазуху. Вотъ они снимутъ съ головы, а книжка и не падаетъ. Нѣсколько разъ снимали, думали, что я положу книжку въ шапку; не знаютъ, что я сталъ хитрить: прячу уже книжку за пазуху, да еще и подъ рубашку.

Соберемся мы на барщину, молотить, а они меня таскают, а они меня дергают,—нѣтъ книжки. Было, и отвязались отъ меня. насмѣхаются только, писаремъ называютъ или монахомъ. Какъ-то я и далъ маху. Кончилъ я свой урокъ, вымолотить, что слѣдуетъ, и побѣжалъ себѣ въ канаву, „про себя“ будто, да вытащилъ книжку изъ за пазухи и началъ повторять, чтобы не забыть того, что выучилъ. А другой и себѣ пришелъ до вѣтру, увидѣлъ, что я читаю, да и не сказалъ мнѣ ничего, а пошелъ и рассказалъ все мужикамъ на току. Вотъ они и сговорились: „Какъ онъ придетъ, говорить то мы его распояшемъ: онъ, должно быть, носить книжку за пазухой“. Почиталъ я немного да и говорю себѣ пойду солому носить. Иду я себѣ и ничего незнаю, а они и начали меня дергать да насмѣхаться надо мною. Держалъ я цѣпъ въ рукахъ, да какъ ударю одного да другого. И разбилъ одному голову: вывели меня изъ терпѣнья.

Тогда дошло и до барина, что я читать учусь. Приходитъ атаманъ и говоритъ: иди-ка къ барину!.. Вотъ туда, къ овину!

Испугался я, думалъ что баринъ будетъ меня наказывать. Подошелъ я, атаманъ уже рассказываетъ, что мужики ежедневно тягаютъ меня изъ-за книги, что я читать учусь. Вотъ баринъ и говоритъ: ты бы мнѣ сказалъ, что онѣ смѣются надъ тобой, а такъ убилъ бы цѣпомъ человѣка!..

— Да они каждый день,—говорю я,—работать мнѣ не даютъ, все книгу ищутъ да насмѣхаются надо мною; вывели меня изъ терпѣнья. Простите, говорю меня.

Тогда баринъ и приказалъ, чтобы меня не трогали: если кто будетъ нападать, то запорю! сказалъ баринъ. А меня простилъ, не билъ, а сказалъ: если другой разъ ударишь, такъ я и тебя запорю.

Пошелъ солому носить, а тѣ и себѣ пошли на работу.

На другой день собрались мы на барщину, какъ вдругъ на гумно сотскій и говорить, что пришолъ чабанъ оповѣстить что въ скирдѣ они нашли убитаго человѣка, который еще дышетъ. Рассказываетъ чабанъ, говоритъ сотскій, что у того человѣка голова побита и самъ весь въ крови, лежитъ возлѣ скирды, сѣномъ накрытый. Повернулся онъ, а собаки и увидели и начали лаять. Одинъ чабанъ пошелъ туда, увидѣлъ его и позвалъ мальчика извѣстить барина.

Запрягли фургонъ и поѣхали къ той скирдѣ баринъ, барыня и еще пять человѣкъ, съ гумна взяли. Вытащили того человѣка изъ-подъ сѣна, видно расейскій человѣкъ (не малороссъ), лѣтъ двадцати пяти. Побить онъ сильно: голова у него вся въ дыркахъ, тѣло все синее, такъ что узнать нельзя. И не говорить, а только дышетъ.

Взяли его баринъ и барыня къ себѣ, а одного мужика послали въ К. волость. Приѣхалъ оттуда фельдшеръ и взял того убитаго въ волость. Черезъ три недѣли началъ онъ говорить. Тогда баринъ и барыня поѣхали въ волостное управленіе и стали спрашивать того человѣка. Вотъ человѣкъ и началъ рассказывать, что онъ шелъ домой съ роднымъ дядей и двоюроднымъ братомъ, того дяди сыномъ, и тамъ, подъ скирдой, они отдыхали. Дядя тотъ пьяница и сынъ его пьяница, а племянникъ водки не пилъ; семьсотъ рублей несъ домой, а дядя и двоюродный братъ ничего не несли: пропали свои деньги. Служили они въ одномъ мѣстѣ ямщиками на почтовыхъ станціяхъ. Такъ вотъ за тѣ деньги они и убили его, а онъ и ожилъ. Вылѣчили его въ К. волостномъ управленіи, а онъ и ушелъ куда-то, не знаю. Было это передъ войей.

Взучился я немного читать и думаю себѣ: буду я вольный тогда пойду себѣ въ монахи. Услышу, что у кого-нибудь есть житія святыхъ, сейчасъ пойду, попрошу и читаю. Прочиталъ я житія Фраческаго (ѳракійскаго) Марка, св. Василя

Великаго, св. Василя Блаженнаго, св. Харлампія и Власія, св. Онуфрія и всѣхъ кievскихъ святыхъ. А тутъ вѣтъ воли!

Прошу я барина, чтобы далъ мнѣ бумагу для того чтобы пойти въ Кіевъ помолиться и поклониться св. мощамъ. (А барину уже раньше атаманъ сказалъ, что я молюсь и хочу быть монахомъ). Баринъ и говоритъ мнѣ: Вотъ ты пойдешь и не вернешься, будешь тамъ шляться по Кіеву. Не ходи, а то я тебѣ задамъ.

Мучитъ меня совѣсть. Придетъ ночь, молюсь я Богу, а мнѣ какъ будто кто шепчетъ: брось да иди въ Кіевъ, такъ безъ бумаги. Мучился я мучился, а потомъ и подумалъ самъ себѣ: пойду! что Богъ дастъ. Пошолъ я въ Елисаветградъ, заработалъ себѣ шесть рублей и пошелъ себѣ въ Кіевъ.

Встрѣтился мнѣ дорогой человекъ. Я шолъ въ Кіевъ, а онъ уже шелъ изъ Кіева и встрѣтились мы на дорогѣ. Назывался тотъ человекъ Василюмъ. Вотъ я и началъ его спрашивать про Кіевъ, про мощи да про монаховъ. Онъ мнѣ и говоритъ: я и самъ былъ монахомъ, да едва вырвался оттуда.

А я и говорю: я только и хочу быть монахомъ, а вы меня такъ пугаете.

— Не стоитъ быть монахомъ,—говоритъ тотъ Василій: тамъ именно искушеніе.

— Какъ же это? говорю я. Туда всѣ люди ходятъ Богу молиться, а вы говорите: не стоитъ быть монахомъ.

— Какъ пойдете,—говоритъ онъ,—то и увидите. Вспомните тогда, что я говорилъ вамъ на дорогѣ.

А съ тѣмъ Василюмъ шла женщина, мать его. Вотъ она и говоритъ: я отдала этого сына одному монаху. А тотъ монахъ и зачислилъ моего сына въ монахи. Это я уже четвертый разъ ходила изъ своего общества, чтобы вырвать его домой. Тамъ хуже, чѣмъ гдѣ, какъ я разглядѣла. Пусть Господь отводитъ всякаго добраго человека отъ этого монашества.

— Какъ же это такъ, — говорю я, — всѣ люди ходятъ къ господа ѣздятъ туда Богу молиться, а вы говорите, пусть

Господь отводить? Вотъ я первый хочу быть монахомъ. Я прочиталъ всё житія, иначе никакъ и спастись нельзя въ мирѣ, какъ не въ монастырѣ.

— То было когда-то, говорятъ они свое, что можно было въ монастырѣ спастись, а теперь никакъ вы не спасетесь: тамъ самый развратъ и обманъ.

— А я-таки пойду,—говорю я,—да посмотрю. Я читалъ много про святыхъ, да про монастыри. Но можетъ быть, чтобы тамъ нельзя было спастись.

— Подите и посмотрите, говорятъ тѣ люди.

Я и спрашиваю того Василья. Вотъ горе мое, говорю, что баринъ мой С.—Б.—инъ не далъ мнѣ свидѣтельства. Я безъ бумаги такъ и пошелъ должно быть и рассмотретьъ всего не придется.

— Я васъ научу,—говоритъ мнѣ Василій,—какъ вамъ тамъ быть хоть цѣлый мѣсяць.

— Какъ? спрашиваю я.

— Какъ придете въ Лавру,—говоритъ Василій,—то спросите тамъ іеросхимонаха Θεодосія. Укажутъ вамъ, гдѣ онъ, то вы и скажите ему, что Василій проситъ, елисаветградскій живописецъ, скажите, котораго мать взяла изъ монастыря; скажите, что вы другъ мой, то онъ васъ и приметъ. Тамъ вы помолитесь и все рассмотрите хорошенько.

Поблагодарить я тѣхъ людей и пошелъ себѣ путемъ дорогою. Незналъ я, куда идти, да и пошелъ на Г., на Т. Брѣвно боялся самъ идти.

Встрѣлись мнѣ на дорогѣ три парня, русскіе, и тѣ безъ паспортовъ. Ушли тѣ парни изъ Г., отъ купца Я., изъ сахарнаго завода. Шли они домой, куда-то за Кіевъ.

— Держись, не отставай отъ насъ, говорятъ они мнѣ. Мы будемъ идти черезъ Кіевъ и тебя заведемъ туда.

— Чего же это вы отъ работы удираете? спрашиваю я ихъ.

А они мнѣ говорятъ: Приѣдетъ Я. къ намъ въ волость, заплатитъ за насъ подати да и погонитъ насъ, какъ овецъ.

Пригонять сюда босыхъ и голыхъ... Харчи плохія, работать нельзя! черезъ это мы и уходимъ. А то хоть помирай-ложись! А какъ померь человекъ, зарюютъ его какъ собаку! Что же дѣлать? Надо уходить? Вотъ ужъ придемъ домой, своему начальству-пожалуемся, а то и жаловаться некому тамъ въ Г.! Закуютъ тебя въ кандалы и баста!..

— Вездѣ горе бѣднымъ людямъ! подумалъ я.

Привели меня тѣ парни въ Кіевъ и распрощались со мною: я пошелъ въ Лавру, а они пошли черезъ мостъ, туда куда-то, гдѣ русскіе живутъ.

Нашелъ я іеросхимонаха Феодосія и рассказалъ ему, что меня послалъ тотъ Василій, что былъ въ монастырѣ, и просилъ принять меня, и что я самъ хочу быть монахомъ. Правда, принялъ меня тотъ іеросхимонахъ Феодосій, онъ меня поучалъ и говѣлъ я у него. Вечеромъ позвалъ тотъ Феодосій другого монаха и говоритъ ему: отведи этого парня въ гостинный дворъ и скажи отцу-завѣдующему дворомъ, что паспортъ этого парня у меня остался по дѣлу. Повелъ меня тотъ парень-монахъ (послушникъ) въ гостинный дворъ и сказалъ все, что приказалъ ему Феодосій. Приняли меня, дали мѣсто и сундукъ, чтобы спрятать тамъ, что имѣлъ, и замокъ: а ключъ бери, говорить, съ собою, если куда уходишь.

Пошелъ я по всеѣмъ монастырямъ—вездѣ молятся хорошо. Приходимъ мы обѣдать туда въ гостинный дворъ, а тамъ женщины или дѣвушки хлѣбъ пекутъ да капусту сѣкутъ, а монахи приходятъ къ нимъ да разговоры ведутъ.

— Матушка, а, матушка! дай-ка хлѣбца да капусты!... говорятъ. А я какъ посмотрѣлъ, да и говорю: грѣшати тутъ. Правду мнѣ говорятъ на дорогѣ. Подумалъ я себѣ: когда я буду хозяиномъ, то по крайней мѣрѣ нищему подамъ кусокъ хлѣба отъ трудовъ моихъ. А сдѣлайся монахомъ, я будешь просить у матушки капусты да хлѣба, вотъ такъ, какъ эти

монахи просятъ. И не захотѣлъ быть монахомъ, а пожелать быть хозяиномъ.

Исповѣдался я и приобщился св. таинъ у о. Феодосія и пошелъ себѣ домой. Спрашивалъ меня іеросхимонахъ Феодосій, буду ли я монахомъ, и сказалъ я ему: если тутъ есть и женщины, то плохое тутъ спасенье. И пошелъ домой.

Пришелъ я домой. Услышалъ баринъ, что я пришелъ, позвалъ меня сейчасъ къ себѣ и далъ пятьдесятъ розогъ. „Вотъ это тебѣ, говорить спасенье!“ Тогда я узналъ монастырь.

Живу я дома, забывъ про монастырь, жениться захотѣлъ. Когда я былъ еще въ монашескомъ настроеніи, то отецъ хотѣлъ меня женить. Теперь же, когда я захотѣлъ жениться, отецъ мнѣ и говоритъ, если хочешь жениться, то женись на свой счетъ.

А я и сѣно косилъ, служилъ да собиралъ хозяйство, а отецъ тогда не далъ мнѣ ничего. „Ты,—говорить,—большой уже, а это вотъ еще малые: имъ нужно.“

Такъ и пошло мое хозяйство. Заплакалъ я горько и думаю себѣ: „Какъ же я теперь буду жениться? Не за что!..“ А дѣвушку ужъ нашелъ себѣ, дочь одной вдовы. А у той вдовы, кромѣ той дѣвушки, что я хотѣлъ взять за себя, было еще четверо дѣтей. Самая старшая называлась Авдотьею. Вотъ я и говорю ей матери (Марьей ее звали): Тетка Марія! Отдадите вы за меня вашу Авдотью?

— Я бы и отдала, говорить, да не за что.

— И у меня, говорю, нѣтъ ничего, да я какъ-нибудь оженюсь. Вы только скажите, отдадите Авдотью за меня или нѣтъ?

— Отдамъ, говорить, нужно только, чтобъ пришелъ отецъ или мать?

Переговорилъ это я съ матерью весною, а съ дѣвушкой давно ужъ переговорилъ и посоветовался.

Настала косовица (сѣнокось). Взялъ я у барина лань

(10 дес.) травы и выкосилъ, Авдотья сгребла, а я въ конны сложилъ. Заработали мы въ двоемъ съ Авдотьею семьдесятъ копенъ сѣна и подѣлились, по тридцать пять копенъ намъ досталось. Тогда я и говорю Авдотѣ: вотъ это будетъ намъ на свадьбу!

Обрадовалось моя названная теща, что есть на что дѣвужку за-мужъ отдать.

Пошелъ я къ отцу хлѣбъ убирать, а Авдотья пошла на панскій ланъ хлѣбъ зарабатывать. Собрали хлѣбъ, дождался осени. Надо кончать дѣло съ женитьбой. Собрать я свое сѣно, свезъ въ городъ, заработалъ рублей шестьдесятъ. Посоветовался я съ матерью, что мнѣ купить надо, а мать мнѣ и посоветовала купить подарковъ для родичей. „Если—ты говорить—имъ подарить что-нибудь, то и они отдарятъ тебѣ, можетъ быть скотину какую подарятъ или овцу“.

Обрадовался я, думалъ, хозяиномъ стану, когда получу подарки.

А невеста моя ходить ко мнѣ, просить, чтобы я повезъ ей сѣно на возахъ, потому что у нее некому вывезти; братья маленькіе, а зять старшій не хочетъ. Нанять я подводы, забралъ сѣно и поѣхали съ невестой къ городъ, продали сѣно и купить, что нужно, на свадьбу.

Устроились мы съ невестой. Я тогда и говорю матери, чтобы пошла съ отцомъ за рушниками¹⁾).

Устроили мы свадьбу. Невеста была некрасива, и на свадьбѣ родственники дарили насъ все зелеными овцами да зелеными телятами²⁾). Подарки забрали, водку выпили, хлѣбъ поѣли, а зеленые овцы да коровы и до сихъ поръ зеленѣютъ у моихъ родственникововъ.

¹⁾ За рушниками идутъ старости отъ жениха передъ свадьбой. Если дѣвужка «подавала рушники», значитъ, она согласна за-мужъ за того, отъ кого старшины приславы.
Прим. перевод.

²⁾ Зеленую «худобу» дарятъ «молодымъ» обыкновенно осенью. Это значитъ, что дарящій обѣщаетъ новобрачнымъ овцу или телку изъ будущаго весеняго приплода. Дарятъ еще «корову, что гребеть солому» — курицу.
Прим. перевод.

Разбогатѣлъ я: имѣю жену и больше ничего. А дѣло было передъ филипповками. Пожилъ я у отца недѣли двѣ послѣ свадьбы, а потомъ отецъ и выгналъ меня изъ своей хаты.

— Имѣешь, — говорить, — жену, имѣй и свой хлѣбъ.

— Ладно, думаю себѣ. Гдѣ же мнѣ теперь дѣваться? А ждетъ еще и барщина... Думалъ я, думалъ и придумалъ, что я когда-то умѣлъ овечьи кожи чинить, потому что когда я былъ чабаномъ, то самъ чинилъ себѣ кожи и на тулупъ, и на штаны и на спенсеръ (поясъ съ чехломъ для ножа). Пошелъ я къ одному человѣку, нанялъ маленькую хатку и началъ чинить кожи мужикамъ и зарабатывать себѣ хлѣба, пшена и сала. Цѣлую зиму такъ жилъ.

Прошла зима. Весною приходитъ мать ко мнѣ и со слезами говорить, что она больна, въ хатѣ работать не можетъ, а помочь некому. Вернися, — говорить — сыну, домой и будешь хозяйничать. Ты-жъ самъ знаешь, что отецъ твой пьяница, а какъ я буду дѣтей кормить?

Повертѣлся я, повертѣлся да и вернулся къ отцу: крѣпко я мать любилъ и уважалъ. Она была честная, трудолюбивая, да отъ работы, горемычная, и заболѣла. А отецъ, какъ добрый конь, здоровъ, напьется водки, придетъ домой и колотить бѣдную, больную мать.

Перезимовавши, вернулся я къ отцу.

А тутъ говорятъ, что скоро воля будетъ. Дожидаемся мы ее, словно самого Бога въ гости.

Вотъ баринъ призываетъ отца и говорить: вотъ ты, Иванъ записанъ въ Ѡ. ревизской сказкѣ, такъ ты и строй себѣ хату въ Ѡ. (тогда мы жили въ Б.).

Отправились мы строить хату въ Ѡ.: вторую хату пришлось мнѣ строить отцу. Выстроили мы хату и переѣхали въ Ѡ.

Прожилъ я года два у отца, а потомъ онъ выгналъ-таки меня изъ-хаты, изъ той самой, что я строилъ. А тогда былъ

годъ плохой. Вотъ отецъ и выгналъ меня на зиму изъ хаты, а за что? Больше всего за то, что мы съ матерью не давали ему пропивать хозяйства. Возьметъ, бывало, отецъ дубину и ходить за мною, а я ухожу отъ него, потому что убьетъ дубинкой, какъ собаку. Перешелъ я на зиму къ своему шурину. Отецъ мнѣ не далъ ничего, ни одежды, ни хлѣба, ничего не далъ! Куда пойдешь жаловаться на отца?

Вотъ и сталъ я ходить на сторожу, на жалованье. Кормился тѣмъ, что получалъ за сторожу. А тутъ жена родила, потомъ ребенокъ умеръ, и все нужно, а взять негдѣ! А тутъ еще чужая хата... жена заболѣла... самъ днемъ на барщину, а ночью на сторожѣ... А одежда плохая... Что хочешь, то и дѣлай!

Въ это время уже увольнялись. Паны не хотятъ и говорить, не то, что помочь.

Дождался я весны, пересталъ ходить на сторожу да и заболѣлъ: простудился, потому что одежда была плохая. Голова у меня болѣла, а потомъ посхвачивались пузыри, съ фасоль величиною; потомъ глаза заболѣли, видѣть пересталъ.

Повела меня жена въ городъ къ доктору-нѣмцу—Р. звали. Прописалъ онъ чего-то, чтобы я взялъ въ аптегѣ и сказалъ, чтобы я курилъ табакъ-махорку. Взялъ я то, что онъ прописалъ, и началъ курить, и до сегодняшнаго дня курю махорку.

Выздоравли я немного, а въ глазахъ словно мотыльки летали еще долго, года два.

Началъ я, было, себѣ хату строить, да не на что было. Вотъ и пошелъ я въ городъ Елисаветградъ и нанялся тамъ у одного нѣмца на мельницу-тапчагъ, просо шерстовать на шпено, (А хлѣбъ не родился уже другой годъ). И жена нанялась у того нѣмца. Прослужили мы лѣто, а осенью насъ нѣмецъ разсчиталъ.

Купили мы кой-какого дерева на хату да одежду кой-какую, а сами остались безъ хлѣба. Ходимъ мы, чтобы наняться гдѣ-

нибудь. А годъ былъ плохой, мѣсть не было. Ходили мы недѣли двѣ, а потомъ какой-то полковникъ выѣзжалъ изъ Е. въ К. Я и нанялся къ нему съ женой и поѣхалъ съ нимъ въ К.

Служимъ мы, денегъ хотимъ заслужить да хату достроить, чтобы жить гдѣ было.

Поѣхали мы въ К. съ тѣмъ полковникомъ. Нанималъ полковникъ меня смотрѣть за парой лошадей, а жену варить кушанья, а вышло такъ, что у меня на конюшнѣ пять лошадей, а жена и варить, и бѣлье моетъ, и восемь комнатъ убираетъ. Я долженъ встать за полчаса до разсвѣта, убрать конюшню, очистить лошадей, дворъ убрать, воды привезти и чуть свѣтъ закладывать лошадь, да ѣхать на базаръ съ баринномъ. По приѣздѣ, пока баринъ напьется чаю, я выпрягу лошадь да заложу пару: барышень везти съ П. на Старый К. Приѣзжаю оттуда, барина везу въ крѣпость, въ комиссію и ожидаю тамъ до двухъ часовъ. Ъдучи оттуда, заѣзжаемъ за барышнями, ѣдемъ обѣдать и снова заѣзжаемъ за барченкомъ въ гимназію. Приѣхали. Они обѣдаютъ, а я конюшню убираю... И поѣсть нѣкогда ни мнѣ, ни женѣ... А тутъ еще приказываютъ женѣ бѣлье гладить!...

Побылъ я въ томъ К., у того полковника, да и закаялся служить.

-- Ищите себѣ, говорю я барину, человѣка, потому что я и жена не хотимъ служить у васъ: тяжело намъ... Насъ нужда напала за вашею работою.

Ударилъ меня баринъ сейчасъ и говоритъ: какъ! ты служить не хочешь? Лѣнтяй! Работать не хочешь?

— У насъ,—говорю я барину,—договоръ быть такой: женѣ кушать варить, а она у васъ и горничная, и прачка, и кухарка, да еще когда у меня времени нѣтъ, она и воду носить изъ Д. Я договаривался только къ парѣ лошадей, а у васъ ихъ пятеро на конюшнѣ. Ихъ-же нужно убрать... А разъ-

ѣзды у васъ какіе? Съ утра и до вечера! Нѣтъ времени и кусокъ хлѣба съѣсть!...

Вырвалъ я у того полковника свою бумагу, нашелъ себѣ квартиру, отвелъ туда жену, а самъ пошелъ харчи зарабатывать и нанялся въ чайной трактиръ, кубы грѣть да порціи выдавать.

Не умѣлъ я этого дѣлать да хозяйка показала, а бѣда научила. Дали мнѣ пять рублей въ мѣсяць.

— Хоть-бы женѣ на харчи хватило, думаю себѣ,—а я и здѣсь прокормлюся. Хоть-бы до весны какъ-нибудь... не съ чѣмъ вернуться домой, въ X. губернію... А весною заработаемъ, да хоть пѣшкомъ домой поидемъ.

Прожилъ я тамъ всю зиму.

Случился мнѣ странный человѣкъ. Испугался я его словъ и соблазнился; больше никогда видѣть не хотѣлъ того К. Что же я услышать, чего испугался? Человѣкъ тотъ Бога ругалъ, говорилъ, что онъ несправедливъ, что тотъ Богъ въ трехъ лицахъ, что съ него слѣдуетъ рекрута взять... Услышалъ я это и словно въ огнѣ сгорѣлъ: такъ мнѣ жаль было Бога. Потомъ было увижу того человѣка и ухожу отъ него.

Пришла весна. Пошла и жена къ жидамъ работать (тогда имъ уже позволили жить въ К.). Разсчитался и я въ трактиръ и пошелъ на работу, денегъ заработать.

Заработали мы немного денегъ на дорогу. Пошелъ я въ Л. и нашелъ тамъ себѣ попутчиковъ изъ-подъ Н. (А одинъ человѣкъ изъ Т. пріѣхалъ въ К. Богу молиться). И поѣхали мы съ женою изъ К. домой.

Тотъ человѣкъ, что изъ Т., рассказывалъ, что нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ добра. Горе, вездѣ, а у васъ хуже, чѣмъ гдѣ-либо,

Пріѣхалъ я домой и началъ, было, кончать свою хату. Какъ вдругъ присылаетъ за мною баринъ. Прихожу я къ ба-

рину, а онъ и говорить мнѣ: вотъ ты ходилъ на работу, а мнѣ за прошлый годъ годъ отработай.

— А мы же, говорю, свободны отъ вашей работы.

— А мы—говорить староста—работали прошлый годъ.

— Вы же—говорю—хаты отъ барина получили, а мнѣ жить негдѣ. Дали вамъ хаты и вы издавна хозяева, а я батракомъ былъ, и ходилъ для того, чтобы хоть прокормиться этотъ голодный годъ. За что же я буду работать? А гдѣ же я жить-то буду, что я буду ѣсть?

Послѣ этого они ничего не могли сказать и отвязались отъ меня.

Пошелъ я себѣ. Были тамъ мѣщане. Вотъ у тѣхъ мѣщанъ я поработаю немного, да снова хату себѣ строю. Такъ и выстроилъ себѣ плохенькую землянку. Тогда общество напнуло на меня два надѣла земли. „Онъ хозяинъ“, говоритъ общество. За тѣ два надѣла земли нужно было заплатить казенныхъ платежей четырнадцать рублей и сорокъ копѣекъ, да барину пятой части десять рублей, да податей два рубля, да сельскихъ раскладокъ два рубля... Черезъ силу заплатишь, а себѣ на зиму ѣсть нечего.

Такъ я бѣдствовалъ пять лѣтъ, пока мѣсть можно было сдать ту землю кому-нибудь. За тѣ пять лѣтъ пятую часть немного уменьшили. Началъ я подыскивать кого-нибудь, чтобы сдать ту землю: силъ моихъ не стало. Что было, все отдать... Продать, да отдать за землю. Какъ вдругъ я слышу, что за ту землю нужно платить сорокъ девять лѣтъ и тогда только земля будетъ наша. А я уже совсѣмъ больнымъ сталъ. Работалъ да все платилъ за землю, чтобы хоть умереть можно было на своей землѣ, да вижу—неустойка! Работать не могу, ноги заболѣли, пишки на нихъ повыгоняло... вижу, что скоро пропаду, а земля останется чужой да и подумалъ себѣ: „Нужно отдать и землю, и хату, и садъ, и хлѣбъ, что посѣять въ полѣ... Пусть бы кто ни на есть взялъ у меня эту смерть, землю... Я себѣ гдѣ-нибудь приткнусь... нищимъ

буду, да хоть немного поживу, хоть никому долженъ не буду!“...

И объявилъ я въ своемъ обществѣ, не возьметъ ли кто-нибудь моей земли? Взялъ моп надѣлы одинъ богачъ, а я и пошелъ себѣ въ городъ Е.

Говорять мнѣ люди, чтобы я взялъ увольнительный приговоръ отъ своего общества и подалъ прошеніе о перечисленіи меня въ мѣстечке г. Е. Пошелъ я въ свое общество, взялъ увольнительный приговоръ, подалъ въ е—скую думу и ожидаю утвержденія. Отъ е—ской думы я получилъ удостовѣреніе, что я подалъ прошеніе о припискѣ и три экземпляра ревлаской сказки. Жду я, что меня переведутъ въ среду е—скаго общества, а между тѣмъ лечусь отъ своей болѣзни, ломоты въ ногахъ. Пролечилъ я, что у меня было, и сталъ чувствовать себя здоровѣе.

Наступилъ сѣнокосъ. Я съ женой и пошелъ на работу въ г. В. Пришли мы въ В., а туда пріѣхали нѣмцы нанимать рабочихъ, косить и грести сѣно. Нанялся я косить, а жена грести, и забрали насъ нѣмцы въ о—скій уѣздъ. Вотъ я кошу, а въ праздникъ читаю житія святыхъ.

Прошла косовица. Разсчитался я съ нѣмцами и пошелъ на базаръ въ Л., чтобъ наняться на жниво. Прошло воскресенье: никто насъ не нанялъ. Вотъ мы въ понедѣльникъ сидимъ себѣ, ожидаемъ хозяина, чтобъ наняться. Пріѣзжаетъ одинъ штундистъ-сектантъ, нанимаетъ насъ на работу косить пшеницу.

И полюбилъ меня тотъ штундистъ, нанялъ меня съ женою и поѣхали мы къ нему.

— А вы умѣете и читать, говорить онъ.

— Немного учился, говорю.

— Доброе это дѣло! говорить штундистъ. Хорошо ты, человекче, дѣлаешь, что читаешь!... И погналъ лошадей такъ, что мы едва изъ фургона не вылетѣли.

Привезъ онъ насъ къ себѣ домой и говоритъ: сегодня ужъ

мы въ поле не поѣдемъ: уже не рано, да въдобавокъ и вы закармлины. Отдохнемъ немного.

Позвали насъ въ хату, посадили насъ обѣдать и дали намъ скоромную пищу. Мы смотримъ: тогда была спасовка (успенскій постъ).

Вотъ тотъ хозяинъ и говоритъ: Ёшьте. Что въ чрево входитъ, за то нѣтъ грѣха; а что изъ рта выходитъ, то грѣхъ.

Начали мы ѣсть: голодны были.

Начинаетъ онъ съ нами говорить, выносить Евангеліе и рассказываетъ намъ, что грѣхъ и что не грѣхъ.

И подумалъ я себѣ: сколько я читалъ, а этого не зналъ. А оно такъ и написано, какъ онъ говоритъ.

И понялъ я, что это за штундистъ.

Работалъ я у того штундиста все жниво. Кончилось жниво... И вотъ тотъ штундистъ называлъ меня братомъ духовнымъ и отвезъ насъ въ В., чтобы мнѣ меньше было пѣшкомъ идти въ Е.

Пришелъ я домой и сейчасъ купилъ себѣ Евангеліе, чтобы читать эту книгу: сильно я люблю Богу молиться.

И хожу я на работу уже въ г. Е. Есть работа, то я работаю, а нѣтъ работы—я читаю Евангеліе. Раздосадовало жену мою то, что меня штундистомъ называютъ. Съ досады начала она сильно водку пить... Горе мнѣ! Отыскалъ истину, да жену потерялъ!... Соблазнилъ она, начала сильно пьянствовать, ударила въ развратъ, начала любодѣйствовать... Горе мнѣ, бѣдному человѣку, несчастье большое!...

Дождался я другого лѣта, а приписки нѣтъ. Пошелъ я въ думу е-скую, спросилъ... Отвѣчаютъ мнѣ: еще не вернулась ваша приписка изъ Х.

И на другое лѣто пошелъ я на работу къ тѣмъ хозяевамъ, гдѣ я былъ и прошлый годъ. Тамъ я поучился Евангелію. На другой годъ рассказали они мнѣ все, что они могли понимать изъ Слова Божьяго. Работалъ я тамъ все лѣто, а осенью вернулся въ свой городъ.

Пошелъ я снова въ думу. и снова мнѣ говорятъ: нѣтъ вашего дѣла! Три года прошло, а приписки все нѣтъ. Перезимовалъ я и снова пошелъ въ думу. „Нѣтъ вашей приписки“, отвѣчаютъ. Что тутъ дѣлать? Жилъ бы я себѣ гдѣ-нибудь, а черезъ приписку нельзя, нужно ожидать этой приписки!

На четвертый уже годъ пошелъ я на вокзалъ и поступилъ на мѣсто швейцара. Прослужилъ я на вокзалѣ годъ, пошелъ снова. „Нѣтъ, говорятъ, вашей приписки“!

Работалъ я въ городѣ. Какъ вдругъ присылаютъ изъ той деревни, что я уволился, требуютъ черезъ полицію по этапу.

— За что это? спрашиваю я частного.

— Ваше общество требуетъ, говорить мнѣ частный.

— Мое общество въ думѣ города Е., говорю я.

— То ваше общество, говорить частный. И повели меня въ К—ское волостное правленіе.

Прихожу я въ к—ское волостное правленіе.

— Ваши бумаги пришли, говорить волостной писарь, — неутвержденные.

— Отчего? спрашиваю я.

— Не такъ были написаны, говорить писарь.

— Ну, такъ вы, пожалуста, напишите, какъ слѣдуетъ!

— Хорошо, говорить писарь, я напишу. Только за то, что я вамъ напишу, дадите три рубля.

Крѣпился я, крѣпился и отдалъ три рубля. Онъ мнѣ и написалъ.

Принесъ я эти бумаги въ городъ Е. въ думу. Приняли отъ меня тѣ бумаги, взяли съ меня въ счетъ будущихъ податей три рубля и выдали удостовѣреніе.

Сдать я это свои бумаги, а самъ пошелъ по городу нечи- строить...

А жена меня ненавидитъ за то, что я исполняю слово Божіе, Евангеліе, запьянствовала, что захватить, тащить изъ дому да пропиваетъ со своими любовниками.. Горе мнѣ, убогому!... Дѣлать нечего, голову приклонить некуда!... Родствен-

ники отказались отъ меня и жена отказалась... Остался я одинъ да Богъ въ моемъ сердцѣ... Хожу себѣ молюся да прошу Бога живаго, чтобы Онъ помогъ мнѣ перенести такую тягость.... Православные меня не принимаютъ за то, что я исполняю Евангеліе, а баптисты¹⁾ не принимаютъ меня за то, что жена моя предалась распутству. И остался я одинъ-одинехонекъ, какъ былъна постѣ пожара!...

На этомъ кончаются „записки южнорусса-крестьянина;“ но скитанія его еще не кончились: намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, извѣстно, что онъ до сихъ поръ возится со своею припискою.

А. Г.

¹⁾ Баптистами раскольники называютъ ту секту, которая известна въ литературѣ подъ именемъ штудистовъ. Въ послѣднее время они и сами себя такъ начали называть.

Взвизгъ.

Съ трудомъ дыша, въ золу глубоко увязая,
 Взбирался я по голой крутизнѣ.
 Остывшая встрѣчалась лава мнѣ, —
 Я на нее садился, отдыхая.
 Тогда впизу сверкала, будто сталь,
 Морская гладь; средь зелени веселой
 Помпел трупъ чернѣль, бѣлѣли села;
 Каймою горь, сребрясь, вѣнчалась даль.

Вотъ пройденъ черный скатъ. За мною глубь картины
 Покрылась дымкою. Чело горы
 Пересѣкаютъ гнѣвные морщины.
 Бой-гдѣ, свистя сквозь трещины, пары
 Вдымаются удушливою тучей.
 Дыханьемъ ихъ окрашены блестятъ
 Обломки лавы рдѣющею кучей
 Увядшихъ листьевъ. Трепетомъ объять,
 Иду впередъ. Вулканъ глубоко дышетъ,
 Дрожить земля и воздухъ сѣрой пышетъ.

Вотъ скоро конченъ путь. Пылающимъ вѣнцомъ
 Сталь круто холмъ дымящійся и яркій.
 Взбираюсь. Камни сыплются дождемъ,
 Стираетъ духъ. Ногамъ сквозь обувь жарко.
 Сокрылась даль. Закутанъ небосклонъ.
 Богровый дымъ встаетъ со всѣхъ сторонъ.

Усталость вдругъ прошла... Гремя, шипя, свиваясь,
 Чу! глубоко бушуетъ ураганъ.
 Изъ нѣдръ земли встаетъ онъ, приближаясь.
 Вотъ налетитъ... Вотъ задрожитъ вулканъ,
 И столбъ огня взметался величаво
 Надъ кратеромъ, сверкая и блестя
 Въ покровѣ черныхъ тучъ. Изъ нихъ свистя,
 Дождь камней мчится внизъ съ кипящей лавой...

— Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, губитель городовъ,
 Чей скрытый гнѣвъ смертельный страхъ вселяетъ
 Въ сердца людей! О, будь всегда таковъ!
 Весь мѣръ тебя за то лишь прославляетъ,
 Что ты жестокъ, что въ быстротечный мигъ
 Людей сразить ты можешь долгимъ горемъ.
 Ктобъ зналъ тебя, когда-бъ дремалъ надъ моремъ
 Среди другихъ и твой безвредный пикъ?
 Твои бока изрѣзали бы плутомъ,
 До теменя сковали бы въ сады,
 И сотня поселянъ, быть можетъ, другомъ
 Звала-бъ тебя въ награду за плоды...

А нынѣ—кто горы Везувія не знаетъ?
 Счастливъ, чей пламень внутренній нашель
 Исходъ наружу, лавой вытекаая.
 Но горе тѣмъ, въ комъ сила спитъ нѣмая,
 Въ комъ дремлетъ гнѣвъ, какъ раненый орелъ,
 Кто знаетъ ихъ?

И снова столбъ огня взлетѣлъ средь горной тучи
 И, мнилось мнѣ, Везувій отвѣчалъ.

Ничто столѣтія, ничто тысячелѣтія
 Для силъ заснувшихъ. Самъ я сто вѣковъ молчалъ.

Какъ рабъ, безропотно былъ осужденъ терпѣть я
 Тяжелый гнетъ людей. Везувій—былъ рабомъ!
 А люди надо мной глумилися. Идемъ —
 Рѣшили — нѣтъ горы на свѣтѣ плодороднѣй.
 Идемъ, подѣлимся Везувіемъ. Здѣсь — ты,
 Тамъ буду я владѣть. Здѣсь разобьемъ сады,
 А выше виноградъ посадимъ благородный.
 По склонамъ города и виллы возведемъ.
 Здѣсь будетъ мощный циркъ, тамъ—дальній гипнодромъ.
 Везувій все снесетъ... Онъ—нашъ слуга радивый,
 Онъ нашъ покорный другъ, кормилецъ терпѣливый! —
 Я слушала рѣчи ихъ, я слушала и молчала.
 Я грудью собственной враговъ своихъ питала,
 Но еслибъ видѣлъ кто, что тамъ, въ груди кипѣло!
 Тамъ плавился гранитъ, негодование зрѣло.
 Я не дремала, о нѣтъ. Но, помня свой позоръ
 И чутко суеты людской внимая шуму,
 Я къ небу устремляла загадочный мой взоръ
 И думала горькую и пламенную думу...
 И мести пробилъ часъ.

Былъ праздникъ. Опьянѣвъ
 Отъ дикой радости, толпа рукоплескала
 И циркъ, неистово бѣснуясь, колебала:
 Предъ нею юношу терзала голодный левъ.
 И я сказала: пора! И громъ рукоплесканій,
 Очнувшись, инымъ я громомъ заглушила
 И циркъ потрясъ и я...

Съ тѣхъ поръ гигантскихъ силъ
 Во мнѣ кипитъ гроза. Уже вѣка страданій
 Я искупилъ давно и наверсталъ свой сонъ.
 Но трудно залечить въ гранитномъ сердцѣ рану
 И остудить вулканъ.“

Н. Минскій.

Жизненное путешествие

(Изъ Гейне).

Ein Lachen und Singen. Es blitzen und gaukeln
Die Sonnenlichter. Die Wellen schaukeln
Den lustigen Kahn...

И смѣхъ, и пѣніе. Лучъ солнечный блестить.
Волна веселый челнъ, плескаясь, шевелить.
Съ друзьями милыми туда я съѣзъ
И беззаботно въ даль по волнамъ полетѣть.

Разбился утлый челнъ. Пошли мои друзья
На родниѣ ко дну. И уплѣлѣть лишь я.
Я плавать лучше ихъ; я плыть, — и не домой,
На берегъ Сены былъ я выброшенъ волной.

Я новыхъ здѣсь друзей, и новый здѣсь челнокъ
Нашелъ. И вновь меня несетъ впередъ потокъ.
И море чуждое вокругъ меня шумить.
Далеко край родной. Душа моя болить.

И снова пѣніе, и снова громкій смѣхъ...
Свистъ вѣтра... Челнъ, скрипя, свой ускоряетъ бѣгъ...
Послѣдняя звѣзда обвилась черной мглой.
Душа моя болить. Далеко край родной!

* * *

Кризисъ Смитовской школы въ Политической Экономіи.

(Англійская свободная торговля соч. проф. Янжула).

Всякое лицо, говоритъ авторъ означенной книги, даже поверхностно знакомое съ исторіей науки, знаетъ, что политическая экономія въ настоящее время переживаетъ весьма серьезный кризисъ. Вѣра во многія, наиболѣе существенныя положенія и принципы этой науки, какъ они были установлены въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка ея первыми основателями, вѣра эта является въ значительной степени подорванной или поколебленной: и въ то же самое время, новые принципы, новые законы, которые могли бы замѣнить собой старыя, потерявшіе общее довѣріе, еще не созданы и пребываютъ in vacuo.

Такимъ образомъ, проф. Янжулъ полагаетъ, что не только поколеблены самыя существенныя положенія Смита-Рикардовскаго направленія, но и не существуетъ политической экономіи, какъ науки. Въ другомъ мѣстѣ книги высказана и та главная причина, вслѣдствіе которой политическая экономія дискредитирована. «Если взглянуть пристальнѣй въ ея исторію, то немедленно становится очевиднымъ тотъ важнѣйшій слабый пунктъ, благодаря которому политическая экономія и пришла къ современному кризису: онъ заключается въ дедуктивномъ методѣ, съ исключительной почти помощью котораго построено все здание науки о народномъ хозяйствѣ, въ абстрактномъ характерѣ ея положеній и выводовъ, чуждыхъ наблюденію дѣйствительной экономической жизни народовъ; наука, короче, не хотѣла знать ни прошлой исторіи народовъ, законы богатства которыхъ искала, ни ихъ современнаго экономическаго быта, на которомъ

легко могла бы проверять свои обобщения. Отсюда понятен тот вывод, который надлежит сделать о правѣ политической экономіи на независимое существованіе и наименованіе наукой. *Le roi est mort, vive le roi!* Если методъ является прямой причиной теперешняго положенія политической экономіи и отношенія къ ней общества, то очевидно необходимо его измѣнить, принять въ основаніе другой, чтобъ измѣнить и самое ея положеніе. Такой другой методъ, какъ извѣстно, есть индуктивный, и на немъ то, по преимуществу, и должна покониться вся перестройка политической экономіи въ новомъ видѣ, съ наибольшими шансами на продолжительное существованіе, нежели она имѣла до сихъ поръ. Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, политическая экономія является болѣе наукой будущаго, нежели настоящаго».

Превосходный во всѣхъ отношеніяхъ трудъ проф. Янжула посвященъ выясненію причинъ паденія въ англійскомъ обществѣ вѣры въ господствовавшее до послѣдняго времени Смито-Рикардовское направленіе политической экономіи. Цитированное же нами отрицаніе научнаго значенія политической экономіи въ ея цѣломъ высказано авторомъ въ предисловіи, и въ подтвержденіе доводовъ не приведено.

Сказать, съ надеждой быть понятымъ, о какойнибудь отрасли знаній, что она не достигла научнаго значенія, было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы слово наука представляло собой опредѣленное понятіе. Лишь при такомъ условіи достаточно было бы заявить, что такая то область изслѣдованія не имѣетъ научнаго значенія и тѣмъ самымъ указалась бы степень развитія этой области и чего ей не достаетъ, чтобы стать наукой. Между тѣмъ, слово наука не только не представляетъ собой твердо установившагося понятія, но и нѣтъ возможности дать этому слову опредѣленнаго значенія. Единственно, что можно сдѣлать—это указать, въ чемъ заключается научная дѣятельность. Причина невозможности связать съ словомъ наука опредѣленное понятіе заключается въ непрерывности развитія знанія. А потому нельзя провести какою либо демаркаціонною линіею между наукой, съ ея методическими приѣмами наблюденій, и обыкновеннымъ знаніемъ, приобретаемымъ при посредствѣ одного здравого смысла и случайныхъ, менѣе обширныхъ наблюденій. Здѣсь различіе лишь относительное, различіе въ степени, а не по суще-

ству. Если мы сопоставимъ съ наукой, говорить Гербертъ Спенсеръ, взятою въ ея наиболѣе точной формѣ, т. е. съ математикой, наши обыденные способы мышленія, лишенные всякаго метода, — контрастъ выйдетъ поразительный. Но достаточно немного подумать, чтобъ увидѣть, что въ обонхъ случаяхъ дѣйствуютъ одиѣ и тѣ же умственныя способности, что въ сущности въ обонхъ случаяхъ приѣмъ мышленія одиѣ и тотъ же. Скажемъ, положимъ, что наука есть организованное знаніе. Но всякое знаніе болѣе или менѣе организовано; самыя обыденныя знанія предполагаютъ собранные факты, выведенныя заключенія, ожидаемыя слѣдствія. Скажемъ ли мы, что наука есть предвидѣніе. Но такое опредѣленіе слишкомъ обширно, пбо дѣтя, смотря на яблоко, предвидѣть, что оно твердо и имѣетъ пзвѣстный вкусъ. Скажемъ ли мы, что наука есть точное предвидѣніе. Но существуютъ науки неточныя, напримѣръ: физиологія, которая врядъ ли когда сдѣлается точной; съ другой стороны, мы встрѣчаемъ весьма точныя предвидѣнія, которыя однако никакъ нельзя называть наукой, напримѣръ: огонь потухнетъ въ водѣ, ледъ растаетъ на огнѣ. Такимъ образомъ, логика не допускаетъ различія между научнымъ знаніемъ и знаніемъ обыденнымъ. Но если они по существу не различаются, то въ какомъ же отношеніи находятся они другъ къ другу? То, что открываетъ наука, гораздо болѣе удалено отъ воспріятія сравнительно съ предметами, знаніе которыхъ пріобрѣтается обыденными способами; предсказаніе астронома о лунномъ затмѣніи разнится въ этомъ отношеніи отъ предвидѣнія служанки, что вода вскипитъ на огнѣ. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что наука есть расшпреніе воспріятія посредствомъ умозаключенія.

Слѣдовательно, можно указать лишь на смыслъ и направленіе научной дѣятельности, опредѣлить же слово наука невозможно.

Такимъ образомъ, когда авторъ разсматриваемаго нами сочиненія говоритъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, что политическая экономія, при современномъ ея состояніи, не есть наука, однимъ такимъ заявленіемъ онъ ничуть не указываетъ на количество добытыхъ ею знаній, на достигнутую ею ступень развитія. Ходячее воззрѣніе соединяетъ съ словомъ наука понятіе о систематизаціи и обобщеніи обширной группы явленій, массъ явленій, какъ говоритъ статистика. Лицо, мало знакомо съ экономической

литературой, прочитавъ экономиста по профессіи, и притомъ такого авторитетнаго экономиста, какъ проф. Янжуль, что политическая экономія не есть еще наука, едва ли не выведетъ весь неправильное заключеніе объ ея интеллектуальномъ багажѣ. Всегда въроятнѣе такое лицо скажетъ: политическая экономія пришла къ сознанію, что она ничего не знаетъ; все, что до сихъ поръ писали экономисты, сушій вздоръ; учтись у нихъ нечему. Говоримъ это по опыту. Какъ часто приходится слышать подобныя выраженія отъ лицъ незнакомыхъ съ экономической литературой, но слышавшихъ что то о томъ, что политическая экономія переживаетъ кризисъ.

То крупное явленіе, въ виду котораго говорятъ, что политическая экономія переживаетъ кризисъ, представляетъ собой гораздо болѣе движеніе впередъ экономической науки, — представляетъ важный прогрессъ въ дѣлѣ расширенія воспріятій экономическихъ фактовъ посредствомъ умозаключеній. Не легко было лишить Смитовскую школу ея господствующаго значенія въ наукѣ и жизни, не легко особенно потому, что она освѣщала современный экономическій порядокъ сообразно интересамъ пущихъ классовъ. Пятьдесятъ лѣтъ боролся съ Смитовскимъ ученіемъ критическое и историческое направленія политической экономіи, развивавшіяся на почвѣ изученія дѣйствительности въ ея прошломъ и настоящемъ, и только недавно одержали побѣду, подорвавъ вѣру въ основныя положенія Смитовской школы. Даже кто не знакомъ съ экономической литературой, уже а priori, можетъ заключить, какой богатый историческій и статистическій матеріалъ и какія обширныя и, въ тоже время, вполне точныя обобщенія должно было накопить борющееся со Смитовской школой направленіе, если оно одержало побѣду надъ ученіемъ, вполне соответствовавшимъ интересамъ господствующихъ классовъ.

Кризисъ переживаетъ не экономическая наука въ ея цѣломъ, а лишь одно изъ ея направленій, Смито-Рикардовское, признававшееся послѣднимъ словомъ человеческого разума по экономическимъ вопросамъ. Этому направленію, считавшемуся единственно истиннымъ, научнымъ, «аксіомы котораго такъ же безусловно вѣрны и всеобщы, какъ положенія астрономіи», и было присвоено названіе Политической Экономіи. Все несогласное съ этимъ направленіемъ считалось вздорной ересью. Отсюда, со словомъ экономистъ связывалось

представленіе о правовѣрномъ послѣдователѣ Смптовской школы. Политической экономіи противопоставались: социализмъ, протекціонизмъ, индуктивизмъ, доказывавшіе относительное значеніе принциповъ классической политической экономіи. Вслѣдствіе присвоенія названія политической экономіи лишь смпто-рикардовскому направленію и случилось, что, съ подрывомъ основныхъ доктринъ этого направленія, заговорили о кризисѣ въ политической экономіи, въ то время какъ именно этотъ кризисъ и знаменовалъ собой рѣшительный прогрессъ экономической науки.

Выясненіе того, какъ, подѣ какими вліяніями и благодаря какой обстановкѣ дѣйствительной жизни, зародилось и развилось столь распространенное нынѣ недовѣріе къ основнымъ доктринамъ классической политической экономіи, доктринамъ, которыя десятки лѣтъ считались «политической математикой», составляетъ главнѣйшую задачу разсматриваемаго нами труда. Въ тѣсной связи съ этой задачей стоитъ другая:—показать причины, по которымъ Англія приняла въ своей политикѣ систему свободной торговли и къ какимъ результатамъ, какъ для національнаго богатства, такъ и для благосостоянія народа, эта система ее привела.

Обѣ эти задачи выполнены авторомъ съ замѣчательной полнотой и ясностью. Рѣдко приходится читать книгу, представляющую такой обширный, поучительный и интересный матеріалъ, какой предлагаетъ новое сочиненіе проф. Янжула. Читатель находитъ здѣсь, во первыхъ, обстоятельную исторію развитія экономическихъ идей въ Англіи XIX столѣтія и тѣ условія жизни, которыя порождали эти идеи; 2) экономическую борьбу трехъ главныхъ классовъ англійскаго общества: буржуазіи, землевладѣльцевъ и рабочихъ; средства борьбы; степень социальнаго могущества каждаго изъ этихъ трехъ классовъ; и постоянное смѣшеніе въ этой борьбѣ классаго интереса съ общимъ благомъ; 3) вліяніе альтруистическихъ идей на общественное мнѣніе и законодательство, хотя и слишкомъ медленное и весьма слабое по своей интенсивности; самыя очевидныя заблужденія, разъ они въ интересахъ господствующихъ классовъ, расшатываются лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы съ ними свѣта истины; и наконецъ 4) изслѣдованіе одного изъ важныхъ экономическихъ вопросовъ:—о свободѣ торговли и протекціонизмѣ.

Намъ удастся коснуться всѣхъ перечисленныхъ явленій, вравъ темой настоящей статьи: вліяніе классныхъ интересовъ порождавшихся ими идей на экономическое законодательство Англии въ XIX столѣтіи и жизненные результаты этого законодательства. Но повторяю: удастся только коснуться этихъ явленій, и объемистый трудъ г. Янжула содержитъ въ себѣ слишкомъ обширный матеріалъ для того, чтобы хотя самое существенное изъ него могло быть исчерпано въ журнальной статьѣ.

Въ первомъ выпускѣ книги «Англійская свободная торговля» вышедшемъ въ 1876 году, авторомъ изложено развитіе мануфактуръ и крупной промышленности въ Англии XVIII вѣка, въ интересахъ которыхъ было возможное устраненіе государственной опеки надъ экономической жизнью. Эти интересы, по мѣрѣ роста крупнаго производства, увеличенія богатства и социальнаго значенія класса промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ защиту въ парламентѣ и литературѣ. Весь періодъ времени съ начала XVIII столѣтія до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія еще были въ полномъ положеніи на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоретикахъ, новыя же возрѣнія о невмѣшательствѣ государства и свободной торговлѣ, впервые рѣшительно заявленныя Нортонъ, продолжали разрабатываться, но далеко еще не сдѣлались господствующими. Сильнѣйшимъ толчкомъ къ распространенію новыхъ возрѣній послужили изобрѣтенія Аркрайта, Уатта и Корта, давшія Англии новыя силы въ промышленной борьбѣ съ иностранцами, между тѣмъ приложеніе этихъ силъ къ дѣйствительности стѣснялось цеховыми уставами.

Броженіе въ пользу началъ свободы экономическихъ отношеній и внѣшней торговли быстро успивалось. Все громче и громче раздавались требованія реформы экономического законодательства. Чувствовалась также потребность систематизаціи новыхъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явился въ свѣтъ въ 1776 году знаменитый трудъ Адама Смита о «Богатствѣ народовъ». Сочиненіе Смита, будучи самымъ яркимъ продуктомъ выраженіемъ времени, именно поэтому и оказало сильное вліяніе на умы и законодательство. Въ литературѣ ученіе Смита стало господствующимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается постепенное непрерывная реорганизація экономического законодательства

Англіи въ направленіи свободы промышленности и торговли. Эта реорганизація становится особенно рѣшительной съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, послѣ подачи Лондонскимъ спитъ въ парламентъ знаменитой петиціи о свободѣ торговли. Петиціей этой и начинаеть разсматриваемая нами книга.

Петиція лондонскаго спитъ исходитъ изъ того главнаго пункта, положеннаго въ основу ученія Смитовской школы, что свобода отъ всякаго вмѣшательства государства въ экономическія отношенія даетъ наибольшее развитіе столь важной для страны иностранной торговлѣ и сообщаетъ самое правильное, самое лучшее направленіе для капитала и труда страны; что политика, основанная на этомъ принципѣ, сдѣлаеть торговлю всего свѣта ивной взаимной выгоды, распространить и увеличитъ богатство между жителями всей страны. Петиція ходатайствовала предъ парламентомъ объ уничтоженіи всѣхъ пошлинъ и регуляцій, установленныхъ въ видахъ покровительства, и объ оставленіи только тѣхъ, которыя преслѣдуютъ исключительно фискальныя цѣли. Эта петиція имѣла огромный успѣхъ. Парламентъ немедленно назначилъ комиссію для изслѣдованія разныхъ сторонъ британской таможенной и акцизной системы. Комиссія пришла къ заключеніямъ, согласнымъ съ заявленными въ поданной петиціи. Съ этого времени англійская политика рѣшительно слѣдуетъ началамъ свободы промышленности. Не прошло года, чтобы парламентъ не отмѣнялъ тѣ или другія таможенныя пошлины и акцизы. Интересы мануфактуристовъ, землевладѣльцевъ и торговцевъ требовали такой политики. Англія въ промышленномъ своемъ развитіи опередила другія страны. Иностранныя мануфактуры ей были не опасны и свободная торговля распространяла ея рынки. Землевладѣльцы же выигрывали отъ удешевленія товаровъ.

Но эта солидарность дѣйствій землевладѣльцевъ и промышленниковъ рушилась, какъ только сталъ на очередь вопросъ объ отмѣнѣ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Борьба изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ была борьбой возмужавшаго средняго сословія противъ юземельной аристократіи. Дѣло шло о томъ, какой классъ сильнѣе: буржуазія или аристократія. Начинается горячая литературная полемика. На одну брошюру за удержаніе хлѣбныхъ законовъ, ради блага страны приходились десятки брошюръ, требовавшихъ, ради того же блага, отмѣны пошлинъ. Большинство

влиятельныхъ газетъ, и между ними «Times», стояли за отміну Митинги противъ хлѣбныхъ законовъ были гораздо многолюднѣ митинговъ за сохраненіе ихъ.

Проведенію билля объ отміну хлѣбныхъ законовъ препятствовалъ составъ парламента. Это обстоятельство послужило новымъ и сильнымъ оружіемъ требованію реформы парламента въ интересахъ буржуазіи. Агитація за реформу парламента началась какъ извѣстно, еще при Георгѣ III, и только грозныя событія американской войны, французской революціи и наполеоновскаго владычества были причиною, что вопросъ о реформѣ залежался до 30-хъ годовъ. Буржуазія раздавала въ 20-хъ годахъ щедрыя обѣщанія народу, что, когда она расширитъ свое представительствѣ въ парламентѣ, то употребитъ власть на то, чтобы дать въ него участіе и прочимъ гражданамъ королевства. Рабочіе примкнули къ движенію въ пользу парламентской реформы, и она прошла въ 1832 году. Этой мѣрой сила аристократіи въ палатѣ общинъ уменьшилась, а политическое значеніе средняго класса значительно возросло. Вслѣдъ за реформой основывается знаменитая «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ». Лига устраивала многолюдныя митинги, собирала для борьбы огромныя денежныя фонды въ сотни тысячъ фунтовъ. Съ цѣлью пропаганды идей лиги кромѣ газеты «Anti-Bread-Tax-Circular», расходившейся въ числѣ 20000 экземпляровъ, выпускалось въ свѣтъ множество брошюръ и другихъ летучихъ изданій: только до 1843 года издано было девять милліоновъ экземпляровъ, вѣсомъ болѣе 60,000 пудовъ. Вездѣ, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ брошюрахъ, точно также какъ въ рѣчахъ проповѣдниковъ свободной торговли, главной цѣлью реформы выставлялось благо низшихъ классовъ, дешевый хлѣбъ для народа, поднятіе его благосостоянія.

Землевладѣльцы боролись съ неменьшею энергіей; но брошюры выпускаемыя ими, расходились гораздо въ меньшемъ числѣ, митинги ихъ не были такъ многолюдны, какъ у «Лиги».

Обѣ партіи выставляли исходнымъ пунктомъ благо народа, каждая заявляла и старалась доказать, что именно она и представляетъ истинныя интересы рабочихъ, противная же—дѣйствуетъ лишь въ корыстныхъ, себялюбивыхъ цѣляхъ и во вредъ бѣднымъ классамъ. «Ваша единственная цѣль, говорили памфлеты «Лиги» обращаясь къ землевладѣльцамъ—это удержать высокія ренты

тѣмъ морить народъ съ голоду». Въ свою очередь партія землевладельцевъ разъясняла обществу и народу, что дешевый хлѣбъ вовсе не означаетъ «большую краху для бѣдняка», какъ это обѣщаютъ либеры; нѣтъ, дешевый хлѣбъ означаетъ дешевый трудъ; фактъ, который члены лиги усердно стараются утаить отъ народа. Поэтому предлагалось переименовать «Лигу противъ хлѣбныхъ законовъ»—«Лигою противъ труда».

Агитація за и противъ хлѣбныхъ законовъ, представлявшая собою ожесточенную борьбу буржуазіи съ поземельной аристократіей, получила значеніе важнѣйшаго политическаго вопроса. Не говоря о ежегодномъ печатаніи тысячъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ этому вопросу, всѣ журналы и газеты были до такой степени переполнены полемикой за и противъ хлѣбныхъ законовъ и всѣ умы заняты ей, что развѣ одни лишь дѣтя не принимали въ ней участія. Дѣвочки и дамы, по словамъ «Times», стремились въ театры, нанимаемые для собраній членами Лиги, на митинги съ такой же охотой, какъ будто тамъ давалась какая-нибудь новая нѣквантная французская пьеса.

Одинъ только классъ общества оставался равнодушенъ къ къ судьбѣ хлѣбныхъ законовъ. И это былъ классъ, ради интересовъ котораго яко-бы главнѣйшимъ образомъ и велась агитація съ обѣихъ сторонъ. Reform Bill 1832 года раскрылъ народу глаза на его социальное положеніе, и съ этого времени въ рабочемъ классѣ распространяется сознаніе антагонизма интересовъ буржуазіи интересамъ народа, а потому надо надѣяться лишь на собственные силы и дѣятельность.

Пока среднее сословіе боролось противъ привилегій поземельной аристократіи, казалось—интересы его и народа одинаковы. Такъ было на континентѣ, такъ было и въ Англій. Во время борьбы буржуазія выставляла принципъ гражданского равенства противъ привилегій рожденія. Она требовала, чтобы парламентъ былъ истиннымъ представителемъ всего народа, всѣхъ классовъ. Но, добившись при содѣйствіи народа власти, средніе классы, путемъ установленія болѣе или менѣе высокаго имущественнаго ценза, устранили рабочій классъ отъ права участія въ представительствѣ. «Рабочіе классы Англій, говоритъ Генри Ричардъ (*The Memoirs of Joseph Sturge*), ожесточились послѣ реформы 1832 г. противъ сред-

нихъ классовъ, какъ люди, которые увидали себя не только обманутыми, но даже прямо одуроченными».

Во главѣ Лиги стояли лица, которые не только противились допустить рабочій классъ къ политическимъ правамъ, но и энергично боролись въ парламентѣ противъ его требованій въ фабричномъ законодательствѣ. Кобденъ, Брайтъ, Джозефъ Юмъ и другіе представители Лиги постоянно и рѣзко высказывались противъ всякой попытки со стороны рабочихъ вызвать государственное регулированіе фабричнаго труда. Такъ, когда въ парламентъ было внесено предложеніе объ ограниченіи дѣтскаго и женскаго труда манчестерская партія, съ Кобденомъ во главѣ, возстала противъ этого предложенія. Она доказывала вредъ законодательнаго вмешательства въ это дѣло тѣмъ, что, укорачивая часы работы ограничивая область труда, англійская промышленность станетъ въ менѣе благопріятное положеніе относительно иностранной конкуренціи. Понятно, что, при такой разницѣ стремленій партіи Лиги и рабочаго класса, послѣдній относился индифферентно къ агитаціи по поводу хлѣбныхъ законовъ. Для него было безразлично удержатся пошлины на хлѣбъ или будутъ отменены; ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ онъ не рассчитывалъ получить какую либо выгоду. Популярный въ народѣ О'Конноръ и другіе вожаки чартистскаго движенія стали даже прямо въ оппозицію агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Они заявляли, что уничтоженіе ихъ, при современномъ составѣ парламента, принесетъ пользу только «макуфактуристамъ, давъ возможность нанять трудъ за пониженную плату». О'Конноръ не отрицалъ зла хлѣбныхъ пошлинъ, но, по его словамъ, вопросъ о нихъ могъ быть рѣшенъ справедливо въ интересахъ большинства только представителями отъ всего народа, а не однимъ классомъ общества.

25 іюня 1846 года, послѣ продолжительной парламентской борьбы, хлѣбные законы прекратили свое существованіе и Лига какъ достигшая своей цѣли, была торжественно распущена.

Особая знаменитость этой побѣды средняго сословія надъ поземельной аристократіей заключается въ томъ, что побѣда одержана впервые безъ помощи народа. Среднее сословіе, обогатившееся промышленностью, сильнымъ образованіемъ, знаніями, талантами, стало могущественнѣе поземельныхъ собственниковъ. Руководство государственными дѣлами перешло въ его руки. Реформа

Грея и отмена хлебных законов соответствуют французскому перевороту конца прошлого столетия. То, чего достигла буржуазия во Франции насильственным и кровавым путем, в Англии, при другом порядке вещей, при других нравах, осуществилось постепенно и облеклось в легальные формы. Уже современник эпохи хлебных законов, экономист Аллисон, писал, что реформа 1832 г. создала в Англии классное правительство промышленного и торгового классов, единственный интерес которых — «покупать дешево, продавать дорого». «Когда-то Наполеон, замечает Аллисон, назвал Англию страной лавочников; во всяком случае, мы ныне управляемся лавочниками».

Получил ли английский рабочий с отменой хлебных законов обещанное ему увеличение краяхи хлеба? Нет, краяха хлеба даже уменьшилась. Уменьшилась она, разумеется, не по причине отмены хлебных пошлин; она уменьшилась в силу действующего ныне экономического порядка. Когда на лицо три следующие фактора: 1) невмешательство государства в отношения между капиталом и трудом в интересах слабого, 2) равнодушие общества к судьбе народа и 3) отсутствие сплоченности и солидарности действий рабочего класса, тогда неминуемо рабочая плата стоит близко минимума существования. После отмены хлебных пошлин и вплоть до наших дней реальная заработная плата, в среднем выводѣ, понизилась во всех отраслях труда, необъятных рабочими союзами.

Съ падением хлебных законов дальнейшие отмены разных пошлин и акцизов уже не встречали энергического противодействия. Имущие классы не были заинтересованы в сохранении их, а рабочий класс, взятый в целом, не ждал для себя ни вреда, ни пользы от политики свободной торговли, и последняя вскоре достигла своего полного развития. Не то мы видим в отношении другого основного стремления имущих классов, — стремления провести принцип свободной конкуренции, невмешательства государства и в отношения между капиталом и трудом. Это стремление, вскоре после проведения его в жизнь, вызывает против себя ропот, протесты и борьбу рабочего класса, ибо все вредные результаты неограниченной конкуренции отражались самым чувствительным образом на интересах

именно этого класса. Самыми общими требованіями рабочихъ становятся: уменьшеніе рабочаго дня (такъ напримѣръ десятичасовой былъ), ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда, санитарные фабричные законы; слѣдовательно, мѣры, которыя вызываютъ государственное вмѣшательство и тѣмъ ограничиваютъ область экономической свободы или, правильнѣе сказать, произвола. Нѣкоторыя изъ темныхъ сторонъ неограниченной конкуренціи такъ очевидны и такъ вредны для интересовъ не одного какого либо класса, а всей страны, какъ напр. безобразная эксплуатація женскаго и дѣтскаго труда, что самые завзятые фритредеры принуждены были согласиться, что въ этомъ дѣлѣ необходимо государственное вмѣшательство; никакими соображеніями нельзя было оправдать искаженіе женскихъ и дѣтскихъ организмовъ. И вотъ, въ эпоху наивысшаго торжества идей смитовской школы, парламентъ создаетъ законъ объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ все шире и яснѣе раскрывающихся невзгодъ неограниченной конкуренціи между капиталомъ и трудомъ и въ тоже время растущаго броженія среди рабочихъ, развивается экономическая литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергавшая критикѣ господствовавшую теорію невмѣшательства государства и оказывавшая, хотя и очень медленно, вліяніе на умы. Съ 30-хъ годовъ вплоть до нашего времени постепенно возрастаетъ вмѣшательство государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ.

Такимъ образомъ, экономическая политика Англіи XIX столѣтія представляетъ двоякое направленіе. Въ области производства и торговли совершается постоянное освобожденіе отъ всякихъ узъ государственной регламентаціи; въ сферѣ же отношеній между капиталомъ и трудомъ законодательство двигается въ противоположную сторону — здѣсь постепенно расширяется государственное вмѣшательство.

Первый законъ, которымъ начинается вмѣшательство государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, гдѣ принципъ неограниченной конкуренціи достигъ въ первую четверть XIX столѣтія самаго полнаго развитія, былъ законъ 1824 г., ограничившій дѣтскій трудъ. Вызванъ былъ этотъ законъ слишкомъ рѣзавшею глаза эксплуатаціей дѣтей на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Дѣти работали по 16—18 часовъ въ сутки. Было нѣсколько случаевъ

смерти дѣтей во время работы. Медики свидѣтельствовали, что смерть произошла отъ истощенія работой. Одинъ изъ первыхъ поднялъ дѣятельную агитацію извѣстный филантропъ Робертъ Оуэнъ. На многочисленныхъ митингахъ народа было постановлено требовать уменьшенія часовъ дѣтской работы законодательнымъ путемъ. Оуэнъ составилъ проектъ билля, который Робертъ Пилъ взялся внести въ парламентъ и поддержать его всѣмъ своимъ вліяніемъ. Нижняя палата встрѣтила билль сильной оппозиціей со стороны фабрикантовъ; и только черезъ три года, послѣ продолжительнаго слѣдствія по данному вопросу, парламентъ принялъ актъ, регулирующий дѣтскій фабричный трудъ. Регулированіе было самое умеренное: запрещалось принимать на фабрики дѣтей моложе девяти лѣтъ и занимать работой болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки.

Агитація въ рабочемъ классѣ продолжалась. Послѣдующіе законы 1825, 1831, 1833 и т. д. годовъ ограничивали болѣе и болѣе дѣтскій трудъ. Но рабочій классъ далекъ былъ отъ того, чтобы удовлетвориться однимъ этимъ вмѣшательствомъ государства. Онъ требовалъ уменьшенія числа рабочихъ часовъ для взрослыхъ, а также изданія правилъ, гарантирующихъ жизнь и здоровье фабричнаго населенія. Агитація рабочихъ въ этомъ смыслѣ поддерживалась многими членами поземельной аристократіи, и, несмотря на сильную оппозицію со стороны фабрикантовъ, въ этомъ направленіи были проведены законодательныя мѣры, противныя духу новой теоріи невмѣшательства. Къ 1848 году относится установленіе весьма важнаго спеціально санитарнаго закона (Public Health Act, 1848, 11 and 12 Victoria, cap. 63), который въ первый разъ учредилъ особую центральную власть въ санитарномъ дѣлѣ, такъ называемое «Общее бюро здоровья» (General Board of Health) и опредѣлилъ условія устройства такихъ же мѣстныхъ бюро по разнымъ городамъ. Новый законъ опять представилъ собой значительный шагъ къ расширенію государственнаго вмѣшательства въ частную экономическую дѣятельность, обусловленную интересами общественнаго здравія. Эти бюро облечены большою властью и имѣютъ право даже издавать обязательныя для жителей санитарныя постановленія, наблюдать и привлекать къ отвѣту за ихъ несоблюденіе и имѣютъ свои спеціальныя городскіе сборы и доходы. Въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ, эта новая форма государственнаго вмѣшательства полу-

чила дальнѣйшее расширеніе и захватила повныя стороны. Такъ, напр., въ 1868 году прошелъ спеціальныи законъ о жилищахъ для рабочихъ и ремесленниковъ, согласно которому санитарное бюро получило широкое право принуждать владѣльцевъ такихъ жилищъ, въ случаѣ опасности для здоровья жильцовъ, перестраивать, чинить и всячески улучшать жилища рабочихъ. Чѣмъ болѣе рабочій классъ сплачивался, развивался Trades Unions, тѣмъ болѣе усиливалось его политическое значеніе. Реформами 1868 и 69 годовъ значительно расширяется участь народа въ законодательной власти страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ шире и настоятельнѣе заявляюща рабочимъ классомъ требованія на помощь государства въ борьбѣ труда съ капиталомъ; и законодательная дѣятельность, противная принципу Laissez faire, безостановочно продолжается затрогивая болѣе и болѣе сторонъ экономической жизни.

Ужасающія данныя о дѣтскомъ ¹⁾ и женскомъ трудѣ, раскрываемыя обществу парламентскими комиссіями, чрезвычайная смертность среди фабричнаго населенія, настоятельныя, часто грозныя требованія рабочихъ объ ограниченіи закономъ рабочаго дня для взрослыхъ, понудили общественное мнѣніе и парламентъ отступить въ небольшой сферѣ вопросовъ отъ основной доктрины господствовавшаго тогда ученія политической экономіи о невмѣшательствѣ государства. Но рабочій классъ страдалъ не только отъ чрезмѣрности труда, дурнаго въ санитарномъ отношеніи устройства фабрикъ и жилищъ, онъ страдалъ еще болѣе отъ скудной заработной платы и необезпеченности его труда. Тѣмъ не менѣе, всякая мѣра, предложенная парламенту съ цѣлью поднятія матеріальнаго благосостоянія народа, встрѣчала единодушное сопроти-

¹⁾ По словамъ Уэкфилда, сравнивавшаго экономической бытъ Англій съ Америкой, масса данныхъ, представленныхъ парламенту касательно положенія дѣтей на фабрикахъ, краснорѣчиво изображали систему мученій, сравнительно съ которыми обращеніе съ американскими невольниками покажется по истинѣ мягкимъ. Дѣти самаго нѣжнаго возраста—въ Америкѣ они были бы названы младенцами—заперты на фабрикахъ втеченіе 12, 14 и 16 часовъ въ день. Блѣдыя щеки, засохшія губы, вздутые животы, искривленные члены и меланхолическій взглядъ несчастныхъ налютокъ—вотъ общій видъ фабричнаго дѣтскаго населенія. Они умираютъ съ страшной быстротой, но мѣста тѣхъ которые погибли быстро восполняются, и частая перемена дѣйствующихъ лицъ не дѣлаетъ перемены въ самой сценѣ.

вленіе. Самой существенной причиною такого различнаго отношенія общественнаго мнѣнія и парламента къ вопросамъ санитарнымъ и объ ограниченіи рабочаго дня для дѣтей и взрослыхъ, съ одной стороны, и къ вопросамъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія народа, съ другой, — является, по нашему мнѣнію, весьма значительная разниця въ наглядности этихъ двухъ областей вопросовъ. Когда масса собранныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ объ искаженіи, при неограниченной конкуренціи, дѣтскаго и женскаго организма непосильнымъ трудомъ, то очевидно для всякаго, что устранить зло возможно лишь путемъ принудительнаго закона. Чрезвычайная смертность фабричнаго населенія обратила на себя вниманіе общества, а изслѣдованія медцинскихъ бюро свидѣтельствовали, что весьма существенныя причины такой огромной смертности суть: чрезмѣрная работа и дурное санитарное состояніе фабрикъ и жилищъ рабочихъ. И здѣсь опять для каждаго было очевидно, что устраненіе зла возможно только путемъ вмѣшательства въ это дѣло государства. — Такой наглядности далеко не имѣетъ вопросъ о мѣрахъ улучшенія матеріальнаго положенія народа. Здѣсь, какъ всякому извѣстно, является на сцену большая разногласица; но главный тонъ, который всегда звучитъ въ различныхъ объясненіяхъ имущими классами бѣдности народа, тотъ, что не экономическія условія, а лѣность, пьянство и другія дурныя свойства народа суть причиною его бѣдности. А потому государственное вмѣшательство здѣсь не только бесполезно, но по многимъ причинамъ даже вредно. Такъ же разсуждало до послѣдняго времени англійское общество и парламентъ и свое разсужденіе подкрѣпляло сильнымъ авторитетомъ «науки политической экономіи», т. е. доктринами, установленными Смитомъ и Рикардо. И вотъ почему вмѣшательство англійскаго законодательства, какъ и прочихъ, въ дѣло улучшенія матеріальнаго положенія народа представляетъ пустое мѣсто вплоть до вышедшаго на дняхъ закона Гладстона, ограничившаго право собственности ирландскихъ ландъ-лордовъ въ интересахъ народа. Но читатель знаетъ, какія грозныя событія въ Ирландіи заставили парламентъ принять билль Гладстона. Законъ этотъ, какъ и извѣстный социальный законо-проектъ Бисмарка, весьма знаменательны и въ томъ отношеніи, что указываютъ, какъ желѣзная дѣйствительность заставляетъ отрѣшаться отъ господство-

вавшей еще недавно классической политической экономии. Смитовско-рикардовскія доктрины о благах невмѣшательства государства, подорванныя фактами жизни и строящейся на нихъ современной экономической наукой, дискредитированы закономъ Гладстона въ самой щекотливой юридико-экономической категоріи; закономъ этимъ нарушено безвозмездно «святое, ненарушимое право собственности», нарушена экономическая свобода въ самой заповѣдной области—въ области распределенія.

Съ конца XVIII ст. въ Англіи совершается колоссальный переворотъ въ техническихъ приемахъ производства. Ручной трудъ непрерывно вытѣсняется машиннымъ; прежнія двигательныя силы воды, вѣтра, лошади, человѣка замѣняются паромъ. Благодаря этому, производительность труда возростала можно сказать ежедневно, національное богатство приумножалось такъ, какъ будто была открыта сума фортуны, принципы экономической науки, выработанные Ад. Смитомъ, Рикардо и другими, болѣе и болѣе примѣнялись на практикѣ. И рядомъ съ этимъ увеличивались бѣдность и пауперизмъ въ массѣ англійскаго рабочаго класса, и къ тридцатымъ годамъ сдѣлались столь общими и яркими, что стали даже предметомъ постоянныхъ толковъ, какъ въ прессѣ, такъ и въ парламентѣ. По словамъ извѣстнаго бытоописателя тогдашней Англіи, Узкфильда, въ жалобахъ на бѣдность и несчастное положеніе народа сходились все политическія партіи, представители различныхъ классовъ и люди, находившіеся на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. «Пауперизмъ», говоритъ этотъ писатель, «есть наиболѣе нынѣ трактующийся въ англійской прессѣ».

Причины бѣдности, какъ онѣ трактовались въ большинствѣ тогдашней англійской прессы, представлявшей интересы средняго или высшаго класса, сводились къ лѣни, пьянству рабочихъ, отсутствію бережливости между ними, вредной дѣятельности рабочихъ союзовъ, стачкамъ разрушающимъ благосостояніе производителей и наносящимъ громадный вредъ самимъ рабочимъ, къ непредусмотрительности рабочихъ въ дѣлѣ брака и рожденія дѣтей и, наконецъ, къ остаткамъ вмѣшательства государства въ торговля отношенія, особенно въ видѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

Рабочіе классы того времени, въ лицѣ ихъ представителей, а также писатели съ развитымъ сочувствіемъ къ бѣдственному по-

положенію народа и широкимъ, свободнымъ отъ классовыхъ традицій, пониманіемъ явленій соціальной дѣятельности выдвигаютъ обширную экономическую литературу, ставшую въ оппозицію къ господствовавшей политической экономіи и объяснявшую бѣдность рабочаго класса общими условіями дѣйствующаго экономического порядка. По существу проектируемыхъ реформъ эти писатели могутъ быть сведены въ двѣ группы. Первая группа, наиболѣе замѣчательные представители которой Коббетъ, Скромъ, Узъ, О'Конноръ, Карлайль и неизвѣстный авторъ соч. «Опасности для націи», въ своихъ практическихъ требованіяхъ, является предшественникомъ современныхъ «Катедры-соціалистовъ». Общія положенія, въ которыхъ сходятся всѣ эти писатели, суть слѣдующія: 1) широкое вмѣшательство государственной власти въ экономическія отношенія съ цѣлью возвышенія матеріальнаго благосостоянія народа; и на ряду съ этимъ 2) организація рабочихъ классовъ въ крупныя, строго дисциплинированныя союзы, дѣйствующіе или наступательно, или охранительно при столкновеніи ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей и 3) расширеніе политическихъ правъ народа, какъ вѣрнѣйшее средство къ достиженію улучшенія экономического положенія народа при помощи развитія справедливаго государственнаго вмѣшательства. Другую группу писателей составляютъ англійскіе соціалисты, мечтавшіе легальнымъ путемъ измѣнить въ нѣсколько десятковъ лѣтъ радикально весь общественный строй, замѣнивъ конкуренцію, борьбу, ассоціаціей. Сущность сочиненій писателей этихъ двухъ группъ, съ которыми, за исключеніемъ Роберта Оуэна, совершенно незнакома нашей литературы, занимаетъ половину книги г. Янжува. Такимъ образомъ, благодаря труду уважаемаго профессора, русская литература впервые предлагаетъ читателю обстоятельный очеркъ исторіи экономическихъ идей въ Англіи въ связи съ фактами дѣйствительной жизни. Размѣры статьи не позволяютъ намъ воспользоваться этимъ очеркомъ вполне. Мы ограничимся для характеристики писателей первой группы указаніемъ на существующія мѣста замѣчательнаго сочиненія «Опасности для націи» и книги Карлайля «Чартизмъ», и затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ объ англійскомъ социализмѣ.

Книга «Опасности для націи», вышедшая въ 1844 году и выдержавшая въ теченіи одного года три изданія, начинается въ
 «устов.» № 2, отд. II.

держками изъ рѣчей различныхъ лицъ и партій въ парламентѣ, характеризующихъ бѣдственное положеніе, въ которомъ находится масса англійскаго народа. Самая любопытная выдержка взята авторомъ изъ одной рѣчи нынѣ столь знаменитаго Гладстона, сказанной еще въ 1843 году. «Чрезвычайно печальной чертой, въ социальномъ положеніи нашей страны является уменьшеніе въ потребительныхъ средствахъ и увеличеніе въ лишеніяхъ и несчастіяхъ рабочихъ классовъ, къ то самое время, когда замѣчается постоянное накопленіе богатства въ высшихъ классахъ и постоянное увеличеніе капитала».

Авторъ дѣлаетъ вопросъ: чѣмъ же объяснить такое соединеніе богатства и бѣдности, благополучія нѣкоторыхъ классовъ и несчастія другихъ? Читателю представляются въ изобиліи ежедневно объясненія тѣми или другими причинами этого аномальнаго положенія страны. Но, къ сожалѣнію, огромная часть этихъ объясненій дѣлается партизанами той или другой партіи, представителями тѣхъ или другихъ интересовъ страны. Цѣлая куча писателей, напр., приписываетъ все зло поземельной аристократіи; другая куча, сторонниковъ земледѣльческихъ интересовъ, сваливаетъ на оборотъ все бѣдствія на развитіе мануфактуръ и фабрикъ. Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ авторъ, что та и другая сторона высказываютъ извѣстную долю истины; но по англійской поговоркѣ «половина истины есть ложь» и, слѣдовательно не нужно спѣшить приписать возрѣнія одного изъ крупныхъ интересовъ страны и приписывать все бѣдствія однимъ аристократамъ или однимъ фабрикантамъ; и очевидно причину необходимо искать въ какомъ либо важномъ общедѣйствующемъ принципѣ, искажившемъ весь общественный строй Англій. Какъ же случилось и откуда произошло это накопленіе громадныхъ богатствъ съ одной стороны и лишеній и несчастій рабочихъ классовъ съ другой, о которомъ упоминаетъ Гладстонъ въ своей рѣчи? «Странно», говоритъ авторъ. «что такой вопросъ даже приходится предлагать!» Отвѣтъ лежитъ на самой поверхности и открывается взгляду каждаго безпристрастнаго наблюдателя, хотя въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, самый простой отвѣтъ есть самый послѣдній, о которомъ подумаютъ. Это все случилось по той причинѣ, что мы старались, чтобы это случилось. Богатство богатыхъ классовъ увеличивалось, потому что все законодательство сдѣлало это

своей главной задачей. Капиталь страшно росъ по той причинѣ, что законодательство, государственные люди и литература постоянно воображали, что увеличеніе капитала есть высшимъ благомъ чловѣческаго существованія. Положеніе бѣдныхъ не улучшилось въ то же время, потому что никто не считалъ это желательнымъ: мы разумѣемъ это политически говоря, потому что многіе изъ тѣхъ, которые противодѣйствовали законодательству въ пользу бѣдныхъ классовъ общества, были лично гуманные люди, выражали многія добрыя пожеланія и даже жертвовали много денегъ на благотворительныя цѣли. Но преобладающей доктриной было всетаки, что капиталъ есть предметъ наиважнѣйшимъ образомъ желательный, и мудрой политикой относительно народонаселенія (понимать нужно рабочіе классы) представлялось употребленіе предупредительныхъ препятствій («the preventive check» по Мальтусу). Всякое поощреніе для «капитала», предупрежденіе для «народонаселенія», — вотъ всѣ руководящія идеи государственныхъ людей и законодателей за послѣднія тридцать лѣтъ. Они успѣли теперь въ своихъ цѣляхъ; они странно увеличили ростъ капитала и *pari passu* ростъ нищеты и несчастія также; и что же, въ заключеніе этого успѣха, мы слышимъ въ парламентѣ? — публичное признаніе, что если не будетъ положенъ предѣлъ существующимъ бѣдствіямъ, черезъ нѣсколько лѣтъ намъ можетъ угрожать кровавая революція.

Такимъ образомъ капиталъ, по мнѣнію автора «Опасности для націй», сдѣлался любимцемъ въ англійскомъ законодательствѣ и пользовался всѣмъ вліяніемъ и авторитетомъ, какой только законъ могъ ему придать. Многіе, — говоритъ авторъ о государственныхъ людяхъ, — можетъ быть даже большая часть изъ тѣхъ, которые склонялись на сторону сильныхъ, вѣрили даже, что они преслѣдуютъ общее благо въ томъ, что дѣлаютъ. Между тѣмъ дѣйствительность показала, что исключительное покровительство росту капитала ведетъ въ экономической области къ подавленію сильнымъ слабого, къ эксплуатаціи дѣтскихъ и женскихъ силъ, низведенію существованія рабочихъ на крайній минимумъ возможнаго, къ разрушенію послѣднихъ остатковъ общиннаго землевладѣнія въ деревняхъ, лишенію рабочихъ скольконибудь приличнаго чловѣческаго жилища и замѣны его жалкими сиротными лачугами, негодными даже для животныхъ, къ самымъ бо-

стыднымъ обманамъ въ торговлѣ, подсиживанію другъ друга и общей войнѣ каждаго противъ всѣхъ.

Обозрѣвши въ нѣсколькихъ главахъ положеніе разныхъ классовъ рабочаго населенія Великобританіи и приведя массу официальныхъ и частныхъ свѣдѣній съ разныхъ сторонъ, говорящихъ одинаково о ихъ крайней нищетѣ, болѣзненности, несчастіи и главное о безвыходномъ положеніи, день ото дня ухудшающемся съ припѣніемъ каждой новой машины, съ каждымъ новымъ банкротствомъ спекулятора - фабриканта, наработавшаго товара больше, чѣмъ можетъ продать, авторъ на всѣ лады развиваетъ свою основную мысль, что себялюбіе не должно болѣе занимать той первенствующей и даже исключительной роли, которую оно имѣло во всей политикѣ страны, и не капиталъ, а трудъ долженъ быть главной руководящей цѣлью государственнаго покровительства и законодательнаго вмѣшательства.

Въ развитіи эгоизма, какъ бы санкціонованіи его, и той политики послѣдняго времени, которая своей задачей ставила покровительство капиталу, авторъ долю вины кладетъ на науку—политическую экономію; многія ея ложныя положенія служатъ опорой ложной эгоистической политикѣ.

Авторъ подвергаетъ также подробному разбору законъ народонаселенія Мальтуса и его «предупредительныя пренятствія». «Увеличивайте вашъ капиталъ и уменьшайте ростъ населенія»—вотъ тѣ два принципа, говоритъ авторъ, на которыхъ всѣ современные ученые и государственные люди основали свою систему и практику. Они уже успѣли много принести этимъ зла, но у нихъ не хватаетъ духу довести свою систему до конца, быть послѣдовательными. Авторъ приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ всевозможныхъ популярныхъ трактатовъ и книгъ, написанныхъ для народа, съ цѣлью показать, въ чемъ выражается эта система и къ какимъ результатамъ она могла бы привести. Вотъ одно мѣсто изъ его разсужденій по поводу даннаго вопроса. Онъ беретъ наиболѣе извѣстнаго изъ этихъ популяризаторовъ политической экономіи, Miss Martineau, которая устами своего beau idéal, въ лицѣ мудраго и благодѣтельнаго фабриканта, въ слѣдующихъ короткихъ словахъ выражаетъ мысль пропагандируемой ею теоріи народонаселенія: «Мы», т. е. мануфактуристы и фабриканты, говоритъ рабочимъ героиней г-жи Мартино, «дѣлаемъ то, что только

можемъ сдѣлать для васъ: увеличиваемъ свой капиталъ, на который вы содержитесь; а вы должны дѣлать остальное, приводя вашу численность въ пропорцію къ средствамъ существованія». Здѣсь два важныхъ предмета, замѣчаетъ авторъ, весьма отчетливо и откровенно представлены: великая обязанность хозяевъ, начало и конецъ ихъ дѣятельной благотворительности заключается въ увеличеніи ихъ собственнаго капитала; дѣлая это, говоритъ добродѣтельный владѣлецъ фабрики, мы дѣлаемъ все, что мы можемъ сдѣлать для васъ. Затѣмъ великая обязанность рабочихъ съ другой стороны есть примѣненіе «предупредительныхъ препятствій», т. е. не имѣть дѣтей. Таковы суть руководящія максимы, высказываемыя высшими авторитетами въ политическомъ экономіи и уважаемыя всѣми государственными людьми всѣхъ классовъ. И то, что мы теперь пожинаемъ въ опасностяхъ для страны и страданіяхъ рабочихъ, составляетъ только законные результаты этихъ максимъ и ихъ примѣненія. Поэтому, отвѣтъ на вопросъ, кто причина нашей нищеты, дать легко и дать на основаніяхъ, которыя не могутъ подлежать спору. Стыдъ этого бѣдственнаго положенія отнюдь не падаетъ исключительно на однихъ какой либо «великій интересъ» страны, аристократію, торговый или мануфактурный классъ, но вина раздѣляется поровну между всѣми; и не между ними одними даже, потому что включаетъ въ себѣ все, что есть у насъ въ правительствѣ между законодателями, государственными людьми и духовенствомъ.

Придерживаясь этой системы воззрѣній на обязанность народа не родить дѣтей и болѣе ничего и пропагандируя ее популярными книжками, общество съ правительствомъ, продолжаетъ авторъ, забывали о своихъ дѣйствительныхъ обязанностяхъ по отношенію къ бѣднымъ классамъ, почему и довели нищету до такихъ размѣровъ. Но у нихъ не хватаетъ мужества идти дальше послѣдовательно въ примѣненіи этой системы. «Вы не будете отрицать», обращается авторъ къ правительству и обществу, «что вы были бы весьма рады, если бы закономъ или образованіемъ всѣ «непредусмотрительные браки» могли быть уничтожены. А вы вѣдываете непредусмотрительнымъ сельскаго работника, получающаго отъ 6 до 8 шиллинговъ въ недѣлю и рискующаго вступить въ бракъ съ вѣроятностью имѣть съ полдюжины дѣтей. Слѣдуя

вашему желанію, къ какому результату мы бы пришли? Мы должны бы были запретить бракъ всѣмъ сельскимъ рабочимъ и значительной части мануфактурнаго населенія, конхъ браки смѣло должны бытъ отнесены огуломъ къ числу непредусмотрительныхъ». Не допустивши даже, что это возможно было бы выполнить, авторъ указываетъ, во что бы превратился тогда народъ, въ которомъ согласно популярному рецепту, большинство было бы лишено права на бракъ и семейную жизнь? «Какой хаосъ, какое количество незаконныхъ дѣтей, дѣтоубійствъ представило бы такое общество! Въ заключеніе статистическими данными авторъ старается доказать, что въ дѣйствительности страна вовсе не переполнена, что мелкая крестьянская культура земли могла бы представить производство и прокормить населеніе гораздо большее, чѣмъ то которое находится на лицо въ странѣ. Для этого онъ указываетъ на авторитетъ Алисона, согласно которому Великобританія вмѣстѣ съ Ирландіей способны прокормить сто двадцать милліоновъ жителей.

Въ другой своей книгѣ: «Средства противъ опасностей для націй» авторъ опять возвращается къ тому же вопросу по поводу политической экономіи д-ра Чальмерса, утверждавшаго точно также, что единственное средство помочь бѣднымъ заключается въ ихъ собственныхъ рукахъ и состоитъ въ воздержаніи отъ брачной жизни, т. е., по мнѣнію этого политико-экономиста рабочіе классы имѣютъ «всецѣлую и абсолютную власть» относительно размѣровъ спроса и предложенія труда. Авторъ обстоятельно и подробно доказываетъ всю несостоятельность подобнаго положенія, имѣющаго въ виду лишь свалить на бѣдныхъ всю отвѣтственность за нищету и снять ее въ богатыхъ классовъ. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ условій, независящихъ отъ воли рабочихъ и опредѣляющихъ спросъ на трудъ. Прежде всего усовершенствованіе машинъ и ихъ распространеніе выкидываетъ ежегодно массу рукъ съ рабочаго рынка: примѣромъ можетъ служить столь извѣстное всѣмъ примѣненіе паровой машинъ къ ткацкому производству. Затѣмъ авторъ указываетъ на излишнее производство подъ вліяніемъ конкуренціи, приводящее къ кризису и опять такъ вредно отражающееся на рабочемъ рынкѣ безъ всякой вины рабочаго. Наконецъ, авторъ указываетъ на постоянное стремленіе англійскихъ мануфактуристовъ привлекать изъ Ирландіи дешевы

рабочія руки и тѣмъ способствовать переполненію рабочаго рынка и пониженію заработной платы, а также на постоянное расширеніе спроса на дѣтскій трудъ, которому, къ сожалѣнію, государство кладетъ мало предѣловъ. Вообще обвиненіе противъ рабочихъ, что они являются причиною своего собственнаго несчастія, благодаря своей непредусмотрительности въ брачной жизни, вполнѣ неосновательно и кромѣ того, говоритъ авторъ, оно крайне безсердечно, жестоко и возмутительно.

Вообще весь вопросъ объ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ и условіяхъ рабочаго рынка слѣдуетъ, по мнѣнію автора, помѣстить на необходимомъ базисѣ законодательнаго вмѣшательства и этому послѣднему пункту авторъ посвящаетъ цѣлую главу. Освященіе политической экономіей противоположнаго принципа, принципа невмѣшательства въ экономическія отношенія, вызываетъ со стороны автора новыя обвиненія противъ этой науки. «Запретите», говоритъ онъ, «дѣйствіе паровыхъ машинъ во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ болѣе нежели на двѣнадцать часовъ; изгоните всѣхъ дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ съ фабрикъ; всячески ограничивайте и стѣсняйте расширеніе женскаго труда на фабрикахъ вмѣсто мужскаго; требуйте, чтобъ каждый фермеръ содержалъ извѣстное число рабочихъ у себя по годовымъ условіямъ; и хотя въ наши дни свободы конкуренціи эти и другія подобныя узаконенія покажутся чудовищными гг. политико-экономамъ, но во всякомъ случаѣ доли счастья, которую вы доставите рабочимъ классамъ, будетъ хорошимъ вознагражденіемъ за всѣ эти стѣсненія». Весьма рѣшительно и рѣзко авторъ возстаегъ поэтому противъ теоріи невмѣшательства. Свобода конкуренціи въ смыслѣ этой теоріи, говоритъ онъ, значитъ, что каждый капиталистъ имѣетъ почти неограниченную область для своихъ сдѣлокъ, чтобы выжимать изъ работника какъ можно больше работы за возможно меньшее вознагражденіе. Но мы видимъ, къ какимъ несчастіямъ мы уже пришли, благодаря приложенію этой теоріи, и еще большія опасности, могущія привести къ революціи, угрожаютъ намъ въ будущемъ. Поэтому ложныя понятія должны быть покинуты, и мы обязаны наконецъ усвоить себѣ что трудъ, а не богатство нуждаются въ покровительствѣ, и что скорѣе требуется удержать капиталъ отъ тиранизированія имъ труда, нежели поощрять его въ этомъ произвольномъ направле-

ни. Весь ходъ современнаго движенія стремится къ тому, чтобы сдѣлать это обузданіе болѣе и болѣе нужнымъ: обширныя, почти безграничныя усовершенствованія машинъ расширяютъ власть капиталиста надъ рабочимъ, а этого послѣдняго дѣлаютъ все болѣе и болѣе безпомощнымъ и зависимымъ. Между тѣмъ, между лицами, которыя заинтересованы въ поддержаніи настоящаго порядка, мы весьма часто слышимъ возгласы о нарушеніи будто бы конституціонной свободы, если парламентъ вздумаетъ вмѣшиваться. Дѣло въ томъ, что очень много предпринимателей всякаго рода засѣдаетъ въ парламентѣ, и достаточно одному изъ нихъ сдѣлать какое либо заявленіе, чтобы всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и начали повосить идею о «вмѣшательствѣ» между хозяиномъ и его рабочимъ. Всѣ возраженія противъ него, какъ извѣстно, трактуются также ученымъ образомъ и какъ будто опираются на общіе принципы, т. е. на науки; но въ дѣйствительности, требованіе предпринимателей можно было бы выразить такъ: «Мы силою нашего капитала получили огромную и почти деспотическую власть надъ нашими рабочими. Не лишайте же насъ ея! Мы любимъ власть (кто же, впрочемъ, не любитъ ея?), особенно власть получать деньги. Поэтому мы и утверждаемъ, что для законодательства будетъ крайне неприлично вмѣшиваться между нами и нашими рабочими». Таковы въ дѣйствительности аргументы одной стороны; другая же сторона, рабочіе, парламентомъ не выслушивается. Богатые хозяева имѣютъ власть и вліяніе, а бѣдные рабочіе ни того, ни другаго».

Сочиненія сторонниковъ шпорокаго вмѣшательства государственной власти въ экономическія отношенія въ интересахъ труда обращали на себя тѣмъ большее вниманіе общества, что въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ въ рабочемъ классѣ развивалось грозное движеніе имѣвшее экономическій и политическій характеръ,—названное чартизмомъ. Во время самаго разгара движенія, извѣстный философъ и публицистъ, Томасъ Карляйлъ, выпустилъ въ свѣтъ свою знаменитую книгу «Chartism». Книга эта превосходитъ все остальное изъ массъ написаннаго по поводу тогдашняго положенія рабочихъ классовъ Англіи. Первая глава этой книги посвящена разсмотрѣнію самой важной части вопроса—о положеніи Англіи, и затѣмъ въ тѣсной связи слѣдуютъ восемь остальныхъ главъ о статистикѣ, законахъ о бѣдныхъ, кре-

стьянствѣ, laissez faire и не laissez faire и т. д. Карляиль взглянулъ сразу на вопросъ съ настоящей точки зрѣнія, а именно установилъ чартизмъ на экономическую почву, доказывая, что онъ не болѣе какъ послѣдствіе общаго неудовлетворительнаго экономическаго и политическаго положенія массы англійскихъ рабочихъ классовъ. Подсмѣиваясь надъ нѣкоторыми газетами и политиками, называвшими чартизмъ химерой, онъ возражаетъ имъ, что если страданія народа отъ бѣдности только не выдумка, то чартизмъ уже конечно не химера и долго будетъ существовать подъ тѣмъ или другимъ именемъ и съ нимъ необходимо будетъ считаться. Покончить этотъ вопросъ—значить покончить то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится англійскій народъ. Но какими же мѣрами это сдѣлать? Оптимисты продолжаютъ настаивать на невмѣшательствѣ и повторяютъ заученную теорію laissez-faire, laissez passer. Карляиль обрушивается на нихъ со всей силой своей насмѣшки и въ назиданье рассказываетъ слѣдующую притчу: «Понятно каждому, что хозяинъ лошадей, когда лѣтняя работа покончена, вѣдь обязанъ кормить ихъ втеченіе всей зимы, когда онѣ ему почти бесполезны. Но что если бы онъ вмѣсто того, однажды обратился бы къ нимъ съ такой рѣчью: «Четвероногіе! я не имѣю больше работы для васъ, но труда, какъ вамъ извѣстно, существуетъ очень много, по всему бѣлому свѣту. Конечно, вы знаете, (или я долженъ вамъ читать лекціи по политической экономіи?), что паровая машина въ концѣ концовъ всегда создаетъ добавочную работу; кромѣ того, желѣзныя дороги строятся въ одномъ мѣстѣ, каналы пролагаются въ другомъ и вообще много требуется извоза въ разныхъ мѣстахъ Европы, Азіи, Африки и Америки, и я не сомнѣваюсь, вы легко найдете себѣ работу. И такъ ступайте, лошади, искать себѣ извоза! Прощайте, желаю вамъ добраго пути». Слушатели ржаніемъ выражаютъ свое сомнѣніе, давая понять, что Европа, Азія, Африка, Америка лежатъ внѣ ихъ достиженія, да и нуждаются ли гдѣ въ извозѣ, въ этомъ еще онѣ не вполне увѣрены. Въ заключеніе эти лошади могутъ не найти никакого извоза и потому пустятся искать себѣ пищи вдоль большихъ дорогъ, огороженныхъ, какъ подobaетъ, справа и слѣва. Въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ голода онѣ перепрыгнутъ черезъ эти ограды, начнутъ поѣдать чужую собственность и.... мы знаемъ остальное.... Ахъ, это не

веселая шутка, господа, а печальнѣе самихъ слезъ тотъ смѣхъ, съ которымъ человѣчеству приходится видѣть принципъ *laissez faire*, примененнымъ къ бѣдному населенію въ части свѣта, подобной Европѣ 1839 года».

Мальтузіанизмъ находитъ себѣ въ Карляйлѣ рѣшительнаго и неумолимаго противника. Въ послѣдней главѣ книги, носящей заглавіе «Невозможное», онъ съ поразительной ясностью развиваетъ положеніе Мальтуса, указывая, къ какимъ ужаснымъ результатамъ должно привести общество вполне послѣдовательное приложеніе его принциповъ. Однимъ изъ образчиковъ для его демонстраціи служитъ анонимный памфлетъ, подписанный *Магси*, недавно предъ тѣмъ появившійся на свѣтъ. Неизвѣстный авторъ, съ умысломъ или неумышленно, довелъ ученіе Мальтуса до крайняго предѣла. Въ концѣ концовъ, для поправленія бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ, у него явилась демоническая теорія «безболѣзненнаго уничтоженія» лишннихъ дѣтей рабочаго населенія.... Передать Карляйля въ данномъ случаѣ невозможно и пришлось бы слово въ слово переписывать содержаніе его разсужденій. «На какой мракъ, безбожіе и тщетную борьбу въ нашей когда-то веселой Англіи, заключаетъ Карляйлъ, указываетъ появленіе такихъ памфлетовъ и ихъ издателей! *Laissez faire* и Мальтусъ, Мальтусъ и *laissez faire*, не пора-ли ужъ имъ убраться изъ нашей компаніи? Нельзя ли допустить, что они уже достаточно исполнили свою миссію и что теперь могутъ удалиться?»

Новый законъ о бѣдныхъ и вообще политика съ помощью рабочихъ домовъ и *laissez faire* уничтожить бѣдность въ странѣ взимаютъ потоки злыхъ сарказмовъ, передать которые въ переводѣ невозможно. Всѣ экономическія событія послѣдняго времени въ Англіи, по мнѣнію Карляйля, даютъ цѣлый рядъ крайне важныхъ поученій и наставленій, легко доступныхъ пониманію каждаго наблюдателя; но ни одно изъ этихъ поученій такъ ни важно, по его словамъ, какъ то, что *laissez faire*, въ очень многихъ отношеніяхъ, уже сыграло свою роль и что относительно рабочихъ классовъ, проведя или создавши новый законъ о бѣдныхъ (законъ 1834 года), теорія *laissez faire* достигла своей самоубійственной высоты, и теперь *felo-de-se* лежитъ, вымпрая въ факельныхъ митингахъ рабочихъ и т. п. собраніяхъ; что, словомъ, управленіе

низшихъ классовъ высшимъ по принципу *laissez faire* въ настоящее время долѣе въ Англіи невозможно.

Рѣзко протестуя противъ цѣлесообразности и приложимости принципа *laissez faire* въ современной политикѣ и имѣя постоянно предъ глазами грозный призракъ большихъ несчастій для страны въ будущемъ, авторъ не только старается дѣйствовать на чувство самосохраненія правящихъ классовъ, но и является защитникомъ правоты бѣдныхъ классовъ въ ихъ стремленіи подъ знаменемъ чартизма улучшить свое положеніе. «Британскій читатель, говоритъ онъ, часто встрѣчаетъ и слышитъ въ настоящее время нѣчто достойное его размышленія, что общество именно существуетъ для покровительства собственности.. Къ этому прибавляется, что и бѣдный человѣкъ имѣетъ свою собственность, а именно трудъ, за который получаетъ отъ 15 до 16 пенсовъ въ день. Совершенно вѣрно, любезные друзья, общество существуетъ для покровительства собственности, совершенно вѣрно; и въ самомъ дѣлѣ, если вы только заставите выполнять восьмую заповѣдь въ достаточной степени, тогда всѣ «права человѣка» будутъ вполне удовлетворены и я не знаю лучшаго опредѣленія «правъ человѣка»: «Ты не долженъ врать но ты не долженъ быть «обкрадываемъ». Какое бы прекрасное это было общество: Республика Платона, Утонія Мора, были бы лишь слабыми подобіями его! Дайте каждому человѣку то, что есть его, точную цѣну того, что онъ есть и что онъ сдѣлалъ и никто не будетъ болѣе жаловаться и никто на землѣ не будетъ болѣе страдать...»

Теперь обратимся къ другой группѣ писателей, распатнанныхъ доктрины господствовавшей политической экономіи, къ группѣ, называемой «англійскимъ социализмомъ».

Исторія англійскаго социализма представляетъ собой, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Янжуль, почти не тронутую разработкой сторону національной жизни Англіи: на континентѣ чуть не исключительно извѣстенъ одинъ Робертъ Оуэнъ. Между тѣмъ, уже съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, Англія представляетъ довольно длинный рядъ писателей по экономическимъ вопросамъ, кореннымъ образомъ расходившихся съ господствовавшими экономическими воззрѣніями и стремившихся радикально реформировать существующій строй въ интересахъ труда. Нан-

болѣе извѣстныя въ Англіи изъ писателей социалистовъ: Годскингъ, Вильямъ Томпсонъ, Брей, Пэръ, Торнтонъ Гентъ, Артуръ Джонъ Бутъ, Саймъ.

Благодаря господству въ Англіи политической свободы, свободы слова и личности, англійскіе социалисты—противники какихъ бы то ни было насильственныхъ средствъ и переворотовъ. Они стремятся измѣнить современныя аномаліи мирнымъ путемъ, воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе, развитіемъ въ рабочемъ классѣ просвѣщенія, сознанія солидарности интересовъ и, главное, устройствомъ и распространеніемъ общинъ и ассоціацій, долженствующихъ постепенно положить конецъ пагубной конкуренціи въ экономической дѣятельности со всѣми ея вредными послѣдствіями.

Счастіе, благополучіе большинства, вотъ, по ученію социалистовъ, конечная цѣль экономической дѣятельности государства и руководящая нить науки вмѣсто того понятія о богатствѣ, безотносительно къ его распредѣленію, которое многіе послѣдователи Адама Смита стали считать существеннымъ предметомъ науки политической экономіи. «Не съ счастіемъ, а съ богатствомъ я имѣю дѣло какъ экономистъ» утверждалъ, напр. Nassau Senior, извѣстный противникъ фабричныхъ законовъ и вообще весьма типичный представитель школы *Laissez faire* въ Англіи. Напротивъ, социалистъ Вильямъ Томпсонъ, напр., въ трудѣ своемъ о «Распредѣленіи богатства» утверждалъ, что цѣль политической экономіи заключается именно въ томъ, чтобы изслѣдовать принципъ распредѣленія богатства, наиболѣе ведущій къ человѣческому счастію. Такимъ образомъ, въ то время, какъ этическихъ соображенія въ первомъ случаѣ отбрасывались въ сторону и лишь абсолютное накопленіе богатства сдѣлалось единственнымъ мотивомъ экономической политики ортодоксальной школы, во второмъ возрѣвнн выдвигалась, изъ альтрустическихъ мотивовъ, необходимость для экономиста и другихъ соображеній, кромѣ наибольшаго производства, а это одно уже само собой не только допускало и оправдывало, но даже дѣлало необходимымъ государственное вмѣшательство въ экономическую дѣятельность.

Распространенію въ англійскомъ обществѣ сочиненій упомянутыхъ социалистовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ колебанію доктринъ Смита-Ричардовской экономической школы, много способствовали кружокъ «респектабельныхъ» филантроповъ, прозванныхъ «христіанскими

соціалістами». Образованіе этого кружка пиѣтъ ближайшую связь съ чартисскимъ движеніемъ. Зимою 1847—48 года, въ то время какъ на континентѣ разражалась революція, въ Англіи всеобщая нищета производила возрастающее недовольство народа, всего рѣзче выразившееся въ чартизмѣ. Въ мартѣ 1848 г. происходили беспорядки въ большихъ промышленныхъ городахъ и правительство сочло нужнымъ ввести билль «о безопасности короны и государства» и обставитъ войсками важнѣйшія зданія Лондона, причемъ граждане города добровольно подѣлались полицейскими. Это тревожное состояніе продолжалось цѣлый мѣсяць, пока наконецъ оказалось, что опасенія были спльно преувеличены. Средніе классы, вѣроятно, впали бы въ прежнюю апатію, если бы затѣмъ не появились статьи въ Morning Chronicle о «Лондонскомъ трудѣ и лондонскихъ бѣдныхъ» (Мэгью), раскрывшія такіе факты, что оставалось только удивляться, какъ британская столица избѣгла болѣе ужасныхъ сценъ.

Около этого времени, нѣкто м-ръ Морисъ, священникъ одной церкви въ Lincoln's Inn, собравшій вокругъ себя для благотворительной дѣятельности въ своемъ приходѣ нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ въ Lincoln's Inn, сдѣлалъ свой домъ центромъ собраній политическаго характера, въ которыхъ обсуждалось народное движеніе, пункты народной Хартии, право публичныхъ митинговъ, отношенія рабочихъ классовъ къ другимъ классамъ и т. д. Главнѣйшія лица примыкавшія къ этому кружку были, кромѣ самого Мориса, священникъ и поэтъ Клигелсей, Людлоу, извѣстный писатель по экономическимъ вопросамъ, занимающій нынѣ важный правительственный постъ, Томазъ Юзъ, многіе годы членъ парламента, писатель и кооператоръ и Фр. Фернивалъ, столь извѣстный нынѣ шекспирологъ и знатокъ старой англійской литературы. Всѣ эти лица, бывшія тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, проникнутыя любовью къ народу, старались сдѣлать все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы съ одной стороны — помочь бѣднымъ классамъ въ ихъ нуждѣ, въ ихъ борьбѣ съ экономической зависмостью и съ политическими предразсудками другихъ классовъ общества, а съ другой — удерживать народъ, въ то смутное время, отъ всякаго насилія и безпорядковъ. Будучи людьми глубоко религіозными, они стремились соединить духъ христіанства съ основными положеніями социализма, по которому первый двигатель современнаго порядка, именно конкуренція, долженъ быть замѣненъ—ассоціаціей, ведущей къ се-

лидарности. Но, при этомъ, вся борьба противъ существующей на свѣтѣ несправедливости должна была совершаться мирнымъ образомъ, путемъ убѣжденія, воздѣйствіемъ на чувства, поднятіемъ нравственнаго долга въ средѣ богатыхъ, помощью государства (изданіемъ необходимыхъ для того законовъ), а главнымъ образомъ самопомощью (устройство производительныхъ ассоціацій) и развитіемъ въ народѣ образованія, нравственнаго совершенствованія и самосознанія. Для достиженія цѣли употреблялись средства, обычно принятія въ данномъ случаѣ въ Англіи: собирались митинги, на которыхъ говорились рѣчи въ духѣ партіи, вывѣшивались плакаты или воззванія къ народу, писались статьи въ различныхъ журналахъ и газетахъ, книги, брошюры, наконецъ издавались собственные журналы и газеты, въ которыхъ и производилась всего болѣе наступательная война противъ принциповъ манчестерской школы и пропагандировалось устройство ассоціацій. Такихъ журналовъ лишь въ періодъ отъ 1848—52 г. появилось три: «Политика для народа», «Христіанскій Соціалистъ» и «Журналь Ассоціацій». За партіей весьма скоро установилось прозвище «христіанскихъ соціалистовъ». Самой выдающейся, дѣятельной и наиболѣе энергической личностью въ партіи является, умершій всего лишь шесть лѣтъ тому назадъ, священникъ, Чарльсъ Книгслей, извѣстный уже частію и тогда, какъ романистъ, поэтъ, ученый и публицистъ.

Указавъ на содержаніе журналовъ, главнѣйшихъ сочиненій и дѣятельности соціалистическихъ писателей, проф. Янжуль дѣлаетъ слѣдующій выводъ о значеніи въ Англіи социализма въ исторіи развитія экономическихъ идей. Политическая экономія, какъ она была отчасти установлена Ад. Смитомъ и особенно, какъ проявлялась въ произведеніяхъ его позднѣйшихъ послѣдователей (такъ наприимѣръ манчестерской партіи или школы свободной конкуренціи), выставило за основное начало человѣческой дѣятельности—свободу конкуренціи, т. е. возможно полное, невмѣшательство государственной власти въ экономическую область. Чѣмъ полнѣе и безпрепятственнѣе индивидуальная экономическая дѣятельность, говоритъ эта школа, тѣмъ она успѣшнѣе, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ накопленія въ странѣ и послѣдняя быстрѣе богатѣетъ; таже свободная конкуренція является и наилучшимъ регуляторомъ

всѣхъ неправильностей, всѣхъ шероховатостей экономического строя.

Ученіе англійскихъ социалистовъ всѣхъ партій явилось протестомъ, оппозиціей противъ этой вѣры въ блага свободной конкуренціи и противъ этого индивидуалистическаго отождествленія частныхъ и общенародныхъ интересовъ. Какъ мы уже знаемъ, тоже направленіе мысли замѣчается, въ большей или меньшей мѣрѣ, и у многихъ писателей, не принадлежащихъ къ социалистамъ; но у нихъ эти воззрѣнія не складывались въ такую опредѣленную систему, какъ это имѣло мѣсто у нѣкоторыхъ социалистовъ. Рядомъ съ эгоизмомъ, какъ двигателемъ человѣческой дѣятельности, или даже на мѣсто его, у этихъ послѣднихъ выдвинулся на первый планъ другой мотивъ — чувство симпатіи человѣка къ человѣку, или, какъ училъ Робертъ Оуэнъ, для правильнаго человѣческаго общенія, необходимо основаніе его на принципахъ влеченія (attraction), а не отталкиванія (repulsion), какъ это имѣло мѣсто на землѣ до сихъ поръ. Христіанскіе социалисты, не отрицая важности эгоизма въ человѣческой дѣятельности, лишь подставили на мѣсто Оуэновскаго влеченія христіанскую заповѣдь о любви къ ближнему, и съ этой точки зрѣнія взглянули на общепринятые законы экономической науки. Понятно, что свобода конкуренціи, заключающая въ самой идеѣ побѣду сильнаго надъ слабымъ, должна была стать въ рѣшительное противорѣчіе съ новымъ отправнымъ пунктомъ человѣческой дѣятельности, выдвинутымъ социалистами, какъ бы этотъ исходный пунктъ не назывался. вмѣсто бездѣйствія государственной власти явился новый спросъ на ея примѣненіе, вмѣсто невмѣшательства — необходимость законодательнаго ограниченія свободы сдѣлокъ и распоряженія собственностью. вмѣсто конкуренціи появилось на сцену соглашеніе (concert), вмѣсто предпринимателя и рабочаго съ противоположными интересами, прибылью и заработной платой, выдвигается принужденіе этихъ интересовъ, комбинація труда и капитала въ формѣ ассоціацій или кооперацій.

Если ассоціаціи, какъ новая форма производства, не оправдали надеждъ своихъ первоначальныхъ основателей и на практикѣ развивались, за исключеніемъ потребительныхъ обществъ и складовъ, весьма медленно и слабо, то нельзя отрицать, что для теоріи — ассоціаціи имѣли весьма немаловажное значеніе: онѣ доказали, что

на существующія формы пропзводства отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на непреложныя и единственно возможныя, что могутъ быть иныя, представляющія соединенія капитала и труда въ однихъ рукахъ; наконецъ, самая неудача большинства изъ нихъ, какъ показала опытъ, происходитъ не вслѣдствіе несостоятельности самой идеи, положенной въ нихъ основаніе, а большей частью вслѣдствіе недостаточности капитала, т. е. вслѣдствіе исключительной самопомощи рабочихъ и, что еще важнѣе,—неподготовленности ихъ къ этой новой формѣ, отсутствію необходимой для того дисциплины духа, выработки характера и отсутствію извѣстной высоты образованія. Поэтому то, у всѣхъ англійскихъ кооператоровъ безразлично, какъ у Оуэна такъ и Кингслея, умственное и моральное поднятіе народа стоитъ на первомъ планѣ, какъ необходимѣйшее условіе успѣха ихъ плановъ, безъ чего прочное существованіе самихъ ассоціацій невозможно.

Кромѣ идеи ассоціацій, безъ вліянія на общественную мысль не могли также остаться оппозиція и критика социалистами вообще началъ свободной конкуренціи и отождествленія общихъ и частныхъ интересовъ. Люди, очень далеко стоявшіе отъ социалистовъ, мало по малу допустили не только возможность, но даже и необходимость государственнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность.

Не малую услугу въ данномъ движеніи мысли оказали «христіанскіе социалисты», что открыто признается даже ихъ противниками; такъ, напримѣръ, Джоржъ Голіокъ, относившійся къ нимъ въ своемъ журналѣ «Reasoner» довольно непріязненно, въ настоящее время, въ своей «Исторіи Коопераций», отдавая полную справедливость благородству, безкорыстію ихъ стремленій къ улучшенію бѣдныхъ классовъ, высотѣ ихъ культуры и знанія и неустанному труду на пользу народа, открыто заявляетъ, что имъ англійское общество обязано тѣмъ, что ихъ участіе «улучшило общую репутацію социальныхъ идей и сняло съ нихъ «mauvais odeur», который окружалъ первоначально эти идеи; т. е. другими словами, дѣятельность Кингслея и его товарищей способствовала распространенію въ англійскомъ обществѣ болѣе серьезнаго взгляда на идеи защищаемыя представителями новаго теченія политической экономіи.

Было бы чрезвычайно любопытно, конечно, прослѣдить вліяніе этого движенія на произведеніяхъ отдѣльныхъ англійскихъ экономистовъ новѣйшаго времени; но это крайне затруднительно, отчасти уже вслѣдствіе обычая, господствующаго у огромнаго большинства англійскихъ писателей, — не давать почти указанія (не цитировать) авторовъ и произведеній, которыхъ цдсами и фактами они пользовались. Д. С. Милль, напримѣръ, самъ сознается въ своей автобіографіи, что на него оказало вліяніе ученіе сенсимонистовъ, имѣвшее своихъ послѣдователей и въ Англии. Но къ нему были гораздо ближе, конечно, свои собственные писатели того же направленія, и хотя онъ упоминаетъ лишь объ одномъ Оуэнѣ, но достаточно, напримѣръ, сравнить его «Подчиненіе женщинъ» съ большимъ сочиненіемъ по тому же предмету социалиста Вилліама Томпсона, чтобы согласиться, что Д. С. Милль былъ знакомъ также съ произведеніями своихъ соотечественниковъ — социалистовъ и что ихъ сочиненія оказали значительное вліяніе на его политическія и экономическія убѣжденія. Въ 1847 году появилось первое изданіе столь всѣмъ извѣстной его «Политической Экономіи», написанной съ главною цѣлью пополнить пробѣлы, образовавшіеся въ наукѣ со времени Адама Смита и привести науку эту въ уровень съ современными требованіями и запросами. И здѣсь достаточно указать седьмую главу четвертой книги «о вѣроятномъ будущемъ рабочихъ классовъ», которая уже одна дастъ ясное понятіе о степени вліянія социалистическихъ писателей на Д. С. Милля. Какъ далеко отстываетъ онъ отъ большинства представителей господствовавшей въ то время экономической школы. «Политическая Экономія» Д. С. Милля представляетъ собой любопытную сдѣлку началъ ортодоксальной школы съ альтруистическими тенденціями, выставленными и развитыми социализмомъ, нуждами и запросами дѣйствительности.

Тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ норъ, какъ Д. С. Милль издалъ свой курсъ Политической Экономіи. За это время совершился непримѣрный въ исторіи прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ, а особенно въ наукахъ естественныхъ. А такъ какъ между науками существуетъ единственно состава, то важныя усилія, достигнутыя въ какой либо одной отрасли знаній, вліяютъ и на всѣ другія; новыя открытія бросаютъ болѣе свѣта на все, что уже приобрѣтено. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ прогрессивно шедшей за

последнія сорокъ лѣтъ внутренней работой въ области политической экономіи, на развитіе ея оказали также весьма большое вліяніе разработка исторіи, статистики, успѣхи эволюціоннаго направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возставшее вліяніе позитивной философіи. Въ противоположность «абсолютизму» Смито-Рикордовскаго ученія, въ экономической наукѣ получалъ все большее и большее торжество историко-физиологическій методъ, задачей котораго стало изслѣдованіе историческаго хода развитія экономическихъ организацій, выясненіе связи каждаго народно-хозяйственнаго уклада и указаніе въ общихъ чертахъ дальнѣйшаго направленія общественной жизни и мѣръ, способствующихъ прогрессу. Историко-физиологическій методъ съ обозначенными задачами въ настоящее время занялъ господствующее положеніе въ политической экономіи, какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи.

Рядомъ съ развитіемъ экономической науки, выяснявшей ложность многихъ основныхъ доктринъ Смито-Рикардовской школы, распространенію скептицизма въ обществѣ по отношенію къ ученію этой школы способствовали, едва-ли даже не болѣе, совершившіяся въ 70 годахъ измѣненія въ ходѣ внѣшней торговли Англіи. Эти измѣненія оказались невыгодны для государственныхъ финансовъ, для фабрикантовъ и заводчиковъ многихъ важныхъ отраслей промышленности и создали для нихъ интересы возстать противъ исповѣдывавшагося ими десяти лѣтъ принципа невмѣшательства государственной власти. Ходъ дѣла таковъ.

Великія механическія изобрѣтенія въ прошломъ вѣкѣ—Уатта, Аркрайта, Корта, Харгривса и др. произвели цѣлую революцію въ промышленности и увеличили мануфактурную и фабричную производительность Великобританіи въ громадныхъ, до того неслыханныхъ размѣрахъ. Въ 1792 году производительная сила машинъ въ этой странѣ равнялась всего лишь 12 милліонамъ человѣкъ, а въ 1840 году она уже составляла силу равную 600 милліонамъ людей. Быстрому росту продуктивности сильно способствовало также улучшеніе путей сообщенія, проведеніе образцовыхъ каналовъ по всей странѣ, а позднѣе развитіе пароваго судоходства и покрытіе всей Англіи съ 40 годовъ густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Вся эта, вновь созданная, масса цѣнностей требовала для себя обширныхъ иностранныхъ рынковъ, такъ какъ

рабочіе классы, благосостояніе которыхъ за это время ни мало не увеличилось, не могли предъявитьъ массу цѣнностей. Между тѣмъ, существовавшіе уже иностранные рынки оказывались слишкомъ недостаточными, чтобы поглощать въ себя всю эту громаду. Расширеніе иностранныхъ рынковъ составило поэтому для промышленнаго сословія интересъ первостепенной важности. А этого можно было достигнуть удешевленіемъ производства и отѣнной таможенныхъ пошлинъ. Уничтоженіе пошлинъ вело къ удешевленію привозимыхъ изъ-заграницы хлѣба и сырыхъ матеріаловъ; защита же путемъ тарифовъ британской мануфактурной промышленности оказывалась, въ большинствѣ отраслей промышленности, совершенно бесполезной, ибо Англія значительно опередила всѣ страны въ области обрабатывающей промышленности. Въсѣтъ съ тѣмъ, полной отѣнной тарифовъ надѣялись повліять на торговую политику другихъ странъ, вызвать съ ихъ стороны взаимныя уступки и добиться если не полной свободы торговли, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго пониженія пошлинъ на англійскіе товары.

Результаты принятой Великобританіей политики свободной торговли для роста національнаго богатства, собирающагося все болѣе и болѣе въ рукахъ средняго сословія, были громадны. Въ 1850 году весь итогъ доходовъ, обложенныхъ подоходнымъ налогомъ, составлялъ 236 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а въ 1860 году уже 335 мил. ф. с., въ 1870 году — 444 мил. ф., въ 1878 г. — 570 мил. ф. При этомъ, самое крупное увеличеніе приходилось на долю промышленнаго и торговаго классовъ; доходъ этихъ классовъ съ 40 годовъ возросъ вдвое сильнѣе, чѣмъ доходъ остальныхъ классовъ общества; и обратно съ этимъ въ доходѣ отъ земледѣлія произошелъ рѣзкій упадокъ: съ 260 м. ф. дохода въ 1870 году онъ нынѣ спустился до 240 мил. фунт. Въ 1865 году все національное богатство соединеннаго королевства опредѣлялось въ 6,100,000,000 фунтовъ ст. Черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1875 году, оно уже составляло 8,500,000,000 фунт. ст., слѣдовательно увеличивалось ежегодно на страшную сумму въ 240 милліоновъ фунтовъ ст. Наконецъ, по весьма умѣренному расчету Мулгалия, въ 1880 году богатство Англій уже составляетъ около десяти милліардовъ фунт. ст. и значительно превосходить богатство любой страны свѣта. Великобританія въ настоящее

время, изъ 46,519,000,000 фунт. ст., составляющихъ по вычисленію Мулгалля, богатство всего цивилизованнаго міра, владѣеть почти одной пятой этой суммы.

Какъ быстро росла иностранная торговля Великобританіи съ принятіемъ ея политики свободной торговли показываютъ слѣдующія данныя. Въ 1841 году, вывозъ Великобританіи составлялъ 51 мил. фунт. стерл. и ввозъ 62 мил. Черезъ двадцать лѣтъ, въ 1860 году, вывозъ составлялъ уже 164 мил., т. е. выросъ болѣе чѣмъ втрое, а ввозъ равнялся 210 мил., т. е. увеличился въ три съ половиной раза. Еще черезъ двадцать лѣтъ, въ 1880 году, вывозъ составлялъ 278 мил., а ввозъ 414 мил., т. е. противъ сороковыхъ годовъ первый увеличился болѣе, чѣмъ въ пять разъ, а второй почти въ семь разъ.

И такъ національное богатство Великобританіи въ послѣднія сорокъ лѣтъ росло съ безпримѣрной въ исторіи быстротой. Участвовала ли народъ, тяжелымъ трудомъ котораго создавалось все это громадное богатство, въ экономическомъ прогрессѣ страны? Получилъ ли онъ какія либо выгоды отъ свободной торговли? Къ сожалѣнію, факты даютъ отрицательный отвѣтъ. Въ послѣдней главѣ разсматриваемой нами книги приведены данныя по этому предмету, выбранныя авторомъ съ большою осторожностью. Денежная заработная плата поднялась выше цѣнъ на важнѣйшіе предметы потребленія рабочаго класса лишь въ отрасляхъ труда, обнятыхъ рабочими союзами. Правда, науперизмъ (впщенство) въ Англіи уменьшился; но онъ уменьшился только благодаря сильной эмиграціи, пользующейся правительственной поддержкой и нынѣ правильно организованной. Съ 1850 по 1879 годъ около пяти милліоновъ (!!) британскихъ гражданъ покинули отечество и переселились въ Соединенные Штаты и Австралію. Цифра колоссальная. Эмиграціей Англія открыла клапанъ для выбрасыванія избыточнаго населенія, постоянно порождаемаго современнымъ приложеніемъ прогресса техники, расширенія и усовершенствованій машиннаго производства.

Но не то обстоятельство, что экономическое положеніе народа не улучшилось за время господства политики свободной торговли, было причиной распространенія въ англійскомъ обществѣ сомнѣнія въ истинности этой политики. Сомнѣніе породилось и возрастаетъ по другимъ обстоятельствамъ, и именно слѣдующимъ.

Въ континентальныхъ странахъ, главнымъ поставщикомъ которыхъ еще недавно была Великобританія, развиваются собственныя мануфактуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ спросъ на британскіе продукты въ континентальной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ становится меньше. Все меньшую пропорцію товаровъ отпускаетъ Великобританія нынѣ въ Европу и Америку и, напротивъ, пропорціонально больше въ Азію, Африку и Австралію. Между 1840 и 1878 годами вывозъ ея товаровъ въ Европу уменьшился отъ 51 проц. до 47 проц. общей суммы, а въ Америку даже съ 37 проц. упалъ на 21 проц., такъ какъ Соединенные Штаты снабжаютъ нынѣ себя весьма многими мануфактурами, которыхъ еще не было у нихъ въ сороковыхъ годахъ. Въ тоже самое время вывозъ въ Азію увеличился съ 10 проц. до 15 проц., въ Африку съ 2 до 5 проц. и въ Австралію съ 1 до 11 проц. Но мало того, что уменьшается американскій и европейскій спросъ на англійскіе товары, иностранныя мануфактуры начинаютъ дѣлаться опасными соперниками даже и на внутреннихъ рынкахъ Великобританіи. Въ послѣднее время въ Англію ежегодно ввозится до 50 милл. ф. с. иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній.

Уже неоднократно въ англійской прессѣ поднимался крикъ объ опасности для ея промышленности по поводу какой нибудь партіи американскаго колленкору, или желѣза, появившагося въ Англіи, или бельгійскихъ локомотивовъ, купленныхъ англійскою желѣзною дорогою; опасенія эти были часто раздуваемы и преувеличиваемы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что конкуренція эта въ дѣйствительности существуетъ, и среди англійскаго общества уже начинаютъ опасенія — на долго ли еще Англія удержитъ свое первое мѣсто, какъ самая богатая и промышленная страна. Особенно опаснымъ для нея конкурентомъ являются Соединенные Штаты, въ которыхъ прогрессъ промышленности идетъ крайне быстро. Такъ, по свѣдѣніямъ, которыя сообщаетъ «Economist», Соединенные Штаты уже догоняютъ свою бывшую метрополию въ производствѣ бессемеровской стали. За послѣдніе годы это производство увеличилось въ Великобританіи въ три раза и дошло до 790 тысячъ тоннъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ, за тотъ же самый періодъ, оно выросло въ дѣлныхъ тринадцать разъ и выражается теперь 525 тысячами тоннъ ежегоднаго производства. Статистикъ Мулгалъ, вообще отличающійся оптимизмомъ когда дѣло

касается Англии, даже и тотъ отмѣчаетъ быстроту прогресса американской промышленности сравнительно съ Великобританіей. Въ то время, какъ Великобританская промышленность увеличилась въ послѣднее десятилѣтіе на 337 мил. ф. с., американская возросло на цѣлыхъ 525 мил.; и Мулгаль сознается, что Великобританія въ рангѣ промышленныхъ государствъ сохраняетъ первое мѣсто послѣдній разъ и что въ слѣдующее десятилѣтіе, по всей вѣроятности, это первенство, столько лѣтъ бывшее въ рукахъ Англии, перейдетъ уже къ Соединеннымъ Штатамъ.

По мѣрѣ уменьшенія европейскаго и американскаго спроса на англійскіе товары, для Великобританіи увеличивается важность колоній. Между тѣмъ, и дѣла въ колоніяхъ идутъ такъ, что возбуждаютъ опасенія въ англійскомъ обществѣ. Колоніи Великобританіи, на рынкахъ которыхъ покоятся теперь, болѣе чѣмъ когда либо, главная надежда ея будущей вывозной торговли, будучи поставлены политикою свободной торговли въ одинаковое положеніе съ иностранцами, стремятся къ развитію собственныхъ мануфактуръ, вводя покровительственныя тарифы. Созданіе національной промышленности является у англійскихъ колоній любимой мечтой, ради которой они готовы даже рисковать значительнымъ повышеніемъ своей податной тягости. Какъ извѣстно, многія изъ нихъ владѣютъ представительными учрежденіями и отвѣтственными правительствами, по отношенію къ которымъ правительство метрополи имѣетъ лишь все въ законодательствѣ; но на практикѣ эти колоніи сдѣлались почти свободными государствами — свободными регулировать свое законодательство, какъ онѣ найдутъ это лучшимъ въ своихъ интересахъ. «Но увы!» восклицаетъ по этому поводу Леонъ Леви, «нѣкоторыя изъ колоній употребляютъ свою свободу на принятіе торговой политики, не всегда согласной съ ихъ прочными выгодами и совершенно не обращая вниманія на интересы ихъ материнской страны. Недавніе тарифы Канады и нѣкоторыхъ австралійскихъ колоній даютъ въ особенности поводъ къ справедливымъ, съ англійской точки зрѣнія, на нихъ жалобамъ». Въ своемъ любопытномъ описаніи путешествія по колоніямъ, извѣстный Charles Dilke говоритъ, что стремленія къ покровительственной системѣ встрѣчается въ Австраліи во всѣхъ классахъ народа и даже лавочникахъ, для которыхъ по видимому было бы безразлично продавать свои или иностранные продукты. «Поощряйте націо-

нальную промышленность», пишутъ колониальные торговцы, говорить онъ; «покажите вашъ патриотизмъ и покупайте лишь колониальные товары» написано огромными буквами надъ дверьми некоторыхъ магазиновъ въ колоніяхъ. «Въ Англии», продолжаетъ онъ, нерѣдко можно встрѣтить надписи «изъ Парижа» на товарахъ англійскаго издѣлія; въ колоніяхъ же Викторіи, напр., практикуется обманъ другаго рода. Надпись, гласящая «ручательство за колониальную фабрикацію», помѣщается на привозныхъ, въ сущности, товарахъ, на томъ лишь основаніи, что многіе колонисты готовы платить за свой колониальный продуктъ гораздо дороже, чѣмъ за иностранный».

Уменьшеніе въ послѣдніе годы вывоза англійскихъ товаровъ въ Европу и Соединенные Штаты, конкуренція американскихъ мануфактурныхъ произведеній на внутреннемъ англійскомъ рынкѣ, торговая политика колоній—все это вызвало въ англійскомъ обществѣ сомнѣніе относительно абсолютнаго значенія теоріи свободной торговли, теоріи утверждавшей, что политика свободной торговли при всякихъ обстоятельствахъ, есть наибъ выгоднѣйшая. Раздались протесты противъ свободной торговли. Въ старомъ гнѣздѣ самаго крайняго фритредерства, въ Манчестерѣ, образовалось протекціонистское общество (The Manchester Reciprocity Association), членами котораго являются различные капиталисты и фабриканты и въ спискѣ ихъ именъ нерѣдко встрѣчаются двѣ знаменательныя буквы М. Р., столь уважаемыя англичанами (Member of Parliament—членъ парламента). Въ привѣтственной рѣчи президента на многолюдномъ митингѣ ассоціаціи, уже отчетливо выставляются на видъ мотивы основанія общества и его цѣли. Президентъ указываетъ на обманутыя надежды, возвѣщенныя во времена существованія Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, упорство, съ которымъ Соединенные Штаты Америки и большинство государствъ Европы держатся покровительственныхъ тарифовъ, направленныхъ противъ британской промышленности, на тяжелое положеніе некоторыхъ ея отраслей, оптимистическое увлеченіе фритредеровъ въ ихъ увѣреніи, что все въ Англии идетъ наилучшимъ образомъ, при господствѣ ихъ любимыхъ принциповъ, и, наконецъ, на необходимость принять другое основаніе въ заключеніи торговыхъ договоровъ съ иностранцами и требовать у нихъ уступокъ за уступки; словомъ дѣйствовать на основаніи «принципа взаимности».

Въ настоящее время въ англійской прессѣ идетъ такая оживленная борьба между протекціонистами и фритредерами, которая нѣсколько напоминаетъ борьбу изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ въ сороковыхъ годахъ. Читатель, интересующійся догматической стороной новѣйшаго англійскаго протекціонизма и свободной торговли, найдетъ въ книгѣ г. Янжула много поучительнаго матеріала. Не останавливаясь на этомъ предметѣ, мы обратимъ вниманіе только на то, что въ этой борьбѣ, какъ и въ борьбѣ за хлѣбныя пошлины, интересы народа выставляются обѣими партіями, какъ важнѣйшій доводъ въ пользу ихъ политикн. Въ виду крайне вреднаго заблужденія на этотъ счетъ обѣихъ партій, г. Янжулъ вмѣшивается въ ихъ споръ и говоритъ имъ слѣдующее: Періодъ свободной торговли, какъ вамъ должно быть хорошо извѣстно, принесъ Англіи колоссальное развитіе богатства промышленности и торговли, но ни мало не улучшилъ положеніе англійскаго рабочаго. Такова истина. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ думать, что, если бы Англія удержала покровительственную систему, ея рабочій людъ благоденствовалъ. Отсутствие обезпеченности въ положеніи рабочихъ классовъ, неудовлетворительное матеріальное состояніе огромной массы народа коренятся не въ свободной торговлѣ и не въ протекціонизмѣ, а въ современныхъ основахъ цѣлаго экономическаго строя. Пока будетъ держаться въ полной силѣ современная организація производства и распределенія матеріальныхъ цѣнностей, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого основанія допустить, чтобы возвращеніе Великобританіи къ покровительственной системѣ могло привести ее въ отношеніи обезпеченія благосостоянія рабочихъ классовъ къ инымъ лучшимъ результатамъ, нежели какіе получились для народа отъ политики свободной торговли. При современной хозяйственной организаціи, всякая реформа, все равно въ ту или другую сторону, въ направленіи свободы торговли или протекціонизма, для улучшенія благосостоянія народа имѣетъ значеніе лишь палліатива. — Читатель найдетъ въ книгѣ массу данныхъ, свидѣтельствующихъ истинность этого положенія.

Большое спасибо профессору Янжулу за его новый трудъ. Много разъясняетъ онъ въ сложной области социальныхъ явленій.

И. Иванюковъ.

Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.

Письма къ читателямъ.

(Продолженіе *).

II.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ, между прочимъ, о раздѣленіи каждаго умственнаго движенія на два рѣзкіе періода: первый—абстрактно-философскій и второй, періодъ—практически-дѣятельный. Теперь я хочу доказать фактами нашей современной беллетристики, что мы вступаемъ въ настоящее время во второй практической періодъ умственнаго движенія. Для этого я избираю Г. Успенскаго, въ произведеніяхъ котораго послѣднихъ пяти лѣтъ наиболее ярко отражается именно то, о чемъ идетъ у насъ рѣчь.

Абстрактный періодъ умственнаго движенія постоянно отличается тѣмъ, что создаетъ цѣлый рядъ миражей, въ которыхъ приходится разочаровываться второму періоду. Это происходитъ потому, что въ первомъ періодѣ преобладаетъ отвлеченное мышленіе; вмѣсто того, чтобы анализировать факты живой дѣйствительности и изъ этого анализа дѣлать общіе выводы, люди, увлекающіеся новыми идеями, подводятъ факты подъ эти идеи, или-же путемъ логическихъ умозаключеній создаютъ такіе воображаемые факты, никакого подобія которымъ нѣтъ въ дѣйствительности. Таковы были, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ всѣ представленія о народѣ. Всѣмъ и каждому мало мальски мыслящему и читающему чело-вѣку было отлично въ то время извѣстно, что въ противоположность искусственнымъ правамъ растленной цивилизаціи, отъ кото-

*) См. № 1.

рой слѣдовало во чтобы то ни стало освободиться, народная среда представляеть собою именно тѣ самыя естественныя, неспорченныя, первобытныя нравы золотого вѣка, о которыхъ мечтають Руссо. Народъ не иначе рисовался въ воображеніи философовъ XVIII вѣка, какъ въ видѣ трудолюбивыхъ, добрыхъ, благодушныхъ и незлобивыхъ поселянъ, чуждыхъ всякихъ честолюбивыхъ и любостяжательныхъ страстей, зависти или мстительности, способныхъ довольствоваться самымъ малымъ и наслаждаться мирнымъ счастьемъ подъ соломенною кровлею, трогательно благодарныхъ къ каждому проблеску участія къ нимъ, терпѣливыхъ, кроткихъ и пренеполненныхъ подобострастной покорности. Правда, они немного обвиняли, голодаютъ, бѣдные, и вымирають чуть что не цѣлыми провинціями, безропотно подчиняясь своей судьбѣ, но стоитъ протянуть имъ руку братской помощи, вывести ихъ изъ бѣдственнаго положенія, и отечество тотчасъ же процвѣтеть, повсюду воцарятся тѣ буколическія нравы золотого вѣка, какія господствуютъ въ народной средѣ, и на благодѣтелей со стороны облагодѣтельствованныхъ льются цѣлые потоки умиленныхъ благословеній.

И каково-же было всеобщее разочарованіе, когда вмѣсто всѣхъ этихъ воображаемыхъ идиллическихъ пастушковъ и пастушекъ, испуганнымъ взорамъ людей XVIII вѣка предстала вдругъ толпа побросавшихъ свои истощенныя поля, свирѣлыхъ, одичалыхъ браконьеровъ, принявшихъ раззорять помѣщичьи замки съ жестокостью гупновъ, или голодныхъ оборванныхъ городскихъ пролетаріевъ, начавшихъ устраивать кровавыя оргіи по улицамъ Парижа. Земледѣльцы-же захолустныхъ мѣстностей, какова была Вандея, наиболѣе сохранившіе первобытныя типы французскаго крестьянина и подходившіе къ идиллическимъ фантазіямъ философовъ, вмѣсто благословеній за оказываемыя имъ благодѣянія, вздумали вдругъ ополчиться на своихъ благодѣтелей во имя сохраненія именно тѣхъ самыхъ феодальныхъ порядковъ, при которыхъ имъ такъ скверно жилось.

Историческій фактъ, приведенный нами, представляеть собою бесспорно крайнюю степень, до какой когда либо доходило обольщеніе иллюзіей; можно положительно сказать, что никогда ни до того времени, ни послѣ него люди такъ глупо не обманывались въ дѣйствительности и такъ радикально, такъ прискорбно не разо-

чаровывались въ ней. Особенно-же трудно представить себѣ подобнаго рода иллюзіи въ нашъ практическій XIX вѣкъ реальнаго мышленія и трезваго анализа. Но нельзя сказать, чтобы и мы были совершенно застрахованы отъ всякихъ иллюзій. Люди могутъ руководствоваться идеями, добытыми вполне реальнымъ путемъ, но обращаться съ ними нисколько не реально. Это бываетъ каждый разъ, когда идея, сама по себѣ реальная, обращается для насъ въ готовую абстрактную формулу, которую мы прилагаемъ къ фактамъ зря, ни мало не заботясь о провѣркѣ соответствія послѣднихъ съ этою идеею. Можетъ быть, факты эти, если-бы мы начали анализовать ихъ самостоятельно, привели бы насъ совсѣмъ къ инымъ выводамъ, а мы нисколько о такомъ анализѣ не заботимся, а подходимъ къ фактамъ съ предвзятыми о нихъ мнѣніями. Это ведетъ къ новымъ иллюзіямъ, правда, не такимъ грубымъ, какъ вышериведенная, но тѣмъ болѣе обольстительнымъ и поэтому вреднымъ, что они опираются на данные, заслуживающія полного уваженія.

И вотъ мы видимъ, что 60 годы, этотъ абстрактный періодъ нашего умственнаго движенія, не смотря на свой реализмъ, въ свою очередь завѣщали намъ рядъ обольстительныхъ иллюзій, съ которыми намъ приходится нынѣ раздѣливаться при вступленіи въ новую, практическую фазу нашего умственнаго движенія.

И замѣчательно, что эти новыя иллюзіи, хотя далеко не столь грубы, какъ иллюзіи XVIII вѣка, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ нихъ не было нѣкоторыхъ аналогическихъ чертъ. Въ настоящемъ случаѣ во главѣ стоятъ нѣсколько азбучныхъ истинъ, въ неоспоримости которыхъ не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Такъ, напримѣръ, кому пришло-бы въ голову усомниться въ томъ, что праздность и тунеядство расслабляютъ всѣ силы человека и ведутъ къ нравственному растлѣнію, а физическій трудъ напротивъ того укрѣпляетъ мускулы и нервы и создаетъ богатей, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніяхъ. Далѣе затѣмъ, кому неизвѣстно, что и трудъ труду розъ; что только сельскій, земледѣльческій трудъ на лонѣ природы, на свѣжестъ, здоровомъ воздухѣ, при разностороннемъ упражненіи мускуловъ представляетъ собою идеаль трудъ, городской-же фабричный или ремесленный трудъ, въ помѣщеніяхъ, наполненныхъ всякими адовитыми испареніями, при крайне одностороннемъ упражненіи му-

скуловъ, не только не укрѣпляетъ человѣка, а напротивъ калѣчить его и физически, и нравственно. Согласитесь сами, что все это такія идеи, передъ которыми только и остается, что снять шляпу и отвѣсить въ знакъ уваженія глубокой поклонъ. Затѣмъ изъ этихъ идей логически проистекаетъ раздѣленіе всѣхъ обитателей страны на два противоположные міра, во многомъ напоминающее собою такое же раздѣленіе XVIII вѣка: съ одной стороны развращенный цивилизаціей городъ, съ другой святая деревня во всей своей первобытной простотѣ; тамъ индивидуализмъ, конкуренція, ожесточенная борьба за существованіе, здѣсь община, братство, справедливость, все «по равенію и по правдѣ»; тамъ люди такъ и норовятъ, какъ-бы уклониться отъ письменныхъ, нотаріальныхъ актовъ, припечатанныхъ семью печатами, здѣсь-же свято держать разъ данное слово, не скрѣпленное никакими бумагами или свидѣтельскими удостовѣреніями, однимъ словомъ—тамъ адъ бромъшнннй, здѣсь—рай земной. И опять таки, принимая подобное дѣленіе, какъ прямой, логическій выводъ изъ совершенно справедливыхъ идей, какъ широкую абстракцію, нельзя отказать этой абстракціи въ глубокой правдѣ. Но если мы начнемъ смотрѣть на эту истину, не какъ на абстракцію, вѣрную лишь въ массовомъ, собирательномъ смыслѣ, съ птичьяго полета и при разсмотрѣніи вѣковыхъ историческихъ судебъ, а огнесмся къ ней, какъ къ чему-то конкретному, приложимому къ каждому данному факту окружающей насъ жизни, если мы въ каждой деревнѣ, въ которую входимъ, будемъ предполагать рай земной, а въ каждомъ встрѣчномъ мужикѣ или бабѣ прозрѣвать непременно идеальныхъ представителей деревенскихъ началъ, мы не замедлимъ власть въ мірѣ фантастическихъ иллюзій. Дѣло въ томъ, что логика жизни далеко отличается отъ логики нашего мышленія: въ то время, какъ мы выводимъ наши умозаключенія изъ двухъ трехъ посылокъ, жизнь выводитъ свои факты изъ неисчислимаго количества причинъ; мы создаемъ нашего идеальнаго мужика, соображая лишь оздоровляющія условія сельскаго труда, въ дѣйствительности же мужикъ является созданіемъ равнодѣйствующей силы самихъ разнообразныхъ и противурѣчащихъ факторовъ, въ число которыхъ на каждомъ шагу входитъ и тотъ самый городъ, вліяніе котораго мы въ настоящемъ случаѣ совершенно игнорируемъ. Въ нашемъ мышленіи противоположности такъ и остаются противоположностями,

враждебно обращенными другъ къ другу силами, въ жизни-же противоположности непрестанно вліяютъ другъ на друга, стремятся слиться во единос. Такъ и въ данномъ случаѣ, городъ и деревня могли-бы оставаться въ вѣчной своей противоположности, если-бы были отдѣлены другъ отъ друга китайскою стѣною; но они не только не отдѣлены, а напротивъ того тѣсно связаны другъ съ другомъ до такой степени, что ни городъ безъ деревни, ни деревня безъ города существовать не могутъ. А при такой связи они непрестанно вліяютъ другъ на друга и производятъ рядъ фактовъ и явленій совершенно особеннаго, специфическаго свойства, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми прямолинейными выводами, которые мы дѣлаемъ изъ нашихъ излюбленныхъ абстракцій.

Пока наше умственное движеніе пребывало въ первомъ абстрактномъ своемъ періодѣ, намъ ничего не значило воплотить и воспроизвести всю эту игру жизни и довольствоваться своими азбучными абстракціями. Мы были убѣждены, что стоимъ на реальнѣйшей почвѣ, когда въ дѣлѣ изученія народнаго быта ограничивались тѣмъ, что въ лирическихъ стихотвореніяхъ или беллетристическихъ рассказахъ оплакивали золотуюшную щедедушность, трипичность и извращенность городского интеллигентнаго человѣка и противопоставляли ему въ повѣстяхъ Рѣшетникова или Левитова богатырей труда, гуманныхъ въ своей первобытной простотѣ, выносливыхъ, незлобиво-кроткихъ, безропотно вкоренныхъ своей участи. Подобно людямъ XVIII вѣка, мы проливали горькія слезы о томъ, что эти деревенскіе богатыри, которымъ несомнѣнно принадлежитъ будущее, терпятъ голодъ, холодъ и всякія неудобства жизни, и воображали, что стоитъ намъ протянуть имъ руку братской помощи, и наша ручка будетъ сейчасъ-же облобызована съ чувствомъ горячей благодарности. Въ каждомъ мужикѣ и бабѣ мы предполагали полную солидарность со всѣми нашими дорогими убѣжденіями, и были увѣрены, что стоитъ намъ появиться въ народной средѣ и произнести тамъ нѣсколько словъ, какъ сейчасъ-же всѣ таящіяся въ глубинѣ народной души несознанные инстинкты тотчасъ-же всплывутъ наружу, получать опредѣленную формулировку, насъ, конечно, тотчасъ-же съ восторгомъ подхватятъ на руки и понесутъ, какъ какихъ нибудь прометеевъ.

Но первое практическое столкновеніе съ народною средою, первое ознакомленіе съ конкретными фактами народнаго быта дол-

жны были неминуемо поставить изучателей и наблюдателей в полное недоумѣніе. Передъ ними сразу открылся цѣлый міръ фактовъ, управляющихся своими особенными законами и не только не имѣющихъ ничего общаго съ привычными абстракціями, но и подъ часъ идущихъ съ ними совершенно въ разрѣзъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, какой невообразимый сумбуръ и смятеніе произвело въ умахъ массы мыслящихъ людей это неожиданное столкновеніе прекрасныхъ иллюзій съ печальною дѣйствительностью, сколько при этомъ было изломанныхъ и погибшихъ существованій, сколько малодушныхъ и слабыхъ людей впало въ постыдное уныніе, скороспѣлое разочарованіе, повѣсило голову, сложило руки въ бесплодномъ отчаяніи. Обратимся прямо къ Гл. Успенскому, который намъ тотчасъ-же все это расскажетъ съ полною обстоятельностью, такъ какъ этотъ писатель является въ настоящее время наиболѣе яркимъ и полнымъ выразителемъ именно того паденія иллюзій, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Если гдѣ въ настоящее время таится новое слово, то вотъ гдѣ слѣдуетъ искать его: въ произведеніяхъ Гл. Успенскаго послѣднихъ лѣтъ, потому что эти произведенія вполне выражаютъ собою именно тотъ важный историческій моментъ, который мы переживаемъ.

И вы замѣтите, что это новое слово принадлежитъ далеко не всей дѣятельности Гл. Успенскаго. Прежде Гл. Успенскій былъ со всѣмъ не тотъ, чѣмъ онъ представляется нынѣ. Прежде, онъ ограничивался въ своихъ разсказахъ очерками быта городскихъ мѣщанскихъ слоевъ, и такъ называемыхъ разночинцевъ; онъ только и дѣлалъ, что повѣствовалъ намъ о всѣхъ ихъ нравственныхъ, умственныхъ и экономическихъ недугахъ, порою весьма талантливо смѣялся надъ ними, порою не менѣе талантливо оплакивалъ ихъ, плакалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ самимъ собою, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ сильно проглядывалъ чисто субъективный элементъ и иногда авторъ вполне сливался со своими героями. Но въ концѣ 70-хъ годовъ въ дѣятельности его мы видимъ рѣзкій поворотъ: онъ обращается къ деревнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ начинаетъ проглядывать чисто прудоновскій пріемъ. Совершенно подобно тому, какъ Прудонъ постоянно занимался тѣмъ, что бралъ различныя, освѣщенные вѣками истины, давно обратившіяся въ неоспоримыя аксіомы, и раскрывалъ въ этихъ истинахъ массу логическихъ противорѣчій.

точно также поступает Гл. Успенский и съ любимыми нашими иллюзіями. Разница заключается въ томъ, что Прудонъ совершалъ свои операціи путемъ метафизической діалектики, Гл. Успенский же дѣлаетъ тоже самое художественными средствами представленія конкретныхъ фактовъ жизни народа, стоящихъ въ полномъ противорѣчій съ прежними иллюзіями. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что передъ вами не холодный, безстрастный анатомъ, полосующій живое мясо съ улыбкою удалства и глухой къ страданіямъ жертвы. Не нужно забывать, что иллюзіи, съ которыми имѣетъ дѣло авторъ, составляютъ существенный элементъ жизни цѣлаго поколѣнія. Онъ самъ, авторъ, всю жизнь прожилъ съ этими иллюзіями и они были для него не менѣе дороги, чѣмъ и для любаго читателя его произведеній. Поэтому ему приходится рѣзать по кускамъ не только сердце читателя, но и свое собственное и каждое изъ послѣднихъ произведеній его производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ отрываетъ отъ себя по куску мяса съ нестерпимою болью и обливаясь кровью. И хотя подобное впечатлѣніе должно было бы еще болѣе придавать цѣны всѣмъ мучительнымъ операціямъ Гл. Успенскаго, тѣмъ не менѣе каждое произведеніе его производитъ сенсацію, чуть что не скандала. Люди, сжившіеся съ своими иллюзіями, привыкшіе дорожить ими, какъ альфою и омегою знапія народной жизни, постоянно набрасываются на Гл. Успенскаго, обвиняя его то въ безтактности, на томъ основаніи, что будто бы онъ, подчеркивая одни мрачныя стороны народной жизни, мирволитъ крѣпостникамъ и реакціонерамъ, то въ недостаткѣ правильного логическаго мышленія, такъ какъ онъ будто бы спѣшитъ дѣлать самыя широкія обобщенія на основаніи двухъ-трехъ фактчиковъ. Авторъ настоящаго письма считаетъ своимъ долгомъ признаться, что и самъ онъ былъ такъ пораженъ рѣшительнымъ выступленіемъ Гл. Успенскаго на это новое поприще въ его рассказъ «Черная работа» (От. Зап. 1879 г. № 5), что не могъ сразу оцѣнить значенія этого переворота въ дѣятельности автора, и въ свою очередь, дорожа все тѣми же пресловутыми иллюзіями, попалъ нѣкогда на Гл. Успенскаго съ тѣми же обвиненіями въ скороспѣлости обобщеній. Только рядъ послѣдующихъ произведеній Гл. Успенскаго такого же характера, въ связи съ обстоятельствами и событіями жизни, могъ уяснить для автора все важное значеніе новой дѣятельности Гл. Успенскаго, и онъ слѣ-

шить заглавить свою вину настоящимъ письмомъ, посвятивъ его опредѣленію этой новой дѣятельности Г.л. Успенскаго въ ея истинномъ свѣтѣ и значеніи.

Начнемъ именно съ той самой «Черной работы», въ которой какъ мы сказали выше, Г.л. Успенскій впервые рѣшительно и рѣзко выступилъ на свое новое поприще. Повѣсть эта замѣчательна между прочимъ и тѣмъ, что здѣсь авторъ высказываетъ опредѣленно и ясно тѣ мотивы, которые побудили его идти по новой дорогѣ. Начинается повѣсть тѣмъ, что авторъ представляетъ себя измученнымъ «тоскою, доходившею до физической боли». Эта тоска заставила его бѣжать изъ деревни «если не навсегда, то на нѣкоторое время», а въ послѣдній день, «эта жажда не думать о деревнѣ, освободиться хотя на время отъ этой безплодной м у к и, достигла такой степени, что онъ вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ одиннадцать часовъ вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ всякаго дѣла въ ожиданіи поѣзда», и несмотря на страшный буранъ, который ему пришлось вынести дорогою. Чтоже причинило эту тоску до физической боли и заставило автора такъ носнѣшно бѣжать изъ деревни? Оказывается, что именно разладъ между азбучными истинами, съ которыми пріѣхалъ авторъ въ деревню и тѣми конкретными фактами, которые обступили его въ деревенской жизни. «Адское душевное состояніе, говоритъ авторъ: долженъ пережить всякій, кто только, повинуваясь даже инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ею существуетъ какая-то трудно опредѣлимая, но несомнѣнно кровная связь по-пробуетъ.... ну, просто хоть только «п о ж и т ь в ь д е р е в н ѣ».... Слагается оно, во первыхъ, изъ такого рода ежедневно предъявляемыхъ деревнею фактовъ, въ которыхъ, по вашему мнѣнію, (мнѣнію человека, выросшаго въ другой средѣ) непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что можетъ быть неизбѣжнѣе тѣхъ цифирныхъ истинъ, каковы учить васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатъ что нибудь кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ вамъ, что не только можетъ, не постоянно, аккуратно изо дня въ день даетъ нѣчто такое, чего даже нѣтъ возможности ни понять, ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самадѣйшей нити.

Наже читатель, наприѣръ, увидить эти изумительные результаты деревенской таблицы умноженія, теперь-же я только прошу его представить себѣ положеніе человѣка, который по сту разъ въ день надѣется, что вотъ вотъ получится четыре, и по сту разъ въ день видитъ вочюію, что получается то стеариновая свѣчка, то свиная морда, словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное, до нѣкоторой степени только пойметъ, что за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, «какъ должно», по его мнѣнію, смотрѣть на нее».

И вотъ далѣе въ повѣсти передъ вами раскрывается такое вопіющее противорѣчіе фактовъ деревенской жизни съ привычною вамъ табличкою умноженія, какое естественно можетъ поставить въ тупикъ cadaго свѣжаго наблюдателя. Подобный наблюдатель подходитъ къ народу конечно ужъ съ рядомъ неоспоримыхъ истинъ въ родѣ того, что крѣпостное право, малоземеліе и чрезвѣщность налоговъ дѣйствуютъ на народъ деморализующимъ образомъ; егдо мужики господскихъ деревень должны быть во всѣхъ отношеніяхъ хуже мужиковъ государственныхъ, а изъ господскихъ самую высшую степень деморализаціи должны представлять крестьяне, бывшіе подъ властію наиболѣе строгихъ, жестокихъ и жадныхъ помѣщиковъ. И каково-же должно быть болѣзненное недоумѣніе наблюдателя, когда вдругъ въ дѣйствительности онъ встрѣчается съ фактами какъ разъ совершенно противоположными. Передъ нимъ три рядомъ стоящія деревни, Солдатская, Разладинская и Барская, изъ которыхъ первая казенная, пользующаяся обиліемъ земель и всякихъ угодій и наименѣе обложенная податями, представляетъ собою высшую степень деморализаціи, мало уступаютъ имъ разладинцы, бывшіе нѣкогда подъ властію доброй помѣщицы; лучше-же всѣхъ живетъ и умнѣе всѣхъ выглядятъ крестьянниъ деревни Барской, бывшей подъ властію строгихъ и жестокихъ помѣщиковъ». Словомъ, говорятъ авторъ: крестьянниъ, болѣе другихъ претерпѣвшій на своемъ вѣку, слѣдовательно, какъ вамъ думается, болѣе угнетенный (онъ пережилъ крѣпостное право), надѣленный плохю землей, обремененный налогами, вопреки всѣмъ смысламъ, вопреки всѣмъ таблицамъ умноженія всѣхъ частей свѣта, оказывается по-рабочнѣе, положительно умнѣе, даровитѣе, зажиточнѣе и честнѣе того крестьянниа, который имѣя доходы, покрывающіе всѣ носторонніе платежи или плата сущую бездѣлцу и, слѣдовательно,

имѣя всѣ условія для того, чтобы собственная его домашняя, личная жизнь была лучше, достаточнѣй, вольнѣй, чтобы забота его мирскомъ благѣ была шире, и т. д., и т. д., оказывается, что такой крестьянинъ, ничего не выдумавъ, кромѣ кабака, живетъ бѣдно, пьяно, фальшиво, къ ближнему равнодушенъ, равнодушенъ къ міру, къ себѣ, къ смѣли... Мало того, вы видите, что отлично обставленная въ матеріальномъ отношеніи деревня какъ бы лишена даровитыхъ людей; есть міроѣды и мироопивалы, а умнаго, характернаго мужика нѣтъ, но напротивъ, обиліе фальшивыхъ мужичонковъ, которые за рубль продадутъ отца роднаго, и наобѣщаютъ въ три короба, а ничего не сдѣлаютъ, не дорого возьмутъ совратятъ и т. д. Что же означаетъ эта непонятная тайна непонятной деревенской таблицы умноженія?»

Естественно, первое, что придетъ вамъ въ голову, когда вы прочитаете подобную характеристику трехъ деревень, будетъ то утвержденіе, что конечно авторъ имѣетъ здѣсь дѣло съ какимъ нибудь однимъ исключительнымъ случаемъ, и развѣ можно дѣлать какіе-либо выводы изъ двухъ трехъ фактиковъ? Но постойте, господа, во первыхъ вы не знаете, имѣете-ли вы дѣло съ тремя исключительными фактами, или ихъ много на Руси, а во вторыхъ, если бы фактъ, представляющійся вамъ, существовалъ и дѣйствительно въ единственномъ числѣ, то развѣ и этотъ единственный фактъ не разрушаетъ вашей таблички умноженія съ такой-же легкостью, какъ и тысяча ему подобныхъ? Вѣдь для того, чтобы вы потеряли право говорить, что всѣ люди смертны, достаточно чтобы оказалось безсмертнымъ хоть одинъ изъ всѣхъ людей. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: совершенно достаточно, чтобы существовало на Руси въ единственномъ числѣ село Барское рядомъ съ Солдадскимъ и Разладипскимъ, чтобы привести васъ въ ужасъ и исполнить сердце ваше тоскою до физической боли. Спрашивается только одно: слѣдуетъ-ли ради сохраненія дорогихъ намъ истинъ закрывать глаза на подобнаго рода страшные факты и правъ-ли авторъ выставляющій ихъ на показъ? По моему мнѣнію, онъ не только правъ, онъ выступаетъ въ настоящемъ случаѣ по истинѣ героически, онъ глядитъ прямо въ глаза истинѣ, нестрашась плыть противъ теченія и прослыть союзникомъ реакціонеровъ, которые на подобныхъ фактахъ, конечно, могли-бы воздвигнуть цѣлое зданіе, если-бы оставить послѣдніе безъ освященія.

Но авторъ не ограничивается тѣмъ только, что голословно выставляетъ страшный фактъ, онъ его освѣщаетъ, и освѣщаетъ по моему мнѣнію совершенно справедливо, устраняя возможность всякихъ ложныхъ выводовъ изъ него въ пользу какихъ-либо реакціонныхъ полупозновеній. Чтобы уяснить и представить рельефнѣе объясненія автора, мы, не ограничиваясь выписками изъ разсказа, присокупаемъ нѣкоторыя собственныя замѣчанія. Дѣло вотъ въ чемъ: каждый строй жизни, порядокъ, имѣетъ свои идеалы, и понятно, что идеалы эти осуществляются полнѣе тамъ, гдѣ порядокъ этотъ строже принимается. Естественное дѣло, что и крѣпостное право имѣло свой идеаль крестянина. На мужика смотрѣли въ то время, не какъ на человѣка, а какъ на скоть, необходимый въ дѣлѣ хозяйства на ряду съ прочими домашними животными. Сообразно этому взгляду выработался и идеаль мужика, представляющій въ себѣ одну безустанную работу на господина при полномъ обезличеніи. «Идеаль, говоритъ авторъ: требовалъ, во 1-хъ, безпрекословнаго исполненія чужихъ требованій, во 2-хъ требовалъ, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убѣжденіе въ томъ, что все остальное, все его житышко со всѣми животишками, составляютъ дѣла, нестоющія вниманія».

«Такъ какъ такой идеаль, говоритъ далѣе авторъ: таготѣлъ надъ всѣмъ почти русскимъ крестьянскимъ людомъ, таготѣлъ неумолимо сотни лѣтъ, то сообразно съ нимъ и выработался типъ крестьянина — населяющаго громадное большинство русскихъ деревень. Такой оставленный намъ барщиной въ наслѣдство крестьянинъ, во первыхъ, неустанный работникъ. Въ потѣ лица, изо дня въ день онъ бьется надъ работой; во-вторыхъ, акуратная уплата податей для него первая забота, передъ которой меркнуть всѣ личныя заботы; въ третьихъ, это человѣкъ, который отвыкъ разсуждать объ чемъ-бы то ни было: онъ только спрашиваетъ: «сколько требуется», «по чемъ сойдесть съ души». Раскладка всѣхъ этихъ душевыхъ рублей и копѣекъ составляетъ почти единственный предметъ общественныхъ деревенскихъ сходокъ. «Своихъ» деревенскихъ предметовъ для разговоръ на сходкахъ нѣтъ — отучены. И въ четвертыхъ, наконецъ, онъ-неусыпный работникъ: работать, «биться на работѣ» — вотъ цѣль жизни, нить, связующая дни и годы въ цѣлую жизнь человѣческую. Онъ покоенъ, уставъ и измучившійся на работѣ, потому что сдѣлано то, что именно требовалось; онъ

сына женить насильно, потому что «береть работницу хорошую» а остальное-ничего не стоит. Мало устать на работѣ, надо просто измѣяться, спасть съ тѣла, превратиться въ тѣнь: тотъ хорошій работникъ, кто не знаетъ «устали», у кого «горить огнемъ», кто «лютъ», и еще лучше «золъ» на работу. Вотъ во имя этого-то идеала и продолжаетъ жить крестьянинъ, какъ жилъ при барщинѣ. Тамъ, гдѣ барщина царила вполне, тамъ мужикъ, въ буквальномъ смыслѣ, остался такимъ-же, какимъ былъ и при крѣпостномъ правѣ: такъ-же до свѣту выѣзжаетъ въ поле, такъ-же бѣтся изъ-за податей, такъ же молча, съ незадумывающимся равнодушіемъ, исполняетъ все, что ему прочтаетъ староста, и, исполнивъ, вновь продолжаетъ маяться надъ работой, самъ перебиваясь кое-какъ и припрятывая достатокъ. Въ такихъ деревняхъ у крестьянъ есть совершенно опредѣленный взглядъ на себя и на божій свѣтъ, и, благодаря этому, они знаютъ, что дѣлаютъ, изъ-за чего бьются. Вотъ, почему оказывается, что бѣдная заваленная работой и налогами деревня, не имѣющая никакихъ постороннихъ доходовъ, надѣленная сравнительно худшей, чѣмъ у сосѣдей, землей и, притомъ, въ маломъ количествѣ, живетъ лучше, аккуратнѣй, умнѣй и благообразнѣе той деревни, гдѣ идеалъ барщины почему-либо ослабленъ».

Изъ всего изъ этого вы можете ясно усмотрѣть, что крестьянинъ села Барскаго при всей своей видимой порядочности и аккуратности вовсе не представляетъ собою идеала мужика въ безусловномъ смыслѣ; это идеалъ относительный, выработанный крѣпостнымъ правомъ; чтобы быть безусловнымъ такому идеалу не достааетъ самаго главнаго, и, системъ думать. существеннаго: человека. Крестьянинъ села Барскаго, въ которомъ задавлены всѣ человѣческія чувства и потребности и который обращенъ въ живую земледѣльческую машину на двухъ ногахъ, очевидно типъ отжившаго прошлаго. Это Вандеецъ не только, какъ историческая аналогія, но въ тождественномъ смыслѣ. Вѣдь и въ Вандеѣ XVIII вѣка, крестьянинъ выглядѣлъ правда тупѣе, суевѣрнѣе, диче, приниженнѣе, но въ то же время былъ зажиточнѣе и порядочнѣе, чѣмъ крестьяне прочихъ мѣстностей Франціи; онъ въ свою очередь наиболѣе сохранилъ типъ крестьянина стараго режима, и именно опять-таки потому, что въ Вандеѣ феодальный режимъ былъ строже выдержанъ и наиболѣе сохранился. Вандеецъ и противъ революціи

ополчился конечно потому, что будучи важнѣе и довольнѣе своей участью, не нуждался ни въ какихъ реформахъ.

Но разъ старый порядокъ рушился, разъ крѣпостное право, отошло въ вѣчность, можно-ли ожидать, чтобы типы, выработанные идеалами отжившаго порядка могли-бы долго существовать? Очевидно, что если и остаются до сихъ поръ села Барскія, если ихъ еще и много на Руси, во всякомъ случаѣ, они доживаютъ послѣдніе годы. Только трехсотлѣтнею каторгою крѣпостнаго права можно было парализовать въ такихъ крестьянахъ всякое развитіе человѣческихъ потребностей и сдерживать ихъ состояніи рабочаго скота. Но разъ эта дрессирующая школа закрыта, то какія же силы могутъ остановить проявленіе въ людяхъ людей, какихъ-бы то ни было, хотя-бы и самыхъ безобразныхъ, но все таки людей, — и при такихъ условіяхъ крестьяне села Барскаго не замедлятъ обратиться въ тѣхъ-же Солдатскихъ и Разладинцевъ. Читатель спроситъ конечно при этомъ, — что же въ этомъ отраднаго, и что хорошаго можетъ обѣщать подобное превращеніе? Отвѣчать на такой вопросъ очень затруднительно. Сколько изъ этого выйдетъ хорошаго или дурнаго, это покажетъ намъ исторія. Слѣдуетъ только принять во вниманіе, что когда сходить со сцены какой нибудь отжившій порядокъ (въ настоящемъ случаѣ крѣпостное право) и унести съ собою свои старые идеалы, подобные моменты всегда отличаются большею или меньшею распушенностью, деморализаціею, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не устанавливаются новые порядки и не приносятъ съ собою новыхъ идеаловъ вмѣстѣ съ новыми способами ихъ осуществленія. Что народъ нашъ находится именно въ подобномъ переходномъ состояніи, объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственное сознаніе; по крайней мѣрѣ повсемѣстно вы слышите изъ его устъ одинъ и тотъ-же говоръ, что народъ нынѣ слабъ, извольничался, излѣнился; совѣтъ скрутился, и все это потому, что нѣтъ надъ нами прежняго страха.

Изъ всего изъ этого въ концѣ концовъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что табличка умноженія, которая повидимому поколебалась представленными авторомъ фактами, въ сущности вовсе не поколебалась, а осталась во всей своей вѣрности; вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ результатъ крѣпостнаго права мы видимъ всеобщую деморализацію: съ одной стороны деморализацію крестьянъ села Барскаго, обман-

чсннхъ и обращенныхъ въ рабочей скотъ, съ другой деморализацію Разладинцевъ и Солдатскихъ, остающихся безъ всякихъ общественныхъ и личныхъ идеаловъ, которые руководили-бы ихъ въ жизни, съ одной стороны—каторжная работа на почвѣ рабскаго альтруизма, съ другой—кабакъ. Если что поколебалось, то лишь тѣ иллюзіи, которыми мы до сихъ поръ плѣнялись: вмѣсто земнаго рая, обусловливаемого оздоравливающимъ вліяніемъ сельскаго труда, авторъ нашелъ въ деревнѣ адъ кромѣшный, заставившій его бѣжать изъ деревни съ тоскою, доходящею до физической боли. Для пародниковъ и диллянковъ, продолжающихъ коснѣть въ своихъ буколическихъ иллюзіяхъ, подобное бѣгство можетъ казаться чуть что не святотатствомъ, но еще разъ воздадимъ честь автору, который ради святой истины не остановился передъ кровавою операціею вырванья кусковъ живаго мяса изъ любовообильныхъ сердець своихъ читателей, и не пожалѣлъ прекрасныхъ иллюзіи, жить съ которыми въ всякомъ случаѣ и легче, и теплѣе, чѣмъ съ тѣми страшными истинами, которыя онъ намъ раскрываетъ.

Далѣе за этимъ первымъ громогласнымъ выстрѣломъ, до настоящей минуты идетъ непрерывная пальба со стороны г. Успенскаго все въ тѣже излюбленныя иллюзіи. Мы отяѣтимъ только главные и наиболѣе яркіе его очерки подобнаго рода.

Таковы «Малыя ребята», рассказъ, составляющій безъ малаго половину книги, изданной г. Успенскимъ въ прошломъ году подъ общимъ, весьма характеристичнымъ заглавіемъ «Деревенская неурядица». Въ этихъ «Малыхъ ребятахъ», въ лицѣ петербургскаго интеллигентнаго чиновника Ивана Ивановича Полумракова, авторъ изображаетъ именно типъ человѣка, проникнутаго иллюзіями относительно деревенской жизни самаго буколическаго свойства, не уступающимъ пастушескимъ идилліямъ XVIII вѣка. Задавшись благородною цѣлію создать изъ своихъ дѣтей идеальныхъ людей и перепробовавъ безъ всякой пользы всевозможныя педагогическія средства, Полумраковъ остановился на оздоравлиющемъ вліяніи деревни. «Всѣ нравственныя муки, читаемъ мы въ рассказѣ: всѣ неразрѣшныя нравственныя загадки для него оканчивались съ поселеніемъ въ деревнѣ. Она, эта самая деревня, должна дать дѣтямъ Ивана Ивановича, во первыхъ, физическое здоровье, котораго не дадутъ ни гимнастики, ни прогулки въ скверахъ, ни дорогіе доктора. Деревня дастъ все это такъ, задоромъ. Во вторыхъ, она дастъ необходимыя

прочныя начала нравственности. Въ то время, какъ ни педагогія, ни тѣмъ менѣе самъ Иванъ Ивановичъ, не могутъ просто и ясно познакомить дѣтей съ причинностью явленій и человѣческихъ отношеній, деревня дастъ все это, простосердечно передавъ дѣтямъ теллую вѣру въ Бога и зародивъ, такимъ образомъ, зачатокъ связанной мысли, пробудить искренность чувства и дать ему пищу въ простотѣ и деревенской откровенности человѣческихъ отношеній. Въ третьихъ, она же, эта самая деревня, уничтожитъ ненужное и гибельное въ дѣтяхъ сознаніе неравенства между людьми, котораго нельзя никакимъ образомъ избѣжать въ столицѣ. Дѣти будутъ въ толпѣ крестьянскихъ дѣтей, приучатся жить въ обществѣ человѣческомъ, начнутъ понимать, что такое жизнь» и т. д.

И вотъ Полумраковъ переселился со всѣмъ семействомъ въ деревню. Но деревня не замедлила предстать предъ нимъ во всей своей трезвой правдѣ, не имѣющей ничего общаго съ буколическими фантазіями барина. Начать съ того, что Полумраковъ никакъ не могъ добиться мало мальски искреннихъ, человѣческихъ отношеній между нимъ и мужиками. Едва поселился онъ въ деревнѣ, какъ послѣдняя поняла, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью въ видѣ барина, живущаго на готовые деньги, и ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ безъ своекорыстныхъ цѣлей. Дѣти Ивана Ивановича ежедневно находились въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, играли въ ихъ игры, но и тутъ Иванъ Ивановичъ видѣлъ, что въ расчетахъ своихъ ошибся. Дѣти крестьянскія были чисты духомъ и сердцемъ, но въ этой крестьянской чистотѣ отражалась только голая дѣйствительность, которая къ тому же отражалась съ безпощадной фотографической вѣрностью. Дѣтскій умъ и душа принимали все, что эта дѣйствительность предлагала имъ, а она предлагала въ большинствѣ случаевъ матерьялъ далеко не кристальнаго достоинства. Игры заключались въ представленіяхъ понимки вора или деревенскихъ пьяныхъ празднествъ въ родѣ «пропиванія невѣсты», при чемъ дѣтямъ Полумракова, какъ барчатамъ, давались самыя деморализирующія роли становыхъ и всякаго рода господъ. Въ общихъ чертахъ въ деревнѣ дѣти Иваныча узнали, что они не мужики, а господа, и имѣютъ поэтому право карать, прощать и не прощать; получили нѣкоторую крѣпость нервовъ, приучившихся быть нечувствительными во многихъ, весьма драматиче-

скихъ случаяхъ; затѣмъ, получили какую то сыпь, требующую серьезнаго леченія, и, наконецъ, приобрѣли самое обстоятельное, всестороннее знакомство съ чортомъ. Однимъ словомъ, деревня оказалась вовсе не педагогической панацеей, какъ о ней мечтали Полумраковъ, а именно тою самою убогою русскою деревнею, какою онъ бессознательно создалъ ее вмѣстѣ съ своими отцами и дѣдами. И кончилось дѣло все тѣмъ же ужасомъ и тѣмъ же бѣгствомъ къ своимъ, въ богоспасаемый городъ, гдѣ и свѣтло, и тепло, и въ чорта не вѣрять, и сифилисъ не пользуется такимъ потомственнымъ правомъ гражданства. Безпощадная, злая иронія проникающая весь этотъ рассказъ говоритъ самъ за себя, не требуя никакихъ комментаріевъ.

Такою же ироніею отличается рассказъ «Не въ привычку дѣло», герой котораго Михаилъ Михайловичъ отправляется въ деревенскую глушь не съ одними уже педагогическими цѣлями, какъ Полумраковъ, а съ чисто практическими замыслами слиться съ народомъ на почвѣ труда, завести даже сообща съ мужиками, употребивъ въ дѣло свои наследственные капиталы, нѣчто въ родѣ сельско-хозяйственной коммуны. Но голова его была наполнена все тѣми же обольстительными иллюзіями. «Онъ пришелъ. читаемъ мы въ рассказѣ, трудиться наравнѣ со всѣми, какъ равный въ правахъ и обязанностяхъ, спать вмѣстѣ съ другими на соломѣ, ѣсть изъ одного котла, а деньги, какъ нажитыя общимъ трудомъ (какъ былъ М. М. въ этомъ глубоко увѣренъ въ то время юношескихъ фантазій), должны быть достояніемъ той кучки людей, которая должна была образоваться, какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ искренно разорвавшихъ съ прошлымъ интеллигентныхъ людей. Что среди крестьянъ онъ непременно отыщетъ людей, которые всецѣло не только поймутъ, но еще и разовьютъ его мысли,—въ этомъ онъ былъ совершенно увѣренъ. Крестьянинъ—это одѣтый въ полубубокъ живой памятникъ всего, что не утнешь въ 26-ти томахъ исторіи Соловьева. Мало того, въ то прекрасное время, къ фигурѣ крестьянина какъ-то невольно примыкивало, кромѣ 26-ти томовъ Соловьева, еще все мучительно передуманное и перенятое европейскою жизнію. Сообразивъ все это и соединивъ все, такъ безобразно-трудно пережитое человечествомъ, въ лицѣ крестьянина, которому настало время вздохнуть свободно, Михаилъ Михайловичъ не могъ не подосрѣвать,

что такое существо, какъ крестьянинъ, бѣдный, измученный, забитый, испытанный и переживавшій, Гогъ знаетъ, какіе невзгоды, несущій на своихъ плечахъ опытъ тысячелѣтнихъ трудовъ, долженъ, непременно долженъ питать ненасытную жажду устроить жизнь по повому; у его въ горлѣ пересохло отъ этой жажды, онъ ждетъ не дождется, онъ страстно хочетъ вдохнуть полной грудью. Передъ этимъ величіемъ Михайлу Михайловичъ—питмей; онъ ничего не имѣетъ права желать, какъ только отдать этому гиганту все, что у него есть: деньги, знаніе, трудъ. Больше Михайлу Михайловичу ничего не нужно. Онъ пришелъ униженнымъ и смирненнымъ работникомъ. Такъ Михайлу Михайловичу казалось... Онъ готовъ былъ простить всякую грубость, невѣжество, всякую непріятность со стороны его пародныхъ сотоварищей; онъ зналъ, что иначе не можетъ быть, что не изъ чего выработаться было тонкостямъ и деликатностямъ, онъ былъ готовъ все простить и все претерпѣть... Но, увы! народъ никакимъ образомъ не могъ простить Михайлу Михайловичу ни капли изъ прошлаго, потому что прошлое было крѣпостное—какъ не могъ забыть и своего крѣпостнаго прошлаго. Этотъ крѣпостной опытъ крестьянъ съ одной стороны, и съ другой—то, что Михайлу Михайловичъ былъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ баринъ, и сокрушило и планы, и деньги Михайла Михайловича безъ остатка“.

Съ самаго перваго шага Михайлу Михайловичъ всталъ съ муками въ самыя нескренныя и фальшивыя отношенія: онъ преклонялся передъ ними и панібратствовалъ, желая встать съ ними на вполне равную ногу, а они во всемъ ему поддакивали и старались всячески потрафлять, видя въ его дѣлѣ лишь барскую фантазію и въ тоже время смотря на него, какъ на дойную корову. Онъ убѣдился наконецъ, что лишь „примѣръ, результатъ видимый, осязательный доступенъ будетъ пониманію теперешняго крестьянина и научить его лучше всякихъ многословныхъ разсужденій, стало быть, надо не разглагольствовать, а взять дѣло на себя, на свою отвѣтственность“, — и началъ приказывать дѣлать то или другое безъ всякихъ разсужденій. Тогда роли окончательно опредѣлились: „Полагая, что онъ только временно, такъ сказать, надѣлъ на себя шкуру барина, Михайлу Михайловичъ незамѣтно, въ силу того-же, что онъ баринъ въ самомъ дѣлѣ, сталъ сбиваться съ равноправной ноги и воспитанное долготѣ-

нимъ прошлымъ барство стало, сначала понемногу, выступать въ его умѣ и сердцѣ, и душѣ, а потомъ, и очень скоро, вышло во всей своей прелести. вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ въ Михайлѣ Михайловичѣ сталъ проступать ужъ неприкрашенный баринъ, въ крестьянинѣ (который, просимъ не забывать, только-что вышелъ изъ крѣпости) сталъ навстрѣчу барину выступать неприкрашенный рабъ. Баринъ началъ повелѣвать, а крестьянинъ принялся его надувать. Началась самая утонченная борьба двухъ естественныхъ враговъ, и надо отдать мужикамъ справедливость, молодцы они въ этой борьбѣ. Лаской, угожденьемъ, потрафленьемъ, предупрежденьемъ еще неродившихся, но имѣющихъ рано-ли, поздно-ли родиться желаній, вотъ какъ они, и самые талантливые изъ нихъ, принялись дѣйствовать... У Михаила Михайловича стало образовываться все больше и больше празднаго времени, ему становилось все легче и беззаботнѣе, точно кто поматерински заботился о немъ. Онъ даже лезъ сталъ слушать, какъ должно, поддакъ на похвалу, на удивленіе его уму, знанію. Невѣдомо какъ и откуда, взялась какая-то бабенка востроглазая, которая стала все тутъ вокругъ да около лебезить. И другая, в третья“...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Михайлѣ Михайловичѣ убили всѣ свои капиталы въ своемъ неудавшемся предпріятіи и въ концѣ концовъ впасть въ полное разочарованіе, уныніе и спикся. Михайлѣ Михайловичѣ является такимъ образомъ представителемъ однимъ изъ тѣхъ первыхъ пионеровъ-неудачниковъ, которые стремились слиться съ народомъ, не только что не зная его, но и сами неподготовленные къ тому дѣлу, за которое принимались, не успѣвшіе вполнѣ отрѣшиться отъ того наслѣдственнаго праха, который накопился на ихъ существѣ вѣками.—Поэтому здѣсь схваченъ авторомъ вопросъ гораздо глубже: тутъ дѣло идетъ не объ однихъ иллюзіяхъ, а о тѣхъ существенныхъ, вѣковыхъ складахъ жизни, которые отдѣляютъ глубокою пропастью отъ народа даже и такихъ благомыслящихъ господъ, какъ Михайлѣ Михайловичѣ. Неудача послѣдняго произошла не только потому, что онъ не зналъ народа и имѣлъ о немъ самыя фантастическія представленія, но и потому, что во всѣхъ своихъ привычкахъ, и такихъ притомъ мелочныхъ, на которыя онъ не обращалъ никакого вниманія, онъ оставался все тѣмъ-же баринкомъ, съ которымъ надо держать ухо остро. Довольно было того, что онъ пріѣхалъ въ деревню со станціи

въ тарантасѣ, а не пришелъ пѣшкомъ съ котомкой за плечами и босыми ногами, не повпросилъ Христа ради испить, щедро давъ на водку столько мелочи, сколько попалось въ руку въ карманѣ, и карьера его была рѣшена, его разсужденій не только не понимали, но и не пожелали понимать. Изъ этого всего вы видите, что плюзии плюзиями, но избавленіе отъ нихъ однихъ еще не поможетъ дѣлу: это лишь первый шагъ, за которымъ долженъ послѣдовать дѣлмй историческій процессъ можетъ быть очень долгій и во всякомъ случаѣ чрезвычайно мучительный, путемъ котораго и народъ и интеллигенція должны совершенно преобразоваться до самаго своего, что называется, нутра, для того чтобы они могли понять другъ друга и сблизиться на какихъ-либо общихъ интересахъ.

Далѣе замѣмъ въ рядѣ очерковъ, напечатанныхъ въ послѣдніе три года въ «Отечественныхъ Запискахъ» и частію изданныхъ отдѣльно, мы встрѣчаемъ микроскопическій анализъ, развертывающій передъ нами весьма мрачную картину деревенской жизни. Такъ мы видимъ, что госхваляемые общинные порядки, въ которыхъ все будто-бы совершается по правдѣ и по равенію, допускаютъ непризрѣнныхъ стариковъ, вдовъ, и воспитываютъ въ своихъ недрахъ, изъ брошенныхъ на произволъ судьбы сиротъ, деревенскихъ злодѣевъ, которые потомъ обращаются въ конокрадовъ или поджигателей, в селскій міръ, допустившій развитіе на свою голову подобныхъ чудовищей, затѣмъ обрушается на нихъ подь чась, съ какою-нибудь безпощадно жестокомъ кровавымъ самосудомъ. Крестьянское самоуправленіе въ свою очередь оказывается миражемъ: вглядываясь въ инструкціи его можно подумать, что деревня въ самомъ дѣлѣ живетъ общественными интересами, но всматриваясь въ практическое примѣненіе этихъ инструкцій, видишь, что никакой общественной силы тутъ нѣтъ и проявить и практиковать ее не на чемъ. Какія-бы вопросы или проекты «оздоровленія», «образованія», «поднятія народной нравственности», «оживленія народа», ни подымались въ обществѣ, — въ деревнѣ изъ нихъ образуются другія, уже грустныя слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтинѣ», и вся умственная дѣятельность крестьянина занята такимъ образомъ почти только одной работой: достать денегъ. «Обведа, говоритъ авторъ (см. «Люди и нравы современной деревни», стр. 51), вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ чотыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестья-

ина и направление его мысли, въ общихъ чертахъ, опредѣлится именно этимъ стремленіемъ — «добыть денегъ», только денегъ, больше ничего. Къ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяться, къ крайнему огорченію людей, идеализирующихъ прочность деревенской общины, плохо опредѣляемое, но сильно чувствуемое крестьяниномъ желаніе — уйти куда нибудь, желаніе какъ нибудь полегче добывать то, что теперь добывается съ такимъ трудомъ, и это стремленіе уйти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою-же необходимостью добывать все больше и больше денегъ».

Но страшнѣе всего, какъ для настоящаго, такъ и въ видахъ будущаго то, что въ то время какъ дѣйствительная интеллигентная сила, которая могла-бы оживить и раздвинуть умственный кругозоръ деревни, отвергается ею въ лицѣ Михаиловъ Михаиловичей, отчасти вслѣдствіи слѣпаго вѣковаго недоумѣнія, отчасти отъ неумѣлости самихъ Михаиловъ Михаиловичей подойти къ народу и заставить слушать себя, и послѣдніе обращаются въ глазахъ крестьянъ въ какихъ-то гороховыхъ шутовъ и дойныхъ коровъ, а иногда во что нибудь и похуже, — въ это время единственнымъ умственнымъ руководителемъ народа является кулакъ. И вотъ опять передъ нами рушится цѣлый рядъ иллюзій и ходячихъ, рутинныхъ мнѣній относительно значенія въ деревнѣ кулака. Ужъ не говоря о томъ, что община, въ которой все «по правдѣ и по равенію», въ достаточной степени оскандализована однимъ появленіемъ въ деревенской жизни кулака, съ его стремленіемъ водворить въ деревнѣ новое крѣпостное право на экономическихъ началахъ, — самая роль кулака въ деревнѣ оказывается совсѣмъ не такою, какою она представляется въ глазахъ нашихъ питающихся иллюзіями теоретиковъ. Они смотрятъ на кулака, какъ на нѣчто выдѣлвшееся изъ народной среды и разорвавшее съ нею живую органическую связь. Кулакъ является въ ихъ глазахъ паразитомъ, сосущимъ всѣ соки деревни, и не имѣющимъ никакихъ иныхъ отношеній къ ней. Какъ представитель индивидуализма, онъ по одному этому уже долженъ стоять въ антогонизмѣ съ общиннымъ сельскимъ міромъ, а какъ эксплуататоръ народнаго труда, онъ конечно ничего болѣе не способенъ возбуждать въ каждомъ мужикѣ, кромѣ ожесточенной ненависти. И вдругъ въ дѣйствительности оказывается, что не только общинная деревня не

находится ни въ малѣйшемъ антогонизмѣ съ кулакомъ, а напротивъ того, кулакъ является единственною умственною силою, воспитывающею деревню, онъ играетъ роль руководителя, совѣтника и чуть не благодѣтеля деревни, какъ человѣкъ и съ деньгами, и со связями; имъ любятъ и подъ часъ гордятся, какъ передовымъ талантливымъ представителемъ сельскаго міра.

«Мы охотно вѣримъ, говоритъ Г. Успенскій (см. Деревенская неурядица, т. I, стр. 130) въ дурное вліяніе на деревню массы пришлѣхъ элементовъ, но никакимъ образомъ не можемъ ни объяснить деревенскаго кулачества, то есть выдѣленія среди деревенской массы личностей, эксплуатирующихъ эту массу. Бѣда именно въ томъ и состоитъ, что кулачество—явленіе не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органическій недугъ. Но самая горькая и обидная черта этого явленія заключается не собственно въ хищничество, а въ томъ, что ничего другаго, хотя мало-мальски равнозначущаго, по работѣ и техникѣ, деревенская жизнь за послѣднее время не представляетъ. Есть-ли что-либо хотя приблизительно такъ прочто усѣвшееся и усовершенствованное въ отношеніи, положимъ, самопомощи, какъ усовершенствовано кулачество? Существуетъ-ли, словомъ, какое-нибудь явленіе, прямо противоположное и имѣющее какое-нибудь значеніе, пользующееся какимъ-нибудь успѣхомъ? Говоря безпристрастно и не боясь нанадокъ, мы должны сказать, что ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, что всего ужаснѣе, такъ это то, что въ кулачествѣ вы видите несомнѣнное присутствіе ума, дарованія, таланта. Посмотрите, сколько человѣку, вылившемуся въ кулака, надо передумать, сколько ему надо внимательности къ себѣ, къ другимъ, чтобы съ успѣхомъ дѣлать свое дѣло, какъ надо много знанія людей, характеровъ, вообще жизни. Подумавши объ этомъ серьезно, вы убѣдитесь, что для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человекомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно гениальныя способности, и въ тоже время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ—не выразилось. Чтоже значитъ это явленіе? Отчего умъ и талантъ на первыхъ порахъ (что будетъ дальше, мы не предсказываемъ, такъ какъ говоримъ только о

настоящей минутѣ деревенской жизни) пошли такимъ недобримъ, непривѣтливимъ и раззорительнымъ для самого народа путемъ?»

«Замѣчательна, говоритъ авторъ ниже, въ томъ-же очеркѣ: въ біографіи всякаго такого человѣка еще слѣдующая небезынтересная черта. Человѣкъ, какъ видите, вышелъ изъ ненавистничества какъ къ барину, такъ и къ мужику. Кажется, и тому, и другому прямой расчетъ сокрушить этого ненавистника, но на дѣлѣ-же выходитъ иное. Баринъ, обитатель господской усадьбы, не сокрушаетъ его по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ онъ не безъ злорадства иной разъ говоритъ себѣ: «По-о-смотримъ! Какъ-то вы на волѣ-то поживете! Какъ заберетъ въ руки какая-нибудь кулацкая морда — узнаете барина, да поздно будетъ!» Иной даже радуется, что такой-то нажалъ мужиковъ: «Такъ ихъ и надо! Отлично! Право, молодецъ!» И невольно чувствуетъ симпатію, конечно, все-таки считая нагрѣвателя канальемъ. Канальей его считают и мужики, но развѣ они могутъ не поставить ему въ заслугу ловкости, съ которою онъ, напримѣръ ожегъ чемадуrowsкаго и балабаевскаго барина?.. «Ужъ и развязная-же только башка у шельмы!» Такимъ образомъ, при кличкахъ нарицательныхъ: «шельма», «плуть», «пройдоха», «каналья» и т. д.; тому-же человѣку сопутствуютъ — и ничуть не въ меньшемъ количествѣ — и похвалы: «ловко!» «отлично!» «геніально оплегъ!» «молодчина!» и т. д. — похвалы, основанныя, какъ видите, ужъ на уваженіи къ уму, таланту, дарованію. Это-то послѣднее уваженіе и есть кулацкая сила, въ ней-то и заключается гибельность кулацкаго вліянія: онъ держится настолько-же хищничествомъ, насколько и нравственнымъ вліяніемъ на общественное сознаніе, которое, по множеству причинъ, не можетъ не считать его правымъ, умнымъ, а пожалуй и почтеннымъ... Какая другая дорога для деревенскаго умнаго, энергическаго человѣка теперь? спрошу я и положу отвѣта. Именно во имя сочувствія и даже, пожалуй, невозможности несочувствія кулацкой морали (имѣющей, какъ мы твердо вѣримъ, въ недалекомъ будущемъ пропитать рѣшительно всѣ сферы общества), сила кулака велика и у мужиковъ, и у баръ, и у начальства. Онъ всѣхъ знаетъ, онъ понимаетъ всѣ деревенскія отношенія, онъ можетъ отвѣчать всѣмъ и обо всемъ. Онъ поэтому и столбъ, и совѣтникъ. Ему-же принадлежитъ первенствующая роль и въ деревенской дѣйствительности. Дѣянія кулака — самыя, крупныя и

замѣтныя на деревенской улицѣ. Самая видная, самая понятная, самая новая мораль, выглядывающая изъ явленій современной деревенской улицы — мораль кулацкая. А такъ какъ подроставшее деревенское поколѣнiе, какъ и то, которое отживаетъ, учится жить и думать такъ, какъ учить дѣйствительность, улица, и такъ какъ противъ кулацкой морали ни откуда на деревенскую улицу не проникаетъ ничего, противодѣйствующаго ей, то мы, положа руку на сердце, рѣшительно не можемъ не сказать, что это поколѣнiе воспитывается, главнымъ образомъ, только кулацкою моралью. Чистая дѣтская душа деревенскаго ребенка въ изобилiи принимаетъ впечатлѣнiя, даваемые кулацкою дѣйствительностью, и невольно, безъ протеста подчиняется ея морали».

Однимъ словомъ, интеллигенція мало того, что не пользуется среди народа никакимъ довѣрiемъ, и является совершенно отъ него отстраненною, сверхъ того она принуждена созерцать въ немъ отчаянiя, какъ народъ воспитывается въ духѣ кулачества Колупаевыми и Разуваевыми, обращающими его до ниточки и тѣмъ же менѣе являющимися въ глазахъ его свѣтилами ума и таланта. Вотъ какой ужасъ раскрывается передъ нами при выходѣ нашемъ изъ абстрактнаго періода умственнаго движенiя и при первомъ столкновенiи съ суровою дѣйствительностью. Это такой ужасъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ тѣ страхи, какихъ натерѣлись люди прошлаго столѣтiя, когда отрѣшились отъ своихъ буквалистическихъ фантазiй. Эта трагедiя, отъ исхода которой зависитъ существованiе не только интеллигенціи, но и самаго народа.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году г. Успенскій выступилъ съ очеркомъ «Власть земли» (От. Зап. № 1), въ которомъ съ новою энергiею набросился все на тѣ же иллюзиі. По силѣ, яркости и глубинѣ захвата этотъ очеркъ нисколько не уступаетъ «Черной работѣ», „Непривычку дѣло“ и „Малымъ ребятамъ“, и не мудрено, что онъ возбудилъ сенсацію, ни чуть меньшую, чѣмъ нѣкогда произвела „Черная работа“. Опять послышались негодующія рѣчи, что г. Успенскій тянетъ въ руку реакціонерамъ, что его очеркъ ведетъ къ такому печальному выводу, будто чѣмъ хуже положенiе крестьянина, т. е. чѣмъ меньшимъ количествомъ земли онъ владѣетъ и большими налогами является обложенъ, тѣмъ онъ не только нравственнѣе, порядочнѣе, но и въ матеріальномъ отношенiи оказывается зажиточнѣе, и наоборотъ наибѣднѣе

улучшеніе благосостоянія ведетъ его къ лѣности, пьянству и полной деморализаціи. Посмотримъ же, на сколько подобный скандалный выводъ вытекаетъ изъ очерка г. Успенскаго.

На первый взглядъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фактомъ, который въ свою очередь идетъ вопреки всѣмъ нашимъ табличкамъ умноженія. Героемъ очерка является крестьянинъ Иванъ Петровъ, который былъ нѣкогда трудолюбивымъ, нравственнымъ и зажиточнымъ мужикомъ, но потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего излѣнился, спился и обнищалъ съ послѣдней степени. Послѣ долгихъ распросовъ автора, какъ это могло случиться, онъ добился отъ Ивана Петрова лишь одного объясненія, поставившаго автора въ полное недоумѣніе: именно, оказалось, что Иванъ Петровъ обнищалъ и спился ни отъ чего инаго, какъ отъ „воли“, „отъ свободной жизни“.

Такъ какъ, говоритъ авторъ: отвѣтъ этотъ ставитъ меня въ недоумѣніе и я рѣшительно не могу понять, почему „воля“ можетъ губить человѣка, то Иванъ, чтобы разсвѣять мое недоумѣніе и объяснить обстоятельство, прибавляетъ:

— Отъ жизни отъ свободной... вотъ отъ чего!

— Что-же это значитъ? спрашиваю я въ полномъ недоумѣніи.

— А то значитъ, какъ жилъ я на вокзалѣ, получалъ я тридцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, народу имѣлъ подъ начальствомъ десять человѣкъ, доходу мнѣ каждый Божій день съ вагону ужъ безпримѣрно рубль серебра, а сочтите-ко сколько въ зиму-то вагоновъ отправимъ? Ну, вотъ тутъ-то я значитъ и забаловалъ...

„Слово забаловалъ“ до такой степени не подходитъ къ сорокалѣтнему мужественному, бородатому мужику, что не понимаешь даже, какъ онъ можетъ въ объясненіе своего поведенія употреблять такіа выраженія, приличныя только развѣ малому ребенку. Но Иванъ не находилъ другаго болѣе точнаго выраженія.

— Вотъ и сталъ баловаться... При покойникѣ татенькѣ, бывало, каша въ ротъ не бралъ. Убьетъ, если узнаетъ, на смерть уколотить своими руками... Да и послѣ татеньки, когда ужъ оженился; своимъ хозяйствомъ сталъ жить, и то позволялъ себѣ, когда угостить, да на праздникахъ, да иной разъ со скуки стаканчикъ... Все опасался, и куда чего было берегся... Ну, а ужъ тутъ, на вокзалѣ, какъ стала мнѣ воля, стало мнѣ значитъ раздолье, сталъ

я, однимъ словомъ, коротко сказать — баринъ, тутъ-то я и пошелъ.... Жрешь бывало цѣлые сутки, и все доверху не хватать... Я какъ сейчасъ помню съ чего началъ: у дорожнаго мастера Пвана Родіонича пивенны были на Пвана Постнаго... Ну, онъ мнѣ и налилъ винограднаго стаканъ, портвинъ призывается... Я какъ двинулъ его, повправилось... Я и давай!.. А тамъ и коньякъ, лимонадъ... Вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ и завелъ въ себѣ язву. А отчего? Все отъ вина!.. Все отъ непривычки... Отъ легкой жизни... Вотъ отчего!.. Бывало, денегъ полны карманы набью... Ну, и сталъ черезъ это самое вродѣ послѣдней свиньи“...

„Такимъ образомъ“, говоритъ авторъ: оказывается, что „воля, свобода, легкое жительство, обиліе денегъ“, т. е. все то, что необходимо человѣку для того, чтобы устроиться, причиняетъ ему, напротивъ, крайнее разстройство, до того, что онъ дѣлается „въ родѣ свиньи“.

Подобную несообразность со всѣми табличками умноженія авторъ и объясняетъ тѣмъ, что онъ называетъ „властью земли“.

„Тайна эта, говоритъ онъ:—по истинѣ, огромная, и думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ терпѣлива и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно сильна и дѣтски кротка, словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся, народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ, — до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ власть земли, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ невозможность послушанія ея повелѣній, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ его существованіе. У актера, который играетъ Мефистофеля или Демона, до тѣхъ поръ лицо будетъ казаться огненнымъ, покуда будетъ освѣщено огненнымъ свѣтомъ; нашъ народъ до тѣхъ поръ будетъ казаться такимъ, каковъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоцѣнными качествами ума и сердца, словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь съ головы до ногъ и съ наружи до самаго нутра проникнутъ и освѣщенъ тепломъ и свѣтомъ, вѣющими на него отъ матери сырой земли. Погасите красивый фонарь — и лицо Демона перестало быть красивымъ. Оторвите крестьянина отъ земли. отъ тѣхъ за-

боть, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуеъ крестьянина, добейтесь, чтобъ онъ забылъ „крестьянство“ — и нѣтъ этого славнаго народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ пустаго человѣческаго организма. Настаетъ душевная пустота, „полная воля“, т. е. невидимая пустая даль, безграничная пустая ширь... „Иди, куда, хочь...“.

Такимъ образомъ, вы видите, что не увеличеніе благосостоянія въ предѣлахъ крестьянскаго труда, т. е. не прибавленіе земли или уменьшеніе налоговъ сбило съ толку Ивана Петрова; его погубило то, что онъ отрѣшился отъ крестьянскаго труда, сошелъ съ земли на почву почти что даровой наживы. Но тутъ можетъ представиться вотъ какое возраженіе. Хотя Иванъ Петровъ и отрѣшился отъ крестьянскаго труда, но не на всю же жизнь, вѣдь онъ не порвалъ всѣхъ связей съ землею, продолжалъ принадлежать къ своему міру, за нимъ оставался прежній надѣлъ, и жена его, оставшаяся въ деревнѣ, поддерживала его хозяйство, — такъ что мѣсто на вокзалѣ имѣло характеръ временнаго отхожаго промысла, ничего въ сущности не измѣняя въ его жизни. Спрашивается теперь, отчего Иванъ Петровъ не воспользовался открывшеюся ему возможностью нажать не одну сотнягу денегъ для того, чтобы потомъ на скопленный избытокъ расширить свое хозяйство и зажить припѣваючи? Отчего не хватило у него на столько силы воли, чтобы удержаться отъ всякихъ искушеній и подумать о завтрашнемъ днѣ, вмѣсто того, чтобы ставить каждую копейку ребромъ? Вѣдь вотъ еврейчикъ Шнапъ, котораго авторъ ставитъ въ паралель Ивану Петрову, тотъ поступилъ совсѣмъ не такъ со своими заработками; „все онъ толкался въ разныхъ мѣстахъ и все на пустомъ наровилъ рублишко нажать. Тамъ барынь провожаетъ, тамъ мужику указать, какъ и куда пройти... Ну, и дадутъ кто рубль, кто гривенникъ... А онъ все прачеть... все копить. — „На что, спрашиваютъ, конишь?“ — „Барьеръ хочу дѣлать“. — „Какой такой?“ — „Деньги наживать!“ — „Зачѣмъ?“ — „Давку открывать“. — „А какъ откроешь?“ — „Опять деньги наживать!“ — „А какъ наживешь?“ — „Еще больше буду наживать!“ — „А какъ совсѣмъ уже много будетъ?“ — „Опять буду еще больше стараться...“ Вотъ и гляди на него. — „Пойдемъ выпьемъ!“ Нейдетъ! копейки не истратить.

Какъ ли предосудительно направлена энергія еврейчика Швана, во всякомъ случаѣ, мы видимъ здѣсь своего рода нравственный закатъ, силу воли, неуклонно направляющую человѣка къ заданной цѣли. Отъ чего-же у Пвана Петрова ничего подобнаго мы не замѣчаемъ? Что за фатальная, мстительская сила пригвождаетъ его непременно къ землѣ, и если земля не заставляетъ его тянуть неуклонную ляжку, недоѣдать, не доспать, извураться до послѣднихъ силъ, онъ сейчасъ же зазнается и теряетъ подъ ногами всякую нравственную почву? Или это не homo sapiens, а особенной породы животное, которое не въ состояніи существовать, не корѣ надъ землею, подобно тому, какъ рыбадохнетъ, какъ только вы ее вынете изъ воды? Или это зависитъ отъ особенной рыхлости натуры славянскаго племени? И при чемъ же опять-таки остаются всѣ наши дорогія иллюзіи? Не мы ли въ противоположность глупошному интеллигентному человѣку ставили этого богатыря и физически, и нравственно, закаленного въ борьбѣ со стихіями, и воображали, что для этого богатыря не существуетъ никакихъ такихъ искушеній, которые свертываютъ съ пути нашего брата, слабонервнаго, изнѣженнаго; гдѣ-же и искать нравственной стойкости, предусмотрительности, желѣзнаго стоицизма, — какъ не въ этой натурѣ, скованной морозами трескучими и бѣдами лютыми? И вдругъ этотъ самый богатырь оказывается такою рваною тряпкою, что стоитъ только, чтобы ему переналъ въ карманъ лишній гривенникъ, и онъ сейчасъ обращается въ какого-то забубеннаго бонъ-вивана, затыкаетъ за поясъ любого аристократа безумствомъ кутежей и мотовства и кончаетъ тѣмъ, что совсѣмъ сбивается со всякаго круга! Что сей сонъ значить?

Въ сущности-же все это оттого именно и происходитъ, что вы имѣете здѣсь дѣло съ богатыремъ, не съ прямолинейнымъ абстрактнымъ богатыремъ вашихъ фантазій, а съ реальнымъ богатыремъ человѣкомъ. Вамъ ничего не стоитъ въ вашихъ иллюзіяхъ вообразить мужика такимъ героемъ, что сунете его въ огонь, онъ и въ огнѣ не сгоритъ, бросите въ воду — онъ въ водѣ не потонетъ. Въ дѣйствительности-же, какой-бы онъ ни былъ богатырь, а онъ все-таки человѣкъ, который и въ огнѣ горитъ, и въ водѣ тонетъ, и вообще подчиняется всѣмъ законамъ своей человѣческой природы. А между этими законами есть одинъ всемірный законъ, на который къ сожалѣнію обращаютъ очень мало

вниманія, а между тѣмъ этотъ законъ участвуетъ во многихъ какъ частныхъ и незначительныхъ случаяхъ жизни, такъ и историческихъ событіяхъ первой важности. Закономъ этимъ объясняется и настоящій загадочный случай.

Дѣло вотъ въ чемъ: жизнь каждаго организма зависитъ отъ приспособленія къ окружающей средѣ: Это приспособленіе выражается въ борьбѣ съ различными внѣшними вліяніями. Успѣхъ или не успѣхъ борьбы обусловлены тѣмъ, удастся-ли организму накопить въ себѣ столько мускульныхъ и нервныхъ силъ чтобы быть въ состояніи выдерживать борьбу. Если количество этихъ силъ уравнивается съ силами внѣшнихъ вліяній или превышаетъ послѣднія, тогда мы и говоримъ про такой организмъ, что онъ приспособился, жизнь его обезпечена. Представьте-же себѣ такой случай, что данный организмъ вполне приспособился къ выдерживаемой имъ борьбѣ, накопилъ въ себѣ столько силъ, сколько ихъ нужно для этого, и силы эти содержатся въ одномъ и томъ-же количествѣ, какъ вдругъ борьба эта сразу прекращается. Что тогда должно произойти? Очевидно, въ организмѣ получится избытокъ силъ, ненаходящихъ никакого приложенія. Если-бы нашъ организмъ имѣлъ способность внезапно измѣняться во всѣхъ своихъ какъ формахъ, такъ и функціяхъ, тогда, конечно, ничего не стоило-бы ему тотчасъ-же уменьшить выработку силъ, теперь со-всѣмъ излишнихъ и такимъ образомъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Но, къ сожалѣнію, организмъ нашъ лишень подобной возможности быстрыхъ превращеній; онъ подчиняется силѣ привычки, своего рода инерціи во всѣхъ своихъ отправленияхъ: къ тому-же выработка извѣстнаго количества силъ въ продолжительное время на столько развиваетъ органы, что они не могутъ по самой своей конструкціи уменьшить эту выработку. И вотъ мы видимъ, что эти излишнія силы, накапливаясь въ организмѣ, производятъ въ немъ различныя и матеріальныя, и нравственныя пертурбаціи. Смотря по темпераменту и условіямъ жизни организма, ему въ такомъ случаѣ угрожаютъ ожиреніе, различнаго рода гипертрофіи, или душевные недуги, въ родѣ сплина, запоя, жажды широкаго и необузданнаго разгула, противъ которой беспильна оказывается самая желѣзная воля. Этимъ только и можно объяснить многіе загадочныя случаи и въ частной, и въ общественной жизни. Не однимъ только Иваномъ Петровымъ, находящимся

подъ властію земли, а людямъ всѣхъ слоевъ общества и всякихъ профессій угрожаетъ одно и тоже: мы часто, по крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ, что живетъ какой-нибудь труженникъ воздержанно, аккуратно, но стоитъ ему сойти съ почвы привычнаго труда и окунуться въ сферу легкой наживы или внезапно получить вслѣдство, у него закруживается, что называется, голова и онъ теряетъ всякую власть надъ собою. Вотъ почему люди внезапно обогатившіеся, гораздо чаще прокучиваютъ свои капиталы, чѣмъ тѣ, которые съ этими капиталами родились. И въ этомъ отношеніи естественно, что чѣмъ упорнѣе была предшествовавшая борьба съ условіямъ жизни и чѣмъ большого напряженія силъ требовалъ трудъ, тѣмъ сильнѣе долженъ быть размахъ освободившихся силъ. Если даже и Акакію Акакіевичу при томъ ничтожномъ напряженіи нервовъ, съ которымъ соединяется механическая канцелярская работа, не обходится даромъ внезапное почитіе на лаврахъ то чего-же мы можемъ ожидать отъ Ивана Петрова при той гигантской борьбѣ со всѣми силами природы, какою обуславливается крестьянская жизнь.

Я уже сказалъ выше, что тотъ-же самый законъ присутствуетъ и во многихъ крупныхъ историческихъ фактахъ. И дѣйствительно, чѣмъ-же, какъ не этимъ закономъ, можно объяснить, что аристократическія сословія Западной Европы, отличавшіеся суровыми и строгими нравами въ средніе вѣка, когда значительное количество мускульныхъ и нервныхъ силъ этихъ сословій тратилось на непрестанныя войны, вдругъ сразу деморализовались и предались необузданному разгулу послѣ того, какъ изъ воинственныхъ феодаловъ они превратились въ праздныхъ придворныхъ? Тоже самое мы встрѣчаемъ во многихъ религіозныхъ сектахъ, которымъ изъ воинственныхъ, гонимыхъ удавалось сдѣлаться господствующими: весь тотъ нравственный закалъ, доходящій до аскетическаго энтузіазма, который составлялъ ихъ главное достоинство, сразу истощалъ и замѣнялся полною деморализаціей. Но не всегда „освободившіяся силы“ ведутъ къ деморализаціи. Они могутъ имѣть иные исходы, еще болѣе роковыя и грозныя. Ивану Петрову легко было предаться разгулу, потому что онъ былъ выведенъ изъ-подъ власти земли на поле даровой наживы. Представьте-же вы теперь, что онъ-былъ-бы только устраненъ съ своей земли и затѣмъ предоставленъ на жертву бездомнаго скитанія: „види, куда кошы!“...

и предположите, что такой участи былъ-бы предоставленъ не одинъ Иванъ Петровъ, а цѣлые вѣхъ тысячи и миллионы. Подумайте, какой исходъ могъ-бы имѣть этотъ цѣлый океанъ „освободившихся силъ“, и что могло бы остановить и сдержать въ предѣлахъ этотъ страшный океанъ? Вотъ этимъ только и можно объяснить, почему рабочіе массы, какъ напримѣръ, на Западѣ фабричный пролетаріатъ, не смотря на всѣ экономическіе тиски, по цѣлымъ десяткамъ и сотнямъ лѣтъ безропотно переносятъ самое ужасное существованіе. Но вдругъ раздражается какой-нибудь экономическій или политическій кризисъ, сразу огромное количество силъ, до того времени занятыхъ ежедневною работою, освобождается, и происходитъ тогда стихійный взрывъ, сдержать который не въ состояніи оказываются вооруженныя арміи, какъ это было напримѣръ въ 1848 г. въ Парижѣ. Вотъ въ этомъ отношеніи мы можемъ смѣло завѣрить публицистовъ, которыя толкуютъ нынѣ о „разнузданіи звѣря“: пусть они успокоятся и будутъ увѣрены, что никакія патріотическія кличи мракобѣсующихся газетъ съ одной стороны, никакія пропаганды съ другой — не въ состояніи „разнуздать звѣря“, если къ нимъ не придутъ на помощь тѣ мудрые ревнители народнаго блага, которые мечтаютъ основать благосостояніе и могущество Россіи на быстромъ обезземеліи крестьянъ. Только это обезземеліе, если не будетъ принято противъ него самыхъ энергическихъ мѣръ, и можетъ произвестись то, чего совершенно справедливо опасаются господа публицисты, произвестись неминуемо, неудержимо, не смотря ни на какія предупредительныя мѣры.

Теперь въ концѣ концовъ и подумайте, слѣдуетъ-ли изъ очерка Гл. Успенскаго такой выводъ, что, будто-бы, чѣмъ крестьянамъ хуже живется, т. е. чѣмъ у нихъ меньше земли и большими налогами они обложены, — тѣмъ они нравственнѣе и порядочнѣе? Напротивъ того, что же и ведетъ къ тому, что Иванъ Петровъ бросаетъ свои земли и хозяйства и идутъ искать на воксалахъ легкаго заработка, какъ не малоземеліе и излишнее обремененіе налогами? Развѣ ушелъ-бы Иванъ Петровъ на воксаль, если-бы земля у него было вдоволь и домъ его былъ-бы полною чашею? Отъ добра добра не ищутъ. И очеркъ Г. Успенскаго представляетъ совершенно противоположное доказательство: именно, что деморализація Ивановъ Петровыхъ зависитъ отъ не-

устройства и скудости деревенской жизни. Власть земли перестает быть властью, разъ такъ ее мало и такъ она скудна, что ею нельзя прокормиться. Вотъ къ какимъ сурово-трезвымъ, но глубоко истиннымъ взглядамъ ведетъ прямой взглядъ на дѣло безъ всякихъ предвзятыхъ иллюзій. И нѣтъ никакихъ сомнѣній, что въ этихъ взглядахъ, хотя и не льстящихъ народу, таится гораздо болѣе любви къ мужику, чѣмъ во всѣхъ его идеализаціяхъ, а что взгляды эти могутъ принести неизмѣримо большую пользу и для народа, и для интеллигенціи—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Александровъ.

О крестьянскомъ самоуправленіи.

Вотъ уже почти полтора года, какъ на очередь поставленъ вопросъ: «быть или не быть» тѣмъ учрежденіямъ, совокупность которыхъ слыветъ то подъ общимъ именемъ крестьянскихъ учрежденій, то подъ громкимъ названіемъ «крестьянскаго самоуправленія». Газеты переполнены провинціальными корреспонденціями о реформаціонныхъ планахъ и проэктахъ земскихъ комиссій, управъ, собраний и крестьянскихъ присутствій, о борьбѣ земскихъ партій, возгорѣвшейся на этотъ разъ не изъ за выборовъ въ члены управы, предсѣдатели и другія доходныя должности, а вслѣдствіе различія во взглядахъ на общественные интересы. Мнѣнія земствъ въ свою очередь успѣли уже вызвать довольно значительную литературу въ печати. Такое необычное проявленіе общественной мысли заслуживало бы полнаго вниманія, если бы дѣло шло и не о такомъ важномъ и жгучемъ вопросѣ какъ реформа крестьянскаго самоуправленія.

Та относительная свобода, какая была предоставлена земствамъ циркуляромъ 22 декабря 1880 года, пригласившимъ ихъ при своихъ разсужденіяхъ не стѣсняться предложенными правительствомъ вопросами, а представить соображенія вообще о всякихъ мѣрахъ, которыя были-бы найдены ими полезными для правильнаго рѣшенія дѣла, дала земскимъ собраніямъ возможность ввести въ кругъ своихъ сужденій многія соприкасающіяся явленія провинціальной общественной жизни и высказаться о нихъ съ полной искренностью. Это обстоятельство придаетъ еще болѣе значенія земскимъ заявленіямъ: они представляютъ собою, слѣдовательно, дѣйствительное выраженіе взглядовъ «общества». Нѣтъ нужды объяснять, насколько важно въ данномъ случаѣ и въ настоящее время знать, какого рода эти взгляды. Мы постараемся изложить здѣсь въ об-

щихъ чертахъ существенные пункты земскихъ проектовъ реорганизациі крестьянскаго управленія.

Но для того, чтобы вѣрнѣе цѣнить о достоинствѣ этихъ проектовъ необходимо знать, каково существующее состояніе крестьянскихъ учреждений и въ чемъ заключаются ихъ недостатки. И потому, прежде чѣмъ перейти къ земскимъ заявленіямъ напомнимъ главнѣйшія основанія дѣствующихъ учреждений.

Крестьянское самоуправленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, было введено, какъ извѣстно, Положеніемъ 19 февраля 1861 г. сначала между одними бывшими помѣщичьими крестьянами, а потомъ, въ 1863 и 1866 г., между удѣльными и государственными.

Основная цѣль «Положенія» была дать крестьянамъ такое общественное устройство, которое бы, обеспечивая ихъ самостоятельность въ управленіи своими дѣлами, въ то же время способствовало правильному развитію ихъ экономическаго быта. Первой единицей самоуправленія было признано сельское общество. Нѣсколько обществъ соединялись въ болѣе обширную группу, волость. По мысли «Положенія» сельское общество должно было представлять, прежде всего «хозяйственный союзъ» всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ, въ предѣлахъ извѣстной территоріи, и затѣмъ уже административную инстанцію. По отношенію къ великорусскимъ губерніямъ имѣлось въ виду упрочить такимъ способомъ существованіе и развитіе историческаго явленія, поземельной общины (Общее Положеніе о крестьянахъ, ст. 40). Эта идея принадлежит, по нашему мнѣнію, къ числу наиболѣе счастливыхъ въ дѣломъ нашемъ законодательствѣ. Трудно придумать какую нибудь другую форму самоуправленія, болѣе совпадающую съ основными условіями жизни земледѣльческаго населенія, какъ поземельная община, основанная на экономическомъ равенствѣ всѣхъ ея членовъ, въ продолженіи вѣковъ самостоятельно управлявшая по началамъ справедливости важнѣйшими своими интересами, обсуждающая свои рѣшенія, выбирающая и контролирующая своихъ должностныхъ лицъ при участіи всѣхъ, на сходѣ и гласно. Она лучше, чѣмъ какая-либо другая организація, могла охранить новорожденную свободу. По самой сущности общиннаго устройства, въ немъ не могло быть, при нормальныхъ условіяхъ, широкаго простора проявленіямъ эгоизма и произвола отдѣльныхъ лицъ, ограничи-

ваемых волею всѣхъ, не могло быть мѣста ожесточенной борьбѣ противоположныхъ экономическихъ интересовъ, при которой всѣми выгодами автономіи пользуется побѣждающая сторона, такъ какъ интересы всѣхъ членовъ общины, по самому смыслу слова, солидарны. Не стѣсненная разъ навсегда опредѣленными правилами, управляемая однимъ обычаемъ, измѣненіе котораго находится въ зависимости отъ мировоззрѣнія самихъ крестьянъ и только ихъ однихъ, поземельная община представляетъ лучшую школу для выработки формъ общественной жизни; она открываетъ достаточный просторъ для дѣятельности мысли, и даетъ, такимъ образомъ, возможность выдвинуться лучшимъ силамъ, предоставляя имъ въ то же время постоянные случаи для приложенія своихъ способностей. Но вліяніе отдѣльной личности основывается здѣсь исключительно на ея нравственныхъ и умственныхъ качествахъ и не можетъ выродиться, при отсутствіи внѣшняго давленія, въ произволь, обузданіе котораго вытекаетъ, какъ сказано, изъ самой сущности общиннаго устройства. Приучая своихъ членовъ къ самодѣтельности въ сферѣ домашнихъ интересовъ, община заставляетъ ихъ въ общественной жизни подчиняться требованіямъ цѣлаго, что весьма важно для прочности всякаго союза вообще, а экономическаго въ особенности. Удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ управленія, она въ то же время составляетъ хорошую школу для развитія способности къ самодѣтельности и въ болѣе широкой сферѣ. На нее можно смотрѣть, какъ на начальный курсъ самоуправленія, гдѣ затрогиваются всѣ вопросы общественной жизни, чѣмъ облегчается для крестьянина обсужденіе ихъ въ волости и земствѣ. Экономическіе и соціальные опыты, произведенные съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ предѣлахъ одной общины, въ виду однообразія условій крестьянской жизни, скоро могли бы найти себѣ примѣненіе въ другихъ деревняхъ, и, распространяясь все далѣе, оказать вліяніе на общее развитіе массы. Общинное устройство, такимъ образомъ, не задерживаетъ прогресса, а, напротивъ, облегчаетъ его. Благодаря различнымъ обстоятельствамъ существованіе такой мелкой хозяйственно-административной единицы, какъ общины, казалось въ тому же, у насъ болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Общія экономическія условія Россіи не заключали и не заключаютъ въ себѣ условій, которыя могли бы препятствовать ея развитію. Преобладающее, почти исключительное занятіе

сельскаго населенія составляет земледѣліе, и притомъ исключительно въ видѣ мелкихъ хозяйствъ; не только во время изданія «Положенія», но даже и теперь крестьянскому хозяйству не приходится выдерживать борьбу съ крупной культурой, не имѣющей для своего развитія въ земледѣліи вообще, а въ русскомъ въ особенности, при сколько нибудь обезпеченномъ положеніи земледѣльца, благопріятной почвы.

Но прекрасная идея основать весь строй крестьянскаго управленія на поземельной общинѣ, къ сожалѣнію, не была осуществлена, чему помѣшали прежде всего нѣкоторыя статьи самаго же «Положенія» Тяжелныя условія выкупа надѣловъ привели многихъ крестьянъ къ необходимости постоянно «отходить» изъ своихъ деревень на сторонніе заработки, брать деньги въ долгъ у ростовщиковъ и, все это породило индеферентизмъ къ общимъ интересамъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ оказалась уплата недоимокъ, и до крайности успило власть полиціи, на которую возложена обязанность собирать налоги. Деревенскій міръ замкнулся въ сферѣ поземельныхъ интересовъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ сдѣлался безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній волости и другихъ учреждений, а во многихъ мѣстностяхъ пересталъ быть хозяиномъ и при распредѣленіи земли. Кромѣ того «Положеніе» обставило образованіе сельскихъ обществъ нѣкоторыми условіями, благодаря которымъ границы ихъ во многихъ случаяхъ не могли совпасть съ границами общины. Эти условія заключались съ опредѣленія наименьшаго размѣра для сельскаго общества въ 21 ревизскую душу и въ однопомѣстности. Мелкія общины, не достигавшія 21 душевнаго размѣра, соединялись искусственно въ одно сельское общество (общее полож., ст. 41) напротивъ, поземельная община, если она принадлежала разнымъ владѣльцамъ, искусственно раздѣлялась на нѣсколько сельскихъ обществъ (ст. 40): такъ было во многихъ оброчныхъ разнопомѣстныхъ имѣніяхъ, раздѣлившихся по наслѣдству. Подѣленіе между владѣльцами, крестьяне продолжали пользоваться землею вмѣстѣ, не принимая во вниманіе при передѣлахъ, сколькоимъ владѣльцамъ и кому дворъ принадлежалъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, разрѣшено было такимъ разнопомѣстнымъ частямъ одного селенія соединяться въ одно сельское общество по мирскимъ приговорамъ, но препятствіемъ къ такому соединенію явилось неравномѣрное накопленіе ве-

доимокъ. Относительно же малолюдныхъ общинъ—менѣе 21 душъ, статьи Положенія до сихъ поръ остаются въ силѣ.

Какъ мало совпадаютъ общины съ обществами доказывается всѣми статистическими излѣдованіями. Въ Тверской губерніи административныхъ сельскихъ обществъ считается 4057, между тѣмъ деревень и поселковъ, въ большинствѣ случаевъ составляющихъ независимыя поземельныя общины, болѣе 11 тысячъ. Такимъ образомъ, приходится около 3 селеній на общество, но есть общества въ которыхъ по 10 и болѣе селеній, распнутыхъ на пространствахъ 10 верстъ ¹⁾. Въ шести губерніяхъ: Московской, Тверской Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимірской сельскихъ обществъ считается 18,283, а поземельныхъ общинъ—30,658 ²⁾. Въ черноземной же полосѣ, напротивъ, одно селеніе состоитъ часто изъ нѣсколькихъ общинъ (сотенъ).

Понятно, что сельское общество, составленное изъ нѣсколькихъ общинъ съ различными надѣлами и платежами за нихъ, съ различными почвенными и экономическими условіями не могло уже въ силу этого одного обстоятельства быть хозяйственной единицей. Жизнь передѣлала, правда, все по своему, но законъ явился все такъ нѣкоторымъ препятствіемъ, съ которымъ нужно было считаться. Тѣ хозяйственные интересы, которыми по мысли составителей «Положенія» должно было бы завѣдывать сельское общество, въ настоящее время вѣдаются въ Веллкороссіи деревней, общиной: деревенскій сходъ независимо отъ другихъ селеній, входящихъ въ составъ того же сельскаго общества, по самостоятельному приговору распредѣляетъ между своими дворами пахатныя сѣнокосныя и другія уѣзды, раскладываетъ повинности, назначаетъ опекуновъ и попечителей, разрѣшаетъ раздѣлы, принимаетъ мѣры къ предупрежденію накопленія недоимокъ, наблюдаетъ за порядкомъ и спокойствіемъ посредствомъ деревенскихъ десятскихъ, наконецъ, совершаетъ судъ. На долю сельскаго общества остался дѣла, имѣющіе преимущественно фискальный характеръ, главнѣйшимъ образомъ, взысканіе недоимокъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда границы сельскаго общества не совпа-

¹⁾ Матеріалы комисіи (Тверскаго земства), по крестьянскому вопросу Тверь 1881, стр. 62.

²⁾ Статистика поземельной собственности, изд. центр. статист. комитета въ т. II, стр. XXII.

даютъ съ границами общинъ, оно не имѣетъ никакого хозяйственнаго значенія, представляя лишь низшую административную инстанцію и вся дѣятельность сельскаго схода въ такихъ случаяхъ сводится къ выбору сельскаго старосты и учету его, а въ нѣкоторыхъ обществахъ еще сборщика податей. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія, сельское общество уже потому не могло составить хозяйственнаго цѣлаго, что у членовъ его, владѣющихъ подворными участками на личномъ или семейномъ правѣ, независимо другъ отъ друга, нѣтъ совсѣмъ или весьма мало общихъ хозяйственныхъ интересовъ: но и здѣсь исправленіе мостовъ и дорогъ и т. п. дѣла вѣдаются ближайшими другъ отъ друга поселками безъ участія сельскаго схода, который къ тому же рѣдко собирается.

Сельскій староста, въ дѣйствительности, сдѣлался лишнимъ начальникомъ, который однакожь можетъ надѣлать каждому подчиненному, въ случаяхъ личныхъ ссоръ, не мало вреда и неприятностей, такъ какъ ему дано дискреціонное право подвергать крестьянъ наказаніямъ (аресту). По 60 статьѣ старостамъ предоставляется полицейская власть; на нихъ возложено даже производство предварительнаго дознанія о преступленіяхъ и дано право задерживать виновныхъ. Помощниками старосты являются десятскіе и сотскіе, число которыхъ доходитъ по волостямъ до 50 и болѣе и которые также уполномочены на всякія полицейскія дѣйствія. Въ дѣйствительности же, при совершеніи преступленія въ деревнѣ, вмѣшиваются въ дѣло всѣ сосѣди, а староста часто и не присутствуетъ. „Изъ имѣющихся свѣдѣній“, читаемъ въ докладахъ комисіи Тверскаго земства, гдѣ вообще вопросы крестьянскаго управленія разобраны съ большимъ знаніемъ дѣла, «изъ имѣющихся свѣдѣній о числѣ возбуждаемыхъ дѣлъ въ мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, также какъ и въ волостныхъ судахъ, видно что сельскіе старосты почти со всѣмъ не возбуждаютъ никакихъ дѣлъ; участія въ производствѣ дознаній не принимаютъ никакого: только въ дѣлахъ и потравахъ по необходимости нельзя обойти старосту, но и въ этихъ случаяхъ охотнѣе обращаются къ волостному старшинѣ, къ которому въ дѣйствительности перешла вся полицейская власть». Затѣмъ, на сельскаго старосту возложены закономъ созывъ и предсѣдательство на сельскомъ сходѣ (58 ст.), а также приведеніе въ исполненіе приговоровъ схода. Но если сходъ со-

бираются для хозяйственных цѣлей, то обыкновенно предписанныхъ закономъ формъ не соблюдается: крестьяне сходятся вечеромъ или въ свободное отъ работъ время, по мѣрѣ надобности, гдѣ нибудь на задворкѣ, и собраніемъ руководятъ обыкновенно всѣ уважаемые люди деревни¹⁾. Тамъ же гдѣ община не совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ, предсѣдательство фикція уже потому, что на деревенскихъ сходахъ старосты не присутствуютъ, прикладывая лишь послѣ свою печать къ приговорамъ схода. Завѣдываніе мірскимъ хозяйствомъ и мірскими суммами, конечно, ни одна деревня не доверитъ сельскому старостѣ, уже потому что онъ сборщикъ податей. Слѣдовательно, изъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ „Положеніемъ“ на старосту, остается сборъ налоговъ, исполненіе распоряженій волостнаго суда, полиціи и мировыхъ учреждений. Но приговоры суда, наиболѣе важная изъ этихъ функций для самой деревни, приводятся чаще деревенскими десятниками, такъ что на старосту остается, въ концѣ концовъ, одинъ сборъ податей.

Г. Корсаковъ, гласный Тверскаго земства для характеристики дѣятельности сельскихъ старостъ сопоставилъ количество случаевъ штрафованія старостами подчиненныхъ имъ крестьянъ съ урожаемъ хлѣба. Въ 1879 г., когда урожай былъ хорошій и цѣны на хлѣбъ сносны, по книгамъ Хоботскаго волостнаго управленія, сельскимъ старостой было посажено подъ арестъ 12 человекъ, а въ 1880 г. когда хлѣбъ былъ дорогой, урожай хуже, взисканіе недоплатъ настойчивѣе, сельскіе старосты садятъ за не уплату повинностей 53 человекъ. „Въ мѣстностяхъ, гдѣ повинности уплачиваются исправно, или гдѣ взисканіе производится не такъ строго“ „даютъ передохнуть“, какъ говорятъ крестьяне, аресты и штрафы почти совсѣмъ не практикуются; въ штрафномъ журналѣ записаны два три случая обыкновенно за буйство на сходѣ или за оскорбленіе волостнаго старшины. Заявленія другихъ земствъ также ясно доказываютъ, что въ настоящее время сельское общество, вопреки мысли „Положенія“ представляетъ не только не хозяйственную, но даже и не административную единицу, а исключительно фискальный округъ; представителями же ихъ, сельскіе старосты, превратились въ сборщиковъ податей. Такъ смотреть на нихъ и крестьян-

¹⁾ Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губ. т. IV, кн. I.

скія присутствія, которыя по Положенію 27 іюня 1874 г., имѣютъ право составлять для деревенскихъ должностныхъ лицъ инструкціи. „Къ главнымъ обязанностямъ старосты, говорится въ инструкціи Тверскаго присутствія, относится изисканіе повинностей“.

И такихъ-то сборщиковъ податей каждая волость должна содержать около десятка, отсчитывая изъ своихъ средствъ на ихъ вознагражденіе иногда значительныя суммы. Въ Тверской губерніи жалованье сельскимъ старостамъ составляетъ до 80 тысячъ. Но сюда не входятъ потери обществъ отъ растратъ сельскихъ старостъ, которыя вовсе не составляютъ рѣдкаго явленія; по наблюденіямъ В. П. Орлова, растраты эти, правда, въ большинствѣ случаевъ происходятъ не по жадности къ наживѣ или пьянству, а объясняются необходимостью для старосты нанимать вмѣсто себя работника, но, отчего бы они ни происходили, расплачиваться за нихъ приходится обществу.

Безполезный для общины, сельскій староста располагаетъ, какъ мы сказали, такою властью, которая даетъ ему полную возможность надѣлать достаточно вреда и отравить жизнь не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу. Ему дано право: 1) арестовать каждаго крестьянина на цѣлне 2 сутокъ и всякому, жившему въ деревнѣ, приходилось, конечно, видѣть или слышать о возмутительныхъ случаяхъ злоупотребленія этимъ правомъ для личныхъ цѣлей; 2) ни одинъ крестьянинъ не можетъ выѣхать на долгій срокъ изъ деревни безъ разрѣшенія старосты, такъ какъ отъ него зависить, выдать или не выдать удостовѣреніе о не имѣніи препятствій къ выдачѣ паспортовъ. Право это особенно важно, а, можетъ быть, и доходно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне принуждены ежегодно отправляться на заработки. Намъ приходилось встрѣчать мнѣнія, что старосты являютъ защитниками интересовъ своего общества; въ этомъ отношеніи ихъ часто даже противопоставляютъ волостнымъ старшинамъ, этимъ деревенскимъ чиновникамъ по преимуществу. Очень можетъ быть, въ первые годы послѣ реформы такъ и было, но потомъ, особенно послѣ изданія Положенія 27 іюня 1874 г. по которому уѣзднымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ предоставлено право подвергать старостъ штрафу (до 5 рублей) и аресту до 7 дней, а исправникамъ дана даже единоличная власть арестовать старостъ, въ случаяхъ не-

домокъ, старосты очутились въ такомъ подневольномъ положеніи, что всѣ, крестьяне, дорожащіе своею честью и уваженіемъ однообщественниковъ, стараются съ тѣхъ поръ всякими способами избавиться отъ выбора въ эту «собачью» должность, и о какой либо защитѣ общинныхъ интересовъ не можетъ быть и рѣчи. Въ любой деревнѣ можно быть свидѣтелемъ сценъ, какъ крестьянинъ стоитъ на колѣняхъ предъ міромъ, прося «ослобонить» его отъ чести выбора въ начальникъ общества. (По Положенію никто не имѣетъ право отказываться отъ принятія должности на первые три года и добиться такого освобожденія, можно только съ согласія міра. Въ старостахъ сидятъ теперь люди, въ большинствѣ случаевъ, не имѣющія никакого значенія въ мірскихъ дѣлахъ).

Возвращеніе къ идеѣ «Положенія 19 февраля» представляется намъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ измѣнить эти ненормальныя условія управленія деревни, называемаго совершенно неправильно самоуправленіемъ. Пусть поземельная община, а не искусственно составленное общество, самостоятельно управляетъ своими дѣлами и выбираетъ на срокъ или безъ срока и безъ особыхъ полномочій, отвѣтственнаго только предъ міромъ, исполнителя своихъ постановленій. Весьма вѣроятно, что въ видахъ удобства управленія мелкія общины соединятся другъ съ другомъ, но въ основѣ такихъ соединеній будетъ лежать реальная и сознанная потребность—лучшій цементъ всякаго союза. Но, само собою разумѣется, не можетъ быть ни малѣйшей надежды на какую-либо перемѣну къ лучшему до тѣхъ поръ, пока общія экономическія условія останутся тѣми-же, пока, напр., платежи не будутъ приведены въ соотвѣтствіе съ надѣлами, и пока не будетъ устраненъ тотъ многоязычный контроль, который теперь тяготѣетъ надъ сельскимъ обществомъ.

Вторую инстанцію крестьянскаго управленія представляетъ волость.

Если-бы съ этимъ словомъ соединялось такое-же понятіе какое оно имѣло въ древнѣйшей Россіи, т. е. если-бы волость представляла союзъ поземельныхъ общинъ съ правомъ распоряженія землей всѣхъ входящихъ въ нее поселковъ, то Россія обладала-бы одной изъ лучшихъ формъ мѣстнаго управленія, организаціей, заключающей въ себѣ наиболѣе важныя условія для осуществленія начала «самоуправленія». Располагая обширной земельной площадью, на правахъ владѣльца, волость, въ принимаемомъ здѣсь

смыслъ имѣла бы возможность уничтожить то неравенство въ размѣрахъ надѣловъ и платежей, какое встрѣчается теперь сплошь и рядомъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ; состоя изъ экономическихъ группъ.—деревенскихъ общинъ,—она доставляла бы каждой изъ нихъ возможность пользоваться для хозяйственныхъ цѣлей всѣми выгодами соединенія силъ (при приобретеніи новыхъ земель, введеніи новой системы полеводства, устройствѣ свопеній для сбыта продуктовъ и т. п.), общность экономическихъ цѣлей неизбежно укрѣпляла бы сознаніе солидарности и другихъ интересовъ, расширяла взгляды деревенскихъ жителей, теперь часто слишкомъ узкіе и, въ концѣ концовъ, такая волость являлась бы лучшей школой для сплоченія деревенскихъ жителей съ цѣлю огражденія мѣстной самостоятельности и личной свободы во всѣхъ случаяхъ, когда кому-либо изъ нихъ угрожала бы опасность со стороны.

Деревня, село, слишкомъ слабыя группы для того чтобы явиться въ уѣздѣ какою-либо силой, и крестьянство никогда не получитъ вліянія на ходъ земскаго самоуправленія, пока между деревней и земствомъ не явится посредствующаго хозяйственнаго учрежденія, въ которомъ бы имѣли своихъ представителей жители нѣсколькихъ деревень.)

Кромѣ того деревенская община въ большинствѣ случаевъ слишкомъ мала, чтобы при посредствѣ ея одной могли быть достигнуты сколько-нибудь значительныя выгоды и въ экономическомъ смыслѣ: десять, двадцать, сорокъ дворовъ, какъ бы дружно они не соединились капиталами и силами, только немного болѣе имѣютъ шансовъ на успѣшную борьбу съ природными трудностями или съ сильнымъ соперникомъ, чѣмъ дворъ-одиночка. Соединеніе же нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ дворовъ въ одинъ союзъ почти обезпечиваетъ отъ всякаго риска неудачи. Далѣе, жители деревни, жизненныя условія которыхъ одинаковы, слишкомъ мало отличаются другъ отъ друга по степени умственнаго развитія, чтобы могли въ необходимыхъ случаяхъ найтись люди съ способностью къ инициативѣ и умѣньемъ руководить; въ предѣлахъ же волости недостатокъ въ такихъ личностяхъ можетъ оказаться развѣ при общемъ умственномъ оскудѣніи, составляющемъ во всякомъ случаѣ исключительное явленіе.

Необходимою принадлежностью каждой нормальной формы самоуправления.

управленія представляеть безпристрастный, нелицеприятный судъ. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ болѣе обширнаго союза—волости. Жители деревни въ большинствѣ случаевъ такъ переродились между собою, ихъ взаимныя симпатіи и антипатіи такъ опредѣленны и прочны, что, въ случаяхъ столкновения интересовъ, отъ деревенскаго суда трудно ждать безпристрастнаго рѣшенія. Конечно, и волостной судъ не свободенъ отъ такихъ недостатковъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ въ несравненно меньшей степени присущи большимъ союзамъ, включающимъ въ себѣ нѣсколько тысячъ населенія, разсѣяннмъ по обширной территоріи, чѣмъ малолюдной деревнѣ.

Нѣкоторыя земства прямо указываютъ на необходимость такого расширенія предѣловъ поземельной общины, которое, по ихъ убѣжденію, удовлетворило бы желаніямъ всего крестьянства „Удовлетворить потребностямъ“ стремленіямъ общины, по мнѣнію комисіи избранной для обсужденія реформы крестьянскаго управленія Череповскимъ земствомъ, „лучше всего можно слѣдующимъ образомъ: расширить ея организацію, признать право передѣла не только внутри одной общины, но и между всѣми общинами одной территоріи, предоставивъ общинамъ право самоуправленія общинными землями и организовавъ уѣздные общинные союзы, въ распоряженіе которыхъ и передать или передавать, по мѣрѣ надобности, за установленныя въ пользу государства сборы, свободныя казенныя земли и предоставить имъ организацію переселеній и другихъ мѣръ для урегулированія поземельныхъ отношеній“. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію комисіи, еще можно надѣяться гарантировать общину отъ пролетаріата. Но можетъ быть такая громадная выгода будетъ куплена не менѣе громадною цѣною потери личной инициативы? Думаемъ, что совсѣмъ наоборотъ: и въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ волости, а не деревни: каждый житель волости можетъ жить въ любой мѣстности волостной территоріи, образуя, если находитъ нужнымъ, отдѣльные починки и поселки, и располагая всею свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. Нечего и говорить, что экономическая самостоятельность здѣсь болѣе обезпечена, чѣмъ въ тѣхъ „созвазахъ“, основанныхъ на „свободныхъ“ соглашеніяхъ, гдѣ сотни „рукъ“ находятся въ кабалѣ у напимателя, пользуясь однимъ лишь правомъ переходить изъ однихъ тисковъ въ другія.

Современное устройство волости имѣетъ, какъ извѣстно, весьма мало общаго съ тѣмъ, основныя начала котораго положены выше. По «Положенію», волость представляетъ совокупность сельскихъ обществъ, какъ административныхъ единицъ. Хозяйственныхъ интересовъ у нея еще меньше, чѣмъ у сельскаго общества: общественнаго волостнаго имущества почти нигдѣ нѣтъ, денежныя сборы производятся съ исключительною почти цѣлью покрывать расходы по волостному управленію, вѣдающему, какъ увидимъ, лишь отчасти дѣла волостянъ. Всѣ земскія заявленія, какія до сихъ поръ извѣстны, единогласно подтверждаютъ, что современная волость существуетъ вовсе не для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, а превратилась въ нисшій органъ волостной власти, и всѣ сношенія волости съ жителями составляющихъ ея деревень свелись къ понудительнымъ мѣрамъ съ цѣлью безнедопущаемаго взыскапія налоговъ. До какой степени слаба связь между деревнями любой волости, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить та легкость, съ какою администрація въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ измѣняла составъ и границы волостей по всей Россіи. Организованная въ 1861 г. исключительно для однихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, волости подверглись коренной ломкѣ, послѣ распространенія дѣйствія «Положенія» на удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, затѣмъ съ введеніемъ общей воинской повинности произведено было во второй разъ измѣненіе волостныхъ границъ, производились, наконецъ, измѣненія по мѣстностямъ—и всѣ такія перемѣны не сопровождались для крестьянъ какими либо существенными неудобствами. Это не трудно объяснить. Волостное управленіе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось на практикѣ, захватываетъ собственно крестьянскія нужды вообще въ весьма ограниченной степени. Главный органъ волости — волостной сходъ. Въ составъ его, кромѣ старшины и старосты, входятъ выборные отъ каждаго десяти дворовъ, при чемъ каждый отдѣльный поселокъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, имѣетъ право послать отъ себя на сходъ особаго выборнаго (71 и 72 ст. общ. пол.). Волостному сходу, какъ и сельскому, представлено право принимать мѣры въ видахъ общественнаго призрѣнія, учреждать волостныя училища, распорядиться волостными запасными магазинами и т. п. (ст. 78). Но, въ дѣйствительности, сходъ не дѣлаетъ въ силу разныхъ причинъ ни того,

ни другаго, ни третьяго, и собирается лишь для выбора должностных лиц и назначенія имъ жалованья и суммъ на постройку волостныхъ правленій, изрѣдка и училищъ. Очевидно, что при такомъ ограниченномъ кругѣ вѣдомствъ нѣтъ нужды въ частныхъ собраніяхъ и волостные сходы собираются не болѣе одного раза въ годъ; не можетъ явиться также особеннаго вниманія къ его дѣятельности. Выборные на сходахъ, большею частью, люди случайные, и лишь въ случаяхъ выборовъ должностныхъ лицъ составъ ихъ опредѣляется заранѣе и часто подтасовывается старшиной и другими властями.

Значеніе схода парализуется къ тому же властью волостнаго старшины. Вооруженный большими правами въ предѣлахъ обширнаго круга дѣятельности, отвѣтственный предъ высшими властями за все происходящее въ волости, старшина съ перваго же дня вступленія въ должность, становится въ совершенно независимое положеніе отъ волостнаго схода. Сходъ, правда, по «Положенію» имѣетъ право учитывать старшину, но такъ какъ самый созывъ волостнаго схода зависитъ отъ воли старшины, то въ дѣйствительности такого учета, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда у старшины «рыльце въ пушку», добиться бываетъ, по большей части, просто невозможно. Важнѣйшія права и обязанности волостнаго старшины по закону таковы:

Онъ созываетъ и предсѣдательствуетъ на волостномъ сходѣ, завѣдуетъ всѣми хозяйственными дѣлами волости, слѣдитъ за дѣятельностью сельскихъ должностныхъ лицъ, наблюдаетъ, подъ своею отвѣтственностью, за сохраненіемъ общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости, за исправнымъ отбываніемъ обществомъ всякаго рода казенныхъ и земскихъ повинностей, за содержаніемъ дорогъ. Ему представлена обширная полицейская власть и право подвергать каждаго изъ своихъ подчиненныхъ зресту до 7 дней. Старшина выдаетъ паспорта, свидѣтельствуетъ подписи и договоры, изображая собою такимъ образомъ деревенскаго нотаріуса, наблюдаетъ за исполненіемъ рѣшеній волостнаго и другихъ судовъ. Но главнѣйшая изъ его обязанностей заключается въ безпрекословномъ исполненіи законныхъ требованій всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства¹⁾.

¹⁾ Общее положеніе о крестьянахъ, статьи 64, 81, 83, 85, 110 и др.

Послѣдующими законами на волостнаго старшину возложены еще нѣсколько обязанностей: агентура по дѣламъ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня, наблюденіе за правильнымъ производствомъ торговлѣ и промысловъ, веденіе списковъ рекрутовъ всѣхъ сословій въ предѣлахъ волости и другія обязанности по исполненію воинской повинности, по наблюденію и созыву чиновъ запаса, по созыву ополченія и по выполненію конской повинности; наконецъ, метрическія записи рожденій, смертей и браковъ раскольниковъ лежатъ также на старшинѣ.

Легко себѣ представить, какъ долженъ растеряться среди такого богатства правъ и обязанностей деревенскій крестьянинъ, если бы даже онъ былъ знакомъ со всѣми тонкостями административнаго порядка и еслибы у него было въ распоряженіи болѣе 24 часовъ въ сутки. Въ дѣйствительности, волостные старшины постоянно, «безъ передышки», заняты исполненіемъ безчисленныхъ требованій властей, законныхъ и незаконныхъ. Важнѣйшая изъ этихъ властей—полиція, и старшина сильнѣе всего озабоченъ удовлетвореніемъ ея требованій. Судебныя власти на второмъ планѣ: возбуждаютъ дѣла, составляютъ акты и производятъ дознаніе старшина довольно рѣдко, особенно послѣ того, какъ обокъ съ ними явились урядники. До интересовъ міра, волости, ему еще менѣе дѣла. Вся дѣятельность его, всѣ его мысли сосредоточены на исполненіи требованій, вызываемыхъ не нуждами мѣстнаго населенія, а интересами общегосударственными. Какъ «мірская» власть, удовлетворяющая потребностямъ собственно крестьянъ, волостной старшина является развѣ въ качествѣ нотаріуса. Какъ мы сказали, онъ свидѣтельствуетъ сдѣлки и договоры, удостоверяетъ правильность подписей на разнаго рода бумагахъ. При огромныхъ разстояніяхъ отъ городовъ, эта дѣятельность несомнѣнно приносила бы громадную пользу, еслибы крестьяне часто заключали между собою сдѣлки и еслибы они не избѣгали обходиться безъ всякихъ письменныхъ скрѣпленій, всегда требующихъ и времени и расходовъ, а главное, еслибы у нихъ было побольше довѣрія къ добросовѣстности писаря и знаніямъ старшины. Теперь же, въ Тверской губ., напр., „число записанныхъ сдѣлокъ совершенно ничтожно; иногда оно доходитъ только до пяти въ теченіи цѣлаго года, въ другихъ волостныхъ

правленіяхъ до 40, а можетъ быть и болѣе¹⁾. Но и эти сдѣлки, вѣроятно, заключаются въ большинствѣ случаевъ по требованію лицъ изъ другихъ сословій, преимущественно землевладѣльцевъ, которые при помощи ихъ съ зими законтрактовываютъ себѣ рабочихъ по дешевымъ цѣнамъ, и деревенскихъ кулаковъ, ростовщиковъ и пр. Роль волостнаго старшины здѣсь, очевидно, еще хуже, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Недостатокъ времени, боязнь отвѣтственности, незнаніе канцелярскихъ порядковъ или недобросовѣстность, наконецъ, естественно развивающееся презрѣніе къ чисто крестьянскимъ интересамъ, привели къ тому, что крестьяне избѣгаютъ обращаться къ «излюбленнымъ» старшинамъ, когда дѣло касается мірскихъ интересовъ. Крестьянину нуженъ хлѣбъ изъ запаснаго магазина, наблюденіе за пополненіемъ которыхъ и распределеніемъ въ ссуду хлѣба поручено старшинѣ. Идетъ онъ въ волостное правленіе—здѣсь ему отвѣчаютъ то некогда, то нечего выдать, то «не имѣешь права», и минуя «излюбленную» власть онъ обращается къ «набольшимъ начальникамъ» т. е. въ крестьянское присутствіе или земство, отъ которыхъ, впрочемъ, получаетъ приблизительно тѣ же отвѣты. Въ иныхъ же селахъ запасные магазины прямо отбираются міромъ отъ старшинъ и передаются особымъ лицамъ. Другой крестьянинъ задумалъ перенести дворъ или построить новый послѣ пожара. Придерживаясь закона, онъ долженъ былъ бы обратиться къ старшинѣ, которому предоставлено право отводить мѣста для построекъ, слѣдить за исполненіемъ строптельнаго устава и различныхъ предупредительныхъ мѣръ противъ пожаровъ. Въ селѣ, гдѣ помѣщается волость, волей-неволей еще обращаются въ правленіе, но въ деревняхъ стараются обойтись безъ его разрѣшенія, которое дается послѣ многихъ проволочекъ, и заручаются только согласіемъ своего схода. Да и что за дѣло старшинѣ до чисто деревенскаго дѣла? Волостному старшинѣ предоставлено также, вѣроятно, въ видахъ скорости, также право разбирать просьбы объ усадьбахъ. Но скорость понятіе относительное и въ данномъ случаѣ крестьяне предпочитаютъ дожидаться цѣлыя недѣли или мѣсяцы рѣшенія схода, чѣмъ обращаться къ старшинѣ.

¹⁾ Доклады Тверской комисіи.

Одну изъ важнѣйшихъ обязанностей старшинами составляетъ выдача паспортовъ. Она отнимаетъ особенно много времени въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ развиты отхожіе промыслы; въ 8 губерніяхъ вечерноземной полосы: ярославской, нижегородской, костромской, владимірской, новгородской, тверской, псковской и московской ежегодно выдается около 1,130,000 паспортовъ и билетовъ (отъ 1 до 6 мѣсяцевъ). Но паспортъ нуженъ не крестьянину; въ интересахъ его, конечно, только можетъ быть установленіе полной свободы передвиженія. Выдача паспортовъ, точно также какъ и увольнительныхъ изъ обществъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ о припискѣ къ обществу новыхъ членовъ, отчасти засвидѣтельствованіе разнаго рода приговоровъ сельскихъ обществъ, — всѣ подобныя обязанности никакъ нельзя отнести къ области мѣстнаго самоуправленія. Волостной старшина здѣсь является исполнителемъ приказаній не міра, а властей, вѣдающихъ государственные интересы, точно также какъ и при выполненіи обязанностей по воинской и конской повинностямъ. По заявленію тверской комисіи въ настоящее время волостной старшина болѣе всего занятъ: 1) исполненіемъ разнаго рода безчисленныхъ порученій земствъ, должностныхъ лицъ, законныхъ и воплію противозаконныхъ. Разсылка повѣстокъ мировыхъ судей, судебныхъ слѣдователей и другихъ учреждений, разсылка окладныхъ листовъ всякаго рода, доставленіе разнаго рода, преимущественно конечно фантастическихъ свѣдѣній и т. д., и т. д. — вотъ въ чемъ заключается теперь большая доля дѣятельности волостнаго старшины. Это, такъ сказать, старшій разсылочный. Но всего болѣе времени, ума и энергіи посвящаетъ старшина взысканію разнаго рода платежей. Хлюпотъ здѣсь бездна: тамъ опись имущества, тутъ продажа, здѣсь расправа. По закону старшина, за исключеніемъ взысканія повинностей съ безземельныхъ крестьянъ, только «наблюдаетъ» за исправнымъ отбываніемъ повинностей, но въ дѣйствительности онъ «является не только наблюдателемъ за взносомъ полученныхъ сборщиками денегъ по принадлежности и регулярнымъ учетомъ сборщиковъ избравшими ихъ обществамъ» но по преимуществу «волостнымъ сборщикомъ». Да и какъ не сдѣлаться сборщикомъ? Вѣдь исправникъ мало справляется съ статьями, а безъ дальнихъ разговоровъ при недоборѣ податей отправляетъ старшину подъ арестъ, или дѣлаетъ «выговоръ», а выговоръ исправника, пожалуй, солонѣе

ареста. И вотъ преслѣдуемый этими призраками «кутюзки» и «выговора», старшина вооружается всею своею властью, ни мало не думая о своей отвѣтственности предъ сходомъ, и принимаетъ мѣру за мѣрой для побужденія недоимщиковъ къ уплатѣ налоговъ. Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь хотя бы о тѣни самоуправленія? Что ему волость, мѣръ? Если его не выберутъ на слѣдующее трехлѣтіе, то сколько нибудь порядочный крестьянинъ только того и добивается. Ловкому же человѣку, если онъ захочетъ остаться въ старшинахъ, законъ не указъ: подъ давленіемъ непремѣннаго члена, исправника, одного даже становаго, при подтасовкѣ волостнаго схода выборъ на новое трехлѣтіе дѣло не трудное. Въ самомъ законѣ есть постановленія, пользуясь которыми можно уничтожить всякое проявленіе протеста противъ неправильныхъ дѣйствій волостнаго старшины не только со стороны отдѣльной личности, но и цѣлаго міра. Достаточной острасткой для одиночныхъ протестантовъ служить опасеніе просидѣть по приказанію старшины 7 дней въ отвратительной арестантской или подвергнуться штрафу, въ случаяхъ же столкновенія съ міромъ легко сочинить оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей, явное неповиновеніе начальству, а въ подобныхъ случаяхъ обвиняемымъ, какъ извѣстно, приходится вѣдаться съ грознымъ судомъ въ судебной палатѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Можетъ ли явиться какое либо желаніе сопротивляться расхлѣвшемуся старшинѣ въ виду тасканія на допросы, быть можетъ, въ самую рабочую пору, за 200, 300, а иногда 600 и болѣе верстъ въ судебную палату, въ виду приговора, въ случаѣ обвиненія, къ арестантскимъ ротамъ или въ Сибирь. «Въ настоящее время, читаемъ въ благодушнѣйшей изъ газетъ, «Руси», старшину нельзя считать за выборнаго представителя крестьянъ: въ своей волости онъ нѣчто въ родѣ маленькаго губернатора или скорѣе турецкаго пашы». Причиной тому не невѣжество, не раболѣпство міра, даже не злая наклонность старшинъ, въ большинствѣ случаевъ, людей забитыхъ и зауганныхъ, а совершенно внѣшнія обстоятельства. Исправнику необходимо собрать весь окладъ; подъ страхомъ штрафа и ареста онъ предписываетъ старшинѣ какъ можно строже взмскивать подать, и тотъ, волей не волей, долженъ обращаться къ самымъ крайнимъ мѣрамъ наказанія, совершенно основательно полагая, что цѣль оправдываетъ въ глазахъ исправника всѣ средства.

Можно сказать, что вся дѣятельность старшинъ есть сплошное превышеніе власти. «Любимцамъ начальства дѣлаются строгіе и суровыя старшины, знающіе начальство да свою волю и не признающіе ни міра, ни сходовъ, ни судовъ. Такіе старшины-самодуры остаются въ должности по нѣскольку лѣтъ, будучи избираемы по приказу начальства или же назначаемы безъ всякихъ выборовъ, на что есть много доказательствъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ». «Старшина — опекунъ, и судья и хозяинъ крестьянъ: онъ штрафуетъ, поретъ, засаживаетъ въ кутузку; міръ — дрожитъ предъ старшиною, такъ какъ разъяравшійся старшина можетъ перепоротъ всѣхъ стариковъ, поморозитъ и проморитъ ихъ въ сибирѣ, и никто не смѣетъ оказать ему непослушанія или сопротивленія, потому что за это крестьяне идутъ въ Сибирь или арестантскія роты» (Жишеяскій, «Русь», 1881, № 35 и слѣд.).

Лучшимъ критеріемъ для оцѣнки современнаго крестьянскаго «самоуправленія» можетъ служить положеніе писаря. Поставленные по закону въ весьма скромное положеніе наемныхъ лицъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ волостнымъ правленіемъ, волостные писаря, благодаря общему характеру, какой получило вскорѣ послѣ реформы крестьянское управленіе, превратился въ полновластнаго распорядителя волости. Громадная переписка, которую приходится вести волостнымъ правленіямъ, по необходимости должна была поставить самихъ старшинъ, обыкновенно малограмотныхъ или и совсѣмъ безграмотныхъ. въ полную зависимость отъ этихъ людей, добрая половина которыхъ смотритъ на свою должность единственно какъ на источникъ наживы. Мало по малу волостныя правленія были совсѣмъ устранимы отъ назначенія писарей, и теперь назначеніе и увольненіе ихъ гораздо чаще зависятъ отъ непремѣннаго члена уѣзднаго присутствія или исправника, чѣмъ отъ схода. Не трудно угадать, какія отношенія должны установиться при такихъ условіяхъ между писарямъ и крестьянами. Поставленный по отношенію къ этимъ послѣднимъ совершенно независимо, на оборотъ, вполне подчиненный власти членовъ уѣзднаго присутствія, писарь, по инстинкту самосохраненія уже, дорожитъ исключительно ихъ расположеніемъ, которое достигается, какъ извѣстно, точнымъ выполненіемъ ихъ требованій, униженіемъ, и т. д. средствами. Что для него міръ, члены котораго каждый день топчутся на порогѣ волостнаго правленія, съ жадностью жоня

каждое его слово? Стадо барановъ, годное лишь для того, чтобы доставлять руно.

Личныя качества писарей, подбираемыхъ конечно не безъ вниманія къ цѣли ихъ дѣятельности, не блпстають добродѣтелями: они обыкновенно набираются изъ мелкихъ чиновниковъ старыхъ судовъ, разнаго рода случайныхъ людей, успѣвшихъ понабить руку въ канцелярской премудрости и обладающихъ умѣньемъ правиться однимъ и держать въ страхѣ другихъ. Сколько нибудь честный человекъ не пойдетъ, да и не попадетъ въ волостные писаря. Нравственность людей этого класса, пишетъ г. Клишенскій; стоитъ на самой низкой степенн: взяточничество, продажность, пьянство, развратъ, отсутствіе добросовѣстности и честности составляетъ характеристическую ихъ принадлежность и не только не считаются здѣсь за пороки, но составляютъ въ своемъ родѣ доблести. Прибавимъ къ этимъ нравственнымъ качествамъ низкопоклонство предъ высшими или предъ тѣми, кто силенъ и нуженъ, гордость и чванство предъ низшими, глубокое, ничѣмъ не сокрушимое презрѣніе къ народу, и мужику, ко всѣмъ его порядкамъ и понятіямъ. Въ случаяхъ стольновенія крестьянъ или міра съ кулакомъ, землевладѣльцемъ и вообще посторонними лицами, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ знанія писаря могли бы оказать существенную услугу онъ или ничего не дѣлаетъ или на сторонѣ кулаковъ, если не имѣетъ съ такими лицами какихъ нибудь своихъ, личныхъ счетовъ. Въ лучшемъ случаѣ, онъ продается тому кто дороже дастъ. Всякія кляузы составляютъ для него источникъ наживы и раздувать малѣйшія ссоры до судебного дѣла, возбуждать вообще вражду прямо совпадаетъ съ его интересами. Вотъ во что превратилось крестьянское самоуправленіе, возбуждавшее такъ много надеждъ въ первые годы своего существованія!

Эти надежды, однакоже, имѣли основаніе. Начала на которыхъ устроено волостное и сельское самоуправленіе, по своей сущности, были и остаются—раціональными началами всякаго правильнаго общественнаго устройства. Въ основѣ его лежитъ признаніе воли «мірскаго схода», состоящаго изъ представителей всѣхъ хозяйствъ, Волостные старшины и другія должностныя лица, по смыслу «Положенія», не болѣе, какъ исполнители мірскихъ рѣшеній, представляющихъ выраженіе воли всѣхъ. Они выбираются на сроки и всегда отвѣтственны предъ своими избирателями. Компетенція волостнаго и

сельскаго сходовъ захватываетъ наиболѣе важныя интересы крестьянина. Достаточно сравнить «Положеніе 19 февр.» съ «Городскимъ Положеніемъ» 1870 г., чтобы убѣдиться въ достоинствахъ перваго. Въ городахъ избиратели дѣлятся на разряды по ихъ имущественному состоянію и права первыхъ двухъ разрядовъ при выборахъ почти сводятъ къ нулю значеніе выборщиковъ третьяго разряда; въ селахъ (великорусскихъ) не существуетъ никакихъ разрядовъ и, по закону, каждому домохозяину открытъ доступъ къ сходкамъ и выборамъ безъ какихъ либо ограниченій. Городское управленіе на каждомъ шагѣ встрѣчается съ предписаніями закона, стѣсняющими его дѣятельность извѣстными предѣлами, мірской же сходъ и волость въ своихъ постановленіяхъ руководятся, напротивъ, главнымъ образомъ, обычаемъ. И, не смотря на то, крестьянинъ чувствуетъ себя въ своей волости такимъ же чуждымъ безправнымъ человѣкомъ, какъ и въ полицейскимъ участкѣ, гораздо болѣе чуждымъ, чѣмъ горожанинъ въ думѣ.

На нѣкоторыя условія, помѣшавшія осуществленію идеи Положенія, мы уже указали, далѣе постараемся представить еще нѣкоторыя объясненія. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ по поводу распространеннаго мнѣнія о неспособности крестьянъ къ самоуправленію, въ которой будто бы лежитъ основная причина безпорядка и безобразій волостнаго и сельскаго управленія. Мы могли бы напомнить читателю о томъ замѣчательномъ «порядкѣ», какой господствуетъ при нормальныхъ условіяхъ въ поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, но, такъ какъ объ этомъ было говорено много разъ, то предложимъ лишь всѣмъ придерживающимся такихъ мнѣній представить себя или хотя членовъ англійскаго парламента, наконецъ докторовъ всѣхъ правъ въ положеніи «самоуправляющихся» крестьянъ. Не были ли результаты еще болѣе плачевны, чѣмъ тѣ, какія приводятъ теперь этихъ господъ въ негодованіе? Во всякомъ случаѣ они едва ли были бы лучше. Дѣло не въ недостаткѣ способности къ самоуправленію, а въ условіяхъ парализующихъ всякое проявленіе такой способности.

Эти условія помѣшали развиваться и третьему учрежденію, созданному «Положеніемъ», — волостному суду, къ разсмотрѣнію котораго теперь и перейдемъ.

При всемъ желаніи отыскать слабыя стороны въ основныхъ началахъ, на которыхъ устроены крестьянскіе суды, мы не мо-

гли бы сдѣлать никакаго существеннаго возраженія противъ той организаціи, какую они должны имѣть по мысли закона.

Положеніемъ, какъ извѣстно, установлены для разбора судебныхъ дѣлъ между крестьянами два вида суда: 1) судъ сельскаго схода т. е. судъ міра, общины. Онъ вѣдаетъ всѣ столкновенія интересовъ, возникающія изъ общинныхъ отношеній; 2) волостной судъ, вѣдѣнію котораго подлежатъ дѣла уголовного и гражданскаго характера. Обоимъ судамъ предоставлено важное право руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ исключительно обстоятельствами самихъ дѣлъ и мѣстными обычаями. Въ первые годы рѣшенія обоихъ судовъ признавались окончательными, и потому, 14 февр. 1866 года установленъ былъ кассационный порядокъ обжалованія рѣшеній волостнаго суда въ сѣздѣ мировыхъ посредниковъ. Съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ право кассации перешло къ замѣннившимся ихъ уѣзднымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ, кромѣ того, было вмѣнено въ обязанность издавать инструкціи для руководства волостныхъ сельскихъ должностныхъ лицъ чѣмъ нѣкоторыя присутствія и воспользовались. Какія возраженія можно представить, въ интересахъ справедливости судебныхъ рѣшеній, противъ идеи мѣстнаго суда составленнаго изъ лицъ, выбранныхъ самимъ обществомъ, имѣющихъ съ подсудными общіе экономическіе интересы, рѣшающихъ дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, особенно при громадности нашихъ разстояній, разбросанности населенія, пестротѣ этнографическомъ составѣ и различныхъ историческихъ условій его. Недостатокъ юридической подготовки? Но гдѣ же найти лицъ совмѣщающихъ въ себѣ юридическое образованіе и знаніе мѣстной жизни? Безъ этого же послѣдняго условія судья въ деревнѣ не мыслимъ. Самый образованный юристъ, если овъ не живетъ интеліесаами крестьянской массы, не знакомъ полному опыту съ требованіями ея своеобразной жизни и міровоззрѣніемъ, при всемъ желаніи быть справедливымъ, въ большинствѣ случаевъ затруднится отыскать критерій для правильнаго рѣшенія спорнаго дѣла. И говоря о поземельныхъ вопросахъ, гдѣ даже крестьяне, если они не перестаютъ заниматься земледѣіемъ, чувствуютъ себя на чужбѣ, въ вопросахъ общаго гражданскаго и уголовного права понятія крестьянъ о справедливомъ такъ значительно отличаются отъ усвоенныхъ дѣйствующимъ законодательствомъ, что судья

оспитанный на писанномъ правѣ. только по счастливой случайности можетъ приходить къ сколько нибудь вѣрному рѣшенію. Достаточно припомнить такія особенности крестьянскаго быта, какъ распредѣленіе земли на равномъ правѣ между всеми членами общины, своеобразная организація семьи, какъ трудового союза, и вытекающія изъ нея права на наслѣдство пропорціонально участію въ накопленіи имущества, а не близости родства, а слабое развитіе идеи личной чести, вслѣдствіе чего въ деревенскихъ судахъ каждое уголовное дѣло такъ легко превращается въ гражданскій искъ и т. п. черты, чтобы убѣдиться какъ мало могутъ помочь юристу въ деревнѣ изученіе нормъ писанаго права.

Недостаточность общаго развитія? Но идея мѣстнаго суда какъ вообще мѣстнаго самоуправленія нисколько не противорѣчитъ частіе въ немъ образованныхъ лицъ, лишь бы экономическіе интересы ихъ не были противоположны интересамъ мѣстныхъ жителей.

Сельскіе и волостные суды представляютъ кромѣ того для крестьянъ многія практическія удобства, которыхъ при другомъ устройствѣ нельзя было бы достигнуть: 1) Они находятся вблизи отъ тяжущихся, стало быть всегда подъ рукой, отчего сберегается время и достигается большая скорость суда; 2) предъявляя весьма мало нормальныхъ требованій, которыми такъ изобилуютъ и часто по необходимости всѣ другіе суды, они даютъ возможность и совершенно неграмотному человѣку возстановить свое право, обыкновенно не огражденное письменными актами (въ большинствѣ случаевъ сдѣлки и договоры между крестьянами совершаются словесно), или, выражаясь проще, выиграть дѣло по совѣсти, а не по закону¹⁾; 3) руководствуясь исключительно своими убѣжденіями, волостные судьи всегда могутъ принять во вниманіе степень развитія подсудимаго, его прошлое, условія, при которыхъ онъ совершилъ поступокъ, и вообще всю индивидуальную обстановку правонарушенія. Нѣтъ нужды много говорить, какъ драгоценна для подсудимыхъ такая свобода судей, особенно въ виду суровыхъ наказаній, налагаемыхъ нашимъ уложеніемъ. Еще болѣе

¹⁾ Матеріалы комисіи (тверскаго земства) по крестьянскому вопросу. Складъ г. Пovalo-Швейковскаго, стр. 50.

важное преимущество сельских судовъ предъ другими заключается въ правѣ судей рѣшать дѣла каждый разъ по существу. Обычаи которыми руководятся сельскіе суды, не статьи закона. Народноміровоззрѣніе не уложилось и не можетъ уложиться въ какіе-либо законченныя формулы, оно постепенно и постоянно измѣняется подъ вліяніемъ различныхъ условій, жизненной обстановки отдѣльных лицъ и цѣлыхъ общинъ, закона, примѣра другихъ сословій, и было бы величайшимъ насиліемъ надъ совѣстью судей заставить ихъ, какъ этого многіе желаютъ, придерживаться разнавсегда составленнаго кодекса обычнаго права, хотя бы этотъ кодексъ былъ составленъ съ полной добросовѣстностью. Наконецъ въ 4) немалое удобство сельскихъ судовъ въ томъ, что дѣлопроизводство въ нихъ не оплачивается пошлинами.

Сельскіе суды вѣдаютъ дѣла исключительно между крестьянами. въ тѣхъ же случаяхъ, когда одною изъ сторонъ является не крестьянинъ, законъ требуетъ, чтобы тяжущіеся обращались къ общиннымъ судебнымъ учрежденіямъ, которые также судятъ и самихъ крестьянъ, если судебное дѣло началось въ городѣ. Очень можетъ быть, что страхомъ предъ чужими судами объясняется отчасти та сдержанность, вѣрнѣе боязливость, какая характеризуетъ крестьянина въ городѣ и въ сношеніяхъ съ лицами другихъ сословій, боязливость представляющая рѣзкій контрастъ съ непринужденностью отношеній между самими крестьянами.

Все это, можетъ быть, и вѣрно по теоріи, возразить вѣроятнаго какой-нибудь практикъ, но вѣдь на самомъ то дѣлѣ этихъ праведныхъ судей со всѣмъ ихъ обычнымъ міросозерцаніемъ за штофъ водки можно всегда повернуть въ любую сторону. Мы скажемъ больше: имъ можно приказать принять то или другое рѣшеніе безъ всякихъ угоденій; водка является въ сущности вознагражденіемъ, «благодарностью» отъ «добраго сердца» приказавшаго надлежащее исполненіе приказанія. Но о какихъ же приказаніяхъ можетъ быть рѣчь, когда въ камерѣ крохѣ судей и подсудимыхъ да наемнаго писаря никого нѣтъ, когда закономъ категорически запрещена волостному старшинѣ вмѣшиваться въ судебное разбирательство? Что значить законъ, отвѣтимъ мы, хотя бы онъ былъ идеальнымъ выраженіемъ истины, пользы и справедливости, когда всей строй жизни парализуетъ осуществленіе его требованій. Поставленный въ полную зависимость отъ старшины, волостной судья долженъ

обладаетъ значительнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы во имя закона указать ему на дверь въ случаѣ виѣшательства въ дѣло; тоже самое и относительно писаря, кулака. Главный недостатокъ волостныхъ судовъ заключается въ ихъ полномъ подчиненіи администраціи волости и въ пристрастныхъ рѣшеніяхъ въ случаѣ тяжбы богатыхъ и бѣдныхъ. Особенно въ послѣднее время, когда въ деревнѣ все рѣзче началъ обнаруживаться экономическій расколъ богатыхъ и бѣдныхъ, волостные суды стали возбуждать жалобы несправедливостью своихъ рѣшеній. Остальные недостатки этихъ судовъ менѣе существенны и легко устранимы. Волостные судьи, выбираемые на озвѣстный срокъ и отправляющіе свои обязанности безъ всякаго вознагражденія относятся къ дѣламъ небрежно, самое разбирательство, но непривычкѣ производитъ систематическое слѣдствіе и дѣлать обобщенія, ведутъ неумѣло. Посторонній человѣкъ въ первый разъ будетъ не мало пораженъ хаосомъ судебныхъ преній, напоминающихъ собою общій гвалтъ рыночной толпы, въ которой не разберешь кто о чемъ говорить; но пусть онъ не поддается первому впечатлѣнію. Побывавши въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и взвѣсивши всѣ обстоятельства крестьянскаго быта, онъ можетъ быть найдеть въ такомъ хаотическомъ судоговореніи кое-какіе и достоинства, хотя бы, на примѣръ, полный просторъ для искренняго выраженія мнѣній, чего въ другихъ судахъ часто не можетъ добиться ни самый строгій прокуроръ, ни самый ловкій адвокатъ. Однакожъ неумѣлость остается неумѣлостью и ничто такъ не желательно для сельскихъ судей, какъ общее развитіе. Комиссія состоявшая подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, обревизовавши до 480 волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ пришла прежде всего къ убѣжденію, что волостные суды полезны для крестьянъ и ихъ необходимо сохранить, но «Положеніе» волостнаго суда стоитъ въ самой тѣсной и неразрывной связи съ развитостью крестьянскаго населенія различныхъ полось имперіи и, можно сказать, безошибочно, что безграмотность и грамотность есть главнѣйшій тормазъ и двигатель крестьянскаго самосуда. Дѣйствительно какъ бы ни были упрощены формы судопроизводства, но безъ знанія книги и письма по необходимости судьи будутъ оставаться въ зависимости отъ писарей. Гораздо менѣе, по нашему мнѣнію, справедливо мнѣніе комисіи, что «экономическій бытъ крестьянъ, принадлежность ихъ

къ тому или другому наименованію или народности, родъ ихъ занятій и т. п. имѣеть лишь второстепенное значеніе». ¹⁾ Мы уже говорили, что первое условіе имѣеть напротивъ весьма важное значеніе; важны и остальные условія: «крестьянское населеніе, въ настоящее время не представляетъ однообразную, патріархальную среду, какъ то было до 19 февраля 1861 г., но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являетъ большое разнообразіе, начиная отъ старыхъ возрѣній сѣраго мужика до новѣйшихъ понятій полуобразованности: и «въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ отражается эта разнообразность, весьма далекая отъ настоящей справедливости» ²⁾. Всѣ обстоятельства, мѣшающія правильнымъ дѣйствіямъ волостныхъ судовъ, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что рѣшенія этихъ судовъ окончательны: законъ допускаетъ на нихъ одни только кассаціонныя жалобы. Къ тому же разсмотрѣніе этихъ жалобъ трудное уже само по себѣ, при отсутствіи кодекса, которымъ судъ могъ бы руководствоваться, точно опредѣленныхъ границъ подсудности, какихъ либо формъ судопроизводства, предоставлено совѣсьмъ некомпетентному въ судебныхъ дѣлахъ и бездѣятельнѣйшему изъ всѣхъ учрежденій: уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію.

Недостатковъ въ волостномъ судѣ, какъ видимъ, не мало, но обо всемъ надо судить относительно. Лучшіе пѣвители здѣсь крестьяне. А они, сознавая слабія стороны своихъ судовъ, все таки предпочитаютъ ихъ всѣмъ другимъ. Ни въ гражданскихъ искахъ меньше 100 руб., ³⁾ ни въ уголовныхъ дѣлахъ подлежащихъ вѣдѣнію волостнаго суда крестьянинъ и не подумаетъ искать правды у мирового, который и судить—то строго, и спитъ до полудня, да и живетъ далеко. Мировой судья правда не поретъ, но къ чести волостныхъ судовъ надо сказать, что въ послѣднее время они рѣшительно избѣгаютъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ того не требуетъ администрація или если подсудимый дѣйствительно не злой человѣкъ (конокрадъ, хлѣбокрадъ по профессіи и т. п.).

¹⁾ Докладъ комиссіи, стр. 1.

²⁾ Матеріалы Тверской комиссіи, стр. 53.

³⁾ Зарудный, итога крестьянскихъ судовъ.

Во многих мѣстахъ, какъ извѣстно, къ волостнымъ судамъ прибѣгаютъ и лица другихъ сословій.

Вообще, если посмотрѣть да посравнить съ другими святилищами Оемиды, которыя, какъ извѣстно, тоже не блистаютъ святостью, сельскіе суды далеко не такъ дурны и отрицать пользу этихъ судовъ, требовать ихъ уничтоженія можно только развѣ ужъ черезчуръ начпавши себя толками о глупости и подлости массы, не знающей, словно малый ребенокъ, что для нея хорошо и что дурно. Измѣненія въ организаціи волостнаго суда необходимы, но всѣ они должны быть направлены къ укрѣпленію общиннаго самосуда путемъ расширенія компетенціи судовъ, допущенія образованныхъ людей, учителей, врачей и т. п., въ составъ суда, установленія кассационной инстанціи въ лицѣ выборнаго и знакомаго съ дѣломъ учрежденія, а не къ уничтоженію его. Образованные люди, о которыхъ мы говоримъ, должны быть не начальниками, а товарищами, совѣтниками, не имѣющими другой власти, кромѣ той, какая дается знаніемъ и личными качествами. Опытъ съ интеллигентными начальниками сдѣланъ, и мы теперь переходимъ къ изложенію его исторіи и результатовъ.

Составители «Положенія» имѣли въ себѣ достаточно силы характера, чтобы стать выше существовавшихъ предубѣжденій по отношенію къ крестьянской массѣ и отнеслись съ довѣріемъ къ ея умственнымъ и нравственнымъ силамъ. Но, въ виду переходнаго времени, естественно было думать, что народъ, забытый крѣпостнымъ правомъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, поголовно безграмотный, не привыкшій ни къ самостоятельности въ дѣлѣ управления, ни къ защитѣ своихъ правъ при столкновеніяхъ съ недругами, которыхъ было довольно, естественно было предполагать, что, вышедши изъ рабства крестьяне очутятся въ безпомощномъ положеніи и снова попадутъ въ зависимость отъ разнаго рода эксплуататоровъ. Для предупрежденія подобной будущности руководство крестьянскимъ самоуправленіемъ было поручено особымъ лицамъ изъ среды дворянъ и мировымъ посредникамъ, которымъ были предоставлены всѣ средства для защиты крестьянъ отъ какихъ-либо посягательствъ на ихъ свободу. Цѣль была превосходная. Дать темной и забытой массѣ образованнаго руководителя, который помогъ бы ей ориентироваться въ новомъ положеніи, уяснилъ бы ея истинные интересы, указалъ

бы на опасности, всеми средствами содѣйствовали бы ослабленію рабскихъ наклонностей и развитію способности къ самоуправленію,—что можно возразить противъ такого намѣренія? Время предъявляло къ крестьянамъ въ высшей степени важныя требованія, отъ рѣшенія которыхъ зависѣла будущность многихъ поколѣній: это было время устройства поземельныхъ отношеній, организаціи выборнаго управленія и суда, и ни въ чемъ такъ не нуждалась масса, какъ въ честныхъ руководителяхъ, вооруженныхъ силою знанія и искреннимъ сочувствіемъ къ интересамъ народа. Современники увѣряютъ, что мировые посредники первого призыва стояли на высотѣ своей задачи, и можно дѣйствительно привести нѣсколько пменъ, съ которыми навсегда останется связаннымъ представленіе о честной дѣятельности въ пользу народа. Но въ тѣ же первые годы много было и бездѣятельныхъ посредниковъ, были и прямо враждебные крестьянской реформѣ. Но какъ бы то ни было, скоро послѣ своего появленія посредники начали возбуждать общія неудовольствія. Крестьяне видѣли въ нихъ помѣщиковъ, тянувшихъ руку баръ, и мало довѣряли искренности ихъ совѣтовъ и увѣщаній, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты эти были въ пользу крестьянъ. Помѣщики недовольны были ихъ индифферентизмомъ къ интересамъ своего сословія, иные же открыто обвиняли посредниковъ въ пристрастіи къ крестьянамъ. Правительство также имѣло основаніе быть недовольнымъ ихъ бездѣятельностью, такъ какъ возрастающія недовѣки тогда объяснялись исключительно слабостью принимаемыхъ ими мѣръ въ исканія. Сами посредники, какъ бы оправдывая общее мнѣніе, мало по малу усвоили взглядъ на свою должность, какъ на доходную спяеуру. Въ 1874 г. мировые посредники были, наконецъ, упразднены, а права ихъ переданы уѣзднымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, существующимъ и до настоящаго времени. Но уже самый составъ этихъ присутствій давалъ основаніе сомнѣваться, чтобы крестьяне выгадали отъ такой перемены. Уѣздное присутствіе состоитъ изъ предводителя дворянства, исправника, непремѣннаго члена, председателя управы и почетнаго мирового судьи. Непремѣнный членъ вѣдаетъ исключительно крестьянскія дѣла, но, не пользуясь никакой самостоятельной властью, онъ во всей своей дѣятельности связанъ рѣшеніями цѣлой коллегіи; дѣятельность же коллегіи, наоборотъ, находится въ прямой зависимости отъ дѣятельности непремѣ-

наго члена: «Этимъ объясняется, что надзоръ, заботы и попеченіе о крестьянскомъ управленіи обратились въ мертвый канцеляризмъ»¹⁾. Дѣла лежатъ по годамъ, особенно такія, какъ кассационныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ. Остальные члены какъ заняты другими обязанностями, что могутъ удѣлять крестьянскимъ присутствіямъ лишь нѣсколько дней въ году. Но бездѣтельность еще не худшая сторона присутствій. Положеніемъ 27 іюня 1874 года одному изъ членовъ этой коллегіи, исправнику, предоставлена по отношенію къ крестьянамъ власть, совершенно уничтожающая значеніе крестьянскаго самоуправленія и даже самого присутствія. Важнѣйшій пунктъ соприкосновенія крестьянъ съ присутствіемъ—уплата податей, и въ этомъ отношеніи исправнику дано право единолично принимать самостоятельныя и безконтрольныя рѣшенія. Въ случаяхъ уклоненія крестьянъ отъ платежей онъ вправе подвергать старшинъ и старостъ арестамъ и штрафамъ, а этого одного достаточно для того, чтобы свести значеніе крестьянскаго самоуправленія къ нулю.

Общія жалобы, возбужденныя дѣятельностью присутствій, оказались такъ сильны, что правительство чрезъ шесть лѣтъ послѣ ихъ учрежденія признало необходимымъ подвергнуть пересмотру Положеніе 1874 г. и, вѣроятно, убѣдились въ невозможности рѣшать вопросы такой важности кабинетнымъ способомъ, обратилось въ декабрѣ 1880 года къ земствамъ и крестьянскимъ присутствіямъ съ рядомъ вопросовъ о различныхъ сторонахъ крестьянскихъ учрежденій, приглашая ихъ при этомъ высказать всѣ соображенія, какія они найдутъ полезными для правильнаго рѣшенія дѣла, хотя бы эти соображенія выходили за предѣлы предложенной программы. Земства съ охотой откликнулись на такое рѣдкое для нихъ приглашеніе и предъ нами теперь громадная литература ихъ отвѣтовъ и проектовъ. Что же они отвѣтили?

(Продолженіе будетъ).

С.

¹⁾ Кошелевъ, Земство, 1881 № 23. Ср. записку Ланда. Земство, №№ 29 и 33.

БИБЛОГРАФІЯ.

Земскіе вопросы. Очерки и обзорнія. В. Ю. Скалона. Изданіе редакціи газеты «Земство». М. 1882.

Какъ извѣстно, въ настоящее время вырабатывается программа для предстоящихъ занятій комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ статссекретаря Каханова и имѣющей выработать проектъ преобразованій нашего мѣстнаго управленія, т. е. крестьянскихъ, городскихъ и земскихъ учрежденій. Естественно было-бы ожидать, что въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію упомянутой комиссіи, литература дѣятельно займется ихъ разработкою и своими указаніями облегчитъ работу комиссіи. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, литература, еще недавно дѣятельно работавшая вопросы мѣстнаго управленія, почти совершенно перестала говорить о данныхъ вопросахъ. Такое странное явленіе объясняется просто тѣмъ, что у насъ, при выработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, обыкновенно мало обращается вниманія на указанія литературы. Неудивительно поэтому, что дѣятели литературы совершенно потеряли вѣру въ возможное достиженіе какихъ-либо практическихъ результатовъ своими работами, и если занимаются разработкою общественныхъ вопросовъ, то исключительно или ради ихъ теоретическаго интереса или въ видахъ уясненія положенія дѣлъ обществу, которое никакого вліянія на законодательныя мѣропріятія не имѣетъ.

Есть, однако, и въ обществѣ, и въ литературѣ дѣятели, которые вѣрятъ въ то, что они могутъ достигнуть своею дѣятельностью непосредственныхъ практическихъ результатовъ даже при столь небла-

гопріятныхъ условіяхъ. Къ числу такихъ лицъ безспорно принадлежить г. Скалонъ, всецѣло посвятившій себя служенію земскому дѣлу и заявившій себя сперва въ качествѣ дѣятеля московскаго земства, а потомъ въ качествѣ редактора-издателя еженедѣльной газеты «Земство». Разбираемая книга г. Скалона представляетъ собою сборникъ статей по земскимъ вопросамъ, помѣщенныхъ авторомъ въ 1879 и 1880 гг. въ журналахъ «Юридическій Вѣстникъ» и «Русская Мысль». Сборникъ этотъ, дѣйствительно, содержитъ массу интересныхъ данныхъ, которыя могутъ послужить драгоценнымъ матеріаломъ для законодательныхъ работъ, если, конечно, имъ пожелаетъ воспользоваться какая нибудь коммиссія занимающаяся вопросами, имѣющими близкое отношеніе къ земскому дѣлу. Впрочемъ, такой судьбы для своего труда не ожидаетъ, кажется, и самъ г. Скалонъ: онъ объясняетъ появленіе своей книги единственно «замѣчаемымъ въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ оживленіемъ интереса къ земскому дѣлу».

Земскія учрежденія, какъ и большинство реформъ прошлаго царствованія, были приняты нашимъ обществомъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, съ самыми розовыми надеждами и мечтами. «Принципъ самостоятельности», провозглашенный для новаго общественнаго органа положеніемъ 1-го января 1864 года, не зависимость отъ мѣстной администраціи, ему предоставлявшаяся, права ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, наконецъ, примѣненіе выборнаго начала и устраненіе сословныхъ дѣленій,—все это не могло не привлечь симпатій къ новому учрежденію. Лучшие земскіе люди, давно уже мечтавшіе о свободномъ развитіи общественныхъ силъ, съ вѣрой, надеждой и любовью бросились въ земскую дѣятельность, усматривая въ ней начало, зарю новаго, свѣтлаго, давно желаннаго и ожиданнаго будущаго (стр. 2). «Лучшіе земскіе люди» совершенно не обращали вниманія на странное положеніе, которое занимаютъ земскія учрежденія въ системѣ мѣстнаго управленія, чего, одного было достаточно, чтобы изъ земства не вышло ничего путнаго. Съ одной стороны, закономъ прямо постановлено, что «земскія учрежденія ни по составу своему, ни по основнымъ началамъ, не суть власти правительственныя»; какъ неправительственныя инстанціи, земскія учрежденія подчиня-

ются общими законами, на том же основании, какъ отдельные общества и частныя лица (стр. 21). Не имѣя, такимъ образомъ, власти правительственной, земскія учрежденія, съ другой стороны, совершенно лишены всякой свободы дѣйствія, принадлежащей частнымъ лицамъ и обществамъ: регламентація внутреннихъ распоряжковъ въ земскихъ учрежденіяхъ доведена до максимума; контроль администраціи надъ всѣми самыми мелкими дѣйствіями земства поставилъ земскую дѣятельность въ полную зависимость отъ благорасположенія административныхъ лицъ. При такомъ участномъ характерѣ земскихъ учрежденій, „на ряду съ ними, должно было остаться много разнородныхъ, правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ органовъ, частью преслѣдующихъ одинаковыя съ земствомъ задачи, частью имѣющихъ даже возможность вліять на ходъ чуждаго земскаго дѣла“; таковы дворянскія учрежденія, городскія и сельскія общества, „входящія въ составъ земства, но лишеныя всякой съ нимъ связи, наконецъ, бюрократическая полиція, „самостоятельно вѣдающая многія отрасли мѣстнаго хозяйства, въ то же время ввѣренныя и земскимъ учрежденіямъ“ (22). Въ самомъ земствѣ, несмотря на провозглашенный земскимъ Положеніемъ принципъ бессословности, въ дѣйствительности, крупному землевладенію даны всевозможныя привилегіи: „по приложенной къ Положенію табели, изъ 318 уѣздовъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, въ 202 число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ составляетъ половину всего числа членовъ уѣздныхъ собраній, въ 98 оно менѣе половины, но болѣе $\frac{1}{2}$, въ 6 — менѣе $\frac{1}{2}$, въ 16 — $\frac{1}{4}$. Остальное число гласныхъ раздѣляется между сельскими обществами и городами. Такимъ образомъ, землевладѣльцы въ большинствѣ уѣздовъ сильнѣе каждаго изъ двухъ остальныхъ сословій и, склонивши къ себѣ не значительное число городскихъ или общинныхъ депутатовъ будутъ располагать большинствомъ (стр. 46). Къ этому присоединяется то обстоятельство, что предсѣдателемъ земскаго собранія является дворянскій предводитель, хотя бы онъ не былъ гласнымъ и даже не имѣлъ ценза (47). Преобладаніе землевладѣльческаго элемента въ земствѣ еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что гласные отъ крестьянъ, болѣею частью, крестьянскія должностныя лица, не могутъ проявлять никакой самостоятельности на земскихъ собраніяхъ, такъ-какъ находятъ въ пол-

ной зависимости отъ администраціи, члены которой даже подвергаютъ гласныхъ отъ крестьянъ аресту за самостоятельный образъ дѣйствій (стр. 39—42). Самый выборъ гласныхъ отъ крестьянъ не можетъ быть производимъ свободно, благодаря той широкой власти, которую пользуется уѣздная полиція по отношенію къ крестьянамъ (42-44). Наконецъ, земскія учрежденія, не пользуются даже самымъ естественнымъ правомъ принадлежащимъ частнымъ лицамъ и обществамъ, правомъ взаимныхъ сношеній для выработки общихъ мѣропріятій и для лучшаго достиженія поставленныхъ цѣлей въ томъ или другомъ вопросѣ (стр. 13—14 и 116—146).

Все вышензложенное «лучшіе земскіе люди» могли видѣть при самомъ изданіи «Земскаго Положенія» и могли понять, какъ мало пользы должны принести земскія учрежденія, основанныя на такихъ началахъ и занимающія такое неопредѣленное положеніе въ системѣ мѣстнаго управленія. Ничего этого, однако, «лучшіе земскіе люди» не видѣли и не понимали. Нужны были долгіе годы реакціи, чтобы «лучшіе земскіе люди» пришли къ пониманію дѣйствительности, и, переставъ парить за облаками, близко ознакомились съ нею. «Скоро всѣ мечты, всѣ надежды должны были разсѣяться. Земскіе дѣятели должны были узнать, что они увлекались, что они невѣрно понимали свое положеніе. Они скоро узнали, что многіе затронутые ими вопросы выходятъ изъ ихъ компетенціи, что многія ходатайства, съ любовью ими обдуманная и разработанныя, не только не получаютъ удовлетворенія, но и совсѣмъ не удостоиваются отвѣта, теряясь въ канцеляріяхъ подлежащихъ министерствъ. Оказалось даже, что земство не имѣетъ права касаться многихъ сторонъ народнаго быта и притомъ самыхъ важныхъ, именно такихъ, на которыхъ зиждется народное благосостояніе, что даже изслѣдованіе экономическаго положенія мѣстности выходитъ изъ круга его вѣдѣнія» (3). Списокъ разочарованій «лучшихъ земскихъ людей» вообще очень длиненъ и перечислить всѣ ихъ разочарованія очень утомительно, пожалуй, и вовсе невозможно. Остановимся поэтому только на наиболее важныхъ. Такъ оказалось, что «самостоятельность», которая всего болѣе привлекала лучшія силы общества къ земскому служенію, въ дѣйствительности совсѣмъ не существуетъ: лица, избираемыя земскими собраніями въ должности, не утверждаются губернаторами

безъ объясненія причинъ; несмѣняема представители земства пре-
 бращаютъ свою дѣятельность «безъ собственнаго на то желанія,
 и безъ судебного приговора», свобода слова въ земскихъ собра-
 нияхъ стѣсняется цензурою предсѣдателя, который каждую минуту
 можетъ лишить гласнаго слова; чтеніе докладовъ управъ и спе-
 ціальныхъ комиссій зависитъ отъ произвола тѣхъ же предсѣда-
 телей, нерѣдко останавливающихъ чтеніе наиболее важныхъ до-
 кладовъ и самовольно прекращающихъ пренія по наиболее инте-
 реснымъ вопросамъ (стр. 3—4 и 48—50). Мечты о широкой глас-
 ности земскаго дѣла такъ и остались мечтами: «опубликованіе
 однихъ земскихъ актовъ сдѣлалось возможнымъ лишь въ ограни-
 ченномъ числѣ экземпляровъ, для домашняго, такъ сказать, упо-
 требленія гласныхъ, а другіе въ случаѣ положенія на нихъ veto
 губернатора, обрекаются на полную неизвѣстность» (5). Губерна-
 торъ получаетъ право приостановить исполненіе всякаго постанов-
 ленія земскаго собранія, признаннаго имъ за «противное законамъ
 или общимъ государственнымъ пользамъ», причемъ, по собствен-
 ному произволу, опредѣляетъ, что противно, и что не противно
 законамъ (id). Законъ 21 ноября 1866 г. ограничилъ права зем-
 ства по обложенію налогомъ торговли и промышленности, такъ что
 всякое увеличеніе земскихъ расходовъ стало возможно только на
 счетъ обложенія земли, т. е. главнымъ образомъ, крестьянъ (6—8).
 Въ самой практической дѣятельности, земства встрѣчали одни пре-
 пятствія: по отношенію къ народной школѣ, созданной исключи-
 тельно земствомъ, его дѣятельность была ограничена только от-
 пускомъ денегъ, безъ права вмѣшательства въ учебную часть и
 надзора за ея ходомъ, даже безъ права полученія отчета въ из-
 расходованіи отпущенныхъ денегъ (9—10) и т. д., и т. д.

Результаты получились очень печальные: „лучшіе земскіе люди“
 или бѣжали сами отъ земской дѣятельности, или были устраняемы
 отъ нея искусственными приемами а la Булюбашъ (стр. 80—83);
 „на сцену выступили элементы въ моментъ общественнаго ожив-
 ленія скрывшіеся было на дно и не рѣшавшіеся показаться на
 свѣтъ Божій“; въ земствѣ стали совершаться дѣянія, „которыхъ
 будетъ стыдиться русское общество“; состоятельные классы—
 землевладѣльцы, торговцы и фабриканты—переложили большую часть
 земскихъ налоговъ на крестьянъ, обложивъ ихъ земли сборами
 вдвое большими противъ владѣльческихъ; въ то время, какъ съ

крестьянъ земскія недомки взыскиваются даже „съ пристрастіемъ“, землевладѣльцы, торговцы и фабриканты безнаказно накопляютъ недомки десятками тысячъ рублей и т. д. (10—11 и 35). Самый характеръ дѣятельности земствъ рѣзко измѣнился, и мѣсто заботъ о народѣ заняли заботы о томъ, чтобы на счетъ народа удовлетворять личныя нужды земскихъ дѣятелей или нужды состоятельныхъ классовъ. Возьмемъ для примѣра расходы земства на народное образованіе. Въ 1877 г. было ассигновано на этотъ предметъ кишиневскимъ уѣзднымъ земствомъ 650 руб. (при общей суммѣ расходовъ въ 74,975 р.), одоевскимъ—300 р. (при 28,410 р.), Смичевскимъ и змievскимъ—по 100 р. (при суммѣ расходовъ въ 36,070 р. и 33,681 р.). Въ другихъ земствахъ суммы, ассигнуемыя на народное образованіе и собиравшія главнымъ образомъ съ крестьянъ, идутъ на среднеучебныя заведенія, недоступныя крестьянамъ, на стипендіи, различныя пособія и т. п. Такъ, напр., корочанское земство ассигновало въ 1877 г. на народныя школы 3,770 р., а на среднеучебныя заведенія—13,125 р., брянское — на первыя 4,600 р., а на вторыя 20,563 р. и т. д. (стр. 56—57). Такимъ же характеромъ отличаются и другіе земскіе расходы.

Ужъ изъ этого краткаго очерка содержанія нѣкоторыхъ главъ книги г. Скалона читатель можетъ видѣть, какой интересъ представляетъ она и какой прекрасный матеріалъ заключается въ ней для характеристики современнаго положенія земскаго дѣла и для пониманія причинъ неуспѣха земскихъ учрежденій. Познакомиться съ книгою г. Скалона необходимо положительно всѣмъ, интересующимся русскими общественными вопросами, и тѣмъ болѣе лицамъ, которымъ предстоитъ такъ или иначе вліять на измѣненіе настоящаго положенія земскихъ учрежденій.

Нельзя, однакожъ, не сдѣлать г. Скалону нѣкотораго упрека. Въ качествѣ практическаго земскаго дѣятеля, онъ невольно подчиняетъ фактическое изложеніе обстоятельствъ своимъ симпатіямъ къ земскому дѣлу и прикрываетъ кое-что фиговымъ листочкомъ. Такъ, напр., въ главѣ «Общій очеркъ земской дѣятельности» онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о цѣломъ рядѣ возмутительныхъ фактовъ, имѣвшихъ и имѣющихъ мѣсто въ земствахъ, баковы напр. расходы мужицкихъ денегъ на выдачу пенсій «благороднымъ вдовамъ», не имѣющимъ на что приготовить приданое своимъ дочерямъ, на выдачу земцами награды самимъ себѣ, «растраты» зем-

скихъ суммъ и т. п. Умолчаніе г. Скалона о такихъ и подобныхъ имъ предметахъ дѣйствуетъ довольно неприятно и до известной степени уменьшаетъ цѣнность разбираемой книги.

О причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства. Заломановъ. Спб. 1882.

Настоящее время — безспорно время «свѣдущихъ людей». Изъ всѣхъ норъ и щелей, гдѣ они до сихъ норъ спокойно лежали и блаженствовали, à la Маншловъ, или обдѣлывали свои дѣлишки à la Члчиковъ и Балалайкины, выползли они теперь и стараются оказывать послынное «содѣйствіе». Какое разнообразіе именъ встрѣчаемъ мы среди этихъ «спасителей отечества» и съ какихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія подходятъ они къ спасенію отечества! Здѣсь мы встрѣчаемъ г-на Неплюева съ его «Историческимъ призваніемъ русскаго помѣщика», г-на Леонарда съ разными разностями, г-на Тизенгаузена съ его «Бережью и трудомъ», книжечкой, назначенной для просвѣщенія расточительнаго и лѣниваго «меньшого брата», г. Новосельскаго съ «Соціальными вопросамъ въ Россіи» и проч., и проч. Нѣкоторые изъ этихъ «свѣдущихъ людей» пожелали даже поставить свои произведенія въ «незаконное» положеніе и издали ихъ за границей, таковы: «Наша бѣдность», «Бунтарь въ деревнѣ», «Соціальные реформаторы», «Что народу нужно» и многія, многія другія. Не смотря, однако, на такое разнообразіе именъ, заглавій и мѣстъ изданій, содержаніе всѣхъ этихъ произведеній „свѣдущихъ людей“ въ сущности почти тождественно и все различіе между ними состоитъ лишь въ различіи соусовъ, подъ которыми онѣ приготовлены.

Г. Заломановъ, по поводу брошюры котораго мы завели рѣчь, безспорно одинъ изъ „свѣдущихъ людей“. Но, сказать по правдѣ, такого „свѣдущаго человѣка“ мы еще не встрѣчали. Какой вздоръ ни несутъ другіе въ своихъ произведеніяхъ, все же этотъ вздоръ имѣетъ то или другое отношеніе къ заглавію произведенія: а тутъ и этого нѣтъ: мы рѣшительно не понимаемъ, почему г-нъ Заломановъ озаглавилъ свою брошюру — „О причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства“, а не „Семь чертей и одинъ мельникъ“ или „Первая ночь“. Г. Заломановъ говоритъ объ упадкѣ помѣщичьихъ хозяйствъ, полемизируетъ съ нѣкоторыми агрономами, много толкуетъ объ открытомъ имъ «длинноземели» кре-

стьянскихъ надѣловъ (впрочемъ, палма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ, кажется, г-ну Уманцу) и т. под.; но какое отношеніе все это имѣетъ къ вопросу о причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства, такъ и остается неизвѣстнымъ, и самъ г-нъ Заломановъ, запутавшись въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ, тѣмъ только и спасается, что разрубаетъ гордіевъ узелъ предложеніемъ «мѣропріятій», никакого отношенія къ содержанію брошюры не имѣющихъ. Повторяемъ, такого безмысленнаго набора словъ, какой представляетъ собой брошюра г-на Заломанова, мы еще не встрѣчали. Самъ же г-нъ Заломановъ видимо другого мнѣнія о достоинствѣ своей брошюры, такъ какъ назначилъ за 80 жиденькихъ страничекъ цѣну въ 75 копѣекъ. Послѣднее обстоятельство неволью заставляетъ думать, что г-нъ Заломановъ далъ своей брошюркѣ внушительное заглавіе не по простотѣ, а по тому, что нынче подъ такимъ ярлыкомъ «товаръ ходко идетъ». Впрочемъ, кто любитъ смѣяться по слѣ обѣда, совѣтуемъ не жалѣть 75 копѣекъ.

Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія матеріализма до Канта. Спб. 1881.

Юный русскій философъ, вынесшій на торжище подогрѣтую старую философію мистицизма, нео-платонизма и т. п. туманныхъ пзмовъ, окропившій ее водой византийства и окадившій дымомъ шоввинизма, бормотавшій надъ нею таинственныя молитвы на тему «свѣта съ востока» и «гніенія запада», — словомъ г. Соловьевъ сочинилъ, какъ извѣстно, „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“. Г. Соловьевъ, пожалуй, въ этомъ не ошибся, т. е. не ошибся въ томъ, что на Западѣ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ дѣйствительно произошелъ извѣстный поворотъ въ направленіи философской мысли. Вѣрно, пожалуй, отчасти и то, что этотъ поворотъ включалъ въ себѣ элементы критики позитивизма, или точнѣе, такъ называемаго позитивизма. Но, невѣрно, разумѣется, и курьезно общее мнѣніе г. Соловьева насчетъ того, что весь этотъ поворотъ заключался якобы лишь въ томъ, что западная философія въ процессѣ своего развитія пожрала самое себя цѣлкомъ, mit Haut und Haar, какъ говорятъ нѣмцы, и что затѣмъ вслѣдъ за пустымъ мѣстомъ, за нулемъ въ области мысли должно послѣде-

вать внезапное просіяніе мозговъ съ востока. Это, конечно, вздоръ, и никакого просіянія съ востока не получится. Но что дѣйствительно на Западъ за послѣдніе полтора десятка лѣтъ совершается серьезное броженіе въ области философіи,—это несомнѣнно. Отличительнымъ признакомъ этого броженія, которое по преимуществу проявилось среди нѣмцевъ, нужно считать рѣшительное преобладаніе критицизма. Вслѣдъ за догматическимъ идеализмомъ Шеллинговъ, Фихте и Гегелей на арену выступили непосредственно такой же догматическій и нѣсколько легкомысленный матеріализмъ Молеоттовъ, Фогтовъ и Бюхперовъ. И только въ послѣдніе 15 лѣтъ снова заблестало страшное орудіе научной мысли, — это философскій критицизмъ, т. е. изслѣдованіе самыхъ условій чело-вѣческой организаціи, которая по необходимымъ законамъ толкаетъ чело-вѣка къ единству міровоззрѣнія и то влечетъ его въ сторону абстрактнаго и безпочвеннаго идеализма, то отбрасываетъ его въ противоположную сторону къ непосредственному и догматически-грубому матеріализму. Критицизмъ современной эпохи опирается на лучшія традиціи Канта и красной нитью проходитъ черезъ лучшія сочиненія современныхъ мыслителей. Уже въ 1865 г. Отто Либманъ въ своей брошюркѣ о Кантѣ и его преемникахъ выразилъ требованіе: «Man muss auf Kant zurückgegangen werden» — «должно возвратиться къ Канту». Этотъ возвратъ находится теперь въ полномъ ходу. Большинство современныхъ философовъ находятся въ томъ или иномъ отношеніи къ Канту, и въ Германіи существуетъ значительная группа нео-кантіанцевъ, которая несмотря на свои подраздѣленія и, если не враждебные лагеря, то расходящіяся фракціи, имѣетъ много общаго между собой въ употребленіи кантовскаго критическаго метода. Однимъ изъ лучшихъ преемниковъ Канта, могущимъ держать въ своихъ рукахъ заржавѣвшій, было, во время идеалистическаго и матеріалистическаго догматизма мечъ этого гиганта германской и общечеловѣческой мысли, является такъ рано умершій (1875 г.) для науки Ланге, авторъ прекрасной «Исторіи матеріализма».

Лежащій предъ нами первый томъ этой исторіи, вышедшій пока въ русскомъ переводѣ, является для насъ поводомъ, чтобы указать читателю на существенныя стороны міровоззрѣнія Ланге. Мы думаемъ, что это будетъ гораздо лучше, чѣмъ еслибы мы принялись за пересказъ содержанія перваго тома. Особенно, если со-

образить, что главными сторонами и основными исходными пунктами философского мировоззрѣнія Ланге находятся во второмъ его томѣ.

Центръ тяжести разсужденій Ланге лежитъ въ его теоріи познания (Erkenntniss-theorie), которую онъ разработалъ совершенно въ духѣ Канта, но пользовался при этомъ всѣми современными важными научными обобщеніями. Особенно сильную роль сыиграли здѣсь естественныя науки въ широкомъ смыслѣ и психо-физика съ психологіей и физиологіей въ частности. Исходнымъ пунктомъ для Ланге является научно-обоснованное теперь положеніе, какое уже гораздо раньше Кантъ провозгласилъ, благодаря своей колоссальной способности къ анализу. Это то, что человѣкъ познаетъ не самыя вещи въ себѣ и для себя, не ихъ сущность, но лишь свои представленія объ этихъ вещахъ. Это отношеніе является однимъ и тѣмъ же, будемъ-ли мы имѣть въ виду внѣшній міръ, или самого человѣка, его внутренній міръ. Иначе говоря, познаетъ-ли человѣкъ природу, или же онъ познаетъ самого себя, какъ личность, какъ самосознающее «я»,—онъ все равно познаетъ не самую природу и не самого себя, а лишь свои представленія: въ первомъ случаѣ представленія о томъ, что мы называемъ обыкновенно внѣшнимъ міромъ, во второмъ—о томъ, что мы называемъ міромъ внутреннимъ. Итакъ, въ сущности мы имѣемъ двоякаго рода представленія, хотя послѣдней ихъ причины мы не знаемъ и не можемъ знать. Эта-то неизвѣстная причина, подкладка всѣхъ представленій, и есть для человѣка область непознаваемаго. Почему она непознаваема? Разумѣется, не потому, что теологи называли ее такой съ тою цѣлью, чтобъ сейчасъ же послѣ этого повѣствовать объ этомъ мірѣ, какъ будто они его знали или видѣли. Границы непознаваемаго есть ничто иное, какъ границы самого человѣческаго «я». Свойства человѣческой организаціи (замѣтьте, Ланге не говоритъ тѣла или духа, а вообще организаціи), какъ извѣстнаго цѣлага, допускаютъ и самое образованіе представленій лишь по извѣстнымъ законамъ. Иначе говоря, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не перестанетъ быть человѣкомъ, пока онъ не ухитрится вылезти изъ своей шкуры, онъ не въ состояніи претендовать на абсолютную истину, на абсолютное познаніе. Онъ можетъ и долженъ познавать лишь по-человѣчески, относительно, т. е. протягивать свои ножки по одежкѣ законовъ его организаціи. Если это такъ,—то къ чему сводится наука? Къ тому, чтобы изслѣдовать

и объяснять на основаніи уже пзвѣстныхъ намъ явленій другія еще неизвѣстныя. Нужды нѣтъ, что мы будемъ оперировать такимъ образомъ не надъ самымъ міромъ, а лишь надъ нашими представленіями о немъ. Бѣды отъ этого никакой нѣтъ. Наука въ строгомъ смыслѣ этого слова и занимается изслѣдованіемъ законовъ явленій и ихъ анализомъ, т. е. анализомъ всего того, что можетъ познавать человѣкъ, но не болѣе того. Она этимъ путемъ даетъ человѣку возможность оріентироваться и поработать познаваемый имъ внѣшній міръ и внутреннее «я».

Но однако, однимъ процессомъ познанія человѣкъ не можетъ ограничиться; на ряду съ познаніемъ въ самой организаціи человѣка лежитъ еще стремленіе къ единству міровоззрѣнія, къ творчеству, къ синтезу, въ противоположность научному анализу. Если раньше дѣло шло о томъ, что и какъ есть на бѣломъ свѣтѣ, то здѣсь дѣло идетъ о томъ, какъ это можетъ меня удовлетворять, какимъ долженъ быть бѣлый свѣтъ, въ чемъ заключается *raison d'être* существованія міра и меня самаго, къ чему долженъ стремиться я?

Здѣсь мы вступаемъ въ область вопросовъ, которыя лежатъ по предъидущему за предѣлами познанія, научной доказательности, и цѣликомъ основываются на значеніи творчества, идеаловъ, поэзіи. Такъ какъ всѣ эти вопросы не могутъ быть порѣшены собственно наукой, ибо послѣдняя говоритъ, какъ міръ и человѣкъ есть, но не говоритъ, какимъ бы онъ долженъ быть, то здѣсь все дѣло зависить отъ характера творческихъ элементовъ каждой личности. Наука поставляетъ лишь камни для постройки цѣлаго міровоззрѣнія, но планъ зданія, его архитектура зависить отъ творческой мысли человѣка, отъ мысли не познающей, но идеализирующей познанное, не анализирующей, но синтезирующей. Эта творческая мысль, смотря по преобладанію въ ней того или иного элемента, распадается на три части, — религіозную мысль, поэтическую и философскую. Религія и поэзія, по мнѣнію Ланге, родныя сестры философіи. Всѣ онѣ три занимаются вопросами идеальнаго распорядка, хотя этотъ идеальный міръ въ свою очередь есть только великогѣбовое растеніе, выросшее изъ почвы человѣческой организаціи. Въ этой области—царство идеаловъ, которые нельзя доказать научнымъ образомъ, но которые вѣчно текутъ на станкѣ неутомимаго человѣческаго духа, со всеми пестрыми и роскош-

ными красками, со все́мъ разнообразіемъ узоровъ, и вѣчно будутъ служить человѣку знаменемъ въ его практической дѣятельности.

Отношеніе между наукой и философіей, между анализомъ и творческимъ синтезомъ, есть не отношеніе вражды, но несомнѣримости. Философія не противопоставляется, собственно говоря наукѣ, но сопоставляется съ нею. Одна не можетъ замѣщать другую: каждая хороша на своемъ мѣстѣ. Скверно, если наука начинаетъ заниматься не наблюденіемъ и изслѣдованіемъ, а произвольнымъ измышленіемъ, если она не анализируетъ, а фантазируетъ. Точно также скверно, если философія начинаетъ выдавать продукты объединяющаго и творческаго полета мысли за абсолютную истину, идеалы за дѣйствительность, если метафизика, теряя свое значеніе, какъ идеальнаго стимула человѣческой дѣятельности, начинаетъ требовать себѣ дипломъ за открытіе «сущности». если религія, бросая сторону духа, начинаетъ держаться буквы, догмата.

Въ философскомъ міросозерцаніи, въ религіозномъ чувствѣ есть только одна вѣчная истина: это то, что пока существуетъ человѣкъ, онъ вѣчно будетъ творить, не ограничиваясь анализомъ. (Ср. Lange, Geschichte des Materialismus, B. II, Vierter Abschnitt, въ особенности IV главу, der Standpunct des Ideals, стр. 538—562 второго изданія 1875 г.).

Это—сущность міровозрѣнія Ланге. Что касается до его исторіи и критики матеріализма, то читатель можетъ понять его отношеніе къ матеріализму уже изъ предъидущаго. Ланге высоко цѣнитъ значеніе матеріализма, какъ научнаго направленія, стоящаго обѣими ногами на почвѣ реальнаго познанія, исключаящаго всякое припутываніе къ изученію фантастическихъ образовъ и метафизическихъ сущностей. Въ этомъ смыслѣ онъ подчеркиваетъ рѣзко и съ явнымъ расположеніемъ здоровое зерно матеріализма, по отношенію къ фантастической игрѣ quasi—научными положеніями со стороны идеализма. Въ этой позиціи Ланге мечомъ критизма расчищаетъ всѣ дебри метафизики и безжалостно разсѣиваетъ груху предрасудковъ, которые пускаются въ обращеніе противниками матеріализма. Достаточно прочесть слѣдующія строки, въ которыхъ Ланге указываетъ на Сократо-платоновскую и Аристотелевскую реакцію противъ древняго матеріализма, чтобъ видѣть,

гдѣ лежитъ сочувствіе автора съ точки зрѣнія науки: «мы имѣемъ (здѣсь) передъ собою, если только не будемъ обращать вниманія на всѣ прочія стороны великаго кризиса, реакцію въ самомъ дурномъ смыслѣ слова: возвышеніе низшей точки зрѣнія надъ высшею, вытѣсненіе началъ лучшаго пониманія взглядами, въ которыхъ старыя ошибки не-философскаго мышленія возвращаются въ новой формѣ» (стр. 41, томъ I русскаго изданія).

Но лишь только матеріализмъ изъявляетъ претензію въ точности разъяснить всѣ метафизическіе вопросы, т. е. все тѣ, что не подлежитъ ни доказательству, ни опроверженію, такъ какъ по самому характеру лежитъ внѣ области человѣческаго познанія, за предѣлами условій человѣческой организаціи,—то сейчасъ-же Ланге напоминаетъ матеріализму, что онъ одинаково заблуждается, какъ и идеализмъ, выдавая продукты синтеза, творчества за самыя что ни на есть непреложныя научныя истины. Разумѣется, никто не имѣетъ права запретить матеріалисту творчески сводить во-едино всѣ явленія міра и мысли, но здѣсь матеріальность стоитъ одинаково непрочно, какъ и идеальность въ смыслѣ строгой доказательности. Подобно всякой философіи, и матеріализмъ играетъ роль объединяющаго купола, который обнимаетъ собою различныя части научнаго зданія, но съ этой стороны онъ примыкаетъ уже къ творческой и идеализирующей мысли человѣка, а не познающей и анализирующей. Пусть матеріализмъ изгоняетъ научной метлой всѣ призраки и всѣ фантазмогорін изъ области человѣческаго познанія, ибо здѣсь чуждыя, внѣ-міровыя силы не должны быть терпимы. Но пусть же матеріализмъ не рѣшается давать категоричныхъ отвѣтовъ о томъ, что лежитъ за границами человѣческихъ представленій, пусть не думаетъ, что онъ заполняетъ за-правской наукой эту заграницу. Онъ заполняетъ ее лишь своими творческими образами, которые одинаково создаются, по неизбѣжнымъ законамъ человѣческой организаціи, какъ имъ, такъ и другія философскія системами. Какъ научное направленіе, матеріализмъ достоинъ всякаго уваженія. Какъ философская система, онъ становится на ряду съ другими системами и, вытекая изъ человѣческой потребности къ объединенію сознанія, играетъ одинаковую роль, какъ и эти другія системы. Онъ не выше ихъ, онъ такая же поэзія логическихъ образовъ, какъ и всѣ остальные си-

стемъ. Но научнымъ догматомъ онъ такъ же мало можетъ сдѣлаться, какъ и релігіозное ученіе о трансубстанціаціи.

Самъ Ланге въ сферѣ философскихъ построеній — идеалистъ, хотя отрицающій существованіе идеаловъ и платоновскихъ идей за предѣлами человѣческаго «я». (Онъ высоко поднимаетъ, сравнительно съ матеріализмомъ, нѣсколько—мистическихъ «общія» идеи добра, истины и красоты, хотя съ другой стороны смотритъ на нихъ, лишь какъ на чисто-человѣческія созданія мысли. Философія для Ланге имѣетъ значеніе этическое и эстетическаго принципа, возвышающаго человѣка надъ уровнемъ дѣйствительности. Читатель, которому мы представили абрисъ міровоззрѣнія Ланге преимущественно на основаніи втораго, не вышедшаго еще на русскій языкъ тома, можетъ, впрочемъ уже и въ первомъ томѣ найти нѣсколько мѣстъ, гдѣ оно вырисовывается, хотя и по частямъ, но довольно ясно. Мы обращаемъ вниманіе читателя съ этой цѣлью на стр., напримѣръ, 62—63, 71—72, 379 русскаго изданія, а также 344—345 и 347.

Переводъ вообще хорошъ, но далеко уступаетъ по живости и ясности самому подлиннику. Можетъ быть, въ этомъ виноваты неуклюжія русскія слова на «ніе» и «ность», выражающія оталеченныя понятія. А, можетъ быть, это зависитъ и отъ самого переводчика, который не сумѣлъ точно передать духа оригинала, выражающагося въ чрезвычайно - прозрачномъ, живомъ и картинномъ слогѣ. Особенно пріятно въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ на читателя умѣнье Ланге выражать абстрактныя понятія и разсужденія въ короткой, — сравнительно съ обыкновенными нѣмецкими четырехэтажными періодами, — формѣ рѣчи и въ образныхъ картинахъ. Ошибокъ въ переводѣ нѣтъ, за исключеніемъ маленькихъ неточностей, которыя, можетъ быть, зависятъ отъ опечатокъ. Попадаются мѣстами нѣкоторыя слова, напоминающія Гнѣдичевскую Илиаду, — напр., «зловредный» (*verderblich*), «твердохарактерный» (*charakterstarke*), — но и этихъ промаховъ мало. Изъ ошибокъ, касающихся смысла, мы укажемъ читателю на слѣдующія: на стр. 19 русскаго изданія во фразѣ «другъ воелъ друга и подлѣ друга» слово „подлѣ“ переводитъ нѣмецкое *ne-
scheiden*, которое означаетъ другъ по слѣ друа, т. е. слѣдова-
ніе во времени, а не порстранствѣ. На стр. 41 „Аристотель“ стоитъ вмѣсто „Аристиппа“ и производитъ этимъ нѣкоторую путаницу въ
«устов» № 2, отд. II.

одѣлѣ эпикурейзма и аристотелики. На стр. 113 пропущена фраза подлинника: „существенное затрудненіе остается и при этомъ“ (die wesentliche Schwierigkeit bleibt jedoch auch dabei bestehen, стр. 111 нѣм. 2-го изданія). Переводя о Ламеттри, г. Страховъ передаетъ слово der geschmähte словомъ „презрѣнный“, хотя это значить здѣсь „тотъ, кого много ругали“, (стр. 279), что придаетъ иное отношеніе Ланге къ Ламеттри въ этомъ мѣстѣ. Г. Страхова могутъ, напр., много ругать, но я не буду считать его „презрѣннымъ“. Впрочемъ, все это мелочи.

Остается русскую публику поздравить съ прекрасной книгой, а переводчика поблагодарить за удачный выборъ. Когда выйдетъ второй томъ, тогда, можетъ быть, мы поподробнѣе скажемъ о Ланге.

Соціальная жизнь животныхъ. А. Эспинаса. Спб. 1882 г.

Путемъ изслѣдованія явленій соціальной жизни животныхъ, А. Эспинасъ старается выяснитъ вопросъ, издавна задаваемый себѣ человѣкомъ: что такое общество людей? Какъ извѣстно, съ одной стороны на общество смотрѣли, какъ на живой организмъ, подчиненный біологическимъ законамъ, и требовавшій для своего изученія того же самаго метода, какъ и естественныя науки; съ другой же, оно рассматривалось, какъ произведеніе человѣческаго искусства, какъ свободный актъ индивидуальной воли, подчиненный, подобно всякому созданію разума, абсолютнымъ законамъ логики и образующій въ природѣ отдѣльный самостоятельный міръ. Оба эти взгляда имѣли талантливыхъ защитниковъ во всѣ времена и заключали въ себѣ часть истины, которую только и можно найти въ синтезѣ ихъ обонхъ. Если правъ де-Бональдъ, утверждавшій, что не индивиды создаютъ общество, но общество создаетъ индивидовъ, потому что они существуютъ только въ обществѣ и для общества; то вмѣстѣ съ тѣмъ правы и многочисленныя соціологи, которые указываютъ на зависимость общественнаго строя отъ сознанія индивидовъ его составляющихъ.

Въ послѣднее время сильно занимала общественное вниманіе такъ называемая органическая теорія въ соціологін, утверждавшая, что существуетъ полная аналогія между обществомъ и біологическимъ организмомъ. Впрочемъ, только немногіе изъ соціологовъ увлекались этою аналогіею до того, что отождествляли явленія біологическаго организма съ общественнымъ, считая возможнымъ

ислѣдованіе общественныхъ явленій путемъ изученія біологическаго организма. Ихъ труды ни къ чему не привели, если не считать цѣннымъ результатомъ соображеній въ родѣ того, что дороги, каналы и вообще пути сообщенія, по которымъ двигаются всякаго рода товары, необходимые для общества, соотвѣтствуютъ кровеносной системѣ въ біологическомъ организмѣ. Такіе органисты, какъ Спенсеръ никогда не забывали, что ихъ аналогіи только аналогіи и больше ничего; такъ онъ самъ указываетъ и на тѣ отличія, которыя по его мнѣнію существуютъ между организмомъ общественнымъ и біологическимъ: во-первыхъ, части біологическаго организма образуютъ одно цѣпико конкретное или сплошное цѣлое, тогда какъ общество есть цѣлое раздѣльное; въ біологическомъ организмѣ составныя единицы связаны между собою, въ общественномъ же онѣ болѣе или менѣе разсѣяны, свободны и не соприкасаются между собою физически; во-вторыхъ, сознаніе біологическаго организма концентрируется въ чувствительнѣ, т. е. въ небольшой части агрегата, остальная, большая часть, совсѣмъ или почти совсѣмъ лишена его; въ обществѣ же сознаніе распространено повсемѣстно: всѣ члены его въ одинаковой степени способны наслаждаться счастьемъ и испытывать страданія или мало въ чемъ разнятся между собою въ этомъ отношеніи: оно не имѣетъ специализованнаго соціальнаго чувствительна. Эта послѣдняя особенность общественнаго организма настолько отличаетъ его отъ біологическаго, что всѣ скороспѣлые выводы органистовъ, — въ родѣ того, что центральное правительство, — это головной мозгъ, отдающій свои приказанія по всѣмъ областямъ, падаютъ сами собою.

Органисты утверждаютъ: общество есть организмъ и этимъ путемъ хотятъ связать явленія біологической и соціальной областей. Эспинасъ достигаетъ того же инымъ путемъ. Онъ говоритъ: организмъ есть общество. Если органисты топчутъ соціологію въ біологію, то Эспинасъ, наоборотъ, считаетъ біологическія явленія только частью соціальныхъ. По его словамъ, область соціологіи начинается съ первыхъ группированій анатомическихъ элементовъ или «біологическихъ атомовъ». А такъ какъ всякій сложный индивидъ представляетъ собою комбинацію клѣточекъ, то онѣ есть особый родъ общества, который не можетъ быть исключенъ изъ соціологіи; вездѣ, гдѣ есть индивидъ, есть и общество. По мнѣнію Эспинасы, соціологія должна бы заключать въ себѣ, во-пер-

выхъ, изслѣдованіе обществъ съ опредѣленнымъ сознаниемъ и постоянной традиціей, т. е. высшія человѣческія общества, затѣмъ общества съ смутнымъ сознаниемъ и эфемерными традиціями — частью въ мірѣ человѣка, частью въ царствѣ животныхъ — и, наконецъ, цѣлую серію сложныхъ индивидовъ, начиная отъ одаренныхъ сознаниемъ и разсудкомъ до такихъ, гдѣ взаимодействіе органическихъ элементовъ образуетъ индивидуальность, проявляющуюся въ самой слабой степени.

Хотя Эспинасъ и утверждаетъ, что біологическій организмъ есть общество, но онъ и не думаетъ отождествлять его съ обществами животныхъ, а тѣмъ болѣе людей. Безъ всякаго сомнѣнія говоритъ онъ, общества животныхъ и людей представляютъ собою живыя существа, но едвали мыслимо, чтобы не было никакой разницы между матеріальными организмами и организмами общественными, чтобы социологія была простымъ продолженіемъ биологіи. Недостаточно сказать, что общество есть живое существо — нужно найти какого рода это живое существо и, слѣдовательно, чѣмъ отличается социологія отъ непосредственно предшествующей ей низшей науки. Общество отличается отъ другихъ живыхъ существъ тѣмъ, что «оно прежде всего создается сознаниемъ»; оно — живое сознание или организмъ идей. Указаніемъ на отличительную черту общества Эспинасъ хочетъ избавиться отъ упрека (котораго по его мнѣнію, вполне заслуживаютъ многіе социологи), въ томъ, что онъ объясняетъ формы высшаго существованія формами низшаго.

Очевидно, органическая теорія въ лицѣ Эспинасы сдѣлала громадный шагъ для сближенія съ своими противниками, указывавшими на зависимость общества отъ чувствъ и мыслей индивидовъ. У него общество есть живое цѣлое, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ вполне зависитъ отъ элементовъ его составляющихъ, ибо «создается сознаниемъ» ихъ. Органисты старались изгнать волю человѣчества изъ числа тѣхъ факторовъ, которые даютъ жизнь обществу; Эспинасъ же вполне признаетъ ея значеніе, хотя и не въ томъ абсолютномъ видѣ, въ какомъ признавали ее придерживающіеся теоріи «соціального договора». Признавая общество созданіемъ сознания индивидовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ этомъ процессѣ созданія извѣстную законосообразность, органиченность. Сознание индивида въ своемъ ростѣ, развитіи и движеніи подчинено такому же закону органическаго развитія, какъ и все живое.

Отсюда и вытекает то явленіе, что общество, будучи созданіемъ воли индивиду, вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется произвольнымъ, искусственнымъ произведеніемъ, а является въ видѣ живаго организма цѣлаго. Къ сожалѣнію, взглядъ Эспинасы на общество не выясненъ имъ въ его трудѣ до такой степени, чтобы рѣзко бросаться въ глаза читателю и его нужно отыскивать въ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ по всей книгѣ, что значительно затемняетъ его.

Основная суть общества заключается, говоритъ Эспинаса, въ постоянномъ сотрудничествѣ отдѣльныхъ живыхъ существъ. Существа эти могутъ быть поставлены въ такія условія, что сотрудничество заставитъ ихъ сгруппироваться въ какомъ-либо мѣстѣ въ опредѣленную формулу; но въ сущности для проявленія согласованныхъ дѣйствій, а, слѣдовательно, и для образованія общества нѣтъ никакой необходимости въ ихъ совмѣстномъ жителствѣ. Взаимный обменъ услугъ между болѣе или менѣе независимыми дѣятелями—вотъ самая характерная черта социальной жизни, черта, которая не измѣняется существенно отъ приближенія или удаленія, отъ видимаго безпорядка или правильнаго расположенія частей общественнаго организма въ пространствѣ. Два существа могутъ представлять на видъ одно цѣлое и не только жить въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, но даже взаимно проникать одно въ другое, не образуя однако никакого общества. Если ихъ дѣятельность стремится къ взаимно противоположнымъ или хотя бы только различнымъ цѣлямъ—этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобы признать ихъ чуждыми другъ другу. Разъ ихъ функціи, вмѣсто того, чтобы сходиться, расходятся, разъ благосостояніе одного основывается на злополучіи другого—никакая социальная связь между ними невозможна, какъ бы ни было тѣсно ихъ взаимное соприкосновеніе. Прибѣраемъ подобныхъ явленій можетъ быть паразитизмъ.

Общественная жизнь и паразитизмъ относятся между собою, какъ два антипода: въ то время, какъ первая изъ нихъ характеризуется взаимной пользой и совершенствованіемъ, послѣдній вызываетъ относительно пониженіе жизненной силы въ животномъ, которое ему подвергается, и уменьшеніе сложности въ организаціи того, которое его практикуетъ. Паразитизмъ вредитъ не только жертвѣ, но и самому паразиту, по крайней мѣрѣ если не прямо отдѣльному индивиду, то, наслѣдственнымъ путемъ цѣлому виду. Тѣ изъ нихъ,

которые залегаютъ въ тканяхъ. испытываютъ тамъ такіа деградациі (разсовершенствованія), что часто бываетъ трудно опредѣлить ихъ настоящее зоологическое родство. Такъ какъ они не имѣютъ нужды искать себѣ пищи и получаютъ ее совершенно готовою, то для нихъ не существуютъ цѣлыя отдѣлы жизненныхъ отправленій, вслѣдствіе чего соотвѣтствующіе этимъ послѣднимъ органы постепенно атрофируются. Нѣкоторые изъ ракообразныхъ, проводящіе часть своей жизни въ свободномъ состояніи, внезапно переходятъ на нѣсколько зоологическихъ ступеней, какъ только наступитъ паразитическая фаза ихъ жизни.

Паразитизмъ есть случайная ассоціація между животнымъ; нормальныя же общества суть такіа, члены которыхъ буквально не могутъ существовать безъ помощи другъ друга. Эпипнасы дѣлятся эти послѣднія на три вида: 1) общества питанія, 2) общества воспроизведенія и 3) сообщества. Въ свою очередь общества питанія дѣлятся на два подвида: 1) безъ сосудистыхъ сообщеній, примѣромъ которыхъ могутъ быть гнѣзда и шарики инфузорій, и 2) съ сосудистымъ сообщеніемъ, къ которымъ относятся колоніи полиповъ и моллюскообразныхъ, а также и черви. Эти послѣднія по Эпипнасу — также колоніи организмовъ или двустепенныя общества питанія. Всѣ вообще суставчатыя состоятъ изъ колець снабженныхъ нѣвѣстнымъ количествомъ основныхъ органовъ и способныхъ—по крайней мѣрѣ у низшихъ видовъ—вести самостоятельную жизнь, лишь бы только они были соединены въ небольшія группы. Одинъ членокъ солитера можетъ самъ собою и питаться и размножаться.

Общества воспроизведенія или, иначе говоря, брачныя общества дѣлятся на материнское и отеческое семейныя общества. Материнскія семейныя общества мы видимъ у осъ, пчелъ и муравьевъ. Общество пчелъ не есть ни монархія, ни республика, а сообщество трехъ родовъ индивидовъ, приспособленныхъ къ воспроизведенію и притомъ такъ, что все ихъ существованіе, вся ихъ жизнь непрерывно содѣйствуютъ этой цѣли съ самою замѣчательною гармоніей. Хотя матка въ этихъ обществахъ представляетъ собой какъ бы символъ коллективнаго единства и общественная функція находить въ ней свое олицетвореніе, тѣмъ не менѣе цѣлый улей образуетъ нравственный организмъ съ настоящимъ сознаніемъ, гдѣ мать является лишь преобладающей частью, «направляющей идеей».

Работницы не только не получают приказаній отъ таеъ называемыхъ царницъ, но даже оказываютъ на нихъ вѣчто вродѣ давленія, когда, наиримѣръ, не выказываютъ надлежащей рѣшительности въ борьбѣ, или проявляютъ желаніе заморить куколки, изъ которыхъ должны скоро вылупиться личинки. Вездѣ проявляется инциатива работницъ; начиная съ выбора мѣста для склада запасовъ, постройки ячеекъ, воспитанія личинокъ, умерщвленія самоповъ и до установленія времени, когда молодыя плодовые самки могутъ выходить изъ своихъ ячеекъ. Улей, говоритъ Эсиннасъ, единственное въ своемъ родѣ государство, гдѣ нѣтъ и тѣни правительства. Материнская любовь, однаково сильная у всѣхъ работницъ, и личный интересъ, подчиняющійся, однако, чувству материнства—вотъ мотивы, гармонически движущіе этимъ обществомъ и направляющіе его по извѣстному пути безъ малѣйшихъ противорѣчій со стороны многихъ тысячъ его членовъ.

Отеческое семейное общество бываетъ у рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Вступленіе въ семейство самца представляетъ новую фазу въ развитіи семейнаго общества у животныхъ. Его появленіе, говоритъ Эсиннасъ, не только не вводитъ въ семейное общество какого-либо большаго разнообразія функций, но еще служитъ тормазомъ многихъ отправленій, практикуемыхъ у наиболее развитыхъ позвоночныхъ: выше класса насекомыхъ, безногие, составляющіе главный контингентъ общества муравьевъ и пчель, вовсе не встрѣчаются.

Третій видъ нормальныхъ обществъ—сообщество; оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ изъ себя наиболее развитую общественную форму. Семейство и сообщество враждебны одно другому; они развиваются въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Настоящій составной элементъ сообщества—личность, индивидъ, любовь существа къ себѣ подобнымъ, является въ немъ источникомъ коллективнаго сознанія. Для того, чтобы сообщество могло пустить ростокъ, необходимо, чтобы семейныя связи были до нѣкоторой степени ослаблены. Семейныя привязанности, связанныя такъ близко съ любовію къ самому себѣ, производятъ на образованіе большихъ обществъ такое же (и даже сильнѣйшее) дѣйствіе, какъ личный эгоизмъ. Семейный эгоизмъ даетъ себя знать наиболее вѣстно потому, что въ основѣ его стоятъ самое понятное изъ всѣхъ и то что въ немъ есть своего рода самопожертвованіе. По-

этому социальное сознание сообщества не может имѣть, при своемъ возникновеніи, болѣе крупнаго врага, чѣмъ противоположаемое ему коллективное сознание семейства. Конечно, нельзя утверждать говорить Эспинасъ, что сообщество можетъ образоваться безъ предшествующей ему семейной организаціи, но точно также нельзя отрицать и того, что семейство не станетъ будущимъ условіемъ сообщества. Индивидъ ощущаетъ потребность жить съ своими братьями и образовать съ ними постоянное сотоварищество, сего влечетъ къ этому не половой инстинктъ и не чувства привязывающія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, но расположеніе совершенно другаго рода, склонность, неожиданная для своего проявленія половой зрѣлости, не пропадающая съ мгновеніемъ супружескаго періода жизни, и которая, наконецъ, чаще встрѣчаетъ въ семейныхъ привязанностяхъ не поддержку, а препятствія. Эспинасъ приводитъ много трогательныхъ примѣровъ чувства любви, связывающаго птицъ и млекопитающихъ въ сообщество. Видно, говоритъ онъ о птицахъ, что сознательное чувство совместной жизни, жизни божь-о-божь другъ съ другомъ, составляетъ для нихъ положительную необходимость.

Въ заключительной главѣ своей книги нашъ авторъ указываетъ на цѣлый рядъ законовъ социальныхъ фактовъ и въ животномъ мірѣ. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что всякое социальное тѣло есть одно организованное цѣлое, состоящее изъ различныхъ частей, каждая изъ которыхъ, особаго рода движеніемъ, содѣйствуетъ сохраненію этого цѣлаго. Въ первомъ классѣ обществъ такое содѣйствіе или сотрудничество чисто физиологическое, причемъ оно поддерживается непрерывной связью органовъ между собою. Въ второмъ классѣ это сотрудничество только на половину физиологическое, на половину же психологическое: семейство, которое не могло бы существовать безъ органическихъ связей, начинается и кончается соотвѣтствующей дѣятельностью первичныхъ центровъ, расположенныхъ на разстояніи въ отдѣльныхъ индивидахъ. Наконецъ, въ сообществѣ тоже самое сотрудничество является исключительно психологическимъ.

При большомъ числѣ индивидовъ, составляющихъ общество, и между которыми установлено раздѣленіе труда, невозможно, утверждаетъ Эспинасъ, чтобы всѣ они исполняли функціи одинаковой важности. Одному или нѣсколькимъ изъ нихъ непременно должно выпасть на долю наиболѣе существенное, господствующее,

преобладающее отправление. Чѣмъ болѣе онъ будетъ его исполнять, тѣмъ лучше онъ долженъ это дѣлать. Мало-по-малу эти индивиды перемѣщаются изъ разсѣянныхъ и наиболѣе удаленныхъ мѣстъ соціального организма и сосредоточиваются въ центрѣ. Такимъ образомъ центральные, индивиды дѣлаются преобладающими и подчиняютъ себѣ остальные, если бы даже эти послѣдніе не чувствовали никакой склонности къ подобному подчиненію.

Намъ кажется, что этотъ законъ соціальныхъ фактовъ Эспинаса противорѣчитъ тому, что онъ-же самъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ: общество есть созданіе сознанія индивидовъ. Если общество—созданіе сознанія индивидовъ, то вѣдь сознаніе можетъ быть такого рода: лучше откажемся отъ выгодъ доставляемыхъ намъ этими преобладающими индивидами, нежели подчинимся имъ. А разъ сознаніе будетъ таково, то и законъ Эспинаса обращается въ пухъ. Правда, что существующія явленія схвачены имъ вѣрно но, изъ этого не получается права утверждать, что это законъ «его же непрейдеши», какъ увѣряетъ Эспинаса: все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ будетъ сознаніе у индивидовъ.

Хотя въ книгѣ Эспинаса и встрѣчаются такіа крупныя ошибки, какъ только что указанная нами, она все-таки можетъ считаться однимъ изъ значительнѣйшихъ явленій въ книжномъ мірѣ, какъ по богатству собранныхъ фактовъ, такъ и по оригинальности ихъ освѣщенія.

І. Ю.

МѢДЬ ЗВЕНЯЩАЯ.

(По поводу двухъ генеральскихъ рѣчей и нѣсколькихъ обывательскихъ статей).

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ «тетенькѣ» г. Щедринъ замѣтилъ мимоходомъ, что «весь вопросъ теперь въ томъ, на чьей сторонѣ останется окончательная побѣда: на сторонѣ ли ябеды, которая вознамѣрилась весь міръ обратить въ пустыню, или на сторонѣ остатковъ совѣсти и стыда». Рѣзко сказано, конечно, съ пензбѣжнымъ преувеличеніемъ сатиры и памфлета, но именно только рѣзко и отнюдь не карикатурно. Въ томъ же письмѣ г. Щедринъ заявляетъ, что, при взглядѣ на современную жизнь нашу, ему начинаетъ казаться, что онъ стоитъ у порога какой-то загадочной храмнины, на дверяхъ которой написано: галиматъя. Это еще болѣе рѣзко, но развѣ, скажите читатель по совѣсти, не справедливо?

Въ самомъ дѣлѣ происходитъ нѣчто очень странное и врядъ-ли еще гдѣ нибудь виданное. Повидному, дѣла не оберешься, а дѣлать между тѣмъ нечего. Я право не знаю, какъ чувствуютъ себя теперь «братья—писатели» но мнѣ вѣчно (осмѣливаясь сказать о моихъ личныхъ чувствахъ именно въ предположеніи, что это не только мои личные чувства) просто совѣстно передъ своимъ читателемъ, котораго я уважаю. О чемъ мнѣ говорить съ нимъ? О томъ, что гласность полезна, а безгласность вредна, что интеллигентный человѣкъ и проклятый человѣкъ не одно и то же, что прогрессъ человѣческихъ обществъ—процессъ естественный, противъ котораго бороться нельзя, что у насъ мало хлѣба, мало школъ, мало знаній, хотя все это вещи въ жизни небезполезныя и т. д. и т. д.? Но, Господи, какой же гимназистъ не знаетъ всего

того! И не въ правѣ ли читатель. къ которому я обращусь съ изложеніемъ такихъ поразительныхъ новостей, общѣво спросить меня: за кого вы меня припмаете? Ну, да. А между тѣмъ передъ лицомъ ябеды, которая вознамѣрилась весь міръ обратитъ въ пустыню не объ общихъ же принципахъ позволительно распространяться, и въ виду «остатковъ совѣсти и стыда» не идеалы же прекраснаго будущаго разслѣдовать. Въ результатѣ—ничто совершенно несообразное: писателю не хочется писать, читателю кучно читать, но ни тотъ, ни другой не могутъ разстаться другъ съ другомъ и пзъ мѣсяца въ мѣсяць, пзо дня въ день повторяютъ опостылѣвшія истины. Человѣческое слово, человѣческая мысль утратили какъ будто всю свою силу и все свое прежнее обояніе.

А казалось бы именно въ такія трудныя эпохи и желательно въ особенности общеніе между умами. Пусть замутилось русло нашей жизни, пусть обстоятельства крайне серьезны и сложны по вѣдь коллективный опытъ и разумъ силъ нешуточная. Постараемся говорить, столковаться, условиться. Наши первые шаги на этомъ пути будутъ, вѣроятно, неудачны и неувѣренны, но вѣдь умѣнье и споровка только практикой и приобрѣтаются; наши индивидуальныя мнѣнія, быть можетъ, трудно будетъ согласовать, объединить, дисциплинировать, но не пзъ мутнаго-ль броженья творится вѣтлое вино? Пусть каждый внесетъ въ общее дѣло весь запасъ своихъ знаній, своего пониманія и всю ту любовь къ какой онъ только способенъ, тотъ истинный патриотизмъ, который вдохновляетъ людей, возвышаетъ ихъ иногда до самоотверженія. Намъ равно горько и тягостно видѣть несчастія своей родной страны, мы одинаково горячо желаемъ ей благоденствія, спокойствія, мирнаго и плодотворнаго развитія — намъ ли не сговориться и не объединиться, если того требуетъ отъ насъ данный историческій моментъ? Нѣсколько взаимныхъ уступокъ, нѣсколько обоюдныхъ поправокъ и соглашеніе становится возможнымъ. Еще Пюшкинъ находилъ, что протпвъ душеспасительнаго слова не устояшь; тѣмъ труднѣе устоять противъ свидѣтельства фактовъ, противъ доводовъ разума, противъ логики, обязательной для cadaго, привычнаго къ мышленію, ума. Переубѣдили меня — я очень радъ и очень благодаренъ: я сдѣлалъ приобрѣтеніе, я расширилъ свой кругозоръ. Переубѣдилъ я — очень пріятно: мое убѣжденіе, быть

можетъ очень дорогое для меня, выдержало новое серьезное испытаніе и кромѣ того приобрѣло себѣ лишняго защитника. Въ частномъ спорѣ возможно пораженіе, но не возможенъ никакой ущербъ, если только не придавать серьезнаго значенія интересамъ личнаго самолюбія. Что напрасно разводить руками надъ своей «незрѣлостью»? Жизнь не ждетъ да и для своего кровнаго дѣла всякій достаточно зрѣлъ. «Пускай», скажемъ мы прекрасными словами графа Толстого, «механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ—это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по дурацки, по мужицки, по крестьянски, по христіански налягнемъ народомъ, не поднимемъ-ли. Дружнѣй, братцы разомъ!» Вотъ какъ говорятъ настоящія люди и патріоты!

И все-то это одна идеализація, «литературныя мечтанія», «элегія въ прозѣ» манюловскій домъ съ бельведеромъ. Но за то потому именно, что даже такія желанія являются у насъ чѣмъ то фантастическимъ наша дѣйствительность и представляется загадочной хранимой съ надписью: галиматья.

Съ людьми, ослѣпленными «тиной нечистой мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей», спорить нѣтъ возможности, а наша журналистика—чтобъ говорить только о журналистикѣ—довольно давно уже превратилась въ арену борьбы не мнѣній, не идей и теорій а интересовъ, инстинктовъ и воледействій. Говоря откровенно, всѣ мы, т. е. подавляющіе большинство образованнаго общества и столь же подавляющее большинство органовъ печати очень хорошо сознаемъ гдѣ и какъ искать выхода, какими мѣрами и способами умножить и упорядочить нашу жизнь, и если въ этомъ отношеніи существуютъ кое какія разногласія, то относительно лишь такихъ подробностей, въ которыхъ пока и разбираться не стоитъ. Мнѣній нашихъ, такимъ образомъ, соглашать нечего; но какъ примѣрять интересы? Тутъ мы подходимъ къ одной замѣчательной особенности нашей жизни, обусловленной конечно только ничтожнымъ развитіемъ ея, но особенности, которая кладетъ свою печать рѣшительно на всѣ явленія текущей дѣйствительности. Вопросы нашей жизни—совершенно элементарные. Это не столько вопросы политики и экономики, сколько вопросы чистой этики, вопросы, то или другое рѣшеніе которыхъ обусловливается прежде всего нравственными свойствами человѣка. Если я, обсуждая напр. вопросъ о свободѣ слова, заявляю, что эта свобода должна принадлежать только мнѣ и моимъ единомышленникамъ, на всѣхъ

же другихъ должна быть наложена крѣпкая узда—я тѣмъ самымъ свидѣтельствую не о качествахъ только своего ума, но и о свойствахъ своего сердца, я не логическую только ошибку дѣлаю, а вопиющую несправедливость совершаю. Если я всё свои силы отдалъ на защиту привилегій и прерогативъ; если я уважаю только одно право—право сильного, если я глухъ къ воплямъ людей, слѣпъ относительно ихъ страданій и становлюсь краснорѣчивъ только тогда, когда требуется защищать новыя тяготы и обязательства для нихъ; если, наконецъ, для достиженія этихъ цѣлей я пользуюсь всѣми средствами, отъ клеветы до подтасовки фактовъ и отъ наущничества до отреченія отъ своихъ собственныхъ словъ— это значитъ, что я не ошибающийся только а въ полномъ смыслѣ слова безнравственный человѣкъ. Такъ ошибаться нельзя. По слабому или по невѣжеству можно запутаться среди разнообразныхъ общественныхъ теорій, не сумѣть выработать себѣ определеннаго міросозерцанія, но азбучныхъ нравственныхъ истинъ нельзя не знать и требованій элементарной добросовѣстности нельзя не понимать. Большинство вопросовъ нашей жизни, повторяю, живѣтъ подъ собою именно такую, чисто нравственную почву. Мы толкуемъ о нашей консервативной и о нашей либеральной партіи— но эти термины вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, эти партіи должны бы носить совсѣмъ иные ключки. Если охранять существующія формы жизни, заботиться о ихъ расширеніи и обезпеченіи значитъ быть консерваторомъ, то наши, такъ называемые, либералы, во многихъ случаяхъ могутъ претендовать на кличку консерваторовъ: они защищаютъ общину, они отстаиваютъ судъ присяжныхъ, земское самоуправленіе, всѣ принципы, легшіе въ основу реформы 19 февраля и т. д., и т. д. Съ другой стороны, всѣмъ извѣстно, что наши, такъ называемые, консерваторы являются отчаянными противниками всѣхъ этихъ, давно вошедшихъ въ нашу практику, началъ. Очевидно, здѣсь недостаточенъ чисто политическій критерій и на помощь къ нему долженъ придти критерій нравственный. Наша жизнь еще не вышла изъ того первобытнаго фазиса развитія, въ которомъ афоризмы азбукъ и прописей съ полною правоспособностью играютъ роль политическихъ принциповъ. Живите сами и не мѣшайте жить другимъ; уважайте человѣческую личность и ея достоинство; цѣните умъ и знаніе; съ любовью и участіемъ выслушивайте

желанья людей, выкайте въ ихъ потребности, прискивайте средства удовлетворяютъ ихъ: будьте справедливы. не захватывайте чужихъ правъ и не складывайте на чужія плечи своихъ обязанностей и т. д., и т. д. Все это—истины, выписанныя нами изъ библей, но въ тоже время это истины, которыя въ сферѣ общественныхъ отношеній и явленій еще пока только пробиваются у насъ путь. Куда, къ какой партіи отнесете вы человѣка, вооруженнаго такой «политической» программой? Чтобы слѣдовать ей, очевидно, не нужно быть ни консерваторомъ, ни либераломъ, въ западно-европейскомъ значеніи этихъ терминовъ а нужно только быть человѣкомъ съ извѣстнымъ нравственнымъ развитіемъ, нужна гуманность и благожелательность.

Отсюда вся галпматя нашей бѣдной жизни, эта печальная невозможность сойти съ почвы азбучныхъ идей и эта полная безнадежность хоть на какое-нибудь соглашеніе, на какой-нибудь результатъ. «Дружнѣй, братцы, разомъ!» а «братцы улыбаются себѣ въ бороду и пароватъ перешибить вамъ ноги. Не съ рукою на сердцѣ, а съ камнемъ за пазухой можно говорить съ такими «братцами», не спорить съ ними приходится, а только выводить на слѣжую воду, да искать полнчное. Передъ вами не мнѣніе, не доводы, а длинный рядъ какихъ-то ехидныхъ подвоховъ, хитреныхъ подходовъ, съ тылу и съ боковъ, что то мелкое и мизерное, но въ тоже время злущее, и шипящее. Вы видите передъ собою не оппонента, которому не меньше вашего дорога истина, а какого то іезуита. только о томъ и помышляющаго какъ-бы обойти и оплести васъ. Вы слышите рѣчи, проникнутыя какимъ-то желчнымъ человѣконенавистничествомъ, какимъ-то страшнымъ, почти патологическимъ недоброжелательствомъ ко всему, что краситъ, облегчаетъ и облагораживаетъ человѣческую жизнь. Это злорадство безпричинное, мракобѣсіе ради мракобѣсія. У человѣка нѣтъ ни клочка земли. но онъ изъ всѣхъ силъ защищаетъ крупное землевладѣніе; профессоръ, онъ съ замѣчательнымъ усердіемъ подкапывается подъ автономію университетовъ; обладая благозвучной фамиліей Перерѣпенко или Авѣенко, Собакевича или Маркевича, онъ подолпоклонствуетъ передъ большимъ свѣтомъ и только Лениныхъ и Гремныхъ согласенъ считать за людей. У Глѣба Успенскаго одинъ писарекъ замѣчаетъ, что для поддержания разговора съ дамой нужно говорить ей все на-

противъ, все напротивъ. «Какая сегодня прекрасная погода, говоритъ дама, совершенно напротивъ» ршиестрируетъ немедленно писарекъ. Это — тоже своего рода писарьки, но не по глупости, а по злостности. Люди добились какого нибудь спѣха, сдѣлали крупный шагъ по пути прогресса и назадиновъ астоя это обстоятельство лишаетъ сна, хотя бы оно вовсе и не касалось ихъ непосредственно. Какъ стария дѣвы не выносятъ картины счастливой любви, какъ неизлечимый уродъ не можетъ безъ желчнаго чувства смотрѣть на здоровую и молодую красоту, такъ и они не въ состояніи не только радоваться успѣхамъ людей, но и примириться съ этими успѣхами. Это не «демоническая» ненависть ко всему живущему, даже не инквизиторская подозрительность ко всему мыслящему и независящему, это просто органическое отвращеніе сычей къ солнечному свѣту. Они не отскликиваютъ, какъ Калпуга, головы всему человѣчеству, но они съ особеннымъ удовольствіемъ засадили бы его на вѣки вѣчные въ кутузку. Ихъ идея въ томъ, чтобы люди не имѣли никакихъ идеаловъ; ихъ девизъ — девизъ щедринскаго градоначальника «раззорю» и не потерплю». Вы оскорблены, унижены, придавлены жизнью, вы дышаетесь отъ недостатка воздуха, тоскуете по живомъ дѣлу для себя — не подходите къ этимъ людямъ за совѣтомъ, за ободряющимъ словомъ: вы встрѣтите косые взгляды, да злорадныя бѣги, да выжидательское гиканье: «а-га-га-га!» «у-лю-лю-лю!» Какъ вамъ и надо, отвѣтятъ вамъ. Мало вамъ, ништо вамъ. Не просто скажутъ вамъ это, а съ удареніемъ скажутъ, съ подеркиваніемъ: знай, молъ, нашихъ и оставь въ нашемъ аду наежду навсегда. Милые «братцы» нечего сказать и очень пріятно вать ихъ на работу общую! А попробуйте вы обратиться съ ерзаннымъ разговоромъ къ какой нибудь восторженной «сестрицѣ», оторая, какъ пзвѣстная Тургеневская героиня, не смотря на вой почтенный возрастъ, все еще способна стонать при лунныхъ вѣтѣхъ: Бетховень! Бетховень! попробуйте и жизни ради не будете. Милліонъ фразъ, милліонъ терзаній, милліонъ всяческихъ пустяковъ и призывовъ «туда,—туда», невѣдомо куда, «поэтическія» метафоры и всякія жалкія слова, слова, слова—все это обрушится на вашу горемычную голову, а вы припомните тогда, это у сестрицы, какъ у женщины, только волосъ долговъ и голосъ звонокъ умъ даже очень коротокъ. Съ ней спорить?! Ее, невидящему,

убѣждать?! И хорошо еще, если подъ пменемъ вашей сестрицы явится взбалмошная и пустопорожная, но все таки честная женщина—не банковская содержанка и не откровенная блудница — «откровенная» и по языку и по платью, которая на всѣ ваши вопросы отвѣтитъ тѣмъ, какъ говорится въ одной шансонетѣ. сразу подниметь ножку выше чѣмъ должно.

Тоска и отвращеніе! Въ прошломъ году, какъ читателю, конечно, даже слишкомъ извѣстно, «братцы» и «сестрицы», вспомоществуемые камеліями, открыли даже генеральный походъ на науку и образованіе вообще, на всѣхъ тѣхъ кто имѣлъ несчастіе подняться нѣсколько выше ступени первобытной умственной невинности—однимъ словомъ на «интеллигенцію». Походъ этотъ не конченъ и обороняться намъ, по всей вѣроятности, не разъ еще придется, но на этотъ разъ я не намѣренъ вовсе подходить къ этому вопросу вплотную, тѣмъ болѣе что «Устонъ» высказали о немъ свое мнѣніе устами г. Алкандрова, мнѣніе подъ которымъ я подписываюсь обѣими руками. Но мнѣ хотѣлось-бы отмѣтить одно характерное для нашей журналистики и всей общественной жизни нашей обстоятельство. На первый взглядъ во всемъ этомъ дѣлѣ ничего понять невозможно. Какимъ образомъ человѣкъ несомнѣнно принадлежащій къ интеллигенціи можетъ въ принципѣ отрицать *raison d'être* интеллигенціи? Откуда это самобичеваніе, самоотрицаніе, самоплеваніе? Защитники интеллигенціи—за единственнымъ исключеніемъ нашего почтеннаго сотрудника—не обезпечили себя этимъ вопросомъ и, въ жару полемики, стали защищать интеллигенцію какъ представительницу разума, какъ носителя и хранителя свѣта и истины. Это было странное зрѣлище. «Лермонтовъ есть интеллигенція», говорили они, а г. Суворинъ хихикалъ, давалъ понять, что и онъ, Суворинъ,—несомнѣнно интеллигенція и прибавлялъ при этомъ: «я за буржуазію». И Суворинъ былъ тыслу разъ правъ: онъ несомнѣнно интеллигенція потому что—что такое интеллигенція? Совокупность всѣхъ до извѣстной степени образованныхъ людей страны, безъ всякаго различія—и въ этомъ все дѣло—самого содержанія, сущности ихъ идей и воззрѣній. «Лермонтовъ есть интеллигенція»—ну, а если-бы Лермонтовъ измѣнилъ, подъ тѣмъ или другимъ давленіемъ, вдохновлявшимъ его идеямъ добра, правды и человѣколюбія и круто перешелъ въ лагерь мраколюбцевъ и человѣконенавистниковъ? Остался-бы онъ рядахъ интел-

инженция или нѣтъ? Остался-бы несомнѣнно: вѣдь его умъ, его великій талантъ, его вдохновенная прозорливость—всѣ эти качества (такъ предполагаемъ мы и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ этомъ предположеніи а напротивъ все очень возможное и не разъ бывалое) ставившія его на самыхъ вершинахъ интеллигенціи сохранились бы во все своей силѣ. Повторяю: въ томъ все и дѣло, что признакъ интеллигентности, развитія, есть признакъ чисто формальный и не существенный и защищать всю интеллигенцію, точно также какъ нападать на всю интеллигенцію огуломъ—нѣтъ никакой возможности. Обѣ спорившія стороны не договорили послѣдняго слова—нападавшая по лицемѣрью, защищавшая... не знаю почему. Не объ интеллигенціи шла въ сущности рѣчь—воронъ ворону глазъ не выклюетъ и Аксаковъ на Суворина не станетъ нападать — и передовой либеральной интеллигенціи, т. е. объ очень опредѣленной партіи, направленіе которой характеризуется признакомъ гораздо менѣе общими и болѣе опредѣленными нежели признакъ «интеллигентности»; Всѣ либералы—интеллигентны, но не всѣ интеллигентные люди—либералы. «Братцы» и «сестрицы» употребили въ этомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, очень ловкій (грязный, конечно) приемъ. По намѣтнымъ обстоятельствамъ, имъ необходимо укрыться за широкія плеча нашего безотвѣтнаго народа. Какъ сдѣлать это? Противопоставить народъ непосредственно «пошлымъ либераломъ» — мудрено. Программа ихъ не заключаетъ въ себѣ ровно ничего такого, что хотя косвенно вредили бы интересамъ народа, — болѣе того, ничего такого, что прямо и непосредственно не клонилось бы къ пользѣ народной. Другое дѣло — растяжимый и неопредѣленной терминъ «интеллигенція» или «пошлая интеллигенція». «Въ эту темную яму валя что и кого хочешь, и, главное дѣло, съ нѣкоторымъ виднымъ правдоподобіемъ. Дѣйствительно, «пошлая интеллигенція» ходитъ въ сюртукахъ а не въ армякахъ, постнымъ масломъ голову себѣ не мажетъ, въ колесницу Ильи не вѣрять, трехъ китовъ не уважаетъ—ясное дѣло, что она рѣзрвала съ народомъ, враждебна ему и даже намѣрена (какая сверхъестественная глотка)! проглотить его. Политическіе и экономическіе интересы, въ которыхъ и заключается, все дѣло могли спокойно оставаться при этомъ въ сторонѣ, потому что «интеллигенція» не политическій и не экономическій терминъ а... какъ бы это сказать? этнографическій,

что ли, бытовой и во всякомъ случаѣ не порціальный а индивидуальный, видовой. Штука братцевъ», говорю я, была ловкая, но что же смотрѣли ихъ оппоненты? Зачѣмъ они взялись защищать интеллигенцію когда нужно было оборонить просто передовыя ея стремленія?

Странно все это какъ-то. Прошло то время, когда некрасовскій герой «слово русскій либераль произносилъ не безъ улыбки». Ницѣ это слово произносится съ ожесточеніемъ и съ пѣной у рта—вѣрнѣйшій признакъ, что либерализмъ въ настоящее время—сила реальная у насъ. Пора намъ узнать себѣ цѣну и заставить уважать свое достоинство. Мы не кто ипбудь, не какіе-то оглашенные пасынки своей страны, *sans loi, ni loi*, мы ея родныя дѣти и, смѣемъ сказать, не худшія дѣти. На сторонѣ — передовой интеллигенціи не къ чему самоуниженіе? Такая масса талантовъ, ума, знаній, пониманія и при всемъ томъ пскрепняго патриотизма, не аксаковского и суворинскаго, что ей нечего стыдиться себя. «Наплевать!» воскликнулъ г. Щедринъ въ томъ же письмѣ къ тещинкѣ. Стрекоза! наблюдай! Поручикъ! взирайте съ прилежаніемъ! Либераль такъ либераль! Что же такое!» Это горькая насмѣшка надъ нашимъ либерализмомъ, въ которомъ еще такъ мало самосознанія и самоуваженія, что каждый щедринскій «мерзавецъ» съ опухшей рожей, налитыми глазами и ушибленнымъ пятномъ на скулѣ, можетъ заставить его сконфузиться. Наши программы настолько отчетливы, что защита ихъ по существу не представляетъ никакихъ теоретическихъ затрудненій, а ихъ духъ и внутренній смыслъ, ихъ основная тенденція настолько проникнуты началами справедливости и гуманности, что эта защита дѣлаетъ честь тому кто берется за нее. Мы отстаиваемъ право, мы разсѣиваемъ мракъ, наше оружіе—мысль и слово, и мы не должны бояться ни суда современниковъ, ни приговора исторіи, въ которой, конечно, переживаемый нами моментъ будетъ отмѣченъ особенно яркою чертою. Такъ ужъ не передъ «поручиками» и даже не передъ генералами и не передъ литературными «Стрекозами» въ чемъ-то оправдываться намъ!

Г. Александровъ былъ глубоко правъ, когда обращаясь въ заключеніи своей статьи къ нашимъ новоявленнымъ народолюбцамъ и гонителямъ интеллигенціи, говорилъ: «если въ лицѣ интеллигенціи вы мечтаете уничтожить то самое умственное движеніе,

которое съ самаго начала своего, со времени Новикова и Радищева и до сего дня, не только ни разу не имѣвало народнымъ интересамъ, а все болѣе и болѣе проникается ими... Въ такомъ случаѣ, милостивые государи, не слишкомъ-ли ужъ вы опоздали въ своемъ благородномъ стремленіи? Легко было отстранить сразу всѣхъ людей 30-хъ и 40-хъ годовъ и спасти Русь отъ Пушкина и Лермонтова, Бѣлинскаго и Гоголя, но теперь это довольно уже трудно, господа «Я возразить бы такъ противъ условной формы этого обращенія: не «если», а совершенно достовѣрно я говорилъ, повгоруя и не устану повторять, что тутъ именно и «зарить песь», какъ выражаются нѣмцы, что не противъ интеллигенціи, какъ таковой, а противъ передовой интеллигенціи поднять весь этотъ шумъ, вся эта травля и «ябеда». Чичиковъ былъ для своего времени и своего общества, говоря относительно, несомнѣнно интеллигенціей, но ни Булгаринъ, ни Суворинъ противъ него не могли вооружиться. Г. Алкандровъ взглянуть на дѣло съ исторической точки зрѣнія и съ законною гордостью и съ радостнымъ чувствомъ показываетъ намъ, что мы не съ неба свалились въ видѣ какой-то саранчи, что мы—естественный продуктъ долгаго и труднаго историческаго процесса, что мы завоевывали свою позицію шагъ за шагомъ и сбить насъ внизъ съ нее — «довольно трудно, господа!» Число Булгаринныхъ уменьшается непрерывно, по крайней мѣрѣ уменьшается ихъ прыть, прячется ихъ безстыдство и, если теперь, въ переживаемую нами минуту, они чувствуютъ себя какъ бы господами положенія—это только неприятность, но отнюдь не серьезное несчастье, а если разобрать дѣло глубже, то даже утѣшительный симптомъ: вѣдь и предсмертное укушеніе зайца, говорятъ, бываетъ ядовито, но за то вѣдь оно и предсмертное! На долю нашей генерации выпало перенести боль этого укушенія—это грустно, но это должно. Да, по совѣсти говоря, вся эта мѣдь, звѣнящая, и всѣ эти кимвалы брядающіе только оглушительно, а ни на волосъ не страшны, т. е. не они страшны, хочу я сказать...

Намъ страшно, между прочимъ, то, что несмотря на всю серьезность и, такъ сказать, жгучесть момента и на всю элементарность, предъявленныхъ намъ жизнью задачъ, мы нерѣдко ходимъ какъ-то кругомъ да около нихъ—и это не всегда вслѣдствіе условій нашей печати, а часто просто по недоразумѣнію, прямо

говоря—по недодуманности. Возникъ этотъ вопросъ объ интеллигенціи, и либеральная «Страна» издала, по выраженію г. Н. М. «декретъ», въ которомъ этотъ вопросъ признается празднымъ и не заслуживающимъ подробнаго разсмотрѣнія «Праздникъ» вопросъ! Какъ будто это вопросъ только о терминѣ, а не вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ нашего стремленія впередъ, опутаннаго «ябедою». Послѣ этого, самое существованіе почтенной газеты представляется совершенно празднымъ. Какъ будто это вопросъ какойнибудь ничтожной газеты людей, а не всего думающаго, желающаго и способнаго идти впередъ общества. Нѣкоторые, не вѣдающіе, что творять, приравниваютъ интеллигенцію къ профессіямъ и отказываютъ многимъ практическимъ дѣятелямъ (напримѣръ, доктору-практику, и т. п.) въ титулъ интеллигентнаго человѣка, но это глубоко ошибочно.

Освободительныя идеи присущи всѣмъ прямымъ умамъ и всѣмъ честнымъ сердцамъ, онѣ, какъ недаромъ говорится, «носятся въ воздухъ» и уйти отъ ихъ вліянія некуда. Не только «докторъ-практикъ», но и двоюродный урядникъ стоитъ въ рядахъ интеллигенціи и дѣйствуетъ ради нее, иногда даже неосознательно. Жизнь человѣка не исчерпывается его «профессіей». «Докторъ-практикъ» не только лекаръ—онъ кромѣ того человѣкъ и гражданинъ, онъ не только «сражается со смертью» и обираетъ кредитки, онъ мыслитъ, судитъ о вещахъ и порядкахъ, поддерживаетъ тѣ или другія общественныя тенденціи, вноситъ вліяніе ихъ и въ свою семью и въ сферу своихъ знакомыхъ,—повсюду, гдѣ умственная и нравственная личность его пользуется значеніемъ и авторитетомъ. Развѣ онъ не дѣйствуетъ на пользу интеллигенціи—той или другой партіи? На кредитки, вырученныя отъ визитовъ, онъ—беру до насъ, журналистовъ, касающійся примѣръ—можетъ выписать в «Отеч. Записки» и «Русскій Вѣстникъ» и «Страну» и «Новое Время» можетъ выписать и почтенное «Русское Богатство». Развѣ наши подписчики, наши читатели, въ огромномъ большинствѣ, не союзники наши?

Это взаимодѣйствіе людей, это вліяніе ихъ другъ на друга, не посредствомъ только мысли, но и посредствомъ живаго примѣра, вліяніе, не знающее никакихъ преградъ и не поддающееся никакому регулированію обнаруживается во всѣхъ сферахъ дѣятельности и во всѣхъ родахъ поступковъ, отношеній, связей и

т. д. «Мысли съ вѣтрами носятся. вѣтра не догнать», какъ сказалъ г. Полонскій. Интеллигентный человѣкъ на то и обладаетъ интеллектомъ, чтобы, при случайной или не случайной, встрѣчѣ съ такой «по вѣтру носящейся» идеей не пройду мимо ея равнодушно и бессмысленно а по степени своего развитія, усвоить ее и проникнуться ею. А вѣдь идея не такая вещь, которая бы могла лежать въ нашей головѣ въ видѣ бесполезнаго украшенія. Разъ усвоенная, она мало-по-малу реформируетъ всю жизнь человѣка, влѣсть на его поступки, обычаи, привычки, нравъ, отношенія. Какой бы профессіей человѣкъ не занимался, эта метаморфоза въ его личной жизни много или мало, но неизбежно пзмѣняетъ балансъ жизни общественной, въ сторону ли принципозъ добра и свѣта или принципозъ зла и мракобѣсія, смотря по свойству идеи, овладѣвшей человѣкомъ. Оттого-то, мимоходомъ сказать, вопросы объ оздоровленіи общественной атмосферы является неизмѣримо важнѣе задачъ индивидуально-нравственной гйгіены. Какими бы кислотами вы ни опрыскивались, какими бы сладобьями ни окуривались, вамъ трудно избѣжать зараженія если уличный воздухъ переполненъ всяческими бактеріями.

Не въ такихъ, значитъ, второстепенныхъ вещахъ какъ профессія, а въ чуткости къ «вліяніямъ» жизни, въ его способности проникать во внутренней смыслъ явленій, т. е. опять таки въ его развитости, интеллигентности, заключается корень дѣла. Въ последнемъ романѣ г. Маркевича¹⁾, изображающемъ знаменитую эпоху нашего «пробужденія», разные высокопоставленные люди безпрестанно твердятъ: «le torrent nous emporte» и г. Маркевичъ не можетъ достаточно надвинуться такой «безхарактерности». Напрасное удивленіе, конечно. Человѣкъ не гранитная скала, чтобы сопротивляться «потоку», не дерево, чтобы оставаться внѣ вліянія восторжествовавшихъ идей. Если въ современной жизни нашей получать оконча-

¹⁾ Объ этомъ, въ своемъ родѣ, замѣчательномъ произведеніи, т. е. о его тенденціяхъ собственно, мы постараемся дать отчетъ въ слѣдующей книгѣ „Устоевъ“, а пока порекомендовали бы прочесть его всѣмъ тѣмъ либераламъ нашимъ, которые считаютъ вопросъ объ интеллигенціи „заключеннымъ“ или и вовсе „празднымъ“. Г. Маркевичъ радъ бы былъ либеральную интеллигенцію съ лица земли стереть и скорбѣть лишь о томъ, что руки у него коротки.

тельное господство идеи господь Маркеничей точно также окажется мало людей настолько закаленных, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ «заблужденіямъ». Въ интеллигенціи, т. е. во всѣхъ образованныхъ классахъ и во всѣхъ общественныхъ партіяхъ даже слишкомъ достаточно людей, которые могутъ выдѣлывать свои стрѣлы изъ всякаго дерева, какъ говорятъ французы и держатся той вѣры за которую сало даютъ, какъ выразился одинъ цыганъ. Но показаніе направленіе «потока» не опредѣлилось. пока еще борьба не рѣшена, въ ней болѣе или менѣе активно, не съ одинаковымъ успѣхомъ, но съ одинаковымъ правомъ принимаютъ участіе всѣ, возвысившіеся до пониманія коллективныхъ силъ и интересовъ. Интеллигенція есть совокупность всѣхъ критически мыслящихъ людей безъ различія партій и оттого ее нельзя ни противопоставить буржуазіи—въ нашей зеленой буржуазіи не одни уже Князь Княвичи, какъ въ доброе старое время но и «дѣльцы»—ни отождествлять ее съ борцами за науку, за народное благо, за право личности—въ ея рядахъ стоятъ и Аксаковы и Суворовны—ни противопоставлять ее народу—въ ней и даже въ большинствѣ имѣются преданнѣйшіе и искреннѣйшіе друзья народа, которые, положены воспитаны на счетъ народа, по которымъ по совѣсти, насколько хватаетъ ихъ силъ, уплачивали и уплачиваютъ ему этотъ долгъ. Съ точки зрѣнія чистой нравственности интеллигенція представляетъ собою самую пеструю мазанку враждебныхъ другъ къ другу партій, противоположныхъ стремленій, перешлепывающихся интересовъ. Общее во всѣхъ этихъ партіяхъ заключается не въ идеалахъ, которые, напротивъ, рѣзко между собою различны а въ самомъ фактѣ имѣнія этихъ идеаловъ.

Споръ объ интеллигенціи—споръ не о словахъ, не о терминахъ только. Необходимо поставить наконецъ точку надъ і и разъяснить, на первый взглядъ просто чудовищное явленіе—этотъ походъ интеллигентныхъ людей противъ интеллигенціи, это усерднѣйшее подрубаніе людьми тогда самаго сука, на которомъ они возсѣдаютъ. Разъяснить это, казалось бы, такъ просто, но разъяснить это удалось однакоже штатскому человѣку Александрову, храбрый и знаменитый генералъ Скобелевъ, никѣмъ, какъ повѣстно, до сихъ поръ непобѣжденный, былъ взятъ въ плѣнъ г. Аксаковымъ и въ утѣшеніе получилъ отъ послѣдняго патентъ на то, что онъ, генералъ Скобелевъ, «не только по русски во

ветъ, не только по русски чувствуетъ, но и по русски мыслить». На этомъ, въ сущности, превеселомъ эпизодѣ, говоръ о которомъ наполняетъ теперь, можно сказать, всю вселенную, я позволю себѣ остановиться просто какъ на подходящей иллюстраціи къ той удивительной путаницѣ понятій, которая, оказывается, способна побѣждать непобѣдимыхъ и одоливать неодолимыхъ. Генералъ Скобелевъ произнесъ два экспромта одинъ въ Петербургѣ другой въ Парижѣ. Въ г. Щедрина прпставалъ въ вагонѣ какой-то земець, чтобы тотъ сказалъ наконецъ «трезвенное» слово и г. Щедринъ отказался. Эту обязанность взялъ на себя г. Скобелевъ, и произнесъ свою первую рѣчь, по его собственному заявленію, «опустивши бокаль съ виномъ и поднявши стаканъ съ водою» и даже призывалъ присутствующихъ въ свидѣтели, что онъ говоритъ «не вслѣдствіе какого бы то ни было ненормальнаго возбужденія». Всякія сомнѣнія въ «трезвенности» экспромта должны быть такимъ образомъ устранены. Къ удивленію, «трезвенное» слово оказалось въ первомъ экспромтѣ рядомъ какихъ-то выдержекъ изъ передовыхъ статей газеты «Русь», во второмъ... во второй экспромтъ имѣлъ уже нѣсколько редакцій и все, по словамъ газетъ, самыхъ «достоверныхъ» такъ что о немъ можно сказать лишь то, что въ немъ указывался пальцемъ нашъ врагъ, который оказался «нѣмецъ». Несчастное возлище отпущенія всѣхъ вольныхъ и невольныхъ историческихъ грѣховъ нашихъ—интеллигенція было жестоко атаковано генераломъ Скобелевымъ, не менѣе жестоко чѣмъ и самъ «нѣмецъ» такъ что въ результатѣ у Россіи оказалось два врага: внутри—интеллигенція, извнѣ—нѣмецъ. Объ интеллигенціи ген. Скобелевъ говорилъ: „если русскій человѣкъ случайно скромно заявитъ, что Русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ Славянскимъ, инѣ терзаемымъ, попираемымъ,—тогда въ средѣ донорощенныхъ и заграничныхъ иноплеменниковъ поднимаются воли негодованія... Причинъ къ этому очень много, и здѣсь не время и не мѣсто ихъ подробно касаться, но одна изъ главныхъ—это, конечно, та прискорбная рознь, которая существуетъ между известною частью такъ-называемой нашей интеллигенціи съ Русскимъ народомъ. Господа, всякій разъ, когда державный хозяинъ Русской земли обращался къ своему народу, народъ оказывался на высотѣ призванія историческихъ потребностей минуты. Съ интеллигенціею же не всегда бывало тоже, и если въ трудныя ми-

нуты кто-либо банкротился предъ царемъ, и народомъ, то конечно таже интеллигенція. Полагаю, господа, что это явленіе вполне объяснимое. Космополитическій европеецъ не есть источникъ силы и можетъ быть лишь признакомъ слабости. Силы не можетъ быть в нѣ народа, и сама интеллигенція есть сила—только въ неразрывной связи съ народомъ“. Атака, какъ видитъ читатель, жестокая, натискъ пламенный, но ведется эта атака старыми средствами, съ заржавѣвшимъ оружіемъ и храброму генералу придется отступить. Предположимъ, что генераль Скобелевъ отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ словахъ и постарается говорить по возможности серьезно. О какой такой „прискорбной розни, существующей, будто-бы между „извѣстной частью“ интеллигенціи и народомъ говоритъ генераль Скобелевъ? Въ извѣстномъ—а именно культурномъ—отношеніи между „интеллигенціею“ и народомъ, конечно, существуетъ „рознь“—но ничего „прискорбнаго въ этой розни усмотрѣть нельзя. Мы—т. е. не „извѣстная часть“ интеллигенціи а вся интеллигенція, т. е. всѣ болѣе или менѣе окультуренные люди, въ томъ числѣ и самъ генераль Скобелевъ, не раздѣляетъ вѣрованій народа, не живетъ его обычаями, не говоритъ его языкомъ, не носитъ его костюма и т. д. — съ этимъ дѣлать нечего и дѣлать не зачѣмъ. Нечего, потому что возвратиться къ первобытному міросозерцанію нѣтъ возможности, не зачѣмъ — потому что эта „рознь“ не существенна, точнѣе не эта рознь существенна. Не въ бытовыхъ формахъ а въ политическихъ и экономическихъ факторахъ заключаются насущные интересы и совершенно справедливо конечно, что есть „часть интеллигенціи“, которая вредитъ этимъ интересамъ, противопоставляетъ имъ свои, кастовые, сословные, корпоративные. Но какая часть? Генераль Скобелевъ говоритъ—„извѣстная“ но очевидно что она для него, по его неопытности въ нашихъ штатскихъ дѣлахъ, совершенно неизвѣстна. Это та „часть“ многоуважаемый генераль, которая завѣряетъ, что русскій народъ не нуждается или говоря ея стилемъ «не хочетъ, не требуетъ, не просить, не молить» ни о какихъ обезпеченіяхъ своей свободы, которая ужъ достаточно обезпечена урядникомъ. Это та честь, которая доказывала что народъ не хочетъ, не молить и пр. объ увеличеніи своего земельнаго надѣла, который у него даже очень достаточенъ. Это та часть, которая всегда готова взять подъ свою

защиту всяких Бобринских и всяких Фишеровъ, всяких Колупаевых и Разуваевых (Н. В. Колупаевы и Разуваевы—это персонажи одного русскаго писателя, который пишет—есть такой журнал—въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ псевдонимомъ Педрина), эксплуатирующихъ народъ. Эта та, наконецъ, часть, которая готова, оставаясь спокойно въ своихъ комфортабельныхъ кабинетахъ, десятки тысячъ людей послать на смерть и страданія, послать затѣмъ... да просто затѣмъ, чтобы имѣть живыя темы для своихъ бурнопламенныхъ статей, что теперь изъ ей въ особенности требуется, такъ какъ обычныя словечки и фразы ей сильно понизились.

Все той же невѣстѣ и невѣсткой, извѣстной — неизвѣстной «части интеллигенціи» ген. Скобелевъ бросаетъ въ лицо упрекъ въ неисполненіи своего долга, въ томъ, что она не разъ оказывалась «не на высотѣ своего призванія.» Въ этомъ тоже нужно разобраться. Все дѣло въ томъ какъ понимать долгъ, въ чемъ ставить его себѣ. Ген. Скобелевъ понимаетъ такъ: имѣть, говорить оны, первенствующій долгъ каждого жертвовать всѣмъ, въ томъ числѣ и своимъ духовнымъ я—на развитіе силъ отечества». Другими словами, для того чтобы исполнить свой «долгъ» интеллигенція должна перестать быть интеллигенціей, отказаться отъ своихъ знаній, своего разумѣнія, своихъ идеаловъ, «своего духовнаго я.» Не будемъ говорить о томъ—возможно ли это? Но спросимъ себя: нужно ли это? Что такое «силы отечества?» Неужели это только сила пушекъ и штыковъ, грубая сила машинообразныхъ полчищъ съ храбрыми генералами во главѣ? Объ этомъ пора бы ужъ всякій разговоръ оставить: наговорились, насмотрѣлись, наслушались на эту тему даже слишкомъ достаточно. И мы осмѣливаемся полагать, что когда интеллигенція указываетъ, съ полной искренностью и твердымъ убѣжденіемъ, на тѣ или другія неурядки, нестроенія, опасности, язвы—она исполняетъ свой патріотическій долгъ. Болѣе того: въ этомъ прежде всего и состоитъ ея долгъ. потому уже, что никто, кромѣ ее, не исполнитъ его не въ состояніи. Не зарывать свои «таланты», свои умственныя богатства, свои знанія, обязана она а, наоборотъ, расширять и приращать ихъ, потому что истинная сила — не штыкъ, а знаніе. А богатство это не шуточное и потому уже непозволительно имѣть спрашивать, какъ тотъ пѣтухъ, — «къ чему оно?»

Только очень наивные люди могут насчитывать въ нашей современной интеллигенціи какихъ нибудь 50 или 60 тысячъ человекъ, набранныхъ изъ загнанныхъ учителей и запуганныхъ литераторовъ — это армія, болѣе многочисленная нежели какую имѣли когда бы то ни было подъ своимъ командованіемъ какой угодно полководецъ и армія, въ огромномъ большинствѣ, строго дисциплинированная — не внѣшнимъ принужденіемъ, а единствомъ цѣлей и желаній, сознательно избранныхъ и не менѣе каждому изъ послѣднихъ солдатъ этой арміи дорогихъ чѣмъ ген. Скобелеву его идеалы. И нужно имѣть слишкомъ много самой беззаботной самоувѣренности, чтобы наблюдая маневры этой арміи, въ которой есть простые рядовые не менѣе а, быть можетъ, и гораздо по болѣе просвѣщенные, нежели самъ наблюдатель, сказать во всеуслышаніе и безъ дальнихъ разговоровъ, что эта армія маневрируетъ дурно и «не исполняетъ своего долга».

Еще два слова въ заключеніе. Ген. Скобелевъ указываетъ Россіи съ прямою «солдатскаго сердца» на то, что «тамъ, въ родной намъ славянской земли, нѣмецко-мадьярскія виновники направлены въ единавѣрныя намъ груди «и угѣшается» вѣрой въ силу историческаго призванія Россіи. «Старья, знакомыя рѣчи, конечно... Но какъ сказалъ поэтъ (Лермонтовъ, давно уже умершій) есть рѣчи, которыхъ значенія темно пль ничтожно, но которыхъ безъ волненія выпнать невозможно. Не стоитъ говорить по существу объ этомъ «историческомъ призваніи Россіи», чудесномъ призваніи вѣчно быть родной матерью для пасынковъ и мачихой для родныхъ дѣтей — мы «пошлые либералы» достаточно говорили и, при болѣе серьезномъ поводѣ, еще будемъ говорить на эту тему. Но странно вотъ что. Въ парижской своей рѣчи ген. Скобелевъ заявилъ, что мы, русскіе, «не хозяева даже въ своемъ собственномъ домѣ» въ которомъ распоряжается «нѣмецъ»: если такъ, то какой же логическій смыслъ въ приглашеніи Россіи къ устроенію — пусть родственныхъ, но, все же чужихъ домовъ? И не удивительно ли что расточитель собственнаго достоинства приглашается въ управители чужимъ имуществомъ? Сотни разъ, еще въ то время когда ген. Скобелевъ былъ по всей вѣроятности простымъ юнкеромъ а не приготовленнымъ полководцемъ ставились эти и подобные имъ вопросы, а отвѣта на нихъ отъ нашихъ привилегированныхъ патриотовъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Достаточно,

слишкомъ даже достаточно устраняли мы чужія дѣла, званія и незванія, устраняли ихъ и въ Румыніи и въ Греціи и въ Сербіи и въ Болгаріи, даже въ Австріи, даже въ самой Франціи (въ эпоху великой революціи) не пора ли позаботиться и о своихъ собственныхъ которыхъ, кажется, накопилось изрядное количество? Ген. Скобелевъ объяснилъ (въ разговорѣ съ корреспондентомъ «Daily News») это вѣчное невниманіе къ своимъ и внимательство въ чужія дѣла тѣмъ, что: «мы не желаемъ ровно ничего для себя. Мы народъ идеалистовъ, мы способны предаться величайшему воодушевленію и даже любимъ жертвовать собой» («Нов. Вр.» отъ 12 февраля) Какіе странные, подумаешь, бываютъ вкусы, какое оригинальное «историческое призваніе!» И опять таки—гдѣ бѣдная логика? Если мы «любимъ жертвовать собой»—ну, и пусть въ такомъ случаѣ кушаетъ насъ «нѣмецъ» себѣ на здоровье, намъ во славу и утѣшеніе. Распугаться въ этихъ лирическихъ фразахъ, въ этихъ ежеминутныхъ, ежесекундныхъ противорѣчіяхъ нѣтъ никакой возможности, да, признаемся, не достаетъ уже и терпѣнія. Понятно одно: не въ ехидномъ «нѣмцѣ» и его мѣткомъ «хозяйничаньи» (отчего это американцы все жалуются на хозяйничанье нѣмцевъ, которыхъ однакоже у нихъ побольше чѣмъ у насъ?) заключается бѣда и въ чемъ то совсѣмъ другомъ. Въ чемъ именно? Сразу на этотъ вопросъ не отвѣтишь, конечно.... Знаю только, что напр. нѣмецъ Фишеръ хозяйничалъ въ Литоритахъ съ благословенія русскаго графа Бобринскаго. Знаю также что въ мѣстечкѣ Логишинѣ воевали съ крестьянами за интересы русскаго генерала Токарева русскій генералъ Лошкаревъ. Знаю также—это то ужъ очень хорошо знаю—что излагая всѣ эти замѣчанія свои я все время чувствовалъ себя какъ то неловко и спротивно, приниженно и угнетенно, однимъ словомъ недостойно для православнаго и разумнаго человѣка и спрашивая себя о причинахъ этого противоестественнаго явленія я, по чистой совѣсти, никакъ не могу усмотрѣть ихъ въ «нѣмцѣ». Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды» отражается образъ всей нашей жизни и при чемъ же тутъ «нѣмецъ» спрашивается!

Н. Морозовъ.

„Новое слово“ г. Соловьева.

На дняхъ мы случайно сдѣлались свидѣтелями одного не всѣмъ обыкновеннаго явленія и жизни нашей университетской молодежи. Студенты собирались для слушанія лекціи не въ аудиториі, а въ актовомъ залѣ, ибо ни одна аудиториа не вмѣстила-бы половины, желавшихъ слушать. Были на лицо студенты всѣхъ факультетовъ и всѣхъ отгѣнковъ: отъ безукоризненнаго чернаго редингота до красной рубахи съ косымъ воротомъ и высокихъ сапогъ. Скоро въ обширномъ залѣ не стало ни одного свободнаго мѣста,—приходилось стоять. Необычайное оживленіе господствовало среди молодежи и сообщалось постороннему человѣку. По рукамъ ходили листки съ программой предстоящей лекціи. Видно было, что ожидается нѣчто необыкновенное, событіе въ университетской жизни новое слово, одинаково интересующее всю молодежь. Въ шестидесятые годы такую толпу могла-бы собрать только лекціа по физиологіи, въ семидесятые—по политической экономіи, а вотъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ почти вся университетская молодежь спѣшитъ послушать лекцію—о христіанствѣ! Вскорѣъ показался лекторъ г. Соловьевъ—высокій, сутуловатый молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ скета и проповѣдника, окаймленнымъ густою гривой темныхъ волосъ,—и сталъ читать медленно и внятно, глубокимъ, груднымъ голосомъ, дѣлая искусственныя интонаціи и болѣе искусственныя паузы. Слушатели жадно внимали каждому слову. Послѣ лекціи слѣдовала бѣседа между профессоромъ и студентами по поводу читаннаго.

Не имѣя подъ рукой текста лекціи, мы обращаемся для разбора взглядовъ г. Соловьева къ недавней его рѣчи о Достоевскомъ, въ которой взгляды эти высказалъ довольно полно. Но

прежде намъ-бы хотѣлось замѣтить, что интересъ, съ которымъ молодежь слушаетъ въ наши для лекцій о христіанствѣ, явленіе совсѣмъ не случайное, объясняемое не только любопытствомъ да оригинальностью или ораторскими способностями лектора. Все это, конечно, вліяетъ на успѣшеніе интереса, но главная причина заключается не въ лекторѣ, а въ слушателяхъ. Дѣло въ томъ, что душа русской молодежи, въ послѣднее время въ концѣ истолковалась, истомилась и, какъ манна небесной жаждетъ обобщающаго слова. Идеалы шестидесятихъ годовъ оказались узкими, идеалы семидесятихъ годовъ — практически почему-то неосновательными и вотъ молодежь, съ горькими и тяжелыми опытомъ двухъ поколѣній на душѣ, въ мучительномъ раздумьи стали на распутьи и ждуть новаго слова, и ищутъ новыхъ путей. Для молодежи, я вмѣстѣ съ тѣмъ для всего нашего развитія настала критическій моментъ, имѣющій глубокое значеніе. Моментъ этотъ только что начинается—и мы отмѣчаемъ явленіе еще формирующееся. Не то что русскій человѣкъ извѣрнулся въ прежнихъ идеалахъ, но онъ извѣрнулся въ ихъ узко-практической постановкѣ вѣдающей ихъ на дѣлѣ глубоко-непрактичными и жаждетъ новаго ихъ овѣщенія.

И вотъ, удовлетворяя исторической потребности, одинъ за другимъ являются новые обобщители. Но чѣмъ объяснить такую горькую и странную пронию жизни. Почему именно это страстно чаемое слово раздается, Богъ вѣсть о чемъ, и Богъ вѣсть какими проповѣдниками? Почему спускаются они къ намъ на облакахъ мистицизма, и почему звонкія слова ихъ источены внутри червемъ и способны только производить звонъ въ ушахъ и трепеть въ нервахъ, но никогда не могутъ даже на полшаги освѣтить дальше жизненную дорогу? Каждый такой новый проповѣдникъ есть новый камень, который судьба подаетъ намъ вмѣсто хлѣба. Вѣдь отчего истосковались мы? Оттого, что насъ забрутала вереница наружно дѣльныхъ, а въ сущности безсодержательныхъ словъ, въ то время, когда насъ мучила жажда дѣла. Русскаго человѣка постигла участь дѣйствительно трагическая. Въ то время, когда повсюду суеславили о любви къ ближнимъ, русскій человѣкъ полюбилъ ближняго въ самомъ дѣлѣ и рѣшилъ, что чѣмъ сверлить по-пустому воздухъ, лучше пойти и отдать свою любовь тому страждущему ближнему, который въ ней нуж-

дается. Но ближній этотъ не понялъ его и отвергъ его любовь. Была одна дорога—неужели же она заказана? Неужели въ самомъ дѣлѣ ближній никогда его не пойметъ, и нѣтъ языка, на которомъ они сговарились бы? Вотъ о чемъ тоскуетъ русскій человѣкъ, и вотъ на какую думу онъ ждетъ отвѣта. Никакими звонкими словами, никакимъ радужнымъ туманомъ его не обойдешь и не ослѣпишь. А между тѣмъ, что долженъ сказать онъ, услыша въ отвѣтъ на свою скорбь хотя бы слѣдующія слова: конечно, у всякаго, и признающаго великое всечеловѣческое дѣло, есть свои частныя дѣла и занятія, своя профессія и специальность. И вовсе не нужно бросать ихъ. Все человѣческое дѣло потому и есть всечеловѣческое, что оно можетъ все совмѣстить и ничего не исключаетъ. Отъ насъ только требуется, чтобы мы своей маленькой части не ставили на мѣсто великаго дѣла. чтобы мы не обособлялись въ своемъ частномъ дѣлѣ, а старались бы связать его съ дѣломъ всечеловѣческимъ, чтобы это великое дѣло мы никогда не теряли изъ виду, ставили бы его выше и прежде всего, а все остальное ужъ—потомъ. Не въ нашей власти рѣшить, когда и какъ совершится великое дѣло всечеловѣческаго единенія. Но поставить его себѣ, какъ высшую задачу и служить ему во всѣхъ дѣлахъ своихъ это въ нашей власти. Въ нашей власти сказать: вотъ чего мы хотимъ, вотъ наша высшая цѣль и наше знамя—и на другое мы не согласны».

Но вѣдь это и есть какъ разъ та блестящая бездна лукавыхъ словъ, отъ которой русскій человѣкъ уже давнымъ-давно убѣжалъ. Это значитъ шагнуть назадъ на полвѣка. Вѣдь именно отъ этихъ словъ и несетъ ненавистнымъ благодушіемъ барской сытости и барскато самосозерцанія. Всечеловѣческое единеніе... всечеловѣческая любовь... да, конечно, единеніе, любовь, потому что никто въ здравомъ разсудкѣ не станетъ держать публичной рѣчи о всечеловѣческой несправости и всечеловѣческой рѣзни, что, къ тому же, воспрещено законами. Неужели г. Владиміръ Соловьевъ не подозреваетъ, что и до него, и до Достоевскаго существовала всечеловѣческая любовь; хотя, можетъ быть, называлась она общечеловѣческой, и что Достоевскій, объявившій, что надо любить человѣчество въ его цѣлокупности открылъ не новую истину, а новое сочетаніе словъ? Неужели русскій человѣкъ своими жертвами, своими муками не заслужилъ того ничтожнаго права на

уваженіе и довѣріе, вслѣдствіе котораго ему не слѣдуютъ читать прописную мораль о любви? Вѣдь въ рѣчи г-на Соловьева о Достоевскомъ все, кромѣ намѣреній, неправда и компромиссы, и пустое браганіе, и если молодежь аплодировала этой рѣчи и если она будетъ внимать другимъ рѣчамъ г. Соловьева еще съ большимъ восторгомъ, то это лишь доказываетъ и будетъ доказывать, что необходимость въ какомъ-нибудь просвѣтляющемъ и обобщающемъ словѣ окрѣпла до чувства голода, когда человѣкъ набрасывается на все, хотя только наружно похожее на хлѣбъ. Въ этой рѣчи Достоевскій выставляется какимъ-то идеаломъ, совмѣстившимъ въ себѣ религіознаго человѣка, мыслителя и художника. Уже не говоримъ о томъ, что это колоссальная неправда и что подобное изображеніе Достоевскаго достойно кисти любочнаго маэстро, потому что Достоевскій всего менѣе похожъ на цѣльный идеалъ; это—натура изломанная, измученная, извѣдавшая, по его собственнымъ словамъ, и величайшее просвѣтленіе, «и сатаньины глубины» духа. Какъ романистъ, онъ—могучій психологъ, какъ человѣкъ—глубокій мистикъ, постоянный, падавшій и поднимавшійся, олицетвореніе порока и добродѣтели. Въ сферы порока и паденій Достоевскій немислимъ, и иначе его рисовать значитъ не понимать его ровно ни на волосъ. Но, кромѣ того, Достоевскій еще выставляется глашатаемъ новаго вселенскаго христіанства. Вотъ это уже галлюцинація. Идея христіанства всегда была въ теоріи, но не на практикѣ, идея о свободномъ единеніи всего человѣчества; такъ оно осталось и теперь,—и если пророчество Достоевскаго и «новое слово, которое Россія должна сказать міру» заключается лишь въ повтореніи 12 стиха 10-й главы посланія Павла къ Римлянамъ, то я охотно допускаю, что и г. Соловьевъ современемъ еще разъ пороховъ выдумаетъ.

Когда мы говорили о необходимости въ настоящее время обобщающаго слова, то этимъ мы не хотимъ сказать, что было должно замѣнить и подмѣнить у насъ дѣло. Между пустынею, хотя самыми звучными, словами и надеждами нашихъ дней стоитъ большое прошлое, которое своротить съ пути тоже не легко. Настоящее поколѣніе нуждается въ словѣ, которое бы обобщило дѣло, въ идеалѣ, который бы упорядочилъ и освѣтилъ нашу дѣятельность, въ руководителяхъ, которые бы шли впередъ. Но не истиннѣе безумна надежда разрѣшить всѣ сомнѣнія и муки такимъ

легкимъ и смѣхотворнымъ образомъ: сидите каждый подъ своею смоковницею, занимайтесь каждый своимъ ремесломъ и профессіею. **Вовсе не нужно бросать ихъ.** Банкиръ, продолжай и работать на биржѣ, сердцевѣдъ, продолжай читать помисли согражданъ, насквилянтъ, продолжай сотрудничать въ «Новомъ Временнѣ» крѣпостникъ—впрочемъ, крѣпостное право уже уничтожено, всѣхъ этихъ занятій вовсе не нужно бросать. Нужно только, чтобы вы всѣ—и банкиръ и сердцевѣдъ и насквилянтъ—не упускали изъ виду общечеловѣческое дѣло, ставили его себѣ, какъ высшую задачу и служили ему во всѣхъ своихъ дѣлахъ.... Занимайся своимъ частнымъ дѣломъ и служи дѣлу общечеловѣческому, которое по тому и есть общечеловѣческое, что ничего не исключаетъ. Да въ это слово и вздоръ и умственный, и нравственный. А что если это частное дѣло находится въ противорѣчій съ общечеловѣскимъ? А въдѣ всѣ наши частныя дѣла построены на такомъ порядкѣ вещей, на такихъ взаимныхъ отношеніяхъ между людьми, что отъ одного дунуенія общечеловѣческаго идеала они разлетятся, какъ «листы предъ лицомъ урагана!» Можетъ быть, не всѣ, но уже большая часть, по крайней мѣрѣ. Въ томъ-то и должна заключаться роль обобщителя, что онъ долженъ привести въ гармонію жизнь и идеалъ. Нужно имѣть барскую наивность или барское безстыдство, чтобы въ наши дни, предъ лицомъ русскаго общества говорить объ отвлеченной, сама для себя существующей нравственности, послѣ того какъ сотни, тысячи людей на жертвенникѣ этой же нравственности сожгли всѣ свои личныя блага, имущество, здоровье, жизнь. Мы согласны, что все это оказалось недостаточнымъ, но лишь потому, что нравственный идеалъ былъ узко понятъ и выраженъ. Тѣсная связь между идеаломъ и практической дѣятельностью—вотъ первое условіе всякой русско-этики. И насъ частное и общечеловѣческое—не два дѣла, но одно дѣло.

И сколько въ рѣчи г. Соловьева мелкихъ уступокъ, мелкихъ противорѣчій, мелкихъ недоразумѣній, убѣждающихъ въ основаніи всю идею. Бываетъ троякаго рода христіанство, говоритъ г. Соловьевъ—храмовое, домашнее и общечеловѣческое. (Неправда! Неправда! Кто настоящій христіанинъ, а не христіанинъ-доктринаръ, для того существуетъ лишь одно христіанство). Опредѣля-

храмовое и домашнее, г. Соловьевъ, послѣ всякаго обязательно прибавляетъ: «и оно должно существовать, но его недостаточно».

Задача-же всечеловѣческаго христіанства, состоитъ не въ томъ только что оно должно соединить всѣ народы одной вѣрой, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно должно соединить и примирить всѣ человѣческія дѣла въ одно всемірное и общее дѣло конечно, въ дѣло общечеловѣческое, которое ничего не исключаетъ). О соединеніи одной вѣры а говорить не будемъ, хоть это очень характерные слова, но о соединеніи сектъ человѣческихъ дѣлъ хотѣли-бы спросить одно: проповѣдь роціонализма, натуализма, отензизма есть несомнѣнно человѣческое дѣло, и при томъ такое, котораго ни какой любовью не побѣдишь, а только логическими доводами; если всечеловѣческое христіанство г. Соловьева и Достоевскаго должно совмѣстить въ себѣ всѣ дѣла людскіе, значить, оно таитъ въ себѣ, помимо нравственныхъ идеаловъ, и эти доводы логическіе. Если такъ, то г. Соловьевъ хорошо-бы сдѣлалъ вынуть изъ кармана великую истину. Ибо можно любить и не вѣрить; тогда причемъ тутъ христіанство, при чемъ весь этотъ шумъ опііама, съѣдающій глаза, и звонъ колокольный, оглушающій слухъ при чемъ этотъ наборъ словъ, поднимающихся къ небу, подобно игрушечнымъ разсвѣченнымъ шаромъ?

Все это смѣшно и еще болѣе досадно, потому что г. Соловьевъ несомнѣнно принадлежитъ и людямъ глубоко убѣжденнымъ въ истинѣ своихъ словъ и желающихъ блага ближнему,—и если онъ съ высотъ своихъ ходуль когда-нибудь опустится въ настоящую жизнь, то много придется пережить минутъ душевнаго разлада и ломки. Необходима самая беззавѣтная вѣра въ идеальное и самое возвышенное и абсолютное пониманіе жизненной цѣли, но все это мертво безъ пониманія жизни современной несовершенной, условной,—и несчастіе г. Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ порожденіе барской пустоты, выросшей и поддерживаемой на почвѣ барской обезличенности, что съ молокомъ матери всосалъ онъ страсть къ манерниченью на показъ, безпечность мысли, любовь къ словамъ и вражду къ дѣлу.

Все что онъ не говоритъ уподобляется писменамъ начертаннымъ на водѣ. Или-же расплывающемуся туману. И поневолѣ утешиться тѣмъ, что туманъ этотъ никому глазъ не выѣсть. Никогда слово это не поведетъ за собою свѣжія русскія слезы, потому что

слово это никуда въ сущности не зоветъ, какъ только подъ сѣнью смоковницы или въ эмпиріи, потому что звѣзда, которой является г. Соловьевъ, горитъ позади нашего историческаго пути, а не впереди его, потому что философія г. Соловьева—мыльный пузырь, хотя сознаемъ, мыльный пузырь, въ которомъ отражается солнце.

А между тѣмъ какъ благословляла-бы Россія того, кто въ самомъ дѣлѣ сказалъ-бы ей теперь новое слово.

Заговоры о христіанской рѣчи г. Соловьева, не можемъ, сопоставленія, не сказать нѣсколько словъ о другой рѣчи то-же христіанской,—графа Льва Толстаго. Среди нашихъ моралистовъ, кои и среди нашихъ художниковъ, Толстой занимаетъ одно и тоже мѣсто: онъ поднимается надъ тѣми и другими цѣлою головою. Въ немъ не то дорого, что онъ о правдѣ и христіанской любви умѣетъ говорить хорошими словами, а то, что слова эти онъ старается приводить въ исполненіе. Онъ не ищетъ спокойствія, онъ не дорожитъ доктриной. Ни для кого не тайна, что графъ Толстой, одѣтый въ крестьянское платье, съ евангеліемъ за пазухой пѣшкомъ ходилъ по монастырямъ и раскольничьимъ деревнямъ, отыскивая правду; ни для кого же тайна, что онъ хотѣлъ раздать свое имущество и только постороннее вмѣшательство не дало ему привести въ исполненіе своего желанія. Тутъ чувствуешь бѣшеніе пульсирующей правда не выдуманной, начинающей животрепещущей, настоящей съ нуждаго конца.

Но при всемъ тѣмъ на мучительныя вопросы современной тоскующей души рѣчь графа Толстаго не даютъ отвѣтовъ.

«Деньги, говоритъ графъ самъ по себѣ зло». «Нужно работать на людей». Но неужто кто-нибудь сомневался въ этомъ? Въдѣ вопросъ только какъ работать на людей? А если не позволять? А если тѣ, на которыхъ работать, почему-либо отвергаютъ тебя и твою работу? What is the question.

«Почему не надѣяться», продолжаетъ графъ, что и обществамъ, съ человѣчествомъ не будетъ тоже что бываетъ съ большимъ организмомъ, когда вдругъ поступаетъ моментъ выздоровленія?»

Въ первыхъ, сравненіе это не вѣрно, которому что больной организмъ. прежде чѣмъ заболѣть, былъ здоровъ, и больной есть только его временное и ненормальное состояніе, а общество никогда не было здоровымъ и теперешнее несовершенное состояніе есть для него состояніе нормальное.

А во-вторыхъ, кто-же не надѣется; всего и свѣту, что эта надежда, но вѣдь ея есть не будешь; за одну только ее и уцѣлнешся, вся надъ бездной; благо даже только ей, тоска въ отчаяніе не переходить.

Но тоски надеждой не перешибень...

N. W.

Внутреннее обозрѣніе.

Во всякомъ общежитіи есть непремѣнно свои обычаи и приличія: въ китайской имперіи одни, въ Европѣ другіе, въ табунѣ третьи и т. д. Есть свои обычаи и приличія, конечно, и въ литературѣ, но здѣсь ихъ кажется меньше всего, по крайней мѣрѣ, въ нашей литературѣ и, по крайней мѣрѣ, приличій... Сейчасъ мы это увидимъ. Я не знаю можно ли найти какое нибудь чело-вѣческое общежитіе, въ которомъ существовало бы приличіе встрѣчать вновь появляющагося чело-вѣка, о которомъ никто еще ничего не знаетъ, зубами и пякками? Правда, есть дикари, которые съѣдаютъ европейца, но на то они дикари, это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, они съѣдаютъ чело-вѣка, приготовляя себѣ изъ него жаркое или холодное, а не безцѣльно заколачиваютъ его. Правда, есть еще недружелюбныя встрѣчи, которыя мы находимъ и у европейскіхъ народовъ и которыя имѣютъ мотивомъ ту же породу за существованіе, только не такую простую и откровенную, какъ у дикарей: вновь появляющійся чело-вѣкъ можетъ явиться противникомъ, соперникомъ, конкурентомъ. Такъ враждуютъ, напр. американскіе янки съ китайцами, старыя торговныя фирмы съ новыми, старыя поколѣнія и мысли съ нарождающимися вновь поколѣніями и мыслями, хотя бы послѣднія долгое время и казались не далѣе какъ плоды заблужденій дѣтскаго ума. Но, казалось бы, что въ литературѣ, и въ особенности въ русской литературѣ, подобная вражда должна была бы имѣть меньше всего мѣста, какъ потому, что у насъ и работы то въ жизни много, такъ и потому, что и работниковъ то и органовъ печати больно ужъ мало. Вновь появляющійся органъ печати, если онъ только не злостный распространитель обскурантизма и не намѣревается во что бы то ни

стало наплевать въ лицо истинѣ, долженъ былъ бы быть главнымъ гостемъ, потому что, такъ или иначе, а онъ станетъ будить общественную мысль, будетъ возбуждать охоту къ чтенію и содѣйствовать распространенію печатнаго слова. Если онъ будетъ вестись недостаточно интересно и живо, ему можно сказать: «веселѣе, братцы, дѣйствуй!»; а если станетъ въ чемъ нибудь заблуждаться, то можно вѣдь съ нимъ и спорить. Все это такъ просто и ясно, но, къ сожалѣнію, дѣлается у насъ не такъ. Органъ, даже не представляющій нпкому конкуренціи, возбуждаетъ во многихъ неудовольствіе: «ты зачѣмъ пришелъ?» спрашиваютъ его, какое profession de foi несешь, отчего profession de foi не высказалъ, должно быть нѣтъ его у тебя?» и т. п. А если вы попробовали высказать свое profession de foi (которое, замѣтнмъ въ скобкахъ, высказать иногда бываетъ довольно неудачно и трудно), то вотъ скажутъ: «знаемъ мы эти широковѣщательскія программы», или, еще того хуже, увидѣтъ у васъ какія нибудь заднія мысли, а то и неблагонамѣренность. Все это испытали мы на себѣ. Выпуская первую книжку «Устоевъ», мы выступили безъ profession de foi, и безъ программы, не потому, конечно, чтобы не имѣли ихъ, а по нѣкоторымъ соображеніямъ, ни для кого не интереснымъ, напр. вслѣдствіе спѣшности, съ какою приходилось выпускать первую книжку, причемъ, само собою разумѣется, мы были увѣрены, что программа наша выяснится читателю изъ самого содержанія «Устоевъ» и состава участвующихъ въ журналѣ лицъ. — Такъ это, конечно, и вышло: неопредѣленнаго впечатлѣнія мы не произвели, врагъ узналъ въ насъ врага, хотя мы и не сказали ему ни одного враждебнаго слова, точно также какъ не было нпкому высказано ничего дружественнаго. Съ сочувствіемъ встрѣтили насъ: «Недѣля», «Голосъ», «Трудъ», «Русскій Курьеръ» и другія газеты; враждебно отнеслись къ намъ только три органа: «Новое Время», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Минута». Отношеніе ихъ къ намъ, согласіе послѣднихъ органовъ и очень любонитно. Не высказывая деталей своей программы, мы, однако, очень опредѣленно высказались за народническое направленіе, за сочувствіе всему тому, что клонится къ народной пользѣ и несочувствіе къ тому, что клонится въ сторону противоположную; мы отмѣтили очень отрадный фактъ, что почти всѣ газеты стали теперь говорить о народѣ и народническомъ направленіи, но, предчувствуя неискренность и

рenegатства многихъ изъ нихъ, добавили къ этому: «будемъ же, господа, послѣдовательно держаться этого направленія, не будемъ влиять и рenegатствовать, не будемъ дѣлать изъ него моднаго фасона де парл^е. будемъ смотрѣть на него какъ на самое дорогое дѣло»: подтвержденіемъ, оправдываніемъ или объясненіемъ (какъ хотите, такъ и назовите) нашего желанія работать на пользу народа могла служить первая книжка «Устоевъ», гдѣ почти въ каждой статьѣ такъ или иначе затрогивался народный вопросъ и чѣмъ нѣкоторые изъ публики остались даже недовольны: «слишкомъ, много, моль, сермяги». Я думаю, я даже убѣжденъ въ этомъ, что отсюда то именно и произошло недовольство на насъ со стороны вышеуказанныхъ газетъ. Отсюда то и пошли органы дѣтскихъ стремленій, «зачѣмъ пришелъ», «почему нѣтъ программы» и т. д.

Первымъ, кажется, совершилъ надъ нами свое критическое отправленіе г. Буренинъ. Не хотѣлъ, а совершилъ. Не хотѣлъ, потому, конечно, что не стоило для насъ останавливаться, а совершилъ потому, что надобно-же было совершить отправленіе. Онъ величественно содралъ насъ всѣхъ (т. е, новые журналы «Вѣкъ», «Наблюдатель» и «Устон») въ кучу и раздѣлался надъ всѣми сразу. Мы впрочемъ, показали ему любопытнѣе другихъ нашихъ сверстниковъ и потому получили больше неприятности. Онъ нашелъ, что «Устон» является органомъ дѣтскихъ стремленій по преимуществу, даже прямо дѣтскимъ органомъ, что видно, будто бы, какъ изъ состава сотрудниковъ, все людей молодыхъ и начинающихъ, (что не совсѣмъ справедливо, такъ какъ у насъ есть люди болѣе возрастные, ранѣе начавшіе писать и болѣе извѣстные въ литературѣ, чѣмъ г. Буренинъ), такъ и изъ содержанія 1-й книжки журнала. Затѣмъ, онъ нашолъ что направленіе наше очень умѣреннаго свойства, что по его мнѣнію конечно, въ особенности должно компроментировать дѣтскій органъ, который долженъ лезть на стѣну. Противъ перваго указанія мы разумѣется, ничего не имѣемъ, ибо юность—не позоръ, а если она сохраняется въ головѣ и сердцѣ человѣка до сѣдницъ, если любовь и вѣра въ будущее не забываются винтомъ жизни, а находятъ въ немъ для себя поддержку и слухъ, то это даже достоинство.—Что же касается до втораго компроментирующаго насъ обстоятельства, т. е. умеренности, то это обычный пріемъ г. Буренина, который онъ за

последнее время въ особенности часто употребляетъ противъ нѣкоторыхъ органовъ печати, которымъ ничего не можетъ сдѣлать своимъ критическимъ крючкотворствомъ. Приемъ очень простой и ни мало не остроумный: въ стѣснены условіями печати и проносите свою мысль не прямо и открыто, а воровски, подъ полой, заворачиваете ее, какъ контрабанду, въ солому и тряпки, идете окольными тропинками и постоянно оглядываетесь, а г. Буренинъ останавливается передъ вами и говорить: «какой онъ трусъ! какой онъ презрѣнный трусъ! да онъ, какъ я вижу, и не намѣренъ принести намъ ничего цѣннаго, а тащить только солому». Г. Буренинъ, конечно, ни самъ, ни кто либо другой изъ его соросниковъ по газетѣ, никогда не скажутъ ничего болѣе смѣлаго и неуважительнаго чѣмъ вы говорите, но насъ изобличать въ умѣренности; а если позволите себѣ быть смѣлымъ и будете посажены на привязь, то они сейчасъ же скажутъ: «какіе дѣти? И откуда они взяли, что у насъ такъ плохо живется? Все, кажется, обстоитъ, благополучно». Примѣръ такого отношенія съ благополучіемъ читатель можетъ видѣть изъ разбора г. Буренинымъ послѣдней сатиры г. Щедрина, которая, будто бы, все преувеличила и изобразила дѣйствительность въ неестественно прочныхъ краскахъ. Мы не отрицаемъ, что первая книжка «Устоевъ» умѣренная, даже очень умѣренная, но желали бы услышать отвѣтъ г. Буренина, отвѣтъ по совѣсти, на слѣдующіе вопросы: признаетъ-ли онъ наличныя условія печати нормальными и вполне достаточными для свободнаго выраженія своихъ убѣжденій, для выраженія на фельетонной доставкѣ вправо и влево и больше куда можно, а для выраженія серьезныхъ взглядовъ и убѣжденій, и, затѣмъ какъ научится невинность сохранять и капиталъ наживать, не заслуживать упрека въ умѣренности и въ тоже время, не дрожать за каждую свою строку? Для этого есть, конечно, нѣкоторые приемы: сто дней напр. хрюкѣ свиньей и говори глупости и мерзости, а потомъ разъ сболтнн человѣческое слово, по сейчасъ-же опять продолжай хрюкать, или заручись связями и знай на кого сегодня можно плевать и на кого завтра надо будетъ молиться, и. т. и. но все это очень трудно, а для другого и нежелательно, да и невозможно, ибо онъ предпочтетъ лучше меньше говорить, чѣмъ хоть разъ хрюкнуть.

Перейдемъ отъ «Новаго Времени» непосредственно къ «Ми-

нутѣ». «Минута» очень заинтересована вопросомъ; устоятъ-ли «Устой»? Такъ и озаглавлены ея литературныя замѣтки, въ № 43, въ которыхъ, хотя относительно будущей судьбы нашей и ничего категорически не говорится, но значитса, что «вслѣдствіе, нѣкоторыхъ соображеній (?)», невольно является мысль о недолговѣчности «Устоевъ». «Минута», конечно, можетъ прозирать наше будущее и имѣть на счетъ насъ всякія соображенія, но это ни мало ни для насъ, ни для читателей нашихъ неинтересно. Насъ интересуетъ въ этой газетѣ только образецъ того пробнаго литературнаго непринчія, съ каплмъ она насъ встрѣтила. Остановливаясь на повѣсти, г. Баранцевича «Чужакъ», литературный обозрѣватель газеты ставитъ появленіе ея въ «Устояхъ» въ вину литературному вкусу критики. Онъ говоритъ: «Я читалъ много литературныхъ произведеній; между хорошими (?) много попадалась и глупостей, но, скажу по правдѣ, я никогда не читалъ такой бездарной чепухи». Это, конечно дѣло литературнаго вкуса и умственнаго развитія: одинъ любитъ апельсины, другой — жолуди, одинъ цѣнитъ идею и правду произведенія, другой — любитъ интригу приключенія, кражу дѣвицъ и больше всего обожаетъ мемуары Вюдока. Глубоко несчастный герой разсказа г. Баранцевича оказывается, разумѣется, «плюгавенькимъ интеллигентомъ», «плюгавымъ мужичкомъ» «скудоумнымъ студенткомъ», зараженнымъ, въ довершеніе всего, «при всемъ своемъ тупоуміи бездѣльною и худосочною демократическою горячною шестидесятыхъ годовъ». Словомъ, оказывается плюгавымъ изъ плюгавыхъ созданій (слово плюгавый на 1^й, столбцахъ произносились больше 10 разъ на которою г. Ф. Элядовъ, т. е. авторъ литературнаго одобренія, прочь даже присочинить кое-что отъ себя, присочинить то, чего въ разсказѣ г. Баранцевича не имѣется и что стоитъ иногда въ ковычкахъ, такъ что можетъ быть приписано г. Баранцевичу. Передовое содержаніе повѣсти, г. Элядовъ, говоритъ напр: что Вѣра Григорьевна (влюбленная въ Радунцева «свѣтская барышня, которую онъ училъ) «понятное дѣло... забыла и думать е плюгавенькомъ студентѣ», что «этотъ плюгавый человѣкъ вообразилъ себѣ, что смущеніе дѣвушки есть слѣдствіе тайной любви ея къ нему, и чуть было не бросился къ ней въ объятія», что когда онъ отказался пріѣхать къ ней въ деревню и холодно пожалъ ей руку, «изобразивши на своей плюгавой рожѣ видѣ-

отское величіе. то она посмотрѣла ему въ слѣдъ, покачала головой, засмѣялась, произнесла: «дуракъ» и пошла сидѣть на хостикъ. «Ничего подобнаго въ повѣсти г. Баранцевича нѣтъ и все такъ идетъ какъ разъ наоборотъ. Точно также сочинено г. Элядовичъ и состояніе ревности Радунцева. «Онъ плакалъ, говоритъ г. Элядовъ, рвалъ на себѣ волосы, катался по землѣ, грызъ траву, кувыркался, ругался, скрежеталъ зубами отъ беспильной злобы... Потому онъ началъ дѣлать по улицамъ и по полямъ, точно въ какомъ-то бреду. Глядя на него деревенскіе мальчишки гоготали, собаки лаяли» и т. д. Конечно, г. Баранцевичъ такъ же описывалъ состоянія своего героя. Но все это еще было бы ничто и могло бы быть объяснено низкимъ уровнемъ литературной порядочности мелкой прессы, по что вы скажете о томъ, когда, послѣ всего вышеописаннаго, прочтете увѣреніе газеты, что повѣсть г. Баранцевича, «въ дѣйствительности есть ничто иное, какъ правдивый эпизодъ жизни самого автора, т. е. часть его личной біографіи». Г. Элядовъ знаетъ это, какъ знаетъ и многое другое, въ родѣ того, что г. Баранцевичъ безуспѣшно путешествовалъ съ своею повѣстью по редакціямъ, и что никто, будто бы, не хотѣлъ ее принять, пока не появился «Устонъ». Пусть читатели сами оцѣнятъ достоинство подобныхъ пріемовъ, мы отказываемся подыскать имъ настоящее имя и называемъ ихъ только высшею степенью неприличія. Оставлять подобныя пріемы безъ вниманія—невозможно. На нихъ должны обратить вниманіе вся наша литература, все общество и всѣ тѣ, кому дороги интересы литературы, чтобы отыскать средство для ихъ прекращенія. Героями повѣстей, романовъ и вообще беллетристическихъ произведеній не всегда являются люди добродѣтели и благородства, а бывають и негодяи, и предатели, и мошенники всѣхъ сортовъ и видовъ. Представьте же теперь себѣ, что, встрѣчая подобное произведеніе въ органѣ нелюбимаго мною направленія, я возьму себѣ да и объявлю, не имѣя къ тому ни малѣйшихъ основаній, что герой повѣсти, какъ мнѣ достоверно извѣстно, есть самъ ея авторъ, или редакторъ изданія, гдѣ она напечатана. Представьте себѣ, что я возьму какое нибудь сообщеніе о недобросовѣстномъ поступкѣ, напр., изъ газеты г. Баташна и объявлю, что лицо, совершившее поступокъ и неупомянутое въ сообщеніи или скрытое подъ инициалами, какъ это часто дѣлается, есть самъ г. Баташнъ. Я слѣ-

лаю вѣдь какъ разъ тоже самое, что дѣлаетъ теперь и г. Баталинъ, но, вѣроятно, онъ пожелаетъ преслѣдовать меня судебнымъ порядкомъ за клевету или диффамацию. Можетъ быть кто нибудь и намъ посовѣтуетъ сдѣлать тоже самое, но, право, ни клевета, ни судебное преслѣдованіе и возстановленіе нравственнаго права путемъ суда не должны имѣть мѣста въ литературѣ.

Богѣе откровенно и прямо высказались противъ несимпатичнаго для нихъ направленія новаго органа «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 34). Хотя программы «Устон» и никакой не выставили, говорить газета, но, «по именамъ главныхъ сотрудниковъ и составу 1-й книжки», мы склонны думать, «что устон, на которыхъ должна зиждиться наша жизнь, уже сформированы редакціею, и ей остается только знакомить съ ними наше общество». (Указаніе на предвзятость нашихъ задачъ). «С.-Петерб. Вѣд.», повидимому, были удивлены, что въ статьѣ г. Алкаandroва было указано, что устон наши въ народѣ. «Какой же это реальный народъ?» спрашиваютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ которомъ надо искать устоевъ, и отвѣчаютъ: «конечно, не тотъ, съ которымъ познакомили насъ Григоровичъ, Писемскій, Л. Толстой (?), Самаринъ, Аксаковъ, а народъ, изображаемый гг. Г. Успенскимъ, Златовратскимъ, Н. Наумовымъ и другими реальными живописцами русской народной жизни. А ихъ реализмъ въ изображеніи народа, какъ извѣстно (?), состоитъ въ томъ, чтобы фотографировать его бытъ, наводя фокусъ своей наблюдательности на однѣ только темныя и грязныя стороны дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подслушивать въ его говорѣ однѣ уродливыя уклоненія отъ чистой народной рѣчи. «Не нравится г. Комарову народничество нашихъ молодыхъ беллетристовъ! Очень мало, по его мнѣнію, у нихъ литературныхъ заслугъ и не такъ симпатично изображаютъ они народъ, какъ, напр., г. Аксаковъ. Куда сравнятся съ г. Аксаковымъ... Мы, впрочемъ, думаемъ нѣсколько иначе и полагаемъ, что г. Аксаковъ изображаетъ народъ совсѣмъ не вѣрно. Мы хоть и не заявляли съ перваго шага своего презрѣнія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и «Руси», какъ это утверждаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», но они угадали наши чувства къ этимъ органамъ печати, чувства, которыя прежде всего и больше всего коренятся именно въ народномъ вопросѣ. Для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», впрочемъ, вопросъ этотъ кажется совершенно новъ и врадъ-ли будетъ имъ

понятно, почему именно мы расходимся съ московскими боярами. Народный вопрос и народническое направление застали г. Комарова совершенно въ расплохъ, на столько въ расплохъ, что, желая прикинуться народникомъ, онъ никакъ этого сдѣлать не можетъ. Не зная предмета, его исторіи и современнаго положенія общественныхъ наукъ, не зная въ частности положенія русскаго народа и не владея даже языкомъ для выраженія входящихъ и относящихся къ этой области понятій, г. Комаровъ только кутааетъ вопросъ и обнаруживаетъ свои истинные помыслы. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, возьмите тотъ же № 34 «С.-Петерб. Вѣдомостей» и потрудитесь понять мысли первой передовой статьи.

Вотъ что говорится въ этой статьѣ: «Въ дѣлѣ экономическаго возстановленія (?) нашего народа, прежде всего, необходимо видѣть потребность, въ которыхъ обобщаются (?) всѣ мѣстности нашего отечества (?) отъ тѣхъ, которыя имѣютъ чисто мѣстный характеръ. Первые должны быть удостовѣрены (?) высшею правительственною властью, въ законодательномъ порядкѣ (?); вторыя же будутъ лежать на обязанностяхъ мѣстнаго управленія. Вторыя, т. е. мѣстныя потребности, являются, такъ сказать, (sic) конкретными видами общихъ потребностей (?)». Что же это такое наконецъ? Чистая тарабарщина, какіе-то бонжурны съ куллиментами и резделюціи. Если какой нибудь купецъ рассказываетъ, что при вдовушкѣ, которая ему подходящая, «состоитъ здоровенный капитанъ». «но инициативѣ котораго» рассказчикъ «уже разъ слетѣлъ съ лѣстницы», то тутъ, какъ недостаточно ясное пониманіе слова инициатива, такъ и самый предметъ рассказа не представляютъ ни особой важности, ни особаго интереса; но если большая газета берется трактовать о народномъ вопросѣ, то мы вправе требовать отъ нея большей ясности и опредѣленности не только представленій, но и выраженій. Что, въ самомъ дѣлѣ, вы можете понять изъ вышеприведеннаго мѣста: экономическое возстановленіе нашего народа; въ потребностяхъ обобщаются всѣ мѣстности нашего отечества; потребности удостовѣряются въ законодательномъ порядкѣ; мѣстныя потребности являются конкретными видами общихъ потребностей и т. п. Происходитъ это именно отъ новизны предмета для г. Комарова. Какъ человѣкъ военной спеціальности, онъ знаетъ, конечно, отлично о пушкахъ, редутахъ и въ особености, вѣроятно, объ интендантскомъ хозяйствѣ, о нихъ, вѣроятно,

и писать можетъ хорошо и ясно, а народъ—совсѣмъ не знаетъ. Это не пушка и не интендантская часть, хотя то и другое по-
 коятся исключительно на немъ. Г. Комаровъ даже слово народъ
 не скажетъ просто, а выговариваетъ его какъ-то особенно: то
 «труженническій народъ», то «почвенное населеніе» (см. Вн. об-
 «Устойе» 1 кн.). Выходитъ именно антипатива и купиментъ.
 «Почвенное населеніе!» Никто до г. Комарова, конечно, такъ не
 выражался и выраженіе это принадлежитъ всецѣло его антипативу.
 Даже когда г. Комаровъ хочетъ сказать народу сочувствен-
 ное слово, то оно выходитъ у него какимъ-то купиментомъ: «На-
 родъ-труженникъ, безлопадный, говоритъ онъ, отъ тяги и голо-
 довки пропивающій послѣдній грошъ—служить базисомъ, на ко-
 торомъ воздвигались (точно редуты) инструменты хищенія» и т. д.
 Я беру эти примѣры чисто на удачу, безъ всякаго умысла и
 подыскиванія максимумовъ нелѣпости, но вполне увѣренъ, что
 если бы поискать, то можно было бы и не то еще розыскать. Все
 это, впрочемъ, не столь важно. Гораздо интереснѣе узнать какъ
 смотритъ г. Комаровъ на экономическое возстановленіе нашего
 народа, нашего почвеннаго населенія, которому онъ такъ сочув-
 ствуетъ? Въ пылу служенія народу, говоритъ онъ, свобод-
 ная интеллигенція сводила все по малоземелью, но малозе-
 мелье являлось въ качествѣ послѣдствія, а не причины раз-
 стройства, такъ народъ былъ надѣленъ землей вполне. Даже
 больше: если наше экономическое разстройство сводитъ къ посе-
 мельному вопросу, «что обобщеніе дастъ совершенно противополо-
 жное тому, что называется малоземельемъ». Разстройство на-
 шихъ крестьянъ сводится къ тому, что у него (?) не хватаетъ ра-
 бочихъ способностей для обработки своего надѣла». Что это озна-
 чаетъ, ей Богу, не знаю, да врядъ ли знаетъ и самъ г. Комаровъ.
 Между тѣмъ онъ строитъ на этомъ опредѣленіи цѣлую
 схему, которая, конечно, столь же удобопонятна. Вотъ какъ онъ
 объясняетъ настоящее положеніе крестьянства по отношенію къ
 земельному вопросу: 1) гдѣ крестьянинъ располагаетъ рабочими
 способностями свыше количества, соответствующаго надѣлу, ко-
 торымъ онъ располагаетъ по положенію, тамъ онъ въ полномъ
 благосостояніи; 2) гдѣ крестьянинъ располагаетъ рабочими спо-
 собностями, соответствующими величинѣ надѣла, тамъ благосо-
 стояніе его сомнительно, (?) и 3) гдѣ крестьянинъ не распо-

гаеть рабочими способностями соразмѣрно своему надѣлу, тамъ крестьянинъ находится въ нищенскомъ состояніи и никакой отхожій промыселъ не дастъ ему благосостоянія». Не вдаваясь въ фактическое опроверженіе, мы спросимъ только не выйдетъ ли изъ этого, что если крестьянинъ располагаетъ рабочими способностями выше, напр., четвертнаго надѣла, то можетъ находиться въ полномъ благосостояніи? Если это такъ, то я думаю столь же основательно, что г. Комаровъ, обладая высшими военными способностями, можетъ съ однимъ, напр. солдатомъ завоевать всю Европу. Отчего же не попробовать этого? Я, какъ видите, гораздо осмотрительнѣе и осторожнѣе г. Комарова, такъ какъ не увѣренъ въ побѣдѣ г. Комарова и сначала предлагаю испробовать это, а онъ вполне увѣренъ въ томъ, что говорить. Право, можно подумать, что въ литературу пришли какіе то шутники...

Конечно, у насъ съ г. Комаровымъ, точно также какъ и съ его соратниками, никогда не можетъ установиться согласія по народному вопросу, и онъ не ошибся, что угодивъ въ насъ противника, который время отъ времени будетъ выводить его народничество на чистую воду. Оставимъ, однако, триумvirатъ нашихъ противниковъ и обратимся къ общественной жизни. Петербургъ послѣдніе дни больше всего говорилъ и былъ занятъ политическимъ процессомъ о 20 лицахъ, кончившимся на дняхъ, интендантскимъ процессомъ г. Макшѣва и возможностью войны съ нѣмцами. О ходѣ политическаго процесса мы знаемъ очень мало, такъ какъ о немъ почти ничего не сообщалось въ газетахъ, а краткій отчетъ, появившійся въ «Правительствующемъ Вѣстникѣ», заключаетъ въ себѣ перечень различныхъ прежнихъ процессовъ, къ которымъ большая часть подсудимыхъ имѣла такое или иное сопрякосновеніе. Приговоръ суда послѣдовалъ слѣдующій: подсудимыхъ — Александра Михайлова, Николая Колодзевича, Николая Суханова, Михаила Фроленко, Григорія Исаева, Ивана Емельянова, Макара Тертеру, Татьяну Лебедеву, Анну Якимову, Николая Клыточникова — подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Александра Бараникова, Василія Меркулова, Айзика Арончика, Николая Морозова, Мартына Лаганса, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока. Михаила Тригона, Григорія Фриденсона, Льва Златопольскаго, Фердинанда Люстига, Людмилу Терентьеву сослать на 20-ть лѣтъ cadaго въ каторжныя работы въ рудники. Терентьеву-

же на заводахъ. Относительно Фриденсона и Люстига постановлено ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ министра юстиціи, о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія, назначеніемъ таковаго Фриденсону—10 лѣтъ каторжныхъ работъ на заводахъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

По странной случайности, рядомъ съ этимъ процессомъ, происходилъ судъ надъ лицами составившими другого рода сообщество, сообщество противъ государственной казни и русскаго солдата. Хотя заговоръ ихъ былъ и безкровный, но, тѣмъ не менѣе, сопровождавшійся, вѣроятно, не одною смертью русскаго солдата, не шадившаго ни силъ, ни здоровья, ни жпзни, котораго заговорщики кормили испорченнымъ хлѣбомъ. Обвиняемыми явились: дѣйствительный статскій совѣтникъ Макшеевъ, статскій совѣтникъ Тумковскій, полковники: Преоровскій, Чеглоковъ и Навроцкій, коллежскіе совѣтники: Шницбартъ и Карасевичъ, надворный совѣтникъ Крейеръ; коллежскій секретарь Акимовъ, коллежскій регистраторъ Шестаковъ; 1-й гильдіи купцы: Вольштейнъ и Каминка; мѣщане: Варшавскій и Хоплинскій. Всѣхъ явившихся свидѣтелей по дѣлу было около 60 чел., а 43 чел. не явились по разнымъ причинамъ: кто за болѣзнью и дальностью разстоянія, а нѣкоторые за смертью (не дождался суда). Военный министръ, генералъ Ванновскій, долженъ былъ также явиться свидѣтелемъ, по прислалъ въ судъ усвѣдомленіе, что на основаніи 687 ст. у. в. с. желаетъ воспользоваться правомъ быть допрошеннымъ у себя дома, для чего и былъ отдѣленъ законный составъ суда. Мы понимаемъ какъ можетъ быть неприятно даже свидѣтельствовать по такому дѣлу. Дѣло, носящее названіе дыла о разныхъ злоупотребленіяхъ по довольствію войскъ дѣйствующей арміи въ бывшую турецкую кампанію, раздѣлено на пять категорій, соотвѣтственно чему и составлено 5 обвинительныхъ актовъ. Особенно интереснымъ эпизодомъ суда былъ слѣдующій по выраженію „Моск. Вѣд.“ (№ 52) неожиданный случай, происшедшій 19 февраля. Когда въ четвертомъ часу пополудни было окончено чтеніе второй части обвинительнаго акта по дѣлу о наличныхъ покупкахъ, и председатель обратился въ отдѣльности къ каждому изъ подсудимыхъ, къ которомъ относилось обвиненіе содержавшееся въ прочтенной части, съ обычнымъ вопросомъ о виновности, одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ Варшавскій отвѣчалъ: „да, признаю себя виновнымъ“.

Это сознание въ группѣ защитниковъ остальныхъ подсудимыхъ произвело видную сенсацію. Когда предсѣдатель предложилъ затѣмъ подсудимому разказать суду обстоятельства сопровождавшія и вызвавшія его преступныя дѣянія, тотъ ограничился чистосердечнымъ, но категорическимъ заявленіемъ что онъ, Варшавскій, поставляя продукты для отряда, увидѣлъ себя вынужденнымъ выдавать интендантскимъ чиновникамъ квитанціи на суммы значительно большія, чѣмъ тѣ, которыя онъ отъ нихъ получалъ въ дѣйствительности. Разница, слѣдовательно, шла въ пользу чиновниковъ. Подробный разказъ, въ виду сильнаго утомленія, а также волненія, возбужденнаго персиптими невзгодами послѣдствіе препровожденія по этапу, Варшавскій просилъ отложить до судебного слѣдствія. выразивъ полную готовность разказать суду подробно всѣ обстоятельства, имѣющія какую-либо связь съ настоящимъ дѣломъ. Заявленіе этого подсудимаго видимо отразилось и на остальныхъ подсудимыхъ, съ худо скрытымъ смущеніемъ оставившихъ вслѣдъ затѣмъ залу суда, по случаю объявленія объявленнаго перерыва до 7 часовъ вечера». «Удружилы!» вѣроятно сказали про себя многіе изъ подсудимыхъ, и ругнули, конечно. при этомъ Варшавскаго жидомъ и плохимъ товарищемъ. Съ интендантской точки зрѣнія нзмѣна эта въ особенности должна быть позорна, хотъ въ ней нѣтъ ничего доблестнаго и съ общей челоувѣческой точки зрѣнія. Дѣло объ интендантскихъ злоупотребленіяхъ, имѣвшихъ цѣлю въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ набить карманъ, разбирательствомъ еще не кончено и какого рода судьба ждетъ подсудимыхъ еще неизвѣстно. Защищаютъ подсудимыхъ, за исключеніемъ кн. Урусова (защищающаго Вольштейна), все адвокаты не особенно громкія и извѣстные: прис. пов. Коробчевскій (Макшеева и Шестакова), пр. пов. Крупскій (Тутковскаго и Чеглокова), пр. пов. Жуковскій (Пріорова), бывшій военный прокуроръ Навроцкій (Навроцкаго), помощникъ пр. пов. Марголи (Шпицберга, Карасевича и Акимова), пр. пов. Бобринцевъ-Пушкинъ (Каминку), пом. пр. пов. Берлинъ (Варшавскаго), пр. пов. Титкинъ (Хотирскаго), а г. Крейръ самъ себя защищаетъ. Наибольшій адвокатскій гонораръ выговорилъ себѣ какъ сообщаютъ газеты, г. Коробчевскій (5000), а остальные получаютъ по 2000 и кто-то одинъ согласился защищать даже за 1000 руб. Это баснословно дешево. Какъ знать, конечно: иногда и плохой адво-

качь окажется клиенту большую услугу, чѣмъ хорошиі, а защищать человѣка невиннаго всегда, разумѣется, похвально, но все таки составъ защитниковъ по дѣлу объ интендантскихъ невинностяхъ, какъ намъ кажется, очень характерны. Каковы-бы приговоръ суда, однако, ни былъ, дѣло не столько важно, сколько, въ отношеніи общества къ подобнаго рода злоупотребленіямъ и къ возможности повторенія ихъ, дѣло въ отношеніи къ казенному сундуку вообще имѣющему мѣсто какъ въ военное, такъ и въ мирное время, въ отношеніи въ военное время только обостряющемся. «Новому Времени» сообщаютъ, что за процессомъ Макшеева, въ недалекомъ будущемъ, въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ послѣдуетъ новый не менѣе грандіозный процессъ объ интендантахъ и поставщикахъ въ арміи. Всѣхъ подсудимыхъ по этому дѣлу насчитываютъ до 250 человѣкъ. Когда говорятъ о войнѣ, то невольно, почему-то, всегда вспоминаешь о поставщикахъ и интендантахъ, и, наоборотъ, когда слышишь о поставщикахъ и интендантахъ, невольно вспоминаешь о войнѣ. Невольно теперь вспоминаются намъ корреспонденція и чудовищные рассказы о подвигахъ нашихъ патріотовъ въ тылу арміи во время послѣдней войны. Въ то время, какъ въ Петербургѣ гг. газетчики агитировали противъ Турціи и Европы, выставляя наше великодушіе и безкорыстіе, въ тылу арміи и внутри Россіи происходило хищеніе, худшее, чѣмъ самое даже мородерство.

Въ то время, когда собирались послѣдніе гроши съ народа и дѣти его посылались умирать и въ то время, когда приносились огромныя жертвы нашимъ офицерами, докторами, студентами, студентками и сестрами милосердія. Другая многочисленная и немилосердная братія обирала ихъ. За нашу армію шествовала цѣлая армія не однихъ только жидовъ, а и русскихъ проходимцевъ, поживлявшихся вмѣстѣ съ волками и шакалами во кругъ раненыхъ солдатъ. Какъ должна была, при видѣ одного только этого, смотрѣть на насъ Европа — можете сами себѣ представить. Что это былъ за патріотическій пиръ на весь русскій міръ даже невѣроятно. Конечно, только ничтожная доля злоупотребленій всплыла наружу. Попался только люди или очень нерыштливые, или черезъ чуръ ужъ жадные, которые не смогли проглотить схваченнаго куска и подавились имъ; большинство же, конечно, вело дѣла свои чисто и на столько законно, что подъ

нихъ, вѣроятно, и самъ комаръ не смогъ бы носа подтачать. Припомнимъ нѣкоторые эпизоды, которые, какъ намъ кажется, не лишнее всегда припомнить, когда мы вздумаемъ похвалиться передъ Европой какиминибудь возвышенными чувствами и свойствами.

Одесская газета «Правда» сообщила, напр., что одесскіе торговцы, пользуясь тѣмъ, что за курительный табакъ и табачные издѣлія, отправляемые за Дунай, былъ снятъ акцизъ, наложили на табакъ свой акцизъ, гораздо болѣе высокій, такъ что выручили за него въ пять разъ дороже его дѣйствительной стоимости. А тифлисскіе армяне-скупщики закупили въ деревняхъ и уѣздахъ хлѣбъ и другіе сельскохозяйственныя произведенія, запрятали ихъ въ магазины и вызвали «страшную дороговизну припасовъ. «Голось», сообщая о дѣятельности интендантства въ кавказской арміи, сообщалъ, между прочимъ, о патриотизмѣ озургетскаго уѣзднаго начальника, который, испросивъ 11-ти мѣсячный отпускъ, занялся съ какою то г. Мпроевымъ подрядами, перевозками и поставкою лошадей. Обязавъ до открытія еще военныхъ дѣйствій «почти всѣхъ червадаровъ не только озургетскаго, но и другихъ уѣздовъ кутанесской губерніи, подъ тяжелыми контрактными условіями, составлять въ случаѣ надобности требуемое число лошадей по 18 р. въ мѣсяцевъ за каждую», этотъ патриотическій начальникъ получалъ самъ съ казны вначалѣ по 28 р., а впоследствии по 35 р. за лошадь. Но этого мало: когда оберъ-контролеръ вздумалъ провѣрить число лошадей содержавшихся для кабулетскаго отряда, то ихъ въ наличности вмѣсто 700, какъ это требовалось по положенію, было только 400.

«Какъ быть? Штука была устроена весьма просто. Вывели лошадей на площадку, которая имѣла съ одной стороны обрывъ, а внизу проходила обходная улица. Считаютъ лошадей. Отсчитали 200 лошадей. При счетѣ третьей сотни, г. Чихкишвили, завѣдывающій дѣлами уѣзднаго начальника по подрядамъ, велѣлъ первую отсчитанную сотню лошадей спустить въ обрывъ и обходною дорогою опять вывести на площадь, какъ пятую сотню, потомъ, при дальнѣйшемъ счетѣ, спустили еще сотню въ обрывъ и доставили ихъ опять обходною дорогою на площадь. Повторивъ эту операцію еще третій разъ, оказалось, въ концѣ-концовъ, что 400 лошадей превратились въ 700, и положенное число червадарскихъ

лошадей для кабулетскаго отряда при повѣркѣ совпало единица въ единицу съ требуемымъ числомъ!»

Тотъ же самый патріотическій уѣздной начальникъ, которому было столь же небезопасно довѣрять жителей, какъ волку овцу, подрядился съ ввѣреннымъ ему городомъ Озургети поставлять дрова по 28 р. за сажень, въ то время, когда они никогда не поднимались дороже 18 р. и что прямо воспрещено закономъ. Это ужъ, дѣйствительно, былъ даже не плохой пастырь, а настоящій воинъ, про котораго сказано въ писаніи, что онъ «раснудить овцы». Наша овца, разумѣется, по большей части безсловесна, какъ и настоящая овца; но чего же смотрѣли разные оберъ- и субъ-контролеры, разные оберъ- и субъ-ревизоры? Чего смотрѣли, напр., оберъ-контролеръ, принявшій 400 лошадей за 700? Для этого, кажется, не требовалось имѣть тонкаго, въ родѣ комаринаго носа, и достаточно было имѣть носъ толщиною въ оглоблю. Не терялась ли при этомъ чуткость обонянія и не ослаблялась ли острота зрѣнія? Имѣло ли это явленіе мѣсто въ данномъ случаѣ не знаю, но въ другихъ мѣстахъ и неоднократно это замѣчалось. Такъ напр.: «Моск. Вѣдом.» сообщили, что до слуха ихъ доходило, что будто бы въ Москвѣ ревизія суконъ, принимавшихся для арміи, производилось слабо, что сукна приготовлялись съ кнопомъ, т. е. шерстяною нитью, вмѣсто нитей, вслѣдствіе чего, послѣ первыхъ же дождей, могли обратиться въ рѣдну. Нѣсколько такихъ замѣтовъ расшевелило наконецъ московское интендантство, заставили его протереть очки и лучше всмотрѣться въ ткань, и, представьте себѣ, сукна дѣйствительно оказались сомнительными, на столько сомнительными, что даже прекратили ихъ пріемку; хотя сукна, по замѣчанію г. Алексѣева, ни въ чемъ не рознились отъ тѣхъ, что принимались за недѣлю передъ тѣмъ. Вы, читатель, конечно, не знаете во что намъ обошлась война. Я тоже этого не знаю, да по всей вѣроятности въ точности и никто не знаетъ. Мы лишь случайно слышали объ отдѣльныхъ расходахъ: слышали, напр., что знаменитыя поповки, обзавшіяся болѣе удобными для сухой перегонки человѣческаго тѣла, чѣмъ для плаванія, стоили нѣсколько милліоновъ и окончательно не выдержали критики моря. Они дѣлали только по 3 узла въ часъ и шли больше на буксирѣ, при постоянномъ замираніи души у капитановъ: «а ну какъ вдругъ да увидать турецкіе мониторы, что мы полземъ». Что же касается

до температуры въ нихъ, то она достигала, какъ извѣстно. 6⁵ град., такъ что выпарива въ адм. Чихачева довольно удачную остро-ту: онъ сравнилъ поповку, на которой шель, съ кипящею кастрю-лею, а экппажъ съ раками. Въ концѣ-концовъ плодъ плохой изобреѣта-тельности адм. Попова должны были бросить, бросивши владѣть съ гѣмъ и нѣсколько милліоновъ. Слышали мы также о дороговизнѣ дунайскаго моста, о чудовищной суммѣ платимой г. г. Коголу, Горвицу и Гришеру, которые, какъ извѣстно, недавно получали еще ограниченную сумму, переводы недоплаты не на себя, ко-нечно, а на своихъ кредиторовъ. Слышали мы также баснослов-ныя цифры стоимости сухарей, напр. по расчету газеты «Правда», 1500 пудъ сухарей, доставленныхъ въ дунайскую армію, считая здѣсь стоимость ихъ, плату за подводы, жалованье командиру эшелона, его помощникамъ, интендантскіе расходы и пр., обошлись намъ ни много, ни мало какъ «99030 р., т. е. по 10 р. 42 к. металлическихъ за 1 пудъ или по 16 р. 75 к. бумажныхъ». Ча-сто было трудно что нибудь даже дешево доставить для арміи, такъ напр: одинъ какой то московскій купецъ. С—ъ вознамѣрился было поставить 11 тыс. полушубковъ по 6 бумажныхъ руб., т. е. по своей цѣнѣ, но это ему не удалось, какъ рассказываетъ яс-скій корреспондентъ «Русск. Вѣд.». Нагрузилъ было онъ свои полушубки въ вагоны и повезъ. Везли его товаръ до Кіева ров-но мѣсяць, «не смотря на то, что онъ былъ отправленъ съ боль-шою скоростью, т. е. съ платою по 3 р. съ пуда, не считая раз-ныхъ подмазочъ. Въ Кіевѣ, въ интенданствѣ, ему объявили: что товаръ не нуженъ, во 1) потому, что очень, молъ дорогъ, и во 2) потому, что полушубки на всю армію уже заказаны». Нечего дѣлать, отправился нашъ С—ъ въ Бухарестъ къ г. Варшавскому, съ которымъ, разумѣется, дѣло живо уладилось: «онъ купилъ полушубки по 6 р, т. е. по 15 франк. и поставили ихъ же по 21 фр.». Агентъ г. Варшавскаго, говоритъ по этому поводу кор-респонденту слѣдующее: «Всѣ жалуются на евреевъ. Я ихъ не оправдываю, а скажу только, что евреевъ еще благодарить надобно потому что тѣхъ притѣсненій и оскорбленій, которыя здѣсь при-ходится выносить, кромѣ еврея никто не вытерпитъ». («Нов. Вр.» 3 февр. 1878 г.). Конечно, благодарить евреевъ еще не за что, но во всякомъ случаѣ надо согласиться, что гораздо больше евреевъ были виноваты мы сами, что отъ евреевъ мы долее не ушли

и во многихъ случаяхъ, даже превосходили ихъ: тѣ, какъ пзвѣсно, были рзбѣяны по лицу земли и лишены отечества, а мы распинались за патріотизмъ и все дѣлали во имя отечества. Вотъ, напр., какой патріотизмъ обнаружило («Русск. Общ, Пар. и Торг»). У этого привилегированнаго общества, подотившую такую массу казенныхъ денегъ въ видѣ номинальной платы и прочныхъ субсидій, были взяты, кромѣ купленныхъ за 320000 р. мелкихъ буксирныхъ пароходовъ. еще во временное пользованіе суда нашей активной обороны: «Веста Владмиръ, В. К. Константинъ, Россія и Аргонавтъ,» съ платою, разумѣется, за это пользованіе нѣкоторой суммы. Что это была за дорогая плата можно судить по сообщенію одесскаго корреспондента газеты «Яхта»; за пользованіе Константинопольномъ общество получало по 400 р. въ день, а за Россію по 800 р. въ день... Газета полагала, что остальное пароходы обходились «приблизительно во столько же». Сообщение это, помнится, опровергалось но цифра плотежа все таки была очень велика. Кромѣ того, это уже по сообщенію «Новаго Времени», когда существовало предположеніе о посылкѣ броненосной эскадры въ Средиземное морѣ, то у общества были взяты еще три прохода: Александръ, Карниловъ и Чихачевъ, предпологалось обратить въ троперты съ запасомъ угля для флота. Когда отправки эта не состоялась, то пароходы походили на сѣверъ Европы и благополучно совершили коммерческіе рейсы между между Кронстатомъ и Англуйей, фактъ отъ правительство тѣмъ же менѣе получить продовольствіе. Такимъ образомъ, пмъ, напр. за одинъ только Августъ мѣсяць 1877 г. было заплачено 59911 р. Не меньшій патріотизмъ обнаружили и наши металлозаводчики, обнаружили какъ бы въ полученіе тѣхъ газетъ, которые все негодовали за то, что не дѣлается заказовъ русскимъ людямъ: когда заказывался мостъ черезъ Дунай, на который было ассигновано 1800000 р., то вестфальскіе и бельгійскіе заводчики взялись изготовить желѣзные части моста, съ доставкой въ Варшаву, по 5 р. 25 в. кредитными билетами съ пуда, а наши русскіе люди по 11 р. за пудъ. Не меньшій патріотизмъ обнаружили и гг. желѣзнодорожники, воспользовавшись случаемъ и возвысивъ тарифъ сообразно съ паденіемъ нашего вексельнаго курса. Почтенные желѣзнодорожники совершенно забыли, что движеніе по дорогамъ вслѣдствіе войны усиллось и доходы ихъ возросли до

громаднихъ размѣровъ. что возростаніе ихъ расходовъ отъ па-
 денія курса составляло лишь незначительную часть ихъ рас-
 ходовъ вообще (только въ платежахъ по облигаціямъ, опре-
 дѣленнымъ въ металлической валютѣ по выпискѣ изъ за гра-
 ницы подвижнаго состава и части рельсовъ), на которые паденіе
 рубля не отозвалось. Правда, г. Блюхъ увѣрялъ, что война,
 готовившаяся такъ долго свалилась будто бы на несчастную го-
 лову желѣзнодорожниковъ совершенно неожиданно, подобно ла-
 винѣ или карнизу, но мы знаемъ какую цѣну надо придавать по-
 добнымъ доводамъ. Наконецъ, война давнымъ давно уже кончи-
 лась и курсъ нашъ поправился, а объ уменьшеніи тарифа что то
 не слышно. Не лучше ли было бы гг. желѣзнодорожникамъ, для
 увеличенія своихъ доходовъ, обращать больше вниманія на же-
 лѣзнодорожные порядки, на то, чтобы товары не залеживались и
 не портились, на то, чтобы воли не перегоняли ихъ локомоти-
 вовъ, чтобы не было у нихъ никакихъ подмазокъ и притѣсненій,
 чтобы, наконецъ, у нихъ не пропадало цѣлыхъ поѣздовъ съ полу-
 шубками для арміи, какъ это случилось въ послѣднюю войну между
 Жидриной и Бухарестомъ. Нашелся ли этотъ злополучный поѣздъ,
 не знаемъ, но, вѣроятно, нашелся. Вообще, патриотизмъ у насъ
 очень страннаго свойства. Вы знаете, конечно, также о славян-
 скомъ благотворительномъ комитетѣ и о заключительной исто-
 рію его съ г. Мартыяновымъ, котораго сначала выбрали ревизио-
 ромъ, а потомъ послѣ черезъ чуръ строгой ревизіи, объявили
 клеветниковъ и оставили его ревизію безъ послѣдствія, пре-
 давъ его въ руки Божьи. Вы знаете, конечно, также о не произ-
 водительномъ расходованіи г. г. кашиневскими распорядителями
 суммъ «Общества Краснаго Креста». По сообщенію «Голоса», за
 аренду 6 дес. земли подъ бараки платилось по 200 р. за деся-
 тину въ то время, когда землю можно было купить по 50 р. въ вѣч-
 ность и когда земля предлагалась безвозмѣдно; въ то время
 когда въ 1/2 верстѣ отъ м. Корнешты стоялъ превосходный ду-
 бовый и буковый лѣсъ, продававшійся по 800—1000 за дес.,
 лѣсъ былъ выписанъ изъ Австріи на сумму 27000 р; для частой
 простой работы рабочіе выписывались изъ петербурга, съ пла-
 тою до 45 р. въ мѣсяць: затягивался платежъ денегъ рабочимъ
 въ концѣ іюля всюду посылались торжественныя телеграммы что
 бараки готовы, тогда какъ изъ 10 ихъ было готово только 3 и

въ нихъ еще не было ни печей, ни дверей; ни оконъ, даже въ концѣ сентября работы, за недостаткомъ матеріала, не были еще кончены. и, несмотря на все это, было израсходовано 87000 р. изъ суммъ «Краснаго Креста», да сверхъ того—сюда же кажется пошли 50000 р. пожертвованныхъ покойною Государынею Императрицей. Гг. Кишиневскіе распорядители старались снять съ себя часть обвиненій путемъ печати, но, снявъ съ себя обвиненіе въ непосредственныхъ злоупотребленіяхъ, въ чемъ ихъ, кажется, никто и не подозрѣвалъ, они не сняли съ себя все таки обвиненія въ недостаточности надзора за злоупотребленіями подрядчиковъ и мелкихъ распорядителей.

А вотъ и еще патриотизмъ со стороны князя и тульскаго 1-й гильдіи купца Оболенскаго и его одесскихъ повѣренныхъ барона Врангеля и г. Трузе, занимавшихся въ Одессѣ производствомъ сухарей для арміи. Взявъ громадный подрядъ на поставку сухарей по высокой цѣнѣ, 2 р. 55 к.—2 р. 70 к. за пудъ, ки. Оболенскій сдавалъ подрядъ по частямъ съ отступнымъ въ свою пользу до 1 р. съ пуда и самъ открылъ сухарное производство въ Одессѣ, Тулѣ, Богородскѣ, Харьковѣ и Кіевѣ. Каковы были другіе сухари—неизвѣстно, а одесскіе были довольно плохи. Вотъ что писалъ по этому поводу одесскій корреспондентъ «Новаго Времени»: вслѣдствіе слишкомъ жидкаго замѣшиванія тѣста, сухари трудно высушиваются и скоро загниваютъ, покрывая плѣсенью; кромѣ того, такъ какъ высушиванье производилось надъ открыто-горящимъ каменнымъ углемъ, то сухари пріобрѣтали непріятный вкусъ сѣры. Вкусъ этотъ, говоритъ корреспондентъ, настолько противенъ, что даже не весьма прихотливыя свиньи не охотно ѣли продовасмье по дешевой цѣнѣ обломки и крошки сухарей. Мало того, свиньи просто дохли на пятый и на шестой день питанія сухарями одесской фабрикаціи.» («Н. В.» 1877 г. 22 Окт.). Сухарями одесской фабрики жители предмѣстья Молдованки впоследствии топили печи и находили ихъ въ качествѣ топлива удовлетворительными. Чѣмъ руководились ки. Оболенскій, баронъ Врангель и просто г. Трузе, приготовляя подобные сухари, право не знаю: раздѣляли ли они мнѣніе, высказанное въ крымскую войну генераломъ Липранди, «чѣмъ солдатъ голоднѣть—тѣмъ онъ злѣе», рассчитывая, конечно, содѣйствовать такимъ образомъ успѣху нашего оружія, или же думали, что такъ какъ

солдаты наши не простые, а «чудо-богатыри», то чудо-богатыри все съѣдятъ. Приблизительно тоже самое, что было съ сухарями, происходило съ сѣномъ, овсомъ и другимъ фуражомъ. Словомъ, какъ видите, былъ настоящій пиръ: пировали интенданты, металлзаводчики, желѣзнодорожники и частныя лица, начиная съ дѣлныхъ, можно сказать, особъ и кончая мелкою сошкой. Повторяю: припомнилъ я эти факты изъ нашего недавняго прошлаго по случаю интендантскихъ процессовъ, а главнымъ образомъ въ видахъ того, что мы кажется опять начинаемъ хвалиться передъ Европой. Не умѣритъ ли немножко этихъ нашихъ похвалъ? Это было бы весьма не дурно, чтобы мы не уклонялись отъ внутреннихъ вопросовъ и не забывали, что слишкомъ мало еще у насъ умиренныхъ и нравственныхъ доблестей и въ тоже время слишкомъ много еще навоза, который нужно чистить, и при которомъ русскій народъ (не похваляющійся передъ чужеземцами, а относящійся къ нимъ по человѣчески и по христіански) не только идти впередъ, но и жить по человѣчески не можетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

КА 1882 ГОДЪ.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЗЕМСТВО

Въ будущемъ 1882 г. «ЗЕМСТВО» будетъ издаваться, какъ и въ настоящемъ; безъ предварительной цензуры, нумерами отъ 2¹/₂ до 3 л. (20 — 24 стр.), по слѣдующей программѣ:

1) Законы и распоряженія правительства. Рѣшенія Правительствующаго Сивата по дѣламъ, относящимся до земскаго и городского управленія. 2) Статьи по всѣмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики, земскаго, городского и сословнаго общественнаго управленія. 3) Обзорнѣ деятельности городскихъ и земскихъ учрежденій. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и сословныхъ собраній и городскихъ думъ. 4) Внутреннее обозрѣніе. 5) Иностранное обозрѣніе. 6) Корреспонденціи внутреннія и иностранныя. 7) Судебная хроника (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.) 8) Библиографія: разборы и отчеты о вновь выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и периодическихъ изданіяхъ по всѣмъ отраслямъ юридико-политическихъ и историческихъ наукъ. 9) Разныя извѣстія 10) Объявленія.

Въ вышедшихъ ЖМ «Земства» были помѣщены статьи слѣдующихъ лицъ: К. Д. Андиферова, В. М. Борцова, Н. В. Гофмана (предсѣдатель Мелитовольской уѣздн. земской управы), А. А. Исаева (проф. Демидовскаго лицея), А. И. Комелева, С. А. Муромцова, (проф. Московскаго университета), Н. А. Мельникова, (предсѣдателя Смоленской губернской управы), М. В. Неручева, Е. А. Осипова, В. И. Орлова, С. А. Приклонскаго (внутреннее обозрѣніе), А. И. Прозоровскаго, П. Н. Ротаста, (предсѣдатель Костромской уѣзд. земск. управы), А. И. Сквордова, А. В. Скульскаго, (предсѣд. Ярославской губернской управы), А. П. Смирнова, (членъ Владимирской губернской управы). Свѣтозара (исевдонимъ) В. А. Ульничкаго (иностранное обозрѣніе), С. Ф. Фортунатова, Ф. Ф. Эрсмана и др. Редакціею приняты мѣры для расширенія «Земской и Городской хроники.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ перес. и доставк.	Съ пересыл. и доставкой	За границу.
На годъ	7 р. — к.	8 р. — к.	11 р.
» 6 мѣсяцевъ	4 » — »	4 » 50 »	6 »
» 3 »	2 » 25 »	2 » 50 »	4 »
» 1 »	— » 75 »	1 » — »	2 »

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ пер., домъ Муромцовой.

Редакторъ-Издатель В. Ю. Скаловъ.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

ЗАРЯ

Открыта подписка на 1882 годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

II. Отдѣлъ внутренней. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія земскаго и крестьянск. городск. самоуправ.; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевъ; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзоръ русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли: Торговая корреспонденція и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ иностраннымъ монетъ, дѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговля и бержевыя обзорѣнія.— Желѣзнодорожная хроника.

Съ настоящаго года предложено дать этому отдѣлу самое широкое развитіе въ виду несомнѣнно существующей потребности въ органѣ экономическаго, торговой и финансово-дѣятельности Юга Россіи.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневныя списки получателей груза по юго-западной жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 р. — к.	8 р.
• 6 мѣсяцевъ	6 » — »	5 »
• 3 мѣсяца	4 » — »	3 »
• 1 мѣсяць	1 » 50 »	1 »

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причеъ при подпискѣ вносятся 3 р. 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ серединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій предложеніямъ. Для служащихъ и правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ начальство.

Подписка принимается: въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ П. В. Ильницкаго.

Изгородиме благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-Издатель П. А. Андреевскій.

И ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА И ГОДЪ.

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 года.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Газета «Южный Край» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнюю редакцію и по прежней программѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствіе правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последние извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорніе. IX. Внешнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Слѣсъ XIV. Баржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція ищетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Брянскѣ, Богодуховѣ, Валогородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елизаветградѣ, Елатернославѣ, Зиньковѣ, Змиевѣ, Иванѣ,

Кіевъ, Кишиневъ, Кобелякахъ, Константиноградъ, Кременчугъ, Купянскъ, Курскъ, Керчи, Кутаисъ, Лебедизъ, Миргорода, Мелитополь, Мариуполь, Нѣжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Острога, Полтава, Павлоградъ, Поти, Переяславъ, Путивль, Ромнахъ, Пирятинъ, Ростовъ-на-Дону, Славянскъ, Славносербскъ, Ставрополь, Старобильскъ, Старомъ, Осколъ, Симеорополь, Севастополь, Суджъ, Сумахъ, Тамбовъ, Тнолисъ, Таганрога, Херсонъ, Черниговъ и Ялта.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакция озаботилась послученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пер. иногород	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при «Публичной Библиотекѣ А. А. Іозефовича» принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартъе, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровка, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Селаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. П. Федорова; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. П. Бѣлаго и Е. П. Распонова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. П. Бойно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Navas, et Lafite & Co, Place de la Bourse.

Издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.
Редакторъ А. И. СТОЯНОВЪ;

МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Будетъ выходить въ 1882 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ и въ 1881 году.

Въ составъ журнала входятъ:

1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигиены;

2) Избранныя и въ какомъ либо отношеніи прихѣтательныя произведенія иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, коммендиумовъ и лекцій.

III. Рефераты о выдающихся работах иностранной и русской журнальной медицинской прессы.

IV. Научныя новости, библиографическія замѣтки и критическія статьи.

V. Объявленія.

Въ Медич. Библ. будутъ помѣщены между проч. соч. проф. Э. Э. Эйхвальда, реальная энциклопедія всей медицины проф. Эйленбурга и всѣ изданія Вредена.

«Медицинская Библиотека» выходитъ ежемѣсячно въ объѣмѣ отъ 20 до 30 листовъ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 17 р.
 Безъ доставки 15 .
 За границу 19 р.

Допускается разсрочка: съ доставкой: при подпискѣ 7 руб. 1 Апрѣля 5 р. и 1-го Сентября 5 р.; безъ доставки: при подпискѣ 5 р. 1 Апрѣля 5 р. и 1 Сентября 5 р.

Для гг. студентовъ Университетовъ съ пересылкой за годъ 11 р.

Разсрочка при подпискѣ 4 р. 15 Марта 3 р. 1 Мая 3 р. и 1 Сент. 4 р.

Для гг. Студентовъ Академій и слушательницъ женскихъ курсовъ безъ доставки—12 р. разсрочка допускается исключительно конторой.

8 книгъ «Медицинской Библиотеки», вышедшія съ Мая 1881 г. по Янв. 1882 г. можно получить за 13 р. съ пересылкой; студенты университетовъ за 11 р. а военно-медицинской академіи за 9 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ; у издателя Н. Л. Вилькина, Караванная, собственный домъ № 3—35 и въ книжныхъ магазинахъ К. Рикера и Нового Времени.

Редакторъ Доцентъ В. Поповъ
 Издатель Н. Вилькинъ.

ПОДПИСКА

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

ГУСЛИ

НА 1882 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Въ теченіе Апрѣля, Мая и Юня мѣсяцевъ въ «Гусляхъ» будутъ помѣщаться рисунки и каррикатуры, относящіяся къ всероссійской Московской Выставкѣ.

Эти рисунки и каррикатуры будутъ исполнены М. М. Чинодановичемъ, находящимся и въ настоящее время въ Москвѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА «ГУСЛИ».

Для иногородныхъ: Съ 1 января на годъ 8 р. 50 к.
 Съ 1 января на 6 мѣсяцевъ 5 р.

Иногородные адресуются прямо: въ Тифлисъ, въ Редакцію журн. «ГУСЛИ».

Редакторъ-издатель Ив. Тхоржевскій.

О ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА РУССКУЮ СТАРИНУ

изд. 1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

«Русская Старина» въ 1882 г. тринадцатый годъ изданія, выходятъ, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати.

При каждой книгѣ «Русской Старины» изданія 1882 года прилагаются портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изданія 1882 г.: съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова Большая Садовая, рядомъ съ Публичной бібліотекой, д. Вагнера, № 12; въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно къ редакціи «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 г.

НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Журналъ издается съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

1) Изящная словесность. Романы оригинальные и переводные, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія и мелкія стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ. Статьи, общедоступно изложенныя по всѣмъ отраслямъ знанія, преимущественно же по исторіи, политической экономіи, финансамъ, юриспруденціи и теоріи воспитанія.

3) Критика и бібліографія: разборъ замѣчательнѣйшихъ книгъ русскихъ и иностранныхъ, а также періодическихъ изданій.

4) Современное обозрѣніе. Систематическая ежемѣсячная хроника нашей внутренней общественной жизни во вѣтхъ ея проявленіяхъ, отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, разборъ замѣчательнѣйшихъ судебныхъ процессовъ и проч.

5) Фельетоны. Театральныя и музыкальныя замѣтки, сатирическія очерки и эскизы изъ нашей и заграничной жизни, бытовныя картинки и проч.

) Политическій отдѣлъ. Обзорніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ, корреспонденціи изъ-за границы и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. П. Е. Андреевскій, П. П. Бла-ранбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. П. Вейнбергъ, И. Ф. Васильевскій (Буква), П. Н. Вальсонъ, А. А. Головачевъ, Д. В. Григоревичъ, П. А. Ефремовъ, Ю. Г. Завистскій, проф. А. О. Княжковскій, баронъ Н. А. Корфъ, Н. С. Курочкинъ, Д. П. Лебедевъ, П. Липневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Макаровъ, П. Ф. Мизантроповъ, И. Т. Михайловскій, В. О. Михневичъ, проф. В. П. Модестовъ, П. О. Морозовъ, проф. С. А. Муромцевъ, П. А. Масо-ѣдовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, В. П. Никитинъ, Омудевскій, проф. Н. А. Осокинъ, Л. И. Пальминъ, А. П. Пашеевъ, А. А. Потѣхинъ, Н. М. Ремезовъ, проф. В. П. Сергѣевичъ, В. Я. Стоянинъ, В. В. Чуйко, А. К. Шел-леръ, А. Михайловъ, Г. Ф. Штендманъ, и другіе. Многія статьи и беллетри-стическія произведенія именнованныхъ авторовъ находятся уже въ рас-поряженіи редакціи.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ каждого мѣсяца книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставки.	12 р.	7 р. — к.
Съ дост. въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ дос. въ С.-Петербургѣ, 7 р. 50 .
Съ пер. въ др. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣс. Россіи 8 р. — »
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ перес. за границу. . . 9 р. — к.

Гр. стужающимъ дѣлается разсрочка или посредствѣмъ казначеевъ. Книго-продавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редак-ціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «Наблюдателя». Редакція отвѣчаетъ за исправную до-ставку изданія только передъ тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые под-пишутся въ Главной Конторѣ журнала.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЫШЛА 2-я КНИГА ЛІТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА.

В Ѣ К Ъ .

Содержаніе ея: стихотворенія: а) «Нищій и его сабака» (изъ Шамиссо) Н. Холодковского, б) «Углекомы» (изъ Барри Карнуала)—М. М. Фили-пова 2-го; в) «къ Матери» и «Весенняя мѣсяца»—С. Бердьева; г) «Въ захо-лустѣ»—К. Фофанова; д) «Къ западникамъ»—Н. Соколова. 2. Разсказы: «изъ жизни культурной изможденности»—Косачева, 3) 4-хъ актная драма: «Медовый мѣсяць»—Н. Соловьева. (автора «Дикарки» и «женидьбы Валу-гилы»); 4) Романъ: «Станиславъ Пшесбинскій» или «Подъ небомъ Украйны» часть первая.—Н. Шарченко; 5) Историческіе очерки: а) «Эпизоды изъ филантропическихъ подвиговъ Россіянъ» (продолженіе)—В. Никитина, б) «Первый бракъ Императора Павла I»—М. А. Филиппова; в) «Великая тайна Масоновъ» (посмертныя записки А. Ф.—она)—изъ посмертныхъ бумагъ О. Пржедлавскаго; 6) Научныя изслѣдованія: а) «О необходимыхъ рефор-

махъ въ уголовномъ законодательствѣ» (продолженіе)—*Nota sum*; 6) «Новыя гипотезы образованія міровъ и движенія небесныхъ тѣлъ» продолженіе—Иванова; в) «Голь—какъ Националистъ» П. Аристова (профессора); 7) Славянской отдѣлъ: а) «Степанъ Мазый» (окончаніе)—Б. Гардышевича; б) «Петко и Стоянъ Ковачевичи» (славные сербскіе богатыри въ Герпеговинѣ)—А. Васильева; 8) Рѣчь произнесенная 14 февраля 1882 г. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго славянскаго общества; в) письмо Сербскаго Митрополита Михаила къ редактору журнала «Вѣкъ»; 9) Внутренне обозрѣніе: «Объ участіи земства въ г.бернской и уѣздной администраціи»; 10) Сатирическій листокъ: «Утро редактора журнала Вѣкъ». 11) Иностранными отдѣлъ: «Альва».—продолженіе романа Софій Шварцъ; Библиографическій листокъ.

При этой книгѣ прилагается портреты Стояна Ковачевича и карта земель южныхъ славянъ; въ третій книгѣ будетъ приложенъ портретъ первой жены Императора Павла I—Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, а въ четвертой книгѣ—портретъ поэта Мпцкевича, съ рѣдкой и цѣнной итальянской гравюры.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ, и въ каждой книгѣ имѣется болѣе 500 страницъ; при историческихъ и славянскихъ отдѣлахъ будутъ прилагаться портреты выдающихся дѣятелей: русскихъ, польскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и другихъ славянскихъ племенъ. Постоянное участіе въ журналѣ примутъ А. Михайловъ, Н. Северинъ, А. Косачевъ, Г. Стрелмоуховъ, Д. Мишевъ, Буревинъ, Н. Холодковский, Орестъ Осодоровичъ Миллеръ (профессоръ), П. Аристовъ, (профессоръ), графъ В. Соллогубъ, Ивановъ (псевдонимъ), Ното sum, Н. Шарченко, М. А. Филипповъ, М. М. Филипповъ 2-й, Н. Я. Соловьевъ, К. Н. Соловьевъ, П. Суворовъ, Н. Сиколовъ, К. Фофановъ, А. Пржецлавскій, Н. Плискій, Б. Гардышевичъ, г-жа Окорочкова, г-жа Сахарова, Г. Глинскій и многіе другіе лучшіе беллетристики.

Примѣчаніе. Для обезпеченія правильности и исправности выхода журнала, редакція заключила на 2 года контрактъ съ одною изъ первыхъ и извѣстнѣйшихъ, въ Петербургѣ, по техническимъ и матеріальнымъ своимъ средствамъ, типографією «Котомина», при чемъ та обязалась—выпускать каждую книгу журнала своевременно.

Цѣна годовой подписки: безъ доставки—14 р. съ доставкой въ С.-Петербургъ—15 р. съ пересылкой въ другіе города 16 руб.

Цѣна полугодовой подписки: безъ доставки—8 р. съ доставкой—9 р. съ пересылкой—10 руб.

Главная контора и редакція журнала «Вѣкъ» помѣщаются въ С.-Петербургѣ на Офицерской, д. № 15. кв. № 18.

Редакторъ-издатель М. Филипповъ.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Ежемѣсячный журналъ «Юридическій Вѣстникъ» служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ

журналъ содержитъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву.— Въ сопоставительномъ отдѣлѣ находятся себѣ мѣсто: хроника русского законодательства, хроника гражданскаго и уголовнаго суда, лѣсная хроника, извлеченіе изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библиографія, разныя записки и т. д.

При «Юридическомъ Вѣстникѣ» издаются, въ видѣ приложения, «Протоколы Московскаго Юридическаго Общества».

Въ 1880 и 1881 годахъ были приложены также отчеты совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты.

Журналъ выходитъ подъ редакціей С. А. Муромцева и В. А. Гольдеса, при ближайшемъ участіи въ трудѣ редакціи В. М. Пржевальскаго и при сотрудничествѣ какъ ученыхъ силъ русскихъ юридическихъ факультетовъ, такъ и многихъ судебныхъ дѣателей.

Годовое изданіе составляетъ три тома, до сорока листовъ въ каждомъ.

Цѣна 8 р. съ пересылкою и доставкой; безъ доставки 7 руб.

Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньги или марки сорокъ коп.

Экземпляры журнала за 1880 и 1881 годы высылаются по 8 р. отдѣльныя книжки 1880 и 1881 годовъ—по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб. за 1878 :отъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи «Юридическаго Вѣстника», въ Сквертномъ пер., домъ Муромцевой: въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Нечинской улицѣ, и Ланга, на Кузнецкомъ мосту. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною бібліотекою.

РЕДАКТОРЫ: } С. А. Муромцевъ.
В. А. Гольдесъ.

СТО ЛѢТЪ.

Романъ Джузеппе Ровани.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Мы въ разгарѣ карнавала 1750 года и находимся въ партерѣ миланскаго королевско-герцогскаго театра. Скоро два часа ночи, т. е. по нынѣшнему 8 часовъ вечера. Всѣ мѣста въ партерѣ заняты; проходъ, идущій отъ послѣднихъ рядовъ креселъ ко входной двери, биткомъ набитъ густою толпой. Дамы и кавалеры размѣщаются по ложамъ; словомъ, происходитъ совершенно то же, что совершается въ театрахъ и теперь за 5 минутъ до поднятія занавѣса. Но, несмотря на это сходство обычаевъ, театральная зала представляетъ намъ совершенно иной видъ, чѣмъ теперь. Герцогскій театръ, небольшихъ размѣровъ, имѣлъ четыре яруса ложъ и былъ вычурно изукрашенъ вызолоченными завѣтками, арабесками, гирляндами и колоннами съ неизбѣжными масками трагедій и комедій: одна—прозенная кинжаломъ Мельпомены, другая—съ улыбкой, искривляющая ротъ дугой. На потолкѣ Фебъ въ колесницѣ встрѣчаетъ Діану съ ея бѣлымъ оленемъ, знаменуя вѣроятно борьбу ночи со днемъ. Занавѣсъ представляетъ Весну, торжествующую надъ прочими временами года и вѣнчаемую Минервой,—это прекрасная работа братьевъ Галиари, которая могла бы пристыдить наши современные театры, оставляющіе въ предше-

сто лѣтъ.

бреженіи занавѣсы. что даетъ иностранцамъ плохое понятіе о нашемъ искусствѣ. Но если любитель живописи остался бы очень доволенъ этимъ занавѣсомъ, то нынѣшній посѣтитель театра протестовалъ бы противъ недостаточнаго освѣщенія залы. На потолокъ не было люстры; кое-какой скудный свѣтъ исходилъ изъ внутренности ложъ, и пока не внесли двадцать четыре свѣтильника, замѣнявшихъ свѣтъ нынѣшней рамы, партеръ освѣщался только огоньками восковыхъ свѣчекъ, зажигаемыхъ желающими прочесть либрето.

Зала была полна; яркіе цвѣта, красный, зеленый, желтый, голубой и всѣ ихъ оттѣнки и варіаціи кафтановъ, жилетовъ и панталонъ франтоватыхъ посѣтителей оперы придавали блескъ залѣ за недостаткомъ настоящаго освѣщенія; среди этого разнообразія цвѣтовъ поперегъ всего партера шли бѣлыя линіи, обозначая собой ряды запудренныхъ париковъ всевозможныхъ формъ и видовъ. Въ ложахъ прежде всего бросались въ глаза женскія прически, которыя въ это время достигли такой высоты, что голова перестала составлять седьмую часть человѣческаго тѣла. Графиня Маріани, первая красавица и элегантнѣйшая изъ миланскихъ дамъ, имѣла куафюру, которая отъ висковъ поднималась вверхъ почти на локоть; на обширной наружной плоскости этой чудовищной прически въ изобиліи были разбросаны фрукты и цвѣты и нѣжно цѣловались два голубинныя чучела. Это была самая модная прическа, такъ называемая «саптиментальный пуффъ». Надо сознаться, что въ этотъ вечеръ пуффъ графини Маріани затмилъ всѣ прочіе пуффы, хотя никакое описаніе не можетъ дать понятія и о десятой части всѣхъ разнообразнѣйшихъ предметовъ, нагроможденныхъ на нихъ. Тутъ были попугай, райскія птицы, растенія и камни, расположенныя такъ, что голова казалась капителью коринфской колонны; этой модѣ слѣдовали всѣ, хотя люди со вкусомъ и осмѣивали ее.

— Какъ вы находите нашихъ миланцевъ? говорилъ въ партерѣ одинъ юноша своему сосѣду, который отвѣчалъ ему съ венеціанскимъ акцентомъ:

— Не лучше и не умнѣе нашихъ венеціанцевъ. Но скажите мнѣ, кто эта дама съ «мушкой страсти»?

«Страстной» называлась одна изъ мушекъ, которая по тогдашней модѣ налѣплялась дамамъ на разныя мѣста лица въ видѣ, такъ сказать, исповѣданія своихъ убѣжденій. Мушка страсти

восплась у угла глаза; «дерзкая» — на носу, «кокетливая» — на губѣ, «убійственная» — на углу рта, «любовная» — на щекѣ. Дамы, считавшія себя обладательницами того или другого изъ свойствъ, обозначаемаыхъ этими эпитетами, обозначали его мушкой, какъ нѣкогда рыцари выражали свои убѣжденія девизами на гербахъ. Однакожь дамы, вообще не любящія однообразія, переставляли свои мушки, и такимъ образомъ втеченіи одного сезона каждая изъ нихъ во нѣскольку разъ мѣняла свой оффиціальныи характеръ.

— Это одна изъ самыхъ страстныхъ поклонницъ музыки, отвѣчала юноша на заданныи ему вопросъ.

— Правда, это теперь общаа мода въ Италіи: всякая дама, приняая молодого кавалера, считаетъ неперемѣнною обязанностью пропѣть ему арію, чтобы показаться илѣнительнѣе. Но особа съ страстной мушкой превзошла всѣхъ, когда недавно ей представлялся одинъ молодой человекъ, мѣтливѣйшій попалъ къ ней въ *cavalier servant*; она спросила его:— Вы знаете музыку?— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.— Ну, такъ ступайте, выучитесь и потомъ приходите. Музыка въ свѣтскомъ обществѣ сдѣлалась необходимой; влюбленный рискуеть выслушать отказъ, если не умѣеть пропѣть арію. Вы видите молодого человека, который сидитъ подлѣ нея: жестокая долго отвергала его, и онъ умеръ-бы, если бы не вызубрилъ арію Буранелло. Эта арія спасла ему жизнь....

Затѣмъ юноша принялся называть по имени своимъ сосѣду хорошенькихъ дамъ, бывшихъ въ театрѣ, но долженъ былъ остановиться на полдорогѣ, такъ какъ напудренные музыканты, въ числѣ тридцати, размѣстились по своимъ мѣстамъ, и синьоръ Беллетти, первый скрипачъ, далъ первый ударъ смычка. Маэстро Галюппи, по прозванію Буранелло, авторъ «Семирамиды», одѣтый въ костюмъ, представлявшій собою карикатуру на всѣ карикатурные костюмы, наполнявшіе театръ, занялъ свое мѣсто между контробасомъ и виолончелью; передъ нимъ сидѣли два музыканта съ флейтами, двое съ гобоями и двое съ трубами; остальные были контробасы и скрипки; нивѣшняго музыкальнаго парка тяжелой артиллеріи не было и въ поминѣ.

Запавѣсь поднялся, и зрителямъ представилось «Преддверіе царскаго дворца въ Вавилонѣ на берегу Ефрата», произведеніе братьевъ Галиари, основателей нашей сценической школы, распро-

страившейся потомъ по всей Европѣ. Не имѣя понятія о различныхъ архитектурныхъ стѣляхъ, лишеные всякаго археологическаго знанія, они совали греко-римскій стиль всюду, въ Вавилонъ, въ Мемфисъ и въ Китай; но, взаимъ того, они обладали такимъ талантомъ перспективы и такимъ богатымъ воображеніемъ въ декоративнымъ искусствѣ, что декораціи ихъ поразили бы и нынѣшняго театралы. При томъ въ то время сцена могла производить эффектъ болѣе полный, потому что при полумракѣ залы весь свѣтъ сосредоточивался на ней; кромѣ того, отсутствіе рампы позволяло расиредѣлять свѣтъ лучше и сообразнѣе законамъ перспективы.

При рукоплесканіяхъ публичы вышла Семирамиды въ мужскомъ костюмѣ подъ именемъ Нина. То была добродѣтельная спяора Кассарини; она прочла речитативъ, послѣ чего выступила секундантна, спяора Терпигели и между ними начался длинный речитативъ съ акомпаниментомъ віолончели и скрипокъ, пока Семирамиды не провозгласила торжественно: «Вотъ Тамприса!» Тогда предстала Тамприса, иначе спяора Фабіанн-Шабра. Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ Семирамиды сѣла на престолъ, а стража выступила на мостъ звать князей-соперниковъ; Минтей, Сипталъ и Гирканъ перешли мостъ, предшествуемые звуками варварскихъ инструментовъ. По театру пробѣжалъ точно вихрь, и оглушительный, дружный взрывъ рукоплесканій грянулъ, какъ залпъ баталіона ветерановъ. Опера сама по себѣ не приводила въ восторгъ публику, которая еще недавно слышала «Олимпиаду» Перголеса и «Артакеркса» Скарлати; она не особенно цѣнила также спяоръ Кассарини и Шабру, потому что ей были памятны взумительный голосъ Туркоти, грація Аскьери, трогательный талантъ Тези и несравненная предельсть Агуяри, прозванной соловьемъ сцены. Но если примадонны нынѣшняго сезона были хуже прежнихъ, за то съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ пуолика обратилась къ новому свѣтлу, которымъ былъ Гирканъ или теноръ Амореволи, предметъ тайной страсти всѣхъ дамъ. Покритый рукоплесканіями, при первомъ появленіи, онъ каждымъ звукомъ своего голоса заставлялъ дрожать весь партеръ отъ восторга; но высшей опасности подвергался здравый смыслъ слушателей, когда онъ начиналъ свою Арію: «Maggior follia».

— Вотъ теперь пусть послушаютъ кастраты. кричалъ одинъ юноша,—какъ Амореволи поеть по мужски, а не по бабь!

Дѣйствительно, Амореволи необыкновенной нѣжностью своего природнаго голоса первый подалъ надежду, что современемъ можно будетъ обходиться безъ кастратовъ на оперной сценѣ. Но старпки не соглашались съ этимъ и одинъ изъ нихъ говорилъ презрительно:

— Все это прекрасно, но послушали бы вы, какъ пѣлъ эту арію Карестини. У него были самыя низкія и самыя высокія ноты.

— А Кафаріелло? сказалъ другой. поспившій старинный парикъ съ локонами,—ни одинъ смертный не доходилъ въ пѣніи до такой смѣлости. А Эжипцелло, а Монтечелли, Элзипи? Будь здѣсь который нибудь изъ нихъ, на Амореволи никто не обратилъ бы вниманія.

— Однакожь вамъ пріятно слушать его?

— Чтожь дѣлать? За невмѣніемъ лучшаго...

Между тѣмъ опера продолжалась и Амореволи удостоился шестикратнаго вызова; выходя раскланываться, онъ пристально смотрѣлъ на одну ложу.

Никто не замѣчалъ этого, кромѣ венеціанца, разсматривавшаго миланскихъ красавицъ, который, нечаянно уловивъ этотъ взглядъ, машинально повернулъ глаза въ томъ же направленіи и спросилъ своего сосѣда:

— Кто эта красавица въ четвертой ложѣ второго яруса?

— Да, близъ бы красавицей, если бы ея лицо освѣщалось улыбкой и выраженіемъ доброты. Это графиня Клелія В...., антипатичная не только женщинамъ, но и мужчинамъ.

— Почему?

— Ученая; знаетъ по латыни, по гречески, математикъ, и съ высоты своего величія смотритъ на всѣхъ, какъ неприступное божество. Во всѣхъ домахъ кавалеръ-сервенте считается необходимой домашней утварью, неизбѣжной данью модѣ, а она и слышать объ этомъ не хочетъ. Природа обложила ея сердце льдомъ, чтобы предохранить его отъ воспаления.

— Она замужемъ?

— Разумѣется. Мужъ ея—отставной кавалерійскій полковникъ, полуломбардецъ, полуиспанецъ, очень знатный и страшно богатый, но суровый, какъ рыцарь временъ Сида. Онъ взялъ въ жены

Мудрость, сообразивъ, что Грація сдѣлала бы его ревнивымъ, какъ венеціанскаго мавра.

II.

Раздавшійся со сцены свистокъ дерижера прервалъ всѣ разговоры въ партерѣ и въ ложахъ, и занавѣсъ поднялся. Начался балетъ «Смерть Геркулеса»; на сценѣ появилась красавица Гауденци. Эта танцовщица производила фуроръ во всей Европѣ не столько своей ослѣпительной красотой, сколько тѣмъ, что въ своемъ искусствѣ представляла исключеніе изъ общаго правила или вѣрнѣе образецъ правила среди общаго безобразія. Въ то время танцовальное искусство сводилось въ сущности на прыжки, и та танцовщица считалась лучшей, которая выше подскакивала. Прыжки эти были даже небезопасны; въ текущій сезонъ, въ этомъ самомъ балетѣ «Смерть Геркулеса», одна богиня, не соразмѣривъ хорошенько прыжка, полетѣла стремглавъ въ оркестръ, сломала шесть инструментовъ, растрепала 15 париковъ, чуть не до смерти убилла скрипача и сильно ушиблась. Прекрасная Гауденци явилась преобразовательницей въ танцовальномъ искусствѣ. Она танцевала съ невообразимой легкостью и живостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно и пластично. Она была прекрасная акриса; въ танцахъ ея лицо и жесты выражали всѣ душевныя страсти—нѣжность, скорбь, ужасъ, веселье, ярость. И въ этотъ вечеръ она возбудила въ зрителяхъ настоящій трагическій ужасъ въ послѣдней сценѣ балета, гдѣ Геркулесъ горитъ въ роковой рубашкѣ, а она вбѣгаетъ какъ безумная и, не выдержавъ этого ужаснаго зрѣлища, убиваетъ себя. Но ей пришлось немедленно воскреснуть, чтобы снова выйти на сцену—и не разъ, а безчисленное множество разъ, отвѣчать на выраженія необузданнаго восторга публики; едва занавѣсъ окончательно опустился, какъ сцена наполнилась великосвѣтской молодежью, которая несла ей дань своего энтузіазма и покрывала ковромъ изъ розъ и фіалокъ полъ ея уборной, гдѣ она, веселая, привѣтливая и остроумная, расточала всѣмъ ласковыя слова и взгляды. Вблизи красота Гауденци была такъ-же безукоризненна.

У нея был роскошные темно-блѣкучіе волосы, которые можно было видѣть во всей ихъ красѣ только въ эти минуты, когда въ уборной она освобождала ихъ отъ испѣбѣжнаго пудры. У нея были голубые глаза, прекрасный ротъ, лобъ и окладъ лица: только носъ, какъ у Аспазин, нѣсколько переступалъ за предѣлы, назначенные академическими размѣрами. Этотъ носъ и ея глаза зло критиковались завистливыми красавицами, особенно аристократками. Графиня Маріанн утверждала, что совершенная красота требуетъ непременно черныхъ глазъ, что подало поводъ къ диспуту между посѣтителями ея салона; былъ созванъ даже совѣтъ экспертовъ изъ живописцевъ, которые рѣшили однакожь въ пользу голубыхъ глазъ, за что едва не лишились своихъ мѣстъ за столомъ графини.

Итакъ, толпа напудренныхъ франтовъ стояла передъ дверями уборной Гауденци въ ожиданіи послѣдняго взгляда ея; каждый рассчитывалъ, что на немъ остановится наконецъ ея выборъ, не догадываясь, что усталая танцовщица чувствовала прежде всего потребность въ отдыхѣ и, хотя съ веселымъ видомъ, по отираяла про себя всѣхъ ихъ къ чорту. Въ это время со сцены слышались спорящіе голоса.

— Что тамъ за шумъ, спросилъ проходившаго ламповщика одинъ изъ обожателей Гауденци.

— Сивьоръ Амореволи не хочетъ вѣтъ.

— Отчего?

— Говорить, вездоровъ. а врачи, приглашенные господами инспекторами, увѣряютъ, что онъ здоровехонекъ; сивьоръ Амореволи грозитъ прибить всѣхъ инспекторовъ и врачей.

И ламповщикъ, одобрительно усмѣхнувшись, прошелъ мимо. Тогда поклонники Гауденци оставили свою жертву и гурьбой двинулись къ дверямъ уборной тенора. Но все затихло. Пришлось подчиниться волѣ пѣвца, который объявилъ, что быть можетъ у него и нѣтъ лпхорадки, требуемой театральнымъ уставомъ, но онъ рѣшительно не въ состояніи пѣть. Переупрямить его не представлялось возможности и держерь вышелъ на сцену и среди гробовой тишины, провозгласилъ:

— По причинѣ вѣсзальной болѣзни тенора, сеньора Амореволи, вся партія Гиркана во второмъ и третьемъ актахъ будетъ выпущена.

Озадаченная публика, не зная на комъ выместить свою досаду, принялась отчаянно свистать держеру, который удалился съ видомъ непоколебимаго равнодушія, спокойствія и ироніи, какъ Сокрыть передъ насмѣшками афинской толпы.

Что касается Амореволи. онъ спокойно раздѣвался въ своей уборной, сидя передъ зеркаломъ, усмѣхаясь про себя и какъ будто наслаждаясь какой-то побѣдой.

— Приготовь черный плащъ и сапоги, Зампино, сказалъ онъ слугѣ. Ты пойдешь со мною.

Амореволи всталъ и началъ опрыскивать духами лицо, руки, рубашку, всю обшитую драгоценными кружевами, и синіе бархатные съ серебряннымъ шпьемъ панталоны. Затѣмъ онъ надѣлъ жилетъ, казавшійся букетомъ гортензій, черные сафьянные сапоги съ синими отворотами подъ цвѣтъ панталонъ, кафтанъ, переливавшій разными цвѣтами, какъ кожа змѣи, прикрылъ треугольной шляпой свой парикъ и набросилъ плащъ на плечи. Затѣмъ вышелъ изъ уборной, прошелъ на сцену. гдѣ занавѣсъ только что упалъ послѣ отрывковъ второго акта, приложилъ глазъ къ отверстию въ полотнѣ и взглянулъ въ четвертый номеръ ложи второго яруса. Она была пуста...

Онъ потеръ руки и спокойно вышелъ въ заднюю дверь театра. Зампино послѣдовалъ за нимъ съ зажженнымъ фонаремъ. Когда онъ вышелъ изъ театра, слуги выкликивали кареты.

— Карета Верри. карета беккарио, карета В...!

Амореволи закутался въ плащъ и внимательно слушалъ глухой и тяжелый стукъ колесъ удаляющагося экипажа.

— Который часъ? спросилъ онъ Зампино.

— Скоро полночь.

— Пойдемъ прогуляться по городу.

Прогулка продолжалась съ полчаса. Отъ времени до времени Зампино говорилъ Амореволи:

— Что-же мы дѣлаемъ?

— Смотри у меня! Служи хорошо!

Такъ пришли они въ Послагето. Тамъ была старинная остерія, изъ которой раздавались громкіе крики и пѣнье.

— Что это за чертовщина, Зампино?

— Карнавалъ, сударь; извѣстное дѣло; вѣроятно тамъ шируетъ братство шутовъ.

— Хорошо. Ступай туда закусь и жди меня!

Амореволи, кивнувъ ему головою, пошелъ дальше. Онъ видимо хорошо зналъ эту мѣстность и направился прямо къ оградѣ обширнаго сада палатца В... Я не называю этого имени, но считалъ нужнымъ предупредить во избѣжаніе недоразумѣній, что оно происходитъ испанскаго и имъ называется одна изъ миланскихъ улицъ.

Была свѣтлая и звѣздная февральская ночь; за оградой сада возвышался роскошный фасадъ древняго палатца. Въ двухъ окнахъ его, на большемъ другъ отъ друга разстояніи, на противоположныхъ краяхъ фасада, горѣли огни. Вдали мерцалъ третій огонекъ, въ окнѣ скромнаго домика, выходившаго частью въ садъ, сосѣдній съ садомъ В...; этотъ садъ принадлежалъ къ палатцу маркиза Ф..., скончавшагося утромъ этого дня; въ его дворцѣ были также освѣщены двѣ балконныя двери. Огонь перваго окна палатца В... освѣщалъ спальную графини Клели; свѣтъ втораго окна проходилъ отъ лампы въ спальню графа, который уже спалъ; третій огонекъ блисталъ въ квартирѣ танцовщицы Гауденци, которая помѣстилась тутъ, чтобы жить по близости театра, и въ настоящую минуту перебѣжала рубашку, собирався лечь въ постель.

Въ палатцо маркиза одинъ свѣтъ освѣщалъ завернутое въ саванъ тѣло хозяина, а другой — бесѣду людей, нанятыхъ стеречь ночью покойника.

Амореволи машинально пересчиталъ эти пять огней, блестящихъ въ пространствѣ, которое обнималъ его взглядъ, и перелѣтъ черезъ стѣну сада.

III.

Графиня Клелиа была одна въ своей спальней, убранной чрезвычайно богато, но безвкусно. Впрочемъ вычурные изгибы рѣзьбы и узоры и, золото налѣпленное всюду безъ мѣры, могли произвести нѣкоторое впечатлѣніе тѣмъ контрастомъ, который составляли съ строгимъ типомъ красоты женщины, находившейся среди этой обстановки. Она была поразительно хороша той красотой,

которая удивляетъ правильностью и совершенствомъ, но не затрогиваетъ сердца. Черты ея лица представляли совершеннѣйшій образецъ греко-римскаго типа, и такъ какъ въ этотъ поздній часъ она сбросила съ головы затѣйливое построение модной прически и даже, причесавшись на ночь, освободила свои волосы отъ пудры, то ничто не нарушало классицизма ея квадратнаго лба, полного овала ея лица, напоминавшаго античныя камен, ея прямого, точно точенаго носа, что при большихъ черныхъ глазахъ, роскошныхъ рѣсницахъ и рѣзко очерченныхъ дугообразныхъ бровяхъ составляло всѣ необходимыя принадлежности условнаго типа Минервы. Выраженіе этихъ глазъ и этого лба было строгое, почти суровое, гнавшее всякую веселую мысль, хотя, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ натурахъ могло тѣмъ сильнѣе возбудить страстные помыслы.

Это выраженіе было не обманчиво. Оно соотвѣтствовало характеру графини, какимъ онъ выработался подъ вліяніемъ волученаго ею воспитанія. Родители ея, люди знатные и богатые, но строгихъ правилъ и высоко цѣнившіе ученость, вздумали сдѣлать изъ дочери чудо знанія; при этомъ они слѣдовали убѣжденіямъ ученѣйшаго аббата Карлантио Танци, бывшаго наставникомъ ихъ сына, но пашедшаго въ его сестрѣ несравненно болѣе богатую почву для передачи всѣхъ сокровищъ своего знанія и потому задавшаго себѣ цѣлью сдѣлать изъ нея феноменъ женскаго пола.

Впрочемъ, въ прошломъ вѣкѣ, вѣкѣ преувеличеній и нововведеній, дѣвушкамъ гораздо чаще давали серьезное воспитаніе и ученое образованіе, чѣмъ теперь. Многія женщины изучали тогда философію, юриспруденцію, математику, и нѣкоторыя изъ нихъ своей дѣятельностью доказали, что наука не составляетъ привилегіи мужчинъ и, что женскій умъ, не менѣе мужского, способенъ къ изысканіямъ въ области наукъ и къ рѣшенію трудныхъ научныхъ проблемъ.

Ученый аббатъ, не добившись проку отъ молодого графа, вложилъ всю свою мудрость въ графиню Клецію и сдѣлалъ изъ нея представительницу науки въ семьѣ. Десяти лѣтъ отъ роду контессина, кромѣ французскаго языка, на которомъ говорила съ своимъ отцемъ, въ старину долго жившимъ въ Парижѣ, знала латинскій, переводила рѣчи Цицерона и «Сонъ Сципіона» и читала наизусть отрывки изъ Лукреціевой «De rerum Natura». Профессоръ Бранда, приглашенный аббатомъ Танци проэкзаменовать контессину, наго-

ворилъ о ней чудесь ея отцу и внушилъ ему мысль учить ее и греческому языку; въ шестнадцать лѣтъ Клелія стала изучать математику вмѣстѣ съ молодымъ Паоло Фривзи, впоследствии авторомъ трактата «De gravitate universale cognomin»: обладая отъ природы большими способностями и поощряемая похвалами и тѣмъ уваженіемъ, которыми отличали ее отъ другихъ знатныхъ дѣвушекъ, ея сверстницъ, она сдѣлала въ этой наукѣ такіе успѣхи, что могла перейти къ высшимъ областямъ астрономіи. И въ эту самую ночь, на столбѣхъ изъ лаписъ-лазури въ ея спальнѣ, между другими книгами лежало сочиненіе отца Босковича «De mensuris Stellaribus», Эйлера «Fovae tabulae astronomicae» и знаменитый трактатъ д'Аламбера о равноденствіяхъ. Она могла свободно читать его, слѣдя за всѣми его вычисленіями. Но, какъ видно, ученость не вполне удовлетворяла двадцатипятилѣтнюю красавицу. Ей чего-то недоставало для счастья. Уже семь лѣтъ она была женой полковника графа В...; она вышла за него замужъ, до свадьбы почти не выдавъ его, не чувствуя къ нему ни малѣйшаго расположенія.

Мужъ ея былъ четырнадцатью годами старше ея, знатенъ, богатъ и красовался въ роскошномъ мундирѣ, придававшемъ ему геройскій видъ. Человѣкъ солидный, онъ держалъ себя важно, говорилъ мало, но выказывалъ глубокое уваженіе удивительной дѣвушкѣ. По всему этому, когда строгіе родители Клеліи предложили ей его въ мужья, она согласилась даже не безъ нѣкотораго радостнаго волненія. Но замужество не наполнило ея сердца, въ которомъ продолжала господствовать наука. Быть можетъ, на это была физическая причина,—привычка къ умственному труду можетъ значительно замедлить эпоху полнаго развитія чувствъ. Выходя замужъ, графиня была высока ростомъ, прекрасно сложена, вполне красавица, но чувствами была еще не женщиной.

Мы не можемъ опредѣлить, въ какое время совершился въ ея натурѣ кризисъ, но полагаемъ, что не ранѣе двадцать четвертаго года ея жизни. Въ это время она еще болѣе похорошѣла; формы ея округлились, лицо стало выразительнѣе, глаза живѣе. Но этому никто не удивился; почему не хорошѣтъ двадцатипятилѣтней женщинѣ, никогда, притомъ, не имѣвшей дѣтей? Графиня Клелія вообще мало интересовала собою общество и считалась неприступной. Ее хвалили, но симпатіей она не пользовалась. Бываютъ и между мужчинами, и между женщинами такія совершенства,

которыя дѣлають всѣхъ если не враждебными, то равнодушными къ себѣ. Изъ миланской молодежи ни одинъ не смѣлъ даже подумать о сближеніи съ графиней, такой страхъ внушала ея холодная и надменная красота и тотъ видъ недосягаемаго величія, съ которымъ она обращалась къ жалкимъ смертнымъ. Но, въ такомъ случаѣ, что же дѣлалъ въ саду теноръ Амореволи?

Извѣстно, что въ роковой день, 18 брюмера, Бонапартъ въ критическую минуту вдругъ упалъ духомъ, оробѣлъ передъ совѣтомъ пятисотъ. Дѣло его, казалось, было уже проиграно. И кто-же выручилъ его изъ бѣды?

Недалекій, безстрастный человекъ, вовсе не понимавшій послѣдствій такого поступка — Мюратъ. Онъ съ своими гренадерами ворвался въ залу Совѣта, разогналъ членовъ и рѣшилъ участь Наполеона. Великіе факты могутъ служить къ объясненію малыхъ и наоборотъ. Графиня Клеція, пораженная величіемъ самыхъ непреодолимыхъ миланскихъ кавалеровъ, не устала тенора Амореволи, котораго трудность предпріятія только пуше подстрекала, а грозныя брови графини, напомиравшія ему его прекрасныхъ соотечественницъ изъ Трастевере (онъ былъ родомъ изъ Рима), только больше ободрили.

Амореволи приглашали на всѣ музыкальные вечера въ аристократическіе дома Милана, упрашивая, умоляя придти осчастливить общество своимъ сладкогласнымъ пѣніемъ. Графиня посѣщала эти вечера, и голосъ этотъ проникнулъ ей въ сердце, вытѣснилъ изъ ея головы алгебру. Впрочемъ, она не одна была обворожена имъ; всѣ знатныя дамы ея круга были безъ ума отъ тенора, который, презрѣвъ всѣхъ, обратился къ графинѣ. Правда, онъ не былъ человекомъ высшаго ума — въ этомъ его никто не заподозрѣвалъ, онъ не грѣшилъ и излишней ученостью, такъ что нуждался иногда въ чужой помощи, чтобы хорошенько скрѣпить подписью параграфа своихъ театральныхъ контрактовъ или уразумѣть нѣкоторыя строфы либретто Менастазіо; но умѣніе любить есть искусство а не наука, и какъ въ искусствѣ—естественный инстинктъ въ немъ главное; притомъ Амореволи обладалъ какимъ-то природнымъ изяществомъ: онъ хорошо говорилъ съ тѣмъ римскимъ выговоромъ, о которомъ говорится *lingua toscana in bocca romana*. Если старшій, горбатый Таккиарди сводилъ съ ума женщинъ сладкимъ дурманомъ своего пѣнія, то удивительны-ли успѣхъ Амореволи, прекраснаго,

двадцатшестилѣтняго молодого человѣка, красиваго, изящнаго, съ страстными глазами, съ голосомъ, который казался музыкой даже въ простомъ разговорѣ.

Такимъ образомъ, невѣжество восторжествовало надъ знаніемъ. и математика была побѣждена гармоніей.

IV.

Уже не въ первый разъ Амореволи перелѣзаль садовую ограду и проникаль въ графскій садъ послѣ полуночи, по окончаніи театра; и не въ первый разъ, когда часм блин часть, графиня спускалась изъ спальни въ библіотеку, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ налалцо и выходившую большой балконной дверью въ садъ; дверь эта была, впрочемъ, защищена другой желѣзной рѣшетчатой дверью, вызолоченной и украшенной богатыми чеканными арабесками. Стоя за этой рѣшеткой, графиня выслушивала пламенные признанія несчастнаго Амореволи, который напрасно протестоваль всякій разъ противъ этой неумолимой преграды, никогда не растворявшейся и служившей графинѣ и для выслушванія словъ любви, и для защиты отъ нихъ. Что касается того, какимъ образомъ графиня условилась съ теноромъ насчетъ этихъ свиданій, это остается намъ неизвѣстно. Когда коварная судьба рѣшила, что тому-то быть должно, то она всегда припщеть и удобный случай, и средства, подставитъ западню, подскажетъ слова и разыграеть роль самого продувнаго, самаго находчиваго и ловкаго Фигаро между двухъ особами, которыя однимъ взглядомъ выскажутъ другъ другу больше, чѣмъ выражаютъ сотни сонетовъ Петрарки. Какъ бы то ни было, какъ только пробилъ часъ, графиня сошла въ библіотеку, а Амореволи подошелъ къ рѣшеткѣ, услыхавъ стукъ отворяющагося окна. Мы не будемъ передавать ихъ разговора, потому что разговоры влюбленныхъ, какъ стихотворныя импровизаціи, теряютъ подъ перомъ всю свою прелесть. Скажемъ только, что въ этой ночной бесѣдѣ краснорѣчіе, остроуміе, иѣжность и пылъ принадлежали исключительно тому, кто могъ почерпнуть все это только въ своемъ сердцѣ, а со стороны учености обнаруживались напро-

тивъ того бѣдность мыслей, отсутствіе увлеченія, ребяческая робость и путаница въ словахъ. Краснорѣчіе тенора сверкало, какъ разящій мечъ, который хочетъ сломить или разрубить преграду. и при смущеніи и робости донны Клелип, борьба выходила неровная. Преградой служила золоченная рѣшетка балконной двери, и на нее то были обращены удары этого краснорѣчія, и такъ какъ ключъ отъ нея былъ въ карманѣ графини, то трудно судить, чѣмъ кончилась бы эта борьба. Очень возможно, что для спасенія добродѣтели нужна была катастрофа. Амореволи своимъ нѣжными голосомъ уговаривалъ ее рядомъ страстныхъ доводовъ, въ которыхъ софизмы являлись и исчезали въ бурномъ потокѣ словъ; возраженія противника становились все рѣже и слабѣе, — какъ вдругъ неподалеку раздались отчаянные крики: караулъ! держи его!

V.

При этихъ крикахъ, внезапно нарушившихъ тишину ночи, Амореволи инстинктивнымъ движеніемъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ и закрылъ лицо плащомъ; графиня бѣгомъ бросилась изъ бібліотеки и, задыхаясь отъ волненія, остановилась на ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ ея спальную, сдерживая рукой біеніе своего сердца. Оба были въ такомъ настроеніи, что малѣйшій шелестъ листьевъ могъ встревожить ихъ; поэтому можно представить себѣ, какой эффектъ произвели крики, взоблилавшіе оживленное присутствіе по близости людей, которымъ въ этотъ часъ полагалось спать глубокимъ сномъ. Амореволи поспѣшно направился къ оградѣ съ намѣреніемъ совершить обратную переправу; но крики приближались, и уже слышался глухой шумъ топота бѣгущихъ ногъ. Въ ту самую минуту, какъ теноръ приближался къ оградѣ, какой-то человекъ перепрыгнулъ черезъ нее передъ нимъ съ быстротою зайца и съ ловкостью канатнаго плясуна; озадаченный этимъ неожиданнымъ явленіемъ, Амореволи на секунду пріостановился и не успѣлъ еще собраться съ мыслями, какъ очутился среди толпы людей, схватившихъ его за плащъ и кричавшихъ: вотъ онъ...

здѣсь... пойманъ... Не уйдешь! За этими людьми спѣшили другіе со свѣчами и фонарями. и освѣщенный этими огнями, онъ предсталъ среди ихъ во всемъ блескѣ своего великолѣпнаго костюма къ великому изумленію своихъ преслѣдователей, которые, пораженные магическимъ видоухъ этого шелка, штыя и золота, перешли отъ торжествующаго возгласа: вотъ онъ! къ смущеннымъ вопросамъ: кто же это? кто вы? Въ головахъ всей этой толпы въ секунду мелькнула одна и та же мысль, что это не тотъ, кого они преслѣдовали, и мысль эта такъ ясно выразилась на ихъ физиономіяхъ, что старшій изъ нихъ съелъ нужнымъ громко опровергнуть ее:

— Чего вы стали, дурачье? Что вы смотрите на него, какъ на какую нибудь сіятельную особу? Что вы вообразили? Что на немъ шелкъ и цѣпочки? Такъ бываютъ мошенники оборванные, а бываютъ и въ шелку. Смотрите по мошенничеству.

Между тѣмъ окна палатки В. освѣтились, слуги выбѣжали на шумъ въ садъ, и самъ графъ высунулся въ окошко и, ради любопытства, удостоилъ эту толпу разговоромъ:

— Что случилось?

— Извините, ваше сіятельство, поймали этого господина, т. е. этого человѣка, въ комнатѣ сіятельнаго снѣбора маркиза Ф..., который, какъ вашему сіятельству извѣстно, нынче утромъ скончался...

— Нѣтъ, поймали не въ комнатѣ, прервалъ другой голосъ.

— Когда мы услышали шумъ, онъ побѣжалъ.

— Погоди, надо говорить вѣрно.

— Позвольте, ваше сіятельство... Мы сбѣжались, когда онъ убѣгалъ...

— Да нѣтъ, не такъ...

— Ваше сіятельство, извольте знать...

Но у сіятельства лопнуло терпѣніе и онъ сказалъ своему камердинеру, который былъ въ саду:

— Войди ко мнѣ и приведи одного изъ этихъ людей.

Пока камердинеръ исполнялъ приказаніе, отъ ограды, отдѣлившей садъ палатки В. отъ сада покойнаго маркиза, послышался голосъ, кричавшій:

— Идите сюда всѣ скорѣе... Пришелъ снѣборъ лейтенантъ полицейскаго суда.

Амореволи до сихъ поръ не говорилъ ни слова; въ головѣ его была такая путанница мыслей, что ему казалось, что онъ видитъ все это во снѣ; онъ только взглянулъ на окно комнаты графини, когда палаццо освѣтилось огнями, потомъ опустилъ голову, какъ бы не желая видѣть и избѣгая чужихъ взглядовъ. При имени полицейскаго суда, онъ почувствовалъ какъ бы радость, что дѣло разрѣшится. Но эта радость была кратковременна; мысль, острая, какъ лезвіе ножа, вдругъ пронзла его умъ... Мысль, что единственное объясненіе, которое онъ можетъ дать, чтобы выпутаться изъ этой передраги, не можетъ быть дано. Онъ видѣлъ бѣглеца и догадывался, что совершилось какое-то преступленіе, хотя не могъ угадать, какого оно рода; но въ то же время онъ думалъ про себя, что никакими пытками не заставятъ его произнести имени графини. Бываютъ люди далеко не примѣрной нравственности, но имѣющіе свой собственный нравственный законъ, богъ вѣсть откуда почерпнутый, но для нихъ священный и непреложный. Однимъ изъ такихъ нравственныхъ законовъ было для Амореволи уваженіе къ репутаціи женщины, съ которой онъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ. Этотъ законъ онъ читалъ, какъ религію, повиновался ему такъ, какъ многіе люди повиноуются предразсудкамъ, которые владычествуютъ надъ умами большинства безусловно нравственныхъ принциповъ. Онъ могъ быть слабъ во многихъ отношеніяхъ, но въ этомъ былъ герой и считалъ бы величайшей гнусностью одну мысль дать истинное объясненіе своего присутствія въ саду.

— Слышали? сказали ему: ступайте; идите съ нами скорѣе; чего задумались?

— Отстаньте отъ меня; я самъ пойду. Прочь!

Амореволи произнесъ эти слова такимъ тономъ, что отбилъ охоту настаивать, и всѣ отправились.

Черезъ калитку прошли въ садъ маркиза Ф.... На крыльцѣ его палаццо ожидалъ полицейскій лейтенантъ съ нѣсколькими стражами. Онъ уже зналъ сущность происшествія отъ человѣка, который приходилъ за нимъ.

Увидавъ Амореволи, онъ спросилъ:—это онъ?

— Да, сеньоръ.

— Нѣтъ, возразилъ спокойно Амореволи. Тотъ, кого вы ищете,

убѣжалъ на моихъ глазахъ, перескочивъ чрезъ ограду. Я же спокойно стоялъ, когда эти люди набросились на меня.

Тогда полицейскій естественно спросилъ его:—но что же вы тамъ дѣлали?

— Это другое дѣло; вы совершенно вправѣ спрашивать это, но я попрошу у васъ позволенія отвѣчать на это въ преторіи. Пока я скажу вамъ, что я теноръ Амореволи, состою на службѣ его величества короля испанскаго и не дальше какъ сегодня имѣлъ честь пѣть въ королевско-герцогскомъ театрѣ.

Во времена Трамезани, Кривелли и Рубини, въ какую бы передрагу они не попали, имъ стоило только назваться, чтобы всѣ преклонились передъ нимъ; такъ было и съ Амореволи, при имени котораго лицо полицейскаго офицера озарилось пріятнѣйшей улыбкой:

— Ахъ, я такъ сожалѣю, сеньоръ, но вы понимаете...

— Прикажете, сеньоръ лейтенантъ, прервалъ тутъ начальникъ сбировъ, осмотрѣть комнату, гдѣ произведена кража, и въ присутствіи всѣхъ этихъ людей отобрать показанія?

— Хорошо, отвѣчалъ офицеръ, и пошелъ въ комнату, попросивъ Амореволи слѣдовать за нимъ. Всѣ молча взошли на лѣстницу, прошли двѣ или три большія пріемныя и вошли въ комнату, гдѣ посрединѣ стоялъ большой столъ, заставленный бутылками, стаканами и чашками, которые свидѣтельствовали о ночномъ времяпрепровожденіи людей, нанятыхъ охранять благородный прахъ маркиза. Изъ этой комнаты перешли въ сосѣднюю, гдѣ на кровати лежалъ покойникъ въ саванѣ. Всѣхъ заставили войти туда, въ томъ числѣ и Амореволи, который хотѣлъ тотчасъ выйти.

— Нѣтъ, сеньоръ, сдѣлайте милость побить здѣсь, сказалъ старшій сбиръ, менѣе любезный и менѣе музыкальный, чѣмъ лейтенантъ.

— Эта-то дверь была взломана?

— Эта самая, отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. Лейтенантъ и сыщикъ вошли въ взломанную дверь и увидѣли въ сосѣдней комнатѣ среди разной мебели раскрытое бюро.

— Эта комната?

— Эта.

Лейтенантъ со всѣми прочими вернулся въ первую комнату, очистилъ на столѣ мѣсто, отодвинувъ бутылки и стаканы, и на-

писалъ слѣдующій краткій отчетъ о происшествіи со словъ свидѣтелей.

«Нынѣ, февраля 11 дня 1750 года, въ 8 часовъ, призваны мы были людьми, охранявшими въ домѣ Ф.... тѣло маркиза Ф.... скончавшагося утромъ 10 числа, и нашли открытой дверь комнаты, сосѣдней съ тою, гдѣ лежало тѣло покойника; по свидѣтельству же одного слуги дома, здѣсь присутствующаго, ключъ отъ этой двери былъ переданъ упомянутымъ маркизомъ Ф.... за часъ передъ смертію преподобному настоятелю Санъ-Назаро. По свидѣтельству того же слуги, маркизь Ф.... говорилъ этому настоятелю, что имъ положены важныя бумаги въ бюро его кабинета, и означенное бюро найдено нами также открытымъ. Затѣмъ отобрали нами согласныя показанія у семи присутствующихъ здѣсь лицъ, двухъ домашнихъ слугъ и пяти постороннихъ, и изъ нихъ явствуетъ, что услышали они шумъ въ моментъ, когда прекратился ихъ разговоръ; они испугались, потому что шумъ выходилъ изъ комнаты покойника; прибѣжавъ на него, они увидѣли человѣка, выходившаго въ дверь по правую сторону отъ изголовья постели. Они сперва очень испугались, подумавъ, что ожилъ покойникъ, но, ободрившись, побѣжали за уходящимъ человекомъ, который, повидимому, хорошо зналъ расположеніе дома, ибо, пройдя по внутреннимъ корридорамъ, выбѣжалъ въ антресоли и оттуда выпрыгнувъ въ садъ... Двое послѣдовали за нимъ, также выскочивши оттуда, но потеряли его изъ виду, перелѣзая ограду сада, затѣмъ же, въ сосѣднемъ саду дома В...., у наружной стѣны нашли человѣка въ плащѣ, который теперь въ нашемъ присутствіи объявился синьоромъ Анджело Амореволи, придворнымъ пѣвцомъ его величества короля испанскаго и въ настоящій сезонъ первымъ теноромъ при здѣшнемъ королевско-герцогскомъ театрѣ; онъ, впрочемъ, утверждаетъ, что онъ не тотъ, который убѣгалъ, и что онъ самъ видѣлъ убѣгающаго человѣка.

Ф. Бальдини, лейтенантъ преторіи. Ф. Ко, сыщикъ.
Д. Чіальдема, стражъ».

Кончивъ этотъ протоколъ, лейтенантъ всталъ и сказалъ людямъ дома Ф....:

— Всѣхъ васъ завтра позовутъ въ преторію. Чтобы никто изъ васъ не выходилъ изъ дому подъ страхомъ ареста. А вы, синьоръ

Амореволи, хотя ваши показанія безъ сомнѣнiя справедливы, должны будете провести выпѣшнюю почъ въ преторiю. Завтра увидимъ.

Амореволи не сказалъ ни слова.

Когда всѣ вышли на крыльцо, передъ ними уже стояла толпа, сбѣжавшаяся, несмотря на позднiй часъ, пѣзъ сосѣднихъ кабаковъ, слышавъ шумъ и узнавъ о приходѣ полицiи. Въ этой толпѣ былъ и театральнiй слуга Зампино, который, узнавъ Амореволи, храбро закричалъ:

— Что это? Что такое? Что случилось? Снiсьоръ Амореволи... Господа, вѣдь это первый тeпoръ герцогскаго театра, это ошибка, недоразумѣнiе.

— Молчи, Зампино, и ступай домой, сказали Амореволи.

Но лейтенантъ слышалъ эти слова и, обернувшись, сказалъ:

— Такъ какъ ты здѣсь и можешь понадобится, то ступай и ги съ нами.

— Куда?

— Въ преторiю.

— Въ тюрьму?

— Успокойся, Зампино.

Но какого чорта могъ надѣлать снiсьоръ Амореволи въ такое короткое время, пока я закусывалъ въ остерiю?.. И онъ послѣдовалъ за полицiей, чуть не плача.

Вскорѣ всѣ были во дворцѣ преторiи.

VI.

На другой день, въ тотъ часъ, когда въ городѣ кипитъ самая живая жизнь, когда онъ весь на ногахъ, за исключенiемъ больныхъ, принявшихъ соннаго снадобья, игроковъ, боровшихся всю ночь съ фортуной, и за сонней другихъ исключенiй, словомъ, въ первомъ часу дня. любопытно было бы прокатиться по Милану въ кабриолетѣ, останавливаясь у шоколадныхъ, расщивочныхъ и табачныхъ на Соборной площади, на Пескерiа и на площади Мерканти; зайти въ книжныя лавки Анжелли, Мотта, Бианки на Санта

Маргарита, гдѣ собирались академики, литераторы, композиторы, священники и юристы; заглянуть въ аптеки Ромацци около гостиницы Трехъ Королей, Аркинти на Соборной площади, Омадея у Порта Ромава, куда сходились пзвѣстиѣйшіе медки и хирурги города; побывать въ залахъ Преобразованныхъ Академиковъ въ домѣ Имбонати на площади Санъ Феделе и въ студіи художника Лондоніо, въ то время юности 22 лѣтъ, но собиравшаго уже вокругъ себя всѣхъ сумазбродовъ и сорви-головъ города; посѣтить модныя лавки, гдѣ можно было застать самыхъ элегантныхъ дамъ; представиться въ салонъ какой нбудь красавицы, напримѣръ, графини Марліани, царицы остроумія и злословія, или графини дель Грилло, сокрушительницы сердецъ ученыхъ патриціевъ, аббатовъ, преданныхъ поэзіи, и скрипачей; явиться въ парикмахерную Джузеппе Біанки, пазывавшагося Біяниши съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ Парижѣ и первый вывезъ оттуда великое изобрѣтеніе пуффа; парикмахерную эту зачастую удостоивали посѣщеніемъ самыя блестящія чичпзбел, чтобы поправить парикъ, подзавить распутившуюся пуклю или подбѣлиться. Но куда бы мы не направлялись въ этотъ день, всюду слышали бы одинъ разговоръ, въ которомъ помнилось одно только имя—имя тенора Амореволи, разговоръ объ его арестѣ и о похищеніи бумагъ маркиза Ф.... Тѣма была одна, но варіаціи на нее разнообразны. Кто рассказывалъ жизнь тенора, кто жизнь покойнаго маркиза, кто интересовался садомъ палаццо В...., а кто ломалъ себѣ голову, стараясь угадать, зачѣмъ теноръ тамъ очутился; кто перечислялъ, перебирая по пальцамъ, всю женскую прислугу палаццо В...., утверждая, что у теноровъ вкусы плебейскіе; а кто высчитывалъ всѣхъ вообще особъ женскаго пола, квартиры которыхъ могли имѣть сообщеніе съ садомъ В.... Но никому, рѣшительно никому ни на одну секунду не пришло въ голову допустить, чтобы Амореволи и бѣглець изъ комнаты маркиза было одно и тоже лицо; всѣ были убѣждены, что теноръ не могъ имѣть никакого интереса въ томъ, чтобы проникнуть въ домъ маркиза и что подозрѣвать его въ этомъ просто безуміе.

Шоколадная и кофейная Грокко была сто лѣтъ тому назадъ сборнымъ мѣстомъ всей свѣтской празднующейся молодежи. Въ этотъ день, съ 12-ти до 2-хъ часовъ, тамъ происходило нѣчто въ родѣ торжественнаго засѣданія. Нѣсколько молодыхъ людей сидѣло

вокругъ большой жаровни; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ лопатку для углей и казался по праву краснорѣчя руководителемъ бесѣды; вокругъ этихъ главныхъ засѣдателей стояло человѣкъ 30 или 40, часто сѣбявившихся, по мѣрѣ того, какъ одни уходили, а другіе прибывали; но всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ.

— Вы находите неправдоподобнымъ, говорилъ президентъ съ лопаткой въ рукѣ, чтобы Амореволи забрался къ покойнику красть важныя бумаги; и это, конечно, всякій скажетъ; надо быть болваномъ, чтобы предположить подобную вещь. Но, любезные друзья, я долженъ сказать вамъ, что дѣло неправдоподобное еще не значитъ невозможное. Мало ли что возможно? Область возможнаго есть безпредѣльное и бездонное море... Законъ не можетъ удить въ этомъ морѣ, и судьи могутъ оставаться про себя при своихъ убѣжденіяхъ, но если не отыщется вастоящій виновникъ, то тѣмъ хуже для того, кто попался на его мѣстѣ.

— Но какой же интересъ могъ быть у тенора?

— Кто же говоритъ объ интересѣ? Причемъ тутъ интересъ? Предположимъ, что въ тенора выпалили изъ ружья, принявъ его за убѣжавшаго вора; къ чему послужило бы говорить, что онъ невиненъ? И я знаю, что невиненъ. Но его все-таки убили, потому что подвернулся такой проклятый случай. Такъ и законъ; онъ падать въ того, кто попадется въ несчастномъ мѣстѣ, а кто попался, тотъ попался.

— По моему, тенору довольно объяснить причину своего присутствія тамъ.

— Ну да, конечно; тогда было бы другое дѣло.

— Представить какойнибудь мотивъ.

— Ну, не какойнибудь... Юстиція неумолима; она любитъ сводить счеты до послѣдней полушки и не принимаетъ ихъ, если есть хоть малѣйшая ошибка въ итогѣ. Надо представить такой мотивъ, который можно было бы доказать, какъ дважды два четыре. А вы знаете, что отвѣчалъ теноръ на первый допросъ судьи? Мнѣ говорилъ одинъ писарь изъ преторія...

— Что?

— Безсмысленнѣйшую нелѣпость. Впрочемъ можно себя представить, что можетъ выйти изъ головы тенора! Если писарь не совралъ—потому что эти писаришки... онъ отвѣчалъ, что никому не запрещено имѣть невинныя причуды; что прогуливаясь

въ этихъ мѣстахъ послѣ театра и увидавъ прекрасный садъ при великолѣпномъ лунномъ свѣтѣ, онъ возымѣлъ фантазію перелѣзть за ограду и погулять въ этомъ саду.

— Что же отвѣчалъ судья?

— Не знаю. Но если судья — человекъ умный, то конечно отвѣчалъ ему: ваше несчастіе, что вамъ вздумалось гулять въ саду, гдѣ какъ разъ въ то время искали вора. Теперь воромъ окажетесь вы, если не дадите суду лучшаго отвѣта.

— Да, это такъ, замѣтилъ другой, и Амореволи надо подумать, какъ бы выйти изъ этой путаницы; но теперь интересно разобрать другое обстоятельство этого дѣла. Что могло быть столь важнаго въ бумагахъ маркиза? Вѣдь всѣмъ извѣстно, по крайней мѣрѣ всегда такъ говорили, что наследникъ всего его имущества — братъ, графъ Лудовико.

— Я ничего не знаю ни о маркизѣ, ни о графѣ, кромѣ того, что первый въ молодости былъ страшный вутила, а второй всегда былъ и есть ужасный скаредъ. Графъ — человекъ расчетливый, сдержанный, скупой, живущій скряжнически для того, чтобы со временемъ его сынъ, графчикъ Альберико, который повидимому готовится слѣдовать по стопамъ дяди, могъ считаться первымъ богачемъ въ Миланѣ и затмить блескомъ фамиліи Литта и Бормео; вотъ дураки!

— Онъ уѣхалъ вчера въ деревню.

— Чтобы скрыть въ сельскомъ уединеніи радость, которую возбудили въ немъ удары колокола, звонившіе отходную маркизу, упокой Господи его душу...

Ораторъ готовъ былъ долго еще перебирать косточки обоимъ братьямъ, потому что былъ изъ числа тѣхъ болтуновъ, которые, разъ начавъ, не могутъ удержать потоки своего краснорѣчія; но въ это время отворилась стеклянная дверь кофейной, и вошелъ новый завсегдатай, пославшій выразительный взглядъ на встрѣчу обратившимся къ нему взорамъ всей кампаніи.

— Друзья, провозгласилъ онъ, открытіе!

— Что? какое?

— Кто изъ васъ знаетъ, гдѣ живетъ Гауденци?

— Какъ не знать! въ улицѣ Морони. Сколько разъ провожали ее изъ театра съ виватами и рукоплесканіями.

— Хорошо. Но знаетъ-ли кто, что окно ея спальни, гдѣ по

почамъ поконтся ся прекрасное гѣло, выходить въ садъ, сосѣдній съ тѣмъ садомъ, гдѣ былъ схваченъ Амореволи. Ну, такъ я открылъ это и объявляю вамъ всѣмъ.

Когда въ паденіи яблока Ньютону мелькнула мысль всемірнаго тяготѣнія, когда Галилей въ Пизанскомъ соборѣ былъ пораженъ качаніемъ лампы, когда Вольтъ въ первый разъ представилось чудо электрическаго тока—всѣ они не испытали большаго удовольствія, чѣмъ наши собесѣдники при имени Гауденци и при намекѣ на окно, бывшее для нихъ истиннымъ *fiat lux*.

— Вотъ и разгадана загадка!

— Ясно, какъ день!

— Сомнѣнія быть не можетъ!

— Но какъ ты узналъ?

— Узналъ и все тутъ, а если не вѣрите, погодите, сами убѣдитесь.

— Надо сознаться однако, что теноръ славный малый.

— Да, это честно.

— Мнѣ жаль Гауденци; я всегда считалъ се необыкновеннымъ исключеніемъ въ ея профессіи... но пріятно видѣть, что шалость дала поводъ къ прекрасному поступку... Молодецъ Амореволи!... И неудивительно: чтобы выразить пѣніемъ столько истиннаго чувства, надо имѣть хорошее сердце... обманъ не возможенъ... О, всѣ эти свѣтскіе кавалеры со шпагами, какъ нагло прокричали бы въ преторіи имя красавицы изъ за одной досады, что приходится проночевать въ полиціи!... Вотъ какая разница!

Тутъ общее вниманіе обратилось на карету судьи, проѣзжавшую въ эту минуту по площади.

Мы послѣдуемъ за ней, сказавъ предварительно, что судья, донъ-Антоніо-де-Капитиви де Арсаго, человекъ молодой, но опытный и благоразумный, прочитавъ протоколъ лейтенанта Бальдини, рѣшился лично отправиться переговорить съ настоятелемъ Санъ Назаро, не желая вызывать въ преторію столь почтенное духовное лицо. Пріѣхавъ къ жилищу настоятеля, онъ велѣлъ доложить о себѣ, и настоятель самъ вышелъ къ нему на встрѣчу.

— Мнѣ уже извѣстенъ поводъ, по которому вы взяли на себя трудъ посѣтить меня, сказалъ настоятель. Я самъ собирался къ вамъ.

Говоря это, онъ проводилъ судью въ салонъ, гдѣ оба усѣлись.

— И такъ, вамъ извѣстно... дѣло это очень важно.

— Знаю.

— Будьте же такъ добры сказать мнѣ, на сколько позволяетъ обязанность вашего званія, въ чемъ состояли ваши отношенія съ покойнымъ маркизомъ?

— Я могу сказать вамъ все; вы знаете, какую жизнь велъ покойный.

— Знаю.

— И вотъ семь лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ сына отъ одной бѣдной дѣвушки, имѣвшей несчастіе попасть ему въ руки.

— Что-то слышалъ.

— Вскорѣ по обыкновенію своему этотъ непостоянный человѣкъ совершенно охладѣлъ къ ней, далъ бѣдняжкѣ горсть золота и забылъ и о ней, и о ребенкѣ.

— Дѣло извѣстное.

— Эта несчастная не разъ приходила ко мнѣ со слезами просить меня замолвить за нее маркизу... Не могу вамъ выразить, какъ неприятно мнѣ было посѣщать его. Въ этихъ посѣщеніяхъ не только достоинство моего званія, но и просто человѣческое достоинство, не разъ терпѣло оскорбленія. Но подобныя оскорбленія, которыя другіе честию обязаны отражать, мы духовные должны переносить. За дерзостями всегда слѣдовала выдача бучки золота, такъ что всякій разъ, когда бѣдняжка приходила ко мнѣ жаловаться на свою нужду, я отправлялся къ маркизу. Годъ тому назадъ онъ серьезно захворалъ общимъ разслабленіемъ. Тогда душой его овладѣла тоска, и сердце его смягчилось. Уступая моимъ просьбамъ, онъ согласился повидаться съ этой женщиной и съ ребенкомъ. Я продолжалъ дѣйствовать на эту смягченную душу и наконецъ добился отъ нея справедливости или по крайней мѣрѣ могъ надѣяться, что добился. Я совѣтовалъ больному назначить наслѣдникомъ всего своего состоянія своего сына, признавъ его передъ свѣтомъ, и уничтожить прежнее завѣщаніе, которымъ единственнымъ наслѣдникомъ назначался братъ его, графъ Лудовико, человѣкъ хорошій, почтенный, но и безъ того очень богатый; впрочемъ я не совѣтовалъ ему забывать его совсемъ въ завѣщаніи. Онъ просилъ меня прислать ему нотаріуса;

и послалъ ему молодого доктора Макки, который долженъ былъ наблюдать за правильностью формы завѣщанія, такъ какъ маркизъ не имѣлъ объ этомъ понятія. Черезъ доктора Макки я знаю, что завѣщаніе было написано собственноручно маркизомъ, подписано имъ и положено на храненіе съ другими бумагами. Дѣло это оставалось тайной между мной, нотариусомъ и маркизомъ. За два часа до смерти онъ сказалъ мнѣ: вотъ вамъ ключи отъ моего кабинета, тамъ въ бюро то, чего вы желали, чтобы я сдѣлалъ... Вотъ и все. Впрочемъ я завѣщанія не видалъ.

— Очевидно, что завѣщаніе похищено, сказалъ судья послѣ минутнаго размышленія. Но тутъ открывается цѣлое море для предположеній, и нѣтъ никакихъ указаній, пока не отыщется похититель. Съ другой стороны графъ Лудовико...

— О, онъ уѣхалъ за нѣсколько часовъ до смерти брата... уѣхалъ съ сыномъ.

— Стало быть, съ этой стороны не можетъ быть никакихъ предположеній.

— Притомъ, повторяю, графъ—человѣкъ безупречный.

За этими словами послѣдовали нѣсколько минутъ молчанія, послѣ чего священникъ сказалъ:

— Вашему превосходительству не мѣшало бы поговорить съ нотариусомъ Макки. Онъ видѣлъ завѣщаніе; быть можетъ, ему извѣстно что нибудь больше.

Судья всталъ.—Не хочу терять времени, сказалъ онъ, сейчасъ же ѣду къ доктору Макки.

— Онъ живетъ въ кварталѣ Делле—Граціэ.

— Знаю. Вы извините меня, преподобный синьоръ настоятель, если необходимыя формальности принудятъ меня пригласить васъ въ преторію, прибавилъ онъ, прощаясь съ священникомъ. И сѣвъ въ карету, отправился къ нотариусу.

Но по дорогѣ ему пришло въ голову, что приличнѣе будетъ послать за нотариусомъ, чѣмъ самому ѣхать къ нему, потому что это было бы отступленіемъ отъ общаго правила, дозволеннымъ только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ отношеніи такой особы, какъ настоятель.

По этому онъ вернулся въ преторію и послалъ карету за нотариусомъ, который не заставилъ себя ждать и повторилъ почти

слово въ слово все сказанное настоятелемъ, прибавивъ только въ заключеніи:

— Впрочемъ, ваше превосходительство, изъ того, что я продиктовалъ завѣщаніе и что маркизъ собственноручно написалъ его, не слѣдуетъ. чтобы онъ не могъ потомъ разорвать его; вы знаете, что у него ничего не было вѣрнаго; стало быть, воровство могло быть совершенно безцѣльно.

— По какому поводу вы мнѣ это говорите? спросилъ судья.

— Безъ всякаго повода. Мое мнѣніе такое, что если бы опекунъ ребенка вздумалъ затѣять тяжбу съ братомъ маркиза и если второе завѣщаніе не отыщется, то всякій можетъ думать, что ему угодно, но законнымъ наследникомъ все таки будетъ графъ.

Судья нечего не отвѣчалъ и отпустилъ нотариуса.

Нѣсколько минутъ спустя вышелъ чиновникъ и доложилъ его превосходительству, что его желаютъ видѣть гг. инспекторы Герцогскаго театра.

— Знаю, въ чемъ дѣлю, сказалъ судья и велѣлъ ввести ихъ.

Гг. инспекторы Герцогскаго театра пришли просить у судьи разрѣшенія тенору Амореволи пѣть вечеромъ въ театрѣ, представляя, что существуетъ обязательство по отношенію къ публикѣ и что съ публикой шутить нельзя; если г. судья разрѣшитъ, они обязуются всякій вечеръ по окончаніи представленія препровождать пѣвца обратно въ руки правосудія.

Судья отвѣчалъ, не только не видитъ никакого препятствія къ исполненію ихъ желанія, но считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все зависящее для удовлетворенія публики; что слѣдовательно, все зависитъ отъ состоянія здоровья самого тенора, и тотчасъ послалъ къ нему осведомиться о его здоровьи и передать ему желаніе гг. инспекторовъ. Къ ихъ великому удивленію и удовольствію посланный вернулся съ отвѣтомъ, что Амореволи чувствуетъ себя вполне расположеннымъ пѣть вечеромъ.

Но оставимъ преторію и судью и обратимся къ доннѣ Клеин, которую мы оставили въ два часа ночи въ ужасной тревогѣ.

Ей пришлось въ это утро отправиться съ визитомъ къ одной знакомой дамѣ, и можно представить себѣ, что испытала она, слушая рассказы и разговоры о ночномъ происшествіи. До слуха ея дошло и открытіе объ окнѣ комнаты Гауденца, потому что это извѣстіе и безъ телеграфа распространилось изъ кафе Греко

по всему городу съ быстрогою молніею. И странное дѣло! Слушая эти толки, она думала, что желала бы лучше лежать погребенной, чѣмъ быть предметомъ ихъ, но въ тоже время въ глубинѣ ея души шевелилось какое то неприятное чувство, какая то досада на то, что никому въ голову не придетъ подозрѣніе, что Амореволи могъ быть въ саду для нея. Мы такъ гордились любовью любимаго человѣка, что намъ хочется хвастать ею передъ всѣмъ свѣтомъ, какъ бы ни было опасно это хвастовство. Но повтореніе, это чувство едва шевелилось на самомъ днѣ ея души, подавленное множествомъ другихъ противоположныхъ чувствъ, и при всякомъ взглядѣ, останавливавшемся на ней въ продолженіи этого разговора, она холодѣла и вспыхивала отъ смущенія и страха; и только при имени Гауденци едва не выдала себя, — такъ сильно было искушеніе крикнуть: нѣтъ, не она! Но самое сильное испытаніе ей пришлось выдержать вечеромъ, когда она должна была отправиться съ своимъ супругомъ въ театръ.

Ночное происшествіе, арестъ Амореволи, толки о немъ, его великодушное молчаніе, которымъ онъ все болѣе и болѣе затруднял свое положеніе, общее убѣжденіе въ его связи съ прекрасной Гауденци, — все это внушило всему населенію такую смертную охоту идти въ театръ, чтобы видѣть его, что пришлось выслать многочисленную полицейскую стражу для предупрежденія безпорядка. Нельзя вообразить себѣ того восторга, съ которымъ былъ встрѣченъ царь пѣнія, какъ его называли; неописаны были выраженія общей симпатіи къ нему и общаго негодованія на жестокую букву закона; и триумфъ тенора равнялся только оваціи оказанной Олимпійской танцовщицѣ. Амореволи и Гауденци, — эти два имени неразлучно весь вечеръ выкликались безъ отдыха широкой глоткой публики, — такъ восхищала всѣхъ связь этихъ двухъ прекрасныхъ, юныхъ существъ, эта гармонія пѣнія и танца!

Но въ театрѣ было два человѣка, въ которыхъ это выраженіе общественнаго мнѣнія возбуждало горькія чувства: Графиня Клеція замирала въ своей ложѣ, а внизу въ оркестрѣ, куда также проникали толки публики, они возбуждали цѣлую бурю въ душѣ первой скрипки.

VII.

Тріумфъ Амореволи и Гауденци былъ предвиденъ отчасти червымъ, но совершенно неожиданъ для второй. Не зная, чѣмъ объяснить его, она въ удивленіи обратилась съ вопросомъ къ тенору, который ничего не могъ сказать ей, потому что, догадываясь, почему публика оказываетъ ему этотъ восторженный пріемъ, онъ рѣшительно не понималъ, по какой причинѣ половина рукоплесканій достается на долю Гауденци.

Толки о любви тенора къ танцовщицѣ нанесли глубокую рану сердцу донны Клеми. Ревность обладаетъ необыкновеннымъ образомъ на изобрѣтеніе подозрѣній даже тамъ, гдѣ на это нѣтъ нисколько повода, а въ этихъ толкахъ для нея открывался обильный матеріалъ. Правда, ей было легко разубѣдить себя, припомнивъ, какъ было дѣло. Но едва затихали тревоги ревности, какъ въ душѣ графини возникали другія мучительныя мысли,—мысль объ опасности, грозящей со стороны мужа, мысль о гибели, ожидающей ея репутацію въ свѣтѣ, еслибы истина открылась. Она вспомнила, какъ одинъ изъ свѣтскихъ болтуновъ, войдя къ ней въ ложу, рассказывалъ при графѣ, что въ этотъ же вечеръ изъ преторіи послано Гауденци вѣжливое приглашеніе явиться завтра послѣ полудня къ полицейскому судѣ для дачи показаній относительно одного факта, который ей быть можетъ извѣстенъ. Это извѣстіе было справедливо. До судьи дошли толки о мнимыхъ отношеніяхъ Амореволи къ Гауденци, и онъ, приписывая молчаніе тенора великодушной деликатности, подумалъ, что быть можетъ будетъ легче получить откровенную исповѣдь отъ самой Гауденци и такимъ образомъ очистить отъ важнаго обвиненія человѣка, который былъ несомнѣнно невиненъ по убѣжденію всего свѣта, но передъ закономъ не могъ считаться невиннымъ.

Это извѣстіе подняло бурю въ душѣ донны Клеми. Въ ней явилось убѣжденіе въ справедливости слуха, и это убѣжденіе привело ее въ отчаяніе. Графъ и знакомый замѣтили, какъ при этомъ рассказѣ она взмѣнилась въ лицѣ и въ одинъ голосъ спросили, не дурно ли ей, но не настаивали, будучи далеки отъ истины. Но балетъ и опера кончились, занавѣсъ упалъ, лакей вошелъ въ ложу,

графъ и графиня сошли въ сѣни, сѣли въ карету и вскорѣ были дома; графъ съ утопченной вѣжливостью проводилъ графиню до порога ея комнаты и по обыкновенію удалился на покой въ свой апартаментъ. О, какая ночь настала для донны Клеми! Какая тоска, какая тревога! хуже всего было то, что ей некому было повѣрить своихъ душевныхъ страданій. Высказанное горе уже полгоря. Но у графини не было друзей; она по характеру была песключна къ дружбѣ, а съ другой стороны превосходство ея ума и знанія дѣлало ее предметомъ завистливаго нерасположенія женщинъ ея круга и заставляло ее въ видствіе этого держать себя особнякомъ.—Что же дѣлать? спрашивала она себя безпрестанно въ тоскливой безсонницѣ этой ночи. Каковы бы ни были отношенія Амореволи къ Гауденци, во всякомъ случаѣ онъ былъ арестованъ въ ту минуту, какъ бесѣдовалъ съ ней и выражалъ ей свои чувства,—и эта мысль была ей сладка; но если Амореволи во великодушію умалчиваетъ ее имя, то ей нельзя допустить, чтобы подлое съ ея стороны молчаніе навлекло на него всѣ послѣдствія гнуснаго обвиненія. Въ этихъ мысляхъ и при возрастающей потребности кому нибудь довѣриться, она вспомнила объ одной женщинѣ, съ которой ей случилось впрочемъ говорить только два раза въ жизни. Но эта женщина была въ Миланѣ предметомъ общей любви, общаго удивленія и уваженія, и какъ ни мало знала ее графиня, но довольно, чтобы имѣть дружбу подобной женщины. Графиня знала, что она часто бываетъ доброй совѣтницей, благодѣтельной посредницей во многихъ важныхъ дѣлахъ, и ей пришло въ голову обратиться къ этой женщинѣ. Ее звали донна Паола Пьетра; строгая, какъ древняя Корнелія, она всегда носила трауръ по мужѣ и занималась воспитаніемъ двухъ своихъ сыновей.

Эта женщина была знаменита не только во всей Италіи, но и во всей Европѣ, потому что, будучи монахиней въ монастырѣ св. Радегонды, бѣжала изъ него. не признавъ насилія, которое принудило ее къ обѣту.

Мы заимствуемъ рассказъ о ней изъ книги отца Бенвенути, монаха миланскаго монастыря св. Амвросія, книги, которая находится въ Берской библиотекѣ и озаглавлена: «Краткій отчетъ о похожденияхъ синьоры донны Паолы Пьетро, бѣжавшей изъ монастыря св. Радегонды въ Миланѣ въ 1730 г.».

VIII.

Императоръ Карлъ VI, къ которому Ломбардія перешла во владѣніе отъ испанскихъ королей, былъ поклонникъ испанской государственной системы, и потому понятно, каково было при немъ управленіе страной, несмотря на его личную доброту. Произволь власти замѣнялъ всякую справедливость; историческое право было такъ всецѣльно, что право естественное и рациональное казалось въ самомъ дѣлѣ утопіей сантиментальныхъ философовъ. Поэтому царствованіе Карла VI было временемъ сильнѣйшаго господства аристократіи. Всякій недворянинъ считался животнымъ, которое можно терпѣть только, пока оно служитъ какъ лошадь или волъ, а при первомъ возмущеніи въ немъ естественнаго инстинкта самозащиты, оно извергалось изъ общества, какъ вредное и опасное. Сенатъ, который при испанскомъ владычествѣ привыкъ считать себя верховной властью, отъ котораго зависѣли безусловно жизнь, свобода и достоиніе всякаго гражданина, при Карлѣ VI еще возвысился въ своемъ значеніи, потому что не встрѣчалъ, какъ при испанскихъ короляхъ, деспотическихъ намѣстниковъ, противоположавшихъ его произволу свой собственный.

Когда народъ осужденъ пестить иго двухъ властей, тираническихъ и несправедливыхъ, но другъ другу враждебныхъ, онъ можетъ хоть временами, хоть случайно находить облегченіе и правосудіе; но когда есть только одна такая власть, то подданнымъ остается грызть себѣ руки, потому что имъ воспрещено даже стономъ выразить свое страданіе. Фактъ, который мы сейчасъ расскажемъ и который засвидѣтельствованъ архивами сената, можетъ дать понятіе о безконечномъ произволѣ и жестокости этого правительства.

Кто былъ студентомъ въ гимназій, лицеѣ или въ университетѣ дѣтъ 15—20 тому назадъ, тотъ слышалъ вѣроятно, какъ во времена еще не очень отдаленныя, школьники умѣли обычай организоваться въ отряды и заводить между собой распри подъ разными предлогами, чтобы имѣть поводъ къ стычкамъ. Школьники гимназій и лицея Сандъ-Алессандро были, напримѣръ, заклятыми врагами гимназистовъ Санта-Марта и Брерскихъ; послѣдніе, не терпя обидъ,

отражали неприятеля рукой. вооруженной школьническими снарядами, липейками, ппшалами, ремнями и даже верочипными пожарами, вследствие чего шуточная вражда переходила въ настоящую, антипатія въ ненависть, и шалости кончались серьезными несчастіями, огорчавшими семейства. Часто атакуемые дѣлались атакующими, и ополчили Брерской гимназіи, пчѣвшіе сильный резервъ въ ученикахъ рисовальной школы, вооруженныхъ угольниками и конвасами, переносили войну за предѣлы своей области, и, какъ древніе римляне, преслѣдовали неприятеля до самыхъ его обиталищъ. Улица дель Фьено и площадь Императорской Гостиницы, подобно полямъ Замы и Карфагена, говорятъ еще объ этихъ войнахъ тому, кто умѣетъ допрашивать ихъ. Мы сами помнимъ, какъ нѣкоторые школьники класса реторики, еще поминшіе эти славные времена, смотрѣли на насъ, первокурсниковъ, съ тѣмъ презрительнымъ сожалѣніемъ, съ какимъ ватерлооскіе ветераны смотрѣли на молодежь времени реставраціи.

Эти прискорбные обычаи теперь по счастью совершенно исчезли, но въ прошломъ нѣмѣ были въ полной силѣ. Чѣмъ суровѣе и можно сказать тиранничѣе было домашнее воспитаніе нашихъ отцевъ, тѣмъ сильнѣе проявлялась въ молодежи реакція противъ него, какъ скоро юноши чувствовали себя внѣ родительскаго надзора. Не имѣя возможности свободно дышать дома подъ строгимъ окомъ грознаго папашы, они предавались отчаяннымъ безумствамъ внѣ дома, и съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ короче было время свободы. Послѣдствія этой системы воспитанія были печальны. Натуры даровитыя и живыя еще необуздавнѣе другихъ предавались безчинствамъ и безпорядкамъ. Они не ограничивались междуособными драками; часто во времена перемирія они искали и находили другое поприще, чтобы излить свой пылъ, тѣмъ болѣе неудержимый, чѣмъ больше сдерживали его дома непреклонный взоръ отца, а въ школѣ—насухленная фізіономія отца профессора, какого нибудь іезуита или барнабита; тогда они изливали свой пылъ на проходящихъ, выбирая жертвой какую нибудь уродливую личность, какую нибудь комичную фигуру, какую нибудь старуху, продающую кабалестическія книги и слывущую кодуней.

Иногда же студенты высшихъ классовъ, собравшись грозной толпой, потѣшались, производя расправу надъ людьми, справедливо заслужившими осмѣяніе и презрѣніе; эти штуки бывали лишены остроумія и смѣшили весь городъ. Такъ случилось слѣ-

дующее происшествіе. Нѣсколько воспитанниковъ Бресской гимназіи, юноши старшихъ классовъ, лѣтъ по 15—16, вышли толпою по окончаніи классовъ изъ главныхъ воротъ училища и пошли по улицѣ, шумя, задѣвая проходящихъ, лавочниковъ, привратниковъ, лаврейныхъ лакеевъ и кучеровъ и проч., вдругъ одинъ изъ нихъ, придумавъ лучшее развлеченіе, обратился къ товарищамъ и сказалъ: поидемте посмотрѣть поваго швейцара сенатора Гольдони. Вы знаете, маркизъ, желая слѣдовать модѣ, отпустилъ прежняго, красиваго швейцара и досталъ себѣ карлика, до того уродливаго, что я ничего подобнаго не видалъ; и представьте—онъ не терпитъ, чтобы оставалывались смотрѣть на него; когда на него улыбнутся, онъ рычитъ какъ собака, страшно ругается, а то даже хватается за свою булаву. Сенаторъ Гольдони все это знаетъ и очень гордится этимъ приобрѣтеніемъ, а когда узнаетъ, что его карликъ хватилъ когонибудь булавою по головѣ или по спинѣ, то даетъ ему двойную плату и двойной обѣдъ.—Эта рѣчь развеселила компанію, и она тѣмъ же маршемъ направилась къ palazzo Гольдони. Прибывъ туда и увидавъ карлика швейцара, надменнаго, надутаго, съ злобною и нахальною харею, они расположились передъ нимъ полукругомъ и залѣли хороше стиска, бывшіе тогда въ ходу и содержавшіе въ себѣ выраженія, точно нарочно придуманныя для этого случая. Карликъ разъярился, началъ ругаться и грозить и вскорѣ по обыкновенію принялся за свою длинную и тяжелую булаву и сталъ колотить ею направо и налево. Но онъ былъ одинъ, а юноши были опыты въ дракахъ и ловки; они живо обезоружили его, завертели какъ волчокъ и покатали по улицамъ, награждая цинками, толчками и загрещинами среди общаго хохота.

Поднялся такой шумъ и несчастный карликъ такъ вопилъ, что прибѣжала полиція. Тогда школьники повинили карлика и хотѣли бѣжать; но толпа вокругъ нихъ была такъ густа, что сбирь могли захватить самыхъ старшихъ, выпустивъ мелочъ. Карликъ былъ отведенъ въ свою швейцарскую. Четырехъ захваченныхъ юношей отправили къ капитану юстиціи въ кандалахъ, какъ разбойниковъ. Будь карликъ какойнибудь простой бѣднякъ, сбирь быть можетъ приняли бы участіе въ потѣхѣ надъ нимъ, но, узнавъ въ немъ швейцара сенатора Гольдони, сочли долгомъ защитить его съ усердіемъ вассаловъ и проводить его домой со всѣмъ почтеніемъ, должнымъ такой важной особѣ. Судьи, аудиторы, нота-

риусы и писаря капитана юстиции смотрѣли съ изумленіемъ и съ ужасомъ на четырехъ преступниковъ, осмѣлившихся задать встрѣнку швейцару сенатора. Самъ сенаторъ при извѣстіи о случившемся, поблѣднѣлъ отъ негодованія и поклялся жестокой мести, которая послужила бы урокомъ для черни; выскочивъ пѣ за обѣда и оставивъ своихъ гостей въ волненіи и горѣ, онъ пошелъ къ президенту сената, который не менѣе его ужаснулся и вознегодовалъ. Онъ созвалъ на чрезвычайное засѣданіе сенатъ, какъ будто отечество было въ опасности, и пригласилъ на собраніе капитана юстиции и его викарія, какъ водилось въ случаяхъ особенной важности. Капитанъ, уже допросившій юношей, прочелъ сенату протоколъ, представляя дѣло, какъ явный актъ открытаго бунта и требуя строжайшаго наказанія. Хотя большинство сенаторовъ было до того ослѣвлено кастовой гордостью, что видѣло въ этой шалости очень важное преступленіе и потому не находило преувеличеннымъ мнѣніе капитана юстиции, пошло нѣсколько голосовъ, высказавшихся противъ него. Причиной этого было то, что въ числѣ арестованныхъ юношей, оказался одинъ знатный дворянинъ, донъ Джовани Пьетра, сынъ графа Франческо Брунонъ-Пьетра. Вотъ почему нѣкоторые судьи хотѣли смягчить вину обвиненныхъ. Но это оказалось тщетно. Случилось дѣло неслыханное, дѣло, котораго на первый взглядъ можетъ показаться походить на неумолимую добродѣтель древне-римскихъ отцовъ. На другой день секретарь сената прочелъ въ засѣданіи письмо отъ графа Франческо Брунонъ-Пьетра, въ которомъ онъ просилъ сенатъ не задерживать ходъ правосудія ради знатности его фамиліи, ибо, говорилъ онъ, «уваженіе къ закону и къ власти и въ особенности почтеніе къ высокому величеству сената — выше всего». Вчерашніе голоса раздалсь снова съ выраженіемъ прискорбнаго удивленія, требуя отвергнуть посланіе, въ которомъ благоговѣніе къ власти заглушало человѣчность и оскорбляло самые ненарушимые законы природы; но и это было тщетно. Юношей приговорили къ смерти.

Этотъ графъ Брунонъ-Пьетра былъ довольно извѣстенъ въ Миланѣ волокитствомъ, мотовствомъ и безпорядочной жизнью. Еще въ первой молодости онъ промоталъ нѣсколько милліоновъ отцовскаго наслѣдства, а потомъ прожилъ одно за другимъ еще четыре боковыя наслѣдства. Ему приходилось положить зубы на

полку, когда въ него влюбилась хорошенькая маркиза Инчиза. очень богатая, потому что получила большое наслѣдство отъ своего крестнаго отца. Она вышла за него замужъ. Въ первые два года у нихъ родились мальчикъ и дѣвочка, которые не знали матери, умершей на третьемъ году замужства отъ жестокаго обращенія мужа. По видимому, причиною этого обращенія и преждевременной смерти жены была его скандальная связь съ нѣкоторой графиней Ферри, урожденной Альфьери, потому что графъ женился на ней, не дождавшея конца срока траура по женѣ, и вскорѣ имѣлъ отъ нея сына. Дѣти отъ первой жены, наслѣдники материнскаго состоянія, были отданы кормилицамъ, а сынъ отъ второго брака росъ дома, и вторая жена графа, имѣвшая на него безграничное вліяніе, внушила ему такую любовь къ этому ребенку, что онъ возненавидѣлъ старшихъ и сталъ тяготиться ихъ существованіемъ. Сначала это не обнаруживалось явно; но когда дѣти подросли, нерасположеніе къ нимъ отца дошло до того, что встревожило родственниковъ ихъ покойной матери, и они стали оспаривать у него опеку надъ дѣтьми; но графъ, ловкій и пронырливый, сумѣлъ повести дѣло такъ, что имъ было отказано въ просьбѣ. Однако, чтобы не дать повода къ новымъ жалобамъ, онъ сталъ обращаться съ дѣтьми хорошо. Дѣвочка, которая и была донна Паола, была помѣщена на воспитаніе по тогдашнему обычаю въ монастырь св. Радегонды. Мальчикъ воспитывался дома; отъ природы смѣшанный и живой, онъ скоро понялъ, что ему слѣдуетъ быть хозяиномъ въ домѣ, возненавидѣлъ мачиху и недолюбливалъ своднаго брата; чтобы не вооружить его противъ себя и не лишиться управленія его имуществомъ, графъ принялся баловать его, потворствовать всѣмъ его прихотямъ. Послѣдствія уже извѣстны.

Узнавъ о смертномъ приговорѣ, весь городъ взволновался, сожалѣя о несчастныхъ юношахъ и объ ихъ родителяхъ, и много было попытокъ смягчить жестокой приговоръ сената. Можно себѣ представить, какъ поразило всѣхъ извѣстіе о письмѣ въ сенатъ графа Франческо, который по своему положенію могъ легко остановить злодѣйство и за одно съ сыномъ спасти всѣхъ осужденныхъ.

Но общее негодованіе, хотя глубокое и искреннее, было не очень храбро, потому что зрѣлище такого безумнаго звѣрства не

подняло весь городъ, не побудило его возстать, чтобы вырвать юношей изъ рукъ палачей.

Такимъ образомъ казнь совершилась къ большому удовольствію второй жены графа; который могъ сказать себѣ въ утѣшеніе, что само провидѣніе избавило его отъ ненавистнаго старшаго сына; но оставалась дѣвочка, которой шель ужъ шестнадцатый годъ. Ей предстояло скоро выйти изъ монастыря и сдѣлать хорошую партію, какъ богатой наслѣдницѣ. Она была такимъ образомъ номѣхой для своего отца и мачихи. Правда, графъ Франческо наслѣдовалъ послѣ своего сына двѣ трети состоянія первой жены, но этого казалось мало второй женѣ; она рассчитывала, что все досталось бы ея сыну, если бы донна Паола погибла, подобно брату, или осталась бы навсегда монахиней въ монастырѣ, гдѣ воспитывалась. Но дѣвушка не обнаруживала никакихъ признаковъ призванія къ иночеству. Богатая и прекрасная собой, она притомъ обладала большимъ талантомъ къ музыкѣ и пѣнію, талантомъ, который еще болѣе развился подъ руководствомъ знаменитой наставницы, сестры Розальбы Гвендонн, регентши и органистки въ монастырѣ св. Радегонды. Донна Паола уже имѣла понятіе объ удовольствіяхъ свѣтской жизни. Всякій разъ, какъ она выѣзжала изъ монастыря къ отцу, она отправлялась съ визитомъ къ другимъ роднымъ, гдѣ ее принимали съ торжествомъ и говорили ей о предстоящей блестящей партіи. Вслѣдствіе этого, при всей своей скромности и хотя въ монастырѣ она была общей любимицей не только своей учительницы, сестры Розальбы, но и всѣхъ другихъ сестеръ и подругъ, она съ нетерпѣніемъ ждала дня выхода изъ монастыря на свободу. Наконецъ этотъ день и наступилъ. Но тутъ графъ Франческо объявилъ, что ему необходимо на время уѣхать, и сталъ уговаривать ее остаться въ монастырѣ до его возвращенія. Она осталась. Затѣмъ явились новыя предложенія, новыя проволочки, которыя она переносила безроотно, но неохотно. Наконецъ, однажды, отецъ намекнулъ ей на свое желаніе, чтобы она постриглась въ монахини. Дѣвушка была изумлена этимъ предложеніемъ и рѣшительно отвергла его. Отецъ не настаивалъ и притворился даже, будто находитъ справедливымъ этотъ твердый отказъ; онъ взялъ ее изъ монастыря и увезъ домой. Черезъ нѣсколько дней ворота палатцо Пьетра были заперты, потому что все семейство уѣхало въ деревню, въ глушь, въ Вальтели-

скія горы. Прошло два мѣсяца прежде, чѣмъ распространился слухъ объ ихъ возвращеніи. Къ общему изумленію отецъ тотчасъ повезъ донну Паолу въ монастырь св. Радегонды, гдѣ мать игуменьи вступила самой дѣвушкѣ услышала о желаніи ея поступить въ монахи. Въ два мѣсяца бѣдняжка такъ измѣнилась, что казалась вставшей изъ гроба. Неизвѣстно, что было съ ней въ горной глуши и какими жестокостями довелъ ее до этого рѣшенія. Но можно предполагать все. Какъ бы то ни было, черезъ годъ донна Паола была пострижена въ монахи. «Но, говоритъ монахъ, разсказу котораго мы слѣдуемъ, въ эту торжественную минуту она въ глубинѣ души своей заявила передъ Богомъ, что не дастъ своего согласія на это дѣло, къ которому вынуждена насильемъ». Въ своемъ несчастіи, въ тяжкомъ монастырскомъ одиночествѣ она утѣшала себя мыслью, что разорветъ связывающія ея узы и вырвется на свободу; въ этихъ мысляхъ она многіе годы сохраняла даже свѣтское платье въ убѣжденіи, что оно ей пригодится. Она не могла и представить себѣ, какимъ способомъ ей удастся выйти изъ монастыря, зная, что добиваться этого юридическимъ путемъ—нельзя и пытаться; но хранила вѣру въ освобожденіе.

Мы уже говорили, что весь Миланъ стекался въ монастырь св. Радегонды слушать духовную музыку и пѣніе. Жившій тогда въ Миланѣ маэстро Предіани, слѣдившій за всѣмъ, что издавалось тогда въ Италіи по части религіозной музыки, спѣшилъ препроводить всякое замѣчательное произведеніе знаменитой сестрѣ Розальбѣ, чтобы она познакомила съ нимъ публику своей мастерской игрой на органѣ и пѣніемъ устроеннаго ею неподобнаго хора монастыря св. Радегонды. Особенно рекомендовалъ онъ ей пьесы для двухъ голосовъ, которыя она несравненно исполняла съ сестрой Терезой Паолой Пьетра. Маэстро Предіани, дававшій уроки во многихъ знатныхъ домахъ, всегда оловѣщалъ городскую аристократію, которая тогда гонялась за всякими музыкальными новостями и интересовалась и церковной музыкой, когда въ монастырѣ св. Радегонды или въ соборѣ предстояло исполненіе какого нибудь замѣчательнаго произведенія. Поэтому, когда вышло въ свѣтъ и должно было исполняться въ монастырѣ св. Радегонды Ave maris stella Лео, весь городъ устремился въ монастырь.

Въ этой толпѣ находился одинъ англичанинъ по имени лордъ Краль, человѣкъ необыкновенный, рыцарственный и по характеру

энтузіастъ. Онъ услышалъ эту музыку, услышалъ трогательный голосъ молодой монахини, которая въ этомъ божественномъ пѣніи изливала всю свою скорбь съ такимъ чувствомъ, что слушатели, наслаждавшіеся чудной мелодіей, не могли удержаться отъ слезъ. Но больше всѣхъ былъ тронутъ и приведенъ въ восторгъ этотъ молодой человѣкъ; онъ сталъ разспрашивать о монахинѣ и, услышавъ исторію ея брата и ея безчеловѣчнаго отца, такъ заинтересовался ею, что началъ наводить болѣе подробныя справки, проникъ въ тайну ея души и узналъ объ ея отвращеніи къ монастырской жизни; тогда побуждаемый симпатіей и состраданіемъ, онъ предложилъ освободить ее и жениться на ней. Черезъ ея родныхъ онъ познакомился съ ней. Его предложеніе показалось такъ соблазнительно молодой монахинѣ, что ни опасности побѣга, ни разлука съ отечествомъ, ни чувство стыдливости и религіозности не превозмогли страстной жажды свободы. Въ религіозномъ отношеніи она считала себя въ правѣ нарушить насильственный обѣтъ, а въ другихъ—полагала, что бракъ съ освободителемъ охранитъ достаточно ея честь. Ее не остановило даже то, что женихъ ея былъ другой вѣры. Онъ принадлежалъ къ знатной англійской фамилии, которая давно переселилась во Францію, но должна была вернуться въ Англію вслѣдствіе отмены Нантскаго эдикта, такъ какъ оставалась вѣрна протестантизму.

Монастырскіе ключи хранились въ комнатѣ архива, дверь которой была также подъ ключемъ; поэтому пришлось перепробовать много ключей, прежде чѣмъ подобранъ подходящий. Тогда назначенъ былъ день и часть побѣга. Король, публично простившись съ пріятелями, уѣхалъ изъ Милана, но тайкомъ остановился неподалеку на виллѣ и черезъ нѣсколько дней, наканунѣ дня назначеннаго для побѣга, тайно вернулся въ городъ.

Въ назначенный часъ онъ съ нѣсколькими друзьями ожидалъ у воротъ монастыря, а по близости, у церкви св. Павла, стояла не готовъ карета. Между тѣмъ дѣвушка сняла съ себя монашеское платье и, одѣвшись въ мужской костюмъ, вышла. Тогда въ присутствіи свидѣтелей они дали другъ другу обѣтъ супружеской вѣрности и клятву обвиняться при первой возможности; затѣмъ, не теряя времени, они уѣхали изъ города.

Извѣстіе объ этомъ побѣгѣ надѣлало такого шума и возбудило столько толковъ, что долгое время о немъ только и писали въ

стихотъ, и въ прозѣ; одни въ негодованіи релігіознаго фанатизма безпощадно осуждали поступокъ молодой монахини, другіе защищали ее во имя гуманности и разума: но болѣе всего имѣлъ успѣха и быстро распространился въ тысячи рукописныхъ списковъ сокетъ. написанный ею самою въ свою защиту; не смотря на неправильность своей литературной формы, онъ такъ интересенъ по внутреннему содержанию, что мы приведемъ его здѣсь:

Donde n'entrai, m'involo alla ventura.
Porto meco l'onor, la fe nel core.
Benchè questo rassembri un grande errore,
Pianger dovrà chi lo mio mal procura.
So che al mondo non v'è legge sì dura,
Ch'obblighi un cuorse ad un sforzo amore.
Amo il decoro e sou dama d'onore.
Onde vincer sapró la mia sventura;
Qual combattuta pare in mezzo all'onde.
Oggi imploro dal ciel soccorso, aitta
Per arrivar le sospirate sponde.
Se fatuna o peziglio a m' s'empetra
Sia noto al mondo come fui tradita.
Se ben ebbi nel seno un cor di Pietra.

Я бѣжала оттуда, куда глаза глядятъ, унося съ собою честь и вѣру въ сердцѣ, хотя это можетъ показаться похожимъ на болѣе шой проступокъ, но пусть плачеть о немъ виновникъ моего несчастья. Я же знаю, что въ мірѣ нѣтъ такого жестокаго закона, который принуждалъ бы сердце насильно любить. Я люблю приличіе; я честная женщина и съумѣю побѣдить, злую судьбу; какъ корабль, угрожаемый волнами, я молю небо о помощи, что-бы достигнуть желаннаго берега. Но если судьба противъ меня ожесточится, то пусть всѣ знаютъ, какъ я была погублена, хотя въ груди моей было твердое сердце.—Въ послѣднихъ словахъ непереводимый каламбуръ: Pietra—Камень, скала, есть фамилія героини)

Изъ Милана бѣглецы отправились прямо въ Венецію, гдѣ прожили нѣсколько дней у соотечественниковъ лорда Крола, несмотря на то, что императорскій посланникъ и папскій нунцій осаждали правительство республики требованіями арестовать ихъ. Наконецъ имъ дали знать, что оставаться долѣе небезопасно; тогда донна Паола, продолжавшая носить мужской костюмъ, была пре

провождена ночью на английскій корабль, стоявшій въ гавани. а женихъ ея. сдаль ея капитану. отправился для большей безопасности на другой корабль подъ голландскимъ флагомъ. Они были предупреждены во время, потому что на другой же день по приказанію правительства была произведена обыскъ въ домъ, гдѣ они жили. Английскій корабль отправился изъ Венеціи въ Занте за виномъ для экипажа, но не могъ пробыть тамъ нужное время, потому что ночью пріѣхалъ на него племянникъ английскаго консула въ Занте и предупредилъ капитана, что дядя его разрѣшилъ губернатору произвести на кораблѣ обыскъ для поимки бѣглой монахини. Капитанъ снялся съ якоря и отплылъ отъ острова, приготовившись къ защитѣ на случай преслѣдованія и нападенія. На другой день дѣйствительно показались два венеціанскіе корабля; но увидавъ приготовленія къ защитѣ, вскорѣ прекратили преслѣдованіе. Между тѣмъ дона Паола была изъ предосторожности сиритана капитаномъ въ трюмъ, гдѣ ей пришлось высиживать нѣсколько часовъ. Когда опасность миновала и она вышла изъ этой могилы, весь экипажъ, знавшій ея несчастія, восторженно и шумно привѣтствовалъ ее. Вино взялъ въ другомъ мѣстѣ и послѣ не очень продолжительнаго плаванія прибыли въ Лондонъ, гдѣ донну Паолу встрѣтили сестры лорда Кроля и помѣстили въ приготовленномъ для нея домѣ. Между тѣмъ самъ онъ пробрался перелѣтѣй въ Венецію въ Анкону, оттуда въ Ливорно, а оттуда отправился въ Англію, куда прибылъ вскорѣ послѣ своей невесты.

Похожденія ихъ пахлзали въ Лондонѣ большого шума. Архіепископъ Кентерберійскій обратился къ дѣвушкамъ съ любезностями и съ предложеніемъ принять англиканскую вѣру: но она съ твердостью отвѣчала, что пріѣхала въ Англію не по религіозной причинѣ и не имѣетъ намѣренія мѣнять религію; она повторила это и самой королевѣ, когда та сдѣлала ей тоже предложеніе. Всѣ хлопоты ея были обращены только на то, чтобы найти въ Лондонѣ католическаго священника, который обвинчалъ бы ее съ лордомъ; но всѣ они отказывались вѣнчать ее, пока ея монашескій обѣтъ не расторгнутъ высшею духовною властью; поэтому она послала просьбу папѣ, но не получила на нее отвѣта. Тогда она рѣшилась ѣхать съ женихомъ во Францію, а оттуда, если понадобится, и въ Римъ, чтобы лично просить папу.

Въ одномъ французскомъ городѣ; гдѣ они должны были оста-

новиться, епископъ, которому была известна ихъ исторія, облетѣвшая всю Европу, принялъ мѣры для задержанія монахинь. Узнавъ объ этомъ, они послѣшно отправились въ Женеву, гдѣ вскорѣ само правительство предостерегло ихъ секретно, что они не выѣзжали изъ области, потому что на границѣ ихъ каралятъ; только съ помощью военныхъ хитростей удалось имъ вырваться въ Англію. Тамъ донна Паола прожила до 1732 года довольно спокойно, на сколько это было возможно въ ея исключительномъ положеніи и при той тревогѣ, которую возбуждали въ ея душѣ мысли о своемъ разрывѣ съ церковью. На свое счастье она встрѣтилась въ Лондонѣ съ однимъ купцомъ католикомъ, который взялся хлопотать о ней въ Римѣ черезъ своего корреспондента. Послѣдній взялся за дѣло съ жаромъ и выхлопоталъ папское брже съ отпущеніемъ и свободнымъ пропускомъ, дабы она могла въ шестимѣсячный срокъ лично явиться въ Римъ.

Получивъ это брже, донна Паола тотчасъ выѣхала изъ Лондона, хотя стояла суровая зима, подъ чужимъ именемъ проѣхавъ черезъ Францію и въ февралѣ 1733 года прибыла въ Римъ. Здѣсь по приказанію папы она должна была поселиться въ монастырѣ Младенца Іисуса. Дѣло ея было передано на разсмотрѣніе трибуналу Пенитенціаріи, къ которому было прикомандировано въ составъ чрезвычайныхъ членовъ пять кардиналовъ. Трибуналъ этотъ собирался нѣсколько разъ въ теченіи почти трехъ лѣтъ, и наконецъ только въ сентябрѣ 1735 г. единогласно рѣшилъ: *Constat de nullitate professionis*, т. е. разрѣшилъ донну Паолу отъ обѣта. Папа утвердилъ это рѣшеніе, и только тогда ей было позволено покинуть монастырь, гдѣ она жила все это время примѣрнымъ образомъ.

Добившись своей цѣли, донна Паола выѣхала изъ Рима и отправилась въ Англію соединиться наконецъ съ своимъ избавителемъ, который оставался вѣренъ ей. Но счастье ихъ было непрочнымъ. Послѣ трехъ лѣтъ супружества, лордъ умеръ, оставивъ ей двухъ сыновей. Донна Паола жила съ ними нѣкоторое время въ окрестностяхъ Рима и только въ 1743 г., послѣ тринадцати лѣтъ отсутствія, вернулась въ Миланъ, чтобы поселиться здѣсь навсегда. Это возвращеніе было очень неприятно тѣмъ, кто чувствовалъ себя виноватымъ въ ея несчастіяхъ, но въ публикѣ вызвало восторгъ, и ее привѣтствовали иллюминаціями и серенадами.

даме. Съ тѣхъ поръ она посвятила себя благотворительности, сдѣлалась утѣшительницей несчастныхъ, примирительницей семейныхъ раздоровъ, покровительницей угнетенныхъ; между многими подвигами ея благотворительности особенно обратила на себя вниманіе ея поѣздка въ Вѣну съ цѣлью выпросить у Маріи Терезы помилованіе юношѣ, убившему одного знатнаго господина, который оскорбилъ его невѣсту. Одаренная проникательнымъ умомъ, обогащеннымъ опытомъ, добродѣтельная, но безъ чепорности и ханжества, она была пріобрѣщеніемъ всѣхъ нуждавшихся въ помощи безъ различія званія.

IX.

Послѣ безсонной ночи дона Ксенія заснула къ утру, какъ всегда бываетъ съ несчастными, лишившимися покоя и забывающимися на короткое время передъ утромъ, какъ будто для того, что-бы при пробужденіи сильнѣе и живѣе ощутить свое горе или свою тревогу: Когда февральское солнце заглянуло въ ея окно, освѣтило ея спальную и ударило своими лучами ей въ глаза, она проснулась, какъ-бы пробужденная толчкомъ, подняла голову съ подушки, обвела комнату встрѣвоженнымъ взоромъ и, собравъ мысли, тяжело вздохнула. Она встала и стала одѣваться безъ помощи горничной, которую позвала послѣ нѣкотораго колебанія, тихо и нерѣшительно потянувъ звонокъ, она все дѣлала медленно, съ раздуміемъ, потому что въ ней боролись противоположныя мысли и намеренія. Горничная вошла и, молча, ожидала приказаній, потому что смущеніе и забота такъ ясно выразались на лицѣ графини, что никто не рѣшился-бы заговорить съ ней, горничная собралась уже выйти, когда графиня окликнула ее:

— Лучія?

— Что прикажете?

Графиня еще подумала и сказала:

— Позови мнѣ Джованни, сына кучера.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Джованни въ ливреѣ.

— Ты знаешь домъ Борromeo?

— Знаю.

— А знаешь старый домъ рядомъ?

— Знаю.

— Тамъ живетъ снѣбора донна Паола Пьетра.

— И ее знаю.

— Хорошо. Ступай къ ней. Спроси прежде, встала-ли она и принимаетъ-ли; но непременно дождись, чтобы она приняла тебя.

— Слушаю.

— Когда она позоветъ тебя, скажи ей, что ты посланъ отъ меня, что я желаю знать, въ которомъ часу ей удобно принять меня, чтобы переговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Но, скажи, что мнѣ во всякомъ случаѣ необходимо видѣть ее раньше полудня. Погоди... Если она скажетъ, что сама пріѣдетъ ко мнѣ, ты скажи ей, что мнѣ необходимо видѣть ее у нея въ домѣ. Отправляйся, не мѣшкая.

Слуга вышелъ, графиня бросилась на кресло, позвала горничную и, давъ ей кое какія приказанія, тотчасъ выслала. Она была въ большой перѣшности, такъ что отъ волненія не могла усидѣть на мѣстѣ. она уже раскаивалась, что послала къ доннѣ Паолѣ, это стало казаться ей неосторожностью и сумасбродствомъ. Затѣмъ ей приходила на умъ Гауденци и мысли о томъ, справедливъ ли слухъ объ ея связи съ Амореволи; она досадовала, что по разницѣ положенія въ свѣтѣ не можетъ, поѣхать къ ней. поговорить съ ней и вывѣдать отъ нея истину. Среди этихъ думъ вернулся посланный съ допесеніемъ, что донна Паола дома и ждетъ ее. Хотя она ожидала этого отвѣта, но, услышавъ его, почувствовала, что кровь хлынула ей въ сердце, и она едва могла прѣговорить:

— Скажи кучеру, чтобы запрягалъ и, когда будетъ готово, доложи мнѣ. Затѣмъ позвавъ горничную, сказала ей:—Позови сюда графскаго камердинера.

Послѣдній тотчасъ явился.

— Скажите графу, приказала она ему, что мнѣ необходимо тотчасъ отправиться къ доннѣ Паоло Пьетра, которому онъ знаетъ. по одному благотворительному дѣлу и что я вернусь къ полудню. камердинеръ поклонился и вышелъ.

Всѣ въ домѣ, начиная отъ графа до послѣдняго поваренка, были такъ проникнуты убѣжденіемъ въ умственномъ и нрав-

ственномъ превосходствѣ и въ непогрѣшимости графини, что никому и въ голову не приходило подвергать разбору ея дѣйствія, и она была полновластной хозяйкой.

Скоро ей доложили что карета готова, и она сѣла въ нее съ повязъ зампраниемъ сердца, и десять минутъ спустя была у дверей дома донны Паолы.

Слѣдую за слугой, который пошелъ докладывать о ней, она вошла въ приемную нижнемъ этажѣ, гдѣ ее встрѣтила хозяйка, вышедшая изъ сосѣдней гостиной,

Одного взгляда было достаточно этой опытной и проникательной женщиной, чтобы убѣдиться, что графиня прѣехала къ ней по собственному, а не по чужому несприятному дѣлу. Поэтому она удержала на губахъ готовую обычную фразу приветствія, которая могла обдаться холодомъ посѣпительницы, и вмѣсто того ласково улыбнулась ей и дружески пожала ей руку, желая ободрить ее этимъ знакомъ расположенія и участія, тѣмъ болѣе умѣстнымъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ менѣе давала къ нему повода отдаленность ихъ знакомства.

Они молча вошли въ салонъ и молча сѣли. Молчаніе продолжалось еще нѣсколько времени, такъ такъ донна Паола естественно ожидала, чтобы графиня заговорила первая; но видя ея нерѣшимость, она прервала молчаніе:

— По какому же поводу вы сдѣлали мнѣ честь посѣтить меня?

Донна Клеелія смутилась еще больше и, помолчавъ еще, отвѣчала!

— Очень важное дѣло, и вы одни можете помочь мнѣ...

Настало опять глубокое молчаніе. Графиня не рѣшалась исповѣдаться въ своемъ проступкѣ; ей предстояло однимъ словомъ лишить себя въ глазахъ женщины столь высокаго ума и нравственности того ореола добродѣтели, которымъ она была до сихъ поръ облачена въ глазахъ всего свѣта; лишить себя единственнаго преимущества, которымъ была украшена ея жизнь, потому что о своей ученой репутаціи она въ это время не помнила. Ей предстояло совершить, такъ сказать, нравственное самоубійство, правда, предписываемое долгомъ, но все же добровольное; по этому она колебалась и желала ухѣхать, не сказавъ ничего. Но поднявъ глаза, она увидѣла на лицѣ донны Паолы такое ви-

раженіе доброты и участія и вмѣстѣ съ тѣмъ острой проница-
тельности, что ей показалось, что та уже все знаетъ; по этому
она рассказала ей все, что намъ уже извѣстно, и въ заключеніе,
судорожно сжавъ руки доныи Паолы, воскликнула:

— Чтоже теперь дѣлать?

Донна Паола старалась въ теченіи разсказа сдержать выра-
женіе своего великаго удивленія и на вопросъ графини послѣ
мигнутаго молчанія отвѣчала съ выраженіемъ самой искренней
дружбы:

— Милая, дорогая моя, вы знаете, что дѣлать; знаете и уже
думали объ этомъ.

— Я?

— Вы, моя милая. Бываютъ обстоятельства, въ которыхъ
разсудокъ, долгъ, справедливость—все такъ ясно указываютъ
пути, который надо избирать, что и среди величайшей душевной
тревоги ужъ не можетъ не видѣть истины. По этому невозможно,
чтобы и вамъ не пришло на умъ то, что вы должны дѣлать. По-
тому страхъ, предразсудки, ложныя представленія могли, можетъ
быть, заглушить голосъ истины и внушить вамъ отвращеніе къ
истинному пути. Я это знаю, потому что сама испытала все это.
Но единственное спасеніе—оставить извороты, идти прямой до-
рогой и поступать по справедливости. Скажите же мнѣ правду,
дорогая моя, не приходило ли вамъ въ голову, что надо дѣлать?

— Ахъ, да, вы правы; но это ведетъ меня къ пропасти, ко-
торая пугаетъ меня.

— Понимаю..... Но надо исполнить то, что предписывается
долгомъ.

И она замолчала, принявъ почти строгій видъ.

— Великодушное молчаніе того, продолжала она потомъ, ко-
торого шалость—шалость конечно только по сравненію съ гнуст-
нымъ преступленіемъ въ которомъ его обвиняютъ—можетъ под-
вести подъ пытку, потому что такъ предписываетъ законъ, ду-
мающій выжимать правду изъ людей, какъ выжимается кровь изъ
открытой вены. это великодушное молчаніе предписываетъ вамъ
раскрыть истину передъ судомъ. Если для спасенія его нѣтъ дру-
гаго средства, кромѣ вашей откровенной и безстрашной исповѣди,
вы обязаны это сдѣлать. Вы должны спасти его и забыть его, и
никогда не видѣть его больше, и не ждать отъ него благодати, и

неслишкомъ тѣшиться мыслью, что снасти его, потому что вамъ мужъ все-таки остается вашимъ мужемъ.

— При этихъ словахъ графиня вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ отъ испуга, и, поднявъ глаза къ небу, воскликнула:—Я погибла!

— Вы дрожите, дитя мое, дрожите какъ листъ. Но ободритесь, разсудите... Вѣдь все это были только разговоры... Привада, оскорбленное самолюбіе и мысль объ обидѣ чести возбуждаютъ иногда ярость болѣе сильную, чѣмъ даже обманутая любовь. Но вашъ великодушный поступокъ уменьшитъ вашу вину въ глазахъ свѣта, и свѣтъ можетъ быть посредникомъ между вами и мужемъ и склонить его къ снисхожденію. Когда виновный некупаетъ свою вину съ великодушнымъ мужествомъ, вина ему прощается, и если бы вашъ мужъ не простилъ васъ, свѣтъ обвинилъ-бы. Но если бы дѣло дошло и до развода, вы унесли-бы съ собой изъ дома мужа общее уваженіе.

Графиня молчала, потому что съ одной стороны не находила никакихъ возраженій на совѣтъ донны Паолы, а съ другой, не могла еще рѣшиться обѣщать послѣдовать ему.

— Притомъ, продолжала донна Паола при вашемъ умѣ и при вашихъ необыкновенныхъ познаніяхъ вы и въ разводѣ найдете полное вознагражденіе за то, что потеряете.

— Повѣрьте, отвѣчала графиня, эти познанія далеко не могутъ наполнять пустоту жизни, которая предстоптъ мнѣ. Меня считаютъ гордой, но никто не можетъ судить меня строже, чѣмъ я сама сужу себя. Женщина только тогда можетъ предаться научной дѣятельности со смысломъ, если обладаетъ умомъ необыкновеннымъ, такимъ, который и между мужчинами составлялъ-бы исключительное явленіе. Я-же училась тому, чему меня учили, сначала изъ послушанія, потомъ по привычкѣ; но теперь я чувствую бесполезность своей учености; во мнѣ живутъ страсти, которыя давно успокоились-бы, если-бы нашли себѣ исходъ въ первой молодости; но мое нелѣпое воспитаніе задержало ихъ, и теперь я съ бесполезной ученостью и со всѣми женскими страстями глупа и не опытна въ жизни, какъ ребенокъ, такъ что самъ себѣ не довѣряю и сама себя боюсь.

Настало продолжительное молчаніе.

— Возьмите на примѣръ, продолжала графиня, такую необы-

новенную женщину, какъ Гаэтана Аньезе. Она могла и должна была предаться наукѣ. Природа сосредоточила въ ней всю силу нъ головѣ и дала ей сердце недоступное человѣческимъ увлеченіямъ. Только при этомъ условіи женщина можетъ пойти наперекоръ своей природѣ. Аньезе не только исключительная женщина; она великій человѣкъ между мужчинами; а-же просто несчастливѣйшая женщина. Самая репутація моя учености и холодности, репутація совершенно несправедливая, сдѣлаетъ мое паденіе въ свѣтъ еще тяжелѣе и позорнѣе.

Донна Паола была поражена послѣднимъ замѣчаніемъ графини, которое показалось ей убійственно справедливымъ; но вслѣдъ за тѣмъ она заговорила суровѣе прежняго какъ будто хотѣла въ самой себѣ побѣдить чувство жалости.

— Къ чему всѣ эти соображенія. сказала она, когда долгъ очевиденъ, и необходимо слѣдовать ему; каковы бы не были послѣдствія, ихъ брать въ расчетъ нельзя. Если бы за исполненіемъ долга васъ ожидала смерть, слѣдовало бы умереть; впрочемъ я говорю это къ примѣру, спохватилась она, раскаяваясь, что сказала лишнее и прибавила: Я увѣрена; что вашъ великодушный поступокъ встрѣтитъ общее сочувствіе.

Кледія посидѣла нѣсколько времени, молча, потомъ встала, съ благодарностью пожала руку донны Паолы и сказала.

— Если такъ, то вашъ совѣтъ будетъ исполненъ. Сегодня же поѣду въ Преторію... И всему будетъ конецъ.

Донна Паола обняла графиню.

— Позвольте; сказала она попросить васъ объ одномъ.

— О чемъ?

— Если бы вы переѣхали намѣреніе и если бы ничьяніе внушило вамъ какую нибудь другую мысль, ради Бога, пріѣзжайте прежде ко мнѣ, умоляю васъ.

— Да, я пріѣду, но только чтобы сказать вамъ какъ исполненъ вашъ совѣтъ.

Обѣ разстались, и графиня сѣла въ карету.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Еслибы читатель желалъ слѣдовать за графиней, мы къ сожалѣнію не могла сопутствовать ему, потому что должны обратиться къ другой особѣ, требующей нашего вниманія именно къ танцовщицѣ Гоубенци. Въ тотъ вечеръ, когда публика такъ восторженно выразила ей свое участіе, она, вернувшись въ уборную, нашла тамъ разсѣянаго изъ Приторіи, который предъявлялъ ей вызовъ въ полицію. Вслѣдъ затѣмъ снѣрь Лоренцо Врунъ, первая скрипка въ оперномъ оркестрѣ и капельмейстеръ въ балетномъ вошелъ къ ней изволнованнымъ, разгнѣваннымъ, растрепаннымъ и съ выторощенными глазами. Однако онъ удерживался отъ выраженія своихъ чувствъ, потому что театральныя правила воспрещали музыкантамъ входить въ уборныя, и если до сихъ поръ инспекторы смотрѣли сквозь пальцы на его восѣщенія, то потому только, что на то была воля всѣми боготворимой Гауденци, они воспользовались бы первой его выходкой. чтобы напугать ея объ уставѣ. Поэтому онъ только спросилъ Гауденци тихимъ и дрожающимъ голосомъ.

— Что случилось, Маргарита?

— Чѣмъ вы недовольны? Видите, какъ публика отъ меня съума сходитъ?

— Съума сходитъ, да.

— Можетъ быть вы недовольны, что половина ея рукописаній относится не ко мнѣ, а къ телору?

— Къ тенору, да..... къ тенору..... Но знаете ли, что говорить о васъ въ публикѣ? Знаете ли, почему вамъ аплодируютъ?

— Вотъ странный вопросъ! за что аплодируютъ? Забавно! За то, что мы хороши, божественны, какъ говорятъ приходящіе сюда франты; за то что Терпсихора годится вамъ въ горничныя какъ говоритъ театральнй поэтъ; словомъ за то.... Но что вы на меня такъ смотрите? Хороши вы сегодня, очень хороши, что съ вами? Сьума сошли?

— Сьума сошелъ? Я вамъ скажу, какъ я сьума сошелъ, я вамъ скажъ, что говорятъ о васъ въ публикѣ! Говорятъ..... И сказать стыдно!.... Что теноръ вылъзъ прошлой ночью изъ вашего окна, когда его взяла полиція.

— Ахъ, понимаю! Вотъ потѣха! И Гауденци покатила съ смѣха; успокоившись, она прибавила:

— Посмотрите, Лоренцо, что тамъ лежитъ на столѣ.

— Какъ? Вызовъ въ полицію?

— Да..... Но теперь я все понимаю; умора, умора!

Въ это время произпительный свистокъ дрижера заставилъ музыканта поспѣшно отправиться въ оркестръ а по окончаніи балета Гауденци, встрѣтивъ Бруни, сказама ему веселѣе прежняго:

— Прощайте, Лоренцо, вамъ надо хорошенько выспаться; завтра утромъ увидимся,—и съ этими словами порхнула и исчезла.

Утромъ Лоренцо Бруни не заставилъ себя ждать и явился въ маленькую, но изящно убранную квартиру Гауденци.

— Маргарита встала? спросилъ онъ ея тетку, горбатую и сморщенную, но хитрую старушку, которая, ревниво оберегала дѣвушку, какъ собака караулитъ добро, которое ей поручено охранять.

Едва онъ произнесъ имя Маргариты, какъ она однимъ прыжкомъ явилась изъ спальни въ пріемную, въ короткой юбкѣ и съ распущенными волосами; она положила ему обѣ руки на плечи, сдѣлала два или три быстрые battements и, ласково и лукаво улыбаясь, спросила:

— Выздоровѣли?—И съ этимъ словомъ снова разразилась звонкимъ смѣхомъ, смѣхомъ, въ одно и тоже время плебейскимъ и изящнымъ, похожимъ на музыку. Лоренцо, пришедшій въ мрачномъ расположеніи духа, невольно развеселился, и нахмуренный лобъ его разгладился передъ этимъ олицетвореніемъ красоты.

Заказ № 3206/13

Дата 24/VI

Микросъемка / экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

и 3-4

Наименование или
шифр издания

Уголь 1882

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

МАРТЪ ГОДЪ I АПРѢЛЬ

У С Т О И

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО—ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 3 и 4

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. На рубежѣ Азіи. (Очерки захолустнаго быта). Д. Сибиряка.	1
II. Фабричный бытъ Германіи въ связи съ современнымъ фабрич- нымъ строемъ Россіи. А. Погожева	52
III. Стихотвореніе. В. Лихачева	95
IV. Въ степи (продолженіе). Федосѣвца	196
V. Деревенская пророчница. (Разсказъ). Н. Н. Златовратскаго.	127
VI. Стихотвореніе. С. Надсона	152
VII. Движеніе поземельной собственности во Франціи. Поля Ла- фарга	154
VIII. Что дальше? (Этюдъ изъ обмѣнной жизни). М. Валицкой.	200
IX. Весталки. (Стихотвореніе). Н. Минскаго	217
X. Кольцо. (Новый разсказъ изъ калифорнійской жизни). Бретъ- Гарга	219
XI. То, чего не было. Всеволода Гаршина	266
XII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (приложеніе)	49—144
XIII. Народная школа въ Швейцаріи. А. Блюментля	1
XIV. Мнѣ и наука	40
XV. Научная хроника. (Новости теоретическаго и прикладнаго зна- нія). И. Д.	56
XVI. Внутреннее обозрѣніе. А. К—ова	73
XVII. Снѣговныя вершины Альпъ (Лорнъ, романъ графа П. А. Валуева). Н. Морозова	90
XVIII. Библиографія (I. В. В. Судьбы капитализма въ Россіи—Д. Ол- II. Стенли Джемонсъ. Основы наукъ, переводъ М. А. Антоновича. III. Балетоманъ, Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. IV. Н. Златоврат- скій. Деревенскіе будни—С. В. В. Ад. Б. Тайлоръ. Антропология. VI. Н. Алмшевскій. Что такое истинно-рус- ская государственная программа? Очеркъ современнаго социаль- наго положенія въ Россіи	113
XIX. О крестьянскомъ самоуправленіи. (Окончаніе). С.	142
XX. Умственный поворотъ въ польскомъ обществѣ. С. Венгерова	157
XXI. Объявленія	152

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Довродзева, Троицкій пер., № 10.

1882.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„УСТОИ“

Литературный, научный и политическій журналъ „Устой“ будетъ выходить въ 1882 г. ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

- 1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденція, судебные отчеты.
- 5) Политическій отдѣлъ: обзоръ жизни иностранныхъ государствъ.
- 6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.
- 7) Театръ и музыка.
- 8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.
- 9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, А. Д. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, Ф. Ф. Воропоновъ, В. В.,

